АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЫЙ

РЕДАКЦИЯ
А.М.ЕГОЛИН (глав.ред.), Н.Ф. БЕЛЬЧИКОВ,
И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН и С.А.МАКАШИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · МОСКВА · 5 · 4

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО – ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ДЕКАБРИСТЫ-ЛИТЕРАТОРЫ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · МОСКВА · 5 · 4

ГОД ИЗДАНИЯ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ

ОТ РЕДАКЦИИ

Изучение литературного наследия декабристов и розыски неизданных произведений декабристской литературы приобрели особенно широкий размах после Великой Октябрьской социалистической революции. Многочисленные публикации новых документов и материалов существенно дополнили наши представления о литературной деятельности первых русских революционеров и значительно обогатили ранее известный фонд их произведений. Только в советскую эпоху удалось впервые создать подлинно научные собрания сочинений выдающихся представителей декабристской литературы, а также критически проверенные и тщательно прокомментированные издания мемуарных памятников, принадлежащих перу видных участников освободительного движения начала прошлого века.

Несмотря на серьезные достижения в этой области, все же многие произведения декабристов, сосредоточенные в различных рукописных хранилищах, в центральных и периферийных государственных архивах, в собраниях частных коллекционеров, оставались до последнего времени невыявленными.

Два очередных тома нашего издания являются итогом специальных разысканий, осуществленных редакцией «Литературного наследства» во многих архивохранилищах нашей страны. В частности, в Москве разыскания производились в фондах Центрального государственного исторического архива (фонды: Следственной комиссии и Верховного суда по делу декабристов, Первой экспедиции и Секретного архива III Отделения, рукописных коллекций библиотеки Зимнего дворца, личные фонды Якушкиных, Муравьевых, Волконских, Тургеневых, С. П. Трубецкого, П. Н. Свистунова, И. И. Пущина, М. А. Фонвизина и др.), Архива внешней политики России, отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Центрального государственного архива древних актов, Центрального государственного военно-исторического архива, Центрального государственного литературного архива, отдела письменных источников Государственного исторического музея, рукописного сектора Государственного литературного музея, Государственной публичной исторической библиотеки, Научной библиотеки им. А. М. Горького при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова; в Ленинграде — в фондах отдела рукописей Института русской литературы Академии Наук СССР, филиала Центрального государственного исторического архива, филиала Центрального государственного военно-исторического архива, отдела рукописей Государственной публичной библиотеки РСФСР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Центрального государственного архива военно-морского флота, Государственного исторического архива Ленинградской области, Музея революции ИМЭЛС при ЦК КПСС, библиотеки Академии Наук СССР; в других городах Советского Союза— в фондах Ульяновского краеведческого музея, Государственного архива Псковской области, Одесского областного архива, Пятигорского государственного архива, Тульского краеведческого музея, Государственного архива Омской области, Государственного исторического архива Грузинской ССР и др.

В результате поисков, предпринятых с помощью сотрудников Главного архивного управления и государственных архивов, удалось обнаружить много остававшихся до сих пор неизвестными литературно-художественных, публицистических, мемуарных и эпистолярных произведений таких выдающихся деятелей декабристского движения, как К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, В. Ф. Раевский, А. И. Одоевский, Николай, Александр и Михаил Бестужевы, Никита Муравьев, М. Ф. Орлов, Г. С. Батеньков, В. Л. Давыдов, А. И. Якубович, Ю. К. Люблинский, Петр Колошин и др. Эти материалы значительно расширяют круг наших знаний о творческом облике наиболее замечательных декабристов-литераторов. В некоторых случаях удалось разыскать произведения таких участников декабристского движения, о литературной деятельности которых до сих пор не имелось никаких сведений.

Весьма плодотворными и совершенно неожиданными по своей значительности,— если учесть, как внимательно изучались в послереволюционные годы рукописи Рылеева и документы о нем,— оказались розыски неизданных материалов, связанных с литературной деятельностью этого виднейшего из декабристских поэтов, вождя Северного тайного общества. Прежде всего следует указать, что теперь удалось обнаружить часть бумаг Рылеева, захваченных на его квартире 14 декабря при обыске. Бумаги эти находились в делах Следственной комиссии и после казни поэта были присвоены делопроизводителем комиссии А. А. Ивановским, а впоследствии поступили к литературо-

веду В. Е. Якушкину, внуку декабриста. Якушкин частично опубликовал в журналах рылеевские материалы, полученные им в восьмидесятых годах. Но некоторая часть рылеевских бумаг того же происхождения поступила к Якушкину, повидимому, значительно позже, и он не успел изучить и опубликовать их. После смерти В. Е. Якушкина (в 1912 г.) никто из его потомков этими рукописями не заинтересовался. Вот почему в семейном архиве Якушкиных доныне оставались невыявленными интересные рукописи Рылеева. В настоящем томе «Литературного наследства» они публикуются впервые. Успехом увенчались розыски рылеевских материалов и в других архивных фондах Советского Союза. Итогом этих розысков является обширный раздел «Из неизданного литературного наследия К. Ф. Рылеева», охватывающий как художественные произведения Рылеева, так и его переписку, а также документальные материалы, по-новому освещающие различные стороны его многогранной деятельности.

Среди публикуемых материалов — неизвестные фрагменты «Дум», поэм и драматических произведений Рылеева, в том числе таких, как «Войнаровский» и «Наливайко». Особо следует отметить в этом разделе первоначальный текст предисловия к «Думам», проникнутый пафосом революционного просветительства. В подобном виде предисловие не могло появиться в подцензурной печати, и Рылеев вынужден был приглушить его революционное звучание, чтобы поместить в отдельном издании «Дум». Впервые вводится в научный оборот пролог к трагедии «Хмельницкий»,— интереснейшему замыслу Рылеева,— над которой поэт работал в последние недели перед восстанием. Широко и разносторонне освещены агитационно-сатирические песни Рылеева и Бестужева — «Царь наш — немец русский», «Ах, тошно мне и в родной стороне», «Вдоль Фонтанки реки». Новые списки этих песен (принадлежавшие, в частности, Михаилу Бестужеву, Вяземскому, Маркевичу, а также обнаруженные в деле братьев Критских) дали возможность установить их наиболее точный и полный текст.

В этом разделе впервые печатаются девять писем Рылеева и пять писем, адресованных ему. Специальная подборка посвящена публикации неизданных показаний Рылеева, а также относящихся к нему показаний двадцати двух участников Северного и Южного обществ. Этот раздел содержит ценные сведения о литературной и политической деятельности поэта-декабриста. Интересные факты, характеризующие молодого Рылеева, заключаются в воспоминаниях о нем его сослуживца по конно-артиллерийской роте А. И. Косовского; воспоминания рассыльного «Полярной звезды» знакомят читателя с бытовой обстановкой, в которой жил и работал Рылеев в 1824—1825 гг.

Последняя группа материалов — десять сообщений, касающихся различных эпизодов творчества и биографии Рылеева. Особо должны быть отмечены сообщения, в которых критически пересматривается вопрос о принадлежности Рылееву некоторых произведений. Так, стихотворение «По чувствам братья мы с тобой» входит во все послереволюционные издания сочинений Рылеева и приводится с его именем во всех декабристских антологиях. Оказывается, однако, что свыше 90 лет назад в печати появилось прямое указание, что стихотворение это написано А. Н. Плещеевым, а в 1912 г. в журнале «Русская мысль» были напечатаны два письма самого Плещеева, в которых он рассказывает историю создания своего произведения. Несмотря на это, начиная с 1917 г. вплоть до наших дней, все без исключения исследователи, занимавшиеся творчеством Рылеева, приписывали поэту-декабристу стихотворение, которое в действительности было написано в 1846 г., то есть через двадцать лет после его казни.

В разделе «Из неизданного литературного наследия В. К. Кюхельбекера» прежде всего следует назвать лекцию о русской литературе и языке, прочитанную Кюхельбекером в Париже в 1821 г. и за которую, по требованию русского посла, его выслали из Франции. Это событие получило в те годы широкую известность, оно нашло отражение в переписке современников, в их воспоминаниях. Исследователи долго, но тщетно разыскивали текст этой лекции. И лишь теперь, после того, как рукопись лекции пролежала свыше 130 лет под спудом, мы имеем возможность обнародовать ее. Кюхельбекер выступил перед французской аудиторией не только в роли пропагандиста русской культуры, но и высказал открытое осуждение самодержавно-крепостнического режима, выразив твердую уверенность в том, что русский народ «сломит, наконец, тиранство знати, столь же наглой, как и жестокой, и в этом будет его наивысшее право на признательность грядущих поколений». Лекция писателя-патриота отличается большой политической остротой и является одним из выдающихся документов декабристской мысли.

Существенное значение для понимания литературно-поэтических взглядов Кюхельбекера имеет впервые публикуемая статья его «Поэзия и проза», написанная в 1835 г. в каземате Свеаборгской крепости; в следующем году Кюхельбекер через III Отделение направил ее Пушкину для помещения в журнале «Современник», но статья была задержана и до Пушкина не дошла. Новонайденная статья определяет место Кюхельбекера в борьбе литературно-общественных направлений последекабрьской поры.

Впервые публикуется в настоящем разделе 51 письмо Кюхельбекера и 9 писем к нему. Письма эти дают значительный материал для биографии Кюхельбекера периода тюремного заключения и ссылки; они помогают понять душевное состояние поэта, его внутреннюю жизнь и, что особенно важно, всесторонне освещают его литературные интересы и занятия в годы пребывания в крепостях и в Сибири.

Мемуарная литература о Кюхельбекере пополняется ценными сведениями о нем в неизданных записках Н. Маркевича и А. Рыпинского. Маркевич освещает деятельность Кюхельбекера в качестве преподавателя словесности в Благородном пансионе при Главном педагогическом институте в 1817—1820 гг. Польский поэт и фольклорист Рыпинский рассказывает о пребывании Кюхельбекера в Динабургской крепости в 1829 г.

Раздел завершается четырьмя сообщениями. В первом приводятся новые данные, относящиеся к замыслу и к работе Кюхельбекера над трагедией «Аргивяне»,— ярким памятником декабристской драматургии. В двух других сообщениях идет речь о малоизвестных фактах литературной деятельности Кюхельбекера накануне 14 декабря и о розысках Кюхельбекера в декабре 1825 г. В последнем сообщении устанавливается принадлежность Кюхельбекеру статьи, посвященной лингвистическим вопросам и напечатанной в 1846 г. в «Отечественных записках» за подписью «—ъ».

В разделе «Декабристы — критики „Истории государства российского" Карамзина» собран новый материал для изучения исторических взглядов дворянских революционеров. Сюда входят две публикации, первую из которых составляют замечательные письма М. Ф. Орлова, непосредственный отклик на выход в свет в 1818 г. начальных томов «Истории». В этих письмах Орлов выступает против реакционных взглядов историографа, называя Карамзина «беспристрастным космополитом». Вторая публикация дает полные тексты тех частей критического разбора «Истории» Карамзина, которые Никита Муравьев успел выполнить. Критика Муравьева проникнута чувством горячей любви к родине. «Какой народ может гордиться, что претерпел столько бедствий, сколько славянский,— пишет Никита Муравьев в публикуемой работе. — Никакой народ не был столь испытан судьбою! Никакому, может быть, не готовит она такого воздаяния! Он был избран оплотом Европы против кочующих народов. Народ великий, чуждый вероломства и честолюбия». Из немалого числа некогда существовавших развернутых откликов декабристов на труд Карамзина до нас дошли лишь публикуемые в настоящем томе критические замечания Орлова и Муравьева. Но и по ним можно судить о том, как резко осудили представители декабристской мысли ту апологию самодержавия, которая являлась основой «Истории» Карамзина.

Завершается первый том большим исследованием — обзором, в котором расшифрованы, систематизированы и критически проверены все сохранившиеся разрозненные сведения о затерянных и утраченных литературных памятниках декабристского движения. Обзор не только дает сводку разбросанного документального материала, не только разъясняет судьбу многих и многих ныне неизвестных рукописных памятников декабристского движения, но содержит также прямые указания к дальнейшим розыскам затерянных произведений и тем самым наталкивает исследователей на путь новых поисков. Обзор воссоздает поистине замечательную картину того, что было сделано декабристами в области политической, экономической, исторической и философской мысли, называет существовавшие в свое время поэтические, прозаические, публицистические, литературно-критические и филологические произведения декабристов, указывает на их утраченные дневники и мемуары. Все это позволяет по-новому судить о богатстве и разнообразии вклада, внесенного декабристами в русскую национальную культуру.

Второй том открывают воспоминания «первого декабриста» В. Ф. Раевского. Сведения о существовании этой рукописи появились в печати восемьдесят лет назад, и вслед за тем было напечатано несколько отрывков из этих воспоминаний. Но вскоре рукопись затерялась и в дальнейшем считалась безнадежно утраченной. И лишь сейчас удалось ее найти. «Воспоминания» являются ценнейшим памятником по истории декабристского движения, особенно важным первоисточником по истории Кишиневской управы, организации Тайного общества, наименее освещенной в печати. Воспоминания В. Ф. Раевского интересны еще потому, что содержат первоклассный материал для изучения взаимоотношений Пушкина и декабристов и уяснения идейных основ творчества самого поэта-декабриста Раевского. Следующая публикация — «Неизвестные письма В. Ф. Раевского» — заключает в себе критический обзор уже известной части его эпистолярного наследия и вводит в научный обиход 12 новонайденных писем Раевского к Г. С. Батенькову, Д. И. Завалишину, П. Д. Киселеву, Д. Д. Куруте, С. И. Черепанову и др.; публикация освещает существенные этапы политической и литературной биографии «первого декабриста».

«Нас было пять братьев, и все пятеро погибли в водовороте 14 декабря»,— писал один из братьев Бестужевых. Неизданное литературное наследие трех наиболее выдающихся представителей этой семьи и входит в состав следующего раздела. Здесь впервые публикуется рассказ Николая Бестужева «Похороны», — одно из тех произведений, которые были созданы в «каторжных норах» Читинского острога. В этом рассказе писатель-декабрист выступает обличителем лицемерия и бездушия «высшего» общества. Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому вводят в литературную жизнь 1823—1825 гг. и характеризуют их автора как деятельного организатора и редактора декабристского альманаха «Полярная звезда». К другой исторической эпохе— ко времени Крымской войны — относятся письма Михаила Бестужева, адресованные его старому другу, адмиралу М. Ф. Рейнеке; они пронизаны глубочайшим патриотизмом и свидетельствуют об отношении декабристов к одному из знаменательнейших событий русской истории — к обороне Севастополя.

Публикация автобиографии Юлиана Люблинского, одного из основателей Общества Соединенных Славян, заполняет весьма существенный пробел декабристской историографии. Автобиография Люблинского приобретает особое значение еще потому, что ни одной его рукописи, ни одного письма до сих пор в печати не появлялось.

Литературное наследство А. И. Одоевского в значительной своей части погибло. Тем большую ценность представляет опубликование неизвестных его стихотворений и писем. Впервые издаваемые басни В. Л. Давыдова, принадлежавшего к числу близких друзей Пушкина, обогащают известный доселе фонд его произведений.

Никаких данных о литературном творчестве А. И. Якубовича до сих пор не имелось, существовало лишь предположение Пушкина,— высказанное им в письме, написанном за две недели до декабрьского восстания,— что автором одного произведения, напечатанного в ноябре 1825 г., является Якубович. Две части одной и той же рукописи Якубовича позднейших лет, найденные в различных архивохранилищах, подтвердили догадку Пушкина, так как и произведение 1825 г. и новооткрытую рукопись объединяет большая близость, доходящая, в частности, до полного совпадения в трактовке темы. Статья «Г. С. Батеньков-литератор», основанная на большом новом материале, показывает, насколько многосторонней была его деятельность на писательском поприще.

Отдельный раздел отведен литературным памятникам, относящимся к предистории и к раннему периоду декабристского движения. Первая публикация посвящена одному из примечательных произведений гражданской поэзии 1800-х годов — стихотворению Андрея Тургенева «К отечеству» и его патриотической речи в «Дружеском литературном обществе». Следующая работа —«„Рассуждение о непременных государственных законах" Д. И. Фонвизина в переработке Никиты Муравьева» — раскрывает то воздействие, которое имели на декабристские круги конституционные предположения замечательного русского сатирика,— «друга свободы», по определению Пушкина. Далее публикуется записка «Нечто о возмущении Семеновского полка», являющаяся ценным свидетельством современника о знаменитом солдатском восстании 1820 г., в большой степени повлиявшем на развитие революционных взглядов декабристов.

Разыскания и публикации, характеризующие связи крупнейших писателей эпохи с декабристами, составляют специальный раздел второго тома. Пушкину и его произведениям в этом разделе посвящены три работы: «„Деревня" Пушкина и антикрепостническая мысль конца 1810-х гг.», «Распространение вольнолюбивых стихов Пушкина П. П. Кавериным» и М. А. Щербининым и «Стихотворение Пушкина памяти сына С. Г. Волконского»; в последней работе анализируется вся совокупность обстоятельств, сопутствовавших возникновению этого отклика великого поэта на подвиг декабриста и самопожертвование его жены. Исследование «Мицкевич накануне восстания декабристов» раскрывает те страницы жизни великого польского поэта, которые буржуазными литературоведами или игнорировались или сознательно фальсифицировались; в исследовании убедительно доказывается близость Мицкевича к декабристским кругам в период его пребывания в России. В следующих работах приведены новые материалы по теме «Грибоедов и декабристы», а также о знакомстве Лермонтова с декабристами.

Раздел «Сообщения» открывается работой, посвященной ранним стихотворениям В. Ф. Раевского. Далее печатаются два неизвестных приказа М. Ф. Орлова, еще раз свидетельствующие о том, что он вел смелую борьбу с аракчеевщиной в армии; новые сведения о литературных отношениях С. И. Муравьева-Апостола; полный текст послания «К артельным друзьям»; материалы о поэтической деятельности Я. А. Драгоманова; о встречах декабристов с петрашевцами в Сибири в 1850 г. и др.

Заканчивается второй том исследованием «Живописное наследие Николая Бестужева», в котором обнародована исполненная им в Читинском и Петровском острогах большая серия акварельных портретов декабристов и их жен, последовавших за ними в Сибирь. Основой публикационной части исследования является коллекция портретов, принадлежавшая самому Бестужеву, над которой он работал двенадцать лет. После его смерти портреты были приобретены (в 1859 г.) у Е. А. Бестужевой К. Т. Солдатенковым; в 1901 г. Солдатенков умер, и следы этой драгоценной коллекции затерялись. Только теперь ее удалось разыскать. Некоторое количество портретов декабристов и их жен, а также пейзажных работ Бестужева обнаружено в архивах. Особо следует отметить, что оригиналы многих портретов и пейзажей кисти Бестужева безвозвратно погибли; в результате поисков удалось выявить случайно уцелевшие в разных местах фотографии двадцати таких произведений и воспроизвести их. Всего в исследовании публикуется до 150 работ Бестужева высокой иконографической и художественной ценности. Произведения эти дают полное основание ввести в историю русского изобразительного искусства имя виднейшего деятеля декабристского движения, которого Герцен назвал «одним из лучших, из самых энергичных действующих лиц великого заговора».

Редакция надеется, что настоящий двухтомник поможет осветить некоторые важные вопросы истории декабризма и окажет существенную помощь в изучении литературного творчества участников первого революционного восстания.

В редакционной работе над двухтомником принимала участие К. П. Богаевская, в подборе иллюстраций — Наталья Эфрос.

К. Ф. РЫЛЕЕВ

Рисунок неизвестного художника, 1820-е гг.

Справа рукою Ф. В. Булгарина: «Портрет Кондратия Федоровича Рылеева, найденный после его смерти в принадлежащей ему книге и подаренный мне его женою»

Сбоку помета П. А. Ефремова (?): «Подпись Ф. Булгарина»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

ИЗ НЕИЗДАННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ К. Ф. РЫЛЕЕВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

Кондратий Федорович Рылеев был виднейшим деятелем Северного тайного общества и, вместе с тем, самым значительным из поэтов-декабристов [1]. Творчество Рылеева полностью было подчинено требованиям революционной борьбы двадцатых годов.

На большое значение литературной деятельности Рылеева для освободительной борьбы того времени указывали уже ближайшие продолжатели дела декабристов. Н. П. Огарев своим предисловием к «Думам К. Рылеева» (изд. Герцена. Лондон, 1860) положил начало изучению наследия поэта-декабриста. Именно Огареву принадлежала первая характеристика литературной деятельности Рылеева, первый историко-литературный портрет его как поэта. «Рылеев, — читаем мы в предисловии Огарева,— был поэтом общественной жизни своего времени. Хотя он и сказал о себе: „Я не поэт, а гражданин", но нельзя не признать в нем столько же поэта, как и гражданина. Страстно бросившись на политическое поприще, с незапятнанной чистотой сердца, мысли и деятельности, он стремился высказать в своих поэтических произведениях чувство правды, права, чести, свободы, любви к родине и народу, святой ненависти ко всякому насилию». Прямой наследник декабристов, Огарев справедливо признавал «Думы» Рылеева «историческим памятником, которому не должно исчезнуть, памятником геройского времени русской жизни» [2].

Реакционные литературоведы конца XIX и начала XX в. сделали все, чтобы извратить героический облик поэта-революционера. Начало такому извращению положил Д. А. Кропотов, который изображал Рылеева человеком вполне примирительно относившимся к самодержавию и лишь «запутавшимся» [3]. Огарев сурово отозвался об этих «клеветах», распространенных каким-то «штукарем» в «катковско-леонтьевском» «Русском вестнике» [4]; однако клевета распространилась далее и проникла в биографические и историко-литературные работы о виднейшем поэте-декабристе. Так, А. Н. Сиротинин грубо фальсифицировал биографию Рылеева, доказывая, будто Рылеев был вовлечен в Тайное общество вопреки якобы присущим ему верноподданническим убеждениям. Старательно приглушая прогрессивное содержание поэзии Рылеева и, в частности, в высшей степени пренебрежительно отзываясь о его агитационно-сатирических песнях, Сиротинин в то же время восхищался «раскаянием» Рылеева после ареста и его стихотворениями 1826 г.; по мнению Сиротинина, они содержали в себе религиозное отречение от «земной суеты» [5].

Вслед за этой ультраконсервативной работой о Рылееве в 1908 г. появилась выдержанная в умеренно-либеральном духе книга Н. А. Котляревского. Он так же, как и Сиротинин, преуменьшал значение революционной деятельности декабристов. Котляревский утверждал, будто 14 декабря 1825 г., если и «должно войти в общую историю революционного движения в России, то только как самостоятельный, в себе замкнутый эпизод, не имевший аналогий в прошлом и связанный с последующим ростом революционных идей лишь слабой общей связью». Для либерала, каким являлся Котляревский, декабризм был только «вспышкой», ничем не связанной с реальной русской действительностью. По утверждению Котляревского, декабристы «учились не у жизни, а у Плутарха».

Рассматривая движение декабристов всего лишь как «трагедию мечты», Котляревский, естественно, должен был принизить, преуменьшить и политическую роль

Рылеева; он находил в вожде Северного общества «больше темперамента, чем политического глубокомыслия». Котляревский наделял «природную организацию» Рылеева «пассивной созерцательностью», «тихой работой мысли» и т. д. Сатира «К временщику», стихи «На смерть Чернова» и другие произведения Рылеева рассматривались Котляревским вне какой-либо связи с политическим движением двадцатых годов.

Котляревский отказывал произведениям Рылеева в художественных достоинствах. «...Везде и всегда в этих стихах,— утверждал он,— чувствовался недостаток поэзии, и ни одно из стихотворений не может быть названо художественно законченным или совершенным». Пренебрегая многочисленными свидетельствами современников поэта, Котляревский утверждал, что поэзия Рылеева не оказала сколько-нибудь значительного воздействия на русских читателей. «Число этих гражданских лирических стихотворений ⟨...⟩ очень ограничено и из них своевременно в печать попало лишь самое ничтожное количество. Вот почему говорить о влиянии этой лирики на умы современников в широком смысле этого слова едва ли возможно»[6].

Это суждение было весьма характерно для трусливого либерала, не представлявшего себе никакой печати, кроме «легальной» [7]. Оно находилось в непримиримом противоречии с исторической правдой: как известно, революционное слово в то время громко звучало *помимо* печати, расходясь по России в сотнях нелегальных списков. Припомним полные иронии слова Пушкина в его «Послании к цензору» (1822):

Радищев, рабства враг, цензуры избежал,
И Пушкина стихи в печати не бывали;
Что нужды? Их и так иные прочитали.

Стремление изобразить Рылеева либералом нашло выражение и в некоторых работах позднейшего периода, например, в пространной статье Н. О. Лернера, напечатанной в 1918 г. в «Русском биографическом словаре». Лернер называл сатиру Рылеева «К временщику» «дерзкой и резкой выходкой», «Думы» определял всего лишь как «ряд исторических картин в стихах, исполненных в духе умеренного либерализма, лишенных всякого протеста и проникнутых довольно скромной и невинной гражданской моралью». Лернер вновь повторял лживое сообщение Смирновой, будто бы Николай I не знал, что Рылеев был поэтом, и жалел, что не оставил его в живых. Подобно другим, Лернер клеветал на Рылеева, утверждая, что у него не было ни «определенной политической программы», ни «разумной революционной тактики» [8].

Киевский ученый В. И. Маслов выпустил в 1912 г. фундаментальное исследование «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева». Творческое развитие поэта было здесь впервые поставлено в связь с развитием русской литературы десятых — двадцатых годов. Наибольших успехов достиг В. И. Маслов в установлении литературных источников рылеевских произведений. Однако и этому исследователю не удалось отчетливо охарактеризовать политическую сущность литературной деятельности Рылеева. Исследователь не сумел показать, как от первоначальных подражаний Батюшкову Рылеев обратился к сатире на Аракчеева, не объяснил, что именно толкало Рылеева на путь политической агитации. Так же изолированно были исследованы Масловым и позднейшие произведения Рылеева: «Думы», «Войнаровский» и др. Подобно Котляревскому, Маслов не сумел оценить идейно-художественные достоинства агитационно-сатирических песен Рылеева и Бестужева.

И после того, как книга Маслова была им дополнена [9], в ней все еще оставались неразрешенными такие важнейшие проблемы, как, например, связь творчества молодого Рылеева с идеями Союза Благоденствия и Северного тайного общества. Об этом Маслов просто умалчивал, обходя, тем самым, наиболее существенные вопросы политического развития поэта-декабриста. Собрав большой и ценный материал для изучения жизни и деятельности Рылеева, Маслов оказался не в силах создать научную биографию поэта.

После Великой Октябрьской социалистической революции в изучении литературы, созданной декабристами, произошли коренные изменения. До революции читатели нашей страны были знакомы далеко не со всеми произведениями Рылеева, Кюхельбе-

кера и Бестужева; собрания их сочинений изобиловали бесчисленным множеством самых варварских купюр и искажений; купюры эти производились не только реакционными цензорами царской России, но и либеральными издателями.

Лишь в послереволюционное время, в 1934 г., вышли в свет два полные собрания произведений Рылеева: его стихотворения изданы были в серии «Библиотека поэта» под редакцией Ю. Г. Оксмана, его сочинения (со включением прозы и писем)—в издании «Academia» под редакцией А. Г. Цейтлина. В этих изданиях было впервые собрано и научно прокомментировано все, что к тому времени было известно из творческого наследия поэта-декабриста.

Появление изданий сочинений Рылеева вызвало усиленную разработку проблем его творчества. Особенно много сделали в этом направлении Ю. Г. Оксман, Н. И. Мордовченко, В. А. Гофман. Над изучением творчества Рылеева работал К. В. Пигарев, а также автор этих строк. Следует признать, что в изучении жизни и деятельности Рылеева допущено было немало серьезных ошибок. Исследователи Рылеева недостаточно тесно связывали его произведения с той русской действительностью, которая породила все его творчество, и склонны были преувеличивать политические колебания поэта.

Однако в процессе работы советским исследователям жизни и деятельности Рылеева удалось преодолеть формализм, вульгарную социологию и порочную методологию «школы Покровского». Отметая влияние антимарксистских учений, исследователи сумели показать национальную самобытность поэзии Рылеева, ее характерные для революционеров двадцатых годов идейно-художественные тенденции.

Успехи в этой области тесно связаны с работой советских историков. Чем пристальнее изучается история Северного тайного общества, тем яснее выступает революционная роль Рылеева в этой организации. Разрывая со старым представлением о Рылееве как о послушном ученике Муравьева, а позднее Пестеля, советская наука изучает Рылеева как одного из самых выдающихся руководителей движения декабристов. Революционный романтизм Рылеева советская наука рассматривает как своеобразную форму отражения противоречий русской действительности. Рылеев не отгораживался от жизни, как это было свойственно консервативным романтикам школы Жуковского, а вел энергичную борьбу за то, чтобы изменить действительность. Сатира на Аракчеева и ода на смерть Байрона, «Думы», «Войнаровский» и «Наливайко» заключали в себе революционное решение острых и злободневных проблем современной Рылееву русской жизни и прежде всего призыв к борьбе за низвержение самодержавно-крепостнического строя.

Для Вяземского, Давыдова, Дельвига, Баратынского характерен был процесс раннего и интенсивного творческого созревания. Эти поэты уже в юности вышли на широкую арену литературной жизни, создав значительные художественные ценности. Не так обстояло дело с Рылеевым, до двадцатипятилетнего возраста не создавшим ничего сколько-нибудь выдающегося. По его произведениям 1813—1819 гг. никак нельзя еще предугадать того бурного роста, который начался в 1820 г. и не прекращался до декабрьского восстания.

Только в 1820 г. наметилась основная, ведущая тема творчества Рылеева. Однако поэт продолжал искать все новые и новые формы выражения этой темы. Он продолжал неустанно развиваться. Творческую самостоятельность Рылеева метко охарактеризовал Пушкин. В январском письме 1824 г. к А. А. Бестужеву Пушкин отметил что «Рылеева „Войнаровский“ несравненно лучше всех его „Дум“, слог его возмужал и становится истинно повествовательным, чего у нас почти еще нет». В черновике того же письма сказано было еще решительнее: «Рылеева „Войнаровский“ несравненно лучше всего, что он написал...». В марте 1825 г. Пушкин спрашивал А. А. Бестужева: «Откуда ты взял, что я льщу Рылееву? — Мнение свое о его думах я сказал вслух и ясно, о поэмах его также. Очень знаю, что я его учитель в стихотв⟨орном⟩ языке — но он идет своею дорогою. Он в душе поэт. Жду с нетерпением Войнаровского и перешлю ему свои замечания. Ради Христа! чтоб он писал — да более, более». В февральском письме Пушкина к брату (1825) читаем: «По журналам вижу необыкновенное брожение мыслей; это предвещает перемену министерства

на Парнасе. Я министр иностранных дел и, кажется, дело до меня не касается. Если „Палей" пойдет как начат, Рылеев будет министром».

Похвалы Пушкина были Рылеевым вполне заслужены: его путь от ранних произведений (как, например, сатира «К временщику») к более поздним (как, например, поэма «Палей») был путем непрерывного и стремительного движения вперед. Сам Рылеев говорил: «я хочу прочной славы, не даром, но за дело» [10]. Он неустанно трудился, верно служа интересам русской литературы.

Творчество Рылеева не отличалось разнообразием жанров. Прозу Рылеев писал в начале двадцатых годов, опубликовав в печати далеко не все свои прозаические опыты. Дважды Рылеев обращался к драматургии, не дописав, однако, начатой им драмы о Мазепе и оставив после себя только начало трагедии о Богдане Хмельницком (то и другое опубликовано им не было). Рылеев-поэт почти целиком отдал себя лирике и эпической поэзии.

Лейтмотив рылеевского творчества отражал одну из важных тенденций политической жизни того времени. Рылеев родился в 1795 г., вскоре после того, как в истории Европы началась, по характеристике В. И. Ленина, новая «большая историческая эпоха». Это была «эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных — в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений» [11]. Передовые люди 1810—1820-х годов, и, в первую очередь, члены тайных обществ, боролись против господствовавшего в России самодержавно-крепостнического строя.

Сила Рылеева как революционного поэта заключалась прежде всего в том, что он сумел отразить декабристскую идею борьбы за «свободу» против «самовластия» и «деспотизма».

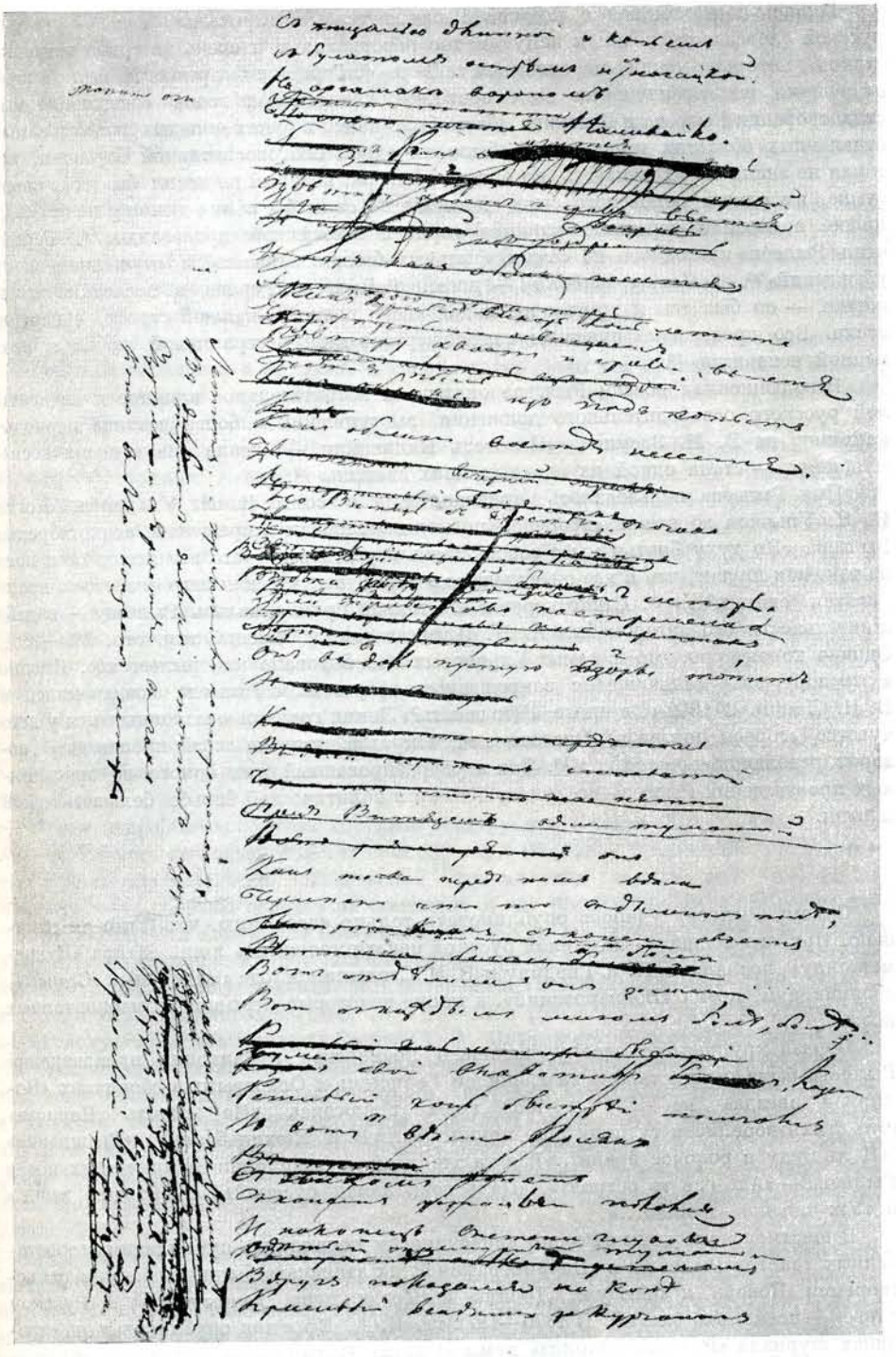
По своей политической целеустремленности автор «Дум» и «Войнаровского» был одним из самых выдающихся поэтов пушкинской поры. О Рылееве можно было бы сказать словами Лермонтова, что он

...знал одной лишь думы власть—
Одну, но пламенную страсть...

Защита нации, угнетенной «тиранами»,— главная тема Рылеева-поэта. Неуклонное раскрытие этой темы придавало творческому росту Рылеева большую стремительность. В то время как дарование Федора Глинки вполне определилось еще до 1820 г., а талант Александра Одоевского вполне развился только после 1825 г., литературная деятельность Рылеева обняла собою весь период подъема декабристского движения — с осени 1820 г. до зимы 1825 г. В пределах этого краткого, но чрезвычайно насыщенного исторического периода и происходил творческий рост Рылеева как поэта. Его с неизмеримо бóльшим правом, чем других, можно назвать певцом «героического периода» движения декабристов.

В гораздо большей степени, чем кто-либо другой из поэтов-декабристов, Рылеев способствовал формированию политического сознания прогрессивно и революционно настроенных читателей. Чтение «Дум» Рылеева в предгрозовой обстановке 1825 г. приводило прогрессивно настроенную молодежь к мысли «покончить с этим правительством», с властью «русских самодержцев» [12]. По свидетельству Огарева, поколение, к которому он принадлежал, знакомилось с творчеством декабристских поэтов еще в отроческом возрасте: и до 14 декабря, и вскоре после поражения декабристов «тетради ходили в списках по рукам». В этих тетрадях переписаны были стихи участников тайных обществ, и Рылеева в первую очередь. В своем стихотворении «Памяти Рылеева» Огарев писал:

Рылеев был мне первым светом...
Отец по духу мне родной!
Твое названье в мире этом
Мне стало доблестным заветом
И путеводною звездой.



АВТОГРАФ ОТРЫВКА НЕЗАКОНЧЕННОЙ ПОЭМЫ «НАЛИВАЙКО», 1824—1825 гг.
Лист 2
Центральный исторический архив, Москва

Герцен познакомился с поэзией Рылеева тоже в отроческие годы — учитель русской словесности носил к нему «мелко переписанные и очень затертые тетрадки стихов», которые ученик «переписывал тайком» [13]. Герцен с Огаревым не были в этом отношении исключением: на всем протяжении двадцатых годов «революционные стихотворения Рылеева и Пушкина можно было найти в руках молодых людей в самых отдаленных областях империи. Не было ни одной благовоспитанной барышни, которая не знала бы их наизусть, ни одного офицера, который не носил бы их в своей сумке, ни одного поповского сына, который не снял бы с них дюжину копий ⟨...⟩ целое поколение пережило влияние горячей юношеской пропаганды» [14]. Герцен чтил Рылеева как одного из самых «сильных бойцов за волю» и «мучеников своих убеждений» [15]. «*Поэт-гражданин,*— писал о Рылееве Герцен в последние годы жизни, — он был тем и другим в каждой своей поэме, в каждой строфе, в каждом стихе. Все проникнуто чувством самопожертвования, безграничной любви и пламенной ненависти» [16].

Революционная поэзия Рылеева оказывала воспитательное влияние и на деятелей русского освободительного движения, выступивших в более поздние периоды, например на В. И. Засулич. «Исповедь Наливайки, — писала она в своих воспоминаниях, — стала одной из главных моих святынь» [17].

Имя Рылеева пользовалось признанием и в семье И. Н. Ульянова. Когда И. Н. Ульянов во время «прогулок по полям» запевал запрещенное стихотворение Рылеева «По духу братья мы с тобой», дети «чувствовали, что эту песню отец поет не так, как другие, что в нее он вкладывает всю душу, что для него она что-то вроде „святая святых“...» [18]. Стихотворение это только приписывалось Рылееву — в действительности его автором был А. Н. Плещеев (см. настоящий том, стр. 285—288). Однако характерно, что в семье Ульяновых оно бытовало как рылеевское. Именно в эту пору еще мальчиком с запрещенным творчеством Рылеева познакомился и В. И. Ленин. В 1902 г. в книге «Что делать?» Ленин говорил о накопившемся у него чувстве «горечи против тех лжесоциал-демократов, которые своей проповедью „позорят революционера сан“...» [19]. Так перефразированный стих одного из программных произведений Рылеева послужил Ленину в политической борьбе большевистской партии.

II

Самому Рылееву удалось опубликовать только часть того, что было им написано. При его жизни в легальной русской печати появились лишь сатира «К временщику», послания к Н. И. Гнедичу и В. Н. Столыпиной, ода «Видение» и «Стансы», сборник дум, поэма «Войнаровский», а также некоторые отрывки из неоконченных поэм.

Первая крупная по своему значению посмертная публикация произведений Рылеева была осуществлена за границей Герценом и Огаревым: в сборниках «Полярная звезда» на 1856 и 1859 годы появились «На смерть Чернова» (это стихотворение в ту пору еще приписывали В. К. Кюхельбекеру), «Гражданин» («Я ль буду в роковое время...»), а также цикл агитационно-сатирических песен Рылеева — «Ах, где те острова», «Царь наш, немец русский», «Ах тошно мне...» и «Уж как шел кузнец...».

В шестидесятые годы в России эпизодически появлялись публикации второстепенных текстов Рылеева: в «Библиографических записках» были напечатаны стихотворения «Поверь, я знаю уж, Дорида» и «Когда душа изнемогала»; в «Русском слове» — несколько элегий. В 1870—1872 гг. П. А. Ефремов опубликовал на страницах журнала «Русская старина» думы «Голова Волынского» («Видение императрицы Анны»), «Владимир Святой», «Яков Долгорукий», отрывки из дум «Марфа Посадница», «Меньшиков в Березове», «Мнних», послания А. А. Бестужеву («Ты разленился уж некстати...» и «Хоть Пушкин суд мне строгий произнес...»), «Нечаянное счастье», эпиграммы и пр. Такова была вторая из посмертных публикаций произведений Рылеева.

В 1888 г. В. Е. Якушкин напечатал в «Вестнике Европы» стихотворение «Ты посетить, мой друг, желала...», сатиру «Путь к счастию», неоконченную думу «Вадим», а также несколько отрывков из поэмы «Наливайко».

Четвертая большая публикация появилась в 1912 г.: в приложениях к своей книге «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева» В. И. Маслов напечатал 49 ранних стихотворений поэта (в том числе «Путешествие на Парнас»), «Письма из Парижа» и прозаические отрывки.

Пятую из посмертных публикаций осуществил в 1934 г. Ю. Г. Оксман, который в собрании стихотворений Рылеева, вышедшем в «Библиотеке поэта», с возможной в те годы полнотой восстановил весь состав политической лирики Рылеева, дал наиболее точный текст его од, элегий, агитационных песен и поэм—«Войнаровский», «Наливайко», «Гайдамак», «Палей» и «Партизаны».

С выходом в свет этого издания, в котором были впервые учтены все рылеевские автографы, хранящиеся в архивах, и заново датированы все произведения Рылеева, литературное наследие крупнейшего из поэтов-декабристов, казалось бы, могло считаться собранным.

Однако исследователям предстояло обнаружить еще одну значительную часть рылеевского архива, а именно — рукописи, принадлежавшие А. А. Ивановскому. Известно, что этот чиновник Следственной комиссии, учрежденной по делу декабристов, питал отнюдь не бескорыстный интерес к литературе. Знакомясь с бумагами арестованных декабристов, он присвоил некоторые ценные автографы. Кое-что из этих бумаг Ивановский напечатал: в выпущенном им в 1828 г. альманахе «Альбом северных муз» им была, например, опубликована ода Рылеева «На смерть Байрона», разумеется, без упоминания фамилии автора. Исследователи жизни и творчества Рылеева упорно стремились разыскать собрание Ивановского. Задача была тем более трудна, что коллекция автографов разошлась по рукам. Маслов в своей монографии сообщал: «...покидая в 1839 г. службу, Ивановский сохранил у себя небольшое собрание документов, интересных для него как автографы знакомых ему писателей; здесь были собраны главным образом бумаги, принадлежащие декабристам» [20].

Более подробное сообщение о судьбе этих бумаг сделал в 1934 г. редактор полного собрания стихотворений Рылеева Ю. Г. Оксман, указавший, что все взятые рукописные материалы Ивановский держал под спудом два десятка лет и только перед смертью передал их помещику А. А. Шахматову. В саратовском имении Шахматова эти документы оставались до 1888 г., когда дочь помещика передала найденную ею случайно в отцовской библиотеке связку рылеевских бумаг В. Е. Якушкину, опубликовавшему, наконец, этот материал в «Вестнике Европы» (1888, №№ 11 и 12) и в «Русской старине» (1888, №№ 10—12 и 1889, № 2). Эта часть архива Рылеева, получившая название «Собрания А. А. Ивановского», поступила после Великой Октябрьской социалистической революции в Институт русской литературы (многочисленные фрагменты поэмы «Наливайко», наброски нескольких неоконченных дум и трагедии «Мазепа», послание «Ты посетить, мой друг, желала...», сатира «Путь к счастию», планы поэм, прозаических произведений и пр.). К этому же фонду принадлежал ранее тот автограф Рылеева (фрагмент перевода баллады Мицкевича), который в 1925 г. подарен был Е. Е. Якушкиным Музею революции СССР.

Как выясняется теперь, в этот же фонд входила раньше еще одна и гораздо большая по объему часть архива Рылеева. Мы имеем в виду бумаги, хранящиеся в настоящее время в Центральном государственном историческом архиве в Москве, в фонде Якушкиных. Есть все основания считать их последней, остававшейся до сих пор не известной частью фонда А. А. Ивановского. Она состоит из тех бумаг, которые были взяты флигель-адъютантом Дурново при аресте Рылеева, вечером 14 декабря, и доставлены в Следственную комиссию. После казни Рылеева бумаги эти должны были быть возвращены его вдове (см. об этом подробнее ниже, в сообщении «Имущественные дела Рылеева во время его пребывания в Петропавловской крепости»), однако то обстоятельство, что они не были описаны, и дало возможность Ивановскому,

чиновнику Следственной комиссии, а затем III Отделения, присвоить многие из автографов Рылеева. Пребывание этих автографов в руках Ивановского подтверждается и документально [21].

В черновике предисловия к публикации 1888 г. (оно сохранилось в Центральном государственном историческом архиве) В. Е. Якушкин писал: «В наших бумагах находятся еще несколько черновых набросков, доселе неизвестных, но по их отрывочности и незаконченности я не привожу их» [22]. Это заявление было им сделано и в печати: «Другие отрывки, черновые наброски, сохранившиеся в бумагах, весьма отрывочны и не отделаны, потому не представляют никакого интереса и не могут иметь значения для литературной биографии поэта» [23].

Если бумаги Ивановского уже находились в ту пору в распоряжении Якушкина, это его утверждение должно быть, конечно, признано неверным [24]. Но весьма возможно, что публикуемые нами рукописи Рылеева поступили к В. Е. Якушкину значительно позднее и он не успел обнародовать их (В. Е. Якушкин умер в 1912 г.).

Заметим в заключение, что автографы из фонда Ивановского долго хранились в ЦГИА в неразобранном виде. Они были описаны лишь в декабре 1950 г. Редакторам обоих собраний сочинений Рылеева, вышедших в свет в 1934 г., автографы эти остались неизвестными.

Уже одни рылеевские автографы из «собрания» Ивановского представляли бы, конечно, выдающийся интерес для читателей. Однако настоящая публикация «Литературного наследства» включает в себя документы не только этого собрания. Мы получили возможность присоединить к рылеевским автографам ЦГИА также многие материалы, хранящиеся в Москве: в Центральном государственном литературном архиве, Центральном государственном архиве древних актов, Архиве внешней политики России, Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина; в Ленинграде — в Отделе рукописей Института русской литературы, в филиале Центрального государственного исторического архива и в филиале Центрального государственного военно-исторического архива, а также в некоторых частных собраниях.

В результате обследования перечисленных здесь фондов и составилась настоящая, шестая по счету, публикация текстов Рылеева, которая не только не уступает в своей ценности предыдущим, но в некоторых отношениях и превосходит их.

Публикация «Литературного наследства» содержит новый материал для изучения всех жанров рылеевского творчества — поэзии сатирической и лирической, дум, поэм, агитационных песен и драматургии.

Новые тексты Рылеева открываются отделом, содержащим предисловие к «Думам» и тексты некоторых дум. В течение многих десятилетий оставалась неизвестной первая, доцензурная редакция этого предисловия, выдержанная Рылеевым в революционно-просветительском духе. По откровенному признанию автора, предисловие написано было им для того, чтобы «пролить в народ хотя бы каплю света»; оно яростно изобличало «деспотизм» и потому, разумеется, не могло пройти сквозь цензуру двадцатых годов. Оно превосходно характеризует идейный облик Рылеева в 1824 г., последовательный и быстрый переход поэта на республиканские позиции. Вслед за предисловием публикуются черновые варианты дум «Рогнеда», «Владимир Святой» и «Марфа Посадница», существенно дополняющие историю текста этих произведений. Особенно интересны строфы, изъятые из первопечатного текста цензурой; заключительная строфа думы «Ольга при могиле Игоря» содержит резкие выпады против «несправедливости власти».

Романтические поэмы Рылеева представлены в публикации «Литературного наследства» новыми отрывками, почерпнутыми из черновых рукописей «Наливайко» и «Войнаровского». Поэме «Войнаровский» посвящена статья Ю. Г. Оксмана, исследующая и характеризующая этапы работы поэта над «Войнаровским», сложную и запутанную историю создания этой поэмы.

Большую ценность представляет отрывок из неизвестной трагедии о Хмельницком. Наши сведения об этой трагедии до сих пор ограничивались сообщением

Ф. Н. Глинки. Рылеев собирался предпринять путешествие по тем местам Украины, где действовал Хмельницкий, но поездка эта не состоялась. Ни одного стиха из этой трагедии до сих пор известно не было. И вот теперь перед нами целая сцена, написанная Рылеевым незадолго до восстания, осенью 1825 г.! Текст этот является началом пролога к исторической трагедии, задуманной поэтом широко и своеобразно. В «Хмельницком» Рылеев раскрыл ту же тему национальной борьбы украинского народа за свое освобождение из-под ига шляхетской Польши, которая легла в основу его неоконченных поэм — «Наливайко», «Палея» и др. Даже этот сравнительно небольшой отрывок трагедии показывает рост реалистических тенденций в творчестве поэта-декабриста. Уже из «Пролога» видно, что трагедии были присущи некоторые черты реализма, проступающие особенно отчетливо в изображении борьбы украинских крестьян, восставших против своих вековых угнетателей — польских панов.

Чрезвычайно важное значение имеет раздел настоящей публикации, посвященный агитационно-сатирическим песням Рылеева и Бестужева. Как известно, эти произведения не получили в дооктябрьском литературоведении сколько-нибудь сочувственной и серьезной оценки. Только в советскую пору в изучении песен Рылеева и Бестужева обозначился резкий перелом. В последнее время внимание советских исследователей к агитационно-сатирическим песням еще более повысилось (см., например, сообщение М. А. Брискмана «Агитационные песни декабристов» в сб. «Декабристы и их время». Л., 1951, и статью автора этих строк «Агитационно-сатирические песни Рылеева и Бестужева» в «Известиях Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка», 1950, вып. 6). Однако до сегодняшнего дня все еще оставалась неясной история их текста. Изучению этой проблемы и посвящены печатающиеся здесь статьи. В первой из них, касающейся песни «Царь наш, немец русский», Ю. Г. Оксман устанавливает сводный текст этой песни и воссоздает историю позднейших вариантов. В другой статье Ю. Г. Оксман делает важный шаг к установлению точного текста песни «Ах, тошно мне и в родной стороне». Столь же существенным является и сообщение Л. А. Мандрыкиной, которая извлекла из хранящегося в ленинградском филиале Центрального государственного военно-исторического архива следственного дела об обществе Критских агитационно-сатирическую песню «Вдоль Фонтанки реки». Статья Мандрыкиной характеризует, вместе с тем, и отклики на декабристскую поэзию в оппозиционно настроенной среде русских читателей последекабрьской поры.

Лирические произведения Рылеева представлены в новой публикации «Литературного наследства» прежде всего строфой из стихотворения «Стансы», оставшейся до сих пор неизвестной. Исследователи Рылеева чаще всего рассматривали «Стансы» как отражение душевной усталости поэта или как прямое подражание Байрону. Даже в самых авторитетных изданиях сочинений Рылеева «Стансы» печатались в разделе «разных стихотворений», а не «политических посланий», чем косвенно подтверждалось мнение одного из современных Рылееву критиков, будто темой «Стансов» является «тоска о погибшей молодости» («Сын отечества», 1825, № 10, стр. 197—198).

Новонайденная строфа полностью опровергает эту ошибочную трактовку. Она свидетельствует о том, что «Стансы» — одно из гражданских стихотворений Рылеева, выражающих возмущение поэта тем «убийственным хладом», какой проявляют к своим политическим «правам» его современники, что от «Стансов» идет прямой путь к «Гражданину». После обнаружения этой чрезвычайно важной строфы стихотворение Рылеева ни в коем случае не должно печататься в прежнем виде.

Разнообразием отличается также раздел ранних произведений Рылеева — юношеских и более поздних, относящихся к первым годам его пребывания в Петербурге. Сюда входят: юношеская ода «Князю Смоленскому», черновой отрывок из сатиры «Путь к счастию», стихотворение в народном духе «Что за девица, прелесть красою...», представляющее собою черновик перевода стихотворения А. Мицкевича, и наброски. Наиболее интересно в этом разделе полемическое

стихотворение «Вотще в различные рядим его одежды» (до нас дошел беловой автограф, подписанный поэтом)*.

Перейдем к материалам, характеризующим жизнь и деятельность поэта и, прежде всего, к его переписке. В полном собрании сочинений Рылеева, вышедшем в 1934 г., были напечатаны все его письма, опубликованные до того времени. С тех пор было разыскано и напечатано еще несколько писем Рылеева. Так, в «Литературном архиве» (т. I. Л., 1938, стр. 422—424) опубликовано совместное письмо Рылеева и А. А. Бестужева к А. Ф. Воейкову. В книге К. В. Пигарева «Жизнь Рылеева» (М., 1947, стр. 137) помещена записка Рылеева к московскому книгоиздателю С. И. Селивановскому. Наконец, в «Литературной газете» (1945, № 41, 29 сентября) В. С. Нечаевой напечатаны два письма Рылеева к П. А. Вяземскому (мы перепечатываем их здесь, так как они связаны с двумя другими, доселе не известными письмами Рылеева к Вяземскому). Кроме четырех названных писем, опубликованных в период с 1938 по 1945 г., еще два — к К. К. Родофиникину и В. Н. Берху — помещены в недавно вышедшем в свет сборнике Института русской литературы «Декабристы и их время» (Л., 1951).

Эпистолярная часть настоящей публикации состоит из четырнадцати новых писем; из них девять принадлежат самому Рылееву, пять — его корреспондентам. Все они представляют несомненную ценность для характеристики личности Рылеева и его литературной деятельности. Письма к П. А. Вяземскому обогащают наши представления о Рылееве и Бестужеве как о редакторах «Полярной звезды» и, вместе с тем, показывают, что между ними и Вяземским, настроенным в то время оппозиционно, существовали дружеские отношения. Письмо к Булгарину рисует ту среду литературных «промышленников», с которой Рылееву по необходимости приходилось сталкиваться и которую он презирал. Это письмо, краткое и энергичное, принадлежит к числу самых выразительных писем Рылеева. Его обращение в московскую цензуру интересно для истории печатания «Дум». Два письма Рылеева к Д. И. Завалишину дают дополнительный материал для характеристики деятельности Рылеева как руководителя Северного тайного общества. Особенно ценно среди этих автографов большое и задушевное письмо к украинскому поэту Н. А. Маркевичу, написанное Рылеевым в октябре 1825 г., за два месяца до восстания.

Письма к Рылееву тоже содержат значительный материал для биографии поэта. Отметим в их числе три письма острогожских сослуживцев Рылеева по конно-артиллерийской роте, письмо декабриста В. П. Романова, а также письмо П. Михайловского, киевского знакомого поэта, освещающее один из драматических эпизодов личной жизни Рылеева — его отношения с «госпожой К.», впоследствии, видимо, оказавшейся шпионкой правительства.

Помимо писем существенны также публикуемые здесь официальные документы. В этом разделе впервые печатаются материалы, относящиеся к тому времени, когда Рылеев состоял на военной службе, причем к совершенно не исследованному периоду этой службы. Таков рапорт Рылеева командиру конно-артиллерийской роты, написанный им в октябре 1816 г. в литовском местечке Росияны. Другой документ этого раздела — составленная Рылеевым в 1825 г. записка о Российско-Американской компании, правителем дел которой Рылеев был в 1824—1825 гг. (см. об этом на стр. 167—168).

Как известно, следственные дела декабристов до сего времени опубликованы лишь частично в семи томах издания «Восстание декабристов» (тома I—VI и IX). Материалы этого фундаментального, но далеко не завершенного издания оказываются неполными и в отношении показаний Рылеева. Так, до сего времени не опубликованы многие ответы Рылеева на «вопросные пункты» Следственной комиссии, свидетельства на очных ставках с лицами, арестованными по обвинению в участии в восстании 14 декабря. Настала пора опубликовать этот ценнейший материал рылеевских показаний. К ним присоединено все, что говорилось о Рылееве на следствии другими де-

---

* Стихи, публикуемые впервые, печатаются корпусом; цитаты из опубликованных произведений — петитом.

кабристами. Эти показания образовали большой раздел настоящей публикации. В своей совокупности они ярко характеризуют Рылеева как политического деятеля и декабристского поэта. Во вступительной заметке к этому разделу составитель его, Т. Г. Снытко, подверг критике тех буржуазных исследователей, которые клеветали на Рылеева, обвиняя его в «измене». Т. Г. Снытко доказывает, что Рылеев придерживался на допросах конспиративной тактики, осуществлявшейся им настойчиво и небезуспешно.

Мемуарная литература о Рылееве очень бедна; публикация «Литературного наследства» и в эту область вносит немало нового. Она содержит в себе прежде всего воспоминания о Рылееве, написанные его сослуживцем по конно-артиллерийской роте А. И. Косовским. Мемуары эти не свободны от ошибок, а иногда и от прямых искажений истины; однако те и другие нетрудно исправить. Вообще же воспоминания Косовского чрезвычайно интересны и дополняют наши скудные сведения о жизни Рылеева во время заграничных походов русской армии, в Литве и особенно вблизи Острогожска. Интересные сведения о Рылееве, о его петербургском быте, его знакомствах, литературных занятиях и пр. — содержатся также в публикуемых в этом разделе воспоминаниях рассыльного «Полярной звезды», Агапа Ивановича.

Публикация «Литературного наследства» завершается сообщениями на различные темы. Сообщение И. И. Игнатович касается роли, которую Рылеев сыграл в известном деле «разумовских крестьян». Оперируя дошедшими до нас документами уголовного следствия и суда, И. И. Игнатович показала, что в своих выступлениях по этому делу Рылеев стремился поставить вопрос о тяжести крепостнических «установлений», которые и заставили крестьян Разумовского «бунтовать» против своего владельца. Три сообщения Л. Н. Назаровой, Г. А. Рязанцева и автора этих строк посвящены неизвестному доселе историко-литературному замыслу Рылеева, выпискам из сочинений античных и западноевропейских авторов, обнаруженным в его архиве, а также характеристике библиотеки поэта-декабриста. Наша статья о принадлежности Рылееву стихов «На смерть Чернова» ставит своей целью обосновать авторство Рылеева, оспариваемое некоторыми из советских исследователей. Сообщение А. Осокина о песне «Подгуляла я» посвящено одной из наименее известных агитационных песен декабристов. Сообщение М. К. Константинова вводит в число приписываемых Рылееву произведений одну из рецензий на альманах В. К. Кюхельбекера и В. Ф. Одоевского «Мнемозина». Сообщением Е. Г. Бушканца убедительно доказывается принадлежность стихотворения «По чувствам братья мы с тобой» перу А. Н. Плещеева (это послание в течение многих лет приписывалось Рылееву). На основании неопубликованных архивных материалов написана наша заметка о пребывании Рылеева в Петропавловской крепости. И, наконец, специальное сообщение Г. А. Рязанцева характеризует отношение к художественному творчеству Рылеева русской цензуры второй половины прошлого века.

* * *

Итак, из этого беглого перечня явствует, что публикация, посвященная Рылееву, охватывает многие стороны его политического и литературного наследия. Мы найдем здесь лирические стихотворения и думы, поэмы и драматические произведения[25], письма и деловые бумаги, показания Рылеева на следствии и воспоминания о нем его современников.

Весь этот материал представляет несомненную ценность для исследователей жизни и творчества Рылеева. В отдельных случаях они открывают в деятельности поэта-декабриста новые, доселе не известные стороны. Публикуемые тексты, исследовательские статьи и сообщения позволяют глубже понять идейно-художественные тенденции рылеевского творчества, полнее оценить значение его литературного наследства.

А. Г. Цейтлин

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Мы, естественно, не имеем здесь в виду Пушкина, поскольку он организационно не был связан ни с одним из тайных обществ.

[2] Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, стр. 348, 350.

[3] Д. А. Кропотов. Несколько сведений о Рылееве. — «Русский вестник», 1869, № 3, стр. 229—245.

[4] Н. П. Огарев. В память людям 14 декабря 1825 г. — Стихотворения и поэмы, т. I. Л., 1938, стр. 273.

[5] А. Н. Сиротинин. К. Ф. Рылеев. Историко-литературный биографический очерк. — «Русский архив», 1890, № 6, стр. 113—208.

[6] Н. А. Котляревский. Рылеев. СПб., 1908, стр. 5, 73, 122.

[7] Попытки изобразить Рылеева одиночкой и беспочвенным мечтателем, оторванным от русской жизни, делал не только Котляревский, но и воинствующий идеалист и буржуазный эстет Ю. И. Айхенвальд.

[8] «Русский биографический словарь». Том Романов—Рясовский. Пг., 1918, стр. 688, 692.

[9] В. И. Маслов. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Дополнения и поправки. Киев, 1916. — Эти дополнения были чисто библиографическими; принципиально Маслов остался на прежних позициях.

[10] Из письма Рылеева между 14 и 26 марта 1825 г. — Рылеев. Соч., стр. 488.

[11] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 126.

[12] А. И. Кошелев. Записки. Берлин, 1884, стр. 22.

[13] Герцен, т. XII, стр. 57.

[14] Там же, т. VI, стр. 350.

[15] Там же, т. VIII, стр. 161.

[16] Там же, т. XXI, стр. 58.

[17] «Былое», 1919, № 14, стр. 94.

[18] А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об А. И. Ульянове.— Сб. «А. И. Ульянов и дело 1-го марта 1887 г.». М.— Л., 1927, стр. 54.

[19] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 435.

[20] Маслов, стр. 26.

[21] На обороте одного из этих автографов видна полустершаяся карандашная запись, сделанная рукою Ивановского. Это — черновик письма к Н. А. Полевому: «Читая постоянно около 8 лет Ваш „Телеграф", я уверен, что в признательность непреложной любви моей к Вашему изданию, Вы поместите при сем посылаемую мною статью и тем удостоите иметь честь быть участником в составлении любимого издания. Чем гордясь, пребуду Ваш покорный» (ЦГИА, ф. № 279, ед. хр. 278, л. 4). «Московский телеграф» начал выходить в 1825 г., следовательно, Ивановский написал это письмо в 1832 г. Не исключено, что он предлагал Полевому напечатать что-либо из находившихся в его распоряжении автографов Рылеева; ведь пятью годами ранее он уже опубликовал оду Рылеева «На смерть Байрона».

[22] ЦГИА, ф. № 279, ед. хр. 1220, л. 29.

[23] «Вестник Европы», 1888, № 11, стр. 596.

[24] Бумаги из собрания Ивановского по своему содержанию связаны с автографами, опубликованными В. Е. Якушкиным в восьмидесятых годах. Так, в фондах ЦГИА мы находим фрагменты поэмы «Наливайко» и черновой вариант сатиры «Путь к счастию» (опубликованной в «Вестнике Европы», 1888, № 1) и т. д.

Возможно, что в архив Якушкиных кроме материалов Ивановского поступили также некоторые автографы из семейного архива дочери Рылеева А. К. Пущиной (см. об этом ниже, стр. 48).

[25] В состав настоящей публикации не вошли прозаические отрывки Рылеева «Добрый господин» и «Сабатей Севи», хранящиеся в ЦГИА, в указанном выше фонде Якушкиных.

ОТ РЕДАКЦИИ

В публикации автографов Рылеева и писем к нему принимали участие:

Ю. Г. Оксман. Публикации и комментарии: «Ольга при могиле Игоря»; письмо Ф. В. Булгарину.

Н. И. Прокофьев. Публикации всех автографов, хранящихся в ЦГЛА.

Т. Г. Снытко. Публикации всех автографов, хранящихся в ЦГИА.

А. Г. Цейтлин. Публикации всех автографов, хранящихся в ИРЛИ, ЛБ, ЦГАДА.

Комментарии к автографам, хранящимся в ИРЛИ, ЛБ, ЦГАДА, ЦГИА, ЦГЛА, принадлежат А. Г. Цейтлину.

I. ДУМЫ, ПОЭМЫ, ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

⟨ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ ПРЕДИСЛОВИЯ К «ДУМАМ»⟩

С некоторого времени встречаем мы людей, утверждающих, что народное просвещение есть гибель для благосостояния государственного. Здесь не место опровергать сие странное мнение *; к тому ж оно, к счастью, не может в наш век иметь многочисленных приверженцев, ибо источник его и подпора — деспотизм — даже в самой Турции уже не имеет прежней силы своей.

За полезное, однако ж, сказать почитаю, что ** один деспотизм боится просвещения, ибо знает, что лучшая подпора его — невежество: таким образом, жители Митиленские, покорив возмутившихся союзников, не нашли надежнейшего средства поработить их совершенно, как запретив детей их чему-либо учить. Благосостояние и тишина общественные реже нарушаются в государствах образованных, нежели непросвещенных, ибо народы первых лучше понимают истинные пользы свои, нежели последних, ибо просвещение — надежнейшая узда противу волнений народных, нежели предрассудки и невежество, которыми стараются в правлениях самовластных двигать или воздерживать страсти народа. Невежество народов — мать и дочь деспотизма — есть истинная и главная причина всех неистовств и злодеяний, которые когда-либо совершены в мире. Одни только друзья тиранов и то же невежество приписывает их *излишнему* просвещению. Пусть раздаются презренные вопли порицателей света, пусть изрыгают они хулы свои и изливают тлетв⟨орный⟩ яд на распространителей просвещения... пребудем тверды, питая себя тою сладостною надеждою, что рано ли, поздно ли, лучи благодетельного светила проникнут в мрачные и дикие дебри и смягчат окаменелые сердца самих порицателей просвещения.

Обяз⟨анность⟩ каждого писателя — быть для соотечественников *** полезным, и я, по возможности, желая исполнить долг сей, предпринял, подобно польскому знаменитому стихотворцу Немцевичу, написать исторические Думы, стараясь напомнить в оных славнейшие или, по крайней мере, достопримечательнейшие деяния предков наших ****.

Вот что говорит Немцевич о цели подобных сочинений:

«Воспоминать юношеству о деяниях предков, дать ему познания о славнейших эпохах народа, сдружить любовь к отечеству с первыми

---

* *Далее зачеркнуто:* источник оного известен: он есть деспотизм.

** *На полях против этого места поставлена звездочка и косой крест, указывающие, очевидно, на место вставки. Вставка, находящаяся на отдельном обрывке бумаги, включена нами в текст. Вставка начинается словами:* один деспотизм *и кончается:* ...чему-либо учить.

Далее зачеркнуто: законные правительства, основанные на законной свободе, тверже народов просвещенных.

*** *Первоначально:* для народа

**** *Слова:* деяния предков наших *написаны вместо вычеркнутых:* происшествия русского народа.

впечатлениями памяти — есть лучший способ возбудить в народе сильную привязанность к родине. Ничто уже тогда тех первых впечатлений, тех ранних понятий подавить не в силах; они усиливаются с летами, приготовляя храбрых для войны ратников и мужей добродетельных для совета.

Царское Общество наук в Варшаве,— продолжает тот же писатель,— постигая всю важность сей истины, выдало новый проспект для сочинения истории народной; труд сей, разделенный между многими писателями, требует немалого времени. Все заставляет надеяться, что читатель найдет в оной достаточное о деяниях народных известие; но происшествия, рассказанные важным и суровым слогом истории, нередко ускользают из памяти юношества, равномерно многочисленные томы подобных творений не каждый может достать и читать... Общество, не жалея никаких средств, не желая упустить для столь благородн⟨ой⟩ цели, поручило мне выставить в исторических песнях славнейшие происшествия и знаменитейшие деяния и победы королей и вождей польских».

Цель моя та же самая—то есть распространить между простым народом нашим, посредством Дум сих, хотя некоторые познания о знаменитых деяниях предков, заставить его гордиться славным своим происхождением и еще более любить родину свою. Счастливым почту себя, когда хотя несколько успею в своем предмете; еще счастливейшим, когда люди благомыслящие одобрят мое намерение — пролить в народ наш хотя каплю света.

Черновой автограф. ЦГИА, ф. № 279, ед. хр. 264, лл. 1—3.

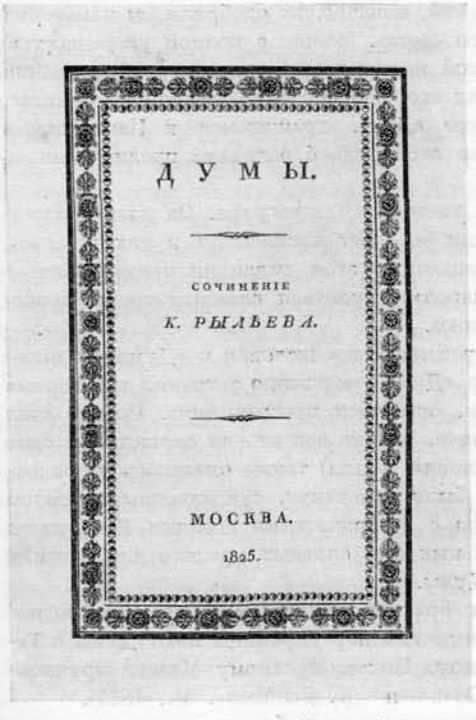
Написано на отдельных листах (цитата из Немцевича выписана отдельно).

Текст представляет собою первую редакцию предисловия Рылеева к отдельному изданию «Дум». Естественнее всего связывать время написания этого предисловия с подготовкой к печати отдельного издания «Дум», над которым Рылеев начал работать в 1824 г. и рукопись которых он сдал в Московский цензурный комитет в самом конце 1824 г.

На первой странице автографа сборника «Дум», хранящегося в ЦГИА (ф. № 279, ед. хр. 278, л. 5), рукою Рылеева написано: «За два года пред сим написал я несколько из сих Дум. Известный литератор наш, Ф. В. Булгарин, увидел их у меня... Нечто о Думах».

На этом запись обрывается: поэт, видимо, не пожелал упоминать в своем предисловии о Булгарине, с которым с сентября 1823 г. разорвал всякие отношения (см. письмо Рылеева к Булгарину и ответ последнего.— Р ы л е е в. Соч., стр. 469—470 и 780—782). Если предположить, что Рылеев говорит здесь о *первых* своих думах, то их Булгарин мог увидеть у Рылеева в начале осени 1821 г. Поэт тогда же извещал Булгарина из Острогожска: «Прощай, я в половине сего месяца выезжаю, но буду в Петербурге не прежде половины сентября, ибо еду на своих» (см. об этом подробнее: Р ы л е е в. Соч., стр. 459—460). Прибавляя к осени 1821 г. упомянутые Рылеевым «два года», мы должны были бы датой написания первой редакции предисловия считать сентябрь — октябрь 1823 г. Такая датировка, однако, в высшей степени сомнительна: у нас нет никаких данных о подготовке издания «Дум» уже осенью 1823 г., а готовить предисловие заранее, за год до издания, Рылеев, конечно, не стал бы. Упоминание в этом отрывке фамилии Булгарина само по себе еще не является достаточным свидетельством того, что предисловие писалось до разрыва отношений между Рылеевым и Булгариным. Называть Булгарина «известным литератором нашим» Рылеев, конечно, мог и после разрыва их личных отношений. Более того — обрыв этой записи скорее всего свидетельствовал о том, что Рылеев не пожелал связывать свои «Думы» с именем «литератора», хотя и «известного», но явно недобросовестного.

Наконец — и этот довод самый существенный из всех — мысли Рылеева и самые его формулировки позволяют датировать первую редакцию предисловия лишь



ОГЛАВЛЕНІЕ ДУМЪ.

	Стран.
1. Олегъ Вѣщій	1
2. Ольга при могилѣ Игоря	7
3. Святославъ	16
4. Святополкъ	25
5. Рогнѣда	27
6. Боянъ	45
7. Мстиславъ Удалый	52
8. Михаилъ Тверской	57
9. Димитрій Донской	65
10. Глѣбовъ	73
11. Курбскій	85
12. Смерть Ермака	91
13. Борисъ Годуновъ	101
14. Димитрій Самозванецъ	109
15. Иванъ Сусанинъ	117
16. Богданъ Хмѣльницкій	127
17. Аѳанасій Пальчицъ	135
18. Петръ Великій въ Острогожскѣ	143
19. Волынскій	149
20. Наталія Долгорукова	157
21. Державинъ	165

ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ РЫЛЕЕВА П. А. ПЛЕТНЕВУ

«Любезнейшему Петру Александровичу Плетневу от сочинителя»

Наклеены на внутреннюю сторону крышки переплета принадлежавшего Плетневу экземпляра первого отдельного издания «Дум»

Оборот переплета, титульный лист, обложка и оглавление книги

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

1824 г. Только после своего перехода на республиканские позиции Рылеев мог с такой силой заострить свои выпады против «деспотизма». Поэт обвиняет деспотизм в гонениях на «просвещение», объясняющихся тем, что «лучшая подпора» деспотизма — «невежество». Саркастически звучит ссылка на «жителей Митиленских». Обратим внимание на тон, каким написан второй абзац этого предисловия и особенно его конец: «Пусть раздаются презренные вопли порицателей света, пусть изрыгают они хулы свои и изливают тлетв〈орный〉 яд 〈...〉 пребудем тверды...». В таком резко обличительном духе Рылеев не писал ни «Видения», ни даже «Гражданского мужества». Обличительный тон этот появился у него с весны 1824 г. (вспомним, например, оду «На смерть Байрона») и очевидным образом связан с ростом революционности Рылеева. Ода «На смерть Байрона» имеет некоторое сходство с проектом предисловия. В предисловии мы читаем: «деспотизм — даже в самой Турции уже не имеет прежней силы своей», в оде «На смерть Байрона»: «Чему на шатком троне рад / Тиран роскошного Востока?»

Первая редакция рылеевского предисловия к «Думам» проникнута идеями революционного просветительства. В полном согласии с этими передовыми теориями Рылеев утверждал здесь, что «невежество народов — мать и дочь деспотизма — есть истинная и главная причина всех неистовств и злодеяний, которые когда-либо совершены в мире». Эти строки лишь формально обращены против «волнений народных»: главный удар направлен здесь против тех, кто воспитывает в народе «предрассудки и невежество, которыми стараются в правлениях самовластных двигать или воздерживать страсти народа»,— то есть против «тиранов» и их «друзей», против самодержавной власти. Народ жаждет «света», но просветить его мешают презренные «порицатели» просвещения.

Рылеев не мог не сознавать, что цензура не пропустит этого исключительно резкого предисловия. Бируков или Красовский, конечно, не одобрили бы намерения Рылеева «пролить в народ наш хотя каплю света». Можно с полной уверенностью утверждать, что, убедившись в политической нецензурности этой первой редакции предисловия, автор «Дум» и не представлял его в Московский цензурный комитет. Во всяком случае, в цензурном экземпляре «Дум», хранящемся в Центральном архиве древних актов, мы никаких следов этой ранней редакции предисловия не находим.

Излишне распространяться о значении настоящего автографа. Он дает представление о том, чем могли быть «Думы», если бы поэт высказывал в них все свои мысли. Знаменательна и патриотическая тенденция этой редакции предисловия — стремление Рылеева побудить «простой народ» «гордиться славным своим происхождением и еще более любить родину свою».

Сравнивая публикуемую здесь первую редакцию предисловия к «Думам» с окончательным его текстом, мы видим, что автор «Дум» совершенно устранил три первых абзаца, в которых изобличался «деспотизм, боящийся просвещения». Рылеев счел более уместным начать с цитаты из Немцевича, однако вся вторая ее часть (со слов «Царское Общество наук в Варшаве» и до конца абзаца) также оказалась устраненной. Взамен этого в предисловие введены были замечания, существенным образом ограничивающие связь рылеевского замысла с историческими песнями Немцевича:

«Желание славить подвиги добродетельных или славных предков для русских не ново; не новы самый вид и название Думы.

Дума — старинное наследие от южных братьев наших, наше русское, родное изобретение. Поляки заняли ее от нас. Еще до сих пор украинцы поют Думы о Героях своих: Дорошенке, Нечае, Сагайдашном, Палее, и самому Мазепе приписывается сочинение одной из них» («Думы. Сочинение К. Рылеева». М., 1825).

Эти заново введенные в предисловие строки имеют очень большое принципиальное значение. Русский поэт не хочет, чтобы его считали подражателем Немцевича, которого он, впрочем, ценил и уважал как политического поэта. Рылеев подчеркнул теперь определяющую роль, которую сыграла в создании дум украинская народная поэзия. Этот лиро-эпический жанр, указывал Рылеев, существовал еще в начале XVI в.: «Сарницкий свидетельствует, что на Руси пелись элегии в память двух

храбрых братьев Струсов, павших в 1506 году в битве с валахами» (там же). Таким образом в печатном предисловии 1825 г. Рылеев восстановил исторический приоритет украинской и русской литературы, отметив, что поляки «заняли ее ⟨думу⟩ от нас».

Доцензурная редакция предисловия к «Думам» с исключительной яркостью характеризует идейные установки «Дум» Рылеева.

⟨НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРОФЫ ДУМЫ «ОЛЬГА ПРИ МОГИЛЕ ИГОРЯ»⟩

В общеизвестном печатном тексте думы Рылеева «Ольга при могиле Игоря» летописный рассказ о смерти князя, несправедливость и жадность которого вызвали восстание древлян и гибель его самого, имел совершенно необычную для произведений Рылеева в этом жанре политически нейтральную трактовку. Этот неожиданный авторский нейтралитет особенно оттенялся заключительной сентенцией думы, обращенной к юному Святославу:

Отец будь подданным своим
И боле князь, чем воин;
Будь друг своих, гроза чужим
И жить в веках достоин!

Узость и примитивность политических выводов, сделанных поэтом из рассказа об умерщвлении Игоря, в данном случае как будто бы оправдывали суровое суждение Пушкина, утверждавшего, что некоторые ранние думы Рылеева «слабы изобретением и изложением», что они «и целят, а всё невпопад» [1]. Однако автограф думы «Ольга при могиле Игоря», сохранившийся в обнаруженной части архива Рылеева, позволяет полностью реабилитировать в этом отношении поэта-декабриста [2].

Что же представляет собою новая рукопись как материал, характеризующий творческую работу Рылеева, во-первых, и как документ, позволяющий установить окончательную редакцию думы, во-вторых? Прежде всего надо оговорить, что мы располагаем не полным текстом думы, а лишь двенадцатью ее строками, перебеленными автором на обороте листка, занятого черновыми набросками думы «Глинский». Обе думы датируются осенью 1822 г. Судя по тому, что Рылеев переписал именно те строки думы «Ольга при могиле Игоря», которые или вовсе отсутствовали в ее первопечатном тексте в журнале «Новости литературы» 1822 г. или подверглись в нем существенным изменениям, можно предположить, что поэт хотел сохранить более полный и точный текст на случай переиздания думы. Надежды эти не оправдались. Цензурные условия при выпуске в свет отдельного издания «Дум» в 1825 г. остались теми же, что и за три года до того, а потому воспользоваться своей записью Рылееву не пришлось.

В отличие от первопечатных текстов думы, рукописный ее фрагмент дает более развернутую оценку действий Игоря, подчеркивает «несправедливость власти», бедственную для народа, оправдывая тем самым и кровавую расправу с князем, учиненную древлянами. В этих же строках содержится предостережение властителю: «страсти» не должны управлять его государственной деятельностью. И тут же поэт напоминает об ответственности князей за их злодеяния — ответственности не только перед современниками, но и перед потомством. Заключительное наставление явственно звучало в рукописи как осудительный приговор, произнесенный народом и историей:

Вот, Святослав! к чему ведет
Несправедливость власти;
И князь несчастлив и народ,
Где на престоле страсти.

Но вдвое князь—во всех местах
Внимает вопль с укором;
По смерти ждет его в веках
Потомство с приговором.

Отец будь подданным, о сын,
И вместе князь и воин;
Будь над страстями властелин
И жить в веках до⟨стоин!⟩ [3]

Нет никаких сомнений в том, что первые восемь строк этой части думы, вдохновленные борьбой «дворянских революционеров» двадцатых годов за конституцию, за создание законов, строго регулирующих взаимоотношения царя и подданных, изъяты были из печатного текста думы цензорами, а не автором.

Сложнее разрешить вопрос о том, кто именно вносил исправления в следующее четверостишие, которое в печатном тексте читается так:

Отец будь подданным своим
И боле князь, чем воин;
Будь друг своих, гроза чужим
И жить в веках достоин!

Правка этой строфы, обусловленная необходимостью замены неудачного сочетания слов «*Отец* будь подданным, *о сын*», могла принадлежать редактору «Новостей литературы», а не самому автору. Но, поскольку Рылеев утвердил и закрепил именно этот вариант в издании 1825 г., он подлежит сохранению и в каноническом тексте думы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Письма к В. А. Жуковскому от 20—24 апреля и к Рылееву от второй половины мая 1825 г. — П у ш к и н, т. XIII, стр. 167, 175.

[2] ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 278, л. 5 об.

[3] Две неизвестные строфы думы «Ольга при могиле Игоря» (по копии П. А. Ефремова, а не по автографу) включены были в подготовленный нами к печати текст «Стихотворений К. Рылеева» в малой серии «Библиотеки поэта» (изд. 1-е: 1938), но, поскольку эта вставка не была оговорена и мотивирована в комментариях Н. И. Мордовченко в этом издании, она не была учтена ни в специальной литературе о Рылееве, ни в новейших перепечатках его произведений.

⟨ЧЕРНОВОЙ ОТРЫВОК ДУМЫ «РОГНЕДА»⟩

Сгустилась мгла!.. В пучине голубой
Зажглися яркие светила нощи
И бледный свет излили свой
На долы спящие и дремлющие рощи!.. *
Повсюду воцарилась тишина!
Умолк на стогнах ** шум народа ***
На лоне сумраков и сна ****
Покоился и град и терем Рогволода.

Когда-то в пышном тереме цвела,
Как лилия, Рогнеда молодая...

ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 278, л. 2 об.

---

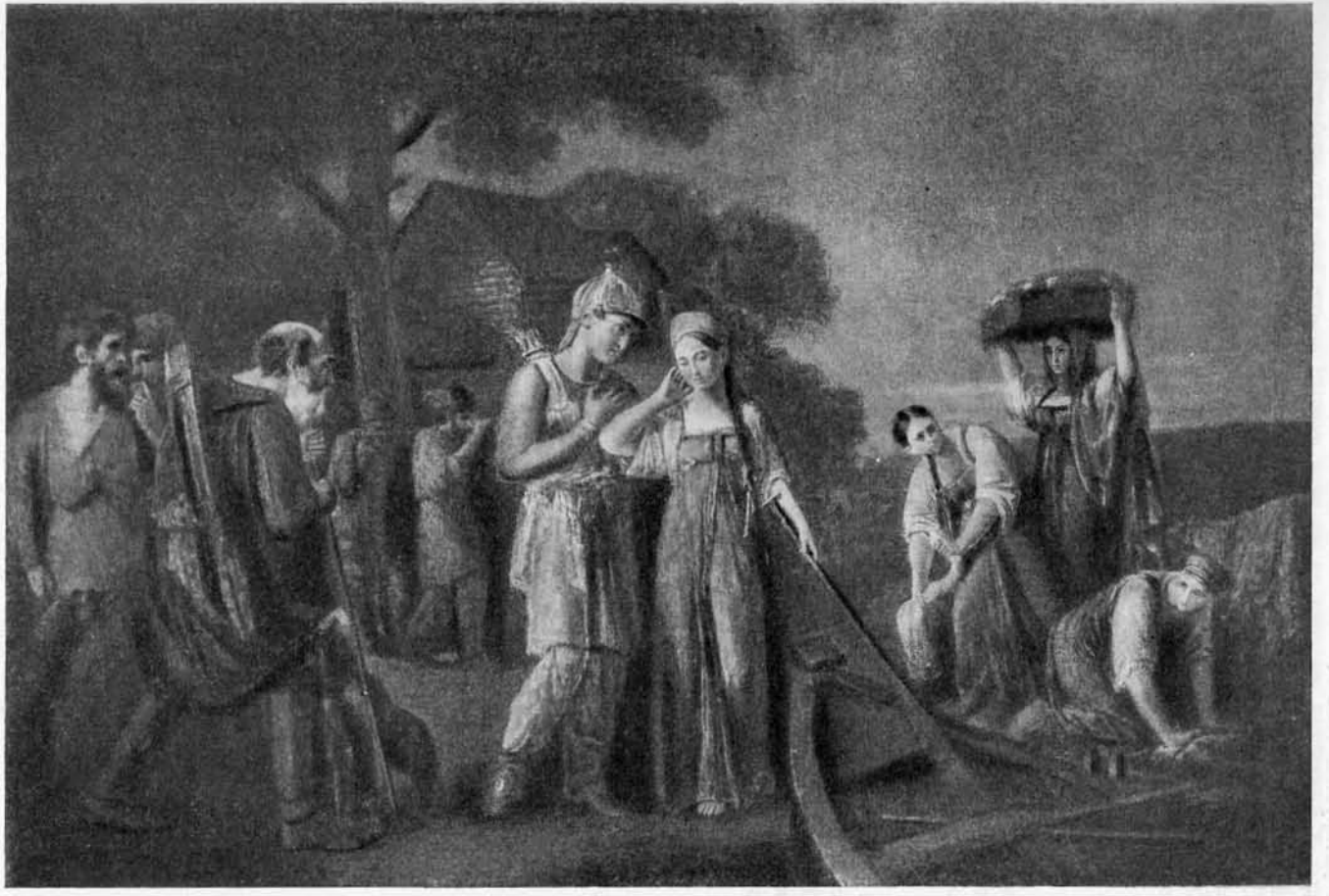
* *Далее зачеркнуто:*

И всюду царствует торжественный покой,
И шум умолк дневной...

** *Первоначально:* оружий звук и

*** *Первоначально:* крик глухой

**** *Перед этим стихом зачеркнуто:* И град и пышный терем Гориславы



«ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА ИГОРЯ И ОЛЬГИ»
Картина маслом неизвестного художника, 1800-е гг.
Третьяковская галерея, Москва

Этот отрывок является черновым автографом думы «Рогнеда», напечатанной в «Полярной звезде» на 1823 г. (дата ценз. разр.—30 ноября 1822 г.). Автограф тем самым датируется 1822 г.

Отрывок представляет собою первую и начало второй строфы думы. Первым восьми стихам свойственна та же перекрестная рифмовка, что и в окончательном тексте. Сохранив ямбический размер, Рылеев, однако, сократил число стоп с пяти в черновом автографе до четырех — в окончательном тексте.

Картина ночной тишины, набросанная уже в черновике, сохранилась и в беловом тексте; поэт несколько развернул экспозицию действия:

Потух последний солнца луч;
Луна обычный путь свершала,
То пряталась, то из-за туч,
Как стройный лебедь, выплывала;
И ярче заблистав порой,
Над берегом Лыбеди скромной,
Свет бледный проливала свой
На терем пышный и огромный.

В экспозицию вводятся новые детали — журчанье потока, шелест перелетного ветерка. Судя по началу второй строфы «Когда-то в пышном тереме цвела / Как лилия, Рогнеда молодая», Рылеев намеревался рассказать о прошлом героини, объективно, от лица автора. В дальнейшем он отказался от этого намерения, вложив этот рассказ в уста самой Рогнеды, чем, несомненно, усилил его эмоциональность.

⟨ПРОГРАММА И ЧЕРНОВОЙ ОТРЫВОК ДУМЫ «ВЛАДИМИР СВЯТОЙ»⟩

Планеты прервут течение,
Стихии смешаются,
И сие дивное создание,
Где мы наслаждаемся под небес⟨ами⟩,
Всё, что мы видим, всё, что мы слыш⟨им⟩,
Исчезнет,
Пройдет, как тень,
И разрушенный мир
Превратится в ничтожество.

Создатель тверди,
Тот, который создал из ничего
Воздух и огонь, сушу и воду,
Опровергнет* единым ударом длани
Обиталище человеков
И основание, на котором утверждено солнце.
И сие великое расстройство мира,
Быть может, случится завтра.
Владимир ** внимал
И, речью старца пораженный,
То слезы лил, то трепетал,
Дивясь создателю вселенной...

Черновой автограф. ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 278, л. 2.

* *Над этим словом не зачеркнуто:* кинет
** *Пробел в подлиннике.*

Набросано на том же листе, что и черновик думы «Рогнеда»; этим определяется дата написания — 1822 г., соответствующая тому времени, когда Рылеев работал над ненапечатанной им при жизни думой «Владимир Святой».

В работе над этой думой Рылеев, едва ли не впервые, прибегнул к составлению предварительной программы-конспекта. Дошедший до нас черновой отрывок и начинается с прозаической программы, которая, повидимому, намечала ненаписанный еще Рылеевым стихотворный отрывок — речь старца, явившегося к Владимиру. В беловом тексте думы старец обращался к Владимиру со следующими словами:

Но что, о князь, сии терзанья!
Тебя, отверженец! ужаснейшие ждут!
Наступит час — ценить деянья!
Воскреснут мертвые! Настанет страшный суд!

Программа в некоторой степени соответствовала этим строкам — в беловом автографе также говорилось о «кончине мира» и о «страшном суде». Последнее четверостишие приведенного выше черновика соответствует следующему тексту белового автографа (совпадающие слова набраны курсивом):

Так говорил пришлец священный,
И пылкий, яркий огнь в глазах его блистал,
И князь, *трепещущий*, смятенный,
Лия потоки *слез*, словам его внимал!..

⟨ОТРЫВКИ ДУМЫ «МАРФА ПОСАДНИЦА»⟩

Простите вы, поля, долины, реки!
С волнением растерзанной души
Я с вами днесь прощаюся навеки,
Мне суждено окончить дни в глуши.

Твои, о Новгород! разрушены твердыни,
Перед царем легли дружины в прах,
Окрестности превращены в пустыни,
И Марфа гордая в цепях!

Как гордый дуб в час грозной непогоды,*
И вече в прах, и древние права,
И гордую защитницу свободы
В цепях увидела Москва. **

Нам от беды не откупиться златом,
Мы не рабы: мы мир приобрете⟨м⟩,
Как люди вольные, своим булатом
И купим дружество копьем.

Всё отнял рок жестокий и суровый:
Отечество, свободу, сыновей,
И вместо их, мне дал одни оковы
И вечный мрак тюрьмы моей.

---

* *Этот стих перечеркнут карандашом.*

** *Далее незаконченная строфа:*

За мной, друзья, [всё в жертву за свободу] умрем в кровавой сече,
Иль отстоим священные права

Свершила я свое предназначенье, *
Что мило мне, чем в свете я жила,
Детей, свободу и свое именье—
Всё родине я в жертву принесла. **

Не ездили из Новгорода в степи
Мы на поклон в презренную орду,
Мы на себя не налагали цепи
И

Кто чести друг, кто друг прямой народа...

Что сталось с ней — народное преданье
В унылой робости молчит.
С Посадницей исчезнула свобода
И Новгород в развалинах лежит.

Черновой автограф. ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 278, лл. 3—4 об.

В этом отрывке изображена Марфа Борецкая, жена новгородского посадника. Овдовев, Марфа стала во главе партии, склонной к союзу с Литвой и резко враждебной московскому великому княжеству. Иван III, стремившийся к объединению русских княжеств в Московском царстве, начал войну с Новгородом и после упорной борьбы овладел в 1479 г. этим городом. Марфа Борецкая была увезена из Новгорода и пострижена в монахини одного из волжских монастырей.

Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» указал на то, что Новгород «более шести веков» слыл «в России и в Европе державою народною или республикою, и действительно имел образ демократии: ибо вече гражданское присвоивало себе не только законодательную, но и вышнюю исполнительную власть...» (<Н. М. Карамзин.> История государства Российского, т. VI. Изд. 2-е. СПб., 1819, стр. 130). Правда, Карамзин подчеркнул, что демократия вольного Новгорода была ограниченной, поскольку «сердцем или главным составом сей державы были огнищане, или житые люди, то есть домовитые или владельцы...». Историк отмечал, что новгородские «посадники и тысячские избирались только из бояр, а другие сановники — из житых, купцов и младших граждан, но не из черных людей...»(там же, стр. 130—132).

Не понимая прогрессивности объединения русских земель, которое проводилось московским великим князем Иваном III, а за ним и царем Иваном IV, декабристы в целях революционной пропаганды всемерно идеализировали новгородскую и псковскую «свободу».

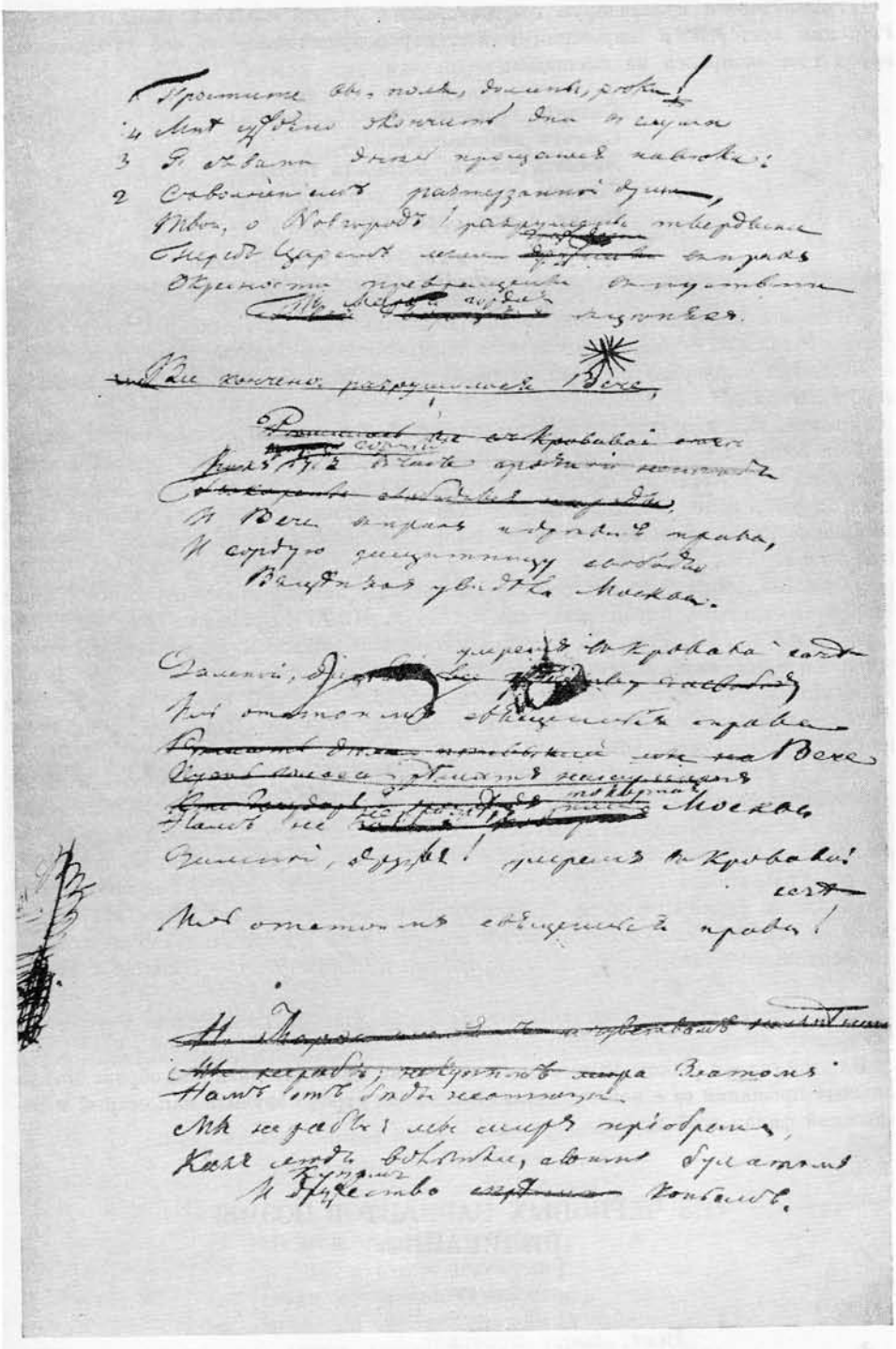
В. Ф. Раевский в стихотворении «Певец в темнице» писал:

Я бросил свой смущенный взор
С печалью на кровавы строки,
Там был подписан приговор
Судьбою гибельной, жестокой:
«Во прах и Новгород и Псков,
Конец их гордости народной.
Они дышали шесть веков
Во славе жизнию свободной».

---

* *Перед этим стихом зачеркнуто:*
Всё кончилось!.. но я свое свершила

** *Далее зачеркнуто:*
Душа моя тверда, как дуб нагорный,
Напрасно бедствия сразить ее хотят,
Вотще ревет и вихрь, и ветр упорный



АВТОГРАФ ОТРЫВКА НЕЗАКОНЧЕННОЙ ДУМЫ «МАРФА ПОСАДНИЦА», 1822—1823 гг.

Лист 1

Центральный исторический архив, Москва

Романтически идеализируя государственное устройство этих вольных городов, Раевский восторгался царившим в них народоправством — по его утверждению, народ там «сбирался на площади»:

Сменять вельмож, смирять князей,
Слагать неправые налоги,
Внимать послам, встречать гостей,
Стыдить, наказывать пороки,
Войну и мир определять...

(В. Раевский. Стихотворения. Л., 1952, стр. 153—154).

Подобное изображение Новгорода и Пскова нужно было декабристам для того, чтобы в легальной форме агитировать за утверждение «народовластия». Отсюда у них вырастало и подчеркнуто идеализированное изображение «богоподобной жены» — Марфы Посадницы.

Рылеев, как и другие декабристы, усматривал в древнем вече зачатки гражданской свободы. Он писал в январе 1825 г. Пушкину: «... Ты идешь шагами великана и радуешь истинно русские сердца ‹...› Прощай, будь здоров и не ленись: ты около Пскова: там задушены последние вспышки русской свободы; настоящий край вдохновения — и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы» (Рылеев. Соч., стр. 479).

Образ Марфы глубоко интересовал Рылеева. До нас дошел еще отрывок из думы «Марфа Посадница», опубликованный в 1871 г. П. А. Ефремовым (см. «Русскую старину», 1871, № 1, стр. 78). В этом отрывке изображалось, по всей вероятности, то народное собрание, новгородское вече, на котором, по выражению Карамзина, «в последний раз» сильно обнаружилась любовь «к древней свободе...». «Требуем битвы!» — восклицали тысячи: «умрем за вольность...» (‹Н. М. Карамзин.› История государства Российского, т. VI. Изд. 2-е. СПб., 1819, стр. 123).

Еще до создания этого отрывка Рылеев написал другой, публикуемый нами. Внимательное изучение последнего показывает, что в нем сочетаются три различных момента в истории покорения Новгорода. В первых, начальных, строфах Марфа, уже закованная в цепи, прощается с Новгородом. В четвертой строфе Марфа призывает новгородцев к «кровавой сече». Повидимому, Рылеев вернулся здесь ко времени, предшествовавшему сдаче Новгорода. Однако пятая и шестая строфы отрывка («Всё отнял рок...», «Свершила я...») возвращают нас к первой теме прощанья, а седьмая строфа («Не ездили из Новгорода в степи») продолжает вторую тему — призыва к вооруженной борьбе.

В последней строфе поэт говорит о Марфе уже ретроспективно и от своего собственного лица.

На этой стадии работы Рылеев пока еще накапливал материал для образа Марфы и эпизода прощания ее с новгородцами. Последняя строфа звучала как острый и патетический финал всей думы.

‹ИЗ ЧЕРНОВЫХ ВАРИАНТОВ ПОЭМЫ «НАЛИВАЙКО»›

‹1›

Веет, веет, повевает
Тихий ветр с днепровских вод,
Войско храбрых выступает
С шумной радостью в поход.
[Скачут, мчатся беззаботно
Через степи казаки;

Веет ветер мимолетный,
Грозно вьются бунчуки.
Гетман степию широкой,
От полков на скакуне*
В мрачной думе, одинокой,
Тихо едет на коне.
[Лишь один всеведец знает,**
Что Хмельницкий замышляет...
И куда ведет полки]

«МАРФА ПОСАДНИЦА»
Эскиз маслом Дмитрия Иванова к его одноименной картине (хранящейся в Русском музее), 1808 г.
Третьяковская галерея, Москва

[Мчатся быстро казаки,
Грозно вьются бунчуки]
[Орда от казаков несется]
Лишь на траве сакма за ней
В степи пустынной остается.
И глухо в поле раздается
И прыск и ржание коней.

---

* *Первоначально:* На черкасском скакуне
** *Далее вачеркнуто:* Но не знают казаки

〈2〉

[Глухая ночь. На вышине
Грядою длинной идут тучи;
Казацкий табор в тишине
Давно заснул на бреге Случи.
Сторожевые казаки
Спокойно ходят вдоль реки.]

〈3〉

Не тучи на небе сдвигались,
Не дождь шумел из облаков,
В степи с татарами слетались
Дружины храбрых казаков.
Их кони страшно землю роют,
Несутся бурно, чуя бой;
Поля притоптанные воют,
Клубится пыль, как дым густой
Уже дружины казаков
Слабели в битве рукопашной...
Вдруг на татар, как вихорь страшный,
Как ливный дождь из облаков,
Ударил с воплем Сайгадашный
С дружиной буйных удальцов.

Черновой автограф. ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 271, лл. 1—2. об.

Первый отрывок из чернового автографа «Наливайко» («Веет, веет, повевает») относится, повидимому, к изображению похода Наливайко. Любопытно, однако, что в черновике Рылеев не только не называл еще имени Наливайко, но и упоминал Хмельницкого (правда в зачеркнутых им тотчас же стихах: «Лишь один всеведец знает, что Хмельницкий замышляет»). Это дает нам основание предполагать, что по первоначальному замыслу Рылеева печатаемый здесь первый отрывок должен был относиться к задуманной им поэме о Хмельницком (см. о ней ниже в сообщении о прологе из трагедии «Хмельницкий», стр. 58).

Второй отрывок, изображающий ночь перед сражением, соответствует черновому отрывку, опубликованному В. Е. Якушкиным в «Вестнике Европы», 1888, № 11, стр. 589:

Глухая ночь. Молчит река,
Луна сокрылась в облака.
И Чигирин и оба стана
Обвиты саваном тумана.

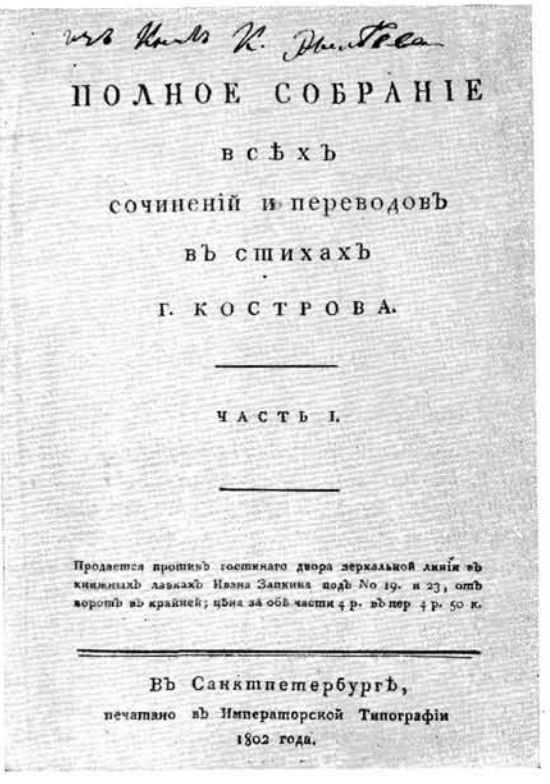
Третий из печатаемых здесь отрывков тематически как будто бы несколько выпадает из поэмы о Наливайке. Речь здесь идет о борьбе украинских казаков с татарами, в которой важную роль играл Сагайдачный. Рылеев интересовался этим полководцем наряду с другими деятелями Украины; в предисловии к «Думам» он напоминал: «Еще до сих пор украинцы поют думы о героях своих: Дорошенке, Нечае, Сагайдашном, Палее...» (Р ы л е е в. Стих., стр. 115). Нет оснований считать этот отрывок реализацией какого-то нового замысла. Сагайдачный действует здесь не как гетман, а как сподвижник Наливайко в борьбе Украины против крымских татар. Судя по тому, что этот отрывок помещен рядом со «Смертью чигиринского старосты», Рылеев предполагал и его включить в поэму о Наливайке.

Останавливает на себе внимание близость этого отрывка к фольклору, именно — к украинским историческим песням, а также динамичность его повествования.

«ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ВСЕХ СОЧИНЕНИЙ И ПЕРЕВОДОВ В СТИХАХ» Е. И. КОСТРОВА. ЧАСТЬ I. ИЗД. 1802 г.

ЭКЗЕМПЛЯР С ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ РЫЛЕЕВА

Библиотека Московского университета им. М. В. Ломоносова



ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

ВСѢХЪ

сочиненій и переводовъ

ВЪ СТИХАХЪ

Г. КОСТРОВА.

ЧАСТЬ I.

Продается противъ гостинаго двора зеркальной линіи въ книжныхъ лавкахъ Ивана Запкина подъ No 19. и 23, отъ воротъ въ крайней; цѣна за обѣ части 4 р. въ пер 4 р. 50 к.

Въ Санктпетербургѣ,

печатано въ Императорской Типографіи

1802 года.

‹ДРАМАТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ›

‹1›

Царь Алексей был счастлив на министров
И им одним поистине обязан
Всей славою правленья своего *
Что б сделал он без мудрости бояр?
Морозов был царю небесный дар!..**

Молчи! Ты лжешь... бессмысленной хулою
Великих дел мной чтимого отца
Ты не меня ль *** превознести желаешь?..
Не думал я найти в тебе льстеца...

Ты чаще всех со мною споришь, дядя,
И чаще всех ты досаждаешь мне,
Так иногда, что, гнев свой не скрывая,
Бранюсь с тобой, а после посмотрю,
И вижу я, что, правду обожая, ****
Лишь предан ты отчизне и царю.

За истину я дяде благодарен,

---

* *Далее зачеркнуто:*

Всему душой
И лучших дел Морозов был виной.

** *Далее зачеркнуто:* Ты врешь! Ты льстец

*** *Первоначально:* Петра ль

**** *Далее зачеркнуто:* Люби ж меня и родину свою

Скажи же мне с обычным беспристрастьем,
Что доброго в деяния⟨х⟩ отца
И в собственных по правде ты находишь?

⟨2⟩

[Разнесся слух, что Карл идет на Краков]

Вестник

Князь Менщиков прислал меня из Польши
С известием, что Карл идет на Русь,
И хочет быть зимой еще в Москве.

Черновой автограф. ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 278, л. 1—1 об.

В начале листа несколько зачеркнутых строчек, являющихся началом какого-то одного или нескольких стихотворений: «О что тебя, край милый, ожидает...».

Печатаемые здесь 23 стиха являются двумя отрывками из драматического сочинения Рылеева, название которого нам неизвестно. Оба отрывка объединены размером — пятистопным ямбом, частично рифмованным. Последние четыре стиха, начиная со слов «Разнесся слух, что Карл идет на Краков», довольно точно устанавливают тему и время действия: речь идет, несомненно, о Карле XII, который во главе шведских войск в январе 1708 г. вступил в пределы России. Как известно, первоначально он шел через Белоруссию на Москву и, лишь встретив упорное сопротивление русских войск, повернул на юг, на Украину, где в июле 1709 г. был разгромлен Петром I и бежал вместе с передавшимся шведам украинским гетманом Мазепой.

Первый отрывок (кончая стихом «И в собственных по правде ты находишь?») также явно драматичен, поскольку его первые пять стихов представляют собою краткую речь собеседника Петра, а дальнейшие четырнадцать — ответ русского царя.

Боярин Морозов, о котором идет речь в приводимом отрывке, это Борис Иванович Морозов (1590—1661) — дядька, воспитатель, друг и ближайший советник царя Алексея Михайловича. Затруднительно определить, с кем мог вести этот разговор Петр I? У него были два «дяди» — Петр Лопухин и Лев Кириллович Нарышкин. Мало вероятно, что Рылеев вложил первые пять стихов отрывка в уста Лопухина, находившегося с Петром в родстве по своей племяннице Евдокии, первой жене Петра. Лопухин, правда, находился в резкой оппозиции к преобразованиям Петра I, но никак не отличался «обычным беспристрастьем». Более вероятно поэтому, что Петр разговаривает со своим дядей по матери, Л. К. Нарышкиным (1668—1705), который был одним из его министров, занимая в 1690—1702 гг. пост начальника Посольского приказа. Правда, к нему не очень подходят слова об «обожании правды» — известно, что Л. К. Нарышкин не отличался ни силою характера, ни определенностью убеждений. Если признать, что собеседником русского царя был Нарышкин, нужно будет датировать действие первого отрывка более ранним временем, ибо Нарышкин скончался за несколько лет до вступления Карла XII в Россию.

Есть некоторые основания считать настоящий отрывок частью трагедии о Мазепе, которая была задумана Рылеевым. До нас дошло несколько фрагментов, в том числе перечень действующих лиц, наброски персонажных характеристик и план всей трагедии. * В плане мы читаем: «Пролог. Пиршество в Москве у Петра. Спор его с Мазепой. Мазепа получает оплеуху». Далее Петр уже нигде не фигурировал. Замысел трагедии вернее всего датируется 1822 г., печатаемый же здесь отрывок, судя по его свободному от романтической аффектации стилю, должен быть датирован более поздним временем. Возможно, что в процессе работы над своим драматическим замыслом Рылеев расширил его первоначальные границы.

* «Перечень» и наброски напечатаны в обоих собраниях сочинений Рылеева; план опубликован в «Летописях» (стр. 282—283) с рядом неточностей.

НОВЫЕ ТЕКСТЫ ПОЭМЫ «ВОЙНАРОВСКИЙ»

Статья Ю. Г. Оксмана

I

Биографы Рылеева, характеризуя переход поэта от умеренно-либеральных лозунгов его ранних од и дум к революционной патетике национально-исторической эпопеи, до сих пор не располагали никаким материалом, который позволил бы документировать творческую работу автора «Войнаровского» и «Наливайко» в период, отделяющий его первую поэму от последних баллад.

В это время Рылеев еще не входил в революционную организацию. Лишь осенью 1823 г. он становится членом Северного общества, после чего вся его литературная деятельность полностью подчиняется задачам политической борьбы, определяется как одна из форм массовой агитационно-пропагандистской работы.

Рукописи Рылеева, обнаруженные во вновь найденной части его архива, дают возможность по-новому осветить все его замыслы переходной поры, неразрывно связанные с литературной и общественной борьбой 1822—1823 гг. Уроки именно этой борьбы потребовали от Рылеева, как ученика Гнедича и Катенина, полного литературно-технического перевооружения и, в первую очередь, освоения той высокой культуры нового лиро-эпического письма, образцы которого даны были в поэмах Пушкина. С предельной выразительностью процесс переобучения молодого Рылеева иллюстрируется набросками его ранее не известной поэмы из скандинавского быта о витязе Ольбровне и красавице Русле.

И в тематическом, и в ритмико-метрическом, и в лексико-фразеологическом отношении эти наброски еще не выходят за пределы ученических вариаций, сделанных как бы на полях «Руслана и Людмилы». Самое начало «Ольбровна и Руслы» в бумагах Рылеева не сохранилось (может быть, его и не было), но дошедшие до нас строфы поэмы (под заглавием «Отрывок») не позволяют считать эту потерю сколько-нибудь значительной [1].

ОТРЫВОК

На дальных берегах чужбины
Он девять месяцев разил
Иноплеменные дружины
И их зеленые равнины
Невинной кровию багрил.
Непостоянство бурной влаги,
Пучины грозные морей,
Ни блеск сверкающих мечей
Не охлаждали в нем отваги.
Владыки чуждые пиры
В нагорных замках нам давали,
Несли с покорностью дары,
Свои услуги предлагали,
И, трепеща постыдных уз,
Постыдной данью покупали
И дружбу нашу, и союз.
Успехами надменный сими
И славы жаждущий Иснель
С друзьями храбрыми своими
Прибрежных к трепету земель
Приготовлялся к битвам новым...
Однажды пред костром дубовым,

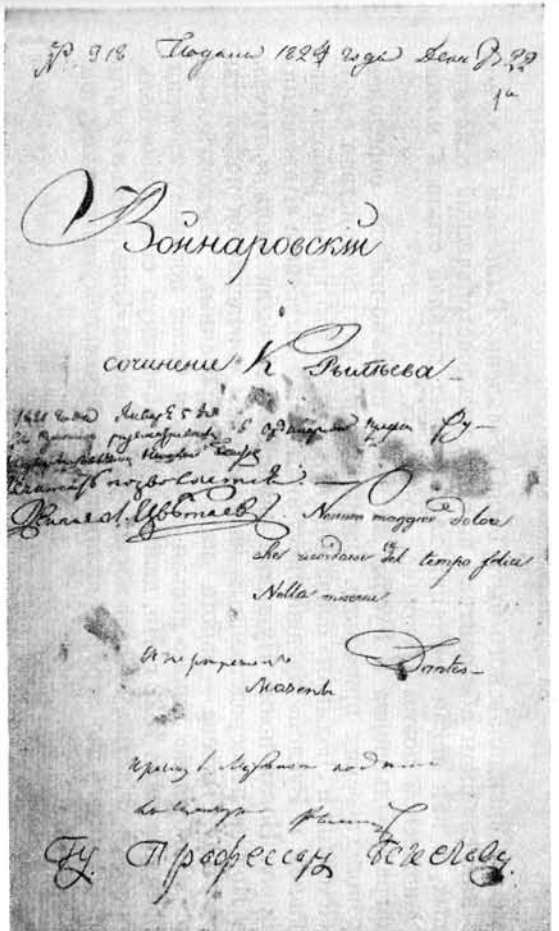
На почерневшем сидя пне,
Вечерних сумраков порою,
Задумчиво склонясь главою:
«О, царь певцов! — сказал он мне,—
Почто столь долгое молчанье?
Почто, почто в очарованье,
Ты не приводишь, скальд младой,
Души тоскующего друга,
И в повести своей живой
Преданий древности седой
Нам не расскажешь в час досуга?
Отчизны милая страна
Ольбровна именем полна,
Но кто он был — Иснель не знает...» *
Под камнем ⟨сим⟩ — был мой ответ! —
Сей храбрый витязь почивает
С подругой нежной юных лет!
Дубравы Скании дремучи
Гремели дел его молвой:
Вскипев отважною душой,
Пятнадцать раз Ольбровн могучий
Медведей лютых низлагал
Своею сильною рукою
И их свирепство укрощал
Перед трепещущей толпою.
Пятнадцать раз его стрела
Паренье дерзкого орла
Внезапно с жизнью пресекала
И от туманных облаков
При кликах радостных стрелков **
На дол зеленый повергала.
Но в те лета, когда любовь
Кипящую волнует кровь,
Когда все дышит негой сладкой,
Как роза пышная весной,
И сердце юное украдкой,
Подруги ищет молодой,—
Один Ольбровн не ведал страсти,
Лишь он был долго чужд цепей,
Не знал любви волшебной власти,
Не ведал прелести очей...
Однажды с Руслою прекрасной
Он встретился в лесной глуши;
Взглянул — и огнь любови страстной
Свободу заменил души...
С тех пор он каждый день, с зарею,
Из мрачной глубины лесов,
При громком лае серых псов,
Перед красавицей младою,

---

* *Вариант, указанный Рылеевым:*

К его могиле подойдя:
— Здесь витязь сей,— Иснелю я,—
Где камень в землю уж врастает,
Сном непробудным почивает
С своей подругою младой.

** *Сверху надписано и не зачеркнуто:* мирных пастухов



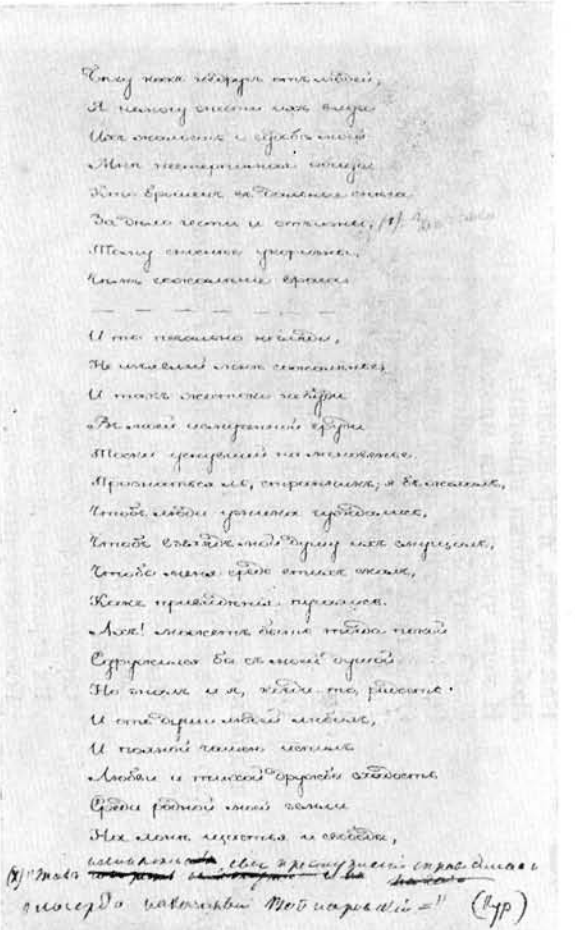
Войнаровскій

сочиненіе К. Рылѣева

Nessun maggior dolore che ricordarsi del tempo felice nella miseria

Dantes

Гу. Профессору Бенелеву



ЦЕНЗУРНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР ПОЭМЫ «ВОЙНАРОВСКИЙ», 1824 г.

Писарская копия. Титульный лист с цензорскими пометами и лист 14 об. с примечанием, написанным рукою Рылеева

Архив древних актов, Москва

Чтоб приобресть ее любовь,
Являлся с дикою козою
Или со шкурами волков.
Суров и горделив доныне, —
Так, наконец, он ей сказал:
Дни одинокие в пустыне,
Как сирота, я провождал.
Любви томления приятны,
И нега чувств души младой
Ольбровну были непонятны...
О, Русла, друг прекрасный мой,*
Очей прелестных пылкий пламень
Ты в душу мне перелила,
Ты в сердце претворила камень,**
Ты мне почувствовать дала,
Ты воскресила мою младость...***

Первые шестнадцать строк этого отрывка Рылеева вызывают в памяти рассказ Фина о его борьбе за Наину в первой песне «Руслана и Людмилы»:

Мы десять лет снега и волны
Багрили кровию врагов.
Молва неслась: цари чужбины
Страшились дерзости моей;
Их горделивые дружины
Бежали северных мечей.
Мы весело, мы грозно бились,
Делили дани и дары
И с побежденными садились
За дружелюбные пиры.

Поэма из скандинавского быта была оставлена Рылеевым в самом начале как слишком абстрактная по своей псевдоисторической тематике, во-первых, и как явная имитация характерных деталей стиля и композиции юношеской поэмы Пушкина, во-вторых.

Автограф «Ольбровна и Руслы» не имеет сколько-нибудь определенных хронологических признаков. Однако самый факт воздействия на эту поэму «Руслана и Людмилы» свидетельствует о том, что время работы над «Ольбровном и Руслой» предшествует знакомству Рылеева с «Кавказским пленником». Новая поэма Пушкина опубликована была лишь в августе 1822 г. Под ее непосредственным воздействием определяется новый этап в творчестве Рылеева — работа над «Войнаровским». Следовательно, и планы «Ольбровна» никак нельзя относить к более позднему времени, чем первая половина 1822 г. Но, даже начисто зачеркнув свое первое большое эпическое полотно, Рылеев перенес из набросков «Ольбровна и Руслы» в «Войнаровского» две строфы, являющиеся сейчас документальной ил

* *Зачеркнуто:*

Своею прелестью невинной
Всю прелесть их в стране пустынной
Ты мне почувствовать дала.
Всё, всё в тебе меня пленяет, —
Ольбровн красавице твердил

** *Зачеркнуто:*

Мне их почувствовать впервые
В стране дубровной сей дала,
Ты в душу мне перелила
Тот огнь, которым голубые

*** *Сверху надписано и не зачеркнуто:* радость

люстрацией связи обеих поэм. Так, в рассказе Войнаровского о его набегах на «хищных крымцев и поляков» мы читаем:

Враги везде от нас бежали
И, трепеща постыдных уз,
Постыдной данью покупали
У нас сомнительный союз.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ РЫЛЕЕВА «ВОЙНАРОВСКИЙ»
Рисунок (эскиз) Т. Г. Шевченко, 1840-е гг.
Музей Т. Г. Шевченко, Киев

В этой строфе перефразирован рассказ скальда из «Ольбровна и Руслы» о «чуждых владыках», которые удальцам Скании

Свои услуги предлагали,
И, трепеща постыдных уз,
Постыдной данью покупали
И дружбу нашу, и союз [2].

Таково же происхождение строк «Войнаровского» о Мазепе после разгрома его под Полтавой:

Мазепа пред костром сосновым
Вдали на почерневшем пне
Сидел в глубокой тишине.

В «Ольбровне и Русле» эта экспозиция предварялась в строфе:

Однажды пред костром дубовым,
На почерневшем сидя пне,
Вечерних сумраков порою,
Задумчиво склонясь главою:
«О, царь певцов!» — сказал он мне.

Текстуальная связь «Ольбровна и Руслы» с «Войнаровским» определяется не только наличием во второй поэме двух строф, непосредственно и почти без доработки перенесенных в нее из черновиков первой. В «Ольбровне и Русле» Рылееву уже удалось нащупать те выразительные приемы экспозиции политической биографии героя, которая развертывается в поэме не в порядке последовательного авторского изложения основных событий (как, например, в поэме «Наливайко»), а предлагается читателю в форме рассказа третьего лица, как бы снимающего с автора ответственность за апологетическую тональность повествования. Правда, в первой поэме Рылеева этот новый композиционный прием еще не имел той функции нарочитой «дымовой завесы», которая обеспечивала вхождение в печать острополитического толкования даже совершенно, казалось бы, нейтрального исторического материала. На путях от «Ольбровна и Руслы» к «Войнаровскому» в этом отношении гораздо более показателен опыт другой работы Рылеева над большой исторической темой — мы имеем в виду замысел «Меншикова в Березове», предвосхищавший план «Войнаровского в Якутске».

Первоначально Рылеев предполагал использовать политическую биографию Меншикова в той новой серии дум, которая намечалась им в конце 1822 г. Из этого цикла известны недописанные думы о Вадиме, Марфе Посаднице, царевне Софии, Минихе. До нас дошел, в двух вариантах, и зачин думы о Меншикове («В краю, где солнце редко блещет/На мрачных небесах» и «В стране угрюмой и глухой,/Где Сосва с бурей часто воет») [3]. Рукописи Рылеева позволяют установить, что в начале 1823 г. тема «Меншиков в Березове» возрождается в форме большого эпического замысла, гораздо более близкого будущему «Войнаровскому», чем любой из его последних дум.

История генерал-фельдмаршала Меншикова, «друга мудрого Петра», заканчивавшего свою бурную жизнь политическим ссыльным в глухой сибирской тайге, передавалась в поэме устами его случайного березовского знакомца и почитателя. Этот рассказ выслушивала княгиня Наталья Долгорукая, роль которой в поэме о Меншикове была аналогична функции витязя Иснеля в «Ольбровне и Русле» или Миллера в «Войнаровском». История же заговора Мазепы и его борьба с Петром развертывались в исповеди Войнаровского, единомышленника и соратника преступного гетмана. Эта форма изложения и обеспечивала перенесение ответственности за положительную оценку Мазепы, осужденного приговором народа и истории, с автора на рассказчика.

II

Исторический эпос Рылеева столь же откровенно тенденциозен, как и его более поздние агитационные песни. Поэму, вновь завоевавшую себе после выхода в свет «Кавказского пленника» функцию ведущего жанра литературы (каким в начале XIX в. была трагедия, а в его середине — роман), автор «Войнаровского» полностью подчиняет политико-просветительным целям, ориентируя свою работу прежде всего на подъем революционной активности передового читателя. Новаторство Рылеева в этом отношении не вызывает сомнений, хотя проблематика поэмы нового типа, как исторической эпопеи, прямо и непосредственно отвечающей задачам агитационно-пропагандистской работы декабристов, была прокламирована еще, примерно, за год до появления первых строф «Войнаровского», в известном послании В. Ф. Раевского «К друзьям в Кишинев». Это послание, вышедшее из-под пера одного из крупнейших литературных теоретиков революционного лагеря, в эту пору уже узника тираспольской крепости,

не могло быть, конечно, напечатано, но очень быстро дошло до кишиневских друзей Раевского с Пушкиным во главе, а вслед за тем и до их единомышленников в Москве и Петербурге. Программный характер литературно-политических установок нелегального послания «К друзьям в Кишинев» проявился с особой выразительностью в строфах, обращенных лично к Пушкину. Широко развертывая в этих строфах свое понимание задач, стоящих перед представителями передовой русской литературы, Раевский откровенно высказывал свою неудовлетворенность даже самыми большими ее достижениями, в числе которых уже был и «Кавказский пленник». Именно эту поэму имел в виду поэт-декабрист, именуя Пушкина «певцом Кавказа». Как известно, первая рукописная редакция «Кавказского пленника» (печатного текста поэмы Раевский еще знать не мог) имела заголовок «Кавказ» [4]. В порядке отталкивания от фабулы и образов этой поэмы Раевский и заклинал «певца Кавказа» обратиться к политически более актуальной, национально-исторической тематике:

Оставь другим певцам любовь!
Любовь ли петь, где брызжет кровь,
Где племя чуждое с улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой,
Где слово, мысль, невольный взор
Влекут, как явный заговор,
Как преступление, на плаху,
И где народ, подвластный страху,
Не смеет шопотом роптать.
Пора, друзья! Пора воззвать
Из мрака век полночной славы,
Царя-народа дух и нравы
И те священны времена,
Когда гремело наше вече
И сокрушало издалече
Царей кичливых рамена[5].

Пушкин сразу же откликнулся на призыв Раевского поэмой «Вадим», но произведение это осталось незаконченным. Реализация задач, поставленных перед русскими поэтами в послании Раевского, выпала на долю Рылеева. Его поэмы были на несравненно более высоком политическом уровне, чем «думы», и «пробивали», говоря словами А. А. Бестужева, «новую тропу в русском стихотворстве» [6].

В условиях цензурно-полицейского режима двадцатых годов проблема показа положительного героя, борца за свободу родного народа, сокрушающего «царей кичливых рамена», могла быть разрешена лишь в историческом аспекте, то есть путем обращения не к настоящему с его «ростками будущего», а только к прошлому. Но и в этом прошлом оставались запретными самые большие исторические имена подлинных защитников трудового народа—Пугачева, Разина, Болотникова. Рылеев мог писать о Волынском, но не смел оживить образ Радищева. Со времен Княжнина передовая русская литература сосредоточивает свое внимание на героях новгородской республики, выдвигая образы таких «борцов с самовластьем», как легендарный Вадим или Марфа Посадница. Продолжая эту традицию, Рылеев в своих думах напоминает и об иных подвигах выходцев из народных низов — Ермака и Сусанина, но терпит решительную неудачу, пытаясь искусственно расширить круг положительных исторических героев путем включения в него произвольно революционизированных образов великих князей и опальных вельмож, жертв царского произвола.

Характерно, что героем первой политической поэмы Рылеева едва не стал ссыльный князь Меншиков, и только знакомство с материалами о заговоре Мазепы в «Истории Малой России» Д. Н. Бантыша-Каменского, вышедшей в свет в 1822 г., заставило Рылеева отказаться от начального замысла.

Единство генезиса поэм о «Меншикове в Березове» и о «Войнаровском в Якутске» характеризуется не только определенными идейно-тематическими и жанровыми признаками. Оно может быть подтверждено и в результате анализа основных текстологических данных, ибо один из самых ранних черновых набросков «Войнаровского» сохранился на обороте листа, занятого перебеленным вариантом начала поэмы о Меншикове. Этот автограф Рылеева, бывший в 1872 г. в распоряжении П. А. Ефремова, затем на многие годы выпал из поля зрения исследователей, а потому и не получил правильного освещения в литературе о поэмах Рылеева[7]. Прежде чем привести его полностью, отметим, что в «Войнаровском» оказалась сохраненной, в числе прочих конструктивных деталей поэмы о Меншикове, и вся пейзажная ее экспозиция. Затерянный в снежных сугробах холм с одиноким крестом, уныло склонившимся над заброшенной могилой изгнанника, в зачине «Меншикова» обозначал березовский погост, в концовке «Войнаровского» — якутскую заимку. Возможно, что Рылеев потому только и не уничтожил начальных строк брошенной поэмы о Меншикове, что уже рассматривал их как материал, который может понадобиться ему в процессе осуществления нового замысла. Вот эти строки:

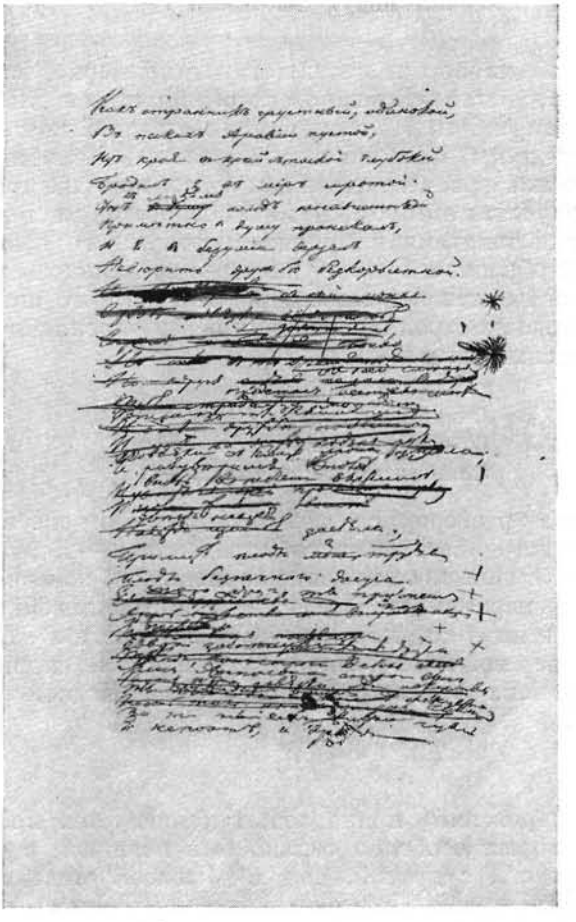
Будь ласков, дедушка, ко мне;
Скажи, над чьей простой могилой
Стоит под елью, в стороне,
К земле склонившись, крест унылый?
Сугробы снега занесли
Пустынный холм и все кладбище,
Часовня древняя вдали
И обветшалое жилище...
С могилы две стези бегут;
Одна бежит по косогору
Под тот бревенчатый приют,
Другая змейкой вьется к бору.
Березов мне не край родной;
Сюда я брошена судьбою,
Скажи ж страдалице младой,
Над чьей могилою простою
Стоит под елью крест простой?

На обороте листка, занятого этой скупой экспозицией Березова[8], сохранились исчерканные наброски стихов, посвященных другой «младой страдалице», закончившей свои дни в сибирской ссылке, — мы имеем в виду строки новой поэмы о первых встречах Войнаровского с его героической подругой:

Я помню радость девы нежной,
Когда в хранительную сень *
Был я, страдалец безнадежный,
Снесен к отцу ее в курень.
[Томим болезнию жестокой,
Как цвет в степи я увядал,

* *Первоначально:* Когда я с братьями ее

Уж встать с одра я не мечтал;
Но мне * в казачке черноокой
Творец спасителя послал]
С какой заботою ходила
Она за вянущим больным **,



ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ ПОСВЯЩЕНИЯ
А. А. БЕСТУЖЕВУ ПОЭМЫ «ВОЙНАРОВСКИЙ»,
1823 — 1824 г.г.
Центральный исторический архив, Москва

С каким участием живым
Мои желания ловила,
Чтоб их заране упреждать.
[В час моего успокоенья

---

* *Первоначально:* Но бог

** *Первоначально:*

а) С какой заботливостью милой
Она ходила вкруг меня

б) С какой заботою отрадной
Она ходила за больным

в) С какой заботою отрадной
Она за [стр⟨аждущим?⟩] вянущим больным

Она ходила собирать
Степные травы и коренья,
Чтоб ими друга врачевать].*
Я все утехи находил**
В (моей) казачке черноокой,***
В ее словах я нектар пил ****
И облегчил недуг жестокий[9].

Этот черновой набросок, соответствуя, примерно, стихам 405—424 окончательной редакции «Войнаровского», интересен для нас не только потому, что время работы Рылеева над его отделкой почти неотделимо от даты написания думы «Меншиков в Березове». Не в меньшей степени этот лиро-эпический фрагмент ценен как показатель еще продолжающегося пристального изучения автором «Дум» особенностей мастерства Пушкина. Робкая имитация тематики и приемов поэтического языка «Руслана и Людмилы» в «Ольбровне и Русле» уже через несколько месяцев сменяется освоением деталей стиля и композиции «Кавказского пленника». Из нескольких пушкинских строк о появлении перед «пленником безнадежным» его будущей спасительницы—

Очнулся русский. Перед ним,
С приветом нежным и немым,
Стоит черкешенка младая —

в поэме Рылеева развернулся целый эпизод о спасении «казачкой черноокой» другого «безнадежного страдальца» — Войнаровского. Это подражательное лирическое отступление являлось, конечно, для Рылеева только «пробой пера» и не имело значения в дальнейшем развертывании основной темы, но, характеризуя генеалогию «Войнаровского», исследователь не может пройти мимо наброска, принадлежащего к числу самых ранних фрагментов первой политической поэмы Рылеева.

III

Поэма «Войнаровский» принадлежит к числу тех произведений Рылеева, текст которых особенно сильно был искажен, с одной стороны, цензурой 1820-х гг., с другой, еще в большей степени,— авторскими приспособлениями к ней. Поэту о многом приходилось говорить только «намеками, тем эзоповским,— проклятым эзоповским — языком, к которому,— по известному выражению В. И. Ленина,— царизм заставлял прибегать всех революционеров, когда они брали в руки перо для „легального“ произведения»[10].

«Думаю, что ты получил уже из Москвы Войнаровского,— писал Рылеев 10 марта 1825 г. Пушкину.— По некоторым местам ты догадаешься, что он несколько ощипан. Делать нечего. Суди, но не кляни». А в начале июня того же года, отвечая на критику Пушкина, Рылеев признавал правильность полученных замечаний: «Благодарю тебя, милый чародей, за твои прямодушные замечания на „Войнаровского“. Ты во многом прав совершенно; особенно говоря о Миллере. Он, точно,

---

* *Это зачеркнутое четверостишие точно соответствует стихам 421—424 окончательной редакции поэмы, то есть не забраковано автором, а перенесено через две строфы вперед.*

** *Далее зачеркнуто:* Недуг и тяжкой и жестокой

*** *Первоначально:* Но я в казачке черноокой

**** *Первоначально:* В ее очах я слезы пил

истукан. Это важная ошибка; она вовлекла меня и в другие. Вложив в него верноподданнические филиппики за нашего великого Петра, я бы не имел надобности прибегать к хитростям и говорить за Войнаровского для Бирукова».

Ошибки, о которых шла речь в переписке Рылеева и Пушкина, имели в виду дефекты самого замысла и внутренней структуры «Войнаровского»,

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ РЫЛЕЕВА «ВОЙНАРОВСКИЙ»
Рисунок М. С. Знаменского, 1860—1870 гг.
Исторический музей, Москва

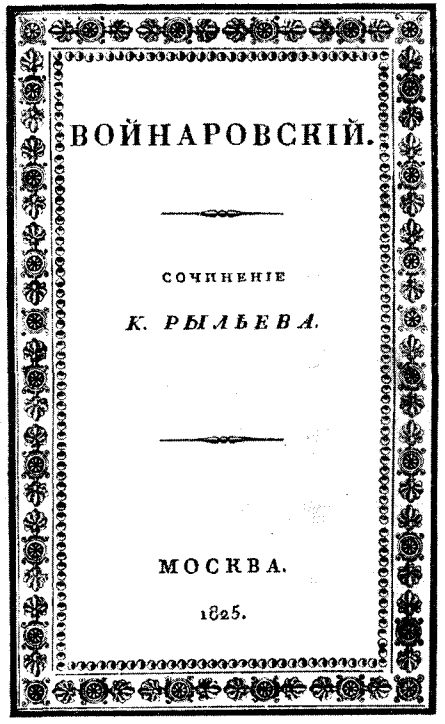
неустранимые без коренной ломки поэмы. Мы знаем, что Рылеев, увлеченный новыми замыслами, не имел уже в 1825 г. ни времени, ни охоты для возвращения к первой своей поэме. Но если переработка «Войнаровского» и не входила в творческие планы Рылеева, он не мог оставаться равнодушным к тому, что его поэма, несмотря на принесенные им жертвы, оказалась все же варварски «ощипанной» цензурой в самых ответственных своих местах. Можно поэтому не сомневаться, что автор сам

выправил значительную часть тех экземпляров отдельного издания «Войнаровского», которые предназначались для его ближайших друзей. Ни один из дарственных экземпляров поэмы еще не обнаружен, но сделанные в них исправления, став известными тем или иным путем широкому кругу единомышленников Рылеева, успели еще при его жизни, судя по некоторым спискам поэмы, войти в массовый литературный оборот.

Пробелы и искажения печатного текста были настолько очевидны, что передовые читатели охотнее пользовались рукописными копиями поэмы, чем изданием 1825 г.

Исследователь текста «Войнаровского» не может не учитывать и факта распространения списков поэмы до ее опубликования. Об этом открыто, например, писал Булгарин, отмечая в «Северной пчеле» (1825), что поэма Рылеева «долго ходила по рукам в рукописи» [11]. Об этом же свидетельствует и одно из писем декабриста П. А. Муханова, подробно информировавшего Рылеева о том, как реагировали в Одессе на список еще даже неоконченного «Войнаровского» Пушкин и М. Ф. Орлов весной 1824 г. [12]

Число копий поэмы было так велико, что, несмотря на массовое уничтожение всех печатных и рукописных произведений Рылеева после 14 декабря, в центральных и областных архивохранилищах Советского Союза насчитывается более сотни списков «Войнаровского», разной степени авторитетности, давности и полноты. На основании тех или иных из этих списков (не всегда самых авторитетных) и производилась в течение почти столетия правка текста «Войнаровского» во всех собраниях сочинений Рылеева [13]. Разумеется, если бы мы располагали автографом окончательной редакции поэмы, уяснение значимости тех или иных поправок, внесенных переписчиками Рылеева в печатный текст «Войнаровского», не представляло бы большого интереса. Но, при отсутствии подлинной авторской рукописи, задача освобождения текста «Войнаровского» от цензурных искажений не может быть разрешена без предварительного критического учета и анализа всех его списков. Эта же работа требует для своего успешного завершения внесения полной ясности в вопрос о всех утраченных и сохранившихся первоисточниках известных нам разночтений поэмы [14]. Круг этих первоисточников до недавнего времени был крайне ограничен. До нас не дошел, как известно, беловой автограф окончательной редакции «Войнаровского» (текст этот, разумеется, не совпадал с рукописью, представленной в конце 1824 г. в Московский цензурный комитет). Однако с полной определенностью можно утверждать, что беловой автограф «Войнаровского» исчез не совсем бесследно: именно он был в числе тех рукописей Рылеева, которые выкрал из архива Следственной комиссии по делу декабристов один из сотрудников этой Комиссии — А. А. Ивановский [15]. Правда, в числе бумаг Рылеева из собрания Ивановского, которые печатались в 1888—1889 гг. на страницах «Вестника Европы» и «Русской старины», а затем поступили на хранение в Пушкинский дом, автографа «Войнаровского» уже не оказалось, но возможность находки его в том или ином из архивов не лишена вероятия. Не исключена надежда и на существование копий с этого автографа. Мы основываемся на письме молодого литератора А. П. Бочкова, который под впечатлением тех литературных раритетов, с которыми познакомил его Ивановский, писал последнему в конце 1826 г.: «Я думаю, мудрено сыскать таких страстных, как мы с вами, любителей литературных конфект, только у вас всегда свежие—из тех, которые иногда от времени делаются черствыми, и самые лучшие (т. е. самые верные, напр., „Войнаровский“) — из тех, которые никогда не мокнут и не сохнут, и еще не бывавшие в тисках у цензуры» [16].



А. А. БЕСТУЖЕВУ.

Какъ странникъ грустной, одинокой,
Въ степяхъ Аравіи пустой,
Изъ края въ край съ тоской глубокой
Бродилъ я въ мірѣ сиротой.
Ужь въ людямъ холодъ ненависшной
Примѣшно въ душу проникалъ,
И я въ безуміи дерзалъ
Не вѣрить дружбѣ безкорыстной.
Незапно ты явился мнѣ:
Повязка съ глазъ моихъ упала;
Я разувѣрился вполнѣ,
И вновь въ небесной вышинѣ
Звѣзда надежды засіяла.

Примижъ плоды трудовъ моихъ,
Плоды безпечнаго досуга;
Я знаю, другъ, ты примешъ ихъ
Со всей заботливостью друга.
Какъ Аполлоновъ строгій сынъ,
Ты не увидишь въ нихъ искусства:
За то найдешь живыя чувства;
Я не Поэтъ, а Гражданинъ.

ПЕРВОЕ ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ПОЭМЫ «ВОЙНАРОВСКИЙ», 1825 г.
Обложка книги и страница с посвящением А. А. Бестужеву

Потеря автографа окончательной редакции поэмы, бывшего в распоряжении А. А. Ивановского и А. П. Бочкова, была бы не так чувствительна, если бы мы располагали черновыми рукописями поэмы или хотя бы фрагментами наиболее значительных ее частей. Однако и в этом отношении история текста «Войнаровского» документируется очень скудно.

Из беловых автографов отдельных эпизодов «Войнаровского» специалистам известен только один — «Беседа Войнаровского с Мазепой». Эти строки, соответствующие стихам 457—524 печатного текста, вписаны были в 1823 г. Рылеевым в альбом С. Д. Пономаревой. В этой случайной записи полностью дошла до нас и та замечательная строфа, которая была обезображена в издании 1825 г. отсутствием последнего стиха:

Но я решился: пусть судьба
Грозит стране родной злосчастьем,
Уж близок час, близка борьба,
Борьба свободы с самовластьем [17].

Из черновиков «Войнаровского» в распоряжении исследователей некоторое время был лишь один случайный набросок, отражавший процесс создания и отделки стихов 405—424 печатного текста (см. об этом автографе стр. 38—40). Все же данные о начальной редакции поэмы исчерпывались автографом ее первых 226 стихов, перебеленных Рылеевым для чтения в заседании С.-Петербургского Вольного общества любителей российской словесности, состоявшемся 22 мая 1823 г. [18] Выписка эта была снабжена заголовком, который и позволил нам установить ее назначение: «*Ссыльный.* Отрывки из поэмы „Войнаровский“». В письме же А. А. Бестужева от 23 мая 1823 г. к П. А. Вяземскому об успехе выступления Рылеева в Вольном обществе отмечалось именно это название прочитанной части поэмы: «Рылеева *„Ссыльный“* полон благородных чувств и разных возвышенных мыслей» [19].

IV

По-новому творческую историю «Войнаровского» позволяют осветить рукописи поэмы, обнаруженные в 1950 г. при разборке архива Якушкиных. Правда, беловых автографов последней редакции «Войнаровского» и в этом фонде бумаг Рылеева не оказалось, но все прочие стадии его работы над поэмой обозначились в новых материалах весьма выразительно, начиная от самых ранних черновых набросков и заготовок отдельных строф и кончая перебеленными на особых листах фрагментами основных разделов повествования [20].

Из 1084 стихов печатного текста «Войнаровского» мы имеем возможность после вхождения в научный оборот новой части архива Рылеева возвести к автографам начальной редакции (иногда к беловым, чаще к черновым) всего 612 строк [21]: стт. 1—239, 299—545, 589—696, 1001—1014, 1021—1024.

Многие из этих строк «Войнаровского» имеют ряд существенных отличий от общеизвестного печатного текста, в том числе и в стихах, явно искаженных цензурой в издании 1825 г. Таковы, например, стт. 652, 1005, 1006, 1008.

К числу дефектов печатного текста, вызванных цензурными требованиями, мы относим и отсутствие в издании 1825 г. пяти строк о самоубийстве, как акте, не достойном подлинного революционера. Место этих стихов, как свидетельствует автограф, между 1014 и 1015 стихами.

По-новому должны печататься сейчас в основном тексте «Войнаровского» следующие строки, выделяемые нами курсивом:

Стт. 649—652

О, как неверны наши блага!
О, как подвластны мы судьбе!
Вотще в душах кипит отвага
Настал конец святой борьбе*[22].

Стт. 1003—1014

Чтить Брута с детства я привык; **
Защитник Рима благородный,
С душою истинно свободной,
*В делах он истинно велик.****
Но он достоин укоризны;
*Свободу сам он погубил*****:
Он торжество врагов отчизны *****;
Самоубийством утвердил...
Ты видишь сам, как я страдаю,
Как жизнь в изгнанье тяжела;
Мне б смерть отрадою была...
Но жизнь и смерть я презираю.
Сей мир тогда б лишь от себя
Самоубийством я избавил,
Когда бы, совесть погубя,
Себя, в порыве страсти, я
Бесчестным делом обесславил[23].

Большое значение имеет и рукописный вариант стт. 600—604, подтверждающий правильность реконструкции первого из них во многих списках поэмы и заодно позволяющий поставить вопрос об учете в основном тексте «Войнаровского» и прочих показаний этого автографа [24]:

*Так мы, свои разрушив цепи,*******
На глас *свободы* и вождей,*******
Ниспровергая все препоны,
Помчались защищать законы,
Среди отеческих полей********.

Не менее интересен рукописный вариант ст. 656 в строфе о раздумиях предателя Мазепы после полтавской битвы:

Одно мгновенье всё решило,
Одно мгновенье погубило
Навек страны моей родной
Надежду, счастье и покой...[25]

---

* *В первопечатном тексте:* Уже настал конец борьбе
** *В первопечатном тексте:* Чтить славных с детства я привык
*** *В первопечатном тексте:* Душою истинно свободный,
Делами истинно велик
**** *В первопечатном тексте:* Сограждан сам он погубил
***** *Зачеркнутый вариант:* Он деспотизм врагов отчизны
****** *В первопечатном тексте эта строка отсутствует.*
******* *В первопечатном тексте:* На глас отчизны и вождей
******** *В первопечатном тексте:* Среди отеческих степей.

В дореволюционных изданиях «Войнаровского» последний из этих стихов обычно печатался в редакции, предложенной П. А. Ефремовым в 1871 г.:

Свободу, славу и покой [26].

Возможно, что этот вариант и восходит к какой-нибудь из рукописей «Войнаровского», но впредь до ее обнаружения мы не имеем оснований отвергать чтение этого стиха, установленное Рылеевым в «Полярной звезде» на 1824 г., подтвержденное автографом начальной редакции «Войнаровского» и, наконец, закрепленное в авторитетнейших списках поэмы.

Не останавливаясь на анализе прочих вариантов, характеризующих процесс создания «Войнаровского», но не уточняющих его окончательный текст, мы считаем необходимым особо отметить наличие в новых рукописях Рылеева большого материала, относящегося к оформлению пейзажно-этнографического введения к поэме. Из 156 стихов первой редакции этой части «Войнаровского» в окончательный текст поэмы перешло 135. Изъятию подверглись четыре стиха, характеризовавшие якутскую ярмарку (они следовали в автографе за ст. 38), и семнадцать строк, в которых сибирская весна противопоставлялась «иным временам года» (эти строки находились в рукописи между стт. 51 и 52 печатного текста):

⟨1⟩

Везде товары дорогие —
Лисицы, соболи, песцы,
И к ним спеша, в толпы густые
Теснятся бойкие купцы... [27].

⟨2⟩

Во времена ж иные года
Все мертво в сей стране глухой,
Как грозная ее природа,
Мертва жестокою зимой.
Уныло все в стране пустынной,
И все питает мрачность дум:
Дубров и Лены дикий шум,
Изгнанник гордый, но невинный,
Иль дерзкий и преступный ум.
Безлюдного, глухого края
Порой нарушат тихой мир,
Иль ветр, верхи дерев качая,
Иль полудикий юкагир,
Стремящийся на лыжах птицей,
С готовой на луку стрелой,
За чернобурою лисицей
Или за ланью молодой [28].

С тематикой этих строк связан и зачеркнутый набросок:

Настала промыслов пора!
Но страшно воет лес дремучий,
Пирамидальная гора
Оделась [в дождевые]* тучи [29].

В обоих вариантах первой редакции «Войнаровского» отсутствовало, как известно, печатное четверостишие о якутских белых ночах (стт. 128—131):

* *Надписано и зачеркнуто:* в громовые

Следил, как солнце, яркий пламень
Разлив по тверди голубой,
На миг за Кангалацкий камень
Уходит летнею порой.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ РЫЛЕЕВА «ВОЙНАРОВСКИЙ»
С картины В. В. Савича
«Нива», 1885 г., № 2

К этому же месту поэмы относились, вероятно, и строки о северном сиянии:

Нередко в полночь любовался,*
Священным ужасом объят,
Как свод небесный загорался [30].

Продолжения этот набросок не имел.

Декабрист В. И. Штейнгель, вспоминая о тех беседах, которые он вел Рылеевым летом 1823 г., отмечал, что автор «Войнаровского» просил

* *Первоначально:* Нередко ужасом священным

его, как старого сибиряка, специально «прослушать то место поэмы», в котором речь шла о Якутске, дабы избежать «погрешностей против местности»[31]. Можно думать, что некоторые из отмеченных нами описательных строф в прологе к «Войнаровскому» были частью уничтожены, частью выправлены и дополнены по совету именно Штейнгеля.

Вновь найденные рукописи «Войнаровского», как мы уже отмечали, представляют собою, в основном, не начальные черновики, а перебеленные тексты отдельных частей первой редакции поэмы. Исследователей творчества Рылеева не могут не занимать вопросы, когда и кем эти автографы оказались изъятыми из архива поэта-декабриста и в какой степени полноты дошел его архив до наших дней. В зависимости от того или иного ответа на эти вопросы определяются и перспективы дальнейших разысканий утраченных рукописей Рылеева в государственных и частных архивах. О возможностях же успеха этих розысков свидетельствует неизданное письмо П. А. Ефремова, редактора первого русского легального издания «Сочинений и переписки К. Ф. Рылеева», к С. С. Сухонину, редактору журнала «Всемирный вестник». Поводом для этого письма, датированного 15 января 1905 г., послужила газетная информация о предстоящем выходе в свет нового полного собрания сочинений Рылеева (это издание являлось бесплатным приложением к «Всемирному вестнику»). Хорошо понимая, что в основу нового сборника произведений Рылеева будет положен их старый подцензурный текст[32], П. А. Ефремов отметил в письме к Сухонину важнейшие из вольных и невольных ошибок своего издания и заодно рекомендовал внести в текст Рылеева несколько дополнений и поправок на основании тех рукописей, с которыми он, Ефремов, познакомился после 1874 г. в архиве Н. И. Пущина[33]. Не успев своевременно использовать эти материалы в своей редакционной работе, Ефремов ничего не знал о дальнейшей судьбе бумаг Рылеева из собрания его внука и оперировал лишь своими старыми выписками из них. Однако в виду того, что почти все цитаты Ефремова точно соответствовали автографам, обнаруженным в 1950 г. в архиве Якушкиных (черновые тексты «Войнаровского», дополнительная строфа думы «Ольга при могиле Игоря»), или материалам, вышедшим из этого же архива раньше (фрагмент перевода баллады Мицкевича «Лилии»: «Жена грех тяжкий сотворила»)[34], мы можем предположить, что бумаги, оказавшиеся после Октябрьской революции в распоряжении Е. Е. Якушкина, представляли собою часть литературного архива Рылеева, принадлежавшего его вдове, а затем дочери и внуку — Н. И. Пущину. В числе выписок из «Войнаровского», сделанных П. А. Ефремовым для С. С. Сухонина, были строки, извлеченные из тех листов чернового автографа поэмы, которых в 1950 г. на месте уже не оказалось. Кем и когда были изъяты эти листы, соответствовавшие стихам 860—947 второй части «Войнаровского», установить трудно; до их находки выписки Ефремова получают значение первоисточника для следующих вариантов текста поэмы:

Стт. 860—863:

Раз у Якутской юрты я
Стоял под елью одинокой;
Метель шумела вкруг меня,
И свирепел мороз жестокий.

Ст. 867:

Сливался синий свод небес.

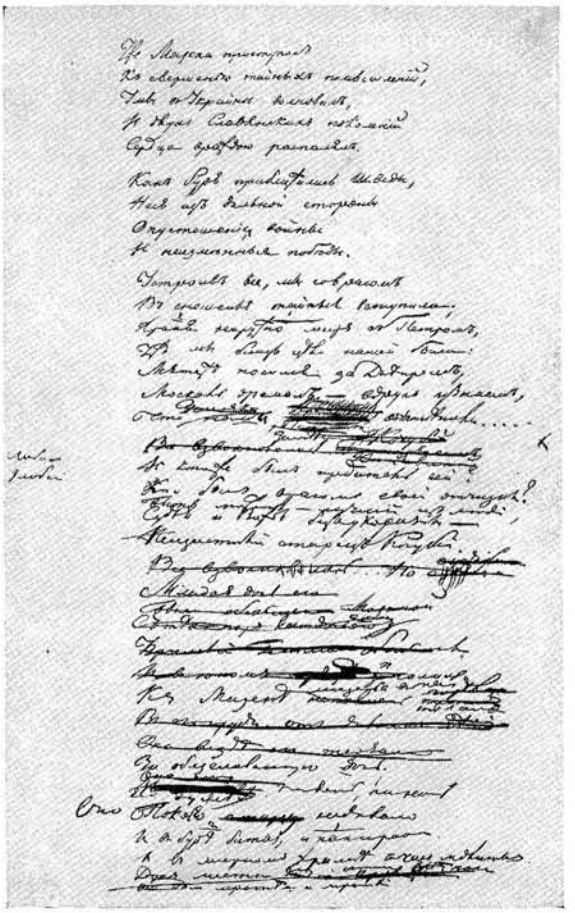
Стт. 924—925:

О прежних говорили днях,
О славном дяде, о детях.

Стт. 943—947

Она умолкла. Вдруг приметно
Несчастной сделалось трудней,
И, наконец, взглянув ясней,
Она с улыбкою приветной
Увяла в цвете юных лет.

Бесспорному учету в основном тексте поэмы подлежит из всех этих стихов лишь 925-й («О славном дяде»; вм. «О падшем дяде»). Все же прочие



АВТОГРАФ НЕИЗВЕСТНОГО ОТРЫВКА ПОЭМЫ
«ВОЙНАРОВСКИЙ», 1823—1824 гг.
Центральный исторический архив, Москва

стихи (несмотря на то, что сам Ефремов считал их необходимой принадлежностью основного текста, равнозначными тем стихам черновой рукописи, которые явно были искажены цензурой) мы рассматриваем лишь как начальные варианты рукописи [35]. Первопечатный текст этих совершенно нейтральных в политическом отношении строк более авторитетен («Стоял под сосной одинокой»; «Буран шумел вокруг меня»; «Сливался темный свод небес»; «Стал угасать огонь очей»; «И, наконец, вздохнув сильней»), так как отражает последний этап работы Рылеева над поэмой и не имеет следов цензурного вмешательства в его тексты.

V

Пушкин в одной из заметок о «Полтаве» вспоминал:
«Прочитав в первый раз в „Войнаровском“ сии стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную их дочь —

я изумился, как мог поэт пройти мимо столь страшного обстоятельства.

Обременять вымышленными ужасами исторические характеры и не мудрено и не великодушно. Клевета и в поэмах всегда казалась мне непохвальною. Но в описании Мазепы пропустить столь разительную историческую черту было непростительно»[36].

Пушкин был, однако, не совсем прав. Рылеев, работая над «Войнаровским», вовсе не прошел мимо того эпизода биографии Мазепы, который был связан с именами Кочубея и его дочери.

В той части архива Рылеева, которая сейчас обнаружена в фонде Якушкиных, среди черновых набросков первой редакции «Войнаровского» сохранились фрагменты эпизода, изъятого автором из окончательного текста поэмы. Эти строфы сохранились и в виде начальных черновых набросков[37] и в совершенно законченной редакции, перебеленной поэтом на особом листе[38]. Приводим последнюю полностью:

Уже Мазепа приступал
К свершенью тайных помышлений,
Умы в Украйне волновал,
И двух славянских поколений
Сердца враждою распалял.

Как буря, приближались шведы,
Неся из дальной стороны
Опустошения войны
И неизменные победы.

Устроив все, мы со врагом
В сношенья тайные вступили,
Наружно мир храня с Петром,
Уж мы близ цели нашей были:
Мятеж носился за Днепром,
Москаль дремал — вдруг узнаем,
Что наши замыслы открыли.*

И кто же был предатель сей?
Кто был врагом своей отчизны?**
Быть может, лучший из людей,
Судья и вождь без укоризны —
Несчастный старец Кочубей.***

К Мазепе мщенье в нем пылало ****
За обесславленную дочь;

---

* *Варианты чернового автографа: а)* Что земляки нам изменили; *б)* Что нам коварно изменили

** *Варианты чернового автографа*: *а)* Все взволновались... Гетман сам; *б)* Все взволновались... Кочубей; *в)* Все взволновались. Кто ж вино‹ю?›

*** *После этой строки в черновом автографе зачеркнуто: а)* Все взволновалось, / Но судьбина; *б)* Младая дочь его ‹*пробел в автографе*›/Была обольщена Мазепой; *в)* С тех пор как дочь его ‹младую?› / Угрюмый гетман обольстил / И в юном сердце запалил

**** *В черновом автографе зачеркнуто:* К Мазепе ненависть пылала / В его груди от давних [лет] дней / Она везде его терзала

Его душе ни день, ни ночь *
Оно покоя не давало.

И на пирах, и в буре битв,
И в мирном храме в час молитв **
Дух мести дикой, кровожадной,
Кровь Кочубея волновал
И сердце старца наполнял
Тоской и злобой безотрадной.

Он с каждым днем ⟨был все⟩ мрачней,
Он всех чуждался, всех дичился,
Страдал и, наконец, решился
На склоне непорочных дней,
Поправ закон священной чести,
Принесть с Мазепой в жертву мести
Свободу родины своей ***.

Все на Украйне взволновались...
И под шатром, и в слободах;
Недоумение и страх
У всех на лицах выражались.

В черновом автографе эти строфы о кознях Мазепы имели продолжение ****:

Как запорожец ***** утлый челн
Средь разъяренных в бурю волн
От верной гибели спасает
[Мазепа гибель отвращает].
Всё вдруг прием⟨лет⟩вид иной,
Враги добра ****** трепещут в страхе.

Мы не можем сказать с полной определенностью, к какому именно месту «Войнаровского» относится этот эпизод. В рукописи его черновики органически не связаны ни с предшествующим, ни с последующим текстом поэмы, а для процесса работы Рылеева характерно не строго последовательное развертывание начального плана, а обращение к разработке отдельных эпизодов вне определенной исторической или логической их последовательности. Таковы, например, черновые фрагменты поэм «Наливайко» и «Гайдамак», заготовки отдельных строф для ненаписанных дум — «На горной крутизне брегов/Стоит во мраке холм Олегов», «Повсюду вопли, стоны, крики/Над белокаменной Москвой», «Сидел лишь Миних одинок» и т. д. Возможно, что история заговора Мазепы, включая в нее материалы о Кочубее, его жене и дочери, должна была бы составить особую часть поэмы, заняв место между первым и вторым разделами ее окончательной редакции. Следы начального плана свернутого поэтом в процессе написания поэмы, остались и в ее оконча-

---

* *В черновом автографе зачеркнуто:* И старику ни день, ни ночь

** *В черновом автографе зачеркнуто:* Он был мрачнее и мрачней

*** *В черновом автографе далее зачеркнуто: а)* Но нас в сей раз спасла судьбина; *б)* Он в наши замыслы проникнул; *в)* Тревожим местию свирепой; *г)* При этой вести роковой; *д)* При сем известьи роковом

**** *Первый вариант этого продолжения в автографе зачеркнут:*

Один Мазепа был покоен,
Предупредить грозу спеша.
Петра Великого душа
Была чиста от подозренья.

***** *Первоначально:* Как смелый кормчий

****** *Первоначально:* Враги отчизны

тельном тексте. Мы имеем в виду два эпизода в рассказе Войнаровского (стт. 747—750 и 771—774) о предсмертных муках предателя:

И, взгляд кругом бросая быстрый,
Меня и Орлика он звал
И, задыхаясь, уверял,
Что Кочубея видит с Искрой.

. . . . . .

То трепеща и цепенея,
Он часто зрел в глухую ночь
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную их дочь [39].

Эти строфы, никак не подготовленные ни предыдущим изложением событий, ни последующим объяснением их (ни Кочубей, ни его жена и дочь, ни Искра в общеизвестном тексте «Войнаровского» больше не встречаются), являлись фрагментами неизвестной еще нам полностью первой редакции поэмы.

В рукописях Рылеева, среди черновых набросков и заготовок к «Войнаровскому», сохранился еще один след начального замысла поэмы. Мы имеем в виду фрагмент характеристики союзника Мазепы, короля Карла XII:

Суровый Карл и на пирах
Задумчив был; в его чертах
Души тревога * выражалась;
Лишь пред опасностью являлась
Улыбка на его устах.
Так зол предвестница для света,
Вдруг появляется комета
В глухую ночь на небесах.**
С таким вождем, с такою силой
Противу грозных сил Петра
Нам унывать не должно было [40].

Отказавшись от начального плана поэмы, Рылеев пытался спасти эти строфы, переместив их в характеристику Мазепы в первой части «Войнаровского» [41]:

Угрюмый, мрачный на пирах ***
Он был суров ****. В его чертах
Души тревога выражалась;
Лишь пред опасностью являлась
Улыбка на его устах,
Так зол ***** предвестница для света,
Вдруг появляется комета
В глухую ночь на небесах...
Его беседа заражала,
Как язва моровая, всех ******.

---

* *Над словом* тревога—*вариант*: суровость. *Но в первом стихе эпитет* суровый *остался не замененным, ввиду чего мы оставляем в основном тексте* — тревога.

** *После этих строк зачеркнуто два варианта начала следующей строфы:* *а*) Его душа алкала славы/Томилась жаждою побед; *б*) Упорный в замыслах своих

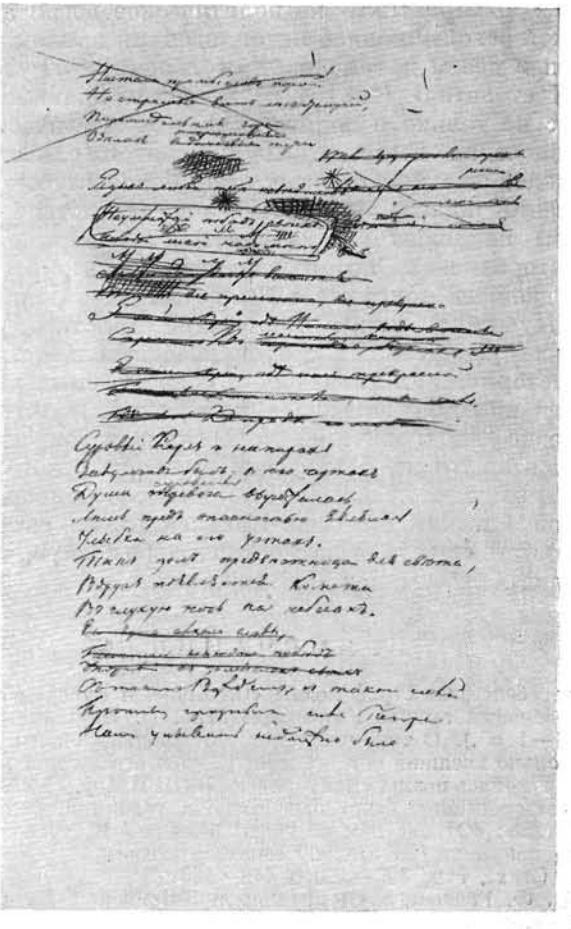
*** *Первоначально:* И чужд веселья на пирах

**** *Первоначально:* Он был угрюм

***** *Первоначально:* Так бед

****** *Зачеркнутые варианты:* *а*) Слова, как язва моровая; *б*) Его порочная беседа / Как язва заражала всех

Почему же, однако, Рылеев отказался от своего раннего плана? Чем объяснить столь резкое сужение первооснов фабулы «Войнаровского»? Мы полагаем, что в самом начале своей работы над поэмой Рылеев понял, что исторически правдивая трактовка борьбы Кочубея с Мазепой неизбежно должна была бы снизить образ последнего, а всякая попытка отрицательной интерпретации Кочубея как разоблачителя предателя



АВТОГРАФ НЕИЗВЕСТНОГО ОТРЫВКА ПОЭМЫ «ВОЙНАРОВСКИЙ», 1823—1824 гг.
Центральный исторический архив, Москва

никак не могла бы рассчитывать на сочувствие передового русского читателя. Неслучайно ведь П. А. Катенин, под впечатлением «Войнаровского», писал 26 января 1825 г. критику Н. И. Бахтину: «Всего чуднее для меня мысль представить подлеца и плута Мазепу каким-то Катоном» [42]. Исторически несостоятельной была, однако, не только характеристика Мазепы в поэме Рылеева. Столь же произвольной была и трактовка в ней основных фактов политической биографии Войнаровского. В специальной статье А. А. Бестужева «Жизнеописание Войнаровского», приложенной к первому отдельному изданию поэмы Рылеева, «герой» последней характеризовался как один из виднейших представителей украинской старши́ны, ближайший соратник Мазепы, участник всех его «тайных замыслов» и предательских действий. Рылеев изменил этот образ до

неузнаваемости. Его Войнаровский — пламенный борец за свободу, революционер и патриот, слепо чтущий в деспоте и предателе Мазепе вождя народа и не подозревающий о его бессовестной политической игре. Именно такое толкование образа Войнаровского и позволило Рылееву превратить своего героя, современника царя Петра, в рупор революционной пропаганды декабристов.

Одно из первых авторитетных свидетельств об исключительном воздействии поэмы «Войнаровский» на политическое воспитание нескольких поколений русской революционной интеллигенции принадлежит Н. П. Огареву. Именно он в своем предисловии к сборнику «Русская потаенная литература XIX столетия» (1861 г.)[43] впервые правильно поставил и разрешил вопрос не только о политической и эстетической значимости литературного наследия Рылеева, но и «святой односторонности» его творческого метода, еще не созревшего для более глубокого охвата «разнообразных явлений жизни». Как неизбежное следствие непреодоленной «односторонности» надлежит рассматривать и пренебрежение принципами конкретного историзма в поэме «Войнаровский», осужденное Пушкиным в его позднейшей полемике с Рылеевым на страницах «Полтавы».

Мастерство Пушкина, как и мастерство Толстого, это мастерство раскрытия самых существенных сторон действительности, самых существенных черт исторических характеров, показываемых не декларативно, не статично, а в живом действии, в конкретной политической борьбе. В своей трактовке вдохновителей и организаторов заговора 1709 г. Пушкин опирался на тот же фактический материал, которым располагал и Рылеев — на политическую и интимно-бытовую биографию Мазепы в «Истории Малой России» Бантыша-Каменского, но самая *мера* познания великого поэта-реалиста была много глубже и шире, чем у романтика Рылеева в пору его работы над «Войнаровским».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Автограф перебеленных строф поэмы «Ольбровн и Русла» обнаружен в 1950 г. в неизвестной ранее части архива Рылеева (ЦГИА, ф. Якушкиных, № 279, оп. 1, ед. хр. 274, л. 1—1 об.). О том, что текст этот предназначался для печати, свидетельствует не только внешний вид автографа, но и его заголовок: «Отрывок».

[2] В черновую рукопись поэмы «Войнаровский» (ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 269, л. 12 об.) это четверостишие было перенесено в редакции, более близкой тексту «Ольбровна и Руслы»: «От нас как от грозы бежали / И, трепеща постыдных уз,/ Постыдной данью покупали / И дружбу нашу, и союз».

[3] Рылеев. Стих., стр. 399—400 и 448—450.

[4] Послание В. Ф. Раевского «К друзьям в Кишинев» («Итак я здесь, за стражей я...») имеет в автографе дату: 28 марта 1822 г. Время выхода в свет поэмы «Кавказский пленник» — конец августа 1822 г. Раевский хорошо знал, конечно, поэму Пушкина в одной из ранних ее редакций.

[5] «Голос минувшего», 1917, № 7-8, стр. 89. (Копия, обнаруженная в январе 1827 г. в Харькове, в бумагах поручика Лансберга). Послание В. Ф. Раевского известно в двух редакциях, в одной из которых, цитируемой нами, поэт говорит полным голосом, в другой снимает самые резкие из своих литературно-политических формулировок, рассчитывая использовать новый вариант своего произведения в целях смягчения грозящего ему сурового приговора военного суда. Мы имеем в виду строки о «святой кротости кесаря» и т. п. Предположение М. А. Цявловского о том, что «революционная редакция» «Послания к друзьям» является вторым вариантом стихотворения, а «умеренно-либеральная» — первым («Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. VI, 1941, стр. 42—44), противоречит всем известным нам фактам политической биографии Раевского 1822—1826 гг.

Рылеев имел совершенно определенное представление о Раевском не только как о поэте, но и как о революционере. Так, например, в показаниях декабриста Д. И. Завалишина от 16 марта 1826 г. отмечалось, что Рылеев, характеризуя силу Тайного общества и политическую выдержку его членов, говорил Завалишину: «Вот вам пример: маиор Раевский третий год сидит в крепости, а не открыл никого из своего общества, да притом и общество в России не одно» (ВД, т. III, стр. 246). Признав правильность показаний Завалишина, Рылеев 6 апреля 1826 г. указал и на источник своей

информации: «О маиоре Раевском я также говорил ему ⟨Завалишину⟩, слышав о том от князя Трубецкого» (ВД, т. III, стр. 260).

[6] Эта формулировка дана была А. А. Бестужевым во «Взгляде на старую и новую словесность в России» и имела в виду «Думы» Рылеева..

[7] Данные этого автографа, хранившегося в Чертковской библиотеке в Москве, впервые были учтены П. А. Ефремовым в «Сочинениях и переписке К. Ф. Рылеева». СПб., 1872, стр. 205 и 377. Ср. перечень автографов Рылеева, поступивших в Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, в «Записках Отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. Ленина», вып. III. М., 1939, стр. 5—8.

[8] Автограф ЛБ (шифр М. 8416). — Исправленную и дополненную редакцию этого зачина поэмы «Меншиков в Березове» см. в книге: Рылеев. Стих., стр. 193—194 и 449. Традиционное толкование наброска «Будь ласков, дедушка, ко мне», как зачина недописанной думы, ошибочно.

[9] Перебеленный и вновь исправленный текст этих стихов см. в рукописях поэмы «Войнаровский», л. 14.

[10] В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 22, стр. 175.

[11] «Северная пчела», 1825, № 32, от 14 марта. — Трудности, связанные с получением разрешения на издание «Войнаровского» в Петербурге, обусловили печатание поэмы в Москве. См. новые данные об этом далее в письмах Рылеева к Вяземскому от 12 января и 20 февраля 1825 г. (стр. 144—145).

[12] Письмо П. А. Муханова к Рылееву от 13 апреля 1824 г. — сб. «Девятнадцатый век», кн. 1. М., 1872, стр. 368—369.

[13] Рукописные копии «Войнаровского» лежат в основе всех существенных дополнений и уточнений, внесенных в текст этой поэмы как в первых русских и зарубежных изданиях сочинений Рылеева, так и в последнем опыте критической реконструкции текста «Войнаровского» (Рылеев. Стих., стр. 206—236 и 452—462). Редакторы новейших сборников произведений декабристов, механически перепечатывая условную реконструкцию текста «Войнаровского», обычно не оговаривают ни своего первоисточника, ни его существенных отличий от текста поэмы, опубликованного самим Рылеевым в 1825 г. Таким образом, у читателя создается ложное представление о широких возможностях, которыми якобы располагали поэты-декабристы в легальной печати.

[14] Рукописные копии поэмы «Войнаровский», как материал для установления критического текста поэмы, еще ни разу не являлись объектом изучения. Исключительно скупы и первые сведения о них в публикациях П. А. Ефремова и М. И. Семевского («Русская старина», 1871, № 4, стр. 485—524).

[15] О фонде бумаг Рылеева, изъятых из дел Следственной комиссии 1825—1826 гг. А. А. Ивановским, см.: Рылеев. Стих., стр. VI.

[16] «Русская старина», 1889, № 7, стр. 115. О Бочкове — см. «Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 57—58.

[17] Рылеев. Стих., стр. 452.

Стих «Борьба свободы с самовластьем», изъятый цензурой из издания 1825 г., но сохранившийся в автографе Рылеева и в старейших списках поэмы, впервые введен был в текст «Войнаровского» в 1861 г., в третьем берлинском издании поэмы (Ф. Шнейдера). Во всех зарубежных изданиях сочинений Рылеева этого стиха не было.

[18] «Русская старина», 1871, № 4, стр. 513—519. — Факсимиле первого листа этой рукописи — см. в «Сборнике снимков с автографов русских деятелей 1801—1825 гг.» СПб., 1871, стр. 32.

[19] «Старина и новизна», кн. VIII. М., 1904, стр. 31.

[20] ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 269. Рукописи «Войнаровского», лл. 1—16.— Порядок листов в этой подборке автографов «Войнаровского», не соответствуя их хронологии, отражает не логическую последовательность текстов, а случайности позднейшего их размещения.

[21] Мы включаем сюда и 90 строк ранней редакции поэмы, известных по публикации П. А. Ефремова (стр. 136—226). Ср. Рылеев. Стих., стр. 452—454.

[22] Рукописи поэмы «Войнаровский», л. 16.

[23] Рукописи поэмы «Войнаровский», л. 15.— Последние четыре стиха в издании 1825 г. заменены многоточием. Ст. 1008 в редакции нашего автографа («Свободу сам он погубил») повторяется в старейших списках «Войнаровского»: 1) в альбоме П. И. Река (Отдел редких книг и рукописей Одесской государственной научной библиотеки, № 42). Дата альбома 1828 г. Сообщено М. М. Копыленко; 2) в тетради копий стихотворений Рылеева в архиве И. М. Фадеева (ЛБ. Фад. № 22). Дата списка — начало 30-х гг.; 3) в списке «Войнаровского» в тетради ЛБ (шифр ОР.47.2). Список 1839 г.

[24] Рукописи поэмы «Войнаровский», л. 15 об. — Ст. 600 в редакции «Так мы, свои разрушив цепи» был устранен из рукописи отдельного издания поэмы ее московским цензором. См. воспроизведение этого листа на стр. 33 настоящего тома. В зарубежных изданиях «Войнаровского» (1857—1862 гг.) ст. 600 произвольно печатался: «И мы, порвав подданства цепи». Вариант автографа «Среди отеческих полей» представляется (ст. 604) нам более правильным, чем первопечатный: «Среди отеческих степей». Возможность здесь описки или опечатки подтверждается

двукратным упоминанием слова «степи» в соседних стихах — 599 и 607 («Шумя, в неведомые степи» и «Я степи кровью обагрил»).

[25] Рукописи поэмы «Войнаровский», л. 16. В изд. 1825 г. стт. 655 и 656 заменены были цензурой двумя строками точек, а ст. 654 соответственно выправлен: «Одно мгновенье нас сгубило». В первых зарубежных изданиях поэмы стт. 654 и 655 печатались: «Одно мгновенье погубило / Отчизны моея родной».

[26] «Русская старина», 1871, № 4, стр. 503. Стих «Надежду, счастье и покой», замененный в изд. 1825 г., по требованию цензуры, рядом точек, в первых зарубежных изданиях «Войнаровского» (с 1857 по 1862 г.) печатался в редакции: «Надежду, славу и покой».

[27] Рукописи поэмы «Войнаровский», л. 1 об. — Строки эти не попали во второй вариант начала поэмы, перебеленный Рылеевым для чтения в Вольном обществе любителей российской словесности (см. стр. 44). Отмечаем важнейшие из прочих разночтений этой части новой рукописи:

37. И камчадал, и с пикой длинной
51. Чело тирана прояснит
53. Идет столь раннею порой
54. По берегу реки крутому
59. В своем наряде щегольском
81. Сказав, пошел по косогору
100. Седой Байкал пред бураном
122. И их отважные походы.

[28] Там же, л. 1 об. — Из этих 17 стихов Рылеев перенес во второй вариант начала поэмы (см. прим. 27) только первые четыре стиха, а остальные тринадцать перечеркнул. Но и эти четыре стиха подверглись затем той же участи.

[29] Рукописи поэмы «Войнаровский», л. 3.

[30] Там же, л. 4.

[31] «Общественные движения», стр. 410.

[32] См. далее сообщение Г. А. Рязанцева, стр. 341—342.

[33] П. А. Ефремов в письме к С. С. Сухонину с одинаковой тщательностью регистрировал и цензурные искажения и корректурные ошибки, вкравшиеся в текст «Войнаровского». С. С. Сухонин успел внести важнейшие из указанных ему поправок в редактированное им массовое «Собрание сочинений и переписки К. Ф. Рылеева».СПб., 1905, стр. 123, 130, 132, 133. Однако новые строки «Войнаровского» остались не замеченными читателями и не оставили никаких следов в литературе о Рылееве.

[34] Как свидетельствует запись в инвентарной книге Музея революции СССР, сообщенная нам Н. М. Дружининым, автограф семнадцати строк перевода баллады Мицкевича «Лилия» принесен был в дар Музею Е. Е. Якушкиным 27 ноября 1925 г. (№ 1659). Ср. ссылку письма П. А. Ефремова к С. С. Сухонину на неизданные строки этого автографа, с указанием на то, что они списаны «у внука Рылеева, Пущина, с рукописей, которые нашлись у него уж по выходе моих изданий». Никаких упоминаний об этом эпизоде мы не находим в переписке Ефремова с А. К. и Н. И. Пущиными («Летописи», стр. 288—298).

[35] Замена в ст. 861 рукописного варианта «ель» на «сосну» также не случайна, как и замена в стт. 37—38 варианта «И камчадал, и с пикой длинной / Сибирской строевой казак» на «Лесной тунгус и с пикой длинной / Сибирской строевой казак». О «погрешностях против местности» в этнографических и пейзажных частях поэмы, выправленных Рылеевым после прочтения «Войнаровского» Штейнгелю, см. стр. 47—48.

[36] П у ш к и н, т. XI, стр. 160.

[37] Рукописи поэмы «Войнаровский», лл. 7 и 8 об. — Оборот л. 7 и лицевая сторона л. 8 — чистые. Первые 16 стихов, записанные без помарок, точно соответствуют окончательному тексту. Со ст. 17 автограф представляет собою черновик.

[38] Рукописи поэмы «Войнаровский», л. 9.— Оборот листа чистый.

[39] Строфы эти не вызывают сейчас недоумения читателей лишь потому, что события, о которых глухо упоминается в «Войнаровском», хорошо известны по передаче их в «Полтаве» Пушкина. Современники же Рылеева располагали специальной биографической справкой о Мазепе, приложенной к первому изданию «Войнаровского» (в эту «справку» входили данные и о ссоре Мазепы с Кочубеем).

[40] Рукописи поэмы «Войнаровский», л. 3 («Суровый Карл и на пирах»). — На этом же листе зачеркнуто четверостишие: «Настала промыслов пора» (см. выше, стр. 46) и черновик мадригала «В альбом Т. С. К.» («Язык любви тебе не внятен»). На обороте листа три зачеркнутых стиха: «Среди пустынь родной страны / Давно замолкнул гром войны./ Погиб Мазепа, Карл убит».

[41] Рукописи «Войнаровского», л. 10 («Угрюмый, мрачный, на пирах»). — На обороте этого листа исчерканный черновик мадригала «Своей любезностью опасной». В окончательном тексте «Войнаровского» эпитет «угрюмый» является одним из неизменных признаков образа Мазепы: «Угрюмый гетман», «Угрюмый с нами, он молчал», «С его угрюмого чела / Сбежало облако печали».

[42] «Русская старина», 1911, № 6, стр. 594.

[43] Русская потаенная литература XIX столетия. Лондон, 1861, стр. XLII.

НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ ТРАГЕДИИ «ХМЕЛЬНИЦКИЙ»

Статья А. Г. Цейтлина

11 октября 1943 г. «Правда» писала о Богдане Хмельницком: «Разрешению двух основных задач посвятил Богдан Хмельницкий свою жизнь: освобождению Украины от чужеземного ига и объединению Украины с Россией. Достижения этой цели он добивался со всей силой своей могучей воли, своей неистощимой энергии. На службу своей великой идее он поставил свой блестящий талант организатора, выдающиеся качества полководца и военачальника, свое искусство замечательного дипломата».

Писатели-декабристы, всегда относившиеся с горячим сочувствием к борьбе порабощенных народов за свое национальное освобождение, неоднократно изображали Хмельницкого в своих художественных произведениях. Ф. Н. Глинка написал о нем роман «Зиновий Богдан Хмельницкий, или освобожденная Малороссия» (1819). Идейная концепция Ф. Н. Глинки была раскрыта уже в первых строках этого романа: «Взошло прекрасное весеннее солнце и осветило грозные стены и прелестные окрестности Чигирина. Весело пробуждались гордые литовцы, но с прискорбием взирали на свет дневной сыны Малороссии: первые господствовали, другие стонали под игом рабства». Декабрист Ф. Н. Глинка восторженно рассказывал о юном Хмельницком, о его стремлении к подвигам — герой, выдвинутый народом, Хмельницкий пользуется безграничным доверием восставших украинцев: «Является герой, вдохновенный небом, подкрепляемый счастием. Он велит — и тысячи малороссийские повинуются ему...» [1]

Вслед за романом Ф. Н. Глинки, написанным в духе революционного романтизма начала XIX в., созданы были стихотворные произведения о Хмельницком. Такова, в первую очередь, историческая дума Рылеева «Богдан Хмельницкий», напечатанная 1 марта 1822 г. в газете А. Ф. Воейкова «Русский инвалид». Связь этой думы с историческим романом Ф. Н. Глинки проявилась даже в языке, не говоря уже об их общей идейной концепции [2].

В начале 1825 г. дума Рылеева «Богдан Хмельницкий» была перепечатана в сборнике «Думы». Однако образ славного украинского гетмана продолжал занимать Рылеева. «Очень рад,— писал он Пушкину 12 февраля 1825 г.,— что Войнаровский понравился тебе. В этом же роде я начал Наливайку и составляю план для Хмельницкого. Последнего хочу сделать в 6 песнях: иначе не все выскажешь»[3]. В поэме о Богдане Хмельницком Рылеев намерен был еще раз прославить героику украинского освободительного движения во имя пропаганды декабристских идей. Широкое полотно поэмы «в шести песнях» давало Рылееву возможность на материале прошлого высказываться о политической борьбе его времени.

Эпоху Богдана Хмельницкого Рылеев изучал по тем же историческим источникам, какие уже помогли ему в работе над поэмой «Наливайко». Больше всего материала Рылеев почерпнул из «Истории Малой России» Д. Н. Бантыша-Каменского (1822). К этому трехтомному труду присоединилась рукописная «История руссов или Малой России» (которую долго приписывали Георгию Конисскому; в настоящее время некоторые исследователи называют ее автором Г. А. Полетику[4]). «История руссов» была напечатана лишь в 1846 г., однако она еще в двадцатые годы ходила по рукам в многочисленных списках. В октябре 1825 г. Рылеев получил выписки из этой рукописи от декабриста А. Ф. Бриггена[5].

О содержании этих выписок мы можем лишь догадываться. Может быть, это был отрывок из речи Богдана Хмельницкого. «Мы подняли оружие не для корысти какой или пустого тщеславия,— говорил Хмельницкий,— а единственно на оборону отечества нашего, жизни нашей и жизни чад наших»[6].

Изучение черновых автографов Рылеева, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве в Москве, показывает, что поэма о Хмельницком писалась одновременно с «Наливайко» и «Палеем». Отдельные эпизоды переносились поэтом из повествования в повествование от «Наливайко» к «Хмельницкому»:

Веет, веет, повевает
Тихий ветр с днепровских вод,
Войско храбрых выступает
С шумной радостью в поход <...>
[Лишь один всеведец знает,
Что Хмельницкий замышляет...]

В этом отрывке, впервые публикуемом выше (стр. 26—28), Хмельницкий выступает как вождь казацкого войска:

Гетман степию широкой,
От полков на скакуне,
В мрачной думе, одинокой,
Тихо едет на коне.

Образ Хмельницкого сменяется образом другого гетмана:

Все Наливайку веселило,
Все добрым предвещаньем было.

В третьем отрывке того же рылеевского автографа фигурирует имя третьего гетмана Украины:

Уже дружины казаков
Слабели в битве рукопашной...
Вдруг на татар, как тихорь страшный,
Как ливный дождь из облаков,
Ударил с воплем Сайгадашный
С дружиной буйных удальцов.

Таким образом, Рылеев начал писать о казацком походе, сам еще не зная точно, кого из трех украинских гетманов изобразит он стоящим во главе похода: Наливайко (конец XVI в.), Сагайдачного (начало XVII в.) или Хмельницкого (середина XVII в.). Для поэта это было и не очень важно: все три фигуры в несколько абстрактном, романтизированном изображении оказались бы, конечно, похожими одна на другую.

Работа Рылеева над поэмой о Хмельницком развивалась медленно. Что мешало ему создавать это произведение, мы не знаем. Можно думать, что замыслы «Наливайко» и «Палея» мешали замыслу третьей по счету поэмы. Уже в «Наливайко» и «Палее» вполне раскрылся и вольнолюбивый пафос Рылеева, и его горячее сочувствие национально-освободительной борьбе украинского народа. Более чем примечателен тот факт, что в архиве поэта не сохранилось ни одного литературного наброска, который имел бы прямое отношение к «Хмельницкому».

Примерно к лету 1825 г. замысел «Хмельницкого» претерпел существенные изменения: вместо поэмы Рылеев решил писать трагедию. Драматическая форма давала ему возможность полнее раскрыть политические

страсти, столкнуть между собой сильные характеры, изобразить историю Украины на самом бурном этапе ее национально-освободительной борьбы.

Осенью 1825 г. Рылеев уже начал работать над трагедией. Ф. Н. Глинка показал 15 февраля 1826 г. на следствии: «Рылеев был болен сильною опухолью в горле и ни о чем не говорил со мною, как только о разных предначертаниях его *поэм*, также о трагедии „Богдан Хмельницкий", которую начал писать, и намеревался объехать разные места Малороссии, где действовал сей гетман, чтоб дать историческую правдоподобность своему сочинению»[7].

Это свидетельство Ф. Н. Глинки относилось к последнему месяцу жизни Рылеева на свободе, точнее к концу ноября — началу декабря 1825 г. Оно интересно тем, что указывает на новые методы творческого труда, к которым Рылеев намеревался прибегнуть. В пору работы над думой «Богдан Хмельницкий», в которой не было и малой доли «местного колорита», Рылееву, конечно, незачем было «объезжать разные места Малороссии»[8]. Теперь же поездка в места, «где действовал сей гетман», оказалась для Рылеева необходимой, так как он собирался придать своей трагедии «историческую правдоподобность». Можно не сомневаться, что поездку на Украину Рылеев использовал бы для укрепления связи между двумя тайными обществами.

Второе, еще более важное и до сих пор не опубликованное свидетельство о «Хмельницком» принадлежит В. И. Штейнгелю. В его показании Следственной комиссии от 9 февраля 1826 г. говорится: «Около половины уже ноября, не прежде, будучи приглашен Рылеевым к меньшому Ростовцеву на чтение отрывка из сочиненной им трагедии „Пожарский", изготовленного для помещения в „Полярную звезду", я увидел тут в первый раз князя Оболенского и познакомился с ним. Впрочем, кроме упомянутого отрывка и прочитанного потом Рылеевым пролога к его трагедии „Хмельницкий", другого предмета разговора не было...».

Это показание В. И. Штейнгеля драгоценно. Из него явствует, что к середине ноября 1825 г. Рылеев уже написал пролог к новой трагедии. Глинка и Штейнгель не противоречат друг другу, их показания взаимно дополняют одно другое.

Что же мог читать Рылеев на вечере у «меньшого Ростовцева»? Ответить на этот вопрос нам позволяет впервые публикуемый здесь отрывок из драматического сочинения Рылеева [10]. Есть все основания считать этот отрывок прологом к трагедии о Хмельницком: других драматических замыслов Рылеева мы не знаем, а содержание данного отрывка явным образом относится к эпохе Хмельницкого. Отрывок начинается словом «Пролог»; повидимому, именно его Штейнгель и слышал в середине ноября 1825 г. из уст Рылеева.

Действие «Пролога» происходит на площади в Чигирине. Польский шляхтич Чаплицкий всеми средствами стремится получить с бедных украинских крестьян подати. Пока они не заплатят их, все православные храмы в городе будут закрыты и никаких церковных треб в них не будет совершаться. Действие «Пролога» начинается с того, что возмущенные крестьяне просят арендатора, выполняющего приказ Чаплицкого:

Юрко

〈...〉 дай ключи от церкви;
Лишь только хлеб сберем с своих полей,
Церковную мы подать всю внесем.
Теперь, ты знаешь сам, мы обнищали:
Кто лошадь, кто овцу, а кто пожитки
Последние из бедной хаты продал,

Чтоб только чинш Чаплицкому отдать.
Вот уж прошло шесть воскресений сряду,
Как в церковь нас ты не велел пускать;
Священникам в парафиях * окрестных
Ты отправлять все требы запретил:
Недели три, как бог послал мне сына;
Отец Карпо его крестить не смеет...

Начыпор

Мой сын уж целый год Настусю любит,
Ты обвенчать не позволяешь их.

Свырыд

А у меня мать при смерти лежит
И третий день всё исповеди просит <...>

Настуся

Будь ласков к нам...

Грыцько

Позволь нас обвенчать.

Свырыд

Позволь отцу Карпу́ на хутор съездить;
Божусь, внесем мы подать всю сполна.

Алчный арендатор, стремящийся нажиться на крестьянском горе, цинично заявляет:

Мне не слова, мне гроши ваши нужны.

Все крестьянское имущество «давно в закладе... иль отнято на пана подстаро́сту». Но арендатор неумолим; крестьяне должны внести подать:

Ну, так займи... ведь твой сосед, Пылып,
Недавно в дом из Сечи воротился.
Я слышал, много он добычи разной
Привез с собой — и в клуне закопал.
Он даст тебе взаймы; он должен дать:
В нужде должно друг другу помогать;
А если он не даст, так ты...

«Так что?» — спрашивает арендатора возмущенный Свырыд. Тот издевательски отвечает Свырыду:

Ну, что?.. ты разве глух и не слыхал,
Что он зарыл свою добычу в клуне...

Возмущенные казаки хотят расправиться с арендатором; тот вызывает на помощь польского офицера, по приказу которого Свырыда связывают и уводят.

Сотник

Что ж стали вы? связать его, скорей.

---

* Парафиях — приходах. — *Ред.*

БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ

С портрета маслом неизвестного художника XVII в.

Исторический музей, Москва

〈С в ы р ы д〉

Не смейте! прочь! Он лях; я ваш земляк;
Сегодня свяжете меня, а завтра
Кого-нибудь из вас другие свяжут;
Пора узнать, что лях над казаками
Тиранствует посредством казаков же.

Жена арендатора уговаривает мужа бежать из Чигирина; ее пугает ненависть казаков. Тот отказывается бросить место, дающее ему значительные доходы. Оставшиеся на площади украинцы с негодованием говорят о гнете польских панов:

1-й м а л о р о с с и я н и н

Ушли... Ну, вот, еще один погиб.
Эх, брат Юрко, прогневали мы бога,
Всем на Руси пришельцы завладели,
*В своей земле житья мы не находим.**
Нет больше сил терпеть. Бегу отсель,
Бегу за Днепр к удалым запорожцам,
Чтоб притупить об кости дерзких ляхов
От деда мне доставшуюся саблю.
Прощай.

Г р ы ц ь к о

И я с тобой; благослови
Меня, отец; прощай, не плачь, Настуся.

Ю р к о

За Днепр... и я б туда, когда б не дети...
Чего, чего не вытерпели мы
За то, что не хотим на униатство
Переменить мы православной веры.
Все отнято у нас: права, уряды,
Имения и даже церкви наши ограблены 〈...〉

2-й м а л о р о с с и я н и н

Уж, видно, так создателю угодно...

Ю р к о

Нет, нет; поверь, создатель зла не хочет;
Не он, не он виною бед Украйны,
Но мы с своим терпением воловьим.
Нет головы, нет гетмана у нас.

---

* *Далее зачеркнуто:*

а) За то, что не хотим на униатство
Переменить мы веры православной,
И погубить свои навечно души;
б) Ю р к о
Уж видно так создателю угодно.
Прав стародавних нас лишили.
Чего, чего не вытерпели мы
За то, что не хотим на униатство
Переменить мы православной веры.
Нет силы жить...

Когда был жив наш гетман Сагайдашный,
И крымцам мы, и ляхам были страшны.*
Теперь же все пошло у нас вверх дном...
И весь народ стал польским ясырем.

2-й малороссиянин

Опять католики без страха стали
Нас в унию насильно обращать,
И православную святую веру
Холопскою в глаза нам называть.

В 1596 г. на правобережной Украине польской шляхтой была введена так называемая «уния», навязавшая украинскому народу чуждые и ненавистные ему обряды католической церкви. Вот что Рылеев мог прочесть в «Истории Малой России» Д. Н. Бантыша-Каменского о последствиях введения унии на Украине: «Униаты насильно присвоивали себе знатнейшие монастыри и приходские церкви, прочие разоряли, запечатывали; ловили, мучили священников; разгоняли народ <...> Войска польские под предводительством коронного гетмана вступили в Малороссию» [11].

Польская шляхта завладела лучшими землями на правобережной Украине и начала осуществлять жесточайшую эксплуатацию украинских крестьян.

По некоторым намекам и указаниям, содержащимся в рылеевском «Прологе», мы можем установить, в какие годы происходило действие трагедии. Слова Юрко:

Нет головы, нет гетмана у нас.
Когда был жив наш гетман Сагайдашный,
И крымцам мы, и ляхам были страшны —

дают основание отнести действие «Пролога» к тридцатым годам XVII в. Слова жены арендатора «Придет опять Тарасовская ночь» дают нам основание точнее установить время, о котором идет речь. Как указывал автор «Истории Малой России», «битва переяславская, названная казаками „Тарасовской ночью", открыла им путь к новым торжествам. Значительная часть Малороссии была очищена от поляков; более всех пострадали арендаторы тамошние».

«Битва переяславская» произошла в 1628 г. и, стало быть, действие, изображенное в «Прологе», относится к последующему времени. То, что на помощь откупщику приходит «пан сотник», еще более уточняет дату действия «Пролога», поскольку польские войска введены были в Чигирин в 1632 г.

Вся совокупность намеков и указаний позволяет датировать происходящее в «Прологе» действие концом тридцатых годов XVII в. Будущий

---

* *Далее зачеркнуто:*

Никто тогда нас оскорблять не смел...
Насильств и дерзостей
И униата наглостей от...

Утихло все, и лях, и уния дремала
И в унию из православной веры
Насильно нас не смели обращать.
Лишь умер он, опять
Тогда же все реестровые во́йска
Коронному гетма́ну подчинились
<1 слово нрзб.> именья разобрали

герой ее в ту пору еще находился в своем поместье Субботове, по соседству с имением подстаросты Данилы Чаплицкого. Распря их произойдет восемью-десятью годами позднее — в 1646 г. Вскоре после этого Хмельницкий поднимет на «ляхов» Запорожскую сечь.

В дошедшем до нас отрывке «Пролога» показано, что между Чигирином и Сечью существует постоянная связь. Из Сечи возвращаются на правобережную Украину с богатой добычей отважные удальцы (сосед Свырыда). На Сечь бегут угнетенные украинские крестьяне, у которых «нет больше сил терпеть» (Начыпор, Грыцько).

Крупнейшим достоинством «Пролога» является конкретно-историческое отражение в нем настроений украинского народа. Автор «Хмельницкого» показал стремление украинцев к национальному освобождению в сравнительно небольшом по размеру отрывке «Пролога». Он достиг этого новыми, по существу своему *реалистическими* средствами. Конфликт, изображенный в «Прологе», рождается из рядового и будничного столкновения эксплуататоров и эксплуатируемых — отсюда и донос арендатора, и арест Свырыда, и решение возмущенных крестьян бежать в Запорожскую сечь. Еще не умея создавать типические характеры, Рылеев стремился поставить своих героев в обстановку «типических обстоятельств».

Среди образов украинцев центральное место принадлежит Свырыду. Он понимает то, что еще недоступно сознанию его товарищей:

Не смейте! прочь! Он лях; я ваш земляк;
Сегодня свяжете меня, а завтра
Кого-нибудь из вас другие свяжут;
Пора узнать, что лях над казаками
Тиранствует посредством казаков же.

Эти слова Свырыда, обращенные к связывающим его землякам, свидетельствуют о том, что он трезво оценивал политическую обстановку. Герой поэмы Наливайко восклицал: «Мой жребий ненавидеть / Равно тиранов и рабов!..». Естественные в устах Наливайко, слова эти показались бы чересчур приподнятыми, если бы их произнес Свырыд. Рылеев этого и не делает: речь Свырыда свободна от какой-либо романтической аффектации, но в том немногом, что он говорит, раскрывается суровая правда тогдашней украинской действительности.

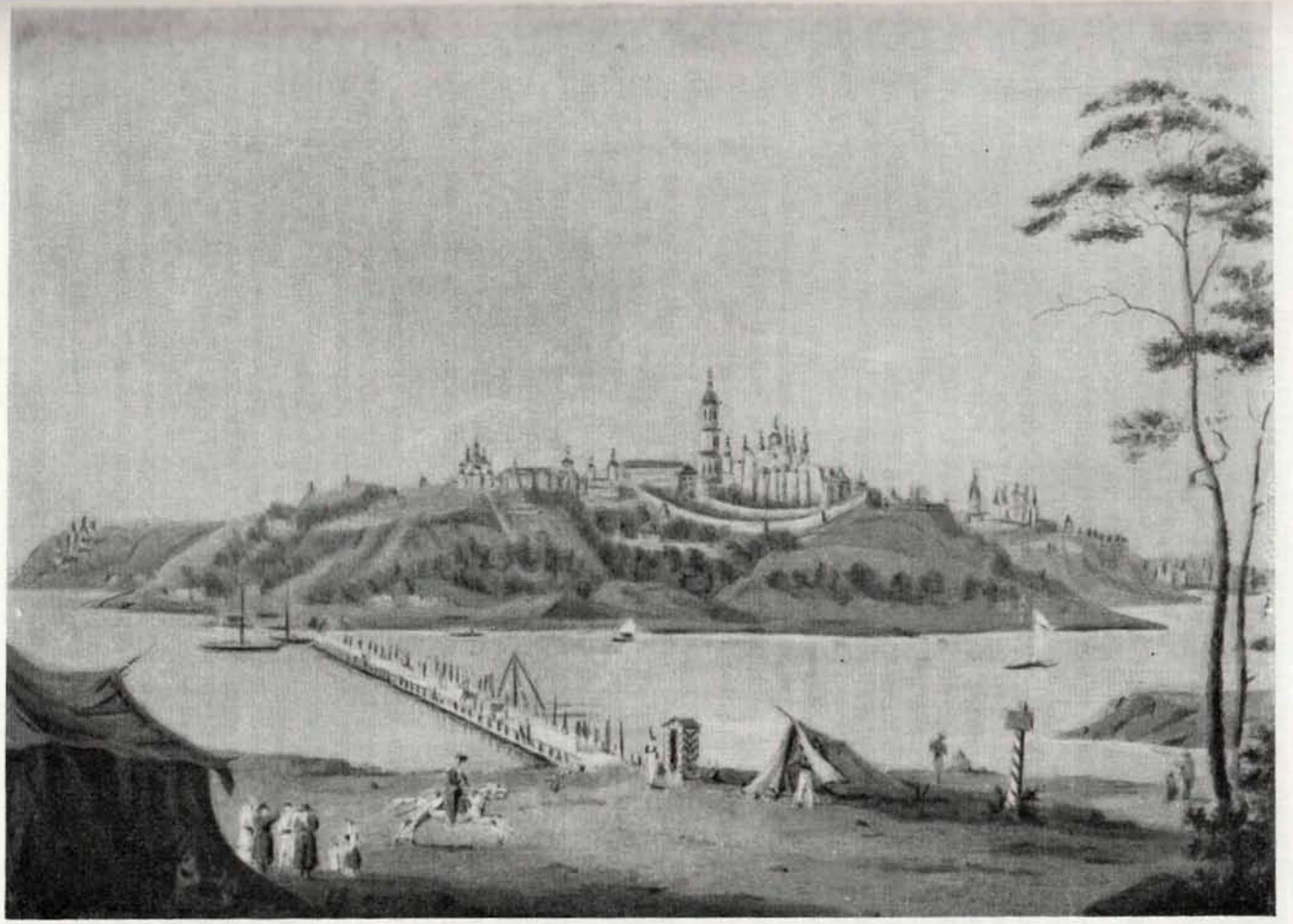
О Свырыде можно поэтому говорить, как об определенном характере, раскрытом пока еще только в политическом плане. Можно предполагать, что в трагедии Свырыду или подобным ему предназначена была важная роль: на таких людей в первую очередь и опирался Богдан Хмельницкий.

В 1822 г. Рылеев еще изображал героя одиночкой, не связанным с народной массой. В думе «Богдан Хмельницкий» страдания украинцев непосредственно изображены не были. Повествование посвящено было изображению страданий и борьбы Хмельницкого. Жена Чаплицкого освободила Богдана, он уже на коне —

И вкруг его, как моря волны,
Рои толпятся казаков...

И вот уже происходят решающие схватки между «обоими народами». Все дело в наличии героя, в его инициативе, — как бы утверждал Рылеев в думе 1822 г.

В трагедии герою еще предстоит появиться. Но уже из «Пролога» видно, что роль его будет совершенно иной. Народная масса бурлит



КИЕВ

Акварель неизвестного художника, 1820-е гг.

Эрмитаж, Ленинград

и негодует, в ней постепенно зреет воля к борьбе. Примечательно уже то, что Рылеев начал «Хмельницкого» с изображения социального фона: этого вовсе не было в думе. Герой трагедии должен быть кровно связан с народной массой и этим будет обеспечена грядущая победа и освобождение Украины от чужеземного ига.

Все это — лишь предположения, основанные на сравнительно небольшом отрывке из неосуществленной Рылеевым трагедии. Однако мы вправе делать такие предположения, основывающиеся на учете тенденций его работы. Ведь не ради изобличения арендатора и ему подобных был написан этот «Пролог», а для того, чтобы подчеркнуть, что центральной силой восстания была страдающая масса украинского народа, ее нарастающий протест.

Появление вождя обусловливалось теперь не обстоятельствами его личной жизни (как это в известной мере было в думе «Богдан Хмельницкий»), а народным восстанием.

Этой основной и по существу своему реалистической цели служат все элементы стиля рылеевского «Пролога». Весь отрывок насыщен бытовыми подробностями: идет ли речь от лица украинцев или от лица арендатора, всюду изображается повседневная жизнь:

...ведь твой сосед, Пылыш,
Недавно в дом из Сечи воротился.
Я слышал, много он добычи разной
Привез с собой — и в клуне закопал.

Замечателен язык «Пролога», свободный от романтической приподнятости, лишенный декламационности рылеевских дум или поэм. Речь украинцев включает в себя диалектизмы (например, в языке Юрко: «Будь ласков...»); польские и турецко-татарские слова вкраплены в текст и способствуют историко-географической конкретизации событий: «...пожитки последние из бедной хаты продал, чтоб только *чинш* Чаплицкому отдать»; «И весь народ стал польским *ясырем*». Характерен, наконец, и совершенно новый для Рылеева размер стиха — белый пятистопный ямб, без рифм, напоминающий пятистопный ямб «Бориса Годунова».

Нельзя считать это сходство результатом влияния «Бориса Годунова» на Рылеева, так как «Пролог» был им написан раньше, чем Пушкин создал свою трагедию. Здесь налицо характерная перекличка двух писателей, приблизившихся друг к другу в художественной трактовке исторической темы.

В своем стремлении к реализму автор «Хмельницкого» опередил всех, без исключения, декабристских писателей, работавших над исторической тематикой: Ф. Н. Глинку, В. К. Кюхельбекера, А. А. Бестужева-Марлинского, О. М. Сомова и др. Все они в общем ограничивались тем, что создавали образы, служившие «рупором» декабристских идей, тогда как в «Прологе» к «Хмельницкому» впервые в этой литературе заговорила подлинная история.

Новаторство Рылеева станет еще более очевидным, если мы учтем, что трагедия о Хмельницком писалась за восемь лет до «Тараса Бульбы» и в один год с «Борисом Годуновым». Рылееву оказались тесны рамки романтической поэмы; жанр трагедии давал ему, как и Пушкину, несравненно больше возможностей. Разумеется, Рылеев не мог сравниться с Пушкиным, твердой поступью шедшим по сознательно избранному им пути художественного реализма. При всем этом «Пролог» к «Хмельницкому», как и агитационно-сатирические песни, знаменовал собою движение Рылеева к реализму.

Это движение не означало, однако, полного перехода Рылеева к реализму. Свойственное Рылееву романтическое мировоззрение мешало ему понять законы исторического развития, в частности — определяющую роль в нем народной массы. Дворянский революционер двадцатых годов, Рылеев до конца не уяснил себе, что без активного участия народа самодержавно-крепостническое государство не может быть низвергнуто. Как известно, на Сенатской площади лучшие люди из дворян оказались изолированными от народа и тем самым обреченными на поражение.

Романтическое мировоззрение Рылеева не могло не сказаться на его отношении к реалистическому методу в художественной литературе.

Но, указывая на препятствия, мешавшие Рылееву стать убежденным сторонником последнего, мы не можем преуменьшать значения в этом отношении тех усилий, которые он сделал уже в «Прологе» к «Хмельницкому».

Ближайшие друзья Рылеева отдавали себе в этом ясный отчет. Н. А. Бестужев писал в своих позднейших воспоминаниях, что «новые сочинения, начатые Рылеевым, носили на себе печать зрелейшего таланта. Можно было надеяться, что опытность на литературном поприще, очищенные понятия и большая разборчивость подарили бы нас произведениями совершеннейшими. Жалею, что слабая моя память не может представить ясного тому доказательства из начатков Мазепы и Хмельницкого. Из первого некоторые отрывки напечатаны, другой еще был, так сказать, в пеленках, но уже рождение его обещало впереди возмужалость таланта»[12].

В начале 1954 г. наша страна отметила знаменательную дату — 300-летие Переяславской Рады, на которой было окончательно закреплено воссоединение Украины с Россией. Богдан Хмельницкий был передовым борцом за дело воссоединения двух братских народов.

В связи с этим «Пролог» к трагедии о Богдане Хмельницком Рылеева приобретает особое значение, как еще одно яркое доказательство интереса передовых людей России к истории братского украинского народа, к его выдающимся прогрессивным деятелям.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ф. Н. Глинка. Зиновий Богдан Хмельницкий, или освобожденная Малороссия. СПб., 1819; ср. «Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика». М.—Л., 1951, стр. 333—334.

Об интересе передовых русских писателей десятых годов к освободительной борьбе украинского народа свидетельствуют и недавно опубликованные черновые наброски Н. И. Гнедича. В начале предисловия к истории Украины Н. И. Гнедич утверждал идеи исторической закономерности борьбы украинцев за свое национальное освобождение. Он писал: «История Малороссии есть история сей мысли, всеобщей, народной, от гетмана до казака <...> Отторгнутая от России Литвою, похищенная у нее Польшею, угнетенная, терзаемая фанатизмом католицизма и тиранством панов польских, Малороссия в продолжении нескольких веков тщетно вопила о помощи к <...> царям российским, еще слабым, еще страшившимся оскорбить заступлением ее могущество Польши. В таких обстоятельствах рождалася в Малороссии всеобщая мысль о собственном сохранении и с нею всеобщий воинственный дух» (И. Н. Медведева. Н. И. Гнедич и декабристы. — «Декабристы и их время», 1951, стр. 120).

[2] В предисловии к своему роману Ф. Н. Глинка отмечал: «Подлинное имя Хмельницкого есть, кажется, Зиновий, а Богдан, как говорит изустное предание, только почетный придаток к его имени. Народ почитал его данным от бога...». В отдельном издании «Дум» Рылеева эти слова Глинки были повторены почти буквально.

[3] Рылеев. Соч., стр. 483. — Материалы о работе над поэмой «Хмельницкий» — см. Рылеев. Стих., стр. 483—484.

[4] Данные о вхождении «Истории русов» в научный и литературный оборот см. в статье: Ю. Г. Оксман. Пушкин в работе над историей Украины. — «Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 211—221.

[5] Письмо А. Ф. Бриггена к Рылееву хранится в ИРЛИ. Оно не совсем исправно напечатано В. И. Масловым (Прилож., стр. 97—98).

[6] «История русов или Малой России». Соч. Георгия Конисского. М., 1846, стр. 62.

[7] См. стр. 216 настоящего тома.

[8] Правда, уже и Ф. Н. Глинка во время работы над романом о Богдане Хмельницком старался «получить о нем всевозможные сведения во время пребывания в Киеве, Чернигове и на Украине. Я сбирал всякого рода предания, входил во все подробности и вслушивался даже в песни народа, которые нередко объясняют разные места истории его» (см. «Киевские университетские известия», 1916, № 2, стр. 53). Весь этот собранный им биографический «устно поэтический материал» Ф. Н. Глинка предназначал для того «очерка жизнеописания» Богдана Хмельницкого, который, «по недосугам и прочим обстоятельствам», так и не был им написан. В романе же этот фактический «материал» остался не исследованным.

[9] См. стр. 234 настоящего тома.

[10] Все дальнейшие цитаты из этого отрывка приводятся по автографу ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 279, лл. 1—4. Отметим, что начало этой рукописи имеет вид белового автографа; правка текста начинается с конца оборота второго листа, на последних двух листах автографа она весьма обильна.

[11] Д. Н. Бантыш-Каменский. История Малой России. Изд. 4. СПб., 1903, стр. 99.

[12] Бестужевы, стр. 27.

II. АГИТАЦИОННЫЕ ПЕСНИ

АГИТАЦИОННАЯ ПЕСНЯ «ЦАРЬ НАШ — НЕМЕЦ РУССКИЙ»

Статья Ю. Г. Оксмана

Первый стихотворный памфлет на Александра I — «Ура! В Россию скачет кочующий деспот» — появился в Петербурге около середины декабря 1818 г. Этот памфлет, одно из самых ранних выступлений Пушкина как политического лирика, связанного с первыми тайными организациями декабристов, создан был, как впоследствии «Вольность», «Деревня», стихи об императрице Елизавете («На лире скромной, благородной...»), под несомненным идеологическим воздействием, а может быть, и по прямому заданию руководящих членов Союза Благоденствия. Стихи приурочены были к возвращению Александра I в столицу с Аахенского конгресса (22 декабря 1818 г. он приехал в Царское село). Именно на этом конгрессе русский царь выявил себя до конца как знаменосец феодальной реакции, как послушный ученик Меттерниха, как верный союзник Бурбонов, Габсбургов и Гогенцоллернов. Пушкинская песня о «кочующем деспоте», предателе национальных интересов России, лживом и лицемерном пустослове, подрывала самые корни официозной легенды об Александре «благословенном», о царе-реформаторе, надеждами на которого уже второе десятилетие питался русский дворянский либерализм [1].

Пушкинский «Ноэль» прочно вошел в золотой фонд агитационно-пропагандистской литературы Союза Благоденствия. Сатирическими строфами великого поэта вдохновлен был и второй политический памфлет на Александра I, вышедший из рядов декабристов. Мы имеем в виду агитационную песню «Царь наш — немец русский», создателями которой были Рылеев и Бестужев.

1

В конце 1823 г., то есть вскоре после своего вступления в Северное тайное общество, Рылеев, как свидетельствуют следственные «дела» декабристов, поставил вопрос о создании и распространении в агитационно-пропагандистских целях революционных «песен и пародий», близких образцам народного творчества или имитирующих наиболее доходчивые из общеизвестных стихотворных текстов. Эти песни, популяризируя установки Тайного общества в его борьбе с абсолютизмом и крепостничеством, представлялись Рылееву одним из самых могучих средств «для желаемого действия на умы народа» [2], то есть к поднятию политического и культурного уровня сознания масс.

Сатирическая песня «Царь наш — немец русский» принадлежала к числу первых образцов этой нелегальной песенной продукции. Ближайшее участие в работе Рылеева над агитационными песнями

принимал его друг и соратник А. А. Бестужев. Трудно сказать, как велик был его вклад в песню «Царь наш — немец русский», ибо именно этот памфлет случайно не попал в руки следственных органов в 1825 г., специального дознания о нем не было, а создатели и распространители его никак не были заинтересованы в том, чтобы осложнить показаниями о нем свое и без того тяжелое положение. Правда, имея в виду уменьшить ответственность и свою и Рылеева за создание массовых революционных песен, Бестужев пытался убедить Николая I в том, что ни одна из этих песен не получила большого распространения. «Сначала мы было имели намерение распустить их в народе, но после одумались,— писал Бестужев.— Мы более всего боялись народной революции, ибо оная не может быть не кровопролитна и не долговременна; а подобные песни могли бы оную приблизить. Вследствие сего, дурачась, мы их певали только между собою. Впрочем, переходя по рукам, многое к ним прибавлено, и каждый на свой лад перевертывал. В народ и между солдатами никогда их не пускали» [3].

Несмотря на искусную оболочку полной искренности и откровенности до конца, показание это было неверно и тенденциозно в самых ответственных своих частях. Об этом особенно красноречиво свидетельствует в своих воспоминаниях Н. А. Бестужев, старший брат писателя. «Хотя правительство,— писал он уже в Сибири, — всеми мерами старалось истребить сии песни, где только могли находить их, но они были сделаны в простонародном духе, были слишком близки к его состоянию, чтобы можно было вытеснить их из памяти простолюдинов, которые видели в них верное изображение своего настоящего положения и возможность улучшения в будущем ⟨...⟩ Рабство народа, тяжесть притеснения, несчастная солдатская жизнь изображались в них простыми словами, но верными красками ⟨...⟩ В самый тот день, когда исполнена была над нами сентенция и нас, морских офицеров, возили для того в Кронштадт, бывший с нами унтер-офицер морской артиллерии сказывал нам наизусть все запрещенные стихи и песни Рылеева, прибавя, что у них нет канонира, который, умея грамоте, не имел бы переписанных этого рода сочинений и особенно песен Рылеева» [4].

Таким образом, в отличие от других произведений поэтов-декабристов, агитационные песни завоевали не только широкие круги дворянской и буржуазной интеллигенции, но успели очень быстро проникнуть в солдатскую и матросскую массу.

II

Самыми авторитетными из дошедших до нас свидетельств современников о песне «Царь наш — немец русский» являются упоминания о ней в записках Д. И. Завалишина [5], в воспоминаниях Н. И. Греча [6], в автобиографии и в рассказах А. О. Смирновой [7], в брошюре эмигранта И. Г. Головина [8]. Имя Рылеева, как создателя этой песни, из современников поэта отмечал только Н. И. Греч. Другие мемуаристы, цитируя песню, не упоминали имени ее автора.

Наиболее полная (хотя и неточная) из доселе известных редакция песни «Царь наш — немец русский» опубликована была Герценом и Огаревым в «Полярной звезде» на 1859 г., в числе трех «Стихотворений Рылеева и Бестужева»:

ПЕСНЯ

Царь наш немец прусский
Носит мундир узкий.
Ай, да царь, ай, да царь,
Православный государь!

ПАРАД НА ПЛОЩАДИ ПЕРЕД ЗИМНИМ ДВОРЦОМ
Акварель капитана Неелова, 1809 г.
Эрмитаж, Ленинград

Царствует он где же?
Целый день в манеже.
Ай, да царь, ай, да царь,
Православный государь!
Прижимает локти,
Забирает в когти.
Ай, да царь, ай, да царь,
Православный государь!
Судьи все жандармы,
Школы все казармы.
Ай, да царь, ай, да царь,
Православный государь!
Князь Волконский баба,
Начальником Штаба.
Ай, да царь, ай, да царь,
Православный государь!

Этот текст песни перепечатан был Н. П. Огаревым в 1861 г. в сборнике «Русская потаенная литература», откуда перешел во все зарубежные издания русских нелегальных стихотворений. Этот же текст печатается и во всех советских изданиях Рылеева и цитируется в специальных работах о нем [9].

III

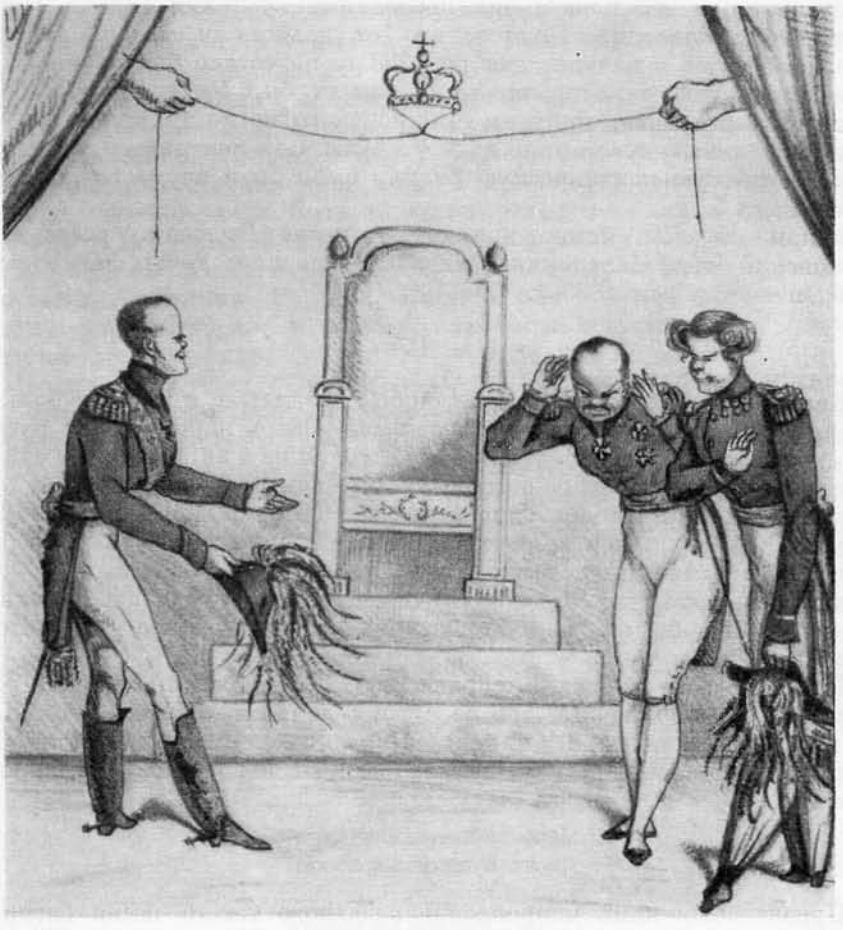
Время создания песни «Царь наш — немец русский», несмотря на молчание об этом первоисточников, весьма точно определяется наличием в ней строфы о князе Волконском как начальнике Главного штаба. Эта тематическая деталь, на первый взгляд не очень значительная, была тесно связана с политической хроникой определенных месяцев 1823 г. 25 апреля этого года царем был подписан приказ об увольнении П. М. Волконского в отпуск. Исполнение его обязанностей поручалось барону И. И. Дибичу, «умеренному и аккуратному» аракчеевцу, бывшему офицеру прусской службы, одному из тех винтов бюрократической машины, которые обеспечивали ее бесперебойную работу в самую глухую пору александровской реакции. Отпуск князя Волконского являлся благовидной формой отставки. Впрочем, что это была отставка, а не отпуск, стало известно не сразу, а лишь к зиме 1823 г. [10] Политический смысл происшедшей смены начальника Главного штаба очень резко сформулирован в письме генерала А. А. Закревского к П. М. Волконскому от 4 декабря 1823 г.:

«Отказ Ваш от возвращения истребит все доброе, Вами с такими трудами заведенное, и предаст все на съедение немцев, не любящих ничего, служащего к пользе нашей матушки России. Чтоб любить Россию, надобно иметь чувства настоящего русского, а для сего родиться русским. Пришлецы же сего возвышенного чувства любви к отечеству иметь не могут» [11].

Точно так же, как и Закревский, реагировал на назначение Дибича генерал А. П. Ермолов. «Теперь только,— писал он 8 июня 1823 г. Закревскому,— прочным образом основалось царство немцев и, конечно, попользуются они случаем» [12].

О том, что эти настроения оппозиционных генералов имели очень широкий общественный резонанс, достаточно красноречиво свидетельствовали протесты против немецкого засилия в государственном аппарате, шедшие из кругов декабристов. Так, Грибоедов устами Чацкого саркастически выражал в 1824 г. пожелание, «чтоб умный, бодрый наш народ,

хотя б по языку нас не считал за немцев»; так Рылеев в стихах «На смерть Чернова» клеймил придворную аристократию как «питомцев пришлецов презренных», которые «говорят не русским словом, / Святую ненавидят Русь»; так М. С. Лунин даже из Сибири продолжал слать пламенные протесты против того, что «главные места в государстве вверены иностранцам, не имеющим никакого права на доверие народное» [13].



«РУССКАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ»
Иностранная карикатура на междуцарствие 1825 года
Исторический музей, Москва

Генералы из окружения А. П. Ермолова обрушивались на Дибичей, Бенкендорфов, Нессельроде и Клейнмихелей, но никогда не решались прямо назвать главного носителя зла: личность коронованного космополита в их письмах и высказываниях оставалась неприкосновенной. Поэтому такое значение и остроту получала в песне Рылеева характеристика Александра I как «русского немца», облеченного в «прусский мундир».

Этот «мундир», с одной стороны, символизировал политическую ориентацию царя (как и пушкинские строки в «Ноэле» — «И прусский и австрийский я сшил себе мундир»), а с другой, обнажал ненавистные ученикам Румянцева, Суворова и Кутузова традиции Александра I как

реорганизатора русской армии, перевоспитываемой по образцам плац-парадных прусских военных уставов [14].

Первая политическая песня Рылеева построена была как «песня солдатская». Она рассчитана была на распространение в армейской среде, профессиональные интересы и вкусы которой поэтому прежде всего в ней и учитывались [15].

Время обращения Рылеева к работе над агитационными песнями определяется в его показаниях последними месяцами 1823 г. Судя по тому, что увольнение Волконского от должности начальника Главного штаба уже в начале декабря 1823 г. перестало быть тайною в тех военных кругах, с которыми тесно связан был Рылеев в Петербурге, никак нельзя думать, чтобы имя Волконского могло фигурировать в стихах, написанных *после* этой даты [16]. Клеймить отставного временщика как действенную политическую фигуру было бы и неуместно и неостроумно.

Таким образом, самое наличие в песне Рылеева строфы «Князь Волконский баба / Начальником Штаба» позволяет точно датировать ее ноябрем — декабрем 1823 г.

IV

Как и почти все нелегальные тексты двадцатых годов, опубликованные в зарубежных изданиях, текст песни «Царь наш — немец русский» был явно неточен и неполон, так как восходил не к авторитетным спискам, бытовавшим в кругу декабристов, а к случайным «копиям с копий» тридцатых и сороковых годов. Одни из этих искажений первоисточника легко устанавливаются путем сличения текста «Полярной звезды» с цитатами из песни в отмеченных выше записках и воспоминаниях ее первых слушателей, читателей и исполнителей. Другие продолжают оставаться невыправленными до обнаружения новых, более авторитетных списков.

Прежде всего подлежит исправлению в общеизвестном тексте песни ее зачин. Именно первые две ее строки должны читаться не так, как их печатали Герцен и Огарев («Царь наш немец прусский / Носит мундир узкий»), а так, как свидетельствуют первые из ее распространителей:

Царь наш — немец русский
Носит мундир прусский.

Предлагаемое нами исправление печатного текста песни базируется не только на авторитетных свидетельствах Завалишина, Смирновой и Головина, устанавливающих чтение «Царь наш — немец русский», но и на фактической несостоятельности варианта «Царь наш — немец прусский»: Александр I, сын императора Павла и принцессы Вюртембергской, внук герцога Гольштейн-Готторпского и принцессы Цербстской, был именно «русским немцем», — и характеристика его как «немца прусского» была бы ничем не мотивирована. Правда, этот сомнительный вариант подкреплялся записками Н. И. Греча, литератора, близко знавшего Рылеева и живо помнившего исполнение его нелегальных стихов. Однако самый факт дословного совпадения первой строфы песни «Царь наш — немец прусский» в записках Греча с ее публикацией в «Полярной звезде» на 1859 г. настолько исключителен, что его гораздо естественнее объяснить знакомством мемуариста с изданием Герцена, чем случайным восхождением обоих текстов к общему первоисточнику. И в самом деле: Н. И. Греч работал над своими записками много лет (особенно интенсивно с 1848 г.), но главы, нас непосредственно сейчас интересующие,

страницы о декабристах и о литературно-политической борьбе 20-х годов, писались в совсем иные времена. Сам мемуарист не скрывал своей полемики в них с брошюрой Герцена «14 декабря 1825 г. и император Николай I» (Лондон, 1858). Многочисленные упоминания в этой части записок о 1859 г., как годе текущем[17], не позволяют датировать свидетельства Греча об Александре I и декабристах временем более ранним. Вполне понятно поэтому, что о песне «Царь наш — немец русский» напомнила Гречу книжка «Полярной звезды» на 1859 г. Из этого издания он и взял как цитату четыре стиха, более выразительную редакцию которых он уже успел забыть[18].

Возражения вызывает не только печатный зачин песни, но и общеизвестная ее концовка. Строфа о князе Волконском никак не могла замыкать той широкой памфлетной характеристики Александра I, которая лежала в основе агитационной песни Рылеева. Эта строфа и тематически и композиционно могла быть только переходом — или к именному перечню других деятелей александровской реакции (выделение Волконского из всей фаланги руководителей государственного аппарата — Аракчеева, Голицына, Гурьева, Нессельроде и др. — лишено было бы всякого основания) или к новому, еще более острому циклу последних куплетов о самом царе.

Правильность этих общих соображений подтверждается интереснейшим списком песни Рылеева, который обнаружен был нами в 1936 г. в неизданных записках Н. А. Маркевича. Имя автора этих записок — известного поэта, историка и этнографа 20—40-х годов, ученика Кюхельбекера, корреспондента Рылеева, старого знакомца Пушкина, Баратынского, Дельвига, требует самого внимательного отношения к его показаниям при разрешении вопроса о критическом тексте песни «Царь наш — немец русский».

«Правда скрылась от престола, — писал Н. А. Маркевич о последнем пятилетии царствования Александра I, — Благословенный ее разлюбил. Пушкин пел на голос „Лязер ду, синцер крау“ из „Жидовской корчмы“:

Наш царь — немец русский,
Надел штаны узки.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь.
Наш Волконский-баба
Начальником штаба.
Ай да царь и проч.
Только за парады
Раздает награды.
Ай да царь и проч.
А за комплименты
Голубые ленты.
Ай да царь и проч.
А за правду матку
Прямо шлет в Камчатку.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь».

Не ограничиваясь передачей сохранившихся в его памяти куплетов песни, Н. А. Маркевич указывает мотив, на который они исполнялись (дуэт из «оперы-водевиля» Н. П. Семенова «Удача от неудачи, или приключение в жидовской корчме») и даже документирует эту свою справку ссылкой на Пушкина. Поскольку мы располагаем сейчас двумя разновременными записями рассказа А. О. Смирновой о том, что песенка

«Царь наш — немец русский» действительно принадлежала к числу тех, которые «всякий раз, бывало, напевал Пушкин», мы с большим вниманием должны учесть свидетельство об этом же и в записках Н. А. Маркевича [19]. Но особенную ценность в этом мемуарном документе представляют три последних куплета песни Рылеева и Бестужева, отсутствующие как в общеизвестной печатной ее редакции, так и во всех тех упоминаниях о песне, которые отмечены были нами выше.

V

Самый ранний из известных нам списков песни «Царь наш — немец русский» вошел в научный оборот только в 1950 г. Это — копия, обнаруженная в собрании бумаг П. А. Вяземского в Остафьевском архиве [20]:

ПЕСНЯ

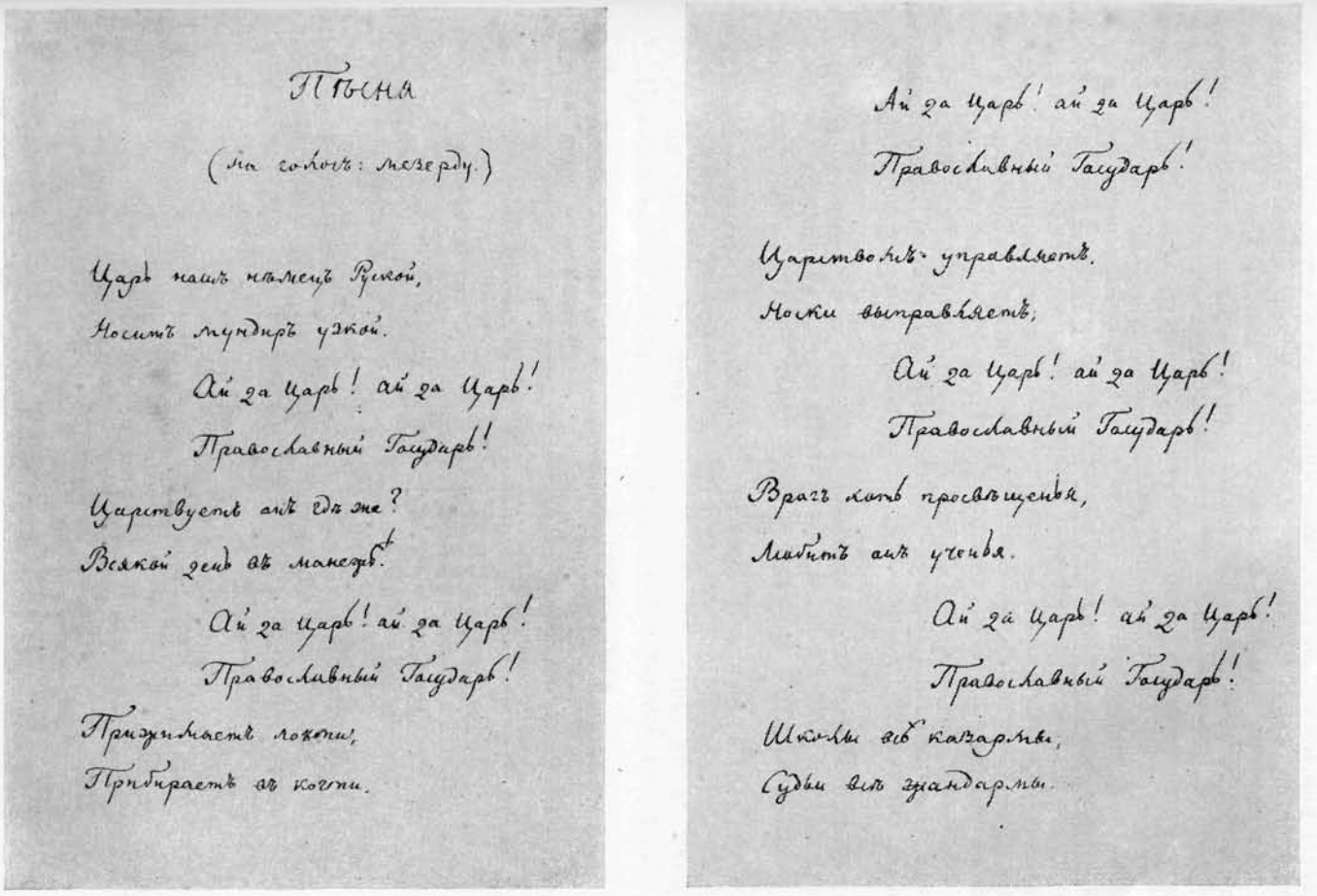
(на голос: мезерду) [21]

Царь наш, немец русской,
Носит мундир узкой.
Ай да царь! ай да царь!
Православный государь!
Царствует он где же?
Всякой день в манеже!
Ай да царь! ай да царь!
Православный государь!
Прижимает локти,
Прибирает в когти.
Ай да царь! ай да царь!
Православный государь!
Царством управляет.
Носки выправляет.
Ай да царь! ай да царь!
Православный государь!
Враг хоть просвещенья,
Любит он ученья.
Ай да царь! ай да царь!
Православный государь!
Школы все казармы,
Судьи все жандармы.
Ай да царь! ай да царь!
Православный государь!

А граф Аракчеев
Злодей из злодеев!
Ай да царь! ай да царь!
Православный государь!
А Волхонской-баба
Начальником Штаба.
Ай да царь! ай да царь!
Православный государь!
А другая баба
Губернатор в Або.
Ай да царь! ай да царь!
Православный государь!
А Потапов дурный [22],
Генерал дежурный.
Ай да царь! ай да царь!
Православный государь!
А за комплименты,
Голубые ленты.
Ай да царь! ай да царь!
Православный государь!
Трусит он законов,
Трусит он масонов.
Ай да царь! ай да царь!
Православный государь!

Копия эта, никак не аннотированная самим Вяземским и сделанная неустановленной рукою, неполна и неточна, лишена двух строф, известных по списку Н. А. Маркевича («Только за парады / Раздает награды, А за правду матку / Прямо шлет в Камчатку»), и концовкой своей имеет строки, тематически и композиционно никак не могущие замыкать песню. Но, сделанная даже наспех, может быть по памяти, с чьих-нибудь слов, а не с автографа, копия эта представляет большой интерес, ибо она, во-первых, дает двенадцать куплетов вместо пяти и, во-вторых, с большим основанием может быть отнесена к 1823—1824 гг.

Вяземский был не только одним из известнейших передовых писателей этой поры, но и автором многочисленных политических сатир, рассуждений в стихах и эпиграмм (из них наиболее популярны «Ноэль», «Сравнение Москвы с Петербургом», «Петербург», «Негодование»),



Пѣсня

(на голосъ: мезерду.)

Царь нашъ нѣмецъ Руской,
Носитъ мундиръ узкой.
Ай да Царь! ай да Царь!
Православный Государь!
Царствуетъ онъ гдѣ же?
Всякой день въ манежѣ.
Ай да Царь! ай да Царь!
Православный Государь!
Прижимаетъ локти,
Прибираетъ въ когти.

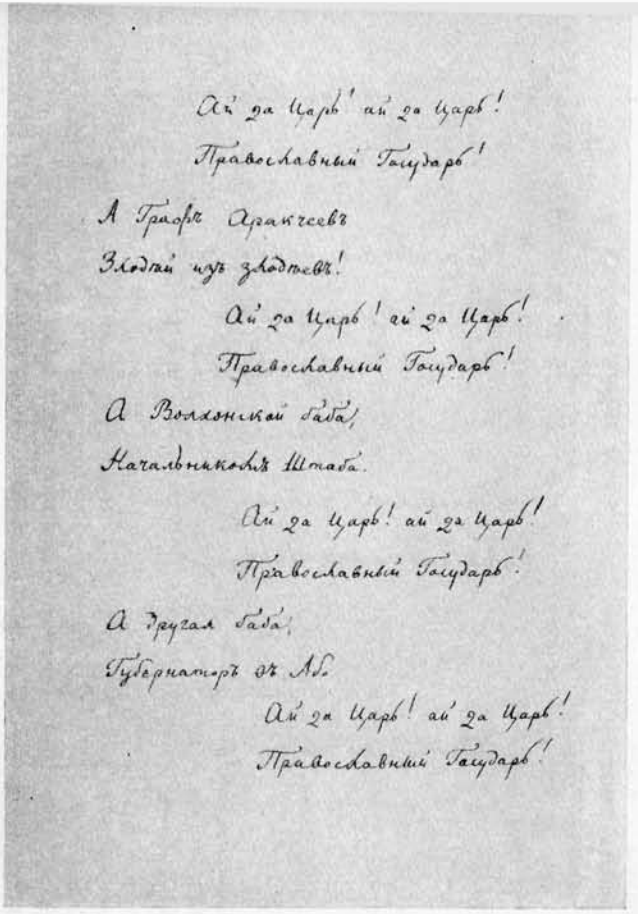
Ай да Царь! ай да Царь!
Православный Государь!
Царствомъ управляетъ,
Носки выправляетъ;
Ай да Царь! ай да Царь!
Православный Государь!
Врагъ хоть просвѣщенья,
Любитъ онъ ученья.
Ай да Царь! ай да Царь!
Православный Государь!
Школы всѣ казармы,
Судьи всѣ жандармы.

СПИСОК АГИТАЦИОННОЙ ПЕСНИ РЫЛЕЕВА И А. А. БЕСТУЖЕВА «ЦАРЬ НАШ—НЕМЕЦ РУССКИЙ ...»

Самый ранний из известных списков песни; сохранился в бумагах П. А. Вяземского, 1823—1824 гг.

Листы 1—1 об.

Центральный литературный архив, Москва

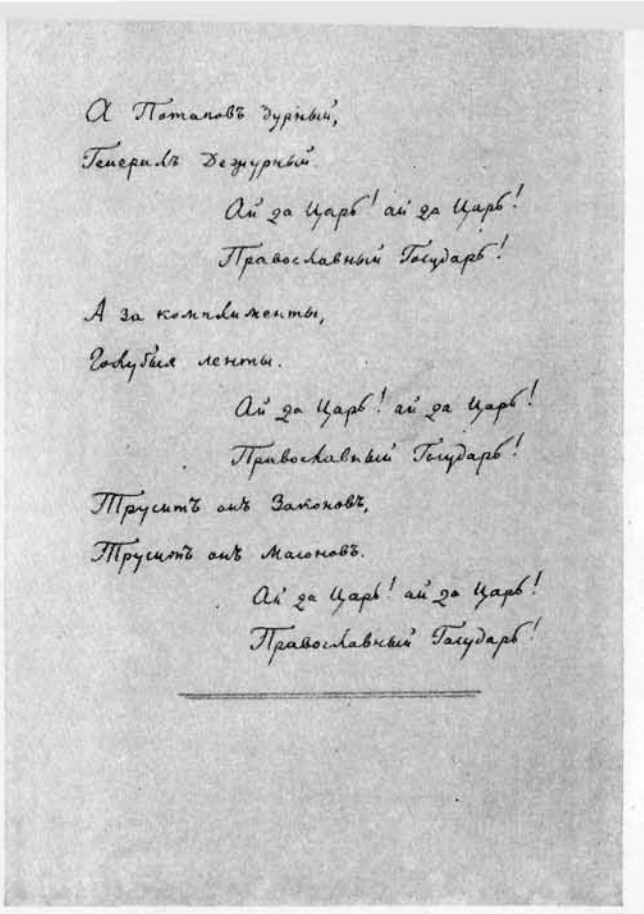


Ай да Царь! ай да Царь!
Православный Государь!

А Графъ Аракчеевъ
Злодѣй изъ злодѣевъ!
Ай да Царь! ай да Царь!
Православный Государь!

А Волхонской баба,
Начальникомъ Штаба.
Ай да Царь! ай да Царь!
Православный Государь!

А другая баба,
Губернаторъ въ Аб.
Ай да Царь! ай да Царь!
Православный Государь!



А Потаповъ дурный,
Генералъ Дежурный.
Ай да Царь! ай да Царь!
Православный Государь!

А за комплименты,
Голубыя ленты.
Ай да Царь! ай да Царь!
Православный Государь!

Трусить онъ Законовъ,
Трусить онъ Масоновъ.
Ай да Царь! ай да Царь!
Православный Государь!

СПИСОК АГИТАЦИОННОЙ ПЕСНИ РЫЛЕЕВА И А. А. БЕСТУЖЕВА «ЦАРЬ НАШ — НЕМЕЦ РУССКИЙ ...»

Самый ранний из известных списков песни; сохранился в бумагах П. А. Вяземского, 1823—1824 гг.

Листы 2 — 2 об.

Центральный литературный архив, Москва

имевших широкое нелегальное распространение в кругах оппозиционной общественности десятых и двадцатых годов. Тесно связанный в пору своей молодости с писателями-декабристами, Вяземский (ставший впоследствии ярым реакционером) в двадцатые годы был жадным читателем и собирателем произведений подпольной литературы. Его коллекции нелегальных стихотворных текстов пополнялись обычно по горячим следам и из самых авторитетных источников. Как известно, в собрании Вяземского оказался наиболее полный подбор агитационных песен декабристов [23]. Особый интерес Вяземского к литературе этого типа позволяет не сомневаться и в том, что копии массовых агитационных песен декабристов получены были им сразу же после вхождения их в политический и литературный оборот. Большое число явных и грубых ошибок, описок и пробелов в тексте песен, оказавшихся в распоряжении Вяземского, не дает никаких оснований предполагать, что эти копии получены были им от одного из их авторов. И тем не менее, несмотря на все свои недочеты, список песни «Царь наш — немец русский», принадлежавший Вяземскому, должен быть самым внимательным образом учтен при критической реставрации утраченного подлинника Рылеева и Бестужева.

В отмену неточной и неполной редакции песни «Царь наш — немец русский», опубликованной в «Полярной звезде» на 1859 г., мы предлагаем следующий сводный текст этого стихотворного памфлета:

Царь наш — немец русский
Носит мундир прусский [24].
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Царствует он где же?
Всякий день в манеже [25].
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Прижимает локти [26],
Прибирает в когти.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Царством управляет,
Носки выправляет.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Враг хоть просвещенья,
Любит он ученья.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Школы все — казармы,
Судьи все — жандармы.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А граф Аракчеев
Злодей из злодеев!
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Князь Волконский-баба
Начальником Штаба.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А другая баба
Губернатор в Або.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А Потапов дурный
Генерал дежурный.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Трусит он законов,
Трусит он масонов.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Только за парады
Раздает награды.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А за комплименты —
Голубые ленты.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А за правду-матку
Прямо шлет в Камчатку.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Эта датировка «Ноэля», установленная нами в 1936 г., закреплена была только в 1949 г. в Полн. собр. соч. Пушкина, изд. АН СССР (т. II, стр. 1041. Ср. Полн. собр. соч. Пушкина в шести томах, т. I. М., 1949, стр. 508). Прежняя комментаторская традиция ошибочно связывала «Ноэль» с речью Александра I при открытии первого сейма Царства Польского 15/27 марта 1818 г.

[2] ВД, т. I, стр. 169 (Вопросные пункты, предъявленные Рылееву 24 апреля 1826 г.) — Ср. об этом же показания С. Г. Волконского и С. И. Муравьева-Апостола (ВД, т. IV, стр. 289), а также письмо А. В. Поджио на имя генерала В. В. Левашова от 12 марта 1826 г. в книге: П. Е. Щеголев. Пушкин. Очерки. СПб., 1912, стр. 235.

[3] ВД, т. I, стр. 458.

[4] Бестужевы, стр. 27—28.

[5] Завалишин, стр. 50. В тексте записок отмечены были только два первых стиха: «Царь наш — немец русский / Носит мундир прусский».

[6] Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М.—Л., 1930, стр. 354. — Первые четыре стиха песни Греч цитировал, характеризуя Александра I: «Он не жаловал России и русских <...> Когда только мог, вырывался из любезного отечества и колесил по Европе. Недаром воспел о нем Рылеев:

Царь наш немец прусский
Носит мундир узкий, —
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь».

Из первого издания записок Греча, вышедшего в свет в 1886 г., это место исключено было цензурой. Категорическое заявление Греча как современника и знакомца Рылеева, как участника исполнения нелегальных песен его на литературных вечеринках начала 20-х годов, наконец, просто как одного из осведомленнейших мемуаристов декабристской поры, является очень важным аргументом при решении вопроса об авторстве стихов «Царь наш — немец русский» в пользу Рылеева. Никаких сомнений в принадлежности этой песни Рылееву и Бестужеву не было и у первых ее издателей — Герцена и Огарева. Их публикации хорошо были известны многим из декабристов, ни один из которых не возражал против указания «Полярной звезды» на принадлежность этих стихов перу Рылеева и Бестужева. Мы отмечаем все эти факты потому, что А. Г. Цейтлин в редактированном им Полн. собр. соч. Рылеева (М., 1934, стр. 747—748) выразил сомнение в принадлежности Рылееву песни «Царь наш — немец русский». Эти сомнения, основанные на некритическом толковании официального признания Рылеева (на одном из допросов) в том, что он якобы является автором только двух нелегальных произведений («Ах, тошно мне» и «Гражданин»), противостоят всем прочим документальным и мемуарным данным о создании и распространении нелегальных песен Рылеева и Бестужева.

[7] А. О. Смирнова-Россет. Автобиография. Подготовила к печати Л. В. Крестова. М., 1931, стр. 208.— Смирнова приводит слова Пушкина: «Я сидел на перекладных <в 1831 г.> и пел <...> песню, божусь тебе, не моего сочинения:

Царь наш — немец русский...
Царствует он где же?
Всякий день в манеже.
Школы все казармы.
Судьи все жандармы.
А Закревский, баба.
Управляет в Або,
А другая баба
Начальником штаба».

Эта песня цитировалась Смирновой на память, через много лет после того, как она ее услышала от Пушкина, а потому вполне естественно, что первая строфа передавалась без второй строки, что в строфе четвертой изменен был порядок строк, а строфа третья вовсе не упоминалась. Однако самый зачин песни в записи Смирновой оказался, не в пример другим его копиям, очень точным. Смирнова знала, конечно, и вторую его строку, обозначенную почему-то в ее цитате многоточием. Именно эту строку, со слов Смирновой, внес в свой дневник от 27 ноября 1855 г. Я. П. Полонский. Не рискуя полным голосом говорить о революционных песнях декабристов, Полонский в такой осторожной редакции передал строфу, которую «всякий раз, бывало» напевал Пушкин в Царском селе в 1831 г.:

Уж на Руси
Мундир он носит узкий.

Таким образом, неисправная первая строка записи Я. П. Полонского («Голос минувшего», 1917, № 11-12, стр. 156) являлась, как мы полагаем, не передачей текста Смирновой, а маскировкой его ультранелегального содержания.

В подлинной записи Смирновой сохранился вариант второй строфы: «Всякий день в манеже» вместо менее распространенного «Целый день в манеже». Об особенностях двух последних строф в передаче А. О. Смирновой см. прим. 16.

[8] «Записки Ивана Головина». Лейпциг, 1859, стр. 22. — В этой брошюре, вышедшей в свет одновременно с «Полярной звездой» на 1859 г., была очень небрежно и неточно опубликована первая строфа песни «Царь наш — немец русский», данная к тому же в произвольном соединении с несколькими строками песни «Вдоль Фонтанки реки». Объединив общим рефреном ничем не связанные между собою произведения, исказив композицию и самый текст песни, И. Г. Головин следующим образом информировал о ней читателей своих записок: «Кто не знал солдатской песенки:

Наш царь русской
Немец русской
Носит мундир узкой.
Ай да царь, ай да царь,
Право, славный государь.
Близ Фонтанки реки
Квартируют-то полки,
И чем свет, чем заря,
Для потехи царя,
Их мучат, их мучат.
Ай да царь, ай да царь,
Право, славный государь».

Песня «Вдоль Фонтанки реки» произвольно объединялась в порядке живого исполнения не только с песней «Царь наш — немец русский», но и со столь же известными строками другой агитационной песни Рылеева и Бестужева — «Ты скажи-говори». Об этом свидетельствует позднейшая редакция этой песни, обнаруженная М. Л. Гофманом («Недра», кн. VI, 1925, стр. 208) в тетради нелегальных стихотворений, принадлежавшей Е. П. Ростопчиной:

Говори, говори
И всю правду скажи,
Бабка!
Кто сердит, пусть кричит!
А на воре горит
Шапка!
Говори, говори,
Как в России цари
Правят.
Говори поскорей,
Как в России царей
Давят.
Как капралы Петра
Проводили с двора
Тихо.
Как жена пред полком
Разъезжала верхом
Лихо!
Как курносый злодей
Сел на троне за ней
Вскоре.
И немецкий мундир
Он надел на весь мир.
Горе!
Как ни свет, ни заря,
Для потехи царя,
Рьяно,
У Фонтанки реки
Собирались полки
Piano.

Песня «Вдоль Фонтанки реки», полный текст которой до сих пор неизвестен, была в распоряжении Следственной комиссии по делу декабристов (см. о ней в показаниях И. И. Пущина — ВД, т. II, стр. 226) и явилась предметом специального дознания в процессе братьев Критских 1827 г. (см. ниже статью Л. А. Мандрыкиной, стр. 101—122). Вдоль Фонтанки находились, как известно, казармы Семеновского полка — одного из важнейших очагов солдатского брожения в войсках гвардии. Возмущением Семеновского полка осенью 1820 г. были вызваны знаменитые солдатские прокламации (впервые опубликованы В. И. Семевским в «Былом», 1907, № 2, стр. 83—86 и 92—93). С последними мы связываем и песню «Вдоль Фонтанки реки» — одну из первых революционных песен Рылеева и Бестужева.

[9] Текст песни «Царь наш — немец русский» в неточной и сокращенной лондонской редакции «Полярной звезды» на 1859 г. включен был в 1934 г. в первое советское критическое «Полное собрание стихотворений К. Рылеева», редактированное и комментированное нами в серии «Библиотека поэта», откуда он и перешел в «Стихотворения К. Рылеева» под ред. Н. И. Мордовченко. Л., 1947, стр. 265; в «Собрание стихотворений А. Бестужева-Марлинского». Л., 1948, стр. 137; в сборник: «Поэты-декабристы». Вступ. статья и прим. Б. Мейлаха. Л., 1949, стр. 115; в сб. «Поэзия декабристов» («Библиотека поэта»). Л., 1950, стр. 242; в книгу: К. В. Пигарев. Жизнь Рылеева. М., 1947, стр. 123—124; в хрестоматию: Вл. Орлов. Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. М.— Л., 1951, стр. 49.

[10] Дата увольнения П. М. Волконского в долгосрочный отпуск ошибочно принята была нами в комментариях к Полному собранию стихотворений Рылеева в 1934 г. за основание для отнесения песни «Царь наш — немец русский» к весне 1823 г. А. А. Бестужев отмечал в своих показаниях: «Рылеев <...> однажды в 1822-м году, в конце, в забавном расположении духа, пригласил он меня написать что-нибудь народным языком либеральное, и песню *„Ах, скучно мне"* написали мы вместе, а некоторые *подблюдные* я один» (ВД, I, стр. 457—458). Однако нет никаких сомнений, что Бестужев явно допустил в этих строках ошибку, проставив 1822 г. вместо 1823 г.

[11] «Сборник Русского исторического общества», т. 71. СПб., 1890, стр. 173, 85 и 430. — Эта позиция А. А. Закревского объясняет отношение к нему А. Х. Бенкендорфа, который, как глава III Отделения, вел секретное наблюдение за Закревским даже в ту пору, когда последний был министром внутренних дел (с 1828 по 1831 г.). Так, 2 апреля 1830 г. Бенкендорф писал своему московскому резиденту А. А. Волкову: «Я думаю, что Закревский, который просится в отпуск на несколько месяцев, будет в Москве; я боюсь, чтобы его привычка кричать против всего не произвела бы дурного впечатления; этого человека совершенно губит тщеславие, что очень жаль. Напишите мне весьма секретно, как он будет держать себя, кого он будет посещать и увидит ли он своего друга Ермолова» («Русская старина», 1889, № 2, стр. 386).

[12] «Сборник Русского исторического общества», т. 71, стр. 418. — Ср. формулярные данные о службе И. И. Дибича в «Русском биографическом словаре», том «Дабелов — Дядьковский». *СПб., 1905, стр. 356.*

[13] «Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма». Ред. и прим. С. Я. Штрайха. Пг., 1923, стр. 82 («Розыск исторический»). — Характерны строки об императоре Николае I в нелегальных стихах студента Московского университета Н. Ф. Лушникова «Друзья, нерусский нами правит», «Да свергнет бог с него корону / Пришлец он низкий — он немчин». Эти стихи распространялись весною 1827 г. членами кружка братьев Критских («Декабристы и их время», 1951, стр. 244). В политической фразеологии первой половины XIX в. понятие «русский немец» имело особый пренебрежительный смысл, о чем свидетельствует, например, памфлетное анонимное письмо Добролюбова к Гречу, в котором умственное убожество «русских немцев» противопоставлялось высоким интеллектуальным данным «настоящего русского и настоящего немца» («Лит. наследство», т. 57, 1951, стр. 10).

[14] Песня «Царь наш — немец русский» писалась под непосредственным воздействием «Ноэля» Пушкина. Гораздо менее значимы были в процессе ее создания традиции старинной песенки, которую Н. И. Греч (см. «Записки о моей жизни». М.—Л., 1930, стр. 126) характеризовал как вирши к портрету И. И. Бецкого:

Иван Иваныч Бецкий,
Человек немецкий,
Носил мундир шведский,
Воспитатель детский.

Стишки о Бецком известны были Рылееву и Бестужеву так же хорошо, как и эпиграмма на Александра I, имеющаяся в дневнике В. Н. Каразина:

Православный государь!
Наших бед виновник.
Полно братцы!.. Он не царь —
Много, что полковник.

Записав эту эпиграмму 9 мая 1820 г., со слов А. Ф. Лабзина, Каразин отметил, что она приписывается Пушкину (Б а з а н о в, стр. 185).

[15] Как известная «Солдатская песенка» памфлет «Царь наш — немец русский» охарактеризован был в записках И. Г. Головина. См. прим. 8. Самый рефрен песни — «Ай да царь, ай да царь, право славный государь» — был использован в нелегальных стихах Полежаева «Опять нечто»:

Ай, ахти! Ох, ура,
Православный наш царь,
Николай государь,
В тебе мало добра!

Эта имитация солдатской песни относилась к 1835 г. (Полное собрание стихотворений Полежаева. Л., 1939, стр. 279).

[16] Отставка П. М. Волконского и перевод его соратника дежурного генерала Главного штаба А. А. Закревского на пост финляндского генерал-губернатора (с местопребыванием в Або) вызвала переделку песни, следы которой сохранились в цитации А. О. Смирновой:

А Закревский, баба,
Управляет в Або.
А другая баба
Начальником штаба.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД ТРАГЕДИИ ВОЛЬТЕРА «МЕРОПА», изд. 1775 г. ЭКЗЕМПЛЯР С ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ РЫЛЕЕВА

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

У нас нет твердых оснований связывать эту позднейшую переделку песни с именами Рылеева и Бестужева. Последний недаром отмечал в своих показаниях об агитационных песнях, что «переходя по рукам многое к ним прибавлено, и каждый на свой лад перевертывал» (ВД, т. I, стр. 458).

Песня «Царь наш — немец русский» продолжала служить целям революционной агитации и пропаганды более полувека. Она вошла и в тот сборник революционных песен, который был нелегально напечатан С. Г. Нечаевым около 1870 г. Интересно, однако, что именно строфа о Волконском была в этом издании заменена строками:

Наши сенато́ры
Все скоты да воры.

(«Вольный песенник», без даты и места выхода в свет, стр. 11).

[17] Н. И. Г р е ч. Записки о моей жизни. М.—Л., 1930, стр. 499, 500 и др.

[18] В тексте «Полярной звезды» на 1859 г. вторая строка песни закреплена была в редакции: «Носит мундир узкий». Этот вариант повторяется в брошюре И. Г. Головина («Носит мундир узкий») и в записи Я. П. Полонского со слов А. О. Смирновой («Мундир он носит узкий»). В тексте Н. А. Маркевича строка «Носит мундир прусский» или «мундир узкий» («мундир узкий», кстати сказать, и являлся мундиром прусского военного образца) сменяется явно неточным стихом: «Надел штаны узки».

Перемены в обмундировании широко отражены и в солдатском фольклоре и в эпиграмматической традиции первой четверти XIX века. См., например, письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 6 декабря 1818 г. («Ост. архив», т. I, стр. 166). В 1826 г., в связи с изменением формы в войсках по указу от 11 февраля 1826 г., появляется целая серия эпиграмм, варьирующих тему:

Желали прав они. Права им и даны:
Из узких сделаны широкие штаны.

Об этих эпиграммах («Когда мятежные народы», «Сказал деспот: мои сыны», «Хотел издать Ликурговы законы» и пр.) см. данные Н. О. Лернера в статье «Из

псевдо-пушкинианы» («Пушкин и его современники», вып. XVI. СПб. 1913, стр. 56—59), а также новейшее исследование Вано Шадури «Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии». Тбилиси, 1951, стр. 126—127.

[19] Автограф записок Н. А. Маркевича обнаружен был нами в 1936 г. в собрании ленинградского антиквара А. Е. Бурцева; в 1947 г. рукопись эта приобретена Институтом русской литературы. Н. А. Маркевич (1804—1860), внося песню «Царь наш — немец русский» в свои записки, не отметил ни имени автора, ни точного времени распространения этих стихов. Однако мотив, на который исполнялась нелегальная песня, запомнился ему очень хорошо. Это ария из «оригинальной оперы», с «хорами и танцами», поставленной впервые на петербургской сцене в бенефис Сандуновой 4 января 1817 г. и долго не сходившей с репертуара («Летопись русского театра». Составил Пимен Арапов. СПб., 1861, стр. 251). В 1818 г. опера была опубликована («Удача от неудачи, или приключение в жидовской корчме, в одном действии». Соч. П. Н. С⟨еменова⟩. СПб., в Театральной типографии, 1818). В комическом дуэте, исполняемом содержателем корчмы и фактором, сохранился тот самый рефрен, о котором упоминает Маркевич.

На основании партитуры оперы «Удача от неудачи» и записок Маркевича мелодия песни «Царь наш — немец русский» была воспроизведена в публикации А. Н. Глумова «Революционные песни декабристов» («Советская музыка», 1950, № 12, стр. 63—64). Самая ссылка Н. А. Маркевича на исполнение Пушкиным песни «Царь наш — немец русский» должна быть отнесена к периоду 1829—1831 гг., когда Маркевич возобновил в Москве личное знакомство с поэтом, прерванное в 1820 г. (ср. А. О. Смирнова-Россет. Автобиография. М., 1931, стр. 208).

[20] Список песни «Царь наш — немец русский», сохранившийся в Остафьевском архиве (ЦГЛА, ф. № 195, ед. хр. 5612), сделан неизвестной рукой, на бумаге с вод. зн. «1817 г.». О небрежности списка свидетельствует даже его подзаголовок. Первая информация об этом списке дана была М. А. Брискманом в его докладе в Институте русской литературы Академии Наук СССР 4 ноября 1950 г. (доклад опубликован — «Декабристы и их время», 1951, стр. 7—22). Несколько позднее доклада «Новые тексты агитационных песен декабристов» опубликованы были К. В. Пигаревым в «Лит. газете» от 26 декабря 1950 г., № 125.

[21] Слово «мезерду» в подзаголовке списка Вяземского является ошибочной передачей начала рефрена песенки «Як приихав жолнир» в опере П. Н. Семенова: «Лодзир ду, шине кравер мицер бир». В этом не поддающемся осмыслению наборе звуков имитировался еврейский язык.

[22] Алексей Николаевич Потапов, генерал-майор, командир л.-гв. конно-егерского полка, известный своим невежеством и самодурством, назначен был дежурным генералом Главного штаба вместо переведенного 30 августа 1823 г. в Финляндию генерала А. А. Закревского.

[23] Первым опытом критического учета материалов для политической биографии Вяземского является статья Н. Кутанова ⟨С. Н. Дурылина⟩ «Декабрист без декабря» («Декабристы и их время», вып. II, стр. 201—290). Тексты нелегальных агитационно-пропагандистских стихотворений Вяземского с наибольшей полнотой опубликованы в изд.: Избранные стихотворения П. А. Вяземского. Ред., статья и комментарии В. С. Нечаевой. М.—Л., 1935. Характерно, что сам Вяземский считал себя первым русским певцом конституционных гарантий народной свободы. Так, в элегии «Негодование», вспоминая свой стихотворный политический трактат «Петербург» 1818 г., Вяземский писал:

О ты, которая с из детства
Зажгла во мне священный жар,
При коей сносны жизни бедства,
Без коей счастье — тщетный дар.
Свобода! Пылким вдохновеньем,
Я первый русским песнопеньем
Тебя приветствовать дерзал;
И звучным строем песней новых
Будил молчанье скал суровых
И слух ничтожных устрашал.

Это автопризнание одного из ближайших друзей и единомышленников молодого Пушкина не могло бы, конечно, иметь места, если бы «Вольность» Пушкина написана была не в 1819, а в 1817 г.

[24] Первый куплет песни мы даем в редакции Д. И. Завалишина, как старейшей и более авторитетной, несмотря на то, что во всех прочих списках второй стих читается: «Носит мундир узкий».

[25] Вариант четвертого стиха «Целый день в манеже», закрепленный в первопечатном тексте этой песни в лондонской «Полярной звезде», не подтверждается другими источниками текста (см. прим. 7).

[26] Первопечатный вариант первого стиха третьей строфы: «Забирает в когти».

АГИТАЦИОННАЯ ПЕСНЯ «АХ, ТОШНО МНЕ И В РОДНОЙ СТОРОНЕ»

Статья Ю. Г. Оксмана

I

Революционная песня «Ах, тошно мне и в родной стороне» принадлежит к числу самых замечательных произведений агитационной литературы декабристов. Вопрос об этой песне, о ее тексте, авторах и распространителях не случайно явился предметом специального дознания в Следственной комиссии 1825—1826 гг.

30 января 1826 г. член Южного общества С. Г. Волконский, отвечая на запрос следственных органов об известных ему «возмутительных сочинениях», показал, что из таковых он знает только «две народные песни, привезенные ⟨в августе 1824 г.⟩ Матвеем Муравьевым из Петербурга». С. И. Муравьев-Апостол, уточняя 6 февраля 1826 г. эти показания, разъяснил, что «Две народные песни — одна: относящаяся к состоянию крестьян, на голос „Скучно мне на чужой стороне", другая — возмутительная, на голос подблюдных, были показываемы кн. Волконскому не братом, а мною, и были присланы ко мне братом, получившим их в Петербурге. Наверное не знаю, чьего они сочинения, а слыхал, кажется, что они сочинения Рылеева» [1].

Эти первые свидетельства о «возмутительных песнях», распространяемых членами Тайного общества, были подкреплены и расширены в показаниях А. В. Поджио 12 марта 1826 г. Поджио связал появление революционных песен, в том числе и «Ах, тошно мне», со специальным сообщением Рылеева о необходимости новых форм агитации и пропаганды, сделанным им на одном из собраний членов Северного общества в квартире полковника М. Ф. Митькова [2].

Впервые подлинные строфы агитационных песен прозвучали в Следственной комиссии в ответах на вопросные пункты М. И. Муравьева-Апостола от 10 апреля 1826 г. Приведя по памяти несколько куплетов из песен «Ах, тошно мне», «Вдоль Фонтанки реки» и «Идет кузнец из кузницы» (две последние песни произвольно соединены были при этом в одну), Муравьев-Апостол разъяснял: «Я привез с собою из Петербурга две песни. Одна — сочинение Рылеева, а другая — Бестужева (адъютанта), как мне кажется, что я слышал, но наверно не утверждаю. Впрочем, они скажут, чьи они. Я их получил от Рылеева» [3].

И действительно, Рылеев, отвечая на вопросные пункты от 24 апреля, признал себя автором песни «Ах, тошно мне», но при этом категорически утверждал, что им вручена была Муравьеву-Апостолу в Петербурге вместе с этими стихами не песня «Вдоль Фонтанки реки», а элегия «Я ль буду в роковое время» [4]. К своему показанию Рылеев приложил («под № А» и «под № В») полные тексты обоих названных им нелегальных произведений.

Подлинные тексты агитационных стихотворений, восстановленных Рылеевым по памяти и приложенных к его показаниям, были, по личному распоряжению Николая I, уничтожены в 1826 г., как и все прочие документальные доказательства агитационно-пропагандистской работы декабристов. Но в одном из дел Следственной комиссии случайно сохранились точные копии уничтоженных автографов Рылеева. В числе этих копий оказался и тот текст песни «Ах, тошно мне», который печатается сейчас во всех изданиях стихотворений Рылеева.

Объявив себя в 1826 г. автором песни «Ах, тошно мне», Рылеев пытался утаить от следственных органов активное участие в работе над ней своего

друга и соратника А. А. Бестужева. Последний, однако, сам поспешил внести ясность в этот вопрос, показав, что «песню *Ах, скучно мне* написали мы вместе». В тех же показаниях Бестужев подчеркнул еще одно обстоятельство, весьма существенное для уяснения истории текста всех агитационных песен середины двадцатых годов: «...переходя по рукам, многое к ним прибавлено, и каждый на свой лад перевертывал» [5]. Об этом же свидетельствовал 11 мая 1826 г. и декабрист Е. П. Оболенский: «О помянутых Комитетом песнях я слышал, но не знаю оные наизусть и потому написать оных не могу. Сочинением же оных никто не занимался особенно (сколько мне известно), но каждый куплет имел своего автора, и вообще они были плоды веселых часов досуга поэтов и литераторов наших, — членов и не членов Общества, — во время свиданий их между собою» [6].

Есть ли у нас основание утверждать, что Рылеев, восстанавливая в 1826 г. в Петропавловской крепости текст агитационной песни «Ах, тошно мне», стремился к его наибольшей точности и полноте? Можно ли полагать, что он бережно сохранил в этой записи не только лично ему принадлежащие строки, но и все куплеты, автором которых был Бестужев? Разумеется, нет. Записывал он песню не по собственному почину, а по требованию следственных органов; к тому же записывал через два года после ее создания, когда кое-какие строфы он мог уже позабыть. Кроме того, желая уменьшить вину Бестужева, Рылеев некоторые строки или строфы мог умышленно сгладить, лишить политической остроты. Таким образом, текст песни «Ах, тошно мне», восстановленный Рылеевым в крепости в 1826 г., без дополнительной аргументации нельзя признать ни самым точным, ни самым полным.

До самого последнего времени критика текста песни «Ах, тошно мне» в записи 1826 г. была затруднена, так как и все прочие ее списки были весьма не полны, не точны и случайны. Самый известный из этих списков, впервые опубликованный Герценом и Огаревым в «Полярной звезде» на 1859 г. и затем многократно перепечатывавшийся во всех зарубежных изданиях нелегальных стихотворений, заключал в себе только семь строф, искаженных, к тому же, в некоторых стихах до неузнаваемости [7]. Еще менее удовлетворителен был текст этой же агитационной песни в показаниях М. И. Муравьева-Апостола от середины апреля 1826 г. В нем было шесть строф из пятнадцати известных по записи Рылеева, а седьмая отмечалась лишь в кратком прозаическом пересказе: «... тут еще есть насчет господ — господин заодно с приходским попом нас морочут» [8]. Как список «Полярной звезды», так и запись Муравьева-Апостола, не давали поэтому материала для сколько-нибудь определенных текстологических выводов.

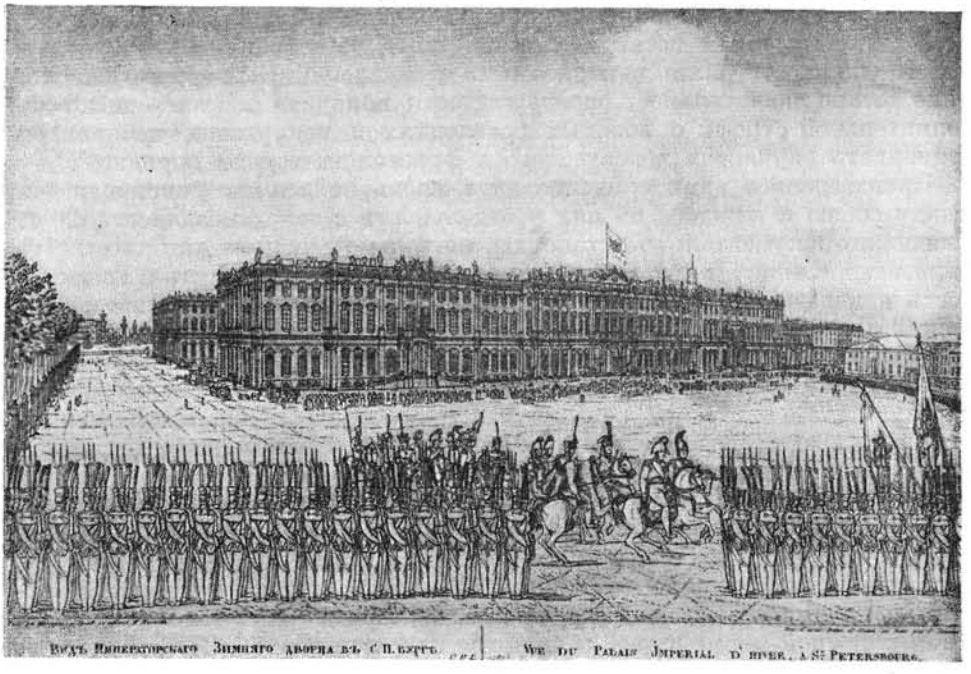
II

Находка двух не известных ранее списков песни «Ах, тошно мне», принадлежавших П. А. Вяземскому и сохранившихся в бумагах Остафьевского архива, позволяет сейчас поставить по-новому вопрос о возможности установления критического текста песни.

Как сказано выше, в собрании Вяземского сохранился почти исчерпывающий подбор революционных «подблюдных» песен Бестужева и Рылеева [9]. Вот почему такой интерес представляют для исследователей и новые списки песни «Ах, тошно мне».

Один из этих списков исключительно близок к рылеевской записи 1826 г. Эта близость такова, что не оставляет никаких сомнений в возможности восхождения первого списка песни «Ах, тошно мне» из собрания Вяземского к оригиналу Рылеева. Текст второго списка из этого же собрания имеет ряд отличий от первого. Эти разночтения не настолько

значительны, чтобы рассматривать их как признаки особой редакции «Ах, тошно мне», но самый характер правки песни во втором списке Вяземского дает основание предполагать, что эти варианты принадлежат не самому Рылееву, а его соавтору, то есть Бестужеву. В 1824 г. Вяземский был одинаково хорошо знаком и с Рылеевым и с Бестужевым, так что гипотеза не об одном, а о двух авторитетных источниках происхождения списков Вяземского представляется весьма вероятной.



НА ДВОРЦОВОЙ ПЛОЩАДИ В ПЕТЕРБУРГЕ
Офорт И. А. Иванова, 1815 г.
Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Время получения Вяземским первого списка мы приурочиваем к середине марта 1824 г. Именно в эту пору переехал на службу из Петербурга в Москву И. И. Пущин, один из ближайших друзей и политических единомышленников Рылеева, деятельнейший член Северного общества. Пущин был близок Вяземскому еще с лицейских лет через Пушкина. В Москве это давнее знакомство перешло в дружбу. Незадолго до 14 декабря Пущин, как известно, передал на хранение Вяземскому все свои литературно-политические реликвии — подлинный текст конституции Н. М. Муравьева, нелегальные произведения Пушкина и Рылеева [10]. Совершенно естественно предположить, что за полтора года до этого Пущин мог передать Вяземскому один из списков «Ах, тошно мне» и копии «подблюдных» песен. Второй список песни «Ах, тошно мне» Вяземский мог получить не позже весны 1825 г., в пору пребывания А. А. Бестужева с 24 апреля по 24 мая в Москве. В это время происходили, вероятно, и те беседы Вяземского с Бестужевым на общественно-политические темы, о которых Вяземский писал в своей «Исповеди» [11].

Предшествуя на полтора-два года рылеевской записи 1826 г., списки песни «Ах, тошно мне», оказавшиеся в собрании Вяземского, дают, во-первых, самый ранний из всех известных текстов этого произведения,

а во-вторых, и наиболее полный. Из 80 стихов первого списка в тексте записи 1826 г. недоставало только пяти, причем все прочие пятнадцать пятистрочных куплетов шли в обоих текстах в одной и той же последовательности и имели в общей сложности всего семь мелких разночтений, две перестановки стихов, не выходящих за пределы строфы, и три описки.

Учитывая двухлетний интервал между текстом записи Рылеева и первым списком из собрания Вяземского, а также условия сложения и нелегального распространения песни, все эти разночтения должно признать и в качественном и в количественном отношении несущественными[12].

Во втором списке песни «Ах, тошно мне», из собрания Вяземского, в общей сложности было четырнадцать отступлений от первого списка. Одно весьма значительное, определявшееся наличием в этом списке дополнительной строфы о военных поселениях и рекрутских наборах, и тринадцать вариантов лексического и фразеологического порядка[13].

Произведенное нами сличение двух вновь найденных списков песни между собою и каждого из них в отдельности с текстом записи 1826 г. позволило документально установить не только высокую авторитетность рылеевской записи в целом, но и ее исключительную точность и тщательность в передаче всех лексических, морфологических и ритмико-метрических деталей текста. Однако это же сличение всех трех списков позволило определить и такие отступления в рылеевской записи 1826 г. от более ранних списков агитационной песни, которые никак нельзя свести к результатам авторской ревизии начального текста. Мы имеем в виду отмеченные выше два дополнительных ее куплета, имеющихся в списках из собрания Вяземского, то есть десять новых стихов.

В записи 1826 г. песня «Ах, тошно мне» имела пятнадцать пятистрочных строф, — на одну меньше, чем в первом из вновь найденных списков, и на две строфы меньше, чем во втором из них. Эти отличия не могут быть ликвидированы механической вставкой не известных ранее строф в соответственные места записи 1826 г., так как некоторые части новых куплетов в той или иной форме в этой записи все же учитывались. Так, например, в обоих списках из собрания Вяземского строфа четвертая имела следующую редакцию:

Глупость прежних крестьян
Стала воле в изъян,
И свобода
У народа
Силой бар задушена.

В записи Рылеева эта строфа имела иное звучание:

По две шкуры с нас дерут:
Мы посеем, они жнут;
И свобода
У народа
Силой бар задушена.

Можно было бы, конечно, сохранить в предлагаемом нами критическом тексте песни именно этот ее вариант, если бы в обоих списках из собрания Вяземского не оказалась целая строфа, три последних стиха которой были вовсе неизвестны, а в двух первых использован отмеченный выше зачин строфы четвертой:

Они кожу с нас дерут:
Мы посеем, они жнут.
Они воры,
Живодеры,
Как пиявки, кровь сосут.

Эта вставная строфа следовала в списках Вяземского вслед за шестым куплетом общеизвестной редакции песни:

А теперь господа
Грабят нас без стыда...

И в тематическом и в композиционном отношении четвертая строфа песни в обоих списках Вяземского отличается большей остротою и логической слаженностью, чем в записи 1826 г.

В своей мотивировочной части именно эта редакция агитационной песни была особенно близка революционным лозунгам знаменитой прокламации, распространявшейся в Петербурге среди солдат гвардейских полков в конце октября 1820 г.: «Бедные воины! Посмотрите глазами на отечество; увидите, что люди всякого сословия подавлены дворянами. В судебных местах ни малого нет правосудия для бедняка, законы выданы для грабежа судейского, а не для соблюдения правосудия. Чудная слепота народов! Хлебопашцы угнетены податьми; многие дворяне своих крестьян гоняют на барщину шесть дней в неделю. Скажите, можно ли таких крестьян выключить из числа каторжных?» И дальше: «Поймите всеобщую нашу глупость и сами себя спросите: кому вверяете себя и целое отечество?»[14]. Подрывая представления о незыблемости и «божественной» сущности крепостных отношений, ранняя редакция четвертой строфы доходчиво объясняла процесс закабаления трудового народа лишь «силой бар» и «глупостью прежних крестьян». Заодно в этих же строках давался прямой ответ на вопросы строфы третьей:

Кто же нас кабалил?
Кто им барство присудил?
И над нами,
Бедняками,
Будто с плетью посадил?

Не менее убедительным представляется нам использование именно во вставной строфе, посвященной характеристике барщины, а не в четвертой, как это сделано было в записи 1826 г., зачина:

Они кожу с нас дерут,
Мы посеем — они жнут.

Более сложен вопрос об учете в каноническом тексте песни «Ах,тошно мне» пятистишия, имеющегося только в одном из списков Вяземского:

Дважды в лето рекрут
Без войны с нас берут.
Поселенье,
Разоренье
Православным на беду.

Эта строфа непосредственно следует в списке Вяземского за стихами:

То дороги, то налоги
Разорили нас в конец, —

то есть, если бы мы признали возможным включение этой строфы в текст рылеевской записи 1826 г., то она заняла бы в ней место между 11 и 12-й строфами [15].

Политическая значимость этого вставного куплета исключительно велика: он устраняет тот явный тематический и композиционный пробел в общеизвестном тексте песни, без заполнения которого последняя оказывалась обедненной в одной из самых ответственных своих частей. В самом деле, напоминая о бедствиях, обрушившихся на родную страну под

гнетом помещичье-дворянской реакции, широко характеризуя рабство крестьян, ужасы барщины, беззаконие и лихоимство, ненавистную винную монополию, дорожные повинности, непомерные налоги, песня «Ах, тошно мне» в записи 1826 г. совершенно обходила вопрос о военных поселениях, создание которых особенно тяжко ложилось на плечи трудового народа и волновало передовую общественность. Это умолчание гораздо естественнее было бы объяснить ошибкою памяти Рылеева при реконструкции им песни в 1826 г., чем особенностью ее основного текста.

Авторитетность строфы о военных поселениях во втором из списков Вяземского подтверждается еще одним ее вариантом. Вариант этот мало известен, так как он сохранился в той записи песни «Ах, тошно мне», которая сделана была декабристом М. А. Бестужевым лишь в 1870 г. и до сих пор или вовсе не учитывалась в специальной литературе или неправильно толковалась как произвольная позднейшая переделка песни[16].

Находка в архиве Вяземского новых и притом очень ранних списков песни «Ах, тошно мне» позволяет по-новому осмыслить значение и списка М. А. Бестужева.

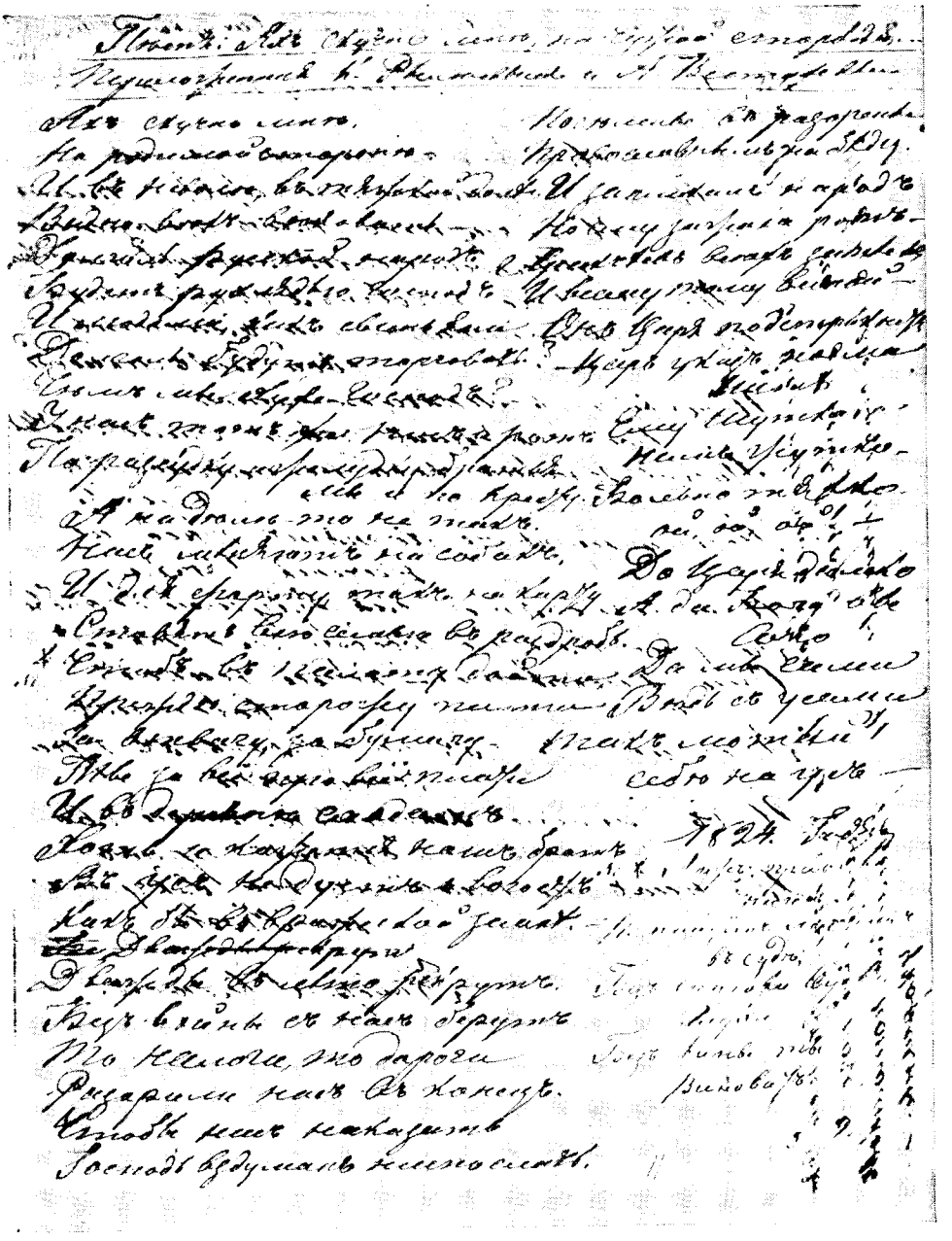
III

Самый текст песни «Ах, тошно мне» в записи М. А. Бестужева полностью ни разу не воспроизводился. Даем его по автографу:

ПЕСНЯ: АХ, СКУЧНО МНЕ, НА ЧУЖОЙ СТОРОНЕ.

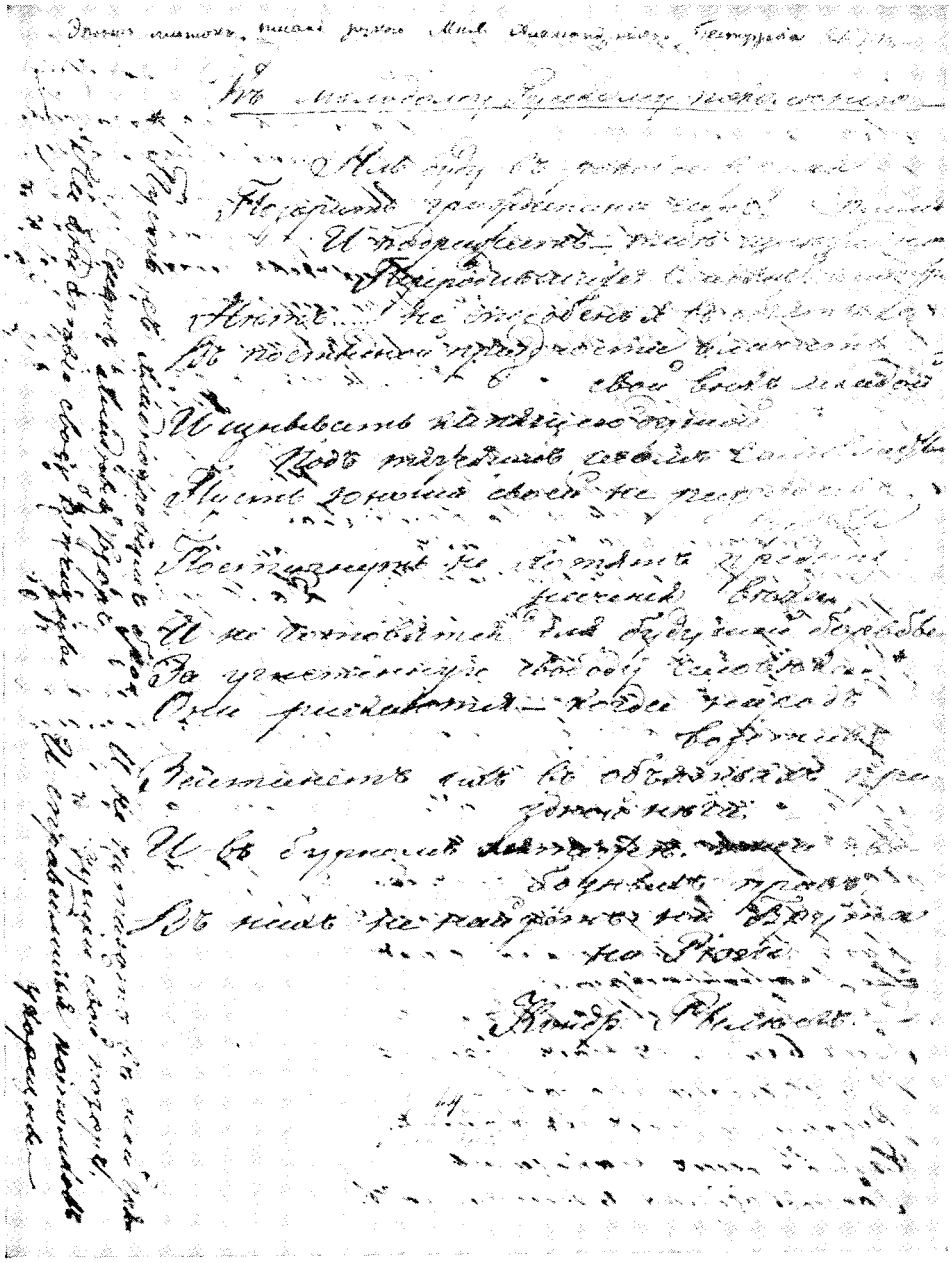
Переложенная К. Рылеевым и А. Бестужевым.

Ах, скучно мне
На родимой стороне,
И в неволе, в тяжкой доле
Видно век вековать.
Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ,
И людями, как свиньями,
Долго ль будут торговать?
Чем мы хуже господ?
У нас тот же нос и рот.
По рассудку и желудку —
Братья мы, и по кресту.
А на деле-то не так.
Нас меняют на собак,
И для фарту, так на карту
Ставят всю семью враздробь.
А уж правды нигде
Не найдет мужик в суде;
Без синюхи судьи глухи,
Без вины ты виноват.
Чтоб в палату дойти,
Прежде сторожу плати
За отвагу, за бумагу —
Ты за всё, про всё плати.
И в деревне солдат,
Хоть и, кажется, наш брат,
В ус не дует и воюет,
Как бы в вражеской земле.
Дважды в лето рекрут
Без войны с нас берут.
То налоги, то дороги



СПИСОК М. А. БЕСТУЖЕВА АГИТАЦИОННОЙ ПЕСНИ РЫЛЕЕВА И А. А. БЕСТУЖЕВА «АХ, ТОШНО МНЕ И В РОДНОЙ СТОРОНЕ...»

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград



СПИСОК М. А. БЕСТУЖЕВА СТИХОТВОРЕНИЯ РЫЛЕЕВА «К МОЛОДОМУ РУССКОМУ ПОКОЛЕНИЮ»

Оборот предыдущего листа

Сверху помета неустановленного лица: «Этот листок писан рукою Мих. Александрович Бестужева в 1870 г.»

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Разорили нас вконец.
Чтобы нас наказать,
Господь вздумал ниспослать
Поселенье в разоренье,
Православным на беду.
И заплакал народ,
Но ему зажали рот.
Аракчеев всех затеев
И всему тому виной.
Он царя подстрекнет,
Царь указ подмахнет.
Ему шутка, а нам жутко,
Больно, тяжко — ой, ой, ой!
До царя далеко,
А до бога высоко.
Да мы сами
Ведь с усами,
Так мотай себе на ус.

1824 год.

Этот список требует самого пристального изучения. И не только потому, что М. А. Бестужев — декабрист, член Северного общества, родной брат А. А. Бестужева и приятель Рылеева, один из первых слушателей и исполнителей песни. Самое существенное в передаче М. А. Бестужева — это строфы, отсутствующие в записи Рылеева и не сохранившиеся или искаженные в других списках. Наличие именно этих строф — показатель вовсе не модернизации списка, а, наоборот, самое убедительное свидетельство его давности. Список М. А. Бестужева наглядно подтверждает свидетельства декабристов о том, что многие агитационные песни Рылеева и Бестужева не имели строго закрепленного текста. В процессе их исполнения, как указывал А. А. Бестужев, «многое к ним прибавлено».

Эти изменения начального текста, обычно значительно обогащавшие его политическое звучание, могли принадлежать и Рылееву, и Бестужеву, и обоим им вместе, и даже некоторым из их единомышленников, принимавших участие в распространении или исполнении песен. Таково, вероятно, было происхождение и дополнительной строфы о военных поселениях. Мы отметили вариант этой строфы в редакции одного из списков Вяземского. Эти же строки в записи М. А. Бестужева имели более развернутый и литературно отточенный текст и теснее увязывались с общей всем спискам строфою об Аракчееве — организаторе и главном начальнике военных поселений:

Чтобы нас наказать,
Господь вздумал ниспослать
Поселенье
В разоренье,
Православным на беду.
И заплакал народ,
Но ему зажали рот.
Аракчеев
Всех затеев
И всему тому виной.

В редакции, очень близкой к тексту М. А. Бестужева, эти строки сохранились в копии Вяземского. Правда, строфа о военных поселениях в копии Вяземского была явно недоработана, не увязывалась со стихами об Аракчееве, замыкала, а не начинала строфу, но для нас важен самый факт наличия ее в списке, более раннем, чем запись самого Рылеева.

«ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА» НА 1824 ГОД. ЭКЗЕМПЛЯР С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ИЗДАТЕЛЕЙ Н. М. ЛОНГИНОВУ

«Его превосходительству Николаю Михайловичу Лонгинову в знак глубочайшего уважения. От издателей»

Автограф А. А. Бестужева

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Чем же объяснить отсутствие строфы о военных поселениях в рукописи Рылеева? Разумеется, этот пропуск мог быть и совершенно случайным и объясняться тем, что текст восстанавливался по памяти, наспех, в условиях тюремного заключения, для нужд следственных органов. Но возможно и другое объяснение этого пробела. Рылеев, приняв всю вину за написание песни «Ах, тошно мне» на одного себя и не зная о позиции в этом вопросе А. А. Бестужева, мог намеренно воздержаться от включения в свою запись строф, принадлежавших его товарищу по работе. Рылеев легко мог и забыть чужие стихи, тем более, что последние не только дополняли основной текст, но иногда его и корректировали. Так, например, политические и социально-экономические основания протеста против крепостничества, характерные для рылеевского текста песни, заменялись в списке М. А. Бестужева апелляцией к законам природы и «братства по кресту»:

Чем мы хуже господ?
У нас тот же нос и рот.
По рассудку
И желудку —
Братья мы, и по кресту.

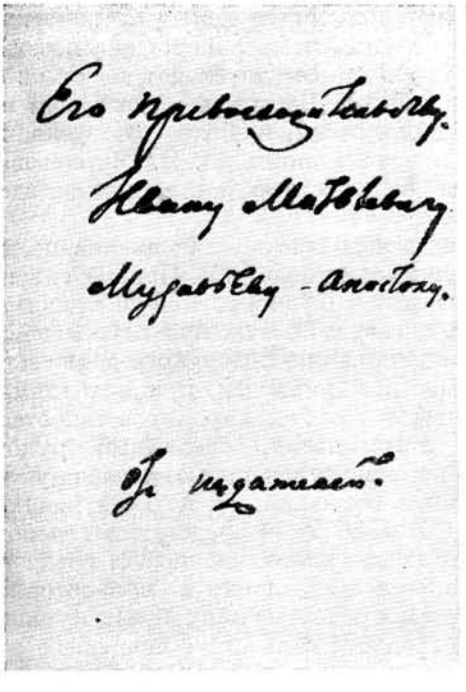
В следующей строфе, также отсутствовавшей в списке Рылеева, очень характерен именно для Бестужева, нередко пользовавшегося польскими и белорусскими диалектизмами, стих «для фарту»:

А на деле-то не так.
Нас меняют на собак,
И для фарту,
Так на карту
Ставят всю семью враздробь.

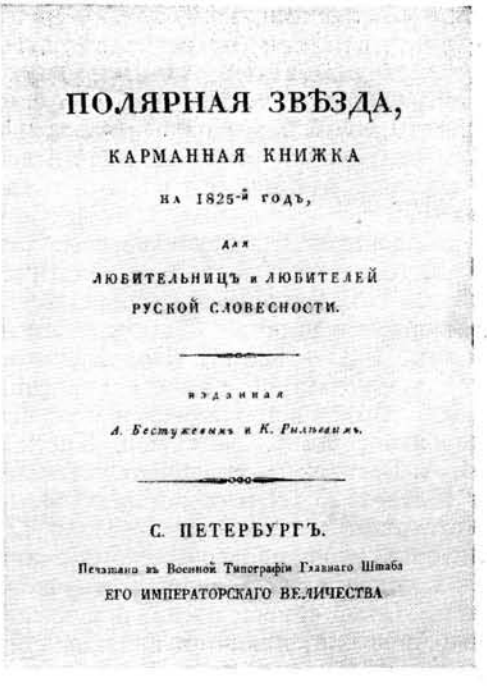
В пользу принадлежности строф о военных поселениях Бестужеву, а не Рылееву, свидетельствует и особый интерес Бестужева к институту военных поселений, как одной из узловых проблем русской политической действительности двадцатых годов. Так, характеризуя в своем письме к Николаю I из Петропавловской крепости положение России после Отечественной войны, он писал: «Поселения парализировали не только умы, но и все промыслы тех мест, где устроились, и навели ужас на остальные. Частые переходы полков безмерно тяготили напутных жителей; редкость денег привела крестьян в неоплатные недоимки, одним словом— все они вздыхали о прежних годах, все роптали на настоящее, все жаждали лучшего» [17].

В этих формулировках очень показательны и общая оценка военных поселений, близкая строкам о них в песне «Ах, тошно мне», и напоминание о разорительности для крестьян военных постоев, о которых шла речь в специальной строфе песни, выпавшей из текста Рылеева, но сохранившейся в передаче М. А. Бестужева:

И в деревне солдат,
Хоть и, кажется, наш брат,
В ус не дует
И воюет,
Как бы в вражеской земле.



Его превосходительству
Ивану Матвеевичу
Муравьеву-Апостолу.
От издателей.



ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА,
КАРМАННАЯ КНИЖКА
НА 1825-й ГОДЪ,
ДЛЯ
ЛЮБИТЕЛЬНИЦЪ и ЛЮБИТЕЛЕЙ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.
ИЗДАННАЯ
А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ.
С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ Военной Типографіи Главнаго Штаба
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

«ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА» НА 1825 ГОД. ЭКЗЕМПЛЯР С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ИЗДАТЕЛЕЙ И. М. МУРАВЬЕВУ-АПОСТОЛУ

«Его превосходительству Ивану Матвеевичу Муравьеву-Апостолу. От издателей»
Автограф А. А. Бестужева
Библиотека АН СССР, Ленинград

Если признать все строфы и строки, отсутствовавшие в записи Рылеева, вставкой в оригинал, сделанной А. А. Бестужевым как соавтором, то нисколько не покажется странным тот факт, что М. А. Бестужев лучше помнил стихи своего брата, чем строфы, написанные Рылеевым. Поэтому в редакции песни «Ах, тошно мне», восстановленной М. А. Бестужевым, дублировалось только восемь строф из пятнадцати, записанных Рылеевым, а большая часть остальных была заменена вариантами, восходящими, вероятно, к утраченному тексту песни в редакции А. А. Бестужева. Не случаен в этом отношении и зачин записи М. А. Бестужева: «Ах, скучно мне / На родимой стороне». Именно этот вариант начальных строк песни предпочел и А. А. Бестужев, упоминая в своих показаниях нелегальную песню «Ах, скучно мне», а не «Ах, тошно мне». К его же редакции песни восходила и вторая строка зачина («На родимой стороне» вм. «На родной стороне»), ибо этот вариант песни повторялся и в записи М. А. Бестужева и во втором списке Вяземского.

Мы уже высказали выше предположение о возможной связи одного из списков песни «Ах, тошно мне» в собрании Вяземского с оригиналом Рылеева, а другого — с записью Бестужева. Эта гипотеза подтверждается совпадением ряда стихов в списке М. А. Бестужева именно со вторым списком Вяземского (строфа о военных поселениях и рекрутских наборах, часть зачина, порядок строк в некоторых куплетах и т. д.). Второй список песни в собрании Вяземского, видимо, отражал первую стадию работы А. А. Бестужева над правкой песни Рылеева, а список М. А. Бестужева закреплял текст песни после коренной ее переделки. В списке М. А. Бестужева немало явных дефектов, например, отсутствие некоторых общеизвестных строф, не поддающееся мотивировке (строф 4, 7, 12-й), грубые искажения отдельных стихов (например, «И людями, как свиньями» вм. «И людями, как скотами»), неправильная передача метрической структуры песни (пятистрочная строфа произвольно превращена в четырехстрочную путем стяжения двух укороченных двустопных стихов в один). Однако все эти недочеты записи М. А. Бестужева, сделанной по памяти почти через полвека после создания песни, не более значительны, чем отклонения от оригинала Рылеева в показаниях М. И. Муравьева-Апостола в 1826 г. и в печатном ее тексте в «Полярной звезде» на 1859 г.

Сравнительное изучение всех дошедших до нас шести списков песни «Ах, тошно мне» позволяет придти к следующим выводам. Первый список песни, сохранившийся в собрании Вяземского, условно можно признать ее первой редакцией, принадлежащей Рылееву и Бестужеву и относящейся к зиме 1823—1824 гг. Второй список из собрания Вяземского дает текст той же редакции песни с некоторыми дополнениями и изменениями, родившимися в процессе ее исполнения. Автором этих вариантов является, вероятно, А. А. Бестужев. Третий список песни, сделанный рукою М. А. Бестужева, позволяет установить новую ее редакцию, относящуюся к 1824—1825 гг. и созданную, без всяких сомнений, А. А. Бестужевым. Четвертый список — рылеевская запись 1826 г. — представляет собою литературно наиболее отделанный текст песни, освобожденный от позднейших дополнений и поправок участников в ее создании и распространении. Пятый список песни, дошедший до нас в показаниях М. И. Муравьева-Апостола, является искаженной передачей семи строф первой ее редакции. Наконец, шестой список, известный по публикации «Полярной звезды», представляет собою неисправную запись семи случайных строф песни, сделанную по памяти, но близкую к рылеевской редакции 1826 г.

Восстанавливая наиболее полный и точный текст песни «Ах, тошно мне», исследователь нелегальной агитационной литературы двадцатых

годов не может ограничиться той ее редакцией, которая дошла до нас в записи Рылеева. Вождю Северного общества, автору «Войнаровского» и «Наливайко», принадлежал самый замысел этой песни, ее общий литературный и политический план, ее наиболее острые и доходчивые формулировки. Но в массовый оборот эта революционная сатирическая песня вошла не в том варианте, создателем которого был Рылеев, а в новой редакции, установленной после принятия Рылеевым поправок и доделок Бестужева. Важнейшие из поправок к начальному тексту песни дошли до нас в списках, обнаруженных в бумагах П. А. Вяземского и М. А. Бестужева. Эти списки позволили установить, что не только первая, неизвестная нам редакция песни, но и позднейший ее текст, сохранившийся в рылеевской записи 1826 г., лишены были нескольких весьма важных в идейно-тематическом отношении строф, без учета которых нельзя было бы реконструировать текст песни, имевший хождение в 1823—1825 гг. Как и все опыты текстологических реконструкций, предлагаемая нами редакция песни «Ах, тошно мне» имеет в некоторых своих частях условный характер, не заменяя уничтоженный в свое время оригинал, а лишь в меру возможности к нему приближаясь (звездочкой обозначаем строфы, отсутствующие в рылеевской записи песни)[18].

Вот предлагаемый нами сводный текст песни:

Ах, тошно мне
И в родной стороне;
Всё в неволе,
В тяжкой доле,
Видно, век вековать.

Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ,
И людями,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?

Кто же нас кабалил,
Кто им барство присудил,
И над нами,
Бедняками,
Будто с плетью посадил?

*Глупость прежних крестьян
Стала воле в изъян,
И свобода
У народа
Силой бар задушена.

А что силой отнято,
Силой выручим мы то.
И в приволье,
На раздолье
Стариною заживем.

А теперь господа
Грабят нас без стыда,
И обманом
Их карманом
Стала наша мошна.

*Они кожу с нас дерут,
Мы посеем — они жнут.
Они воры,
Живодеры,
Как пиявки, кровь сосут.

Бара с земским судом
И с приходским попом
Нас морочат
И волочат
По дорогам да судам.

А уж правды нигде
Не ищи, мужик в суде,
Без синюхи
Судьи глухи,
Без вины ты виноват.

Чтоб в палату дойти,
Прежде сторожу плати
За бумагу,
За отвагу,
Ты за всё, про всё давай!

Там же каждая душа
Покривится из гроша.
Заседатель,
Председатель,
Заодно с секретарем.

Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь;
То дороги,
То налоги
Разорили нас вконец.

*И в деревне солдат,
Хоть и, кажется, наш брат,
В ус не дует
И воюет,
Как бы в вражеской земле.

А под царским орлом
Ядом потчуют с вином.
И народу
Лишь за воду
Велят вчетверо платить.

*Чтобы нас наказать,
Господь вздумал ниспослать
Поселенье
В разоренье,
Православным на беду.

Уж так худо на Руси,
Что и боже упаси!

Всех затеев
Аракчеев
И всему тому виной.

Он царя подстрекнет,
Царь указ подмахнет.
Ему шутка,
А нам жутко,
Тошно так, что ой, ой, ой!

А до бога высоко,
До царя далеко.
Да мы сами
Ведь с усами,
Так мотай себе на ус.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ВД, т. IV, стр. 289. — Об отъезде М. И. Муравьева-Апостола из Петербурга именно в августе 1824 г. см.: ВД, т. IX, стр. 282.

[2] ЦГИА, ф. № 48, д. 402, лл. 56 об.—57. — Совещание у М. Ф. Митькова, на котором выступил Рылеев (ВД, т. I, стр. 176—177), относится ко второй половине ноября 1823 г. Выдвигая вопрос о переделке в революционном духе наиболее распространенных песен, в том числе «Ах, тошно мне» (песня Ю. А. Нелединского-Мелецкого), Рылеев приступил к реализации этого замысла лишь в самом конце 1823 г., о чем свидетельствовал в своих показаниях А. А. Бестужев: «Я не знаю, по научению ли Общества сделал сие Рылеев, только однажды в 1822-м году ‹Бестужев допустил в дате явную ошибку›, в конце, в забавном расположении духа, пригласил он меня написать что-нибудь народным языком либеральное, и песню *Ах, скучно мне* написали мы вместе, а некоторые *подблюдные* я один» (ВД, т. I, стр. 457—458). Дата «подблюдных» песен точно определяется обычным временем их исполнения — новогодними гаданьями от 1 до 6 января. Поскольку песня «Ах, тошно мне» им предшествовала, дата ее написания определяется последними числами декабря 1823 г., а время распространения — первою половиною января 1824 г. К этому же времени относится и вступление А. А. Бестужева в Тайное общество.

[3] ВД, т. IX, стр. 261. — Ср. выписки в деле Рылеева — ВД, т. I, стр. 210.

[4] ВД, т. I, стр. 176. — Ср. «Списки с начальных допросов Пестеля и с показаний Рылеева» в фонде материалов Следственной комиссии по делу декабристов, № 281, лл. 97—99. При воспроизведении рылеевской записи песни «Ах, тошно мне» первое слово в стихе «Бара с земским судом» обычно передается как: «баре» вм. «бара». Полагаясь на ошибочные утверждения М. И. Муравьева-Апостола и не зная ни дополнительных показаний Рылеева, ни отмеченных выше (см. стр. 85) литературно-документальных приложений к ним, М. А. Брискман произвольно приписал свидетельства Рылеева его позднейшим исследователям и на этом основании пытался доказать, что Рылеев вручил Муравьеву-Апостолу стихи «Вдоль Фонтанки реки», а не «Я ль буду в роковое время» («Декабристы и их время», 1951, стр. 17).

[5] ВД, т. I, стр. 457—458.

[6] Там же, стр. 267.

[7] Список песни «Ах, тошно мне», опубликованный в «Полярной звезде» на 1859 г. (кн. V, стр. 11), имеет всего семь строф (недостает куплетов 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10-го и последнего, заключительного). Отдельные стихи искажены еще сильнее, чем в записи Муравьева-Апостола (например: «Для заводу» вм. «Лишь за воду»; «А наборами нас царь» вм. «Нас поборами царь»). Менее существенны другие отступления от записи 1826 г.: 1) «Ай и скучно мне / Во своей стороне»; 2) «Барин с земским судом» вм. «Бара с земским судом»; 3) «Усушил нас, как сухарь» вм. «Иссушил, как сухарь». Текст «Полярной звезды» перепечатан был без перемен в сб. «Русская потаенная литература XIX столетия». Лондон, 1861, стр. 114—115, и в Полн. собр. соч. Рылеева. Лейпциг, 1861, стр. 333—335.

[8] В списке М. И. Муравьева-Апостола всего шесть стихотворных строф, соответствующих строфам 1, 8, 10, 12, 13 и 15-й текста песни «Ах, тошно мне» в записи Рылеева 1826 г. Строфа 7-я дана им же в дополнительном прозаическом пересказе (ВД, т. IX, стр. 261—262). Характерно, что в передаче Муравьева-Апостола отсутствовали наиболее острые в политическом отношении строфы. О небрежности и неточности передачи свидетельствуют такие стихи, как «Без сивухи судьи глухи» вм. «Без синюхи судьи глухи» или: «А под царским вензелем» вм. «А под царским орлом». Зачин песни в передаче Муравьева-Апостола: «Ах, скучно мне / И в родной стороне»

был ближе списку М. А. Бестужева («Ах, скучно мне / На родимой стороне») и «Полярной звезды» («Ай и скучно мне / Во своей стороне»), чем оригиналу Рылеева.

[9] Первые сведения об агитационных песнях, обнаруженных в Остафьевском архиве, или вовсе исключали данные о не известных ранее списках песни «Ах, тошно мне» (см., например, «Декабристы и их время», 1951, стр. 11—12) или ограничивались справкой только об одном из этих списков — втором по нашему описанию («Вестник Академии Наук», 1951, № 3, стр. 138). — О Вяземском см. выше, стр. 76—79.

[10] И. И. Пущин прибыл из Петербурга в Москву в качестве представителя Северного общества 14 марта 1824 г. (Н. П. Чулков. Москва и декабристы.— «Декабристы и их время», II, стр. 303). История передачи Пущиным перед отъездом в Петербург в декабре 1825 г. самых ценных материалов своего архива Вяземскому освещена в статье Н. М. Дружинина в сб. «Декабристы и их время», I, стр. 67—68. Однако данные исследователя о том, что Вяземский был в день 14 декабря 1825 г. в Петербурге, ошибочны: Пущин передал Вяземскому свой портфель в Москве. Ср. письмо Вяземского к А. И. Тургеневу от 13 декабря 1825 г. из Остафьева в Петербург («Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским», т. I. Пг., 1921, стр. 20—23).

[11] «Памяти декабристов», I, 1926, стр. 81. Ср. Полн. собр. соч. П. А. Вяземского, т. IX. СПб., 1884, стр. 107.

[12] Список песни «Ах, тошно мне», условно называемый нами первым, писан на двух листах бумаги в четверку, без водяных знаков (по описи ЦГЛА, ф. № 195, ед. хр. 5569, лл. 4—5). Список разбит на строфы, отделенные одна от другой знаком: ⌗. Почерк тот же, которым переписаны песня «Царь наш — немец русский» и все «подблюдные» агитационные песни в собрании Вяземского. То обстоятельство, что текст подблюдных песен в этих списках испещрен многочисленными ошибками, не позволяет связать ни одну из копий, сделанных той же рукою, с подлинниками, Бестужева (см. варианты — прим. 18).

[13] Список песни «Ах, тошно мне», условно называемый нами вторым, не имеет деления на строфы и сохранился на первых трех листах особой тетради в четвертую долю листа, без водяных знаков. Архивный шифр тот же, что и в первом списке этих же стихов (см. варианты — прим. 18).

[14] «Декабристы», 1926, стр. 38—39. — В солдатской прокламации 1820 г. находим мы первоисточник и строфы четвертой агитационной песни Рылеева: «Скажите, что должно ожидать от царя, разве того, чтобы он нас заставил друг с друга кожу сдирать!»

[15] Использование во втором списке песни «Ах, тошно мне» в собрании Вяземского стиха «Они кожу с нас дерут», вместо более выразительного «По две шкуры с нас дерут», можно объяснить желанием избежать соседства сходных стихов «По две шкуры с нас дерут» и «Дважды в лето рекрут / Без войны с нас берут».

[16] Список песни «Ах, тошно мне», сделанный рукою М. А. Бестужева (см. воспроизведение автографа на стр. 91), сохранился в собрании бумаг Н. К. Шильдера в ГПБ. Текст песни следует в этом автографе после записи стихов Рылеева «К молодому русскому поколению» («Я ль буду в роковое время»). На первом листе сохранилась отметка: «Этот листок писан рукою Мих⟨аила⟩ Александровича Бестужева в 1870 г.». Правильность этой атрибуции подтверждается сличением рукописи с другими автографами М. А. Бестужева. Важнейшие из вариантов песни «Ах, тошно мне» в списке М. А. Бестужева впервые отмечены в книге: Маслов, стр. 334.

[17] «Декабристы», 1926, стр. 10.

[18] Обоснование изменений и дополнений, внесенных нами в текст рылеевской записи песни, сделанной в 1826 г. (ЦГИА. Дело бывш. Гос. архива, I В, № 281, лл. 97—99),— см. стр. 88—90 и 94—95, а также прим. 4, 7, 12.

Приводим здесь полностью разночтения обоих списков из архива Вяземского.

Варианты списка, называемого нами «первым» (ед. хр. 5569, лл. 4—5): 1. «Ох, тошно мне» вм. «Ах, тошно мне»; 2. «Вы в неволе» вм. «Всё в неволе»; 3. «И людьми» вм. «И людями»; 4. «А что силой взято» вм. «А что силой отнято»; 5. «Они кожу с нас дерут» вм. «По две шкуры с нас дерут»; 6. «А там каждая душа» вм. «Там же каждая душа»; 7. «А поборами царь» вм. «Нас поборами царь»; 8. «Источил нас, как сухарь» вм. «Иссушил, как сухарь»; 9. «Ох, так больно на Руси» вм. «Уж так худо на Руси»; 10. «За отвагу, / За бумагу» вм. «За бумагу, / За отвагу»; 11. «Аракчеев всех затеев» вм. «Всех затеев Аракчеев»; 12. «Нам тошно» вм. «А нам тошно».

Варианты второго списка (ед. хр. 5569, лл. 1—3): 1. «На родимой стороне» вм. «И в родной стороне»; 2. «В злой неволе» вм. «Всё в неволе»; 3. «А что силою взято» вм. «А что силой взято»; 4. «Да с приходским попом» вм. «И с приходским попом»; 5. «Нас волочат» вм. «И волочат»; 6. «За бумагу, / За отвагу» вм. «За отвагу, / За бумагу»; 7. «Без вины будь виноват» вм. «Без вины ты виноват»; 8. «То налоги, то дороги» вм. «То дороги, то налоги»; 9. «Ой, так худо на Руси» вм. «Ох, так больно на Руси»; 10. «А нам жутко» вм. «Нам жутко»; 11. «До царя знать далеко, / А до бога высоко» вм. «А до бога высоко, / До царя далеко»; 12. «Брат с усами» вм. «Ведь с усами».

Из этих разночтений два полностью, а одно частично совпадают со списком 1826 г.: 1. «За бумагу, / За отвагу»; 2. «А нам жутко»; 3. «Ой так худо на Руси».

АГИТАЦИОННАЯ ПЕСНЯ «ВДОЛЬ ФОНТАНКИ РЕКИ» И УЧАСТИЕ А. И. ПОЛЕЖАЕВА В ЕЕ РАСПРОСТРАНЕНИИ

Статья Л. А. Мандрыкиной

I

Недавно в следственном деле «О злоумышленном тайном обществе» братьев Критских нами были обнаружены две записи агитационной песни «Вдоль Фонтанки реки» [1]; позднее один список был найден в Остафьевском архиве Вяземских [2]; кроме того, в опубликованных показаниях М. И. Муравьева-Апостола имеется запись стихов «Вдоль Фонтанки реки», прочитанных им на допросе [3]. Таким образом, в руках исследователей находятся сейчас четыре варианта этой песни. По своей политической направленности она примыкает к агитационным песням Рылеева и А. А. Бестужева.

Повидимому, ее содержание связано с восстанием Семеновского полка [4]. События, разразившиеся в 1820 г. в Семеновском полку, служили постоянной темой бесед декабристов с солдатами. Естественно, что поэты-декабристы не прошли мимо такой значительной для агитации темы.

Ниже мы приводим данные, позволяющие утверждать, что в песне действительно отражено восстание Семеновского полка. Несомненный интерес представляют материалы, свидетельствующие о распространении этой песни сначала самими декабристами, затем их последователями (в 1826 г.).

И наконец, дело о распространении песни «Вдоль Фонтанки реки» важно еще и потому, что оно тесно связано с именем одного из крупных поэтов первой половины XIX в. — А. И. Полежаева.

Среди материалов следствия по делу Критских обнаружены подлинные показания членов Общества и Полежаева, обвиняемого Следственной комиссией в распространении противоправительственных стихов [5]. Показания подтверждают, что Полежаев был знаком с членами кружка Критских. Эти показания позволяют также исправить некоторые неточности, вкравшиеся в биографию поэта. Так, например, биографы Полежаева — В. В. Баранов и Н. Ф. Бельчиков — полагают, что Следственная комиссия по делу Критских обвиняла Полежаева в сочинении и распространении известных стихов «Ах, где те острова», в действительности сочиненных Рылеевым [6].

Но, как видно из документов следствия, Полежаев не привлекался к суду за сочинение этого стихотворения. Его обвиняли в том, что он распространял песню «Вдоль Фонтанки реки».

Публикуемые нами «Вопросные пункты, на которые имеет ответствовать Бутырского пехотного полка рядовой Полежаев», являются собственноручно написанными показаниями Полежаева — документом, подтверждающим связь поэта с кружком Критских.

Скудные документальные материалы, характеризующие пребывание Полежаева в университете, до сих пор не дают возможности с точностью установить, был ли поэт связан с вольнолюбивыми студенческими кружками и в чем выражалась эта связь. Для подтверждения наличия связи обычно ссылаются на тот факт, что Полежаев привлекался к следствию по делу «Тайного общества Критских» в 1827 г. Но и эти сведения крайне незначительны и неточны.

Таким образом, найденные документы проливают свет на одно из неизученных мест биографии поэта.

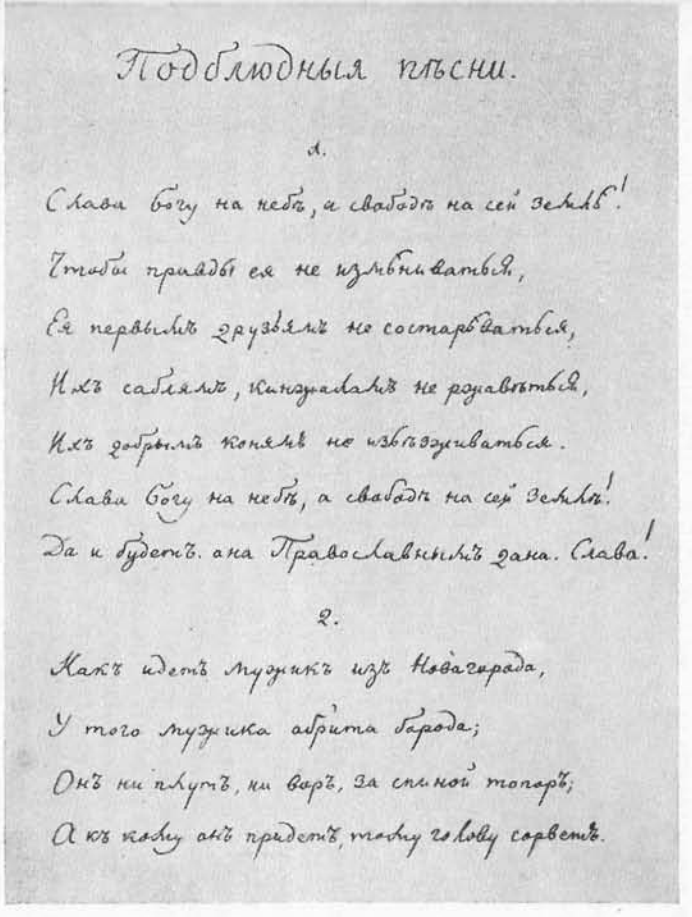
II

О существовании песни «Вдоль Фонтанки реки» впервые стало известно из показаний декабристов. Следственная комиссия с большой настойчивостью допытывалась у них о тексте этой песни. Начало песни «Вдоль Фонтанки реки / Квартируют полки» членам Комиссии сообщил в своем показании С. Г. Волконский (30 января 1826 г.). 31 января подполковник Сергей Муравьев-Апостол был спрошен о содержании двух песен, которые его брат, Матвей Муравьев-Апостол, привез из Петербурга и «показывал князю Волконскому и другим членам Южного общества», а также о том, кто был автором этих песен. На предложенный вопрос С. И. Муравьев-Апостол отвечал (6 февраля 1826 г.), что песни эти действительно были привезены ему из Петербурга братом, что автор их, кажется, Рылеев и что Волконскому передавал их он сам, а не Матвей [7]. 10 апреля 1826 г. М. И. Муравьеву-Апостолу было предъявлено обвинение в том, что в 1823 г. он привез из Петербурга «две песни (кажется, сочинения Рылеева): одну, относящуюся до состояния крестьян, и другую — возмутительную», которые и отдал брату своему, Сергею. Комиссия хотела также знать имя автора этих песен, их содержание и от кого они были получены М. И. Муравьевым-Апостолом в Петербурге. Интересовались члены Комиссии и тем, кто передал песни С. И. Муравьеву-Апостолу и М. П. Бестужеву-Рюмину, которые распространяли их среди солдат и членов Общества. М. И. Муравьев-Апостол отвечал, что он «привез с собой из Петербурга две песни: одна — сочинение Рылеева, а другая — Бестужева (адъютанта), как мне кажется, что я слышал, но наверно не утверждаю; впрочем, они скажут, чьи они. Я их получил от Рылеева». Одна из этих песен начиналась словами «Ах, скучно мне»; другая — «Вдоль Фонтанки реки». Матвей Муравьев-Апостол, по требованию Комиссии, прочитал первую песню, а затем и вторую:

Вдоль Фонтанки реки квартируют полки. Слава!
Квартируют полки все гвардейские. Слава!
Их и учат, и мучат, что ни свет, ни заря. Слава!
Что ни свет, ни заря для потехи царя. Слава!
Идет кузнец из кузницы. Слава!
Несет кузнец три ножа. Слава!
Один нож на господ, на вельмож. Слава!
Другой нож на попов, на святош! Слава!
А третий нож, молитву сотворя, на вампира, на царя. Слава!
Тогда будет тепло, умно и хорошо. Слава!

По словам Муравьева-Апостола, стихи были написаны Бестужевым [8]. 24 апреля Рылееву было предложено представить Комиссии текст двух песен: «Вдоль Фонтанки реки» и «Подгуляла я», переданных им Сергею Волконскому и Матвею Муравьеву-Апостолу. Рылеев категорически заявил, что песен этих не знал, а потому и передавать их никому не мог [9]. 6 мая о тексте песни и об авторе ее был спрошен И. И. Пущин. Пущин ответил, что песню слышал, знает «изложенные два стиха и что впоследствии идет речь о ножах для властей». Автора ее Пущин не назвал [10].

9 мая Е. П. Оболенский тоже получил приказание Комиссии написать текст песни «Вдоль Фонтанки реки». Оболенский ответил, что о песне этой он слышал, но наизусть ее не помнит и поэтому написать ее не может. Автора песни Оболенский тоже не назвал [11]. Наконец, 10 мая 1826 г. был допрошен предполагаемый автор песни Александр Бестужев. Комиссия спрашивала Бестужева: писал ли он, а если писал, то с каким намерением песню «Вдоль Фонтанки реки» и кому она была отдана им «для



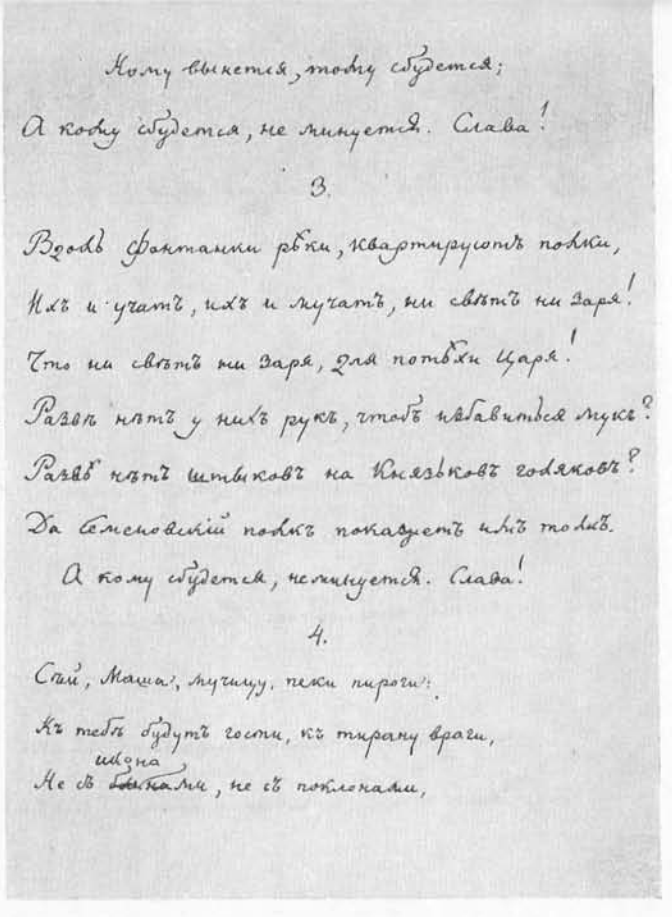
Подблюдныя пѣсни.

1.

Слава Богу на небѣ, а свободѣ на сей землѣ!
Чтобы правды ея не измѣниваться,
Ея первымъ друзьямъ не состарѣваться,
Ихъ саблямъ, кинжаламъ не ржавѣться,
Ихъ добрымъ конямъ не изъѣзживаться.
Слава Богу на небѣ, а свободѣ на сей землѣ!
Да и будетъ она Православнымъ дана. Слава!

2.

Какъ идетъ мужикъ изъ Новагорода,
У того мужика обрита борода;
Онъ ни плутъ, ни воръ, за спиной топоръ;
А къ кому онъ придетъ, тому голову сорветъ.
Кому выпется, тому сбудется;
А кому сбудется, не минуется. Слава!



3.

Вдоль фонтанки рѣки, квартируютъ полки,
Ихъ и учатъ, ихъ и мучатъ, ни свѣтъ ни заря!
Что ни свѣтъ ни заря, для потѣхи царя!
Развѣ нѣтъ у нихъ рукъ, чтобъ избавиться мукъ?
Развѣ нѣтъ штыковъ на Князьковъ голяковъ?
Да Семеновскій полкъ покажетъ имъ толкъ.
А кому сбудется, неминуется. Слава!

4.

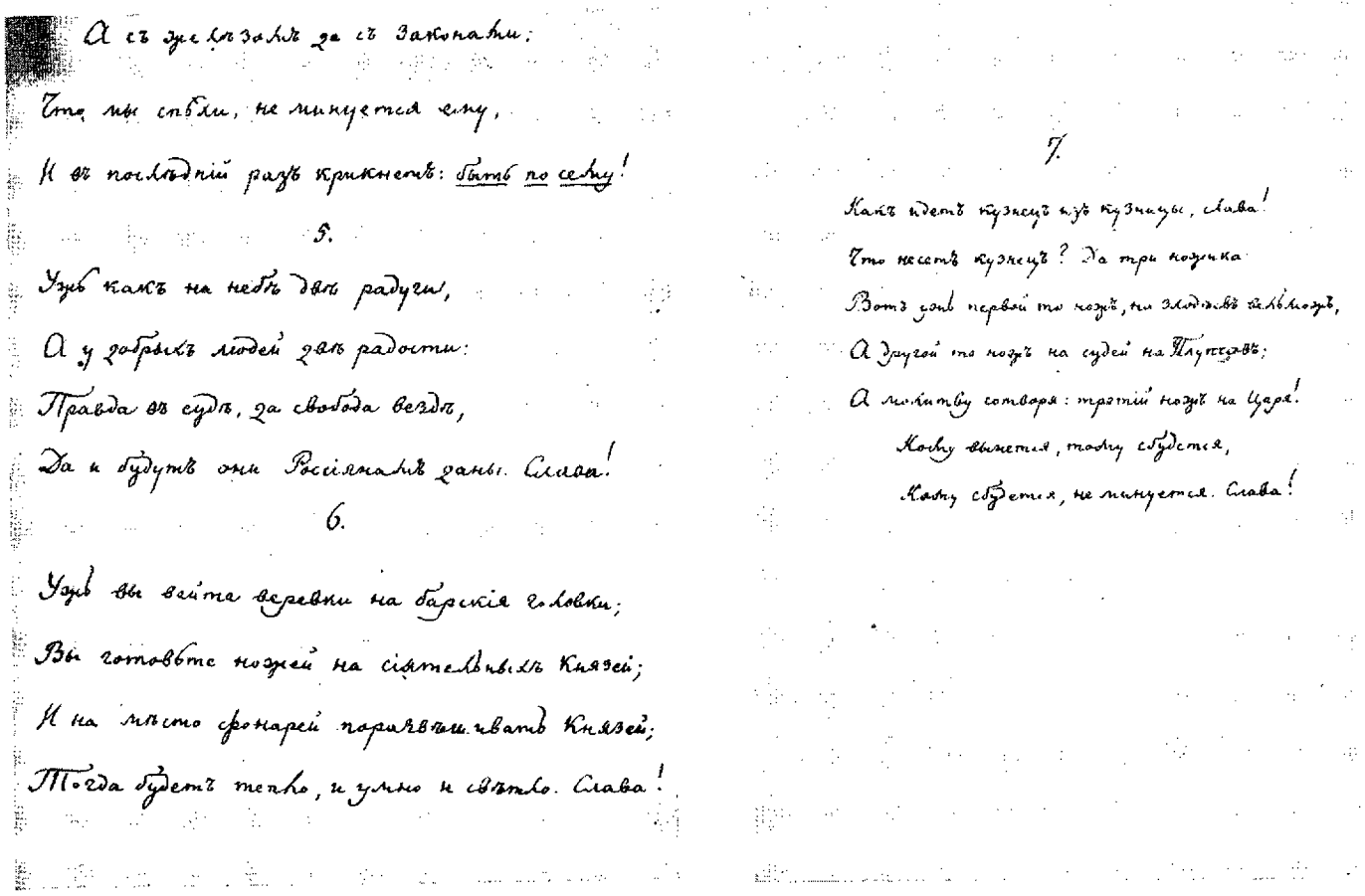
Сѣй, Маша, мучицу, пеки пироги:
Къ тебѣ будутъ гости, къ тирану враги,
Не съ ~~блинами~~ иконами, не съ поклонами,

СПИСОК АГИТАЦИОННОЙ ПЕСНИ «ВДОЛЬ ФОНТАНКИ РЕКИ» И ДРУГИХ, ПЕСЕН 1823—1824 гг.

Сохранился в бумагах П. А. Вяземского

Лист 1—1 об.

Центральный литературный архив, Москва



А съ желѣзомъ да съ законами:
Что мы сѣяли, не минуется ему,
И въ послѣдній разъ крикнетъ: быть по сему!

5.

Ужь какъ на небѣ двѣ радуги,
А у добрыхъ людей двѣ радости:
Правда въ судѣ, да свобода вездѣ,
Да и будутъ они Россіянамъ даны. Слава!

6.

Ужь вы вейте веревки на барскія головки;
Вы готовьте ножей на сіятельныхъ Князей;
И на мѣсто фонарей поразвѣшивать Князей;
Тогда будетъ тепло, и умно и свѣтло. Слава!

7.

Какъ идетъ кузнецъ изъ кузницы, слава!
Что несетъ кузнецъ? Да три ножика
Вотъ ужь первой то ножъ, на злодѣевъ вельможъ,
А другой то ножъ на судей на Плуттовъ;
А молитву сотворя: третій ножъ на Царя!
Кому вынется, тому сбудется,
Кому сбудется, не минуется. Слава!

СПИСОК АГИТАЦИОННОЙ ПЕСНИ «КАК ИДЕТ КУЗНЕЦ ИЗ КУЗНИЦЫ» И ДРУГИХ ПЕСЕН 1823—1824 гг.

Сохранился в бумагах П. А. Вяземского.

Лист 2—2 об.

Центральный литературный архив, Москва

распространения между солдатами и народом». Бестужев ответил, что вместе с Рылеевым писал он народным языком «либеральное», а некоторые подблюдные песни писал один [12]. О каких именно песнях идет речь — он не сказал. На этом дознание относительно текста песни, ее распространения, имени ее автора и было закончено.

Итак, вопросы Следственной комиссии и ответы декабристов свидетельствуют, что песня «Вдоль Фонтанки реки» была известна членам Северного и Южного обществ. Многие из них знали, кем она написана (хотя и не давали об авторах песни точных показаний) и распространяли ее вместе с другими агитационными стихотворениями поэтов-декабристов. Почти в то же время, когда Следственная комиссия, пытаясь узнать текст песни «Вдоль Фонтанки реки», допрашивала о ней декабристов, поэт Александр Полежаев читал ее студенту Московского университета Петру Пальмину, назвав автором этой песни Рылеева.

Летом 1827 г. стихи эти были уже известны в кружке Критских.

III

Дело братьев Критских возникло летом 1827 г. по доносу штабс-капитана Сибирского гренадерского полка Боцана и прапорщика Ковалевского. 9 августа они «довели до сведения» командира полка, полковника Юницына, что студент Московского университета, Николай Лушников, сообщил им о существовании в Москве «тайного общества», членом которого он состоял. По словам Лушникова, целью Общества было «истребление царской фамилии и утверждение нового конституционного строя». Общество занималось пропагандой своих идей и распространением запрещенной декабристской литературы. Организаторами и активными членами его были студенты Московского университета — братья Критские [13].

В тот же день донос поступил к московскому военному генерал-губернатору кн. Д. В. Голицыну. 14 августа были арестованы Лушников и Критские, а бумаги их опечатаны. 16 августа уже начала действовать «Особая следственная комиссия по делу злоумышленного тайного общества», образованная по приказу Голицына.

В течение трех дней были допрошены Николай Лушников, Петр Критский и братья его, студенты нравственно-политического отделения Московского университета, Василий и Михаил Критские.

Вскоре были привлечены к следствию и остальные члены кружка: канцелярист Кремлевской экспедиции Данила Тюрин, коллежские регистраторы Алексей Матвеев и Петр Томанский и другие.

Комиссии после первых же допросов стало ясно, что новое восстание, «подобное 14-му декабря», правительству не грозит. «Преступления их,— докладывала Следственная комиссия генерал-губернатору Голицыну, — составляет: во-первых, замысел преобразовать государство, соединенный с намерением покушения на священную жизнь государя императора; во-вторых, вольные суждения». По определению Комиссии, «на сей раз преступления эти оказались не страшны. Стремления Общества к преобразованию, никакими особо продуманными правилами к цели их не руководимые и в одних еще разговорах заключающиеся, являются порождением буйной молодости и необузданного воображения, распаленного чтением вольномысленных сочинений и отчасти примером прежних возмутителей»[14].

Убедившись, что 14 декабря пока еще повториться не может, члены Комиссии обратили сугубое внимание на другую сторону деятельности «тайного общества» — на чтение и распространение «вольномысленных сочинений».

Особенно интересовал Комиссию вопрос, когда и от кого были получены или услышаны Критскими песни Рылеева.

После казни декабристов, несмотря на жесточайший террор, стихотворения Рылеева и Бестужева стали широко распространяться в рукописных сборниках и в устной передаче. Их заучивали наизусть, им подражали. В конце двадцатых годов политических «обличительных» стихотворений сочинялось немало. В подражание декабристам писались стихи-прокламации, вольные стихи. Известны распространявшиеся в 1827—1831 гг. во Владимирской губернии ода-прокламация «Свобода» безымянного автора, вольные стихи дворового человека Гаврилы Пономарева, агитационные стихи Николая Лушникова, стихи антирелигиозного направления, сочиненные в подражание пушкинской «Гавриилиаде» Федором Гуровым. По многим городам России разослал свою стихотворную прокламацию штабс-капитан Ситников. Эти произведения продолжали традиции русской обличительной литературы [15].

Как видно из «дела», в кружке Критских хорошо сознавали агитационную роль противоправительственных сочинений. В ответах обвиняемых звучало восхищение поэзией декабристов. На вопрос Комиссии Василий Критский прямо заявил, что мысли о свободе возникли у членов кружка под влиянием стихов Пушкина и Рылеева [16].

Распространять декабристские стихотворения Критские и их друзья считали необходимым в интересах политической пропаганды. В июле 1826 г. Полежаев передал студенту Московского университета П. М. Пальмину песню «Вдоль Фонтанки реки». Песня попала в кружок Критских и приобрела значительный круг читателей. Комиссия выяснила, что большой интерес в кружке Критских вызвала песня-сатира Рылеева «Ах, где те острова». Спрошенный по этому поводу Василий Критский на допросе 6 сентября заявил: «Я говорил вышепоказанные мною стихи: „Близ Фонтанки реки“ и проч. Лушникову и Тюрину, а сей сказал нам следующие стихи:

Ах, где те острова,
Где растет трын-трава,
Братцы.

...Сии стихи мы, затвердив, пели» [17].

Огромным успехом в кружке пользовались также стихи Пушкина и Полежаева. В бумагах Критских и Лушникова обнаружено несколько списков оды «Вольность» и стихотворения «Деревня» [18].

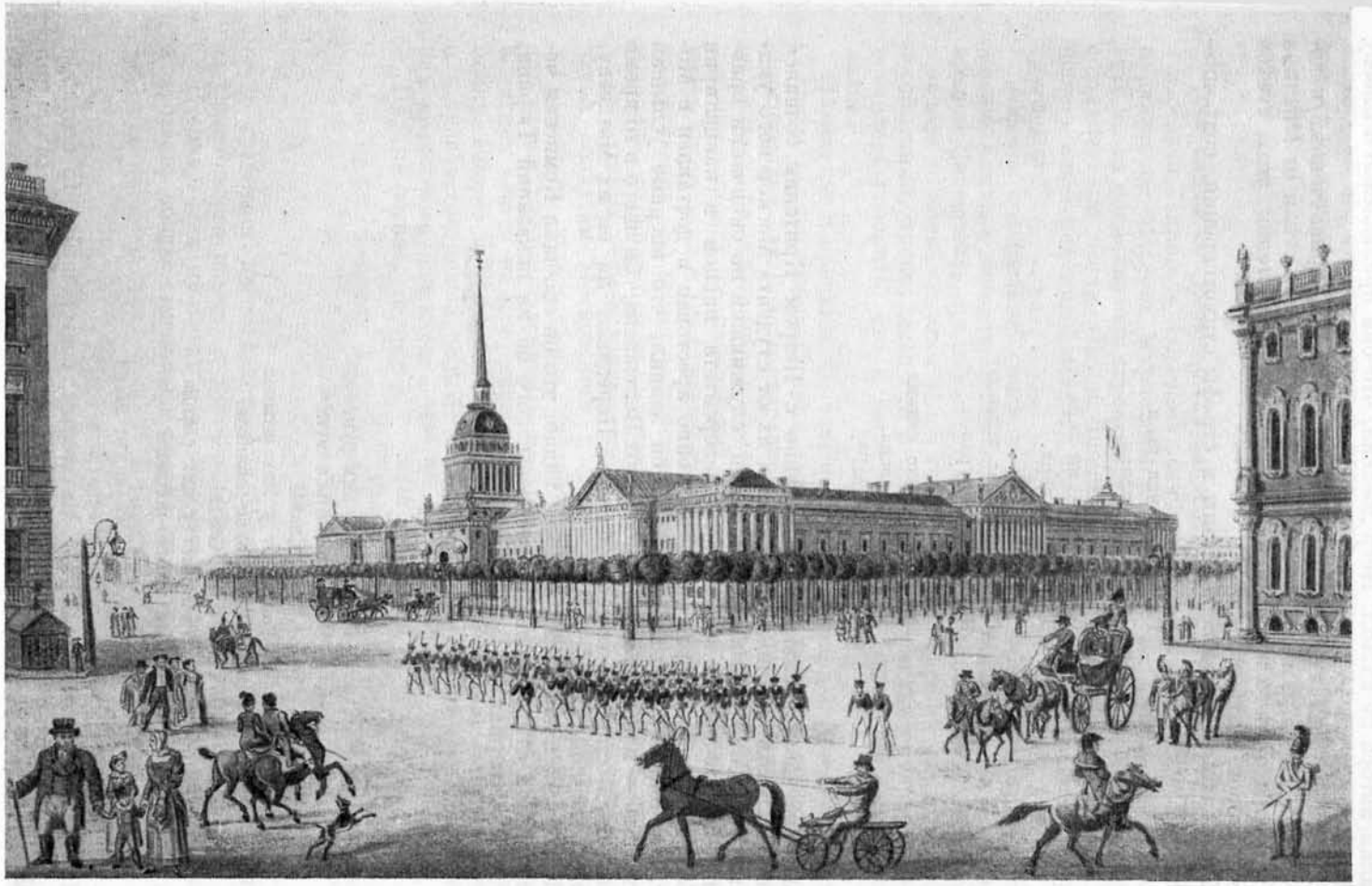
В школе армейских подпрапорщиков и в кружке Критских многие знали наизусть куплеты Полежаева:

Когда б заместо фонаря,
Который гаснет от погоды,
Повесить нового царя,
То просиял бы луч свободы [19].

III Отделение и Николай I превосходно понимали агитационную роль потаенной литературы. Борьба с распространением произведений декабристской поэзии была одной из задач правительства [20].

Не случайно поэтому, что названное на допросе Критскими стихотворение «Близ Фонтанки реки», отличавшееся «весьма предерзким содержанием», сильно заинтересовало Следственную комиссию.

О стихотворении «Близ Фонтанки реки» Комиссии стало известно 27 августа 1827 г. из показаний Василия и Петра Критских, заявивших, что подьячий Алексей Матвеев читал у них на квартире в Москве, кроме стихов Пушкина, стихи неизвестного автора «Близ Фонтанки реки».



ВИД АДМИРАЛТЕЙСТВА

Раскрашенная гравюра Р. Курятникова, 1820-е гг.

Музей истории Ленинграда

Василий автора не назвал. Петр добавил, что они принадлежат Рылееву и сочинены им на 14 декабря [21].

6 сентября 1827 г. канцелярист Данила Тюрин, привлеченный к дознанию по делу Критских, сознался, что слышал эти стихи от Михаила Критского и от него же знает о «первоначальном» чтении этих стихов регистратором Матвеевым.

В показаниях Тюрина записаны и строфы стихотворения, сохранившиеся в его памяти:

Близ Фонтанки реки
Собирались полки.
Слава!
Что ни свет, ни заря
Для потехи царя.
Слава!
Разве нет у вас штыков
На князьков-дураков.
Слава!
Разве нет у вас свинца
На тирана-подлеца.
Слава![22]

Матвеев, допрошенный одновременно с Петром Критским, сознался в чтении стихов и заявил, что слышал их от студента Московского университета П. М. Пальмина [23]. Пальмин, служивший по окончании нравственно-политического отделения университета писцом в канцелярии тамбовского губернатора, был немедленно арестован и доставлен в Москву. На допросе 13 сентября 1827 г. он заявил, что впервые услышал стихи в мае — июне 1826 г. в Москве от Полежаева, бывшего в то время студентом Московского университета. Передавал ли он их Матвееву, Пальмин не помнил.

Из того же показания Пальмина видно, что он сообщил Комиссии четыре куплета стихотворения, уже известного ей из показаний Тюрина, но в другом варианте:

Там их учат и мучат,
Что ни свет, ни заря,
Для потехи царя.
Слава!
Разве нет у них рук,
Чтоб избавиться мук?
Слава!
Разве нет у них штыков
На князьков-сопляков?
Слава!
Разве нет у них свинца
На тирана-подлеца?
Слава!

На очной ставке Пальмина с Матвеевым, состоявшейся 15 сентября 1827 г., Пальмин принужден был сознаться, что он, действительно, читал стихи Матвееву [24]. На допросе 4 октября Пальмин добавил: «Вышеозначенные стихи услышал я от студента Полежаева прошлого года в мае или июне месяце, во время прогулки на Тверском бульваре, где он, Полежаев, встретившись со мною, не доходя немного примыкающего к Никитским воротам конца, начал после обыкновенных приветствий сими сло-

вами: „Знаете ли вы новые стихи Рылеева?“ И когда отвечал отрицательно, то он, отведши меня к лавочке, проговорил наизусть ту самую песню, но притом не говорил, есть ли она у него на бумаге или нет» [25].

IV

Как видно из приведенных записей, песня «Вдоль Фонтанки реки» в передаче Тюрина и Пальмина значительно отличается от текста песни, прочитанной Матвеем Муравьевым-Апостолом на следствии 26 апреля 1826 г.: та оканчивалась строками «Как шел кузнец». Возникает вопрос, составляет ли песня «Вдоль Фонтанки реки / Квартируют полки» одно целое с известной декабристской песней «о кузнеце, несущем из кузницы три ножа» [26].

Анализ содержания списков песни противоречит этому предположению. Стихи в записях Пальмина и Тюрина, так же как и в списке из архива Вяземских, представляют собой законченное целое. Все строфы с начала до конца связаны одной темой. Сопоставление содержания песни с событиями, происходившими в Семеновском полку в октябре 1820 г., позволяет говорить, что в песне речь идет о восстании Семеновского полка.

Восстание и причины, вызвавшие его, были широко известны в армии. Солдаты горячо сочувствовали семеновцам, понесшим тяжелые кары. Впоследствии декабристы старались поддерживать связь с семеновскими солдатами, разосланными по разным полкам. Солдаты-семеновцы, служившие в полках, расположенных на юге, виделись с братьями Муравьевыми-Апостолами и Бестужевым-Рюминым и получали от них материалы для агитации. Во время подготовки восстания на юге декабристы-южане говорили, что надеются на Саратовский и Пензенский полки, где служило много старых семеновских солдат. Известно, что Михаил Бестужев читал солдатам Московского полка агитационную песню семеновцев «Ну, ребята, чур дружнее / За товарищей стоять» [27]. Естественно, что для песни, предназначенной к распространению главным образом среди воинских частей на юге, материалом послужили события в Семеновском полку. Рылеев и Бестужев понимали, что напоминание об этом событии и о судьбе товарищей должно было заставить солдат снова задуматься над средствами избавления «от мук».

Первый куплет песни:

Вдоль Фонтанки реки
Собирались полки.
Слава! —

точно указывает место действия [28]. Учения полка происходили тут же, на Семеновском плацу, к которому примыкали казармы.

В следующих куплетах в условно-вопросительной форме рассказано о протесте солдат-семеновцев против начальства:

Разве нет у них рук,
Чтоб избавиться мук?
Слава!
Разве нет у них штыков
На князьков-сопляков?
Слава!
Разве нет у них свинца
На тирана-подлеца?
Слава! [29]

В то же время куплеты эти содержат и призыв декабристов, обращенный к армии. Не покоряться злой доле! Действовать с оружием в руках против царя и великих князей, погубивших семеновцев!

Последние строки напоминают, что семеновский полк, положивший начало открытой борьбе против «тирана-подлеца» и «князьков-сопляков», должен служить примером для солдат. Таково содержание песни «Вдоль Фонтанки реки» [30].

Содержание песни «Уж как шел кузнец» не связано ни с каким конкретным фактом. В ней отразились республиканские и демократические идеи левого крыла Северного общества — идеи свержения монархии и уничтожения правящих классов. Песня эта написана в более революционном духе, чем стихи «Вдоль Фонтанки реки». В песне «Вдоль Фонтанки реки» призыв к восстанию обращен лишь к армии. В образе кузнеца показан народ, призванный уничтожить своих угнетателей — дворян-помещиков и попов.

Очевидно, песня «Вдоль Фонтанки реки» была предназначена для солдат и распространялась главным образом в армии. «Кузнец» же был, повидимому, написан для более широкой аудитории. По свидетельству Е. И. Якушкина, эта песня в то время была распространена наиболее широко [31].

Таким образом, соединение этих двух песен в передаче Матвея Муравьева-Апостола представляет собою случайную механическую контаминацию двух, не связанных друг с другом произведений. Первые четыре строчки — это начало совершенно законченной песни «Вдоль Фонтанки реки», а следующие—самостоятельная песня «Уж как шел кузнец» [32].

То, что М. И. Муравьев-Апостол объединил две самостоятельные песни, можно объяснить их одинаковой политической направленностью, общностью поэтической формы и общим рефреном — «Слава». Нельзя забывать также, что условия, в которых Муравьев-Апостол вынужден был припомнить слова песни, мало способствовали восстановлению в памяти правильного текста, полученного им к тому же несколько лет назад. Однако та же общая направленность песен и особенно общий рефрен «Слава» могли помочь М. И. Муравьеву-Апостолу и преднамеренно умолчать о последующих строках. Из показаний Матвея Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина видно, как тщательно избегали они всякого упоминания о событиях в Семеновском полку. Известно также, какой интерес проявляла Комиссия к связям декабристов с бывшими семеновскими солдатами. Если бы М. И. Муравьев-Апостол на допросе прочитал до конца песню, в которой упоминается старый Семеновский полк, это могло бы повлечь за собой новые, нежелательные для декабристов вопросы.

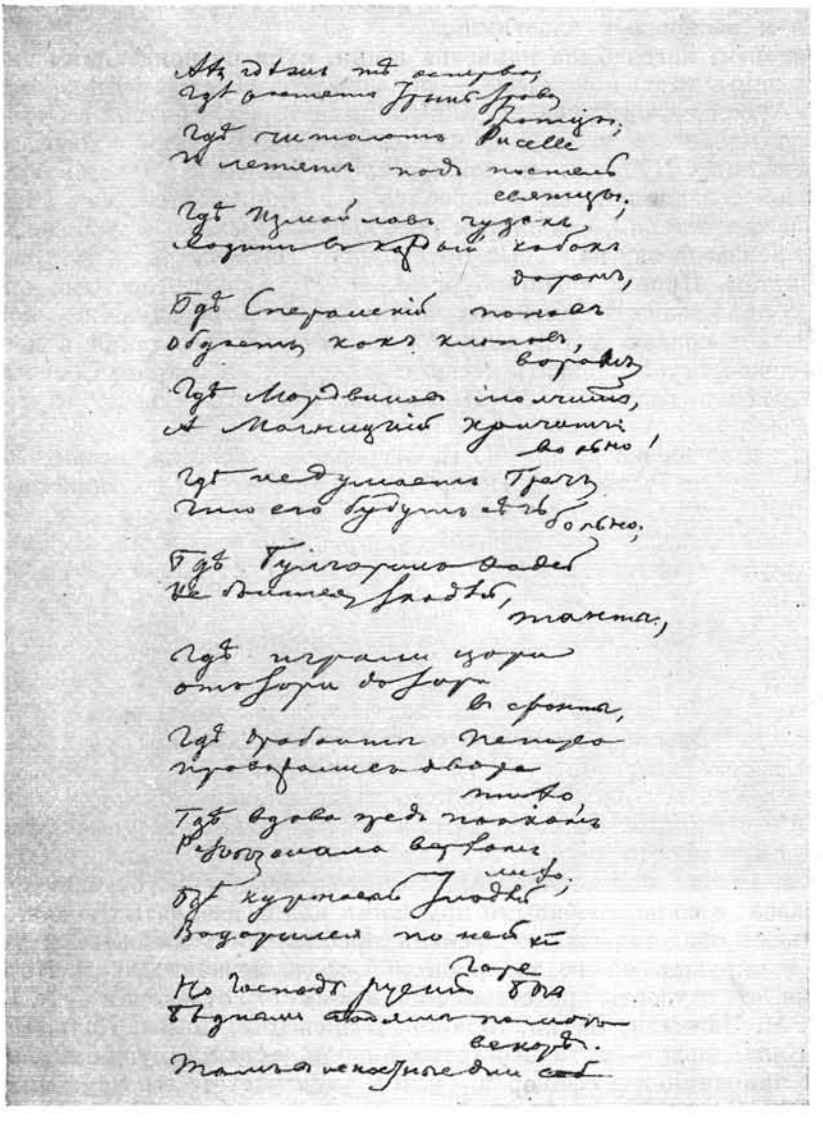
Интересно отметить, что по своему содержанию песня «Вдоль Фонтанки реки» несколько перекликается с агитационной песней неизвестного автора, написанной во время Семеновского восстания 1820 г.:

Ну, ребята, чур дружнее
За товарищей стоять.

Возможно, что Рылеев и А. А. Бестужев, так же как и М. А. Бестужев, знали эту песню и она послужила им прототипом для песни «Вдоль Фонтанки реки». В обеих песнях есть некоторые сходные черты. Материалом для них послужило восстание семеновцев. И там, и здесь упоминается о страданиях солдат, об их угнетении. Основная идея песни «Ну, ребята, чур дружнее» — обращенный к солдатам призыв выступить на помощь товарищам, — как бы получает свое дальнейшее развитие в песне «Вдоль Фонтанки реки». Декабристы, подхватив призыв неизвест-

ного автора, обращают его ко всей армии — выступить с оружием в руках против ненавистных тиранов, угнетающих солдат [33].

Точных доказательств того, что песня «Вдоль Фонтанки реки» написана Рылеевым или Бестужевым, нет. Из ответов Сергея Муравьева-Апостола



СПИСОК АГИТАЦИОННОЙ ПЕСНИ РЫЛЕЕВА «АХ, ГДЕ ТЕ ОСТРОВА, ГДЕ РАСТЕТ ТРЫН-ТРАВА...», СОБСТВЕННОРУЧНО СДЕЛАННЫЙ Н. А. ДОБРОЛЮБОВЫМ

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

видно, что песни, привезенные братом его Матвеем из Петербурга, принадлежали Рылееву [34]. Сам же Матвей Муравьев-Апостол показывал, что она принадлежит Бестужеву. Рылеев автором песни себя не признал; Пущиным имя автора названо не было. Однако, не подтверждая авторства Рылеева или Бестужева, декабристы и не отрицали его.

По всей вероятности, песня «Вдоль Фонтанки реки» была написана, как и многие другие «подблюдные» песни, Рылеевым и Бестужевым. Политическая направленность и форма песни связывает ее с циклом агитационных песен: «Как идет мужик из Новагорода», «Уж вы вейте веревки на барские головки», «Как идет кузнец из кузницы». Политическая агитация выступает в них на первый план. Основное в этих песнях — призыв к расправе с властями.

Временем, когда была написана песня, судя по показаниям декабристов, можно считать конец 1823 — начало 1824 г. В июле 1823 г. М. И. Муравьев-Апостол, по поручению Южной директории, приехал в Петербург, чтобы установить связи с Северным обществом. В октябре того же года, на совещании у Пущина, он познакомился с Рылеевым. Рылеев был увлечен идеей создания песен в народном духе для воздействия на народ. Семеновская история, свидетелем которой был Рылеев, и то впечатление, какое произвела она на солдат Петербургского гарнизона, были памятны декабристам. Приезд в Петербург М. И. Муравьева-Апостола, его рассказы о положении в армейских частях на юге, где служили многие из семеновских солдат, могли еще раз напомнить о восстании и побудить поэтов-декабристов написать песню с упоминанием старого Семеновского полка, имея в виду, что М. И. Муравьев-Апостол увезет ее с собою на юг.

Как видно из показаний М. И. Муравьева-Апостола, песня эта была получена им от Рылеева в Петербурге в 1824 г. и по приезде на юг передана брату, Сергею Муравьеву-Апостолу.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что песня «Вдоль Фонтанки реки» принадлежит перу Рылеева или Бестужева.

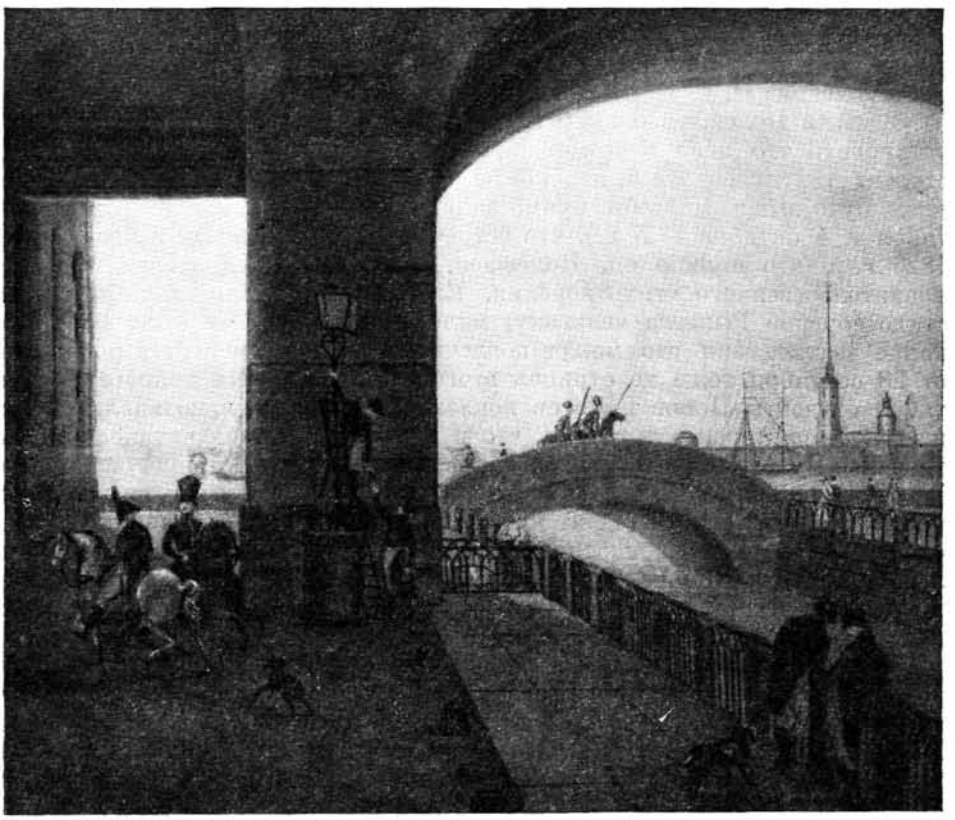
V

Осенью 1827 г., когда началось следствие по делу Критских, Полежаев, арестованный за побег из полка, отбывал наказание на гауптвахте в деревне Низовке Тверской губ., где стоял его полк [35].

К делу братьев Критских Полежаева привлекли далеко не случайно. Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет утверждать, что эпизод с распространением агитационной песни — только одно звено в цепи пока еще немногочисленных фактов, свидетельствующих о связи Полежаева с вольнолюбивыми кружками конца двадцатых годов. Документальные свидетельства о времени пребывания Полежаева в университете и окружавшей его товарищеской среде незначительны. Но все же известно, что студенты нравственно-политического отделения — А. Г. Ротчев, П. М. Пальмин, Пузин, Жданов, Кушенский, Сомов, Пель, Коврайский, Калайдович — дети небогатых дворян, вольноотпущенных, мещан, мелких чиновников и офицеров, были в университете его друзьями и товарищами. С гимназических лет был знаком Полежаев с П. И. Критским; находился в дружественных отношениях с художником А. В. Уткиным, близко стоявшим к студенческим кружкам; посещал купеческого сына, студента словесного отделения П. Севастьянова и вольнослушателя Медико-хирургической академии, курского мещанина Ф. А. Кони [36].

Идеи декабристов играли огромную роль в развитии передовой университетской молодежи. Как продолжение дела декабристов в конце двадцатых — начале тридцатых годов возникали революционные студенческие кружки (Критских, Сунгурова). Знакомые Полежаева, студенты Попов и Рогов, были членами кружка, во главе которого стоял П. И. Критский. Пальмин, знавший Полежаева, тоже был знаком с Критским. В архиве III Отделения хранится анонимный донос (1826) «О совместном

написании студентами Полежаевым и Ротчевым вольных стихов», ходивших в рукописях среди студентов Московского университета [37]. О поэте Ротчеве Критские говорили как о своем единомышленнике. Как видно из дела, Попов, Рогов и Критские в 1826 г., приходя в университет, вели между собой разговоры о декабристах и читали «Думы» Рылеева. Нет ничего невероятного в том, что об этом были осведомлены и другие студенты.



ВИД НА ПЕТРОПАВЛОВСКУЮ КРЕПОСТЬ С ЗИМНЕЙ КАНАВКИ
Рисунок неизвестного художника, около 1800 г.
Эрмитаж, Ленинград

Такова была университетская среда, оказавшая несомненное воздействие на формирование политического мировоззрения Полежаева.

С самого начала своего творческого пути Полежаев был продолжателем традиций вольнолюбивой лирики Радищева, Пушкина, Рылеева. Как известно, он был отдан в солдаты по личному приказу Николая I, усмотревшего в поэме «Сашка» отзвуки ненавистного ему декабризма. В Бутырском полку поэт находился под строжайшим негласным надзором, опять-таки по личному приказу царя. Позднейшие стихи Полежаева — «Вечерняя заря», «Рок», «Арестант» — были своеобразными политическими декларациями и выражали ненависть к самодержавию передовой молодежи конца двадцатых — тридцатых годов. Стихотворения «Ай, ахти! Ох, ура!», «Когда б заместо фонаря» и «Четыре нации» написаны под явным влиянием агитационных песен Рылеева. Эти произведения Полежаева ходили по рукам в многочисленных списках.

III Отделение боролось с их распространением так же яростно, как и с распространением декабристской поэзии. Не удивительно, что фамилия Полежаева, названная на следствии по делу Критских, вызвала интерес членов Комиссии, хорошо осведомленных о настроениях поэта.

15 сентября 1827 г. командующий Сводным пехотным корпусом, генерал-адъютант Храповицкий, получил уведомление Комиссии о том, что «дерзкие стихи насчет правительства вышли начально от бывшего студента Полежаева» [38]. Разжалованный поэт был уже назначен к отправке в один из полков Оренбургского гарнизона, когда последовал приказ дежурного генерал-майора 1-й армии: «Оставить Полежаева под арестом впредь до разрешения об открытом в Москве преступлении» [39].

Знал ли Полежаев о замыслах Критских? С совершенной точностью установить это пока невозможно, но из допросов видно, что бывший студент Полежаев «был далеко не безизвестен» членам кружка. Как упомянуто выше, Пальмин прямо заявил в своих показаниях (от 15 сентября и 4 октября 1827 г.), что встречался с Полежаевым в мае — июне 1826 г. и что именно он, Полежаев, был распространителем противоправительственного стихотворения. Едва ли Полежаев стал бы читать стихотворение Рылеева человеку, мало знакомому; ему было известно, какие последствия это может повлечь за собой. Сам поэт в показании от 28 сентября тоже не отрицал этого знакомства. На допросе 20 сентября студенты Попов и Рогов показали, что «несколько знали» Полежаева. Характерен и тот факт, что в кружке Критских читалось стихотворение Полежаева «Когда б заместо фонаря, / Который гаснет от погоды». В кружке Критских хорошо знали и автора, хотя и не называли имени его на допросе. Критские и большинство их сообщников были осторожны в своих показаниях относительно Полежаева. Среди революционно настроенного студенчества Полежаев был весьма популярен. Не многие решались увеличить тяжесть и без того трагической судьбы поэта.

3 сентября Комиссия постановила отобрать «вопросные пункты от рядового Бутырского полка Полежаева». Дело было поручено генерал-адъютанту Храповицкому, и 3 октября он доставил в Комиссию письменные ответы Полежаева. Поэт, признавая свое знакомство с Пальминым, показывал, что стихи были ему «известны прежде по слуху, но не все сполна и без имени сочинителя». Передачу же стихотворения Пальмину Полежаев отрицал [40]. Более подробные показания Пальмина от 4 октября 1827 г. заставили Комиссию поставить перед Полежаевым новые вопросы. Комиссия рассчитывала, что, предъявив Полежаеву эти показания, она заставит его сознаться в чтении и распространении «возмутительных стихов».

В то же время главнокомандующий 1-й армией запрашивал Следственную комиссию о том, когда именно Полежаев передал стихи Пальмину — до поступления на военную службу или после? Вопрос этот возник в связи с «высочайшим повелением», последовавшим по новому делу Полежаева: «Узнать, когда стихи сочинены и читаны, если до определения его на военную службу, то не подвергать его дальнейшей ответственности, буде уже после, то предать суду» [41].

В начале октября (точной даты нет) Полежаев был допрошен вторично. 13 октября 1827 г. письменные ответы его были снова препровождены в Следственную комиссию[42]. В них Полежаев опять-таки утверждал, что стихи эти были ему некогда известны, но передавал ли он их кому-нибудь — он не помнит, так же как не знает имени их автора [43]. Убедившись, что стихи были переданы Пальмину Полежаевым до поступления на военную службу, Комиссия почти не обратила внимания на его новые ответы.

Дело о привлечении поэта к процессу Критских было прекращено. 19 октября командующий 1-й армией, получив извещение Следственной комиссии о том, что «дерзкие стихи дошли до студента Петра Пальмина от рядового Бутырского полка Полежаева еще до определения его в военную службу», — приказал, «не подвергая ответственности ⟨...⟩ освободить его из-под ареста и употребить на службу» [44]. 20 октября 1827 г. Полежаев был освобожден из-под ареста.

Однако, прекратив по приказу Николая I следствие по делу Полежаева, Комиссия все же продолжала считать поэта последователем декабристов.

21 октября 1827 г. Бенкендорф доложил царю, что, по мнению Комиссии, Полежаев принадлежит к тем «единомышленникам с преступниками 14-го декабря, самое свободное существование которых угрожает безопасности государства». Николай I приказал Бенкендорфу усилить надзор за Полежаевым и немедленно сообщать ему о малейшем нарушении поэтом воинской дисциплины. Так закончилась попытка властей привлечь к делу «тайного общества» Полежаева, поэта нарождающегося разночинства, стихами которого говорила «Русь мучеников, Русь рудников, Сибири и казематов» [45].

* * *

Мы предлагаем следующий сводный текст агитационной песни «Вдоль Фонтанки реки» [46]:

Вдоль Фонтанки реки
Квартируют полки.
Слава! [47]

Квартируют полки
Всё гвардейские.
Слава! [48]

Их и учат, ⟨их⟩ и мучат,
Ни свет, ни заря.
Слава! [49]

Что ни свет, ни заря,
Для потехи царя.
Слава!

Разве нет у них рук,
Чтоб избавиться мук?
Слава! [50]

Разве нет у них штыков
На князьков-сопляков?
Слава! [51]

Разве нет у них свинца
На тирана-подлеца?
Слава! [52]

Да Семеновский полк
Покажет им толк!
Слава! [53]

Кому вынется, тому сбудется,
А кому сбудется, не минуется.
Слава! [54]

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВОПРОСНЫЕ ПУНКТЫ, НА КОТОРЫЕ ИМЕЕТ ОТВЕТСТВОВАТЬ БУТЫРСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА РЯДОВОЙ ПОЛЕЖАЕВ, СЕНТЯБРЯ 27-го ДНЯ 1827 ГОДА

1

Как тебя зовут, чей ты сын, сколько имеешь от роду лет, обучался ли где и каким наукам, холост или женат и имеешь ли детей?

2

Какого вероисповедания, бываешь ли на исповеди и у святого причастия?

3

В службу его императорского величества ты которого года, месяца и числа поступил; из какого звания и откуда уроженец?

4

Не был ли ты за что под судом и по оному, равно и без суда, в каких штрафах и наказаниях?

5

Знаком ли ты с бывшим, императорского Московского университета студентом, а ныне 12 класса, Петром Михайловым сыном Пальминым, и не передавал ли ему стихов, начинающихся так: «Близ Фонтанки реки собирались полки» и проч.? Ежели передавал, то когда, где, с каким намерением и объявлял ли имя сочинителя оных?

6

В ответе на сей вопрос напиши те стихи, вполне, от начала до конца, и объясни, от кого получил ты их сам и не передавал ли еще кому-либо, когда и с каким намерением?

7

В сих ответах всю ли истинную правду показал и не утаил ли чего?

1

Зовут меня Александр сын Иванов. От роду имею 22 года. Обучался в императорском Московском университете; холост, детей не имею.

2

Вероисповедания греко-российского, на исповеди и у святого причастия бывал ежегодно.

3

В службу его императорского величества поступил 1826 года августа 7-го дня с чином 12-го класса, из университета; родом из мещан, уроженец Пензенской губернии.

4

Под судом находился за самовольную отлучку из Бутырского пехотного полка; прежде ж сего в штрафах и наказаниях никогда не бывал.

5

Находясь в университете, я знал студента Петра Михайлова Пальмина, но стихов, начинающихся словами: «Близ Фонтанки реки» и пр., не помню, чтобы ему передавал или имел их когда-либо при себе — они были мне известны прежде по слуху, но не все сполна и без имени сочинителя, которого я не знаю.

6

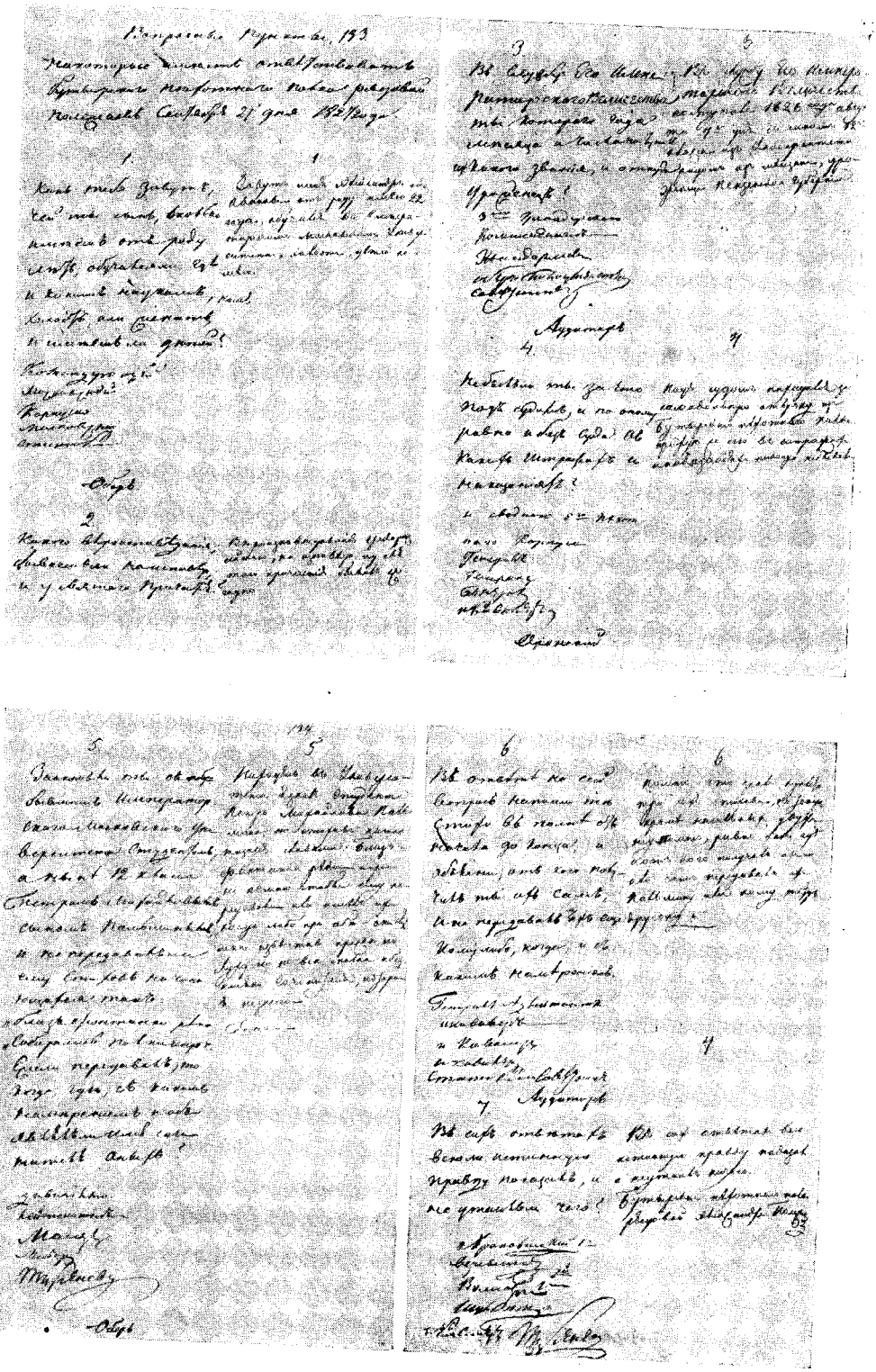
Помню, что знал куплета три сих стихов, но теперь, кроме начальных двух, не упомню, равно как, где и от кого получал их или сам передавал их Пальмину или кому-нибудь другому.

7

В сих ответах всю истинную правду показал и не утаил ничего.

Бутырского пехотного полка рядовой
Александр Полежаев

Командующий дивизиями 3-го гренадерского и сводного 5-го пехотного корпуса Храповицкий 1-й
Московский комендант генерал-лейтенант Веревкин
Корпуса жандармов генерал-майор Волков
Московский обер-полицмейстер генерал-майор Шульгин
Статский советник и кавалер Тургенев
Обер-аудитор Оранский



ПОКАЗАНИЯ А. И. ПОЛЕЖАЕВА, ОБВИНЯВШЕГОСЯ В РАСПРОСТРАНЕНИИ АГИТАЦИОННОЙ ПЕСНИ «ВДОЛЬ ФОНТАНКИ РЕКИ», ДАННЫЕ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ 27 СЕНТЯБРЯ 1827 г.

Автограф Полежаева

Филиал Центрального военно-исторического архива, Ленинград

ВОПРОСНЫЙ ПУНКТ, НА КОТОРЫЙ ИМЕЕТ ДАТЬ ОТВЕТ БУТЫРСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА РЯДОВОЙ АЛЕКСАНДР ИВАНОВ СЫН ПОЛЕЖАЕВА, ОКТЯБРЯ ДНЯ 1827 ГОДА

Из ответов твоих на вопросные пункты 27 числа прошедшего сентября видно, что тебе известны стихи «Близ Фонтанки реки собирались полки» и проч.

Но не помнишь, передавал ли ты их бывшему студенту императорского Московского университета, а ныне 12-го класса, Петру Михайлову сыну Пальмину. А сей последний и во вновь отобранном, при священническом увещании, ответе, подтверждая, что те стихи переданы ему тобою, присовокупляет, что слышал оные от тебя прошедшего года, в мае или июне месяцах, во время прогулки на Тверском бульваре, где ты, Полежаев, встретившись с ним, не доходя немного примыкающего к Никитским воротам конца, начал после обыкновенных приветствий сими словами: «Знаете ли вы новые стихи Рылеева?». И когда он отвечал отрицательно, то ты, отведши его к лавочке, проговорил наизусть означенную песню. Почему припамятываются тебе все сии подробности, на тот конец, дабы ты, согласно прежним вопросам, показал сущую правду, объясня и то, от кого дошли тебе стихи сии, не передавал ли ты их еще кому письменно или словесно и с каким намерением?

Сообразуясь с правдой, которую показал я в ответных пунктах моих 27-го числа прошедшего сентября, сознаюсь, что некогда известны мне были стихи «Близ Фонтанки реки» и проч.... Но в целости ли или не все, от кого я слышал или их получил и передавал ли их письменно или словесно бывшему студенту Московского университета, а ныне 12-го класса, Петру Михайлову Пальмину, за давностью времени совершенно не упомню и готов объявить сие под присягою. Что же касается до показания Пальмина, будто бы читал ему сии стихи и сообщил во время прогулки на Тверском бульваре с показанием имени сочинителя, по словам его, Рылеева,— то вторично готов клятвенно, под присягою, показать, что происшествия сего нимало не помню и никогда не знал имени сочинителя стихов, которых при всем моем соображении помню теперь чуть только начало. И потому, согласуя с истинною правдою, которую показал я в прежних ответных моих пунктах касательно сего предмета, утверждаю, что мне были некогда известны сии стихи, но от кого слышал я их или получил списанные и передавал ли письменно или словесно бывшему студенту Пальмину, за давностью времени и с течением разных обстоятельств, заставивших меня навсегда отказаться от прежней страсти к стихотворениям,—нимало не помню.

В чем и подписуюсь
Бутырского пехотного полка рядовой

Александр П о л е ж а е в

Командующий дивизиями 3-го гренадерского и сводного 5-го пехотного корпуса Х р а п о в и ц к и й 1-й
Московский комендант генерал-лейтенант В е р е в к и н
Корпуса жандармов генерал-майор В о л к о в
Московский обер-полицмейстер генерал-майор Ш у л ь г и н
Статский советник и кавалер Т у р г е н е в
Обер-аудитор О р а н с к и й

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Записи эти, приведенные на стр. 108 настоящей статьи, обнаружены нами в 1945 г. в следственном деле братьев Критских в ЦГВИАЛ (фонд Аудиториатского департамента, № 9, д. 4, ч. I—IV). До тех пор никакие другие списки этой песни известны не были. О нескольких стихах, известных в печати в измененном виде, — см. выше в статье Ю. Г. Оксмана (стр. 81).

[2] Список песни «Вдоль Фонтанки реки», сохранившийся в Остафьевском архиве Вяземских, опубликован в 1951 г. М. А. Брискманом в сб. «Декабристы и их время», 1951 (стр. 13):

Вдоль Фонтанки реки квартируют полки,
Их и учат, их и мучат, ни свет, ни заря!
Что ни свет, ни заря, для потехи царя!
Разве нет у них рук, чтоб избавиться мук?
Разве нет штыков на князьков голяков?
Да Семеновский полк покажет им толк.
А кому сбудется, не минуется. Слава!

[3] ВД, т. IX, стр. 262.

[4] О восстании Семеновского полка см.: В. И. Семевский. Волнение в Семеновском полку в 1820 году. — «Былое», 1907, № 1, стр. 1—35; № 2, стр. 82—118; № 3, стр. 96—121, а также: «Лит. наследство», т. 60, публикацию «Нечто о возмущении Семеновского полка» (печатается).

[5] ЦГВИАЛ, ф. № 9, д. 4, ч. I—IV.

[6] А. И. Полежаев. Стихотворения. М.—Л., 1933, стр. 64, 86, 87; его же. Полн. собр. соч. Л., 1939, стр. IX; ср. «Былое», 1906, № 6, стр. 44 и 52.

[7] ВД, т. IV, стр. 272, 289.

[8] ВД, т. IX, стр. 249—250, 261—262.

[9] ВД, т. I, стр. 169, 176.

[10] ВД, т. II, стр. 222, 226.

[11] ВД, т. I, стр. 262, 267.

[12] Там же, стр. 456—458.

[13] ЦГВИАЛ, ф. № 9, д. 4, ч. I - IV; ЦГВИА, ф. № 36, оп. 5/848, д. 188; ЦГИА, ф. № 109, 1 эксп., 1827, д. 269; 1828, д. 203; М. К. Лемке. Тайное общество братьев Критских. — Сб. «Декабристы», 1907, стр. 251—257, 260—276; Колчин. Ссыльные и заточенные в Соловецком монастыре. М., 1908; «Братья Критские и их товарищи в Москве». — «Полярная звезда», 1862, Лондон, вып. 7, стр. 98—106; Международная библиотека, т. XXII, Лейпциг, 1880, стр. 106—125; М. Н. Гернет. История царской тюрьмы, т. II. М., 1946, стр. 367—368.

[14] ЦГВИАЛ, ф. № 9, д. 4, ч. III, л. 7.

[15] Подробно об этих агитационных произведениях см. в нашей статье «После 14-го декабря 1825 г. (Агитаторы конца 20-х—начала 30-х годов)». — «Декабристы и их время», 1951, стр. 233—245.

[16] ЦГВИАЛ, ф. № 9, д. 4, ч. I, лл. 214—215.

[17] Там же, лл. 369—370. — Интересно отметить, что известный куплет этого стихотворения:

Где Сперанский попов
Обдает, как клопов,
варом

В. Критский читал иначе:

Где свобода попов
Обдает, как клопов,
варом.

[18] В показаниях А. М. Матвеева говорится: «Из стихов Пушкина читал я в доме Критских „Кавказского пленника“ и „Бахчисарайский фонтан“, из всех стихов Рылеева известны только думы» (ЦГВИАЛ, ф. № 9, д. 4, ч. II, лл. 6—13). Это показание ставило своей целью скрыть интерес к революционным произведениям Пушкина и Рылеева.

[19] ЦГВИА, ф. № 36, оп. 5/848, д. 188, лл. 107—109.

[20] В августе 1827 г. Бенкендорф докладывал Николаю I, как «особо важное», донесение московского жандармского генерал-майора Волкова о том, что у каждого третьего студента Московского университета хранятся песни Рылеева и стихи Пушкина. 2 сентября Волков получил приказание Николая: «Очистить Москву от источника заразы», то есть от поэзии декабристов (ЦГВИА, ф. № 343, д. 233, л. 55).

[21] ЦГВИАЛ, ф. № 9, д. 4, ч. I, л. 240; ч. II, лл. 30—32.

[22] Там же, ч. I, л. 361.

[23] Там же, ч. I, л. 240; ч. II, лл. 30—31.

[24] Там же, ч. II, лл. 81—83, 135—136.

[25] Ср. стр. 118 настоящей статьи.

[26] Такое предположение высказала М. В. Нечкина. — Предисловие к ВД, т. IX, стр. 19.

[27] В конце октября 1820 г. во двор Преображенских казарм была подброшена прокламация, призывающая помочь погибающим семеновцам. Прокламация призывала преображенцев восстать против царя и дворян, которые «давно уже изнуряют Россию, чрез общее наше сейчас к ним слепое повиновение» (В. И. Семевский. Волнения в Семеновском полку в 1820 году.— «Былое», 1907, № 2, стр. 83). В ноябре—декабре была снова найдена прокламация, обращенная к преображенцам. В ней говорилось о необходимости заменить начальников в армии выборными от солдат. Автор прокламации требовал возвращения в Петербург гвардии, выведенной после «семеновских» событий в Виленский военный округ, и призывал солдат стойко держаться и не выдавать друг друга (там же, стр. 92—93). 2 ноября 1820 г. министр внутренних дел граф Кочубей направил Александру I песню «Ну, ребята, чур дружнее/ За товарищей стоять».

По своему содержанию песня, написанная по образцу солдатского фольклора, перекликалась с прокламацией, обнаруженной в ноябре. Она призывала солдат помочь семеновцам (хотя и не называла их), призывала освободиться от злых начальников и не бояться наказаний, которые могут постигнуть восставших в случае неудачи. 28 октября 1820 г. Кочубей получил от В. Н. Каразина стихи безыменного автора «Гений отечества», где тоже говорилось о семеновском восстании. Такое обилие прокламаций, посвященных семеновским событиям, чрезвычайно взволновало военные и гражданские власти и самого Александра I. Начались усиленные поиски авторов прокламаций. Начальник штаба гвардейского корпуса Васильчиков и генерал-губернатор Петербурга Милорадович полагали, что авторами их являются члены тайных обществ и усилили наблюдение за людьми «вольного образа мыслей». По предположению Кочубея, авторами песни «Ну, ребята, чур дружнее» могли быть ученики Академии художеств (ГПБ. Отдел рукописей, ф. Н. К. Шильдера, карт. 20, д. 2, л. 163). Однако, несмотря на строжайшие приказы Александра I и принятые полицией меры, обнаружить авторов не удалось. Неизвестны нам они и до сих пор.

Шильдер считал, что вторая прокламация написана будущими декабристами, которые хотели воспользоваться восстанием в армии (Шильдер. Имп. Александр I, т. IV, стр. 186, 470). В. И. Семевский, впервые опубликовавший обе прокламации, сравнивает их с «Катехизисом» Муравьева-Апостола и делает предположение, что обе они вышли из кружка наиболее радикальных членов Союза Благоденствия и автором был С. И. Муравьев-Апостол (быть может совместно с М. П. Бестужевым-Рюминым). Но Семевский выдвигает и другое предположение: автором прокламации мог быть военный, «принадлежащий к простому классу и распропагандированный членами Тайного общества» (указ. соч., стр. 86—91).

Несомненно, что прокламации эти, несмотря на все усилия правительства их скрыть, были известны солдатам. 9 января 1821 г. писарь Измайловского полка Степанов показал, что солдаты того же полка Петров, Гаврилов и Буторин говорили о «бумаге», присланной преображенцам «от содержащихся в крепости семеновцев» и подброшенной в их полк. Сам Степанов бумаги не читал, где она сейчас, не знает, а о содержании слышал, будто семеновцы просят заступиться за них и выручить (В. И. Семевский. Указ. соч., стр. 94).

Нам удалось обнаружить документ, свидетельствующий о том, что прокламация 1820 г. была известна не только в Измайловском полку. В фонде Штаба отдельного гвардейского корпуса хранится донесение на имя начальника штаба, генерал-адъютанта А. И. Нейгарта, от 13 декабря 1825 г. (ЦГВИАЛ, ф. № 450, 1826, д. 27, л. 5). Донесение подписано сенатским регистратором Петром Власьевым. Власьев сообщал, что накануне (12 декабря) встретил он, Власьев, на Звенигородской улице знакомого своего, солдата 6-й фузелярной роты Московского полка Назарова, и с ним вместе — незнакомого ему, Власьеву, фейерверкера 1 батар<ейной> роты 8-й артиллерийской бригады Ефима Григорьева. Оба были «немного выпивши» и направлялись к Семеновским казармам, где была расквартирована часть Московского полка. Власьев пошел с ними. Не дойдя до казармы, Григорьев спросил Назарова, помнит ли он о безвинно пострадавших семеновцах. Назаров ответил утвердительно. Григорьев сказал, что в 1820 г. знакомый его, каптенармус Семеновского полка, говорил ему, Григорьеву, что если бы преображенцы поддержали семеновцев, последние не пропали бы. Фамилии каптенармуса Григорьев не назвал. По словам Григорьева, каптенармус говорил также, что он видел письма, которые писали семеновцы преображенцам, прося защитить их. Письма эти показывал ему полковник армейского Полтавского полка С. И. Муравьев <Апостол>, служивший ранее в полку, но уволенный оттуда за любовь свою к солдатам. Назаров сказал, что о листах этих знает и он. Там «семеновцы просят солдат одной с ними первой гвардейской бригады стоять дружнее за товарищей». На вопрос Власьева, откуда он знает про эти листы, Назаров ответил: «Слышал о них от командира 3-й фузелярной роты Михаила Бестужева, он нам читал и песенку, написанную семеновцами». Назаров сказал начало ее: «Ребята, чур дружнее за семеновцев стоять». «На том разговор был закончен». На доне-

сении нет никаких помет. Возможно, что декабрьские события отвлекли начальника штаба гвардейского корпуса от этого дела и он даже не читал его. Повидимому, ход делу дан не был. Михаила Бестужева и других декабристов во время следствия об этой песне не спрашивали.

Как ни скудно донесение Власьева, оно все же дает новый ценный материал, позволяющий предполагать следующее:

1) После восстания Семеновского полка С. И. Муравьев-Апостол встречался с бывшими семеновцами и читал им прокламации. Возможно, что это и были две известные нам прокламации, С. И. Муравьев-Апостол знал их. Известно, что кантенармус Бобровский, по поручению С. И. Муравьева-Апостола, виделся в крепости с заключенными солдатами. По объяснению Муравьева, Бобровский был послан в крепость для экономических расчетов с семеновцами. Не является ли более вероятным предположение Семевского, что С. И. Муравьеву-Апостолу нужно было условиться с солдатами об их поведении на суде? (В. И. Семевский. Указ. соч., стр. 112—115).

2) Декабрист Михаил Бестужев знал агитационную песню 1820 г. «Ну, ребята, чур дружнее за семеновцев стоять» и пользовался ею в агитационных целях. Известно, что декабристы — офицеры Московского полка (кн. Щепин-Ростовский и М. А. Бестужев) — в своих беседах с солдатами ставили им в пример Семеновский полк, а накануне восстания призывали их быть стойкими, как семеновцы. Не знал ли М. А. Бестужев и других прокламаций 1820 г.?

[28] Лейб-гвардейский Семеновский полк был расквартирован в Семеновских казармах на Загородном проспекте, 46—50. Семеновский плац со стороны Загородного проспекта застроен казармами Семеновского полка, а с набережной Обводного канала — домами военного ведомства. Со стороны Звенигородской ул. плац также застроен казармами Семеновского и Егерского полков.

[29] Цитируем по списку Пальмина.

[30] Ритмическая и строфическая структура песни отличается строгой правильностью. Каждая строфа состоит из двух стихов и рефрена. Написана песня двухстопным анапестом, припев — одностопный хорей. Размер этот декабристы использовали для своих песен («Ах, где те острова» и др.). Двухстопный анапест выдержан не везде с полной точностью.

[31] Сб. «Девятнадцатый век», кн. I. М., 1872, стр. 354.

[32] Песня «Вдоль Фонтанки реки» распространялась современниками декабристов — А. И. Полежаевым и Критскими в качестве самостоятельного произведения.

[33] Ю. Г. Оксман высказал интересное предположение, что песня «Вдоль Фонтанки реки», как и «Ах, тошно мне», связана с солдатскими прокламациями 1820 г. Предположение это основано на некоторой общности их содержания и техники оформления.

[34] ВД, т. IV, стр. 289.

[35] ЦГВИА, ф. № 343, д. 233, л. 58.

[36] В. В. Баранов. А. И. Полежаев. Биографический очерк.—В кн.: А. И. Полежаев. Стихотворения. М.—Л., 1933, стр. 60—63; И. А. Шляпкин. Заметки об А. И. Полежаеве. — «Русский библиофил», 1913, № 3, стр. 96; И. Д. Воронин. А. И. Полежаев. Жизнь и творчество. Саранск, 1946.

[37] ЦГИА, ф. № 109, секретный архив, д. 55.

[38] ЦГВИА, ф. № 343, д. 233, л. 29. — Член комиссии генерал-майор Волков писал Бенкендорфу, что он давно подозревал Полежаева в распространении «преступных сочинений» и что тот, наконец, «заслуженно понесет соответствующую по закону преступлению кару» (там же, л. 58).

[39] В Оренбургский гарнизон, вместо Кавказского корпуса, куда полагало отправить Полежаева полковое начальство, он был назначен по личному приказу Николая I. Задержка произошла из-за возникновения нового дела (ЦГВИА, ф. № 343, д. 233, л. 35).

[40] ЦГВИАЛ, ф. № 9, д. 4, ч. II, лл. 133—136.

[41] ЦГВИА, ф. № 343, д. 233, л. 54.

[42] ЦГВИАЛ, ф. № 9, д. 4, ч. II, лл. 169—170.

[43] Однако показания Пальмина от 15 сентября 1827 г. свидетельствуют, что, читая песню, Полежаев прежде всего обратил внимание слушателя на принадлежность ее Рылееву.

[44] ЦГВИА, ф. № 343, д. 233, л. 78.

[45] Герцен, т. VIII, стр. 69.

[46] Наиболее полным и авторитетным текстом песни является самый ранний из известных нам списков — копия в бумагах П. А. Вяземского, положенная нами в основу сводного текста. Умышленно менее точна, хотя и восходит к подлиннику, сокращенная запись М. И. Муравьева-Апостола, сделанная им в Петропавловской крепости в 1826 г. (естественно, что Муравьев в условиях следствия сознательно не хотел приводить полного текста песни). Из разночтений позднейших списков наиболее интересны варианты П. М. Пальмина.

[47] В записи Пальмина первые две строки и рефрен отсутствуют. Известно, что Пальмин читал Матвееву стихи, начинающиеся этими словами. На следствии Пальмин продолжил стихотворение после строк, процитированных Следственной комиссией:

Близ Фонтанки реки
Собирались полки.
Слава!

В списках имеются следующие разночтения в этих строках: у Тюрина: «Близ» (1-я строка) и «Собирались» (2-я строка); у Вяземского и Муравьева-Апостола: «Вдоль» и «Квартируют».

[48] Строки 4—6 имеются только в записи Муравьева-Апостола.

[49] В списках Вяземского и Муравьева-Апостола в начале строфы отсутствует слово «там», имеющееся в записи Пальмина.

[50] В передаче Тюрина отсутствуют строки 13—15. В записи Муравьева-Апостола, начиная с 13-й строки, текст заменен словами песни «Идет кузнец из кузницы» (об этом см. стр. 102 настоящей статьи).

[51] Мы считаем, что разночтения: а) «у них» и «сопляков» (список Пальмина); б) «у вас» и «дураков» (список Тюрина); в) «у них» и «голяков» (список Вяземского) — свидетельствуют об устной передаче песни. Повидимому, в 1825—1827 гг. песня уже была известна в солдатской массе за пределами Петербурга. Выражение «у них» было напоминанием о прошлом: «у вас» имело более активный характер и звучало как призыв к борьбе. С течением времени, в устной передаче, эти слова заменили менее активное и неопределенное «у них», лишь напоминающее о возмущении. Полежаев воспринимал эту песню как написанную на 14 декабря. Возможно, что при устной передаче исчезло и относящееся к полкам определение «гвардейские» (список Муравьева). Солдаты, среди которых бытовала песня, смотрели на нее, как на призыв к восстанию не только гвардии, но и всей армии. Эпитеты «сопляки», «дураки», «голяки», относившиеся к «князькам» (великим князьям, шефствующим над гвардией), варьировались в зависимости от личных свойств командиров той или иной воинской части и уже не относились к великим князьям.

[52] Строк 19—21 в списке Вяземского нет. Вероятно, они пропущены переписчиком.

[53] Строки 22—23 имеются лишь в списке Вяземского.

[54] В списке Вяземского имеется только вторая строка припева — явно условное сокращение.

III. СТИХОТВОРЕНИЯ И НАБРОСКИ

‹НЕОПУБЛИКОВАННАЯ СТРОФА СТИХОТВОРЕНИЯ «СТАНСЫ»*›

СТАНСЫ

(к А. Б-ВУ)

1

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей:
Горький жребий одиночества
Мне сужден в кругу людей.

2

Слишком рано мрак таинственный
Опыт грозный разогнал,
Слишком рано, друг единственный,
Я сердца людей узнал.

3

Все они с душой бесчувственной
Лишь для выгоды своей
Сохраняют жар искусственный
К благу общему людей.

4

Страшно дней не вздать радостных,
Быть чужим среди своих,
Но ужасней истин тягостных
Быть сосудом с дней младых.

5

С тяжкой грустью, с черной думою
Я с тех пор один брожу
И могилою угрюмою
Мир печальный нахожу.

---

* *Здесь воспроизводится — для связи — все стихотворение Рылеева; уже известные строфы печатаются петитом.*

6

Всюду встречи безотрадные!
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей...

Автограф. ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 272, л. 2.

В автографе имеются две перестановки, обозначенные цифрами поверх строки слева от текста. 2-й стих пятой строфы первоначально читался: «Я один с тех пор брожу». Четвертая строфа первоначально находилась в конце стихотворения. Кроме этих двух перестановок в автографе поправок нет, и его можно считать беловым.

С автографа снят, хранящийся там же, карандашный список рукою А. А. Бестужева со следующими изменениями текста:

1) в строфе первой вм. «горький жребий» — «жалкий жребий»;

2) в четвертой строфе вм. «страшно дней не ведать радостных» — «скучно дней не ведать радостных»;

3) в пятой строфе вм. «мир печальный нахожу» — «мир пустынный нахожу».

В конце списка стоит дата «1824-го» и подпись «А. Бестужев», очевидно имеющая целью завизировать верность списка.

Однако самой важной особенностью этого списка являлось устранение из «Стансов» третьей строфы. В автографе напечатанная выше строфа имеется, в бестужевской копии ее уже нет; надо думать, что устранение этого четверостишия произошло еще до отсылки «Стансов» в цензуру.

Изъятие этой строфы сильно изменило общее звучание стихотворения. После напечатания его в «Полярной звезде» на 1825 г. некоторые из критиков усмотрели в «Стансах» своеобразный рецидив романтической разочарованности. Так, критик «Сына отечества», Д. Р. К. ⟨Д. М. Княжевич⟩, отнес «Стансы» «к тому роду поэзии, которую г. Кюхельбекер весьма удачно обозначил в III части „Мнемозины“ под именем тоски о погибшей молодости». «Хорошо, — замечал этот критик, — но я не люблю жалоб молодого человека на человечество» («Сын отечества», 1825, № 10, стр. 197—198). Буржуазные литературоведы вполне усвоили себе этот взгляд на «Стансы», как на произведение, написанное в подражание Байрону (Н. А. Котляревский. Рылеев. СПб., 1908, стр. 66).

С первого взгляда «Стансы» Рылеева в самом деле полны этих чисто литературных, условных, оторванных от жизни мотивов. Но это только с первого взгляда. Новонайденная строфа со всей решительностью подчеркивает не индивидуальный, а общественный смысл «Стансов», переводя их тематику из области личных переживаний в общественно-политический план. Поэт полон «тяжкой грусти» и «черной думы» не потому, что, заразившись «байронической» модой, он «разочаровался» в людях, а потому, что эти люди думают лишь о своих выгодах, имеют душу, бесчувственную к «общему благу». Мотивы «хандры» Рылеева — политические. Это «скука» передового человека его времени. Уже здесь частично предвосхищается один из важнейших мотивов рылеевского «Гражданина». Люди с «искусственным жаром» в душе — это то «племя переродившихся славян», которое готово «в постыдной праздности влачить свой век младой».

КНЯЗЮ СМОЛЕНСКОМУ

ОДА

Герой, отечества спаситель!
Прими от сердца должну дань;
Бог наш защитник, покровитель,
Тебя нам ниспослал на брань!
Уже враги торжествовали,
Уж в злобной ярости мечтали,

«ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ»

Картина маслом О. А. Кипренского, 1805 г.

Сцена, изображенная художником, близка к описанию, данному Рылеевым в финальных строках думы «Дмитрий Донской»:

...Но вот к стенящему герою
Притек сонм воев и князей.
Вот, преклонив трофеи брани,
Гласят: «Ты победил! восстань!»—
И князь, воздевши к небу длани:
«Велик нас ополчивший в брань!...»

Русский музей, Ленинград

Здесь русский покорить народ!
Но ты лишь в стан успел явиться,
Как гордый стал тебя страшиться
И ощупью пошел вперед!

*

Пошел вперед — и гибель верну
Мечтал ли он найти себе?
Но казнь ужасну, беспримерну,
Определил творец тебе
Свершить над сонмом кровопийцев,
Грабителей, эхидн, убийцев!
Грехами, гнусностью своей,
Давно уж всех превосходивших,
И тем достойно заслуживших
Ужасный гнев царя-царей!

*

Врагов презрел ты все коварства,
На бога верой уповал
И мня лишь о спасеньи царства,
Ты оное всяк час спасал!
На страшном поле Бородинском,
В бою кровавом, исполинском,
Ты показал, что́ может росс!
На бога веру возлагая,
Врагов все силы презирая,
Он всюду, завсегда колосс.

*

С своими чувствами сражаясь.
Решился ты Москву отдать;
Но духом паче укрепляясь,
Един лишь ты возмог сказать:
«Столицы царств не составляют!»
И се — уж россы низлагают
Наполеонов буйный рог!
Тарутин, Красный доказали,
Где россы галлов поражали,
Что правым есть защита — бог!

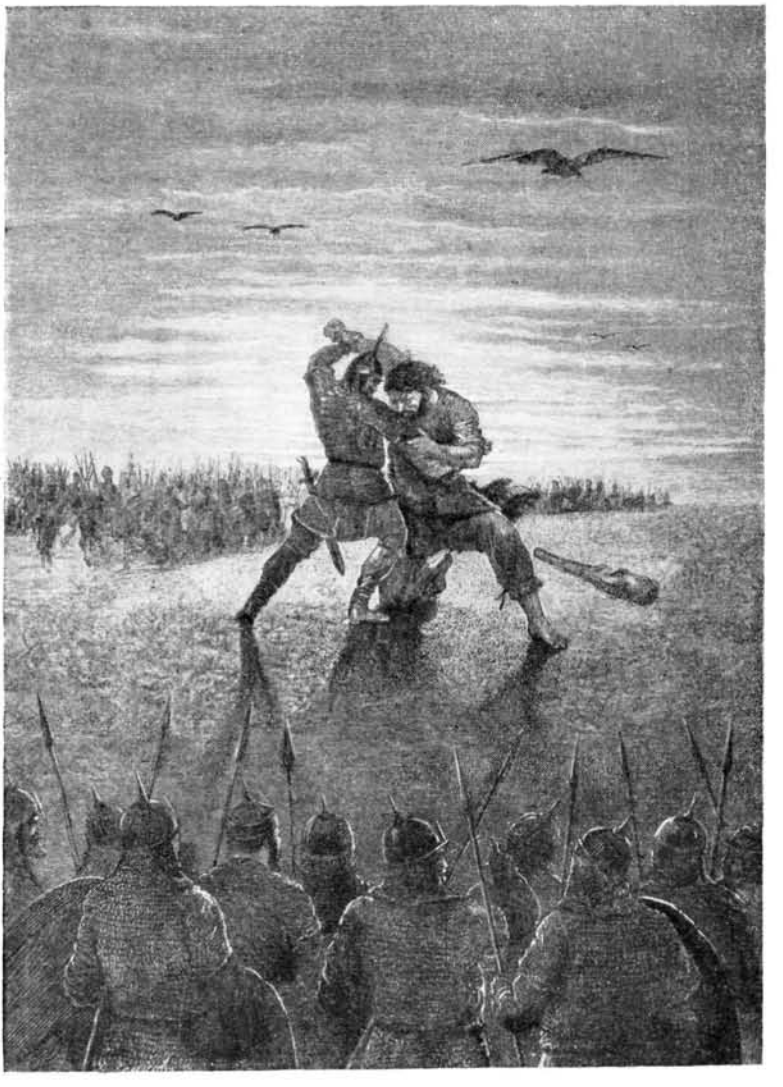
*

И что доколь славян потомки
Царя и веру будут чтить,
Дотоль дела их будут громки,
Дотоль их будет бог хранить!
Скажи Кутузовым попранный,
О галл, грехами обуянный,
Что он есть ангел пред тобой,
Скажи, что он Алкид российский,
Что ты — дух злобный, лютый, низкий
Исчадье ада, не герой!

*

Вселенная давно страдала
От честолюбия врага,
Уже одна ее стояла
У краю гибели нога;
Как вдруг, герой, ты появился

И мир надеждой озарился,
Что ты спасешь его от бед,
Уже висевших над главою!



«ЕДИНОБОРСТВО МСТИСЛАВА УДАЛОГО С РЕДЕДЕЙ»
ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ДУМЕ РЫЛЕЕВА «МСТИСЛАВ УДАЛЫЙ»
С рисунка А. Земцова
«Нива», 1884 г., № 23

И се — уж мир спасен тобою,
Сразил врагов — и где их след?

*

Их след остался на равнинах,
На век кичливому во срам!
А кости их, в лесах, в долинах,
Во славу памятники нам!

Ты сих, Кутузов, дел творитель,
Где царств надменный покоритель,
Где сей ужасный бич людей,
Кого страшились земны боги?
Его умчали быстры ноги,
С венчанных храбростью полей!

*

Ты шел за ним во след — и слава
Летела быстро на крылах,
Кичлива, гордая Варшава
Упала пред тобой во прах!
Несчастна Пруссия стенала,
От ига злобна, алчна галла,
Но ты, сразя ее врагов,
Сразя французов, злобных, ярых,
Друзей царю доставил старых,
Извел из тягостных оков.

*

Такою славой осиянный,
Среди великих дел, побед,
Стократ ты, лаврами венчанный,
Прешел, Кутузов, в лучший свет!
Твои дела, защитник трона,
Священной веры и закона —
Из века паче будут в век
Все с новой славой преливаться
И гласно в мире отзываться,
Что ты великий человек!

Кондратий Рылеев

Беловой автограф. Архив внешней политики России (Москва), дело «К. Ф. Рылеев».

Две строфы этой оды (шестая и седьмая) были не совсем исправно опубликованы В. Эйнгорном в «Лит. газете» от 20 апреля 1941 г., № 16.

Судя по содержанию и по тому, что ода «Князю Смоленскому» находится среди бумаг Рылеева, датированных исключительно 1814 г. (см. о них на стр. 168), она, несомненно, относится к 1814 г., ко времени пребывания Рылеева в Германии. Ода развивает патриотическую тему стихотворения «Любовь к отчизне», написанного Рылеевым в 1813 г., вскоре после смерти Кутузова:

Хвала, отечества спаситель!
Хвала, хвала, отчизны сын!
Злодейских замыслов рушитель,
России верный гражданин,
И бич, и ужас всех французов!
Скончался телом ты, Кутузов,
И будешь вечно жить, герой —
И в будущие веки славен,
И не дерзнет уж враг злонравен
России нарушать покой!..

Обе оды выдержаны в одном и том же размере четырехстопного ямба и имеют одинаковую строфу.

⟨НЕИЗВЕСТНЫЙ ОТРЫВОК САТИРЫ «ПУТЬ К СЧАСТИЮ»⟩

Ну, словом, льсти всегда, со всеми соглашайся.
На утлой ладие пристать к земле старайся.
Я знаю, милый друг, со мной ты не согласен,
Но, верь, иной здесь путь и труден и опасен!

«СВЯТОПОЛК ОКАЯННЫЙ, ПРЕСЛЕДУЕМЫЙ ВИДЕНИЯМИ БРАТЬЕВ». ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ДУМЕ РЫЛЕЕВА «СВЯТОПОЛК»
С рисунка К. Кошелева
«Нива», 1894 г., № 39

Всегда должно ползти, у знати пресмыкаться,
Споткнешься если где, скорее подниматься.
Не думай, впрочем, ты сему, чтоб я учил,
Неправо, низко бы тогда я поступил;
Но я лишь говорю, чтоб быть счастливым в свете,
То правила сии должно иметь в предмете!
Но, если аду рай, мой друг, предпочитаешь,

Когда душой к творцу вселенны воспаряешь,
То зло, неправду, лесть обязан ты презреть
И в помыслах добро единое иметь:
Коль близок ты к царю, лишь правду говори,
И, сколько силы есть, людям добро твори!
Коль рок судил тебе в палате заседать,
То должен правильно весы свои держать.
Смотри, Неправдин сей как знатен, как богат!
И сам уж государь ему как панибрат!
На бойкой четверне, в карете щегольской,
Летит и пыль клубом взвивает за собой!
А чернь, остановясь, разинув рот, дивится!
Но, ах! проклятий тьма за ним вослед стремится!
Смотри же, Добров сей, в палату поспешая,
В грязи и слякоти, бедняжко, утопая,
Точит с лица свой пот, здоровье умаляет,
Нет нужды до сего; он бедных защищает!
Не раз бессильного от сильного спасав
И имя доброе за то себе снискав,
Об деньгах вовсе он, хотя бедняк, не мыслит,
Зане богатство он, что счастие, не ищет.
Не знав о прихотях, не думая о злате,
Доволен он живет в своей укромной хате.
Неправдин хоть богат, имеет стол открытый,
Хоть кушает желе, пастеты и бисквиты,
Хотя в дому его всегда гремит музыка,
Но, ах! не заглушить у совести языка!
Она от истинных веселий удаляет!
Она и в пиршествах несчастного смущает!

Беловой автограф. ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 278, л. 8—8 об.

Автограф представляет собою две страницы (27 и 28-ю) одного листа, вырванного из тетради, вернее всего из рукописного сборника стихотворений Рылеева. Местонахождение этой тетради неизвестно. Судя по почерку поэта и бумаге, отрывок следует отнести к ранним произведениям Рылеева, написанным еще в Острогожске.

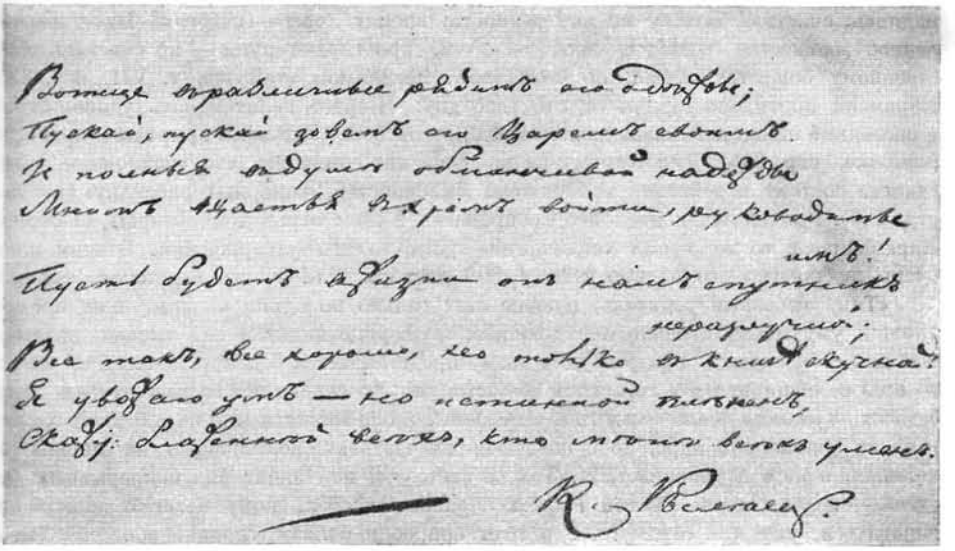
По своему содержанию отрывок примыкает к сатире «Путь к счастию», которая 25 апреля 1821 г. представлена была Рылеевым в Вольное общество любителей российской словесности. О связи отрывка с сатирой «Путь к счастию» говорит и общая тема — обличение льстеца. В стихотворении «богач» говорит: «Искусно должно льстить, чтоб быть льстецом приятным», в отрывке: «Ну, словом, льсти всегда, со всеми соглашайся». У печатаемого отрывка тот же метр шестистопного ямба и та же система парной рифмовки; сходны со стихотворением и образы (там «Невежда», здесь «Неправдина»). Однако самым убедительным доводом является почти полное повторение одного места отрывка в печатном тексте сатиры. В отрывке:

На бойкой четверне, в карете щегольской,
Летит и пыль клубом взвивает за собой!

В печатном тексте это место перефразировано:

В карете щегольской, на четверне гнедых
Летишь, как вихрь, и, пыль взвивая за собою,
Знакомым с важностью киваешь головою!

Диалог между «богачом» и «поэтом» еще не получил в отрывке ясного членения, хотя можно предполагать, что первые 10 стихов должен был произносить



АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ РЫЛЕЕВА «ВОТЩЕ В РАЗЛИЧНЫЕ РЯДИМ ЕГО ОДЕЖДЫ...», 1821 г.
Центральный исторический архив, Москва

«богач», а со стиха «Но, если аду рай, мой друг, предпочитаешь», начинал говорить «поэт».

Публикуемый здесь отрывок, вероятнее всего, представляет собою часть «Пути к счастию» в первоначальной, не дошедшей до нас редакции.

В публикуемом отрывке чрезвычайно любопытны стихи о Доброве, который, не щадя своих сил, защищает в палате бедных и спасает «бессильного от сильного». Стихи эти вскоре приобрели автобиографическое значение: 24 января 1821 г., уже после написания отрывка и за три месяца до чтения «Пути к счастию», Рылеев начал работать в Петербургской палате уголовного суда.

‹«ВОТЩЕ В РАЗЛИЧНЫЕ РЯДИМ ЕГО ОДЕЖДЫ»›

Вотще в различные рядим его одежды;
Пускай, пускай зовем его царем своим
И, полные в душе обманчивой надежды,
Мним счастья в храм войти, руководимы им!
Пусть будет в жизни он нам спутник неразлучный;
Все так, все хорошо, но только в книге скучной!
Я уважаю ум — но, истиной пленен,
Скажу: блаженней всех, кто мене всех умен.

К. Рылеев

Беловой автограф. ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 274, л. 1.

Восьмистишие это находится в той же рукописи, что и беловой автограф послания к А. П. Ермолову (там же, л. 2), и сходно с последним по почерку и чернилам, поэтому его следует датировать 1821 г.

По основательному предположению Ю. Г. Оксмана, в этом отрывке Рылеев полемизирует с афоризмом Н. М. Карамзина: «Просвещенный ум есть царь земли» («Письма русского путешественника», ч. IV.— Сочинения, т. V. СПб., 1803, стр. 254). См. также в диалоге Карамзина «Разговор о счастии»: «Я представляю себе здешний свет великолепным храмом: на портиках, на перистиле, на колоннах, везде сияет

надпись: счастию! Вхожу во внутренность: гремят хоры — счастию! Вижу бесчисленное множество людей: спешат, теснятся, простирают руки — ко счастию, единственному божеству храма; но божество... невидимо!» (там же, т. VII, стр. 225). Карамзин противопоставлял сердце рассудку: «Первое велит искать удовольствий, а последний одних невинных удовольствий, согласных с законами природы и мудрости» (там же, стр. 234). Для Карамзина не подлежит сомнению, что «возможное земное счастие состоит в действии врожденных склонностей, покорных рассудку» (там же, стр. 269). Рылеев почти дословно воспроизвел в этом отрывке некоторые из образов Карамзина, в то же время опровергая существо его утверждений. В этом плане очень любопытно его письмо к отцу от 7 декабря 1812 г. из кадетского корпуса:

«Так, любезный родитель, я знаю свет только по одним *книгам*, и он представляется уму моему страшным чудовищем, но сердце видит в нем тысячи питательных для себя надежд. Там рассудку моему представляется бедность во всей ее наготе, во всей ее обширности и горестном ее состоянии; но сердце показывает эту же самую бедность *в златых цепях вольности и дружбы*, и она кажется мне не в бедной хижине и не на соломенном одре, но в позлащенных чертогах, возлежащею на мягких пуховиках, в неге и удовольствии. Там, в свете, ум мой видит ряд непрерывных бедствий — и ужасается». Юный Рылеев спрашивает себя, «кому истинно должно повиноваться, уму или сердцу?», и решает вопрос в пользу сердца, ибо ум «бывает всегда важен, разбирателен, строг, осудителен, все почти человеческие страсти и предприятия осуждает безжалостно; свет для него есть обиталище разврата и пустыня необозримая, где не находит он ни единого человека, между тем как он с избытком наполнен ими» (Р ы л е е в. Соч., стр. 428—429). Романтически настроенный юноша отвергает сухой рассудок, сеющий лишь один бесплодный скептицизм. Насколько выше его «сердце», которое учит человека: «Иди смело, презирай все несчастья, все бедствия и если оные постигнут тебя, то переноси их с истинною твердостью, и ты будешь героем, получишь мученический венец и вознесешься превыше человеков». Уже в 1812 г. — в пору Отечественной войны — Рылеев отвергал скептицизм во имя энтузиазма, умное, но бесплодное бездействие—во имя героики гражданского подвига.

От этих юношеских рассуждений Рылеева идет прямой путь к написанному девятью годами позже стихотворению «Вотще в различные рядим его одежды».

〈ПЕРЕВОД БАЛЛАДЫ А. МИЦКЕВИЧА «СВИТЕЗЯНКА»〉

Что за девица прелесть красою,
Что за прекрасный юноша с ней.
Вместе из бору поздней порою
Идут при свете бледных лучей.

Парню — малины в дар из кошницы,
Парень — цветочки ей для венка.
Верно, любовник он той девицы,
Верно, подруга парню она.

Поздней порою в час полунощи,
Верно, свиданье там у ручья.
Парень — охотник соседствен〈ной〉 рощи.
Кто ж эта дева — не ведаю я.

Спросим: откуда? — тщетно, напрасно;
Где пребыванье — бог весть о том;
Как на болоте пла〈мень〉 неясный
Вспыхнет — и быстро погаснет потом.

«Дело ль быть скрытной, дева младая;
Скоро ли будет тайне конец?
Другу откройся, прошу, умоляю,
Родом откуда, кто твой отец?

Минуло лето, листья поблекли,
Ветр их со свистом носит в полях,
Села и рощи от дождика взмокли,
Холод осенн⟨ий⟩ дышит в лесах.

Робкою серной к бору сырому
Или как призрак бродит ночной.
Лучше, поверя другу младому,
Лучше останься, дева, со мной.

Там на полянке, в роще дубовой,
Хата простая близ ручейка,
Все в ней с избытком будет готово
Овощей, дичи и молока».

«Стой, удержися, — дева вещает, —
Помню твердил мне порою отец:
Голос мужчины — душу пленяет,
В сердце коварный кроет⟨ся⟩ льстец.

Я от природы с робкой душею,
Что, если бросишь в чуждой стране;
Может, была бы дева твоею,
Если б ты верен вечно был мне».

Юноша клялся, клялся ужасно,
Горсть ухвативши хладной земли;
Месяц блеснул из тучи неясно,
Гром прокатился глухо вдали *.

Черновой автограф. ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 278, лл. 9—10 об.

Набросок этот представляет собою вольный перевод баллады А. Мицкевича «Свитезянка». Баллада эта вошла в сборник стихотворений Мицкевича 1822 г. (см. А. М и ц к е в и ч. Собр. соч., т. I. М., 1948, стр. 266—270); этим в известной мере определяется и дата рылеевского перевода. Вернее всего он был сделан именно в 1822 г., в то же время, что и перевод Рылеевым баллады Мицкевича «Лилии». Рылеева мог привлечь к себе фольклорный сюжет баллады, о которой сам Мицкевич писал: «Существует поверье, что на берегах Свитезя появляются ундины или нимфы, которых сельский люд называет свитезянками» (там же, стр. 494). Перевод «Свитезянки» остался незавершенным, так же, как и перевод «Лилий». Сравнение чернового наброска «Свитезянки» с оригиналом показывает, что Рылеев сокращенно передал в своем переводе начальную часть баллады Мицкевича.

В том же фонде № 279 (Якушкиных) сохранился другой перевод Рылеева — необработанный подстрочный перевод (с французского) стихотворения Проперция «К Цинтии» («К чему убирать чело твое иноземными прикрасами...»), 1821 г., 32 стиха (оп. 1, ед. хр. 273, л. 1).

* *Далее зачеркнуто незаконченное четверостишие:*

Бойся нарушить, юноша милый,
Клятву ты эту дал навсегда,
Кто ей изменит, ее за могилой,
И здесь, и повсюду...

НАБРОСКИ РАЗНЫХ ЛЕТ

〈1〉

Как *солнце* ни блестит и как оно ни светит,
Но *пятна* астроном
И в нем, —
Коль телескоп хорош, — приметит...

〈2〉

Кто б ни был ты: служитель алтаря,
Иль раб во вретище, иль властелин в порфире,
Друг человечества или злодей,
Герой, которого трепещут в мире, —
Ах! и тебя сей жребий не м〈инует?〉.

〈3〉

В своем я горе безотраден,
Ты равнодушна, как всегда:
Твой милый взор все так же хладен,
Как прежде, ты любви чужда.
Язык любви еще невнятен
Душе младенческой твоей...

〈4〉

Когда вечерние лучи златого Феба
Потухнут, догорев, и юная луна
В пучине голубой безоблачного неба
В ночи появится, уныла и бледна, —
Люблю, уединясь, во мраке рощи дальной,
При шопоте дерев, в мечтаниях бродить
И чувства пылкие в душе своей печальной
Воспоминанием протекшего будить.
[Ах! Некогда и я восторгам предавался,
И я блаженствовал, и я отраду пил,
И я, и я мечтам с беспечностью вверялся]
Здесь о превратности мне все напоминает:
Ряды рассеянных могил в степи глухой...

〈5〉

[Была уж ночь, когда я подходил
К Кирилловой обители пустынной;
Средь ясных звезд по небу месяц плыл
Там, где убийство тиран совершил...]

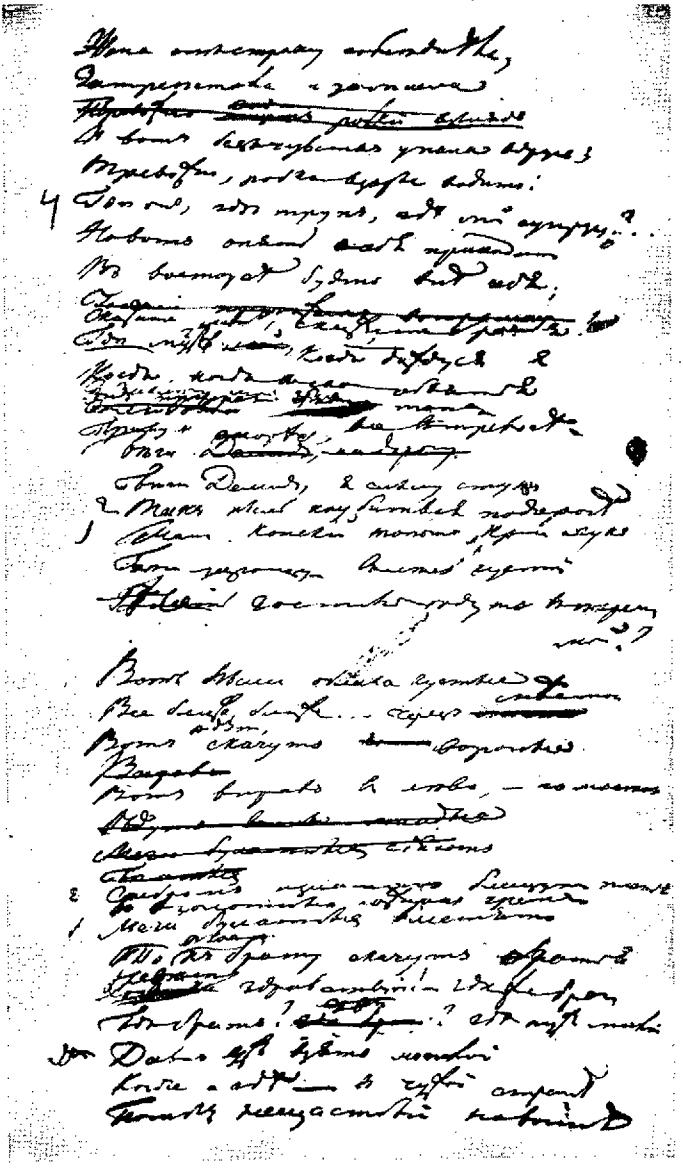
〈6〉

Долго ли, други, рабствовать нам?
Утомленная враждой,
Вся Украйна ждет покою,
Жаждут мира всей душой.

〈1—2〉 Автограф. ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 278, л. 6 об. Написано на четвертке листа серо-зеленой плотной бумаги (водяной знак: «〈18〉/19»).

Что было поводом для написания этих стихов, нам неизвестно. Второе стихотворение написано в форме эпитафии.

Датируется 1820—1821 гг. по палеографическим признакам (бумага и почерк), по характеру записи зоологического и археологического содержания (на обороте



АВТОГРАФ ПЕРЕВОДА РЫЛЕЕВА БАЛЛАДЫ А. МИЦКЕВИЧА «ЛИЛИИ»

Написан на обороте рукописи оглавления «Полярной звезды» на 1823 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

того же клочка бумаги), а также по родственности этих двух стихотворений произведениям поры пребывания Рылеева в Острогожске. См. произведения: «Надпись к портрету одного старого воина, умершего от кровопускания» и эпиграммы «Ты

знаешь Фирса чудака» и «Безделок несколько наш Бавий накропав» (обе эти эпиграммы, по указанию самого Рылеева, были написаны в Острогожске. — См. Рылеев. Стих., стр. 269).

Публикуемые стихи написаны на обороте следующей записи:

«*Туром* называют двурогого жука, большого, черного, летающего ночью. Живет более он в дубравах и в садах; днем его не видно. Голову с рогами здешние простолюдины употребляют от лихорадки.

Майданы, селитренники — могилы татарские, в которых находят секиры, бердыши и проч.

Кость берцовая, найденная Дан⟨иилом?⟩ Шапочкою в самом устье реки Россоши, где она сливается с р⟨екою⟩ Песчаною, во владении Шапочкиных, на правом берегу оной, в пепловатой глине (пепельнуха)».

Еще в 1934 г. Ю. Г. Оксман опубликовал запись Рылеева на одном из его автографов острогожской поры «Свойство Болонского камня»: «Около Острогожска, на Мереле Городище. Оба город⟨ища⟩ на Поспудани ⟨?⟩, спросить Фролова. О ведьмах — у Забуси. О свадьбах. Порча» (Рылеев. Стих., стр. 525). Ныне к этой фольклорной записи прибавляется вторая — археологического характера. Рылеев явно имеет в виду район Острогожска, Белогорья и Подгорного, где жили Тевяшовы: именно там реки Россошь и Песчаная впадают в Дон.

Записи Рылеева предположительно датируются летом 1821 г., когда Рылеев жил в Острогожске и Подгорном.

⟨3⟩ Автограф. ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 269, ч. II, л. 10.—Отрывок находится среди черновиков поэмы «Войнаровский». По содержанию близок к записям Рылеева «В альбом Т. С. К.». Датируется 1824—1825 гг.

⟨4⟩ Автограф. ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 275, л. 1 (рукопись имеет вид полулиста). — Отрывок выдержан в жанре элегии.

⟨5⟩ Автограф. ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 277, л. 1.— Весь текст Рылеевым перечеркнут. Записан вместе с отрывком песни сторонников Мазепы («Смело, други, брат за братом») и на обороте отрывка из начатой думы о Софье («Повсюду вопли, стоны, крики»). Представляет собою запись одного из неосуществленных исторических произведений Рылеева.

⟨6⟩ Автограф. ИРЛИ, ф. № 269, оп. 1, ед. хр. 7, л. 5 об. — Отрывок находится перед песней «Смело, други!.. в бой свирепый» и по содержанию, несомненно, примыкает к ней. Датируется 1822 г.

ПИСЬМА РЫЛЕЕВА

ПИСЬМА К Ф. В. БУЛГАРИНУ, А. Ф. ВОЕЙКОВУ, П. А. ВЯЗЕМСКОМУ, Д. И. ЗАВАЛИШИНУ, И. А. МАРКЕВИЧУ, В МОСКОВСКИЙ ЦЕНЗ. РНЫЙ КОМИТЕТ, Ф. А. РЫЛЕЕВУ

1. РЫЛЕЕВ — Ф. А. РЫЛЕЕВУ

〈Петербург. 15—23 апреля 1810 г.〉

Христос воскрес,
дражайший мой родитель
Федор Андреевич,

Имея благовременный случай изъявить мою сыновнию к Вам привязанность, беру смелость к Вам писать. Зная, что Вы теперь находитесь в хлопотах и не имеете время писать к Иван Гермолаичу [1], который ныне получил Вашу квитанцию на 2800 асс. от каретника, предоставил мне Вас об оном известить; то извольте, дражайший мой родитель, ко мне или к Иван Гермолаичу об оном написать, как и куда деть.

Я, исполняя Вашу волю в рассуждении учения, осмеливаюсь у Вас просить 25 рублей, дабы купить сии книги: Полную Математику в 7 частях состоящую и содержащую все математические науки и стоющую 25 рублей, и Жизнь Суворова, в книге недавно вышедшей, стоющую 10 асс. 25 коп.; сии обе книги один кадет уступает за 30 асс. Пять у меня есть, оставшиеся с праздника, на котором у меня было 15 асс., 10 от Вас оставшиеся, а 5 принес Аденау [2]. Вы можете на меня положиться, ибо в бытность Вашу в Петербурге, когда Вы мне давали деньги, то я всегда употреблял на книги, которых у меня уже набрано 15. Также сделайте милость, напишите к Иван Гермолаичу, чтобы он ко мне носил книги, которые Вы у него оставили.

Уведомляю Вас, что матушка терпит нужду в деньгах, которые она должна в ломбард, но сделайте милость не говорите, что я Вас уведомил.

Впрочем остаюсь Ваш почитающий и любящий сын
Кондратий Рылеев

П〈остскриптум:〉 Весьма сожалею о смерти Вашего благотворителя, князя Голицына, также и о Вашей потере, но бог вознаградит оное [3].

Надпись на последней странице: Его высокоблагородию
г-ну подполковнику Федору Андреичу Рылееву.
В Печерской Большой, в собственном его доме
в Московской улице, *в Киеве.*

Автограф. ЦГИА, ф. № 279 оп. 1, ед. хр. 282, *лл.* 1—2.

Датируется апрелем 1810 г. по следующим основаниям. «Благотворитель» Ф. А. Рылеева, в связи с кончиной которого Рылеев выражает отцу соболезнование, — член Государственного совета, генерал от инфантерии, кн. Сергей Федорович Голицын (см. о нем ниже), умер в начале 1810 г. Рылеев написал письмо в дни праздника Пасхи, с которым он поздравляет отца; в 1810 г. этот праздник приходился на 17—23 апреля.

Настоящее письмо тематически связано с другими письмами Рылеева к отцу.

Это, четвертое по счету, письмо к отцу вносит некоторые штрихи в характеристику Рылеева-юноши. Оно показывает его тактичное отношение к матери, которая не хотела принимать денежную помощь от мужа, жившего отдельно от нее в Киеве.

[1] Иван Гермолаич — лицо неустановленное.
[2] Лицо это также неизвестно.
[3] Отец Рылеева был главноуправляющим киевским имением кн. С. Ф. Голицына. Вступившая после смерти мужа в права наследства В. В. Голицына предъявила к наследникам Ф. А. Рылеева (умершего в 1814 г.) большой денежный иск, в результате чего на все киевское имущество Ф. А. Рылеева, в том числе и на его дом на Московской улице, был наложен правительственный секвестр. Киевское губернское правление уведомило об этом К. Ф. Рылеева через канцелярию 1-го кадетского корпуса 4 октября 1814 г. (см. это уведомление в книге Маслова—Прилож., стр. 105). Рылеев был возмущен действиями Голицыной: «О вельможи! О богачи! Неужели сердца ваши не человеческие? Неужели они ничего не чувствуют, отнимая последнее у страждущего!» — писал он 6 марта 1815 г. матери (Рылеев. Соч., стр. 435).
О постоянно стесненном материальном положении матери Рылеева, Анастасии Матвеевны, жившей в небольшой деревеньке Батово, под Петербургом, см. подробнее в статье В. Н. Нечаева «Батово, усадьба Рылеева». — «Звенья», IX, 1951, стр. 194—212.

2. РЫЛЕЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Петербург. Апрель — май 1822 г.>

Милостивый государь!
Князь Петр Андреевич!

Предпринимая с А. А. Бестужевым издать русский альманах на 1823 год, мы решились составить оный из произведений первоклассных наших поэтов и литераторов [1], для чего уж от некоторых из сего числа получили несколько пьес, еще нигде не напечатанных. Желая, дабы издание сие, — у нас первое явление в этом роде,— было украшено свежим цветком музы русского Шольё [2], осмеливаемся просить удостоить нас присылкою какого-либо произведения игривого Вашего пера, чем подарите публику и обяжете издателей. С истинным почтением имею честь быть, милостивый государь,

Ваш покорный слуга Кондратий Рылеев

P. S. Если почтите ответом, то адресовать можете в типографию Н. И. Греча: Кондратию Федоровичу Рылееву. Печатание альманаха начнется в первых числах июня.

Автограф. ЦГЛА, ф. № 195 (Вяземских), ед. хр. 2701, л. 1.

Датируется по сообщению, что «печатание альманаха начнется в первых числах июня». Впрочем, сдача «Полярной звезды» в печать задержалась из-за многочисленных придирок цензора. 6 сентября 1822 г. Рылеев сообщал Баратынскому, что его сатиры «не пропускает Бируков»; он же запретил к печати и несколько стихотворений Пушкина (Рылеев. Соч., стр. 465—466). Цензурное разрешение на выход альманаха подписано было цензором Бируковым 30 ноября 1822 г., а в свет книга вышла 24 декабря.

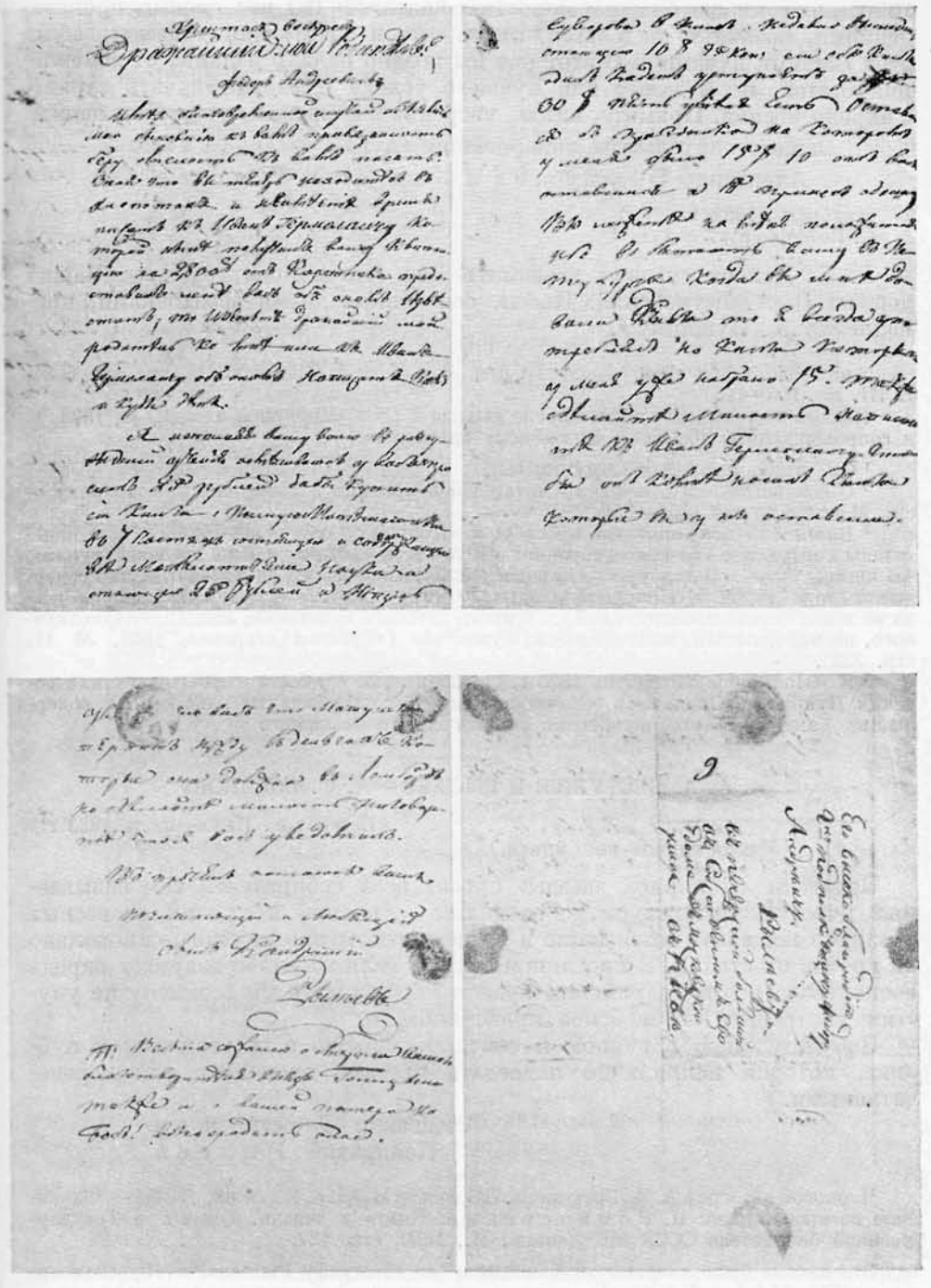
[1] Это намерение издателям «Полярной звезды» на 1823 г. вполне удалось осуществить: в альманахе появились произведения Пушкина, Жуковского, Баратынского, Гнедича, Д. Давыдова, Дельвига, Крылова, Ф. Глинки и др. Вяземский прислал для «Полярной звезды» следующие произведения: «Послание к И. И. Дмитриеву», «Всякий на свой покрой», «Цветы», «Надписи к портретам» и пять эпиграмм.
[2] Шольё — французский поэт-эпикуреец XVII — начала XVIII в. Пушкин называл в шутку Вяземского «Шольё Андреевичем», усматривая в его творчестве некоторую аналогию с произведениями французского поэта. Рылеев повторяет это наименование Вяземского.

3. А. А. БЕСТУЖЕВ И РЫЛЕЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Петербург. 27 декабря 1822 г.>

Ваше сиятельство,
милостивый государь,

петербургские волхвы, предрекающие Вам бессмертие, бьют челом «Полярною звездою» [1], и очень рады случаю еще раз поблагодарить русского Шольё за прекрасные пьесы, которыми он украсил наше издание. Мы сидим у моря и ждем, чтобы попутный ветер общего мнения подул в бумажные наши паруса для предприятия на будущий год [2].



АВТОГРАФ ПИСЬМА РЫЛЕЕВА К ОТЦУ. АПРЕЛЬ 1810 г.
Центральный исторический архив, Москва

Испытав, с какою благосклонностию наделили Вы нас своими произведениями, позвольте надеяться, князь, что и следующая «Звезда» заблестит Вашими лучами [3]. В этот раз мы поздно начали издание от замедления статей, но будущее для лучшего успеха намерены начать заране, с апреля месяца. Примите, князь, уверение в искреннем уважении нашем.

Вашего сиятельства покорнейшие слуги

Александр Бестужев и Конд⟨ратий⟩ Рылеев

27 декабр⟨я⟩ 1822 г.
С.-Пет⟨ербур⟩г.

P. S. Долгом считаем уведомить Вас, что корректуру пьес Ваших держал В. А. Жуковский. Пьесы, означенные двумя звездочками, принадлежат А. Пушкину [4].

Автограф А. А. Бестужева. ЦГЛА, ф. № 195 (Вяземских), ед. хр. 5084, т. III, *лл.* 105—106.

Письмо это написано тотчас после выхода в свет «Полярной звезды» на 1823 г. и сопровождалось посылкой Вяземскому альманаха.

[1] См. прим. к предыдущему письму.

[2] О сочувственном отношении читателей и критики к вышедшему альманаху — см. Маслов, стр. 351—356.

[3] Вяземский исполнил эту просьбу: в «Полярной звезде» на 1824 г. были напечатаны следующие его стихотворения: «Молоток и гвоздь», «Воли не давай рукам», «В шляпе дело», «Петербург», «Данным давно». Вяземского не удовлетворило содержание второй книжки «Полярной звезды». 20 января 1824 г. он писал Бестужеву: «Звезда не имеет блеска прошлогодней ⟨...⟩ много детского лепетания, милого, сладкозвучного, но мало мыслей, мало зрелости, мужества» («Русская старина», 1888, № 11, стр. 322).

[4] В «Полярной звезде» на 1823 г. (за подписью: **) были напечатаны стихотворения Пушкина «Овидию» и «Мечта воина» («Война! Развиты наконец...»), содержащие намеки на его положение политического ссыльного.

4. А. А. БЕСТУЖЕВ И РЫЛЕЕВ — А. Ф. ВОЕЙКОВУ

⟨Петербург. Июнь—июль 1823 г.⟩

[Милостивый гос⟨ударь⟩]

Издатели «Полярной звезды» просят всех собирателей так называемых новостей литературы, образцовых сочинений и прочих словесных мозаиков пощадить их издание и не перепечатывать из оного самовольно ни прозы, ни стихов. В противном случае, если кто-либо вздумает впредь воспользоваться варварийским правом корсаров, то мы в замену не упустим употребить европейское право эмбарго.

Побудительною причиною к сему объявлению есть уважение к публике, которой неприлично надоедать пьесами несколько раз перепечатанными.

Александр Бестужев
Кондратий Рылеев

Черновой автограф А. А. Бестужева. ЛБ (шифр М. 8416, II, № 68, 1936). — Факсимиле воспроизведено: И. Романовский. Книга и жизнь. Очерки о Государственной библиотеке СССР им. Ленина. М., 1950, стр. 137.

Это письмо было впервые опубликовано (по автографу Рылеева) в «Русском архиве», 1871, № 4-5, стб. 0964, но осталось незамеченным исследователями и не вошло ни в одно издание сочинений Рылеева.

Автограф представляет собою объявление редакторов «Полярной звезды», которые с обращениями к публике обыкновенно выступали вместе (см., например, их объявление об издании «Полярной звезды» на 1825 г., написанное 15 декабря 1824 г. и напечатанное в «Сыне отечества», 1825, № 1, стр. III). В данном случае объявление имеет характер предупреждения тем редакторам журналов и альманахов, которые бесцеремонно использовали в своих интересах громадный успех альманаха «Полярная звезда» у русских читателей.

Предположительный адресат этого предупреждения, Александр Федорович Воейков (1778—1839) — редактор-издатель газеты «Русский инвалид» и журнала «Новости литературы», издававшегося им в сотрудничестве с В. Козловым. Непосредственным поводом к заявлению редакторов «Полярной звезды» могла явиться бесцеремонная контрафакция Воейкова, перепечатавшего в третьей книжке «Новостей

ОГЛАВЛЕНИЕ «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ» НА 1823 ГОД
АВТОГРАФ РЫЛЕЕВА
Лист 1
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

литературы» (1823) из «Полярной звезды» на 1823 г. два произведения Вяземского: «Всякий на свой покрой» и «Элегия». Перепечатка сопровождалась следующим редакционным примечанием, принадлежавшим Воейкову: «Сия и следующая пьесы взяты нами из „Полярной звезды", карманной книжки на 1823 год, о коей подробное извещение помещено в „Р⟨усском⟩ и⟨нвалиде⟩".— Изобилие прекрасных стихотворений затрудняло нам выбор: но пределы сих листов заставили нас ограничиться двумя и кратчайшими. *Изд.*».

Рылеев и Бестужев, возможно, прошли бы мимо этого возмутительного факта, если бы он был единичным. Но Воейков продолжал энергично «заимствовать» у них

материал. На стр. 172—176 пятой книжки «Новостей литературы» была перепечатана дума Рылеева «Иван Сусанин».

Поведение Воейкова и ему подобных не могло помешать успеху «Полярной звезды» на 1823 г., которая вышла в конце декабря 1822 г. и к 21 мая 1823 г. (время цензурного разрешения третьей книжки «Новостей литературы») была почти распродана. Но контрафакции эти наносили сильный материальный ущерб «Полярной звезде», первому русскому альманаху, в котором авторы получали гонорар за свои произведения. Самовольные перепечатки из «Полярной звезды» грозили сорвать выход следующих книжек альманаха.

Учитывая это, Рылеев и Бестужев решили заявить протест. Их объявление могло быть адресовано непосредственно Воейкову как редактору «Новостей литературы». Едва ли, однако, Рылеев легко решился на этот шаг. Воейков еще недавно напечатал в своих изданиях несколько дум Рылеева: «Олега вещего» («Новости литературы», 1822, № 11, стр. 171), «Ольгу при могиле Игоря» (№ 12, стр. 187), «Михаила Тверского» (№ 19, стр. 93), «Димитрия Самозванца» (№ 2, стр. 28), «Богдана Хмельницкого» («Русский инвалид», 1822, № 54, стр. 215), «Артемона Матвеева» (там же, № 35, стр. 140), «Волынского» («Новости литературы», 1822, № 16, стр. 42). Воейков не раз хвалил поэтический талант Рылеева; см., например, его редакционное примечание к перепечатанной им рылеевской думе «Смерть Ермака»: «Сочинение молодого поэта, еще мало известного, но который скоро станет рядом с старыми и славными» («Русский инвалид», 1822, № 14, стр. 55).

Со своей стороны Рылеев ценил Воейкова как опытного журналиста. Из-за него он в сентябре 1823 г. поссорился с Булгариным (см. письмо к последнему от 7 сентября 1823 г. — Рылеев. Соч., стр. 469—470). Можно поэтому думать, что публикуемое выше объявление не было послано. Мало этого: в августе 1823 г. в журнале Воейкова «Новости литературы» опубликована была дума Рылеева «Наталия Долгорукова» (№ 30, стр. 61).

Но если в 1823 г. редакторы «Полярной звезды» еще могли отложить свой протест, то годом позднее это сделать было уже невозможно. В июльском номере «Новостей литературы» за 1824 г. (стр. 12—13) Воейков вновь допустил контрафакцию, перепечатав из «Полярной звезды» начало пушкинской поэмы «Братья разбойники». В ответ на это издатели «Полярной звезды» обратились к Воейкову с официальным письмом (от 15 сентября 1824 г.), которым разрывали свои отношения с ним (опубликовано Н. И. Мордовченко в сб. «Литературный архив», т. I. М., 1938, стр. 422).

Не довольствуясь этим, Бестужев писал в своем критическом обзоре «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов»: «*Инвалид* наполнял свои листки и *Новости литературы* лежалою прозою и перепечатанными стихами. Заметим, что с некоторого времени закралась к издателям некоторых журналов привычка помещать чужие произведения, без спросу и пользоваться чужими трудами безответно» («Полярная звезда» на 1825 г., стр. 20).

5. В МОСКОВСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

<Воронеж. 14 ноября 1824 г.>

По нахождению моему в городе Воронеже покорно прошу гвардии капитана Петра Александровича Муханова подать рукопись сию в Цензурный комитет Московского университета и обратно получить оную.

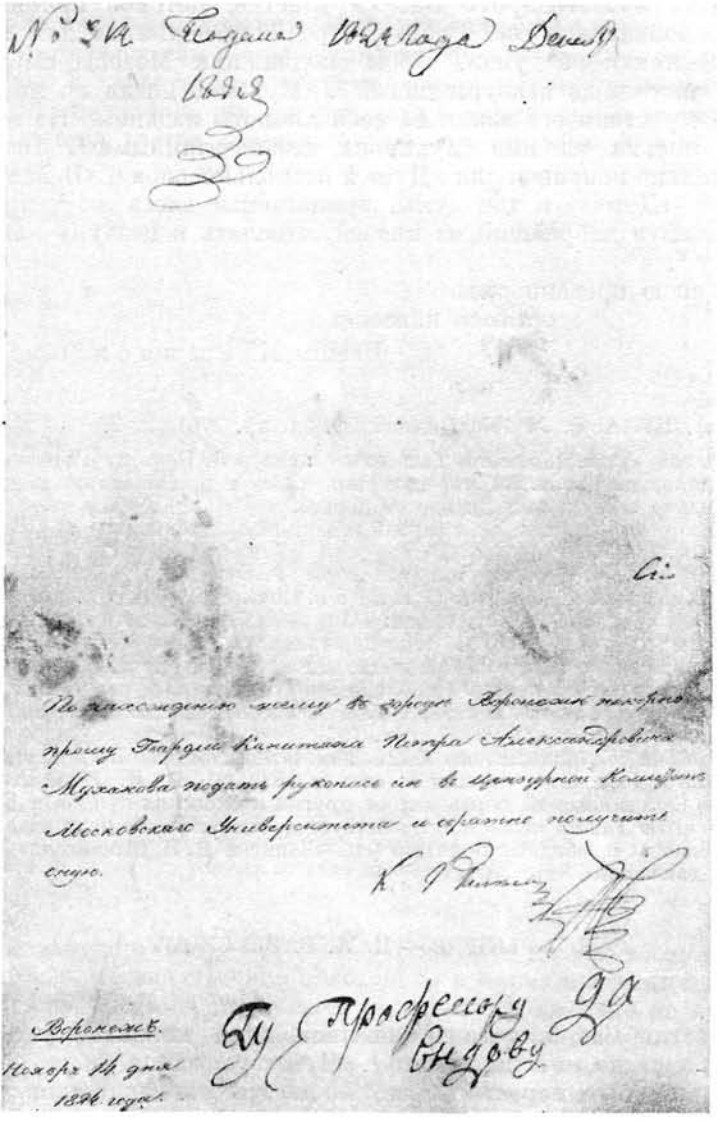
К. Рылеев

Воронеж
Ноября 14 дня 1824 года.

Доверенность эта написана на титульном листе рукописи отдельного издания «Дум», хранящейся в ЦГАДА, ф. № 181, д. 1425 (860). На верху титульного листа значится входящий номер рылеевской рукописи (314) и пометка: «Подано 1824 года декабря 18 дня». Внизу титульного листа пометка: «1824 года декабря 22 дня сию рукопись рассматривал ординарный профессор надворный советник и кавалер Иван Давыдов. Печатать позволяется. Декан Лев Цветаев».

Выпустить «Думы» в Москве Рылеев решил в результате неудач с печатанием своих од «Видение» и «Гражданское мужество». Первую петербургская цензура пропустила в печать лишь в сопровождении обессмысливающих ее примечаний и с очень существенными изменениями в тексте; ода «Гражданское мужество» была цензурою запрещена. Повидимому, после этого, в середине 1824 г., у Рылеева созрел план провести издание «Дум» через более снисходительную московскую цензуру. Этот план вскоре и был приведен в исполнение. Осень 1824 г. Рылеев провел в воронежском имении Тевяшовых, Подгорном. Доверенность П. А. Муханову была им написана 14 ноября 1824 г., рукопись, повидимому, тогда же была отослана в Москву. Сам Рылеев прибыл туда в первых числах декабря, однако проведением своей рукописи через цензуру

он уже не занимался. Муханов подал рукопись только 18 декабря (через месяц с лишком после выдачи доверенности),и уже через четыре дня она была разрешена к печати. Нет сомнения, что в таком быстром прохождении рылеевской книги через московскую цензуру сыграла роль помощь, оказанная изданию Вяземским (см. ниже письма к нему Рылеева от 12 января и 20 февраля 1825 г.).



ДОВЕРЕННОСТЬ, ВЫДАННАЯ РЫЛЕЕВЫМ П. А. МУХАНОВУ 14 НОЯБРЯ 1824 г. НА СДАЧУ РУКОПИСИ «ДУМ» В МОСКОВСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ

Автограф

Архив древних актов, Москва

Петр Александрович М у х а н о в (1799—1854) — штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка, член Союза Благоденствия. Муханов находился в дружеских отношениях с Рылеевым и выполнял ряд его поручений, в частности — по распространению в Киеве «Полярной звезды» (см. его письмо к Рылееву от 31 января 1824 г.— «Русская старина», 1888, № 11, стр. 325—326).

6. РЫЛЕЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

〈Петербург. 12 января 1825 г.〉

Почтеннейший и любезнейший князь
Петр Андреевич!

Позвольте поблагодарить Вас за участие, которое принимаете Вы в судьбе «Войнаровского». Верьте, что Ваше внимание для меня драгоценно. Я никак не думал, чтобы сподвижник Мазепы так мало пострадал в чистилище цензуры нашей [1]. Муханов писал ко мне, что Вы на время отсутствия его взяли на себя хлопоты издания. На этот конец прилагаю письма на имя Муханова незапечатанными [2]. Вы увидите в них несколько поправок для «Дум» и несколько слов о «Войнаровском». Перемены в «Думах» и три думы, прилагаемые здесь же [3], прошу Вас, почтеннейший и добрейший из князей, отослать в цензуру или к Селивановскому [4].

С душевною преданностию
остаюсь навсегда
Вашим К. Рылеев 〈ым〉

12 генваря 1825.

Автограф. ЦГЛА, ф. № 195 (Вяземских), ед. хр. 2701, л. 2.

[1] Ряд стихов «Войнаровского» был изъят цензурой. Поэтому Рылееву пришлось снабдить издание специальным «предуведомлением» и примечаниями под текстом.

[2] Эти письма к Муханову до нас не дошли.

[3] См. об этом в примечаниях к первой редакции предисловия к «Думам» и к думе «Владимир Святой».

[4] В письме к П. М. Строеву той же поры Рылеев аттестовал Селивановского как «истинно почтенного человека» (Рылеев. Соч., стр. 480), а в записке к самому Селивановскому 〈декабрь 1824 г.〉 писал: «Мне желательно издать здесь и „Войнаровского“ и „Думы“ мои; я поручил об этом переговорить с Вами Петру Александровичу Муханову; надеюсь, что Вы с ним сойдетесь: человек редкой души и отличных правил. Я еду в ночь; постараюсь урвать несколько минут, чтобы еще раз увидеться с Вами; в противном же случае прошу верить, что я душевно Вас люблю и уважаю» (К. В. Пигарев. Жизнь Рылеева. М., 1947, стр. 137).

В типографии Селивановского были напечатаны отдельные издания «Дум» и «Войнаровского» (обе книги вышли в свет в 1825 г.). В. И. Штейнгель говорил Рылееву, что Селивановский образованнее других московских купцов и что он и без привлечения его в Тайное общество содействует достижению его цели изданием книг, распространяющих «свободные понятия» (см. «Записки В. И. Штейнгеля» в кн.: «Общественные движения», стр. 305).

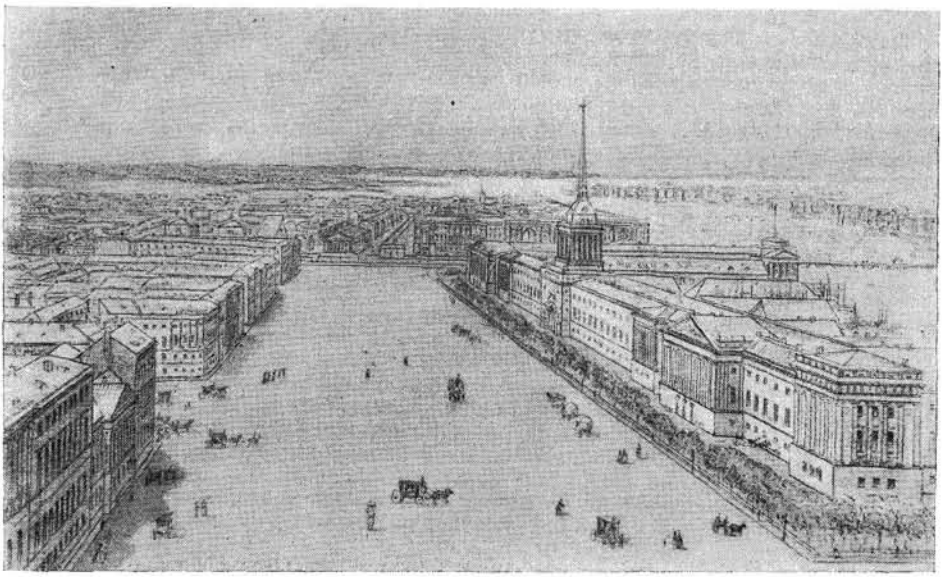
7. РЫЛЕЕВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

〈Петербург. 20 февраля 1825 г.〉

О несчастии Вас постигшем, почтеннейший князь Петр Андреевич, мы узнали еще до письма вашего [1]. Чувствую вполне и по опыту, как велика должна быть горесть Ваша, но делать нечего: жизнь наша есть железная цепь беспрестанных неприятностей и лишений, кое-где позолоченная минутным счастием. Твердость — обязанность каждого, и Вы, князь, отдав долг природе должное 〈!〉, как отец семейства, как просвещенный гражданин и писатель, обязаны, призвав ее в помощь, посвятить себя снова на пользу общую, должны снова разить порок и обличать невежество своими ювеналовскими сатирами к удовольствию публики и к радости друзей и почитателей Ваших и Вашего дарования; к досаде Лужницких старцев и юношей, им растлеваемых [2].

За участие в издании книг моих снова душевно и премного благодарю. Непропущенных цензурою «Дум» не жалею, но боюсь за «Войнаровского»: из письма Нечаева вижу, что цензура опять в раздумье [3]. За чужие

гостинцы для «Звезды» нашей приносим благодарность.' Пред Иваном Ивановичем Дмитриевым я очень виноват, не быв у него в проезд свой чрез Москву для изъявления нелицемерного уважения [4]. Нельзя ли, почтеннейший и добрейший из князей, выхлопотать у него отпущение столь тяжкого греха: теперь же великий пост. Одно обстоятельство оправдывает меня: я выехал из Москвы прежде, чем предполагал, получив от Бестужева известие о затоплении квартиры моей [5]. Оболенский [6] обрадовал нас, уведомив, что привезет нам Ваши гостинцы для «Звезды»; это необходимо: у нас только и недостаток в стихотворениях Ваших [7] и Жуковского. От В⟨асилия⟩ Андр⟨еевича⟩ ни стишка, зато подарил он нам письмо о Швейцарии [8]. Кажется третья «Звезда» будет получше двух первых, особенно,



ВИД АДМИРАЛТЕЙСКОЙ ПЛОЩАДИ
Рисунок неизвестного художника, 1830-е гг.
Музей истории Ленинграда

когда вы не забудете подкрепить нас [9]. Бестужев делает обозрение литературы за прошлый год. Начало ново, живо и кипит мыслями глубокими. В продолжении он намерен сделать маленькое нападение на непостоянство суждений некоторых журналистов и критиков наших [10]. Давно пора, но вряд ли будет полезно: хромых одна могила исправит. Половина «Звезды» уже половина оттиснута. Альманах Аладьина [11] вышел на масленице. Вы, я думаю, уже потешались этою аладьею. Дерзость удивительная печатать чужое без позволения и кабалить людей в одно общество с бессловесными. Недостаток благородного, честного журнала с каждым годом становится ощутительнее, но страшно сделаться журналистом: так это звание теперь опакощено.

Прощайте, почтеннейший князь.

Будьте здоровы, благополучны и грозны попрежнему для врагов вкуса, языка и здравого смысла. Вам не должно забывать, что однажды выступив на такое прекрасное поприще, какое Вы себе избрали, дремать не должно: давайте нам сатиры, сатиры и сатиры. Бестужев благодарит за память: он на дежурстве и потому не пишет [12]. Грибоеду я передал

поклон Ваш; он благодарит и взаимно просил меня передать Вам свой поклон. Он дал в «Звезду» прекрасный отрывок из Гётева «Фауста».

С сердечною преданностию

Ваш Кондратий Рылеев

Мы и Грибоедов просим Вас послать к Верстовскому за музыкою, которую сделал он для Грибоедова романса, и переслать к нам для «Звезды» [13].

20 февраля <1825 г.>
С.-П<етер>бург.

Автограф. ЦГЛА, ф. № 195 (Вяземских), ед. хр. 5084, т. III, лл. 108 — 109 об.

Четыре письма Рылеева к Вяземскому ярко характеризуют их дружеские отношения. Вяземский ценил творческое своеобразие рылеевских дум, которые, как он писал Рылееву и Бестужеву в 1823 г., «носят на себе печать отличительную, столь необыкновенную, посреди пошлых и одноличных или часто безличных стихотворений наших» («Русская старина», 1888, № 11, стр. 312).

[1] У П. А. Вяземского в начале 1825 г. умер ребенок.

[2] «Лужницкий старец» — редактор консервативного журнала «Вестник Европы» М. Т. Каченовский, подписывавший этим псевдонимом статьи против романтиков вообще и против Вяземского — в частности. Рылеев говорит здесь о «Лужницких старцах», тем самым подчеркивая собирательность этого явления: литературным «старовером» был не один Каченовский.

[3] Об этом см. предыдущее письмо. — Степан Дмитриевич Нечаев (1792—1860) — литератор, член Союза Благоденствия, поместивший в «Полярной звезде» на 1824 г. стихотворение «Сирота», а в «Полярной звезде» на 1825 г. — «Воспоминания». Упомянутое письмо Нечаева в печати неизвестно.

[4] И. И. Дмитриев когда-то был одним из любимых поэтов Рылеева. По воспоминаниям А. И. Косовского, Рылеев читал ему и другим офицерам по конно-артиллерийской роте «из лучших сочинений прозу и стихи, к чему он имел большую способность и дар слова! Но Державина и Дмитриева предпочитал прочим» (см. стр. 240). В стихотворении «Пустыня» (1821 г.) Дмитриев был наделен эпитетом «почтенный». Однако отношение Рылеева к аполитичной и сентиментальной поэзии Дмитриева в 1825 г. уже не могло быть сочувственным. Личных связей между поэтами почти не было.

[5] А. А. Бестужев самоотверженно помог домашним Рылеева спасти его имущество во время наводнения в Петербурге 7 ноября 1824 г. (см. об этом письмо Рылеева к жене от 14 декабря 1824 г.—Рылеев. Соч., стр. 475—476).

[6] Евгений Петрович Оболенский, бывший в ту пору в Москве.

[7] В «Полярной звезде» на 1825 г. были помещены два стихотворения Вяземского: «Того сего» и «Графиням Чернышевым».

[8] Речь идет о прозаических «Отрывках из письма о Швейцарии», помещенных в «Полярной звезде» на 1825 г.

[9] Эту же оценку Рылеев повторил в письме к Пушкину 10 марта 1825 г.: «„Полярная звезда“ выйдет на будущей неделе. Кажется, она будет лучше двух первых» (Рылеев. Соч., стр. 489).

Подобное же мнение высказали «Северная пчела» (1825, № 40, рецензия С.) и «Сын отечества» (1825, № 10, статья Д. Р. К.).

[10] Рылеев имеет в виду статью А. А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов», помещенную в «Полярной звезде» на 1825 г. Статья эта содержала в себе резкие выпады Бестужева против космополитических настроений русского дворянского общества двадцатых годов. «Мы, — писал Бестужев, — всосали с молоком безнародность и удивление только к чужому...» (Цит. по изд.: А. А. Бестужев-Марлинский. Собр. стих. Л., 1948, стр. 177). Сочувствие Рылеева должен был вызвать тезис Бестужева о вреде «ободрения» меценатов для подлинных дарований: «Гении всех веков и народов, я вызываю вас! Я вижу в бледности изможденных гонением или недостатком лиц ваших — рассвет бессмертия!» (там же, стр. 179).

[11] «Невский альманах», — по аттестации Бестужева, — «нелестный попутчик для других альманахов» (А. А. Бестужев-Марлинский. Собр. стих., 1948, стр. 186), выходил в течение ряда лет. Первая книга вышла в 1825 г.

[12] А. А. Бестужев был адъютантом герцога Вюртембергского.

[13] Ноты романса Грибоедова (музыка А. Н. Верстовского) были помещены в «Полярной звезде» на 1825 г. в виде приложения, без обозначения фамилий обоих и с надписью: Walzer.

8. РЫЛЕЕВ — Ф. В. БУЛГАРИНУ

В числе исторических и литературно-бытовых анекдотов, записанных Пушкиным, сохранился следующий рассказ: «Дельвиг однажды вызвал на дуэль Булгарина. Булгарин отказался, сказав: „Скажите барону Дельвигу, что я на своем веку видел более крови, нежели он чернил“» [1].

Эти строки в изданиях Пушкина не комментируются, так как в распоряжении исследователей долгое время не было никаких данных, могущих пролить свет на отношение Пушкина к этому инциденту, определить причины конфликта или хотя бы его дату. Интерес к анекдоту, рассказанному Пушкиным, еще более обострился после опубликования в 1925 г. предельно краткой фактической справки о столкновении Дельвига с Булгариным, которую, со слов Нащокина, внес в 1851 г. в одну из своих записных книжек П. И. Бартенев, собирая материалы для биографии Пушкина: «Дельвиг вызвал Булгарина на дуэль. Рылеев должен был быть секундантом у Б⟨улгарина⟩, Нащокин — у Дельвига. Б⟨улгарин⟩ отказался. Дель⟨виг⟩ послал ему ругательное письмо за подписью многих лиц» [2].

Несмотря на исключительную скудость данных Нащокина о несостоявшейся дуэли, в его рассказе все же очень ценно самое расширение круга свидетелей конфликта, во-первых, и намек на принципиальный, а не интимно-бытовой характер столкновения двух литераторов, во-вторых.

Обнаруженный редакцией «Литературного наследства» неизданный до сих пор документ — записка Рылеева к Булгарину — проливает свет на этот неясный эпизод. Приводим текст автографа:

⟨Петербург. 28—30 апреля 1825 г.⟩

Любезный Фадей Венедиктович!

Дельвиг соглашается все забыть с условием, чтобы ты забыл его имя, а то это дело не кончено. Всякое твое громкое воспоминание о нем произведет или дуель или убийство. Dixit *.

Твой Рылеев [3].

На обороте адрес: Его благородию милостивому государю
Фадею Венедиктовичу Булгарину.
На Самсониевской улице, у бутки в доме Калугиной.

Рылеев, Дельвиг, Булгарин, как ни противоестественно звучит сейчас сочетание этих трех имен, в период общественного подъема начала двадцатых годов были связаны друг с другом не только литературными, но и личными отношениями.

А. А. Дельвиг — поэт, один из ближайших лицейских товарищей Пушкина и Кюхельбекера, член общества «Зеленая лампа» и Вольного общества любителей российской словесности, принадлежал к числу литераторов, общественно-политическая платформа которых была близка программе Союза Благоденствия. 18 апреля 1821 г. Дельвиг рекомендует в члены-сотрудники Вольного общества Рылеева, в то время отставного подпоручика, сотрудника журнала «Невский зритель», автора сатиры «К временщику», публикация которой вызвала незадолго перед тем большой шум в широких общественно-литературных кругах. Первым произведением, которое представил Рылеев 25 апреля 1821 г. на суд своих новых товарищей по Вольному обществу, явился перевод с польского сатиры Булгарина «Путь к счастию» [4]. В конце 1822 г. Рылеев организует альманах «Полярная звезда», участие в котором принимают и Дельвиг, и Булгарин. Их имена встречаем мы и в «Полярной звезде» на 1824 г. К этому времени Рылеев вошел уже в ряды тайной революционной организации будущих декабристов. С осени 1823 г. литературная деятельность Рылеева полностью подчиняется задачам политической борьбы, определяется как одна из форм массовой агитационно-пропагандистской работы. Этот перелом в политической и литературной биографии Рылеева не мог не отразиться и на характере его руководства «Полярной звездой». Чем явственнее определялись тенденции Рылеева к превращению альманаха в легальный орган Тайного общества, тем резче стали обозначаться в кругу его литературных друзей признаки неизбежно назревавшего размежевания.

Этот процесс отхода либерально настроенных литераторов от писателей революционного лагеря не мог быть особенно бурным, ибо самые условия общественно-

* Он сказал (лат.).

литературной борьбы первой половины 1820-х годов не позволяли дробить силы перед лицом общего врага.

И тем не менее, симптомов разъединения в рядах писателей, примыкавших к прогрессивному лагерю, было не мало. Об этом свидетельствовали и те резкие личные стычки в кругу ближайших сотрудников «Полярной звезды», политическая подкладка которых не всегда была ясна даже их современникам. Мы имеем в виду такие, например, литературно-бытовые факты, как разрыв Рылеева с Булгариным в сентябре 1823 г., то есть как раз тогда, когда Рылеев, войдя в Северное общество, стал особенно чуток к вопросам морали и к общественному поведению всех своих соратников и знакомцев. Мы имеем в виду и другие эпизоды: разрыв отношений Рылеева и Бестужева с Воейковым в сентябре 1824 г.; неожиданную вспышку старого спора о традициях Жуковского и о путях русской поэзии в полемике Бестужева с Плетневым и Рылеева с Пушкиным зимой 1824 — 1825 г.; резкую критику Дельвигом знаменитой концовки послания Рылеева «Я не поэт, а гражданин» [5]; снятие Рылеевым в отдельном издании «Дум» посвящения Дельвигу «Петра Великого в Острогожске»; ясно обозначившийся в 1824 г. отход Дельвига, Плетнева, Баратынского и многих других литераторов от «Полярной звезды» [6].

Одним из показателей этого быстро идущего размежевания в литературных рядах является, конечно, и предполагавшаяся дуэль Булгарина с Дельвигом.

Самая дата их ссоры, без указания на повод последней, может быть установлена по свежим следам. 19 июня 1824 г. А. А. Бестужев записал в своем дневнике: «У Рылеева с Баратынским — История Дельвига с Булгариным» [7]. Эта «история», видимо, не была ликвидирована и к осени. «Нет ничего скучнее теперешнего Петербурга, — писал Дельвиг 28 сентября 1824 г. ссыльному Пушкину в Михайловское — <...> мертво и холодно, или иначе: свежо и прохладно! С приезда Воейкова из Дерпта и с появления Булгарина литература наша совсем погибла. Подлец на подлеце подлеца погоняет» [8].

Это заключение Дельвига было сделано в разгар его работы над организацией нового литературного ежегодника — альманаха «Северные цветы». Инициатором и издателем «Северных цветов» являлся известный петербургский книгопродавец И. В. Сленин, тот самый, с помощью которого Рылеев и Бестужев издавали в 1823 и 1824 гг. «Полярную звезду». Отстраненный от участия в этом альманахе на 1825 г., Сленин, чтобы компенсировать себя за потерю доходов с издания, выдвинул проект нового литературного ежегодника, а редактирование последнего, по совету А. Ф. Воейкова, предложил Дельвигу.

Полагаясь на связи Дельвига с Пушкиным, Жуковским, Крыловым, Баратынским, Козловым, Плетневым и учитывая при этом недовольство многих видных писателей политическим курсом «Полярной звезды», Сленин и Воейков не ошиблись в своих расчетах. Правда, как свидетельствуют воспоминания А. И. Дельвига, племянника поэта, последний сразу же сообщил Рылееву о своих планах, причем Рылеев сначала якобы «ничего не имел» против организации нового альманаха и лишь впоследствии, «по словам Дельвига, был, видимо, недоволен тем, что многие произведения лучших поэтов украсили эту книгу, через что, конечно, много потеряла „Полярная звезда“» [9].

Информируя Вяземского о новостях литературно-общественной жизни, А. А. Бестужев в письме от 20 сентября 1824 г. с горечью отмечал козни Воейкова, не стеснявшегося никакими средствами для подрыва «Полярной звезды»: «План „Северных цветов“ им начертан и недаром, это уже и он сам говорит, но, чтобы подорвать нас, употребляет он все средства. Мутят нас через Льва с Пушкиным; перепечатывают стихи, назначенные в „Звезду“ им и Козловым, научили Баратынского увезти тетрадь, проданную давно нам, будто нечаянно. Одним словом делают из литературы какой-то толкучий рынок <...> Сленин, конечно, имеет все денежные выгоды на своей стороне, ибо сам продавать будет, а выгоды брать ни за что, ни про что, заплатив только 3 тысячи Дельвигу за торг чужими стихами» [10].

Самое появление «Северных цветов» на 1825 год и разгоревшаяся вслед за тем борьба за Пушкина, которого обе литературные группировки пытались склонить на свою сторону, свидетельствовали о том, что размежевание в рядах передовой литературы не только пошло убыстренными темпами, но и очень скоро получило определенные организационные формы. Именно в этой связи очень симптоматичны такие факты, как приезд в Михайловское 11 января 1825 г. И. И. Пущина, представителя интересов «Полярной звезды», как органа декабристов, а во второй половине апреля того же года — Дельвига, вдохновителя альманаха, противостоявшего Рылееву и Бестужеву. Недаром и Рылеев писал Пушкину 25 марта 1825 г. о своих планах навестить его в Михайловском: «Мы с Бестужевым намереваемся летом проведать тебя» [11].

Весьма характерно в этом отношении письмо О. М. Сомова от 11 ноября 1824 г. к Рылееву.

Осведомляя последнего о петербургском наводнении, от которого пострадали и новые книги, затопленные в типографских подвалах, Сомов передавал слух о том, что «Северные цветы» едва ли выйдут во-время в свет, так как они «подмокли

СОРЕВНОВАТЕЛЬ

ПРОСВѢЩЕНІЯ

и

БЛАГОТВОРЕНІЯ.

1823.

№ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома 1823.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ОСТРОГОЖСКѢ.

Дума.

(Барону А. А. Дельвигу.)

Въ пышномъ, Гетманскомъ уборѣ
Кто сей мужъ, суровъ лицомъ,
Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ,
Ницъ упалъ передъ Петромъ?
Съ булчукомъ и булавою
Вкругъ его сановники, —
Судьи, Сотники толпою
И толпами Козаки? . . .

„Видѣнъ Промысла Святова
Надъ тобою дивный щитъ!"
Покорителю Азова
Старецъ бодрый говоритъ:
„Оглася побѣдой славной
Моря Чернаго брега,

«СОРЕВНОВАТЕЛЬ ПРОСВЕЩЕНИЯ И БЛАГОТВОРЕНИЯ» № 3 ЗА 1823 г.
Здесь была впервые напечатана дума Рылеева «Петр Великий в Острогожске»
Обложка журнала и первая страница думы

в луковицах и, вероятно, не скоро расцветут. Александр <Бестужев> говорит, что они вероятно, были прежде очень сухи, а теперь слишком водяны»[12].

Однако «Полярная звезда» пострадала от наводнения гораздо больше, чем альманах Дельвига. «Северные цветы» вышли в свет во-время, то есть в начале нового года, а «Полярная звезда», из-за перепечатки подмокших листов, опоздала почти на четыре месяца.

Сам по себе этот эпизод не имел бы, вероятно, никаких последствий, если бы его не использовал в провокационных целях Булгарин. Именно ему, как свидетельствуют воспоминания А. И. Дельвига, приписано было ядовитое примечание к «Объявлению об издании Полярной звезды на 1825 г.», напечатанному в «Сыне отечества» и открыто противопоставлявшему «Полярную звезду» новому альманаху. «„Северные цветы“, издание книгопродавца Сленина, — разъяснялось в «Сыне отечества», — вступает в непосредственное соперничество с „Полярной звездою“. Предоставляя сему альманаху <„Северным цветам“> благоприятное время выхода в свет, желаем ему еще благоприятнейшего успеха»[13].

Эта ироническая информация сопровождалась обидными для чести Дельвига устными клеветническими комментариями, в создании и распространении которых Булгарин не имел соперников. Именно об этих толках и писал Пушкину 22 января 1825 г. Плетнев: «Какие мерзости с Дельвигом делают эти молодцы за „Северные цветы“. У них на Парнасе толкучий рынок. Всё для денег»[14].

Трудно думать, чтобы Плетнев, рассказывая Пушкину о неприятностях, переживаемых Дельвигом, мог умолчать об ответном выступлении Дельвига, если бы это выступление уже состоялось. А между тем мы располагаем конкретным свидетельством того, что Дельвиг не только реагировал на «мерзости Булгарина», но и реагировал очень бурно. Этому столкновению двух литераторов посвящена была пародическая «Русская баллада», вышедшая из-под пера А. Е. Измайлова, старого литературного врага и Дельвига, и Булгарина. Напомним заключительные строки этого памфлета:

Есть писатель на Мойке, в огромных стенах,
Он под кровлю бежит от людей;
Не видали, как прячет фонарь на глазах.
И писатель сей, кто он? — Фадей.
Есть другой, *по друзьям* знаменитей — кто он?
Он в просонье лишь смотрит на свет:
То поэт молчаливый и мрачный — барон,
Для Плетнева он — лучший поэт.
И Измайлов доволен: барон и Фадей
Насмешили досыта людей.

Эти сатирические вирши относятся к марту 1825 г.[15]

Так как 11 февраля Дельвиг на несколько месяцев уже выехал из Петербурга, а в письме Плетнева от 22 января нет еще никаких упоминаний о конфликте, давшем материал для «Русской баллады», то у нас есть все основания для датировки столкновения Дельвига с Булгариным концом января или первыми числами февраля 1825 г.

Именно этот конфликт и послужил основанием для вызова Дельвигом Булгарина на дуэль, о чем рассказывают Пушкин и Нащокин. Прямое отношение к истории несостоявшейся дуэли имеет и новонайденная записка Рылеева к Булгарину. Записка не датирована.

Однако, учитывая то обстоятельство, что Рылеев после полуторагодового разрыва возобновил знакомство с Булгариным лишь в середине марта 1825 г., мы не можем отнести это письмо к более раннему времени. Но еще точнее локализует дату отсутствие Дельвига в Петербурге с 11 февраля по 27 апреля 1825 г.[16] Перед самым его возвращением Булгарин писал Пушкину 25 апреля 1825 г.: «Не верьте, что Вам будут писать враги мои, хотя близкие к Вашему сердцу, верьте образцам чести — Бестужеву и Рылееву»[17].

Эти строки, еще недавно не поддававшиеся объяснению, явились непосредственным следствием охарактеризованного нами выше конфликта и подготовляли новый этап борьбы за Пушкина издателей «Полярной звезды» и их союзников с редакцией «Северных цветов».

Записка Рылеева к Булгарину, относящаяся, видимо, к последним числам апреля 1825 г., свидетельствует о том, что если самый вызов Булгарина на дуэль сделан был Дельвигом еще в начале 1825 г., то ликвидация этого столкновения может датироваться лишь указанным временем. Под нажимом Рылеева ультиматум Дельвига формально был принят Булгариным, но, разумеется, самое «имя» Дельвига «забыто» им не было. Счеты с Дельвигом и с его литературными друзьями прежде всего получают отражение в секретной докладной записке Булгарина на имя Николая I «Нечто о Царскосельском лицее и о духе оного» (1826), а затем окрашивают всю позднейшую его борьбу с «Литературной газетой» (1830—1831).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Table-Talk.—Пушкин, т. XII, стр. 159. Этот анекдот, без упоминания фамилий Дельвига и Булгарина, Пушкин впервые отметил в 1830 г. в набросках «Опыта отражения некоторых нелитературных обвинений»: «Один из наших литераторов, бывший, говорят, в военной службе, отказался от пистолетов, под предлогом, что на своем веку он видел более крови, чем его противник чернил» (т. XI, стр. 168).

[2] «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860-х годах». М., 1925, стр. 39—40.— Запись эту Бартенев сделал, «перебирая с Нащокиным» страницы XI тома посмертного издания сочинений Пушкина, в котором имена Булгарина и Дельвига были обозначены только начальными буквами: Б*** и Д*** (стр. 173).

[3] Записка Рылеева к Булгарину печатается по копии с оригинала, нынешнее местонахождение которого неизвестно.

[4] Датировка фактов литературных и личных отношений Рылеева, Дельвига и Булгарина в настоящей статье, даваемая без ссылок на первоисточники, опирается на «Краткую биографическую канву», приложенную к изд.: Рылеев. Стих., стр. 71—79.

[5] Пушкин, упоминая в письме к Вяземскому от 10 августа 1825 г. о программной концовке посвящения «Войнаровского» («Я не поэт, а гражданин»), передавал, что «Дельвиг уморительно сердится» на Рылеева за эти стихи (Пушкин, т. XIII, стр. 204). Мы полагаем, что хорошо известное Рылееву отрицательное отношение Дельвига к этим стихам обусловило шутливое обращение его к Дельвигу в записке от 5 октября 1825 г., в которой «не поэт, а гражданин» желал бывшему приятелю «здоровия, благоденствия и силы духа» (см. прим. 6).

[6] Как вспоминает А. И. Дельвиг, «в 1825 г. Рылеев, А. Бестужев и Дельвиг редко видались, и это обстоятельство, может быть, спасло Дельвига от участи, постигшей членов тайных обществ» (А. И. Дельвиг. Воспоминания, т. I. М.—Л., 1930, стр. 76).

Данным о редких встречах Рылеева с Дельвигом в 1825 г. не противоречит дружеский характер упоминаний о Дельвиге в четырех письмах Рылеева к Пушкину, писанных между 10 марта и 12 мая 1825 г., объясняемый прежде всего тем, что Рылеев не мог не учитывать близости Пушкина и Дельвига. О некоторой напряженности личных отношений двух поэтов свидетельствует, несмотря на свой формально дружеский тон, и единственная известная нам записка Рылеева к Дельвигу от 5 октября 1825 г. (Рылеев. Соч., стр. 496).

[7] «Памяти декабристов», т. I. Л., 1926, стр. 67.

[8] Пушкин, т. XIII, стр. 110.

[9] А. И. Дельвиг. Воспоминания, т. I. М.—Л., 1930, стр. 76.— Этим показаниям Дельвига очень близка анонимная «Заметка» в «Русском архиве» 1873 г., автор которой свидетельствует, что И. В. Сленин, отстраненный от участия в «Полярной звезде», уговорил Дельвига приступить к организации «Северных цветов», уплатив ему за редакторскую работу в альманахе четыре тысячи руб. Создание нового альманаха «было причиною некоторого охлаждения между Рылеевым и Дельвигом» («Русский архив», 1873, кн. 1, стр. XCVIII).

[10] Письма Бестужева к Вяземскому публикуются в т. 60 настоящего издания.

[11] Пушкин, т. XIII, стр. 157.

[12] Сочинения и переписка К. Ф. Рылеева. Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1872, стр. 341.

[13] «Сын отечества», 1825, № 1, стр. 111. — Об эффекте этой информации, автором которой был скорее А. А. Бестужев, чем Булгарин, см.: А. И. Дельвиг. Воспоминания, т. I, стр. 77. Активность Булгарина в борьбе с «Северными цветами» подогревалась его давней ненавистью к И. В. Сленину, издателю альманаха. Об этом свидетельствует письмо Булгарина к Рылееву от 8 сентября 1823 г. (Сб. «Девятнадцатый век», т. I. М., 1872, стр. 368—372).

[14] Пушкин, т. XIII, стр. 134.

[15] Полн. собр. стихотворений А. А. Дельвига. Ред. и прим. Б. В. Томашевского. Л., 1934, стр. 485—486. — А. Е. Измайлов, посылая этот памфлет 6 апреля 1825 г. И. И. Дмитриеву, сообщал, что он был переписан «на прошедшей» еще неделе, то есть в конце марта. Дата написания этих стихов, конечно, должна была значительно предшествовать их копировке для Дмитриева.

[16] Там же, стр. 104—105 («Краткая хронологическая канва»).

[17] Пушкин, т. XIII, стр. 168.

Объединение в «Полярной звезде» на определенной литературно-политической платформе всех передовых писателей двадцатых годов не было тайной для читателей альманаха. Весьма характерны в этом отношении суждения об историческом значении деятельности А. А. Бестужева в «Полярной звезде», выраженные в письме А. П. Бочкова к А. А. Ивановскому от 30 октября 1826 г.: «Его заслуги важны для нашей словесности. До него наши молодые поэты были в каком-то разделении ⟨...⟩ они действовали без всяких видов и только тешились сами собою.

Бестужев первый привел их к одному алтарю, показал им благороднейшую цель; славу России, — и средство: пламенную любовь к родине и знание старины. Но „Полярная звезда" скоро закатилась» («Русская старина», 1889, № 7, стр. 113). Молчание о революционной направленности издания и произвольное разъединение в этом письме имен Бестужева и Рылеева объясняются, конечно, боязнью упомянуть фамилию только что казненного поэта.

9. РЫЛЕЕВ — Д. И. ЗАВАЛИШИНУ

〈Петербург. 2 июня 1825 г.〉

Большинство голосов решило ехать в Кронштадт сегодня вечером в пять часов. Итак, если Вы не раздумали, приготовьтесь; между тем, князь Одоевский просит Вас сегодня же в три часа к нему на обед. Приезжайте ко мне, мы отправимся вместе. Если же опоздаете, то спросите у моего человека о квартире Одоевского. Она на углу, против церкви Исаакия, в доме генеральши Булатовой, недалеко от Конногвардейского манежа.

Рылеев

2 июня 1825.

Автограф. ЦГИА, ф. № 48, оп. 1, ед. хр. 48а, л. 36.

Эта записка, как и следующая, была, очевидно, захвачена во время обыска на петербургской квартире Д. И. Завалишина.

Рылеев чрезвычайно интересовался организацией в Кронштадте филиала Тайного общества.

По свидетельству Н. А. Бестужева, Рылеев часто ему «выговаривал», что он, Бестужев, не старается «о приобретении в члены Общества морских офицеров и особенно в Кронштадте, который, будучи крепким и отдаленным местом, мог бы служить, в случае неудачи, для русских тем же, чем был остров Леон для гишпанцев: но я, а равномерно и капит〈ан〉-лейт〈енант〉 Торсон, зная действительное положение Кронштадта после наводнения, а более того — расположение его способов и, вместе с тем, нравственные способности офицеров, сие сословие составляющих, всегда доказывали ему ничтожность и невозможность его мысли и, наконец, по осени убедили его съездить самому в Кронштадт и удостовериться в очевидности наших доказательств» (ВД, т. II, стр. 73—74).

Надежды на Кронштадт, ослабевшие у Рылеева «по осени» 1825 г., были еще живы в июне того же года, когда и было написано публикуемое письмо. Поездка в Кронштадт состоялась, что отражено в показаниях Д. И. Завалишина. Имея в виду Арбузова, Н. А. Бестужева и старшего Беляева, он сообщал: «Когда они были в Кронштадте, я приезжал к ним с Рылеевым и Кюхельбекером 〈...〉 Мы пробыли в Кронштадте один день и на другой уехали» (ВД, т. III, стр. 232). Отвечая на заданный ему вопрос, Рылеев показывал 2 марта 1826 г.: «В Кронштадт в прошлом году я ездил два раза. Первый раз летом вместе с Александром Бестужевым, Одоевским и Кюхельбекером — единственно из любопытства и для прогулки. Завалишин, не помню, вместе ли с нами приехал туда, или мы его встретили в гостинице, где ночевали; но ехать вместе с ним, кажется, не сговаривались и вообще были в Кронштадте не по делам Общества, а как сказано выше, для прогулки» (там же, стр. 236). Не подлежит сомнению, что последняя часть показания Рылеева представляла собою тактический ход: в действительности поездки Рылеева и Завалишина в Кронштадт преследовали политические цели.

10. РЫЛЕЕВ — Д. И. ЗАВАЛИШИНУ

〈Петербург. 15 июня 1825 г.〉

Записки о России отданы читать. Новостей никаких нет. Я постараюсь у Вас побывать на днях.

Рылеев

Июня 15.

Автограф. ЦГИА, ф. № 48, оп. 1, ед. хр. 48а, л. 38.

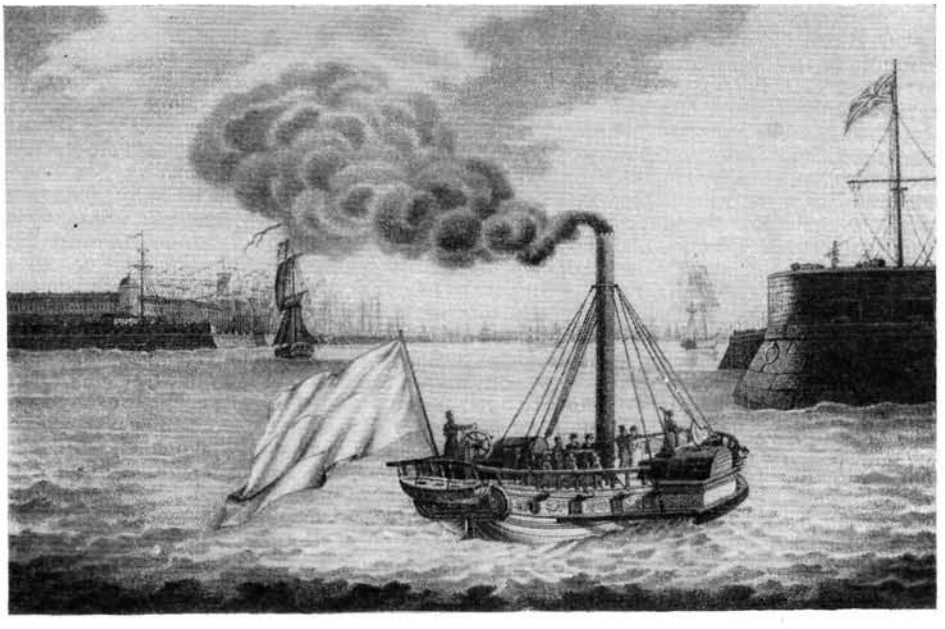
Что имел в виду Рылеев под «Записками о России»—нам установить не удалось. Всего вероятнее, что это — одна из «запрещенных книг», которые Завалишин давал другим членам Тайного общества (см. по этому поводу показание Д. И. Завалишина от 30 апреля 1826 г. — ВД, т. III, стр. 310).

11. РЫЛЕЕВ — Н. А. МАРКЕВИЧУ

<Петербург. 18 октября 1825 г.>

Милостивый государь
Николай Андреевич.

Душевно благодарю Вас и за прекрасный отрывок из Вашей поэмы и за письмо Ваше. Первый мы поместим в «Звезде»[1] и уверены, что публика будет ему рада, столько же, как и мы. Не изменяя, однако ж, своей откровенности, мы намерены два или три места выпустить. Эти места показались нам несколько растянутыми и даже, извините за откровенность, бросающими какую-то неприятную тень на все прекрасное сочинение Ваше. Если Вы уполномочите нас действовать по нашему желанию, то



КРОНШТАДТ
Литография, 1825 г.
Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

поспешите уведомить. Вместе с тем не поскупитесь прислать для «Звезды» еще несколько пьес. Мы почли бы за особенное одолжение, если б Вы прислали два — три отрывка из «Паризины». Мы читали с большим удовольствием две первые строфы из Вашего перевода, напечатанные А. Ф. Воейковым[2], и уверены, что просвещеннейшая публика оценит труд Ваш достойным образом.

Теперь позвольте поблагодарить Вас за лестное окончание письма Вашего. Я русский, но три года жил на Украйне[3]: мало для себя, но довольно для того, чтобы полюбить эту страну и добрых ее жителей. Сверх того, Украйна наделила меня редкою, несравненною женою. Уже шесть лет моя добрая украинка счастливит меня; и так к привязанности моей еще присоединяется и благодарность душевная, вечная к Малороссии. Я писал, что чувствовал, и никогда не думал, чтобы слабые труды мои заслужили такое лестное внимание потомков Хмельницкого и Наливайко. Не одни Вы, многие из соотечественников Ваших подобным образом отзывались ко мне. Это такая награда, которая навсегда оставит меня в долгу

пред Вашим отечеством. Дай мне бог сил и возможности хотя несколько отблагодарить земляков Ваших.

Если рассудите исполнить нашу просьбу, то посылайте пиесы опять в страховом письме: «Звезда» выйдет в конце декабря.

С истинною преданностию и совершенным почтением,
милостивый государь, Ваш покорный слуга
Кондратий Рылеев

СПб.[1]
Октября 18 д⟨ня⟩ 1825.

На обороте 2 л. адрес: Его благородию милостивому государю
Николаю Андреевичу *Маркевичу*
в Прилуки, и оттуда в с. Туровку.

Автограф. ЦГИА, ф. № 48, оп. 4, ед. хр. 45, лл. 1—2.

О Н. А. Маркевиче — см. ниже в предисловии А. А. Орловой к воспоминаниям Н. А. Маркевича о Кюхельбекере. В сентябре 1825 г. он обратился к Рылееву со словами, полными сочувствия его таланту: «...позвольте мне Вам писать, как истинный гражданин своего любезного отечества, как добрый малороссиянин ⟨...⟩ Итак, могу ли я хладнокровно читать „Войнаровского“ и „Наливайку“? Примите мою и всех знакомых мне моих соотечественников благодарность ⟨...⟩ Будьте уверены, что благодарность наша искренняя, что мы от души чувствуем цену трудов Ваших, которые Вас и предков наших прославляют. Мы не потеряли еще из виду деяний великих мужей малороссиян, во многих сердцах не уменьшилась прежняя сила чувств и преданности к отчизне. Вы еще найдете живым у нас дух Полуботка. Примите нашу общую благодарность; Вы много сделали, очень много! Вы возвышаете целый народ,— горе тому, кто идет на усмирение целых стран, кто покушается покрыть презрением целые народы, и они ему платят презрением ⟨...⟩ Но слава тому, кто прославляет величие души человеческой и кому народы целые должны воздавать благодарность. „Исповедь Наливайки“ врезана в сердцах наших и в моем также».

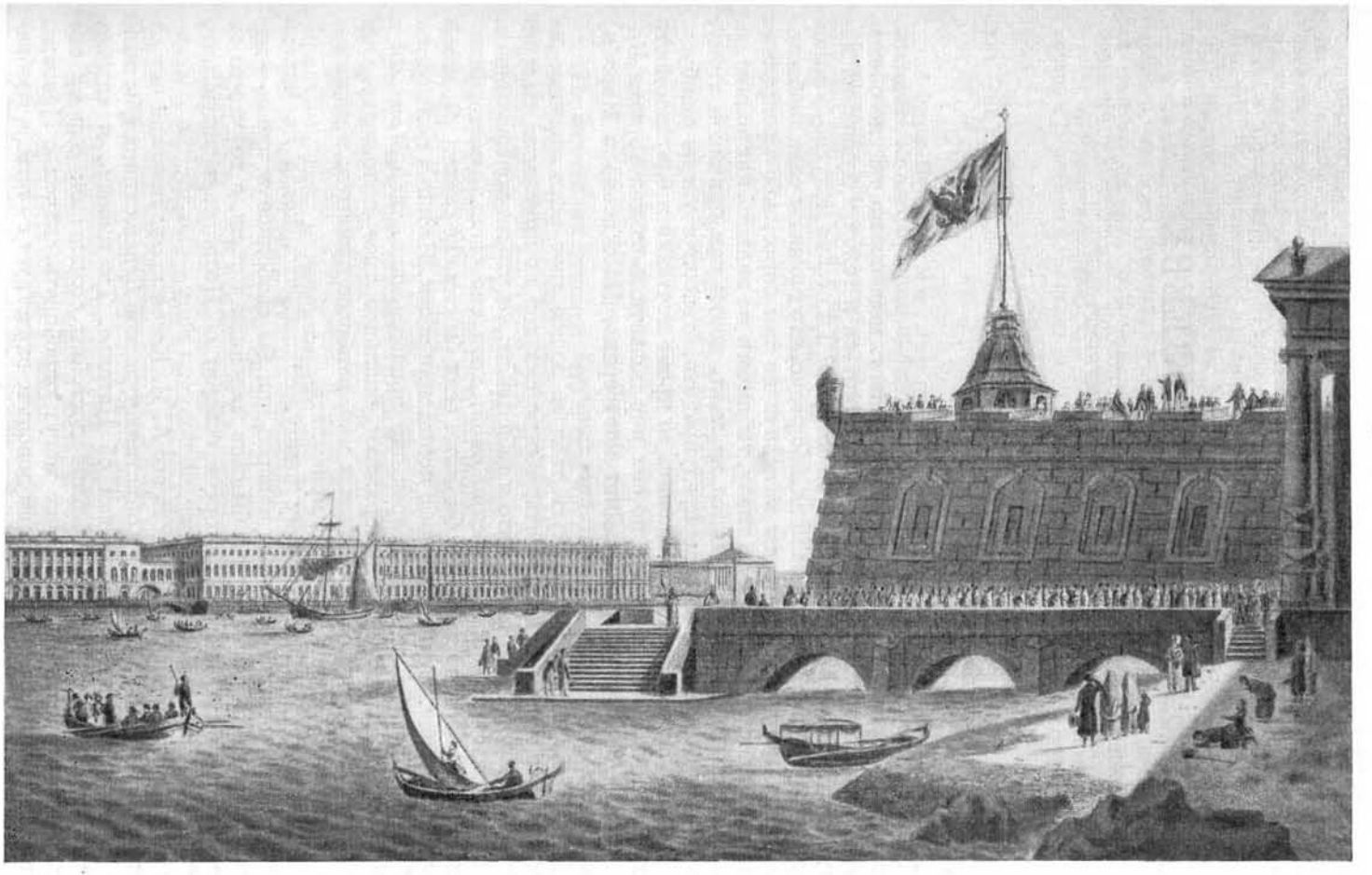
Это письмо Н. А. Маркевича было опубликовано еще в 1888 г. в «Русской старине» (№ 12, стр. 599). Лишь теперь, через 65 лет после этой публикации, мы имеем возможность напечатать ответ Рылеева. Поэт-декабрист был полон величайшего сочувствия к патриотическим помыслам Маркевича, он разделял интерес последнего к национальной истории Украины и героической борьбе ее за освобождение от ига шляхетской Польши. Пожалуй, ни в одном своем письме Рылеев не высказывался с такой полнотой и яркостью, как в этом послании, относящемся к преддекабрьской поре (меньше чем через два месяца после этого произошло восстание на Сенатской площади). В высшей степени характерна для Рылеева и откровенность его суждений о поэтических произведениях Маркевича и его высказывания об Украине. «Не один Вы, многие из соотечественников Ваших подобным образом отзывались ко мне». Это признание Рылеева примечательно: хотя подобные обращения и не сохранились в его архиве, мы не имеем оснований сомневаться в том, что они действительно существовали. Обещание Рылеева «несколько отблагодарить земляков» Маркевича имеет, повидимому, в виду трагедию о Богдане Хмельницком, над которой Рылеев в ту пору работал.

В неизданном дневнике Маркевича сохранились следующие строки о публикуемом письме Рылеева: «1825, окт. 18. Кондр⟨атий⟩ Федор⟨ович⟩ Рылеев, издатель „Полярной звезды“, благодарит за отправку „Паризины“. Потом описывает свою жену и любовь свою к Малороссии» (ИРЛИ)

[1] Рылеев и Бестужев имели в виду выпустить четвертую книжку «Полярной звезды» на 1826 г. В ноябре 1825 г. Рылеев извещал Пушкина: «Мы опять собираемся с Полярною. Она будет последняя; так, по крайней мере, мы решились. Желаем распроститься с публикою хорошо, и потому просим тебя подарить нас чем-нибудь подобным твоему последнему нам подарку» (Рылеев. Соч., стр. 497). Однако это намерение не осуществилось. Занятые организационной и пропагандистской работой по Северному обществу, Рылеев и Бестужев вынуждены были вместо большой «Звезды» издать небольшой альманах под названием «Звездочка». В ней и должно было быть напечатано стихотворение «Битва» и отрывок из поэмы «Жизнь» Маркевича, о котором, повидимому, и шла речь в письме к нему Рылеева (см. содержание «Звездочки» в «Русской старине», 1882, № 7, стр. 78 — 82). Отпечатать произведение Маркевича уже не удалось: после 14 декабря издание «Звездочки» было конфисковано.

[2] Отрывки из поэмы Байрона «Паризина» были переведены Маркевичем и появились в 1825 г. в «Новостях литературы» (сентябрь) с редакционным примечанием А. Ф. Воейкова: «Молодой поэт перевел всю сию небольшую, но трогательную поэму». Полностью перевод появился в «Стихотворениях Н. А. Маркевича» (М., 1829).

[3] Рылеев пробыл в Острогожске с середины 1816 г. до августа 1819 г., когда он вместе с женой выехал из имения Тевяшовых, Подгорного, в Батово (Рылеев. Соч., стр. 454).



ВИД НА НЕВУ ОТ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ
Автолитография С. Ф. Галактионова, начало 1820-х гг.
Музей истории Ленинграда

ПИСЬМА К РЫЛЕЕВУ

ПИСЬМА ГАРДОВСКОГО, П. МИХАЙЛОВСКОГО, В. П. РОМАНОВА, Г. Р. и Ф. Р. УНГЕРН-ШТЕРНБЕРГОВ

1. ГАРДОВСКИЙ — РЫЛЕЕВУ

Харьков. Ноября 15-го дня 1817 года

Любезный друг,
Кондрати⟨й⟩ Федорович!

Письмо твое от 17-го октября помирило меня опять с тобою. Наипаче, когда обещиваешь чаще писать, но бог знает, можешь ли ты сие обещание без больших пожертвований — разлучиться и телом и душою на минуту от прелестной *Натальи* [1] — исполнить? Ты весьма искусно умеешь *положение свое* сворачивать на меня, ибо редко, кто признаёт свои слабости. Это весьма натурально, что ты *теперичи* не так зарос, ибо прекрасная Наталья у тебя, как бельмо на глазу, ты ничего не видишь, как только ее. Виноват, что я настоящее имя ее не знал, но ты сам причиной этому, надо было меня тотчас о сем предупредить, теперича уж не ошибусь.

Что касается до моего положения, то кроме почтения и благодарности за хороший прием, которым я по сих пор пользуюсь от целого дома Косовского, — нежное чувство займет мое сердце, Наст⟨асья⟩ и Марь⟨я⟩ совершенно ровно имеют почтение мое.

Да! Забыл я почти упрекнуть тебя за худое твое расположение ко мне; я иначе не могу сие принять, ибо по сих пор не пригласил ты меня к себе на *свадьбу*[2]. Ты знаешь, что я тебя люблю, за что же хочешь лишить меня удовольствия повеселиться на оной, хотя сие сделали посторонние люди, но мне гораздо приятнее бы было, если бы сам сие сделал. Я, как и прочие товарищи, весьма жалеем о положении твоем. Наталья пользуется любовью и дружбой твоей, которая нам принадлежала, твой *Мотылек* и *Надежда* [3] довольно ясно изображают опальное твое положение. Они мне из твоих сочинений, присланных мне, наиболее нравятся; я надеюсь, что и впредь будешь мне их присылать.

Маленькому Миллеру[4], этому немцу, скажи, что, когда он впредь будет ко мне писать, то чтобы наперед дал бы свободное течение — покупался бы в Дону и не щурил бы свои милейшие глазки, а то что-то он слишком очень с большим восторгом говорит об Наталье, я слышал,что он сильную атаку сделал на *Верку*, но получил *рану* — по дружбе рассказал я храбрость и неустрашимость его А. И. Косовскому; пожелай ему от меня впредь лучшего успеха и в объятиях чудесной *Верки* охладил бы пылкое свое воображение и энтузиазм об Наталье. Ты имеешь, я слышу, многих соперников. Как вы бедные достойны сожаления: одному она только может достаться, и прочие могут опробовать скачок с Левкада; место около пещеры святой Марии довольно сходствует с оным, а воображение дополнит прочее; это добрый совет любезным товарищам.

Твой тебя любящий друг Г а р д о в с к и й

P. S. К маленькому Феде с первой почтой напишу.

Автограф. ИРЛИ, ф. № 269, оп. 1, ед. хр. 52, лл. 1—4.

В печатающихся ниже воспоминаниях А. И. Косовского утверждается, что из одиннадцати офицеров, служивших в конно-артиллерийской роте вместе с Рылеевым, никто не любил его (см. стр. 240). Публикуемое нами письмо Гардовского, сослуживца Рылеева, несколько опровергает это утверждение Косовского. Письмо Гардовского проникнуто неподдельным чувством в отношении «любезного друга Кондратия Федоровича». Гардовский говорит здесь о том, что любовь и дружба Рылеева — до его увлечения Н. М. Тевяшовой — «принадлежала нам», его товарищам по военной службе.

[1] Невеста Рылеева Наталья Михайловна Тевяшова (см. о ней в печатающихся ниже воспоминаниях А. И. Косовского).

[2] Свадьба Рылеева, состоявшаяся в начале 1819 г., очевидно, ожидалась уже задолго до этого, еще в ноябре 1817 г. Рылеев принужден был откладывать женитьбу, так как не получал согласия на брак от матери (см. его письмо к А. М. Рылеевой от 17 сентября 1817 г.— Рылеев. Соч., стр. 441—442).

[3] См. Рылеев. Стих., стр. 326—327 и 355. — «Опальное положение», о котором говорил Гардовский, описано было Рылеевым в первом из этих произведений:

Что ты вкруг огня порхаешь,
Мотылек мой дорогой?
Или, бедненький, не знаешь,
Что огонь губитель твой?

[4] Федор Петрович Миллер (он же «маленький Федя») — земляк и сослуживец Рылеева по конно-артиллерийской роте. Рылеев находился с ним в дружеских отношениях, был секундантом на дуэли Миллера с подполковником Сухозанетом (см. упоминания о Миллере в письмах Рылеева к матери и жене. — Рылеев. Соч., стр. 439, 440, 448, 453, 481, 509 и в печатаемых ниже воспоминаниях А. И. Косовского). После казни Рылеева Миллер продолжал оставаться другом его семьи, помогая Н. М. Рылеевой советами в ее имущественных затруднениях. Письма Миллера к вдове Рылеева хранятся в ЦГЛА.

2. Ф. Р. и Г. Р. УНГЕРН-ШТЕРНБЕРГИ — РЫЛЕЕВУ

Дерпт, января 31-го 1818 года

Любезный друг
Кондратий Федорович!

Ты видишь из надписи, что я еще дома; в двенадцать дней мы прибыли сюда; кроме нескольких задержек, путь наш довольно счастлив был. Ты, верно, можешь представить себе, милый, какова была радость матушки и братьев. Они почти уже отчаявались увидеться с нами в этой зиме. Кроме обоих младших братьев, мы нашли еще здесь Ариста и этого брата, который в Петербурге при путей сообщения. Итак, нас шестеро братьев вместе были; одного только недоставало к полному числу; вряд ли опять случится так собираться! Но как приятно свиданье, так больна разлука. Уже вчера Арист уехал в Ригу и Эдуард — в Петербург, куда должности их звали; скоро и мы уедем, и наше пребывание здесь покажется мне как приятный сон, с которым так же трудно расстаться.

Здесь в этой зиме, как почти всегда, очень весело было; редкий вечер, чтоб не было балов, либо концертов, либо других собраний, так что после *донской тишины* почти голова кружится. Во время ярмонки здесь множество офицеров было: гвардейских, армейских, артиллеристов, кирасиров, улан, гусаров и пехотных, и свитских и флотских, так что куда ни смотришь — везде мундиры; теперь почти все уже рассеялось. Мейендорф наш здесь был (уже во фраке) и Штрик теперь здесь (обои в добром здоровье). Отчаянный Марков также здесь несколько дней пробыл и на балах гордился с своею свитою артиллеристов; *Розен*, бывший его роты, ему в честь прекрасный бал давал.

Мы по большей части все время здесь провели, кроме маленькой поездки в Ревель и в рижскую сторону. Но что я тебе пишу про наших веселостей, тебе, который в глазах и в сердце имеет свою Наташу ⟨и,⟩ верно, других не желает!

Буксгевден мне пишет с 26-го декабря, что ему отставка вышла и что он только приезда Сухоз⟨анета⟩ ожидает, чтоб ехать, так же, что он непременно чрез Дерпт поедет, а по сию пору его нет. Дней чрез 10 мы также поедем обратно в роту, чтоб пользоваться еще зимнего пути, который уже сделается дурным чрез частые оттепли. Прощай, любезный Кондратий, кланяйся от меня и от брата Анне Ивановне и Михайл Григорьевичу [1], также Михайл Андреевичу, Матр⟨ене⟩ Михайловне, Анастасье [2] и Наташе; товарищам разумеется само по себе.

Навсегда верный твой друг Ф.Р. Унгерн-Штернберг

Любезный друг Кондратий Федорович,

Никто из вас к нам ⟨не⟩ писал; маленький Федя [3] обещался, а слово не держал, верно вы все zakochalisię* и мы, между тем, время проводим и здесь очень весело. Я по делам своим в Ревеле и в Риге был, куда, однако ж, я еще раз поеду, чтобы окончить все, а тогда обратно в роту возворочусь. Государь, как слышно, в феврале поедет в Варшаву и потому не ранее как в майе к нам будет. Я к Буксгевдену не писал, он, верно, уже уехал от вас; очень жаль, когда с ним не увижусь. Прощай, любезный друг, кланяйся Петру Онофричу[4], всем товарищам и нашим друзьям.

Твой искренний друг Г. Унгерн-Штернберг

Автограф. ИРЛИ, ф. № 269, оп. 1, ед. хр. 58, лл. 1—2.

Авторы этого письма — лифляндские бароны Унгерн-Штернберги. В прозаической заметке «Еще о храбром М. Г. Бедраге» (1820) Рылеев упоминал имя поручика барона Унгерн-Штернберга, «столь славно отличившегося при Гальберштате в отряде храброго Чернышова» (Рылеев. Соч., стр. 296). Об одном из братьев мы читаем в воспоминаниях А. И. Косовского: «их было тогда в батарее 6 чел. лифляндцев и курляндцев; все с хорошим образованием, известных фамилий и отличные служаки, которые с прочими 5-ю русскими офицерами жили в согласии; но Рылеев не любил первых, за исключением одного меньшого брата, барона У.-Ф.-Р., который, действительно, был прекраснейшей души и правил» (см. стр. 240). Публикуемое письмо свидетельствует, однако, о дружеском отношении к Рылееву обоих братьев Унгерн-Штернбергов. По всей вероятности, Рылеев встречался с Г. Унгерн-Штернбергом в Петербурге; это явствует из письма Н. М. Рылеевой к Настасье Михайловне Кореневой: «Еще, милая сестрица, уведомляю вас—⟨...⟩, барон Густав Романович переведен тем же чином в гвардию в адьютанты. В Петербурге он теперь» (письмо 1823—1824 гг. — ИРЛИ, ф. № 269, оп. 2, ед. хр. 47, л. 2 об.).

[1] Анна Ивановна и Михаил Григорьевич — Бедряги, помещики Острогожского уезда, Воронежской губ. См. о них в письме Рылеева к матери от 10 августа 1817 г.: «Иногда посещаем живущую в слободе вдову, генерал-майоршу Анну Ивановну Бедрягу ⟨...⟩ Дом весьма почтенный и гостеприимный, и мы в оном приняты как нельзя лучше» (Рылеев. Соч., стр. 439). В числе офицеров, посещавших дом Бедряги, были и братья Унгерн-Штернберги.

[2] Михаил Андреевич Тевяшов — острогожский помещик, отец невесты Рылеева; Матрена Михайловна — его жена, Анастасья — младшая их дочь (см. о них в воспоминаниях А. И. Косовского, стр. 243—244).

[3] Маленький Федя — Ф. П. Миллер (см. о нем в прим. 4 к предыдущему письму).

[4] Петр Онуфриевич Сухозанет — подполковник, командир конно-артиллерийской роты (см. о нем в воспоминаниях А. И. Косовского, стр. 240—241).

3. Ф. Р. УНГЕРН-ШТЕРНБЕРГ — РЫЛЕЕВУ

Село Становое. Генваря 14-го дня 1819

Любезный друг!
Кондратий Федорович!

Поздравляю тебя с новым годом, который да будет тебе год благополучия и счастия во всяком отношении. — Я себе представляю, что ты, когда получишь эти строки, будешь уже не только счастливый любовник,

* влюбились (польск.).

но и счастливейший супруг. Не нужно мне написать к тебе длинные поздравительные фразы. Ты знаешь, что́ я чувствую, и этого довольно. Наталья будет счастлива и Рылеев будет счастлив — этого я не только желаю, но и смело предвещаю. — Жаль мне очень было, что я с тобою не увиделся в Острогожске; когда ты туда приехал, я уехал 3-го числа по утру и до этого только тогда выходил из квартиры, когда необходимость дел требовала, ибо я чувствовал себя очень слабым и только что теперь начал поправляться. Благодарю тебя за дружеский памятник твой в моем альбауме, также изъяви благодарность Наталье Михайловне за ее листок [1]. Он будет лежать возле твоего, а белый между белыми.

Поход наш довольно скучен, как ты себе представить можешь, и я очень рад, что мы теперь уже имеем первую половину за собою. *Тим*, про который ты верно уже забыл, но где тебя еще живо вспомнят, уже пять верст за нами. Подвод везде дают сколько надобно, только везде и надобно платить, разумеется, не полные прогоны, однако ж, тоже не даром. Сухозанет пишет из Харькова, что он там пробудет до 20-го числа и так вряд ли ранее как на новых квартирах к роте прибудет. Шалуна Николенку определил он в благородный пансион, который состоит при Московском университете. В Курске находится теперь новый наш дивизионный генерал Кретов, который как может быть смотреть захочет. Орденски кирасиры хвалят о́чень новые наши квартиры в Снагосте, где говорят гораздо лучше го́рода [2].

Что Миллер еще не писал? Он теперь должен быть уже давно у своих. Сливицкий пишет, что он принял уже людей для нас из Дублянского роты, почти таких же как мы им сдали, только с той разницы, что мы им послали хорошо одетых людей, вполне удовольствованных вместо того, что Дублянский дает людей в рубищах и босых, которые за две трети жалованья не получали и аммуничных уже несколько лет, что Сливицкий и написал в квитанции. Есть ли тут хоть на алтын порядка в службе, когда и не хотел ⟨говор⟩ить ⟨?⟩ про честность, которая сделалась явлением столь же редким, как кометы. — Прощай, милый, уведомляй нас о себе. Прошу засвидетельствовать глубочайшее мое почтение Михайле Андреевичу с семейством, так же и Бедрагам, и кого ты еще видишь из наших знакомых, которые нас не забыли. Еще раз прощай.

Твой Ф. Унгерн-Штернберг

На обороте адрес: Его благородию милостивому государю
Кондратию Федоровичу Рылееву,
господину артиллерии прапорщику конно-артиллерийской роты № 12
в г. *Острогожск*, а оттуда в слободу *Подгорную*.

Автограф. ИРЛИ, ф. № 269, оп. 1, ед. хр. 58, л. 3.

[1] Содержание этих записей, а равно и местонахождение самого альбома, неизвестно.

[2] Письма офицеров конно-артиллерийской роты позволяют нам установить фамилии большинства из одиннадцати сослуживцев Рылеева: П. А. Сухозанет (командир роты), Ф. П. Миллер, А. И. Косовский, Ф. и Г. Унгерн-Штернберги, Гардовский, В. В. Сливицкий, Буксгевден — всего восемь человек. Со многими из них Рылеев поддерживал дружеские отношения.

4. П. МИХАЙЛОВСКИЙ — РЫЛЕЕВУ

⟨Киев. 30 сентября 1824 г.⟩

Милостивый государь и почтеннейший друг
Кондратий Федорович!

Время и пространство суть великие чародеи, но, благодаря провидению, волшебная сила их во мне не властна. Привязавшись один раз

всею душою моею к Вам, унес в отдаление и в самую вечность унесу душевное мое уважение и полную преданность к Вам без малейшей отмены. Это также сила очарования — души Вашей, которой, однако ж, весьма охотно и с удовольствием повинуюсь. Душевные связи не требуют частых уверений, и потому молчание мое, я уверен, Вы не поставите мне в большую вину. Убеждая себя в сей истине, я смелее берусь за ленивое перо мое, которое только слабо изобразить может мою беспредельную благодарность Вам за участие, которое Вы по чистоте и доброте души Вашей берете в улучшение нашего незавидного жребия. Чрез письмо почтеннейшего и несчастного друга нашего Т..ф...и Ст.н.сл.в.вны, к величайшему моему удовольствию, известился я, что Вам, как поборнику истины, сообщена тайна, запечатлевающая в себе чистейший и желанный союз двух добрых сердец, и Вы, приняв оную с свойственным Вам только радушием, занялись тотчас благою мыслию, как придумать средства к облегчению нашей тяжкой участи. Бог, пославший Вам неоцененный дар помогать страждущей невинности, да наградит Вас за сие. Зная Ваше доброе сердце, я был поводом к открытию сему и не ошибся в том, как Вы примете. Щадя Вашу скромность, я удерживаюсь изъяснить Вам неограниченное чувство сердечной моей к Вам признательности; скажу только, что Вы единственный человек, особенно в нынешнем мире.

Долгом считаю также Вас уведомить, что по некоторым обстоятельствам (по-моему, не весьма маловажным), я должен просить Вас немного отсрочить приведением в действо сего благого начала: Вы узнаете о причине сего от почтеннейшей Т〈еофании〉 С〈таниславовны〉; впрочем, если судьба улыбнется ко мне хотя на одну минуту и доставит мне приятнейший случай видеть Вас в Киеве, о! тогда раскрою Вам всю внутренность моего сердца, и Вы в ней увидите, что принялись за дело недаром.

Любезный друг, щадите и утешайте несчастного моего друга!

Желая сохранить себя навсегда в том расположении, коим Вы меня почтили, с всегдашнею неизменною душевною преданностию пребуду до могилы Вашим преданнейшим почитателем и искренним другом

Петр Михайловский

Киев.
30 сентября 1824 года.

Автограф. ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 284, лл. 1—2.

Письмо неизвестного доселе П. Михайловского связано, повидимому, с одним из драматических эпизодов жизни Рылеева. В 1824 г. им были написаны элегии «Покинь меня, мой юный друг» и «Исполнились мои желанья», в которых говорилось о любви поэта к какой-то женщине:

Покинь меня, мой юный друг;
Твой взор, твой голос мне опасен:
Я испытал любви недуг,
И знаю я, как он ужасен...

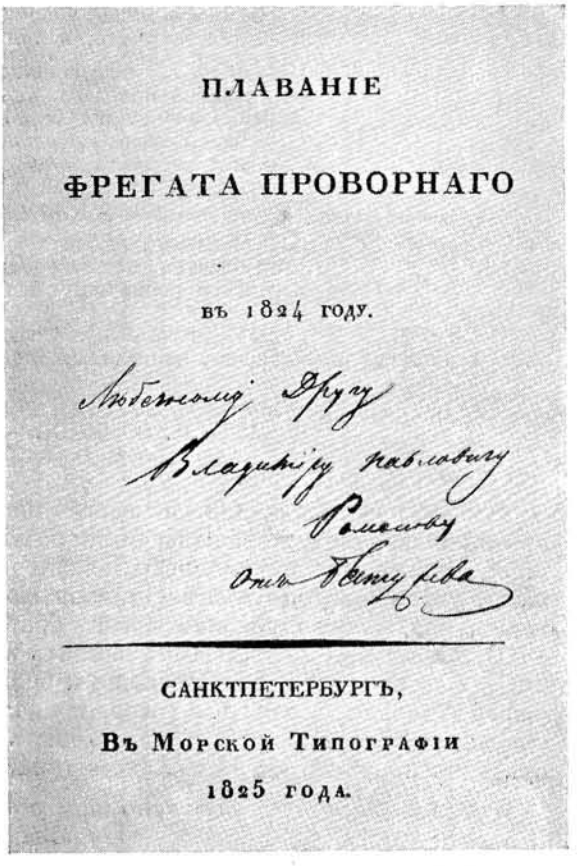
Исследователи уже связывали содержание этой элегии с увлечением Рылеева некоей «госпожей К.». Об их отношениях рассказал в своих воспоминаниях Н. А. Бестужев, который, однако, не знал, где Рылеев познакомился с этой женщиной.

Печатаемое выше письмо Михайловского дает материал для такого ответа. Если сопоставить его сообщение о «почтеннейшем и несчастном друге нашем» с сообщением Н. А. Бестужева о том, что госпожа К. приехала в Петербург «по важному уголовному делу о ее муже» (Б е с т у ж е в ы, стр. 16) и что она была полькой по национальности, невольно возникает мысль, что женщина, упоминаемая в письме из Киева, и есть та самая, о которой говорил Н. А. Бестужев. Попробуем проверить имеющиеся в нашем распоряжении данные. «Т..ф...я Ст.н.сл.в.вна» — это, несомненно, «Станиславовна» и вернее всего «Теофания». Михайловский говорил о «несчастном друге нашем», о «тайне, запечатлевающей в себе чистейший и желанный союз двух добрых

«ПЛАВАНИЕ ФРЕГАТА ПРОВОРНОГО В 1824 ГОДУ» Н. А. БЕСТУЖЕВА С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ В. П. РОМАНОВУ, 1825 г.

«Любезному другу Владимиру Павловичу Романову от Бестужева»

Историческая библиотека, Москва



ПЛАВАНІЕ

ФРЕГАТА ПРОВОРНАГО

въ 1824 году.

Любезному Другу
Владимiру Павловичу
Романову
отъ Бестужева

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Въ Морской Типографіи

1825 года.

сердец». Он обращается к Рылееву, как к «поборнику истины» и просит его «придумать средства к облегчению нашей тяжкой участи». Все эти выражения туманны, но в них не содержится ничего противоречащего сообщениям Н. А. Бестужева. Наконец, из письма Михайловского видно, что Рылеев в пору написания его встречается с «почтеннейшей Т. С.» и что он сможет узнать у нее о причинах желания Михайловского отсрочить его просьбу «приведением в действо». Если мы вспомним о том, что в 1824—1825 гг. Рылеев написал «В альбом Т. С. К.» стихотворение, по своему содержанию совпадающее с рассказом Н. А. Бестужева, станет ясно, что в обоих случаях имелась в виду одна и та же женщина.

Итак, Теофания Станиславовна К. уже виделась с Рылеевым до 30 сентября 1824 г. и даже имела возможность написать о нем в Киев.

О дальнейшем рассказал Н. А. Бестужев. Рылеев, в прошлом заседатель в С.-Петербургской уголовной палате, согласился заняться запутанным уголовным делом «госпожи К.», увлекся ее молодостью, красотой, ловкостью, умом — «всеми очарованиями слез и пламенного красноречия, вдыхаемого ее несчастным положением». Роман их протекал в период между декабрем 1824 и маем 1825 г. Впоследствии возникло подозрение, что «госпожа К.» была шпионом правительства (Бестужевы, стр. 16—21).

Это к «госпоже К.» были обращены следующие стихи черновой рукописи элегии «Покинь меня, мой юный друг»:

Уж я не властен над собою,
Я сам к погибели бегу:
Боюся встретиться с тобою,
А не встречаться не могу.

[Небрежность милая уборов]
Все мило и прелестно в ней:
[огонь] и [живость]
[томность] [взоров]
И [стройность сладкая] сладость ласкового рта,

Небрежность милая уборов
И нежность чувств, и томность взор⟨ов⟩.

[Давно ль с тобою я знаком,
О, иноземка молодая;
За что меня ты погубила]
[А сердцем юным изнывая,
Уже я стал твоим рабом
Уже я твой. От первой встречи
Твой образ всюду [слышу] вижу я].

[Боюсь любви, любви хочу]
[Так блеском мотылек [огнем] прельщенный
Кружится робко вкруг огня]

(ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 272, л. 1 об.). — Эти наброски сделаны на обороте листа с автографом «Стансов», написанных в 1824 г.

5. В. П. РОМАНОВ — РЫЛЕЕВУ

⟨Александрия. 6 декабря 1825 г.⟩

Вскоре по отправлении последнего письма к Вам, почтеннейший Кондратий Федорович, поражены были печалию, узнавши о смерти нашего царя, многие проливали слезы сожаления; а на сих днях обрадованы были, узнав о восшествии на престол Константина Павловича, который, верно, поддержит правление своего брата и пойдет по следам бабушки.

В том письме просил Вас известить меня, нету ли каких препоручений у Вас на севере, т. е. посылка к полюсу или для описания Северной нашей Америки, а я на все готов, а ежели нету, то хоть на юге в вновь учреждаемой компании; а я желаю быть полезным и исполнять все, что будет препоручено от Вашей компании, и найдете готового

душевно Вам преданного
Владимира Романова

Декабря 6-го дня 1825 года
Александрия Хер⟨сонской⟩ губ⟨ернии⟩.

Автограф. ЦГИА, ф. № 48, д. 30, л. 319.

Судя по дате письма, оно пришло в Петербург уже после ареста Рылеева и, подобно другим письмам к нему (например, от ротмистра Астраханского гусарского полка Н. Антропова), было доставлено в Следственную комиссию. Вверху письма помета карандашом Николая I: «Надо послать приказание губернатору его выслать сюда, а бумаги запечатать». За этим следовала помета: «Пол⟨учено⟩ 30 дек⟨абря⟩». Распоряжение царя было выполнено: только что вышедший в отставку с чином капитан-лейтенанта, В. П. Романов был арестован в имении полковницы Коншиной в Александрийском уезде Херсонской губ. 15 января 1826 г. и в срочном порядке доставлен в Петербург (см. «Декабристы». М., 1925, стр. 57—62).

Просьба В. П. Романова о «препоручениях на севере» и его уверения в том, что он «на все готов», касаются, повидимому, его участия в деятельности Северного общества.

Рылеев отвечал 3 февраля 1826 г. на вопросный пункт о Романове: «Лейтенант Романов знает от меня о существовании Общества и обещал, когда будет нужно, принять участие в достижении цели, предположенной Обществом, и по первому известию приехать, куда будет ему назначено от меня» (см. стр. 196 настоящего тома). О принадлежности Романова к Северному обществу показал и Н. А. Бестужев, сообщивший, что Романова принял в число членов Общества Рылеев (ЦГИА, ф. № 48, д. 78, л. 14). За два дня до того — 1 февраля 1826 г. — Романов показал, что познакомился с Рылеевым, вернувшись в Россию после продолжительного пребывания «в Северо-Западной Америке в наших колониях». Составленные Романовым проекты исследования владений Российско-Американской компании попали в 1824 г. к Рылееву, служившему тогда правителем канцелярии Компании. Познакомившись с проектом, он, по словам Романова, нашел, что «от выполнения оного принесется компании не только слава, что первые русские рассмотрят тот край, ибо ни одна европейская нога не была в оном, но и польза, что заведется сношение с Гудзонскою компаниею, а может быть, еще откроется новая ветвь промышленности. Рылеев вызвался стараться согласить директоров, чтобы я был туда отправлен» (см. стр. 230 настоящего тома). В даль-

нейшем отношения Рылеева с Романовым перешли на политическую почву: Рылеев привлек Романова в Тайное общество и дал ему ряд поручений. Романов «после отрицательства от принадлежности к Тайному обществу сознался на очной ставке с Рылеевым, что в июне 1825 г. действительно слышал от него о существовании Общества, но участия никакого не принимал. Потом присовокупил, что Рылеев говорил ему о существовании Общества на юге, членов никого не назвал, а сказал, что если нужно будет за чем-нибудь побывать в Киеве, то он ему о сем напишет, и если, возвратясь в Петербург, захочет быть членом, тогда узнает все подробности. При отъезде же его Рылеев поручал ему разглашать повсюду о необходимости введения конституции; он, живя в деревне и не имея ни с кем сношений, не исполнял сего поручения» («Алфавит декабристов», стр. 165—166).

По докладу Следственной комиссии Николай I приказал, продержав Романова «еще три месяца в крепости, отправить на службу в Черноморский флот и ежемесячно доносить о поведении» (там же, стр. 166). В. П. Романов умер в 1861 г., дослужившись до чина контр-адмирала.

БИБЛИОГРАФИЯ ПИСЕМ К РЫЛЕЕВУ*

Составила Л. Н. Назарова

Расположение материала — хронологическое, по датам написания писем. При распределении писем в хронологическом указателе учтены как документальные датировки (то есть датировки писем самими корреспондентами), так и даты, установленные исследователями и комментаторами. Для писем с уточненными при повторных публикациях датами принята последняя, более точная дата.

Библиографическая запись содержит дату написания письма, инициалы и фамилию корреспондента и указание источника, в котором письмо опубликовано.

1813

1. Апрель. 30. Ф. А. Рылеев. — «Русская старина», 1875, № 9, стр. 71—72.

1816

2. Сентябрь. 3. И. С. Зубковский. — К. Ф. Рылеев. Сочинения и переписка. Изд. 2. СПб., 1874, стр. 303—305.

1817

3. Октябрь. 19. А. М. Рылеева. — «Русская старина», 1875, № 9, стр. 73—74.

1822

4. Октябрь. 30. Ю. У. Немцевич. — «Вестник Европы», 1888, № 11, стр. 201—202.

1823

5. Январь. 23. П. А. Вяземский (А. А. Бестужеву и Рылееву).—«Русская старина», 1888, № 11, стр. 312.

6. Сентябрь. 8. Ф. В. Булгарин. — К. Ф. Рылеев. Сочинения и переписка. СПб., 1872, стр. 250—251.

7. ⟨1823—1825.⟩ Величко. — «Русская старина», 1889, № 1, стр. 325.

1824

8. Январь. 24. П. А. Муханов. — «Русская старина», 1888, № 11, стр. 327.

9. Январь. 31. П. А. Муханов. — Там же, стр. 325—326.

---

* В фонде Рылеева в ЦГЛА (№ 423) хранятся девять неопубликованных писем и записок к нему:

Письмо содержательницы петербургского пансиона С. Кавецкой без даты ⟨1822—1825⟩ (ед. хр. 35, лл. 1—2).

Письмо А. Д. Коренева 26 ноября 1819 г. (ед. хр. 36, лл. 1—2).

Шесть записок Е. И. Малютиной без даты ⟨1821—1825⟩ (ед. хр. 37, лл. 1—6, 9 об.; ед. хр. 39, л. 1).

Записка Е. П. Малютиной без даты ⟨1821—1825⟩ (ед. хр. 38, лл. 1 — 2). — *Ред.*

10. ⟨Январь — март ?⟩. Е. А. Баратынский (А. А. Бестужеву и Рылееву).— Там же, стр. 321—322.

11. Март. 30. П. А. Муханов.—Маслов, прилож., стр. 96—97.

12. Апрель. 13. П. А. Муханов. — К. Ф. Рылеев. Сочинения и переписка. СПб., 1872, стр. 337—340.

13. Ноябрь. 11. О. М. Сомов. — Там же, стр. 340—341.

14. Ноябрь. 25. О. М. Сомов. — Там же, стр. 341—342.

1825

15. Январь. 25. А. С. Пушкин. — Пушкин. Полн. собр. соч., т. XIII. Изд. Акад. Наук СССР. М. — Л., 1937, стр. 134—135.

16. ⟨Март 14—26⟩. Ф. В. Булгарин.—«Русская старина», 1871, № 1, стр. 70.

17. Май. 12. А. А. Бестужев. — Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, VI. М.—Л., 1941, стр. 259—260.

18. ⟨Май. 15—31⟩. А. С. Пушкин. — Пушкин. Полн. собр. соч., т. XIII. Изд. Акад. Наук СССР, стр. 175—176.

19. ⟨Весна или осень⟩. Е. И. Малютина. — «Былое», 1925, № 5 (33), стр. 43.

20. ⟨Июнь. 15—30 — август⟩. А. С. Пушкин. — Там же, стр. 218—219.

21. Июнь. 27. В. И. Штейнгель. — «Литературный архив», I. Изд. Акад. Наук СССР. М.—Л., 1938, стр. 424—425.

22. Сентябрь. 25. Н. А. Маркевич.— «Русская старина», 1888, № 12, стр. 597—599.

23. Октябрь. 21. А. Ф. Бригген.— Маслов, прилож., стр. 97—98.

24. Ноябрь. 6. П. Г. Каховский. — «Русская старина», 1888, № 12, стр. 600.

25. Декабрь. 21. Н. М. Рылеева. — К. Ф. Рылеев. Сочинения и переписка. СПб., 1872, стр. 292.

26. Декабрь. 26. Н. М. Рылеева. — Там же, стр. 294—295.

27. Декабрь. 30. Н. М. Рылеева. — Там же, стр. 296—297.

1826

28. Январь. 3. Н. А. Антропов. — «Красный архив», 1929, № 5 (36), стр. 208 (опубликовано по копии; воспроизведение автографа см. на стр. 181 настоящего тома).

29. Январь. 7. Н. М. Рылеева. — К. Ф. Рылеев. Сочинения и переписка. СПб., 1872, стр. 298—299.

30. Январь. 16. Н. М. Рылеева. — Там же, стр. 299—300.

31. Январь. 25. Н. М. Рылеева. — Там же, стр. 301—302.

32. Февраль. 9. Н. М. Рылеева. — Там же, стр. 302—303.

33. Февраль. 20. Н. М. Рылеева. — Там же, стр. 303—304.

34. Март. 17. Н. М. Рылеева. — Там же, стр. 306—307.

35. Март. 20. Н. М. Рылеева. — Там же, стр. 308.

36. Март. 31. Н. М. Рылеева. — «Былое», 1925, № 5 (33), стр. 33.

37. Апрель. 15. Н. М. Рылеева. — К. Ф. Рылеев. Сочинения и переписка. СПб., 1872, стр. 312—313.

38. Апрель. 22. Н. М. Рылеева. — Там же, стр. 314—315.

39. Май. 8. Н. М. Рылеева. — Там же, стр. 315—317.

40. Май. 18. Н. М. Рылеева. — Там же, стр. 317—318.

41. Май. 26. Н. М. Рылеева. — Там же, стр. 320—321.

42. Июнь. 4. Н. М. Рылеева. — Там же, стр. 326—328.

43. Июнь. 24. А. Ф. Рылеева. — Маслов, прилож., стр. 99—100.

44. Июнь. 25. Н. М. Рылеева. — К. Ф. Рылеев. Сочинения и переписка. СПб., 1872, стр. 331—332*.

---

* А. Г. Цейтлин неверно указал, что П. Корелин располагал «десятками неопубликованных писем Миллера к Рылееву» (Рылеев. Соч., стр. 820). На самом деле у Корелина в руках были письма Миллера к вдове Рылеева (см. «Былое, 1925, № 5, стр. 44).

‹РАПОРТ КОМАНДИРУ 11-Й КОННО-АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ РОТЫ›

КОМАНДИРУ КОННО-АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ № 11-Й РОТЫ ГОСПОДИНУ АРТИЛЛЕРИИ ПОДПОЛКОВНИКУ И КАВАЛЕРУ СУХОЗАНЕТУ

Оной же роты прапорщика Рылеева

РАПОРТ!

За отсутствием росиянского исправника, получив от нижнеземского суда заседателя господина Станковича билет в ратушу, по коему следовало мне получить от оной подводы, я пришел к бургомистру, бывшему тогда в ратуше, и, отдавая полученный мною билет, сказал, дабы он велел, кому следует, как можно скорей выдать мне означенное мне в оном число подвод; бургомистр, не знаю с какого повода, разгорячась, с грубостию вырвал у меня подаваемую мною бумагу и с горячностию сказал мне: «Ваша бумага ничего не значит! Суд не имеет права предписывать мне!» — бросил оную под стол. Я сказал ему, что если он имеет с судом какие распри или неудовольствия, то я оным вовсе не причиной, а почему и прошу его быть немного повежливее и подаваемых ему мною бумаг столь нагло не вырывать и не бросать оных под стол. — После сих слов моих, он вскочил и закричал мне: «Как смеете вы делать мне такие грубости и кричать на меня в присутственном месте?» — Я отвечал ему, что если я и сказал громче обыкновенного, то он сам тому же причиною; между прочим просил его дать мне подводы или письменно отзыв, что я не получу оных. На что сказал мне ни того, ни другого.

О таковых грубостях г. бургомистра, сделанных мне им без всякой на то со стороны моей причины, и о данном им мне касательно получения подвод ответе спешу донести Вашему высокоблагородию и прошу покорнейше сделать мне надлежащее удовлетворение.

Прапорщик Рылеев

№ 8-й
Октября 19-го дня
1816 года.
Г. Росияны.

Автограф. ЦГЛА, ф. № 427, ед. хр. 986 (в альбоме автографов, собранных С. А. Рачинским). На обороте надпись: «Получено от Валентина Валент‹иновича› Сливицкого, его товарища по службе». Рапорт написан писарской рукой; подпись: «Прапорщик Рылеев» — автограф Рылеева.

Рапорт этот устанавливает новую, доселе не известную веху в истории военной службы Рылеева. О Росиянах говорит в печатающихся ниже воспоминаниях и А. И. Косовский: «...с приходом же в Виленск‹ую› губ‹ернию› Росиянского уезда в м‹естечко› Ретово (на самой границе Пруссии, принадле‹жащее› князю Огинскому), Рылееву пришлось стоять в д‹еревне› Вижайцы, тоже недалеко прус‹ской› грани‹цы›, в 8 вер‹стах› от г. Мемель, а от батарейного штаба—в расстоянии 7 миль» (см. ниже, стр. 242).

О подполковнике П. А. Сухозанете, которому адресовалась эта бумага, см. подробнее в воспоминаниях Косовского и в примечаниях к ним.

В Архиве внешней политики России (дело «К. Ф. Рылеев») хранятся также девять рапортов «артиллерии прапорщика» Рылеева «Военному областному 3-го округа начальнику, господину генерал-майору и кавалеру» Н. М. Рылееву. Содержание этих рапортов однотипно: Рылеев извещает начальство о своих переездах по населенным пунктам Саксонии в районе города Торгау, информирует его о состоянии дорог, жалуется на неуважительное отношение к нему местных властей и т. д. Из этих рапортов видно,что 20 июня 1814 г. Рылеев посетил Делич, 21 июня—Дюбек, с 21 по 25 июня был, в Герцберге, 25 июня — в Дамме. До сих пор все эти факты из жизни Рылеева были неизвестны.

⟨ЗАПИСКА О НЕДОПУЩЕНИИ ИНОСТРАННЫХ КУПЦОВ К ЗАНЯТИЮ ПРОМЫСЛАМИ НА ТЕРРИТОРИИ, УПРАВЛЯВШЕЙСЯ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИЕЙ⟩

Вашему высокопревосходительству угодно узнать мнение директоров Р⟨оссийско⟩-А⟨мериканской⟩ компании об том: какие произойдут последствия, если какому-либо иноземному народу предоставлено будет *право ловли* в водах, омывающих берега наших колоний, хотя бы то было только на урочное время.

Исполняя волю Вашего высокопревосходительства, директоры честь имеют представить нижеследующее:

Цель Компании, кроме исполнения видов правительства, на основании дарованных ей привилегий, суть: приобретение возможных выгод для участников в оной, расширение общеполезной торговли, распространение успехов мореплавания и прочее.

Средства к достижению сей цели, кроме некоторых менее важных, суть:

1) На основании 2-й статьи высочайше дарованных привилегий исключительно ей предоставленное право пользоваться всеми промыслами, звериными и рыболовными, и 2) торговля внешняя и внутренняя, то есть: в колониях — с приходящими туда иностранцами, в России же — с китайцами и соотечественниками. Ловлю морских и земных зверей Компания всегда имела главным предметом. Каждый согласится, что *сия промышленность*, по выражению самого государя-императора в рескрипте на имя директоров, *столь тесно соединяющая выгоды частные с выгодами государства*, была существеннейшею и главнейшею причиною благосостояния Компании.

Торговля доставляла также весьма важные выгоды. Не говоря о торговле с соотечественниками и в Кяхте — с китайцами, торговля с иностранцами в самих колониях принесла ощутительные пользы: почти она единственно в продолжение нескольких лет во время управления колониями Баранова снабжала оные всеми потребностями жизненными и другими.

Директоры, убежденные в сих истинах, подтвержденных опытами многих лет, честь имеют Вашему высокопревосходительству решительно представить, что предоставление какому-либо иноземному народу права ловли в водах, омывающих берега наших колоний, хотя даже на урочное время, нарушив высочайше дарованные привилегии, потрясет Компанию в самом ее основании и будет причиною самых гибельных последствий для ее благосостояния.

Ненасытимая алчность к прибыткам, предприимчивость и враждебная зависть к русским суть отличительные свойства иностранцев, посещающих наши колонии. Они всегда имели главною целью подрыв Компании, что ясно доказывает торговля их с дикими огнестрельным оружием и другие неприязненные действия. Так доносили об них все управлявшие

колониями, от Баранова до Муравьева. Уже одною торговлею с дикими сии иностранцы наносили и наносят Компании неисчислимый вред. Что же будет, когда они вступят с нами в соперничество по промыслам? Хотя нет никакого сомнения, что посещение иностранцами Ново-Архангельска приносит колониям важные пользы, но это только в таком случае, когда суда их приходят туда единственно для торговли с Компанией и когда число их не слишком незначительно. Теперь же, получив почти одни права с нами, под защитою оных, они, особенно предприимчивые граждане Соединенных Штатов, влекомые надеждою верных выгод, в самое короткое время покроют судами все места, доставляющие богатый промысел или посредством ловли или посредством торговли. Ныне Компания, одна имеющая исключительное право пользоваться пушным промыслом, соблюдая собственные выгоды, производит оный с надлежащею умеренностию, чтобы дорогие породы зверей были сбережены надолго и чтобы существенный источник благосостояния Компании не иссякнул преждевременно. Будут ли руководствоваться сими хозяйственными правила‹ми›, сею благоразумною бережливостию иностранцы, получившие право ловли на урочное время? — По всей вероятности, нет. Желание обогатиться привлечет их во множестве, а неумеренное истребление зверей будет неминуемым последствием того и произведет упадок нашей промышленности.

С упадком промышленности упадет и торговля. Сия последняя, по крайней мере в колониях, даже и тогда, когда иностранцы будут производить промысел с надлежащею умеренностию, может совершенно прекратиться: иностранцы, приходившие к нам за пушным товаром, сами уже богатые оным, перестанут искать его в Ново-Архангельске, как то бывало прежде, а вместе с тем перестанут доставлять... *.

Компания, если не совсем лишится средств для исполнения видов правительства, то, по крайней мере, оные значительно уменьшатся. Охранение земель и островов Северо-Западной Америки, добытых кровию, полувековыми трудами и столь важными пожертвованиями, просвещение св‹ятою› верою народов, оные населяющих, водворение между ими гражданственности и образования, содержание крепостей, распространение мореплавания, полезные открытия — словом все, что доныне было обязанностию Компании и на что она каждогодно употребляла важные издержки, при всем желании, при всем усердии ее к общественному благу, при утрате средств и способов, доставляемых ей правом исключительной ловли, — должно будет обратиться на попечение правительства.

ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 263, лл. 1—2 об. Черновой автограф служебной записки без титула и без подписи.

Российско-Американская компания — русская коммерческая организация. В начале XIX века Компания владела поселениями на западном побережье Северо-Американского материка и вела с этими поселениями торговлю. Российско-Американская компания организована в 1799 г.; Рылеев служил в Компании с весны 1824 г., принятый на эту должность по рекомендации Н. С. Мордвинова.

Адресат этой записки нам неизвестен. По сообщению Е. П. Оболенского, Рылеева «сильно тревожила вынужденная, в силу трактата с Северо-Американским союзом, передача ‹...›, основанной нами колонии Росс, в Калифорнии ‹...› По случаю этой важной для Американской компании меры, Рылеев, как правитель дел, вступил в сношения с важными государственными сановниками, и в последствии времени всегда пользовался их расположением. Наиболее же благосклонности оказывал ему» М. М. Сперанский и Н. С. Мордвинов («Воспоминания Е. П. Оболенского».— «Общественные движения», стр. 237). Записка касается конвенции от 5 апреля 1824 г., в силу которой гражданам Соединенных Штатов Северной Америки разрешалось производить торговлю и рыбную ловлю в тех местах, которыми владела Компания. Именно об этом Рылеев писал в записке, составленной им для министра финансов

* *Нижняя половина листа оторвана.*

Е. Ф. Канкрина: «Как только иностранцы получат законное право вступить в состязание с Компанией, в самых промыслах ее, составляющих единственный источник ее богатства, то не только посещавшие прежде берега и воды наши, но и те, кои никогда не думали о подобном предприятии, устремятся туда». И далее: «Компания имеет полную причину опасаться, что не только в 10 лет, но гораздо в кратчайшее время иностранцы, при неисчисленных своих средствах и преимуществах, доведут ее до совершенного уничтожения» (С. Б. О к у н ь. Российско-Американская компания. Л., 1939, стр. 87, 88).

Содержание печатаемого нами документа сходно с запиской, составленной для Канкрина. Датируется она второй половиной 1824 г. или первой половиной 1825 г.

Рылеев был деятельным сотрудником Российско-Американской компании. Служба эта брала у него много сил. Она высоко ценилась директорами Компании. Осенью 1824 г. литератор О. М. Сомов писал Рылееву в Острогожск: «Оба наши директоры ⟨...⟩ беспрестанно о тебе спрашивают и ждут нетерпеливо твоего возврата» (К. Ф. Р ы л е е в. Сочинения и переписка. Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1874, стр. 309).

С Рылеевым в Компании служили Г. С. Батеньков и О. М. Сомов; в доме Компании вместе с Рылеевым жил А. А. Бестужев. Частые собрания декабристов сильно беспокоили правительство, и дом этот находился под наблюдением петербургской полиции. По сообщению А. Е. Измайлова, Николай I спросил арестованного Сомова: «Где вы служите» — и когда тот ему ответил: «В Российско-Американской компании», царь с неудовольствием заметил ему: «То-то хороша собралась у вас там компания» («Памяти декабристов», т. I. Л., 1926, стр. 242). И действительно: «Дом под № 72 по Мойке, вблизи Синего моста, занимаемый правлением Российско-Американской компании, стал с начала 1824 года своеобразным клубом заговорщиков. В этом большом доме с двуглавым орлом на фасаде, купленном Компанией у наследников А. Воронцова, помещался штаб декабрьского восстания. Здесь жили некоторые руководители Северного общества, здесь происходили многолюдные собрания декабристов, здесь открыто звучал призыв к цареубийству и принимались решения о подготовке переворота. И не случайно посещение дома Российско-Американской компании приравнивалось к участию в заговоре» (С. Б. О к у н ь. Указ. соч., стр. 107).

В бумагах Рылеева (на обороте чернового автографа думы «Вадим» — ИРЛИ, ф. № 269, оп. 1, № 13, л. 5 об.) сохранился следующий публикуемый нами впервые текст: «Канцелярия Росс⟨ийско⟩-А⟨мериканской⟩ комп⟨ании⟩ сим свидетельствует, что к напечатанию отрывков из пут⟨ешествия⟩ Хромченков⟨а⟩ в „Северн⟨ом⟩ архиве“ согласие Главного правления воспоследовало». Датируется 1824—1825 гг.

РЫЛЕЕВ НА СЛЕДСТВИИ

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ О ДЕКАБРИСТАХ

Публикация, вступительная статья и примечания Т. Г. Снытко

Первой фамилией, названной задержанными еще на площади и доставленными в Зимний дворец участниками восстания 14 декабря, была фамилия «сочинителя Рылеева», «внушению» которого приписывались происшедшие события.

Однако вряд ли тогда, 14 декабря вечером, Николай I впервые услышал о Рылееве как о главе Тайного общества. Во всяком случае, есть достаточные основания предполагать, что уже 12 декабря Ростовцев, — хотя он и пытался утверждать, что никто из членов Тайного общества не был им при свидании с Николаем выдан, — назвал фамилию Рылеева и других руководителей Северного общества.

В двенадцатом часу ночи флигель-адъютант полковник Дурново доставил арестованного Рылеева, и Николай, писавший в это время письмо брату Константину в Варшаву, добавил новые строки: «В это мгновение ко мне привели Рылеева. Эта поимка из наиболее важных» [1].

В Зимнем дворце Николай I, в присутствии Бенкендорфа и Толя, сначала лично допросил Рылеева, а затем приказал ему изложить свои показания письменно. Краткость рылеевских записей не удовлетворила царя. Желая добиться большего, он, повидимому, предложил Рылееву написать на следующий день показания более подробные. Коменданту Петропавловской крепости генералу Сукину Николай I отдал распоряжение посадить Рылеева в Алексеевский равелин, но рук ему не связывать и предоставить возможность писать. 16 декабря Рылеев прислал Николаю I из крепости большое письмо, содержание которого мало чем отличалось от записей, сделанных им в Зимнем дворце.

Так началось следствие. Созданный 17 декабря Следственный комитет (позже переименованный в Комиссию) всеми способами стремился выяснить, какова была роль Рылеева в Северном тайном обществе и с кем из других участников восстания он был связан.

За время следствия Рылеев был подвергнут пяти допросам и двенадцати очным ставкам; семьдесят восемь раз он давал письменные ответы на «вопросные пункты». В течение пяти месяцев Рылеева не оставляли в покое почти ни на один день.

Рылеев был главой Тайного общества, и потому ему приходилось давать показания о причастности к «заговору» нескольких десятков подозреваемых правительством лиц; о нем самом говорили или, по крайней мере, упоминали в своих показаниях почти все, подвергнутые допросу, имя его фигурировало в большинстве протоколов заседаний Следственной комиссии. Между тем в научный оборот вошла только часть следственных материалов о Рылееве, опубликованных в сборниках «Восстание декабристов». Лишь в том случае, если бы фонд Следственной комиссии был опубликован полностью, мы располагали бы всем следственным материалом о Рылееве. Однако начатое в 1925 г. Центрархивом и продолжаемое в настоящее время Центральным государственным историческим архивом издание сборников «Восстание декабристов» ставило своей задачей опубликовать следственный материал по делу

лишь тех участников тайных обществ, которые были преданы Верховному уголовному суду. Эта публикация должна была охватить около четверти всех дел Следственной комиссии и Верховного уголовного суда, но и она осуществляется крайне медленно — вышло всего восемь томов (№№ 1—6 и 8—9), что составляет лишь половину того, что было намечено к изданию. Между тем в настоящее время, когда республиканское крыло Северного общества, возглавлявшееся Рылеевым, привлекает к себе особенное внимание советских историков, публикация всех имеющихся о нем материалов, разбросанных в многочисленных делах Следственной комиссии и не вошедших в изданные томы сборников «Восстание декабристов», представляется совершенно необходимой.

* * *

Первую часть нашей публикации составляют показания Рылеева, собственноручно написанные им в ответ на «вопросные пункты» Следственной комиссии.

Эти документы содержат ценнейшие сведения о литературной и политической деятельности Рылеева, о его связях с другими членами тайных обществ и некоторые данные, существенные для общих вопросов декабристского движения. Кроме того, они дают представление о том, как вел себя Рылеев на следствии, доказывают, что даже в условиях строгого заключения он пытался продолжать борьбу с правительством. Рылеев настойчиво отрицал участие в декабристском движении тех лиц, о которых Следственная комиссия сведениями не располагала. Таков был один из методов этой борьбы. Когда имелась хотя бы небольшая возможность отрицать чью-либо принадлежность к Тайному обществу или причастность к восстанию, Рылеев неизменно отрицал ее. «Не знаю», — вот постоянный лейтмотив публикуемых здесь показаний Рылеева.

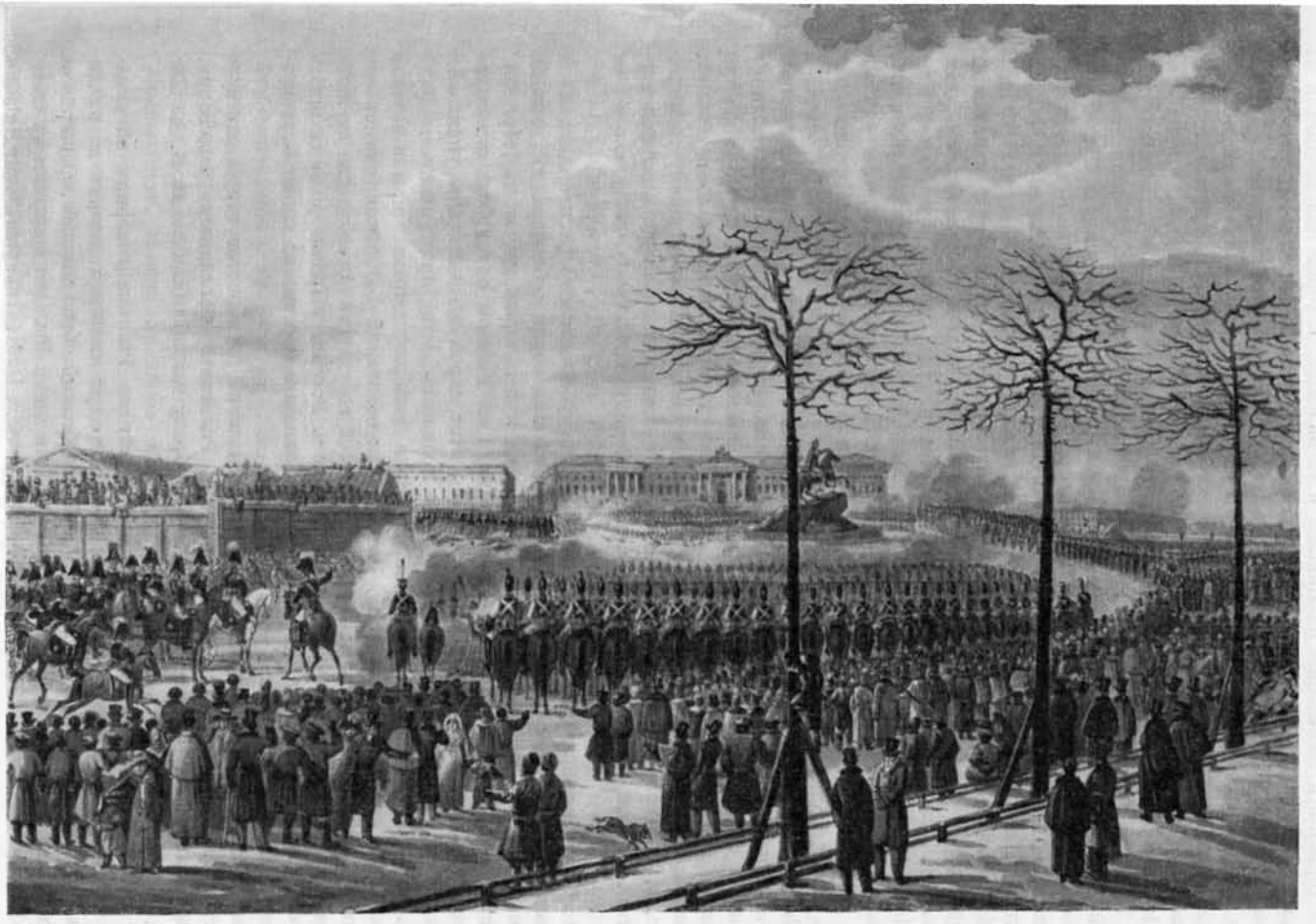
Он отрицает не только принадлежность к Тайному обществу А. Е. Розена, но даже осведомленность этого декабриста о намерениях и планах Общества, хотя активная роль Розена в подготовке восстания была ему отлично известна: именно через Розена Рылеев поддерживал связь с офицерами л.-гв. Финляндского полка. Более того, Рылеев утверждает, что ему ничего не известно о причастности к восстанию офицеров этого полка, хотя, несомненно, об их готовности поддержать восставших ему рассказывали и Розен и Е. П. Оболенский, организовавший совещания офицеров полка у Репина. Некоторых из них Рылеев видел сам на совещании у Оболенского 12 декабря.

Рылеев заявил, что совершенно не знает Н. В. Шереметева, хотя сам он, по свидетельству А. А. Бестужева, сообщил ему, что Шереметев принят в члены Общества.

Отрицал Рылеев принадлежность к Обществу всех лиц, которые никем, кроме него, не могли быть уличены (Антропов, Романов); отрицал причастность к Тайному обществу лиц, даже заведомо известных всем членам Общества (М. А. Назимов, К. П. Оболенский 2-й, А. М. Миклашевский, А. Н. Андреев, Н. В. Путята).

Утверждая, что О. М. Сомов не был членом Тайного общества, Рылеев, однако, ни одним словом не обмолвился о том, что Сомов знал состав, намерения и планы Общества и, наравне с членами Общества, часто присутствовал на беседах и совещаниях. Свое показание о Ф. Н. Глинке Рылеев построил так, что, умолчав об осведомленности Глинки о восстании, он тем самым давал возможность тому все отрицать.

Нельзя также назвать «откровенными» показания Рылеева о группе членов Союза Благоденствия, упомянутых полковником Бурцовым. По утверждению Штейнгеля, Рылеев знал членов Союза Благоденствия, вышедших из Союза после московского съезда; ему не могло не быть известно «политическое прошлое» таких людей, как Катенин, А. А. Оленин, Чаадаев и другие: он часто встречался с ними. Рылеев настойчиво отрицал свою осведомленность о деятельности членов Тайного общества на Кавказе. Рылеев утверждал, что никто во всем Петербурге не имел подобных сведений. На самом деле слухи о кавказском Тайном обществе ходили не только среди членов Северного и Южного обществ, но и в широком кругу гвардейских и армейских офицеров. Трубецкой, Каховский и другие показали, что Рылеев знал о докладе



НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ 14 ДЕКАБРЯ 1825 г.
Акварель К. И. Кольмана, 1830-е гг.
Исторический музей, Москва

Волконского, написанном после возвращения с Кавказа. Тесная дружба Рылеева с Якубовичем (которого Рылеев принял в члены Северного общества), особый интерес декабристов к положению на Кавказе и те надежды, которые они возлагали на кавказский корпус и Ермолова [2], позволяют со всей решительностью отвергнуть показания Рылеева, будто бы никаких бесед с Якубовичем о Кавказе у него не было. Даже менее близкий Якубовичу Батеньков признался, что вел с Якубовичем беседы об условиях, которые могли бы способствовать организации на Кавказе военного восстания.

Не менее сомнительны также упорные утверждения Рылеева, будто между членами Тайного общества и Сперанским, Ермоловым, Мордвиновым не было никаких связей, будто в Обществе не велись даже и разговоры об этих лицах. Существует множество свидетельств, что подобные разговоры безусловно велись. Кстати, в доме Мордвинова Рылеев был «своим человеком», а поклоны, посылавшиеся ему с Кавказа Ермоловым, говорят о том, что Рылеев был знаком и с ним [3].

Материалы второго отдела настоящей публикации — «Рылеев в показаниях декабристов» — содержат данные о личности Рылеева, о его политических взглядах, литературной деятельности, о его роли в движении.

Показания товарищей Рылеева по Первому пажескому корпусу — Булатова и Розена, показания его племянника — Малютина, сослуживца по армии — Назимова, показания близкого знакомого семьи Рылеева — Ф. Н. Глинки и других дают новые штрихи для изучения его биографии.

Показания Батенькова, Штейнгеля, Искрицкого, Оржицкого, Бриггена говорят о Рылееве как о вожде Северного общества и организаторе восстания. В показаниях Штейнгеля отражена революционная решимость Рылеева, считавшего, что, несмотря на донос Ростовцева, подготовка к восстанию должна продолжаться. Рылеев, как показал М. И. Пущин, учитывал, что против восставших могут двинуть артиллерию, и предполагал противодействовать ей с помощью кавалерии, которая внезапным налетом захватит пушки, «если генералу Сухозанету вздумалось бы стрелять».

Подлинный образ Рылеева-революционера, убежденного республиканца и непримиримого врага «власти тиранской, которую присвоили себе цари над равным себе народом», создается показаниями Булатова и некоторых других декабристов. Характерны приводимые Д. И. Завалишиным слова Рылеева о том, что отдельные реформы не улучшат существующего строя; этот строй должен быть уничтожен целиком; «улучшать что-либо в настоящем правлении есть преступление». В то время, когда русские либералы и даже некоторые декабристы правого крыла мечтали о конституции по типу английской, Рылеев, как показывал Батеньков, считал, что Англия находится в рабстве и последней из всех государств освободится от него. Рылеев предвидел будущую революционную роль России. «Прочие должны ждать всего от России»,— заявлял он,— так как революция в России «не может быть прекращена чужеземною силою».

Значительная часть публикуемых нами показаний декабристов свидетельствует об огромной популярности Рылеева-поэта, Рылеева-пропагандиста революции, который «хоть кого обратит к свободному образу мыслей» (показания В. А. Дивова).

О революционно-воспитательном значении стихов Рылеева говорили на следствии многие. Они утверждали, что именно благодаря чтению ходивших по рукам стихов Пушкина и Рылеева сложился у них «свободный образ мыслей». О широком распространении легальных и нелегальных произведений Рылеева говорили на следствии М. Н. Паскевич, А. П. Беляев, А. М. Муравьев, В. Н. Лихарев, А. В. Поджио и другие.

Следует подчеркнуть, что декабристы воспринимали стихи Рылеева как призыв к *практическому* революционному действию. Настало то «роковое время», о котором писал Рылеев,— так воспринимала период междуцарствия молодежь и требовала действий, чтобы оправдать высокий «гражданина сан» (показания А. П. Беляева). Даже немолодой полковник Булатов, отправляясь 14 декабря на Сенатскую площадь

и зарядив пистолеты, сказал брату, цитируя Рылеева: «...и у нас явятся Бруты и Риеги, а может быть, и превзойдут тех революционистов».

Рылеев знал силу художественного слова и рассматривал его как оружие в борьбе с самодержавием и крепостничеством, как средство революционного воспитания народа. В полемике с Батеньковым Рылеев доказывал необходимость распространения «свободных стихотворений». Поджио показал, что Рылеев ставил своей задачей «действовать на умы народа» сочинением агитационных песен и стихов. Не без оснований на вопрос Следственной комиссии — «кто более всех способствовал к достижению целей Общества своими сочинениями и влиянием», А. М. Муравьев, Назимов, Оржицкий и другие назвали Рылеева.

* * *

Публикуемые нами материалы не только дают более полное представление о Рылееве как о революционном поэте и руководителе Северного общества, но, кроме того, убедительно показывают, насколько односторонне обычно оценивалось его поведение на следствии.

Русская либерально-дворянская историография, отрицавшая революционный характер и историческую закономерность движения декабристов, особенно часто обращалась к вопросу о поведении Рылеева во время следствия.

Н. А. Котляревский, посвятивший Рылееву специальную работу, характеризуя движение декабристов, утверждал, что «поэзия как таковая была одним из главных факторов всего этого политического движения». Отсюда делался логический вывод, особенно четко сформулированный Довнар-Запольским, что поэт Рылеев, будучи «фантазером», «восторженным идеалистом», столкнувшись с действительностью, признал беспочвенность своих мечтаний, «раскаялся» и на первых же допросах не только «откровенно признался» во всем, но и «выдал своих товарищей» [4].

Аналогичная характеристика поведения Рылеева на следствии давалась и М. Н. Покровским. Пытаясь противопоставить Северное общество Южному и в особенности Славянскому обществу и всячески раздувая их взаимный антагонизм, Покровский в предисловии к I тому «Восстания декабристов» утверждал, что показания Рылеева 14 и 16 декабря «с их назойливой выдачей Пестеля, с их попытками спасти себя ссылкой на свое положение „отца семейства“», были его «моральной смертью». «Он не рассчитывал, не маневрировал: после первых показаний ему отступать было некуда. Он медленно и мучительно умирал» [5].

Однако характеристика Рылеева и оценка его поведения во время следствия как либерально-буржуазными историками, так и Покровским — одинаково неверна и явно предвзята.

На чем основано утверждение, будто Рылеев 14 и 16 декабря дал такие показания, которые можно характеризовать как «моральную смерть»? Каждый, прочитав эти показания и сравнив их с выводами, сделанными Покровским, убедится, что выводы Покровского не имеют под собой никаких оснований.

Так, например, восстание на Сенатской площади Рылеев в своем показании, данном ночью 14 декабря, объясняет нежеланием изменить уже принятой присяге Константину. Можно ли такое показание назвать «откровенным»? Неужели кто-нибудь всерьез полагает, что Рылеев настаивал на восстании для того, чтобы не изменить присяге Константину?

Рылеев говорил, что «причиной всех беспорядков и убийств» он считает Трубецкого, который не явился на площадь. Это заявление, действительно, можно назвать откровенным. Оно совпадает с показаниями Оржицкого и других [6]. Но и это показание ни в какой мере не свидетельствует о раскаянии Рылеева, о его «моральной смерти».

Рылеев, действительно, подтвердил, что в Петербурге существует Тайное общество. Но это вовсе не доказывает его откровенности. Ему было отлично известно, что Николай I еще за два дня до восстания был подробно извещен Ростовцевым о планах декабристов, и отрицать факт существования Тайного общества было бы бессмыслицей.

Целью Тайного общества Рылеев назвал установление в России «конституционной монархии». Вряд ли можно признать это показание откровенным: Рылеев, как известно, в это время был убежденным республиканцем.

Рылеев, действительно, назвал на следствии десять фамилий членов Тайного общества, заявив при этом, что «всех виновных выдал» [7]. «Выдачи» тут по сути дела никакой не было: названные Рылеевым лица были и до показаний Рылеева известны Николаю. Если Николай I знал, что Рылеев — руководитель Тайного общества (вспомним его слова в письме к Константину: «эта поимка из наиболее важных»), то, безусловно, знал он и о Трубецком, и о Никите Муравьеве, и о ряде других лиц. Ведь нельзя же верить, как мы уже отмечали, на слово Ростовцеву, будто он ни в письменном доносе, ни в личной беседе с Николаем не назвал никого по фамилии. Некоторые декабристы были уверены, что Ростовцев назвал, по крайней мере, виднейших членов Тайного общества. Н. А. Бестужев доказывал Рылееву, что Николай I арестует их сразу после присяги [8].

Покровский утверждает, будто Рылеев пытался спасти только себя. Это тоже неверно. В конце первого показания Рылеев просил «пощадить молодых людей, вовлеченных в Общество». Во втором показании, обращаясь к Николаю, он просил: «...будь милосерд к моим товарищам: они все люди с отличными дарованиями и прекрасными чувствами». В более поздних показаниях Рылеев писал, что признает себя «главным виновником происшествий 14 декабря», что он многое «скрывал, не столько щадя себя, сколько других». Не о «раздавленном», отрекшемся от своих убеждений человеке говорит и приписка к первому показанию Рылеева, сделанная генерал-адъютантом Толем. Когда Толь заявил, что «революции затевают для собственных расчетов», Рылеев гордо и «весьма холодно» ответил: «Не взирая на то, что вам всех виновных выдал, я вам скажу, что для счастия России полагаю конституционное правление самое выгоднейшим и остаюсь при сем мнении» [9].

Рылеев сказал «конституционное правление», а не «конституционную монархию». Можно ли показания, заканчивающиеся таким заявлением, назвать «моральной смертью» Рылеева?

Буржуазные либеральные историки, а также Покровский особенно настойчиво указывали на тот пункт в ответах Рылеева 14 и 16 декабря, где он заявлял, что на юге существует Тайное общество, руководимое Пестелем. Вывод, будто Рылеев выдал Пестеля и Южное общество, сделан поспешно, без учета характера и сущности показаний Рылеева. Даже поверхностный анализ его показаний этого вывода не подтверждает.

Записи показаний декабристов на первых допросах, как правило, вели сами допрашивавшие (главным образом генерал Левашов), аккуратно записывая и свои вопросы и ответы допрашиваемых. По заданным вопросам арестованные часто получали представление о степени осведомленности правительства и в зависимости от этого давали свои показания. В мемуарах декабристов много свидетельств, доказывающих, что дело обстояло именно так. Оболенский, например, заявляет, что об аресте Рылеева он узнал из заданных ему вопросов [10].

Рылеев свои первые показания записал сам. Поэтому нам неизвестно, какие именно вопросы задавались ему. Но, вдумываясь в структуру показаний Рылеева, смысл вопросов не трудно восстановить. Можно сказать с полной уверенностью, что последний вопрос был задан Рылееву о Южном обществе, о его составе и связях с Северным обществом. Было бы удивительным, если бы Николай I, хорошо осведомленный о Южном обществе из доносов Шервуда и Майбороды, не спросил Рылеева о взаимоотношениях между Северным и Южным тайными обществами. Как видно, Рылеев понял, что Южное общество уже раскрыто и потому, желая создать впечатление полной откровенности, показал, что знает о существовании Тайного общества, руководимого Пестелем. При этом он добавил: «кто же оное составляет я не знал и не знаю теперь». Эта формулировка показания тоже свидетельствует, что оно является не собственным заявлением Рылеева, а ответом на вопрос. Откровенности в этих показаниях Рылеева нет: можно не сомневаться, что он знал по именам большинство членов Южного общества, однако не назвал ни одного.

В той части своих показаний, где Рылеев просил принять меры к предотвращению восстания на юге, он, быть может, и был искренен. Убедившись на Сенатской площади в неосновательности надежд на то, что «солдаты в своих стрелять не будут», видя незначительность сил Южного общества и безрезультатность попытки помешать восшествию на престол Николая I, учитывая осведомленность правительства о действиях тайных обществ, Рылеев мог действительно пытаться предупредить кровопролитие на юге, ибо в победу восстания уже не верил.

П. И. ПЕСТЕЛЬ, К. Ф. РЫЛЕЕВ, С. И. МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ, М. П. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН, П. Г. КАХОВСКИЙ

Фарфор завода им. М. В. Ломоносова, 1925 г.

Собрание В. А. Десницкого, Ленинград

Таким образом, из объективного изучения показаний Рылеева, данных им 14 и 16 декабря, отнюдь не вытекает, что он «не рассчитывал» и «не маневрировал».

Защищая память поэта-революционера от наветов буржуазных историков, не следует, однако, забывать, что Рылеев и декабристы нуждаются не столько в защите, сколько в правильном понимании их классовой сущности как «дворянских революционеров».

Декабристы не были профессиональными революционерами, ощущающими силу народной поддержки: собственный их класс был враждебен им, а народ не понимал их. Вот чем было обусловлено поведение декабристов на следствии.

За все время следствия лишь один раз — 18 марта 1826 г. — было сказано, что «14 декабря не мятеж ⟨...⟩, но первый в России опыт революции политической» [11]. Так заявил Батеньков, но и он через несколько дней попросил изъять это заявление из следственного дела.

Не был исключением и Рылеев. Характерные черты декабристов как «дворянских революционеров» свойственны и ему. Измена Трубецкого и некоторых других членов Тайного общества, кровавое подавление восстания, крах всех расчетов и надежд не могли не вызвать в нем временного упадка духа, смущения, растерянности. В этом состоянии Рылеев и попал на допрос. Первые показания его не были хладнокровно и всесторонне обдуманы: он не успел еще оценить ситуацию и избрать твердую линию поведения на следствии.

Но декабристы, критиковавшие впоследствии некоторые показания Рылеева, все же признавали, что Рылеев никогда не руководствовался желанием спасти себя. «Со всем тем, — писал Н. А. Бестужев, — это не были ни ложные показания на лица, ни какие-нибудь уловки для своего оправдания; напротив, он, принимая все на свой счет, выставлял себя причиною всего, в чем могли упрекнуть Общество».

Вскоре, однако, Рылеев установил общую линию поведения на следствии. Он решил, создавая впечатление искренне раскаявшегося и откровенного преступника, уступать лишь в том, чего отстоять уже было нельзя. Но чем дальше продолжалось следствие, чем отчетливее выяснялась роль Рылеева, тем меньше оставалось у него возможностей маневрировать.

«Сверх того, — писал Н. А. Бестужев, — ⟨Следственный⟩ Комитет употреблял непозволительные средства», используя в своих целях разрешение свиданий и переписки с родными, обещая милости, угрожая пыткой. «Все было употреблено, чтобы заставить раскрыться Рылеева...» [12].

Инквизиционный дух следствия, показания других арестованных, коварная тактика Николая I, оказавшего семье Рылеева некоторые «милости», — все это вместе заставило Рылеева после четырех месяцев отрицаний сделать роковое признание: он признался, что считал «необходимым истребление всей царствующей фамилии» [13].

Признание Рылеева вызвало злобу всех членов царской семьи, и с этого момента участь его была решена.

Надо, однако, указать, что, даже сделав это признание, Рылеев не был откровенен до конца, и Следственная комиссия, получив его показания, в своем постановлении от 25 апреля записала: «Послать в Свеаборг за капитан-лейтенантом Торсоном, который нужен для уличения Рылеева» [14]. Закончив следствие, Комиссия в своем донесении Николаю I пишет: «Рылеев не во всем сознается» [15].

* * *

В заключение надо сделать несколько замечаний об особенностях данной публикации.

Показания самого Рылеева все извлечены из неизданных следственных дел и приводятся без сокращений.

Но показания других лиц о Рылееве опубликовать целиком не представляется возможным: показаний этих слишком много. Для второй части публикации прежде всего отобраны те документы, которые содержат сведения о литературной и революционной деятельности Рылеева, причем в целях экономии места ответы подследственных в большинстве случаев приводятся не целиком, а в выдержках.

В первой части публикации показания Рылеева расположены в алфавитном порядке по фамилиям лиц, которым они посвящены. Если об одном лице Рылеев давал несколько показаний, они приводятся в хронологической последовательности. Ответы, касающиеся сразу нескольких лиц, даны тоже в алфавитном порядке по фамилии первого упоминаемого лица. Ответы Рылеева на некоторые общие вопросы

о деятельности Тайного общества, а также показания о его личных делах помещены нами в конце первой части публикации.

Во второй части публикации показания располагаются тоже в алфавитном порядке по фамилиям лиц, которые давали эти показания. Если показаний одного лица несколько, они приводятся в хронологическом порядке. В конце второй части помещена выписка из журнала заседания Следственной комиссии об очной ставке Горсткина и Кашкина с И. И. Пущиным, где говорится об обсуждении поэмы Рылеева «Войнаровский» на собрании у А. А. Тучкова.

Вопросы Следственной комиссии в полном или сокращенном виде приводятся лишь в тех случаях, когда без них ответы были бы не понятны. Во всех остальных случаях содержание вопросов Комиссии дается в кратких заглавиях документов.

О тех лицах и тех конкретных событиях, которые упоминаются в публикуемых нами документах, сведений мы не даем. Это — особая тема, требующая специальных и обширных разысканий. Она увела бы нас слишком далеко от основной задачи настоящей публикации. Наша цель — ввести в научный оборот свидетельства о Рылееве, содержащиеся в следственных делах других декабристов и не изданные до сих пор. О лицах, чьи показания о Рылееве мы публикуем, мы даем в примечаниях краткие сведения.

Текст документов воспроизводится по новой орфографии, с исправлениями орфографических ошибок и пунктуации.

Часть публикуемых документов уже была использована в исследовательских работах С. Н. Черновым, М. В. Довнар-Запольским, В. И. Семевским, М. В. Нечкиной, К. Д. Аксеновым и другими, однако мы не считали возможным на этом основании исключить их из нашей публикации. Из следственных материалов Рылеева, не вошедших в изданные томы «Восстания декабристов», в нашу публикацию не включено лишь показание Рылеева по делу Грибоедова, так как оно неоднократно публиковалось полностью [16].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цит. по сб. «Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов». М. — Л., 1926, стр. 146.

[2] Н. Р. Цебриков писал: «Если бы в нем ⟨Ермолове⟩ было более патриотизма, если бы он в обстоятельствах того времени и какого-то трепетного ожидания от него людей, ему преданных и вообще всех благородномыслящих, не ограничился каким-то непонятным равнодушием, увлекшим его в бездейственность и какую-то апатию ⟨...⟩, Ермолов мог предупредить арестование стольких лиц и потом смерть пяти мучеников, мог бы дать России конституцию...» («Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне», вып. 2. 1861, стр. 241—245).

[3] В. Е. Якушкин. К литературной и общественной истории.— «Русская старина», 1888, № 12, стр. 593.

[4] Довнар-Запольский. Мемуары, стр. X.

[5] ВД, т. I, стр. X.

[6] ЦГИА, ф. № 48, д. 382, лл. 15—16.

[7] ВД, т. I, стр. 152—153.

[8] «Общественные движения», т. I, стр. 222.

[9] ВД, т. I, стр. 152, 153, 155, 180.

[10] «Из вопросов комиссии я понял, что Рылеев разделяет общую участь» («Материалы к биографии Рылеева».— «Всемирный вестник», 1907, № 11, стр. 46).

[11] ЦГИА, ф. № 48, д. 359, лл. 90—91.

[12] Бестужевы, стр. 38—39.

[13] 28 апреля 1826 г. Николай I сообщал матери: «Рылеев открыл вчера весь свой план относительно 14-го и сознался, что он действительно намеревался всех нас убить и отдать город во власть народа и войска» («Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов». М. — Л., 1926, стр. 201). Ср. также отрывок из дневника Марии Федоровны (там же, стр. 101).

[14] ЦГИА, ф. № 48, д. 25, л. 351. О линии поведения Рылеева в Следственной комиссии см. соображения Ю. Г. Оксмана. — Рылеев. Стих., стр. 505—506.

[15] «Материалы для русской истории за первую половину XIX века».— «Русский архив», 1881, кн. II, стр. 313.

[16] Считаем не лишним напомнить основное содержание рылеевских следственных материалов, опубликованных в сборниках «Восстание декабристов».

В *первом томе* опубликовано следственное дело Рылеева. В состав этого дела входят: формулярный список Рылеева, его ответы на вопросы о воспитании, десять письменных показаний о деятельности Тайного общества, протоколы очных ставок с А. А. Бестужевым, Каховским, Торсоном и выдержки из показаний других декабристов о Рылееве (стр. 147—218).

В деле С. П. Трубецкого опубликованы многие документы, характеризующие Рылеева как инициатора и организатора восстания, в частности — показание о том, что Рылеев принял в Тайное общество Грибоедова (стр. 1—145). Здесь же протокол очной ставки Рылеева с Трубецким (стр. 149—153).

В показаниях Оболенского имеются сведения о революционной, литературной и пропагандистской деятельности Рылеева. Оболенский показал, что Рылеев поручил Каховскому убить 14 декабря Николая I (стр. 248). Это показание подтвердил и Каховский. В деле Каховского опубликованы два протокола очных ставок Рылеева с ним (стр. 358, 365—367).

Дело А. А. Бестужева тоже насыщено ценными сведениями о Рылееве (стр. 423—473). В этом деле содержатся показания Рылеева о планах уничтожения царской семьи (стр. 464).

В остальных делах, опубликованных в первом томе, тоже имеются сведения о Рылееве, но менее значительные. В деле Д. А. Щепина-Ростовского находится протокол его очной ставки с Рылеевым и показания Рылеева о нем (стр. 406—407).

Во *втором томе* сведений о Рылееве меньше. В деле А. П. Арбузова подчеркивается стремление Рылеева усилить влияние Тайного общества во флоте. Здесь опубликованы два показания Рылеева и протокол очной ставки его с Арбузовым (стр. 14—16). Стремление Рылеева создать Тайное общество в Балтийском флоте подтверждает также и Н. А. Бестужев.

В. К. Кюхельбекер в своих показаниях сообщил содержание разговоров с Рылеевым о Тайном обществе (стр. 167).

В деле И. И. Пущина имеются показания о том, что он принял в Тайное общество Рылеева, и о роли Рылеева в Обществе. Здесь же опубликованы и показания Рылеева о Пущине (стр. 210—238).

В показаниях Одоевского знаменательно заявление, что он вошел в Тайное общество под влиянием Рылеева и Бестужева (стр. 246).

О кипучей деятельности Рылеева по подготовке восстания и об осведомленности его о положении дел в Южном обществе говорят документы из дела Якубовича (стр. 287—297). Показания Рылеева имеются в делах Н. Р. Цебрикова (стр. 319) и Н. П. Репина (стр. 367).

В этих же делах находятся некоторые сведения о Рылееве и о его связях с другими членами тайных обществ.

В *третьем томе* наибольшее количество интересных сведений о Рылееве содержится в деле Д. И. Завалишина. Завалишин часто приводит содержание своих разговоров с Рылеевым. Однако, учитывая недоброжелательное отношение Завалишина к Рылееву и вообще склонность Завалишина к преувеличениям, а иногда и вымыслам, его показания нельзя считать достоверными. Заслуживают внимания некоторые показания Завалишина о связях Рылеева с флотом, о его недоверчивости и осторожности. В деле Завалишина опубликованы два протокола очных ставок Завалишина с Рылеевым и пять показаний Рылеева о Завалишине (стр. 235—238, 256—261, 318, 328—331, 384, 388).

Некоторые сведения о Рылееве, о его намерении писать «Катехизис вольного человека» и «песни в преступном духе» и т. д. имеются в деле М. Ф. Митькова (стр. 206—207).

В деле П. А. Муханова опубликованы показания Рылеева, в которых он отрицает принадлежность Муханова к Тайному обществу (стр. 145—146).

В *четвертом томе* наибольший интерес вызывают показания Пестеля о встрече и разговоре с Рылеевым в Петербурге (стр. 162). Из показаний Пестеля видно также, что в сношениях Рылеева с флотскими офицерами было заинтересовано и Южное общество.

Сведения о распространении стихов Рылеева в Южном обществе имеются в деле С. И. Муравьева-Апостола (стр. 289). Упоминания о Рылееве содержатся и в некоторых других делах четвертого тома.

Из *пятого и шестого томов* можно извлечь лишь некоторые косвенные сведения о Рылееве.

В *девятом томе* интересные сведения о Рылееве содержатся в деле М. И. Муравьева-Апостола. Приехав в Петербург с поручениями Южного общества, Муравьев-Апостол вступил в постоянные и тесные сношения с Рылеевым. Так же, как Штейнгель, Муравьев-Апостол свидетельствует о намерениях Рылеева демократизировать Северное общество и «принимать членов между нашими купцами» (стр. 269).

М. П. Бестужев-Рюмин в своих показаниях писал, со слов М. И. Муравьева-Апостола, что Трубецкой и Н. Муравьев своим бездействием «связывают руки Оболенскому и Рылееву» (стр. 113).

ПОКАЗАНИЯ РЫЛЕЕВА

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ ПОДПОРУЧИКА А. Н. АНДРЕЕВА

28 марта 1826 г.

Подпоручика Андреева в члены Общества я никогда не принимал, лично его никогда не знал и полагаю, что он должен быть один из двух офицеров Измайловского полка, приходивших ко мне накануне 14-го числа декабря вечером, когда уже не только членам моей отрасли, но и другим и едва ли не всем, кого даже и я не знал, стало известно, что совещания по делам Общества происходят в моей квартире. Ни о цели Общества, ни о средствах к достижению оной, равно и о том, будто бы Мордвинов, Сперанский и граф Воронцов знают о намерении Общества и одобряют оное, я никогда не говорил. Офицеры Измайловского полка, бывшие у меня накануне 14-го числа, пришли ко мне как уже давно принадлежащие Обществу и говорили, что солдаты полку их совершенно готовы отринуть вторичную присягу. При этом был Пущин. Был ли кто еще, не помню.

Подпоручик Кондратий Рылеев

Одного из сих офицеров видел я дня за два до 13-го числа декабря на совещании у князя Оболенского. Накануне же 14-го числа ни сему офицеру, которого видел я прежде у Оболенского, ни другому, с ним у меня бывшему, поручений никаких делано не было, а, как выше показано, приходили они объявить, что солдаты Измайловского полка приготовлены против вторичной присяги.

(д. 389, лл. 15 об. — 16)*.

Андрей Николаевич Андреев 2-й (1804?—1831) — подпоручик л.-гв. Измайловского полка. Незадолго до восстания 14 декабря вступил в Северное общество. В первом показании Андреев заявил, что в члены Тайного общества его принял Рылеев, который будто бы сказал ему, что о существовании и деятельности Тайного общества знают члены Государственного совета — Мордвинов и Сперанский. Когда же Рылеев отверг это показание, то Андреев начал утверждать, что в члены общества его принял однополчанин, подпоручик Кожевников, а что с Рылеевым он познакомился лишь 13 декабря. Повидимому, первое показание Андреева более соответствовало действительности, но он от него отказался, желая помочь Рылееву оправдаться. После следствия и суда Андреев был отправлен в ссылку, где и погиб во время пожара в с. Верхоленском Иркутского округа.

ПОКАЗАНИЯ РЫЛЕЕВА О Н. А. АНТРОПОВЕ

19 мая 1826 г.

Антропов служит ротмистром, кажется, в Астраханском кирасирском полку. Принят в Общество ни мною, ни кем другим, сколько мне известно, не был. Во время же его пребывания в начале прошедшего года здесь в отпуску, однажды в общем разговоре о положении в России я, намекнув ему, что, может быть, обстоятельства скоро переменятся и что, по моему мнению, судя по общему неудовольствию, скоро должно вспыхнуть возмущению, я спросил его, на чьей стороне будет он. Он отвечал: «Разумеется на стороне народа». Но как дальнейшего испытания я сделать над ним не мог или, лучше сказать, не успел за скорым его отъездом отсюда, то и не решился ни открыться ему, ни принять его в Общество. В письме от 18 октября я обещал ему доставить некоторые бумаги, имея ввиду послать к нему рукописное сочинение Фонвизина *о необходимости законов* и другое — о причине упадка финансов и торговли в России.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 105, л. 4).

* Все дела Следственной комиссии хранятся в ЦГИА, ф. № 48, оп. 1, поэтому в ссылках указаны только номера дел.

Николай Александрович Антропов* (1796—1851) — друг Рылеева, с которым он учился вместе в Первом кадетском корпусе, участник заграничных походов 1813—1814 гг., ротмистр Астраханского кирасирского полка.

3 января 1826 г. Антропов послал по почте письмо Рылееву. Письмо это было перехвачено и послужило поводом для привлечения автора к следствию по делу декабристов. «Жив ли ты, здоров ли ты, бесценнейший Кондратий Федорович? — спрашивал Антропов. — Это беспокоит меня и в голове моей вертятся только мрачные мысли ⟨...⟩ Худая обдуманность происшествий петербургских удивляет меня ⟨...⟩ Все совокупившиеся обстоятельства нынешних времен столько опечалили меня, что я наложил на себя траур, который буду носить до радостного дня» (ЦГВИА, ф. № 343, д. 220, л. 568—568 об.; по копии это письмо опубликовано в «Красном архиве», 1929, № 5, стр. 208).

В отношении на имя главнокомандующего 1-й армией Ф. В. Сакена военный министр Татищев писал: «Письмо сие по содержанию своему навлекло некоторое подозрение насчет принадлежности Антропова к числу членов упомянутого Общества» (ЦГВИА, ф. № 343, д. 197, л. 37). 18 мая 1826 г. Следственная комиссия запросила Рылеева об Антропове, который дал ответ, приведенный выше. Кроме Рылеева, были спрошены Трубецкой, Никита Муравьев, Оболенский, А. А. Бестужев, но все четверо показали, что совершенно ничего не знают об Антропове.

После составления Комиссией сводной записки об Антропове, последний по приказу Николая I был арестован и предстал перед Следственной комиссией при Главном штабе 1-й армии в Могилеве-Белорусском. Не располагая никакими вещественными доказательствами вины Антропова, кроме письма его от 3 января 1826 г. и очень сдержанного показания Рылеева, Комиссия не смогла обличить его в принадлежности к Тайному обществу. Приказ Николая I гласил: «Освободив его из-под ареста, отправить на службу с переводом в Нежинский конно-егерский полк, иметь за ним строжайший присмотр и чтоб о поведении его рапортовал мне полковой командир ежемесячно...» (там же, л. 90). Ежемесячные рапорты о поведении Антропова регулярно поступали на имя начальника Главного штаба до 20 ноября 1828 г., когда Николай I приказал: «Прекратить впредь таковые донесения ⟨...⟩ продолжая, однако же, тайный и бдительный надзор» (там же, л. 433 об.).

Умер Антропов 1 января 1851 г. в чине статского советника (ЦГИА, ф. № 109, 1 эксп., ч. 61, д. 231, л. 4).

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ О ПОСЕЩЕНИИ ЕГО КВАРТИРЫ БАТЕНЬКОВЫМ ВЕЧЕРОМ 14 ДЕКАБРЯ

Январь ⟨без числа 1826 г.⟩

Инженер-подполковник Батеньков после происшествия 14-го числа ввечеру действительно забегал ко мне на минуту и спрашивал, чем кончилось дело. Причем Пущин, а не я: «Да вы где были? — спросил его с упреком. — Надобно было быть там». Что отвечал на это Батеньков, не помню. Но разговора более никакого не было, и Батеньков не оставался у меня и двух минут.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 359, л. 43).

ПОКАЗАНИЯ РЫЛЕЕВА ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПРИЕМА В ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО Г. С. БАТЕНЬКОВА И О РОЛИ ЕГО В ОБЩЕСТВЕ

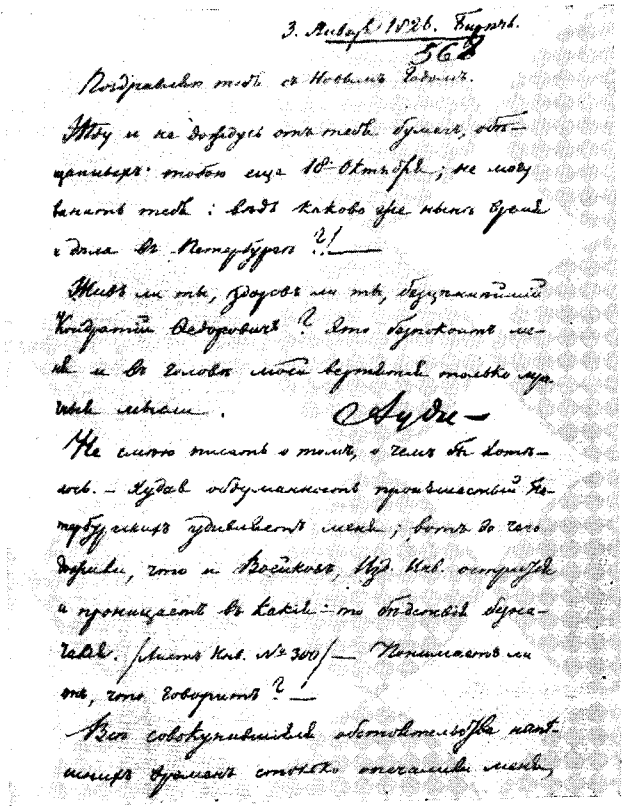
20 января 1826 г.

Когда я рассуждал с Трубецким о плане Общества и сказал ему: «До созвания Великого собора надобно ж быть какому-нибудь правлению», я потом спросил: «Кто же будет составлять оное?» — тогда Батенькова не было, и объявлял ли ему о том после Трубецкой, не знаю. Я же об том Батенькову не говорил ни слова, предполагая, что Трубецкой говорил с ним об том предварительно.

О поселениях Новгородских я говорил с Батеньковым неоднократно и несколько раз до вступления его в Общество. Он всегда был того мнения,

---

* Комментарий к показаниям Антропова принадлежит И. В. Пороху. — *Ред.*



3. Января 1826. Бирюч.

568

Поздравляю тебя съ Новымъ Годомъ.

Жду и не дождусь отъ тебя бумагъ, обѣщанныхъ тобою еще 18 Октября; не могу ванить тебя: вѣдь каково же нынѣ время и дѣла въ Петербургѣ?! —

Живъ ли ты, здоровъ ли ты, безцѣннѣйшій Кондратій Ѳедоровичъ? Это безпокоитъ меня и въ головѣ моей вертятся только мрачныя мысли. Ауди —

Не смѣю писать о томъ, о чемъ бы хотѣлось. — Худая обдуманность происшествій Петербургскихъ удивляетъ меня; вотъ до чего дожили, что и Воейковъ, Изд. Инв. остроется и проницаетъ въ какія-то бѣдствія безначалія. (Листъ Инв. № 300) — Понимаетъ ли онъ, что говоритъ? —

Всѣ совокупившіяся обстоятельства нынѣшнихъ временъ столько опечалили меня, что я налагаю на себя трауръ, который носить буду до радостнаго дня. —

Напиши, любезнѣйшій, ко мнѣ, обрадуй своими русскими грамотками, исполненными истиннаго духа славянскаго. —

Изъяви мое глубочайшее уваженіе незабвеннымъ и добрѣйшимъ Ангеламъ Малютинымъ. Ты смѣешься, — но c'est mon amour idéal, а безъ того, можно ли сохранить въ нашемъ быту нравственность свою? —

Утѣшаюсь надеждою, что ты обратишь ко мнѣ свое вниманіе и обрадуешь письмомъ своимъ.

Твой другъ Н. Антроповъ

Еще за три экземп. Думъ и Войнаровскаго посылаю 45 р. — За мною 2 экз.

ПИСЬМО Н. А. АНТРОПОВА К РЫЛЕЕВУ ОТ 3 ЯНВАРЯ 1826 г.

Письмо было перехвачено и послужило поводом для привлечения Антропова к следствию по делу декабристов

Центральный военно-исторический архив, Москва

что они в худом расположении против правительства и весьма недовольны своим состоянием. О Старорусских же поселениях он говорил со мною за несколько дней до 14 декабря, в то время, когда я рассуждал с ним о плане действия, предположенного Трубецким. Батеньков именно сказал тогда, что Новгородские поселения, особенно Старорусские, сильно негодуют и готовы возмутиться при первом случае. Это сказано было им без свидетелей. Вообще же о духе поселений, как помнится, говорил он раз при мне и Трубецкому.

Когда Батеньков сказал мне, что во Временное правительство надо назначить людей известных и когда я ему отвечал, что думают назначить Мордвинова и Сперанского, а он на то сказал: «Хорошо» — свидетелей также не было. Сказано же это Батеньковым было вследствие рассуждений наших с ним о плане Общества [1].

После происшествия 14 декабря я возвратился домой в чрезвычайном волнении и потому, истинно, не могу припомнить, при мне ли Пущин спросил Батенькова: «Да вы где были? Надобно было быть там», или он это рассказал, пришедши в комнату. Помню только, что Батенькова видел я мгновенно, также помню его вопрос: «Чем кончилось дело?». Отвечал ли я ему на это что-нибудь, также не помню.

Я и оба Бестужевы, Николай и Александр, давно имели намерение принять Батенькова в Общество, полагая, что он будет очень полезен оному, как по своим дарованиям, так и по месту, которое он занимал при графе Аракчееве, и потому мы старались с ним сблизиться. Задолго еще до принятия его в Общество я и Бестужевы весьма часто говорили с ним о положении государства и, находя в нем, по нашему мнению, человека с обширными сведениями, любящего свое отечество и готового жертвовать собою для его блага, мы решили говорить с ним откровеннее и при случае открыться. Месяца за полтора до 14-го числа Александр Бестужев приходит ко мне раз вечером и объявляет, что с Батеньковым кончено: он наш. После чего я говорил уже с ним как с членом Общества, как о намерениях оного, так после и о плане действия. Николай и Александр Бестужевы также неоднократно с ним о том же говорили, об чем я слышал от них. По приезде Трубецкого, с его согласия, я познакомил с ним Батенькова, предуведомив и того и другого, что они сочлены, после чего они виделись довольно часто и раз в квартире Батенькова при мне, причем рассуждали о будущем правлении в России, и все согласно полагали, что представительное монархическое правление для России — самое удобное и самое приличное. О предприятии на 14 декабря Батеньков знал от меня и, думаю, еще от Трубецкого и Николая Бестужева. Батеньков был у меня вечером 13 декабря, и мы говорили о предприятии Общества, причем он спросил: «Все ли обдумал Трубецкой?». Утром 14 декабря он заезжал ко мне, но не застал меня дома. Потом я и Пущин встретили его у Синего моста и сказали, что надо быть на площади, но чтоб Батеньков советовал действовать на солдат именем государыни императрицы Елизаветы Алексеевны, того я не помню и того не говорил в высочайше учрежденном Комитете. Может быть, он говорил о том Трубецкому или кому-нибудь из Бестужевых.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(Там же, лл. 59 об. — 61 об.).

Гавриил Степанович Батеньков (1793—1863) — подполковник Корпуса инженеров путей сообщения. Один из ближайших сотрудников М. М. Сперанского в период службы последнего генерал-губернатором Сибири. С 1823 г. член Совета главного над военными поселениями начальника. Член Северного общества. Участвовал в подготовке восстания 14 декабря. На Сенатской площади не присутствовал. Был арестован 28 декабря 1825 г. Приговорен к 20 годам каторжных работ с последующим поселением в Сибири, однако по личному приказу Николая I был посажен в Але-

ксеевский равелин, где находился в одиночном заключении 20 лет. В 1846 г. отправлен на поселение в Томск.

[1] Каховский показал, будто Рылеев заявил ему: «Г. Сперанский наш». В другой же раз Рылеев будто бы сказал: «Он ‹Сперанский› будет наш. Мы на него действуем чрез Батенькова» (ВД, т. I, стр. 344).

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ Э. А. БЕЛОСЕЛЬСКОГО И Ф. А. ЩЕРБАТОВА

1 февраля 1826 г.

Ни князя Белосельского, ни князя Щербатова вовсе не знаю, и принадлежали ль они к Тайному обществу, мне неизвестно и ни от кого о том не слышал.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 255, л. 2).

Эспер Александрович Белосельский, кн. (1802—1846) — поручик л.-гв. гусарского полка. О существовании Тайного общества знал от Никиты и Александра Муравьевых, но членом его не был и в восстании 14 декабря не участвовал. К следствию не привлекался и репрессиям подвергнут не был.

Федор Александрович Щербатов, кн. (1802—1827) — поручик кавалергардского полка. К Тайному обществу не принадлежал, хотя о существовании его знал от Александра и Никиты Муравьевых. Преследованиям не подвергался.

Дело о Белосельском и Щербатове возникло в связи с показанием С. Г. Волконского о том, что он будто бы слышал от Никиты Муравьева, что они недавно приняты в Тайное общество. Н. Муравьев, однако, этого не подтвердил, заявив, что «было намерение их приобрести, но они на это не поддались и потому не были ни в каких сношениях с Обществом» (д. 255, л. 13).

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ Н. П. ВОЕЙКОВА

15 февраля 1826 г.

Штабс-капитана Воейкова вовсе не знаю, не слышал о нем, и мне неизвестно, принадлежал ли он к числу членов Тайного общества, равно принимал ли участие в намерениях и действиях оного.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 187, л. 16).

Николай Павлович Воейков (ум. в 1871 г.) — штабс-капитан л.-гв. Московского полка, адъютант А. П. Ермолова. Приятель Якубовича, А. А. Бестужева, Грибоедова, Нарышкина и других декабристов. 14 декабря был на Сенатской площади, но не в каре. Арестован в январе 1826 г. по подозрению в принадлежности к кавказскому Тайному обществу. Освобожден с «очистительным аттестатом».

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС ОБ А. И. ГАГАРИНЕ И ДРУГИХ ОФИЦЕРАХ ГВАРДЕЙСКОЙ КОННОЙ АРТИЛЛЕРИИ, БЕЖАВШИХ ИЗ-ПОД АРЕСТА УТРОМ 14 ДЕКАБРЯ 1825 г. К И. И. ПУЩИНУ

21 марта 1826 г.

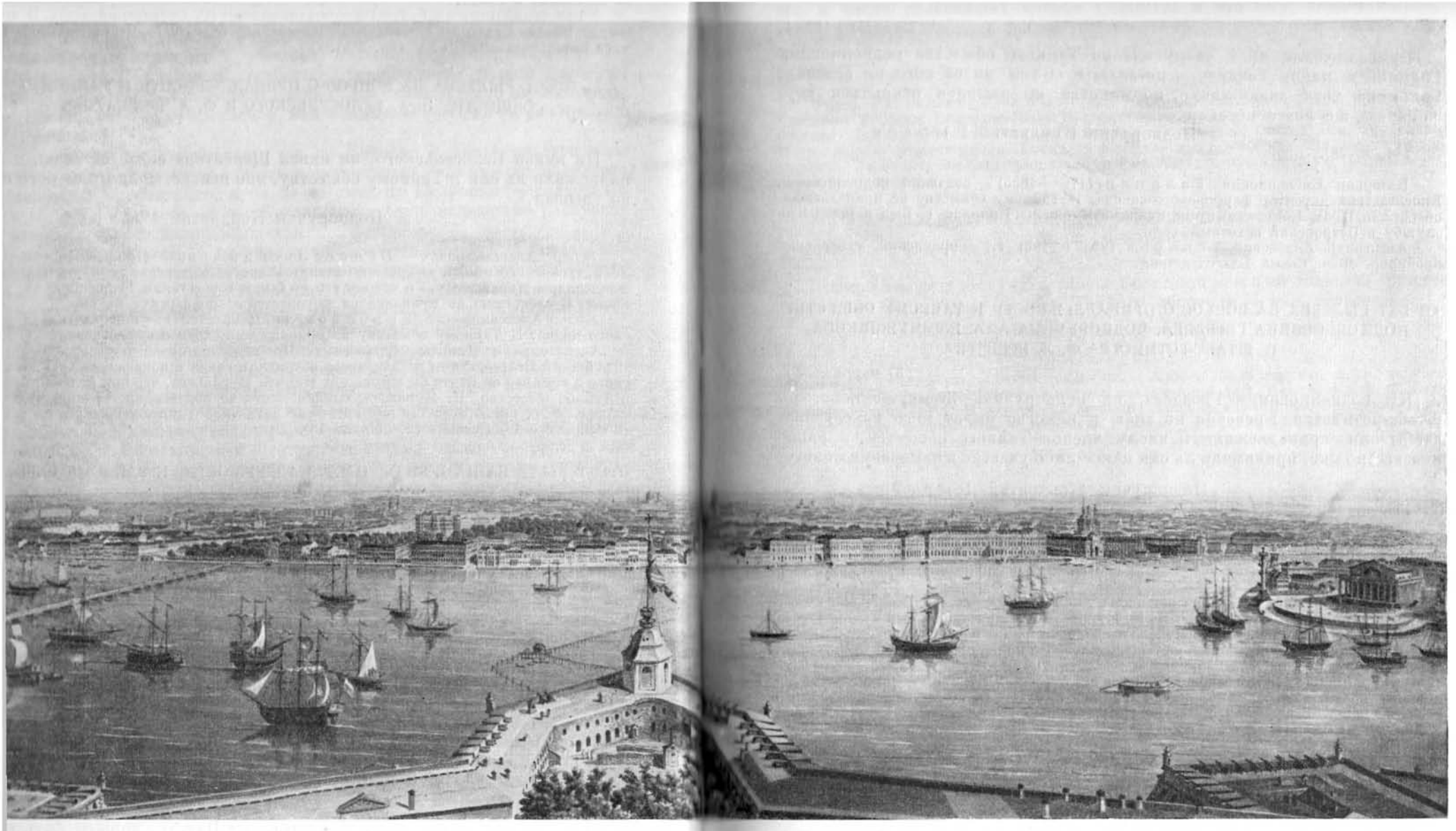
Один из сих офицеров, о коих говорил Пущин, должен быть князь Гагарин; другого [1] не знаю, но при сем долгом справедливости почитаю дополнить, что, по словам Пущина и сколько мне самому известно — ни один из офицеров конной артиллерийской роты, коей офицеры не хотели присягать 14 декабря, не принадлежал Тайному обществу и не знал о намерениях оного.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 244, л. 25 — 25 об.).

Александр Иванович Гагарин, кн. (1801—1857) — прапорщик л.-гв. конной артиллерии. Сторонник декабристов. 14 декабря отказался присягать Николаю I, за что был арестован. Из-под ареста бежал на квартиру к Пущину. Присутствовал на Сенатской площади. К следствию не привлекался.

[1] Другой — К. Д. Лукин (см. о нем стр. 193 настоящего тома).

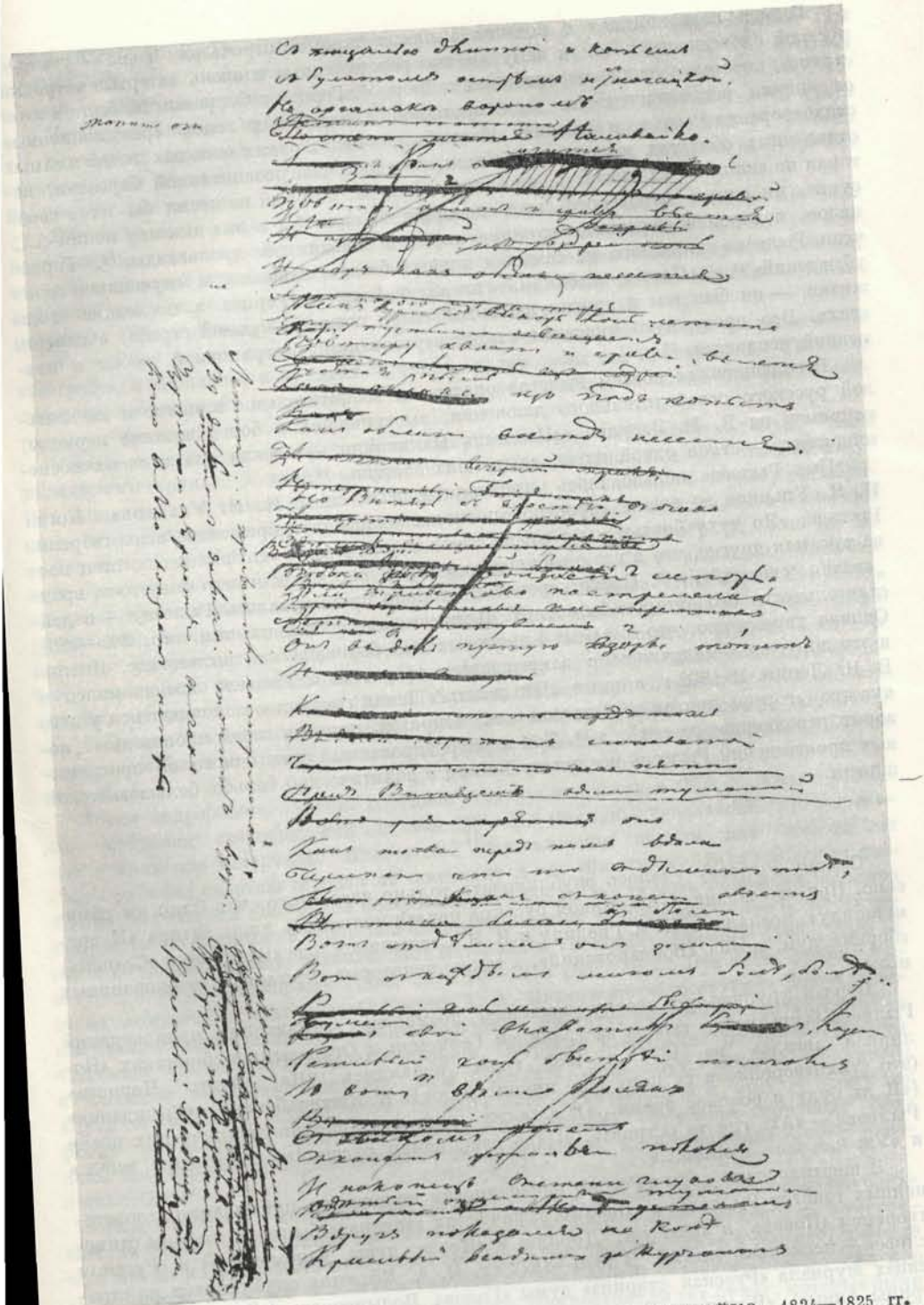


ВИД ПЕТЕРБУРГА С НАРЫШКИНСКОГО БАСТИОНА ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

В кронверке крепости 13 июля 1826 г. [illegible] казнены вожди восстания декабристов

Акварель неизвестного художника, 1830 г.

Исторический [illegible], Москва



АВТОГРАФ ОТРЫВКА НЕЗАКОНЧЕННОЙ ПОЭМЫ «НАЛИВАЙКО», 1824—1825 гг.
Лист 2
Центральный исторический архив, Москва

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ ПОДПОЛКОВНИКА В. Е. ГАЛЯМИНА И МАЙОРА А. А. ТОКАРЕВА

25 января 1826 г.

Принадлежали ль к числу членов Тайного общества подполковник Галямин и майор Токарев — не знаю и об том ни от кого не слышал. Галямина хотя знаю лично, но никогда не решался открыться ему. Токарева же вовсе не знаю.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 244, л. 18).

Валерьян Емельянович Галямин (1794—1855) — свитский подполковник. Впоследствии директор фарфорового завода. К Тайному обществу не принадлежал, но обещал П. П. Коновницыну не принимать присяги Николаю I. Был переведен на службу в Петровский пехотный полк.

Александр Андреевич Токарев (ум. в 1821 г.) — орловский губернский прокурор. Член Союза Благоденствия.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ ПОДПОЛКОВНИКА ГВОЗДЕВА, ПОДПОРУЧИКА А. А. ЖЕМЧУЖНИКОВА И ШТАБС-РОТМИСТРА Ф. Л. БРЕВЕРНА

27 марта 1826 г.

Ни подполковника Гвоздева, ни подпоручика Жемчужникова, ни штабс-ротмистра Бреверна не знаю и никогда ни от кого не слышал, чтобы они принадлежали к числу членов Тайного общества, а равно неизвестно мне, принимали ль они какое-либо участие в намерениях оного.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 135, л. 13).

Гвоздев (ум. в 1828 г.) — подполковник квартирмейстерской части. По показаниям П. П. Титова, был принят в его полууправу в ноябре 1825 г. В деятельности Тайного общества не участвовал, к следствию не привлекался, но находился под секретным надзором.

Антон Аполлонович Жемчужников — подпоручик квартирмейстерской части. По показаниям Е. П. Оболенского, Н. М. Муравьева и Нарышкина, был членом Союза Благоденствия, а по показаниям П. П. Титова, был принят в его полууправу в ноябре 1825 г. К допросу Жемчужников не привлекался. По приказу Николая I за ним было учреждено строгое наблюдение.

Федор (Фридрих) Логгинович Бреверн (род. в 1799 г.) — штабс-ротмистр конного полка, адъютант командующего 1-й армией. О существовании Тайного общества знал. В показаниях П. П. Титова назван «полусогласившимся». К следствию не привлекался. Был оставлен на службе с учреждением за ним тайного надзора.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ Ф. Н. ГЛИНКИ

26 января 1826 г.

По вступлении моем в Общество с Федором Глинкою я имел частые свидания и, полагая его в числе членов Общества, нарочно склонял разговор к цели и намерению оного, но, слыша от него общие суждения и никогда ничего решительного, уведомил о том Трубецкого, который сказал мне на то: «Его надо оставить в покое, он нам бесполезен», что я и исполнил. Несмотря на то, общие суждения при каждом свидании моем с Глинкою продолжались. Так случилось и пред 14 декабря, кажется дня за два. Разговаривая о настоящем положении дел, я ему сказал, что Общество положило непременно воспользоваться переприсягою, что оно взяло уже для того свои меры и что некоторые роты приготовлены. Он на это мне сказал только: «Смотрите, господа». В дальнейшие суждения о предприятии

14 числа я с ним не входил, ибо, несмотря на слова Трубецкого, я полагал его в числе главнейших членов Общества и что ему, следовательно, все движения Общества небезызвестны.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 63, л. 4 об.).

Федор Николаевич Глинка (1786—1880) — поэт, полковник, член Союза Спасения и Союза Благоденствия. В позднейших тайных обществах формально не состоял, но, имея тесные связи с Рылеевым, Бестужевым, Оболенским, Трубецким и др., знал о существовании Северного общества и о его планах. На следствии это отрицал. По окончании следствия переведен на гражданскую службу в Петрозаводск под надзор полиции.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ М. Ф. ГОЛИЦЫНА

21 февраля 1826 г.

Конной гвардии поручика князя Голицына вовсе не знаю, и принадлежал ли он к числу членов Тайного общества — мне неизвестно.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 208, л. 12).

Михаил Федорович Голицын, кн. (1800—1873) — поручик л.-гв. конного полка. Дело о нем было заведено в связи с показаниями А. А. Плещеева и Ф. Ф. Вадковского о том, что А. И. Одоевский принял Голицына в Общество. Одоевский этого не подтвердил, заявив, что он предлагал Голицыну вступить в Тайное общество, но тот отказался. После пятимесячного пребывания под арестом при полку Голицын был освобожден.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИЧАСТНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. Д. ЗУБОВА, В. Х. ГРАВЕ, А. В. МАЛИНОВСКОГО, А. Г. ВИЛЛАМОВА, К. О. КУЛИКОВСКОГО, А. И. ГАГАРИНА, И. А. БАЗИНА, А. А. БУРНАШЕВА, Я. Г. НАСАКИНА I, Г. Г. НАСАКИНА II, А. И. БОГДАНОВА, А. И. МОРЕНШИЛЬДА I, Ф. Б. МОРЕНШИЛЬДА II, А. Ф. ГОЛЬТГОЕРА, А. Ф. НУМЕРСА, КРИНИЦЫНА И КН. ГОЛИЦЫНА[1]

3 апреля 1826 г.

Никого из всех означенных здесь офицеров не знаю, и был ли кто из них принят в члены Тайного общества — мне неизвестно, равно и то, принимал ли кто какое-либо участие в намерениях оного и знал ли предварительно о произведенном неустройстве.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 244, л. 30 об.).

Николай Дмитриевич Зубов (1801—1871) — поручик л.-гв. Преображенского полка. А. В. Поджио показал, что он приглашал Зубова вступить в члены Тайного общества. По показанию Свистунова, Зубов отклонил такое же предложение, сделанное ему Н. В. Шереметевым, заявив, что правительство уже знает о существовании Тайного общества.

Владислав Христианович Граве (ум. в 1850 г.) — поручик л.-гв. Преображенского полка. Знал о существовании Тайного общества от А. В. Поджио и Н. В. Шереметева, но от вступления в него отказался.

Андрей Васильевич Малиновский (ум. в 1851 г.) — прапорщик гвардейской конной артиллерии. Сторонник декабристов. Обещал П. П. Коновницыну содействовать успеху восстания. 14 декабря отказался принять присягу Николаю I, за что был арестован. Из-под ареста бежал, ранив часового.

Артемий Григорьевич Вилламов (1804—1869) — подпоручик гвардейской конной артиллерии. Знал о планах действий Тайного общества. 14 декабря за отказ от присяги был арестован, но из-под ареста бежал. К следствию не привлекался.

Константин Осипович Куликовский (1807 — ум. после 1850 г.) — прапорщик конно-артиллерийской роты № 5. Присутствовал на совещании у Панова 13 декабря. Дал обещание содействовать восстанию.

Об А. И. Гагарине см. стр. 183 настоящего тома.

А. Е. Розен показал, что офицеры л.-гв. Финляндского полка: Иван Алексеевич Базин, Арсений Иванович Богданов, Александр Алексеевич Бурнашев, Александр Федорович Гольтгоер, Андрей Иванович Мореншильд, Федор Борисович Мореншильд, Густав Густавович Насакин, Яков Густавович Насакин, Август Федорович Нумерс принимали участие в совещании у Н. П. Репина, состоявшемся 11 декабря 1825 г. в 5 часов вечера. На совещании обсуждалось сообщение Е. П. Оболенского о плане действий в случае приказа принести присягу Николаю Павловичу. Розен также показал, что 13 декабря он этим же офицерам сообщил план действий на 14 декабря, изложенный ему Рылеевым и Оболенским.

Поименованные офицеры к допросам не привлекались и репрессиям не подвергались.

О каком Криницыне был задан вопрос, неизвестно. Очевидно, об Александре Николаевиче — прапорщике 18-го егерского полка, бывшем организаторе общества «Квилки» в Пажеском корпусе в 1819 г. и затем разжалованном в рядовые за так называемый «Арсеньевский бунт» в корпусе. Судя по доносу Грохольского, он был близок с Ф. Ф. Вадковским. Возможно, что вопрос относится к кому-либо из его братьев: Владимиру, Павлу или Николаю. Они все присутствовали на совещании у Кожевникова 13 декабря, а 14 декабря были на Сенатской площади.

Никто из Криницыных к следствию не привлекался.

[1] Очевидно, имелся в виду М. Ф. Голицын (см. о нем стр. 187 настоящего тома).

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ ПОРУЧИКА Д. А. ИСКРИЦКОГО

26 января 1826 г.

Гвардейского генерального штаба поручик Искрицкий к Тайному обществу принадлежал, об чем он сам меня уведомил дни за два до 14-го числа, когда он зашел ко мне и когда я завел с ним разговор о положении России. Кто же его принял, а равно принадлежит ли к числу членов Общества брат его [1], мне неизвестно. О предприятии 14 декабря он тогда же был извещен мною. Какое принимал прежде участие в намерениях и действиях Общества, не знаю.

(д. 63, л. 4).

Демьян Александрович Искрицкий (1803—1831) — поручик Гвардейского генерального штаба. Был членом Общества Перетца, а позже — Северного общества. Участвовал в подготовке восстания. 14 декабря присутствовал на Сенатской площади, но, по его показанию, не в каре восставших, а среди народа. После шестимесячного ареста в крепости был выслан в Оренбургский гарнизон.

[1] Михаил Александрович Искрицкий — воспитанник Царскосельского лицея, близкий знакомый Рылеева, А. А. Бестужева и Сомова. Членом Тайного общества не был. В следственном деле упоминается в связи с письмом его к брату от 17 января 1826 г., в котором писал, что Сомов, будучи освобожден из-под ареста, «много теряет» в его глазах, ибо пока Сомов сидел в крепости, он (М. Искрицкий) «почитал его честным человеком» (д. 63, л. 35).

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ ПОДПОЛКОВНИКА А. В. КАПНИСТА

14 февраля 1826 г.

Подполковника Капниста вовсе не знаю, и принадлежал ⟨ли⟩ он к числу членов Тайного общества, а равно кем был принят в оное — мне неизвестно. Если он действительно принадлежал к Тайному обществу, то или принят в оное здесь задолго до меня, или вступил в Общество во время бытности своей адъютантом при генерале Раевском на юге.

Подпоручик Кондратий Рылеев

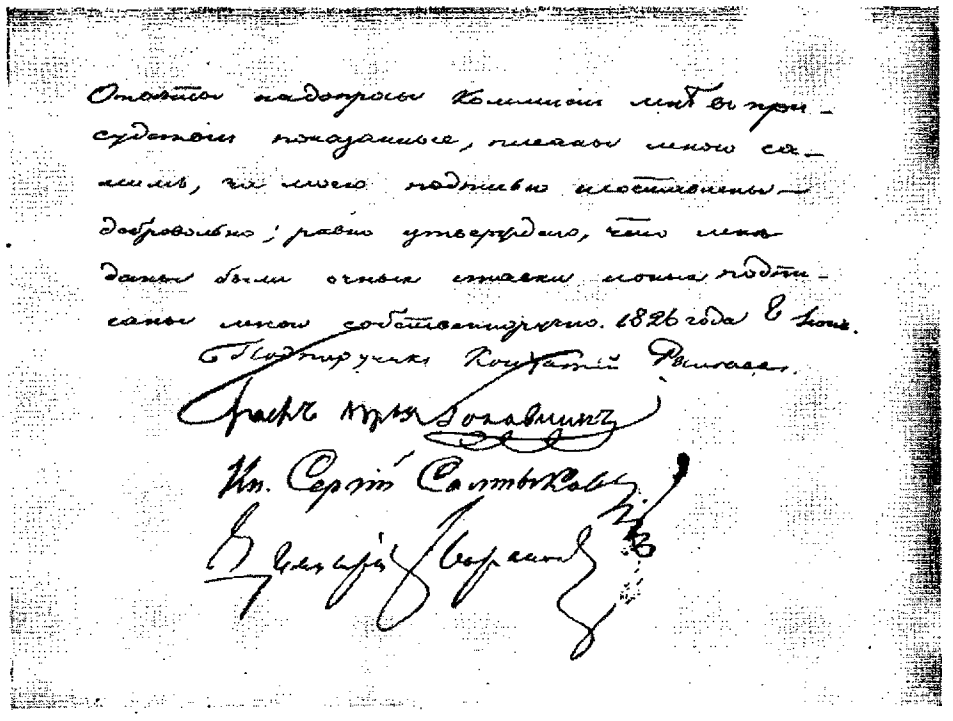
(д. 115, л. 24).

Алексей Васильевич Капнист (1796—1867) — подполковник Воронежского пехотного полка, член Союза Благоденствия. Знал о существовании Южного общества. Был арестован, но вскоре освобожден «со вменением ареста в наказание».

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС ОБ УЧАСТИИ НА СОВЕЩАНИИ В ЕГО КВАРТИРЕ 13 ДЕКАБРЯ 1825 г. П. П. КОНОВНИЦЫНА, Д. А. ИСКРИЦКОГО И С. М. ПАЛИЦЫНА

7 марта 1826 г.

Коновницын, Искрицкий и Палицын были у меня уже после совещания и как тогда, так и прежде в совещаниях не присутствовали. На совещания приглашались, по приказанию Трубецкого, только главнейшие члены и ротные командиры или те, коим делались особые назначения, как, например, Булатов и Якубович. Коновницын же, вероятно, приехал ко мне или отыскивая Оболенского, или по его поручению, Палицын же, узнав,



ПОДПИСКА РЫЛЕЕВА, ДАННАЯ ИМ В ПРИСУТСТВИИ ЧЛЕНОВ РЕВИЗИОННОЙ КОМИССИИ ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА Ю. А. ГОЛОВКИНА, С. Н. САЛТЫКОВА И Н. И. БАРАНОВА, 8 ИЮНЯ 1826 г.

Рылеев подтверждает, что все его показания Следственной комиссии писаны им собственноручно и даны добровольно. Такие подписки были отобраны у всех подсудимых.

Центральный исторический архив, Москва

что на другой день будет присяга, которую еще за несколько дней с общего согласия назначили сигналом действия Общества.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 63, л. 27—27 об.).

Петр Петрович Коновницын 1-й, гр. (1802—1830) — подпоручик Гвардейского генерального штаба. Член Северного общества. Принимал участие в подготовке и проведении восстания. Разжалован в солдаты и сослан в Семипалатинский гарнизонный полк.

О Д. А. Искрицком см. стр. 188 настоящего тома.

Степан Михайлович Палицын (1806—1880) — прапорщик Гвардейского генерального штаба. Член Северного общества. Участвовал в подготовке восстания 14 декабря. После годичного заключения в крепости отправлен на службу в Петровский гарнизон.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О СЛОВАХ А. О. КОРНИЛОВИЧА, СКАЗАННЫХ ИМ ПОСЛЕ ТОГО, КАК ОН УЗНАЛ РЕШЕНИЕ СЕВЕРНОГО ОБЩЕСТВА ВЫСТУПИТЬ 14 ДЕКАБРЯ

28 марта 1826 г.

К словам «делайте, что хотите» Корнилович более ничего не прибавлял, и вообще, когда он был у меня, об императорской фамилии ничего не было говорено [1].

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 421, л. 32).

Александр Осипович Корнилович (ок. 1795—1834) — штабс-капитан Гвардейского генерального штаба. Член Южного общества. Прибыл из отпуска в Петербург перед восстанием, имея поручение информировать Северное общество о состоянии дел в Южном обществе. Участвовал в совещании у Рылеева накануне восстания. 14 декабря был на Сенатской площади. Присужден к каторжным работам на восемь лет, но для дополнительных допросов был возвращен из Нерчинска в 1827 г. и содержался в Петропавловской крепости до конца 1832 г. В 1832 г. отправлен рядовым на Кавказ, где и умер.

[1] Корнилович показал, что, узнав от Рылеева о намерении Северного общества выступить 14 декабря, он заявил: «Делайте, что хотите, но только, чтобы не было покушений на императорскую фамилию». Рылеев якобы ответил: «Этого не будет» (д. 421, л. 17).

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ ПОРУЧИКА М. М. КОРСАКОВА

3 февраля 1826 г.

Кем был принят в члены Тайного общества лейб-гвардии гренадерского полка поручик Корсаков — мне неизвестно, и был ли он членом оного — ни от кого не слышал. Равно, был ли он предварен о цели Общества и намерениях 14 декабря и какое принимал в том участие.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 110, л. 7).

Михаил Матвеевич Корсаков (ум. в 1872 г.) — поручик л.-гв. гренадерского полка. По показаниям А. Н. Сутгофа, Корсаков был принят в Тайное общество Каховским 12 декабря 1825 г. Каховский, однако, этого не подтвердил, заявив, что Корсакову было лишь сообщено о существовании Тайного общества и его планах. Корсаков обещал содействовать восстанию, но 14 декабря был болен и на Сенатской площади не присутствовал. После окончания следствия был переведен на службу на Кавказ, в Куринский пехотный полк.

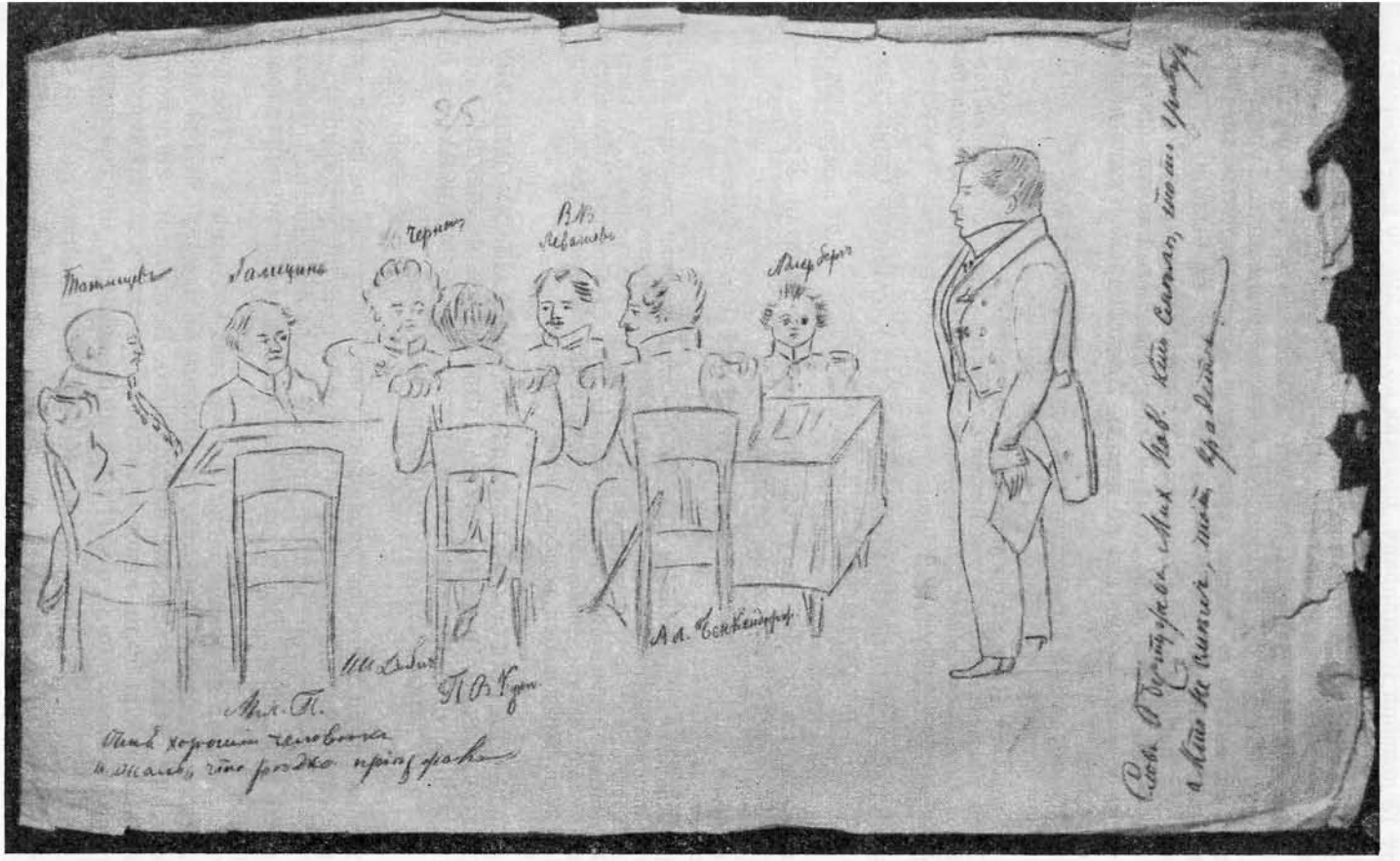
ОТВЕТЫ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОСЫ О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ С. Г. КРАСНОКУТСКОГО К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ И О СООБЩЕНИИ, СДЕЛАННОМ ИМ 13 ДЕКАБРЯ 1825 г. НА СОВЕЩАНИИ У РЫЛЕЕВА

26 декабря 1825 г.

Краснокутский действительно был у меня вечером 13-го числа. Его привел ко мне Корнилович и сказал, что он принадлежит Южному обществу. Обер-прокурор Краснокутский искал тогда князя Трубецкого, чтобы уведомить его, что присяга точно назначена на другой день, то есть ⟨на⟩ 14-е число, и что в 7 часов утра Сенат будет собран; но, не застав Трубецкого дома, по совету Корниловича, пришел с этим известием ко мне. Он был тогда у меня в первый раз. До того же видел я его раза два у Трубецкого, и как при нем говорили мы открыто, то я и заключил, что он член Общества. 14 числа я точно сказал Николаю Бестужеву, что в Сенате есть наш обер-прокурор, разумея Краснокутского.

Отставной подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 411, л. 42 — 42 об.).



ЗАСЕДАНИЕ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ

Рисунок А. А. Ивановского, 1826 г.

Изображены слева направо за столом: А. И. Татищев, А. Н. Голицын, А. И. Чернышев, П. В. Кутузов, В. В. Левашев, А. Х. Бенкендорф, В. Ф. Адлерберг. Стоит неизвестный декабрист. Позади надпись неустановленной рукой (возможно, А. А. Ивановского): «Слова А. Бестужева Мих. Пав. „Кто смел, тот грабит, а кто не смел, тот крадет"». Под свободным стулом у стола помета: «Мих. П.» и ниже: «очень хороший человек и жаль, что редко приезжал»

Институт русской литературы АН СССР Ленинград

5 марта 1826 г.

Ввечеру 13 декабря Корнилович, приехав ко мне вместе с обер-прокурором Краснокутским и предупредив, что он, то есть Краснокутский, сочлен его по Южному обществу, сказал мне: «Решено; завтра присяга; берите свои меры. Мы были с этим известием у Трубецкого, но не застали его дома и приехали к тебе». Я спросил: «Точно ли?». Краснокутский сказал: «Точно. Я знаю это наверно. *Делайте что хотите*. Теперь собранье Совета, а завтра в 7 часов утра Сената». Предварительно ни Краснокутский, ни Корнилович о совещаниях извещаемы не были. О первом, что он член, я узнал, как выше показано, в тот самый вечер от Корниловича, а о сем — дни за два до 14 декабря, по приезде его из отпуска. Кто был еще тогда у меня, кроме их, не помню. Александр Бестужев вошел пред их отъездом.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(Там же, л. 43 — 43 об.).

Семен Григорьевич Краснокутский (ум. в 1840 г.)—обер-прокурор Сената, член Союза Благоденствия, а затем Южного общества. Присутствовал на совещаниях членов Северного общества накануне восстания. По приговору суда был сослан в Сибирь на поселение на 20 лет.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ ШТАБС-КАПИТАНА Н. П. КРЮКОВА

24 января 1826 г.

Принадлежал ли к Тайному обществу штабс-капитан Крюков — не знаю и ни от кого об том не слышал.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 186, л. 6).

Николай Павлович Крюков (1800—1860) — штабс-капитан квартирмейстерской части. Членом Тайного общества не состоял. Был арестован потому, что жил вместе с М. Н. Глебовым и С. М. Палицыным и был знаком с Каховским, А. А. Бестужевым, Оболенским, Якубовичем и другими членами Тайного общества. На допросах только Палицын заявлял, что Крюков знал о мероприятиях, намеченных на 14 декабря. 30 января 1826 г. Крюков был освобожден.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ ШТАБС-КАПИТАНА Н. И. КУТУЗОВА, ПОРУЧИКА И. Ф. ЛЬВОВА, ПОРУЧИКА Н. В. ШЕРЕМЕТЕВА, КАПИТАНА М. А. НАЗИМОВА И ПОРУЧИКА К. П. ОБОЛЕНСКОГО 2-го

30 января 1826 г.

О Кутузове слышал, что он давнишний член Общества, но сам с ним не имел прямых сношений по делам Общества, и имел ли кто таковые — не знаю, равно как и о том, кто его принял, какое он принимал участие в действиях и намерениях Общества и было ли ему сообщено о предприятии 14 декабря.

Поручика Львова не знаю, равно Шереметева [1]. Назимов и Оболенский 2-й, если они члены Общества, то должны быть приняты Евгением Оболенским, ибо обоих я встречал часто у него. Были ли ж они действительно членами и если были, какое принимали участие в намерениях Общества и предварены ль были о предприятии 14 декабря, мне неизвестно.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 196, л. 12—12 об.).

Николай Иванович Кутузов (ум. в 1849 г.) — штабс-капитан, старший адъютант Штаба гвардейского корпуса, член Союза Благоденствия. В позднейших тайных организациях не участвовал. Вскоре после ареста освобожден с «очистительным аттестатом».

Илья Федорович Львов (ум. в 1841 г.) — поручик л.-гв. Измайловского полка. Е. П. Оболенский показал, что он, а также А. Л. Кожевников и Я. И. Ростовцев

сообщили Львову о существовании и намерениях Тайного общества и что последний обещал содействовать восстанию. Кожевников и Ростовцев этого не подтвердили. В феврале 1826 г. Львов был освобожден без взыскания.

Николай Васильевич Шереметев (1804—1849) — поручик л.-гв. Преображенского полка. Член Северного общества. А. А. Бестужев показал, что о принадлежности Шереметева к Тайному обществу узнал от Рылеева. После завершения следствия Шереметев был переведен из гвардии в армейский полк.

О Назимове — см. стр. 194 настоящего тома.

Константин Петрович Оболенский 2-й, кн. (1798—1861) — поручик л.-гв. Павловского полка, адъютант генерала Потемкина. Был членом Союза Благоденствия, а затем Московской управы, руководимой И. И. Пущиным. Присутствовал на совещаниях членов Тайного общества у своего брата Е. П. Оболенского и у А. А. Тучкова в Москве. 14 декабря в Петербурге не был. По окончании следствия был переведен из гвардии в Финляндский отдельный корпус.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ ПОДПОЛКОВНИКА И. П. ЛИПРАНДИ

13 февраля 1826 г.

Подполковника Липранди вовсе не знаю, а равно неизвестно мне, с которого времени принадлежал он к числу членов Тайного общества, кем был принят и какое оказывал участие в намерениях и действиях Общества.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 191, л. 10).

Иван Петрович Липранди (1790—1880) — подполковник квартирмейстерской части. Был арестован в связи с показанием Комарова о том, что Липранди является членом Тайного общества. Другие этого не подтвердили, только полковник И. Г. Бурцов указал на связи Липранди с В. Ф. Раевским, К. А. Охотниковым и М. Ф. Орловым. После допроса освобожден с «очистительным аттестатом».

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ КОРНЕТА И. Д. ЛУЖИНА

17 февраля 1826 г.

Лужина вовсе не знаю, равно принадлежал ли он к числу членов Тайного общества, кем был принят и знал ли о намерении на 14 декабря — мне неизвестно.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 113, л. 2).

Иван Дмитриевич Лужин (1804—1868) — корнет л.-гв. конного полка. По показанию А. И. Одоевского, был принят в Тайное общество А. А. Плещеевым. Плещеев подтвердил, что он предложил Лужину вступить в Тайное общество и тот согласился. В деятельности Общества участия не принимал. Репрессиям не подвергался.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ К. Д. ЛУКИНА

1 марта 1826 г.

Г-на Лукина вовсе не знаю и никогда не слышал, чтобы он принадлежал к числу членов Тайного общества.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 260, л. 7).

Константин Дмитриевич Лукин (ум. в 1831 г.) — подпоручик л.-гв. конной артиллерии. Обещал И. П. Коновницыну содействовать восстанию. Отказался дать присягу Николаю I. Был на Сенатской площади. К следствию не привлекался.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ ПОДПОЛКОВНИКА А. М. МИКЛАШЕВСКОГО

26 февраля 1826 г.

Подполковника Миклашевского вовсе не знаю, и не только о том, что он оставался ли членом Общества по возобновлении оного в 1821 году, но даже и то, был ли он когда прежде членом Общества, мне неизвестно, и я ни от кого о том не слышал.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 76, л. 15).

Александр Михайлович Миклашевский (1796—1831) — подполковник 22-го егерского полка. По его показанию, он в феврале 1821 г. был принят Е. П. Оболенским в Тайное общество, организованное в Измайловском полку, а в апреле того же года — Н. И. Тургеневым в другое Тайное общество, имевшее целью «способствовать освобождению крестьян». После окончания следствия по его делу Миклашевский месяц сидел в крепости, а затем отправлен на службу в Кавказский отдельный корпус.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ ШТАБС-КАПИТАНА М. А. НАЗИМОВА

2 марта 1826 г.

Если Назимова принял полковник Нарышкин, то об нем может объяснить князь Оболенский, у которого я обоих их встречал. Знаю только, что Назимова пред 14 декабрем в Петербурге не было, ибо я слышал от Оболенского, что он прислал из отпуска просьбу об отставке.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 386, л. 19).

Михаил Александрович Назимов (1801—1888) — штабс-капитан л.-гв. конно-пионерного эскадрона, член Северного общества с 1823 г. Принял в Общество подпоручиков Кожевникова и Лаппу. Во время восстания в Петербурге не был. По приговору суда был сослан в Сибирь на поселение, откуда переведен рядовым в Кавказскую армию.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ТОМ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ Н. Н. ОРЖИЦКИЙ ПРЕДЛАГАЛ ПОВЕСИТЬ ЦАРЯ И ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ

15 мая 1826 г.

Оржицкий об императорской фамилии у меня никогда ничего не говорил и не мог говорить, как не принадлежащий к Обществу. О женитьбе же своей и что он сердит на московских бар, он очень часто шуточно говаривал у меня при многих, и может статься, что он сказал показанное Завалишиным и при нем, но я истинно не помню, так ли он сказал, или иначе. Но то утвердительно могу сказать, что Оржицкий ничего подобного ни при Завалишине, ни без него никогда не говорил об императорской фамилии.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 382, л. 18).

Николай Николаевич Оржицкий (1796—1861) — отставной штабс-ротмистр. Близкий приятель Рылеева, Бестужева, Одоевского, Оболенского и других декабристов. Знал о существовании, цели и планах Северного общества. В восстании 14 декабря участия не принимал. Переведен на службу в Кавказский отдельный корпус.

Дивов и Беляев показали, что Завалишин однажды хвалил выдумку Оржицкого: построить высокую виселицу и повесить на ней царя и великих князей «одного к ногам другого». Завалишин показал, что он будто бы говорил только о предложении Оржицкого повесить С. С. Апраксина, а к его ногам всех тех, кто мешал Оржицкому в его делах.

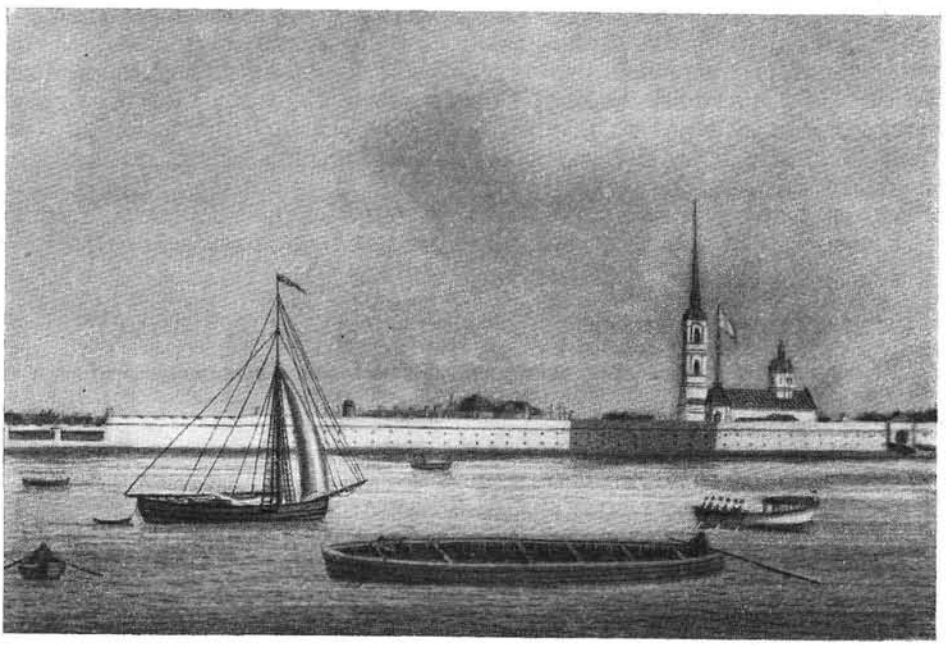
ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ Г. А. ПЕРЕТЦА

11 февраля 1826 г.

Кем и когда принят в члены Тайного общества титулярный советник Перетц мне неизвестно; равномерно — какое принимал участие в намерениях и действиях Общества. Я его вовсе не знаю и потому не знаю также, был ли он известен о предприятии нашем на 14 декабря и способствовал ли произведению оного.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 66, л. 5).



НЕВА И ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ
Гуашь неизвестного художника, первая половина XIX в.
Эрмитаж, Ленинград

Григорий Абрамович Перетц — титулярный советник, сын петербургского банкира, член Союза Благоденствия. В 1820 г. создал Тайное общество, приняв в него Д. А. Искрицкого, Н. Д. Сенявина, А. Ф. Дребуша, Е. П. Немировича-Данченко, П. М. Устимовича и М. Д. Лаппу. Знал о существовании и планах Северного общества. Осуждал нерешительность действий восставших 14 декабря. После завершения следствия был заключен на два месяца в крепость, а затем сослан в Пермь под надзор полиции.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ Н. В. ПУТЯТЫ

25 февраля 1826 г.

Путяту знаю лично, но что он принадлежал к числу членов Тайного общества, того не подозревал и ни от кого не слышал.

Подпоручик Кондратий Рылеев.

(д. 133, л. 6).

Николай Васильевич П у т я т а (1802—1877) — адъютант генерала А. А. Закревского. Майборода, Пестель, Волконский показали, что Путята был принят в Северное общество, но сведения эти основывали на чужих словах. Е. П. Оболенский же показал прямо: «Путята есть действительно член Тайного общества и принимал в оном участие общее со всеми членами Общества <...> Имел сношения по делам Общества со мной» (там же, л. 13).

Путята к допросам не привлекался, но за ним был установлен секретный надзор.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ М. И. ПУЩИНА К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ И УЧАСТИИ ЕГО В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

3 апреля 1826 г.

Конно-пионерного эскадрона капитан Пущин, сколько мне известно, в члены Общества принят не был, но за несколько дней до 14 декабря он был у меня вместе с братом своим, и, как сей последний мне сказывал, ему только было открыто, что некоторые полки в случае переприсяги не будут присягать, на что и он изъявил свое согласие. Совещания о истреблении некоторых членов императорской фамилии никогда не было в точном смысле, ибо предложение Якубовича, поддержанное Арбузовым, тогда же мною и почти всеми единодушно было отвергнуто, и решено было, как мною и прежде показано, задержать императорскую фамилию до съезда Великого собора. Капитану Пущину и сего я не объявлял и вообще ни с ним, ни с другими, кой находились не в моей отрасли (кроме двух или трех человек), я никаких разговоров не имел по делам Общества.

(д. 373, л. 17—17 об.). Подпоручик Кондратий Р ы л е е в

Михаил Иванович П у щ и н (1800—1869) — брат И. И. Пущина, капитан л.-гв. конно-пионерного эскадрона. Знал о существовании Тайного общества и его планах. Сблизился с Рылеевым за несколько дней до восстания и посещал собрания в его квартире. После завершения следствия был освобожден и определен на службу в Кавказский отдельный корпус.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НЕМ А. Е. РОЗЕНА

8 марта 1826 г.

Принадлежал ли к числу членов Тайного общества поручик барон Розен, мне неизвестно. За несколько дней до 14 декабря был он у меня, и потом видел я его у князя Оболенского, но при нем говорено было только о средствах, как заставить солдат не присягать вновь; о цели же Общества, то есть, чтобы сим случаем воспользоваться для перемены образа правления, не упоминали, и потому я полагаю, что он в Общество принят не был.

Подпоручик Кондратий Р ы л е е в

(д. 387, л. 15).

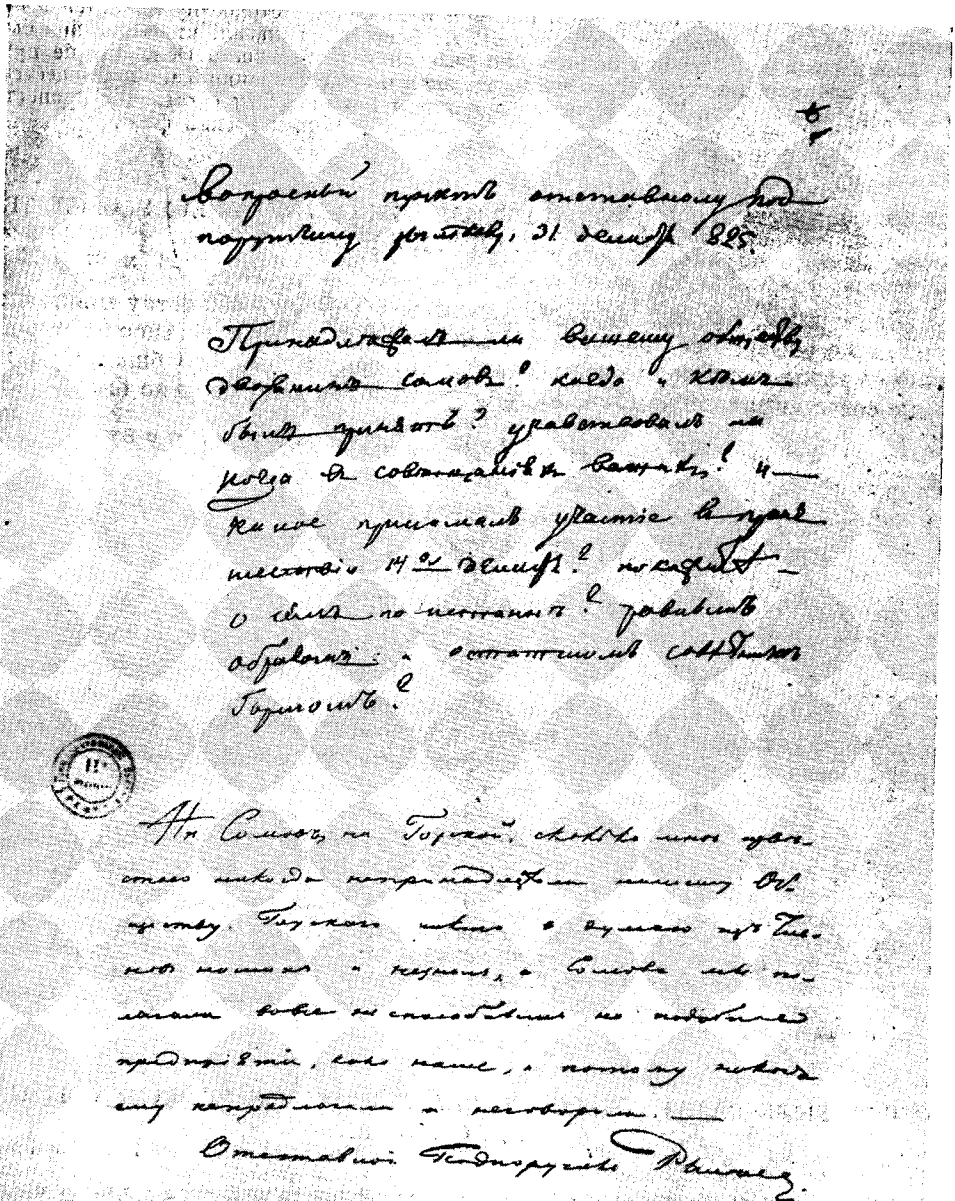
Андрей Евгеньевич Р о з е н, барон (1800—1884) — поручик л.-гв. Финляндского полка, член Северного общества. Активно участвовал в подготовке выступления 14 декабря. Был в каре на Сенатской площади, но вернулся в свой полк, чтобы привести его туда же. Когда генералы Комаровский и Головин повели его батальон для подавления восстания, Розен на Исаакиевском мосту удержал стрелков, угрожая заколоть шпагой первого, кто пойдет. В течение шести лет был на каторжных работах в Сибири, после чего определен рядовым в Кавказский отдельный корпус.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИЧАСТНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ В. П. РОМАНОВА

3 февраля 1826 г.

Лейтенант Романов знает от меня о существовании Общества и обещал, когда будет нужно, принять участие в достижении цели, предположенной Обществом, и по первому известию приехать, куда будет ему назначено от меня.

(д. 78, л. 9). Подпоручик Кондратий Р ы л е е в



ПОКАЗАНИЕ РЫЛЕЕВА ОБ О. М. СОМОВЕ и О. В. ГОРСКОМ ОТ 31 ДЕКАБРЯ 1825 г.
Центральный исторический архив. Москва

Владимир Павлович Романов (1796—1864) — лейтенант Балтийского флота. Вместе с М. П. Лазаревым в 1820—1822 гг. совершил кругосветное путешествие. Дело о Романове возникло в связи с его письмом к Рылееву, которое публикуется в настоящем томе (стр. 162). На следствии Н. А. Бестужев показал, что «Романов был принят Рылеевым нынешней осенью», но участия в деятельности Общества не принимал. Романов признался лишь в том, что знал о существовании Тайного общества, но членом его не был. По завершении следствия Романов был оставлен в крепости еще на три месяца, а затем отправлен на службу в Черноморский флот.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ А. В. СЕМЕНОВА

21 марта 1826 г.

Надворный советник Алексей Семенов к Тайному обществу принадлежал, но о намерении Общества произвести 14 декабря известное неустройство не знал, и, сколько мне известно, никто ему о том не сообщал, а ровно и на совещаниях ни у меня, ни у Оболенского он ни разу не был.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 206, л. 5).

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС ОБ ИСТОЧНИКАХ СВЕДЕНИЙ, НА ОСНОВЕ КОТОРЫХ ОН НАЗВАЛ А. В. СЕМЕНОВА ЧЛЕНОМ ТАЙНОГО ОБЩЕСТВА

12 апреля 1826 г.

О принадлежности Семенова к числу членов Тайного общества слышал я от князя Оболенского. Сам же я с Семеновым ни об Обществе, ни о цели и намерениях оного никогда разговоров не имел. С какого времени почитался Семенов в числе членов, мне неизвестно; слышал только от Оболенского же, что он давнишний член.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(Там же, л. 14).

Алексей Васильевич Семенов (1799—1864) — надворный советник, член Союза Благоденствия. По показанию Оболенского, слышал от него о предстоящем выступлении 14 декабря. И. И. Пущин показал, что Семенов участвовал в совещании членов Тайного общества у А. А. Тучкова в Москве, но так как сам Семенов это отрицал, Пущин от своего показания отказался. Следственным комитетом Семенов был освобожден.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ Н. Д. СЕНЯВИНА

14 марта 1826 г.

Капитана Сенявина вовсе не знаю и что он принадлежал к числу членов Тайного общества я не знал и ни от кого о том не слышал, а потому и неизвестно мне, какое принимал он участие в намерениях и действиях Общества и с кем находился в особенных сношениях.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 198, л. 3).

Николай Дмитриевич Сенявин (1798—1833) — капитан л.-гв. Финляндского полка. По показанию Перетца, Сенявин был принят им в Тайное общество в 1820 г. Корнет А. Н. Ронов также подтвердил, что в ноябре 1820 г. Сенявин предлагал ему вступить в Тайное общество, созданное Перетцем. Сенявин все отрицал. Так как общество Перетца существовало самостоятельно, то Н. М. Муравьев, Трубецкой, Рылеев и другие показали, что Сенявин никакого отношения к Тайному обществу не имел. После трехмесячного ареста Сенявин был освобожден.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ О. М. СОМОВА И О. В. ГОРСКОГО

31 декабря 1825 г.

Ни Сомов, ни Горский, сколько мне известно, никогда не принадлежали нашему Обществу. Горского никто, я думаю, из членов наших и не знал, а Сомова мы полагали вовсе неспособным на подобное предприятие, как наше, и потому никогда ему не предлагали и не говорили.

Отставной подпоручик Рылеев

(д. 164, л. 7).

Орест Михайлович Сомов (1791—1833) — писатель, служащий Российско-Американской компании. Жил вместе с Рылеевым и А. А. Бестужевым в доме Компании, где происходили совещания членов Тайного общества. Рылеев, А. А. Бестужев, Трубецкой и другие показали, что он членом Общества не был и о существовании его не знал. После трехнедельного ареста Сомов был освобожден.

Осип (Юлиан) Викентьевич Горский (1766—1849) — отставной статский советник. Членом Тайного общества не был, но 14 декабря был с оружием в руках на Сенатской площади. По показаниям некоторых декабристов, агитировал солдат и «кричал с народом „ура"». Был сослан в Сибирь, где и умер.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОСЫ О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОРУЧИКА В. Д. СУХОРУКОВА К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ И ОБ УСТАВЕ СОЮЗА ВОССТАНОВЛЕНИЯ, КОТОРЫЙ БУДТО БЫ СУХОРУКОВ ВИДЕЛ У ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТА А. И. ЧЕРНЫШЕВА

23 марта 1826 г.

Кем был принят в члены Общества поручик Сухоруков, истинно не знаю. Помню только, что я и Александр Бестужев намеревались принять его, и однажды, испытывая мнения его о духе войска Донского, я ему сказал, что в России существует Тайное общество, имеющее целью ввести в России конституционное правление. Сухоруков сказал мне, что он подозревал это давно, но полагает это невозможным делом по настоящей умонаклонности. После того не помню, сам ли я сказал Сухорукову о сделанном мною открытии касательно Союза Восстановления, или то сделано было А. Бестужевым. Также не помню я от Сухорукова ли или от Александра Бестужева слышал прежде, что устав упомянутого *Союза* видел он, Сухоруков, у г. генерал-адъютанта Чернышева [1]. Впоследствии же Сухоруков о том и мне подтвердил лично. При сем никого свидетелем не было. Всего с Сухоруковым я говорил раза два. В разговоры сии вступал он неохотно и о войске Донском сказывал, что оно весьма любит правительство и государя-императора и привержено к ним.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 137, л. 1—1 об.).

Василий Дмитриевич Сухоруков (1795—1841) — поручик л.-гв. казачьего полка. Служил при генерал-адъютанте А. И. Чернышеве. Был близко знаком с Рылеевым, Бестужевым и Корниловичем, знал о существовании Тайного общества, но членом его не был. После 14 декабря Чернышев требовал ареста Сухорукова и захвата его бумаг, но за отсутствием показаний о принадлежности к Тайному обществу Сухоруков к следствию не привлекался. Был оставлен на Дону с учреждением за ним тайного надзора.

[1] Генерал Чернышев заявил в Следственной комиссии, что у него имелся экземпляр устава Союза Благоденствия, который, очевидно, и видел Сухоруков, устава же Союза Восстановления он не имел.

ОТВЕТЫ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНЫМ ОБЩЕСТВАМ П. П. ТРУБЕЦКОГО, А. А. СКАЛОНА, А. А. ОЛЕНИНА И ДР.

Января ⟨без числа 1826 г.⟩

1. *Князь Петр Трубецкой (брат Сергея Трубецкого)*: Не знаком и не знаю, принадлежал ли он когда Обществу.

2. *Скалон*: Знаю Скалона, служащего в Гвардейском генеральном штабе, но член ли он Общества, мне неизвестно.

3. *Оленин старший*: Оленина видел раза три и слышал от Оболенского, что он был членом Общества.

4. *Римский-Корсаков*: Вовсе не знаю.

5. *Князь Голицын лейб-гвардии Преображенского полка*: Вероятно, Валериан, которого я встречал у Оболенского и который теперь в отставке.

6. *Полторацкий, лейб-гвардии Измайловского полка*
7. *Один офицер, перешедший из егерского полка майором в Орловский полк*
8. *Корф (лейб-гвардии егерского полка)*

} Не знаю совершенно.

9. *Воейков*: Знаю из Воейковых одного сочинителя, но чтоб он принадлежал Обществу — не думаю.

10. *Полковник Бакунин*
11. *Сурмин или Сурнин, отставной офицер 37-го егерского полка*
12. *Чумпалов, отставной обер-офицер из 37-го егерского полка*
13. *Алимский, капитан 37-го егерского полка*
14. *Великошапкин, капитан 38-го егерского полка*
15. *Юмин, майор 38-го егерского полка*
16. *Лукашевич, предводитель дворянства (в Малороссии)*
17. *Каверин, майор*
18. *Давыдов Дмитрий (в Москве)*

} Совершенно никого не знаю и принадлежат ли они к Обществу, ни от кого не слышал.

19. *Раич, сочинитель*
20. *Чаадаев, бывший адъютант генерала Васильчикова*:

} Вовсе не знаю

21. *Катенин, бывший капитан лейб-гвардии Преображенского полка*: Раз пять встречался с ним, но, чтоб он принадлежал Обществу, не слышал.

22. *Отставной квартирмейстерской части подполковник Юрьев*: Вовсе не знаю.

Очень вероятно, что некоторые из означенных здесь лиц выбыли из Общества, ибо после Семеновской истории в Москве был съезд главнейших членов Общества, на котором положено было объявить некоторым из членов, что Общество уничтожилось. Об этом слышал я от Трубецкого. Кто же был на упомянутом съезде, он мне не сказал.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 243, лл. 2—3).

Петр Петрович Трубецкой, кн. (1793—1840) — член Союза Благоденствия.

Александр Антонович Скалон (1796—1851) — штабс-капитан Гвардейского генерального штаба, член Союза Благоденствия.

Алексей Алексеевич Оленин (1798—1854) — штабс-капитан Гвардейского генерального штаба, член Союза Благоденствия.

Григорий Александрович Римский-Корсаков (ум. в 1852 г.) — бывший полковник л.-гв. Московского полка, член Союза Благоденствия.

Валерьян Михайлович Голицын, кн. (1803—1859) — до 1824 г. поручик л.-гв. Преображенского полка, затем служил в департаменте внешней торговли, член Северного общества.

Александр Павлович Полторацкий — штабс-капитан л.-гв. Измайловского полка, член Союза Благоденствия.

Федор Иванович Корф — служил в л.-гв. егерском полку, член Союза Благоденствия.

Рылеев имел в виду литератора Александра Федоровича Воейкова (1779—1839). Спрашивать же его могли: 1) о лейтенанте гвардейского экипажа Воейкове, 2) о полковнике л.-гв. Измайловского полка А. П. Воейкове, 3) о члене Союза Благоденствия Н. К. Воейкове, отставном полковнике л.-гв. конного полка.

Василий Михайлович Бакунин (1795—1863) — полковник, бывший адъютант Московского генерал-губернатора, член Союза Благоденствия.

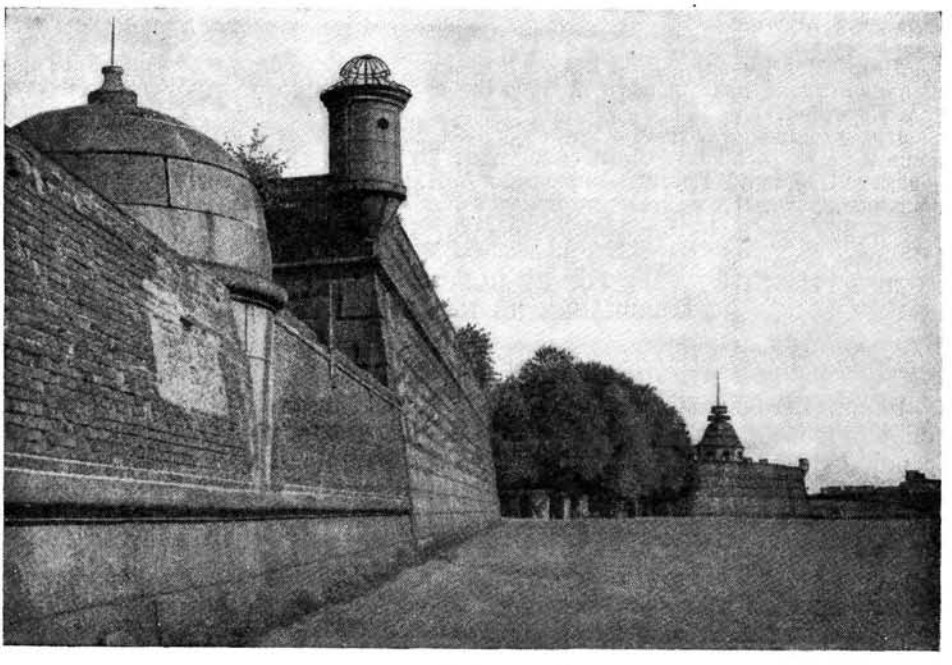
Сурнин — отставной капитан 37-го егерского полка, член Союза Благоденствия.

Чумпалов — отставной офицер 37-го егерского полка, член Союза Благоденствия.

Алимский — капитан 37-го егерского полка, член Союза Благоденствия. Убит во время войны с Турцией в 1828 г.

Афанасий Григорьевич Великошапкин — капитан 38-го егерского полка, член Союза Благоденствия.

Иван Матвеевич Юмин — майор 12-го егерского полка, член Союза Благоденствия.



БАСТИОН ПЕТРА I ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Фотография, 1948 г.

Литературный музей, Москва

Василий Лукич Лукашевич (1783—1866) — предводитель дворянства Переяславского уезда Киевской губ., член Союза Благоденствия. Был связан с членами Южного и Польского тайных обществ.

Петр Павлович Каверин (1794—1855) — майор Павлоградского гусарского полка, член Союза Благоденствия.

Дмитрий Александрович Давыдов (1786—1851) — офицер л.-гв. гусарского полка, член Союза Благоденствия.

Семен Егорович Раич (1792—1855) — литератор, член Союза Благоденствия.

Петр Яковлевич Чаадаев (1794—1856) — бывший адъютант генерала Васильчикова, член Союза Благоденствия.

Павел Александрович Катенин (1792—1853) — полковник Преображенского полка, член Союза Спасения, поэт и литературный критик.

Иван Юрьев — отставной подполковник квартирмейстерской части, член Союза Благоденствия.

Дело о данной группе лиц было заведено в связи с показаниями И. Г. Бурцова, назвавшего их членами Тайного общества. Никто из поименованных лиц к следствию не привлекался, за исключением В. Л. Лукашевича и В. М. Голицына. Последний назван по имени Рылеевым и другими членами Северного и Южного обществ, хотя Бурцов, очевидно, имел в виду Павла Александровича Голицына, бывшего члена Союза Благоденствия, который, однако, служил не в Преображенском, а в Семеновском полку. П. А. Голицын знал о существовании Северного и Южного обществ, и, хотя к следствию не привлекался, за ним был установлен полицейский надзор.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ П. М. УСТИМОВИЧА

〈Без даты〉

Устимовича вовсе не знаю и никогда и ни от кого ничего о нем не слышал и потому и не могу сказать, какое он принимал участие в делах Общества, если к нему принадлежал, и кем в оное был принят. Равно неизвестны мне ни имя его, ни звание, ни местопребывание.

Подпоручик Рылеев

(д. 244, л. 106).

Петр Максимович Устимович — надворный советник, секретарь канцелярии главноуправляющего в Грузии. В 1820 г. принят в Тайное общество Г. А. Перетцем.

При отъезде на службу в Грузию в 1821 г. получил от Перетца шифр для переписки и наказ расширять состав Общества. Предлагал Кюхельбекеру вступить в Общество Перетца. В Грузии в окружении А. П. Ермолова играл видную, хотя и неофициальную, роль. К следствию не привлекался.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС ПО ПОВОДУ ПОКАЗАНИЙ В. И. ШТЕЙНГЕЛЯ О СОВЕЩАНИИ НА КВАРТИРЕ РЫЛЕЕВА

28 марта 1826 г.

Барон Штейнгель не имел никакой надобности убеждать меня, что неприлично дело свободы отечества и водворения порядка начинать беспорядками и кровопролитием. Ссылаюсь на всех членов, бывших на совещаниях, что я всегда был против кровопролития и беспорядка. Насчет императорской фамилии, говорил ли что́ барон Штейнгель — не помню. Но ему было известно, что цель Общества есть введение монархической конституции, а план действий — вытребование оной посредством Сената и созвание Великого собора, который должен был определить подробности конституции. Насчет же того мнения, что до кровопролития не дойдет и не допустят, то повторяю, что не я один думал так, но почти все случавшиеся на совещаниях, ибо полагали, что солдаты не будут стрелять в солдат, а напротив еще, соединятся с возмутившимися и что тогда посредством силы можно будет сохранить устройство и порядок. Можно утвердительно сказать, что это почти всеобщее мнение и решило нас начать действия. Уверять же барона Штейнгеля, что никак не дойдет до кровопролития, я не мог, ибо это противоречило бы плану Общества: в случае неудачи — ретироваться на поселения. Барон Штейнгель знал, что положено было воспользоваться переприсягою, и как это, так и план Общества — посредством Сената созвать Великий собор и до съезда оного задержать императорскую фамилию — одобрял или, по крайней мере, соглашался на то.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 360, л. 30—30 об).

Владимир Иванович Штейнгель, барон (1783—1862) — отставной подполковник. В члены Северного общества был принят в 1824 г. Рылеевым и И. И. Пущиным. Участвовал в подготовке восстания 14 декабря. По предложению Рылеева, писал проект манифеста Сената о создании Временного правительства. На Сенатской площади 14 декабря не присутствовал. Был осужден на 15 лет каторжных работ с последующей ссылкой на поселение в Сибирь.

Вопрос Рылееву был задан в связи с показанием Штейнгеля о том, что на совещании у Рылеева он (Штейнгель) убеждал избегать беспорядков и кровопролития и что Рылеев с этим согласился.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ А. А. ШТОРХА

7 февраля 1826 г.

Подпоручика Шторха вовсе не знаю и ни от кого не слышал, чтобы он был член Общества. На совещаниях никогда он не был и какое принимал участие в намерениях и действиях Общества 14 декабря, мне неизвестно.

Подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 77, л. 7).

Александр Андреевич Шторх (1804—1870) — подпоручик л.-гв. гренадерского полка. Членом Тайного общества не был. Близкий знакомый А. Н. Сутгофа, Н. А. Панова и других членов Северного общества. 14 декабря находился в каре на Сенатской площади, куда, по его показанию, попал по ошибке. После картечных выстрелов спрятался с 40 солдатами в сенатском подвале, где и был арестован. После завершения следствия по его делу Шторх был переведен из гвардии в армейский полк.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕВЕРНОГО ОБЩЕСТВА В НОВГОРОДСКИХ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ

25 декабря 1825 г.

Ни членов, ни сообщников в Новогородском поселении мы не имели, а наверно полагали, что поселенные войска пристанут к нам, рассуждая, что они не могут быть довольны своим состоянием. Подполковник Батеньков, занимающий столь важный пост при графе Аракчееве, сказывал, что поселения, особенно Старорусское, сильно негодуют и готовы возмутиться при первом случае, но он говорил только о нижних чинах в сем смысле, а об офицерах сказывал вообще, что они никуда не годны.

Отставной подпоручик Кондратий Рылеев

(д. 359, л. 40).

ОТВЕТЫ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОСЫ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ

31 декабря 1825 г.

1. *О списке письма Южного общества к Польскому обществу, переданном Корниловичем Трубецкому.*

Корнилович отдал список упомянутого письма князю Трубецкому при мне, кажется, 13-го числа; содержание же письма сего мне неизвестно; я не успел оного прочесть; оно должно быть у Трубецкого.

2. *О сношениях Южного тайного общества с Варшавским.*

Чрез кого Южное общество имело сношение с Варшавским — не знаю, и вообще о существовании Польского общества я узнал только за несколько дней до 14-го числа, прежде — от Трубецкого, потом — от Корниловича. Сей последний сказывал, что Южное общество в начале 1824 года заключило какое-то условие с Варшавским. В сем условии, между прочим, говорено было и о границах будущих между Россиею и Польшею. Это он сказывал мне на пути к Трубецкому и потому о подробностях мне некогда было расспросить его.

3. *О намерении Южного общества совершить покушение на Александра I в Таганроге.*

Об обстоятельствах 3-го пункта мне вовсе ничего не известно.

Отставной подпоручик Рылеев

(д. 421, лл. 26—27).

ПОКАЗАНИЯ РЫЛЕЕВА О СОВЕЩАНИИ ЧЛЕНОВ ТАЙНОГО ОБЩЕСТВА В ЕГО КВАРТИРЕ 13 ДЕКАБРЯ 1825 г. И О РАЗГОВОРАХ В ОБЩЕСТВЕ О А. П. ЕРМОЛОВЕ, М. М. СПЕРАНСКОМ И Н. С. МОРДВИНОВЕ

4 января 1826 г.

〈1〉

Декабря 13, как и во все дни с самого дня болезни моей, под видом посещений больного, квартира моя сделалась сборным местом членов Общества, и потому я не могу хорошо припомнить, кто именно был у меня во время совещания. Помню только, что были Трубецкой, Якубович, Бестужев (Александр), Булатов, Оболенский, Щепин-Ростовский, Сутгов, Арбузов, я и Пущин. В совещаниях участвовали все, план же предложен был Трубецким. Причем, когда некоторые находили невозможным действовать с успехом, Трубецкой сказал, что если ему здесь делать нечего, то он поедет в 4-й корпус войск и там начнет. Говорил также очень много Якубович. Поручения сделаны были за несколько дней ротным командирам от Трубецкого — в случае переприсяги не присягать и стараться роты свои, а если можно и полки, привести на Сенатскую площадь, где должны будут принять начальство Трубецкой, а под ним Булатов и Якубович.

〈2〉

Об Ермолове я говорил Каховскому, что он 〈Ермолов〉, встретившись с Граббе, бывшим его адъютантом, сказал ему: «Оставь вздор, государь знает о вашем Обществе». Об этом слышал я, кажется, от Никиты Муравьева. Об Сперанском же я никогда ничего не говорил подобного, что показал Каховский, но, признаюсь, я думал, что Сперанский не откажется занять место во Временном правительстве. Это основывал я на его любви к отечеству и на словах Батенькова, который мне однажды сказал: «Во Временное правительство надо назначить людей известных». И когда я ему на это сказал, что мы думаем назначить Мордвинова и Сперанского, то он сказал: «Хорошо». Итак, если я что-либо говорил о Сперанском Каховскому, то не что другое, как здесь показанное. Это можно узнать, спросив его, когда я говорил. Батеньков принят, кажется, за месяц 〈до 14 декабря〉 Бестужевым и знал их до меня. Потом я познакомил его с Трубецким, после чего они очень часто виделись.

Подпоручик Кондратий Р ы л е е в

(Там же, лл. 46 об. — 47).

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О ЕГО СНОШЕНИЯХ С ФЛОТОМ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НАМЕРЕНИЯ ТАЙНОГО ОБЩЕСТВА ВЫВЕЗТИ ЦАРСКУЮ СЕМЬЮ ПОСЛЕ ПЕРЕВОРОТА ЗА ГРАНИЦУ

6 января 1826 г.

Сношений с морскими чиновниками, кроме Николая Бестужева, Арбузова и Завалишина, я не имел ни с кем, но вовсе не говорил с ними о намерении увезти царствующую фамилию в чужие края и сам только раз о том слышал в разговоре с Пестелем [1].

Подпоручик Кондратий Р ы л е е в

(д. 6, лл. 13 об. — 14).

[1] Ответ Рылеева не соответствует действительности. На самом деле Рылеев очень много уделял внимания флоту, в частности — Кронштадту, который он называл крепостью революции, «русским Леоном». Рылеев часто бывал в обществе морских офицеров, в том числе и в Кронштадте, где его однажды моряки качали на руках. Он настоятельно добивался создания во флоте особого филиала Тайного общества и отводил морякам важное место в предстоящих революционных событиях. Об этом говорят показания Н. А. и А. А. Бестужевых, Арбузова, Завалишина, Пестеля, Трубецкого, Батенькова и публикуемые здесь выдержки из показаний Бриггена, Назимова, А. В. Поджио, Торсона. Убедительность показаний последнего и свидетельства других заставляют думать, что разговор его с Рылеевым о вывозе за границу царской семьи действительно имел место.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О СУЩЕСТВОВАНИИ ТАЙНОГО ОБЩЕСТВА НА КАВКАЗЕ

6 января 1826 г.

О существовании Тайного общества в корпусе генерала Ермолова я никогда ни от кого ни малейшего не имел сведения. Якубович из членов здешнего Общества, кажется, даже до 12-го числа декабря знал только меня, Александра Бестужева и Одоевского, но ни им, ни мне никогда не сообщал о Кавказском обществе, и, сколько мне известно, из членов здешнего Общества никто никогда о Кавказском обществе ничего не слышал, ибо в противном случае Дума получила бы об том сведения [1].

(д. 6, л. 13 об.).

[1] Этим показанием Рылеев стремился снять вопрос о Кавказском тайном обществе и Ермолове.

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС О СУЩЕСТВОВАНИИ ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВ В СИМБИРСКЕ, ПЕНЗЕ, НИЖНЕМ-НОВГОРОДЕ И ДРУГИХ МЕСТАХ

10 января 1826 г.

Кто члены дум и управ Тайного общества в Симбирске, в Пензе, в Нижнем и в других местах — мне совершенно неизвестно, и о существовании Тайного общества в упомянутых городах никогда ни от кого не слышал.

Подпоручик Кондратий Р ы л е е в

(д. 7, л. 5).

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС: «В КАКОМ ПОЛКУ ИЛИ КОМАНДЕ ПРОДОЛЖАЛИ ВЫ СЛУЖБУ, В КОТОРОМ ГОДУ И МЕСЯЦЕ ВЫШЛИ В ОТСТАВКУ И КАК ВАШЕ ИМЯ И ОТЧЕСТВО?»

<Без даты>

Служил я в конно-артиллерийской роте, что была прежде № 1, а потом № 11. Вышел в отставку в декабре месяце 1819 года [1]. Зовут меня Кондратий Федоров сын.

Подпоручик Кондратий Р ы л е е в

(д. 277, л. 22).

[1] Рылеев вышел в отставку в декабре 1818 г. См. его письмо к свояченице, Настасье Михайловне Тевяшовой, от 14 января 1819 г.: «В 306 номере Инвалида увидел я, что приказом государя, отданным от 26 декабря, в С.-Петербурге, конно-артиллерийской № 12 роты прапорщик Рылеев увольняется от службы подпоручиком. по домашним обстоятельствам» (Р ы л е е в. Соч., стр. 452).

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС ОБ ИМЕНИЯХ, ЕМУ ПРИНАДЛЕЖАЩИХ

<Без даты>

Имение мое, состоящее <в> С.-Петербургской губернии, Царскосельского уезда в деревне Батове в 42 душах, заложено покойною родительницею моею, подполковницею Анастасиею Рылеевой в Опекунском совете в 1824 году. Срок платежам 3 июля.

Подпоручик Р ы л е е в

(д. 304, лл. 56а, 57).

ОТВЕТ РЫЛЕЕВА НА ВОПРОС, ИМЕЕТ ЛИ ОН С КЕМ-ЛИБО ТЯЖЕБНЫЕ ДЕЛА

<Без даты>

Тяжебное дело имею в Киевском главном суде с князем Александром Сергеевичем Голицыным, на окончание которого выдана мною с дозволения высочайше учрежденного комитета доверенность жене моей [1]. Имение мое не описывается ни по какому иску. Если же и случится какой иск, то жена моя по означенной доверенности сделает удовлетворение из имения моего.

Подпоручик Кондратий Р ы л е е в

(д. 303, л. 45а).

[1] А. С. Голицын начал судебное дело не против Рылеева, а против его отца, который в последние годы своей жизни управлял имениями Голицына.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ДЕКАБРИСТОВ О РЫЛЕЕВЕ

ИЗ ПОКАЗАНИЙ Г. С. БАТЕНЬКОВА

4 января 1826 г.

...Хотя и виделся с Рылеевым 13 декабря, но ни в каком заседании и совещании не был. Вообще все свидания мои с Рылеевым были случайные. Ни разу я не посылал за ним, ни разу он не посылал за мною. Сие не могло быть, если б мне надлежало участвовать в совещаниях. Трубецкому, в короткое время нашего знакомства, обыкновенно я платил визит за визит. Вообще с Рылеевым и Бестужевыми я был знаком как с литераторами и отнюдь не был так близок, как со многими другими лицами [1].

(д. 359, л. 33 об.).

1 февраля 1826 г.

...Самый первый намек по сему предмету сделан мне был Рылеевым в течение лета 1825 г., когда мы после обеда ходили по зале. Не помню точных слов, но он утверждал, что Россия и по древним воспоминаниям и по настоящей степени просвещения готова принять свободный образ правления. Я решительно тогда утверждал противное и говорил, что первый честолюбец легко может разрушить все, что бы ни было сделано подобного. Сим прекратился разговор и долго не возобновлялся ⟨...⟩

...Люди сии начали посещать меня чаще около половины ноября месяца, когда я был болен. Один раз Рылеев, заведя разговор о преобразованиях государственных, отдавал великое преимущество республикам, почитая самую Англию в рабстве, и, говоря, что она последняя освободится, старался убеждать, что сего же ⟨республики⟩ надобно желать и в России. Сие удостоверяло меня в неосновательности его образа мыслей, но, к несчастию, я не занялся решительным опровержением, а ограничился легкими возражениями ⟨...⟩

За несколько дней до происшествия, когда Рылеев был болен, я спустился к нему. Он, встретившись за ширмами, сказал: «Вот целый полк либералов». Входя в кабинет, я нашел тут несколько человек, не знаю каких. Вскоре пришел Пущин, коего Рылеев уже ожидал. Я видел его тут в первый раз и сказал ему, что знаю его по словам покойного князя Шаховского, его родственника, с коим я жил несколько лет, и хвалю в особенности за то, что он, отказавшись от блистательной службы, посвятил себя уездной. Между тем, помнится, Рылеев рассказывал о неудовольствиях какого-то полка, но большую часть времени занял рассказ Пущина о московском деле Алябьева [2]. Между тем приехал князь Трубецкой. Вообще говорили слишком вольно и дерзко, но каждый свое, громко и без всякой осторожности, хотя беспрестанно входил человек, подавая чай. И подумать нельзя было, что это заседание Тайного общества.

(Там же, л. 86 об.).

22 марта 1826 г.

...После обеда у Прокофьева ⟨Ивана Васильевича⟩ я упрекал Рылеева, что они, не принося пользы, раздражают только правительство [3]. Он начал убеждать, что сие нужно, что ежели мы долее будем спать, то не будем никогда свободными. Завел мечты о России до Петра и сказал, наконец, что стоит повесить вечевой колокол, ибо народ в массе его не изменился, готов принять древние свои обычаи и сбросить чужеземное. Я говорил ему, что горсть солдат все разрушить может и что восстановленный Новгород признает князем первого честолюбца, который к нему явится. Рылеев тотчас же меня оставил ⟨...⟩

Какое наказание полагается. Такъ какъ вины по особенному ихъ свойству не входятъ въ общее разрядъ, и о коихъ приложенъ особый списокъ

Списокъ Особамъ, Присутствующимъ въ Верховномъ Уголовномъ Судѣ.

Правой стороны въ первой половинѣ:

— Князь Лопухинъ. воинскаго устава по арт. 19. четвертовать.

— Князь Куракинъ. четвертовать

Мордвиновъ.

+ Графъ Морковъ. смертная казнь.

+ Князь Лобановъ-Ростовскій 2. наслѣдного смертного казни

+ Ланской 1. постыдная смертная казнь

+ Карцовъ. казнить смертною

— Балашовъ. воинскихъ артикуловъ 7. 19.

— Графъ Нессельроде. четвертовать.

(Графъ Воронцовъ.) не присутствуетъ

— Графъ Ливенъ воинскаго устава 1716го года Артикулъ 19ой

— Сперанскій. поступить воинскаго устава 1716го Арт. 19.

Князь Гагаринъ. поступить морскаго устава по указу 1720 года Кн. V. гл. 1 пункту

— Михаловскій. воинскаго устава 1716 года Артикулъ 19.

— Князь Шаховскій. поступить по воинскому уставу 1716 года артикулу 19.

— Грушецкій. поступить по воин. уставу 1716 года артикулъ 19

— Дивовъ. поступить по воин. уст. 1716. арт. 19. и морск. уставу 1720. Кн. V. гл. 1. пункт 1.

— Безродный. наказание по закону въ воинскомъ уставѣ 1716 года арт. 19.

— Князь Куракинъ. воинскаго устава артикула 19.

— Мавринъ. воинскаго устава артикулу 19.

— Вистицкій. воинскаго устава Артикула 19.

ПОИМЕННЫЕ ОТВЕТЫ ЧЛЕНОВ ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА НА ВОПРОС ОБ УСТАНОВЛЕНИИ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ ДЕКАБРИСТАМ, ПОСТАВЛЕННЫМ «ВНЕ РАЗРЯДА», 1826 г.

Написаны собственноручно каждым членом суда против его фамилии

Лист 1

Центральный исторический архив, Москва

Какое наказание полагается тѣмъ коихъ Вины по особенному ихъ свойству невходятъ въ общіе разряды, и о коихъ приложенъ особый списокъ.—

Списокъ Особамъ, Присутствующимъ въ Верховномъ Уголовномъ Судѣ.

Лѣвой стороны: въ первой половинѣ:

Митрополитъ Серафимъ.
Митрополитъ Евгеній.
Архіепископъ Авраамъ.
} Согласны съ Г. Предсѣдателемъ.

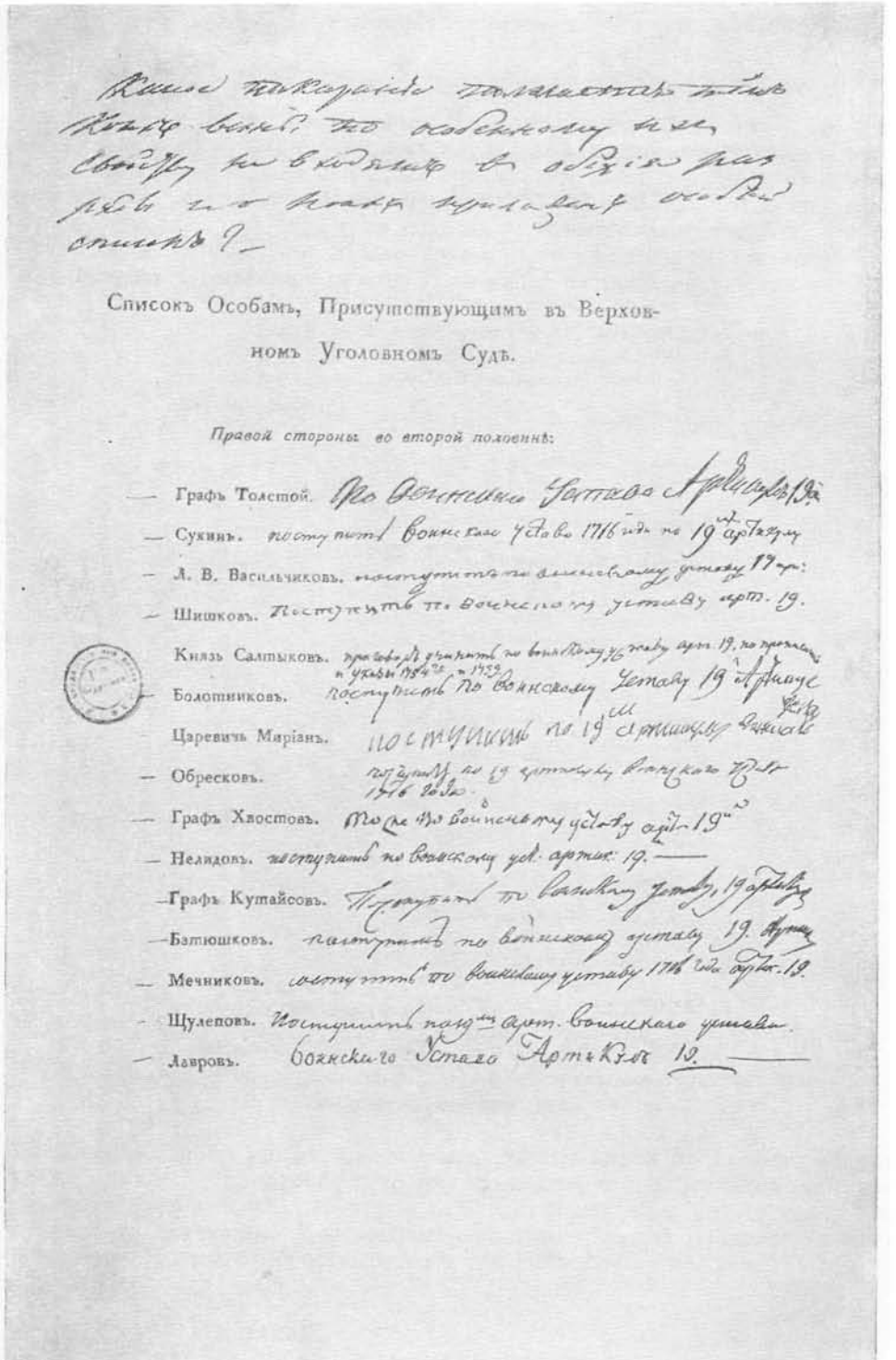
1 Графъ Голоркинъ. по 1му пункту сентенціи 1775 года
2 Графъ Ланжеронъ. по 1му пункту сентенціи 1775 года
(Воиновъ.) за болѣзнію не присутствуетъ
3 Графъ Ламбертъ. по 1му пункту сентенціи 1775 года Генваря 10 д.
4 Бороздинъ. по первому пункту сентенціи 1775 года Генваря 10 дня
5 Еманюель. по 1му пункту нижеписанной сентенціи 1775 года
6 Башуцкій. по 1му пункту нижеписанной сентенціи 1775 года
7 Бистромъ. по 1му пункту нижеписанной сентенціи 1775 года
8 Фенишъ. по 1му пункту нижеписанной сентенціи 1775 года
9 Ададуровъ. по 1му пункту [illegible] по нижеписанной сентенціи
10 Гладковъ. по 1му пункту нижеписанной сентенціи
(Графъ Орловъ.) умре
11 Мертенсъ. по первому пункту нижеписанной сентенціи
12 Карниловъ. по 1му пункту нижеписанной сентенціи
13 Дубенскій. по 1му пункту сентенціи 1775 года Генваря 10 д.
14 В. Хвостовъ. по сентенціи 1775 года Генваря 10 дня [illegible]
15 Мансуровъ. по 1 пункту сентенціи [illegible] Генваря 10. 1775.
16 Казадаевъ. по 1 пункту сентенціи, вносящее конфирмованной, Генваря 10 д. 1775 г.

ПОИМЕННЫЕ ОТВЕТЫ ЧЛЕНОВ ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА НА ВОПРОС ОБ УСТАНОВЛЕНИИ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ ДЕКАБРИСТАМ, ПОСТАВЛЕННЫМ «ВНЕ РАЗРЯДА». 1826 г.

Написаны собственноручно каждым членом суда против его фамилии

Лист 2

Центральный исторический архив, Москва



Какое наказаніе полагается тѣмъ
Коихъ вины, по особенному ихъ
свойству не входятъ въ обѣ сіи раз
ряды и о коихъ приложенъ особый
списокъ? —

Списокъ Особамъ, Присутствующимъ въ Верховномъ Уголовномъ Судѣ.

Правой стороны во второй половинѣ:

— Графъ Толстой. По воинскому Уставу Артикулъ 19.
— Сукинъ. поступить воинскаго Устава 1716 года по 19 артикулу
— Л. В. Васильчиковъ. поступить по воинскому уставу 19 арт.
— Шишковъ. Поступить по воинскому уставу арт. 19.
— Князь Салтыковъ. приговоръ учинить по воинскому уставу арт. 19, по прописанному и указу 1754 г. и 1759
— Болотниковъ. поступить по воинскому Уставу 19 Артикулу
— Царевичъ Миріанъ. поступить по 19 артикулу воинскаго Устава
— Обресковъ. поступить по 19 артикулу воинскаго Устава 1716 года.
— Графъ Хвостовъ. Тоже по воинскому уставу арт. 19
— Нелидовъ. поступить по воинскому уст. артик. 19.
— Графъ Кутайсовъ. Поступить по воинскому уставу, 19 артикулу
— Батюшковъ. поступить по воинскому уставу 19. Артикулу
— Мечниковъ. поступить по воинскому уставу 1716 года арт. 19.
— Щулеповъ. Поступить по 19 арт. воинскаго устава.
— Лавровъ. Воинскаго Устава Артикулъ 19.

ПОИМЕННЫЕ ОТВЕТЫ ЧЛЕНОВ ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА НА ВОПРОС ОБ УСТАНОВЛЕНИИ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ ДЕКАБРИСТАМ, ПОСТАВЛЕННЫМ «ВНЕ РАЗРЯДА», 1826 г.

Написаны собственноручно каждым членом суда против его фамилии

Лист 3

Центральный исторический архив, Москва

Какое полагается наказаніе тѣмъ, коихъ вины по особенному ихъ свойству не входятъ въ общія разряды и отсюда приложенъ особой списокъ!

Списокъ Особамъ, Присутствующимъ въ Верховномъ Уголовномъ Судѣ.

Лѣвой стороны во второй половинѣ:

Баронъ Строгановъ. четвертовать

Опперманъ. Четвертовать, но полагаю что некоторые лишь 1 разряда подлежатъ сенную наказанію, а чтобы въ свое время оставить

Сенявинъ. Четвертовать

Паскевичъ. четвертовать

Графъ Комаровскій. четвертовать.

(Закревскій.) не присутствуетъ

Кушниковъ. Четвертовать

А. В. Васильчиковъ. четвертовать.

Энгель. четвертовать

А. Хитрово. четвертовать

Барановъ. Четвертовать

П. Ланской. Четвертовать

Сумороковъ. Всѣхъ четвертовать и во всемъ поступить по примѣру Пугачева

Болгарскій. по 1-му пункту Сентенціи 1775 Генв. 10.

Полетико. по 1-му пункту Сентенціи 1775 Генв. 10.

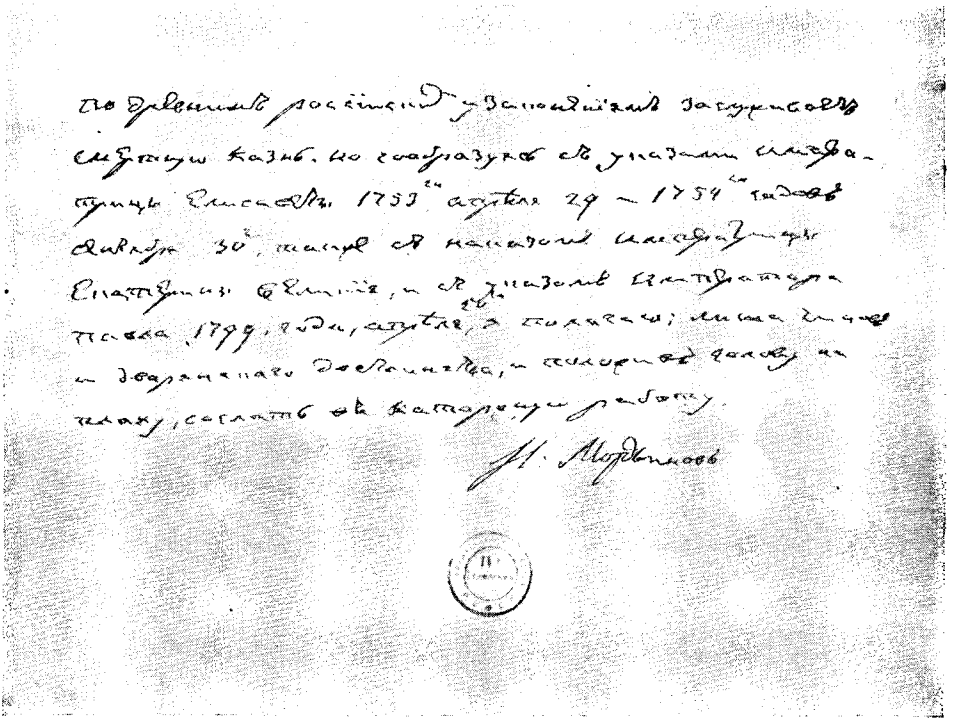
ПОИМЕННЫЕ ОТВЕТЫ ЧЛЕНОВ ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА НА ВОПРОС ОБ УСТАНОВЛЕНИИ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ ДЕКАБРИСТАМ, ПОСТАВЛЕННЫМ «ВНЕ РАЗРЯДА», 1826 г.

Написаны собственноручно каждым членом суда против его фамилии

Лист 4

Центральный исторический архив, Москва

После ⟨беседы с А. А. Бестужевым⟩ приехал Рылеев. Мне ясно уже было, что он в связи с Бестужевым. Разговор завел прямо о том, что в монархии не может быть ни великих характеров, ни истинных добродетелей ⟨...⟩, что в Европе даже и Англия пребывает в тяжком рабстве от аристократии, что она освободится после всех, а прочие должны ждать всего от России, где опыт 1812 года служит лучшим доказательством, что революция, не как в Неаполе, Пьемонте и даже в Гишпании, не может быть прекращена чужеземною силою. Я со своей стороны доказывал ему, что



ОСОБОЕ МНЕНИЕ Н. С. МОРДВИНОВА ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ ДЕКАБРИСТАМ, ПОСТАВЛЕННЫМ «ВНЕ РАЗРЯДА»

Н. С. Мордвинов, единственный среди судей, высказался против смертного приговора

Центральный исторический архив, Москва

по обширности государства, по опыту тысячи лет и по нравам нашим республиканское правление нам несвойственно, что по крайней мере для перехода нужна сперва монархия ⟨...⟩ Он сказал мне, что произведение переворота составляет цель жизни некоторых людей, образованных в Общество. Я отказался от всякого с сим Обществом сношения [4].

(Там же, лл. 113—116).

ИЗ ПИСЬМА Г. С. БАТЕНЬКОВА В СЛЕДСТВЕННУЮ КОМИССИЮ

22 марта 1826 г.

...Два дня спустя ⟨в начале декабря⟩ был я у Прокофьева. Рылеев прислал просить меня к себе убедительно. Я зашел, и он встретил меня известием, что целый полк может быть на стороне либералов и что он посылает просить к себе Трубецкого. Здесь Рылеев говорил, что один подоб-

ный случай, а именно — неповиновение Семеновского полка, был уже пропущен и что не должно повторять ошибок.

(Там же, л. 123).

О Г. С. Батенькове — см. стр. 182—183.

[1] Показание Батенькова написано в период отрицания им своей принадлежности к Тайному обществу.

[2] Громкое в то время уголовное дело об убийстве помещика Времева, длившееся около трех лет. В начале декабря 1825 г. по этому делу было объявлено решение Государственного совета, которым полковник А. Н. Алябьев (композитор) приговаривался к лишению чинов и дворянства и ссылке в Сибирь, хотя доказательств того, что он убил Времева, не было.

[3] У И. В. Прокофьева перед этим обедом шел разговор о преследовании правительством стихотворений Языкова «о новгородцах». Очевидно, имелось в виду стихотворение Н. М. Языкова «Военная новгородская песня 1170 года», которое, надо полагать, отличалось от опубликованного в 1833 г.

[4] А. А. Бестужев показал, что Батеньков на сообщение им о существовании Тайного общества ответил: «Я был бы недостоин имени русского, если не был бы там» (д. 359, л. 64). Позже Батеньков подтвердил это показание, выразив свой ответ Бестужеву в несколько иной редакции: «Я не был бы русским, если бы отстал от них».

ИЗ ДОПРОСА А. П. БЕЛЯЕВА

31 марта 1826 г.

Вопросы:

...2. Вскоре после смерти государя-императора к Дивову приходил лейтенант Акулов и между разговорами сказал: «Вот ваши сочинители свободных стихов твердят: „Я ль буду в роковое время позорить гражданина сан“, а как пришло роковое время, то они и замолкли <...>».

а) Справедливо ли все вышеприведенное?

б) Кто сочинил означенные стихи, и от кого они известны были вам и товарищам вашим?

3. Третьего года зимою мичман Бестужев 4-й принес к вам стихи сочинения Рылеева; стихи сии и рассказы Бестужева познакомили вас с образом мыслей Рылеева <...>

а) Какого рода были стихи, принесенные Бестужевым, и не упомните ли вы их?..

Ответы:

2. а) Справедливо.

б) Кто сочинил стихи — верно сказать не могу, но, кажется, Рылеев. Получил я их от Бестужева 4-го.

3. <...> а) Одни стихи были в честь Мордвинова[1], кои я не упомню. Другие же: «Я ль буду в роковое время...», кои я знаю наизусть и напишу на конце [2].

(д. 363, лл. 44—47 об.).

Александр Петрович Беляев 1-й (1803—1885) — мичман гвардейского экипажа. Принадлежность свою к Тайному обществу отрицал, но признал, что о существовании и целях Общества знал и разделял мнение членов Общества о необходимости истребления царствующей фамилии и введения республиканского строя. Принимал активное участие в восстании 14 декабря. Был сослан в каторжные работы на восемь лет, а затем после краткого пребывания на поселении зачислен рядовым в Кавказскую армию.

[1] Повидимому, имеется в виду ода Рылеева «Гражданское мужество».

[2] В конце показаний Беляев приводит по памяти 16 строк этого стихотворения. Они вымараны Татищевым по распоряжению Николая I (д. 363, л. 48—48 об.).

ИЗ ПОКАЗАНИЙ А. Ф. БРИГГЕНА

2 февраля 1826 г.

Дней за десять до моего отъезда из Петербурга бывшего прошлого 1825 года 6 июля г-н Рылеев, с коим я хотя и не был в связи, но коего

уважал как поэта, приехал ко мне по собственной надобности. После многих посторонних разговоров открыл он мне в присутствии свиты его величества капитана Никиты Муравьева, что он в большом недоумении, как поступить с Якубовичем, который приехал в Петербург и имеет намерение посягнуть на жизнь покойного в бозе почивающего императора ⟨...⟩ Рылеев взял на себя уговорить Якубовича оставить свое злонамерение...

(д. 372, л. 17).

ИЗ ДОПРОСА А. Ф. БРИГГЕНА

6 марта 1826 г.

Вопрос:

В дополнение показания вашего от 25 февраля Комитет требует от вас чистосердечного вашего сознания противу сделанных на вас положительных и верных показаний князем Трубецким, Рылеевым, Пестелем и другими, что вы, вопреки вашего отзыва, действительно имели от Рылеева следующие поручения: узнать от Трубецкого, в самом ли деле Южное общество так сильно, как говорил Пестель, переговорить с ним, Трубецким, о сумме Северного общества, хранившейся у него в руках, также доставить ему врученный вам устав Общества Восстановления, взятый у Завалишина. Далее, вы положительно говорили Бестужеву-Рюмину, члену Южного общества, о успехах Северного в приобретении членов во флоте...

Ответ:

Честь имею донести Комитету, что в последних числах июня, перед моим отъездом из Петербурга, Рылеев действительно просил меня при случае, если увижу князя Трубецкого, узнать о означенных в запросном пункте статьях. Приехав в Киев в конце сентября прошлого года, я сказал о сем князю Трубецкому, который мне ничего положительного не отвечал, а сказал только, что он в будущем месяце сам по семейственным делам едет в Петербург и там переговорит с Рылеевым ⟨...⟩

... Бестужеву-Рюмину я сказал, что Рылеев мне говорил, что в поездках по должности своей в Кронштадт он познакомился со многими офицерами, что между ими много либералов и что он надеется ими со временем усилить Общество, что за каким-то обедом, где они лишнее выпили, они качали Рылеева на руках и говорили ему: «Мы вас все так любим, что все ваши». Вот все, что я знаю. Положительного ничего не говорил и не мог сказать, ибо не знаю, кто сии офицеры.

(Там же, лл. 24—26 об.).

Александр Федорович Бригген (1792—1859) — отставной полковник, член Союза Благоденствия и, по показаниям Оболенского, Трубецкого, Пестеля, Митькова и других, входил в состав Северного общества, присутствовал на совещаниях и участвовал в деятельности Общества. Во время восстания 14 декабря находился в отпуску. Был сослан на два года в каторжные работы, после чего жил на поселении в Пелыме.

ИЗ ПИСЬМА А. М. БУЛАТОВА К НИКОЛАЮ I

25 декабря 1825 г.

... В одно время ⟨осенью 1825 г.⟩, быв в театре, встретил я приятеля детских лет Рылеева, с которым воспитывался вместе в 1-м кадетском корпусе. Свидание после четырнадцати лет было очень приятное. Говоря обо многом, по окончании театра, как водится между старыми знакомыми,

просили навестить друг друга; но ни я у него, ни он у меня не были. При встрече нашей в другой раз, в театре же, он подходит ко мне и говорит потихоньку, с усмешкою, о каком-то заговоре, который существует восемь или десять лет, и в будущем году будет всему решение. Признаюсь чистосердечно, я не поверил ему и полагал, что подобные разговоры — не что иное, как болтанье молодых людей, вошло в моду в столице; после сего довольно долго мы не видались ⟨...⟩

7-го числа ⟨декабря⟩ приезжают ко мне л.-грен⟨адерского⟩ полка офицеры Сутгоф и Панов, они куда-то торопились ⟨...⟩ Сутгоф мне говорит, что он был у Рылеева и застал его очень больным, он просит вас сделать одолжение приехать его навестить завтра поутру. Я дал слово, и мы расстались ⟨...⟩

8-е. На другой день я отправился навестить больного. Вхожу к Рылееву, нахожу его не совсем здоровым. Перед ним столик с книгами и лекарствами, сам он в халате, шея обвязана платком, как обыкновенно у больных людей. Я спросил — что у него? Он отвечал: «Жаба, братец, но теперь легче...» У него нашел я князя Трубецкого, но так как мы с ним до сего времени были незнакомы, то мы поклонились весьма сухо друг другу. Князь посидел недолго и вышел. Мы остались двое. Рылеев открывает мне о заговоре, слышанном мною в театре. Зная, что он женат и имеет дочь, я думаю, что он шутит, но он говорит сурьезно, описывает состав оного, который, как кажется, открыть довольно трудно. Меня поразило это так, что я ничего ему не отвечал. Не знаю, заметил ли он это или нет, но, кажется, понял так, как должно. Он знал, что я ни к каким подобным поступкам и в молодости лет не был сроден, но он продолжал следующим образом: «Я по старой нашей дружбе никак от тебя не мог этого скрыть: тебя знают здесь за благороднейшего человека ⟨...⟩ Комплот наш, — продолжал он, — составлен из благородных и решительных людей». Я отвечал ему, что так и должно быть, ибо на такие решительные дела малодушным решаться не должно. Ему это понравилось. «Тебя давно сюда дожидали, и первое твое появление обратило на тебя внимание». Он тронул мое самолюбие, и я был доволен, что отважные и не известные мне люди отдают мне справедливость. Тут кто-то вошел, и разговор наш кончился. Я, походя по комнате, просил его, чтобы он меня познакомил с своею женою и показал бы мне свою дочь. Все исполнено. К нему начали приходить незнакомые мне люди, и я уехал домой. Весь день провел дома и вечером был у моих малюток, занимался ими, но был скучен. Таким образом проведя вечер с любезными сердцу моему, отправился домой. Придя к себе, узнал, что Рылеев просит меня приехать опять к нему завтрашний день (9-е число). В назначенное время отправляюсь я опять к Рылееву, застаю его все еще нездоровым. Садимся, и он открывает, в чем состоит заговор, основанный на пользе отечества. Из открытия его узнал я следующее и главное то, чтобы уничтожить монархическое правление и власть тиранскую, как говорит Рылеев, которую присвоили себе цари над равным себе народом. Я спросил у него: «Какая же в этом польза отечества?» Он продолжает: «Когда мы успеем в своем предприятии (на которое они полагали твердую надежду), на время избран диктатором князь Трубецкой, устроим временное правление, потом вызовем из каждой губернии каждого уезда депутатов по два дворянина, по два купца и по два мещанина — состав народного правления». Я ему сказал на это, что вижу из этого только другое правление, но так как теперь новый император (в то время царствовал цесаревич Константин), гвардия вся его любит, и описываю все, что помещено у меня выше, в отдаваемой справедливости народа, добавя к тому, что партия их упустила в 821 году самый удобный случай во время возмущения Семеновского полка; он отвечал мне на это, что они тогда не так были сильны, но теперь совсем готовы; я опять напом-

нил ему, что новый государь любим народом и войсками. И мне открывает он, что уже план готов и для царствования Константина, с тою разницею, что так как он народом любим, так надо было дожидать год, а может быть и более, тогда главные товарищи заговора должны стараться входить в милость его и искать мест быть ближе к нему и окружить его вместо собственных своих друзей друзьями заговора и таким образом совершенно им завладеть. Я одобрил этот план, уверяя, что буду при нем через генерала Сипягина, которого я считаю другом и благодетелем, имея в виду то, что все, что это он мне говорит, вздор, и каким образом попасть ко двору тому, кто идет прямою фронтовою службою ⟨...⟩

Насчет короны было говорено много злого, что корона русская ныне подносится, как чай, и никто не хочет. Эти вести будто бы напечатаны в иностранных газетах; насчет императорского титула говорено, что ныне в императоры обходят так же, как из прапорщиков в подпоручики; эти вести — изобретения языка моего. На случай вступления на престол ныне царствующего императора сделано было два плана: первый положено произвести в действо при приводе войск к присяге под предлогом, что не хотят иметь на престоле ныне царствующего государя Николая I, а требовать цесаревича Константина. Я в пользу государя не говорил ни слова и, основавшись на слухах, старался в душе своей возродить ненависть. Другой план — если по какому-нибудь случаю во время присяги не будет действия, то в таком случае отложить до коронации. Услыша от него обо всех планах, я спросил опять о пользе отечественной, он что-то сказал, употребя имя действительного тайного советника Сперанского. Когда спросил я его о войске, то он объяснил мне, что они очень сильны, и будто покойный государь знал это и рассказывал генералу от инфантерии Ермолову, а сей последний советовал поберечься Фонвизину ⟨...⟩ В это время отворяется дверь, входит какой-то молодой человек; Рылеев говорит: «Это наш» ⟨...⟩

К Рылееву в это время кто-то пришел, и разговор наш кончился; начали находить молодые люди, я видел их человек четырех и познакомился в первый раз с князем Одоевским ⟨...⟩ Посидя немного, уехал.

11-го ⟨вечером⟩ ⟨...⟩ выхожу и вижу Сутгофа; он приехал ко мне от Рылеева для того, чтобы попросить меня, не приглашу ли я кого из лейб-гренадерских офицеров в их партию ⟨...⟩

12-го поутру поехал я к Рылееву, но, узнав от него, что вечером будут у него многие товарищи, получил две книги его сочинений в подарок и уехал опять домой. Обедал дома и вечером поехал опять к нему для общего собрания. Я приехал в 7 часов, застал у него дамскую компанию неизвестных мне дам, пил чай. Начали собираться и не более как ротные командиры; во фраке был Пущин и адъютант Бестужев в военном сюртуке. Я дожидал еще чего-нибудь посерьезнее. Получаса назад, не знаю, мелькнул какой-то полковник, который после не являлся и которого я почти не заметил. Приходит Трубецкой; Рылеев меня знакомит с ним. Входит Якубович. Не знаю отчего, только я душевно порадовался. Я знал прежде его по одним слухам и потом по приобретенной им славе в Грузии, а здесь познакомились с ним. По числу начальников нельзя было думать, чтобы войск было более шести рот. Я не вытерпел и спросил Рылеева, как велика наша сила. Он отвечал мне, что многие начальники уже разъехались и что мы довольно сильны: «Пехота, кавалерия и артиллерия — всё есть» ⟨...⟩

Выйдя с Якубовичем, мы за воротами встретили полковника Глинку, который прежде служил у графа Михаила Андреевича Милорадовича, сели с Якубовичем в карету и поехали ко мне. В карете я спрашиваю его, давно ли он в этой партии. «Нет, недавно» ⟨...⟩ Тут я ему рассказал следующее: Рылеева я знаю давно и, быв детьми, вместе в 1-м кадетском корпусе воспитывались: мы были в одной роте ⟨...⟩

⟨На следующий день⟩ является ко мне Сутгоф. Я догадался, что он имеет во мне надобность, вышел в другую комнату и получил от него письмо следующего содержания: «Любезный друг! Сейчас приехал его императорское высочество великий князь Михаил Павлович, явись завтра, пожалуйста, в 7 часов в лейб-гвардии гренадерский полк. Любезный. Честь. Польза. Россия». Подписано: Конд. Рылеев. «Хорошо, — подумал я, — если все это справедливо».

(д. 159, лл. 5—47).

Александр Михайлович Булатов (1793—1826) — полковник, командир 12-го егерского полка. Был принят в члены Северного общества Рылеевым незадолго до восстания. Участвовал в его подготовке и осуществлении. Умер во время следствия в Петропавловской крепости.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ Ф. Н. ГЛИНКИ

⟨15—16⟩ февраля 1826 г.

Добрая Рылеева жена — мне кума; он сам был мне несколько одолжен и обходился со мною весьма уважительно. В исходе прошлого года отдал я одну из моих книг для печатания в типографию Главного штаба, а *корректуру* сей книги поручил писателю Сомову, который жил в одном доме с Рылеевым и бывал очень часто у него. Идя от себя в типографию или в город, я проходил (так по местному положению) ровно мимо окон Рылеева. Тут иногда маленькая дочь стучала в окно, иногда жена кланялась, и я заходил на минуту, часто и без Рылеева, который бывал в должности. В это же время печаталась «Полярная звезда»: у меня просили стихов — я заносил их; да притом ходил обедать в тот же дом, к г-ну Прокофьеву. Вот, сколько могу припомнить, все побуждения, по коим иногда заходил я в дом Американской компании.

Рылеев был болен сильною опухолью в горле и ни о чем не говорил со мною, как только о разных предначертаниях его *поэм*, также о трагедии «Богдан Хмельницкий», которую начал писать и намеревался объехать разные места Малороссии, где действовал сей гетман, чтоб дать историческую правдоподобность своему сочинению. Сии литературные намерения, требовавшие долгого досуга и времени, его болезнь и всегдашнее скромное со мной обхождение не давали мне возможности даже и подумать о чем-либо им замышляемом.

(д. 82, л. 17 об.).

О Ф. Н. Глинке — см. выше, стр. 187 настоящего тома.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ В. А. ДИВОВА

⟨Без даты⟩

Свободный образ мыслей получил по переходе в гвардейский экипаж, став жить с мичманами Беляевыми, от них, а частию и от сочинений рукописных; оные были: свободные стихотворения Пушкина, Рылеева и проч. неизвестных мне сочинителей...

(д. 365, л. 14 об.).

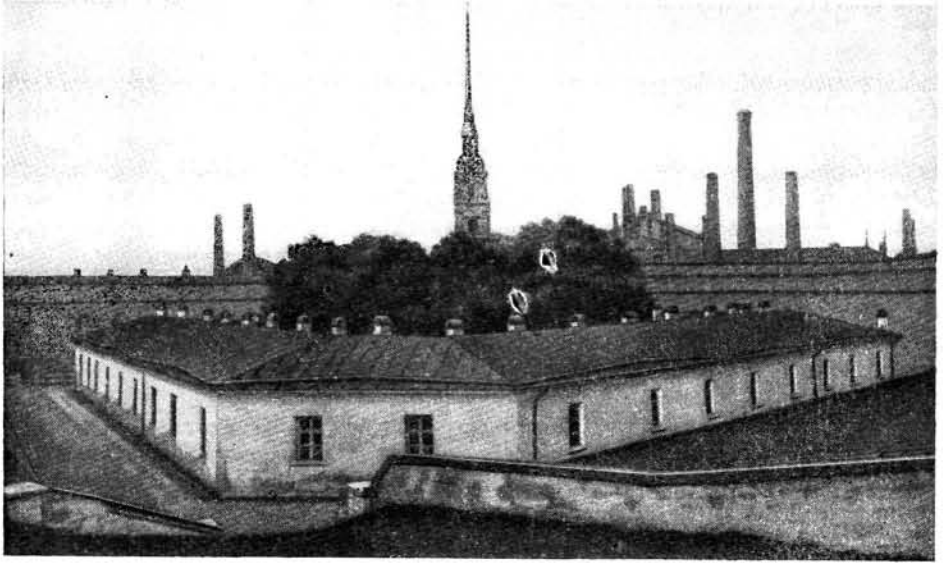
⟨Без даты, с пометой: «Читано 24 марта 1826 г.»⟩

...Вскоре после смерти государя приходит ко мне лейтенант Акулов и между разговорами сказал мне: «Вот ваши сочинители свободных стихов твердят: „Я ль буду в роковое время позорить гражданина сан“, а как пришло роковое время, то они и замолкли». Я не могу припомнить, но кажется, что и он был у лейтенанта Арбузова, когда капитан-лейтенант [1] назначал его нам в предводители. После ухода Акулова я сделал

подобный же вопрос и мичману Беляеву. Он мне отвечал: «Погодите, еще, может быть, и не ушло время...»

...Третьего года зимою мичман Бестужев 4<-й> [2] принес к нам стихи сочинения Рылеева, и сии стихи и рассказы Бестужева о нем познакомили меня и Беляевых с образом мыслей Рылеева. В сие время спросил я у него, что одинаково ли думает и меньшой его брат, т. е. Бестужев 5<-й> [3]. «Разумеется, одинаково, — отвечал он мне, — вы можете судить и по тому, что он часто бывает у Рылеева, а там хоть кого обратят к свободному образу мыслей».

(Там же, л. 30—30 об.).



СЕКРЕТНЫЙ ДОМ АЛЕКСЕЕВСКОГО РАВЕЛИНА. МЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ НАИБОЛЕЕ ВИДНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ ДЕКАБРИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Фотография, 1873 г.

Музей революции ИМЭЛС при ЦК КПСС, Ленинград

Василий Абрамович Д и в о в (ум. в 1842 г.) — мичман гвардейского морского экипажа, приятель Беляевых, Бестужевых, Арбузова и других членов Тайного общества. Разделял их взгляды и, как сам показывал, «желал чтобы сделалась революция и чтобы правление было республиканское, федеративное» (д. 365, л. 29). Формально членом Тайного общества не состоял, но активно участвовал в восстании 14 декабря. Был приговорен к 20 годам каторжных работ, но вместо этого до 1839 г. содержался в крепости, после чего отправлен рядовым на Кавказ, где и умер.

[1] Николай Александрович Бестужев.
[2] Петр Александрович Бестужев.
[3] Павел Александрович Бестужев.

ИЗ ПИСЬМА Д. И. ЗАВАЛИШИНА В СЛЕДСТВЕННУЮ КОМИССИЮ

16 мая 1826 г.

...Еще много есть рассуждений между моими бумагами и замечаний по разным частям. Все сие было готовлено для представления покойному императору. Я начал уже приводить все в порядок и первое обозрение причин упадка и возвышения флота и рассуждение о существе необходимого воспитания я имел уже счастье представить ныне царствующему государю через е<го> п<ревосходительство> г<енерал>-а<дъютанта> Левашова.

Рылеев! Рылеев, столь недостойным образом отвергший истину моих на него показаний, сколько раз, когда я говорил о намерении обнаружить недостатки флота и показать средства к исправлению оных, сколько раз этот ⟨...⟩ человек мне говорил сии слова: «Улучшать что-либо в настоящем правлении — есть преступление!!!» Вот были бы и мои чувства, если б я имел те намерения, кои ныне мне приписывают.

(д. 358, л. 232 об.).

Дмитрий Иринархович Завалишин (1804—1892) — лейтенант флотского экипажа, член Северного общества. Активно участвовал в деятельности Общества. На следствии пытался выгородить себя, взваливая всю ответственность на других. После 13 лет каторжных работ Завалишину было разрешено жить на вольном поселении в Сибири.

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ И. И. ЗАВАЛИШИНА НИКОЛАЮ I

15 июня 1826 г.

...Наступил 1825 год, и лейтенант Завалишин еще все оставался жить на квартире Тютчева ⟨...⟩ В то самое время ввел он меня в дом Кондратия Рылеева — подпоручика артиллерии, жившего тогда на Мойке, в доме Американской компании, в нижнем этаже. В первый раз моего посещения Рылеева нашел я и Кюхельбекера, пришедшего незадолго до того времени, как говорил он. Разговор общий начался романтизмом, потом говорили о Бразилии, Соединенных Штатах, о счастливой жизни жителей Калифорнии и, наконец, на вопрос Рылеева, сказанный на ухо лейтенанту Завалишину, сей последний, озираясь кругом и видя, что меня тут не было (я был в то время в зале Рылеева близ двери), сказал: «Ручаюсь тебе, друг мой, что даже если поймают самку, то не найдут следа детей». А Кюхельбекер, стоявший в то время у окна, сказал: «Я боюсь, у вас в Казани такая дурь...» [1] «Дурь, да полезла...», — отвечал смеючись Завалишин, но, видя, что я вошел в комнату, продолжал: «Пожалуй же, Вильгельм Карлович (к Кюхельбекеру), привези мне инструмент мой». Тем и заключилось сие заседание ⟨...⟩

Я пришел к нему ⟨Д. И. Завалишину⟩ в страстну́ю субботу вечером. Тут нашел Кюхельбекера, Рылеева, Лутковского ⟨...⟩, Демидова — адъютанта флота и двух офицеров гвардейского морского экипажа, коих фамилий я не запомнил. Вышедшая в то время «Полярная звезда» на 1824 год занимала их весь вечер. Рылеев читал отрывок свой из поэмы «Наливайко», а по окончании оной Завалишин, вскочив с места, обнял со слезами Рылеева и Кюхельбекера и вскричал:

Поверьте мне, взойдет она,
Заря пленительного счастья!..

— Так, она взойдет! — прибавил Рылеев.

— И подрумянит нас, — возразил Кюхельбекер. Все засмеялись.

— Липкими румянами, — сказал Завалишин. — Ну, впрочем, повторим слова Богдана Хмельницкого: «Что будет, то будет, что будет, то будет, а будет то, что богу угодно» [2].

(д. 47, лл. 2—3).

Ипполит Иринархович Завалишин — брат Д. И. Завалишина, юнкер артиллерийского училища. Писал доносы на брата и многих других. За «дурное поведение» и ложные доносы был разжалован и сослан в Оренбургский отдельный корпус. Здесь из молодых офицеров (Колесников, Таптыков и другие) создал тайное общество. В 1827 г. написал донос о существовании в Оренбурге широкого Тайного общества, но доказать мог лишь существование им же организованного кружка. Был сослан пожизненно на каторгу.

[1] Перед этим Д. И. Завалишин две недели прожил в Казанской губ.

[2] Д. И. Завалишин отверг показания брата и многословно распространялся о своих недружественных отношениях с Рылеевым, о взаимном недоверии, о желании Рылеева погубить его и т. д. Все эти заявления не заслуживают доверия.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ Д. А. ИСКРИЦКОГО

6 марта 1826 г.

...Я показал ⟨...⟩ [1] в ответах своих, что 13 декабря я был у Рылеева, с которым давно уже был знаком, но не по Обществу. В этот день узнал я наверное, что Константин Павлович отказывается от престола. Гр⟨аф⟩ Коновницын, приехавший ко мне вечером, пригласил меня ехать к Рылееву. Мы в 9 часов вечера были у него. Я, однако ж, до самого приезда не знал, что у него совещание. В той комнате, где оное происходило, и между теми лицами, кои составляли оное, я не был.

Вскоре после нашего приезда Рылеев вошел в комнату, где мы находились с некоторыми офицерами, вызвал ротных командиров к себе и, обращаясь к ним, сказал, что «нас много, правительство может сие приметить, но что мы завтра должны явиться на Сенатскую площадь, где мы все узнаем». Гр⟨аф⟩ Коновницын спросил его, что мы должны делать. «Вы, господа, — отвечал он, — наблюдайте за движениями полков, расположенных по Фонтанке», — и с тем оставил нас.

(д. 63, л. 23 об.).

О Д. А. Искрицком — см. выше, стр. 188.

[1] На первом допросе в январе 1826 г. (без числа) Д. А. Искрицкий показал Левашову: «Я знаком с Рылеевым, у коего был за несколько дней до происшествия. У него нашел я в тот день Оболенского, Бестужева, Булгарина, Ростовцева и многих других во фраках, коих я не знаю. В разговоре оных ничего не заметил, и они более занимались чтением» (д. 63, л. 9).

Позже, 5 февраля, к показанному добавил: «Он ⟨Рылеев⟩ просил меня оставить его, сказав, что завтра он мне все откроет. На другой день я его не видал» (там же, л. 15 об.).

ИЗ ДОПРОСА В. Н. ЛИХАРЕВА

14 апреля 1826 г.

Вопрос:

Вы называли ⟨в разговоре с Бошняком⟩ пылкими заговорщиками в Петербурге Рылеева, Бестужевых и Муравьева и сказывали при том, что Балтийский флот присоединился к Обществу. Поясните, на каких сведениях основали вы рассказ сей.

Ответ:

По случаю последней поэмы Рылеева «Войнаровский» я говорил, что люблю стихи его и что в творце полагаю пламенное сердце, но не ведал даже, что он принадлежал к Обществу; Бестужева знал как редактора «Полярной звезды»; Н. Муравьева называл как принадлежащего Обществу, но не «пылким заговорщиком», ибо я его совершенно не знаю. Также не ведаю, что хочет сказать г-н Бошняк о Балтийском флоте.

(д. 412, лл. 30 об. и 40 об.).

Владимир Николаевич Лихарев (1800—1840) — подпоручик квартирмейстерской части. Был принят в члены Южного общества В. Л. Давыдовым. По поручению Пестеля, написал записку «Взгляд на военные поселения». Был присужден к одному году каторжных работ, а затем — к поселению в Сибири. В 1837 г. определен рядовым в Отдельный кавказский корпус. Убит в сражении при р. Валерик.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ М. П. МАЛЮТИНА

7 января 1826 г.

...говорил мне Рылеев без свидетелей накануне сей истории, что на днях присяга, то не должно оной принимать, ибо мы уже присягали цесаревичу, почему ты скажи солдатам, чтоб не присягали; поутру же на 14 дек⟨абря⟩, получив приказание быть при роте до вывода оной к присяге,

я пошел в роту и первым, которых увидал, передал слова Рылеева, будучи уверен в истине слов того, которому я привык с малых лет слепо повиноваться, да и мог ли я предполагать, чтобы человек, обязанный семейством, для достижения своей цели захотел пожертвовать собою или племянником. Напред же сего сношений с ним, кроме родственных, не имел. Накануне видел я у него поутру Якубовича, журналиста Булгарина, Корниловича, полковника Булатова, лейб-гренадер‹ского› офицера, фамилии не знаю, а 10-го или 11-го я был у него вечером часа с два, в продолжение которых приезжали к нему к. Оболенский, к. Одоевский, Алекса‹ндр› Бестужев, Кюхельбекер, Пущин, который говорил, что он сейчас из Москвы приехал, Корнилович также перед этим приехал не знаю откуда, видел и еще человек трех не служащих, фамилии которых не знаю, разговоров же их не слыхал, ибо в кабинет к нему не входил, а был в комнате жены его.

(д. 52, л. 6).

Михаил Петрович М а л ю т и н — подпоручик л.-гв. Измайловского полка, дальний родственник Рылеева. По показанию Оржицкого — член Тайного общества. А. А. Бестужев и другие показали, что на Малютина рассчитывали как на своего сторонника. 14 декабря уговаривал солдат не приносить присяги. После завершения следствия был оставлен еще на месяц в крепости и затем переведен из гвардии в Севастопольский пехотный полк.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ А. М. МУРАВЬЕВА

26 апреля 1826 г.

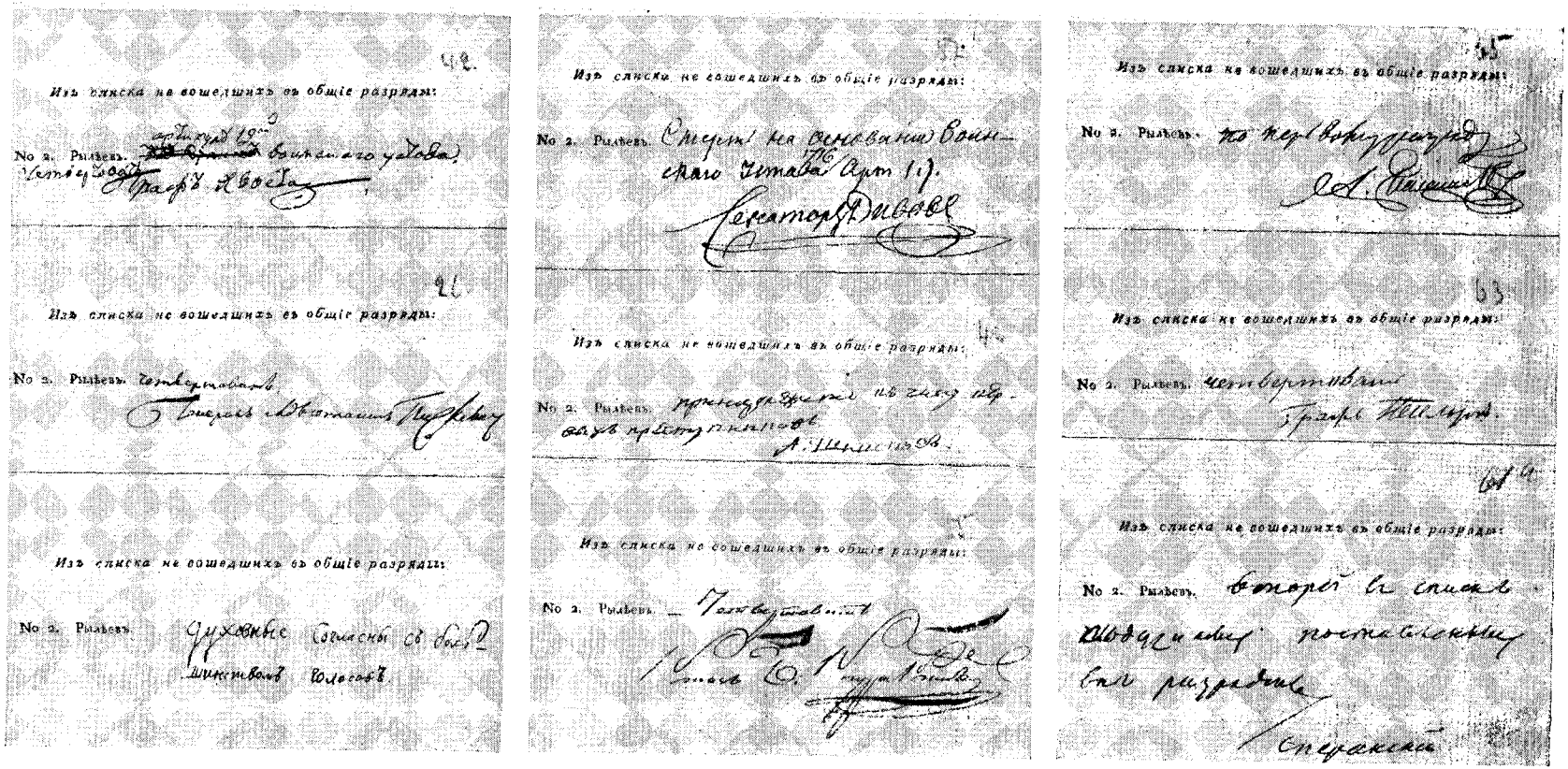
...Полковник Павел Иванович Пестель, князь Сергей Волконский, князь Оболенский ‹...›, корнет л.-гв. конного полка князь Одоевский, отставной поручик Рылеев, отставной подполковник Муравьев-Апостол, сколько мне известно, наиболее стремились своими советами, сочинениями и влиянием к достижению цели Общества ‹...›

Были у меня Рылеев, Оболенский. Это было весною 1825 года, пред парадом; мой брат тогда тоже пришел ко мне в комнату. Тогда-то Рылеев объявил нам о злом намерении Якубовича. Брат мой тогда сильно восстал против сего злобного покушения и хотя не знал лично г. Якубовича, но достиг посредничеством г. Рылеева, который был дружен с Якубовичем, отвлечь его от злобного намерения ‹...›

Сказав об образе мысли брата моего[1] всю истину, я себя не хочу оправдывать: ослепленный прелестию тайны, новыми для меня мыслями, дружеством ко мне членов, деятельными вспоможениями нуждающимся, которые многие из членов, в особенности господин Рылеев делал (хотя он и недостаточный человек), был я в восхищении от них и разделял их образ мысли ‹...›

10 или 11 декабря приехал я (как я уже и признался на вопрос, который благоволил мне сделать его императорское величество) поздно вечером к господину Рылееву, где нашел я поручика барона Розена, лейб-гв. Финляндского полка, и другого офицера того же полка, но мне не известного.

Рылеев тогда мне сказал, чтобы я сам или другой из моих товарищей предложил ехать к кн. Оболенскому в 4 часа после обеда на другой день, у кого будут собраны все офицеры других полков. Он мне тут же и сказал, что если новость об отказании от престола цесаревича утвердится, то можно надеяться, что Финляндский полк, Измайловский полк, лейб-гренадерский морской экипаж и Московский полк присяги не примут, и еще можно надеяться, что они будут выведены ротными командирами на Петровскую площадь и тут требовать конституцию. Стрелять же по них не будут, ибо место не позволяет и сами солдаты не захотят стрелять по своим, и тогда остальные полки, вероятно, присоединятся к ним. После сего вечера на другой день, помнится мне, что это было в субботу



ЛИСТКИ ПОИМЕННОГО ГОЛОСОВАНИЯ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ РЫЛЕЕВУ, 1826 г.

Воспроизведены ответы следующих членов Верховного уголовного суда: гр. Д. И. Хвостова, генерал-адъютанта И. Ф. Паскевича, духовных лиц (митрополитов Серафима и Евгения и архиепископа Авраама), сенатора П. Г. Дивова, адмирала А. С. Шишкова, кн. А. Б. Куракина, сенатора А. Д. Балашова, гр. А. П. Толстого и М. М. Сперанского

Центральный исторический архив, Москва

12-го числа, приехал я к Горожанскому вместе с Арцыбашевым в 10 часов утра, сказал Горожанскому, что я привез новости. Мы послали за Анненковым, и тогда я повторил, что знал от г. Рылеева. Арцыбашев и Анненков поехали к кн. Оболенскому, я хотя и хотел приехать к Оболенскому, но не мог, потому что у нас обедают в 4 часа, и не мог оставить матушку, которая, будучи нездорова, была одна...

(д. 370, лл. 20—26 об.).

Александр Михайлович М у р а в ь е в (1802—1853) — корнет кавалергардского полка, член Союза Благоденствия, а затем Северного общества. Участвовал в деятельности Общества и подготовке восстания 14 декабря. Принял в члены Общества З. Г. Чернышева. Сжег бумаги Ф. Ф. Вадковского. На Сенатской площади не присутствовал. Был осужден на восемь лет каторжных работ и на вечное поселение в Сибири.

[1] Никиты Михайловича Муравьева.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ М. А. НАЗИМОВА

〈Конец декабря 1825 г.〉

...Я был знаком с Рылеевым, служа с ним вместе в конной артиллерии; быв потом в Петербурге, знакомство наше продолжилось. Ничего от него я не слышал насчет Общества, а разговоры наши были большею частию о словесности, коей он занимается [1]...

(д. 386, л. 9).

8 марта 1826 г.

...Вначале я знал членами Общества полковника Нарышкина, капитана Муравьева, Рылеева, князя Оболенского. Потом узнал чиновника Пущина, частию Александра Бестужева, когда он жил с Рылеевым, также частию чиновника Ивана Семенова, подпоручиков Лаппу и Кожевникова. Однажды у князя Оболенского я видел несколько минут отставного офицера Муравьева и подполковника Поджио, о коих он 〈Оболенский〉 после сказал мне, что они тоже в Обществе 〈...〉 Из всех них Рылеев и князь Оболенский всех более известны мне распространявшими вредные понятия и толки 〈...〉

На совещаниях же нарочитых я никогда и ни у кого не бывал, но видался иногда с членами — князем Оболенским и Рылеевым — частно, с коими притом редко и говорил об Обществе, ибо первый из них занят был канцеляриею, притом писал обозрение судопроизводства евреев, занимался системою Шеллинга и почти всегда о ней толковал. Второй же как журналист редко бывал дома, а когда видал его, то читал мне свои или чужие стихи или говорил о поэтах.

Скажу откровенно, что обыкновенно разговоры ограничивались суждениями о новых книгах или авторах, русских и иностранных, об общих заграничных политических новостях, иногда о делах правительства, которые, по безумному дерзновению, большей частию порицали, равно как и самих начальников злословили, и я, грешный, в том участвовал 〈...〉

Ко всему тому почитаю нужным и должным присовокупить, что я слышал от Рылеева, но когда именно — не знаю, будто Сербия и Босния ждут только сигнала, чтобы объявить себя свободными и присоединиться к России, что Общество предполагало возмутить Калифорнию и присоединить ее к Северо-Американским российским владениям и что туда отправлялся один из членов, не знаю кто именно, для исполнения сего. Он же называл Кронштадт островом Леоном, как бы местом удобным, чтобы держаться в случае неудачного действия. Скажу притом, что кн〈язь〉 Оболенский и Рылеев всегда говорили темно и намеками, когда же мне случалось

встретить их вместе, то они часто отходили в сторону и шопотом говорили между собою. Какие они имели тайны между собою — я не хотел проникать, полагая, что то были или их собственные, или дела Думы...

(Там же, лл. 34—35 об.).

О М. А. Назимове — см. выше, стр. 194.

[1] Показание записано генералом В. В. Левашовым.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ А. И. ОДОЕВСКОГО

17 февраля 1826 г.

Рылеев и Бестужев (которые, право, только безумные,— извините это выражение,— а люди добрые, добрые) говорили мне: «Что́ ты не рабо-

ОБЕР-КОМЕНДАНТСКИЙ ДОМ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ. ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИЛИ СЛЕДСТВИЕ И СУД НАД ДЕКАБРИСТАМИ

Фотография, 1946 г.

Музей революции ИМЭЛС при ЦК КПСС, Ленинград

таешь?» (или, лучше сказать, не столько часто повторяли это слово, сколько давали мне чувствовать), хотя и не давали мне права принятия членов в Общество. Они мне немного надоели (особенно Рылеев), и должен я вам признаться, — хотя это и стыдно (но я решился быть совершенно, совершенно чистосердечным) — я их обманывал (в первый раз в жизнь мою). Я говорил этим господам: «Я работаю» (это их выражение), а между тем почти ничего не делал. Я с природы беспечен, немного ветрен, ленив, да и, ей-ей, не об том думал, да оно и к лучшему, уж так-то к лучшему, что бога благодарю.

Корнет князь Одоевский

(д. 347, л. 7 об.).

Александр Иванович Одоевский (1802—1839) — поэт, корнет л.-гв. конного полка, член Северного общества. Активно участвовал в подготовке восстания. Присутствовал на совещаниях у Рылеева. На Сенатской площади командовал пикетом в составе одного взвода Московского полка. Отбыл пять лет на каторжных работах, был переведен на поселение. Незадолго до смерти был определен рядовым в Отдельный кавказский корпус.

Растерянность, овладевшая некоторыми декабристами после поражения восстания, особенно ярко выражается в показаниях Одоевского. Сначала он признался в принадлежности к Тайному обществу, затем отказался от своих показаний и, наконец, вновь признался, всячески пытаясь умалить свою роль в Обществе.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ Н. Н. ОРЖИЦКОГО

10 января 1826 г.

...2. Вечером 13 декабря, когда пошел я к Рылееву, не знал я совершенно ничего об их плане, а так как он имел доверенность по делам моим и в шестимесячное отсутствие мое не писал мне ни разу, то я хотел узнать, сделал ли он что-нибудь для меня или нет. Пришедши к нему, не застал его дома и, выходя, встретил его на дворе. Первое слово его было: «В какой роковой день ты приехал!» Тут позвал он меня к себе и сказал мне, как я уже объявил, что они на другой день действуют и что князь Трубецкой у них начальником. Я спросил его об делах моих, он и не думал заняться оными; потом просил он меня, чтобы в случае неудачи я не покинул бы жены и дочери его, да к тому просил еще отыскать на юге, когда мне можно будет, Муравьева-Апостола и сказать ему, что они полагали выгодным действовать 14-го числа.

Все сказанное им так меня смутило, что я обещался исполнить его поручение, не зная сам, что делал [1].

3. Желание узнать, жив ли он и отобрать мою доверенность привело меня к Рылееву 14-го числа в седьмом часу вечера. Смущение и почти отчаяние, в котором я его нашел, заставили меня забыть совершенно мое дело, и, тронутый его положением, обещал ему не оставить его семейства. Тут подтвердил он просьбу свою отыскать Муравьева и сказать ему, что они полагали нужным действовать, но что все пропало, что Трубецкой и Якубович им изменили, что он ему советует оставить это, но что, впрочем, пусть делает, как заблагорассудит, он, Рылеев, ни во что уже не вмешивается. Я обещал исполнить поручение сие.

У Рылеева нашел я в то время морского адъютанта Бестужева, Каховского и двух незнакомых мне лиц. Спустя несколько пришел Пущин и немного погодя вошел незнакомый мне штабс-офицер водяных коммуникаций, остановился, как окаменелый, у дверей и, простояв минуты три [2] безмолвно, вышел. Пробыв тут с четверть часа, я оставил их.

Сношения мои с некоторыми членами Общества были единственно частные, и в совещаниях их и действиях никогда не участвовал, а доверенность, сделанная мне Рылеевым, была основана, как я полагаю, на нашей дружбе. Другие же члены Общества, часто видев меня у него, вероятно, заключали по тому, что я также принадлежу к оному, а бывал я часто у него оттого, что всегда находил там многих литераторов, журналистов и все новости литературные, а так как я считал и знал его всегда за человека честного, то и препоручил при отъезде ему дела свои. Хотя и бывали иногда у нас разговоры о предметах политических, но планы Общества при мне никогда не были разбираемы.

Итак, не имея никаких причин скрывать мне известное, но надеясь откровенностию облегчить участь мою, покажу все по совести.

а) Если согласие мое на просьбу Рылеева, данное мною в такую минуту, в которую едва мог я собрать две мысли в порядке, сделало меня невольно членом Тайного общества, то я принят им же в ту минуту, когда он мне сказал про это. Предложение же Бестужева было мною отвергнуто [3]<...>

д) Известные мне по собственным словам их члены были: Александр Бестужев, Рылеев, князья Одоевский и Оболенский. Наверное не знаю, но полагаю, что Рылеев и Оболенский действовали наиболее. Особы, которых я часто находил у Рылеева и которых потому только и полагаю сочленами, а в точности не знаю, кроме тех, которые оказались действиями своими 14 декабря и стали известны почти всему городу, суть: братья Бестужевы, Сомов, Грибоедов, Кюхельбекер, Пущин, Каховский, Корнилович, Малютин, Завалишин, два брата Мухановы, Булгарин, Греч и Сабуров, что при графе Воронцове. Двух последних видел я не более двух раз там, а Дельвига видел только у Бестужева 〈...〉

13-го числа, когда я был у Рылеева, немного спустя вошел незнакомый мне морской штабс-офицер, который, как мне кажется,— потому что истинно я так был смущен, что утвердительно сказать не могу, — взял пару пистолетов и вскоре ушел. Потом пришел Александр Бестужев и говорил с Рылеевым о каком-то письме Ростовцева. Когда я в задумчивости ходил по комнате, Бестужев, отворив находившийся позади меня в стене шкап, позвал меня. Я обернулся, но в ту же секунду Рылеев, сделав знак Бестужеву, запер оный. Мне показалось, что там было оружие, но ясно не видал и не спросил у них об том. При сем не лишним считаю сказать, что вообще я никогда у них ни об чем не спрашивал, а что они мне поверяли было без всякого на то моего искания. Вскоре после того я ушел.

Только 13 декабря узнал я от Рылеева, что есть на юге Общество, имеющее сношения с петербургским; он же мне сказал, что Польша усеяна тайными обществами, с коими они в сношении; со всеми ли или только с некоторыми — того он мне не сказал; члены оных обществ мне неизвестны 〈...〉

После происшествия, когда я был у Рылеева, в разговоре было величайшее смятение, всякий говорил и никто не слушал; все, что я мог понять и упомнить, было то, что иные говорили, что хотели зажечь Сенат, но что князь Оболенский сопротивился тому, и потому сего не сделали; одни говорили, что надо было ретироваться по Новгородской дороге на военные поселения, другие — что надо было идти на пушки; я пробыл не более четверти часа и ушел.

Доверенность, которую ко мне имели Рылеев и Бестужев, которой я никогда не искал и которая ввергла меня в теперешнее мое несчастное положение, исходила от сходства мнений в некоторых отношениях и от привязанности, которую я им всегда оказывал и которую они принимали, как я теперь вижу, за согласие на их предприятия.

Признаюсь, что до самой той минуты, когда началось неустройство, я все полагал, что ничего не будет, тем более, что накануне сам Рылеев мне сказал, что у них только несколько офицеров Измайловского, Финляндского, Московского полков и гвардейского экипажа, но что нет ни одного не только полкового, но и батальонного командира...

(д. 382, лл. 15—16).

О Н. Н. Оржицком — см. выше, стр. 194.

[1] Каховский показал, что Рылеев намеревался послать кого-то на юг, чтобы поднять там восстание, но фамилии этого человека не знает.

[2] Очевидно, подполковник корпуса путей сообщения Г. С. Батеньков.

[3] Оржицкий ранее показал, что А. А. Бестужев в 1823 или 1824 г. предлагал ему вступить в Тайное общество.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ М. Н. ПАСКЕВИЧА

9 апреля 1826 г.

Насчет того, кто имел у себя вольномысленные стихи из офицеров 3-й гусарской дивизии, скажу, что сочинения сего роду Пушкина, Рылеева и многих других были известны всем почти, кто только любил заниматься

чтением стихов, и в это несчастное время ослепления умов оные были читаны без всякого опасения один другому; у кого ж именно оные были переписаны, кроме нашего полка, мне действительно не известно, и я не могу назвать ни одного, у кого бы я видел оные списанные, не хотя к вине моей присоединить еще другую, сделавшись ложным клеветником. В нашем же полку оные находились списанные у штабс-ротмистра Жукова и у корнета Глотова...

(д. 94, л. 28).

Михаил Николаевич Паскевич — штабс-ротмистр Белорусского гусарского полка. По показанию С. И. Муравьева-Апостола, А. И. Тютчева и других, Паскевич был принят в члены Южного общества М. П. Бестужевым-Рюминым. Последний это подтвердил, но, в связи с упорным отрицанием Паскевичем своей принадлежности к Тайному обществу, от своих показаний отказался. Паскевич был признан виновным в сочинении и распространении вольнолюбивых стихов и в недонесении о существовании Тайного общества. После завершения следствия просидел два месяца в крепости, после чего был переведен в Иркутский гусарский полк.

ИЗ ПИСЬМА А. В. ПОДЖИО К В. В. ЛЕВАШОВУ

12 марта 1826 г.

...В октябре месяце ⟨1823 г.⟩ получил я записку от Муравьева ⟨Матвея⟩, где он меня приглашает приехать к Пущину в 10 часов вечера, куда я прибыл. Здесь были: Матвей Муравьев, Тургенев, Брыгин ⟨Бригген⟩, Нарышкин, Оболенский, Пущин, Митьков ⟨...⟩ Приступили к избранию трех директоров Северного общества. Пало на Тургенева, он отказался, говоря, что занятия его ему сие не позволяют, что уж столь был неудачен в правлении, что не хочет более того, но что от Общества не отклоняется. Избраны были: Никита Муравьев, Оболенский и кн. Трубецкой, здесь не находившийся. Всякий наименовывал членов к приятию. Я назвал Валериана Голицына. Пущин — Рылеева, говоря, что с ним присоединится какое-то и морское общество, коего Рылеев член. Все это одобрили ⟨...⟩

Отъезжая из Петербурга, мне Матвей Мур⟨авьев⟩ препоручил сказать, что Никита Мур⟨авьев⟩ все дело останавливает, что его должно сменить, что я и обещался. Перед выездом моим ⟨из Петербурга, в декабре 1824 г.⟩ мы съехались к Митькову. Между прочими был здесь и Рылеев. Я в нем видел человека, исполненного решимости. Здесь он говорил о намерении его писать какой-то катехизис свободного человека, знаю, весьма преступного ⟨содержания⟩, и о мерах действовать на ум народа, как-то: сочинением песен, пародиями существующих иных, на подобие «Боже, спаси царя» — Пушкиным; пародировали и песнь «Скучно мне на чужой стороне».

Здесь говорил Рылеев о морских офицерах, и не помню точно, что предложено было насчет царской фамилии...

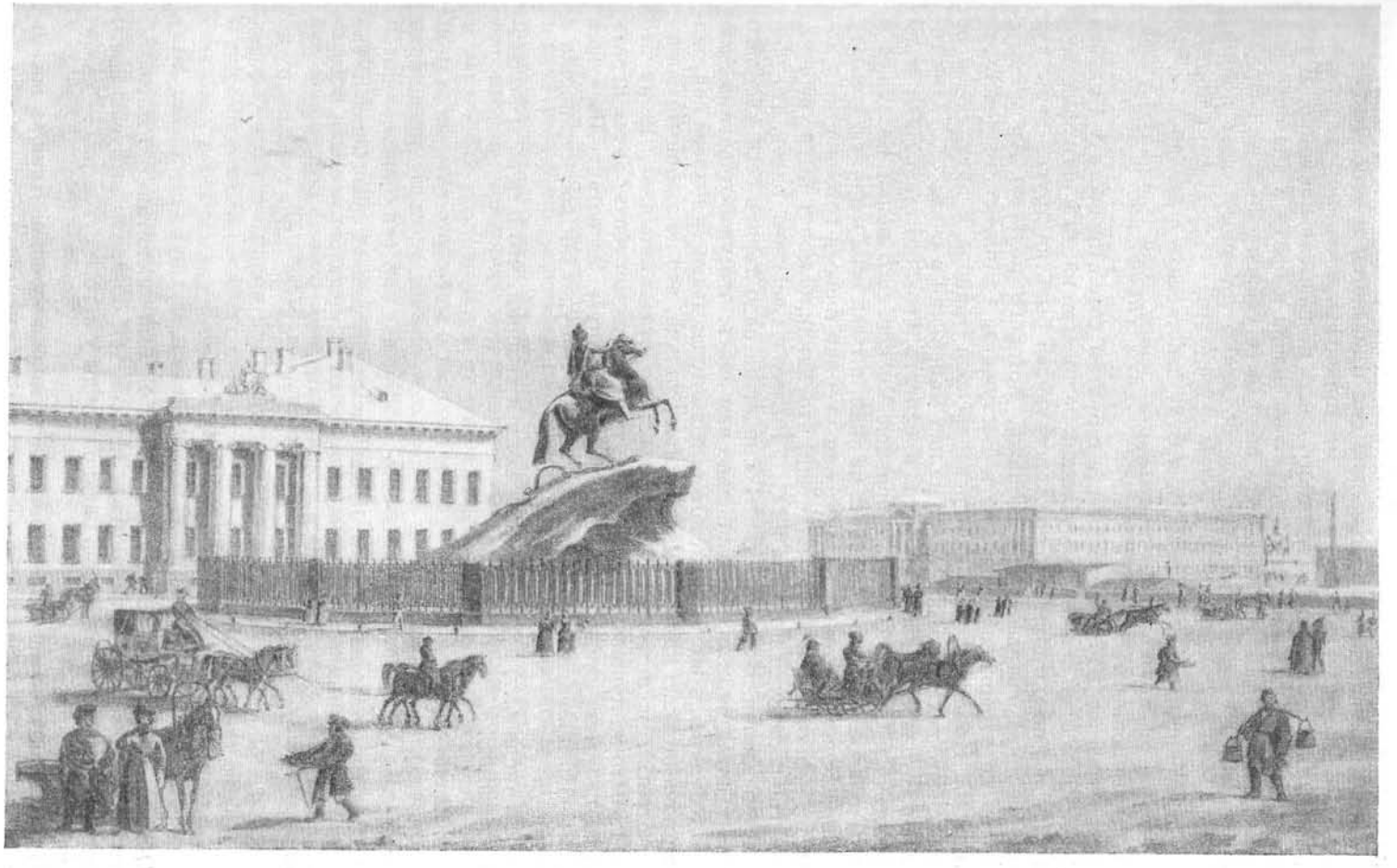
(д. 402, лл. 55 об. — 57).

Александр Викторович Поджио (1798—1873) — отставной подполковник. Один из деятельных членов Южного общества. Написал устав Общества, который, однако, принят не был. Обсуждал с Пестелем вопрос об истреблении царской фамилии (13 человек). Выражал недовольство слабой деятельностью Северного общества и требовал устранения Никиты Муравьева от руководства. После ареста Пестеля стремился поднять восстание и арестовать главную квартиру 2-й армии. Осужден на 20 лет каторжных работ. С 1839 г. на поселении в Иркутской губ. Скончался в имении С. Г. Волконского — Воронках.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ М. И. ПУЩИНА

31 декабря 1825 г.

В субботу 12 декабря для сего ⟨с целью узнать намерения членов Тайного общества⟩ пошел я к Рылееву, с которым давно знаком, но которого давно не видал. Он меня встретил тем, что: «Если хочешь быть нашим,



СЕНАТСКАЯ ПЛОЩАДЬ
Литография, 1825 г.
Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

я скажу тебе наше намерение» ⟨...⟩ Я же ⟨...⟩ воспользовался словами Рылеева, чтоб узнать, как намерение сие приведется в исполнение. Он мне сказал, что вся гвардия готова не присягать и что *они*, не называя кто, уверились в 50 офицерах, никого опять не называя поименно. Я тут говорил ему, побуждаем будучи чувством любви к брату и для спасения их всех, что 50 офицеров мало, что надо быть уверену во всей гвардии, чтобы что-либо предпринять. Он мне объяснял готовность всех полков, утверждая притом, что полк на полк не пойдет. Я же уверял его в противном. Он спрашивал меня, готов ли я буду действовать с эскадроном, потому что он бы мог годиться занять артиллерию, если генералу Сухозанету вздумалось бы стрелять ⟨...⟩

Вечер того же 13-го числа вместе с братом хотел провести у Рылеева ⟨...⟩ В 7 часов один пошел к нему, никак не полагая найти у него общество. Прихожу и узнаю о присяге, долженствующей быть на другой день; тут нашел офицера гвардейского экипажа, которого полагаю Арбузовым, наверное не утверждаю, адъютанта Бестужева, Гвардейского генерального штаба Корниловича, лейб-гренадерского офицера и двух людей во фраках, которых не знаю, один из них маленький в очках ⟨...⟩ Они говорили о готовности всей гвардии не присягать, уговаривались собираться на площадь у Сената ⟨...⟩ Тут приехал Московского полка Бестужев и князь Трубецкой, которого я вовсе не знал, вызвал всех в другую комнату и расспрашивал о готовности всех, они уверяли в своей готовности; я доказывал, что они так мало значущи, что никак не могут быть уверены, что другие последуют примеру их ⟨...⟩ Рылеев и Бестужев, видев, что дело их идет в разлад, сказали тут: «Господа, не надо терять сего удобного случая и назад не оглядываться, надо вам знать, что уже отчасти все известно государю, и вот бумаги, которые сие доказывают (и Рылеев показал из кармана не знаю какие бумаги, потому только, что не любопытствовал их смотреть), и потому не надо никакого отлагательства». Я на это сказал: «Что ж, лучше самому погибнуть и других погубить? Зачем играть в игру, где нет никакого шанса к выигрышу?» Адъютант Бестужев сказал: «По крайней мере, если погибнем, то будет об нас страничка в истории...»

14-го числа ⟨...⟩ Рылеев был у меня и говорил, что́ в первом показании сказано... [1]

(д. 373, лл. 10—11).

О М. И. Пущине — см. стр. 196.

[1] В первом показании, без даты, Пущин писал: «Вчерашний день, когда я был дома, вскоре после присяги приезжал ко мне Рылеев, и спросил не медля, присягнули ли мы? На что отвечал: „Да“, и он известил меня, что весь полк московский на площади и что он едет в гвардейский экипаж...» (д. 373, л. 7).

ИЗ ПОКАЗАНИЙ А. Е. РОЗЕНА

⟨Без даты⟩

Обществу тайному не принадлежал. Я был воспитан с Рылеевым, почему и остался с ним знакомым. За всем тем со время выпуска моего из корпуса видал его токмо два раза: однажды у него, другой раз — у Оболенского.

Никаких слухов насчет 14-го числа до меня не дошло. Дней за восемь до сего видал я Рылеева и Оболенского, но разговор наш был совершенно чужд сему обстоятельству.

(д. 387, л. 6).

9 января 1826 г.

В тот же вечер ⟨11 декабря⟩ поехал я со штабс-капитаном Репиным навестить Рылеева, которого застали больного и читающего всеобщую историю. Говорили о ней и потом о неизвестности прибытия в столицу государя цесаревича, что оная дает повод к разным догадкам. Во время разговора приезжали кавалергардского полка корнет Муравьев и офицер мне незнакомый, одетый в сюртук с красным воротником, кои через несколько минут уехали. Посидев у Рылеева всего с четверть часа, поехали с Репиным к полковнику Тулубьеву, коему сообщили слышанное нами, а потом разъехались по домам.

На другой день 12-го числа обедал у меня прапорщик Богданов, с коим поехал вместе к князю Оболенскому. Там застали Рылеева и шесть офицеров, всех мне незнакомых. Повторен был разговор, который имели накануне, с прибавлением, чтобы и людей отговорить от присяги, когда к оной будут принуждать, и вести их на Сенатскую площадь. На что мною было сказано Рылееву и князю Оболенскому, что сие могут только произвести полковой или батальонные командиры. — «Так пусть офицеры одни, верные государю своему, явятся на площадь», — возразили они, — а на вопрос мой: «Что будет там со стадом без пастыря?» — отвечали мне: «Все там будет, увидите и узнаете».

После сего я тотчас поехал к Репину, пересказал ему слышанное и виденное, а на другой день сообщил то же полковнику Тулубьеву, подпоручикам Насакиным и прапорщикам Мореншильдам...

(Там же, лл. 8 об. — 9).

Об А. Е. Розене — см. стр. 196.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ В. П. РОМАНОВА

⟨Без даты⟩

Летом 1824 года, у директора оной ⟨Российско-Американской⟩ компании Прокофьева, познакомился с поступившим в правители канцелярии оной компании г-ном Рылеевым, который вызвался стараться склонить директоров выполнить мой прожект. По возвращении моем из отпуска в марте 1825 года, начал я от г-на Рылеева иногда слышать о наших законах, как они неудобны в нашем государстве, и в судах долго дела продерживают. В июне месяце услышал от него похвалу конституциям некоторых монархических государств, а около половины июля, за несколько дней до отъезда его в деревню, открыл он мне об ихнем Обществе, как прежде показал. Будучи я уволен я ⟨!⟩ в отпуск, и в отставку подал по открывшейся у меня грудной боли и для выдела имения жены моей, то он упрашивал меня, чтоб отставку возвратил назад и приехал в Петербург, говоря, что в то время буду сделан членом, и откроется мне подробнее о сем Обществе и о членах оного (только он сказал об одном Николае Бестужеве), в чем ссылаюсь на его, Рылеева, и на всех членов, которых я не знал, что никто из них не может сказать, чтоб видел меня в ихних заседаниях или собраниях (ежели оные существовали), или говорящего с кем-либо об Обществе или какую-либо принес ихнему Обществу пользу. Г-н Рылеев упрашивал, чтобы в деревне разглашал о пользе конституции в нашем государстве.

(д. 78, л. 3—3 об.).

1 февраля 1826 г.

Теперь опишу связь мою с Рылеевым и Николаем Бестужевым.

Во время трехлетнего моего служения в службе Российско-Американской компании был я в Северо-Западной Америке в наших колониях,

старался узнать тот край и народ, населяющий оный, чтоб после, чрез узнание того края, не принесу ли какую-либо пользу государству.

Из вояжа вокруг света в отечество возвратился в исходе 1822 года.

В 1823 году подал я начальнику Морского штаба два проекта: 1-й — опись из Медной реки (в Северо-Западной Америке) до Гудзонова пролива и к северу — до Ледовитого океана. 2-й — опись от Ледовитого мыса к востоку, и чтоб экспедиция наша могла соединиться с экспедициею английскою, посланною под начальством Франклина.

Первый прожект г-н начальник Морского штаба препроводил в Государственный адмиралтейский департамент, который, рассмотря, отослал в Главное правление Российско-Американской компании, так как сия опись долженствовала производиться в ее владениях; оное правление отвечало, что по возможности ⟨проект⟩ будет выполнен.

В 1824 году заместо г-на Зеленского поступил в правители канцелярии оной компании г-н Рылеев. В бытность мою однажды у директора оной Компании Ивана Васильевича Прокофьева, случился тут же Рылеев, который со мною познакомился и отнесся ко мне, что, разбирая бумаги компанейские, увидел мой прожект, который, рассмотря, находит, что от выполнения оного принесется Компании не только слава, что первые русские рассмотрят тот край, ибо ни одна европейская нога не была в оном, но и польза, что заведется сношение с Гудзонскою компаниею, а может быть еще откроется новая ветвь промышленности. Рылеев вызвался стараться согласить директоров, чтобы я был туда отправлен.

В исходе того же 1824 года отпросился я в отпуск и в Херсонской губернии Александрийского уезда женился; чувствуя расстройство в здоровье и для приведения имения в порядок, в декабре месяце подал в отставку. 1825 года в марте приехал в Кронштадт для получения оной, но замедление отставок по всему флоту остановило и мою. Бывая в Петербурге, относился к Рылееву, что хотя я и в отставку выйду, но, ежели Компания хочет употребить меня для выполнения прожекта моего, то я готов.

Получая письма от жены из деревни, что она больна и беременна, отпросился я опять в отпуск и по высочайшему повелению уволен был на теплые воды. В июле месяце Рылеев уезжал в свою деревню; взял я от него, с позволения директора Прокофьева, кипу бумаг из дел Компании о том крае, где думал произвести экспедицию, чтоб еще лучше рассмотреть и размыслить, и просил у него, чтоб он уведомил, когда Компания согласна будет, а ежели нет, то нельзя ли доставить мне место в Южной вновь учрежденной компании по рекам под председательством адмирала Мордвинова (Рылеев хорошо был принят в доме Мордвинова), ибо я мог находиться поблизости своей родины.

1 августа, уезжая из Петербурга, оные бумаги оставил у Н. Бестужева, чтоб доставил Рылееву, когда он приедет.

⟨...⟩ В деревню приехал 14 августа, уведомил Рылеева, и, кажется, в половине октября он отвечал (только одно сие письмо я от него и получил). Между прочим пишет о службе Компании и спрашивает, намерен ли я приехать назад, и пеняет меня, что я поместил некоторые статьи в прочих журналах, а позабыл «Соревнователя», и просит, чтоб я прислал и для оного.

Я отвечал, что от него ожидаю известия, что готов оставить свои дела для службы Компании и прошу за делами по случаю смены главных правителей в Америке (ибо заместо Муравьева назначен г-н Чистиков) не забыть уведомить меня.

Он более мне не отвечал. В начале декабря послал я к нему письмо, где между прочим прошу, чтоб уведомил, могу ли надеяться, чтоб препоручили на Севере вышеупомянутую опись в Северной Америке, а не то

СѢВЕРНАЯ ПЧЕЛА.

Выходитъ по Вторникамъ, Четвергамъ и Субботамъ.

№ 152.

Годовая цѣна за 156 нумеровъ: въ С. П. бургѣ 40 р. съ пересылкою 50 р.

СУББОТА, ДЕКАБРЯ 19го 1825.

Отечественныя Воспоминанія. 19-го Декабря 1813 года происходило сраженіе съ Французскими войсками при Кель. Въ тотъ же день Ея Величество Государыня Императрица Елисавета Алексѣевна изволила отправиться изъ Санктпетербурга къ Августѣйшему Супругу Своему, въ Германію.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Санктпетербургъ, 15 Декабря.

Вчерашній день будетъ безъ сомнѣнія эпохою въ Исторіи Россіи. Въ оный жители столицы узнали съ чувствомъ радости и надежды, что Государь Императоръ Николай Павловичъ восприниметъ вѣнецъ Своихъ Предковъ, принадлежащій Ему и въ слѣдствіе торжественнаго, совершенно произвольнаго отреченія Государя Цесаревича Константина Павловича, и по назначенію въ Бозѣ почивающаго Императора Александра, и въ силу коренныхъ законовъ Имперіи о наслѣдіи Престола. Но Провидѣнію было угодно, сей столь пожеланный день ознаменовать для насъ и печальнымъ происшествіемъ, которое внезапно, на цѣлыя нѣсколько часовъ, возмутило спокойствіе въ нѣкоторыхъ частяхъ города. Вскорѣ послѣ изданія Высочайшаго Манифеста о вступленіи Его Императорскаго Величества на Престолъ, Государственный Совѣтъ, Правительствующій Сенатъ и Святѣйшій Синодъ присягали въ вѣрности Монарху: въ теченіе утра должны были дать присягу всѣ полки Лейбъ-Гвардіи. Въ половинѣ двенадцатаго часа Командующій Гвардейскимъ Корпусомъ и Начальникъ Гвардейскаго Штаба донесли Его Величеству, что присягу учинили полками Конно-Гвардейскимъ, Кавалергардскимъ, Преображенскимъ, Семеновскимъ, Павловскимъ, Гренадерскимъ, Гвардейскимъ Егерскимъ, Финляндскимъ и Сперскимъ баталіономъ. О прочихъ полкахъ не было еще извѣстія; но сему причиною полагали отдаленность ихъ казаринъ отъ Дворца. Въ двѣнадцать часовъ узнали, что четыре офицера Гвардейской Конной Артиллеріи, оказавшіе сопротивленіе, взяты подъ стражу, но что прочіе какъ офицеры, такъ и нижніе чины Гвардейскаго Артиллерійскаго Корпуса присягали съ отмѣннымъ и единодушнымъ усердіемъ. Уже въ исходѣ перваго часа дошло до свѣдѣнія Его Величества, что часть Московскаго полка (какъ сказывали отъ 3 до 4 сотъ человѣкъ), выступивъ изъ своихъ казаринъ, съ распущенными знаменами, и провозглашая Императоромъ Великаго Князя Константина Павловича, идетъ на Сенатскую площадь. Толпы народа сбѣгались къ сей площади и передъ Дворцемъ. Государь Императоръ вышелъ изъ Дворца безъ свиты, явился одинъ народу, и былъ встрѣченъ изъявленіями благоговѣнія и любви: отовсюду раздавались усердныя восклицанія. Между тѣмъ двѣ возмутившіяся роты Московскаго полка не смирялись. Онѣ построились въ баталіонъ-каррэ передъ Сенатомъ; имя начальствовали семь или восемь Оберъ-офицеровъ, къ коимъ присоединилось нѣсколько человѣкъ гвардейскаго вида во фракахъ. Небольшія толпы черни окружали ихъ и кричали: ура! Необходимость противопоставить имъ достаточное число вѣрныхъ войскъ была очевидна. Государь Императоръ далъ повелѣніе вывести одинъ баталіонъ Преображенскаго полка, и предводительствуя онымъ, приблизился къ мѣсту, гдѣ были собраны бунтующіе, но съ пощадою измѣненія, не употребляя силы, пока будетъ хотя малѣйшая вѣроятность кротостію и увѣщаніемъ образумить ослѣпленныхъ мятежниковъ. Къ нимъ подѣхалъ Санктпетербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ, Графъ Милорадовичъ, въ надеждѣ, что его слова возвратятъ ихъ къ чувству обязанности, но въ ту самую минуту, стоявшій возлѣ него человѣкъ во фракѣ выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета, и смертельно ранилъ сего вѣрнаго и столь отличнаго Военачальника. Онъ умеръ нынѣшнюю ночь.

НОВЫЯ КНИГИ.

103. *Краткое Руководство къ разведенію шелковичныхъ червей, и сушенію коконовъ въ Россіи, изданное* Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства. М. 1825, въ пин. А. Семена, въ 8. 68 стр.

Книжка весьма полезная для распространенія въ Россіи сей важной отрасли народной промышленности. Она сочинена Г. Сабуровымъ.

Въ 23-й книжкѣ *Сына Отечества* содержатся слѣдующія статьи: 1. Слово по случаю выбора Судей, произнесенное въ Харьковѣ. 2. Жизнь Лесажа. 3. Жизнь человѣческая. 4. Изъ книги: Путешествіе отъ Тріеста до С. Петербурга. 5. Объ успѣхахъ языка. 6. Нѣсколько замѣчаній на статью Г. Геро. 7. Характеры замѣчательныхъ Британскихъ Государственныхъ Чиновниковъ и Парламентскихъ Ораторовъ. 8. Современная Русская Библіографія.

СМѢСЬ.

— Въ Парижѣ изданъ уличный переводъ Каиновской Луизиды, Г-жи Миліе, съ примѣчаніями.

— Въ Рижскомъ Зрителѣ сдѣлано замѣчаніе, достойное любопытства: По Греческому Баснословію, Геркулесъ расторгъ каменную гору, отдѣлявшую Средиземное море отъ Атлантическаго, и тѣмъ образовалъ Гибралтарскій проливъ. Извѣстно, что Финикіане презвавали Геркулеса богомъ морской торговли. Нельзя ли предположить, что Финикіане, занимаясь тогдашнею общею торговлею, проникли искусствомъ сей проливъ, какъ нынѣ Американцы хотятъ, прокопаніемъ Панамскаго перешейка, соединить Атлантическій Океанъ съ Тихимъ моремъ? Извѣстно, что Финикіане были весьма искусны въ Зодчествѣ и Механикѣ. Вопросъ сей необыкновенный подаетъ обращенъ былъ въ басню. Можетъ статься!

СООБЩЕНИЕ О ВОССТАНИИ НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ 14 ДЕКАБРЯ 1825 г., НАПЕЧАТАННОЕ В ОФИЦИОЗНОЙ ГАЗЕТЕ «СЕВЕРНАЯ ПЧЕЛА»

Единственная проникшая в русскую печать того времени версия о событии «Северная пчела», № 152 от 19 декабря 1825 г.

постараться найти место на Юге во вновь учреждаемой Компании по рекам. При конце приписываю, что мысли мои насчет полезного те же, какие были в последний раз свидания нашего, ибо по рассмотрении бумаг, которые брал из Главного правления, чтоб лучше сообразить цель моей экспедиции и пользу оной, нашел, что она будет полезна для Компании. По бытности Рылеева в деревне, когда я уезжал из Петербурга домой, я его не видел, а бумаги оставил у Н. Бестужева для отдачи ему, когда возвратится.

Не получая от него ответу, полагая, что занят делами по случаю смены главных правителей в Америке или заболел, написал я в декабре же письмо к директору Компании Прокофьеву о том же самом предмете.

Вышеописанный прожект мой напечатан в прошедшем годе в московском журнале «Телеграф».

В 1824 году г-н Булгарин в своих «Литературных листках» № 15 говорит: «Романов подал предначертание экспедиции к северу, которую готов предпринять по следам знаменитого Франклина».

Мысли мои насчет предначертания экспедиции и полезного Компании и какую оной принесет пользу напечатаны в журнале «Северном архиве» прошедшего 1825 года, в 18 №, под литерами В. Р.

Вот мое отношение насчет знакомства с Рылеевым: я у него один раз обедал и не более семи или восьми раз был на квартере, каждое посещение продолжалось не более получасу или часу. Иногда виделся с ним в канцелярии главного правления Российско-Американской компании; обедал с ним несколько раз у директора Прокофьева и раза два у Булгарина.

(Там же, лл. 6—8).

О В. П. Романове — см. стр. 198.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ О. М. СОМОВА

30 декабря 1825 г.

В заключение имею честь объяснить Тайному комитету, что связь моя с А. Бестужевым и Рылеевым была с самого начала и до конца совершенно литературная, и советов и сотрудничества они требовали только по изданию «Полярной звезды», иногда же читали мне литературные свои произведения. У меня был совершенно особый круг знакомств и домов, которые я посещал. С Рылеевым, служа в одном месте, видался я почти каждое утро, но здесь разговор наш ограничивался делами Российско-Американской компании.

(д. 164, л. 4 об.).

Об О. М. Сомове — см. стр. 199.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ К. П. ТОРСОНА

17 апреля 1826 г.

...Весною 1825 года Бестужев объявил о революционном намерении Общества и предположении ввести республику <...>

Впоследствии времени узнал, что Рылеев и Бестужев 2-й находятся в сем же Обществе. Весною 1825 года Бестужев объявил мне (хотя ему не известно по каким причинам), что Рылеев поступил в 1-й круг, но не сказывал о прочих. До средины лета 1825 года я сносился с одним Бестужевым, но в это время и с Рылеевым <...>

Я бывал у Рылеева и Бестужева <...> Около средины лета 1825 года Рылеев в первый раз объяснился со мною; предлагал мне принять в Об-

щество Завалишина и выведать, в чем состоят тайны англинского общества, в которое он там вступил и о котором писал к покойному императору, и сказал мне, что он уже принял его, но Завалишин не объявляет ему. Мой ответ был: если Завалишин не объявил раз, то и мне не объявит, и прибавил: для чего принимают в Общество молодых офицеров, что для Общества полезнее старшие. Тогда Рылеев сказал, что Завалишина надо перевести в Кронштадтский экипаж, чтоб он там составил Общество. Я отвечал, чтоб Завалишин просил сам о переводе, но не думаю, чтоб прежде общего расписания (которое бывает около февраля) его перевели. Рылеев сказал, что надо стараться спешить, ибо дела в армии в таком состоянии, что едва можно удерживать. Надо, чтоб Завалишин составил Общество [1], в котором я или Бестужев будет главным; тогда я спросил его, к чему поведет набор лейтенантов и мичманов. Тогда Рылеев с укоризною сказал, что я и Бестужев не хотим действовать деятельно, по сие время в Кронштадте ничего не сделано. Мой ответ был, что из такого Общества ничего не выйдет, сие бесполезно. Тогда Рылеев сказал, что при восстании войск в Петербурге мне или Бестужеву ехать в Кронштадт, где при помощи членов возмутить матрос⟨ов⟩, сменить начальство и принять город и крепость под свою команду. В этом я решительно отказал ему за себя, прибавя, что не думаю, что и Бестужев взял такое поручение ⟨...⟩

В начале (как помнится) декабря 1825 года Рылеев спросил, можно ли иметь надежный фрегат, т. е. положиться на капитана и офицеров. Я отвечал: «Не знаю, но если меня сделают начальником, не знаю офицеров, но думаю, что может быть», — и спросил его: для чего это? — «Отправить царствующую фамилию за границу».

На сие отвечал я: «Нет нужды отправлять морем. Фамилия может ехать сухим путем, если не станут удерживать, но думаю, что царствующей фамилии надо оставаться в России» (пред сим временем уже было решено против жизни царствующих особ). Я спросил его о сем намерении. Рылеев отвечал:

— Переменили и намерены отправить.

— Если не ⟨!⟩ намерены, тогда изберите императора, который примет предлагаемые меры.

— Но на это время надо удалить, — отвечал он

— Так оставьте жить во дворце, — сказал я.

— Здесь в Петербурге нельзя, — отвечал он. — Разве в Шлиссельбурге; там приставлен бывший Семеновский полк; в случае же возмущения — пример Мировича.

На это я сказал ему более в насмешку:

— Итак, там все лишатся жизни?

Но он, ⟨не⟩ поняв меня, отвечал:

— Зачем всех лишать?..

Обратясь к моим мыслям, я доказывал о необходимости в России императора, преимущество в сем отношении англинской конституции пред американской. Он отвечал:

— В нынешнее время Наполеону быть нельзя...

(д. 361, лл. 21 об.—25 об.).

Константин Петрович Торсон (около 1795—1851) — капитан-лейтенант флота, адъютант начальника Морского штаба, член Северного общества. Выполнял задания Рылеева по усилению влияния Тайного общества во флоте. В восстании 14 декабря не участвовал. После восьми лет каторжных работ жил на поселении в Сибири.

[1] Н. А. Бестужев подтвердил это показание и добавил, что Рылеев «о Завалишине получил совершенно противные понятия, нежели прежде, и просил ⟨...⟩ его остерегаться, о чем я известил Арбузова» (д. 361, л. 38 об.).

ИЗ ПОКАЗАНИЙ В. И. ШТЕЙНГЕЛЯ

9 февраля 1826 г.

...Об изменениях Общества, об отраслях, о центрах и отделениях я ничего не знал и теперь не знаю. Однажды только в 1824 году г. Рылеев мне сказывал, что Общество давно уж составилось, но Семеновская история расстроила: некоторые испугались и объявили, что не хотят принадлежать к Обществу. Рылеев заключил сей рассказ сими словами, кои остались у меня в памяти: «Да оно и лучше, знаешь, что которые послабее характером — вышли. Тем безопаснее» ⟨...⟩

О составлявших Коренной совет Думы и Управы, о членах и о взаимных их действиях мне ничего не было открыто. Г-н Рылеев мне сказал только, что в Петербурге существует Комитет. А когда я, предваряя его, что орудием ничьим я быть не могу и не хочу, просил, чтобы он, если хочет видеть меня действительным членом, объявил мне все, то он мне сказал: «Этого теперь нельзя; это запрещается; но я представлю тебя одному из членов Комитета». Однако ж тем кончилось, что я уехал в Москву, не видав никого. При расставании он меня просил познакомиться с Пущиным, сказав, что «он тебе все расскажет» ⟨...⟩

О времени и местах совещаний, равно как и о надеждах и пособиях, ничего не знаю. Относительно лиц, известных в государственной службе, подкреплявших своим участием надежды Общества, ничего, кроме показанного мною относительно господ Сперанского и Орлова, не знаю. Припомню, однако ж, что г. Рылеев не однажды вспоминал об обер-прокуроре Столыпине [1]. «Вот был человек, — говорил он, — как жаль, что умер!» Кроме сего, в последнее время, помнится мне, что он мне однажды сказал: «Сходить, было, к Мордвинову, попробовать его, что скажет», — но был ли и говорил ли что, мне уже не случилось о том слышать ⟨...⟩

О Пестеле только слышал от г. Рылеева, что он находится во второй армии, и человек с головою и характером ⟨...⟩

В конце сентября месяца ⟨1825 г.⟩, когда я, по недоверенности моей к учебным заведениям в Москве относительно соблюдения нравственности, решился трех подрастающих своих сыновей везти в С.-Петербург, г. Пущин при прощании сказал мне, смеючись: «Узнайте, пожалуйста, что там поделывают наши либералы, да познакомьтесь с князем Оболенским». Приехав в Петербург, я остановился у г. директора Российско-Американской компании Прокофьева, и следовательно — в одном доме с г. Рылеевым; я тотчас увиделся с ним и передал ему вопрос г. Пущина. Он мне более ничего не сообщил, кроме того, что Общество действует и усиливается. «Вот увидим, — сказал он, — как возвратится государь, что-нибудь да предпримем. Во второй армии горячились было и хотели, чтобы не откладывать, но их остановили — нужно еще погодить».

Занявшись определением детей моих, я даже редко, и то на короткое время, виделся с ним. Около половины уже ноября, не прежде, будучи приглашен Рылеевым к меньшому Ростовцеву [2] на чтение отрывка из сочиненной им трагедии «Пожарский» [3], изготовленного для помещения в «Полярную звезду», я увидел тут в первый раз князя Оболенского и познакомился с ним. Впрочем, кроме упомянутого отрывка и прочитанного потом Рылеевым пролога к его трагедии «Хмельницкий» [4], другого предмета разговора не было ⟨...⟩

27 числа, рано поутру, Рылеев прислал ко мне записку, чтобы я пришел поговорить о болезни государя. Меня это удивило; я был занят, однако ж, и потому не пошел к нему. Вскоре он сам пришел и сказал, что сомневается в самой жизни государя; пошел узнать о сем и, возвратясь в 12 часу, сказал: «Кончено, государя более нет; присягают Константину Павловичу». Ввечеру он мне рассказал подробно, что происхо-

дило в Совете и во дворце, и между прочим говорил: «Теперь ничего; солдаты преданы цесаревичу; надобно остановиться в предприятиях и посмотреть, что будет» ⟨...⟩ Тайна, какая соблюдалась при дворе, различные толки и догадки публики подстрекали любопытство, и я стал учащать каждодневно ⟨посещения⟩ г. Рылеева, который обо всем получал верные сведения. До 12-го числа, однако ж, не приметно было никакого особенного движения в навещавших его членах Общества, ибо он был болен. Но тут открылось решительно, что цесаревич отказывается и что ныне царствующий государь воспринимает престол. Уверенность, что государь не любим в гвардии и что она неохотно присягнет, приметно возбудила умы и сердца. Начались частые приезды к г. Рылееву и рассуждения. Я заметил, что Александр Бестужев и Каховский, которого в это только время узнал, были пламенными террористами. Помнится мне, что именно 12-го числа, пришед к Рылееву, я застал Каховского с Николаем Бестужевым, говорящих у окошка, и первый сказал: «С этими филантропами ничего не сделаешь; тут просто надобно резать да и только; иначе, если не согласятся, то я первый пойду и сам на себя все объявлю». Я в тот же вечер сказал о сем Рылееву с укоризною, и он мне отвечал: «Не беспокойся, он так только говорит. Я его уйму; он у меня в руках». В это же время он мне объявил, что для лучшего действия князя Трубецкого избрали диктатором. Впрочем, я нигде на совещаниях не был и ни у кого, кроме Рылеева, с которым одним только и говорил, всегда убеждал в одном и том же, что если цель Общества есть свобода отечества и водворение прочного порядка, то неприлично дело столь святое начинать беспорядками, бесчинством и кровопролитием. Насчет даже намерений против царской фамилии я представил ему благородный пример Швеции— и он, казалось, во всем соглашался со мною и уверял, что до кровопролития не дойдет и не допустят.

(д. 360, лл. 20—27). 30 апреля 1826 г.

Еще в 1824 году Рылеев говорил мне: «Нельзя ли в Москве приобресть членов между купечеством, которые могли бы быть полезны пособиями и приуготовлением других из своего сословия к свободным правилам, так как в Москве центр всего русского купечества». Но чтобы он адресовался ко мне по одобрению Северной думы, того мне не сказывал. Самое имя сие ⟨Северной думы⟩ мне было неизвестно. Хотя после из конституции я видел разделение на управы, под ведением Думы, но полагал, что это только предположение, а что существует уже — не знал. На вопрос Рылеева я тогда решительно ему ответствовал, что в Москве на купечество нельзя рассчитывать, ибо нет ни одного, которому бы можно безопасно вверить тайну Общества, что один только Селивановский — известный типографщик — пообразованнее других, но что, впрочем, он не капиталист, а притом и без приема в Общество содействует оному изданием книг, к распространению свободных понятий служащих. Так мы с Рылеевым и расстались. По сему поводу он после адресовался к Селивановскому чрез Пущина о напечатании своих «Дум» и «Войнаровского».

(д. 360, лл. 34 об. — 35).

⟨Без даты⟩

Убеждая Рылеева и доказывая ему, — как я то и в прежних ответах показал, — что Россия к быстрому перевороту не готова, что у нас и в самих городах нет настоящего гражданства, что внезапная свобода подаст повод к безначалию, беспорядкам и неотвратимым бедствиям и что для предупреждения всего того необходимо, чтобы конституция введена

была законною властию, я просил его согласить Общество возвести на престол императрицу Елисавету Алексеевну ⟨...⟩

...Рылеев, не отвергая доводов, говорил только, что, может быть, возникнет партия совсем с другими побуждениями и тогда еще хуже нельзя будет успеть ни в чем, однако ж хотел говорить. Последнее мое покушение на Рылеева было 9, 10 или даже 11-го числа декабря, когда начали решительно говорить в публике об отречении государя-цесаревича. Рылеев был еще нездоров; я пришел к нему поутру и, начав говорить о сем, между прочим сказал: «Если подлинно цесаревич отрекается и если вы действительно уверены, что гвардия не любит великого князя и не присягнет ему, то что же может быть благоприятнее случая сего для возведения на престол Елисаветы?». Тут вынул я на небольшой бумажке написанный мною приказ к войскам и прочитал ⟨...⟩ Рылеев в три разные приема прочитал этот приказ, чтобы вытвердить наизусть, и также обещал говорить с другими ⟨...⟩ Когда я увидел, что Рылеев мое предложение и мысли не уважил, то я более не возражал ему ни в чем и на все, что бы мне ни говорил о последнем плане — как то он показывает — я отвечал: «Хорошо».

(Там же, лл. 36—38).

О В. И. Штейнгеле — см. стр. 202.

[1] Аркадий Алексеевич Столыпин — обер-прокурор Сената, зять Н. С. Мордвинова, приятель М. М. Сперанского, умер в мае 1825 г.

[2] Яков Иванович Ростовцев.

[3] Отрывок опубликован в «Московском вестнике», 1827, № 14.

[4] Пролог в отрывках публикуется в настоящем томе, стр. 59—63.

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА XCIX ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА

7 апреля 1826 г.

...Были даны очные ставки поутру в Петропавловской крепости ⟨...⟩

11. Титулярному советнику *Горсткину* с коллежским асессором *Пущиным*. Горсткин, опровергая показание Пущина о суждении, бывшем в вышеозначенном собрании у Тучкова и принятом там намерении, удостоверяет, что было только рассуждаемо о поэме Рылеева «Войнаровский», а Пущин остался при своем показании [1].

Положили: взять в соображение.

12. Губернскому секретарю Кашкину с коллежским асессором Пущиным для определительного пояснения того ж показания. Пущин подтвердил свои слова, а Кашкин, отрицаясь, удостоверил, что у Тучкова ни о чем другом, как о поэме «Войнаровский», рассуждаемо не было.

Положили: взять в соображение.

(д. 25, лл. 287 об. — 288).

[1] И. И. Пущин показал, что у А. А. Тучкова было два собрания, на которых обсуждались политические вопросы и «было положено стараться уничтожить рабство крестьян» (д. 25, л. 287 об.).

ВОСПОМИНАНИЯ О РЫЛЕЕВЕ ЕГО СОСЛУЖИВЦА ПО ПОЛКУ А. И. КОСОВСКОГО (1814—1818)

Публикация А. Г. Цейтлина

А. И. Косовский — сослуживец Рылеева по конно-артиллерийской роте, совершавший вместе с ним заграничные походы 1814—1815 гг. и позднее находившийся в одной с Рылеевым воинской части в Литве и в Острогожском уезде Воронежской губернии. Фамилия Косовского не раз фигурировала в письмах сослуживцев к Рылееву (см., например, выше письмо к нему артиллерийского офицера Гардовского) и в письмах поэта к родным. Так, Рылеев писал жене 28 июня 1822 г. из Харькова: «Косовского не застал, его теперь нет в городе» [1]. Повидимому, именно к Косовскому было обращено послание Рылеева «К К — му. В ответ на стихи, в которых он советовал мне навсегда остаться в Украине». Как явствует из печатающихся ниже воспоминаний, именно Косовский дал Рылееву совет, на который поэт ответил решительным отказом:

Чтоб я младые годы
Ленивым сном убил!
Чтоб я не поспешил
Под знамена свободы!
Нет, нет тому во век
Со мною не случиться;
Тот жалкий человек,
Кто славой не пленится!
Кумир младой души,
Она меня, трубою
Будя в немой глуши,
Вслед кличет за собою
На берега Невы [2].

Рылеев вышел в отставку в декабре 1818 г. С Косовским он, вероятно, виделся еще раз в 1821 г., во время своего пребывания на Украине. По сообщению Косовского в начале его воспоминаний, «со дня разлуки моей с ним ⟨Рылеевым⟩ прошло почти более 28 лет»; стало быть, он писал их около 1849 г. Напечатать в это время злейшего цензурного террора воспоминания о государственном преступнике Рылееве, имя которого строжайше запрещалось упоминать в печати, было, разумеется, предприятием несбыточным.

Свой рассказ Косовский начинает хвалебным отзывом о Рылееве, «человеке замечательном», «малейшие подробности жизни» которого должны быть переданы потомству. Рассказ Косовского о Рылееве не раз оказывается уязвимым с точки зрения фактов. С одной стороны, ему иногда изменяла память, с другой — он наделял Рылеева в 1817—1818 гг. знанием того, что ему никак не могло быть в ту пору известно. Таково, например, заявление, приписанное Косовским Рылееву: «для меня решительно все равно, какою бы смертью ни умереть, *хотя бы быть повешенным*; но знаю и твердо убежден, что имя мое займет в истории несколько страниц!».

Молодой Рылеев задыхался в затхлой атмосфере провинциальной военщины. В эти годы (1817—1818) русскую армию начали «подтягивать» Аракчеев и его присные, жестокими мерами выбивая из офицеров и солдат вольный дух. То, что вполне одобрялось некоторыми сослуживцами Рылеева, его самого приводило в волнение. 7 апреля 1818 г. Рылеев писал матери: «И так уже много прошло времени в службе, которая никакой не принесла мне пользы, да и вперед не предвидится, и с моим характером я вовсе для нее не способен. Для нынешней службы нужны подлецы, а я, к счастию, не могу им быть и по тому самому ничего не выиграю» [3].

Косовский не хотел и не мог понять Рылеева. Он постоянно сочувствовал офицерам, споривши с Рылеевым, и столь же постоянно советовал Рылееву бросить несбыточные мечтания и зажить, как живут все. Однако мемуарист понимал, что «наш мир» казался Рылееву «слишком тесен». Его воспоминания ценны тем, что они колоритно рисуют отрицательное отношение Рылеева к среде провинциального офицерства конца 1810-х годов.

Косовский явно недоброжелателен к Рылееву и легко взваливает на молодого офицера различные обвинения. В печатаемом ниже тексте воспоминаний эти обвинения в основном не воспроизводятся, так как являются клеветой реакционно настроенного николаевского генерала на одного из вождей декабристского движения.

Однако, наряду с явными измышлениями, Косовский сообщает о Рылееве много верного и интересного. Он передает любопытные подробности об участии Рылеева в сражениях с французами, о впечатлениях его от заграничной жизни. Он изображает быт Рылеева во время стоянки его роты в Литве и под Острогожском, его внешность, описывает его своеобразную одежду. Он не раз говорит о том, как упорно трудился Рылеев, видимо уже тогда решивший отдаться литературе.

Чрезвычайно ценны сведения Косовского о семье Тевяшовых. Его рассказ о них чужд какой бы то ни было идеализации и, повидимому, гораздо более близок к истине, нежели та идиллическая характеристика, которую Рылеев давал этой семье в письмах к матери перед женитьбой[1].

Самое важное в рассказе Косовского — это его характеристика Рылеева, еще до переезда в Петербург, — «помешанного» «на равенстве и свободомыслии». Косовский указал, что Рылеев уже в Острогожске «жестоко нападал на наше судопроизводство, карал лихоимство, доказывал сколько зла в администрации». Свидетельствуя об этом, Косовский, сам того не желая, опровергает традиционно-идиллические изображения острогожского покоя и счастья, создававшиеся почти всеми прежними биографами Рылеева.

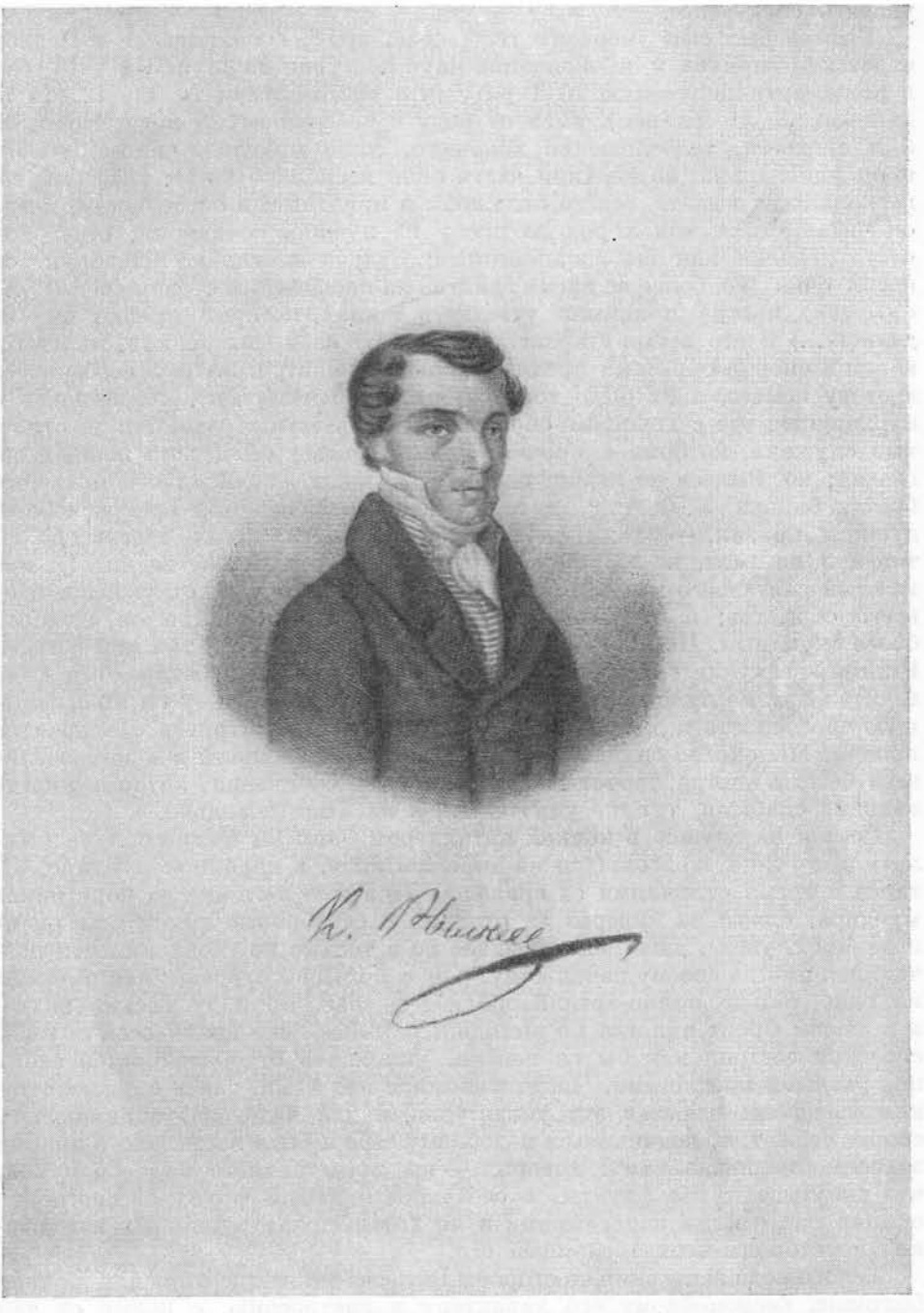
Все это дает воспоминаниям Косовского право на внимание читателей.

⟨ВОСПОМИНАНИЯ А. И. КОСОВСКОГО⟩[5]

Говорят, что судьбы всевышнего неисповедимы! Это святая истина, — она оправдалась вполне на бывшем моем товарище Кондратии Феодоровиче Рылееве, который слишком рано оставил земное поприще! В настоящее время трудно припомнить и сообразить все обстоятельства, случившиеся в первые годы жизни этого человека. Думал ли он или кто из товарищей, бывших из его сослуживцев в течение шести лет, что Р⟨ылеев⟩ выйдет, к удивлению всех, человеком замечательным и потребует от каждого из нас передать потомству малейшие подробности жизни его?!

Со дня разлуки моей с ним прошло почти более 28 лет, а это — не безделица! Если я решаюсь сказать несколько слов о нем, то это не есть пустословие, а все то, что совершалось пред моими глазами в течение шести лет, т. е. со дня поступления его в батарею, на действительную службу, по день подачи в отставку и разлуки нашей.

Легко может быть, что по давности времени я не передам всего и упущу многое, то пред⟨о⟩ставляю прочим из товарищей наших дополнить то, чему каждый из них был свидетелем в разное время праздной,



РЫЛЕЕВ

Гравюра, помещенная в «Полном собрании сочинений» поэта, Лейпциг, 1861 г.
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

бесполезной службы товарища своего Рылеева! На мою же долю выпадает указать следующее.

Рылеев был сын умершего генерал-майора [6], воспитывался в Первом кадетском корпусе, а по окончании наук поступил на службу в 1813 году в конно-артиллерийскую № 1 роту (что впоследствии № 11, 12, 14 и, наконец, № 16 батарея), имел от роду с небольшим 20 лет [7]. Роста он был среднего, телосложения хорошего, лицо круглое, чистое, голова пропорциональна, но верхняя часть оной несколько шире; глаза карие, несколько на выкате, всегда овлажены и приятные; в особенности, когда он читал стихи или хорошую прозу из лучших сочинений, отчего он часто делался как бы вдохновенным; будучи несколько близорук, он носил очки (но более во время занятий за письменным столом своим)⟨...⟩ ⟨Рылеев⟩ иногда принимал участие в танцах, которые крепко ему не дались⟨...⟩ В это время старался выказывать свои способности, много говорил и спорил о разных предметах, любил интриговать, в особенности противу немцев, а их было тогда в батарее 6 чел⟨овек⟩, лифляндцев и курляндцев; все с хорошим образованием, известных фамилий и отличные служаки, которые с прочими 5-ю русскими офицерами жили в согласии; но Рылеев не любил первых, за исключением одного меньшого брата, барона У.-Ф.-Р. [8], который действительно был прекраснейшей души и правил, — одним словом, хотя Рылеев явных врагов ⟨в⟩ батарее и не имел, но и лишней приязни никто с ним не водил ⟨!⟩, ибо каждый считал его человеком не совсем верным, как бы отчужденным от всего общества; в особенности в последнее время, когда он сделался более скрытным. Но иногда выпадали дни, в месяц раза три или четыре, Рылеев, наскучив сидеть один в деревне, приезжал в батарейный штаб и читал нам из лучших сочинений прозу и стихи, к чему он имел большую способность и дар слова! Но Державина и Дмитриева предпочитал прочим. Мы охотно слушали его и оставались довольны; а в заключение всей беседы иногда прочитывал свои мелкие сочинения, которые иногда находил слабыми, тут же уничтожал, а их было довольно.

Состоя на службе в конной артиллерии, чего бы кажется лучше желать в его лета, красоваться на хорошем коне, в нарядном мундире, батарея с тремя отличиями за сражения (золотые петлицы на воротниках мундира, бляхи на киверах за отличия и серебряные трубы); но он не полюбил службы, даже возненавидел ее и только по необходимости подчинялся иногда своему начальству. Он с большим отвращением выезжал на одно только конно-артиллерийское ученье, но и то весьма редко, а в пеший фронт никогда не выходил; остальное же время всей службы своей он состоял как бы на пенсии, уклоняясь от обязанностей своих под разными предлогами. Часто издевался над нами, зачем служим с таким усердием; называя это унизительным для человека, понимающего самого себя, т. е. подчиняться подобному себе и быть постоянно в прямой зависимости начальнику; говорил — вы представляете из себя кукол, что доказывают все фрунты, в особенности пеший фрунт; он много раз осыпал нас едкими эпиграммами и не хотел слушать дельных возражений со стороны всех товарищей его.

Такого рода замечания со стороны Рылеева мы всегда относили к одной болтовне, беспокойному его характеру и настроению, с коими он так освоился ко вреду службы и к собственной гибели; да и к чему же иному могло повести его отчуждение от нашего общества? Сидевши постоянно один в мужицкой хате, не думая быть полезным по службе и избегая сотрудничества товарищей своих, которые только по необходимости держали его в обществе своем, он явно * считал нас слишком слабыми,

* *Зачеркнуто:* не устыдился при всем здравомыслии и с новыми своими идеями

чтобы не понять <!> его. Увещания же со стороны батарейного командира не имели на его никакого влияния; над чем он всегда смеялся и даже считал себя обиженным. Это было поводом, что коман<дир> бата<реи> * решился представлять его несколько раз к переводу в другой род службы как нерадивого по службе и бесполезного во всех отношениях офицера, но это не было уважено: на три представления подполков<ника> Сухозанета (давно уже умершего) бывший в то время инспектор всей артиллерии бар<он> Меллер-Закомельский просил письмом, чтобы Рылеева удержать в бата<рее>, следить за ним строго и со временем сделать из его полезного человека — то для общества, ежели не для службы! (Были такие слухи, что отец Рылеева в молодых летах служил с б<ароном> Меллер<ом>-Зако<мельским> и были приятелями). Впоследствии Рыле<ев> жестоко отблагодарил бывшему командиру своему, п<олковнику> Сухозанету, устроивши противу его весьма неприятную историю <...> и довел до того, что той же батареи прапорщ<ик> Миллер единственно по наущению Р<ылеева>, как однокашника по корпусу, должен был принять дуэль на пистолетах, причем Рылеев у Миллера был секундантом. Сухозанет остался невредим, а Миллер был ранен в руку [9].

Так как Рылеев фрунтовой службы не любил, да и гарнизонной ненавидел, то иногда командировали его для принятия разных сумм от Воронежской комиссии и комиссионера <...>

С производством Рылеева в офицеры в 813 году он отправился прямо за границу, к батарее, которая в то время находилась в авангарде графа Чернышева, противу французских войск. Рылеев был несколько раз в сражениях, но особых отличий в делах не имел случая оказать. По заключении же мира в Париже в 1814 году и до возвращения в Россию никто из нас в Ры<лееве> ничего особенного не замечал; он держал себя осторожно <...>

По возвращении в пределы России в начале сентября 1814 года батарея расположилась <в> Гродненс<кой> губер<нии> Слонимск<ом> уез<де> в м<естечке> Столовичах; здесь батарея получила на укомплектование много людей и лошадей. К тому же времени приехал в батарею и бывший начальник штаба артиллерии в 1-й армии г. Сухозанет, который сурьезно принялся учить командира батареи подполков<ника> Сухозанета (брата своего родного), переведенного из пешей бригады, равно и всех гг. офицеров. Так как ученье производилось по два раза в день и с большею отчетливостию, почти без отдыха, то нам показалось слишком тяжело, а Рылеев даже возненавидел все роды учений и с того времени смотрел на них с отвращением, а так как батарея была в составе 6 взводов, а офицеров состояло 10 челов<ек> налицо, то Р<ылеев> не имел взвода, и это самое давало ему возможность уклоняться от занятий по службе во все время пребывания генер<ала> Сухозанета в м<естечке> Столовичах.

С наступлением же 1815 года, когда российские войска вторично выступили в пределы Франции 18 марта и батарея поступила в авангард генер<ала> Чернышева, Рылеев назначен был от батареи за квартирмистра с юнкером, который говорил по-немецки. С этого времени Рылеев сделался к службе подеятельнее и собственно для себя полезным; со вниманием следил он за благоустройством тех мест, чрез которые следовала батарея; иногда передавал нам свои неважные замечания по разным предметам. А с переходом чрез реку Рейн батарея расположилась квартирами в границах Франции в гор<оде> Васси и окрестностях оного. Здесь в течение $2^1/_2$ месяцев, когда батарея готовилась к высочайшему смотру близ г. Вертю, Рылеев успел составить несколько записок

* *Зачеркнуто:* три года спустя

того края, в коих старался изложить свой взгляд *. Зародилась в нем мысль, что в Р⟨оссии⟩ все дурно, для чего необходимо изменить все законы и восстановить к⟨онституцию?⟩

А на возвратном пути в отечество записки его значительно увеличились: с приходом же в Виленск⟨ую⟩ губ⟨ернию⟩ Росиянского уезда в м⟨естечко⟩ Ретово (на самой границе Пруссии, принадле⟨жащее⟩ князю Огинскому), Рылееву пришлось стоять в д⟨еревне⟩ Вижайцы, тоже недалеко ⟨от⟩ прус⟨ской⟩ грани⟨цы⟩, в 8 вер⟨стах⟩ от г. Мемель, а от батарейного штаба — в расстоянии 7 миль. Здесь-то Рылеев, будучи на свободе, начал трудиться собственно для себя, и без малейшего стеснения занялся приведением в порядок своих записок; с этого же времени он старался приобрести все лучшие сочинения русских авторов, часть коих получил из Петербурга от матери и дяди своего; постоянно читал, завел обширную переписку с некоторыми из товарищей своих по корпусу, из коих один служил шта⟨бс-⟩кап⟨итаном⟩ в гренадерс⟨ком⟩ полку, кажется Асосков, коему *еженедельно* посылал исписанных несколько листов почтовой бумаги; но в чем состояла эта переписка, из нас никто не знал и не любопытствовал. А между тем, находясь по близости границы, он часто посещал приморский город Мемель, где проводил дня по два и по три, без позволения батар⟨ейного⟩ командира. В скорости после сего Ры⟨лее⟩в начал дарить нас своего сочинения посланиями, а иногда и элегиями, из коих большая часть расходилась по рукам и уничтожалась как неинтересного содержания, оставшиеся же у меня некоторые из них и отысканные недавно в старых бумагах при сем прилагаются в копиях, для соображения о постепенном развитии таланта молодого поэта, рвавшегося на простор[10].

В том же году, будучи тяжко болен в продолжение более четырех месяцев, он не оставлял своих занятий, а по выздоровлении однажды сказал:

— Хотя недуг меня и сломил, но время золотого я не терял; чем мне нужно было заняться, я успел передумать и сообразить; вижу, что мне предстоит множество трудов **! Жаль только, что не имею сотрудника.

— Да в чем же именно будут состоять эти занятия? — спросил один из товарищей.

— В том, что для вас покажется ново, странно и непонятно! Да, на это потребуется много силы воли, чего ни в одном из вас я не замечаю!

Слышавши такие суждения, прикрываемые такими ничтожными посланиями, коими он дарил нас, мы сделали заключение: не задумал ли Ры⟨лее⟩в основать масонскую ложу, подобно ложе С⟨вято⟩го Георгия, от которой незадолго пред сим правительство наше требовало отречения и взяло от каждого подписку о непринадлежности ни к каким тайным обществам[11].

В это время Р⟨ылее⟩в в глазах наших сделался более сомнительным; его скрытный характер, осторожность в речах ⟨...⟩ ясно показывали, что этот новый Гений озабочен чем-то необыкновенным, по тогдашнему мнению нашему казалось более смешным, а потому часто приходилось заводить спор и слышать уклончивые суждения Рылеева, из которых ничего дельного мы не понимали и снова советовали бросить несбыточные предположения его, но он твердо стоял в своих убеждениях и не думал измениться.

По выздоровлении своем Рылеева можно было видеть по большей части в мужицкой избе с полусветом, за простым рабочим столом, на коем были нагромождены разные книги, даже на лавках занимаемой им комнаты,

---

* *После слов* свой взгляд *зачеркнуто:* сделал сравнение по многим частям, причем не пожалел даже высказать много правды

** *Первоначально:* занятий

множество разбросанных бумаг, тетрадей, свертков, разного хлама и в особенности пыли. Сам же он постоянно носил оригинальный двубортный сюртук светлокоричневого сукна, под названием *пиитического*, самим им придуманного, длина коего до колен, с широкими рукавами, с двумя на груди карманами, с несколькими шнурами и кистями, а воротник маленький, отложной, так что вся шея открыта; панталоны светлосерого сукна, но без красной выпушки и без штриф, в коих по рассеянности один раз выехал во фрунт, за что и был арестован. Шапка или картуз черного сукна особого покроя; сапоги носил без подборов, но большей части стоптанные, часто порванные, нечищенные; туфлей и галош он не имел [12]<...> В пище он был неразборчив, но, если случалось сидеть за хорошим столом, кушал с большим аппетитом, причем любил и выпить. Если же попадало в голову лишнее, то делался многоречив, начинал витийствовать, декламировать; ода «Бог», «Водопад» и «Вельможа» Державина сейчас являлись на сцену; а иногда, увлекшись спором, выходил из себя и делался несносным, потому что ни с чьим мнением никогда не хотел согласиться, ставя свои суждения выше всего.

Простоявши на этих квартирах год и четыре меся<ца>, батарея выступила из Виленс<кой> губер<нии> в Орловс<кую> губ<ернию> в г. Мценск; на время похода Рылеев был назначен за квартигера и в течение пяти недель обязанность сию исполнял весьма добросовестно.

<...> Во Мценске батарея простояла не более $2^1/_2$ меся<цев> и после отдыха двинулась далее <в> Воронежс<кую> губ<ернию> Острогожского уезда в мес<течко> Белогорье на берегу тихого Дона. Здесь при общем размещении 6 взводов, Рылееву пришлось идти за 30 верст, в глухой степи, состоя в дивизионе другого офицера, где он и основал себе верный приют на два года. В скорости он приобрел знакомство в том же огромном казенном селении с помещиком, отставным майором Михайлом Тевяшевым, человеком прошлого столетия времен Екатерины, преисполненного доброты сердца, но прожившего в глуши более 30 лет, с плохим здоровьем; он решительно отстал от тамошнего общества. У его были две дочери 11 и 12 лет, но без всякого образования, даже не знали русской грамоты; между тем отец их имел весьма хорошее состояние. Управлением хозяйства ни он, ни жена-старушка не занимались, все шло по воле мужика их А<р>тамона, а они, доживая век свой, молились богу!

Рылеев первый принял живейшее участие в этих двух девицах и с позволения родителей принял на себя образование их, чтобы по возможности вывести их из тьмы, ибо, живши в степной глуши, от уез<дного> гор<ода> Острогожска в 60 верст<ах>, где ни жена, ни дочери Тевяшева никогда не бывали, светского обращения нигде не имели случая видеть и почти ни с кем знакомства не водили, следовательно, оставались на произвол судьбы. Смотревши на семейство Тевяшевых, мы удивлялись и сердечно сожалели, что русский дворянин, хорошей фамилии, с состоянием, прослуживши в военной службе более 20 лет, мог отстать от современности до такой степени и не озаботился о воспитании двух дочерей. В ихнем кругу или обществе «Московские ведомости» читались по выходе в свет спустя две-три недели, а иногда и месяц, потому что выписывали их 4 и<ли> 5 помещиков, живших один от другого на весьма значительном расстоянии.

Взявши на себя столь важную обязанность, Рылеев употребил все усилия оправдать себя пред своею совестью: постоянно занимался с каждой из учениц, постепенно раскрыл их способности; он требовал, чтобы объясняли ему прочитанное и тем изощрил память их; одним словом, в два года усиленных занятий обе дочери оказали большие успехи в чтении, грамматике, арифметике, истории и даже закону божию, так что они могли хвалиться своим образованием противу многих девиц соседей своих, гораздо

богаче их состоянием, в особенности старшая дочь, Наталья Михайловна, сделалась премилая умненькая девица.

Кончая науки, товарищ наш и не заметил, что увлекся тихим характером старшей ученицы своей Н. М.! Прежде Рылеев был тех мнений и старался всегда доказывать в своем сочинении в стихах (после им самим уничтоженное), что брачная жизнь «ни к чему не ведет, а тем более, для человека, постоянно озабоченного серьезным делом и не имевшего средств к жизни», но, когда влюбился в Нат⟨алью⟩ Мих⟨айловну⟩, он не мог уже владеть собою, а когда узнал о взаимности со стороны Н. М., то начал писать в честь ее многое множество, из коих отыскались в старых моих бумагах *Акростих* и *Триолет*, писанные рукою Рылеева[13].

В исходе 1818 года Рылеев решился сделать предложение, которое и было принято стариками с радостию, но с условием, чтобы свадьбу отложить до будущего года; а к тому времени Кондратий Федорович должен был подать в отставку по настоянию батарейн⟨ого⟩ команд⟨ира⟩, да и сам видел хорошо, что он никем не любим и лишний для службы.

Посвятивши себя на доброе дело — образовать двух девиц, Рылеев не оставлял и постоянных своих занятий. В течение 817 и 1818 годов он исписал бумаги целые горы; брался за многое, не жалея сил и умственных напряжений, но за то же многое уничтожено им же самим, чему и нам случалось быть свидетелями неоднократно: бывало, прочтет что новенькое и тут же рвал или сжигал, а некоторые отрывки расходились по рукам; но записок под названием (как он говаривал) деловых никому никогда не показывал.

При стольких заботах своих он крепко дорожил временем и редко показывался между товарищами, а если и являлся, то на короткое время, часто уверяя, что он один трудится за всех нас.

Почти в это же время, он успел сделать некоторые очерки для *Дум* своих, которые впоследствии были изданы в свет. *Дмитрий Донской*, *Богдан Хмельницкий*, *Курбский и Наталья Долгорукая* нам были уже несколько знакомы в 1818 году, равно и поэма «Войнаровский»[14], коими мы также любовались *. Но все это впоследствии много исправлено и дополнено им. Похвальное слово Мордвинову (бывшему министру) также начато при нас, которого ум и правду Рылеев ценил высоко!

Случалось слышать от его, как он соболезновал, что не знал хорошо ни одного иностранного языка, не может ни говорить, ни переводить [15], — учиться же им тогда не находил время, будучи сильно озабочен важнейшими делами (это всегдашнее его выражение).

Находясь в таком настроении духа и будучи, так сказать, связанным по рукам и ногам, он не предвидел возможности осуществить свои идеи! Мы замечали, что в нашем обществе ему становилось душно. Однажды он проговорился: «Нет, нет! надо ехать туда, где люди живут и дышат свободно!»** А куда бы, например, ехать? — спросили товарищи. — «В Америку, непременно в Америку! — где куплю часть земли, положу основание *колонии независимости*, и тогда, кто захочет из вас жить по произволу, не быть в зависимости от подобных себе, не слышать о лихоимстве и беззакониях нашей страны, тех я приму с распростертыми объятиями и мы заживем так, как немногие из смертных!» [16]. На это заключение был сделан ему вопрос: «Где же возьмем средства к оному?» — «Я выйду в отставку, — отвечал он, — и буду служить в Американской компании секретарем, с жалованьем по 12 т⟨ысяч⟩ в год и готовая квартира; место это давно уже предлагают мне, и я займу его непременно, чтобы этим путем достигнуть цели своей!» [17].

---

* *Далее зачеркнуто:* и одобряли Рылеева

** *Далее вачеркнуто:* Да куда же ты располагаешь?

ОБУЧЕНИЕ СОЛДАТ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ
Акварель неизвестного художника, 1820-е гг.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Кто именно был задушевный друг Р⟨ылеева⟩, кому он вверял свои тайные помышления, — из товарищей его никто не мог предугадать, но все домогались сильно!

Слушая такие повествования со стороны Рылеева, мы невольно смеялись от души. Однажды в такой беседе, когда распалили его воображение и проговорили, что все предположения его есть вздор и ни к чему доброму повести не могут, а другой из товарищей прибавил: да и Пугачев затевал много! Но чем же все кончилось? — злодея четвертовали. На это Рылеев отвечал, приняв более серьезный вид: «Вы не знаете моих мыслей и, конечно, не поймете всего того, если бы я и объяснил; по моему мнению, вы жалкие и умрете в неизвестности, тогда как мое имя займет в истории несколько страниц; кто переживет из вас, тот убедится!».

При этом нельзя не передать о двух обстоятельствах, случившихся с Рылеевым одно после другого. Спустя несколько месяцев, когда жизнь его, как говорится, висела на волоске, первое: однажды, гуляя с товарищем по улице местечка Белогорье (где была расположена батарея), они подошли к небольшому домику почтовой станции, чтобы в растворенное окно сказать хозяину, содержателю почты, прислать на утро тройку лошадей, ехать по порученности батарейного командира в г. Острого⟨ж⟩ск; в это время товарищ увидел чрез окно стоящее в углу комнаты необыкновенно длинное ружье; на вопрос хозяину, где приобрел такое добро? — ответ был такой: я купил у мужика, который отрыл его в степи из кургана. Товарищ, будучи большой знаток и отличный стрелок, предложил Рылееву зайти в дом, осмотреть ружье, на что он и согласился.

При входе в комнату, первый вопрос был хозяину: «А что, ружье заряжено?» — «Кажется нет, — отвечал хозяин, — три дня, как брат мой был на охоте и сломал шомпол». Тогда товарищ начал осматривать ружье со вниманием и желал удостовериться не заряжено ли оно, просил Рылеева приложить руку к затравке, а сам начал дуть в дуло, когда же Р⟨ылеев⟩ уверил его, что воздух чрез затравку проходит свободно, тогда товарищ, осмотревши замок, который также был особой конструкции, и, видя, что на полке нет пороха, взвел курок, прося Рылеева посторониться, на что сей отвечал: «Да стреляйте из пустого ружья; я стоял уже два раза противу пистолетных пуль, так не приходится прятаться от заржавленного ружья!». Комната эта была весьма маленькая, едва помещалась одна только кровать, а ружье было слишком длинное, дуло которого лежало почти над правым плечом Рылеева — когда же, по настоянию Рылеева, товарищ спустил курок и последовал нечаянный выстрел (весь заряд волчей дроби врезался в стену), то Рылеев, сделавши невольно шаг влево, сказал, смеючись: «И убить-то не умел».

Второй случай. Так как м⟨естечко⟩ Белогорье находится расстоянием от берега Дона не более 300 сажен, разделенное лугом, то гг. офицеры летом часто купались на противуположном берегу, переправляясь на пароме, а иногда на лодке по течению реки отъезжали за версту и далее. Однажды на возвратном пути, переезжая быстрину реки, Рылеев, сидевший на борту лодки, увидел, что по воде несет убитую утку; он без всякой предосторожности хотел схватить ее, но, потерявши равновесие, упал за борт и при общем смятении, пока лоцман собрался кинуться в воду, Рылеев, не умея хорошо плавать и от испуга не мог держаться на быстрине, начинал тонуть в виду всех, но лоцман, с большим усилием, едва мог удержать утопающего и в то же время сам начал просить о помощи. — Много стоило труда избавить их от очевидной гибели!.. Ры⟨леев⟩ долго не мог придти в себя и потом выдержал горячку.

Кроме сказанных двух случаев, Рылеев до того еще два раза дуэлировал на саблях и на пистолетах ⟨...⟩ Он безостановочно преследовал несбыточные идеи свои, которые постоянно роились в голове его, пока злая судьба

не положила конец его умствованиям! А как часто он говаривал нам: «Г〈оспода〉, вы или не в состоянии или не хотите понять, куда стремятся мои помышления! Умоляю вас, поймите Рылеева! Отечество ожидает от нас общих усилий для блага страны!! Души с благороднейшими чувствами постоянно должны стремиться ко всему новому, лучшему, а не пресмыкаться во тьме. Вы видите, сколько у нас зла на каждом шагу; так будем же стараться уничтожать и переменить на лучшее!».

Слушая эти речи из уст такого мечтателя, каков был Рылеев, 〈...〉— мы и этот раз посмеялись от души и пожалели, что он не оставляет своих *убеждений*, которые со временем могли расстроить умственные его понятия.

Однажды, после случившегося с ним неприятного происшествия и болезни, он приехал в штаб батареи и навестил общество гг. офицеров, где в разговоре между прочим один из них обратился к Рылееву и спросил его:

— Скажите, пожалуйста, Кондратий Федорович, довольны ли вы своею судьбою, которая, как кажется, лелеет и хранит вас на каждом шагу? Мы завидуем вам!

— Что же тут мудреного, когда она так милостива ко мне! Я убежден, что она никогда не престанет покровительствовать гению, который ведет меня к славной цели!

— Но в чем же заключается эта цель? Пожалуйста, откройте нам или одному, по выбору вашему, из товарищей. Но вы молчите? Следовательно, тоже скрытность и недоверие, а может только испытание, лишь бы выведать? Дурно же вы разумеете нас! А может и нашелся бы такой, который умел бы обсудить не хуже вас самих, лишь бы только идеи, действительно, клонились к существенной пользе.

При этом сказал 2-й товарищ:

— Я не хочу верить, чтобы Кондратий Федорович попал на счастливую мысль; в противном случае он, как благородный человек, не скрывал бы от нас того, в чем каждый готов принять живейшее участие и сочувствовал 〈!〉 ему во всем полезном без поездки в Америку! К тому же он в течение почти 6 лет всегда был скрытным, удалялся от товарищей, службы никогда никакой* не нес и часто издевается еще над нами, зачем каждый нес службу вдвойне — и за себя и за его благородие. Так можно ли в чем положиться на его?? Он увлекается и силится доказать нам правоту своих убеждений, нимало не открывая цели их?! По моему мнению, это — мечта и пустословие, ни к чему не ведущие! Пускай лучше решит эту задачу, например: из нас каждый чист совестью! а он ** чем может похвалиться! Пускай поверит себя и раскается, пока не ушло время! — он много виноват противу каждого из нас!

За сим добавил 3〈-й〉 товарищ:

— Итак, Кондратий Федорович, вы все-таки остаетесь при своем мнении, чтобы стремиться к чему-то необыкновенному, великому!? Мысль эта прекрасная, благороднейшая! Но чтобы понять, освоить ее себе, надо же и ума и много условий, чего по сей час мы в вас не замечаем еще 〈...〉, так зачем же идти на явные неприятности, с одними тайными убеждениями, и желать, чтобы другие сочувствовали вам без всякой цели? Я думаю так: если предопределение судьбы до сего времени не совершилось еще над вами, то вы обязаны счастливому случаю; может быть, та же судьба ожидает, чтобы вы поверили себя! Если вас миновали две пули и спаслись от потопления в реке, то это не дает еще права идти слепо на авось! Ведь редко кому приходится отделаться так счастливо, как вам! Должно думать, что

---

* *Далее зачеркнуто:* дурным

** *Далее зачеркнуто:* любезный товарищ

вам предназначается другая, лучшая смерть, как избраннику судьбы!.. неправда ли?

— Вижу, господа, что вы остаетесь о сю пору в том же заблуждении,— сказал Рылеев, — я повторяю вам, что для меня решительно все равно, какою бы смертью ни умереть, хотя бы быть повешенным; но знаю и твердо убежден, что имя мое займет в истории несколько страниц!

Вот правила, мысли и убеждения, коими постоянно руководствовался Рылеев, в особенности последнее время, находясь еще на службе, т. е. по день подания им прошения об увольнении в отставку в 818 году в декабре месяце[18]. Будучи в таком настроении, нельзя было не заметить, что большая часть его помышлений клонились к безумию: чтобы передать имя свое потомству, он заранее обрек себя на все смерти! И поэтому-то наш мир для его несообразных идей казался слишком тесен, что впоследствии и оправдалось на деле!..

К исходу этого года он, можно сказать, помешан был на равенстве и свободомыслии; часто говаривал: как бы скорее пережить тьму, в коей, по мнению его, тогда находилась наша Россия! Он предсказывал ей в будущности величие и счастие подданных, но не иначе, как с изменением законов, уничтожением лихоимства, а самое главное — удалить всех подобных Аракчееву, а на место их поставить Мордвиновых!

Будучи постоянными свидетелями нескольких лет образа жизни и суждений Рылеева, могли ли мы когда думать, чтобы прапорщик конной артиллерии, без средств к жизни, с такими наклонностями, непостоянным характером, мог затевать что-либо, похожее на дело сериозное?

Предаваясь всегда не дельным своим занятиям в уединении, никто из товарищей с ним не разделял, да и посторонних лиц, кто бы водил дружбу с Рылеевым, не было; даже друг его, прапорщик Миллер, не был посвящен в эти тайны; так он вел дела свои скрытно!

Случалось временами, когда Рылеев начинал говорить о предметах, клонящихся до будущего счастия России; он говорил увлекательно, даже с жаром (причем возражений не терпел). В это время речь его лилась плавно, он казался проникнутым благородными чувствами и твердостию убеждений своих предположений. Он жестоко нападал на наше судопроизводство, карал лихоимство, доказывал, сколько зла в администрации!.. и много кое-чего говорил подобного!! Нам же завещал свою мысль: не подчиняться никому, стремиться к равенству вообще и идти путем здравого рассудка; в чем, по его мнению, состояло все счастие каждого.

Но однажды в такой беседе один из товарищей сказал Р⟨ылееву⟩:

— Любезный Кондратий Федорович, часто мы слышим от тебя о всеобщем равенстве; то этим убеждениям я не верю, пока мы не увидим на самом деле; покажи нам пример: начни сам чистить платье и сапоги своему Ефиму, да беги к колодезю за водой?

— Это вздор! — отвечал Рылеев,— статья эта со временем разрешится сама собою! — И, спустя несколько, сказал: — Теперь я вижу, как [дурно] понимаете вы слова мои!

Так как с 1-го генваря 1819 года батарея должна была * перейти в Курскую губернию в Рыльский уезд на новые квартиры, то дня за три Рылеев, оставя невесту свою, приехал в штаб-квартиру проститься с товарищами; но и тут не обошлось без шумных разговоров, споров и доказательств; наконец, началось прощанье и обоюдное желание, причем Рылеев просил позволения сказать несколько слов прежде и начал с того: «Г⟨оспода⟩, я считался несколько лет вашим сослуживцем, но был скверным слугою

---

* *Далее вачеркнуто:* выступить в поход

царю; вы поделом не любили меня как ленивца, но, признаюсь, я любил вас всех, кроме двух, — и показал на них, — мы не сошлись с самого начала, следовательно — и довольно! К тому же я никогда не замечал со стороны их желания сойтится со мною». Потом, обратясь ко всем, сказал: «Гг., я надеюсь, что при встрече со мною у вас не откажется никто подать мне руку как старому камрату; объятия мои всегда отверсты для каждого из вас. Жалею сердечно, что вы не хотели понять меня (чему, однако ж, я не верю), впрочем, пусть оно и так! По крайней мере, не забывайте тех слов, которые много раз мною были высказаны пред вами как залог будущего счастия того, что для нас дороже всего! (здесь он подразумевал Россию) — легко может статься, что спустя * лет пять все изменится к лучшему! — я не теряю надежды видеть кого-либо из вас в благополучной Америке, в моей колонии независимости, куда приглашаю вас!!». А мы пожелали ему скорее соединиться навсегда с бывшею своею ученицей и наслаждаться семейным счастием, бросить неверные идеи свои, не полагаться на судьбу, которая так немилосердно и часто играет участью смертных! Но Рылеев заключил так: «Я не сойду с избранного мною пути, ибо твердо убежден в предприятии своем, и вы увидите скоро! Это время не за горами; кто переживет из вас, тот оправдает меня, а до того, господа,— прощайте **, не забывайте ленивца Рылеева».

Мы обнялись, поцеловались и расстались навсегда!

Впоследствии же времени, как мне известно, никто из сослуживцев его переписки с ним не имел, кроме меня; да и то раза два-три в год <...> На письма же мои ствечал всегда шутливо и уклончиво, между тем, каждый раз уговаривал переехать в Петербург, служить вместе, уверяя, что раскаиваться не буду; не переставал твердить и убеждать, что пора нам поверить себя, взглянуть попристальнее на все окружающее нас, ибо, кроме зла, несправедливостей и неслыханного лихоимства, ничего у нас нет — а потому, необходимо думать, дорожить каждым днем и трудиться для будущего счастия России! Чтобы потомство не проклинало нас. «Вот тебе дружеский совет, — писал Рылеев, — приезжай сюда (в Петербург), ты узнаешь много хорошего, а до того подумай и передай мне свои мысли»... ***

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Рылеев. Соч., стр. 463.

[2] Там же, стр. 96—97. — Стихотворение это было опубликовано только в 1872 г. П. А. Ефремовым, причем до 1934 г. без всяких оснований связывалось с именем Каховского.

[3] Там же, стр. 446.

[4] См., например, письмо Рылеева к матери от 17 сентября 1817 г. — Там же, стр. 441.

[5] Воспоминания Косовского печатаются по автографу, ЦГЛА (ф. № 423, ед. хр. 42). В рукописи (тетрадь в 20 листов, исписанных с обеих сторон) не хватает конца.

[6] Отец Рылеева дослужился на военной службе лишь до чина подполковника.

[7] Рылеев был выпущен из корпуса в действующую армию 1 февраля 1814 г., ему в это время было восемнадцать с половиной лет.

[8] Инициалы Ф. Р. Унгерн-Штернберга, два письма которого к Рылееву напечатаны выше (см. стр. 157—159).

[9] Об этой «весьма неприятной истории» мы до сих пор знали лишь по рассказу Рылеева в его письме к матери от 18 июня 1818 г.: «Должен я еще уведомить Вас, что у нас было случилась в роте весьма неприятная история: Сухозанет, дабы перессорить между собою офицеров, представил младших к повышению чинов. Эти догадались, и все пошли к нему. Те, которых он представил, сказали ему, что они не чувствуют, дабы они сделали для службы что-либо отличное противу своих товарищей, а те, которых он хотел было обойти, сначала довольно учтиво, а наконец,

---

* *Далее зачеркнуто:* года три или четыре

** *Далее зачеркнуто:* навсегда

*** *Конец рукописи не сохранился.*

видя, что он не унимается, с неудовольствием, доказывали ему, как он несправедлив. Видя же, что и это его не трогает, все офицеры, и представленные и обойденные, подали к переводу в кирасиры; меня же тогда при штабе не случилось. Федор же Петрович Миллер, находясь в числе обиженных, будучи им весьма дерзко оскорблен, вынужден был поступить с ним, как с подлецом. Но, слава богу, — все обошлось хорошо. Корпусный начальник артиллерии приезжал нарочно в Белогорье, дабы успокоить г<оспод> офицеров и уверить Сухозанета, что он кругом виноват. После сего, хотя он и примирил офицеров с ним, но этот мир не продолжится долго. Ибо все решились разными дорогами выбраться из роты. Федор Петрович выходит в отставку. Кажется, что и Сухозанет после полученного от него подарка должен оставить службу» (Рылеев. Соч., стр. 447—448).

Как видно из этого письма, Рылеев имел все основания дать резкий отпор провокационным поступкам Сухозанета.

Отметим, что высказанная здесь надежда Рылеева не осуществилась: Иван Онуфриевич Сухозанет остался служить в армии.

[10] Никаких копий стихотворений Рылеева при воспоминаниях Косовского не сохранилось.

[11] Это утверждение Косовского не соответствует истине. Подписка о непринадлежности к масонским ложам бралась лишь после запрещения их в 1822 г.

[12] Описание мужицкой избы, в которой жил Рылеев, и особенно его одежды вполне соответствует действительности. В послании «Друзьям (в Ротово)», 1817—1819 гг., Рылеев писал:

Нельзя ль на новоселье,
О други, прикатить,
И в пунше, и в веселье,
Все горе потопить?
Друзья! прошу спешите;
Я ожидаю вас!
Мрак хаты осветите,
Весельем в добрый час!
В сей хате вы при входе
Узрите стол стоит,
За коим на свободе
Ваш бедный друг сидит
В своем светлокофейном,
Для смеха сотворенном
И странном сертуке,
В мечтах, с пером в руке!
Там кипа книжек рядом,
Любимейших лежит;
Их переплет не златом,
А внутрь добром блестит.
Заступа от неволи
Любезные пистоли;
Шинелишка, сертук,
Уздечка и муштук;
Ружье — подарок друга,
Две сабли — как стекло,
Надежная подпруга
И Косовско седло;
Вот все, что прикрывает
Стенную черноту;
Вот все, что украшает
Сей хаты простоту.

(Рылеев. Стих., стр. 329).

[13] Эти стихотворения известны. См. Рылеев. Стих., стр. 352 и 269.

[14] В отношении поэмы «Войнаровский», написанной в 1823—1824 гг., это свидетельство Косовского совершенно не соответствует истине.

[15] Это утверждение неверно: Рылеев хорошо знал французский и польский языки.

[16] В начале XIX в. Америка, не знавшая оков монархии, феодальных сословностей, церковного гнета, являлась поприщем для многих опытов социального реформаторства. На обширных и заселенных землях страны последователи Сен-Симона, Фурье и Кабэ учреждали в это время немало всякого рода «социалистических» и «коммунистических» общин, терпевших неизбежный крах. Как показывают комментируемые строки, к одному из таких утопических проектов был причастен и Рылеев.

[17] В 1817—1818 гг. Рылееву, конечно, никак не могли предлагать места секретаря в Российско-Американской компании. Это произошло шестью-семью годами позже.

[18] Рылеев подал в отставку не в декабре 1818 г., как утверждает Косовский, а ранее, возможно в сентябре 1818 г. (см. его извещение о предполагаемой подаче заявления об отставке в письме к матери от 18 июня 1818 г. — Рылеев. Соч., стр. 448). 26 декабря 1818 г. приказ об отставке Рылеева был уже опубликован в «Русском инвалиде».

РАССКАЗЫ О РЫЛЕЕВЕ РАССЫЛЬНОГО «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ»

Публикация Ю. Г. Оксмана

Рассказы рассыльного «Полярной звезды» о Рылееве дошли до нас в записи историка М. И. Семевского, редактора «Русской старины» [1]. Много работая над собиранием и публикацией материалов о декабристах, Семевский был и лично знаком с некоторыми из декабристов. Эти знакомства молодой историк использовал для уточнения деталей событий 14 декабря, для уяснения живых образов вождей и рядовых участников восстания, для получения конкретных сведений об условиях их тюремного и каторжного быта.

Ответы на специальные вопросы, которые ставил Семевский в своих беседах и переписке с декабристами, иногда превращались в ценнейшие мемуарные памятники. Таково, например, происхождение воспоминаний М. А. Бестужева «Мои тюрьмы» и всех подготовительных материалов к ним [2]. Большой интерес для исследователей движения декабристов представляют не только документальные и мемуарные публикации Семевского, но и черновые записи его бесед с декабристами или о декабристах, извлеченные из его архива советскими историками. Таковы, например, записи бесед Семевского с М. А. Бестужевым о 14 декабря, об обстановке следствия и суда, о жизни декабристов в Сибири; не менее интересна его же передача бесед с Е. А. Бестужевой о се братьях [3]. Все эти записи точно датированы самим Семевским июнем и июлем 1869 г. К несколько более позднему времени относятся его неизданные записи рассказов рассыльного «Полярной звезды» о Рылееве.

Записи рассказов Агапа Ивановича сохранились в бумагах Семевского в трех редакциях. Первая из них исчерпывается беглыми, конспективными заметками о самом Агапе Ивановиче и о его отношениях к Рылееву. Эти заметки сохранились, видимо, неполностью; но заключительная их часть, посвященная 14 декабря и братьям Бестужевым, имеет дату: 9 декабря 1871 г. К обработке этих материалов Семевский обратился, вероятно, в том же году, вновь опросив Агапа Ивановича и существенно расширив начальные конспективные заметки, сделанные с его слов при первой встрече. Эта вторая редакция записей была еще раз дополнена и частично переработана (новая правка, сделанная карандашом, резко выделяется в тексте рукописи, писанной чернилами). Третья редакция записей датируется началом 1872 г., ибо в двух первых возраст Агапа Ивановича точно обозначен «71 год», а в третьей эта цифра заменена на «72 года», равно как и в справке о его женитьбе (в строке «женат с небольшим десять только лет» — «десять» заменено на «одиннадцать»). Во второй редакции записей появляется и заголовок: «Рассказ дворового Агапа Ивановича». Этот заголовок заменяется затем более точным: «Рассказ бывшего слуги К. Ф. Рылеева».

Не превращая своих записей в точный рассказ, Семевский хорошо понимал, что историческая ценность вводимого им в научный оборот материала определяется прежде всего личностью самого рассказчика. В первый и в последний раз в мемуарных документах литературный и домашний быт Рылеева изображался выходцем из крепостных низов, оброчным крестьянином, работавшим по найму в «Полярной звезде». Именно эта специфика материала обусловила необходимость сохранения

при его обработке некоторых характерных особенностей живой речи рассказчика («Они были дирехторы», «Когда запрется с колектурами — не мешай», «Кондратий Федорович весь азиатский язык, и американский, и все языки знал», «Шленину», вместо «Сленину» и т. п.). Нам известна только одна литературно-историческая параллель к рассказам Агапа Ивановича — это воспоминания старика Миная, рассыльного типографии, в которой печатался «Современник». Рассказы Миная увековечены Некрасовым в 1859 г. в знаменитом стихотворном фельетоне «О погоде»:

«Чай, и счет потерял в литераторах!
Коих помню — пожалуй, скажу.
При царице, при трех императорах
К ним ходил... при четвертом хожу:
Знал Булгарина, Греча, Сенковского,
У Воейкова долго служил,
В Шепелевском сыпàл у Жуковского,
И у Пушкина в Царском гостил.
Походил я к Василью Андреичу,
Да гроша у него не видал,
Не чета Александру Сергеичу —
Тот частенько на водку давал.
Да зато попрекал всё цензурою:
Если красные встретит кресты,
Так и пустит в тебя корректурою:
Убирайся, мол ты!
Глядя, как человек убивается,
Раз я молвил: сойдет-де и так!
— Это кровь, говорит, проливается, —
Кровь моя — ты дурак!» [4].

И особенности социального положения рассказчика, и круг его наблюдений, и точка зрения на происходящее, и самый язык — все это необычайно роднит некрасовского Миная, вспоминающего Пушкина, с Агапом Ивановичем, передающим свои впечатления от Рылеева в его домашнем быту.

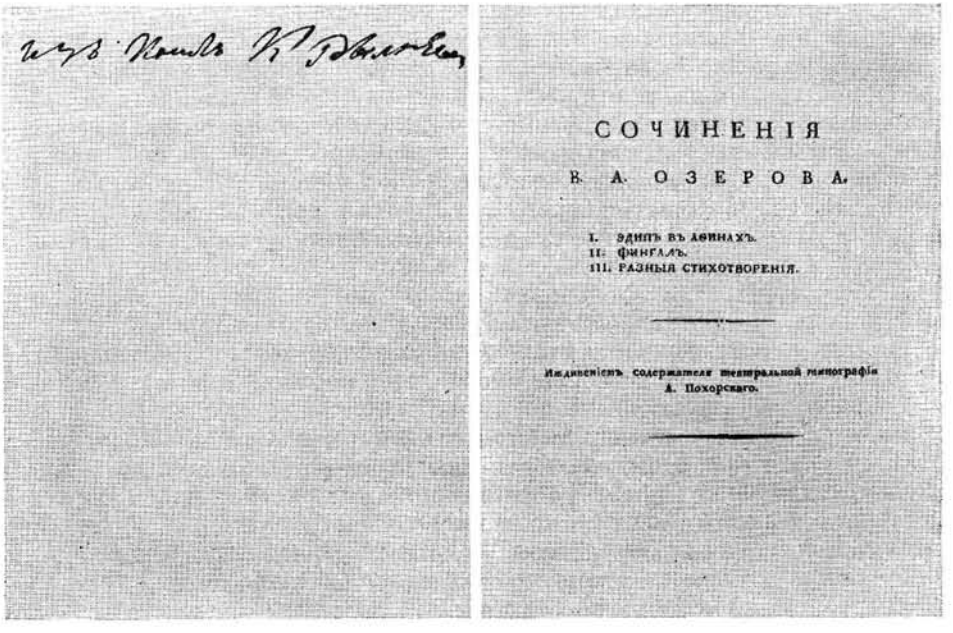
Семевский не сообщил фамилии Агапа Ивановича. Не удалось установить ее и нам, поскольку ни в каких материалах о Рылееве и его окружении ни имя, ни фамилия рассыльного «Полярной звезды» не упоминается ни разу.

Положив в основу настоящей публикации рассказов Агапа Ивановича последнюю их редакцию как наиболее богатую фактами, проверенными Семевским (путем дополнительных вопросов, обращенных к рассказчику), мы учитывали предшествующие варианты записей лишь в тех редких случаях, когда позднейшая правка имела целью не уточнение рассказа, а его литературную обработку. В нашу задачу ни в какой мере не входит изучение процесса работы Семевского над рассказами Агапа Ивановича. Поэтому мы не воспроизводим ни сменяющихся вариантов основного текста, ни недописанных строк и слов, ни явных обмолвок. Почти полностью пришлось нам отказаться от воспроизведения и заключительных страниц Семевского, посвященных рассказам Агапа Ивановича о друзьях и единомышленниках Рылеева. Эта часть записей, изобилующая с начала и до конца ошибками, в одних случаях выправлена Семевским самостоятельно, в других — под диктовку рассказчика.

Разумеется, Агап Иванович не мог хорошо запомнить и правильно через пятьдесят лет повторить имена и фамилии всех друзей Рылеева. Он явно путает Каховского с Якубовичем, говорит не об Одоевском и Оболенском, а о двух «братьях Одоевских» — Александре и Петре; он даже утверждает, что «из бывавших» у Рылеева помнит «самого А. С. Пушкина». К числу подобных же ошибок относится указание рассказчика на его службу у Рылеева в течение четырех лет, в то время как в действительности он работал у него лишь около пятнадцати месяцев.

Обычно Семевский исправлял рассказчика «на ходу», но при этом и сам подчас

делал новые ошибки. Так, например, он произвольно разделил образ Каховского, данный Агапом Ивановичем, на два: известная повязка на голове от раны, высокий рост г худоба отнесены им к Якубовичу, но при этом почему-то у Каховского остался возраст Якубовича («лет 35» или «40», в то время как Каховскому было в это время лет 27—28). Не поняв, что Агап Иванович превратил, вероятно, Евгения Петровича Оболенского в брата А. И. Одоевского и назвал его при этом Петром, Семевский заменил мифического «Петра Одоевского» столь же невероятным «Дмитрием Петровичем Одоевским» и превратил его в «одного из коротких друзей Рылеева». С такой же легкостью Семевский зачеркнул имя А. С. Пушкина, заменив поэта обер-шталмейстером В. В. Мусиным-Пушкиным, ничего общего не имевшим никогда ни с Рылеевым, ни с его окружением. Все эти ошибки и обмолвки его относятся, однако, к дополнительным записям Семевского, а не к основной их части.


СОЧИНЕНІЯ

В. А. ОЗЕРОВА.

I. ЭДИПЪ ВЪ АѲИНАХЪ.
II. ФИНГАЛЪ.
III. РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Иждивеніемъ содержателя шенгральной типографіи
А. Похорскаго.

«СОЧИНЕНИЯ В. А. ОЗЕРОВА», ИЗД. 1816 г. ЭКЗЕМПЛЯР С ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ РЫЛЕЕВА
Литературный музей, Москва

Рассказы Агапа Ивановича о самом Рылееве и о его быте очень точны, наблюдения — свежи и непосредственны, заключения — метки и оригинальны. Многие из фактов, отмеченных Агапом Ивановичем в его беседах с Семевским, были подтверждены позднейшими находками архивных документов и продолжают подтверждаться публикациями самых последних лет (см. примечания на стр. 256). Все это заставляет нас с большим вниманием отнестись и к тем сведениям, сообщенным Агапом Ивановичем, о которых в литературе до сих пор не было никаких упоминаний.

〈РАССКАЗЫ О РЫЛЕЕВЕ РАССЫЛЬНОГО «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ»〉

Случай свел нас недавно с Агапом Ивановичем. Это еще крепкий бодрый старик 71 года, так что на вид ему можно дать разве с небольшим 50 лет. Женат с небольшим десять только лет и поныне еще находится в услужении.

«Родом я из Великих Лук, — рассказывал Агап Иванович, — отец мой был крепостным Филимонова, который потом, бывши уже генералом, убит в Польскую кампанию 1831 года[5]. За услуги отца г. Филимонов позволил ему отдать меня в учение, а потом я служил у разных господ, платя барину оброк по 120 рублей асс. в год. Служил я сначала у Брискорна, потом у Сенявина. От него, Сенявина, отошел, так как он любил давать волю рукам. [Затем поступил к архитектору Висконти.] В июле или августе, в тот год, как было наводнение, поступил я к Кондратию Федоровичу Рылееву[6].

Кондратий Федорович жил у Синего моста, в доме Северо-Американской компании, занимаясь ее делами. Жалованья получал он от Компании 1400 рублей асс., но жил более для квартиры— ему давали хорошую квартиру ⟨...⟩ Прокофьев и Северин никаких языков не знали, они были директоры Компании ⟨...⟩[7], а К⟨ондратий⟩ Ф⟨едорович⟩ и французский, и немецкий, и весь азиатский язык, и американский, и все языки знал ⟨...⟩

Квартира у нас была большая, мебель в двух комнатах от Егорова, придворного столяра, а в прочих — похуже. До наводнения еще пишто было, нарядно, а после наводнения плохо; ведь нонче щегольская мебель— зато и ломается, вся распускается она ⟨...⟩

Рылеев не любил крепостной прислуги и в доме его была только одна горничная из дворовых жены. Нянька была тоже наемная. Женатых людей он отпускал по паспортам ⟨...⟩ Имел он пару лошадей и наемного кучера ⟨...⟩[8]

Любил Кондратий Федорович заниматься хозяйством, держал при доме корову, а в последнее время у него была даже свинья ⟨...⟩

Помню, как в наводнение мы лошадей перевели в присутственное место в верхнем этаже. Лошади пошли охотно, но с коровой было много хлопот.

С прислугой он был очень добр, не бранился, не дрался. Все молчит, редко что и спросит; правду любил — возьми, что хочешь, только скажи; ложится спать — тут ему говори, а вот утро — не ходи; когда запрется с колектурами — не мешай. В обращении прост и охотник прислушиваться на улице к народным речам. Бывало подслушает какое слово и, как воротится домой, запишет его на бумаге. Говорил всегда тихо и вежливо, но горячился в спорах и с книгопродавцами при неплатеже.

Росту он был высокого, не худ; на вид, в последнее время, около 30 лет; носил бакенбарды черные, узенькие, как занузданные поводья; усы не носил, тогда мало усы носили *. Из портретов его я знал рисованный с него Уткиным, красками. Куда девался портрет, не знаю, но написан портрет хорошо, в пояс; еще какой-то из Дерпату приходил, рисовал. Был еще портрет, писанный на кости[9].

Жена Рылеева была тоже высокая ростом, смугла, худенькая, не из богатой фамилии. Жила она с дочкой, по большей части, за Петергофом, в Утайце, небольшом имении мужа (перешло подарком или по купчей от Малютиной)[10]. Когда жена бывала в Петербурге, то к ней ездили из дам: Малютины, Бестужева-старуха с некрасивыми дочерьми, Черновы (две сестры были). Рылеева была как-то нелюдима и уклонялась от знакомств, а дочь очень хороша была, совсем на него похожа, очень хорошенькая.

Рылеев казался холоден к семье, не любил, чтоб его отрывали от занятий, и, предаваясь делу, он часто жену и дочь отсылал от себя. То же делал, когда к нему приходил кто-нибудь.

В большом кабинете его (во всей квартире 8 комнат, кроме кухни; кабинет на двор выходил) были разложены три доски, обтянутые холстом. На них раскладывались разные бумаги, колектуры и книги нужные.

---

* *В первой редакции записано:* Рылеев был долголицый. Бакенбарды подвивал. Прежде все этак подпекали щипцами.

И тут К. Ф. занимался стоя, большею частью по ночам (днем ему некогда — то в коллегии, то к цензору, то к наборщикам). Переходя по длине доски к расположенной на ней работе, он затруднялся переставлять свечу. Для этого над доскою вдоль ее протянута была проволока, по которой двигался подсвечник. От него другая проволока прикреплялась к поясу К. Ф., и, таким образом, свечка двигалась по проволоке вслед за ним. За работою он обыкновенно пил воду через сахар с лимоном. Кружка самая простая была. Вино вообще употреблял неохотно. В карты играл мало, я и не видал его, чтоб играл ⟨...⟩

Рылеев с Александром Бестужевым издавали тогда «Полярную звезду», которая давала хороший доход ⟨...⟩ Между тем все более ценные и жалованные вещи были заложены в ломбарде ⟨...⟩

Исполняя обязанности рассыльного, за что получал по 15 р. асс. в месяц, я носил колектуры и сдавал книги книгопродавцам: Гаврилову, Заикину, Шленину. Приемные квитанции их были у меня и по этим квитанциям приходилось получать с книгопродавцев до 11 тысяч. Записные книжки — что и с какого числа сдал — все у меня были, даже оберточная бумага — и та на квитанции.

Александр Бестужев, хотя и имел квартиру у Юсупова сада как адъютант принца ⟨Вюртембергского⟩, но по большей части находился у нас и работал вместе с К⟨ондратием⟩ Ф⟨едоровичем⟩ Молодцеватый из себя был, красивый ⟨...⟩ У Р⟨ылеева⟩ голос мягче, и все сильно с усмешечкой говорил, а у Бестужева погрубее. У Бестужева была привычка складывать при работе ноги на стул, так что приходившие иногда, из шутки, роняли его, опрокидывая стул сзади. Особливо же Михаил Александрович ⟨Бестужев⟩ приедет — шутки были. Николай Александрович был строгий из себя ⟨...⟩

Сомов (тут же во дворе жил) часто переписывал для них обоих. Добрый был, румяный, простая душа, простак [11]. Ростовцев тоже раньше участвовал с ними в работе и был с ними дружен. ⟨Однажды⟩ Ростовцев принес что-то; Рылеев исправил, заплатил, а Ростовцев ⟨...⟩ передал Булгарину с Гречем. Рылеев и поссорился ⟨с ним⟩ [12]. Булгарина почему-то не любили и передразнивали его слова, выговариваемые на польский лад. Бывало как Рылеев рассердится, начнет по-польски с ним ругаться. Греч и начнет их улаживать, — был ⟨он⟩ обходителен, высок, сутуловат немножко. Греч больше молчал и смеялся, но имел привычку заглядывать в работы. Потому, при входе его в комнаты, писанные бумаги всегда перевертывались белой стороной.

Александр и Николай Бестужевы, Аладьин [13], а также два брата, Александр и Петр Одоевские [14], были короткими друзьями Рылеева ⟨...⟩

Булгарина Кондратий Федорович часто гонял: «Ты не Пчелу, а Клопа издаешь» [15].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Архив «Русской старины». ИРЛИ, ф. № 269, оп. 1, № 60.

[2] Бестужевы, стр. 51—124.

[3] Там же, стр. 387—399 и 400—417.

[4] Полн. собр. соч. и писем Н. А. Некрасова, т. II. М. — Л., 1948, стр. 69.

[5] В первой редакции записей рассказов Агапа Ивановича значилось: «Род⟨ился⟩ в Тульской губ., Крапивенского уезда, с. Водурнчи, генерала Филимонова. Увезли в Луки в 1814 г.». На полях второй редакции отметка: «В Тульской губ., от Тулы 17 в⟨ерст⟩, по киевской дороге, село Бабурино».

[6] Дата поступления Агапа Ивановича на службу к Рылееву в его рассказах указана весьма неопределенно. В начальной записи Семевского эта дата вовсе отсутствовала, а во второй редакции отмечалось: «В 1818 или 1819 году я поступил к Кондратию Федоровичу Рылееву и при нем и семействе его находился года с четыре».

Эти строки Семевский зачеркнул, разъяснив: «Старик, видимо, ошибался в числе лет службы своей у Рылеева или во времени поступления своего к Рылееву. Надо думать, что он поступил к нему несколько позднее». Окончательная редакция этих строк явно была подсказана рассказчику самим Семевским.

[7] И. В. Прокофьев и А. И. Северин — директора Российско-Американской компании. Об отношении к ним Рылеева см. сводку материалов в книге: С. Б. Окунь. Российско-Американская компания. М. — Л., 1939, стр. 103—109.

[8] Кучер Петр исполнял, видимо, некоторые обязанности по обслуживанию всей квартиры; так, в письме П. Г. Каховского к В. В. Левашеву от 21 декабря 1825 г. отмечалось, что Петр, слуга Рылеева, должен точно знать всех его посетителей (ВД, т. I, стр. 341).

[9] Данные Агапа Ивановича вносят существенные дополнения в специальную литературу о портретах Рылеева, критический обзор которой см. в книге: «А. С. Пушкин и его литературное окружение». Ред. и вступ. статья И. С. Зильберштейна. М., 1938, стр. 30—32.

[10] Деревушка Рылеева называлась не «Утайцы», а Батово, и находилась она, действительно, за Петергофом, в 30 километрах от Петербурга. Имение это не являлось родовой усадьбой, а, как правильно отмечает Агап Иванович, перешло к матери Рылеева по купчей крепости от генерал-майора П. Ф. Малютина, в 1780 г. Можно думать, что эта купчая была фиктивной, поскольку мать поэта обычно называла Батово «Петродаром», а самого Малютина, своего дальнего родственника, благодетелем и другом, который дал ей кусок хлеба (В. Нечаев. Батово, усадьба Рылеева — «Звенья», IX, 1951, стр. 195—196).

[11] Об О. М. Сомове — см. стр. 199 настоящего тома.

[12] Яков Иванович Ростовцев (1803—1860) — поручик лейб-гвардии егерского полка, причастный к литературной деятельности, сотрудник «Невского зрителя», «Сына отечества», «Благонамеренного»; член Северного общества с осени 1825 г. За два дня до восстания 14 декабря обратился к Николаю I с письмом, в котором открывал существование заговора в войсках гвардии. История предательства Ростовцева освещена в комментариях М. К. Азадовского к изд.: Бестужевы, стр. 688—689. Судя по рассказам Агапа Ивановича, литературный разрыв Рылеева с Ростовцевым предшествовал политическому.

О встречах Рылеева с Я. И. Ростовцевым «около половины ноября» 1825 г. — см. выше, стр. 234. Об этом же свидетельствуют и воспоминания самого Ростовцева о его спорах «в последних числах ноября» 1825 г. с Рылеевым и Е. П. Оболенским из-за якобы неправильной трактовки ими героя его трагедии «Князь Пожарский» («Русский архив», 1873, кн. 1, стр. 460).

[13] Егор Васильевич Аладьин (179?—1860) — литератор, издатель «Невского альманаха» (с 1825 по 1833). О нем см. карандашную отметку на полях второй редакции записей рассказов Агапа Ивановича: «Аладь⟨ин⟩ получал от них тоже 7-ю или 9-ю часть доходов с „Полярной звезды“». О его связях с семьею Бестужевых и после 14 декабря см. Бестужевы, стр. 497.

Об Аладьине и его «Невском альманахе» — см. иронический отзыв Рылеева в письме к Вяземскому от 20 февраля 1825 г. (стр. 115).

[14] Петр Одоевский — это, вероятно, Евгений Петрович Оболенский, один из ближайших друзей и единомышленников Рылеева в 1824—1825 гг. (см. об этой обмолвке стр. 252).

[15] Эти строки сохранились среди дополнительных записей Семевского со слов Агапа Ивановича. Для характеристики отношения редакторов «Полярной звезды» к Булгарину и Гречу очень существенно позднейшее свидетельство А. А. Бестужева в его письме к К. А. Полевому: «С Гречем и Булгариным я был приятелем; но если бы Вы знали, как я резал их продажность. Это был вечный припев моих шуток, особенно над Булгариным, — и он, точно, был с этой стороны смешон до комического» («Русский вестник», 1861, № 3, стр. 331—333).

ОБ АВТОРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «НА СМЕРТЬ К. П. ЧЕРНОВА»

Сообщение А. Г. Цейтлина

Стихотворение «На смерть К. П. Чернова», написанное после гибели члена Северного общества поручика К. П. Чернова на дуэли с флигель-адъютантом Новосильцевым, происшедшей 10 сентября 1825 г. в Петербурге, принадлежит к числу ярчайших произведений русской политической лирики. В лице Чернова поэт воспел не только брата, вступившегося за честь своей сестры, но верного сына родины, героя, самоотверженно боровшегося с пороком. Автор стихотворения выступал от лица передовой русской общественности. В самом начале поэт говорил о пропасти, разделявшей оба стана:

Клянемся честью и Черновым:
Вражда и брань временщикам,
Царей трепещущим рабам,
Тиранам, нас угнесть готовым.

Поэт не пожалел красок для того, чтобы заклеймить лагерь тиранов. Злобе, которую люди этого лагеря питали к «святой Руси», поэт противопоставил жгучую ненависть к ним, живущую в душе русского патриота. Он грозил «любимцам счастья» народной местью, он предрекал им «смерть, гибель, кровь» за «поруганье» беззащитных. Подлинным апофеозом гражданской добродетели звучали две последние строфы стихотворения, в которых «герой, столь рано охладелый», изображен был как «священный образец» для молодого поколения русской революционной интеллигенции. Стихотворение «На смерть К. П. Чернова» насыщено разнообразными эмоциями, бичующая сатира сочетается в нем с пламенной патетикой. Историко-литературное значение этого произведения чрезвычайно велико: от него идет прямой путь к лермонтовской «Смерти поэта».

Кто же был автором этого замечательного стихотворения? Опубликовано оно было в 1859 г., в пятой книжке сборника «Полярная звезда» Герцена и Огарева, лишь через 34 года после того, как было написано. Редакция сборника приписала стихи перу В. К. Кюхельбекера, ничем, однако, его авторство не обосновывая.

Редактор первого русского легального издания сочинений Рылеева, П. А. Ефремов, еще в 1872 г. выразил сомнение в принадлежности стихов «На смерть К. П. Чернова» Кюхельбекеру. В комментариях к известной заметке Рылеева о дуэли Чернова с Новосильцевым Ефремов писал: «„На смерть Чернова“ есть стихотворение, приписанное в печати В. К. Кюхельбекеру; но в бумагах Ф. Булгарина, находящихся ныне у г. Сосновского, сохранился листок с этими стихами, писанный рукою Рылеева. Перемарки и поправки указывают, что сам Рылеев был автором, а не переписчиком этого стихотворения» [1].

Как мы знаем, вечером 14 декабря 1825 г. Рылеев передал Булгарину на хранение «наиболее ценную часть своего поэтического архива — рукописи запрещенных или извращенных цензурой произведений, последние творческие начинания, вещи, не предназначенные для печати» [2]. В числе рукописей находился и автограф стихотворения «На смерть К. П. Чернова».

В 1870 г. рылеевские автографы из собрания Булгарина были переданы в редакцию журнала «Русская старина», откуда после Великой Октябрьской социалистической революции перешли в Пушкинский дом. Впервые автограф стихов «На смерть К. П. Чернова» был опубликован в 1934 г. Ю. Г. Оксманом в «Полном собрании стихотворений Рылеева», вышедшем под его редакцией. Как отмечал комментатор, самым ранним свидетельством о распространении стихов «На смерть Чернова» (с именем Кюхельбекера, а не Рылеева, что отвечало, конечно, интересам распространителей стихов — членов Северного общества, не склонных привлекать внимание органов надзора к подпольным произведениям своего вождя) является письмо журналиста А. Е. Измайлова от 16 ноября 1825 г. к М. Л. Яковлеву: «Сейчас списал для тебя стихи Кюхельбекера на смерть Чернова. Стишки не так-то хороши, но писаны от всей души» (при письме сохранился и список стихов, отличающийся от текста, опубликованного в «Полярной звезде» на 1859 г. только некоторыми деталями пунктуации). С именем Кюхельбекера стихи эти связывались, возможно, еще и потому, что именно Кюхельбекер пытался их прочесть на могиле Чернова, чему, однако, воспрепятствовал Д. И. Завалишин [3].

В комментариях Ю. Г. Оксмана впервые приведены были материалы, проливающие свет на происхождение легенды о принадлежности стихотворения «На смерть Чернова» Кюхельбекеру. Самый же факт авторства Рылеева не возбуждал ни у кого никаких сомнений еще со времени выхода в свет первого русского легального издания сочинений Рылеева, хотя цензурный запрет стихотворения «На смерть Чернова» снят был только в 1893 г. (Сочинения Рылеева в издании М. Н. Мазаева). Никаких попыток оспаривать авторство Рылеева не делали и исследователи творчества Кюхельбекера. Такой знаток биографии и литературного наследия Кюхельбекера, как Ю. Н. Тынянов, редактируя первое советское собрание сочинений поэта-декабриста, отмечал, что над могилою Чернова Кюхельбекер «хотел прочесть революционное стихотворение Рылеева „На смерть К. П. Чернова“ (потом это стихотворение распространялось с подписью Кюхельбекера)» [4].

Итак, вопрос об авторе стихов «На смерть Чернова» мог считаться окончательно решенным. Однако лет пять назад, в связи с подготовкой новых изданий стихотворений декабристов, вопрос о принадлежности Рылееву стихотворения «На смерть Чернова» подвергся пересмотру. Никаких новых аргументов выдвинуто при этом не было, но тем не менее Н. И. Мордовченко, опираясь на якобы «авторитетное свидетельство А. Е. Измайлова» и на факт появления стихов «На смерть Чернова» с именем Кюхельбекера в «Полярной звезде» на 1859 г., исключил в 1947 г. это произведение из второго издания «Стихотворений К. Рылеева» в малой серии «Библиотека поэта» [5], а Б. С. Мейлах, комментируя в 1950 г. стихотворение «На смерть Чернова» в антологии «Поэзия декабристов», уже совершенно безоговорочно утверждал, что стихотворение это «только в некоторых изданиях приписывается Рылееву. Однако данные о принадлежности стихотворения Кюхельбекеру являются более убедительными. Известно, что Кюхельбекер пытался читать эти стихи на могиле Чернова. О принадлежности их Кюхельбекеру имеются также указания в письме А. Е. Измайлова к М. Л. Яковлеву от 16 ноября 1825 г.

В бумагах Рылеева сохранился список этого стихотворения, сделанный его рукою. В этом списке первая строфа вычеркнута; мы полагаем, что этот вычерк наиболее политически острой строфы и попытки ее переработки были сделаны в связи с намерением напечатать стихотворение»[6]

Эти выводы о принадлежности стихов «На смерть Чернова» Кюхельбекеру повторил в 1951 г. и В. Н. Орлов, который в комментариях к антологии «Декабристы» утверждал, что «С 1872 года стихотворение неоднократно приписывалось К. Ф. Рылееву лишь на том основании, что сохранился список этого стихотворения, сделанный рукою Рылеева (с поправкой в одном стихе). Между тем и безоговорочное свидетельство вполне осведомленного современника (А. Е. Измайлова, сообщившего М. Л. Яковлеву 16 ноября 1825 г.: „Сейчас списал для тебя стихи Кюхельбекера на смерть Чернова"), и то обстоятельство, что именно Кюхельбекер пытался прочесть это стихотворение на могиле Чернова (хотя тут же присутствовал и К. Ф. Рылеев), и, наконец, некоторые характерные черты стиля и фразеологии — с очевидностью решают вопрос в пользу авторства Кюхельбекера. Укажем дополнительно, что в „Полярной звезде" А. И. Герцена и в других зарубежных сборниках нелегальных стихотворений („Русская потаенная литература XIX столетия", „Собрание стихотворений декабристов", „Лютня" и др.) „На смерть Чернова" печаталось под именем Кюхельбекера»[7].

Литературоведы, приписывающие «На смерть Чернова» Кюхельбекеру, основывают свои утверждения на следующих доводах:

1) Редакторы всех заграничных изданий считали автором этого произведения Кюхельбекера.

2) Рылеевский автограф стихотворения «На смерть Чернова» долгое время считался только списком, который Рылеев сделал с не дошедшего до нас автографа Кюхельбекера.

3) «Некоторые характерные черты стиля и фразеологии» стихов «На смерть Чернова» якобы с очевидностью решают вопрос в пользу авторства Кюхельбекера.

4) Именно Кюхельбекер (а не Рылеев) пытался прочесть это стихотворение на могиле Чернова.

5) Вполне осведомленные современники свидетельствуют о том, что автором стихотворения был Кюхельбекер.

Рассмотрим каждый из этих аргументов в отдельности.

1) Сообщение о том, что все заграничные издания приписывали стихи «На смерть Чернова» Кюхельбекеру, кажется на первый взгляд очень веским, так как освящает авторство Кюхельбекера авторитетом вольной русской прессы. Однако у нас нет возможности судить о том, какая аргументация имелась у публикаторов «Полярной звезды». Известно, что «Полярная звезда» очень часто ошибалась в своих атрибуциях. Да и только ли «Полярная звезда»? Что было бы, если бы мы доверились тем подписям, которые давали произведениям русской поэзии, например, сборники «Лютня»? Известно, что в изданиях «Собрание стихотворений декабристов» и «Стихотворения» Пушкина, осуществлявшихся в шестидесятых годах за границей, таким, казалось бы, осведомленным в русской поэзии литератором, как Н. В. Гербель, — было безосновательно приписано Пушкину тридцать стихотворений и эпиграмм, а Рылееву — одно стихотворение В. Ф. Раевского и два стихотворения Н. М. Языкова.

Атрибуции зарубежной русской печати XIX века не могут ни в какой мере быть решающими аргументами, так как они сами нуждаются в научном обосновании.

2) Низведение автографа Рылеева на степень обыкновенного списка выглядит, казалось бы, серьезным доводом. Приходится, однако, пожалеть,

что ни один из тех литературоведов, которые считают автором стихотворения Кюхельбекера, не доказал, что рылеевский автограф «На смерть Чернова», хранящийся в архиве Института русской литературы (ф. № 269, оп. 1, ед. хр. 26), представляет собой *список* чужого произведения. Мы убеждены, что это и не может быть доказано.

Перед нами воспроизведение рылеевского автографа стихотворения. Автограф позволяет утверждать, что это не список, а авторская рабочая рукопись, со свойственными ей отступлениями от обычной орфографии и даже погрешностями. Рылеев нередко пропускает запятые, например между стихами:

И прах твой будет в посмеянье
И гроб твой будет в стыд и срам.

Для автографа Рылеева вполне характерны и описки.

Но всего примечательнее в этом автографе исправления в первой и второй строфах. Автор зачеркнул уже написанное им четверостишие:

Клянемся честью и Черновым:
Вражда и брань временщикам,
Царя трепещущим рабам,
Тиранам, нас угнесть готовым.

В первом стихе второй строфы автором стихотворения зачеркнуты были слова, написанные первоначально: «Не суть отечества сыны», и заменены другим оборотом: «Нет, не отечества сыны», гораздо более, конечно, годившимся для начала.

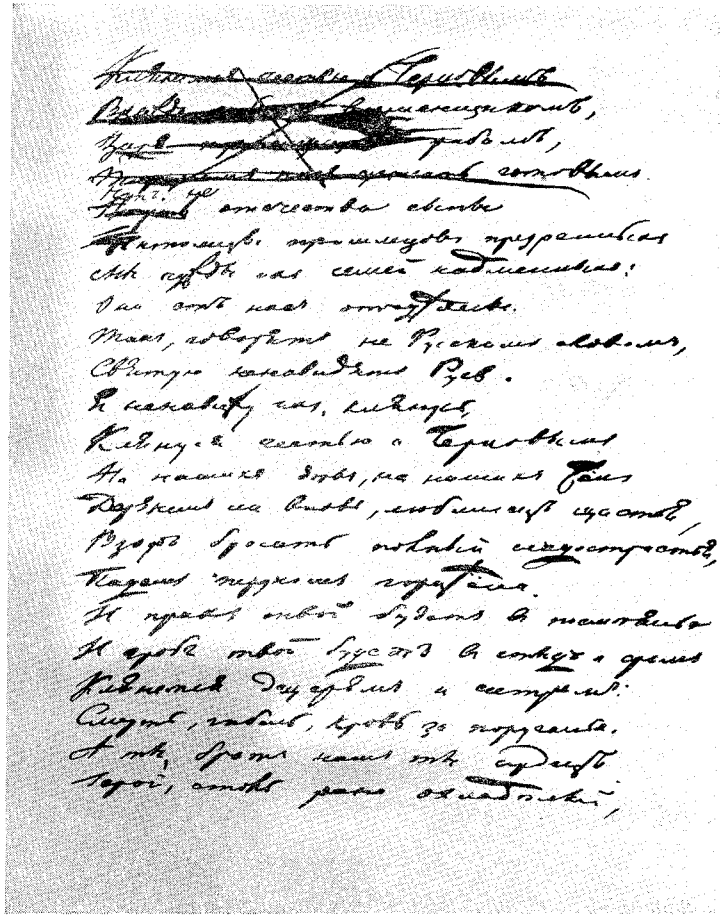
Итак, здесь перед нами исправления, внесенные в текст. Зачем было Рылееву производить такие перемены, если бы стихи ему не принадлежали? Может быть, он вносил эти поправки в качестве редактора? Б. С. Мейлах именно так объясняет и купюру и поправку в пятом стихе: «...этот вычерк наиболее политически острой строфы и попытки ее переработки были сделаны в связи с намерением напечатать стихотворение».

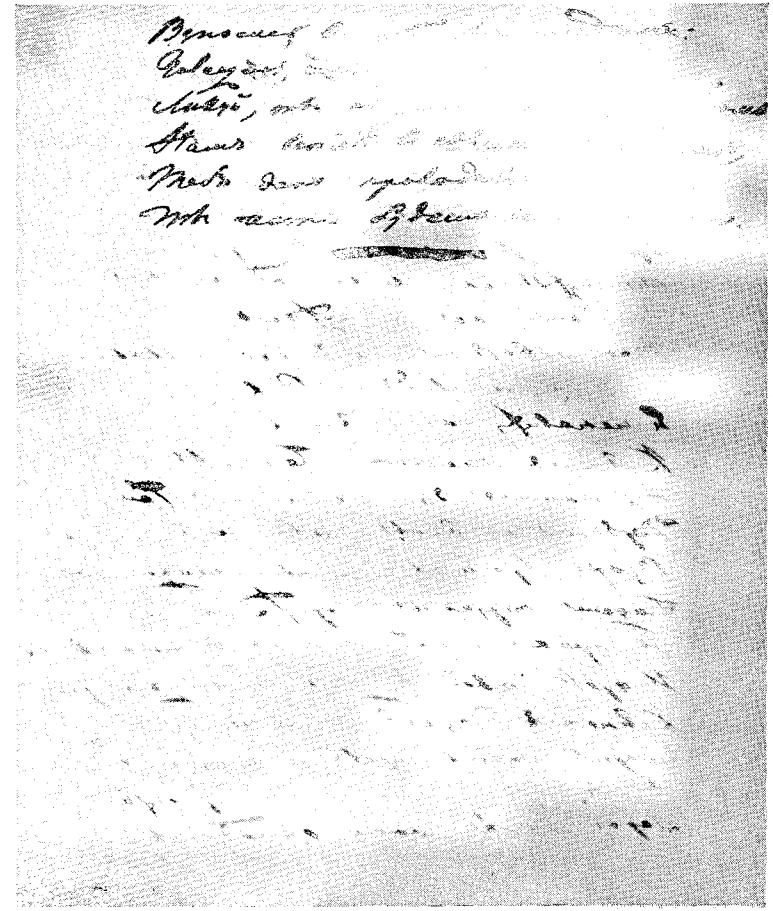
Довод этот неубедителен: ни сам Рылеев, ни предполагаемый Б. С. Мейлахом автор (то есть Кюхельбекер), ни кто-либо иной ни разу не заявляли о своем намерении напечатать стихотворение памяти Чернова. Такого заявления они и не могли сделать по очень простой причине: даже с изъятием первой, «наиболее политически острой» строфы, стихотворение «На смерть Чернова» все же оставалось совершенно «нецензурным». Ни Бирукова, ни какой-либо иной правительственный надсмотрщик над русской словесностью никогда не пропустили бы в печать стихов, в которых аристократы аттестовались, как «питомцы пришлецов презренных», как люди, которые «святую ненавидят Русь». Автор стихотворения мог угрожать Новосильцеву и ему подобным «перунами» народной мести:

Клянемся дщерям и сестрам —
Смерть, гибель, кровь за поруганье! —

но он не мог питать никаких иллюзий относительно того, что эти беспощадные стихи могут быть напечатаны с разрешения русской цензуры конца 1825 г.

3) Утверждая, что автором стихотворения был Кюхельбекер, В. Н. Орлов привлекает для доказательства «некоторые характерные черты стиля и фразеологии». Ему кажется, например, что слова «Ликуй, ты избран русским богом» находятся в органической связи с тем, как Кюхельбекер





СТИХОТВОРЕНИЕ «НА СМЕРТЬ К. П. ЧЕРНОВА», 1825 г. АВТОГРАФ РЫЛЕЕВА

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

употребляет слова «русский бог» в одном письме из-за границы: «русский бог не вотще даровал своему избранному народу его чудесные способности» и т. д.[8]

Выражение «русский бог» кажется В. Н. Орлову типично кюхельбекеровским. Как быть, однако, с агитационно-сатирической песнью Рылеева и Бестужева «Ты скажи, говори», в которой

...господь русский бог
Бедным людям помог...

Как быть с думой «Димитрий Донской», в которой Рылеев употребил выражение «русский бог» на два с лишним года ранее, чем автор стихотворения «На смерть Чернова»:

Враги смешались — от кургана
Промчалось: «Силен русский бог!»

Стилистические соображения не могут и не должны быть односторонними. Язык Кюхельбекера и язык Рылеева во многих отношениях сходны, и черты сходства обусловлены принадлежностью обоих поэтов к декабристскому крылу русской литературы. И у Кюхельбекера и у Рылеева найдем мы архаически «затрудненный» синтаксис и иные сходные элементы стиля. Однако стиль Рылеева далеко не во всем совпадает со стилем Кюхельбекера, и как раз эти различия и заставляют нас считать стихотворение «На смерть Чернова» принадлежащим именно Рылееву.

Поэтическому творчеству Рылеева было в высокой степени свойственно обращение к «злобе дня». Поэт не раз избирал объектом изображения современных русских политических деятелей — Аракчеева, Ермолова, Мордвинова, Столыпина и других. Он клеймил позором тиранов, он окружал ореолом идеализации героев:

Пусть в сонме юных исполинов,
На ужас гордых, их узрим
И смело скажем: знайте, им
Отец — Столыпин, дед — Мордвинов.

(«В. Н. Столыпиной»).

Особенно часто Рылеев создавал апофеоз исторического героя, павшего за народ в трудной и неравной борьбе. Именно так погибают герои многих из его дум — Михаил Тверской, Ермак и Сусанин, герой незаконченной поэмы Наливайко. Рылеев всегда стремился связать судьбу своего героя с историей освободительной борьбы. В обоих именных стихотворениях 1825 года — к В. Н. Столыпиной и К. П. Чернову, — апофеоз павшего героя совмещался с резкими сатирическими нападками на «тиранов».

Мы не станем утверждать, что этот патетико-сатирический жанр вовсе не был присущ творчеству Кюхельбекера: таково было хотя бы его стихотворение «Смерть Байрона» (1824). Однако чаще всего Кюхельбекеру не хватало именно той злободневности, которой полно стихотворение «На смерть К. П. Чернова». В 1821 г., когда разнесся слух, будто А. П. Ермолов во главе русских войск выступит на помощь грекам, восставшим против турецкой тирании, оба поэта обратились к русскому генералу с посланиями. Но Кюхельбекер создал статический, абстрактный образ русского «героя»:

Ермолов, нет другого счастья
Для гордых, пламенных сердец,
Как жить в столетьях отдаленных
И славой ослепить потомков изумленных[9].

Рылеев разработал эту тему конкретнее:

Наперсник Марса и Паллады,
Надежда сограждан, России верный сын,
Ермолов! Поспеши спасать сынов Эллады,
Ты, гений северных дружин!

Послание Рылеева было полно призыва к политическому действию. Оно рисовало воскресение Греции «из праха», второе рождение «древней доблести». Оно создавало картину победоносного восстания угнетенного греческого народа, которое должно произойти тотчас же после вступления Ермолова в пределы Греции.

Как мы видим, экскурсы сторонников «кюхельбекеровской версии» в область языка и стиля не убедительны. В этом плане, как и в других, стихи «На смерть Чернова» оказываются гораздо более близкими Рылееву, нежели Кюхельбекеру.

4) «Кюхельбекеровская версия» не только не подтверждается какими-либо фактами жизни и деятельности Кюхельбекера, но и самым резким образом противоречит им. Нам не известны нелегальные политические памфлеты Кюхельбекера, тогда как Рылеев писал подобные памфлеты в течение всей литературной деятельности.

В письме к матери Кюхельбекер писал о Чернове, как о защитнике чести сестры, говорил о нем с симпатией, не примешивая, однако, к этому никаких других чувств. Дуэль Чернова с Новосильцевым произошла 10 сентября 1825 г. 19 сентября 1825 г. (то есть через девять дней после дуэли и за неделю до похорон Чернова) Кюхельбекер писал матери о своей комедии «Шекспировы духи»: «...моя маленькая вещь (pièce) прошла цензуру: она была бы уже опубликована, если бы у ее издателя г. Рылеева не был на руках его кузен, бедный молодой Чернов, который был смертельно ранен Новосильцевым, защищая честь своей сестры, которую Новосильцев и его семейство оскорбили самым низким образом».

Кажется невероятным, чтобы всего лишь через неделю — 26 сентября — Кюхельбекер написал памфлет против Новосильцева и ему подобных, настолько в другой тональности кончается его сообщение матери: «Впрочем, да будет мир мертвецам! Новосильцев теперь уже перед своим вечным судьею!»

17 октября Кюхельбекер сообщил матери: «Чернов также умер: вот уже три недели, как его похоронили; похороны были одновременно и великолепные и трогательные. Я живу теперь вместе с Одоевским» и т. д. [10]

Оба письма противоречат предположению, что «На смерть К. П. Чернова» было действительно написано Кюхельбекером. Мог ли Кюхельбекер, воскликнувший «да будет мир мертвецам!», веривший, что Новосильцев будет прощен «вечным судьею», написать гневный памфлет?

Во время следствия Кюхельбекер утверждал: «ни одного из всех известных и неизвестных правительству пасквилей не признаю своим» [11]. Как известно, показания Кюхельбекера на следствии исключительны по своему наивному чистосердечию и откровенности. Заявление это еще более ослабляет позиции тех, кто считает стихотворение «На смерть Чернова» принадлежащим перу Кюхельбекера.

Реакция Кюхельбекера на смерть Чернова резко отличается от реакции Рылеева. С Черновым Рылеев был связан разного рода узами — родственными, дружескими, но прежде всего общей принадлежностью к Тайному обществу; об их близости до нас дошли вполне определенные свидетельства Михаила и Александра Бестужевых, да и сам Рылеев говорил на следствии о том же [12].

Глубоко возмущенный оскорбительным поведением Новосильцева, Рылеев, конечно, сам предложил Чернову быть его секундантом и

принимал деятельное участие во всех перипетиях дуэли. Он написал даже объяснительную записку петербургскому генерал-губернатору о смерти своего друга. Не может быть сомнения в том, что Рылеев присутствовал и при самой кончине Чернова. Он, разумеется, знал о предсмертном письме Чернова (написанном рукою Александра Бестужева), в котором Чернов, между прочим, говорил: «Бог волен в жизни; но дело чести, на которое теперь отправляюсь, по всей вероятности, обещает мне смерть». В конце рылеевской объяснительной записки говорилось о «пустейшем» семействе Новосильцевых, преступившем «все законы чести общества и человечества»[13]. Не отразились ли эти неоднократные упоминания Чернова о «чести» на стихотворении, в котором понятие «чести» так неразрывно сплеталось с самым именем павшего героя:

Клянуся честью и Черновым...
Ты чести будешь нам залогом...

Но если Рылеев был автором стихов «На смерть К. П. Чернова», то почему же он сам не прочел их над могилой своего друга? Ответить на этот вопрос не легко, поскольку у нас нет прямого свидетельства поэта. Однако могут быть выдвинуты убедительные соображения в объяснение этого факта.

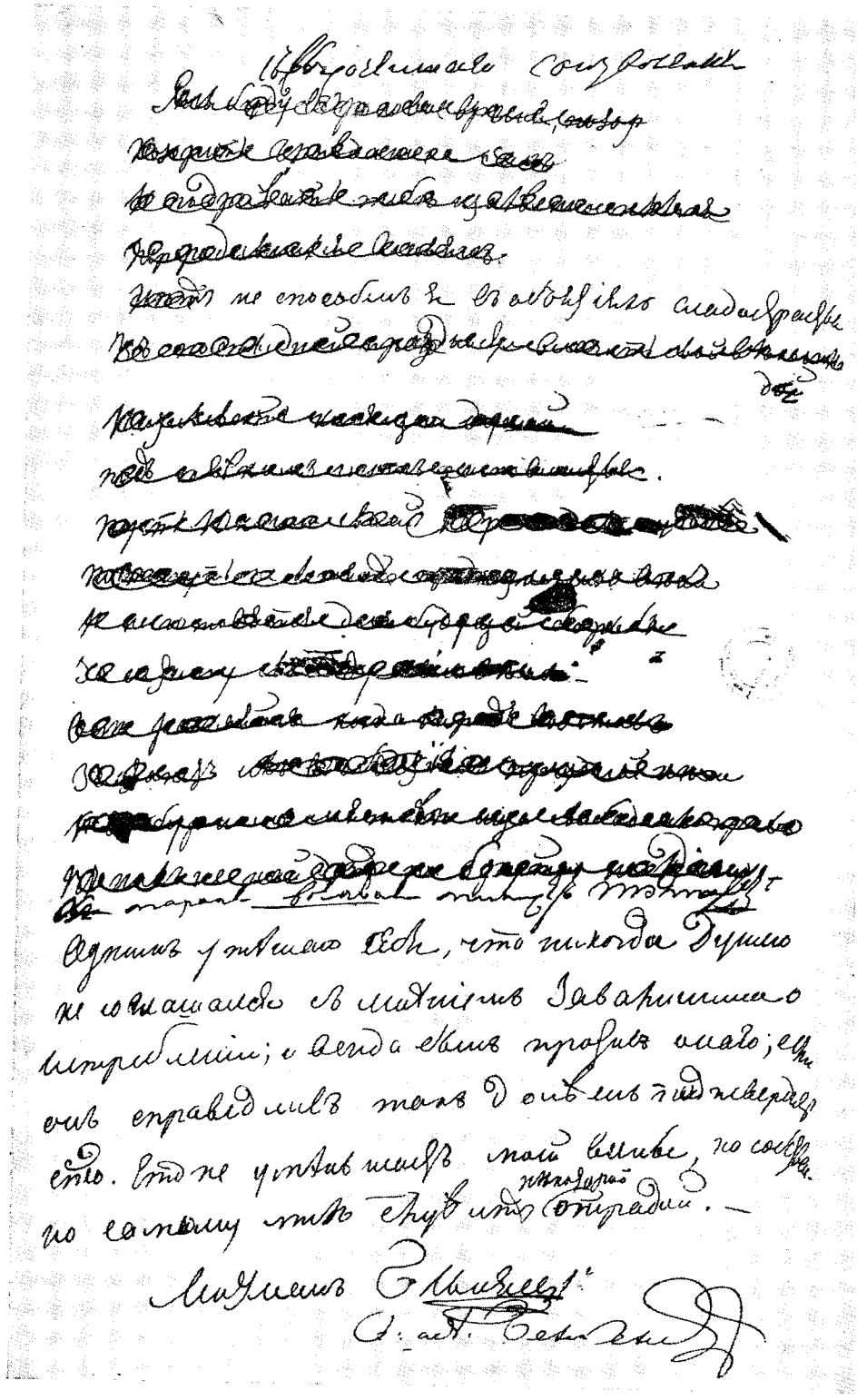
Уже по одному тому, что Рылеев был руководителем Тайного общества, он никак не мог выступать с чтением стихов у могилы Чернова по соображениям самой элементарной конспирации. Положение секунданта убитого поэта обязывало Рылеева, конечно, к соблюдению внешнего спокойствия. Но этого мало. Рылеев был связан с Черновым и родственными узами — мать Чернова приходилась сестрой матери Рылеева, Анастасии Матвеевне, урожденной Эссен [14]. Это обстоятельство было хорошо известно, например, Е. П. Оболенскому, говорившему об «узах родства», связывавших участника дуэли и его секунданта. В своей совокупности эти три причины были чрезвычайно существенными и вполне могли помешать Рылееву выступить на кладбище с чтением стихов, призывавших к мести.

Естественно было поручить их чтение другому. Кюхельбекер был тоже поэтом, он был «молод и свеж» [15], то есть отважен, и кроме того, он не был еще членом Тайного общества (в которое вступил лишь в ноябре 1825 г.), хотя уже готов был войти в его состав. В этих условиях естественно было поручить чтение стихотворения Кюхельбекеру.

5) Нам остается рассмотреть свидетельства современников, говорящие о том, что автором стихотворения был Кюхельбекер. Этих современников было двое — Д. И. Завалишин и А. Е. Измайлов. Ни того, ни другого нельзя, однако, считать свидетелем осведомленным и беспристрастным.

Начнем с Завалишина. «Бойкая особа, но с чересчур заносчивым воображением», — так аттестовал его в своих показаниях А. А. Бестужев. Если верить Завалишину, Кюхельбекер намерен был «весьма резкие стихи» «На смерть Чернова» продекламировать над могилою Чернова, но «так как не в видах тогдашнего Тайного общества было возбуждать какую-либо рознь ни между сословиями ⟨...⟩, ни между национальностями, то решено было воспротивиться какой бы то ни было демонстрации против аристократии». Завалишин со всеми подробностями рассказал, что Кюхельбекер отдан был под специальный надзор ему самому и он-то, Завалишин, и помешал Кюхельбекеру явиться на кладбище своевременно и «пробиться к могиле Чернова через плотную сомкнутую толпу» [16].

Не будем говорить о том, что многие из приведенных выше утверждений Завалишина находятся в самом резком противоречии с фактами. Известно, что декабристы изобличали так называемых «русских немцев» и не боялись возбуждения розни «между сословиями». Рассказ Завалишина о том, как ему удалось взять Кюхельбекера в свои руки, окрашен



СТИХОТВОРЕНИЕ РЫЛЕЕВА «Я ЛЬ БУДУ В РОКОВОЕ ВРЕМЯ...», ПРИВЕДЕННОЕ ПО ПАМЯТИ ДЕКАБРИСТОМ А. П. БЕЛЯЕВЫМ В ЕГО ПОКАЗАНИИ, АПРЕЛЬ 1826 г.

Вымарано военным министром Татищевым «с высочайшего соизволения»

Центральный исторический архив, Москва

обычным для Завалишина хвастовством. Кюхельбекер, утверждал Завалишин, будто бы «всегда был расположен послушать его ⟨Завалишина⟩, скорее, чем другого!»

В своих воспоминаниях Д. И. Завалишин утверждал: «Вся его тема для исповеди Наливайки дана была мною, а Рылеев только переложил ее в стихи в моем присутствии и с моими поправками» [17]. Тенденции Завалишина изобразить себя задним числом центральной фигурой декабристского движения хорошо известны и способны вызвать только недоверие к его мемуарным свидетельствам.

Рассказ Завалишина, однако, примечателен одной деталью. Стихотворение, которое, по его свидетельству, Кюхельбекер намерен был прочесть на могиле Чернова, начиналось словами «Не суть отечества сыны» — то есть второй строфой известного нам текста стихотворения «На смерть Чернова». Как уже указывалось, первая строфа в автографе была зачеркнута, а в первый стих вместо «Не суть отечества сыны» чьей-то рукой была внесена поправка, в результате которой стих читался так: «Нет, не отечества сыны». Сходство между автографом и тем текстом, который цитирует Завалишин, слишком разительно, чтобы можно было обойти его. Вспомним, что стихотворение, которое Кюхельбекер должен был прочитать на могиле Чернова, начиналось стихом «Не суть отечества сыны», иначе говоря, это было стихотворение, написанное рукой Рылеева! Оно еще не было подвергнуто правке в указанном стихе, но уже было лишено первой, наиболее резкой в политическом отношении строфы.

Кто произвел обе поправки в автографе, мы не знаем. Возможно, что сделал это предполагавшийся чтец стихотворения, то есть Кюхельбекер. Вернее, однако, что поправки эти — и устранение первой строфы и исправление пятого стиха, — сделал сам Рылеев, передавая стихи Кюхельбекеру для изготовления списка, по которому стихотворение и должно было быть прочтено на могиле Чернова.

Именно в этом и заключается «рациональное зерно» свидетельства Д. И. Завалишина. Рассказ о том, как он удерживал Кюхельбекера от чтения стихов, небезинтересен, однако из него ни в коем случае нельзя делать вывода, что Кюхельбекер собирался прочесть на могиле Чернова собственное стихотворение, а не стихотворение, врученное ему Рылеевым.

Перейдем ко второму «свидетелю» — А. Е. Измайлову, письмо которого в глазах Б. С. Мейлаха и В. Н. Орлова приобретает особую авторитетность. Вечером в 9 часов 16 ноября 1825 г. А. Е. Измайлов писал М. Л. Яковлеву: «Знаешь ли где я теперь? В кабинете Я. К. Кайданова. Сейчас списал для тебя стихи Кюхельбекера на смерть Чернова. Стишки не так-то хороши, но писаны от ⟨зачеркнуто: сердца⟩ всей души» [18].

Со дня похорон Чернова прошло свыше полутора месяцев. Молва за это время успела связать стихи с именем Кюхельбекера и, конечно, Рылееву и его единомышленникам незачем было опровергать эту молву. Какими, однако, данными располагал А. Е. Измайлов? По всей вероятности, никакими. Он не был близок ни с Кюхельбекером, ни с Рылеевым, а самое стихотворение получил от своего знакомого — Я. К. Кайданова.

В. Н. Орлов считает Измайлова «вполне осведомленным» свидетелем, для чего, однако, нет совершенно никаких оснований. Известно, что в глазах декабристов Измайлов, «чудак», который «ходит в каждый кабак даром», был фигурой, не заслуживающей никакого доверия. Его сторонились и как литературного врага и как политического противника. Информируя М. Л. Яковлева в письме от 29 сентября 1825 г. о похоронах Чернова, Измайлов не знает точно даже дня этих похорон и утверждает, вопреки фактам, что вторым секундантом Чернова был А. А. Бестужев. О том, как мало осведомлен был Измайлов о творчестве декабристов,

свидетельствует уже тот факт, что он приписал Пушкину эпиграмму на Жуковского, в действительности написанную А. А. Бестужевым [19].

Можно ли квалифицировать такого человека как «авторитетного» или «вполне осведомленного» свидетеля? Ничем не связанный с семьей Рылеева, Измайлов распространял после казни декабристов нелепый слух о том, будто Николай I на следующий же день после ареста Рылеева «четыре раза <!> присылал <...> к несчастнейшей вдове Рылеева чиновника, которому сам дал нужные по сему случаю наставления» [20].

Нам пришлось подробно остановиться на всей аргументации тех, кто считает Кюхельбекера автором стихов «На смерть Чернова»: слишком уж велика роль этого стихотворения в развитии декабристской поэзии. Мы считаем, что ни один из аргументов, выставленных Б. С. Мейлахом и В. Н. Орловым, не выдерживает критики. Автором траурного стихотворения «На смерть К. П. Чернова» следует попрежнему считать Рылеева [21].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сочинения и переписка К. Ф. Рылеева. Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1872, стр. 348; изд. 2-е. СПб., 1874, стр. 315.

[2] Рылеев. Стих., стр. V.

[3] Д. И. Завалишин. Поправки и заметки.— «Древняя и новая Россия», 1878, № 1, стр. 364; ср. Рылеев. Стих., стр. 394.

[4] Ю. Н. Тынянов. В. К. Кюхельбекер. Вступ. статья в изд.: Кюхельбекер, т. I, стр. XLII.

[5] К. Ф. Рылеев. Стихотворения. Вступ. статья, ред. и прим. Н. И. Мордовченко. Л., 1947, стр. 279—280.

[6] Поэзия декабристов. Под ред. Б. С. Мейлаха. Л., 1950, стр. 812—813.

[7] Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика. Составил Вл. Орлов. М.—Л., 1951, стр. 622.

[8] Там же.

[9] Кюхельбекер, т. I, стр. 59.

[10] Цит. по указ. статье Ю. Н. Тынянова — Кюхельбекер, т. I, стр. XLI—XLII.

[11] ВД, т. II, стр. 157.

[12] О принадлежности Чернова к Северному обществу говорит и официальный «Алфавит декабристов», стр. 203.

[13] «Бумаги о поединке Новосильцева с Черновым. Предсмертная заметка Чернова». — Сб. «Девятнадцатый век», кн. I. М., 1872, стр. 333—334.

[14] См. примечание П. И. Бартенева к предсмертной заметке К. П. Чернова. — Там же, стр. 333.

[15] Эта характеристика Кюхельбекера дана Рылеевым в его письме к Пушкину от апреля 1825 г. — Рылеев. Соч., стр. 494.

[16] Д. И. Завалишин. Поправки и заметки. — «Древняя и новая Россия», 1878, № 1, стр. 364.

[17] Завалишин, стр. 167.

[18] Цит. по подлиннику, хранящемуся в ИРЛИ. Письмо датировано 16 июля 1825 г., но это явная описка автора: оно содержит подробности о женитьбе Дельвига, состоявшейся 30 октября 1825 г.

[19] Бестужевы, стр. 54 и 697. — См. об этом также сообщение М. К. Константинова в настоящем томе, стр. 535—536.

[20] Цит. по подлинникам писем А. Е. Измайлова к М. Л. Яковлеву (ИРЛИ).

[21] Статья эта уже была написана, когда в журнале «Советская книга» (1952, № 8, стр. 97—101) появилась рецензия И. В. Пороха на антологию «Декабристы». Полемизируя с В. Н. Орловым, в частности — по вопросу об авторе стихов «На смерть Чернова», И. В. Порох, по нашему мнению, правильно предположил, что в «Полярной звезде» на 1859 г. был опубликован список А. Е. Измайлова и что отсюда и начала свое существование «кюхельбекеровская версия».

ОБ АВТОРЕ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ПЕСНИ «ПОДГУЛЯЛА Я»

Сообщение А. Осокина

Член Южного общества М. И. Муравьев-Апостол, отвечая в Следственной комиссии по делу декабристов на вопросные пункты (от 10 апреля 1826 г.) о том, какие «возмутительные песни» распространялись им и его единомышленниками в пропагандистских целях, а также о том, «какие именно стихотворения и проза в сем же духе написаны были Рылеевым, Пушкиным и Дельвигом» [1], отметил, в числе других известных ему нелегальных произведений, следующие куплеты:

Подгуляла я.
Нужды нет, друзья,
Это с радости (bis).

Я, свободы дочь,
Со престолов прочь
Императоров (bis).

На свободы крик
Развяжу язык
У сенаторов (bis) [2].

Эту «песню никак Баратынского» М. И. Муравьев-Апостол, судя по его признаниям, получил от приезжавшего к нему в деревню в октябре 1825 г. подпоручика М. П. Бестужева-Рюмина [3].

М. В. Нечкина, характеризуя «реальное историческое значение» песни «Подгуляла я», очень убедительно отметила связь ее третьей строфы с известным проектом обращения «К русскому народу», которое, по решению вождей Тайного общества, должен был бы выпустить Сенат в день 14 декабря: «...восставшие войска на Сенатской площади должны были, по замыслам декабристов, принудить Сенат к изданию манифеста, так сказать, „развязать язык у сенаторов“. Этот текст отчетливо перекликается с потаенной народной песней о декабристах „Царя требуют в сенат“ и дает последней исторический комментарий» [4].

Как и все прочие записи нелегальных стихов, сделанные М. И. Муравьевым-Апостолом в условиях тюремного заключения, по памяти, текст песни «Подгуляла я» в его передаче не может претендовать ни на точность, ни на полноту. Не внушает доверия и справка М. И. Муравьева-Апостола, что автор названной им песни якобы Е. А. Баратынский. Впрочем, Муравьев-Апостол и сам упомянул об этом на допросе в очень осторожной предположительной форме, явно опираясь лишь на какие-то сведения Бестужева-Рюмина, свидетеля в данном случае совсем не авторитетного, далекого от литературных кругов. С таким же малоубедительным

основанием современники Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина приписывали то Пушкину, то Баратынскому знаменитую сатирическую песню Рылеева «Ах, где те острова» или еще более распространенную эпиграмму неизвестного автора «Народ мы русский позабавим». Фамилией Баратынского эта эпиграмма подписана была, например, в копии, сделанной Е. А. Бестужевой для М. И. Семевского[5], а песня «Ах, где те острова» приписана была перу того же Баратынского в рукописном сборнике нелегальных произведений двадцатых годов, принадлежавшем П. П. Свиньину[6].

Но не только формально, а и по самому существу своему гипотеза о принадлежности стихов «Подгуляла я» перу Баратынского не выдерживает никакой критики. Хорошо известно, что, несмотря на личную близость в 1823—1824 гг. с Рылеевым, Баратынский в своем свободолюбии не шел дальше весьма умеренного и притом крайне абстрактного либерализма. Никогда и ничем он своего сочувствия деятельности Тайного общества не выражал, а потому и не мог быть автором произведения с такими конкретными боевыми революционными лозунгами, как песня «Подгуляла я». Нашему заключению ни в какой мере не противоречит сохранившееся в семье Баратынского предание о том, что он «в молодых летах», не будучи посвящен в тайны «существовавшего уже тогда политического общества, не разделяя его цели, со всем увлечением своих лет сочувствовал тому, что заключается великодушного, — как формулировал его сын, — в обширном, неопределенном и гибком значении слова „свобода"». «Вот несколько стихов, — отмечает этот же источник, — дошедших до нас, по воспоминанию, на эту тему, внушенных ему на одном из ужинов этой молодежи:

С неба чистая, золотистая
К нам слетела ты.
Все прекрасное, все опасное
Нам пропела ты»[7].

Разумеется, политически совершенно бескровные, аллегорические строки этих стихов ничего общего не имеют с революционной песней, образцы которой созданы были Рылеевым и Бестужевым. Но, ничего общего не имея между собою ни в тематическом, ни, тем более, в идеологическом плане, строфы песни «Подгуляла я» несколько напоминали фрагмент Баратынского своим ритмико-метрическим строем, особенно при условии передачи этого четверостишия в виде двух трехстрочных строф:

С неба чистая,
Золотистая
К нам слетела ты.

Все прекрасное,
Все опасное
Нам пропела ты.

Опираясь на близость размера и куплетной формы песни «Подгуляла я» метрической структуре стихов «С неба чистая, золотистая», И. Н. Медведева во вступительной статье о Баратынском к Полному собранию его стихотворений, вышедшему в свет в 1936 г. в большой серии «Библиотеки поэта», выдвинула гипотезу о том, что дошедшие до нас строки экспромта «С неба чистая» и песни «Подгуляла я» являются разрозненными частями одного произведения, автором которого был Баратынский[8]. Это предположение, как весьма вероятное, отмечено было в 1951 г. и В. Н. Орловым в его антологии «Декабристы»[9].

Можно ли, однако, на основании одних только ритмико-метрических соответствий ставить знак равенства между столь разностильными

произведениями, как революционная песня «Подгуляла я» и камерными строфами аллегорического романса «С неба чистая, золотистая»? Разумеется, нет! Самое большее, на что уполномочивают факты, — это возможность знакомства создателей песни «Подгуляла я» с метрической структурой романса Баратынского.

Романс хотя и не был напечатан, но не мог остаться неизвестным литературным друзьям Баратынского — декабристам. Эта гипотеза тем более вероятна, что имитация образцов народной лирической и обрядовой песни, равно как и мотивов наиболее популярных стихотворных текстов конца XVIII и начала XIX в., входила в прямые задачи Рылеева и Бестужева как пропагандистов новых жанров массовой агитационной литературы.

Подобно тому как песня «Ах, тошно мне и в родной стороне» имитировала известный романс Ю. А. Нелединского-Мелецкого «Ох, тошно мне на чужой стороне (на голос: „Девчина моя“)», так и песня «Подгуляла я» могла быть подражанием романсу «С неба чистая, золотистая». Но признать на этом основании Баратынского автором песни или участником в ее создании, разумеется, нельзя.

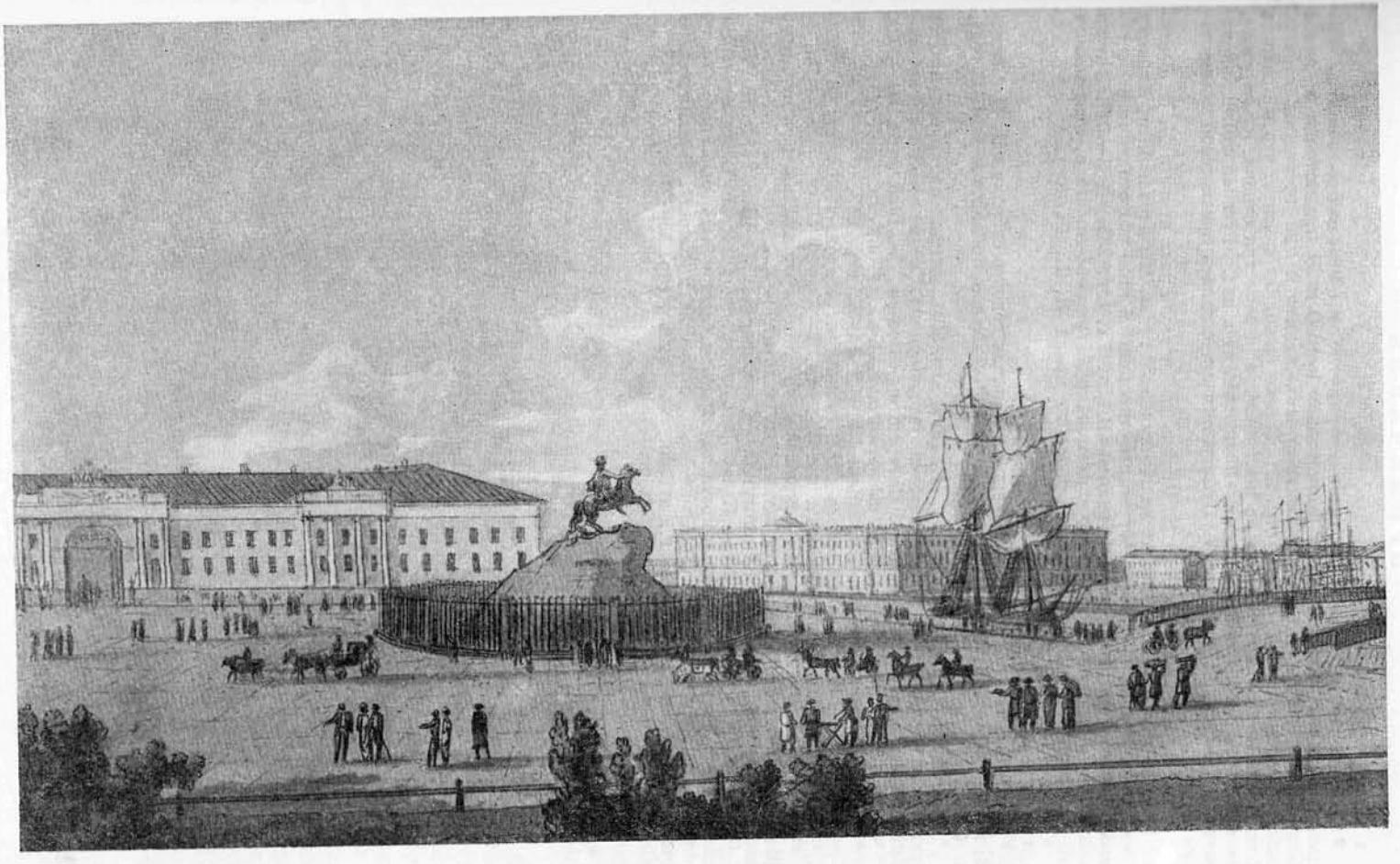
Всеми особенностями своей внешней и внутренней структуры, не говоря уже об ответственности и остроте своих революционных лозунгов, песня «Подгуляла я» тесно связана с циклом массовых агитационных песен, принадлежащих Рылееву и Бестужеву. Об этом свидетельствует и первая публикация этой песни в сборнике Герцена и Огарева «Русская потаенная литература», вышедшем в свет в Лондоне в 1861 г. В этом издании текст песни существенно отличается от той ее редакции, которая записана была по памяти М. И. Муравьевым-Апостолом в 1826 г. В лондонской публикации вовсе отсутствовал первый куплет песни, но зато она имела заголовок. Приводим этот первопечатный вариант песни полностью:

ПЕСНЯ К...СЙ

Я свободы дочь,
Я со трона прочь
Императоров,
Я взбунтую полки,
Развяжу языки
У сенаторов [10].

В том же году, в котором эти стихи появились в сборнике «Русская потаенная литература», в другом издании Герцена и Огарева, а именно в «Полярной звезде» на 1861 г., были впервые напечатаны знаменитые воспоминания Н. А. Бестужева о Рылееве [11]. В этих мемуарах уделено было место и материалам о некоей г-же К., приметы которой позволяют нам предположительно расшифровать и загадочный заголовок «Песни К...ой» [12]. В самом деле, характеризуя «г-жу К.» (ей, видимо, посвящены стихотворения Рылеева «В альбом Т. С. К.», «Исполнились мои желанья», «Ты посетить, мой друг, желала»), Бестужев удостоверял, что все разговоры этой приятельницы Рылеева клонились к несчастиям России, к деспотизму правительства, к злоупотреблениям доверенных лиц, к надеждам на свободу народов и т. п. [13]

Трудно думать, чтобы Герцен и Огарев могли получить в 1861 г. мемуары о «г-же К.» и запись песни, связанной, повидимому, с ее именем, из разных источников. Наиболее вероятно, что в основе обеих публикаций лежали материалы, полученные от родных декабриста Н. А. Бестужева. Его авторитетным свидетельством, а не случайным редакторским домыслом, объясняется и включение этих стихов в цикл нелегальных агитационных песен Рылеева и Бестужева.



СЕНАТСКАЯ ПЛОЩАДЬ
Акварель и тушь А. Е. Мартынова, 1810-е гг.
Третьяковская галерея, Москва

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ВД, т. IX, стр. 249—250.

[2] Там же, стр. 263. Стихи эти, густо зачеркнутые в «деле» каким-то особым чернильным составом, расшифрованы были только в 1950 г. В предисловии к новой публикации указано, что «ранее неизвестными» являются три последних строки, замыкающие песню (ВД, т. IX, стр. 18). Вернее было бы сказать, что в прежних публикациях песни отсутствовали не последние, а *первые* три строки, *начинающие*, а не *замыкающие* ее. Ср. текст песни «Подгуляла я» в изд. «Русская потаенная литература». Лондон, 1861, стр. 117. Публикация эта осталась неизвестной комментаторам ВД.

[3] В подлиннике показаний С. И. Муравьева-Апостола дата приезда М. П. Бестужева-Рюмина глухо обозначена: «в конце прошлого года». Мы уточняем эту справку на основании других показаний Муравьева-Апостола об этом его свидании с Бестужевым-Рюминым после событий в Лещине (ВД, т. IX, стр. 235 и 189—190). Песню «Подгуляла я» Бестужев-Рюмин, по свидетельству Муравьева-Апостола, «дал также» штаб-ротмистру гусарского принца Оранского полка И. П. Жукову.

[4] ВД, т. IX, стр. 19.

[5] Бестужевы, стр. 414.

[6] Сборник нелегальных стихотворений двадцатых годов в собрании П. П. Свиньина, лл. 32 об. — 33 (ГПБ. — См. «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1903 год», стр. 48).

[7] Сочинения Е. А. Баратынского. М., 1869, стр. 394. Автором цитируемого нами рассказа был, вероятно, сын поэта, издатель этого сборника. Сводка данных о «свободолюбии» Баратынского сделана К. В. Пигаревым («Звенья», V, 1935, стр. 190—202).

[8] Полн. собр. стихотворений Баратынского, т. I. Л., 1936, стр. LXXVII.

[9] «Декабристы». Составил Вл. Орлов. М.—Л., 1951, стр. 673.

[10] «Русская потаенная литература XIX столетия». Лондон, 1861, стр. 117.

[11] «Полярная звезда» на 1861 г., кн. VI, стр. 1—30.

[12] В. Н. Орлов, полагая, что сокращение «К...ой» не поддается расшифровке, выразил предположение, что «в печатный текст вкралась какая-то ошибка и что в данном случае имелась в виду Конституция» («Декабристы». М.—Л., 1951, стр. 638).

[13] Бестужевы, стр. 21. — К истории увлечения Рылеева Теофанией Станиславовной К., в которой друзья поэта подозревали (может быть и не совсем основательно) шпионку, подосланную Аракчеевым, относится письмо П. Михайловского к Рылееву от 30 сентября 1824 г., публикуемое выше, стр. 159—160.

О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ РЫЛЕЕВУ РЕЦЕНЗИИ НА «МНЕМОЗИНУ»

Сообщение М. К. Константинова

Объем литературной деятельности декабристов во всем ее разнообразии оказалось по силам установить только советской науке. Исследователи прежнего времени не представляли себе подлинных размеров, значения и форм этой деятельности, а зачастую даже не подозревали о многих ее сторонах. Только в наше время поставлены впервые вопросы о художественной прозе декабристов, об их публицистике, об их исторических и экономических исследованиях, о трудах по философии, по естественно-историческим и физико-математическим наукам. В многосторонней литературной деятельности декабристов долгое время внимание исследователей привлекала лишь поэзия, иногда — крайне редко — литературная критика, но и то и другое изучалось в полном отрыве от истории декабристского движения. Между тем не только декабристская поэзия или декабристская критика, но вся разнообразная деятельность декабристов на разных участках культурного фронта теснейшим образом и совершенно органически связана с их революционным делом. Литературная работа декабристов была лишь одной из граней их политической деятельности. Поэтому-то собрать и изучить литературное наследие декабристов во всей полноте — одна из существенных задач советского декабристоведения.

Впервые учет разнообразных памятников декабристской мысли был сделан в «Библиографии» Н. М. Ченцова, вышедшей в 1929 г. Он не только использовал все существовавшие в то время библиографические источники, но и положил немало труда, чтобы отыскать затерявшиеся в старых изданиях произведения декабристов. Ченцов обследовал периодические издания начала прошлого века, альманахи того времени, газеты, разные зарубежные издания, тщательно изучил «вольную печать» на русском языке и т. д. Обращение к первоисточникам позволило установить и впервые ввести в научный оборот большое количество разнообразных литературных произведений и научных трудов, вышедших из-под пера ранних русских революционеров. «Библиография» Ченцова не только дала возможность значительно пополнить фонд произведений декабристов (А. А. и Н. А. Бестужевых, В. К. Кюхельбекера, Ф. Н. Глинки, А. О. Корниловича, бр. Бобрищевых-Пушкиных, Д. И. Завалишина и др.), но и присоединила к ранее известным именам несколько новых: например, П. А. Муханова, В. С. Норова.

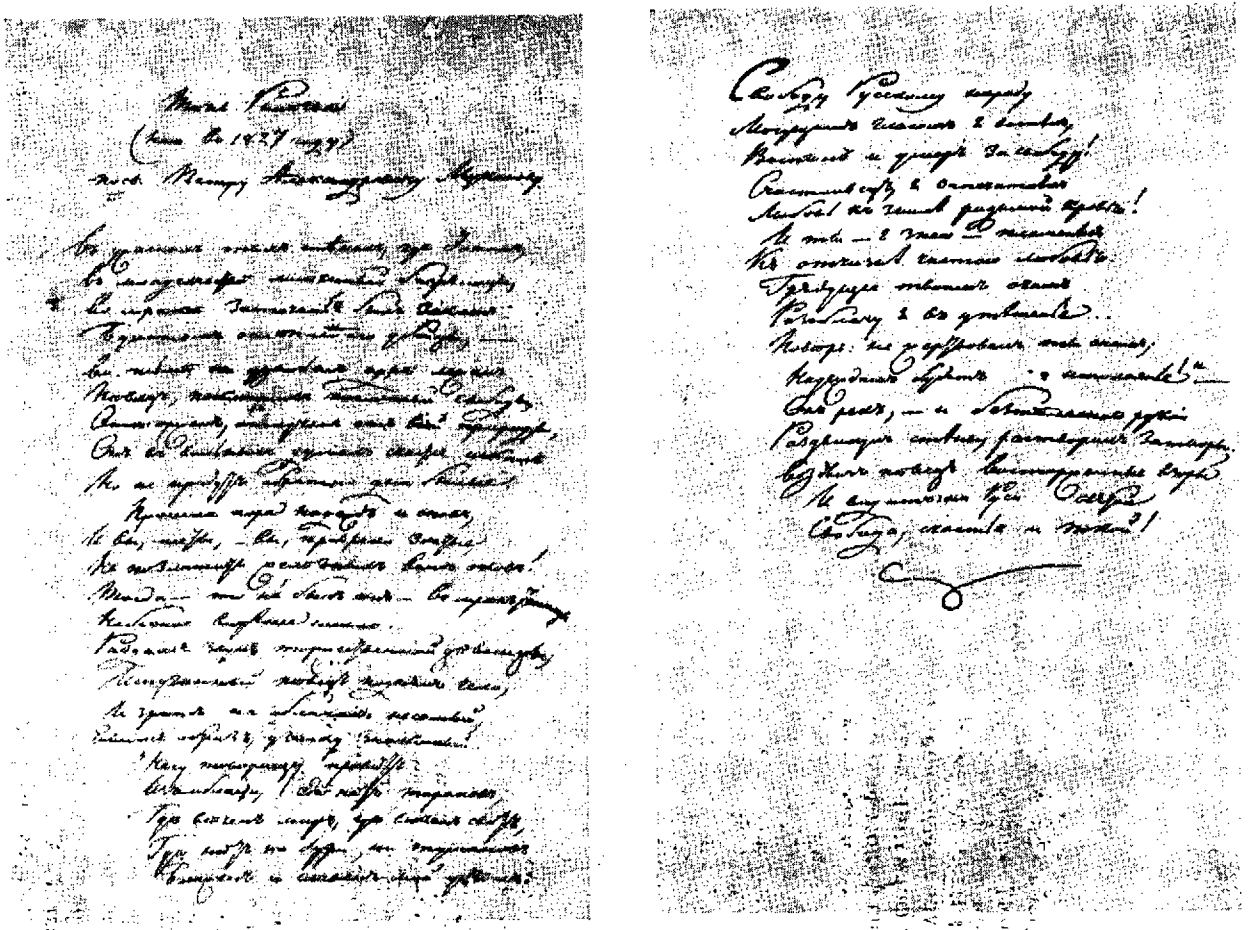
Однако, при всей своей значительности, труд Н. М. Ченцова не может считаться исчерпывающим, и с его появлением необходимость дальнейших библиографических розысканий не исчезла. Нуждаются в дополнительном обследовании даже те периодические издания, которые уже были в какой-то степени изучены историками литературы и библиографами, в том числе и самим Ченцовым. В периодических изданиях двадцатых годов можно обнаружить ценнейшие материалы, оставшиеся незамеченными

при прежних библиографических поисках. Произошло это главным образом оттого, что авторы такого рода библиографических работ, в том числе и Н. М. Ченцов, не были достаточно знакомы с историей декабристского движения, и потому смысл многих произведений оставался для них неясным; по той же причине они не сумели раскрыть некоторые псевдонимы (или буквенные обозначения), под которыми часто скрывались декабристы. А наряду с этим приходится отметить пропуски и недосмотры, явившиеся результатом простой небрежности. Наконец, некоторые издания того времени совсем не были привлечены Ченцовым для библиографического учета литературных произведений декабристов, хотя уже a priori можно было предполагать, что декабристы сотрудничали в этих изданиях. К таким изданиям относятся, например, «Военный журнал» (1817—1819), где сотрудничали члены Тайного общества, «Северная пчела» за 1825 г. — год, когда Булгарин усиленно стремился сблизиться с прогрессивными литературными кругами, «Тифлисские ведомости» в первый период их существования, когда в них принимали участие находившиеся на Кавказе декабристы. Одним из активнейших сотрудников «Военного журнала» был И. Г. Бурцов; сотрудничал он и в других изданиях, между тем в «Библиографии» Ченцова не указано ни одной работы этого крупнейшего среди декабристов писателя по военно-теоретическим и военно-историческим вопросам. Не был предпринят Ченцовым, как уже сказано, просмотр «Северной пчелы», вследствие чего в его «Библиографии» оказались пропущенными некоторые стихотворения и прозаические произведения Ф. Н. Глинки («Северная пчела», 1825, №№ 59, 60, 74, 81, 91, 102, 127, 154); пропущена рецензия А. О. Корниловича на «Труды Общества древностей российских» (там же, № 6; за подписью: А. К.); не указан очерк А. И. Якубовича, появившийся в «Северной пчеле» незадолго до 14 декабря [1]; остались незамеченными некоторые переводные и оригинальные произведения А. А. Бестужева (там же, №№ 84, 87, 93, 98, 102, 105, 115).

Приведем еще один характерный пример пропусков, связанных с именем А. А. Бестужева. М. А. Бестужев в своих «Записках» рассказывает: «Первыми по времени литературными произведениями брата Александра были „Критический разбор комедий князя Шаховского", который и был причиною псевдонима Марлинского; потом „Критика на перевод Катенина Руссо — Эсфирь" чуть не вовлекла его в дуэль с переводчиком» [2]. Однако, несмотря на такое ясное указание, вторая из названных М. А. Бестужевым статей в «Библиографию» Ченцова не вошла, хотя она напечатана в том же самом журнале («Сын отечества»), где помещен и включенный в «Библиографию» разбор комедии Шаховского «Липецкие воды». Но, мало того, обе эти статьи были не первыми печатными выступлениями А. А. Бестужева, как ошибочно сообщал М. А. Бестужев. Им предшествовал ряд статей в журналах того времени, из которых ни одна не зарегистрирована в указателе Ченцова.

Подобных ошибок и пропусков в «Библиографии» немало. Но даже те примеры, которые мы привели, наглядно показывают, что труд этот невозможно считать исчерпывающим. Тем самым диктуется настойчивая необходимость дальнейших интенсивных розысканий в этой области.

Почему-то особенно невнимательно обследован был журнал «Благонамеренный», вследствие чего в «Библиографию» Ченцова не попали многие произведения А. А. Бестужева, В. К. Кюхельбекера [3] и других декабристов. Это невнимание к «Благонамеренному», которое было проявлено и позднейшими исследователями (например, Ю. Н. Тыняновым и Н. И. Мордовченко), в значительной степени обусловлено политической и литературной позицией журнала. Однако еще в труде Н. П. Колюпанова (1889 г.) было отмечено, что декабристы принимали активное



АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ КЮХЕЛЬБЕКЕРА «ТЕНЬ РЫЛЕЕВА», 1827 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

участие в журнале Измайлова [4]. Действительно, несмотря на отрицательное отношение к «Благонамеренному», будущие декабристы порой пользовались страницами этого журнала как трибуной для своих выступлений. Причины были разнообразны и в каждом отдельном случае объяснялись какими-либо специфическими обстоятельствами, но важно то, что такие случаи бывали, и это обязывает исследователей более внимательно присмотреться к страницам «Благонамеренного». В числе материалов, обнаруженных там, оказались статьи М. Ф. Орлова [5] и, как мы постараемся доказать, Рылеева.

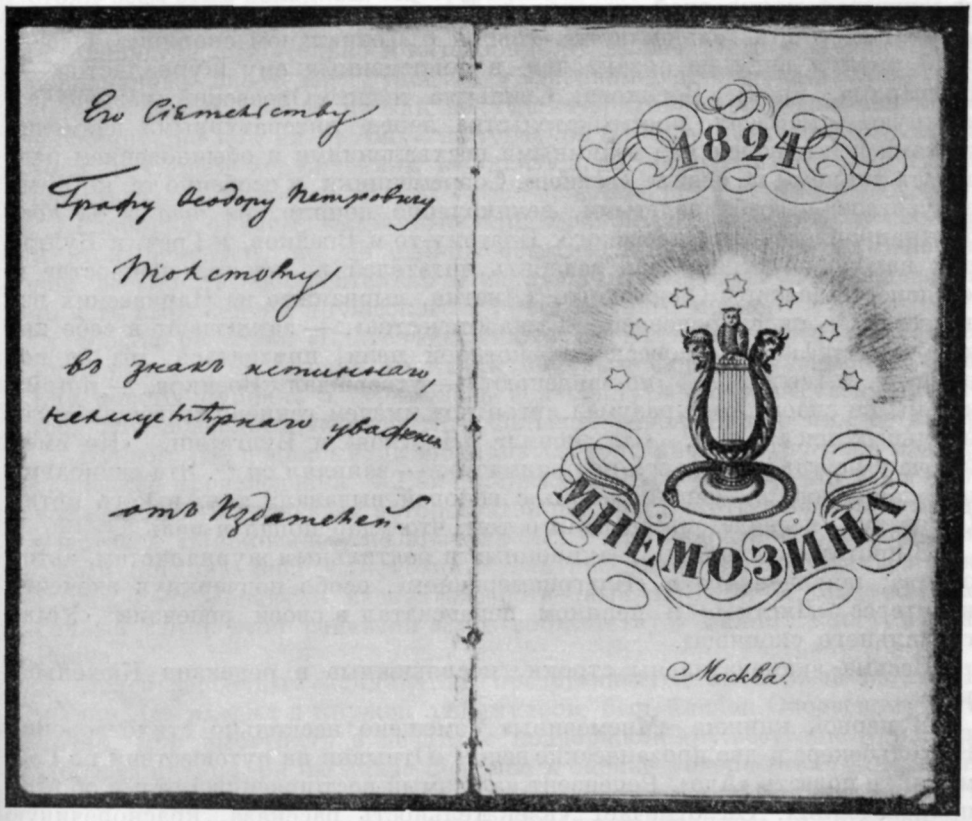
В 1824 г. вышла первая часть «Мнемозины», издававшейся В. К. Кюхельбекером и В. Ф. Одоевским. «Мнемозина» была задумана как журнал, но добиться разрешения на издание журнала было чрезвычайно трудно, и потому «Мнемозину» стали выпускать в виде альманаха. Белинский, вспоминая впоследствии об этом издании, называл его «журнал-альманах» [6].

Выход «Мнемозины» был крупным событием в журналистике и литературе преддекабрьского периода. Один из современников, К. А. Полевой, так формулировал свои впечатления: «...там были неведомые до того взгляды на философию и словесность ⟨...⟩ Это был первый смелый удар старым теориям, нанесенный рукою неопытною, но, тем не менее, удар меткий» [7]. «Мнемозина» обратила на себя внимание широтой интересов, смелостью суждений, резкими приговорами, боевым задором, новизной точки зрения на общепринятые понятия. Одним из восторженных читателей этого журнала был молодой Белинский. Когда в 1838 г. Булгарин иронически назвал «Московский наблюдатель» продолжателем «Мнемозины», Белинский писал: «...мы принимаем это обвинение за комплимент и чувствительно благодарим за него, если только г. Булгарин смотрит на „Мнемозину", как на такой журнал, предметом которого было — искусство и знание» [8]. Вспоминая в 1844 г. напечатанные в первой книжке «Мнемозины» произведения В. Ф. Одоевского (главным образом, его аполог «Старики или остров Панхаи»), Белинский писал: «...юношество читало их с жадностью и благодарны были плоды этого чтения. Мы знаем это по собственному опыту, и кто умеет судить о достоинстве вещей не по настоящему времени, а по их историческому смыслу, кто помнит состояние нашей литературы в ту эпоху, когда лучшими журналами в России были „Вестник Европы" и „Сын отечества" и еще не было „Московского телеграфа", когда читающая публика была несравненно малочисленнее нынешней, те согласятся с нами» [9]. Белинский счел нужным целиком перепечатать в своей статье этот аполог Одоевского, полагая, видимо, что это произведение, написанное за двадцать лет до того времени, не утратило интереса для позднейших читателей. Белинский утверждал даже, что именно в «Мнемозине» впервые заговорили о «мысли и логике» — «предметах, о которых до „Мнемозины" русские журналы не говорили ни слова» [10]. Советские исследователи — историки русской журналистики — с полным правом и вполне обоснованно включают «Мнемозину» в число важнейших декабристских печатных органов, ставя ее в один ряд с «Полярной звездой» [11].

Первые же книжки «Мнемозины» сделались предметом живой журнальной полемики. В журнале Воейкова «Новости литературы» и в «Сыне отечества» Греча появились отрицательные рецензии. Автором рецензии в «Новостях литературы» был сам Воейков, автор рецензии в «Сыне отечества» остался неизвестным. В «Литературных листках» с критическим разбором «Мнемозины» выступил Булгарин; разбор был внешне благожелателен, но в нем звучали нотки снисходительного покровительства и он был выдержан в нравоучительном тоне. Отмечая интерес, свежесть, оригинальность статей и «благородные чувствования» авторов, Булгартин предостерегал их в то же время от «излишней само-

надеянности» и иронически советовал «больше думать о грамматике» [12]. Позже Булгарин сбросил маску и выступил решительным противником нового издания [13].

На этом фоне резко выделялась апологетическая рецензия в «Благонамеренном», подписанная буквой «Р» [14]. Рецензент останавливается, главным образом, на прозаических статьях «Мнемозины», которые он характеризует как отличающиеся «чистым, правильным языком, чуждым



«МНЕМОЗИНА» НА 1824 г. ЭКЗЕМПЛЯР С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ Ф. П. ТОЛСТОМУ
«Его сиятельству графу Феодору Петровичу Толстому, в знак истинного, нелицемерного уважения от издателей»
Автограф В. Ф. Одоевского
Собрание В. А. Десницкого, Ленинград

уродливых существительных и перековерканных прилагательных». Он хвалит аполог Одоевского «Старики или остров Панхаи», написанный «со всем остроумием и веселостью, свойственными сатирическому предмету», с похвалой отзывается об отрывке из «Записок» Д. В. Давыдова и письме М⟨атюшкина⟩. Наибольшее же внимание уделено в рецензии второму сатирическому произведению Одоевского «Листки, вырванные из Парнасских ведомостей» и статье Кюхельбекера. О «Листках» неизменно упоминают биографы Одоевского и авторы статей о декабристской журналистике, однако смысл этой остроумной, аллегорической сатиры трактуется весьма односторонне. П. Н. Сакулин видел в ней исключительно сатиру на споры карамзинистов — членов «Арзамаса» — с шишковистами. «Одоевский, — утверждал Сакулин, — осмеивает тех и других» [15].

Это суждение, без каких бы то ни было поправок и добавлений, принято и повторено в «Очерках по истории русской журналистики и критики» [16], хотя, как известно, «Арзамас» в 1818 г. прекратил свое существование, и Одоевскому в 1824 г. незачем было избирать мишенью своей сатиры давно не существующее литературное общество. На самом деле полемическая статья Одоевского имела иной адрес и была направлена против тогдашних журнальных группировок. Основная идея сатиры Одоевского выражена в «Уставе гениального скопища»; в последнем П. Н. Сакулин, совершенно не-учитывая конкретной исторической обстановки, усматривал «Арзамас» [17]. В действительности же, говоря о «гениальном скопище», Одоевский имел в виду не арзамасцев, а современных ему журналистов — Булгарина, Греча, Воейкова, Свиньина и др. Одоевский разоблачал затхлую атмосферу пресмыкательства перед литературными знаменитостями и издевался над взаимными восхвалениями и обыкновением раздавать дипломы на звание «гениев». Современники, и особенно те, которые почувствовали себя задетыми, великолепно поняли, на *что* и на *кого* был направлен удар Одоевского. Поэтому-то и Воейков, и Греч, и Булгарин наперебой стремились заверить читателей в «неопределенности» и «неясности» сатиры Одоевского. «Листки, вырванные из Парнасских ведомостей, — писал рецензент «Сына отечества», — заключают в себе какую-то метафизику словесности, которой цели, признаться, мы не поняли» [18]. «Листки ⟨...⟩ не завлекают, — утверждал Воейков, — потому что мы не знаем, кого разумел автор под именем гениев, подгениев и гениальных писарей» [19]. «Не понял» «Листков» и Булгарин. «Не имея ключа к разгадке, мы оной не понимаем», — заявлял он [20]. Эти единодушные заявления о «непонимании» с головой выдавали тех, в кого метил Одоевский, и свидетельствовали о том, что удар попал в цель.

В противоположность реакционным и рептильным журналистам, автор отзыва, помещенного в «Благонамеренном», особо подчеркнул значение и интерес «Листков» и целиком перепечатал в своей рецензии «Устав гениального скопища».

Весьма знаменательны строки, посвященные в рецензии Кюхельбекеру.

В первой книжке «Мнемозины» помещено несколько стихотворений Кюхельбекера и две прозаические вещи: «Отрывки из путешествия по Германии» и повесть «Адо». Рецензент дал самый восторженный отзыв об этих произведениях. Он отмечает увлекательность рассказа, красноречивую убедительность повествования, пламенный слог. О повести «Адо» сказано: «Благородный, возвышенный слог, новость лиц и места, характеры действующих лиц — все показывает отличный талант и призвание автора».

Эта характеристика имела определенную полемическую направленность. Проза Кюхельбекера в первом выпуске «Мнемозины» явилась главной мишенью нападок журналистов. Рецензент «Сына отечества», неискусно каламбуря, утверждал, что статья о Дрезденской галерее, «посвященная торжеству изящных искусств», написана «не с приличным предмету изяществом» и что русский язык в ней неправилен. Слог же в повести «Адо» он находил слишком напыщенным», а «язык — тяжелым и неровным». Воейков именовал прозу Кюхельбекера «темной» и «запутанной» «относительно к языку и слогу». Он заполнил три с половиной страницы выписками из статей Кюхельбекера, распределив их по трем рубрикам: 1) «странность слов и выражений», 2) «несоблюдение правил грамматики и синтаксиса», 3) «смесь всех тонов и всех родов слога». Заканчивал он свой разбор пространным и резким нравоучением: «Автору хотелось быть *оригинальным*. Он делает усилия и, вместе с многими нынешними прозаиками, забывает что *оригинальность* не всегда похвальна, что в иных случаях надобно тщательно избегать ее, что

она не есть верный признак ума и дарования и что иногда, показывая дурной вкус, близка к уродливости или, по крайней мере, к странности» [21]. Булгарин с похвалой отозвался о цели повести Кюхельбекера, отметил «благородные чувствования любви к отечеству» и «благородный характер» автора, но, вместе с тем, нашел нужным подчеркнуть его «самонадеянность»[22]; к Кюхельбекеру же, несомненно, относится совет Булгарина не забывать о грамматике.

Отзыв «Благонамеренного», как мы уже указывали, резко противостоял всем этим нападкам. Автор рецензии выступил с подчеркнутой, прямой апологией Кюхельбекера и, вопреки единодушному мнению рептильных журналистов, решительно и категорически включил его в разряд лучших современных писателей. Рецензия «Благонамеренного» заставляла смотреть на Кюхельбекера не как на чудака-оригинала или самонадеянного выскочку, но как на крупную литературную силу и интересного мыслителя, к словам и суждениям которого надлежало внимательно прислушиваться.

Разбирая отзывы, вызванные «Мнемозиной», П. Н. Сакулин коснулся и этой рецензии, но не оценил ее смысла и значения. Он отнесся к ней весьма пренебрежительно и насмешливо именовал «*своей* рецензией», то есть выражением дружеского и пристрастного мнения [23].

Однако рецензия «Благонамеренного» в действительности имеет совсем иной смысл. Она вышла из круга идейных единомышленников редакции нового журнала и стремилась подчеркнуть его общественное значение. Это позволяет установить с большой вероятностью имя ее автора.

Буквой «Р» подписывали в двадцатые годы свои поэтические или прозаические произведения — Раич, Рожалин, Рылеев. Раич ни в коем случае не может быть назван автором этой рецензии. Хотя позже он и принял участие в «Мнемозине», но вначале был очень недоволен Одоевским, который организацией «Мнемозины» фактически разрушил планы кружка Раича, собиравшегося издавать собственный журнал. К тому же энергичный стиль этой рецензии мало соответствует вялому слогу писаний Раича.

Более вероятным кандидатом представляется на первый взгляд Рожалин. Он входил в кружок любомудров, был близок Одоевскому и, конечно, мог выступить в печати с поддержкой дружественного издания. Но, несомненно, он бы иначе подошел к оценке содержания «Мнемозины» и выдвинул бы на первый план не публицистические стороны нового издания, как это сделал рецензент «Благонамеренного», а проблемы философские и эстетические. Добавим, к тому же, что Рожалин ни ранее, ни позже не сотрудничал в «Благонамеренном» и едва ли стал бы именно в этом журнале выступать с пропагандой «Мнемозины». Рожалин, вообще, начал печататься лишь в 1825 г., в начале 1824 г. он был еще студентом.

В рецензии, в которой на первый план выдвинуты мотивы общественные, характерен апологетический тон в отношении к Кюхельбекеру, вокруг имени которого уже сложилась определенная репутация как человека «крайнего» и «опасного». Не следует забывать также и того обстоятельства, что в эстетических воззрениях Кюхельбекер (как это уже отмечено П. Н. Сакулиным) значительно расходился с любомудрами, в частности — и с ближайшим своим товарищем по изданию, В. Ф. Одоевским. Рожалину и Раичу были гораздо ближе воззрения Одоевского, и трудно допустить, чтобы из-под пера одного из них (или вообще кого-либо из кружка любомудров и близких им людей) вышло такое восторженное и безоговорочное признание статьи Кюхельбекера о Дрезденской галерее.

Несомненно, что автор рецензии, напечатанной в «Благонамеренном», принадлежал к кругу революционно настроенной молодежи, из которого вышли будущие декабристы, но никак не к кругу любомудров, — они

в это время увлекались немецкой философией, а не политикой [24]. Но именно о немецкой философии в рецензии не упоминается ни единым словом, хотя повод давала сама программа журнала: Одоевский в программе особо подчеркнул интерес редакции к проблемам, поднятым современной немецкой философией. Отметим еще одну мелкую, но характерную деталь. О стихах, помещенных в «Мнемозине», автор рецензии говорит очень скупо и сдержанно, однако находит нужным указать, что стихотворение Кюхельбекера «Святополк» ранее было уже помещено в иной редакции в «Полярной звезде».

Таким образом, наиболее вероятным автором рецензии в «Благонамеренном» представляется Рылеев.

Вполне понятно, почему Рылеев выступил с поддержкой «Мнемозины» именно в «Благонамеренном». Другие петербургские журналы заняли, как мы уже говорили, враждебную позицию; кроме того, с Булгариным, в руках которого находилось несколько журналов, Рылеев в то время порвал отношения. Он мог бы, конечно, поместить свою рецензию в «Соревнователе», но ему, очевидно, было важно привлечь к новому изданию внимание разнообразных общественных кругов, а «Благонамеренный» имел довольно широкую провинциальную аудиторию. Наконец, Рылеев и ранее сотрудничал в этом журнале, поместив в нем в 1820 г. несколько своих стихотворений. Самому Измайлову направление журнала Кюхельбекера и Одоевского было, конечно, чуждо, но до 14 декабря издатель «Благонамеренного» любил щеголять объективностью, подчеркивая свою терпимость к различным литературным и политическим группировкам.

Данная рецензия имеет большое историко-литературное значение. До сих пор была известна только одна критическая статья Рылеева: «Несколько мыслей о поэзии», опубликованная в «Сыне отечества» за месяц до восстания [25]. Рецензия на «Мнемозину» расширяет наши представления об активном участии вождя Северного общества в литературной борьбе своего времени.

Статья «Несколько мыслей о поэзии» помогает понять, почему Рылеев счел нужным выступить с апологетической рецензией на «Мнемозину». Рецензия в «Благонамеренном» и последующая статья в «Сыне отечества» как бы дополняли друг друга. Обе они имеют ярко выраженный боевой характер; в своей статье Рылеев приветствовал искания новых путей в литературе, требовал критической смелости, борьбы с косностью, восставал против удручающей власти признанных авторитетов. «Великие труды и превосходные творения некоторых древних и новых поэтов, — писал Рылеев, — должны внушать в нас уважение к ним; но отнюдь не благоговение, ибо это противно законам чистейшей нравственности, унижает достоинство человека и, вместе с тем, вселяет в него какой-то страх, препятствующий приблизиться к превозносимому поэту и даже видеть в нем недостатки. Итак, будем почитать высоко поэзию, а не жрецов ее, и, оставив бесполезный спор о романтизме и классицизме, будем стараться уничтожить в себе дух рабского подражания и, обратясь к источнику истинной поэзии, употребим все усилия осуществить в своих писаниях идеалы высоких чувств, мыслей и вечных истин, всегда близких человеку и всегда не довольно ему известных»[26]. «Мнемозину» Рылеев сразу воспринял как верного соратника в борьбе с реакционной и бульварной литературой и немедля выступил с решительной и страстной защитой нового издания, искусно определив и подчеркнув его общественное значение.

В статье «Несколько мыслей о поэзии» Рылеев писал об общественных обязанностях и общественной ответственности писателя. Этим требованием и вызван тот единственный упрек, который содержится в рецензии на «Мнемозину». Упрек направлен по адресу автора куплетов для оперы

водевиля «Кто брат? Кто сестра?» В «Мнемозине» было названо только имя композитора (Верстовского), но, конечно, Рылеев хорошо знал, что авторами водевиля были Грибоедов и Вяземский, а стихотворные куплеты написаны, по большей части, Вяземским. В брошенном как будто вскользь замечании о напрасной и неудачной трате «счастливого таланта» можно видеть обвинение по адресу писателей, склонных иногда забывать о своих прямых задачах и о своей ответственности перед обществом.

Приводим текст рецензии «Благонамеренного»:

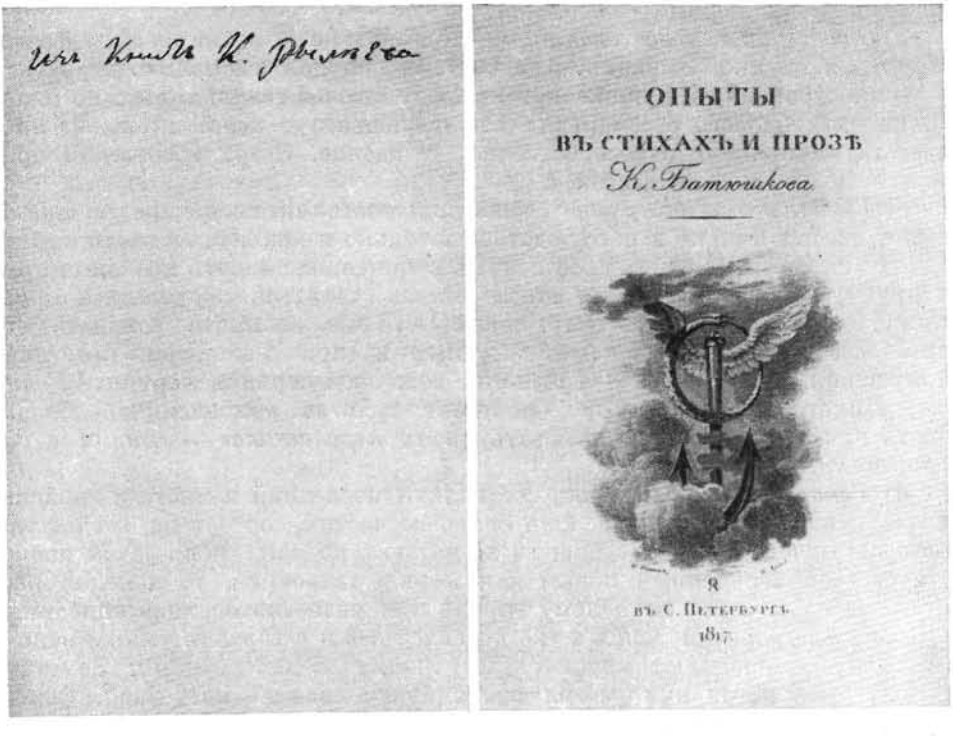
МНЕМОЗИНА,

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В СТИХАХ И ПРОЗЕ, ИЗДАВАЕМАЯ КН. В. ОДОЕВСКИМ И В. КЮХЕЛЬБЕКЕРОМ. ЧАСТЬ I

Москва. В типографии Императорского московского театра. У содержателя А. Похорского

Издатели в полной мере заслуживают признательность читающей публики, совершенно выполнив обещанное в объявлении о *Мнемозине*: в наше просвещенное время это довольно редко, и мы радуемся за издателей и за читателей.

Прозаические статьи в *Мнемозине* отличаются чистым, правильным языком, чуждым уродливых существительных и перековерканных прилагательных. Первая прозаическая статья: *Старики, или остров Панхаи*, написана со всем остроумием и веселостию, свойственными сатирическому предмету. Вторая статья: *Извлечение из Записок генерал-майора Д. В. Давыдова о кампании 1808 года в Финляндии*. Кто не знает нашего партизана-



«ОПЫТЫ В СТИХАХ И ПРОЗЕ» К. Н. БАТЮШКОВА, ИЗД. 1817 г. ЭКЗЕМПЛЯР С ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ РЫЛЕЕВА
Литературный музей, Москва

писателя? Говорить ли о достоинствах его слога? О его выразительном изложении мыслей? Лишнее! Давыдов известен как отличный литератор, и читатели *Мнемозины* с удовольствием и пользою прочтут его Записки. 3. *Отрывок из путешествия по Германии В. Кюхельбекера.* Автор описывает Дрезденскую картинную галерею, красноречиво излагает свои мысли о красотах и недостатках великих художников, пленительно описывает картины Метсю, Дау, Баттониеву Магдалину; потом рассказывает о свидании своем с Гёте, де Ветте и пр. Все шесть писем написаны пламенным слогом, и читатель может быть недоволен только одним: зачем г. Кюхельбекер напечатал только шесть писем? 4. *Адо. Эстонская повесть.* Повесть его же, г. Кюхельбекера. Благородный, возвышенный слог, новость лиц и места, характеры действующих, — все показывает отличный талант и познания автора. 5. *Извлечение из письма к Е. А. Э—у г-на М.* знакомит нас с юкагирами и счастливыми способностями автора этого письма, умевшего рассказать на четырех страничках много нового, занимательного и любопытного. 6. *Листки, вырванные из Парнасских ведомостей К. Одоевского.* Вот отрывок из этих любопытных листков:

Устав гениального скопища.

a) *О гении и его должности.* — *Гений* есть человек, одаренный чем-то *необыкновенным, неизъяснимым, новым*; для того, чтоб быть *гением*, не требуется ни обширных познаний, ни ума высокого; потребно только, чтобы он всем от других был отличен.

Внезапно пораженный вдохновением *гений* выдумывает *систему*, или, другими словами, какое-либо мнение, какого до тех пор не слыхано было. Для распространения оного мнения гений имеет много сподручников, из коих первый — *подгений*.

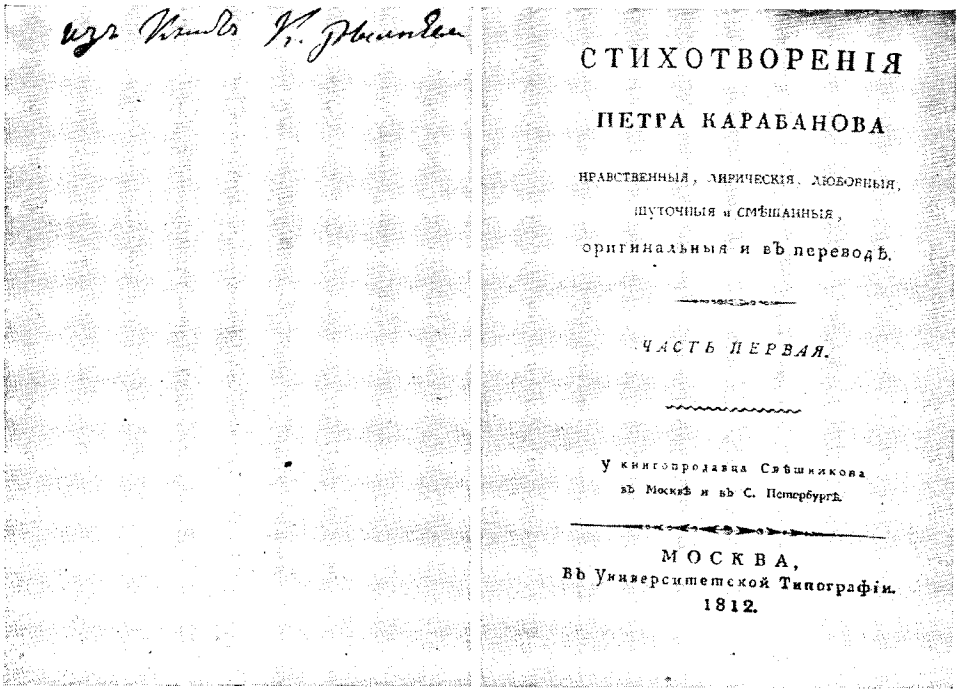
b) *О подгении и его должности.* — Подгению не позволяется выдумывать своего собственного мнения, или системы; он должен только стараться о распространении и приложении повсюду мыслей *гения*: только по окончании двухгодового бессмертия сего последнего — *подгений* может произвести какое-либо свое собственное суждение. Сверх того *гений* чрез своего подгения сообщается с

c) *Гениальными писарями* *, коих должность: читать сочинения одного гения, об них только и рассуждать, их только и хвалить; ставить из них одних эпиграфы на своих собственных сочинениях; писать послания друг к другу, в коих выхвалять *одного гения*; стараться подделаться к его слогу, рабски подражать ему, сверх того не забывать величать его *преобразователем языка отечественного* и при малейшем чьем-либо покушении на славу его — грозно омокать свои перья в чернилы! *Гений* же, в благодарность за сие, поставит себе за непременную обязанность при всяком случае называть своих *переписчиков — людьми с дарованиями.*

d) *Гениальные рассыльщики* составляют последний и многолюднейший класс *гениального скопища.* Они большею частию состоят из *любителей*, которые ничего не пишут, ничего не читают; но как скоро *гений* почувствует себя беременным новым каким-либо творением, то немедля распускают слух о том по целому городу или развозят наскоро списанные отрывки из творений *гения* и его *переписчиков* и с торжественным видом, за тайну, показывают каждому встречному и поперечному. Заметить должно, что когда при *рассыльщиках* будут хвалить кого-либо, только не их гения, то они должны, сохраняя глубокое молчание, хором пожи-

---

* *В тексте «Благонамеренного» — опечатка:* генеральными писарями.



СТИХОТВОРЕНІЯ

ПЕТРА КАРАБАНОВА

НРАВСТВЕННЫЯ, ЛИРИЧЕСКІЯ, ЛЮБОВНЫЯ,

ШУТОЧНЫЯ и СМѢШАННЫЯ,

оригинальныя и въ переводѣ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

У книгопродавца Сѣвѣрникова

въ Москвѣ и въ С. Петербургѣ.

МОСКВА,

Въ Университетской Типографіи.

1812.

«СТИХОТВОРЕНИЯ ПЕТРА КАРАБАНОВА», Ч. I, ИЗД. 1812 г. ЭКЗЕМПЛЯР С ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ РЫЛЕЕВА
Литературный музей, Москва

мать плечами; но такать и значительно кивать головою, когда дело дойдет до самого гения, и проч. ... (стран. 179—181).

Перевод *Многомеров* из *Жан-Поля* заключает прозаические статьи *Мнемозины*.

Между стихотворениями отличается прекрасный отрывок из комедии: *Аристофан*, князя Шаховского. *Святополк окаянный*, соч. Кюхельбекера, напечатанный в *Полярной звезде* на 1824 год, перепечатан в *Мнемозине* с большими переменами и совсем в другом виде. Из двух эпиграмм кн. Вяземского, помещенных в *Мнемозине*, первая давно уже напечатана в *Благонамеренном* *. При книжке приложены ноты двух романсов из водевиля: *Кто брат*? *Кто сестра*? Сочинитель музыки, г. Верстовский, известен своим счастливым талантом. Жаль, что слова сих романсов не показывают счастливого таланта родителя их [27].

Р.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. сообщение М. К. Азадовского «К вопросу о литературной деятельности А. И. Якубовича». — «Лит. наследство», т. 60 (печатается).

[2] Бестужевы, стр. 284.

[3] См. в настоящем томе наше сообщение, стр. 547—554.

[4] Н. П. Колюпанов. Биография А. И. Кошелева, т. I, ч. 2. М., 1889, стр. 30.

[5] «Замечания на перевод статьи г. Жомини „Краткое обозрение военной истории со времен Людовика XIV до наших времен" и разбор некоторых новейших сочинений в особенности описания похода 1809 года Александра де ла Барда и Пелета и Истории войны 1812 года генерала Бутурлина». — «Благонамеренный», 1825, № 10 (подписано: *М. О.*). Под статьей обозначено: «Киев, 5 февраля 1825 г.».

* См. «Благ⟨онамеренный⟩», 1820, № II, стран. 129. — *Прим. в журнале.*

Эти данные вполне соответствуют фактам биографии М. Ф. Орлова, который прибыл из Москвы в Киев в начале января 1825 г. (на свадьбу С. Г. Волконского и М. Н. Раевской), оттуда совершил деловую поездку в Крым и вновь вернулся в Киев в мае того же года.

Все эти обстоятельства выясняются из неизданных писем М. Ф. Орлова, хранящихся в ЦГЛА.

Перевод, на который написана настоящая рецензия, был помещен в «Сыне отечества», 1825, №№ 2 и 3; переводчик скрылся за подписью: Д — н И...ий.

[6] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. IX. СПб., 1910, стр. 4.

[7] Ксенофонт Полевой. Записки о жизни и сочинениях Н. А. Полевого.— В кн.: Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Ред., вступ. статья и комментарий В. Н. Орлова. Л., 1934, стр. 150.

[8] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. III. СПб., 1901, стр. 376.

[9] Там же, т. IX, стр. 9.

[10] Там же, т. III, стр. 376.

[11] Н. Л. Степанов. Критика и журналистика декабристского движения.— В кн.: Очерки по истории русской журналистики и критики, т. I. Л., 1950, стр. 229—235; В. Соболев. Периодическая печать в России в начале XIX века и журналистика декабристов. — Лекции, прочитанные в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1952, стр. 25—28.

[12] «Литературные листки», 1824, № 5, стр. 192.

[13] Там же, №№ 21 и 22; «Северная пчела», 1825, № 127.

[14] «Благонамеренный», 1824, № 8, стр. 130—135.

[15] П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель, т. I, ч. 1. М., 1913, стр. 258.

[16] Н. Л. Степанов. Указ. соч., стр. 231.

[17] П. Н. Сакулин. Указ. соч., стр. 259.

[18] «Сын отечества», 1824, № 15, стр. 34—35.

[19] «Новости литературы», 1824, № 14, стр. 28.

[20] «Литературные листки», 1824, № 5, стр. 185.

[21] «Сын отечества», 1824, № 15, стр. 185.

[22] «Литературные листки», 1824, № 5, стр. 192.

[23] П. Н. Сакулин. Указ. соч., стр. 279.

[24] А. И. Кошелев. «Записки». Berlin, 1884, стр. 13.

[25] «Сын отечества», 1825, № 22, стр. 145—154; Рылеев. Стих., стр. 371—375.

[26] Рылеев. Стих., стр. 375.

[27] После публикуемого текста следуют строки о подписке на «Мнемозину», очевидно принадлежащие не перу Рылеева, а редакции журнала (хотя подпись Р. стоит ниже этих строк):

«Подписка на *Мнемозину* принимается в Москве, в театральной типографии г. Похорского, что у Арбатских ворот, в доме камергера Ф. Ф. Кокошкина, и во всех московских книжных лавках. Цена за все четыре части на хорошей белой бумаге, напечатанные четкими литерами, с картинками, нотами и виньетами, в красивой картонной обертке и с золотым обрезом, 30 р., а без золотого обреза — 25 р. ассигнациями. Тем же, которые благоволят подписаться вдруг на 10 экз., сделана будет уступка по 5 р. с каждого экземпляра. Иногородние прилагают на пересылку за 4 фунта».

МНИМОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ РЫЛЕЕВА

Сообщение Е. Г. Бушканца

В подавляющем большинстве сочинений Рылеева, вышедших в советское время, среди произведений, приписываемых поэту-декабристу, печатается стихотворение:

По чувствам братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба,
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.
Когда ж ударит грозный час
И встанут спящие народы —
Святое воинство свободы
В своих рядах увидит нас.
Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется,
И, верно, отзыв в нем найдется
На неподкупный голос мой.

Начиная с шестидесятых годов стихотворение это распространялось в многочисленных списках.

Первым в качестве рылеевского опубликовал послание «По чувствам братья мы с тобой» в 1917 г. М. Л. Гофман. Он без малейшего сомнения приписал стихи Рылееву. Смело определил он и адресата послания — А. А. Бестужев.

«Для таких стихотворений Рылеев уже почти не имел перед собой образцов и явился в большой степени новатором их в русской поэзии»,— утверждал Гофман [1]. Гипотеза Гофмана, не проверенная критически позднейшими исследователями, прочно вошла в научный оборот.

Следом за Гофманом опубликовал послание в качестве рылеевского Н. В. Измайлов. По его мнению, в тоне стихотворения и в «поэтических приемах нет ничего, что бы противоречило тону и приемам гражданской поэзии Рылеева в период расцвета и зрелости его общественной мысли и поэтического дарования. Если автор его — не Рылеев, то какой-то другой из поэтов его времени и среды; но другого такого поэта, подобного ему, мы не знаем» [2].

Вслед за М. Л. Гофманом и Н. В. Измайловым стихотворение включили в отдел произведений, приписываемых Рылееву, все редакторы собраний сочинений поэта — Ю. Г. Оксман [3], А. Г. Цейтлин [4] и Н. И. Мордовченко [5].

В плену установившейся традиции оказались и составители хрестоматий и сборников избранных произведений декабристов — Б. С. Мейлах, В. Н. Орлов и С. Я. Штрайх [6].

В. Н. Орлов в своих комментариях к однотомнику «Декабристы» (1951) указывает, что хотя «документальных подтверждений авторства Рылеева пока не обнаружено, но давняя традиция, приписывающая ему это стихотворение, серьезных сомнений не вызывает» [7].

С. Я. Штрайх, поместивший в сборнике «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов» по строгому выбору всего лишь около десяти стихотворений Рылеева, включил в это число и послание «По чувствам братья мы с тобой».

Между тем все перечисленные исследователи совершили ошибку: им осталось неизвестным, что в печати, начиная с 1863 г., был неоднократно назван настоящий автор стихотворения — поэт-петрашевец А. Н. Плещеев.

О том, что стихи принадлежат ему, свидетельствует сам Плещеев. В октябре 1889 г. Плещеев получил от нижегородского общественного деятеля А. С. Гацисского какое-то восьмистишие, по поводу которого 8 ноября писал: «Вы спрашиваете меня относительно приведенных в Вашем письме стихов. Эти стихи, действительно, мои; и написаны мною в 1846 г.». В следующем письме от 7 декабря Плещеев добавляет, что в присланном тексте по сравнению с первоначальным вариантом «кое-что изменено: вместо „настанет страшный час“ было: „пробьет желанный час“ и вместо „грозные“ было „спящие“ народы. Кроме того, была еще третья строфа ⟨...⟩

Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется,
И знаю, отзыв в нем найдется
На неподкупный голос мой».

«По этим данным, — замечал публикатор писем Плещеева, Ч. Ветринский, — не трудно будет определить самое стихотворение, которое, вероятно, сохраняется у кого-нибудь в списках» [8].

Ветринский не знал, что стихотворение это было к тому времени уже опубликовано как плещеевское в сборнике А. П. Аристова «Песни казанских студентов» (1904). Правда, стихотворение в сборнике Аристова было напечатано в искаженном виде: вторая строфа напечатана на месте третьей, третья — на месте второй, а в качестве четвертой добавлена первая строфа другого стихотворения Плещеева «Вперед, без страха и сомненья...» [9]

Но и после появления сборника Аристова и после опубликования писем Плещеева стихотворение «По чувствам братья мы с тобой...» продолжало оставаться вне поля зрения редакторов собраний сочинений Плещеева.

Редактор советского издания стихотворений Плещеева (1937) Г. Э. Сорокин ни слова не сказал о послании «По чувствам братья мы с тобой» [10]. Редактор следующего издания стихотворений Плещеева (1950), А. А. Федоров, не прошел мимо упомянутых выше писем Плещеева к Гацисскому и процитировал их во вступительной статье. Выразив сожаление о мнимой утрате стихов, Федоров резюмировал свою мысль так: «Судя по тем выражениям, которые приводит из них Плещеев — „пробьет желанный час“, „спящие народы“, — они по своим принципам, по смысловой сущности и по стилю — были очень близки к напечатанным стихотворениям и, повидимому, отличались от них лишь несколько большей четкостью и резкостью в формулировке основной тенденции — революционной» [11].

А. А. Федоров не заметил, что стихотворение Плещеева, об утрате которого он сожалеет, двадцать лет сряду печатается в собраниях сочинений Рылеева.

В письмах к Гацисскому Плещеев рассказал историю создания этого стихотворения. В 1846 г. он подарил экземпляр первого собрания своих стихотворений Владимиру Милютину. На этой книге он и написал стихи. В письме от 7 декабря 1889 г. Плещеев называет Милютина «автором

известных экономических статей, помещавшихся в конце 40-х годов в „Отечественных записках“». «К сожалению, — пишет далее Плещеев в том же письме, — должно сказать, что человек этот, хотя и очень умный и даровитый, едва ли бы в „желанный час“ стал в ряды того воинства, где хотел его видеть автор».

Следует отметить, что мимо этого указания об адресате послания, весьма ценного для характеристики В. А. Милютина, прошли исследователи, изучавшие значение Милютина в истории русской общественной мысли, — И. Г. Блюмин и С. А. Макашин [12]. Между тем для определения идейных позиций и социально-политических взглядов В. А. Милютина, выдающегося писателя-экономиста и социолога, друга молодости Салтыкова, тот факт, что послание Плещеева адресовано именно ему, представляет большой интерес.

8 ноября 1889 г. Плещеев в одном из своих писем сообщал: «Когда я жил потом в Москве, в 60-х годах, кто-то из молодежи, которому я в разговоре прочел эти стихи, просил меня продиктовать ему их, и записал. Но так как они очень нецензурны и если б их у кого-нибудь нашли, стали бы добиваться, чьи они и проч., то записавший их поставил под ними имя Добролюбова, тогда уже умершего. И впоследствии мне несколько раз случалось слышать, как их при мне цитировали за добролюбовские» [13].

Плещеев говорит о шестидесятых годах, однако в действительности послание распространялось уже в конце пятидесятых. В воспоминаниях о первом студенческом революционном кружке в Казанском университете 1856—1857 гг. Н. Соколовский писал: «Чтобы показать, куда клонилась симпатия образовавшегося кружка, что выработалось в нем в длинные вечера одушевленных бесед, я скажу, что наиболее любимой песней было стихотворение, кажется, Плещеева: „По чувствам братья мы с тобой“. Незнающим этого стихотворения я скажу первый куплет:

По чувствам братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба,
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной» [14].

Это — первое указание на авторство Плещеева. Оно появилось в печати в 1863 г., то есть девяносто лет назад. Из воспоминаний Соколовского следует, что стихотворение было известно в Казани еще до 1856 г., то есть до смерти Добролюбова. Повидимому, распространялось послание именно студентами Казанского университета: здесь учился А. С. Гацисский — адресат писем Плещеева; отсюда в 1861 г. был исключен Платон Некрасов, при обыске у которого, как это недавно выяснилось, было обнаружено послание [15]; наконец, И. Н. Ульянов тоже учился в Казанском университете, а из воспоминаний А. И. Ульяновой-Елизаровой нам известно, что стихотворение это любили в семье Ульяновых [16].

Отныне послание «По чувствам братья мы с тобой» займет свое настоящее место в истории русской революционной поэзии сороковых годов прошлого века.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] М. Л. Гофман. Поэзия К. Ф. Рылеева. Чернигов, 1917, стр. 7.

[2] «Атеней», кн. III. Л., 1926, стр. 29 (публикация по списку из сборника М. И. Семевского начала 1860-х годов).

[3] Рылеев. Стих., стр. 368.

[4] Рылеев. Соч., стр. 424.

[5] К. Рылеев. Стихотворения. Вступ. статья, редакция и примечания Н. И. Мордовченко. Л., 1947 («Библиотека поэта». Малая серия, изд. 2), стр. 275.

[6] «Поэзия декабристов». Л., 1950, стр. 249; «Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика». М. — Л., 1951, стр. 49; «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I. М., 1951, стр. 535.

[7] «Декабристы. Поэзия. Драматургия...», стр. 616—617.

[8] Ч. Ветринский. Материалы по истории русской литературы и культуры. I. А. Н. Плещеев в письмах к А. С. Гацисскому. — «Русская мысль», 1912, № 4, стр. 124—125.

[9] А. П. Аристов. Песни казанских студентов. СПб., 1904, стр. 39.

[10] А. Плещеев. Стихотворения. Вступ. статья, редакция и примечания Г. Сорокина. Л., 1937 («Библиотека поэта». Малая серия).

[11] А. Плещеев. Стихотворения. Вступ. статья, подготовка текста и примечания А. Федорова. Л., 1950 («Библиотека поэта». Малая серия. Изд. 2), стр. XX.

[12] Вступительная статья И. Г. Блюмина к изданию: В. А. Милютин. Избранные произведения. М., 1946; С. А. Макашин. Салтыков-Щедрин. Биография, т. I. М., 1949; изд. 2. М., 1951.

[13] «Русская мысль», 1912, № 4, стр. 125.

[14] Н. Соколовский. Студенческие воспоминания. — «Русское слово», 1863, № 5, стр. 41—42.

[15] Ф. С. Горовой. Революционно-демократическое движение в Пермской губернии. Молотов, 1952, стр. 63.

[16] «А. И. Ульянов и дело 1-го марта 1887 г.». Сборник, составленный А. И. Ульяновой-Елизаровой. М. — Л., 1927 стр. 54.

РЫЛЕЕВ В «ДЕЛЕ» О ВОЛНЕНИИ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН ГРАФА РАЗУМОВСКОГО

Сообщение И. И. Игнатович

В своих воспоминаниях о Рылееве Н. А. Бестужев, рассказывая об избрании Рылеева «заседателем в Уголовный суд по Петербургской губернии», сообщает, что «сострадание к человечеству, нелицеприятие, пылкая справедливость, неутомимое защищение истины сделало его известным в столице. Между простым народом имя и честность его вошли в пословицу». Рылеев был избран заседателем Петербургской уголовной палаты в 1820 г. и прослужил там до 1824 г. Н. А. Бестужев рассказывает такой случай: «Однажды по важному подозрению схвачен был какой-то мещанин и представлен бывшему тогда военному губернатору Милорадовичу. Сделали ему допрос; но как степень виновности могла только объясниться собственным признанием, то Милорадович грозил ему всеми наказаниями, ежели он не сознается. Мещанин был невинен и не хотел брать на себя напрасно преступления; тогда Милорадович, соскуча запирательствами, объявил, что отдает его под уголовный суд, зная, как неохотно русские простолюдины вверяются судам. Он думал, что этот человек от страха суда скажет ему истину, но мещанин вместо того упал ему в ноги и с горячими слезами благодарил за милость.

— Какую же милость оказал я тебе? — спросил губернатор.

— Вы меня отдали под суд, — отвечал мещанин, — и теперь я знаю, что избавлюсь от всех мук и привязок, знаю, что буду оправдан: там есть Рылеев, он не дает погибать невинным!

Это происшествие, — замечает Бестужев, — более всех похвал дает понятие о действиях сего человека» [1].

По словам декабриста Розена, Рылеев в свободное время «хаживал в Губернское правление, вызывался хлопотать за людей безграмотных, бедных или притесненных, так что в последние годы все такие просители хорошо знали его» [2]. Даже ренегат Греч признавал, что Рылеев «служил усердно и честно, всячески старался о смягчении судьбы подсудимых, особенно простых, беззащитных людей» [3]. Упоминая об «известном деле разумовских крестьян», Бестужев пишет: «мнение Рылеева о сих несчастных было написано с силою чувствований, защищавших невинное дело. Император, вельможи, власти, судьи, угождающие силе — все было против; один Рылеев взял сторону угнетенных, и это его мнение будет служить вечным памятником истины — свидетелем, с какой смелостью Рылеев говорил правду» [4].

До сих пор у нас не было никаких документальных данных, подтверждающих свидетельства Н. А. Бестужева. Сейчас по новонайденным архивным материалам нами установлено, что Рылеев выступал с особым мнением по двум делам разумовских крестьян. К сожалению, у нас нет возможности воссоздать в точности выступления Рылеева. Архив

Петербургской уголовной палаты за двадцатые годы прошлого века не сохранился. Но теперь мы более или менее осведомлены о самом волнении крепостных крестьян графа Разумовского в имении Гостилицы Ораниенбаумского уезда Петербургской губернии; кроме того, среди архивных материалов сохранились следы выступлений Рылеева в Уголовной палате [5].

Гостилицкая вотчина (до 1800 крестьян, около 500 дворов), где в 1821—1822 гг. происходило волнение крестьян, три раза судимых в Петербургской уголовной палате, принадлежала обер-камергеру П. К. Разумовскому [6]. Кроме мызы Гостилицы, где находилась господская усадьба и летом жил сам Разумовский, в этой вотчине было несколько деревень и сел: Дятлицы, Новая, Варваровская, Медвежий конец, Перелесы и другие. Крестьяне были положены в $837^1/_2$ тягол. Из них 400 тягол (47,8%) были оброчными, $384^1/_2$ тягол (45,8%) — издельными и 53 тягла (6,4%) состояли при различных должностях на мызе. Оброчные платили с тягла в год по 125 р. Сверх этого они должны были вывезти на своих лошадях из господского леса по одной сажени дров с тягла (что оценивалось на деньги в 10 р.). На оброк отпускались, повидимому, только более состоятельные крестьяне. Когда издельные крестьяне просили в 1821 г. перевести их на оброк, им было отказано. Отказ мотивировался тем, что крестьяне эти «большею частью бедны и нетрезвого поведения, почему и нет надежды, чтобы они в состоянии были платить исправно оброк наравне с прочими крестьянами». И все же оброк был так велик, что и среди оброчных гостилицких крестьян были недоимщики. Недоимщиков жестоко наказывали, но наказания помогали мало. Крестьяне жаловались на невыносимую обременительность оброка. Сам Александр I, как увидим дальше, признал оброк «несоразмерным». Он приказал поставить это на вид Разумовскому, «дабы он понемногу убавлял столь отяготительный оброк и привел его в соразмерность, о коей с.-петербургский ген.-губернатор, снесясь с предводителями, долженствует его известить». Однако мнения губернского и уездного предводителей дворянства разошлись с мнением Александра I. Губернский предводитель дворянства, А. Л. Нарышкин, и уездный предводитель дворянства, которым было поручено в 1821 г. установить размер оброка для гостилицких крестьян, признали этот оброк «неотяготительным». По их мнению, крестьянин с лошадью, живя под Петербургом, мог заработать по 4 р. в день, то есть за 150 дней, которые другие крестьяне работали на барщине, он мог выработать 600 р. Полагая по 2 р. 50 коп. на прокормление лошади и крестьянина, оставалось, по их расчету, от заработка 225 р., из которых помещику оброчный крестьянин отдавал 125 р., а остальные 100 р. шли ему самому.

В особо тяжелом положении находились издельные крестьяне Разумовского. Труд их подвергался жестокой эксплуатации. Зимой, когда в господском хозяйстве было меньше работ, трехдневная барщина более или менее соблюдалась. В зимние месяцы желающие даже отпускались на оброк с обязательством уплачивать 10 р. в месяц. Но в другие времена года, особенно в период полевых работ, Разумовский, игнорируя закон о трехдневной барщине, бесцеремонно захватывал «крестьянские» дни для своих работ. В 1821 г. крестьяне жаловались, что летом бурмистр давал им для «крестьянских» работ «два, а иногда один только день» в неделю, «в сенокосное же время и никакого отдохновения им не давал». Жаловались они также на жестокие наказания за малейшую провинность. Губернатор, посетив Гостилицы в ноябре 1821 г., нашел, что включать все праздничные дни, кроме воскресенья, в число «крестьянских» дней — неправильно. Из-за этого бывали, по его словам, такие недели, когда крестьяне имели возможность работать на себя всего лишь один

или два дня. Починка дорог государственного значения тоже производилась только в «крестьянские» дни. Губернатор признавал, что простой в сельских работах из-за праздничных дней или дней, занятых починкою дорог, должен делиться поровну между помещиком и крестьянами. Александр I тоже признал, что распределение дней между помещиком и крестьянами должно быть «уравнительнее». Уездные же и губернский предводители дворянства считали зачисление всех праздничных дней, кроме воскресений, в счет «крестьянских» делом вполне обычным. По их мнению, «легкий перевес дней в пользу помещика» справедлив, так как доход помещиков «ничем не обеспечен», а состояние крестьян «обеспечено в полной мере». Таким «обеспечением» они считали обязанность помещиков помогать крестьянам в несчастных случаях, при неурожаях и т. п., а также ответственность, которую несли помещики за платеж казенных податей. Предводители дворянства признали лишь, что зимний оброк с издельных крестьян мог быть понижен в виду того дохода, который помещик получал с пашни. Осудили они и тот факт, что дороги государственного значения принято было чинить только в «крестьянские» дни. В этом пункте они вполне разделяли точку зрения губернатора.

Виновником несправедливостей в управлении вотчиной крестьяне считали бурмистра Егорова. В действительности же бурмистр был лишь исполнителем распоряжений самого Разумовского. Судя по донесению гостилицкой конторы от 14 декабря 1821 г., в Гостилицах до 1819 г. управляющие постоянно менялись, а после 1819 г. вотчиной управляла гостилицкая контора: летом — «под личными приказаниями самого помещика», а зимою — «по предписаниям петербургской его сиятельства конторы». Когда в июле 1821 г. начались «беспорядки», распоряжался в Гостилицах сам Разумовский и своими распоряжениями вызвал возмущение крестьян. Егоров, бессменно состоявший в бурмистрах 28 лет, пользовавшийся доверием графа, заменявший управляющих, когда их не было, был усердным исполнителем распоряжений графа. За «усердие» и «доброе поведение» граф дал Егорову и его семейству в марте 1821 г. отпускную с той оговоркой, однако, чтобы они воспользовались ею только после его смерти. Когда летом 1821 г. крестьяне два раза жаловались графу на жестокость Егорова и просили сменить его, Разумовский отвечал: «Не вами бурмистр поставлен, не вами может быть и сменен». Крестьяне были недовольны и более мелкими вотчинными начальниками. По их мнению, «дворским духом» были заражены все — десятники, выборные, даже пастухи, а потому крестьяне желали всех их сменить и самим назначить новых служащих из своей среды.

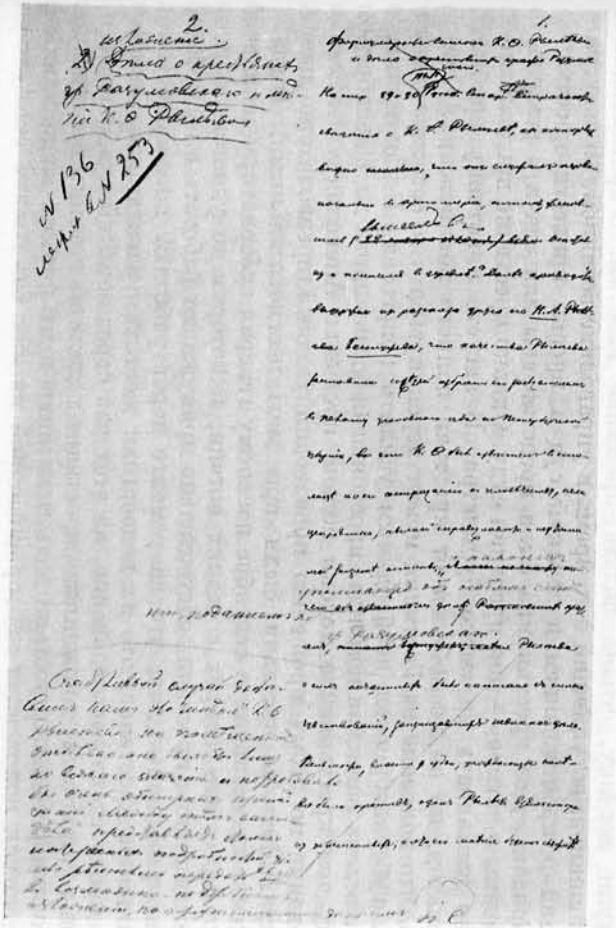
Следует заметить, что волнение гостилицких крестьян в 1821 г. могло быть вызвано и неурожаем. В 1821 г. помещику пришлось выдать крестьянам на засев озимых полей из господских магазинов 980 четвертей зерна. Отчасти продовольственными затруднениями объясняется и отпуск желающих в зимние месяцы идти на заработки в Петербург. Весной 1822 г. вотчинное управление выдало крестьянам овес для обсеменения яровых полей. Но все же не продовольственной нуждой было вызвано крестьянское волнение, тянувшееся в 1821 г. приблизительно четыре с половиною месяца (с июля по конец ноября), вспыхнувшее вновь в январе 1822 г. и продолжавшееся в более слабой форме по крайней мере до весны 1822 г. при непрерывном брожении среди крестьян. Главными причинами волнения, временами очень бурного, было прежде всего тяжелое экономическое положение крестьян, выражавшееся, главным образом, в чрезмерном оброке, в почти ежедневной барщине во время полевых работ и в жестоких наказаниях за малейшую провинность [7].

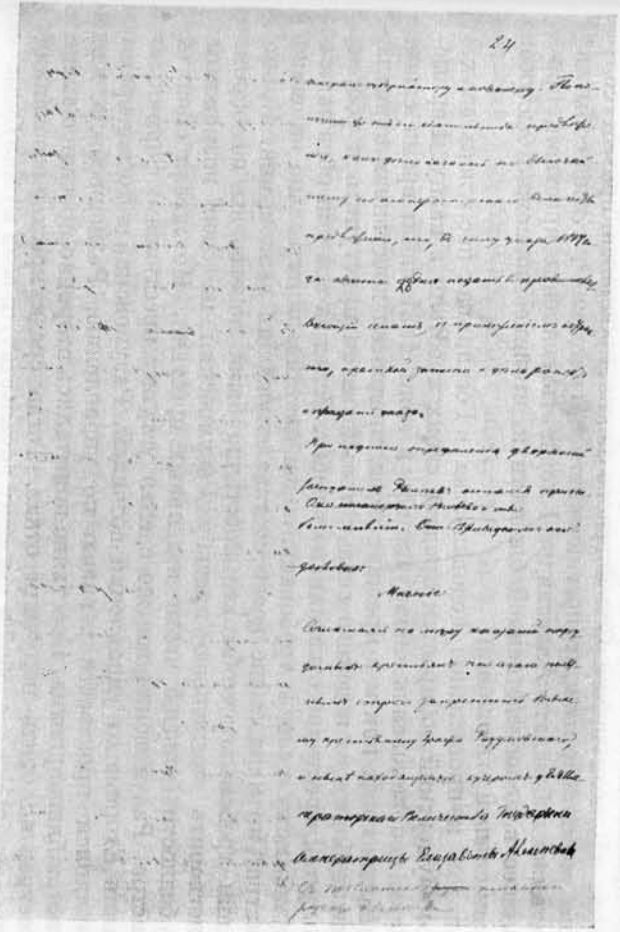
За волнением гостилицких крестьян пристально следили местные власти и сам Александр I. Расследование протекало необычным порядком. Дело находилось в ведении петербургского генерал-губернатора Милорадовича, и к Милорадовичу, минуя министра внутренних дел, направлялись все донесения губернатора и других лиц. На протяжении пяти месяцев в Петербургской палате уголовного суда было решено три дела о неповиновении крестьян Гостилицкой вотчины. Первое, начатое в ноябре 1821 г., предписано было решить в восемь дней. В изъятие из обычного порядка, дела гостилицких крестьян шли из Палаты уголовного суда в Комитет министров и, минуя Сенат, прямо представлялись на утверждение Александру I. В вотчину была введена воинская команда, стоявшая там несколько месяцев. Два раза в Гостилицы вводили по батальону солдат. Но все эти экстраординарные меры объясняются вовсе не силой движения, не упорством крестьян и даже не тем видным положением, какое занимал при дворе сам Разумовский.

Чтобы понять отношение Александра I к волнению гостилицких крестьян, нужно вспомнить события предыдущего, 1820 года, слишком памятного царю. Известно, что в 1820 г. поднялись крестьяне на Дону и в Екатеринославской губернии. Движение охватило более 45 000 человек и грозило перекинуться в другие губернии с более густым крепостным населением. Усмирение донских и екатеринославских крестьян Александр I поручил в 1820 г. А. И. Чернышеву, снабдив его неограниченными полномочиями. На усмирение крестьян Чернышев двинул крупные военные силы. Массовое крестьянское восстание на Дону было не единичным фактом, характеризующим напряженность внутренней обстановки в России к началу 1820-х годов. Доказательством тому является рост крестьянских волнений в пятилетие 1816—1820 гг. С 1801 по 1805 г. было 49 волнений (единичных и затяжных); в 1806—1810 гг.—38; в 1811—1815 гг.—36; в пятилетие 1816—1820 гг. их было 87, то есть число их увеличилось более чем вдвое. В последнее же пятилетие царствования Александра I (1821—1825 гг.) количество волнений спало до 55, — очевидно, под влиянием усилившихся репрессий против крестьян[8].

Все эти факты свидетельствуют, что у Александра I были весьма веские основания для беспокойства. События на Дону в 1820 г., рост крестьянских волнений в 1816—1820 гг. побудили Александра I отказаться от мысли ограничить права донских помещиков и заставили его повсеместно усилить репрессии против крестьян. Девизом его стало: «усмирение прежде всего». «Неповиновения не должны быть терпимы, какой бы ни был источник их, — провозглашал циркуляр министра внутренних дел от 10 июня 1820 г., выражавший взгляд самого царя, — они должны быть немедленно пресекаемы, буде можно мерами кроткими, а в необходимости и мерами вооруженного понуждения». Только после усмирения,—говорилось в циркуляре,—можно приступать к «пресечению притеснений, крестьянам иногда чинимых».

Когда поднялись крестьяне на Дону, Александр I принял меры к тому, чтобы скрыть происходящее. Вся переписка, все рапорты и донесения шли не через Министерство внутренних дел, а непосредственно к А. И. Чернышеву, который и сообщал обо всем лично Александру I в виде всеподданнейших рапортов или в виде писем на имя Аракчеева, а во время отсутствия Аракчеева — на имя статс-секретаря, Н. Н. Муравьева, или начальника штаба, П. М. Волконского. Эти письма докладывались Александру I. Повидимому, волнение крестьян, охватившее громадную вотчину Разумовского, расположенную под самым Петербургом, пробудило в душе царя те страхи перед возможностью массового восстания крепостных, какие он испытал в 1820 г. Напомним также, что





«ИЗЛОЖЕНИЕ ДЕЛА О КРЕСТЬЯНАХ ГР. РАЗУМОВСКОГО И МНЕНИЕ К. Ф. РЫЛЕЕВА»
Анонимная статья неизвестного автора с замечаниями П. А. Ефремова, лл. 1 и 24
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

1820 год был годом восстания Семеновского полка: Александр I убедился, что даже гвардейские полки ненадежны. Как известно, во время возмущения семеновцев в соседних казармах были разбросаны прокламации, призывавшие к борьбе с царем и помещиками, угнетавшими крестьян. «В возмущении Семеновского полка проявился протест солдатской массы против крепостнического угнетения»[9]. Эти события могли также побуждать Александра I подавить волнение крестьян, происходившее в непосредственной близости к столице, возможно быстрее и с наименьшей оглаской.

Поводом к проявлению недовольства в Гостилицах послужил слух, будто Разумовский собирается продать своих крестьян в казну. Первые признаки неповиновения обнаружились в июле 1821 г. во время сенокоса. Когда граф, как и в прежние годы, предписал крестьянам сначала окончить уборку господского сена и только затем приступить к уборке своих лугов, крестьяне отказались от работ. Вслед за тем они обратились к Разумовскому с рядом требований. Они настаивали не только на смене бурмистра, но и на смене всего состава служащих в экономии. Кроме того, они требовали, чтобы все крестьяне были переведены на оброк. Удовлетворить последнюю просьбу Разумовский не счел возможным из-за бедности большой части издельных крестьян. Не желая сменять бурмистра, Разумовский все же сделал уступку крестьянам: формально устранив Егорова от управления вотчиной, Разумовский в то же время распорядился произвести ревизию по управлению. Ревизия была для бурмистра благоприятна. Крестьяне попытались вторично просить о смене бурмистра, но опять получили отказ. Тогда среди крестьян возникла мысль обратиться с жалобой к высшему начальству, и если нужно будет — дойти до самого царя. Вотчина пришла в движение. Крестьяне собирали сходы, совещались. 13 августа двое крестьян скрылись — очевидно, они покинули вотчину, чтобы подать прошение властям. Управляющий Прянишников, вступивший в то время в управление вотчиной, 16 августа сообщил о происходящем в земский суд и просил привести крестьян «в порядок». Два крестьянина были представлены для сдачи в рекруты без зачета, а четыре — для предания суду. Однако крестьяне продолжали упорно настаивать на смене бурмистра. В августе в вотчину прибыл губернатор, но он не добился от крестьян полного повиновения. Опасаясь, что волнение из Гостилиц может перекинуться и в соседние вотчины, губернатор счел необходимым усилить репрессии. В Гостилицы была введена воинская команда, простоявшая здесь вплоть до 1 декабря. Между тем крестьянские ходоки подали прошение Александру I. Расследование по этому прошению производил уездный предводитель дворянства. Жалобы крестьян были признаны неосновательными. Тогда крестьяне представили в сентябре военному генерал-губернатору заявление от крестьян четырех соседних вотчин, в котором те удостоверяли, что гостилицких крестьян действительно принуждают работать в воскресные и праздничные дни, что на ремонте дорог работают поголовно все гостилицкие крестьяне, что их подвергают жестоким наказаниям. Снова было произведено расследование, на этот раз через земский суд. Расследование установило: гостилицкие крестьяне ходили из вотчины в вотчину и просили соседних крестьян дать показания в их пользу; за крестьян двух вотчин подписался конторщик одной из них без всякой с их стороны просьбы. Гостилицкие ходоки были преданы суду, а с соседних крестьян была взята подписка, что впредь они подобных удостоверений без разрешения правительства давать не станут.

Между тем, несмотря на присутствие воинской команды, движение разрасталось. В октябре воинская команда была увеличена до ста человек. В Гостилицы был послан полковник Пороховников объявить кре-

стьянам, что все их жалобы признаны неосновательными. Пороховников сообщил властям, что крестьяне уклоняются от своих обязанностей, «оказывая явное неповиновение». В то же время начались беспорядки и в соседней вотчине гр. Румянцева. Хотя неповиновение в румянцевской вотчине было быстро прекращено земской полицией, но все же это побудило генерал-губернатора принять спешные меры к подавлению беспорядка в Гостилицах. 4 ноября 1821 г. он сделал представление начальнику Главного штаба о необходимости ввести в Гостилицы воинскую команду, достаточно многочисленную для предупреждения всяких беспорядков.

В начале ноября в Гостилицах произошли новые события. К тому времени из вотчины скрылись уже 14 человек. В ночь с 5-го на 6-е ноября они явились в деревню Новую и собрали сходку, на которой было решено идти всем миром в Петербург с жалобой к царю; затем толпа крестьян отправилась в деревню Медвежий конец, а оттуда направилась в деревню Дятлицы, но здесь вмешалась воинская команда и задержала 85 человек (шестеро были из числа скрывшихся четырнадцати). Пятьдесят человек все же ушло в Петербург, чтобы снова подать жалобу Милорадовичу или императрице Марии Федоровне. Часть из них была захвачена в Петербурге полицией. Об этом доложили Александру I, и он, изъяв дело из обычного порядка, приказал передать записку о гостилицких крестьянах в Комитет министров. В это время пришло новое известие, что утром 7 ноября около 200 крестьян собралось на мызе, требуя освобождения арестованных. Получив отказ, они сначала ушли, но затем собрались снова в еще большем числе и стали кричать арестованным, чтобы они выходили на свободу. Те стали отпирать окна и ломать двери, пока военный караул не заставил их прекратить борьбу. Пришедшие старались ворваться на двор мызы, но, встретив отпор солдат, разошлись по деревням. Обо всем этом, по повелению Александра I, была внесена записка в Комитет министров.

9 ноября Комитет министров рассмотрел дело гостилицких крестьян и поручил гражданскому губернатору усмирить их. В Гостилицы был введен батальон солдат и оставлен там впредь до особого распоряжения. Губернатору поручалось подвергнуть полицейскому наказанию всех крестьян, которые будут упорствовать в неповиновении, и предать суду «начинщиков» и тех, которые станут упорствовать после наказания. Предписывалось окончить суд во всех инстанциях в восемь дней. Только после усмирения генерал-губернатор должен был «обратить особенное внимание на благосостояние» крестьян и «управление» ими. 10 ноября Александр I утвердил постановление Комитета министров.

11 ноября губернатор был уже в Гостилицах; тогда же вступил туда батальон 2-го Карабинерного полка с частью кавалерии и расположился по деревням на квартирах. 12 ноября на мызе в Гостилицах собралось более 400 крестьян; были приведены и находившиеся на мызе под караулом 85 человек. В присутствии губернского предводителя дворянства губернатор внушал крестьянам необходимость повиноваться помещику. Группа крестьян (21 человек) была подвергнута наказанию, остальные присмирели и дали обещание беспрекословно выполнять все господские работы. Отдано под суд было шесть человек из числа скрывавшихся и агитировавших на тайных сходках. Кроме них были преданы суду арестованные раньше 17 человек, уже сидевшие в ораниенбаумской тюрьме. Войско было оставлено в вотчине.

В этот свой приезд губернатор более внимательно разобрал требования крестьян гостилицкой вотчины и признал, что относить дни праздников и ремонта дорог в счет «крестьянских» дней неправильно. В ответ на это Разумовский обратился с просьбой к губернатору назначить комиссию

из помещиков Ораниенбаумского уезда и поручить ей обследовать на месте экономические порядки в Гостилицах.

Между тем в Петербурге были задержаны 13 крестьян, которые, отчаявшись получить защиту у помещика, решили искать ее у правительства. «Все, старые и малые, мужья и жены, сыновья и дочери» намеревались «сойтить с мест жилищ их и со слезами повергнуться к стопам его императорского величества». Но шествие крестьян к царю не состоялось.

К тому времени был вынесен приговор Петербургской уголовной палаты по делу о выступлении крестьян в начале ноября 1821 г. Было предложено десять человек наказать кнутом и сослать в каторжные работы в Нерчинск, в кандалах; десять — наказать плетьми (по сорока ударов) и предоставить помещику решить: оставит ли он их у себя в вотчине или удалит, отдав годных в рекруты, а непригодных отправив в ссылку на поселение.

Ноябрьский приговор уголовной палаты был немедленно внесен в Комитет министров, который решил, во избежание потери времени, немедленно привести его в исполнение, не представляя в Сенат. Александр I, которому приговор был представлен на утверждение, заменил для первых десяти человек кнут — плетьми со ссылкой их с семьями в Сибирь на поселение. Разумовский, со своей стороны, заявил о своем желании оставить в вотчине десять человек, судьба которых после наказания была поставлена в зависимость от его воли, и просил вернуть ему шесть человек из первого десятка осужденных. Это ходатайство было удовлетворено. Таким образом, на поселение в Сибирь отправлены в конце концов четыре семьи.

Приговор был приведен в исполнение 30 ноября в присутствии губернатора, воинской команды, всех гостилицких крестьян, а также крестьян соседних вотчин. Одни громко выражали возмущение наказанием, другие заявляли, что готовы идти в Сибирь вместе с осужденными. Толпа шумела и после окончания экзекуции долго не желала расходиться. Крестьян разогнали силой. Однако во время отправки четырех семейств на поселение не было ни шума, ни сборищ. Ввиду установившегося «спокойствия» 1 декабря 1821 г. батальон был выведен из Гостилиц.

Внешний порядок в вотчине был восстановлен, но брожение не улеглось. Многие крестьяне продолжали скрываться. 4 января 1822 г. гражданский губернатор сообщил Милорадовичу, что крестьяне гостилицкой вотчины собрали 30 декабря самовольную сходку, а на другой день двое из них явились к управляющему с заявлением, что они не знают, «чьи они теперь и кому повиноваться». Управляющий объяснил, что они попрежнему принадлежат Разумовскому, но крестьяне выслушали его недоверчиво. 1 января к управляющему явилась толпа крестьян, человек в 400, с заявлением, что так как им неизвестно, кому они теперь принадлежат, они до решения дела не будут ни платить оброка, ни ходить на «господскую» работу. По их словам, десять человек по мирскому приговору пошли с просьбой к самому царю. Крестьяне на суде подтвердили, что на другой же день после этого заявления на «господскую» работу вышли только пять человек, а на третий день и те перестали ходить.

Милорадович доложил об этом Александру I, который немедленно распорядился послать в Гостилицы батальон солдат с приказом оставаться там до тех пор, пока крестьяне не успокоятся. В то же время восстановить спокойствие и выяснить причину новых беспорядков Александр I поручил генерал-лейтенанту Гладкову, известному усмирителю костромских крестьян Н. Ф. Грибоедовой, который в 1822 г. был обер-полицеймейстером в Петербурге. Гладков, — по формулировке журнала

Комитета министров от 11 апреля 1822 г., — «нашел там не только противу помещика и управляющего совершенное неповиновение и буйство, но даже ослушность и его приказаниям». Было арестовано и предано суду 13 человек.

29 марта Разумовский, недовольный медлительностью суда, обратился к Милорадовичу с письмом, в котором объяснял непокорность крестьян тем, «что длится дело о преданных суду более буйных их товарищей и остаются без преследования их руководители». К письму было приложено донесение управляющего, сообщавшего, что крестьяне отказались от пособия на яровой посев. Этот отказ управляющий объяснял намерением крестьян «оставить поля свои незасеянными и привести себя в расстроенное положение, дабы иметь повод после жаловаться, что они разорены». Разумовский добился быстрого окончания дела. 11 апреля 1822 г. приговор Уголовного суда был внесен в Комитет министров. Уголовная палата признавала, что следовало бы выяснить причины нового возмущения, но решила не делать этого, «дабы отдалением времени крестьяне не содержались под стражею, прочие же вновь не приступили к дерзким намерениям». Поэтому Палата, на основании донесений управляющего и удостоверения Гладкова в виновности крестьян, преданных суду, приговорила трех человек к наказанию кнутом (по десяти ударов каждому), с последующею ссылкою в Нерчинск в каторжные работы. Семь человек были приговорены к плетям — по двадцати ударов; помещику было предоставлено право решить вопрос об их дальнейшей судьбе — оставить их в вотчине, отдать в рекруты или же отправить в ссылку на поселение.

Как видим, сама Палата уголовного суда признавала, что выяснить причины возмущения крестьян необходимо, но еще нужнее было, с точки зрения власть имущих, как можно скорее добиться повиновения крестьян, запугав их суровостью приговора. Фактически Палата уголовного суда основывала свой приговор только на сведениях, доставленных управляющим Разумовского, и на заявлениях Гладкова.

При обсуждении этого дела в Палате уголовного суда Рылеев принял в нем активное участие. Он выступил против необоснованного решения Палаты, приговорившей обвиняемых к кнуту, каторге, плетям, не обследовав даже причин их поступков. Он остался при особом мнении, которое в письменной форме было представлено Палатой вместе с ее постановлением в Комитет министров. Мнение Рылеева было включено в «Журнал Комитета министров» от 11 апреля 1822 г. «Дворянский заседатель палаты уголовного суда, Рылеев, — говорится там, — подписав означенный приговор, остался при особом мнении, что как дело подсудимых основалось только на донесениях управляющего вотчиной гр. Разумовского и на предположении обер-полицеймейстера и что из показаний подсудимых не видно ни причины возмущения, возникшего после решения, ни виновников и главных зачинщиков оного, *то и не может он приступить к обвинению кого-либо из подсудимых*» (курсив наш. — *И. И.*). Таким образом, Рылеев отказался от участия в составлении приговора. Это был протест против грубой расправы с крестьянами, совершаемой даже без соблюдения существующих законов.

Но мнение Рылеева, конечно, не получило поддержки. В Комитете министров Милорадович предложил утвердить приговор, не доводя его до Сената, как следовало бы сделать ввиду большого числа приговоренных; мотивировалось это опять-таки «прежним ходом дела о начинщиках ослушания крестьян гостилицкой вотчины и во избежание потери времени». Милорадович подкрепил свое мнение вышеприведенным письмом Разумовского от 29 марта 1822 г. Комитет министров стал на точку зрения Милорадовича и решил привести приговор Палаты в исполнение; Александр I его утвердил.

22 апреля в Комитете министров был заслушан приговор Палаты уголовного суда по делу 13-ти крестьян, арестованных, как выше указывалось, в декабре 1821 г. Палата приговорила восемь человек к наказанию плетьми от трех до тридцати ударов с отдачею затем на волю помещика. Пять человек были приговорены к плетям по двадцати ударов; после наказания они должны были быть оставлены в вотчине. Эти крестьяне обвинялись в том, что они участвовали в тайных сходках, агитировали за продолжение хлопот по жалобам на управление графа, собирали деньги на расходы и посылали ходоков в Петербург. При разборе этого дела снова выступил Рылеев и снова остался при особом мнении. Это «мнение», по словам неизвестного автора посвященной Рылееву статьи (см. прим. 5), было поставлено в Палате на голосование, но члены Палаты не согласились с ним. Палата ограничилась представлением «мнения» Рылеева в письменной форме, вместе со своим постановлением генерал-губернатору, а Милорадович передал то и другое в Комитет министров. «Мнение» Рылеева было зафиксировано в «Журнале Комитета министров» от 22 апреля 1822 г. Рылеев, в частности, предлагал: «Почитаю необходимым для предупреждения могущего вновь возникнуть неповиновения крестьян в вотчине гр. Разумовского послать, по избранию правительства, благонадежного чиновника для исследования на месте, действительно ли бурмистр Николай Егоров делает крестьянам притеснения, как то показывают некоторые из подсудимых, и если делает, то в чем оные состоят; а как из первоначально производившегося в палате дела видно, что бурмистр действует не сам собою, а по установлениям, издавна в вотчинной конторе существующим, то исследовать: нет ли чего отяготительного в сих установлениях»[10].

Это предложение Рылеева тоже не было принято. Милорадович предложил утвердить и исполнить приговор Палаты, с чем согласился и Комитет министров. В заседании 6 июня было объявлено о высочайшем утверждении постановления Комитета министров от 22 апреля 1822 г.

Непосредственных результатов двукратные выступления Рылеева в защиту крестьян Разумовского не дали, да и не могли дать, — это резко противоречило бы политике самодержавия, направленной на всемерное подавление крестьянского движения, в какой бы оно форме ни выражалось. Правительство расправилось с крестьянами так, как считало нужным. Но важно то, что в Палате уголовного суда прозвучал смелый протест Рылеева против крепостнического произвола, против расправы с крестьянами, производимой даже без надлежащего расследования причин «возмущения». Рылеев счел возможным гласно выступить против знатного вельможи, обер-камергера графа Разумовского, хорошо известного царю и пользовавшегося влиянием в придворных и дворянских кругах. Рылеев указал, что причины крестьянских волнений кроются в личных распоряжениях Разумовского, из чего вытекало, что он и является первым и главным виновником беспорядков. «Мнения» Рылеева изложены в самой краткой и лаконичной форме. Несомненно, что в действительности Рылеев говорил больше, ярче, убедительнее, чем и объясняется восторженный отзыв Бестужева о выступлении Рылеева в Уголовной палате.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Бестужевы, стр. 13.
[2] Розен, стр. 101.
[3] Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М.—Л., 1930, стр. 442.
[4] Бестужевы, стр. 13—14.
[5] О выступлениях Рылеева по делу крестьян графа Разумовского см.: а) ЦГИАЛ, архив Министерства юстиции, 1821 г., д. 60; б) ЦГИАЛ, архив Комитета министров, «Журнал Комитета министров» от 11 апреля и от 22 апреля 1822 г.

Кроме того, в ИРЛИ сохранилась анонимная статья — «Изложение дела о крестьянах гр. Разумовского и мнение К. Ф. Рылеева» с замечаниями П. А. Ефремова. Статья, видимо, была написана еще до уничтожения архива Петербургской палаты уголовного суда; однако автор статьи использовал не все дела о крестьянах Разумовского, и второе выступление Рылеева по этому делу в его работе не отразилось. Но в руках автора было «мнение», написанное рукою Рылеева, и оно помещено в статье полностью. Считаем нужным отметить, что в журналах Комитета министров (куда на рассмотрение вносились приговоры Палаты уголовного суда вместе с «особыми мнениями» Рылеева), «мнения» эти изложены как бы от третьего лица. Сличение текста «мнения» Рылеева, помещенного в статье, с текстом в «Журнале Комитета министров» показывает, что в «Журнале» это «мнение» приведено дословно. Упущена лишь одна ссылка Рылеева на показание крестьянки Марии Евсеевой о Никифоре Юдине. Можно думать, что и «особое мнение» Рылеева по другому делу крестьян графа Разумовского, обсуждавшемуся в Комитете министров 11 апреля 1822 г., тоже передает точно запись самого Рылеева. К сожалению, Рылеев делал записи сухо, лаконично, без той «силы чувствования», о которой вспоминал Н. А. Бестужев. Изложенное автором статьи дело крестьян Разумовского не может быть нами проверено, так как подлинное «дело» Палаты уголовного суда уничтожено. Следует отметить неполноту сведений, которыми располагал автор статьи. Сходки крестьян в начале декабря 1821 г., по его словам, кончились для крестьян благополучно; о предании суду 13 человек автору статьи не было известно; не знал он и о приговоре Палаты по этому делу и об «особом мнении» Рылеева по поводу приговора. Характеризуя первое выступление Рылеева, автор пытается доказать, что в нем «нет смелого голоса в защиту угнетенных крестьян». Одновременно автор статьи изображает главным защитником крестьян Александра I. П. А. Ефремов, редактируя статью, вычеркнул эти рассуждения, заметив на полях: «преглупое resumé».

[6] ЦГИАЛ: а) архив Министерства внутренних дел, департамент полиции исполнительной, 1821, д. 32; б) архив Министерства юстиции, 1821, д. 60; в) архив Комитета министров, 1822, «Журнал Комитета министров» за апрель 1822 г.; г) архив с. е. и. в. канцелярии, 1820, д. 3344; д) там же, 1821, д. 3687. См. также: С. М. Середонин. Исторический обзор деятельности Комитета министров, т. I. СПб., 1902, стр. 343—347; рукопись «Изложение дела о крестьянах гр. Разумовского и мнение К. Ф. Рылеева», с замечаниями П. А. Ефремова (ИРЛИ).

[7] Можно предположить, что волнение среди гостилицких крестьян было вызвано до некоторой степени слухами, порожденными восстанием Семеновского полка в 1820 г. Прокламации, которые разбрасывались в Петербурге в солдатских казармах во время восстания и после него, могли стать известными гостилицким крестьянам, ходившим на заработки в столицу. Но это только предположение.

[8] См. И. И. Игнатович. Крестьянские волнения первой четверти XIX в.— «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 49.

[9] История СССР, т. II. Россия в XIX веке. Под ред. М. В. Нечкиной. Изд. 2. М., 1949, стр. 122.

[10] Цитируем по указанной анонимной рукописи (лл. 27 об. — 28). На рукописи помета П. А. Ефремова: «с подлинника, писанного рукою Рылеева» (см. также прим. 5).

НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ РЫЛЕЕВА «ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»

Сообщение Л. Н. Назаровой

В первой четверти XIX в. многие русские литераторы, независимо друг от друга, начали проявлять интерес к созданию разного рода энциклопедий и словарей. Вызвано это было настоятельной потребностью систематизировать разрозненные сведения о русских общественных деятелях и писателях и дать историческую оценку их деятельности.

Еще в 1805 г. в «Друге просвещения» начал печататься «Новый опыт исторического словаря о русских писателях» (прекратившийся в 1806 г. вместе с самим журналом).

В 1817 г. организатор Вольного общества любителей российской словесности А. А. Никитин представил на рассмотрение проект следующих изданий: 1) полной «Российской энциклопедии», 2) дополнений к «Историческому словарю о великих мужах России», составленных из «жизнеописаний многих великих людей отечества» и 3) нового иконологического словаря. Частично этот проект был реализован; так, в «Соревнователе просвещения и благотворения» появилось не мало жизнеописаний, которые, очевидно, предназначались для «Исторического словаря» (например, «Жизнь В. П. Петрова», «Жизнь И. И. Шувалова», «Сердечная дань памяти Державина» и др.) [1]. Некоторые жизнеописания, подготовленные для «Исторического словаря», появились в 1818 г. в «Пантеоне славных российских мужей» (ч. 4-я).

В 1822 г. в «Новостях литературы», издававшихся А. Ф. Воейковым и В. И. Козловым, помещен был «Список всех российских светских писателей от Рюрика до наших дней, по азбучному порядку» [2]; составителем «Списка» был, видимо, В. Г. Анастасевич.

Наконец, ближайший друг и соратник Рылеева, А. А. Бестужев, в статье «Взгляд на старую и новую словесность в России», напечатанной в «Полярной звезде» на 1823 г., сделал краткий, но систематизированный обзор литературной деятельности русских писателей, начиная от Феофана Прокоповича и Кантемира и кончая современниками.

Подобного же рода интересы, как показывают публикуемые материалы, были характерны и для Рылеева.

* * *

В Рукописном отделе ИРЛИ хранится одна из ранних рукописей Рылеева, представляющая собой заготовки для задуманного им «Исторического словаря русских писателей» [3].

I. Правая половина первого (24-го) листа оторвана; слева помещен «Реестр кни⟨г⟩, которые могут сл⟨ужить⟩ для словаря истори⟨ческого⟩ ⟨русских⟩ писателей». Реестр состоит из 28 названий; перечислены в нем

преимущественно периодические издания. На обороте листа помещен перечень еще восьми книг — от № 18 до № 25 включительно (первые 17 номеров помещались, очевидно, на оторванной половине листа). Список книг отделен чертой от списка писателей, имена которых Рылеев, видимо, собирался включить в словарь; список состоит из 14 фамилий.

II. На втором листе (л. 25; нижняя половина его оторвана) сохранились еще пять фамилий писателей с несколькими заметками.

III. И, наконец, десять листов, сшитых вместе, заняты материалами для «Исторического словаря русских писателей» на букву «К».

Прежде всего следует обратиться к рассмотрению «Реестра кни⟨г⟩», который помещен на первом листе: это дает возможность установить дату начала работы Рылеева над «Историческим словарем русских писателей». Для составления «Реестра» Рылеев, несомненно, воспользовался 3-й частью книги В. С. Сопикова «Опыт российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на славенском и российском языках, от начала заведения типографий до 1813 года» (СПб., 1815). Именно здесь, в разделах «ежемесячные и периодические сочинения» и «еженедельные сочинения», помещены названия подавляющего большинства изданий, включенных Рылеевым в его «Реестр». (Естественно, что у Сопикова Рылеев не нашел указаний на те журналы, которые начали выходить после 1813 г., например, на «Амфион», «Дух журналов», «Пантеон славных российских мужей», «Российский музеум», «Украинский вестник».)

Вот этот «Реестр» (в ломаных скобках восстанавливаем текст, находившийся на оторванной половине):

РЕЕСТР КНИ⟨Г⟩, КОТОРЫЕ МОГУТ СЛ⟨УЖИТЬ⟩ ДЛЯ СЛОВАРЯ ИСТОРИ⟨ЧЕСКОГО⟩ ⟨РУССКИХ⟩ ПИСАТЕЛЕЙ

1. Деяния знаменитых ⟨полководцев и министров⟩, служивших в царствов⟨ание государя императора Петра Великого, с портретами их. Соч. Дмитрия Б. Каменского. 2 ч. М., 1812—1813⟩
2. *Амфион. Изд. Мерзл⟨якова⟩*
3. *Вестник Европы все ⟨годы⟩*
4. Драм⟨атический⟩ вестник
5. Друг детей на 1809
6. *Друг просвещения на ⟨1804—1806⟩*
7. Друг юношества. Нев⟨зорова⟩
8. Дух журналов
9. Ежемесяч⟨ные⟩ сочинения с ⟨и известия о ученых делах. СПб., 1763—1764⟩
10. Жур⟨нал⟩ истор⟨ический⟩
11. Жур⟨нал⟩ р⟨оссийской⟩ словесности
12. Зеркало света
13. Зритель
14. *Известия академиче⟨ские⟩*
15. Ипокрена, или утехи ⟨любословия⟩
16. Любитель ⟨российской⟩ словеснос⟨ти⟩
17. Москов⟨ский⟩ журнал
18. Моск⟨овский⟩ зритель
19. Москов⟨ский⟩ Меркурий
20. Москов⟨ский⟩ собеседник
21. Москов⟨ское⟩ издание 178⟨1 г.⟩

22. *Пант⟨еон⟩ славных росс⟨ийских мужей⟩*
23. Российский музеум
24. Русский вестник
25. *Санкт⟨петербургский⟩ вестник*
26. Сын отечества
27. Украин⟨ский⟩ вест⟨ник⟩
28. Цветник

На обороте листа перечислены еще восемь книг, которые, по мнению Рылеева, очевидно, тоже могли быть использованы в работе над словарем:

18. Пантеон слав⟨ных⟩ российских мужей
19. Соревнователь просвещения ⟨и благотворения⟩
20. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина ⟨греко-российской церкви⟩ 2 ч. ⟨СПб., 1818⟩
21. Труды Общества любителей российской словесности
22. Материалы для истории просвещения в России ⟨собираемые Петром Кеппеном⟩
23. Начерт⟨ание⟩ жизн⟨и⟩ ⟨и деяний московского митрополита⟩ Платона. 2 к⟨ниги⟩ ⟨М., 1818⟩
24. Труды Общ⟨ества⟩ наук, ⟨состоящего⟩ при ⟨императорском⟩ Харьк⟨овском⟩ унив⟨ерситете⟩
25. Стихотвор⟨ения⟩ древн⟨е⟩россий⟨ские⟩ ⟨М., 1817⟩

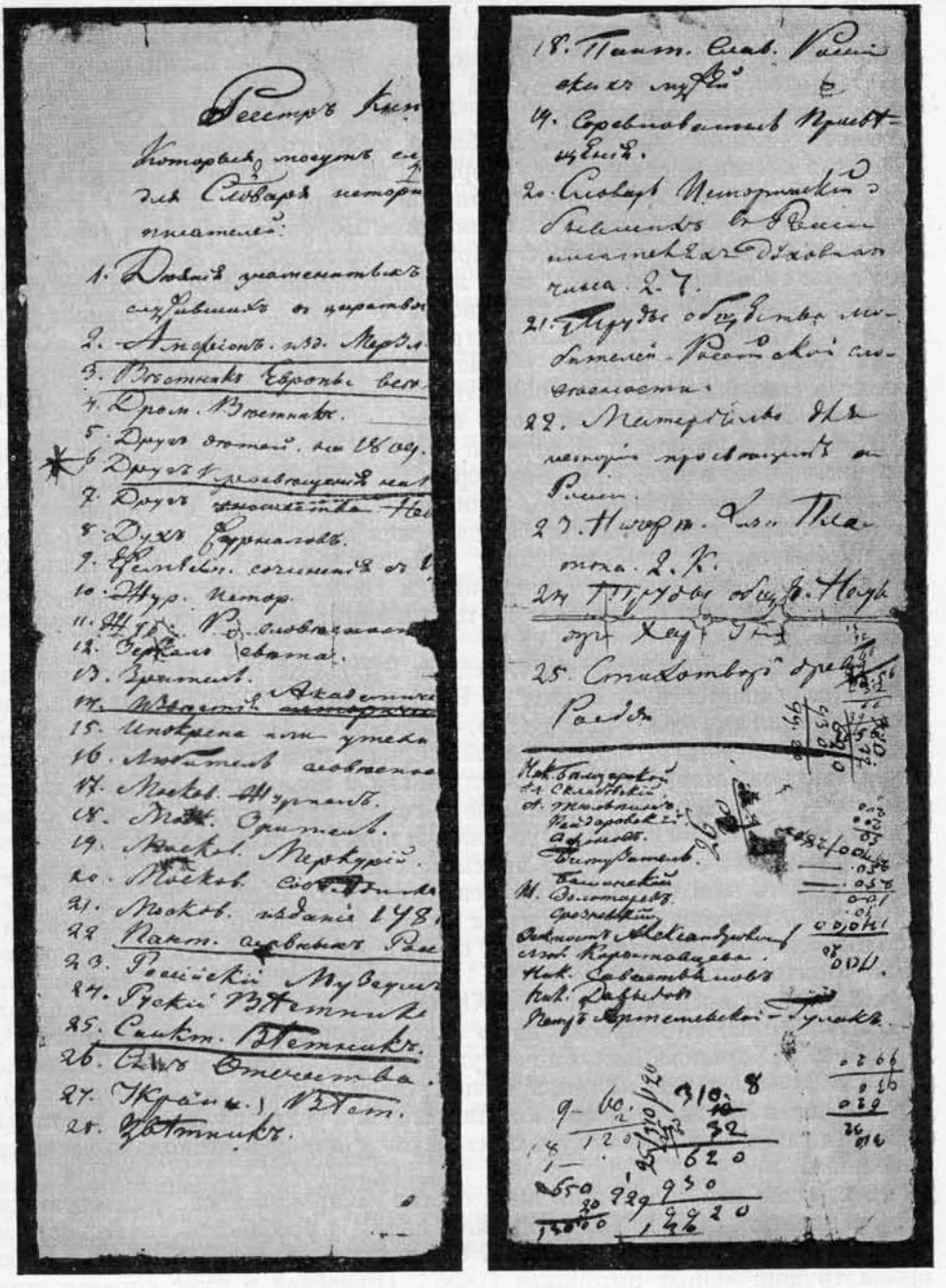
На втором листе сохранившейся части списка (№ 19) указан «Соревнователь просвещения», который начал издаваться в 1818 г. Значит, ранее этого года Рылеев не мог начать работу над словарем. С другой стороны, нужно иметь в виду, что поэт не упоминает нигде журнала «Невский зритель», выходившего с января 1820 г. Между тем Рылеев сотрудничал в «Невском зрителе» и собирался даже стать одним из его издателей, о чем он писал жене 2 декабря 1820 г.[4] Поэтому отсутствие «Невского зрителя» в «Реестре книг» Рылеева, где перечислены все наиболее известные и распространенные периодические издания конца XVIII — начала XIX в., вряд ли случайно. Из этого следует, что Рылеев делал заготовки для задуманного, но не осуществленного им «Исторического словаря русских писателей» не позднее 1819 г., то есть еще до того времени, когда «Невский зритель» начал выходить в свет.

* * *

Как уже упоминалось выше, на том же листе (1 об.) перечислены фамилии четырнадцати писателей:

Ник. Белозерский	Ив. Золотарев
Ал. Склабовский	Срезневский
А. Тюльпин	Феоктист Александрович
Райдоровский	Люб. Короставцева
Афонов	Ник. Савостьянов
Батузатель	Ник. Давыдов
Башинский	Петр Артемовский-Гулак

Из них тринадцать, как установлено нами, были сотрудниками журнала «Украинский вестник», выходившего в Харькове в 1816—1819 гг. Это — Н. Д. Белозерский, А. В. Склабовский, А. М. Тюльпин, Ю. И. Райдоровский, П. Батузатель, Ст. Башинский, И. Я. Золотарев, И. Е. Срезневский, Ф. Ф. Александрович, Люб. И. Короставцева, Н. М. Савостьянов, Н. Давыдов и П. П. Гулак-Артемовский.



ЧЕРНОВЫЕ ЗАПИСИ РЫЛЕЕВА ДЛЯ ПОДГОТОВЛЯВШЕГОСЯ ИМ «ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ» 1818—1819 гг.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Биография Рылеева за острогожский период (то есть до переезда поэта в Петербург), к сожалению, мало изучена, и поэтому мы не имеем пока сведений о том, встречался ли Рылеев в Харькове с сотрудниками «Украинского вестника». Но не подлежит сомнению, что Рылеев был внимательным читателем этого журнала, который, например, в 1818 г. выписывали в Острогожске генерал-майор Д. М. Юзефович, поручик Н. Станкевич и уездное училище[5]. Острогожск, вблизи которого стояла рота Рылеева, входил в состав Воронежской губернии, но «по быту и привычкам населения — тянул к Слободско-украинской губернии»[6], центром которой был Харьков. «Малороссийские помещики Воронежской губернии, сравнительно со своими русскими собратами, отличались большею образованностью, бóльшим достатком и лучшим домоводством. Они меньше кутили и совсем не были падки на военную службу ⟨...⟩ Они больше учились ⟨...⟩ Связь их с главным центром малороссийской Украины, Харьковом, была всегда сильна», — вспоминает Де-Пуле[7]. Наиболее образованными семьями в местном обществе были Станкевичи, Фирсовы, Шидловские, Ховрины, Веневитиновы и др.

В письме к матери от 10 августа 1817 г. Рылеев сообщал: «Мы расположены на лето в слоб⟨оде⟩ Белогорье, в полуверсте от Дона. Время проводим весьма приятно: в будни свободные часы посвящаем или чтению, или приятельским беседам, или прогулке ⟨...⟩ Иногда посещаем живущую в слободе вдову, генерал-майоршу Анну Ивановну Бедрягу ⟨...⟩ Дом весьма почтенный и гостеприимный, и мы в оном приняты, как нельзя лучше. В праздничные дни ездим к другим помещикам...»[8]

В острогожский период своей жизни Рылеев много и серьезно читал; это подтверждается и рассказом А. В. Никитенко. «Там, у прилавка, нас уже опередил молодой офицер ⟨...⟩,—вспоминает Никитенко о случайной встрече с Рылеевым в острогожской книжной лавочке. — Он потребовал „Дух законов“ Монтескье, заплатил деньги и велел принести себе книги на дом. —„Я с моим эскадроном не в городе квартирую“, — заметил он купцу, —„мы стоим довольно далеко. Я приехал сюда на короткое время ⟨...⟩ прошу вас, не замедлите присылкою книг. Я остановился (следовал адрес). Пусть ваш посланный спросит порутчика Рылеева“»[9].

Интерес Рылеева к харьковским писателям — сотрудникам «Украинского вестника», фамилии которых он собирался включить в «Исторический словарь русских писателей», вполне понятен. По словам автора статьи в «Украинском вестнике», Харьков в начале XIX в. был «обязан славою своей любви к просвещению и промышленности в его жителях» [10]. В 1805 г. в Харькове был основан университет, в котором к 1819 г. было уже около 400 студентов (при общем числе жителей в 20 000 человек). Кроме того, в Харькове существовали гимназия, уездное училище, институт благородных девиц, коллегиум, приходское училище и несколько частных пансионов.

Интересен преподавательский состав Харьковского университета первой четверти XIX в. Так, например, кафедру российской словесности и красноречия занимал до 1811 г. И. С. Рижский, автор известных в свое время трудов: «Опыт риторики» (1806), «Введение в курс словесности» (1806) и «Наука стихотворства» (1811). Эти работы служили руководствами не только в Харьковском, но и в Казанском и Московском университетах. И. С. Рижского, умершего в 1811 г., сменил И. Е. Срезневский, упомянутый Рылеевым в списке. И. Е. Срезневский, окончив Московский университет, поступил в 1812 г. в Харьковский в качестве ординарного профессора русской словесности. Он писал стихи и был сотрудником «Украинского вестника», в котором печатал по преимуществу переводы од Горация и псалмы.

В 1816 г. в «Украинском вестнике» была опубликована ода Срезневского «В честь победоносного российского воинства»[11]. Малодаровитый поэт, писавший в стиле торжественных од XVIII в., Срезневский был, однако, хорошим педагогом. Подобно Рижскому, он не только читал курсы словесности, но с эстетической точки зрения разбирал литературные опыты своих слушателей. В результате, — отмечает Д. И. Багалей, — «к литературным упражнениям студенты приобретали положительную страсть, которую сохраняли потом и по выходе из университета»[12].

Под руководством Срезневского словесностью занимались в университете А. В. Склабовский, П. П. Гулак-Артемовский, Н. М. Савостьянов, Ю. И. Райдоровский, Ст. Башинский, Ф. Ф. Александрович, Н. Д. Белозерский и И. Я. Золотарев, ставшие впоследствии сотрудниками «Украинского вестника».

Следует отметить, что при содействии студентов и профессоров университета в Харькове стали издаваться газеты и журналы. Помимо «Украинского вестника», в первой четверти XIX в. выходили журналы «Харьковский Демокрит» (1816) и «Украинский журнал» (1824—1825), а также газета «Харьковские известия». Сотрудниками газеты и журналов были преимущественно питомцы и преподаватели университета.

В 1819 г. харьковские студенты составили «Общество любителей отечественной словесности», которое еженедельно устраивало заседания и даже выпустило сборник под названием «Труды студентов — любителей отечественной словесности в имп. Харьковском университете». Председателем этого Общества был А. В. Склабовский[13], сначала студент, а затем преподаватель Харьковского университета. В начале Склабовский сотрудничал в «Украинском вестнике», а затем стал редактором-издателем «Украинского журнала». В 1819 г. вышли в Харькове отдельной книжкой «Опыты в стихах Александра Склабовского»; в 1822 г. — «Помпея. Поэма. Подражание английскому с присовокуплением послания к Василию Андреевичу Жуковскому». Склабовский был одним из наиболее одаренных и плодовитых поэтов, питомцев Харьковского университета. «Без всякого пристрастия сказать можно, — писал «Украинский вестник»,— что время, упражнения и благоприятные обстоятельства жизни скоро представят свету в г. Склабовском счастливого подражателя Жуковскому. Талант виден во всяком его стихотворении; отделка во многих местах не оставляет ничего желать читателю лучшего»[14]. Многие стихотворения из сборника, так же как и те, которые печатались в «Украинском вестнике», действительно, напоминают сентиментальные элегии и послания Жуковского и поэтов-карамзинистов. Часто они носят религиозную окраску. Склабовский переводил Макферсона, польских писателей Каршинского и Нарушевича; иногда выступал с подражаниями этим поэтам.

Интересна статья Склабовского «Взгляд на народные песни древних греков» («Украинский вестник», 1819, ноябрь и декабрь. Обозначено как перевод с польского). Считая, что в песнях мы видим «животворное семя, из которого развиваются все роды поэзии», автор дает характеристику так называемых исторических схолий, среди которых особо выделяет песню «в похвалу *Гармодия* и *Аристогитона*, умертвивших тирана *Гиппарха*»[15]. Затем он останавливается на гимнах Тиртея и приводит два из них, которые «проложили лакедемонянам дорогу к победам». Во втором гимне содержится призыв:

Погибнем, други, в битве рьяной
Средь копий и мечей, —
За честь спартан, за край наш славный,
За вольность и друзей!
. . . . . .

Не пощадим мы нашей крови;
До капли всю прольем;
И в жертву к родине любови
Врагов свободы принесем! [16]

Это только перевод, но самый выбор темы показателен и дает представление о тогдашних настроениях и взглядах Склабовского.

Любопытен, между прочим, один факт из биографии Склабовского. 30 июня 1817 г., после окончания университетских экзаменов, студенты и вольнослушатели читали сочинения и переводы, особо одобренные словесным отделением. Склабовский прочитал свое «Рассуждение об испорченности природы человеческой и о помощи, какую доставляет нам истинная философия к поправлению оной». «Рассуждение» Склабовского вместе с другими студенческими сочинениями было напечатано Харьковским университетом и вызвало гнев министра, кн. А. Н. Голицына. Министр нашел, что здесь «заключаются самые ложные понятия о средствах (философских) восстановления падшей природы человека» [17]. Точку зрения министра разделял и попечитель Харьковского округа З. Я. Корнеев, вице-президент Библейского общества. Он утверждал, что «прежде всего нужно оживляться любовью к богу, а ум должен подчиняться свету веры ⟨...⟩ Тогда все толки и размышления философии падут сами собой и исчезнут» [18].

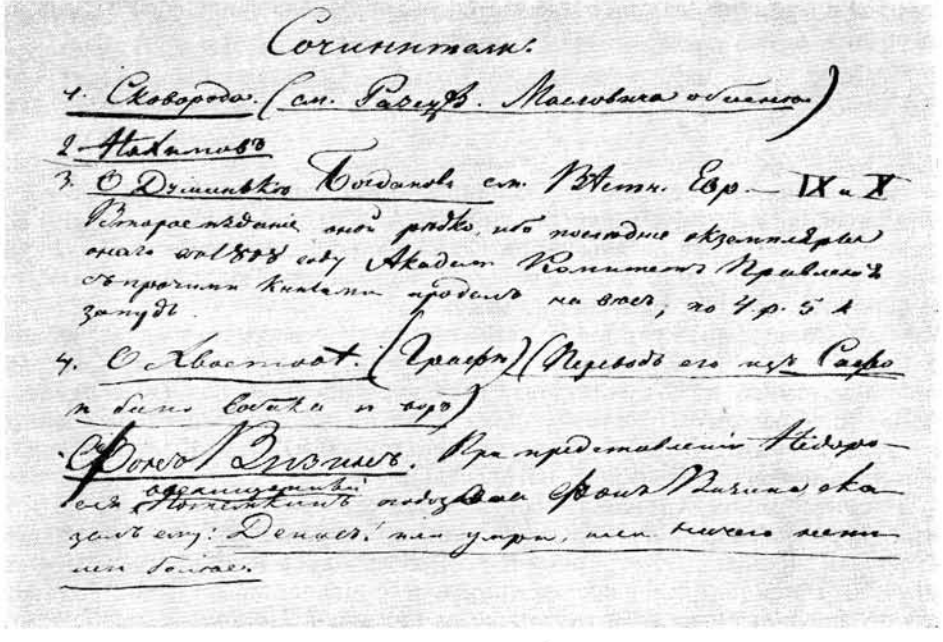
Наступала тяжелая пора: близился разгром Петербургского и Казанского университетов, совершенный Руничем и Магницким; в Харькове расправлялись с передовыми профессорами попечители округа З. Я. и Е. В. Корнеевы. В 1817 г. был выслан за границу один из прогрессивных преподавателей Харьковского университета, профессор И. Г. Шад [19]; его сочинения были найдены противоречащими религии и государственным учреждениям. Через четыре года после высылки Шада был уволен профессор математики Т. Ф. Осиповский, занимавший с 1813 по 1821 г. должность ректора. Попечитель заподозрил его в вольнодумстве.

В конце 1819 г. Склабовский был избран в члены-корреспонденты Вольного общества любителей российской словесности; в Обществе, между прочим, дважды были читаны его произведения — «О песнях французских» и «Царский пир в столице славян-победителей» [20]. Из опубликованного «Журнала ученых упражнений высочайше утвержденного С.-Петербургского вольного общества любителей российской словесности» известно, что однажды (это было 18 февраля 1824 г.) на заседании Общества присутствовали одновременно Рылеев и Склабовский [21]. Как уже отмечалось выше, Склабовский в это время редактировал «Украинский журнал», в котором печатались стихотворения В. Ф. Раевского, за два года до этого заключенного в Тираспольскую крепость [22]. В этом же журнале помещены были объявление о «Полярной звезде» на 1825 год [23] и статья «Взгляд на поэму „Войнаровский“ Рылеева» [24]. В начале статьи отмечалось, что читатели, несомненно, «почувствуют особенное уважение к сочинителю, который старается соединить в себе оба сии священные названия: поэт и гражданин!». Статья эта не закончена и фамилия автора не известна, однако самый факт появления ее на страницах журнала, редактируемого Склабовским, представляет интерес.

Из других харьковских поэтов, перечисленных Рылеевым, следует в первую очередь упомянуть о П. П. Гулаке-Артемовском (род. в 1790 г.). В 1817 г. он поступил в Харьковский университет, где уже в 1820 г. временно преподавал историю и географию, хотя аттестат об окончании полного курса университета получил только в 1821 г. С 1825 г. Гулак-Артемовский сделался профессором русской истории в Харьковском университете. «Дар слова ⟨...⟩, интерес преподаваемого им предмета постоянно

привлекали в его аудиторию множество слушателей», — вспоминает Л. Ничпаевский [25]. В начале своей литературной деятельности Гулак-Артемовский пробовал писать на русском языке. Его переводы из Кребильона, Делиля, Мильтона, Расина, Ж.-Б. Руссо печатались в «Украинском вестнике», однако художественными достоинствами они не отличались.

Более значительную роль сыграл Гулак-Артемовский в украинской литературе. Рылеев не мог не обратить внимания на замечательную басню Гулака-Артемовского «Пан та собака», направленную против крепостного права. Басня без подписи появилась в «Украинском вестнике» на



ЧЕРНОВЫЕ ЗАПИСИ РЫЛЕЕВА ДЛЯ ПОДГОТОВЛЯВШЕГОСЯ ИМ «ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ», 1818—1819 гг.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

1818 год [26] и распространялась по городу в многочисленных списках. Большой успех имела также комическая поэма Гулака-Артемовского «Солопий та Хивря», напечатанная в «Украинском вестнике» на 1819 год [27].

Чрезвычайно плодовитым поэтом был сотрудничавший в «Украинском вестнике» А. М. Тюльпин, офицер одного из стоявших в Тифлисе полков. В 1819 г. в «Украинском вестнике» было помещено сделанное им в прозе «Описание Грузии» [28], в котором, между прочим, упоминается имя А. П. Ермолова. Среди множества сентиментальных стихотворений Тюльпина, написанных в стиле Жуковского или в духе посланий Батюшкова, с призывами наслаждаться днями «младости», есть у него и стихотворения сатирического характера, с выпадами против французомании, с обличением пороков светского общества. Так, например, в «Послании к Судьбину» на вопрос, «как должно жить на свете», автор иронически отвечает:

Что хочешь говори, отнюдь лишь не по-русски,
Хоть вздор себе мели — да только по-французски [29].

Те же мысли выражены Тюльпиным в «Послании к другу моему профессору П. И. С.», которому автор советует оставить «все платоновы ученья» и вступить в «блестящий света круг». Сделать это не трудно,

Лишь только стыд смирить и совесть должно,
Свесть дружество с каким-нибудь князьком,
Блеснуть своим хоть слабеньким умком...
. . . . . .
А там? а там ты будешь голова!
Богат чрез год, а много — через два [30].

Наконец, в стихотворном послании «К соседу» поэт обличает толпу франтов и франтих, глупцов и кокеток, «барчука в зеленом фраке модном», который

При славном разуме одним ослам лишь годном,
Желает удивить французским языком
И вслух для всех кричит — как он искусен в нем [31].

Несколько стихотворений Тюльпина — «Осень» [32], «На новый год», «Вакхическая песнь», «Надгробная Ф. И. Ахвердову» и др. — были прочитаны в Петербурге на заседании Вольного общества любителей российской словесности 7 марта 1821 г. [33] Произведения Тюльпина не могли не обратить на себя внимание Рылеева.

Н. М. Савостьянов учился в Харьковском университете одновременно со Склабовским и был его близким другом. Стихотворения Савостьянова печатались в «Украинском вестнике» на 1819 год («Послание к А. В. Склабовскому») [34] и в «Трудах студентов—любителей отечественной словесности в имп. Харьковском университете» (1819 г.: «К друзьям в час разлуки», «Элегия. К лире», «Старость»).

Воспитанником Харьковского университета был и Ю. И. Райдоровский, переводы которого, преимущественно с итальянского («Петраркин сонет», «Подражание Петрарке» и др.), печатались в «Украинском вестнике» [35]. Райдоровский писал также и оригинальные стихи, большей частью посвященные памяти умерших друзей («Цветок на гроб друга С. А. Гринева», «На вечную разлуку с И. Л. Вателетом», «Мысли при гробе наставника моего Ивана Евсевьевича Срезневского» и др.). Печатались они в том же «Украинском вестнике» [36].

С 1815 г. обучался в Харьковском университете Степан Башинский. Окончив курс политических наук и получив степень кандидата, он отправился на службу в столицу и два года спустя там умер [37]. В «Украинском вестнике» на 1819 год было напечатано одно его стихотворение «К Р.. Д. С....» [38], очевидно, известное Рылееву. Возможно, что Рылеев знал и переведенную Башинским с немецкого повесть «Ринальдо де Сергино или Таинства подземелья замка Сангоссы», вышедшую в свет в Петербурге еще в 1809 г.

Окончили Харьковский университет также И. Я. Золотарев, Ф. Ф. Александрович, Н. Д. Белозерский (фамилия Белозерского в 1817 г была названа первой в списке студентов, «отличивших себя успехами в науках») [39]. И. Я. Золотарев впоследствии преподавал в университете. Стихотворение Ф. Ф. Александровича «Бог в весне» (подражание Уцу – Gott im Frühlinge) было одобрено словесным отделением и напечатан в 1819 г. в «Украинском вестнике»[40]. Там же в 1818—1819 гг. были помещены два стихотворения Н. Д. Белозерского («Мечта» и «Слепец»)[41] и одно стихотворение И. Я. Золотарева («К луне»)[42]. Несколько стихотворений Золотарева (очень шаблонных и эпигонских) было напечатано также в «Трудах студентов — любителей отечественной словесности» (1819)[43].

Нам не удалось найти никаких сведений о поэте Н. Давыдове, который также входит в список писателей, перечисленных Рылеевым. В «Украинском вестнике» на 1819 г. было помещено одно стихотворение Н. Давыдова под названием «Послание В—ра к Г—цию, об умеренности»[44].

Петр Батузатель — автор басни «Червонцы и марка», «Надписи к портрету В... А... Брщва»; оба стихотворения были напечатаны в «Украинском вестнике» в 1819 г.[45]

Интересно, что в числе сотрудников «Украинского вестника» Рылеев назвал Любовь Ивановну Короставцеву[46] (родную сестру писательницы Людмилы Ивановны Короставцевой), которая была известна главным образом как переводчица. В «Украинском вестнике» 1817 г. была помещена переведенная Люб. Ив. Короставцевой с английского аллегорическая повесть Ратблера «Обойдаг»[47]. Она же перевела с английского статью «Людовик XIV и Петр I». В этой статье Петру отдается явное предпочтение перед Людовиком XIV. Петр «с соболезнованием обратил все свои старания, помыслы и внимание как на самого себя, так и на народ свой» и «собственным трудолюбием, познаниями и неутомимостью ⟨...⟩ положил основание славе вечно-несравненной и незыблемой»[48].

Любовь Короставцева — автор стихотворения «Тот же час», посвященного ее сестре, Людмиле Ивановне, уехавшей вместе с мужем, капитаном П. И. Рикордом, на Камчатку[49].

Рылеев, повидимому, собирался включить в свой словарь характеристики харьковских писателей — тех, чьи фамилии упомянуты в его списке. Следовательно, он прекрасно отдавал себе отчет в большом значении Харькова как одного из культурных центров России первой четверти XIX в.

В этом перечне сотрудников «Украинского вестника» явственно ощущается внимание Рылеева к деятелям украинской культуры. Впоследствии украинская тематика глубоко заинтересовала Рылеева; об этом свидетельствуют его произведения 1822—1825 гг., начиная с думы «Богдан Хмельницкий» и кончая «Наливайко», «Гайдамаками» и «Палеем». Несомненно, что интерес Рылеева к истории Украины, к героической борьбе украинского народа с польской шляхтой возник еще в острогожский период, в пору его тесного общения с деятелями украинской культуры, когда он был читателем «Украинского вестника» — журнала, помещавшего на своих страницах материалы, посвященные современному состоянию Украины и ее историческому прошлому[50].

Исследователь темы «Рылеев и Украина» не должен пройти мимо списка фамилий 14 харьковских писателей, имена которых поэт, очевидно, собирался включить в «Исторический словарь русских писателей».

* * *

II. Нижняя часть второго листа оторвана. Наверху помещены еще пять фамилий писателей и заметки о некоторых из них. Приводим текст:

Сочинители

1. *Сковорода. (См. Рассуж⟨дения⟩ Масловича о басне)*
2. *Нахимов*
3. *О Душеньке Богданов⟨ича⟩* см. Вестн⟨ик⟩ Евр⟨опы⟩ — IX и X. Второе издание оной редко, ибо последние экземляры оного в 1808 году Академ⟨ический⟩ комитет правления с прочими книгами продал на вес, по 4 р. 5 к. за пуд
4. *О Хвостове (графе) (Перевод его из Сафо и басню Собака и вор)* ⟨5.⟩ *Фон Визин.* При представлении Недоросля, восхищенный Потемкин, подозвав Фон Визина, сказал ему: *Денис! или умри, или ничего не пиши более*[51].

Из пяти писателей, имена которых выписаны Рылеевым на этом полулисте, Сковорода и Нахимов тоже связаны с Харьковом.

Сведения о Григории Саввиче Сковороде (1722—1794) — народном украинском философе — Рылеев, как он указывает сам, почерпнул из книги В. Г. Масловича «О басне и о баснописцах разных народов» (Харьков, 1816). На стр. 118—119 этого издания дана характеристика Г. С. Сковороды: о нем говорится, что он был «стоик-философ, или харьковский Диоген». Маслович подчеркивает бескорыстие и скромность философа. Сковорода «имел друзей, они желали дарить его, но редкому удавалось исполнить свое желание. Сковорода принимал иногда подарки от друзей, дабы в ту же минуту отдать бедным» (стр. 118). Маслович приводит в своей книге следующие стихи к портрету Сковороды:

Ревнитель истины, духовный богочтец
И словом и умом и жизнию мудрец,
Любитель простоты, и от сует свободы;
Без лести друг прямой; доволен всем всегда;
Достиг наверх наук, познавши дух природы,
Достойный для сердец пример Сковорода.

Внимательный читатель «Украинского вестника» Рылеев мог найти биографические сведения о Сковороде и в статье Густава Гесс де Кальве под названием «Сковорода, украинский философ». В статье рассказывалось о годах учения Сковороды в Киевской академии, о его странствованиях за границей и на родине, о его педагогической деятельности и, наконец, подчеркивалось, что стихи Сковороды сделались народными песнями [52].

Естественно, что украинский философ должен был заинтересовать Рылеева. Но особенное его внимание привлек, конечно, Аким Николаевич Нахимов (1782—1814) — поэт-сатирик, наиболее выдающийся из всех харьковских писателей начала XIX в. [53]

Биографические сведения о Нахимове, а также оценку его творчества Рылеев мог найти в книге В. Г. Масловича «Память о харьковском стихотворце Акиме Николаевиче Нахимове» (СПб., 1818). Товарищ Нахимова по Харьковскому университету, Маслович, упоминает о годах учения поэта-сатирика в Благородном пансионе при Московском университете, а затем в Харьковском университете. Здесь Нахимов «успехами же и отличными дарованиями своими удивлял и руководителей, и сотоварищей...» [54]. Уехав в деревню, Нахимов написал там бо́льшую часть своих стихотворений, но не печатал их. Друзья тайком переписали его прозаическое «Историческое и философическое рассуждение о блохе» и послали в «Вестник Европы», где оно было напечатано. Объектом сатиры Нахимова были, главным образом, взяточничество и невежество. Когда в 1809 г. вышел указ об образовательном цензе для судейских чиновников, Нахимов написал сатирическую «Элегию»:

Как древо сокрушен, падет подьячих род;
Увы! настал для вас теперь плачевный год!
Какие времена! Должны вы слушать курсы,
Судебные места все превратятся в бурсы [55].

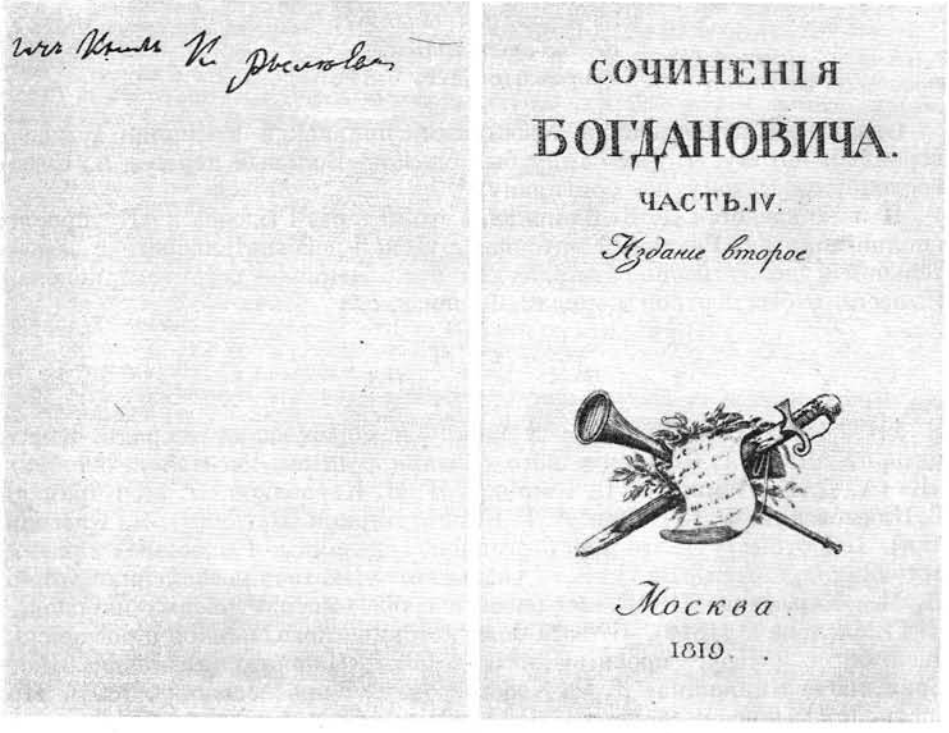
Это стихотворение Нахимова распространялось во многих списках и ходило по рукам не только в Харькове, но и в столицах.

Любопытно, что когда правление Харьковского университета поручило Нахимову преподавать правила российской грамматики на двухгодичных курсах для гражданских чиновников, Нахимов заставлял своих

слушателей склонять имена существительные *хлыст*, *крючок* или спрягать глаголы *брать* и *драть*.

Отрывки из комической поэмы «Пурсониада» — сатира на ту часть дворянства, которая была пристрастна ко всему французскому. Здесь также изображены «адские» подьячие:

Когда с бумагой в суд приходит челобитчик,
Кряхтит и кашляет от радости повытчик,
Облизывается в восторге секретарь
И нюхает табак приказна мелка тварь.
Проситель корчится, подьячие гордятся:
Змеею должен он пред гадом увиваться![56]



«СОЧИНЕНИЯ БОГДАНОВИЧА», ЧЧ. IV, изд. 1819 г. ЭКЗЕМПЛЯР С ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ РЫЛЕЕВА
Литературный музей, Москва

Сатирой на судейский мир является и прозаическое «Сказание о Фемиде и об иноплеменных приказных». Отрывки из него были приведены, между прочим, в 1816 г. в «Украинском вестнике», в рецензии на «Сочинения Акима Нахимова в стихах и прозе» 1815 г.[57]

Тексты некоторых басен Нахимова и оценку его как баснописца Рылеев мог найти в уже упоминавшейся книге В. Г. Масловича «О басне и о баснописцах разных народов...». Маслович, подчеркивая, что «природа влила в душу его ⟨Нахимова⟩ особенное чувство отвращения ко всему несправедливому и смешному», указывал: «в сочинениях его видны везде черты Сумарокова — Фонвизина»[58].

Произведения И. Ф. Богдановича, в особенности его поэма «Душенька», — пользовались большой популярностью не только у современников,

но и в начале XIX в. Ссылаясь на 9-ю и 10-ю книжки «Вестника Европы» за 1803 г., Рылеев имеет в виду напечатанную в этих книжках журнала статью Н. М. Карамзина — первый обстоятельный критический разбор поэмы Богдановича, *в котором отмечалась* связь этой поэмы с народным творчеством: «Русская Душенька *служит* только трудные, опасные *службы* богине, совершенно в тоне русских старинных сказок» [59].

Д. И. Хвостов, как известно, был необыкновенно плодовитым, но бездарным автором. В частности, он написал огромное количество басен. Возможно, что Рылеев, делая свою запись, имел в виду басню Хвостова «Верная собака», в которой вор выступает в роли предлагающего взятку (кусок мяса) собаке:

Свой возьми задаток,
Начал лаять громко пес;
Не люблю я взяток,
Убирайся с ними, бес [60].

Ода Сафо, переведенная Хвостовым, привлекла внимание Рылеева, вероятно, потому, что им самим был сделан «Вольный перевод из Сафо», восходящий к тому же оригиналу [61].

Что же касается Д. И. Фонвизина, то интерес Рылеева к «Недорослю» вполне понятен. Реальный материал русской действительности в замечательном художественно-сатирическом воплощении — вот что привлекало Рылеева в бессмертной комедии Фонвизина.

* * *

III. Десять листов, сшитых вместе и образующих тетрадь, заняты материалами для «Исторического словаря русских писателей» на букву «К» (А. Д. Кантемир, В. В. Капнист, Н. М. Карабанов, Н. М. Карамзин, С. Климовский, Ф. Г. Карин, А. Г. Карин, Карион (Истомин), Я. Б. Княжнин). По существу, это просто выписки, сделанные Рылеевым из разных источников, которые он тут же и указывает: «Пантеон российских авторов» Н. М. Карамзина (1801), «О басне и о баснописцах разных народов...» В. Г. Масловича (1816), «Новый опыт исторического словаря о российских писателях» («Друг просвещения», 1806), «Начертания жизни Якова Борисовича Княжнина» Д. И. Хвостова («Друг просвещения», 1804). При сравнении выписок, сделанных Рылеевым, с теми источниками, которыми он пользовался, выясняется, что никакой творческой обработке этот материал на данной стадии работы не подвергался.

В Центральном государственном историческом архиве в Москве сохранилась другая часть историко-литературных выписок, сделанных Рылеевым[62]; повидимому, раньше они находились в одном месте с ленинградской частью архива. Мы находим здесь семь заметок: 1) Гераков, Гаврила Васильевич; 2) Нахимов (охарактеризованный по книге В. Г. Масловича «О басне и баснописцах», стр.120); 3) Родзянка, Аркадий; 4) Сковорода (по той же книге Масловича, стр. 118); 5) Симеон Полоцкий (по книге «Пантеон российских авторов», тетрадь 2); 6) София Алексеевна («Пантеон российских авторов», тетрадь 1); 7) Тредиаковский («Пантеон российских авторов», тетрадь 3).

Все, что было сказано выше о заметках, хранящихся в ИРЛИ, характеризует и эти семь заметок. Это выписки, сделанные Рылеевым из статей других авторов, собранные им для работы над будущим словарем.

В заключение остается подчеркнуть, что публикуемые автографы Рылеева представляют интерес для изучения его биографии, так как дают представление не только об одном из его неосуществленных замыслов, но и о круге его чтения в мало изученный до сих пор острогожский период жизни.

Рылеев был не только замечательным русским поэтом; ему были не чужды и историко-литературные интересы; об этом свидетельствуют его библиографические заметки в связи с задуманным изданием «Исторического словаря русских писателей».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Базанов, стр. 142—143, 151.

[2] «Новости литературы», 1822, № 20, стр. 97—105; № 23, стр. 155.

[3] ИРЛИ, ф. № 269, оп. 1, ед. хр. 37. — Рукопись входит в состав архива Рылеева, который им самим передан был Булгарину, а затем от сыновей Булгарина в 1870 г. поступил в редакцию «Русской старины». В 1924 г. вся коллекция была приобретена ИРЛИ у наследников М. И. Семевского.

[4] Рылеев. Соч., стр. 456.

[5] «Украинский вестник», 1818, ч. XII, декабрь, стр. 402.

[6] Маслов, стр. 67.

[7] М. Ф. Де-Пуле. Н. И. Второв. — «Русский архив», 1877, № 8, стр. 437.

[8] Рылеев. Соч., стр. 438—439.

[9] А. В. Никитенко. Моя повесть о самом себе и чему свидетель в жизни был, т. I. СПб., 1904, стр. 86.

[10] «Украинский вестник», 1819, ч. XV, июль, стр. 81.

[11] «Украинский вестник», 1816, ч. II, апрель, стр. 76—77.

[12] Д. И. Багалей. Характеристика просветительной деятельности Харьковского университета. — «Русская школа», 1892, № 11, стр. 16.

[13] «Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905), составленный Д. И. Багалеем, Н. Ф. Сумцовым и В. П. Бузескулом». Харьков, 1906, стр. 96 (см. также «Украинский вестник», 1819, ч. XV, сентябрь, стр. 345; Н. Ф. Сумцов. А. В. Склабовский как поэт и ученый. Харьков, 1904).

[14] «Украинский вестник», 1819, ч. XVI, октябрь, стр. 110—111.

[15] Там же, ноябрь, стр. 207; декабрь, стр. 328.

[16] Там же, стр. 335. — Вспомним, что Тиртея нередко упоминали декабристы, в частности — сам Рылеев, писавший Немцевичу: «Вы ⟨...⟩ как Тиртей, высокими песнями возбуждали в сердцах сограждан любовь к отечеству, усердие к общественному благу, ревность к чести народной и другие благородные чувства» (Рылеев. Соч., стр. 468).

[17] Г. С. Чириков. Т. Ф. Осиповский. Ректор Харьковского университета. 1820 г. — «Русская старина», 1876, № 11, стр. 476.

[18] Там же.

[19] Н. А. Лавровский. Эпизод из истории Харьковского университета. А. И. Стойкович и И. Г. Шад. — «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1873, кн. 2, «Смесь», стр. 45.

[20] Базанов, стр. 337, 342, 408.

[21] Там же, стр. 394.

[22] В «Украинском журнале» были напечатаны стихотворения В. Ф. Раевского: «Подражание Горацию» (1824, ч. III, № 13, стр. 31—32), «Песнь невольника» (1824, ч. IV, № 19 и 20, стр. 46) и др.

[23] «Украинский журнал», 1825, ч. V, № 2, стр. 138—139.

[24] Там же, ч. VIII, № 19 и 20, стр. 72—82.

[25] Л. Ничпаевский. Воспоминания о Харьковском университете. 1823—1829. — «Русская старина», 1907, № 8, стр. 374.

[26] «Украинский вестник», 1818, ч. XII, декабрь, стр. 356—362.

[27] Там же, 1819, ч. XVI, октябрь, стр. 80—94.

[28] Там же, ч. XIII, январь, стр. 41—51.

[29] Там же, 1817, ч. V, март, стр. 345—346.

[30] Там же, ч. VII, июль, стр. 78.

[31] Там же, ч. VI, май, стр. 238.

[32] Напечатано в «Украинском вестнике», 1819, ч. XIII, февраль, стр. 210—211.

[33] Базанов, стр. 353. — Стихи А. Склабовского и А. Тюльпина, вероятно, попадали в Общество через О. М. Сомова, бывшего постоянным сотрудником «Украинского вестника».

[34] «Украинский вестник», 1819, ч. XIV, май, стр. 244—247.
[35] Там же, 1817, ч. VI, апрель, стр. 95—96; май, стр. 236.
[36] Там же, 1816, ч. IV, октябрь, стр. 86—88; 1818, ч. XII, октябрь, стр. 91—92; 1819, ч. XV, сентябрь, стр. 336—338.
[37] «Украинский журнал», 1824, ч. IV, № 22, стр. 176.
[38] «Украинский вестник», 1819, ч. XV, сентябрь, стр. 330—331.
[39] Там же, 1817, ч. VIII, октябрь, стр. 64.
[40] Там же, 1819, ч. XIV, июнь, стр. 352—354.
[41] Там же, 1818, ч. XII, декабрь, стр. 350—352; 1819, ч. XV, июль, стр. 69—75.
[42] Там же, 1819, ч. XVI, декабрь, стр. 362—366.
[43] «Певец (А. В. Склабовскому)», стр. 18—23; «Идиллия. Приятность берега (Подражание Леонарду)», стр. 70—72; «К розе», стр. 101—102; «К Делии (Подражание Горацию)», стр. 105—107.
[44] «Украинский вестник», 1819, ч. XVI, декабрь, стр. 343—358.
[45] Там же, ч. XIII, март, стр. 360—362; ч. XIV, апрель, стр. 98.
[46] См. о ней «Словарь русских писательниц», составленный Николаем Книжником ⟨Н. Н. Голицыным⟩. М., 1865, стр. 46.
[47] «Украинский вестник», 1817, ч. V, январь, стр. 60—69.
[48] Там же, 1818, ч. IX, февраль, стр. 191, 193.
[49] Там же, 1819, ч. XIII, февраль, стр. 215—216.
[50] Так, например, в «Украинском вестнике» за 1816—1817 гг. были помещены статьи: «Гетман Хмельницкий», «О Малой России», «Исторические замечания о Малороссии от смерти гетмана Богдана Хмельницкого до Полтавского сражения», «Введение в малороссийскую историю».
[51] Рассказ о том, как Потемкин восхищался «Недорослем», приведен В. Г. Масловичем в книге «О басне и баснописцах разных народов...» (Харьков, 1816, стр. 111) и имел широкое распространение.
[52] «Украинский вестник», 1817, ч. VI, апрель, стр. 106—119.
[53] «Сочинения в стихах и прозе» А. Н. Нахимова в первой четверти XIX в. дважды выпускались в Харькове (в 1815 г. и в 1816 г.) и один раз в Москве (в 1822 г.).
[54] В. Г. Маслович. Память о харьковском стихотворце Акиме Николаевиче Нахимове. СПб., 1818, стр. 18.
[55] А. Нахимов. Сочинения в стихах и в прозе. Харьков, 1815, стр. 59.
[56] Там же, стр. 80. — Рылеев писал Булгарину в 1821 г. из с. Подгорной: «...в столицах приказные некоторым образом еще сносны... Если бы ты видел их в русских провинциях — это настоящие кровопийцы, и я уверен, что ни хищные татарские орды во время своих нашествий ⟨...⟩ не принесли России столько зла, как сие лютое отродие» (Рылеев. Соч., стр. 459).
[57] «Украинский вестник», 1816, ч. I, февраль, стр. 267—270.
[58] В. Г. Маслович. О басне и о баснописцах разных народов... Харьков, 1816, стр. 120.
[59] «Вестник Европы», 1803, № 10, стр. 100.
[60] Д. И. Хвостов. Избранные притчи из лучших сочинителей российскими стихами. СПб., 1802, стр. 147.
[61] Элегия Сафо «К подруге», несомненно, была известна Рылееву в русских и французских переводах (см. Маслов, стр. 135—136). Перевод Хвостова был опубликован в «Друге просвещения», 1804, № 1, стр. 28. Стихотворение Рылеева «Вольный перевод из Сафо» относится к числу его ранних опытов.
[62] ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, ед. хр. 265, лл. 1—6.

О БИБЛИОТЕКЕ РЫЛЕЕВА

Сообщение А. Г. Цейтлина

Рылеев обладал довольно большой библиотекой, к составлению которой он приступил еще в юношеские годы. «Сделайте милость, — писал он из кадетского корпуса отцу, — не позабудьте мне прислать денег также и на книги, потому что я, любезный батюшка, весьма великий охотник до книг» [1].

Трудно сказать, какие именно книги были у Рылеева во время обучения в Первом кадетском корпусе в Петербурге: отец его был скуп и едва ли удовлетворял эти желания юноши. Деньги на книги ему время от времени присылала мать, но это, вероятно, бывало редко из-за постоянной стесненности семьи в средствах. Следует, впрочем, отметить, что молодой кадет проявлял в приобретении книг большую настойчивость. «Вы, — писал он отцу около 1810 г., — можете на меня положиться, ибо в бытность Вашу в Петербурге, когда Вы мне давали деньги, то я всегда употреблял на книги, которых у меня уже набрано 15. Также сделайте милость, напишите к Иван Гермолаичу, чтобы он ко мне носил книги, которые Вы у него оставили» [2].

За границей, как мы знаем, Рылеев прочел ряд книг юридического и политико-экономического характера: в показаниях на следствии он указывал на свое знакомство — уже в эти юношеские годы — с сочинениями «разных современных публицистов, каковы Биньон, Бенжамен Констан и другие...» [3]. Едва ли, однако, Рылеев имел возможность в постоянных походах особенно быстро увеличить свою библиотеку. Но вот после нескольких лет вынужденных странствий Рылеев надолго останавливается близ уездного городка Воронежской губернии, Острогожска[4]. По воспоминаниям о Рылееве его острогожского сослуживца, артиллерийского офицера Косовского, в крестьянской избе, в которой жил Рылеев, «были нагромождены разные книги, даже на лавках занимаемой им комнаты». Вероятно это были книги исторического содержания, а также сочинения русских писателей, — Косовский указывал, что, приезжая из пригородной слободы к своим товарищам, жившим в Острогожске, Рылеев читал им «из лучших сочинений прозу и стихи ⟨...⟩ Но Державина и Дмитриева предпочитал прочим» [5].

С переездом Рылеева в Петербург библиотека его должна была заметно разрастись. Служба в Петербургской уголовной палате, куда будущий декабрист поступил, руководствуясь идейными соображениями, равно как и его позднейшая служба в Российско-Американской компании, — побуждали Рылеева к чтению и приобретению соответствующей литературы юридического и географического характера. Работая над думами и поэмами, Рылеев пополнял свою библиотеку нужными ему книгами исторического содержания. Есть все основания полагать, что у него имелись, например, «Исторические песни» польского поэта Немцевича и «История Малой России» Д. Н. Бантыша-Каменского — книги, которыми он постоянно пользовался в работе над «Думами» и «Войнаровским». Едва ли

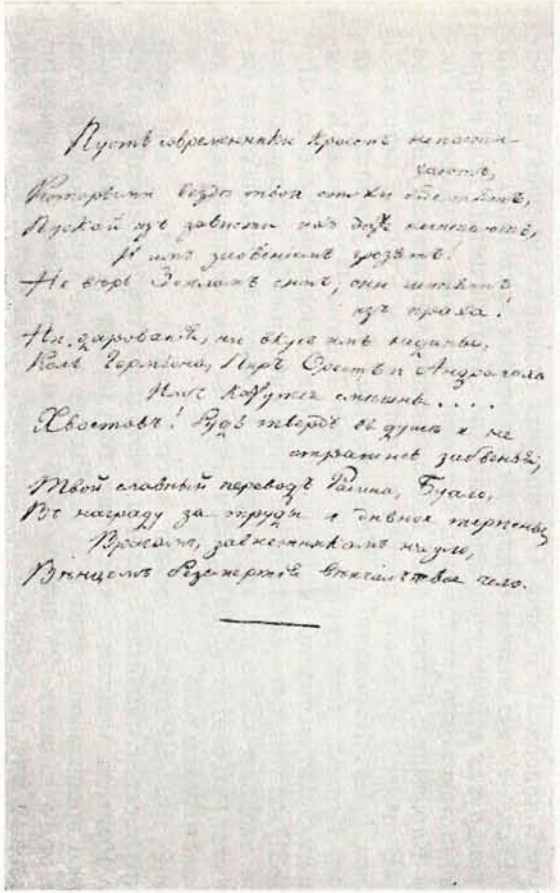
можно сомневаться и в том, что Рылеев приобретал выходившие в эту пору произведения художественной литературы и в первую очередь высоко ценимые им поэмы Пушкина.

Грандиозное петербургское наводнение 7 ноября 1824 г. нанесло библиотеке Рылеева значительный ущерб. Ни его самого, ни его жены в ту пору в столице не было, и вещи в его квартире (находившейся в доме Российско-Американской компании, у Синего моста через Мойку) были спасены исключительно благодаря самоотверженности А. А. Бестужева. Приехав в Петербург через месяц после наводнения, Рылеев писал жене: «Мы ⟨...⟩ с тобой должны благодарить Алек⟨сандра⟩ Алек⟨сандровича⟩ Бестужева: наши люди совершенно потерялись ⟨...⟩ он спас все почти ⟨...⟩ попортилось только мое бюро, письменный стол, твой рабочий столик, половина моей библиотеки и еще кое-что»[6]. Повидимому, у Рылеева было много книг, и Бестужев не успел перенести их все в более безопасное место. Он же позаботился и о просушке книг Рылеева после того, как наводнение схлынуло. Как вскоре сообщил Рылееву О. М. Сомов, печи в его квартире были уже «исправлены, некоторые мебели по возможности приведены в порядок, а за книгами имел хождение сам Александр»[7], то есть Бестужев.

Еще до ареста Рылеева, вечером 14 декабря 1825 г., некоторые книги из его библиотеки были на время отданы его друзьям и знакомым. Несколько книг Рылеев взял в книжной лавке Смирдина, еще не успев оплатить их стоимость. Эти приобретенные в долг книги пришлось вернуть по месту покупки. Только 13 мая 1826 г., то есть через пять месяцев после ареста, Рылеев смог распорядиться своей библиотекой. Он писал жене: «Смирдину вели сказать, чтобы дал записку, какие книги требует он, и пришли ее ко мне; много у Петрова, пошли взять»[8]. «От Смирдина, — повторял Рылеев 24 мая, — потребуй записку, какие книги считает он на мне, и скажи ему, что эту записку ты пошлешь ко мне»[9]. Н. М. Рылеева выполнила просьбу мужа недостаточно точно. «К Петрову, — сообщала она, — я посылала за книгами. Он прислал по хозяйственной части и более никаких, говорит, у него нет ⟨...⟩ К Смирдину я отослала книги, на которых есть нумера его лавки; о прочих просила дать записку, но он сказал, чтоб я не беспокоилась, только нет ли Истории Рейналя 6-ти частей, которых я не нашла в твоих книгах. Не помнишь ли ты, кто взял их у тебя?»[10].

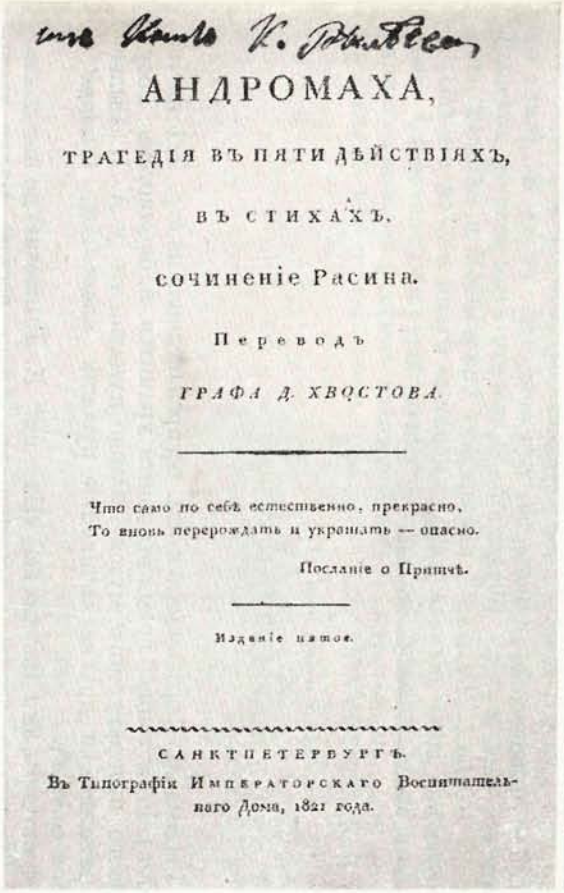
Рылеев остался недоволен тем, как его жена поступила с книгами, полученными от Смирдина: «Книги к Смирдину, — писал он ей 27 мая 1826 г., — на которых были номера его лавки, ты напрасно отослала. Многие у него *куплены* с номерами. Уведомь меня, сколько книг и на какую сумму ты отослала ему. Боюсь, чтоб ты не отослала лучшие книги, которые могли бы пригодиться и Настеньке со временем. Книг Смирдина, кроме бывших у Петрова, у меня немного было»[11].

По мере того, как следствие над Рылеевым близилось к концу, Н. М. Рылеева все чаще задумывалась о том, что ей делать с библиотекой. 25 июня 1826 г. она писала мужу: «...я буду стараться устроить все дела. Прошу твоего совета, что мне делать с мебелью? Я не знаю, что сто́ит также и библиотека. Ты молчишь. Уведомь, ради бога»[12]. Однако Рылеев уже не смог уведомить жену: следующее его письмо было написано в ночь перед казнью, и о библиотеке там, естественно, не было уже ни слова. Можно предполагать, что, продав книги научного и исторического характера, а также большую часть классической литературы, Н. М. Рылеева выполнила указания мужа о тех книгах, которые со временем пригодились бы дочери. Мы знаем, что «Стихотворения» И. И. Дмитриева, подаренные автором Рылееву, сохранились в библиотеке Анастасии Кондратьевны Рылеевой во всяком случае до 20 апреля 1841 г. (дата эта обозначена



Пусть современники красотъ не постигаютъ,
Которыми вездѣ твои стихи блестятъ,
Пускай изъ зависти ихъ даже не читаютъ,
И имъ забвеніемъ грозятъ!
Не вѣрь Зоиламъ симъ, они шутятъ изъ праха!
Ни дарованія, ни вкусъ имъ не даны,
Коль Гермiона, Пиръ Орестъ и Андромаха
Имъ кажутся смѣшны....
Хвостовъ! Будь твердъ въ душѣ и не страшись забвенья;
Твой славный переводъ Расина, Буало,
Въ награду за труды и дѣвное терпѣнье
Врагамъ, завистникамъ на зло,
Вѣнцемъ безсмертія вѣнчалъ твое чело.

[illegible]



АНДРОМАХА,

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

ВЪ СТИХАХЪ.

сочиненіе Расина.

Переводъ

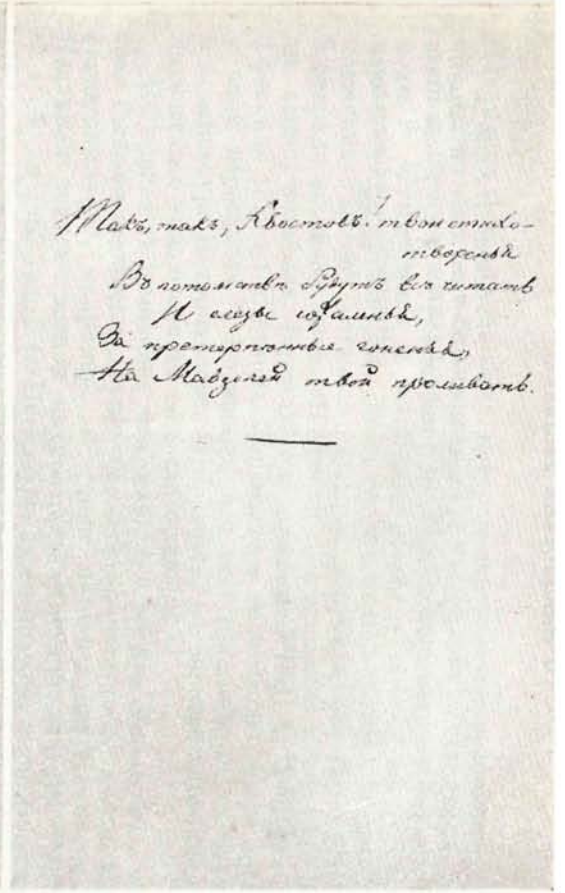
ГРАФА Д. ХВОСТОВА.

Что само по себѣ естественно, прекрасно,
То вновь перерождать и украшать — опасно.

Посланіе о Притчѣ.

Изданіе пятое.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома, 1821 года.

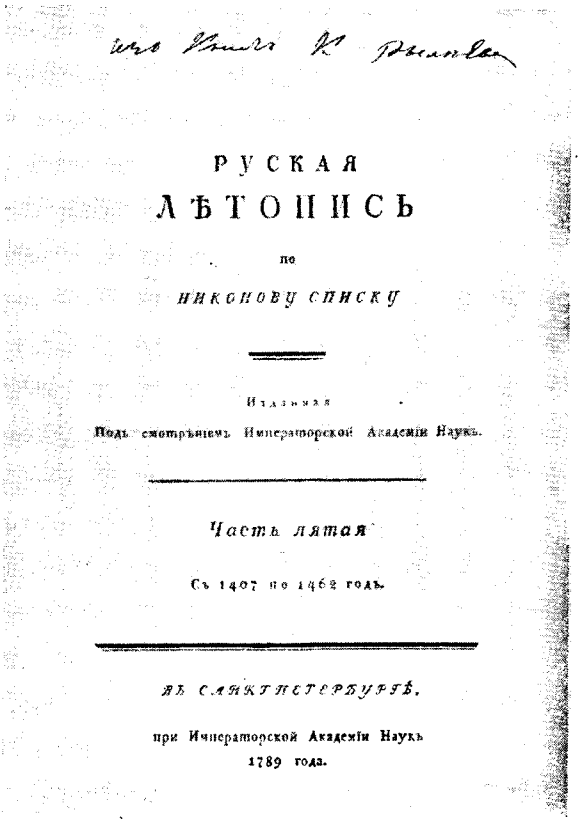


Такъ, такъ, Хвостовъ! твои стихотворенья
Въ потомствѣ будутъ всѣ читать
И слезы сожаленья,
За претерпѣнные гоненья,
На Мавзолей твой проливать.

ПЕРЕВОД ТРАГЕДИИ РАСИНА «АНДРОМАХА», СДЕЛАННЫЙ Д. И. ХВОСТОВЫМ, 5-е изд., 1821 г. ЭКЗЕМПЛЯР С ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ РЫЛЕЕВА И АВТОГРАФОМ ЕГО САТИРИЧЕСКОГО ПОСЛАНИЯ «ПЕРЕВОДЧИКУ АНДРОМАХИ»

Послание написано Рылеевым на обложке книги

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград



РУСКАЯ
ЛѢТОПИСЬ
по
НИКОНОВУ СПИСКУ

Издаваемая
Подъ смотрѣніемъ Императорской Академіи Наукъ.

Часть пятая

Съ 1407 по 1462 годъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи Наукъ
1789 года.

«РУССКАЯ ЛЕТОПИСЬ», ЧАСТЬ V, изд. 1789 г. ЭКЗЕМПЛЯР С ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ РЫЛЕЕВА

Историческая библиотека, Москва

дочерью Рылеева на форзаце книги (см. воспроизведение на стр. 321 настоящего тома). В настоящее время эта книга хранится в библиотеке Государственного литературного музея. Можно думать, что у А. К. Рылеевой сохранились и другие сочинения русских классиков, бывшие в библиотеке ее отца.

Книг с автографами (надписью «Из книг К. Рылеева») до нас дошло не более полутора десятка; конечно, это лишь весьма малая часть того, что находилось в его доме. О некоторых изданиях, имевшихся в библиотеке Рылеева, мы можем судить на основании косвенных указаний; наличие же других можем утверждать вполне категорически. Так, например, в библиотеке Рылеева имелись все тома «Истории государства Российского» Карамзина. В июне 1821 г. Рылеев писал Булгарину из Острогожска: «В своем уединении прочел я девятый том Русской истории... Ну, Грозный! Ну, Карамзин! — Не знаю, чему больше удивляться, тиранству ли Иоанна, или дарованию нашего Тацита» [13]. «Тацит-Карамзин со своим девятым томом» (выражение из стихотворения Рылеева «Пустыня», 1821) имелся в его библиотеке: среди имен «особ», подписавшихся на второе издание «Истории государства Российского» мы находим фамилию поэта: «Кондратей Федорович Рылеев» (см. воспроизведение на стр. 575 настоящего тома).

Восьмой том «Истории» вышел в свет еще в 1819 г., но, несомненно, что вместе с ним были куплены и остальные тома. Поскольку имевшийся у Рылеева комплект «Истории государства Российского» был испорчен во время наводнения 1824 г., Рылеев вскоре купил себе другой комплект этого издания. 21 января 1826 г. он писал жене из крепости: «Белья больше мне не нужно, а пришли мне, пожалуйста, все 11 томов

Карамзина Истории, но не те, которые испорчены наводнением, а лучшие: они, кажется, стоят в большом шкафу» [14]. Стало быть, книг было у Рылеева столько, что для их размещения, помимо полок, которые были в кабинете поэта [15], понадобился и «большой шкаф» — там, вероятно, хранились наиболее ценные издания. Заметим, что находившемуся в одиночном заключении Рылееву хотелось поскорее получить «Историю» Карамзина; 5 февраля он писал жене: «Я просил тебя прислать Карамзина Историю, ты, верно, позабыла. Пожалуйста, пришли» [16]. Н. М. Рылеева ответила 9 февраля 1826 г.: «Историю Карамзина я не посылаю, боясь препятствий в оной пересылке» [17]. Возможно, что она предварительно справлялась в комендатуре Петропавловской крепости, и в приеме этих книг для политического заключенного ей было отказано.

Не подлежит сомнению, что, наряду с трудом Карамзина, в библиотеке Рылеева имелись и другие книги исторического содержания. Об этом свидетельствует, например, «Русская летопись по Никонову списку. Изданная под смотрением императорской Академии Наук. Часть пятая. С 1407 по 1462 год. В С.-Петербурге при императорской Академии Наук 1789 года» (см. воспроизведение титульного листа на стр. 318 настоящего тома). К числу исторических сочинений, имевшихся в библиотеке Рылеева, должен быть отнесен и «Летописец, содержащий русскую историю, печатан в Московской типографии 1784 г.» [18]

Однако не эти книги составляли центральную часть библиотеки Рылеева. Страстно любя русскую литературу, он, конечно, приступил к собиранию сочинений русских писателей еще в Острогожске, если не раньше. Из них до нас дошло очень немногое. Так, из числа изданий русских

Изъ Книгъ К. Рылѣева

ИДИЛЛІИ

Владимира Панаева

въ С. Петербургѣ
1820.

«ИДИЛЛИИ» В. И. ПАНАЕВА, изд. 1820 г. ЭКЗЕМПЛЯР С ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ РЫЛЕЕВА

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

писателей XVIII в. сохранилось только два: «Сочинения Богдановича», ч. IV. Изд. 2 (М., 1819) и «Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах Г. Кострова», ч. I (СПб., 1802). В настоящее время первая книга хранится в библиотеке Государственного литературного музея, а вторая— в библиотеке Московского государственного университета (см. воспроизведение титульных листов на стр. 311 и 29 настоящего тома). В библиотеке Литературного музея сохранились и принадлежавшие Рылееву «Опыты в стихах и прозе» Батюшкова (СПб., 1817. —См. воспроизведение титульного листа на стр. 281 настоящего тома).

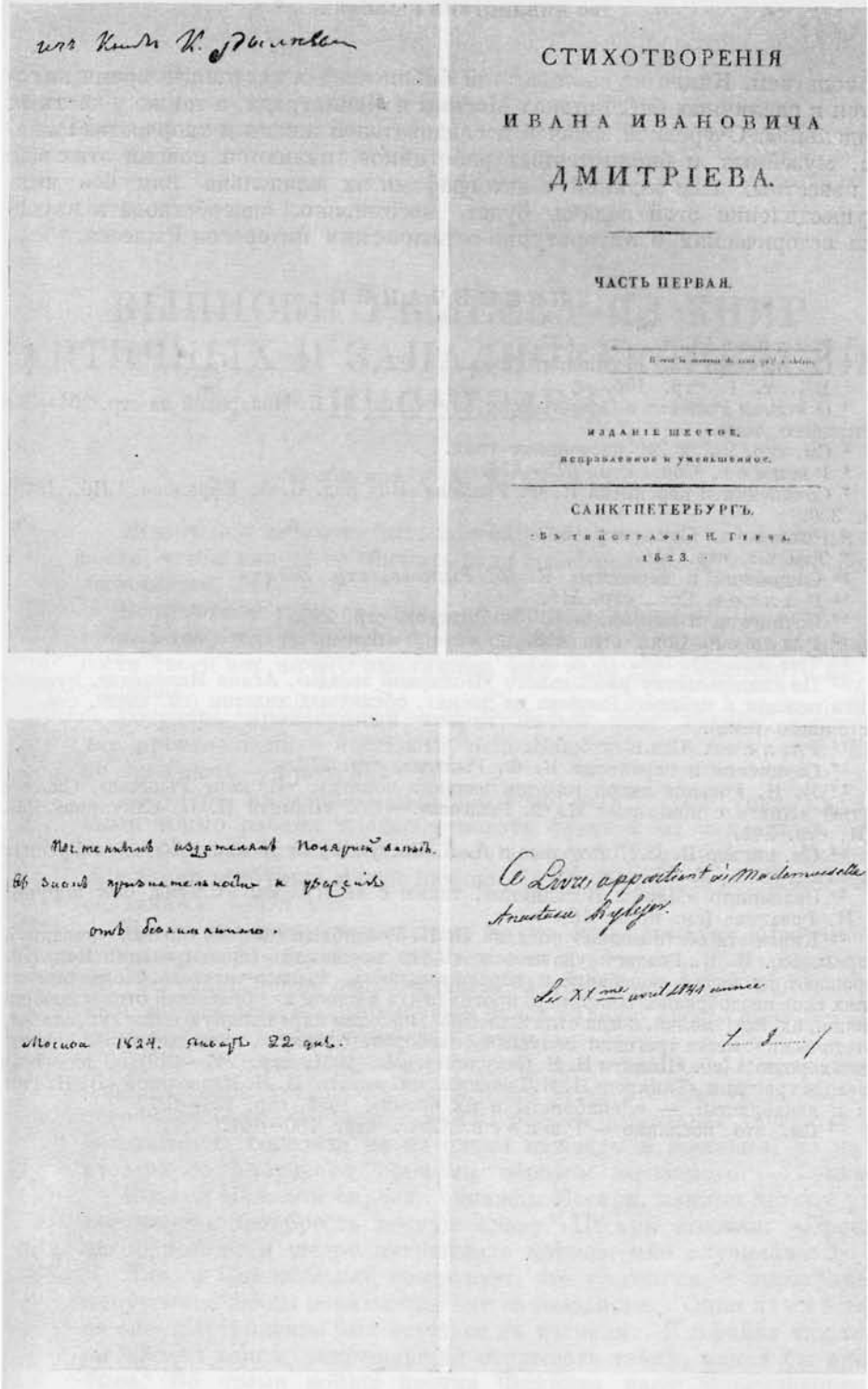
Среди книг Рылеева имелись также «Стихотворения» И. И. Дмитриева, ч. I. Изд. 6 (СПб., 1823) с дарственной надписью автора «Почтенным издателям Полярной звезды в знак признательности и уважения от безъимянного. Москва 1824. Января 22 дня» (см. воспроизведение титульного листа, форзацев книги на стр. 321 настоящего тома). Книга эта была подарена Рылееву и Бестужеву вместе, однако вслед за нею Дмитриев послал А. А. Бестужеву еще два экземпляра ее: один — для него самого, другой — для Рылеева[19]. Почему Дмитриев в своем дарственном автографе назвался «безымянным», для нас непонятно.

В библиотеке Рылеева были и сочинения Озерова (СПб., 1816 — трагедии «Эдип в Афинах» и «Фингал», а также разные стихотворения). В настоящее время эта книга хранится в библиотеке Государственного литературного музея; на ней имеется обычная надпись: «Из книг К. Рылеева» (см. воспроизведение титульного листа на стр. 253 настоящего тома). В библиотеке Рылеева имелись и не столь известные сочинения русских писателей начала XIX в., например трагедия Ф. Ф. Иванова «Марфа Посадница» (М., 1809)[20] и «Идиллии Владимира Панаева» (СПб., 1820). Издание «Идиллии» Панаева хранится в Отделе редкой книги ЛБ (см. воспроизведение титульного листа на стр. 319 настоящего тома). В библиотеке Государственного литературного музея находится еще одна книга с владельческой надписью Рылеева: «Стихотворения Петра Карабанова нравственные, лирические, любовные, шуточные и смешанные, оригинальные и в переводе». М., 1812 (см. воспроизведения форзаца и титульного листа на стр. 283 настоящего тома).

Был у Рылеева и экземпляр русского издания трагедии Вольтера: «Меропа. Трагедия господина Волтера. Переложена в стихи из русския прозы Васильем Майковым. В Москве, при государственной военной коллегии 1775 года» (см. воспроизведение титульного листа на стр. 83 настоящего тома). Из других сочинений Вольтера в библиотеке Рылеева находилась трагедия в пяти действиях «Танкред» в переводе Н. И. Гнедича («Санкт Петербург, в типографии императорского театра 1816 года»). Экземпляр этой трагедии, хранящийся в настоящее время в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, не только снабжен автографом его владельца, но и содержит множество пометок и оценочных замечаний на полях издания по адресу и поэта и переводчика: «худо», «хорошо», «удар по лбу», «впрочем очень, очень хорошо» и т. д. (см. воспроизведение на стр. 325 настоящего тома)[21].

В библиотеке Рылеева было и русское издание трагедии Расина «Андромаха» в переводе Д. И. Хвостова. Пятое издание этого перевода вышло в свет в Петербурге в 1821 г. На обложке этой книги, купленной, надо полагать, тотчас после ее выхода, Рылеев написал язвительное послание «Переводчику Андромахи (На случай пятого издания перевода сей прекрасной Расиновой трагедии)», в котором, издеваясь над Хвостовым, советовал ему «быть твердым» и «не страшиться забвенья»[22]. Экземпляр книги в настоящее время хранится в архиве Рылеева в ИРЛИ (см. воспроизведение титульного листа на стр. 317 настоящего тома).

Таковы те основные сведения о библиотеке Рылеева, которыми мы



СТИХОТВОРЕНІЯ

ИВАНА ИВАНОВИЧА

ДМИТРІЕВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ,

исправленное и уменьшенное.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Н. Гречъ.

1823.

Почтеннымъ издателямъ Полярной звѣзды.
въ знакъ признательности и уваженія
отъ безъимяннаго.

Москва 1824. Января 22 дня.

A Livre appartient à Mademoiselle
Anastasie Rylejev.

Le XIme avril 1841 année

«СТИХОТВОРЕНИЯ» И. И. ДМИТРИЕВА, Ч. I. ИЗД. ШЕСТОЕ, 1823 г. ЭКЗЕМПЛЯР С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА И ВЛАДЕЛЬЧЕСКИМИ НАДПИСЯМИ РЫЛЕЕВА И ЕГО ДОЧЕРИ А. К. РЫЛЕЕВОЙ

«Почтенным издателям Полярной звезды в знак признательности и уважения от безъимянного. Москва 1824. Января 22 дня»

Литературный музей, Москва

располагаем. Книги из состава этой библиотеки в настоящее время находятся в различных библиотеках Москвы и Ленинграда, а также у частных владельцев. Очередной задачей исследователей жизни и творчества Рылеева, музейных и библиотечных работников, являются поиски этих еще не известных нам изданий с автографами их владельца или без них. Осуществление этой задачи будет, несомненно, способствовать изучению исторических и литературно-эстетических интересов Рылеева.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Рылеев. Соч., стр. 427.
[2] См. на стр. 137 настоящего тома.
[3] ВД, т. I, стр. 156.
[4] О чтении Рылеева в Острогожске см. статью Л. Н. Назаровой на стр. 304—309 настоящего тома.
[5] См. стр. 242 и 240 настоящего тома.
[6] Рылеев. Соч., стр. 475—476.
[7] Сочинения и переписка К. Ф. Рылеева. Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1874, стр. 309.
[8] Рылеев. Соч., стр. 513.
[9] Там же, стр. 514.
[10] Сочинения и переписка К. Ф. Рылеева, стр. 289.
[11] Рылеев. Соч., стр. 515.
[12] Сочинения и переписка К. Ф. Рылеева, стр. 299.
[13] Рылеев. Соч., стр. 458.
[14] Там же, стр. 504.
[15] По свидетельству рассыльного «Полярной звезды», Агапа Ивановича, нужные книги лежали в кабинете Рылеева на досках, обтянутых холстом (см. выше, стр. 254 настоящего тома).
[16] Рылеев. Соч., стр. 504.
[17] Сочинения и переписка К. Ф. Рылеева, стр. 272.
[18] И. Н. Розанов видел на этом издании пометку: «Из книг Рылеева». См. его статью «Книга с пометками К. Ф. Рылеева».— Сб. «Памяти П. Н. Сакулина». М., 1931, стр. 242.
[19] См. письмо И. И. Дмитриева к А. А. Бестужеву от 15 мая 1824 г. — «Русская старина», 1888, № 12, стр. 585.
[20] Экземпляр «Марфы Посадницы», также с автографом Рылеева, был в руках И. Н. Розанова (см. прим. 18).
[21] Книга эта обстоятельно описана И. Н. Розановым (см. его статью, указанную в прим. 18). И. Н. Розанов указывает: «В тех местах, где герои трагедии Вольтера выражают душевное колебание и нерешительность, Рылеев-читатель обозначает на полях свое неодобрение. Например, против стиха в одном из обращений отца к дочери: „Скажи, ах, нет! молчи, когда отца жалеешь“, находим карандашную пометку: „слабо“. Патетические места трагедии получают, наоборот, оценку: „очень хорошо“, „очень, очень хорошо“» (сб. «Памяти П. Н. Сакулина». М., 1931, стр. 247—249). О значении перевода трагедии «Танкред» Н. И. Гнедичем см. в статье И. Н. Медведевой «Н. И. Гнедич и декабристы». — «Декабристы и их время», 1951, стр. 136—137.
[22] См. это послание — Рылеев. Соч., стр. 100—101.

ВЫПИСКИ РЫЛЕЕВА ИЗ КНИГ АНТИЧНЫХ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Сообщение Г. А. Рязанцева

〈1〉 Жизнь моя не может быть полезнее для меня той душевной склонности, чтобы никого не обижать ради своей пользы. *Цицерон. О должностях, кн. III, ч. 6.*

〈2〉 Величайшее твое счастие, — говаривал Цицерон Цесарю, — состоит в том, что ты имеешь власть спасать многих граждан. И для благости твоей нет ничего приличнее, как если ты помиловать их пожелаешь.

〈3〉 Государь правосудный творит целый свет храмом, в котором все, преисполненные честности, исполняют должности жрецов. Если не ошибаюсь — *Фрид〈рих〉 II.*

〈4〉 Государь, имеющий намерения возбудить к себе страх, над бедными токмо рабами владычествовать будет и от подданных своих никогда великих дел ожидать себе не может. Государь же, имеющий дарования возбудить к себе любовь, будет управлять сердцами своих подданных. — *Он же.*

〈5〉 Мы не намерены ласкать ему нигде, яко существу высочайшему или яко некоему божеству, ибо говорим не о тиране, но о гражданине, не о государе, но об отце отечества, который почитает себя нам равным, но тем паче превышает, чем более равняет себя с нами. — *Плиний в слове импер〈атору〉 Траяну.*

〈6〉 О, время благополучное и редкое, когда мыслить и говорить не воспрещалося; когда соединены были вещи несовместные, владычество и свобода; когда при самом легком правлении общественная безопасность состояла не из одной надежды и желания, но из достоверного получения прочным образом желаемого. — *Тацит.*

〈7〉 Консул Манилий спросил однажды Цесаря, какими делами удобнее можно приобресть вечную славу? Цесарь отвечал: «Прощать легко досады и щедро награждать хорошо мне служащих».

〈8〉 Диодор Сицилийский повествует, что у египтян за несохранение порученной тайны наказывали как за беззаконие. Один из их жрецов за сие преступление был осужден на изгнание. В Афинах также существовал закон, запрещавший открывать тайну, какая бы она ни была. Во время войны против Филиппа царя Македонского, — пишет Плутарх, — афиняне перехватили письма сего монарха к царице Олимпии и, не распечатав оные, отослали их обратно, дабы не быть вынужденными читать оные всенародно.

〈9〉 *Мужество* Александрово, *знание* Птоломеево, *любовь к истине* Траяна, *кротость* Антонина, Сципиона *воздержание*, *смирение* Феодосия.

⟨10⟩ В царствование Лудовика XIII славный * Ванини был осужден в Тулузе за безбожие ** на сожжение. Мучимый пламенем, он воскликнул невольно: «О, боже!»— Но в ту же минуту начал жаловаться на силу закоснелого с воспитанием предрассудка, которое извлекло у него сие слово против рассудка.

⟨11⟩ Лучше жить без солнца, нежели без бога и закона.— *Плутарх* (Potius conspiciendum sine sole urbem, quam sine deo ac religione)***.

⟨12⟩ «Чтоб писать о женщинах, — сказал Дидерот, — надобно обмакнуть перо в радужные цветы и усыпать строки блестящею пылью с крыла бабочки».

⟨13⟩ Один человек употреблял сильные слова, которые не производили никакого сильного действия: «Я слышу гром, — сказал ему Дидерот, — и не вижу молнии».

⟨14⟩ За день до своего отъезда из Петербурга Дидерот пришел к императрице. «Что могу сделать для вас?»— спросила она. —«Вы уже все сделали, — сказал Д⟨идерот⟩, вынимая бумагу изкармана, — вот мои остальные требования! *Мирный трактат государыни с философом*».—«Я подпишу его не читая»,— сказала Екатерина. —«Извините, в⟨аше⟩ в⟨еличество⟩. Хоть цари не всегда обязаны соблюдать и читанные ими трактаты, однако ж прошу выслушать мой. Статья первая: ни рубля денег, чтобы я мог хвалить в⟨аше⟩ в⟨еличество⟩, не думая дарить за подарок».

Говоря с В⟨еликой⟩ Ек⟨атериной⟩, он изъявил ей свое удивление в рассуждении ее великих введений. «У меня были хорошие учители, — отвечала она, — несчастие с уединением».

⟨15⟩ И величайший ум не может безбоязненно взирать на предрассудки своего века. — *Шиллер.*

О доходах

⟨16⟩ Нет большего в государстве неустройства, как если доходы его соделываются добычею лицеприятия, вместо того, чтоб быть наградою заслуг. — *Плутарх.*

⟨17⟩ Не должно, чтобы правительство, для удовлетворения мнимых своих нужд, отнимало у народа потребное для удовлетворения нужд действительных. — *Монтескье. О сущ⟨ности⟩ зак⟨онов⟩, ч. II, кн. XIII, гл. 2.*

⟨18⟩ Ничто с такою мудростию и благоразумием не должно управляться, как та часть, которую берут у подданных, и та, которую им оставляют.

Общественные доходы должно измерять не тем, что народ дать может, а тем, что он должен дать; если же измеряют тем и с тем, что он дать может, то, по крайней мере, измерять надобно тем, что он всегда может давать. — *Там же.*

Черновой автограф. ЦГИА, ф. № 279, ед. хр. 268, лл. 1—2 об.

Рылеев выписывал изречения историков и политических деятелей иногда с точным обозначением источника, большею же частью только с указанием автора, которому принадлежит данное изречение.

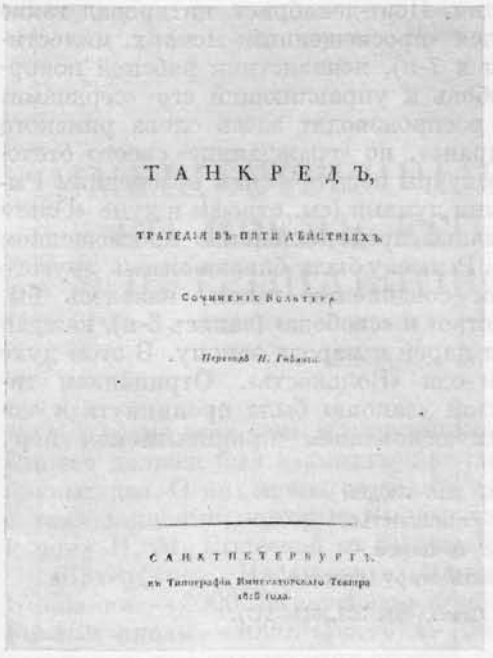
Выписки эти не датированы; судя по почерку, они были сделаны Рылеевым разновременно, вероятнее всего в процессе чтения тех или иных исторических и политико-экономических сочинений. Содержание записей

---

* *Далее зачеркнуто:* безбожник тогдашнего времени

** *Первоначально:* за свои мнения

*** *У Плутарха говорится:* «без бога и религии»; *Рылеев перефразирует эти слова, заменяя* «религию» — «зако⟨но⟩м».



ТАНКРЕДЪ,

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Сочиненіе Вольтера.

Переводъ П. Гнѣдича.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

въ Типографіи Императорскаго Театра 1816 года.

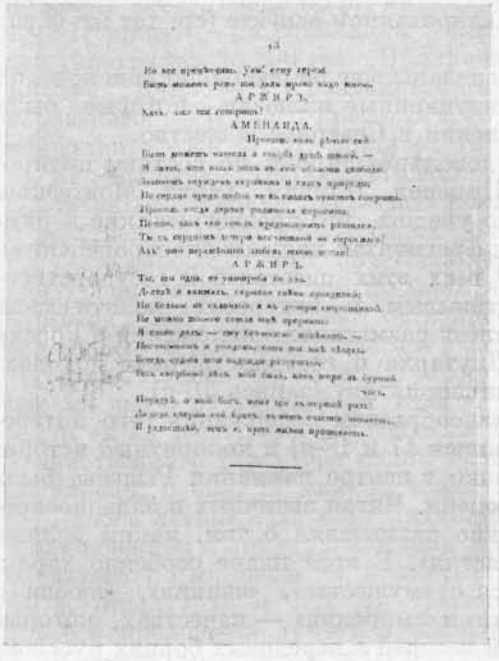
ТАНКРЕДЪ,

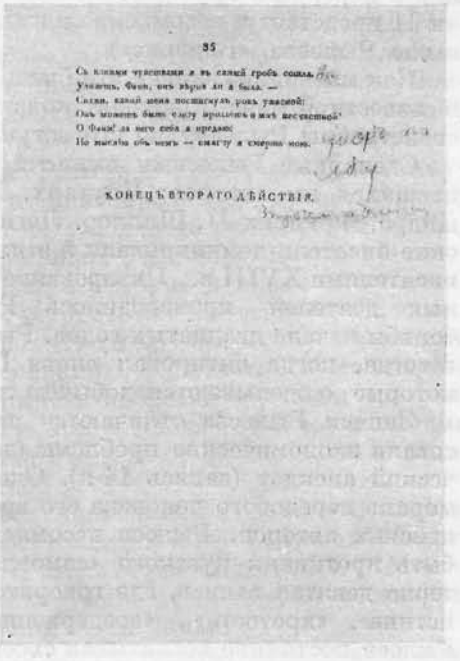
ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

35

Съ какими чувствами я въ самый гробъ сошла.
Узнаешь, Фани, онъ вѣрен ли я была. —
Сидни, какой меня постигнулъ рокъ ужасной:
Онъ можетъ быть слезу пролить о мнѣ несчастной!
О Фани! за него себя я предаю:
Но мыслію объ немъ — смягчу я смерти мою.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.





ТРАГЕДИЯ ВОЛЬТЕРА «ТАНКРЕД» В ПЕРЕВОДЕ П. И. ГНЕДИЧА, ИЗД. 1816 г.
ЭКЗЕМПЛЯР С ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ И ПОМЕТАМИ РЫЛЕЕВА
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

говорит о том, что Рылеев делал эти выписки в 1820—1822 гг., еще до своего перехода на республиканские позиции. Поэт-декабрист цитировал такие изречения, в которых идеализировался «просвещенный» монарх, милостивый к своим подданным (записи 3-я и 7-я), ненавистник рабской покорности, возбуждающий у народа любовь и управляющий его «сердцами» (запись 4-я). Рылеев сочувственно воспроизводит здесь слова римского историка Плиния о монархе не «тиране», но «гражданине» своего отечества (запись 5-я); эти слова были созвучны политическим воззрениям Рылеева в период работы его над первыми думами (см. строфы в думе «Ольга при могиле Игоря», 1822). Аналогичные представления о просвещенном монархе выражены и в оде «Видение». Рылееву была близка мысль другого римского историка об органическом соединении таких, казалось бы, «несовместных» вещей, как «владычество» и «свобода» (запись 6-я), каждая из которых подчиняется общему для царей и народа закону. В этом духе была написана молодым Пушкиным ода «Вольность». Отрицанием тирании «сверху» и «снизу» и апофеозом «закона» была проникнута и ода «Александру I», с очень большим основанием приписываемая перу Рылеева:

Равно ужасны для людей
И мятежи, и самовластье.
Гроза народов и царей —
Не им доставить миру счастье!

(Рылеев. Стих., стр. 368, 544—547).

Характерны далее запись 8-я, защищающая неприкосновенность мнений и переписки граждан, а также запись 14-я, в которой образ Екатерины II предстает в несомненно идеализированном аспекте (ср. тот же образ в оде Рылеева «Видение»).

Как мы видим, записи эти были сделаны еще не республиканцем: в них в известной мере отражены конституционные иллюзии, которые были свойственны Рылееву до его вступления в Северное общество.

Сделанные Рылеевым выписки довольно широки по составу цитировавшихся им авторов: Плутарх, Цицерон, Плиний, Тацит, Монтескье, Дидро, Фридрих II, Шиллер. Легко увидеть, что древнегреческие и римские писатели доминировали в этих фрагментах над западноевропейскими писателями XVIII в. Цитирование всех этих писателей и государственных деятелей производилось Рылеевым в интересах политической борьбы начала двадцатых годов. Рылеев размышлял о положении в России и тогда, когда цитировал слова Плутарха о государственных доходах, которые «соделываются добычею лицеприятия» (запись 16-я).

Записи Рылеева отличаются разнообразием содержания: его интересовали экономические проблемы (записи 17 и 18-я) и колоритный исторический анекдот (запись 14-я). Однако в центре внимания Рылеева была мораль передового человека его времени. Читая античных и западноевропейских авторов, Рылеев несомненно размышлял о том, каким должен быть противник русского «самовластия». В этом плане особенно характерна девятая запись, где говорится о «мужестве», «знании», «любви к истине», «кротости», «воздержании» и «смирении» — качествах, которые Рылеев постоянно воспитывал своей поэзией в передовых борцах русского освободительного движения.

Таким образом выписки, сделанные Рылеевым из книг античных и западноевропейских авторов, дают новый материал для характеристики мировоззрения поэта-декабриста.

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЛА РЫЛЕЕВА ВО ВРЕМЯ ЕГО ПРЕБЫВАНИЯ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Сообщение А. Г. Цейтлина

В течение всех семи месяцев пребывания в Петропавловской крепости Рылеев должен был заниматься налаживанием своих запутанных материальных дел. О них можно составить представление, ознакомившись хотя бы с теми записями, которые Рылеев сделал на чистых страницах письма к нему Н. М. Рылеевой от 26 декабря 1825 г.:

«Катер‹ине› Ив‹ановне› Малютиной — 2000. Булдакову — 3500. Компании — 3000. За деревню в ломбарде — 8000 ‹...› За серебро — 2200. Разным лицам — 1000. (Всего) 19 700. — На Пущине около 1500 р. Он оставил об том письмо отцу своему, сенатору. — У Петра Александр‹овича› Муханова надо будет спросить: кому он поручил дом в Киеве; за ним, по моему счету, еще 2000 р.; 5 тыс‹яч› он переслал ко мне в разное время чрез Пущина. — За Оржицким 200 р. — За Миллером 100 р. — В Военной типографии до 200 экз. „Полярной звезды“ на 1825 год. — У Сленина 100 экз. „Дум“. — У Селивановского в Москве по 50 экз. „Дум“ и „Войнаровского“. — В бюро: крепости и 10 акций Р‹оссийско›-Амер‹иканской› компании. — На Ф. П. Миллере 100 р.»[1].

Как мы видим, Наталье Михайловне Рылеевой предстояло много имущественных хлопот — взыскивать долги с книгопродавцев, просить друзей и родственников об уплате своих долгов, улаживать счеты с ломбардом, где была заложена наследственная деревенька Рылеевых, Батово. В каждом новом письме Рылеев посылал жене все новые и новые поручения. 4 января 1826 г. он ей пишет: «Старайся устроить хозяйственные дела наши; все бумаги и документы лежат в бюро. Счеты по опекунству над детьми Катерины Ивановны там же. Их надо сохранить для отчета»[2]. На обороте письма жены от 20 февраля 1826 г. Рылеев набросал черновик доверенности ей на распоряжение Батовым и домом в Киеве[3]. Распоряжениями хозяйственного характера полны письма Рылеева от 27 марта, 13 апреля, 20 апреля, 6 мая, 27 мая, 21 июня 1826 г.[4]

Даже в письме к Наталье Михайловне, написанном в ночь перед казнью и законченном в минуту последних приготовлений к ней («Прощай! Велят одеваться»), Рылеев сделал приписку: «У меня осталось здесь 530 р. Может быть, отдадут тебе»[5]. В эти трагические минуты прощания с жизнью Рылеев продолжал думать о положении своей семьи.

В фонде декабристов (в ЦГИА) хранятся документы, касающиеся имущественных дел Рылеева. Они еще не были известны исследователям. Мы публикуем эти материалы для биографии Рылеева, выделяя среди них несколько его автографов.

Кроме денег, имения и вещей, у Рылеева были еще крепостные крестьяне, и очень важно отметить, что он думал об их судьбе в последние месяцы своей жизни. На обороте письма жены от 26 декабря 1825 г.,

полученного Рылеевым в Петропавловской крепости, имеется следующая запись: «Мишка и Олимпиада должны быть вольные; ⟨они⟩ имеют на то право, и это желание покойной матушки» [6].

21 июня 1826 г. Рылеев писал жене: «Олимпиаде и Мишке дай отпускные и по 50 р. и скажи крестной их матери, чтобы приискала им место в ученье» [7]. Слова письма более осторожны, нежели публикуемая выше запись. Можно предполагать, что, находясь под арестом, Рылеев намеренно предпочел эту формулировку: говорить о праве крестьян на получение вольной значило, по меньшей мере, поставить письмо к жене под угрозу задержки Следственной комиссией.

3 апреля 1826 г. Рылеев обратился в Следственную комиссию с просьбой разрешить ему выдать доверенность Н. М. Рылеевой. Приводим это прошение полностью:

В ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННЫЙ КОМИТЕТ

Отставного подпоручика Рылеева

П Р О Ш Е Н И Е

Покорнейше прошу высочайше учрежденный Комитет дать мне позволение и возможность выдать жене своей доверенность на распоряжение имением моим и в случае, если она найдет нужным, на продажу оного.

Подпоручик Кондратий Рылеев

Апреля 3 дня
1826 [8].

Это прошение немедленно пошло по инстанциям. 4 апреля 1826 г. оно, повидимому, рассматривалось в Следственной комиссии (на прошении поставлена свидетельствующая об этом дата). 10 апреля председатель Комиссии Татищев отвечал коменданту Петропавловской крепости генерал-адъютанту Сукину: «Препровождая Вашему высокопревосходительству лист гербовой бумаги, покорнейше прошу приказать отдать оный содержащемуся во вверенной Вам крепости отставному подпоручику Рылееву для написания, согласно просьбы его, доверенности жене своей, касательно устройства домашних дел, и доверенность сию доставить ко мне для распоряжения о засвидетельствовании оной законным порядком и для отправления по принадлежности». Получив от Рылеева написанную им доверенность, Сукин направил ее Татищеву, который со своей стороны просил министра юстиции «об учинении распоряжения, дабы сия доверенность засвидетельствована была законным порядком...» [9].

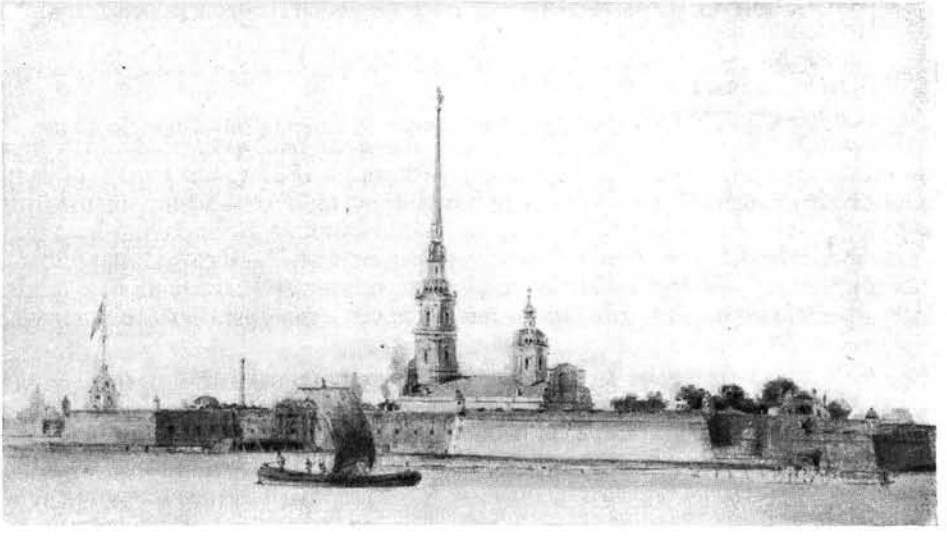
Не воспроизводим здесь самую доверенность: ее нет среди документов архива, кроме того она была недавно опубликована В. Н. Нечаевым в статье «Батово, усадьба Рылеева» [10].

В объемистом томе, озаглавленном «О частных долгах, на арестованных лицах имеющихся», хранится переписка о долге Рылеева портному Яуцхи. Как явствует из запроса петербургского военного генерал-губернатора от 21 марта 1826 г., в Следственную комиссию им было переслано «прошение портного мастера Яуцхи, который просит содействия, чтобы содержащийся под стражею отставной подпоручик Рылеев подписал приложенный при оном прошении счет о деньгах, следующих сему портному за платья, сделанные им для Рылеева». 26 марта этот счет переслан был Рылееву и с его подписью возвращен Татищеву [11]. К сумме долгов Рылеева прибавилось еще 866 рублей.

Подписанный Рылеевым счет передан был портному Яуцхи, который, однако, в новом прошении петербургскому военному генерал-губерна-

тору «изъяснил, что причитавшиеся по оному счету с Рылеева 571 рубль получил уже от жены Рылеева; но что касается до показанных в том же счете 225 рублей, кои причитаются за вещи, сделанные за поручительством Рылеева для поручика Каховского, то жена Рылеева отозвалась, что и сии деньги она готова уплатить за мужа своего, как за поручителя по Каховском, если только сей последний сделает отзыв, что он сам не в состоянии заплатить сих денег» [12].

«Высочайше учрежденная Комиссия» сделала Каховскому вопрос: «признаёте ли вы долг сей справедливым и каким образом предполагаете оный уплатить?» На это последовал ответ Каховского: «Долг сей признаю совершенно справедливым и покорнейше прошу высочайше учрежденную



ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ
Акварель В. С. Садовникова, 1830—1840-е гг.
Музей русской архитектуры им. А. В. Щусева, Москва

Комиссию позволить мне написать к брату моему о высылке нужной суммы денег для уплаты долгов моих. Поручик Каховский». Такого разрешения Каховский, однако, не получил, и Татищев сообщил Яуцхи, что Каховский для удовлетворения оного долга «денег не имеет» [13]. Отметим, что последняя бумага была отослана 12 июля 1826 г., всего лишь за несколько часов до казни Рылеева и Каховского.

В объемистом «деле о вещах и деньгах, принадлежавших арестованным лицам», имеются сведения о вещах, которые были у Рылеева в Петропавловской крепости, и одежде, которую он там носил. В «Описи вещам, оставшимся после убылых из Санкт-Петербургской крепости арестантов, какие именно остались вещи и сколько принадлежит им денег», посланной комендантом крепости Сукиным председателю Следственной комиссии Татищеву, перечислены все вещи пяти казненных декабристов. В составе этой общей описи имеется перечень вещей «*бывшего подпоручика Рылеева*»:

Бумажник красного сафьяну — 1
Шуба суркового меху, крытая синим сукном, поношенная — 1
Фрак черного сукна — 1
Жилет черный саржевый — 1
Фуфаек бумазейных белых — 3

Платок черный саржевый — 1
Шапка теплая — 1
Рубах { ситцевая розовая — 1; из холстинки пестрая — 1; полотняных и холщевых — 4 }
Подштанников холщевых — 3
Платков белых носовых { батистовых — 2; холстинных — 4 }
Платков шейных белых коленкоровых клетчатых ветхих — 2
Полотенцев холщевых ветхих — 2
Кольцо обручальное золотое — 1
Чулок шерстяных — 3 пары
Получулок нитяных ветхих — 2 пары
Колпаков бумажных — 2
Салфеток — 3
Пачка разных бумаг — 1 [14].

По этой описи, засвидетельствованной плац-майором крепости, полковником Подушкиным, Н. М. Рылеева 3 января 1827 г. получила обратно вещи своего мужа. Помимо одежды покойного, вдове его возвращены были 45 рублей ассигнациями и бумаги, принадлежавшие Кондратию Рылееву, в синей салфетке и в особо запечатанном пакете [15]. Что заключалось в этих бумагах, нам неизвестно: они были приняты Рылеевой без описи. Надо думать, что в пакете хранились письма, которые Рылеев получал от жены и бережно хранил до своей казни.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сочинения и переписка К. Ф. Рылеева. Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1874, стр. 264.
[2] Рылеев. Соч., стр. 502.
[3] Сочинения и переписка К. Ф. Рылеева, стр. 273.
[4] Рылеев. Соч., стр. 507—516.
[5] Там же, стр. 519.
[6] ИРЛИ, ф. № 269, оп. 2, № 29.
[7] Рылеев. Соч., стр. 516.
[8] ЦГИА, ф. № 48, д. 302, л. 77. — Рылеев писал прошение в «Высочайше учрежденный Комитет», тогда как он уже был в это время переименован в Следственную комиссию.
[9] Там же, лл. 78—81.
[10] «Звенья», IX, 1951, стр. 211.
[11] ЦГИА, ф. № 48, д. 301, лл. 43—46.
[12] Там же, л. 47 об. — Н. М. Рылеева действовала в этом случае согласно инструкции своего мужа, который писал ей 13 апреля 1826 г.: «Портному Яуцхе отдай теперь же 571 р., а 295 тогда, когда узнаешь, что Каховский не в состоянии заплатить, ибо я поручился за него. При отдаче возьми расписку» (Рылеев. Соч., стр. 509.— Фамилия портного в следственном деле пишется: Яухци).
[13] Там же, лл. 48, 49 об.
[14] Там же, д. 293, л. 323 об.
[15] Там же, лл. 337—339.

МАТЕРИАЛЫ К ЦЕНЗУРНОЙ ИСТОРИИ СОЧИНЕНИЙ РЫЛЕЕВА

Сообщение Г. А. Рязанцева

I

Творчество Рылеева было обращено к прогрессивной русской общественности двадцатых годов, которую поэт-декабрист стремился воспитать для борьбы с «самовластием». Этому всячески старалась помешать цензура, яростно боровшаяся со всеми проявлениями политического «свободомыслия». К такому видному носителю его, как Рылеев, цензура относилась особенно настороженно.

Александровская цензура пропустила осенью 1820 г. в печать сатиру «К временщику». Она была обманута античным колоритом сатиры, которую Рылеев выдал за перевод из римского поэта Персия. Цензор «Невского зрителя» не увидел прозрачных намеков на современность. Конфисковать номер журнала после его выхода в свет было неудобно, так как это привлекло бы к сатире мало еще известного поэта всеобщее внимание. Однако для издателей «Невского зрителя» после напечатания сатиры «К временщику» началась полоса настойчивых цензурных придирок, закончившихся летом 1821 г. закрытием журнала.

Чем больше писал Рылеев, тем больше ставила ему препятствий цензура самодержавно-крепостнической империи. Он не мог при жизни увидеть в печати ни своего патриотического послания Ермолову, ни траурной оды на смерть Байрона, ни взволнованной прокламации по поводу смерти К. П. Чернова, ни стихотворения «Я ль буду в роковое время...» («Гражданин»). Света не увидели некоторые думы Рылеева, подготовленные им к печати, и ода «Гражданское мужество».

«После 1825 г. не только произведения Рылеева, но даже самое его имя на несколько десятков лет исчезает из русской легальной печати. Исключения — единичны и все приходятся или на официальные издания („Донесение Следственной комиссии“ или „Приговор Верховного уголовного суда“), или на случайные перепечатки некоторых его вещей в трех лубочных песенниках и низкопробных альманахах 1829—1831 гг. (Мадригал „Кого не победит Аглаи томный взор“ в „Листках граций“, М., 1829; „Не сбылись, мой друг, пророчества“ в „Эвтерпе“, М., 1831; думы: „Наталия Долгорукова“, „Димитрий Самозванец“ и „Смерть Ермака“ в „Венере“, М., 1831). Все прочие перепечатки и редкие публикации неизвестных ранее произведений Рылеева („Партизаны“, „На смерть Байрона“, экспромт „У вас в гостях бывать накладно“, „В альбом Т. С. К.“) — строго анонимны. Об авторе „Дум“ и „Войнаровского“ нельзя упоминать даже иносказательно; его издания изымаются из казенных библиотек, вырезываются из старых журналов и альманахов, переписка и распространение их преследуется как нелегальщина и контрабанда» [1].

Охарактеризуем отношение цензуры к Рылееву на основании некоторых неопубликованных документов, почерпнутых из секретных архивов

III Отделения. Перлюстрацией 1827 г. было установлено, что кто-то из москвичей (возможно имевший отношение к университету) писал некоему Александру Ивановичу Попову в местечко Шполу: «В будущем году готовится здесь множество новых журналов, альманахов и прочей литературной сволочи, но „Полярная звезда" погасла, а заступившие место ее — не что иное, как шумиха, ракетка и блуждающие огни» [2]. Это сообщение привлекло к себе внимание перлюстраторов: название рылеевско-бестужевского альманаха в условиях злейшей реакции тех лет звучало, как напоминание о революции. Вот почему, когда в конце 1827 г. А. А. Ивановский задумал издавать альманах «Северная звездочка», помощник Бенкендорфа, Фон-Фок, предложил своему шефу «переменить заглавие без всякого шума и переписки», которые могли бы произвести «соблазн в публике», еще хорошо помнившей «Полярную звезду» и знавшей, что в 1826 г. вслед за нею должен был выйти в свет альманах под именем «Звездочка» [3].

21 января 1832 г. начальник 2-го округа корпуса жандармов, граф Апраксин, ссылаясь на объявление в «Московских ведомостях» от 16 января, донес Бенкендорфу, что в книжном магазине Николая Глазунова продается «известная „Полярная звезда" за 25 рублей ассигнациями»; «Появление сего сочинения и столь высокая цена, назначенная книгопродавцем, произвело здесь между многими какое-то удивление и различные толки» [4]. По этому вопросу немедленно заведено было «дело». Справку о «Полярной звезде» дал III Отделению Н. И. Греч 27 января, в переписке же о незаконной продаже «Полярной звезды» принял участие ряд лиц, в том числе московский цензор Е. И. Ольдекоп. О «преступном» распространении книг Бенкендорф доложил Николаю I, который «повелеть соизволил, дабы продажа книг была немедленно остановлена и дабы оные книги были от всех книгопродавцев отобраны; с тем вместе государю императору угодно иметь обстоятельные сведения: по какому случаю сочинения сии, напечатанные еще в 1825 году, ныне вновь поступили в продажу? В каком количестве экземпляров оные у книгопродавцев находятся и не были ли они вновь после издания их в 1825 году перепечатаны, и, наконец, по какому случаю назначена им цена столь высокая и несоразмерная с первоначальною...». Московский обер-полицеймейстер С. Н. Муханов, которому шеф жандармов задал 28 января все эти вопросы, 10 февраля донес, что «Полярная звезда» не переиздавалась, а у Глазунова были найдены единичные экземпляры, из которых он продал всего лишь три как редкие книги, чем и объяснялась повышенная цена [5].

Столь ретиво ополчаясь на продавцов рылеевских альманахов, III Отделение принимало все меры к тому, чтобы изобличить тех, кто продолжал читать рылеевские сочинения. 19 июля 1827 г. лужский уездный стряпчий послал петербургскому губернскому прокурору следующее секретное сообщение:

«14 декабря 1825 г. оставило во многих умах воспоминания по свойству, понятиям и нравственности каждого из них. В некоем обществе рассуждаемо было о сочинениях известного Рылеева, в числе коих и мне знакомо одно под названием „Волынский. Дума". Сокровенная цель и дух сочинителя, изображенные в сей думе, тогда только обнаружились совершенно, когда уже злые его замыслы представились на суд законов и общий. До того же сочинение сие могло быть сочтено произведением сильного порыва, человеколюбия и добродетели. Двусмысленность слов рассуждавших лиц об означенных сочинениях и свойствах сочинителя родила во мне мысль, что вместе с сими государственными преступниками долженствовала бы погибнуть и память их, отзывающаяся в таковых сочинениях, ибо творения сочинителя, в умах знающих его совершенно и одинаких с ним правил, конечно, рождают одни и те же воображения, одни и те же страсти» [6].

ЖАСМИНЪ И РОЗА,

ПОДАРОКЪ ДЛЯ ТУАЛЕТА
НА 1830 ГОДЪ
ЛЮБИТЕЛЬНИЦАМЪ
И
ЛЮБИТЕЛЯМЪ ПѢНІЯ,
ИЛИ НОВѢЙШЕЕ СОБРАНІЕ
РОМАНСОВЪ И ПѢСЕНЪ.

МОСКВА.
Въ Типографіи Н. Степанова.
При ИМПЕРАТОРСКОМЪ Театрѣ.
1830.

78

Не вчера ли въ хороводѣ
Ты игралъ, дружокъ, со мной?
Не вчера ли, при народѣ
Называлъ меня душой?

Не вчера ли восхищался
Рѣчью дѣвушки, лицомъ?
Не вчера ли помѣнялся
Ты со мной своимъ кольцомъ?

Не вчераль, въ любви безмѣрной
Ты, жестокій! увѣрялъ?
Не вчераль мнѣ легковѣрной
Сердце, душу обѣщалъ?

А сего дня?... о коварство!
Ты меня уже забылъ!—
И другую за богатство,
Другъ невѣрный, полюбилъ!

79

Я не такъ, дружокъ, богата,
Какъ прелестница твоя:
Нѣтъ ни жемчуговъ, ни злата,—
Но ужель безъ сердца я?

Полюбивъ тебя сердечно,
Буду до смерти любить:
Кто полюбитъ, тотъ конечно
Ужь не въ силахъ разлюбить.

Веселись!... а я страдаю!
Ахъ! таковъ ли клятвъ залогъ?
Веселись, дружокъ, я знаю:
За меня отплатитъ Богъ!

Рылѣевъ.

АЛЬМАНАХ «ЖАСМИН И РОЗА» НА 1830 г.
Здесь, очевидно незамеченное цензурой, было напечатано за подписью Рылеева стихотворение неизвестного автора «Не вчера ли в хороводе...»
Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва

Донос этот немедленно был переслан в III Отделение. Стряпчему приказано было собрать новые сведения и уточнить виновность каждого из людей, выражавших сочувствие Рылееву. В своем втором донесении от 13 июля 1827 г. лужский стряпчий сообщал начальству:

«1. Разговор о Рылееве, о сочинениях его происходил в квартире комиссара над казенными крестьянами — барона Зальца, который, впрочем, продолжался весьма недолго и заключался в нескольких только вопросах и ответах.

2. В оном участвовали — лужский помещик Херасков и проживающий у него отставной гвардии поручик Шимшев. Сам же хозяин под ту пору вышел в передние комнаты или в канцелярию свою, где пробыл несколько минут, а посему и содержание такового разговора ему не может быть известно.

3. Каким образом от прочих предметов последовал переход к Рылееву, о том не помню. Слова же г. Хераскова между прочим были следующие: *первое:* „Какой благородный и убедительный слог в сочинениях Рылеева", *второе:* „Человек сей на самом опыте оправдал дух свой в сочинении его „Волынский. Дума". Он с необыкновенной твердостью перенес смертную казнь". И наконец, когда я отозвался, что может быть заблуждения его и самый порок представляются ему добродетелью, сожалея при этом, что человек с подобными способностями содеялся толико заблудшимся мечтателем, коего намерения предполагали неминуемое бедствие народа,— то на сие ответствовано: „Так можно быть преступником и не бывши злодеем".

С вышеписанных и подобных тому слов я заключил, что сочинения Рылеева опасны для неопытных молодых и подобных ему мечтателей и что они в силах породить в них и дух его, а посему и цель моего донесения была та, что ежели, ваше высокоблагородие, признаете основательными замечания мои, то и примите зависящие от вас меры насчет воспрещения означенных сочинений, которые находятся и в печати. Впрочем, особенной цели означенным словам я предположить не могу, исключая что сей Рылеев сочинениями своими внушил к себе участие» [7].

Уже к гораздо более поздней поре относится «докладная записка» в III Отделение прапорщика Наливайко 21 июля 1847 г. обратившегося к шефу жандармов А. Ф. Орлову:

«Считая доносы вообще делом недостойным благородного человека и презирая их совершенно, я не могу, однако, умолчать о следующих обстоятельствах: служащий письмоводителем у черкасского стряпчего канцелярист Липай спросил меня, запрещено ли иметь у себя сочинения Рылеева, и когда я отвечал утвердительно, то он сказал мне, что здесь, в Черкассах, распространяется между чиновниками последнее его стихотворение. Желая выследить, каким образом эти стихотворения попали сюда и с какою целью распространяются, я стал расспрашивать Липая, и вот что мне стало известным: живущий в Черкассах отставной чиновник 9 класса Коломийцев показал кому-то из чиновников эти стихи в рукописи, утверждая, что она писана собственною рукою Рылеева. Заинтересовав таким образом, он дал снять с нее копии, имеющиеся теперь, как говорят, у исправника Шкляревского, у губернского секретаря Павловского, секретаря черкасского земского суда Лясковского, который, в свою очередь, распространяет это стихотворение между молодыми людьми в Черкассах...» [8].

Попытки Наливайки получить рукопись от Коломийцева как бы для списывания не дали положительных результатов. Лавры борца с «крамолой» Наливайке пришлось разделить с майором Ланге, который также донес на Коломийцева. Последний был арестован и вскоре (в 1848 г.) умер.

Несколько прошедших перед нами документов из архива III Отделения свидетельствуют о непрекращавшемся преследовании правительством Николая I всех, кто проявлял хотя бы малейший интерес к творчеству Рылеева.

II

Интерес читателей к зарубежным публикациям сочинений Рылеева — в сборниках «Полярная звезда» на 1856 и 1859 гг. и в отдельных изданиях «Дум» в Лондоне (1860) и сочинений в Лейпциге (1861) — побудил русских издателей к попыткам нарушить запрет произведений Рылеева. Одним из первых в их числе был издатель «Русского архива» П. И. Бартенев. В 1871 г. им были подготовлены два тома исторического сборника «Девятнадцатый век»; в первый том должны были войти записки Н. В. Басаргина, воспоминания о Рылееве Е. П. Оболенского и Н. А. Бестужева, а также письма Рылеева к Пушкину и несколько набросков дум. Рукопись первого тома сборника 25 августа 1871 г. представлена была в Московский цензурный комитет, который счел необходимым получить санкцию на выпуск от Главного управления по делам печати. Переписка между этими учреждениями цензуры тянулась с 25 августа по 15 октября 1871 г., когда дело было, наконец, решено в благоприятном для Бартенева смысле [9].

Первоначальный запрос Московского цензурного комитета не сохранился, и дело открывается телеграммой заведующего Главным управлением по делам печати Шидловского: «Записок Басаргина задерживать не следует. Бумаги и письма Рылеева подлежат аресту» [10]. 29 августа председатель Московского цензурного комитета И. В. Росковшенко предупредил Бартенева, что «при всем уважении» к его изданиям цензура будет поставлена «в необходимость задержать в типографии имеющий на днях явиться в свет „сборник XIX век“, так как в нем помещены воспоминания о государственном преступнике Рылееве и письма его». П. И. Бартенев в своем оправдании указал на то, что письма Рылеева и его стихи «не очень давно» были уже опубликованы в «Русской старине» (1871, № 1) и, кроме того, что «он помещает статьи о Рылееве только как материал для истории русской литературы, не касаясь его политического характера, и сверх того помещает при статьях собственное примечание, в котором осуждает его как государственного преступника, получившего заслуженную им кару» [11].

Ознакомившись с содержанием статей, относящихся к Рылееву, Росковшенко нашел их в общем вполне приемлемыми, за исключением первой статьи, принадлежавшей перу Е. П. Оболенского [12]. Главное управление по делам печати не нашло в содержании присланных ему материалов «ни малейшего повода к судебному преследованию», но, — добавлял Шидловский, — «буквальный смысл известного Вам высочайшего повеления ясен, и я не могу взять на себя допустить их выпуск в свет» [13]. Начальник Главного управления по делам печати имел в виду повеление Александра II «о недопущении к выходу в свет сочинений лиц, признанных изгнанными из отечества, тайно покинувших его, и государственных преступников, какого бы содержания ни были эти сочинения и в каком бы виде они ни издавались». Напоминая об этом повелении царя в следующем своем конфиденциальном письме в Московский цензурный комитет, Шидловский требовал «немедленно донести», почему «вопреки буквальному смыслу указанного высочайшего повеления», Московский цензурный комитет не сделал «немедленно распоряжения о задержании книги „Девятнадцатый век“» [14]. В ответ на это Росковшенко 4 сентября 1871 г. известил петербургское начальство о задержке первой книжки

сборника [15]. От управляющего типографией Иогансона, «швейцарского подданного Фетерли», была отобрана подписка в том, что книга, «отпечатанная в количестве 2350 экземпляров, не будет им выпущена из типографии ⟨...⟩ до особого со стороны Комитета распоряжения» [16].

Александр II, по докладу статс-секретаря А. Б. Лобанова-Ростовского, согласился с тем, что, «поскольку издание предпринятое Бартеневым, не имеет тех предосудительных целей, которые послужили поводом к воспоследованию высочайшего повеления 18 февраля, и что преступление Рылеева совершилось 46 лет тому назад» — первый том сборника «Девятнадцатый век» может быть выпущен в свет [17].

Тех, кто в условиях русской цензуры 1860—1880-х годов вознамерился издавать более или менее полные собрания сочинений Рылеева, ожидали, естественно, еще бóльшие мытарства.

В 1860 г. прогрессивный русский литератор Л. Л. Камбек [18] сделал попытку добиться разрешения на издание избранных сочинений Рылеева. В делах III Отделения сохранилось прошение Камбека «на высочайшее имя», написанное им уже после того, как его хлопоты в Петербургском цензурном комитете не увенчались успехом:

«Занимаясь собиранием материалов для истории литературы нашей, собрал я бывшие в двадцатых годах изданные отдельно и в различных повременных журналах сочинения Кондратия Рылеева. Собрание это было представлено в феврале сего года в С.-Петербургский цензурный комитет, который, за исключением двух пьес, не нашел препятствий по правилам цензуры к изданию этого собрания, но считал нужным представить это на утверждение Главного управления цензуры, так как сочинения эти принадлежали перу бывшего государственного преступника. Ныне Главное управление цензуры дало знать, что оно настоящее издание разрешить не может.

Ваше величество всемилостивейшим манифестом 1856 года простили всех государственных преступников и в том числе сподвижников Рылеева. Неужели имя мертвого не получит прощения?

Ваше величество, прибегаю к вашей монаршей милости с всеподданнейшею просьбою разрешить мне издание этих сочинений как материала к истории нашей литературы, в которых цензура не нашла ничего, кроме имени автора, могущим служить препятствием к изданию...» [19].

Прошение Камбека было подано 25 мая 1860 г.; уже через два дня, 27 мая, воспоследовала резолюция: «Высочайше повелено оставить без следствий».

Спустя семь лет такая же попытка была сделана неким Н. Флиге. Об этом свидетельствует неопубликованное «Дело С.-Петербургского комитета по рукописи „Стихотворения Рылеева“, начатое 13 апреля и законченное 20 июня 1867 г.». Как явствует из справки на первом листе этого цензурного «дела», титулярный советник Н. Флиге 13 апреля 1867 г. сдал рукопись «Стихотворения Рылеева» в Петербургский цензурный комитет. Рукопись дана была на просмотр цензору А. Смирнову, который 10 мая 1867 г. представил о ней такой отзыв:

«Стихотворения Рылеева, заключающиеся в прочитанной мною тетради („Войнаровский“ и замечательные моменты из жизни знаменитейших государей русских и некоторых исторических личностей), по существу своему, не представляют ничего противного правилам цензуры, за исключением поэмы „Войнаровский“, в которой выражено слишком восторженное воспоминание о минувшей независимости Малороссии, и „Видение Анны Иоанновны“, в котором рассказывается о явлении ей в тронной зале головы казненного Волынского. „Войнаровского“ могут принимать за агитацию к сепаратизму, а „Видение“, как частный случай из жизни

государыни той эпохи, о которой разглашать всего не разрешено, не подлежит дозволению к печати, по крайней мере, без согласия министерства двора. По обстоятельствам, стихотворения К. Ф. Рылеева не могут быть дозволены к печати, как сочинения политического преступника, по крайней мере, без разрешения высшего начальства»[20].

На основании докладной записки цензора А. Смирнова Главным управлением цензуры было составлено отношение в Главное управление по делам печати (№ 491 от 29 мая 1867 г.), в котором с неудовольствием отмечалось, что в поэме «Войнаровский» «выражено слишком восторженное воспоминание о минувшей независимости Малороссии». Из других стихотворений Рылеева цензор не счел возможным дозволить к печати: 1) «Исповедь Наливайки», 2) конец стихотворения «Пустыня» со слов «тогда как он порой...», 3) «К К—му», 4) «К временщику» и 5) «Гражданское мужество». «Как сии, так и остальные стихотворения появлялись своевременно в печати, так что более или менее известны читающей публике; но, принимая во внимание имя их автора, цензор не признает возможным дозволить их к печати без разрешения высшего начальства» [21].

47) ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ *Николая Глазунова*, состоящемъ въ домѣ *Г-жи Курмалѣевой*, противъ фасада Присудственныхъ Мѣстъ, продаются слѣдующія новыя книги:

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА,

карманная книжка для любителей и любительницъ чтенія, на 1832 годъ. М. въ Ун. Тип. 1832 г.; цѣна на обыкновенной бумагѣ 5 руб. 50 к., на велен. 8 руб.

4

ЭЛИЗІУМЪ,

Альманахъ на 1832 г., издан. П. Ювскимъ. М. 1832 г. въ У. Т., на велен. бум. Цѣна 10 р. асс.

РОСЛАВЛЕВЪ, или Рускіе въ 1812 г. соч. М. *Загоскина*, въ 4 Ч. *изданіе второе*. М. въ т. Н. Ст. Цѣна 20 р. асс., въ пер. 22 р.

МАРѲА ПОСАДНИЦА Новогородская, Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, изд. М. *Погодинымъ*. М. 1830 г. въ Ун. Тип. Цѣна 5 руб. 50 к. въ перепл. 6 руб. 50 к.

КОНРАДЪ ВАЛЛЕНРОДЪ,

историческая повѣсть въ стихахъ *А. Мицкевича* пер. А. Ш. съ 2 гравир. каршинк. М. 1832 въ У. Т. Цѣна 6 р., въ пер. 7 руб.

КИРГИСЪ-КАЙСАКЪ, повѣсть; сочин. *В. Ушакова*. 2 Ч. М. 1831 г. въ т. Ст. Цѣна 8 руб., въ перепл. 10 руб.

КОТЪ БУРМОСѢКО, любимецъ Халифа Али-Мамумъ, повѣсть *В. Ушакова*. М. въ т. Ст. Цѣна 5 р. 50 к., въ пер. 6 р. 50 к.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА,

карманная книжка на 1825 г., изд. *А. Бестужевымъ* и К. *Рылѣевымъ*. СПБ. въ Воен. т. Главн. Штаба. Цѣна 25 руб. ассигнац.

ВОИНАРОВСКІЙ соч. *К. Рылѣева*. М. въ т. Сел. 1825 г. Цѣна 25 р. асс.

Картина осенняго похода 1813 г. въ Германію послѣ перемирія до обратнаго перехода Французской арміи черезъ Рейнъ; соч. *Г. М. Д. П. Бутурлина, служащая продолженіемъ исторіи нашествія Императора Наполеона на Россію*. СПБ. 1830 г. 6 р. въ пер.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПРОДАЖЕ В КНИЖНОМ МАГАЗИНЕ Н. ГЛАЗУНОВА В МОСКВЕ «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ» НА 1825 г. (ИЗДАНИЕ РЫЛЕЕВА И А. БЕСТУЖЕВА) И «ВОЙНАРОВСКОГО» РЫЛЕЕВА

«Московские ведомости» от 16 января 1832 г., № 5

Однако Петербургский цензурный комитет не ограничился предложением сделать купюры в тексте «Войнаровского» и изъять из рукописи как «неудобную к печати» думу «Видение Анны Иоанновны». Комитет стремился фальсифицировать облик поэта-декабриста, выпустив сборник стихотворений Рылеева без сатиры «К временщику», оды «Гражданское мужество» и «Исповеди Наливайки».

Ответ на это предложение Цензурного комитета (отношение Главного управления по делам печати № 1778, 20 июня 1867 г.) получен был недели через три. Он оказался отрицательным: «вследствие представления С.-Петербургского цензурного комитета от 29 истекшего мая, № 491, о затруднениях, встреченных означенным Комитетом к удовлетворению ходатайства титулярного советника Н. Флиге касательно дозволения к печати рукописи под заглавием „Стихотворения К. Ф. Рылеева", Главное управление по делам печати, по рассмотрении сказанной рукописи, не признает возможным разрешить оную в настоящее время к печатанию. Об этом предлагаю Комитету к зависящему исполнению. Две тетради „Стихотворений Рылеева" при сем возвращаются»[22].

Высшее цензурное учреждение Российской империи предпочло не копаться в мелочах, а запретить издание в целом.

Петербургский цензурный комитет запомнил данный ему урок и в ближайшие же годы обнаружил требуемую от него бдительность в отношении творчества «государственного преступника», что в полной мере явствует из конфиденциального отношения Комитета «господину старшему инспектору типографий в С.-Петербурге» (№ 845, 6 ноября 1869 г.): «В „С.-Петербургских ведомостях" (№ 291) было напечатано объявление о печатающемся и имеющем появиться в свет в конце нынешнего года издании книжного магазина Черкасова „Сочинения К. Ф. Рылеева с портретом, биографической статьей и примечаниями. Редакция издания П. А. Ефремова". Имея в виду, что автор вышеупомянутых сочинений был государственным преступником и вследствие того предвидя затруднения к обнародованию его сочинений и биографии, я имею честь покорнейше просить ваше превосходительство сообщить мне конфиденциально и в непродолжительном времени сведения о том, печатается ли или приготовляется к печати и в какой именно типографии вышеозначенная книга» [23].

Ответ на эту бумагу пришел немедленно: 7 ноября 1869 г. старший инспектор типографий в Петербурге, генерал-майор Лерхе, уведомлял председателя Петербургского цензурного комитета, что «по отзыву, данному в книжном магазине Черкасова, книга „Сочинения К. Ф. Рылеева" не печаталась и печататься не будет».

Эта «конфиденциальная» переписка свидетельствует о том, что издание сочинений Рылеева, которое было выпущено П. А. Ефремовым в 1872 г., готовилось им в течение нескольких лет, и еще задолго до выпуска в свет привлекло к себе внимание Петербургского цензурного комитета.

В том же резко недоброжелательном к сочинениям Рылеева тоне Цензурный комитет выступил 13 сентября 1872 г. по докладу цензора А. Н. Юферова «О подцензурном журнале „Сияние", издаваемом дворянином Турбою под редакторством подполковника Бугайского». В пункте 3-м этого доклада читаем: «„Сочинения и переписка Кондратия Рылеева". В этой статье не только помещен одобрительный отзыв о поэтическом таланте известного политического преступника, но и высказывается сочувствие к его личности как человека» [24].

Итак, еще в 1872 г. царская цензура считала преступным высказывать сочувствие к личности Рылеева!

Издание под редакцией П. А. Ефремова было предпринято им совместно с дочерью Рылеева, Анастасией Кондратьевной Пущиной,

которая делала попытку такого издания еще в 1858 г., а затем и в 1860 г. [25]

В начале 1872 г. издание под редакцией П. А. Ефремова было закончено. Оно было осуществлено по рукописям, предоставленным в распоряжение редактора А. К. Пущиной. Это издание вышло в свет с очень большими трудностями. Цензурную волокиту начал 10 мая 1872 г. цензор Петербургского цензурного комитета А. де Роберти, который в своем докладе указывал:

«Просмотрев препровожденную ко мне отпечатанную без цензуры книгу „Сочинения и переписка Кондратья Федоровича Рылеева", издание его дочери под редакцией П. А. Ефремова, я нашел, что она по содержанию своему не представляет ничего противного законам о печати. Тем не менее, имея в виду высочайшее повеление, объявленное Комитету от 12 февраля 1871 г. о сочинениях лиц, признанных изгнанными из отечества и государственных преступников, я полагаю, что книга „Сочинения и переписка К. Ф. Рылеева" не может быть выпущена в свет» [26].

Получив этот отрицательный отзыв на уже отпечатанную книгу, Петербургский цензурный комитет немедленно забил тревогу. В отношении петербургскому обер-полицеймейстеру (№ 451) 10 мая 1872 г. сообщалось:

«Сего 10 мая представлена в СПб. цензурный комитет отпечатанная без предварительной цензуры в количестве 2000 экземпляров в типографии Глазунова (Б. Мещанская, 8) книга под заглавием „Сочинения и переписка Кондратия Федоровича Рылеева. Издание его дочери под ред. П. А. Ефремова. СПб. 1872".

На основании 14-й статьи III главы приложения к статье 5 (примеч. 4) Устава цензуры, т. XIV по пред. 1868 г., СПб. цензурный комитет имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство сделать зависящее распоряжение о наложении ареста на отпечатанные экземпляры настоящей книги, до наступления срока выхода оной в свет, и о последствиях распоряжений вашего превосходительства по сему почтить Комитет уведомлением. Срок выхода книги в свет наступит 13 мая в 1 час пополудни».

Просьба Цензурного комитета была исполнена немедленно: 13 мая 1872 г. обер-полицеймейстер отвечал в С.-Петербургский цензурный комитет: «вследствие отношения от 10 сего мая за № 451, имею честь уведомить Комитет, что отпечатанная в типографии Глазунова книга „Сочинения и переписка Кондратия Федоровича Рылеева" по моему распоряжению заарестована и, по опечатании, сдана на хранение фактору типографии Степанову»[27].

Участь издания сочинений Рылеева, повидимому, была решена; к нему можно было уже применить некрасовские стихи из «Песни о свободном слове»:

Пропала книга! Уж была
Совсем готова — вдруг пропала!

Однако А. К. Пущина и П. А. Ефремов не сдались. Судя по всему, они посетили в те же дни главу Министерства внутренних дел А. Е. Тимашева, которому и указали на вопиющее несоответствие между отменой предварительной цензуры и запрещением сочинений Рылеева. 18 мая 1872 г. Тимашев сделал на имя царя нижеследующий доклад по Главному управлению по делам печати Министерства внутренних дел:

«Дочь государственного преступника Рылеева, Н. К. Пущина, ввиду близкого истечения 50-летнего срока, после которого наследники писателя лишаются прав литературной собственности на его произведения,

приступила к изданию собрания сочинений своего отца, приводимому ныне к окончанию.

Между тем на основании высочайшего повеления, состоявшегося 12 февраля 1871 г., впредь до утверждения в законодательном порядке тех мер, какие выработаны будут в отношении предупреждения злоупотреблений по изданию сочинений лиц, признанных изгнанниками из отечества и государственных преступников, сочинения эти не могут быть допускаемы к выходу в свет, какого бы содержания и в каком бы виде они ни были изданы, под собственными ли именами авторов или под какими-либо псевдонимами и знаками.

Г-жа Пущина, известясь, что существует специальное распоряжение, могущее воспрепятствовать выходу в свет издаваемой ею книги, ходатайствует о том, чтобы к этому изданию применены были общие правила, установленные в законах о печати и цензуре, каковое ходатайство не может быть удовлетворено без особого на то высочайшего повеления.

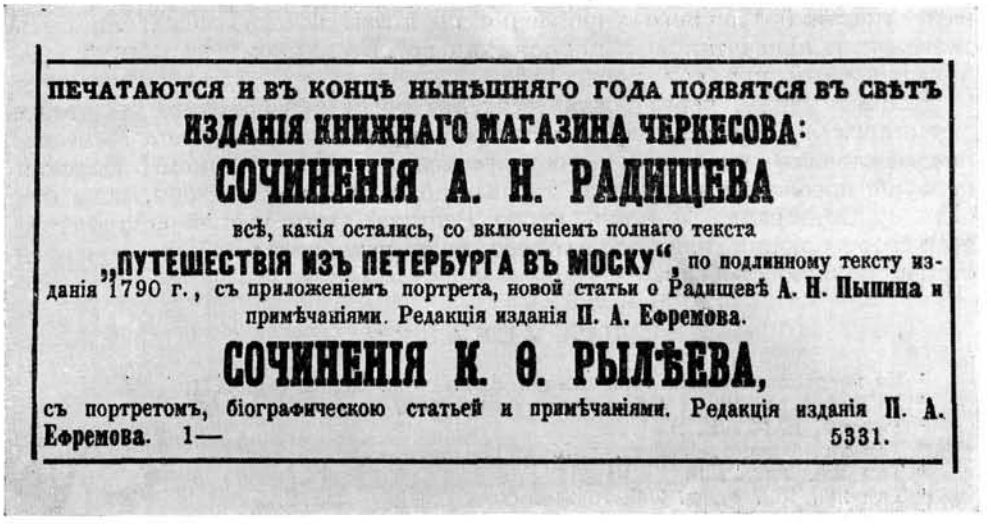
Почти все произведения Рылеева были первоначально напечатаны при его жизни в 1818—1825 годах, под предварительною цензурою, которая не находила повода к их запрещению. Действительно, они отличаются преимущественно выражением чувств и мыслей, которые не имеют общего с преступными заблуждениями, обнаружившимися в последние дни его жизни. Пламенный патриотизм, национальная независимость, негодование к порокам — таковы главные мотивы, вдохновлявшие Рылеева 〈...〉

Некоторые немногие сочинения Рылеева, не напечатанные им при жизни, явились в последние годы, до воспоследования высочайшего повеления 12 февраля 1871 г., в качестве биографических материалов, на страницах разных сборников и журналов, где встречаются и сведения о жизни автора. После того некоторые из сочинений этих были помещены в сборнике „XIX век", на выпуск коего в свет последовало высочайшее вашего императорского величества разрешение 13 октября минувшего года. Вообще, посмертные сочинения Рылеева написаны в том же духе, как и предыдущие. Как те, так и другие не заключают в себе даже той доли свободомыслия, которая в настоящее время допускается в литературных произведениях, не возбуждая против себя каких-либо административных мер или судебных взысканий..."[28]

Как свидетельствует письмо П. А. Ефремова от 15 января 1905 г. к С. С. Сухонину, эта докладная записка получила ход главным образом благодаря поддержке генерал-адъютанта А. М. Рылеева, родственника поэта и любимца царя[29]. 23 мая 1872 г. Александр II разрешил печатание сочинений Рылеева на общем основании, после чего первое издание освобождено было 2 июня от ареста и поступило в продажу.

Итак, первое легальное собрание сочинений Рылеева к лету 1872 г. проведено было через теснины царской цензуры. Тяжелых жертв стоило издание этой книги. В ней не нашлось места «Молитве Наливайки», стихотворениям на смерть Байрона, на смерть Чернова, агитационно-сатирическим песням, «Вадиму» и «Я ль буду в роковое время...». Ряд произведений Рылеева — и между ними «Войнаровский» — печатались здесь с устранением острых в политическом отношении мест. Редактору издания, П. А. Ефремову, в предисловии к книге пришлось доказывать, что «сочинения Рылеева, не имея ничего общего с его политической деятельностью, принадлежат к чисто литературным и притом замечательным по таланту произведениям; что хотя Рылеев был признан судом государственным преступником и понес наказание, но в стихотворениях его нет ничего преступного...».

Сочинения Рылеева и позднее продолжали встречаться цензурой с подозрением и недоброжелательством. Об этом свидетельствует, на-



ПЕЧАТАЮТСЯ И ВЪ КОНЦѢ НЫНѢШНЯГО ГОДА ПОЯВЯТСЯ ВЪ СВѢТЪ
ИЗДАНІЯ КНИЖНАГО МАГАЗИНА ЧЕРКЕСОВА:
СОЧИНЕНІЯ А. Н. РАДИЩЕВА
всѣ, какія остались, со включеніемъ полнаго текста
„ПУТЕШЕСТВІЯ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКУ", по подлинному тексту изданія 1790 г., съ приложеніемъ портрета, новой статьи о Радищевѣ А. Н. Пыпина и примѣчаніями. Редакція изданія П. А. Ефремова.
СОЧИНЕНІЯ К. Ѳ. РЫЛѢЕВА,
съ портретомъ, біографическою статьей и примѣчаніями. Редакція изданія П. А. Ефремова. 1— 5331.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПРЕДСТОЯЩЕМ В КОНЦЕ 1869 г. ВЫХОДЕ В СВЕТ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ РЫЛЕЕВА, ПОД РЕДАКЦИЕЙ П. А. ЕФРЕМОВА

Объявление привлекло внимание цензуры, и издание было осуществлено лишь в 1872 г.

«С.-Петербургские ведомости» от 22 октября 1869 г.

пример, доклад цензора Ведрова, составленный им 16 марта 1889 г. для Петербургского цензурного комитета о рукописи: «К. Ф. Рылеев. Войнаровский. Поэма. СПб., изд. Тарасов». Цензор отклонил рукопись по ряду оснований и прежде всего потому, что поэма «Войнаровский» проникнута гражданским чувством, «которое везде проявляется; это борьба ретивого защитника родины с его притеснителем. Ни для кого не тайна, что в сочинениях Рылеева, и преимущественно в этом, выражается его личное понимание значения „гражданин"». Цензора Ведрова приводило в волнение то обстоятельство, что «имена Рылеева и Бестужева будут красоваться первыми в энциклопедической библиотеке, как представители русской литературы и русского чувства!» [30]. Предпринятое Тарасовым издание было запрещено. Через семнадцать лет после того, как Александр II разрешил печатать «Войнаровского» вместе с другими сочинениями Рылеева, в 1889 г. эта поэма была запрещена за проявление в ней «гражданского чувства поэта» и любви к Украине! В мрачные годы царствования Александра III репутация «государственного преступника» закрепилась за Рылеевым особенно прочно.

История цензурных мытарств сочинений Рылеева может быть завершена документами, касающимися опубликования в 1905 г. рылеевского... портрета. Все тот же бдительный Петербургский цензурный комитет извещал Главное управление по делам печати о том, что «в качестве бесплатного приложения к ежемесячному подцензурному журналу „Всемирный вестник" издается собрание сочинений известного декабриста К. Ф. Рылеева, в котором предполагается поместить и портрет этого писателя. Хотя высочайшим повелением, последовавшим в 23-й день мая 1872 г., и разрешено применить общие законы о печати и цензуре к собранию сочинений Рылеева, изданных его дочерью, г-жею Пущиной, и хотя затем вышло несколько изданий произведений названного поэта, но о портрете его в означенном высочайшем повелении не упоминалось. В делах СПб. цензурного комитета не имеется указаний на то, что портрет Рылеева был разрешаем для какого-либо издания, предназначаемого

к продаже. Ввиду сего СПб. цензурный комитет имеет честь испрашивать указаний Главного управления по делам печати, может ли быть дозволен к напечатанию в приложении ко „Всемирному вестнику" препровождаемый при сем портрет» [31].

Как мы видим, через восемьдесят лет после декабрьского восстания еще ставился вопрос о допустимости распространения портрета Рылеева, продолжавшего числиться «государственным преступником»! Царская цензура преследовала имя и творчество поэта до тех пор, пока она сама существовала. И лишь после Великой Октябрьской социалистической революции пламенное слово поэта-декабриста обрело в нашей стране полную свободу.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Из предисловия редактора к изд.: Рылеев. Стих., стр. XII.
[2] ЦГИА, ф. № 109, 1 СА, перлюстрация, 1827 г., д. 843, л. 67.
[3] Там же, д. 977 Е, л. 1.
[4] Там же, 1 эксп., 1832 г., д. 57, л. 1.
[5] Там же, лл. 2, 6.
[6] Там же, 1827 г., д. 206, л. 2—2 об.
[7] Там же, лл. 1—5.
[8] Там же, 1847 г., д. 198, л. 7.
[9] См. дело канцелярии Главного управления по делам печати о сборнике Бартенева «Девятнадцатый век». — ЦГИАЛ, ф. № 776, 1871 г., оп. 5, д. 127, лл. 1—12.—Материалы по цензурной истории сб. «Девятнадцатый век» сообщены редакции «Литературного наследства» Л. Н. Назаровой.
[10] Телеграмма заведующего Главным управлением по делам печати, 25 августа 1871 г. — Указ. дело, л. 1.
[11] Письмо председательствующего в Московском цензурном комитете от 30 августа 1871 г. — Указ. дело, л. 2.
[12] Там же, л. 2 об.
[13] Отношение Главного управления по делам печати, 30 августа 1871 г. — Указ. дело, л. 4.
[14] Отношение Главного управления по делам печати, № 3712, 3 сентября 1871 г.— Указ. дело, лл. 5—6.
[15] Отношение Московского цензурного комитета, № 849, 4 сентября 1871 г. — Указ. дело, л. 7—7 об.
[16] Отношение Московского цензурного комитета, № 858, 7 сентября 1871 г. — Указ. дело, л. 8—8 об.
[17] См. отношение товарища главного начальника III Отделения, № 1916, 13 октября 1871 г. (указ. дело, л. 10), доклад по Главному управлению по делам печати, с резолюцией царя: «Согласен» (указ. дело, л. 11—11 об.) и отношение завед. Главным управлением по делам печати в Московский цензурный комитет, № 4439, 15 октября 1871 г. (указ. дело, л. 12). Последним документом, содержащим разрешение немедленно выпустить книгу Бартенева в свет, это дело было завершено.
[18] См. о нем статью С. А. Рейсера «Журналист и обличитель Лев Камбек».— «Звенья», IX, 1950, стр. 766—784.
[19] ЦГИА, ф. № 109, 1860 г., д. 141, л. 1.
[20] ЦГИАЛ, ф. № 777, 1867 г., оп. 2, д. 51, л. 2.
[21] Там же, л. 3.
[22] Там же, л. 4.
[23] Там же, л. 5—5 об.
[24] Там же, дело «О подцензурном журнале „Сияние"...», 1871—1874 гг., д. 63, л. 46.
[25] См. об этом в прошении А. К. Пущиной В. А. Долгорукову от 21 июня 1860 г. с той же трафаретной резолюцией: «Оставить без последствий» (ЦГИА, ф. № 109, 1860 г., д. 141, лл. 4—5).
[26] ЦГИАЛ, ф. № 777, оп. 2, д. 62, л. 1.
[27] Там же, лл. 2—3 об.
[28] Там же, ф. № 776, оп. 1, д. 8, лл. 13—15 об.
[29] Подробнее о цензурной истории первого русского легального издания «Сочинений К. Ф. Рылеева» см. в комментариях Ю. Г. Оксмана к письму П. А. Ефремова от 15 января 1905 г. к С. С. Сухонину, публикуемому в «Ученых записках Саратовского гос. университета», т. XXXIII, 1953, стр. 133—138.
[30] ЦГИАЛ, С.-Петербургский цензурный комитет. Доклады цензоров по непериодическим изданиям за 1889 г., ф. № 777, оп. 4, д. 131, лл. 79 а—80.
[31] Там же, оп. 5, д. 168.

ИЗ НЕИЗДАННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА

ЛЕКЦИЯ КЮХЕЛЬБЕКЕРА О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЯЗЫКЕ, ПРОЧИТАННАЯ В ПАРИЖЕ В 1821 г.

Публикация и предисловие П. С. Бейсова
Статья Б. В. Томашевского

I

В литературной и политической биографии Кюхельбекера есть замечательный эпизод, который давно привлекает внимание исследователей. Мы говорим о выступлении поэта в Париже в 1821 г. с чтением лекций о русской литературе и русском языке. Вспоминая об этом эпизоде в стихотворении «Три тени», написанном в Сибири почти через двадцать лет (1840), Кюхельбекер восклицал:

Я (странный же удел!),
Кому рукоплескал когда-то град надменный,
Соблазн и образец, гостиница вселенной...

Обстоятельства, при которых состоялась лекция Кюхельбекера, вкратце таковы. Осенью 1820 г. обер-камергер Александр Львович Нарышкин собирался ехать за границу. Ему нужен был секретарь, который мог бы вести переписку на трех языках. Выбор его пал на А. А. Дельвига; однако эти обязанности показались Дельвигу неподходящими, и он рекомендовал Нарышкину в секретари Кюхельбекера. 8 сентября 1820 г. Кюхельбекер выехал за границу [1], оставив преподавание в петербургском Благородном пансионе при Педагогическом институте. Посетив Германию и южную Францию, Нарышкин и Кюхельбекер приехали в марте 1821 г. в Париж [2]. Здесь в июне и состоялась лекция Кюхельбекера [3].

Первый известный нам отклик на эту лекцию находится в письме директора Царскосельского лицея Е.А. Энгельгардта Ф.Ф. Матюшкину, в приписке от 25 июня 1821 г.: «Сейчас получил и прочел я письмо нашего Теппера из Парижа ⟨...⟩ Он мне сообщает известие, которое меня очень сокрушает: сумасбродный Кюхельбекер, приехав в Париж с обер-камергером Нарышкиным, вздумал там завести lectures semi-publiques sur la littérature russe *. Невзирая на уродливость его фигуры и на отрицательный и отвратительный его орган, слушали его с довольным участием, но чорт его дернул забраться в политику и либеральные идеи, на коих он рехнулся. Запорол чепуху, так что Нарышкин его от себя прогнал, и наш посланник запретил читать и, наконец, выслал его из Парижа. Что из него будет, бог знает, но если с ним что-нибудь сделают, кроме того, чтобы посадить его в дом сумасшедших, то будет грех. Он свихнулся и более ничего, но едва ли это так принято будет. Жаль его, но еще более жаль репутации бедного Лицея, на который уже и без того нынешние святые жестоко нападают» [4].

Интересны воспоминания П. Ф. Гаккеля (тогда поручика Семеновского полка), несмотря на явно враждебный тон по отношению к Кюхельбекеру и многие неточности. Воспоминания эти написаны по-немецки, в 1826 г.:

---

* полупубличные лекции по русской литературе (франц.).

«Ему нельзя отказать ни в гении, ни в таланте,— но весь его дух получил ложное направление, у него отсутствовало все моральное, и он следовал только своим фантазиям и идеям о свободе. Их распространять и передавать другим было главной целью его деятельности. Позже он появляется в качестве секретаря гофмаршала Нарышкина в Париже, где он публично выступал как оратор, вначале под предлогом лекций по русской литературе, чтобы заполучить себе слушателей, а потом заговорил с энтузиазмом о свободе и о духе революции, желая вызвать сочувствие у французов. В Париже не было недостатка в слушателях; но проведала об этом полиция, узнала, кто он, и обратилась к Нарышкину, извещая его о бесчинствах, творимых его секретарем, и обращая его внимание на последствия. Нарышкин запретил ему выступать в этом направлении. Он ⟨Кюхельбекер⟩ возразил, что это только и было целью его поездки в Париж, и порвал всякую связь с Нарышкиным. Между тем он изменил характер своих лекций. Полиция искала его. Обратились к русскому послу. Положение Кюхельбекера стало небезопасно, он должен был оставить Париж. Очень трагичен был его уход с кафедры. Он произносил свою прощальную речь. Во время речи у него была привычка время от времени пить; в экстазе он схватил вместо стакана лампу, которая стояла перед ним, облил себя маслом, обжег себе стеклом от лампы руки. Он растерялся, очень испугался и упал, наконец, вниз со ступенек кафедры! Из Парижа он отправился в Ахен, куда за ним последовали его приверженцы. Он хотел продолжать там свои лекции, но прусское правительство арестовало его и переправило в Дрезден, где великий князь Константин, который там в это время находился, услышал о нем и его деяниях. Он велел переправить его под конвоем в Калиш, где он сидел некоторое время в тюрьме, как подозрительный, опасный человек. Его, однако, выпустили по ходатайству. Как поэт, он сделал себе имя. ⟨Поэтому⟩ не хотели совсем подавлять его дух и отпустили его с довольно ясным указанием на то, что́ ему предстоит, если он не изменится. Он был послан в Грузию к Ермолову, где, как говорят, имел много случаев выдвинуться. Он пробовал там свое счастье, как он сам говорил, среди башкир, киргизов, черкесов и всех подобных народностей и вернулся прошлым летом обратно в Петербург, но был плохо и равнодушно принят и не получил никакой должности»[5].

О парижском выступлении Кюхельбекера рассказано в записках Н. И. Греча: «По выходе из лицея был он учителем в одной из петербургских гимназий; потом поехал в чужие края секретарем при Александре Львовиче Нарышкине, который было полюбил его, но вскоре принужден был с ним расстаться. В Париже Кюхельбекер свел знакомство с какими-то либеральными литераторами и вздумал читать на французском языке лекцию в „Атенее“ о литературе и политическом состоянии России, наполненную вздорными идеями, которые тогда (в 1820 г.) были в моде. Часть публики смеялась над ним, другая рукоплескала его выходкам. В конце речи он сделал какое-то размашистое движение рукою, сшиб свечу, стакан с водою, хотел удержать и сам слетел с кафедры. Один седой якобинец слушал его внимательно и поддержал его словами: „Ménagez-vous, jeune homme! Votre patrie a besoin de vous“ *. Нарышкин, узнав об этом, взбесился и выгнал от себя Кюхельбекера, который пропал бы в Париже без помощи благородного Василья Ивановича Туманского (писателя с замечательным талантом, неизвестно почему оставившего службу и свет); он же помог Кюхельбекеру пробраться в Россию»[6].

О неприятностях, постигших его по возвращении в Петербург, Кюхельбекер глухо говорит в письме к сестре от 10 декабря 1821 г. из Тифлиса: «Лекции мои в Париже имели цель самую благонамеренную. Может быть, я и был неосторожен; может быть, найдут в них несколько слов необдуманных,— но я никак не предвидел того, что ожидало меня в С.-Петербурге»[7].

Что же ожидало Кюхельбекера в Петербурге?

Александр I был хорошо осведомлен о выступлениях Кюхельбекера за границей. «Государь знал все о нем»,— писал А. И. Тургенев Вяземскому 6 сентября 1821 г.[8] Об этом свидетельствует недавно обнаруженное редакцией «Литературного наслед-

* Поберегите себя, юноша! Вы нужны своей родине (франц.).

ства» в бумагах Александра I донесение одного из агентов царского правительства о Кюхельбекере. Приводим его полностью:

«Говорят, что титулярный советник Вильгельм Кюхельбекер отправляется на службу в Грузию и что генерал Ермолов принимает его.

Это одна из тех пламенных голов, которым дано дурное направление известным Обществом. Воспитанный в Царскосельском лицее, с дарованиями, с желанием усовершенствоваться, рано попался он, вместе с А. Пушкиным и бароном Дельвигом, в руки Н. Тургенева и Глинки, находясь с последним в дальнем родстве. Ими введен в Общество и принят в масоны, но более служил орудием к распространению слухов, мелких сочинений и пр. Будучи слишком неопытен, вспыльчив и горяч, слепо и с жаром исполнял он их волю.

В путешествии своем с Нарышкиным читал он в Париже лекции русского языка и, как утверждают, начал первую ⟨словами⟩: „Несмотря на деспотизм и все утеснения грубого правительства, гений народа развивается; все усилия подавить его останутся тщетны".

Выражение, битое и перебитое сочинителями либеральной партии. После сей лекции, говорят, Нарышкин отказал ему от сопутствия при себе, и он возвратился при пособии посланника.

Опасаясь теперь последствий, по совету их, избирает путь в Грузию, дабы с А. Пушкиным прослыть в числе гениев, преследуемых за мнения.

Как, по выражению их, недостает у него соли, которой так изобилует А. Пушкин в стихах, то и предполагали его для политических наук. Они собирали подписку для публичного чтения и разбора им русских сочинителей, в котором, рассматривая произведения, давал бы приличный оттенок мнениям; в журналах выходили стихи с подписью Вильгельм и прозаические статьи в виде писем американца, путешествующего в XXX или XL веке.

С.-Петербург
8 сентября 1821 г.»[9]

Агент царского правительства, характеризуя парижскую лекцию Кюхельбекера как политическое выступление, указывал и на представителей той общественной среды, которая порождала свободомыслие. В донесении названы: Федор Глинка, председатель Вольного общества любителей российской словесности, член коренной Думы Союза Благоденствия; Николай Тургенев, почетный член Вольного общества, активный деятель Союза Благоденствия; Пушкин, в то время политический ссыльный. Глинка, Н. Тургенев, Пушкин были представителями «либеральной партии»; мнение «либералов» выразил Кюхельбекер в процитированных агентом словах: «Несмотря на деспотизм и все утеснения грубого правительства, гений народа развивается; все усилия подавить его останутся тщетны». Политическая сущность лекции схвачена в донесении довольно точно. Именно эта ее сторона интересовала и беспокоила царя. Но Александр I знал о Кюхельбекере значительно больше, чем рассказал о нем агент. Царю было известно, что Кюхельбекер собирался уехать из Франции в Грецию, чтобы сражаться за независимость греков. Возвратившись в Петербург, Кюхельбекер, как это видно из его письма к сестре, оказался в трудном положении. «Он ⟨Кюхельбекер⟩ здесь и умирает с голоду»,— писал А. И. Тургенев Вяземскому [10]. В Петербурге друзья пытались организовать публичные лекции Кюхельбекера, но безуспешно. Опальному поэту не удалось получить никакой службы в столице. По совету и ходатайству петербургских друзей, Кюхельбекер устроился на службу к Ермолову, в Грузию.

Сохранилось свидетельство Н. Н. Муравьева: «Алексей Петрович ⟨Ермолов⟩ имеет тайное приказание извести Кюхельбекера; невзирая на то, кажется, что слабость его допустит последнего до того состояния, в котором он прежде был у него в доме» [11].

О том, что назначение Кюхельбекера в Грузию сопровождалось какими-то секретными инструкциями, можно заключить и из письма А. И. Тургенева

к Вяземскому от 21 августа 1823 г.: «его ⟨Кюхельбекера⟩ не велено никуда определять, как только в Грузию, и держать его там. Узна́ют, что ушел,— плохо будет. Поступайте осторожнее и ему о сем не говорите. Я имел уже за него неприятность по определению его к Ермолову» [12].

В творчестве опального поэта отразились события, связанные с парижской лекцией. Таковы стихотворения: «А. П. Ермолову», «Грибоедову», «Пророчество», «К Пушкину», «Судьбою не был я лелеян», «А. С. Грибоедову», «К Вяземскому». Во всех перечисленных стихах поэт настойчиво говорит о своей судьбе, как о судьбе поэта-изгнанника. Этот образ — не дань литературной моде; он возник на основе подлинных событий жизни поэта. Особенно интересны в этом плане стихотворения «А. П. Ермолову» и «К Вяземскому». Стихотворение «К Вяземскому» целиком автобиографично. Поэт рассказывает о своем нетерпеливом желании принять участие в борьбе «сынов возвышенной свободы», греков, с «свирепыми отоманами». Неумолимый рок послал «унылую судьбину» — изгнанье, но и из страны изгнания гремит «отважный голос певца»; певец «волен даже и в цепях». Перед его умственным взором встают образы Пушкина и Тиртея — светлые символы свободолюбивой гражданской поэзии. Это произведение адресовано человеку, который одним из первых заинтересовался парижской лекцией Кюхельбекера и принял непосредственное участие в хлопотах по определению поэта на службу в Грузию.

О, сколь презрителен певец,
Ласкатель гнусный самовластья! —

такими строками начинается стихотворение «А. П. Ермолову». Эти строки — полемический ответ кому-то, кто хотел бы видеть в певце слугу самовластья; в них дан образ певца-трибуна, воспетый Кюхельбекером еще в стихотворении «Поэты».

К Ермолову Кюхельбекер преисполнен благодарности за то, что он, «враг трепещущих льстецов», принял участие в горькой судьбе поэта-изгнанника.

Он гордо пре́зрел клевету,
Он возвратил меня отчизне:
Ему я все мгновенья жизни
В восторге сладком посвящу —
Погибнет с шумом вероломство —
И чист предстану я пред грозное
потомство.

И сам поэт и современники воспринимали его пребывание на Кавказе как изгнание, вызванное парижской лекцией.

В печати известия о парижском выступлении Кюхельбекера появились только во второй половине XIX в.

В 1875 г. в «Русской старине» был помещен биографический очерк о Кюхельбекере дочери поэта Ю. В. Косовой, написанный при участии его сына и племянницы — А. Г. Глинки [13]. В очерке рассказано о парижских лекциях так: 1 марта 1821 г. Кюхельбекер и Нарышкины были в Ницце, а на другой день путешественники отправились в Париж. Здесь Кюхельбекер оставил Нарышкина, не стерпев его капризов. Поэт «сблизился с некоторыми писателями и учеными и вскоре первым из русских решился в Париже ознакомить французов, на французском языке, с произведениями русской и вообще славянской письменности. Кюхельбекер читал лекции в Атенее, по-французски, о славянской литературе и славянском языке. По новизне предмета, при искусстве чтеца, лекции эти возбудили живейший интерес в публике; но о них в превратном смысле доведено было до сведения нашего правительства, — и после одной лекции, в которой Кюхельбекер говорил о влиянии на родное слово вольного Новгорода и его веча, Кюхельбекер получил чрез посольство приказание прекратить чтение лекций и вернуться в Россию. А. Л. Нарышкин прервал с ним все сношения, чтобы, в свою очередь, не навлечь на себя неудовольствия правительства» [14].

КЮХЕЛЬБЕКЕР ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ В 1821 г.
Акварель (шарж) П. Л. Яковлева
Центральный литературный архив, Москва

В этом повествовании стерты все острые углы, а Кюхельбекер представлен жертвой доноса; доноситель в «превратном смысле» изобразил лекции поэта «о славянской литературе и славянском языке». О политическом характере его выступления здесь ничего не говорится. Приводя сведения о лекции Кюхельбекера на основе очерка Ю. В. Косовой, В. И. Семевский в своем исследовании сопоставляет содержание лекции со стихами В. Ф. Раевского о древнем Новгороде [15]. Аналогичное сближение лекции Кюхельбекера с идеями декабристов сделал еще О. Ф. Миллер, которому принадлежит примечание к соответствующему месту биографического очерка. Миллер писал: «Из этого, как и из кое-чего иного, видно, что декабристы были склонны отыскивать задатки гражданской свободы в преданиях отечественной старины».

Ю. Н. Тынянов в статье «Французские отношения В. К. Кюхельбекера» остановился на путешествии Кюхельбекера по Западной Европе в 1820—1821 гг. В этом исследовании использован почти весь материал, связанный с выступлением поэта в Париже. Привлекая новые архивные данные («План путевых заметок»), Тынянов дает характеристику задуманного Кюхельбекером курса лекций по русской литературе. Но ни один из упомянутых авторов не ссылается на самый текст лекций, не приводит их. Укоренилось мнение, что текст лекций не сохранился. Единственное авторитетное свидетельство — свидетельство А. И. Тургенева, писавшего 19 августа 1821 г. Вяземскому из Петербурга: «Я прочел сейчас лекцию Кюхельбекера в Париже»,— было поставлено под сомнение Тыняновым. Приведя эти слова, Тынянов сделал такое примечание: «Повидимому, здесь Тургенев говорит о каком-то печатном отчете о лекции Кюхельбекера, может быть, в каком-то парижском журнале» [16].

Между тем, эти слова Тургенева нужно понимать в буквальном смысле: в его руках был текст парижской лекции. О том, что такой текст существовал и был известен ближайшим друзьям Кюхельбекера, мы знаем из показаний поэта на следствии. 2 июня 1826 г. Кюхельбекер сообщил Следственной комиссии о своем письме к Е. А. Энгельгардту, *«сопровождавшем первую лекцию о российской словесности*, читанную мною в королевском Афинее в Париже». Кюхельбекер относит это письмо к 1823 г., быть может, ошибочно [17].

Важно отметить, что и в письме Тургенева к Вяземскому и в показаниях Кюхельбекера речь идет не о лекциях, а об одной лекции. Тынянов обследовал ленинградские и московские архивы и, не найдя лекций, пришел к выводу, что в русских архивах их нет и что они, вероятно, остались в Париже. Тынянов не придал значения словам Тургенева и пришел к выводу, что они недостоверны. А между тем именно эти слова и давали ключ к решению вопроса. 19 августа 1821 г., то есть в первые же дни после приезда Кюхельбекера в Петербург, лекция была в руках А. И. Тургенева. Тургенев принимал деятельное участие в судьбе поэта; естественно, что ему хотелось получить эту лекцию. Но в основной части тургеневского архива, хранящейся в Институте русской литературы в Ленинграде, лекция не сохранилась. Она была обнаружена нами лишь в 1951 г. во время общего обследования и описания архивов Симбирской архивной комиссии.

То, что она оказалась в фондах Симбирской архивной комиссии, вполне естественно. А. И. Тургенев родился в с. Тургеневе, Симбирской губернии. В родные места он приезжал и в зрелые годы. Деятельность Тургенева изучалась Симбирской архивной комиссией. 22 января 1896 г. было отмечено пятидесятилетие со дня смерти Тургенева. Во время подготовки к юбилею Комиссия собирала материал, связанный с деятельностью Тургенева [18]. Возможно, что тогда же и поступила в музей Архивной комиссии рукопись лекции Кюхельбекера.

В настоящее время лекция находится в рукописном отделе Ульяновского краеведческого музея. Рукопись представляет собою беловик, написанный на французском языке; ни заглавия, ни подписи, ни даты нет. Наверху, повидимому рукою хранителя музея П. А. Александрова, карандашом написано: «Лекция Кюхельбекера» [19]. Лекция занимает 18 страниц большого формата. Принадлежность рукописи Кюхельбекеру установлена экспертизой его почерка и анализом содержания.

Значение обнаруженной лекции очевидно: из области догадок и предположений о парижском курсе можно перейти к его изучению.

II

Датировать лекцию не представляет труда. Это первая вступительная лекция, прочитанная Кюхельбекером в июне 1821 г. в «Атенее». Время и место определили характер выступления.

Еще до поездки на Запад Кюхельбекер совершил воображаемое путешествие в Европу. В 1820 г. были напечатаны в «Невском зрителе» и «Соревнователе просвещения и благотворения» его «Европейские письма», в которых дано описание Европы «26-го столетия».

В «Предуведомлении» автор объяснил цель своего воображаемого путешествия в будущее: «Чтоб судить о современных происшествиях, нравах и вероятных их последствиях, должно мысленно перенестись в другое время. В „Европейских письмах" мы предполагаем, рассматривая события, законы, страсти и обыкновения веков минувших, быстрым взглядом окинуть и наш век»[20]. В действительности же в письмах дается обзор не будущей, а современной автору Европы.

В стихотворении «Прощание», написанном в сентябре 1820 г., перед отъездом в путешествие, поэт объясняет, что́ интересовало его в жизни Европы:

Тяжелая гроза страстей,
Вооруженная свобода,
Борьба народов и царей!

Ожидание не обмануло поэта: он увидел борьбу народов и царей. В 1819—1820 гг. в Европе было немало революционных выступлений: в 1820 г. испанская революция и восстание в Неаполе; в 1821 г. — восстание в Пьемонте. В том же году началось греческое восстание. Путешествие дало Кюхельбекеру возможность наблюдать революционные события и встречаться с выдающимися деятелями западноевропейской культуры. На Пьемонтскую революцию Кюхельбекер откликнулся стихотворением «Ницца». Симпатии автора на стороне вольности, хотя он и предчувствует, что вольность, «не родясь, умрет!». И действительно, Пьемонтская революция вскоре была подавлена «ненавистными тудесками».

В Париже, куда он приехал 15/27 марта 1821 г., Кюхельбекер познакомился с передовыми французскими журналистами и общественными деятелями, группировавшимися вокруг «Атенея».

После убийства герцога Беррийского власть во Франции перешла к монархическому министерству Ришелье. Именно в пору правления этого министерства и состоялась лекция Кюхельбекера. Политическая борьба разгоралась с особой силой. Либералы оказались в положении преследуемой оппозиции. Само министерство представлялось монархистам недостаточно реакционным и подвергалось нападениям со стороны ультрароялистов, во главе которых стоял граф Артуа, наследник престола. В декабре 1821 г. министерство Ришелье пало, и власть перешла к Виллелю, одному из предводителей ультрароялистов.

В такой обстановке напряженной политической борьбы читал свою лекцию Кюхельбекер. Обществом «Атеней» руководили французские либералы с Бенжаменом Констаном во главе. Вот как характеризовал это Общество префект парижской полиции в донесении министру внутренних дел 19 января 1825 г.: «Уже давно парижский „Атеней" привлекает внимание правительства антирелигиозными и антимонархическими доктринами, которые публично в нем проповедуются. Именно в этом обществе Тиссо, Лакретель, Бенжамен Констан и другие профессора того же учреждения последовательно развивают самые вредные принципы»[21].

Кюхельбекер, как это видно из его плана-конспекта, мечтал о выступлении именно в «Атенее». «Кафедра в „Афинее", с которой в воображении он уже знакомит французов с вашими стихами, с вашею прозою». «Он» — это он сам, Кюхельбекер. «С вашими»— то есть с произведениями Пушкина, Баратынского, Дельвига.

Сближение с Бенжаменом Констаном, одним из выдающихся руководителей «Атенея», а самое главное — тот интерес, который проявляли французские либералы к прогрессивной русской мысли и литературе, помогли Кюхельбекеру осуществить

свою мечту. Путешествуя по Западной Европе, он пропагандировал и популяризировал молодую русскую литературу.

Самый предмет лекций был совершенно нов для слушателей, так как до того времени во французскую печать проникали только случайные и отрывочные сведения о русской литературе, обычно очень краткие и неверные. Кюхельбекер полон был мыслей о великом будущем России, о прелести и силе русского языка. 22 октября 1820 г., после встречи с Мельгуновым, он записал: «Мы разговариваем только и единственно о России и не можем наговориться о ней: теперешнее состояние нашего отечества <...> сердечное убеждение, что святая Русь достигнет высочайшей степени благоденствия, что русский бог не вотще даровал своему избранному народу его чудные способности, его язык богатейший и сладостнейший между всеми европейскими, что небо предопределило россиянам быть великим, благодатным явлением в нравственном мире,— вот что придает жизнь и теплоту нашим беседам, заставляющим меня иногда совершенно забывать, что я не в отечестве» [22].

Декабристы стремились создать новую русскую литературу, в которой было бы воплощено единство революционного слова и революционного дела. Основным содержанием идейно-литературной деятельности писателей-декабристов являлась их борьба за народность русской литературы и за ее национальную независимость.

Судя по плану лекций, общие принципиальные положения должны были быть поставлены и развиты на примере произведений Пушкина, Баратынского и Дельвига. Рассуждения Кюхельбекера об античных размерах, о народном стихе связаны с его взглядами на народный язык. Но не эти мысли определили остроту выступления Кюхельбекера, не они вызвали бурную реакцию со стороны царского правительства. Слушатели «Атенея» шумно аплодировали лектору не за экскурсы в область истории русского языка и русской метрики. Перед ними выступил представитель оппозиционных слоев русского общества, неудовлетворенных политическим положением в стране. Цель выступления — доказать необходимость политических преобразований в самодержавной России.

Кюхельбекер рассказывал о том страшном времени, когда «несчастная родина стенала под игом Чингиз-хана и Тамерлана». Пришло время, и тирания варваров была сокрушена. Затем наступило другое несчастье для родины — цепи рабства опозорили русских землепашцев. Крепостное состояние и деспотизм заставляют великий народ коснеть и погибать в рабстве, хотя этот народ заявил о своей молодости, мощи и великой восприимчивости к правде. Однако «насилие, принуждение никогда не искоренит из человеческих душ то, что ход времени в них развил». Если же бывает «минутное торжество несправедливости», то угнетенные «рано или поздно победят, в свою очередь, деспотизм и рабство». «Русский народ оплодотворен семенами свободы»; он «не терял и не потеряет память о свободе, о верховной власти народа».

Вывод отсюда напрашивается сам собой — необходимо уничтожить деспотизм, варварство, разбить цепи рабства. Эта необходимость диктуется, доказывал Кюхельбекер, самим духом времени, молодыми идеями века и просвещения, а также свободолюбивым характером русской нации, ее историей, могучим языком, который можно назвать душой нации.

Кюхельбекер с уверенностью говорил о том, что русский народ будет иметь не только своих Гомеров, Платонов и Демосфенов, но и своих национальных героев, своих Мильтиадов и Тимолеонов. Обращение к этим именам знаменательно. Имя Мильтиада, прославленного героя античной истории (V в. до н. э.), спасшего Афины от персидского завоевания, а также имя Тимолеона, коринфского полководца-тираноборца, выражает твердую веру поэта: в свое время Россия выдвинет национальных героев, которые станут во главе народа в борьбе с тираном. В стихотворении «А. С. Грибоедову» Кюхельбекер писал:

С любимцем дум моих, с моим Тимолеоном,
Как матерь нежная, носился долго я.

Образ Тимолеона привлек внимание поэта, очевидно, еще в 1821 г. Быть может, к 1821 г. следует отнести и зарождение замысла трагедии «Аргивяне»,

над которой Кюхельбекер начал работать в 1822 г. В «Аргивянах» Тимолеон, республиканец и народный вождь, ведет борьбу с братом-тираном. В контексте лекции слова о национальных героях звучали предостережением Александру I. Кюхельбекер закончил свою речь прямым обращением к Александру с призывом сломить тиранию жестокой аристократии и освободить народ.

Острота этого призыва была усилена резким осуждением «политических сделок, совершенно чуждых русскому народу», но поглощающих «все внимание царя». Кюхельбекер имел в виду Священный союз, душивший свободу и национальное движение в странах Европы. В мужественных словах поэта-трибуна проступают черты непримиримого врага деспотизма, образ которого создан в стихотворении «Поэты».

Лекция Кюхельбекера явилась для демократических кругов Франции подтверждением того, что не русские, а «их правительство ⟨...⟩ вмешивается во все дела Европы» и «для пользы царей утесняет народы» [23].

Таким образом, Кюхельбекер действительно сумел рассказать иностранцам, чем живет передовая общественная мысль России. Это и вызвало рукоплескания слушателей и репрессии со стороны правительства Александра I.

Парижская лекция — первое, и, кажется, единственное до Герцена общественное выступление на Западе представителя оппозиционной России, который открыто осудил крепостное право, политику самодержавного правительства и потребовал преобразований. Лекция Кюхельбекера, в частности, содержит отклик на речь Александра I, обещавшего в 1818 г. дать конституцию не только Польше, но и России.

Польская конституция, принятая в 1818 г., и речь Александра I при открытии варшавского сейма произвели большое впечатление на русское общество [24]. Декабристы Н. М. Муравьев, С. П. Трубецкой, Лунин и другие одобрительно отозвались об этой речи. Более дальновидные недоверчиво отнеслись к обещаниям Александра I. Их скептицизм прекрасно выразил Пушкин: в «Ноэле» он высмеял царя-отца, рассказывавшего сказки. Александр I «от души, или с умыслом, — по словам Вяземского, — дурачил свет». К этим словам Вяземский добавил: «Можно будет и припомнить ему, если он забудет»[25].

Выражением этого общественного недовольства и является прямой и гласный призыв Кюхельбекера, обращенный к царю; поэт «припомнил» Александру обещание дать России конституцию. Но правительство внимательно следило за проявлением общественного недовольства и принимало решительные меры против развития революционных идей. Александр I круто расправился с представителем молодых сил России. Кюхельбекер вскоре оказался на Кавказе.

* * *

Найденная в бумагах А. И. Тургенева лекция Кюхельбекера позволяет судить, как широко и смело был задуман цикл его парижских выступлений «о литературе и политическом состоянии России». Уже в этой первой лекции Кюхельбекер поставил важные вопросы, выдвинутые всем развитием социально-политической и литературной жизни России. Он осветил эти вопросы, даже такие специальные, как о языке, с передовых позиций складывавшейся декабристской идеологии, с позиций борьбы за «вольность» — против деспотизма и тирании. Недаром одной из причин, заставивших его вступить в Тайное общество, Кюхельбекер указал на невозможность для русского народа «первого в свете по славе и могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку, коему в Европе нет подобного», раскрыть свои нравственные качества [26]. Лекции Кюхельбекера в парижском «Атенее», в которых он заговорил, по словам современника, «с энтузиазмом о свободе и о духе революции», — важный этап как в истории русской политической мысли 1820-х гг., так и в истории культурных взаимоотношений России и Франции. Будущий декабрист оказался первым русским, который начал знакомить Францию с подлинной и неофициальной Россией — Россией оппозиционной и революционной, с великим русским народом, с русским языком, с молодой русской литературой, с Пушкиным во главе.

П. Бейсов

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] А. Е. Измайлов писал П. Л. Яковлеву 13 сентября 1820 г.: «Вильгельм Кюхельбекер удрал отсюда в чужие краи с А. Л. Нарышкиным <...> Нарышкин хотел было прежде взять с собою в качестве секретаря барона Дельвига, но по справке оказалось, что он плохо знает иностранные языки и не мастер даже писать в прозе по-российски» (см. А. А. Дельвиг. Полн. собр. стих. Л., 1934, стр. 46).

[2] Ю. Н. Тынянов. Французские отношения В. К. Кюхельбекера. I. Путешествие Кюхельбекера по Западной Европе в 1820—1821 гг. — «Лит. наследство», т. 33-34, 1939, стр. 331. — Эта работа обобщает печатный и архивный материал по интересующему нас вопросу.

[3] В письме к сестре Кюхельбекер говорит: «*лекции* мои в Париже». В биографическом очерке (см. прим. 13) тоже говорится о *лекциях;* «Кюхельбекер читал *лекции* в „Атенее" <...> *лекции* эти возбудили живейший интерес». Таким образом, хотя до нас дошла всего одна лекция, вступительная, очень возможно, что Кюхельбекер успел выступить в «Атенее» не один раз, а больше.

[4] ИРЛИ, ф. № 244, оп. 25, № 254, л. 27 об. — Это место из письма Е. А. Энгельгардта с некоторыми сокращениями было опубликовано, с ошибочной датой — «27 июня», в статье Д. Ф. Кобеко «Директор Царскосельского лицея Е. А. Энгельгардт и его питомцы». — «Вестник всемирной истории», 1899, № 1, стр. 93; затем, без указания адресата, перепечатано в книге: Д. Ф. Кобеко. «Императорский Царскосельский лицей». СПб., 1911, стр. 185—186. В тех же письмах Энгельгардта к Матюшкину находим следующие упоминания о Кюхельбекере и его заграничной поездке: «Кюхельбекер вышел в отставку и поехал путешествовать с А. Л. Нарышкиным собеседником ?!?!» (10 сентября 1820 г.); «Кюхельбекер Вильгельм поехал с обер-камергером Нарышкиным путешествовать в качестве секретаря и собеседника; мы знаем, что он ни на то, ни на другое не годится; в Париже он с ним поссорился, расстался и — не знаю, что далее» (21 июня 1821 г.).

[5] «Летопись занятий постоянной историко-археографической комиссии за 1926 год», вып. I (34). Л., 1927, стр. 262—263. — Все, что пишет Гаккель об аресте Кюхельбекера,— совершенный вымысел.

[6] Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М.—Л., 1930, стр. 462—463.

[7] «Русская старина», 1875, № 7, стр. 343.

[8] «Ост. архив», т. II, стр. 209.

[9] Из бумаг, найденных в кабинете Александра I после его смерти.—ЦГИА, ф. № 109, приложение к делам III отделения, № 186, 1828 г.

[10] «Ост. архив», т. II, стр. 201.

[11] «Русский архив», 1888, № 5, стб. 0119.

[12] «Ост. архив», т. II, стр. 338.

[13] «Русская старина». 1875, № 6.— «Биографические заметки о Кюхельбекере, собранные редакцией при содействии его семейства» (названы сын М. В. Кюхельбекер, дочь Ю. В. Косова и племянница А. Г. Глинка).

[14] «Русская старина», 1875, № 7, стр. 342—343.

[15] Семевский, стр. 259.

[16] «Лит. наследство», т. 33-34, 1939, стр. 362.

[17] ВД, т. II, стр. 192—193. Курсив наш. — Из тех же показаний Кюхельбекера можно сделать заключение, что на лекции присутствовали еще несколько русских, живших в Париже. Например, с князем Трубецким Кюхельбекер «возобновил знакомство в Париже» (там же, стр. 142). Следует обратить внимание и на следующее показание С. П. Трубецкого, в котором называются имена русских, бывших в это время в Париже: «За границей я жил только в Париже, с двоюродным моим зятем отставным полковником Потемкиным, занимался слушанием курсов естественных наук, физики, химии, механики и особенно химии, иногда ходил слушать известнейших профессоров по другим частям; ходил на некоторые лекции в Политехническое училище с дозволения военного министра; о сем можно справиться у означенного Потемкина и у молодого князя Голицына <Э. М.>, брата флигель-адъютанта князя Андрея Михайловича, которые оба ходили со мною слушать некоторые лекции».

[18] «Журнал 4-го заседания Симбирской губернской архивной комиссии», 1896. «Записка об А. И. Тургеневе в связи с пятидесятилетием со дня его смерти, 3 декабря 1845 г.».

[19] Рукописный отдел, рукопись № 229.

[20] «Декабристы. Поэзия. Драматургия...» Сост. В. Орлов. М.—Л., 1951, стр. 353.

[21] «Лит. наследство», т. 33-34, 1939, стр. 354.

На заседаниях Следственного комитета по делу декабристов не раз произносились имена названных французских деятелей.

[22] «Мнемозина», ч. II, 1824, стр. 63.

[23] Слова Каховского. — «Декабристы». Сост. В. Орлов. М.—Л., 1951, стр. 508.

[24] Сводка откликов дана у Семевского, стр. 262—285.

[25] Письмо к А. И. Тургеневу от 8 июня 1818 г. — «Ост. архив», т. I, стр. 105.

[26] ВД, т. II, стр. 166.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКА В ПАРИЖСКОЙ ЛЕКЦИИ КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Парижская лекция Кюхельбекера является не только значительным фактом в биографии ее автора, но и значительным документом русской общественной мысли декабристского периода.

Это едва ли не единственное сжатое изложение вопросов языка, данное писателем молодой литературной школы, того ее крыла, которое находилось под непосредственным влиянием тайных обществ.

В своей вступительной лекции к курсу истории русской литературы Кюхельбекер решил ознакомить французских слушателей с основами русского языка и его историей. Кюхельбекер выдвигает два довода в пользу того, чтобы начать свои лекции именно с вопросов русского языка.

Первый довод основывается на том положении, что в судьбах языка раскрывается национальный характер, второй — на зависимости развития литературы от истории языка.

Второй из этих доводов в значительной степени подсказан был Кюхельбекеру той ролью, какую играли вопросы языка в литературной полемике, особенно в начале XIX в.

К 1821 г., когда Кюхельбекер читал свою парижскую лекцию, еще свежи были в памяти недавние споры сторонников старого слога с Карамзиным и его последователями. И хотя из этих споров карамзинисты, казалось, вышли победителями, но в рядах молодых писателей не чувствовалось полного удовлетворения от этой победы. Не вся молодежь была на стороне карамзинистов и не все шли следом за Жуковским и Батюшковым.

Сам Кюхельбекер был на распутье. Еще не так давно он считал себя верным последователем Жуковского, союзником Пушкина, Баратынского, Дельвига. Но уже некоторые сомнения у него возникали, и это заставляло его в своих критических суждениях часто выражать взгляды, несколько удивлявшие его товарищей. Так на страницах «Невского зрителя» он, как верный карамзинист, упрекал Катенина в недостатке вкуса, но в то же время признавал в нем истинный талант, а на это решился бы не каждый из сторонников новой школы. Называя первыми поэтами Жуковского, Батюшкова и высоко ставя поэтический дар Вяземского, Кюхельбекер одновременно хвалил Бунину, признавая, что слог этой поэтессы «не есть слог новейшей поэзии, очищенной трудами Дмитриева, Жуковского, Батюшкова» [1]. Но это были еще только колебания. Настоящий кризис наступил позднее, уже в Грузии, где Кюхельбекер сблизился с Грибоедовым, решительным противником школы Жуковского и Батюшкова.

Позднее Кюхельбекер писал Жуковскому: «Вы ободрили меня при первых моих поэтических опытах; в начале моего поприща вы были мне примером и образцом <...> Потом обстоятельства, мнения, люди отдалили меня от вас» (письмо от 24 мая 1838 г.) [2]. В 1821 г. эти обстоятельства еще не наступили. Поэтому мы не должны насильственно сближать мнения, высказанные Кюхельбекером в парижской лекции, с теми взглядами, какие он проповедовал на страницах «Мнемозины» в 1824 г., когда он решительно выступил против элегического направления русской поэзии, против Жуковского и его последователей.

Кюхельбекер не случайно обратился к вопросам языка. К этому его толкали и вопросы, поднимавшиеся современной критикой, и личные интересы Кюхельбекера. В Благородном пансионе при Педагогическом институте Кюхельбекер преподавал русский язык. По воспоминаниям его ученика Н. А. Маркевича, он продиктовал в классе свое сочинение «Логика языка» [3]. Зная его интересы, Жуковский послал ему один из десяти отпечатанных экземпляров своих грамматических замечаний.

В «Невском зрителе» 1820 г. (февраль) Кюхельбекер поместил отзыв на статью Н. Ф. Кошанского о русском синтаксисе, напечатанную в «Сыне отечества». Здесь, например, Кюхельбекер останавливается на таких вопросах, как признаки глаголов действительного залога (он считает решающим признаком образование страдательного

причастия настоящего времени, хотя и указывает на исключения — глаголы «пить» и «есть»). Вопросы стихотворной просодии, считавшиеся в те времена неразрывно связанными с вопросами грамматики, занимали Кюхельбекера и как поэта, в творчестве которого присутствуют опыты редких по тому времени размеров, и как критика, так как эти вопросы служили в те годы предметом оживленного обсуждения.

В области рассуждений об истории русского языка в лекции Кюхельбекера господствуют совершенно романтические представления, связанные с несомненной идеализацией республиканского строя древнего Новгорода. В этом отношении Кюхельбекер всецело разделял декабристское понимание общего хода русской истории: он считал, что формы народоправия исконно свойственны были русскому народу, в то время как абсолютизм является чем-то инородным, временным. Под новгородским языком Кюхельбекер разумеет не новгородское наречие, а вообще язык великорусский, как под киевским — украинский. На великорусском языке, по мнению Кюхельбекера, отразился характер древних новгородцев, дух свободы, сохранившийся в народе и в века татарского ига.

После такого романтического вступления Кюхельбекер непосредственно переходит к вопросам лексики и грамматики.

Прежде всего Кюхельбекер останавливается на словарном составе русского языка. В этом он повторяет большую часть общих обзоров того времени. Вспомним, что борьба шишковцев с карамзинистами в значительной степени связана была с вопросом о заимствованной лексике. Засорение словаря варваризмами заставляло писателей, особенно принадлежавших к патриотически настроенным кругам, находившимся в сфере влияния Союза Благоденствия, остро ставить задачу очищения русского языка. Кюхельбекер, останавливаясь на иностранных заимствованиях, подходит к вопросу исторически, различая древние заимствования из греческого языка от новых заимствований, особенно обильных, начиная с петровского времени. Заимствования из древнегреческого языка Кюхельбекер считает обрусевшими и не требует устранения их из употребления [4].

Он почти не останавливается на небольшом числе слов разговорной речи, проникших из восточных языков, и переходит непосредственно к основному разряду варваризмов — к словам немецкого происхождения. Эти варваризмы Кюхельбекер считает «невыносимыми» и предлагает изгнать их из военной и административной терминологии. Среди примеров подобных слов, «оскорбляющих национальную гордость», приведено и звание «обер-гофмаршал», принадлежавшее его патрону А. Л. Нарышкину. Вообще, подбор примеров далеко не безразличен для Кюхельбекера. Так, считая, что слова общеевропейского обихода, хотя бы и проникшие при посредстве немецкого языка, могут остаться в русском словаре, он приводит слова: конституция, генерал, офицер, намекая тем самым на идеи свободолюбия, с одной стороны, и на славу русской армии — с другой.

Кюхельбекер приходит к выводу, что по словарному составу русский язык сохранил свою исконную чистоту и что количество иностранных заимствований легко может быть сокращено в употреблении.

Далее Кюхельбекер переходит к анализу звукового состава русского языка. Он останавливается на тех звуках, которые отличают русскую речь от французской. Прежде всего он останавливается на звуке *ѣ*. Он отличает этот звук от *е*, считая его «тоньше», чем французское *е* закрытое. Представление о том, что *ѣ* в русском языке является особым звуком, отличным от *е*, присутствует почти во всех грамматиках XVIII и начала XIX в. При этом всегда указывается (в той или иной формулировке), что *ѣ* есть более тонкий звук, нежели простое *е*. Поэтому допустимо истолковывать данное утверждение Кюхельбекера как дань филологической традиции, так как в обычном произношении (московском) буквы *ѣ* и *е* уже в XVII в. обозначали один и тот же звук, по крайней мере в положении под ударением (в падежных окончаниях этим буквам соответствуют в старомосковском произношении разные звуки). Могли способствовать различению и и побочные ассоциации, вызываемые тем, что буква *ѣ* встречается обычно в несколько ином окружении, чем буква *е*; в частности, после твердой согласной под ударением *ѣ* встречалось чрезвычайно редко (в корне слова *цѣлый* и некоторых других, в ударном

СТИХОТВОРЕНИЕ КЮХЕЛЬБЕКЕРА «СМЕРТЬ БАЙРОНА»

Обложка, фронтиспис и титульный лист первого отдельного издания, 1824 г.

окончании в словах с основой на твердую согласную: *на крыльцѣ*, *въ душѣ*), в противоположность букве *е* (ср. *шест*, *жертва* и т. п.).

Однако Кюхельбекер мог встречаться с живым различением звуков, означаемых буквами *ѣ* и *е*. В разговорной речи того времени не было твердых правил произношения и наблюдались диалектные особенности. А в ряде русских диалектов древнее *ѣ* до наших дней имеет особое произношение, отличное от *е*. Это или звук, совпадающий с *и* (например, новгородское произношение), или особый звук — «особое закрытое *ê* (более напряженное и в то же время с более высоким подъемом)», или дифтонг *ие*[5]. Такое произношение Кюхельбекер мог слышать от провинциалов и от крестьян из тех областей, где древнему звуку *ѣ* соответствовал этот особый звук. О том, что живое московское произношение уже в XVII в. не различало звуков *ѣ* и *е*, в то время как в книжном чтении это различие делалось, свидетельствует то, что при обучении грамоте обращалось особенное внимание именно на отличие в чтении этих двух букв: «В одной псалтири, напечатанной в Москве в 1645 г., имеется „Наказание учителям, как обучать детей грамоте“ „... учитель должен оттенять произношения букв „ять“ и „есть“: зазорно и укорно „еже“ ⟨е⟩ вместо „есть ⟨ять⟩ глаголати“»[6]. И, наконец, не следует забывать, что в декламации высокого стиля, например в чтении стихов, в начале XIX в. еще господствовало чтение русских текстов по образцу церковнославянских, то есть такое, в котором произношение *ѣ* и *е* отличалось тем, что перед *ѣ* согласные смягчались, а перед *е* произносились тверже. Следовательно, не исключена возможность того, что Кюхельбекер слышал в разных обстоятельствах разное произношение *ѣ* и *е*. И это предположение мне кажется наиболее вероятным, так как во всех грамматических замечаниях Кюхельбекера мы находим стремление освободиться от традиционных представлений и дать самостоятельное истолкование явлений языка, основанное на личном опыте. Поэтому несправедливо было бы видеть в этом вопросе безоговорочное следование традиции, вопреки явлениям живого языка.

Дальнейшие фонетические замечания Кюхельбекера (о дифтонгах, о букве *ь*, о двух *л*) представляют собой описание явления смягченных согласных, выраженное в грамматических терминах того времени. Среди других звуков языка, чуждых западноевропейским языкам, Кюхельбекер называет фрикативную разновидность буквы *г* (звонкий звук, соответствующий глухому *х*), сохранившейся в его годы в словах, имеющих церковнославянскую традицию (что отразилось и на его примерах). Согласную букву *щ* Кюхельбекер упоминает, видимо, только потому, что в грамматиках того времени эта согласная приводилась как пример звука, отсутствующего в западноевропейских языках. Кюхельбекер рассматривает *щ* как сложный звук и в этом не отступает от традиции[7]. Перечень своеобразных звуков русского языка у Кюхельбекера не полон. Отсутствует указание на звук *ы*. Причина такого пропуска неясна, но, по-видимому, Кюхельбекер не ставил своей задачей исчерпывающую характеристику русской фонетики. Его привлекало другое: показать обилие звуков русского языка, а с этим он связывал представление о богатой «гармонии» русского языка. Последний термин принадлежит уже не столько грамматике, сколько поэзии. В поэтиках того времени отводилось много места вопросам так называемой «подражательной гармонии», состоящей в искусственном соединении звуков слов, последовании и расположении оборотов и предложений речи, всегда сообразных с содержанием[8]. Для Кюхельбекера важно было доказать преимущество русского языка над прочими в поэзии. Поэтому он указывает на монотонность других языков в сравнении со звуковым богатством русского.

Далее Кюхельбекер переходит к грамматическим наблюдениям, которые сводятся у него в основном к системе русского глагола. Это наиболее оригинальная часть лекции.

Смысл этих замечаний Кюхельбекера заключается в том, что он ищет выхода из традиционных грамматик русского языка, строившихся по образцу греческих и латинских. Он показывает, что система русского языка не укладывается в нормы, применимые к латинскому или греческому.

Рассуждению о глаголе Кюхельбекер предпосылает несколько беглых замечаний о склоняемых частях речи (существительные, прилагательные и причастия). Он

отмечает утрату двойственного числа, существовавшего в древнерусском языке, утрату звательного падежа. В грамматиках того времени звательный падеж фигурировал наравне с прочими, хотя о нем и сообщалось, что особую форму этот падеж сохранил только в словах церковнославянских (боже, господи). Кюхельбекер делает правильный вывод о том, что звательный падеж вообще выпадает из системы русского склонения, и считает реальным существование только шести падежей. В переводе названий двух последних падежей он следует, повидимому, грамматике И. М. Борна, где точно так же творительный падеж именуется «instrumental», а предложный — «prépositif». Кюхельбекер указывает на синтетический характер русского склонения (изменение окончаний) в отличие от аналитического характера соответствующих форм основных западноевропейских языков, в которых падежи он считает воображаемой категорией. Совокупность замечаний Кюхельбекера о падежах приводит к правильному выводу, что основной приметой падежей является наличие грамматической формы, а не синтаксическое значение.

Говоря о категории рода, Кюхельбекер указывает на наличие его в формах глагольного спряжения (в формах прошедшего времени), что и отмечает, как отличительное свойство русского языка.

Переходя к системе спряжения, Кюхельбекер решительно отбрасывает ту систему множественности времен, которая утвердилась в грамматиках того времени.

Так, Ломоносов насчитывал у русского глагола до десяти различных времен: настоящее, прошедшее неопределенное, прошедшее однократное, давнопрошедшее первое, давнопрошедшее второе, давнопрошедшее третье, будущее неопределенное, будущее однократное, прошедшее совершенное и будущее совершенное. При этом в одно спряжение объединялись глаголы, которые мы теперь считаем самостоятельными словами, например: трясти, тряхнуть, тряхивать.

В Лицее придерживались системы восьми времен, более распространенной в грамматиках того времени: настоящее, прошедшее неопределенное, прошедшее однократное, прошедшее совершенное, давнопрошедшее многократное, будущее неопределенное, будущее однократное, будущее совершенное[9]. Все это объяснялось тем, что в понятие времени вводилось и понятие вида, еще недостаточно осознававшееся авторами грамматик.

Кюхельбекер решительно отбрасывает всю сложную систему времен. Повидимому, в его взглядах на русский глагол отразилось влияние уже названной грамматики И. М. Борна («Краткое руководство к российской словесности», 1808)[10]. Это было руководство, предназначенное для учащихся петербургской немецкой школы св. Петра. Грамматику И. М. Борна сопроводил многочисленными примечаниями А. Х. Востоков.

Борн допускает в русском спряжении только три времени: настоящее, прошедшее и будущее (§ 32). Правда, в примечании к § 58 упоминается еще прошедшее многократное или давнопрошедшее, но в таблицу спряжений это время не введено. Вместо многочисленных времен Борн вводит понятие разного рода глаголов, что соответствует современной категории вида. Основных видов глагола Борн называет два, которые «по действию» называет совершенными и несовершенными, а по структуре — сложными и простыми (§ 52). В понятие совершенного и несовершенного вида Борн вкладывает значение перфекта и имперфекта. Деление же на простые и сложные объясняется тем, что из вида несовершенных в вид совершенных глаголы переходят преимущественно при помощи присоединения приставки (например, несовершенный глагол *говорить* с приставкой *за* превращается в совершенный: *заговорить*). Впрочем, в § 93 дается список бесприставочных совершенных глаголов (*бросить*, *велеть* и т. д. — всего 25 глаголов).

Кроме двух видов — совершенного и несовершенного — Борн в § 53 упоминает еще два рода глаголов: учащательные (многократные) и однократные. Повидимому, эти виды Борн считал частными и неравноправными с более общим делением глаголов на совершенные и несовершенные. Однако в позднейших грамматических работах при равноправном делении глаголов на частные роды мы находим все указанные четыре разновидности.

В попытке освободить спряжение от искусственных форм и от пополнения временных форм одного глагола временными формами другого, Борн непоследователен. Так, для однократных глаголов он допускает только два времени — прошедшее и будущее, а для глаголов совершенных все три, называя в качестве настоящего времени формы соответствующего многократного глагола: «настоящее время изъявительного наклонения в таковых глаголах делается из многократного окончания наклонения неопределенного: *ывать* или *ивать*», например, от *распечатать* Борн образовывает настоящее время: «*распечатываю*» (§ 69). Этим Борн разрушает стройность своей системы.

Отмечу еще одну деталь руководства Борна, отразившуюся в лекции Кюхельбекера: в §§ 70—92 Борн перечисляет приставки (в его терминологии «предлоги»), которые переводят глаголы из разряда несовершенных в разряд совершенных. Но для каждой приставки говорится, какое новое значение придает глаголу эта приставка: «Предлог *в* означает действие внутрь чего-нибудь происходящее», «Предлог *до* в значении предела и окончания», причем, например, для приставки *у* указывается девять значений.

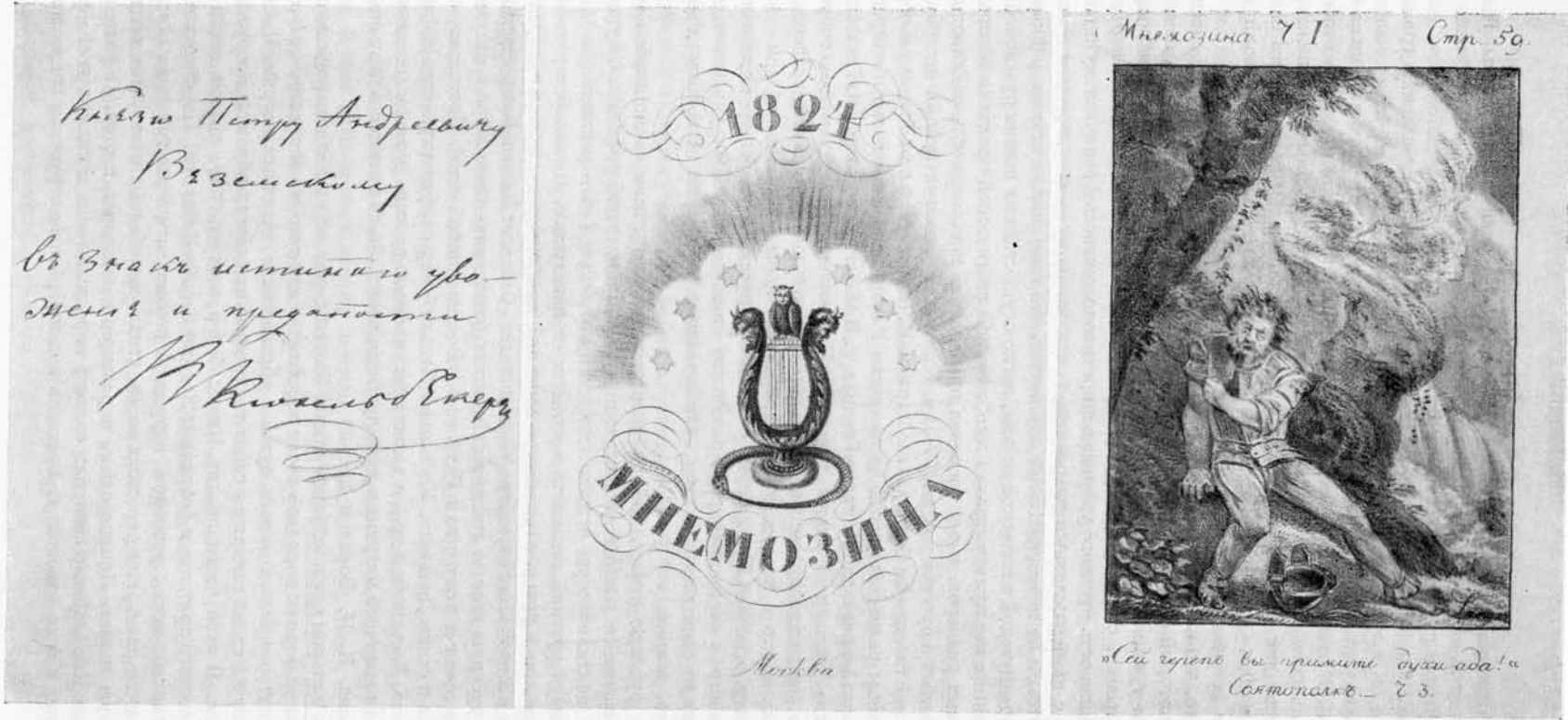
Мы привели вкратце систему Борна потому, что она поможет понять систему Кюхельбекера и оценить ее оригинальность.

Прежде всего Кюхельбекер дает определение грамматического времени (строго согласованное и с его представлением о падежных формах): «Под названием времени разумеют грамматическую форму, связывающую идею настоящего времени с определенным окончанием, идею прошедшего с другим и идею будущего с третьим». Этим Кюхельбекер уточняет понятие словоизменения, дает удобное определение грамматической формы как формы словоизменения, соединенной с идеей соответствующего грамматического значения (значения падежа, времени, рода, лица и т. п.), и, наконец, утверждает существование в русском спряжении только трех времен. Рассуждая последовательнее, чем Борн, Кюхельбекер принимает только два вида глаголов: совершенные («указывающие единство») и несовершенные («указывающие частоту или длительность»). В зависимости от того, от какого глагола образовано время, оно приобретает свойство совершенного или несовершенного, и этим русский язык восполняет кажущуюся бедность временных форм глагола.

Кюхельбекер указывает, что, благодаря свойствам русского словопроизводства, богатство оттенков, существующих в системе русских глаголов, ни в чем не уступает системе спряжения иных языков с их развитой системой времен и наклонений. Он указывает, что приставки, служащие к образованию совершенных глаголов, всегда знаменательны, т. е. наряду с чисто грамматической функцией изменения вида они выполняют и другую функцию — придают глаголу новый признак значения.

Помимо видовых форм, Кюхельбекер упоминает еще пять залоговых родов глагола. По существу, он делит глаголы на два класса: спрягающиеся без возвратной частицы *ся* и спрягающиеся с этой частицей. К первым он относит глаголы действительные и средние, ко вторым — возвратные, взаимные и средние, спрягающиеся как возвратные (то есть с частицей *ся*). Глаголы страдательные Кюхельбекер отдельно не рассматривает, так как страдательный залог не имеет самостоятельного спряжения, а образуется при помощи глагола *быть* и страдательного причастия от действительного глагола. Этим классификация Кюхельбекера отличается от системы залогов, данной в грамматике Ломоносова (в § 274). Между тем в грамматических системах первой четверти века всегда принималась эта ломоносовская схема шести залогов. На тех же основаниях, на которых Кюхельбекер из системы залогов выводит страдательный залог, он выводит из системы наклонений условное, или сослагательное, наклонение, образуемое при помощи частицы *бы*, присоединяемой к формам прошедшего времени. В этом он согласен с Ломоносовым (§ 267 его грамматики).

Из этого видно, что Кюхельбекер строго проводит морфологический принцип в своем учении о русском глаголе, и эта черта на фоне грамматических систем его времени придает его лекции совершенно оригинальный характер. И если современное учение о глаголе расходится в отдельных пунктах с классификацией Кюхельбекера, то все же надо признать, что его система значительно ближе к взглядам нашего времени, чем общепринятые грамматические учения его времени. Во всяком случае, важно отметить, что



АЛЬМАНАХ «МНЕМОЗИНА» НА 1824 г. ЭКЗЕМПЛЯР С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ КЮХЕЛЬБЕКЕРА П. А. ВЯЗЕМСКОМУ:
«Князю Петру Андреевичу Вяземскому в знак истинного уважения и преданности. В. Кюхельбекер»
Справа — помещенная в той же книге иллюстрация к стихотворению Кюхельбекера «Святополк» (автолитография В. Лангера)
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Кюхельбекер последовательно стремится преодолеть перенесение на русский язык грамматических понятий иноязычных грамматик и строит свою систему исключительно на наблюдениях фактов русского языка в их особенностях.

Его изложение несколько затемняют параллели с греческим языком, с грамматикой которого он в эти годы, видимо, не вполне освоился.

Подчеркивая синтетический характер русского спряжения (и даже несколько его преувеличивая), Кюхельбекер справедливо выводит из этого относительную свободу в последовательности членов предложения при построении русского предложения. Свобода инверсий для Кюхельбекера представляется источником поэтического богатства русского языка. Снова он говорит в своей лекции как поэт, чувствующий все выразительные возможности своего языка.

Характерно, что именно здесь Кюхельбекер решительно отвергает ломоносовский строй прозы, который он считает заимствованным из латинского и немецкого языков.

Последним грамматическим вопросом в лекции Кюхельбекера является вопрос о русском ударении, от которого он переходит к стихосложению. Кюхельбекер указывает на подвижность русского ударения в противоположность французскому и польскому языкам с их неподвижным ударением и итальянскому — с ударением малоподвижным. Отсюда он непосредственно заключает, что имитация античных размеров, недоступная французской и польской поэзии, легко осуществима в поэзии русской. Кюхельбекер с ранних лет культивировал в собственной поэтической практике воспроизведение античных размеров, в чем он видел преодоление монотонности традиционных размеров, принятых в русской поэзии XVIII в. Еще в статье, напечатанной в петербургской французской газете «Le Conservateur impartial», он выступил с пропагандой обращения к античным размерам, указывая на опыты Радищева и Нарежного и опираясь на стихи Востокова и перевод «Илиады» Гнедича [11]. В 1820 г. в рецензии на «Греческую антологию», где были напечатаны переводы Батюшкова, Кюхельбекер говорил: «...сначала мы, как слишком, может быть, пристрастные любители всего древнего, несколько сожалели, что в переводах не сохранены размеры подлинника» [12].

Кюхельбекер отмечает и некоторые особенности русского ударения, ограничивающие возможности в воспроизведении античного стопосложения. Он указывает, что русскому языку не свойственны стопы, заключающие в себе по нескольку долгих слогов (спондей, молосс, эпитриты).

Описывая русскую рифму, Кюхельбекер выходит за пределы сложившейся традиции, пользовавшейся почти исключительно мужской и женской рифмами. Он упоминает и рифму дактилическую и даже гипердактилическую («четырехсложную»).

Характеризуя русский гекзаметр в отличие от латинского, Кюхельбекер констатирует преобладание в русском гекзаметре дактилей, иногда чередующихся с хореями, в то время как в латинском гекзаметре часты спондеи. Отмечает Кюхельбекер и недавно проникший в русскую поэзию элегический дистих (соединение гекзаметра с пентаметром). Здесь он имеет в виду стихи Радищева («Восемнадцатый век»), Востокова, собственные стихи и стихи Дельвига. Упоминает Кюхельбекер сапфическую строфу (имея в виду Радищева, Востокова и др.), а также оригинальные русские размеры, составленные по образцам античной метрики в духе русского языка. Здесь имеются в виду опыты А. Х. Востокова, И. М. Борна и др.

Упомянув о старом силлабическом стихе, Кюхельбекер переходит к народным песням. Обращение к формам народной песни характерно для того же направления в русской поэзии, которое искало новых путей в обращении к античным метрам. В частности, Востоков и в своих стихах и в своих теоретических работах обращался к русской народной песне. В этой части лекции Кюхельбекер следует тому, что он писал на страницах «Невского зрителя» в феврале 1820 г. по поводу Катенина. Там он отмечал, что, помимо силлабических размеров, в русской поэзии возможны три рода стихов: стихи, написанные размерами народных песен, стихи, написанные размерами, введенными в русскую поэзию Ломоносовым, и размерами античных поэтов. О размерах народных песен Кюхельбекер говорил: «размер народных песен и сказок, коего феорию так хорошо и ясно изложил г. Востоков в своем „Опыте о русском стихосложении“» [13].

И в теоретических положениях парижской лекции содержится краткое изложение теории Востокова, причем Кюхельбекер в точности воспроизводит теоретические положения Востокова, несколько отступая от классификации размеров, данной Востоковым. Однако эти отступления не меняют общей картины. Востоков утверждал, что народные стихи строятся на счете одних ударений, без учета неударных («кратких») слогов, число которых может от стиха к стиху меняться. Русские песни обычно имеют дактилическое окончание, но иногда более короткое — женское, иногда же более длинное — гипердактилическое. Русские песни Востоков делит на два класса — лирические (песенные) и эпические (сказочные). В лирических стихах Востоков различает размеры с одним ударением, с двумя ударениями, одним сильным и одним слабым, и, наконец, с тремя ударениями при женском окончании. Песни последнего размера Востоков сравнивает с греческими элегиями, а анализируя их содержание, называет их элегическими русскими стихами, отличая от лирических, выражающих шумные, веселые или живые настроения. В разделе сказочных, или повествовательных, стихов Востоков рассматривает размеры с тремя ударениями при дактилическом окончании.

Кюхельбекер, сохраняя основы теории Востокова, применяет более жесткую классификацию: односложные размеры он называет лирическими, двусложные — элегическими, трехсложные — эпическими. Как и для Востокова, характеристика русских народных песен являлась для Кюхельбекера не только научноописательной проблемой, но тесно связывалась с поэтической практикой: в обращении к народным размерам Кюхельбекер видел путь к расширению метрических возможностей русского стиха и придавал этому тем большее значение, что в русских песнях отразился ритм, наиболее свойственный духу русского языка.

Таковы филологические утверждения лекции Кюхельбекера. В заключительной части Кюхельбекер возвращается снова к историческим вопросам. Богатство и чистоту русского языка он ставит в прямую зависимость от духа свободы, сохранявшегося в Новгородской республике. Этот обзор Кюхельбекер доводит до своего времени. Он особенно настаивает на том, что дух народа, отразившийся и в свойствах русского языка, находится в полном противоречии с деспотическими формами российской государственности Александра I. В частности, вся последняя часть лекции является протестом против крепостного права, против помещичьего деспотизма, возникновение которого он относит к недавнему времени. Этому политическому направлению подчинена и центральная идея филологических размышлений Кюхельбекера о богатстве и выразительности русского языка, являющихся выражением свободного и независимого духа народа, который говорит на этом языке.

В основе филологических теорий, выраженных в парижской лекции Кюхельбекера, лежат идеи передовой части русского общества, политические идеи декабристов. Нетрудно установить тесную связь между патриотизмом Кюхельбекера и патриотическими идеями Зеленой книги. Недаром в донесении неизвестного агента Александру I утверждается, что Кюхельбекер введен был в Тайное общество. И в самом деле, если организационно Кюхельбекер и не был членом Союза Благоденствия, то идейно он принадлежал к нему не в меньшей степени, чем, например, Пушкин.

В отношении литературных взглядов Кюхельбекер примыкает к группе молодых поэтов, к так называемому «союзу поэтов» (Баратынский, Дельвиг, Кюхельбекер), занимавшему передовые позиции в борьбе с политической и литературной реакцией. Ко времени отъезда Кюхельбекера за границу эта группа связывала свое направление с поэтической деятельностью младшего поколения карамзинистов (Жуковский, Батюшков, Вяземский). Своим духовным вождем в поэзии молодые поэты признавали Пушкина. Единомыслие с карамзинистами выразилось, например, в том, что в своей лекции Кюхельбекер противополагает старые, ломоносовские, формы прозы «новому слогу», более свободному и ясному, что связано с признанием реформы Карамзина. Точно так же, скрыто полемизируя с Шишковым, Кюхельбекер резко отделяет русский язык от церковнославянского и возводит историю русского языка ко временам древнего Новгорода. По возвращении из Грузии Кюхельбекер меняет свои мнения и высказывается за широкое употребление славянизмов в поэзии, а карамзинский стиль называет кружковым жаргоном.

Однако и в данной лекции нельзя видеть во всех ее положениях верного последователя карамзинской школы. Так, в своих поэтических вкусах он обнаруживает стремление к оригинальности, явное желание выйти за пределы той поэтической традиции, которая через Жуковского была воспринята в ранних произведениях Баратынского и Пушкина. Его обращение к античной поэзии и к народной песне сближает его с другой литературной группировкой, с Востоковым, с Борном, а генеалогию этого литературного направления Кюхельбекер назвал еще в своей французской статье 1817 г., где упомянул имя Радищева.

Лекция Кюхельбекера вовсе не является сжатым пересказом чужих мнений. Указанные точки прикосновения к существовавшим в это время литературным направлениям не уменьшают оригинальности взглядов Кюхельбекера. В своей характеристике русского языка и русского стиха Кюхельбекер дает оригинальное истолкование фактов, во многом опережавшее традиционные взгляды того времени. Можно пожалеть, что Кюхельбекер не дал более развернутого изложения своих грамматических соображений и что лекция его оставалась под спудом более ста тридцати лет.

Двадцатые годы XIX в. в истории русского литературного языка характеризуются возникновением новых литературных форм, преодолевших одновременно и старую традицию, восходящую к Ломоносову, и новый слог Карамзина. Задачу эту разрешил в своем творчестве Пушкин. Но в поисках решения Пушкин был не одинок. Вопросы литературного языка и стиля усиленно обсуждались в критике двадцатых годов, преимущественно в журнальной полемике и в критических отчетах по поводу литературных новинок. В своем творчестве Пушкин считался с различными мнениями, и даже с мнениями противников, всегда стараясь найти здоровое начало в чужих замечаниях или дать свое разрешение тех вопросов, какие возникали в современной литературе. Мнение Кюхельбекера Пушкин высоко ценил и к замечаниям его прислушивался, хотя и бывал часто с ним несогласен. О внимании Пушкина к критическим статьям Кюхельбекера свидетельствуют и черновые наброски, вызванные статьями Кюхельбекера, и цитаты из них (например, в предисловии к «Евгению Онегину»), и упоминание его имени в статьях и письмах. И хотя путь, избранный Кюхельбекером в период издания «Мнемозины», и расходился с путем, избранным Пушкиным (см. строфы XXXII и XXXIII четвертой главы «Евгения Онегина»), но это еще не значит, что развитие русской литературы прошло мимо Кюхельбекера. Не забудем, что, при всех несогласиях с Кюхельбекером, Пушкин признавал за ним заслугу убедительного разоблачения «элегического» направления в русской поэзии, являвшегося эпигонской линией младшего карамзинизма. Как и Пушкин, Кюхельбекер преодолел в самом себе это направление. Таким образом, никак нельзя отрицать своеобразной роли Кюхельбекера в процессе развития русского литературного языка. Эта роль не могла не быть прогрессивной, так как Кюхельбекер, при всей своей непоследовательности, был выразителем передовой идеологии декабристов.

Парижская лекция характеризует Кюхельбекера накануне решительного перелома в его литературном направлении. Перелом этот был неизбежен, как неизбежен он был и для Пушкина и других. Революционная мысль Кюхельбекера, патриотическое направление его литературных исканий не могли примириться с поэзией школы Жуковского, поэзией, разоружавшей в общественной борьбе. Самый пафос лекции Кюхельбекера, высокий общественный, публицистический тон его проповеди не вяжется с элегическим квиетизмом. Поиски национальных корней, народного духа в языке поэзии предопределяли разрыв Кюхельбекера с карамзинским стилем салонной прозы. Оригинальность мышления не позволяла Кюхельбекеру оставаться в учениках.

Все это придает особый интерес парижской лекции Кюхельбекера, и ее находку мы можем считать значительным событием для истории русской литературы и мысли.

Б. Томашевский

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. критические статьи Кюхельбекера в «Невском зрителе», 1820, февраль, стр. 107 (о Катенине); март, стр. 79 (о Буниной).

[2] «Русский архив», 1871, № 2, стб. 0174—0175.

[3] Воспоминания Н. А. Маркевича, написанные в 50-х годах, не во всем достоверны. Так, он указывает, что Кюхельбекер рекомендовал своим ученикам грамматику А. Х. Востокова, его же «Опыт о русском стихосложении» и «Словарь древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопова. Из этих трех книг только одна вышла в свет, когда Кюхельбекер был преподавателем. Словарь Остолопова вышел в 1821 г., когда Кюхельбекер был за границей, а первая грамматика Востокова появилась только в 1831 г. Вряд ли можно думать, что Маркевич имел в виду грамматические примечания Востокова в книге И. М. Борна «Краткое руководство к российской словесности», 1808 г., в которой основную часть составляет грамматика. Точно так же не может идти речь и о труде Востокова «Рассуждение о славянском языке». Во всяком случае, в парижской лекции Кюхельбекера нет никаких следов знакомства с этой работой Востокова. Кроме того, это не книга, а статья, появившаяся в «Трудах Московского общества любителей российской словесности» в июне 1820 г., незадолго до отъезда Кюхельбекера за границу.

[4] В число греческих заимствований Кюхельбекер ошибочно ввел слова «алтарь» (латинское) и «супостат» (русское). Отмечая далее, что словарные заимствования с греческого менее значительны, чем заимствования грамматических форм, Кюхельбекер опирается на мнение Ломоносова о фразеологических и синтаксических заимствованиях с греческого, проникших в первые переводы церковных книг с греческого языка на славянский. Это же мнение Ломоносова повторено в предисловии к Академическому словарю 1789 г.: «Греки, принесшие к славенским племенам христианский закон, тщились о распространении оного преложением книг священных и церковных на язык славенский 〈...〉 От преложения оных на славенский язык приобрел сей обилие, важность, силу, краткость в изображении мыслей, удобность к сложению слов и другие красоты языка греческого» (т. I, стр. VII).

Ср. мнение Карамзина по этому вопросу: «Авторы или переводчики наших духовных книг образовали язык их совершенно по-греческому, наставили везде *предлогов*, растянули, соединили многие слова, и сею *химическою операциею* изменили первобытную чистоту древнего славянского. „Слово о полку Игореве", драгоценный остаток его, доказывает, что он был весьма отличен от языка наших церковных книг» (О русской грамматике француза Модрю. — Сочинения Карамзина, т. IX. М., 1820, стр. 133).

[5] П. С. К у з н е ц о в. Русская диалектология. М., 1951, стр. 34; Р. И. А в а н е с о в. Очерки русской диалектологии. М., 1949, стр. 44. — Ломоносов в «Российской грамматике» 1775 г., в § 20, относит к «дебелым» гласным *а, е, ы, о, у*, а к «тонким» — *я, ѣ, и, ё, ю*. В § 104 он пишет: «...примечать должно, что буквы *е* и *ѣ* в просторечии едва имеют чувствительную разность, которую в чтении весьма явственно слух разделяет и требует, по § 20, в *е* — дебелости, в *ѣ* — тонкости». В грамматике Борна § 7 гласит: «Буква *ѣ* в начале слова произносится как *е* (*je*), а после согласных тонее, как бы нем. ее, например: мѣра (Meera), вѣра (Weera) и пр. Малороссияне ж произносят сию букву почти как *и*». Ср. В. В. В и н о г р а д о в. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, стр. 103.

[6] «История Москвы», т. I, 1952, стр. 606.

[7] Ломоносов в своей грамматике определяет *щ*, как составленное из *ш* и *ч*, но оговаривает произношение «в некоторых провинциях как *шш*». Повидимому, старомосковское произношение *щ* как *ш* долгое мягкое, принятое ныне в театре в качестве орфоэпической нормы, рассматривалось как просторечное («провинциальное»). Как *шч* описывает эту букву Тредиаковский, предлагавший исключить ее из алфавита и заменить именно таким сочетанием: *шч*. Так же определяется произношение этой буквы и в позднейших грамматиках. В настоящее время старая литературная норма (*шч*) начинает осстанавливаться в употреблении, хотя орфоэпические правила требуют произношения *шшь*. Так, в «Грамматике русского языка» Академии Наук СССР 1952 г. читаем: «Согласно старой произносительной норме литературным считалось *ш*^{ь}*ш*^{ь} (оно и сейчас прочно держится в сценическом произношении), однако в современном языке произношение *ш*^{ь}*ч* уже может считаться его равноправным вариантом» (стр. 51). Кюхельбекер, определяя *щ* как *сч*, конечно, молчаливо предполагал, что *с* в данном положении произносится, как *ш* (мягкое).

[8] А. Ф. М е р з л я к о в. Краткое начертание теории изящной словесности. М., 1822, стр. 80—81.

[9] См. записи Горчакова лицейских лекций (ИРЛИ, ф. № 244, оп. 25, № 361, лл. 5—6).

[10] И. М. Борн известен своей литературной деятельностью, как один из видных членов Вольного общества наук и художеств («Радищевцы»). Он является автором стихотворения «На смерть Радищева». См. о нем — «Поэты-радищевцы». Ред. Вл. Орлова. Л., 1935, стр. 227—236; А. Х. В о с т о к о в. Стихотворения. Ред. Вл. Орлова. М.—Л., 1935, стр. 25 и 36; ср. также книгу: В. Н. О р л о в. Русские просветители 1790—1800-х годов. Л., 1950, стр. 177—248, 347—348, 356.

[11] «Le Conservateur impartial», 1817, № 77, 25 сентября.

[12] «Сын отечества», 1820, № 23, стр. 146.

[13] «Невский зритель», 1820, февраль, стр. 107.

‹ЛЕКЦИЯ КЮХЕЛЬБЕКЕРА О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ, ПРОЧИТАННАЯ В ПАРИЖЕ В ИЮНЕ 1821 г.›

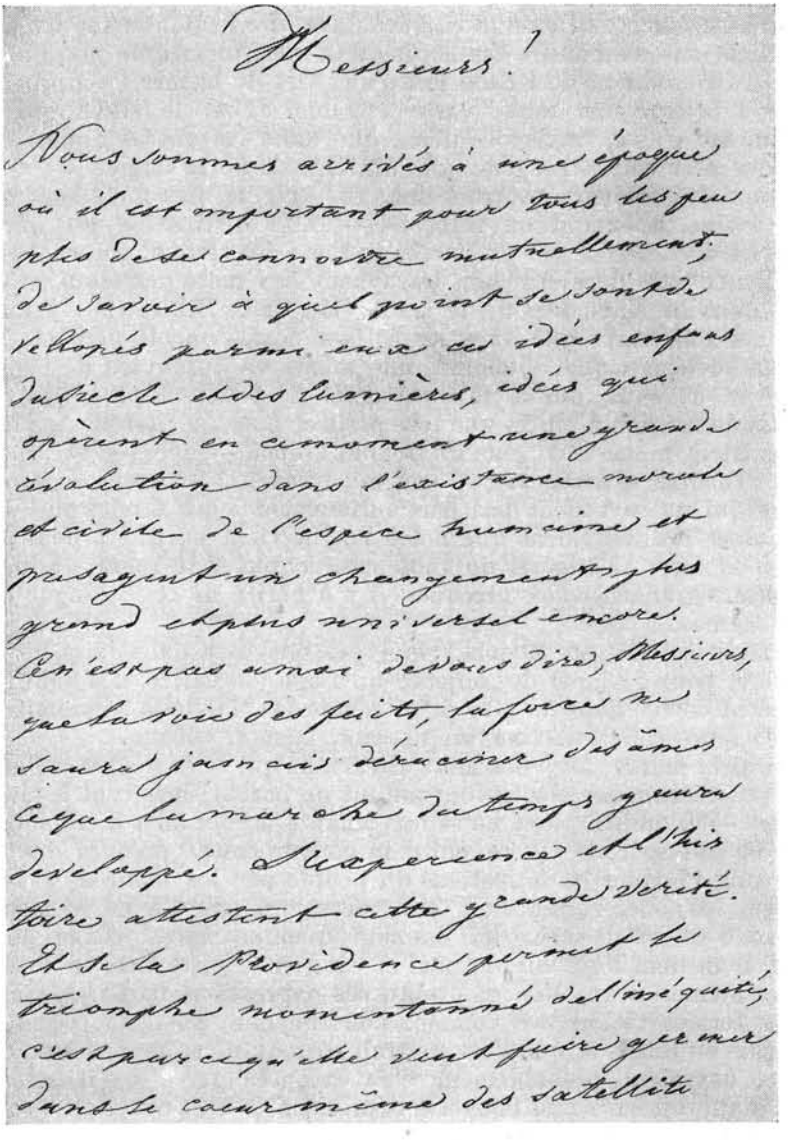
Messieurs!

Nous sommes arrivés à une époque, où il est important pour tous les peuples de se connaître mutuellement; de savoir à quel point se sont développés parmi eux ces idées enfants du siècle et des lumières, idées qui opèrent en ce moment une grande révolution dans l'existance morale et civile de l'espèce humaine et présagent un changement plus grand et plus universel encore. Ce n'est pas à moi de vous dire, Messieurs, que la voie des faits, la force ne saura jamais déraciner des âmes ce que la marche du temps y aura développé. L'expérience et l'histoire attestent cette grande vérité. Et si la providence permet le triomphe momentanné de l'iniquité, c'est par ce qu'elle veut faire germer dans le coeur même des satellites aveuglés de l'oppression la manière de penser, les sentiments qui avaient attiré sur les opprimés la colère des puissants de la terre qui tôt ou tard vainqueront à leur tour le despotisme et la barbarie.

C'est sous l'égide de l'honneur et de l'hospitalité de la nation française, que je peux sans crainte proférer ces axiomes, également, vivement senties de tous ceux qui dans les différentes contrées de l'Europe préfèrent la liberté à l'esclavage, les lumières aux ténèbres, des loix, des garanties à l'arbitraire, à l'anarchie. Les hommes qui pensent sont toujours et partout frères et compatriotes; et il vous sera doux, sans doute, de vous rapprocher d'une, nation dont les institutions — il faut l'avouer—laissent beaucoup à désirer, mais dont la jeunesse, la vigueur, la grande facilité de saisir le vrai doivent donner de grandes espérances au philantrope de quelque pays qu'il soit. Il ne sera pas sans intérêt pour vous, Messieurs, de connaître, comment a pu se former le caractère actuel de la nation russe sous un gouvernement tout à fait despotique par son principe et quel moyen la providence, tutrice éternelle des individus et des peuples, a employé pour la préserver de la démoralisation qui au premier coup d'oeuil semble inséparable d'une existence aussi précaire. En envisageant un peuple comme un être moral, on pourrait nommer l'idiome qu'il parle son âme, et alors l'histoire de cet idiome serait plus importante que celle même de ses changements politiques, auxquels cependant elle est intimement liée.

L'histoire de la langue russe vous révélera peut-être le caractère de la nation qui la parle. Libre, forte, riche, sa première formation a été antérieure à l'établissement du servage et du despotisme et dans la suite elle a offert un antidote constant aux effets pernicieux de l'oppression et de la féodalité. La langue russe moscovite est à quelques changements près celle des républicains de Novogorode et c'est Alexandre Nevski, victorieux, aimé, heureux comme chef militaire de la grande ville et ensuite accablé de revers et d'humiliations sur le trône de son père, c'est lui qui rapporta dans sa patrie cet idiome slave plus vigoureux et mâle que n'était celui de Kiov, dialecte slave, dont on faisait usage jusqu'alors dans le grand-duché et dont aujourd'hui dérive le petit russien plus mou et plus mélodieux, mais aussi moins riche et moins pur que la langue de la Grande Russie. C'est donc dans un pays libre que l'ancienne langue slave est devenue russe, c'est dans une ville commerçante, démocratique, riche, aimée, redoutée de ses voisins qu'elle s'est appropriée ces formes audacieuses, ces inversions, cette force qui, sans un vrai prodige, n'eussent jamais pu se développer dans un pays esclave. Et jamais cette langue, jamais elle n'a perdu et ne perdra les souvenirs, de la liberté, de la souveraineté du peuple qui la parle: jusqu'à ce moment le mot вольность — liberté agit avec une singulière force sur tout coeur vraiment russe.

Mais pour être en état de vous présenter des donnés à l'aide desquelles vous puissiez examiner systématiquement la naissance et, si j'ose employer cette expression, l'éducation de notre langue: qu'il me soit permis, Messieurs,



РУКОПИСЬ ЛЕКЦИИ КЮХЕЛЬБЕКЕРА О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ, ПРОЧИТАННОЙ ИМ В ПАРИЖЕ ПО-ФРАНЦУЗСКИ 1821 г.

Автограф

Лист 1 (начало)

Краеведческий музей, Ульяновск

de vous tracer un tableau de son état actuel. Le russe est si peu connu et son génie diffère tant de celui des autres langues, que je crois de toute nécessité de faire précéder mes entretiens sur notre littérature de quelques détails sur son lexique, sa grammaire, sa prosodie. J'attends de votre

indulgence, Messieurs, que vous me pardonnerez cette digression philologique en faveur du désir que j'ai de vous rendre plus intéressant ce que j'aurai l'honneur de vous communiquer dans mes prochaines séances sur notre littérature, dont les productions ne peuvent être justement appréciées sans des notions préalables sur le génie de la langue russe. Elle est, comme vous le savez assurément, fille de la langue slave, dont maintenant les différantes ramifications s'étendent des bords de la mer Adriatique jusqu'à l'Océan Glacial, du Danube et de l'Elbe jusqu'aux îles de la mer Pacifique, jamais langue n'a occupé une aussi vaste étendue. C'est le slave qui domine dans l'idiome russe, mais de même que dans les autres dialectes il s'y allie à des éléments étrangers: une dixième de notre langue est composée de mots qui lui étaient étrangers dans son origine. Ces mots sont grecs ou tatares, latins, allemands ou français. — Cette distinction est nécessaire, car nous ne désespérons pas de purger le russe des termes, empruntés depuis Pierre I, aux trois dernières langues. Quant aux mots grecs qui se sont introduits dans le slave lors de la traduction de la Bible, ils s'y maintiendront aussi longtemps que dans les églises russes on officiera et prêchera en langue ecclésiastique. Quelques uns même en éprouvant de légers altérations sont devenus tout à fait russes et ne pourront plus être rejettés. Cependant le nombre n'en est que très petit et nous ne citerons que quelques mots familiers même aux gens du peuple: герой — héros—ἥρως; олтарь — autel; супостат — σοποστάτος — ennemi; ангел — ange; ἄγγελος. Les étrangers qui ne se vouent pas particulièrement à des études philologiques croyent assez ordinairement que notre langue tient beaucoup de la grecque. Je suis bien aise, Messieurs, de vous assurer que si le russe a adopté plusieurs formes grammaticales grecques il n'a hérité de cette langue que fort peu de termes.

Les mots tatares ou mogols, employés en russe dans la conversation familière et pour désigner des objets d'un usage journalier, des habillements, par ex., sont encore dans un plus petit nombre et faciles à reconnaître à la dureté de leurs consonnes: халат, колпак, шапка, собака.

Je dirai la même chose des mots allemands qui se sont glissés dans notre langue tout récemment et qui font autant de barbarismes tout à fait insupportables. — L'oreille russe ne saura jamais s'accoutumer à ces sons tudesques et ne désespérons pas qu'enfin le gouvernement prendra des mesures pour ne plus choquer la délicatesse du peuple par les шлагбаум, les ордонанс-гауз, les обер-гофмаршал etc. mots qui jusqu'à ce moment défigurent tout ce qu'il écrit, lui donnant quelque chose d'une puissance ennemie, humilient l'orgueil national et excitent à juste titre la risée de ces étrangers mêmes à qui l'on emprunte ces expressions barbares. Cependant quelques termes techniques comme: конституция, генерал, офицер, plutôt français ou latins et que l'on pourrait dire du domaine commun de toute l'Europe, devraient probablement être exceptés parce qu'il serait assez difficile d'approprier à une nouvelle expression le sens que l'on s'est accoutumé à unir à ces sons, devenus au reste tout à fait familiers au peuple.

Restent encore quelque dénominations de sciences, pour la plupart desquelles on emploie également et le terme russe et le terme grec. Comme le son de la langue héllénique est harmonieux et le mot ordinairement plus court on gardera peut-être la terminologie grecque tout en se servant de la slavonne chaque fois que le mot russe marquera quelque nuance.

Résumons: notre langue est donc pour son lexique essentiellement slave; l'alliage des mots étrangers, qui entrent dans sa composition, est moins considérable que dans aucune autre langue de l'Europe et diminue chaque jour.

Ce sont donc ses éléments slaves que nous examinerons maintenant pour pouvoir prononcer sur le mérite de langue, dont ils forment la masse

principale. L'idiome slave a dans le polonais et dans le tchèque (bohémien) quelques sons qui lui manquent dans le russe, tels sont le *n* nasal, le *dz* et autres; cependant, la comparaison faite, nous l'emportons pour la richesse et la variété de nos sons non seulement sur tous les idiomes d'origine latine et germaine, mais sur ces mêmes dialectes slaves, le nombre de sons qu'ils ont perdus et qui ne se sont conservés que chez nous étant beaucoup plus grand. La langue russe est aussi abondante en voyelles et diphtongues que l'est la langue française, une des plus riches sous ce rapport; et je ne connais aucune qui lui puisse être comparée pour l'étonnante variété de ses consonnes. Pour ne pas abuser de votre indulgence je ne citerai que les sons qui la distinguent des idiomes latins et germains. Tels sont la voyelle *e* plus aiguë que l'*é* des français — тебе; les diphtongues *я*, *ё*, *ю* — меня, ведёт, люблю, дарю. La demi-voyelle *ь* que l'on prononce comme un *i* muet — дань, звать; le *l* dur *л* — лоб, был et le *l* doux *ль* — даль, сталь, стальной, qui tous deux diffèrent du *l* des langues européennes; *г gh* — господь, горѣ; le *щ* qui est le *c* italien précédé d'un *s* — щёт, щастие. Ajoutez que la langue russe possède tous les sons de la langue latine de plus le *j* et *ch* des français, le *c* des italiens, le *z* des allemands et vous pourrez juger, Messieurs, quelle harmonie variée elle doit présenter à l'oreille. Les voyelles qui dominent dans notre langue sont l'*a* et l'*o* aussi sonores que l'est peu l'éternel *e* de la plupart des autres langues modernes.

A son tour la grammaire russe est une des plus riches en formes et terminaisons significatives. Cependant, il faut l'avouer, elle l'est moins que la grammaire du dialecte slave qu'on est convenu de nommer langue ecclésiastique. Les substantifs, adjectifs, participes russes ont perdu le duel que l'on trouve dans la Bible slave; le vocatif n'existe encore que dans deux mots: боже — Dieu et господи — seigneur, en parlant de Dieu. Cependant, il nous reste six cas dont les deux derniers pourraient être nommés instrumental et prépositif et correspondent presque toujours à l'ablatif des Latins.

Quant aux cas en général, remarquons que nos noms, adjectifs, participes se déclinent réellement car ils changent de terminaisons: c'est un avantage que nous avons sur plusieurs langues modernes dont les cas sont imaginaires et dans lesquels les rapports d'un objet à un autre doivent être indiqués par des prépositions. Le russe exprime trois genres et cela même dans quelques formes simples non composées de l'indicatif du verbe, chose que je ne trouve dans aucune autre langue. Les Latins disent: *fuit* dans tous les trois genres; le français, l'allemand, l'anglais doivent employer des pronoms pour exprimer le genre du sujet du verbe; mais dans ses différents passés le russe n'en a pas besoin: son *был* par sa terminaison même *il était*, *была* — *elle était*, *было* — *cela était*.

Pour l'étranger la partie la plus difficile de notre langue est le verbe et c'est parce que sa marche diffère beaucoup de tout ce qu'on est accoutumé de trouver dans les langues de l'Occident.

La majeure partie même de nos grammairiens élevés dans les principes de la langue latine et intimement persuadés que ses temps et modes doivent exister dans tous les pays et chez tous les peuples y ont vainement cherché des parfaits, des plus-que-parfaits, des conjonctifs, des gérondifs: ils n'ont trouvé qu'exceptions et irrégularités. — Le fait est que ces formes nous sont entièrement étrangères. Si sous la dénomination des temps on comprend une forme grammaticale qui attache invariablement l'idée du présent à une certaine terminaison, l'idée du passé à une autre et celle du futur à une troisième, on pourrait aller jusqu'à dire que les verbes russes n'ont pas des temps, car le soi-disant présent s'y employe très souvant au lieu du passé et du futur et les différents passés peuvent devenir alternativement passés et futurs chaque fois qu'ils sont suivis de la conjonction *бы* et qu'ils servent à exprimer une action ou situation subordonnée.

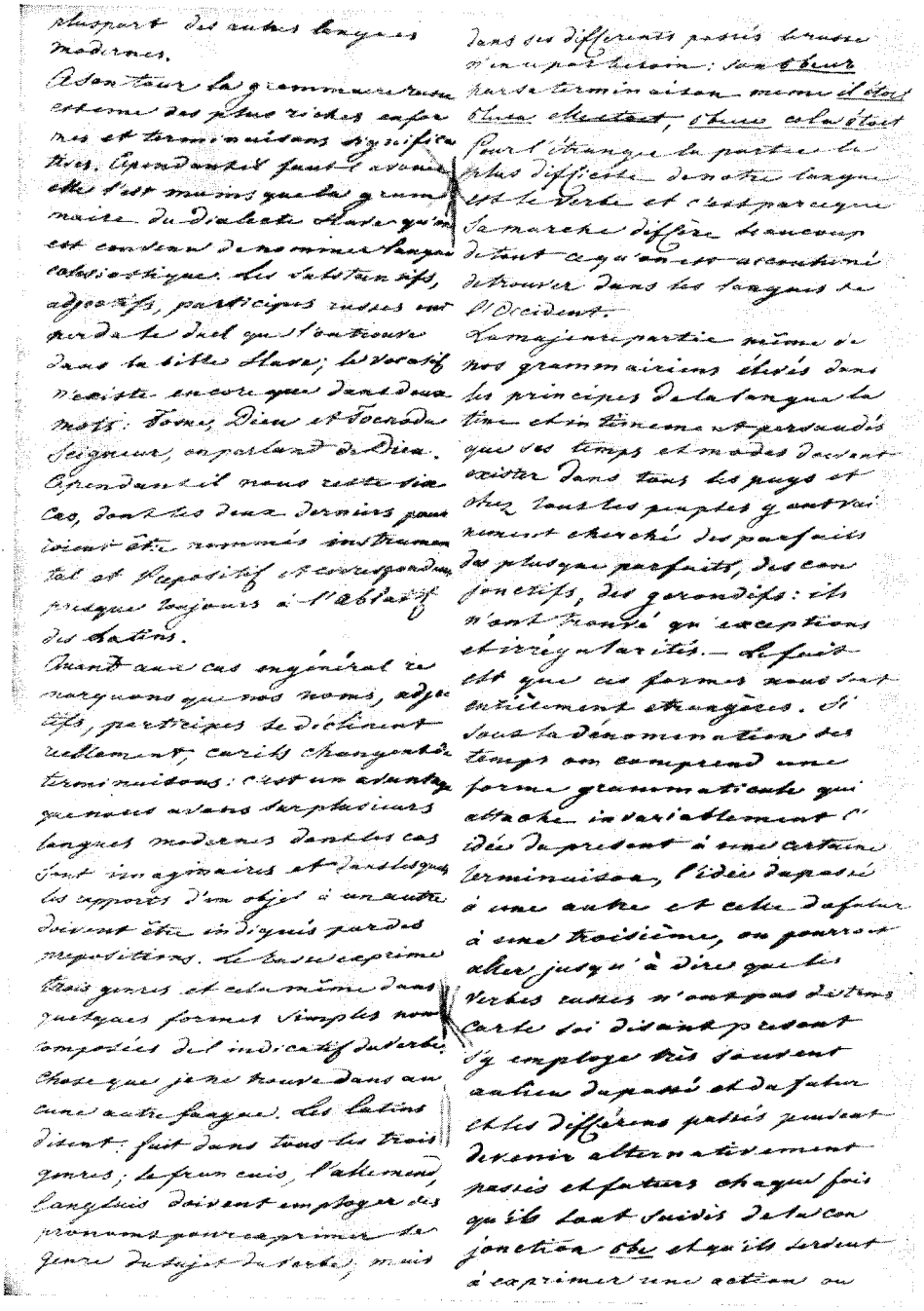
Ce ne sont que les aoristes grecs auxquels peuvent être comparés ces formes, dont le temps est toujours dépendant du sens de la phrase entière, des conjonctions et des adverbes qui s'y trouvent, de l'ordre des mots et d'autres circonstances. Cependant les verbes ne sont rien moins que pauvres pour marquer les différentes nuances dont une action ou situation est capable. Chaque aoriste et mode se présentent à vous sous une double forme: la première marque l'unité, la seconde la fréquence de l'action ou situation.

Le subjonctif *, il est vrai, nous manque; mais nous le rendons comme je l'ai déjà remarqué par les aoristes passés et la conjonction *бы*. Nous sommes très riche en participes et supins: tout aoriste, le futur excepté, en ayant un actif et un autre passif. Le nombre de ces derniers devient fort considérable, si l'on pense aux syllabes qu'on préfixe aux verbes russes pour marquer le commencement, la continuation, la fin de l'action ou de la situation: ces syllabes sont toutes significatives et c'est un avantage que nous avons même sur les Grecs, chez qui de semblables syllabes nécessaires pour la conjugaison ne modifient cependant en rien le sens de l'infinitif présent. Nous avons cinq espèces de verbes: actifs, neutres simples, réfléchis, réciproques et neutres se conjuguant comme les réciproques. Le passif s'exprime par le participe passif et le verbe auxilière *быть* être qu'on élide cependant toujours dans l'aoriste présent.

Vous sentez, Messieurs, qu'une telle abondance de formes grammaticales et de terminaisons significatives a pour suite naturelle une très grande liberté dans l'ordre des mots et la marche des propositions et périodes de notre langue. Elle n'a nullement besoin de suivre sévèrement la construction analytique et peut employer les inversions les plus audacieuses. — Cependant il existe une règle de position puisée dans le génie de notre langue et qu'il ne faut pas perdre de vue si l'on veut écrire un russe pur et correcte; savoir: de rapprocher autant que possible les parties du discours qui ont le rapport le plus intime entre elles. Cette règle varie selon le nombre des compléments du sujet et de l'attribut; mais, si elle a des modifications elle ne connaît pas d'exceptions, du moins en prose. Nous lui devons la clarté qui règne dans les écrits de nos bons prosaïques, dont le nombre cependant n'est pas très grand, parce que plusieurs méconnaissent le principe que nous venons d'exposer et à l'exemple de Lomonossof, père de notre littérature moderne et très estimable comme poète, s'obstinent à suivre la marche pesante des langues allemande et latine qui renvoient à la fin les principales parties de leurs périodes.

En français les mots composés de plusieurs syllabes ont toujours et invariablement l'accent sur la dernière, sauf l'exception de l'*e* muet, que cependant on pourrait ne pas compter pour syllabe; l'italien et le polonais mettent presque toujours l'accent sur l'avant-dernière. Voilà la raison qui rend infiniment difficile dans ces trois langues l'imitation de la prosodie des anciens. Le russe au contraire est libre dans son accentuation et par conséquent tous les mètres grecs et latins lui appartiennent. Cependant comme il a plus de brèves que de longues, les rythmes dans la composition desquelles entrent le spondée, le molosse et les différents épitrites, lui sont moins propres. Les pieds que l'on trouve le plus souvent parmi les polysyllabes russes sont l'anapèste, le créticus, le dactyle, les différents péons. Dans les mots de deux syllabes les ïambes sur les chorées.—Les vers russes rythmiques peuvent se passer de la rime: mais les ïambes, les chorées et plusieurs mètres péoniques et dactyliques l'emploient assez volontiers. Nous en avons quatre espèces, d'une, de deux, de trois, de quatre syllabes. Dans les trois espèces polysyllabes l'accent doit se trouver sur la première de la rime. L'hexamètre occupe la principale place parmi les rythmes russes,

* *У Кюхельбекера описка* — «substantif».



РУКОПИСЬ ЛЕКЦИИ КЮХЕЛЬБЕКЕРА О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ, ПРОЧИТАННОЙ ИМ В ПАРИЖЕ ПО-ФРАНЦУЗСКИ, 1821 г.

Листы 4 об. — 5

Краеведческий музей, Ульяновск

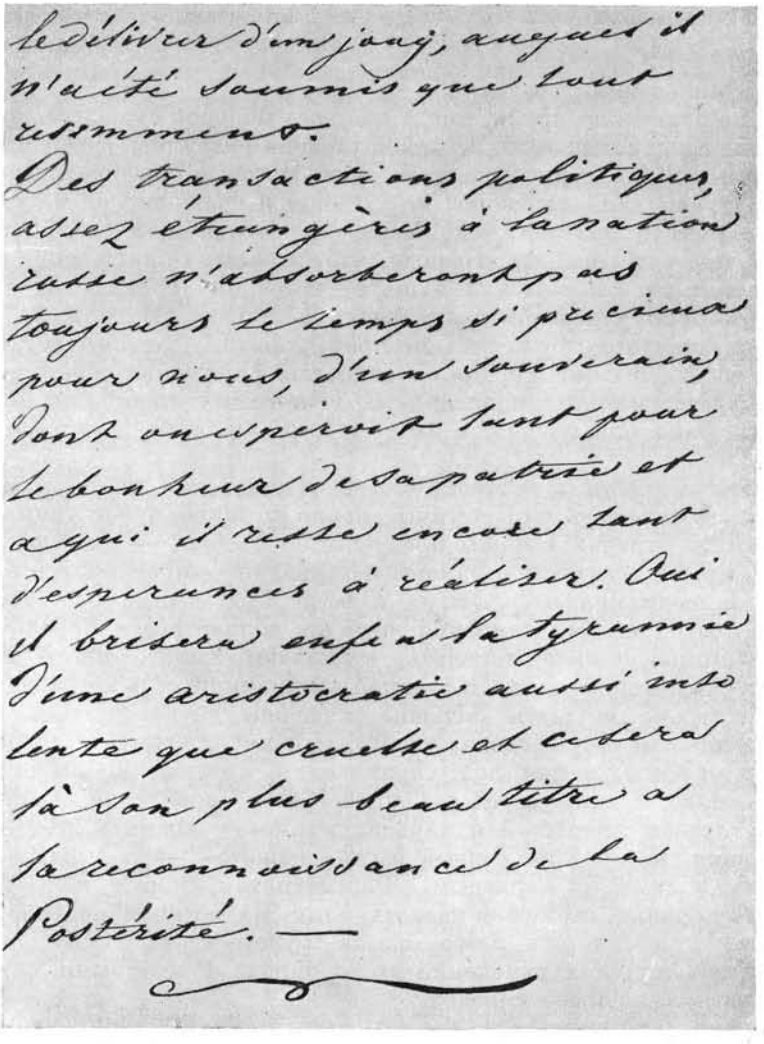
qui ne font jamais usage de la rime: il se distingue de l'hexamètre latin par la préférence qu'il accorde au dactyle sur le spondée, qu'il remplace même assez souvent par le chorée. Le mètre élégiaque introduit plus récemment, s'est de même tout à fait naturalisé dans notre langue. Je dirai autant du vers saphique et de plusieurs autres imités des anciens ou formés d'après leur exemple conformément au génie de notre langue. Cette transplantation de la prosodie ancienne s'est opérée depuis Lomonossov qui comme nous l'avons déjà vu, est le créateur de notre poésie moderne. Avant lui les hommes de lettres employaient à l'instar des polonais des vers de treize, de onze et de neuf syllabes, dans lesquelles on ne faisait aucune attention à l'accent et qui avaient pour toute distinction la rime de deux syllabes: les autres espèces de rimes n'étaient reservées que pour le bas comique. Cependant le peuple qui avait infiniment plus d'oreille et dont le goût n'était pas dénaturé, avait imaginé pour ses chansons et ses contes un rythme qui avec une marche tout à fait particulière et néanmoins très agréable est peut-être même plus dans le génie de la langue, du moins de la poésie populaire que les différents mètres grecs et latins, dont nous avons fait mention. Jettons un coup d'oeil sur sa théorie. On pourrait dire qu'il est épique dans nos contes et ballades et élégiaque ou lyrique dans nos romances et nos chansons. Il ne compte que les syllabes longues.

Dans le vers épique il en demande trois, dans l'élégiaque deux et dans le lyrique une seule. Quant au nombre des brèves il peut changer d'un vers à l'autre. Dans ce rythme la rime n'est pas de toute nécessité mais elle y est agréable, on l'y emploie plutôt de trois et de quatre syllabes que d'une ou de deux.

Tel, Messieurs, est l'état actuel de la langue russe: elle est riche, expressive, libre, harmonieuse. Un génie tutélaire semble avoir présidé à sa création, il lui a donné un asyle pendant son enfance dans une république opulente, guerrière et indomptée quand tout le reste de notre malheureuse patrie gémissait sous le joug de Gengiskhan et de Timour. C'est au forum et sur les vaisseaux, dans les murs et les annales de la grande Novogorode qu'elle s'est conservée pure, s'est enrichie et adoucie par l'usage qu'en faisait un peuple industrieux et éclairé: là elle fut le gage de la redemption de Moscou, de Kiov, de Souzdal et des autres principautés dont les habitants opprimés par les Tatares, revenaient peu à peu de leur terreur panique et commençaient à espérer, car se disaient-ils «dans nos veines coule le sang des enfants de la grande république, nous parlons la langue des nourissons de la liberté». Enfin la tyrannie de barbares s'écroula et la Russie devint un empire formidable. A la suite de ces évènements, la république de Novgorode succomba dans une lutte trop inégale contre l'ambition des Jean, princes de Russie: mais assurément le destin ne permit ce désastre, que pour féconder des semences de la liberté la nation russe si longtemps opprimée. Ces souvenirs d'indépendance et d'un gouvernement démocratique restèrent au peuple de Novgorode et devinrent la propriété de toute la Russie.

Le servage n'était pas encore établi, le paysan russe était un fermier libre dans des siècles où la féodalité enchaînait le laboureur dans le reste de l'Europe. Hélas! pourquoi Pierre, qui a été surnommé à tant de titres le Grand, a-t-il flétri par les fers de l'esclavage nos cultivateurs en même temps qu'il nous exposait aux regards de toute l'Europe. Mais revenons à des objets plus consolants, mon coeur saigne et la voix me manque pour déplorer ce malheur de ma patrie, qu'aucune victoire, aucune conquête ne pourra jamais nous faire oublier. Revenons à des sujets qui nous promettent un meilleur avenir. Non, jamais la providence n'accorde à une grande nation tant de talents pour la laisser ensuite croupir et s'anéantir dans

l'esclavage. Les Russes légueront un autre renom à l'histoire que celui d'un peuple envahisseur et destructeur. Notre langue, digne rivale de la langue grecque, aura ses Homère, ses Platon, ses Démosthèn, comme la nation ses Miltiade, ses Timoléon. Que cette croyance paraisse superstition, mais



РУКОПИСЬ ЛЕКЦИИ КЮХЕЛЬБЕКЕРА О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ, ПРОЧИТАННОЙ ИМ В ПАРИЖЕ ПО-ФРАНЦУЗСКИ, 1821 г.

Лист последний

Краеведческий музей, Ульяновск

la conservation et le perfectionnement de notre langue à travers des siècles de barbarie, d'oppression, de guerres civiles ont été trop miraculeux pour que cette superstition si c'en est une, ne soit excusable. Espérons que le gouvernement russe n'aura pas toujours les yeux fascinés par ces hommes vils et méprisables, qui, inspirés par un intérêt sordide, lui disent: que le Russe n'est pas encore assez mûr pour le délivrer d'un joug auquel il n'a été soumis que tout récemment.

Des transactions politiques assez étrangères à la nation russe n'absorberont pas toujours le temps si précieux pour nous d'un souverain, dont on espérait tant pour le bonheur de sa patrie et à qui il reste encore tant d'espérances à réaliser. Oui, il brisera enfin la tyrannie d'une aristocratie aussi insolente que cruelle et ce sera là son plus beau titre à la reconnaissance de la Postérité.

<Перевод:>*

Милостивые государи!

Для нас наступило время, когда для всех народов существенно взаимное знакомство, знание того, до какой степени развились среди них идеи, порожденные веком и просвещением, идеи, которые совершают в настоящую минуту великий переворот в духовной и гражданской жизни человеческого рода и пророчат еще более значительную и всеобщую перемену. Не мне вам говорить, господа, что насилие, принуждение никогда не искоренят из человеческих душ то, что в них развил ход времени. Опыт и история утверждают эту великую истину. И если провидение позволяет минутное торжество несправедливости, то потому, что оно желает бросить в самое сердце ослепленных слуг угнетения семена мыслей и чувств, которые навлекли на угнетенных злобу сильных мира и которые рано или поздно, в свою очередь, победят деспотизм и варварство.

Под эгидой чести и гостеприимства французской нации я могу без боязни провозглашать эти истины, равно и живо чувствуемые всеми, кто в разных странах Европы предпочитает свободу — рабству, просвещение — мраку невежества, законы и гарантии — произволу и анархии. Мыслящие люди являются всегда и везде братьями и соотечественниками, и вам будет, без сомнения, отрадно сблизиться с народом, учреждения которого, надо признать, оставляют желать много лучшего, но молодость которого, мощь и великая восприимчивость к правде должны в любой стране внушать большие надежды другу человечества. Небезинтересно для вас, господа, узнать, как мог сложиться современный характер русской нации под управлением, совершенно деспотическим в своей основе, и какие средства употребило провидение, вечно пекущееся о судьбе личностей и народов, чтобы сохранить этот народ от развращения, которое на первый взгляд кажется неразрывным с существованием, столь превратным. Рассматривая народ как существо духовного порядка, мы можем назвать язык, на котором он говорит, его душой, и тогда история этого языка будет значительнее, чем даже история политических изменений этого народа, с которыми, однако же, история его языка тесно связана.

История русского языка, быть может, раскроет перед вами характер народа, говорящего на нем. Свободный, сильный, богатый, он возник раньше, чем установилось крепостное рабство и деспотизм, и впоследствии представлял собою постоянное противоядие пагубному действию угнетения и феодализма. Русский московский язык, не считая кое-каких изменений, является языком новгородских республиканцев; Александр Невский, победоносный, любимый, счастливый, когда он был военным вождем Великого города, а затем удрученный неудачами и унижениями на троне своего отца — перенес на свою родину это славянское наречие, более мощное и мужественное, чем славянское наречие Киева, которым пользовались дотоле в Великом княжестве и от которого ныне происходит малороссийский язык, более мягкий и более мелодичный, но также и менее богатый и менее чистый, чем язык Великороссии. Таким образом, древний славянский язык превратился

* *Перевод выполнен под редакцией Б. В. Томашевского.*

в русский в свободной стране; в городе торговом, демократическом, богатом, любимом, грозном для своих соседей, этот язык усвоил свои смелые формы, инверсии, силу — качества, которые без подлинного чуда не могли бы никогда развиться в порабощенной стране. И никогда этот язык не терял и не потеряет память о свободе, о верховной власти народа, говорящего на нем. Доныне слово *вольность* действует с особой силой на каждое подлинно русское сердце.

Но чтобы иметь возможность представить вам данные, с помощью которых вы бы могли систематически рассмотреть рождение и, если смею употребить это выражение, воспитание нашего языка, позвольте мне, господа, набросать картину его нынешнего состояния. Русский язык так мало известен и по своему духу настолько отличается от других языков, что я считаю совершенно необходимым предварить мои беседы о нашей литературе некоторыми подробностями по его лексике, его грамматике и его просодии. Надеюсь на ваше снисхождение, господа, и прошу мне простить это филологическое отступление ради моего желания придать больше интереса сообщениям о нашей литературе, с которыми я буду иметь честь выступить перед вами в ближайшие заседания и творения которой не могут быть правильно оценены без предварительного ознакомления с духом русского языка. Он, как вы, конечно, знаете, произошел от славянского языка, различные ветви которого теперь распространяются от берегов Адриатического моря до Ледовитого океана, от Дуная и Эльбы до Тихоокеанских островов. Никогда еще ни один язык не занимал такого обширного пространства. В русском языке преобладают славянские слова. Но, так же как и в других языках, славянский язык соединился с иностранными элементами: десятая часть нашего языка состоит из слов, которые ему были чужды в самом его начале. Это слова греческие или татарские, кроме того латинские, немецкие или французские. Такое различение необходимо, потому что мы не теряем надежды очистить русский язык от слов, заимствованных со времен Петра I у трех последних языков. Что до греческих слов, проникших в славянский язык со времени перевода библии, то они удержатся дотоле, пока в русских церквах будут служить и проповедовать на церковном языке. Некоторые из них, испытав легкие изменения, стали совершенно русскими, и их невозможно отбросить, однако число их очень мало, и мы приведем только те из них, которые привычны даже для простолюдинов: *герой*—héros—ἥρως; *олтарь*— *autel*; *супостат*—σποστάτος, *enneti*; *ангел* — *ange* — ἄγγελος. Иностранцы, которые не занимаются специально филологической наукой, думают обыкновенно, что наш язык очень близок к греческому. Я рад вас заверить, господа, что хотя русский язык и заимствовал многие греческие грамматические формы, он унаследовал от этого языка лишь весьма немногие слова.

Татарские или монгольские слова употребляются в русском языке в обыкновенном разговоре и для обозначения вещей повседневного употребления, например — одежды. Они встречаются еще в меньшем количестве и их легко распознать по жесткости их согласных, например: *халат*, *колпак*, *шапка*, *собака*. Я скажу то же о немецких словах, которые совсем недавно вкрались в наш язык и которые представляют собою совершенно невыносимые варваризмы. Русское ухо никогда не будет в состоянии привыкнуть к этим тевтонским звукам. Мы не теряем надежды, что, в конце концов, правительство примет меры, чтобы больше не оскорблять народного чувства *шлагбаумами*, *ордонанс-гаузами*, *обергофмаршалами* и т. п. словами, которые до сих пор искажают письменную речь, придают ей нечто от враждебной державы, оскорбляют национальную гордость и являются по справедливости предметом насмешек тех же иностранцев, у которых заимствованы эти варварские

выражения. Однако некоторые технические термины, как *конституция*, *генерал*, *офицер*, скорее всего французские или латинские, о которых можно сказать, что они принадлежат всей Европе, — должны, вероятно, явиться исключением, потому что будет трудно присвоить новым выражениям то значение, которое привыкли соединять с этими звуками, впрочем, уже совершенно привычными для народа.

Остается еще несколько научных наименований, для большей части которых употребляется наравне с русским и греческий термин. Так как звуки греческого языка гармоничны и слова обычно более короткие, то, быть может, греческую терминологию будут сохранять, пользуясь одновременно и славянской, всякий раз, когда русское слово будет отличаться каким-нибудь оттенком значения.

Подведем итог: наш язык по своей лексике в основном славянский; примесь иностранных слов, входящих в его состав, менее значительна, чем в любом другом языке Европы, и уменьшается с каждым днем.

Рассмотрим же сперва его славянские элементы, чтобы иметь возможность дать оценку языка, в котором славянские слова составляют основную массу. Славянский язык имеет в польском и в чешском (богемском) языках несколько звуков, которых недостает в русском; таковы *н* носовое, *дз* и другие. Однако из сопоставления языков явствует, что мы превосходим по своему богатству и разнообразию звуков не только все наречия латинского и германского происхождения, но и указанные славянские наречия, так как число звуков, ими утраченных и сохранившихся только у нас, значительно больше. Русский язык так же богат гласными и дифтонгами, как и французский язык, — один из наиболее богатых в этом отношении, и я не знаю никакого другого языка, который бы ему был равен по удивительному разнообразию согласных. Чтобы не злоупотреблять вашей снисходительностью, я приведу лишь звуки, которые отличают русский язык от латинских и германских языков. Такова гласная: *ѣ*, более тонкая, чем *é* французское — *тебѣ;* дифтонги *я*, *ё*, *ю* — *меня*, *ведёт*, *люблю*, *дарю*; полугласная *ь*, которая произносится как немое *i* — *дань*, *звать*; *л* твердое — *лоб*, *был* и *ль* мягкое — *даль*, *сталь*, *стальной*, — оба они отличаются от *l* европейских языков; *г* gh — *господь*, *горѣ*; *щ*, которое представляет собой *ч* (итальянское *c*), предшествуемое звуком *с* — *щёт*, *щастие*. Прибавьте к этому, что русский язык обладает всеми звуками латинского языка и вдобавок ⟨согласными⟩ *ж* и *ш*, как во французском, *ч*, как в итальянском, *ц*, как в немецком, и вы сможете судить, господа, какую разнообразную гармонию он должен представлять для слуха. Гласные *а* и *о*, которые господствуют в нашем языке, настолько же звучны, насколько глухо вечное *е* в большей части других современных языков.

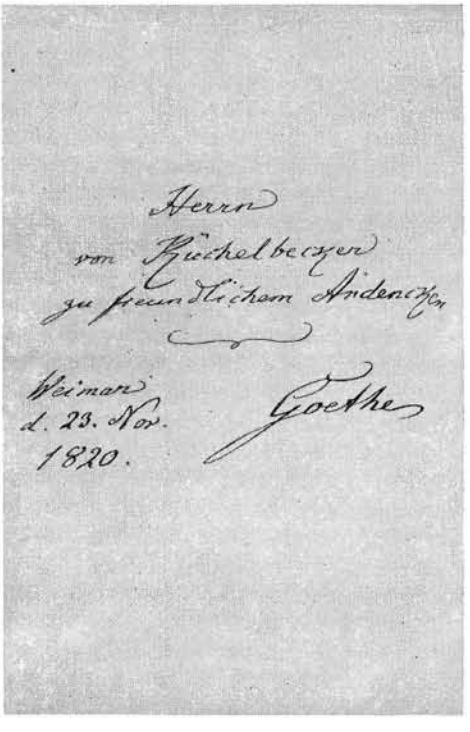
В свою очередь, русская грамматика — одна из самых богатых по своим формам и знаменательным окончаниям. Однако надо признать, что она менее богата, чем грамматика славянского языка, который принято называть церковным. Существительные, прилагательные и причастия в русском языке утратили двойственное число, которое встречается в тексте славянской библии. Звательный падеж существует еще только в двух словах: *боже* и *господи*, говоря о боге. Однако у нас сохранилось шесть падежей, из которых два последних — творительный и предложный — соответствуют почти всегда аблативу латинского языка.

Что касается падежей вообще, заметим, что наши существительные, прилагательные и причастия склоняются в действительности, потому что они меняют окончания; в этом наше преимущество пред многими современными языками, в которых падежи являются воображаемыми и отношения одного предмета к другому должны определяться предлогами. В русском языке имеются три рода, и это встречается даже

в некоторых простых, не сложных формах изъявительного наклонения глагола, чего мы не находим ни в каком другом языке. По-латыни говорят «fuit» во всех трех родах; по-французски, немецки и английски нужно употреблять местоимение, чтобы выразить род подлежащего при глаголе. Но русский язык в своих различных прошедших временах не имеет в том надобности: его *был* своим окончанием указывает род — *il était*, *была* — *elle était*, *было* — *cela était*.

Для иностранца самой трудной частью в нашем языке является глагол, потому что его употребление сильно отличается от всего, что привыкли встречать в языках Запада.

Большая часть наших грамматиков, воспитанных на принципах латинского языка и совершенно уверенных, что латинские времена и наклонения должны существовать во всех странах и у всех народов, тщетно искали и в русском языке перфектов, плюсквамперфектов, сослагательного наклонения и герундиев: они нашли лишь исключения и неправильности. Дело в том, что эти формы нам совершенно чужды. Если под термином «время» понимают грамматическую форму, которая неизменно связывает идею настоящего времени с определенным окончанием, идею прошедшего времени — с другим, а будущего времени — с третьим, то можно дойти до утверждения, что русские глаголы не имеют времени, потому что так называемое настоящее время употребляется в русском языке очень часто вместо прошедшего или будущего, и различные прошедшие времена могут стать попеременно прошедшими или будущими, в тех случаях, когда они сопровождаются союзом *бы* или когда они служат для выражения подчиненного действия или состояния.


Herrn
von Kuchelbecker
zu freundlichem Andenken
Weimar
d. 23. Nov.
1820.
Goethe

Festzug
dichterische
Landes - Erzeugnisse,
darauf aber
Künste und Wissenschaften
vorführend.
Weimar
18ter December 1818.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГЁТЕ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ НА ПЬЕСЕ «МАСКАРАДНОЕ ШЕСТВИЕ», 1818 г.

Перевод: «Господину фон Кюхельбекеру на добрую память. Гёте. Веймар, 23 ноября 1820 г.»

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Эти формы можно сопоставить только с греческими аористами, у которых значение времени всегда зависит от смысла всего предложения, от союзов и наречий, которые в нем находятся, от порядка слов и от других обстоятельств. Однако глаголы отнюдь не бедны для выражения всех возможных оттенков какого-нибудь действия или состояния. Каждый аорист * и наклонение представляются вам под двойной формой: первая отмечает однократность, вторая — повторяемость действия или состояния.

Правда, что сослагательного наклонения у нас нет, но мы его выражаем, как я уже заметил, прошедшим аористом и союзом *бы*. Мы очень богаты причастиями и супинами **. Всякий аорист, за исключением будущего, имеет одно причастие действительного залога и одно страдательного. Число этих причастий очень значительно, если подумать о приставках русских глаголов, указывающих начало, продолжение или конец действия или состояния. Эти приставочные слоги все знаменательны и в этом наше преимущество даже перед греками, у которых подобные слоги, необходимые для спряжения, не меняют ни в чем значение неопределенного наклонения настоящего времени. У нас пять видов глаголов: глаголы действительные, средние простые, возвратные, взаимные и средние, спрягающиеся как возвратные. Страдательный залог выражается страдательным причастием и вспомогательным глаголом *быть*, который, впрочем, всегда устраняется в настоящем времени.

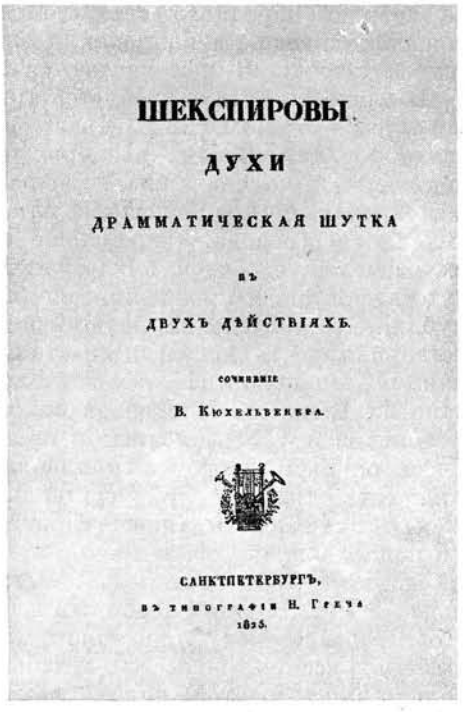
Вы чувствуете, господа, что такое изобилие грамматических форм и знаменательных окончаний имеет своим естественным следствием большую свободу в порядке слов и в построении предложений и периодов нашего языка. По-русски вовсе нет нужды строго следовать аналитической конструкции и можно употреблять самые смелые инверсии. Однако существует определенное правило расположения слов, основанное на духе языка, и этим правилом нельзя пренебрегать, если хотят писать на чистом и правильном русском языке, а именно: сближать, поскольку возможно, члены предложения, теснейшим образом связанные между собой. Это правило меняется в зависимости от числа дополнений к подлежащему и сказуемому, и если оно несколько видоизменяется, то не знает исключений, по крайней мере в прозе. Этому правилу мы обязаны ясностью, которая господствует в произведениях наших хороших прозаиков, число которых, однако, не очень велико, потому что многие не считаются с правилом, нами изложенным, и по примеру Ломоносова — отца нашей современной литературы и весьма почтенного поэта — упорно продолжают следовать тяжелому строю немецкого и латинского языков, которые отодвигают основные члены своих периодов на самый конец.

Во французском языке многосложные слова имеют всегда и неизменно ударение на последнем слоге, за исключением немого *е*, которое можно и не считать за слог. В итальянском и польском языках ударение почти всегда ставится на предпоследнем слоге. Вот причина, почему на этих трех языках бесконечно трудно подражать стихосложению древних. Наоборот, русский язык свободен в своих ударениях, и, следовательно, все греческие и латинские стихотворные размеры ему доступны. Однако, ввиду того, что в нем больше кратких, чем долгих слогов, ритмы, в построение которых входят спондей, молосс и разного вида эпитриты, ему менее свойственны. Стопы, которые встречаются часто в русских многосложных словах,— анапест, кретик***, дактиль, разные пеоны. В сло-

* *Термин* «аорист» *здесь и далее Кюхельбекер употребляет в значении любого глагольного времени в применении к спряжению русских глаголов.*

** «Супинами» *здесь Кюхельбекер назвал деепричастия.*

*** Стопа античного стихосложения, состоящая из долгого, краткого и долгого слогов: — ⏑ —. Кюхельбекер употребляет этот термин в другом значении, как си-



ШЕКСПИРОВЫ

ДУХИ

ДРАММАТИЧЕСКАЯ ШУТКА

ВЪ

ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

В. КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА

1825.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ШУТКА КЮХЕЛЬБЕКЕРА «ШЕКСПИРОВЫ ДУХИ», ИЗД. 1825 г. ЭКЗЕМПЛЯР С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ П. А. ПЛЕТНЕВУ

«Любезному П. А. Плетневу от автора»

Надпись наклеена на внутреннюю сторону крышки переплета книги

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

вах двусложных преобладает ямб над хореем. Ритмические русские стихи могут обойтись и без рифмы, но для ямба и хорея и многих пеонических и дактилических размеров употребляют их весьма охотно. У нас есть четыре вида рифм: односложные, двусложные, трехсложные и четырехсложные. В трех видах многосложных рифм ударение должно находиться на первом слоге. Гекзаметр занимает основное место среди русских размеров, никогда не пользующихся рифмой. Он отличается от латинского гекзаметра предпочтением дактиля перед спондеем, который при том часто заменяется хореем. Элегический размер, позднее введенный, также вполне привился в нашем языке. Скажу то же о сафических стихах и о многих других подражаниях древним или создаваемых по их примеру согласно с духом нашего языка. Эта пересадка древней просодии совершилась после Ломоносова, который, как мы уже видели, является творцом нашей современной поэзии. До него писатели, по примеру поляков, употребляли стихи тринадцати, одиннадцати и девяти слогов, в которых не обращалось никакого внимания на ударения и имелось лишь одно отличительное свойство — двусложная рифма. Другие виды рифмы применялись лишь в низких комических родах. Однако народ, который обладал неизмеримо лучшим слухом и вкус которого не был испорчен, создал для своих песен и сказок ритм, который при совершенном своеобразии, тем не менее, весьма приятен и, быть может, более соответствует духу языка — по крайней мере, народной поэзии, чем упомянутые нами различные греческие и латинские размеры. Взглянем

ноним слова амфибрахий, для обозначения стопы, состоящей из трех слогов, первого и третьего кратких и среднего долгого (ударного).—*Ред.*

на теорию народного стиха. Можно сказать, что этот стих эпичен в наших сказках и балладах и элегичен или лиричен в наших романсах и песнях. В нем считаются только долгие слоги.

В эпическом стихе требуется три слога, в элегическом — два и в лирическом — только один. Число кратких слогов может меняться от стиха к стиху. В этих размерах рифма не является совершенной необходимостью, но она в них приятна и применяется чаще трех- или четырехсложная, чем односложная или двусложная.

Таково, господа, современное состояние русского языка: он богат, выразителен, свободен и гармоничен. Гений-хранитель, казалось, присутствовал при его рождении: он дал ему приют в его младенчестве в республике состоятельной, воинственной и непокоренной, в то время как остальная часть нашей несчастной родины стонала под игом Чингизхана и Тамерлана. На вечевой площади и на кораблях, в стенах и в летописях Великого Новгорода сохранился наш язык чистым, обогатился и смягчился употреблением в предприимчивом и просвещенном народе. Здесь он был залогом искупления Москвы, Киева, Суздаля и других княжеств, где жители, угнетенные татарами, понемногу очнулись от своего панического ужаса и начинали надеяться, ибо, говорили они, «в наших жилах течет кровь сынов великой республики, и мы говорим на языке питомцев свободы». Наконец, тирания варваров была сокрушена, и Россия стала огромным государством. В результате этих событий Новгородская республика пала в слишком неравной борьбе с честолюбием Иванов, русских князей. Но судьба, без сомнения, допустила это бедствие только для того, чтобы оплодотворить семенами свободы русский народ, так долго угнетенный. Эти воспоминания о независимости и о народном правлении остались в народе Новгорода и стали достоянием всей Руси.

В России крепостное состояние еще не было установлено, русский крестьянин был свободным на своей усадьбе в те века, когда феодализм держал в рабстве земледельца во всей остальной части Европы. Увы, зачем Петр I, которого по многим основаниям назвали Великим, опозорил цепями рабства наших землепашцев, одновременно выставляя нас перед взорами всей Европы? Но вернемся к более утешительным предметам. Сердце мое обливается кровью, и голос изменяет мне, когда я оплакиваю это несчастие моей родины, несчастие, которого никогда не заставит забыть никакая победа, никакое завоевание. Возвратимся к предметам, которые обещают нам лучшее будущее. Нет, не может провидение одарить великий народ столькими талантами, чтобы затем он коснел и погибал в рабстве. Русские оставят в наследство истории другую славу, чем славу народа захватчика и разрушителя. У нашего языка, достойного соперника греческого, будут свои Гомеры, свои Платоны, свои Демосфены, как у народа — свои Мильтиады и свои Тимолеоны. Пусть это покажется суеверием, однако сохранение и совершенствование нашего языка сквозь века варварства, угнетения, гражданских войн было слишком чудесным, чтобы это суеверие, — если это действительно суеверие,— не было простительным. Будем надеяться, что взоры русского правительства не всегда будут обворожены низкими и презренными людьми, которые из гнусного своекорыстия уверяют его, что русский человек еще не вполне созрел для освобождения его от ига, в которое он ввержен совсем недавно.

Политические сделки, совершенно чуждые русскому народу, не всегда будут поглощать столь дорогое для нас время государя, от которого столько ждали для счастья его родины и которому остается осуществить еще так много надежд. Да, он сломит, наконец, тиранство знати, столь же наглой, как и жестокой, и в этом будет его наивысшее право на признательность грядущих поколений.

СТАТЬЯ КЮХЕЛЬБЕКЕРА «ПОЭЗИЯ И ПРОЗА» (1835—1836)

Вступительная статья В. Н. Орлова

I

Статья Кюхельбекера «Поэзия и проза» печатается по автографу, сохранившемуся в архиве III Отделения [1]. На первой странице рукописи имеется надпись: «В журнал Александра Сергеевича Пушкина».

Время написания статьи устанавливается лишь приблизительно. Она могла быть написана в период с конца мая 1835 г. по июль 1836 г. В дневнике Кюхельбекера 1835 г. имеются две записи, которые целиком (с весьма несущественными отличиями) вошли в публикуемую статью. Первая запись (от 3 апреля) — это высказывание по поводу статьи О. И. Сенковского «Брамбеус и юная словесность»; вторая запись (от 22 мая) — возражение Бульвер-Литтону по вопросу о поэзии и прозе. В начале августа 1836 г., как увидим ниже, Кюхельбекер послал статью Пушкину. Учитывая обстоятельства жизни Кюхельбекера в первую половину 1836 г., делавшие невозможной нормальную литературную работу, есть основание предполагать, что статья была написана в 1835 г., еще в каземате Свеаборгской крепости.

По истечении срока крепостного заключения, 14 декабря 1835 г., Кюхельбекер был вывезен из Свеаборга и 20 января 1836 г. доставлен к месту ссылки — в Баргузин. Здесь он с новой энергией возобновил свою борьбу за право печататься, хотя бы анонимно, — борьбу, которую он безуспешно вел в продолжение всех тюремных лет. Вскоре по приезде в Баргузин он обращается к родным с просьбой ходатайствовать за него перед в. к. Михаилом Павловичем. В первый месяц баргузинского житья, 12 февраля 1836 г., он посылает первое письмо Пушкину — благодарит его за память и помощь, сообщает свои наблюдения над природой и обитателями Забайкальского края, между строк высказывает надежду, что Пушкин и в дальнейшем будет содействовать устройству его литературных дел.

Только в самом конце июля 1836 г. Кюхельбекер получил ответное письмо Пушкина, до нас не дошедшее. «Признаюсь, любезный друг, что я, было, уже отчаялся получить от тебя ответ на письмо мое, но тем более я ему обрадовался; жаль только, что при нем не было первой книжки твоего журнала: я ее не получил», — писал Кюхельбекер Пушкину 3 августа 1836 г. Из этого письма выясняется, что Пушкин, посылая Кюхельбекеру первый том «Современника», пригласил его сотрудничать в журнале. «На тебя надеюсь более, чем на дюжину так называемых дельных людей, — отвечал Кюхельбекер. — Запаса у меня довольно: и в стихах и в прозе. Участвовать в твоем журнале я рад. Мои условия: по 24 листа печатных или по 12 статей в стихах и в прозе в год за 2000 или 1500; разумеется, что мелкие стихотворения не в счет. — Не дорого ли? — Сверх того прими на себя труд издать или продать то, что позволят мне напечатать отдельно». При этом письме Кюхельбекер послал Пушкину рукопись поэмы «Юрий и Ксения» и какую-то статью, о которой в пост-скриптуме письма сказано: «Разумеется, что статьи, которые стану посылать к тебе, будут подлиннѣе нынешней» [2]. Не приходится сомневаться, что речь шла в данном случае о публикуемой нами статье «Поэзия и проза».

Письмо Кюхельбекера и, вероятно, поэма «Юрий и Ксения» дошли до Пушкина, а статья «Поэзия и проза» была задержана в III Отделении (через которое шла переписка), а вслед за тем погребена в его архиве. Сделано это было на основании распоряжения Бенкендорфа от 25 сентября 1836 г. Поводом к такому распоряжению послужило следующее обстоятельство. Декабрист В. И. Штейнгель в 1836 г. отправил установленным порядком письмо Н. И. Гречу с приложением своей статьи «Нечто о неверностях, появляющихся в русских сочинениях и журнальных статьях о России» (за подписью: Обвинский), которую он предлагал напечатать в «Сыне отечества». Генерал-губернатор Восточной Сибири Броневский переслал статью Штейнгеля Бенкендорфу, а тот (нужно думать, предварительно узнав мнение Николая I) довел до сведения сибирских властей, что считает «неудобным дозволять государственным преступникам посылать свои сочинения для напечатания в журналах, ибо сие поставит их в сношения, несоответственные их положению» [3]. В дальнейшем это указание Бенкендорфа стало неукоснительно применяться во всех подобных случаях.

Одно из первых применений этого приказания коснулось статьи Кюхельбекера, несмотря на нарочито благонамеренные рассуждения его (во вступительной части) о России и Западе. Эта вступительная часть, по существу, не имеет никакого отношения к предмету статьи и единственное ее назначение — показать начальству, что автор придерживается благонамеренного образа мыслей в вопросах политики.

II

Статья Кюхельбекера посвящена кругу вопросов, которые в середине тридцатых годов приобрели актуальное значение, более того — служили злобой дня.

Прежде всего статья эта — страстный отклик писателя-декабриста, оторванного от непосредственного участия в литературной жизни, на шумные споры, разгоревшиеся в ту пору в русских журналах по вопросу о так называемом «торговом направлении» в литературе.

Главным органом «торгового направления» была «Библиотека для чтения», издававшаяся с начала 1834 г. А. Ф. Смирдиным под фактической редакцией О. И. Сенковского. Молодой Белинский в «Литературных мечтаниях» (1834), охарактеризовав четыре периода развития русской литературы — ломоносовский, карамзинский, пушкинский и «прозаическо-народный», утверждал, что пятый «можно и должно назвать *смирдинским*〈...〉, ибо А. Ф. Смирдин является главою и распорядителем сего периода. Всё от него и всё к нему; он одобряет и ободряет юные и дряхлые таланты очаровательным звоном ходячей монеты; он дает направление и указывает путь этим гениям и полугениям, не дает им лениться, — словом, производит в нашей литературе жизнь и деятельность〈...〉 Вы помните, как он кликнул клич по нашим гениям, крякнул да денежкой брякнул и объявил таксу на все роды литературного производства, и как вербовались наши производители толпами в его компанию; вы помните, как великодушно и усердно взял он на откуп всю нашу словесность и всю литературную деятельность ее представителей! Вспомоществуемый гениями гг. Греча, Сенковского, Булгарина, Барона Брамбеуса и прочих членов знаменитой компании, он сосредоточил всю нашу литературу в своем массивном журнале» [4].

«Библиотека для чтения», действительно, ознаменовала собою новый для России тип большого энциклопедического журнала, рассчитанного на широкий круг читателей (преимущественно провинциальных). Вместе с тем, «Библиотека для чтения» стала центральным органом, трибуной и цитаделью реакционных сил в русской литературе тридцатых годов. Организатор и «директор» журнала, его полновластный и бесконтрольный хозяин О. И. Сенковский являл собою образец талантливого, но совершенно беспринципного литературного дельца, циника и ренегата. По характеристике Герцена, это был человек «без всяких убеждений, если не называть убеждением полное презрение к людям и обстоятельствам, к убеждениям и теориям, 〈...〉 настоящий представитель того *склада*, какой общественное мнение приняло после 1825 года» [5].

Литературно-журнальная деятельность Сенковского, в которой самый дух «торгового направления» проявился в наиболее обнаженном виде, встретила резкий отпор среди русских писателей, принадлежавших к различным литературно-общественным группам и стоявших на различных идейно-творческих позициях.

Застрельщиком в борьбе с «торговым направлением» выступил «Московский наблюдатель», в котором объединились писатели, в прошлом принадлежавшие к группе «любомудров». Первая книжка «Московского наблюдателя», вышедшая в свет в середине марта 1835 г., открывалась программной статьей С. П. Шевырева «Словесность и торговля».

КЮХЕЛЬБЕКЕР

Рисунок А. С. Пушкина в черновиках «Евгения Онегина» (гл. V, 1826 г.)
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Бывшие «любомудры» выступали воинствующими и безоговорочными противниками буржуазно-капиталистических отношений в любой области человеческой деятельности. Шевырев, обращаясь к вопросу о современном состоянии русской литературы и о ее судьбах, доказывал, что промышленно-денежные отношения вносят в искусство, в литературу самые пагубные начала, что они разлагают искусство и противоречат высокому призванию художника. В существе своем это была реакционная позиция. Отвергая путь буржуазно-капиталистического развития, Шевырев и остальные участники «Московского наблюдателя» стремились повернуть литературу вспять, вернуть ее в лоно дворянско-аристократического искусства для «немногих», для «избранных». Идеализируя прежние «патриархальные» отношения во всех областях человеческой жизни, они стремились не допустить демократизации искусства, оставались на позициях уже безнадежно дискредитированной салонно-светской эстетики. В целом позиция и практика «Московского наблюдателя» служили воплощением тех тенденций, которые вскоре привели бывших «любомудров» в лагерь открытой идейной и политической реакции — к принятию царизма и официальной «народности», к пропаганде философии «религиозного откровения».

Статья Шевырева была направлена против «Библиотеки для чтения» и Сенковского и призывала к борьбе с ними. «Всякий литератор, знающий цену своего звания, должен противодействовать толпе спекуляторов, — писал Шевырев. — Они ⟨спекуляторы-литераторы⟩ потворствуют прихотям века, если в нем господствует безвкусие, будут распространять его как можно более; они наводняют литературу своими произведениями, потому что пишут без труда честного, не по призыву мысли, не по внушению мнения, а потому что обязались поставить книгопродавцу столько-то листов, как фабрикант обязуется поставить казне столько-то половинок сукна; они-то своею бездушною прозою, лишенной мыслей, заливают нашу словесность». Только немногие истинные поэты, — утверждал Шевырев, — еще находят силу и мужество противостоять губительному, растлевающему влиянию «торгового направления»: «Торговля теперь управляет нашей словесностью, и все подчинились ее расчетам ⟨...⟩ Поэзия одна не подчиняется спекуляции ⟨...⟩ Тщетно книгопродавец сыплет перед взором поэта звонкие, блещущие червонцы: не зажигается взор его вдохновением, Феб не внемлет звуку металла» [6].

Эта полемическая проза была переведена на гармонический язык стиха в программном стихотворении Баратынского «Последний поэт», которое было напечатано сразу вслед за статьей Шевырева:

Век шествует путем своим железным;
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещенья
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья,
Промышленным заботам преданы...

Позиция Кюхельбекера — иная. Кюхельбекер всегда, с младых ногтей до последнего вздоха, был бескомпромиссно верен представлению о поэзии как о «*высоком* искусстве», критерием которого служат «вдохновение», «возвышенные чувства», «энтузиазм». Идею такого искусства Кюхельбекер последовательно и настойчиво пропагандировал и в стихах и в критической прозе.

Но ты, ты возлетишь над песнями толпы!
Певец, тебе даны рукой судьбы
Душа живая, пламень чувства,
Веселье тихое и светлая любовь,
Святые таинства высокого искусства, —

писал Кюхельбекер в стихотворении «Грибоедову» (1821). «Чувства, теплота и вдохновение — истинные, главные достоинства прямой поэзии, — твердил он в своих литературно-критических декларациях. Залог подлинного вдохновения — „пламенная душа“ художника, его „сильные страсти“, и прежде всего — „страсть к высокому и прекрасному“» [7].

При этом наиболее существенно, что в понятия «высокое» и «прекрасное» Кюхельбекер вкладывал определенное идейное содержание. Уже в юношеском обращении к Пушкину и Дельвигу (1818) он утверждал, что в основе их «тройственного союза» — «союза младых певцов и чистого и священного» — лежат «порыв к великому, любовь к добру». Идея «святых таинств высокого искусства» в сознании Кюхельбекера была неотделима от идеи гражданского призвания поэта. Он не звал к олимпийскому созерцанию «высокого и прекрасного». Напротив, он доказывал, что истинному поэту «нужны бури и борьба, жизнь и движение». И высокое назначение поэта он видел в том, что тот должен стать *пророком* и *борцом*, призванным к активному участию в жизни во имя светлых и благородных целей.

Именно под этим знаком сложилась эстетическая концепция Кюхельбекера. Она служит одним из наиболее ярких проявлений декабристского, революционного

романтизма. В двадцатые годы Кюхельбекер обосновывал и защищал представление о романтизме как о «высоком искусстве», зовущем к преобразованию действительности, к борьбе за новую, свободную жизнь. Этому романтизму он остался верен и в тридцатые годы. Выработанные в свое время критерии он применял в своих суждениях и оценках, касавшихся новых литературных явлений, с которыми ему удавалось познакомиться в крепостном каземате или глухом сибирском захолустье.

Кюхельбекеру глубоко чужды и враждебны «корысть» и «промышленные заботы», внесенные в мир искусства рептильными деятелями «торгового направления». Труд писателя для него — высокое и чистое призвание, «священство», бескорыстное служение благородным идеалам. Но во всем этом нет ничего от реакционного устремления вспять — к «патриархальным» временам феодально-аристократического искусства. В основе горячего протеста Кюхельбекера против «утилитарной системы», насаждаемой в литературе, лежала его верность гражданским идеалам двадцатых годов, идеалам декабризма.

Конечно, все, что писал Сенковский, было для Кюхельбекера неприемлемым. В статье «Поэзия и проза» он полемизирует с редактором «Библиотеки для чтения», казалось бы, по частным вопросам. Но это не совсем так. При оценке статьи Кюхельбекера нужно помнить, что писал ее «государственный преступник» и что читать эту статью должны были в III Отделении. Кюхельбекер, разумеется, не мог дать воли ни своим чувствам, ни своему языку. Поэтому идейный, политический смысл статьи тщательно скрыт. Однако при внимательном чтении его все же можно обнаружить. Суть дела заключается в том, что Кюхельбекер полемизировал по частному поводу именно с той статьей «Библиотеки для чтения», которая, пожалуй, с наибольшей полнотой и отчетливостью выявляла реакционность этого журнала и его руководителя.

Это — нашумевшая в свое время статья Сенковского «Брамбеус и юная словесность», напечатанная в III томе «Библиотеки для чтения» 1834 г. (за подписью: Барон Брамбеус). Кюхельбекер, не называя этой статьи, намекнул на нее, упомянув «мимоходом» о «нападках Брамбеуса на новых французских романистов и драматургов». Этот беглый намек и раскрывает идейно-политический «подтекст» полемического выступления Кюхельбекера.

Храня верность революционным идеалам своей молодости, Кюхельбекер был полон жадного интереса к тому новому, что несла с собой жизнь. В частности, он глубоко заинтересовался молодой французской литературой — особенно Виктором Гюго и Бальзаком. Сочинения новейших французских писателей доходили до Кюхельбекера в случайных и куцых отрывках — в дурных переводах (зачастую второстепенных произведений), появлявшихся в русских журналах, а подчас даже в цитатах, вкрапленных в критические статьи и отзывы. Но литературное чутье Кюхельбекера было столь острым и в большинстве случаев безошибочным, что он и по отрывкам и цитатам догадывался о даровании и значении выдающихся представителей новой литературы.

Так, например, прочитав резко отрицательную рецензию на «Эрнани» Гюго Кюхельбекер не согласился с рецензентом и на основании приведенных им цитат высказал свое, гораздо более верное мнение. В другом случае он по переводу судил о стиле А. де Виньи. В июле 1834 г. Кюхельбекер впервые познакомился с повестями Бальзака (по переводам в «Сыне отечества») и сразу же составил верное представление об истинных масштабах этого литературного явления: «Бальзак — человек с огромным дарованием», «что́ за разнообразный, прекрасный талант», «мое уважение к Бальзаку очень велико», — такими записями пестрит дневник Кюхельбекера за 1834—1835 гг. [8]

В том же 1834 г. Кюхельбекер начал читать «Библиотеку для чтения», получив от племянника первые томы этого журнала. Здесь из номера в номер велась систематическая травля прогрессивных французских писателей тридцатых годов, которые обличались в «безнравственности», порожденной эпохой буржуазной революции конца XVIII в. Нападение на литературу «юной Франции» велось в «Библиотеке для чтения» двумя путями: во-первых, — путем перепечатки (с дополнительным препарированием текста) критических статей из английских реакционных журналов

«Edinburgh review» и «Quarterly review»; во-вторых, — путем опубликования собственных статей и заметок редактора.

Так, уже в первом томе «Библиотеки» Кюхельбекер прочел статью, перепечатанную из «Edinburgh review» с резкой критикой произведений Гюго, Бальзака, Ж. Занд, Дюма и Жанена. Основной тезис статьи гласил: «Рассматривая новейшую французскую словесность в отношении к ней самой, мы находим ее жалкою и ничтожною. В ней нет ни достоинства, величия и обилия, свойственных временам верования, ни даже той разрушительной силы, которая предзнаменует революции». Кюхельбекер не согласился с этим отзывом [9].

Наконец, 25 октября 1834 г. Кюхельбекер прочел статью Сенковского «Брамбеус и юная словесность». Статья настолько заинтересовала его, что 3 апреля 1835 г. он заново перечитал ее, знаменательно именуя «диатрибой» [10].

Статья Сенковского, действительно, представляла собою крайне грубую хулу на литературу «юной Франции». Под флагом борьбы за «нравственное» содержание литературы Сенковский ополчился против гуманистического духа, демократических тенденций и социальной проблематики, характеризующих творчество писателей, которые стояли под знаменем прогрессивного романтизма двадцатых—тридцатых годов.

Заявляя, что в новейшей французской литературе стерты грани между добродетелью и преступлением, пороком и честью, прекрасным и отвратительным, Сенковский прямо аттестовал эту литературу как ужасное исчадие революции. Литература эта, — писал Сенковский, — «не есть литературная школа: это прямо вторая французская революция в священной ограде нравственности, затеянная со всею легкомысленностию и производимая со всем неистовством и остервенением, свойственными народу, который произвел и обожал Марата, Робеспьера, Сен-Жюста». Литература эта — следствие «того же умственного недуга, который за сорок лет перед тем усеял Францию политическими развалинами и трупами. Как тогда, так и теперь те же судорожные усилия подражательства, те же наглые притязания на преобразование человечества, те же страшные оргии диких страстей и тщеславных надежд, тот же дух порабощения умов».

Если все сказанное в этой статье применить к прогрессивным явлениям в русской литературе тридцатых годов, «диатриба» Сенковского приобретала смысл и характер прямого политического доноса. В статье, впрочем, и была сделана попытка такого применения. Как бы в порядке предупреждения русских писателей, Сенковский приходил к следующему выводу из своих разглагольствований: «Мы живем в век раздражительности и смуты. Все основания потрясены продолжительною бурею умов, которой громы, уже по рассеянии тучи, еще время от времени раздаются над европейским обществом и производят пожары. Если словесность на что-либо нужна обществу, то первая ее обязанность, в настоящем его положении, скреплять всеми мерами общественные и семейные узы, успокаивать умы <...> не помогать политическому бреду в преступном намерении расторгнуть все звенья цепи, уже прерванной во многих местах».

Кюхельбекер, в силу своего положения, разумеется, не имел ни малейшей возможности даже вскользь коснуться данной темы и высказать хотя бы намеком свое отношение к этой охранительной идеологии. Поэтому он вступил в спор с Сенковским по более частным, однако тоже весьма существенным вопросам — статья «Брамбеус и юная словесность» давала и для этого достаточные основания.

Спор зашел о самом понятии «литература», «словесность». Для писателя-декабриста с его высоким представлением о литературе как «священстве», гражданском служении, было диким, нелепым и решительно неприемлемым то определение «изящной словесности», какое давал Сенковский. По мнению Сенковского, словесность — это то, что «служит к легкому и приятному чтению», что предназначено «к мимолетному услаждению образованного человека». «Прелесть умной светской беседы, и беседы дружеской, без свидетелей, в уединении, — перенесенная на бумагу и доступная во всякое время, — есть первая идея словесности».

Предназначая писателю роль «гаера», развеселяющего «толпу бессмысленную» (по словам Кюхельбекера), Сенковский в этой связи пытался как-то обосновать прин-

цины своей якобы «светской»,— на деле мещанской, — эстетики. «Произведения словесности, — писал он, — как продолжение прелести светской беседы, как вещественный, не исчезающий вместе со звуком слов, ее образ, должны быть писаны на языке современного образованного общества и допускать всю разнообразность слога

ОБЛОЖКА ДЕЛА III ОТДЕЛЕНИЯ О КЮХЕЛЬБЕКЕРЕ, 1826 г.
Центральный исторический архив, Москва

и оборотов разговора, всю, так сказать, изустность беседы». В этом, по мнению Сенковского, и должны заключаться «весь романтизм и все различие его с классицизмом, который предписывал произвольные и стеснительные законы воображению, ограничивал разнообразность слога и налагал на мысли писателя оковы языка условного, искусственного, тяжелого. Более и не нужно было для освобождения воображения и словесности или, в других словах, для открытия, с одной стороны, новых способов изящной производительности, с другой — новых источников умственного наслаждения читающей публики».

Выдвигая понятие «светской беседы» как критерий художественности, Сенковский объявил непримиримую войну славянизмам и архаизмам, равно как и народным элементам в литературном языке, а идеальным литературным жанром считал светскую повесть. Он предсказывал (как «несомненную истину»), что «русская словесность тогда лишь укрепится и проникнет в высшие классы общества, когда станет говорить

русским языком своего века, свободным от приказных слов и оборотов, тем именно, которым изъясняются *порядочные люди*».

Со свойственным ему цинизмом Сенковский заявлял, что «словесность» должна носить развлекательный характер и обслуживать «порядочных людей». «Словесность есть философия публики. Она составляет часть нашего домашнего быта. В ней содержится и философия этого быта».

При всем том Сенковский не переоценивал «порядочных людей», вкусам и интересам которых он предлагал подчинить литературу. «Нравственные гермафродиты ⟨...⟩ составляют „литературную публику", которая живет только тогда, когда ей нечего делать». Публика эта, «неспособная размышлять сама собою, не имеющая даже времени к размышлению за мелкими житейскими хлопотами, водобоязливо страшащаяся скуки, жадная новостей, ощущений, игрушек, событий, блеска, готовых наслаждений и готовых мыслей, она, подобно губке, всасывает в себя все понятия из легкого чтения, попавшего в полость ее минутного, но бесконечного, круговращательного, существования» [11].

Все, что проповедовал и к чему призывал Сенковский, с начала до конца противоречило взглядам Кюхельбекера и воспринималось им как кощунственное кривляние скомороха, ненароком забравшегося в храм «высокого искусства»[12]. Эта вульгарная «эстетика», которая лишала литературу сколько-нибудь серьезного общественного значения и ограничивала сферу ее действия пределами мелкочиновничьей гостиной (вместо прежнего дворянского салона), эта открытая готовность обслуживать и увеселять «порядочных людей» (ясно представляя вместе с тем все их ничтожество), эта гальванизация принципов салонного жаргона карамзинистов (издавна ненавистного Кюхельбекеру), сниженного до мещанской галантерейности и дешевого зубоскальства, — все это было прямым вызовом декабристской эстетике с ее критериями «пользы» и «учительства», «высокости» и «энтузиазма».

Далее Кюхельбекер переходит к вопросу, который не мог не задеть и не взволновать его, — к вопросу о поэзии, о ее существе и специфике, о ее настоящем положении и судьбах. При этом Кюхельбекер высказал глубокие и тонкие мысли профессионала, почерпнутые из собственного творческого опыта (таково, например, его замечание насчет того, что рифмы часто внушали ему «новые, неожиданные мысли», такие, которые «не пришли бы и на ум», если бы он писал прозой).

В тридцатые годы проблема прозы выдвигалась на первое место самим процессом развития русской литературы. Это понимали и Пушкин и Белинский, уделившие огромное внимание развитию прозы. Поэтому следует отметить, что в безусловной защите поэзии в противовес прозе, конечно, сказалась известная отсталость Кюхельбекера, его приверженность к романтической эстетике двадцатых годов, вызванная его вынужденной оторванностью от действительной жизни.

В тридцатые годы с разных сторон все чаще и все громче раздавались голоса в осуждение и ниспровержение поэзии. Доказывалось, что время поэзии прошло, что она выродилась в совершенно бессодержательную и праздную забаву, что эпоха требует «мыслей» и что поэзия дать их не может, что будущее только за прозой. К числу гонителей и ликвидаторов поэзии принадлежал и Сенковский, всячески обличавший «жалкие стихи», утверждавший, что «стихотворство — болезнь, из рода нервных болезней». За Сенковским упрочилась репутация врага поэзии; такое представление о нем было общим местом в тогдашней литературе и критике.

Одним из характерных откликов на споры, разгоревшиеся в тридцатые годы по вопросу о поэзии и прозе, и именно в связи с позицией и репутацией Сенковского, является стихотворение А. И. Одоевского «Поэзия» (1838—1839). Этот отклик по своему смыслу и пафосу находится в очень тесном соотношении с тем, что сказал на данную тему Кюхельбекер в публикуемой нами статье. Внутренняя связь между высказываниями Кюхельбекера и Одоевского обнаруживается с полной ясностью. Она свидетельствует об общности взглядов обоих поэтов-декабристов на их «святое ремесло», — взглядов, сложившихся на почве единого художественного мировоззрения, в атмосфере декабристского революционного романтизма. Вот что писал Одоевский, воздавая великую хвалу и славу поэзии с ее «сладостью *возвышенных речей*»:

Пусть друг сует, столиц животный житель,
Глотая пыль и прозу мостовой,
Небесная, смеется над тобой!
Пусть наш Протей С<енковский>, твой гонитель,
Пути ума усыпав остротой,
Катается по прозе вечно гладкой
И сеет слух, что век проходит твой!
Не знает он поэзии святой,
Поэзии страдательной и сладкой.
В дни черные не нежил твой напев
Его души; его понятен гнев:
Твой райский цвет с его дыханьем вянет,
И на тебя ль одну? — на всё, на всех
Он с горя мечет судорожный смех —
Кроит живых, у мертвых жилы тянет.
Он не росу небес, но яд земли —
Злословье льет, как демон, от бессилья;
Не в небесах следит он орли крылья,
Но только тень их ловит он в пыли,
И только прах несет нам в дар коварный,
Святой Руси приемыш благодарный!
Но нет! в пылу заносчивых страстей
Не убедит причудливый Протей,
Что час пробил свершать по музам тризны,
Что песнь души — игрушка для детей,
И царствует одна лишь проза жизни...

Вступая в спор с «Библиотекой для чтения» по данному вопросу, Кюхельбекер остановился на статье «Гёте в посмертных его сочинениях», напечатанной в VI томе «Библиотеки» за 1834 г. Статья эта представляет собою полуперевод-полупеределку статьи из «Foreign quarterly review» и снабжена примечанием, в котором Сенковский заявлял о своем согласии с мнениями и выводами английского журнала. В той части статьи, где речь идет о соотношении между поэзией и прозой, говорится, что в эпоху Клопштока и Гёте немецкая поэзия начала «отбрасывать рифму и даже предпочитать прозаическую форму стихотворной», что тенденции такого рода сказались также и в литературах Англии и Франции, «где лучшие поэты сделались прозаиками», и что эти тенденции следует рассматривать как знамение времени, как следствие общего устремления литературы к «смыслу», к содержательности.

В обоснование своей точки зрения автор статьи ссылался на мнение широко известного в свое время английского романиста и критика Бульвер-Литтона (1803—1873), почерпнутое из его книги «Рейнские пилигримы» (1834 г.; русский перевод — 1835 г.). Процитируем мнение Бульвер-Литтона несколько более пространно, чем сделал это Кюхельбекер; это прояснит смысл его возражений.

«Мне, право, кажется, что в настоящем возрасте нашего просвещения мы, не замечая этого, ошибаемся все вообще насчет достоинства стихотворства, которое, по старой привычке, называют исключительно поэзиею. Оно попрежнему усладительно, но перестало поучать. Проза сердца просвещает, трогает, возвышает гораздо более поэзии. Самый философический поэт наш, преложенный в прозу, сделается пошлым. „Чайльд-Гарольд“, кажущийся таким глубокомысленным творением, обязан этим глубокомыслием своему метрическому слогу: в самом деле, в нем нет ничего нового, кроме механизма слова... Стих не может вместить в себе той нежно-утонченной мысли, которую <выражает> великий писатель в прозе; рифма всегда ее увечит: она может иметь дело только с простейшими задачами человеческой природы, теперь уже пошлыми, а не с тонкими философическими заключениями, которые можно из них вывести. Стало быть, хоть это и покажется сначала парадоксом, пошлость — более стихия поэзии, нежели прозы. Чувствуя это, Шиллер написал в прозе своего „Фиеско“, самую глубокую из новейших трагедий» [13].

Такое отношение к поэзии также было решительно неприемлемым для Кюхельбекера. Поэзия была и оставалась для него в годы заточения и ссылки высшей формой словесного искусства, действительно «святым ремеслом». «Если бы я не был поэтом, я бы едва мог перенесть мое бедное, отравленное всякого рода горестями бытие», — писал он в 1834 г. [14] При этом речь шла не только и не столько об искусстве сочетания слов посредством особых ритмических законов и приемов. Поэзия была для Кюхельбекера синонимом всего истинно великого, высокого и прекрасного, воплощением силы и красоты человеческого духа, формой выражения светлых мыслей и благородных чувств — всего, что сам он обозначал понятием «идеал».

Преданную любовь Кюхельбекера к поэзии и его неколебимую веру в неумирающую и неиссякаемую силу поэтического чувства наилучшим образом характеризует следующее горячее и искреннее признание, вырвавшееся у него однажды в каменном мешке крепостного каземата:

«Ни о чем в свете, кажется, я столько не думал, как о высоком искусстве, об искусстве, которому посвятил жизнь свою, посвятил ее, может быть, без всякой пользы. Без пользы? Конечно, если разуметь под пользою выгоды житейские или даже самые наслаждения славою, имя мое забудется (говорю о моих литературных грехах, как будто бы о произведениях другого), ибо, хотя, может быть, я и был бы чем-нибудь со временем, но все мои произведения незрелы, несовершенны. Несмотря на то, никогда не буду жалеть о том, что я был поэтом; утешения, которые мне доставляла поэзия в течение моей бурной жизни, столь велики, что довольно и их, — довольно, говорю, для меня и их, и я считал бы себя неблагодарным, если бы требовал от поэзии для себя еще другого чего. — Теперь я уже не словесник; прельщения минутного блеска, хвала друзей, ободрения знатоков, самая критика для меня не существуют, не доходят до меня. Но бог с ними! Поэтом же надеюсь остаться до самой минуты смерти и, признаюсь, если бы я, отказавшись от поэзии, мог купить этим отречением свободу, знатность, богатство, даю тебе слово честного человека, я бы не поколебался: горесть, неволю, бедность, болезни душевные и телесные с поэзиею я предпочел бы счастию без нее...» [15].

Насколько же велика была бескорыстная любовь этого пламенного свободолюбца к поэзии, если он готов был ради нее отказаться даже от свободы! Признание Кюхельбекера, которое мы только что процитировали, было сделано еще до того, как он создал наиболее значительные свои произведения — в эпосе, драме и лирике. Судьба оказалась более милостивой к нему, чем он сам того ожидал. Самодержавию не удалось уничтожить этого выдающегося поэта. Имя Кюхельбекера не забыто. Напротив, в наше советское время оно заняло свое законное место в истории русской революционной поэзии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦГИА, ф. № 109, 1826 г., д. 61, ч. 14, лл. 43—46.
[2] Пушкин, т. XVI, стр. 148.
[3] Общественные движения, т. I, стр. 310. — Статья В. И. Штейнгеля была оставлена в делах III Отделения.
[4] В. Г. Белинский. Собр. соч. в трех томах, т. I. М., 1948, стр. 83.
[5] Герцен, т. VI, стр. 369.
[6] «Московский наблюдатель», 1835, кн. 1, стр. 19, 26—27.
[7] «Мнемозина», ч. IV, 1825, стр. 66—74.
[8] См. Ю. Н. Тынянов. Декабрист и Бальзак.— «Лит. наследство», т. 33-34, 1939, стр. 363—378.
[9] «Библиотека для чтения», 1834, т. I, стр. 54; см. также: Ю. Н. Тынянов. Декабрист и Бальзак, стр. 368.
[10] «Дневник Кюхельбекера», стр. 216—217, 231.
[11] «Библиотека для чтения», 1834, т. III, стр. 36—39, 42—43, 51. — Курсив наш.
[12] Ср. полемический выпад Кюхельбекера против Сенковского-Брамбеуса, с резким осуждением его «кривлянья», в драматической сказке «Иван, купецкий сын», над которой Кюхельбекер работал с 1832 по 1842 г. (Кюхельбекер, т. II, стр. 391—392).
[13] «Библиотека для чтения», 1834, т. VI, отд. Иностранная словесность, стр. 76.
[14] «Русская старина», 1875, № 7, стр. 352.
[15] Письмо к Ник. Г. Глинке. — Там же, стр. 351.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

«Вы на воде, на прозе взрощены:
Для вас поэзия и мир без глубины...»

(«*Вечный жид*», *гл. 5*)[1].

В наш век, или точнее, в наши дни (*ныне* то, на что прежде были нужны годы, совершается в месяц, в неделю, в день), — в наши дни с первого взгляду нет уже ничего постоянного. Все потряслось, все движется, изменяется. На Западе тают формы, которые даже средь вихря государственных потрясений признавались неприкосновенными, необходимыми: бури не сломили якоря, но ржавчина его перегрызла. Католицизм, омытый и вновь оплодотворенный кровью своих недавних мучеников, процвел было снова, а ныне опять вянет, опять опускает к земле ветви: гроза оживила его, но на срок короткий, ибо червь подъел корень, гниль проникла в сердцевину его. Одно наше отечество исключение ⟨...⟩ Но перейдем в область философии, наук, критики; тут и мы почувствуем, что не стоим уже на вечной, неколебимой земле Гомеровой, а несемся непостоянною планетою Галлея, которой жизнь и сущность — перемена и движение; тут и мы услышим голос разочарования, правда, слабый только отголосок безверия соседей наших, да все же нерадостный.

Так, напр⟨имер⟩, и у нас распространяется мнение, что время поэзии минуло, и у нас громче и громче требуют прозы, — дельной, — я чуть было не сказал: *деловой* прозы. Утилитарная система, для которой щей горшок вдесятеро важнее всех богов Гомера, всего мира Шекспира, и у нас с дня на́ день приобретает новых поклонников. И у нас занятия словесностию перестают считать призванием (vocation), священством, трудом бескорыстным и чистым, великим, возвышенным. — Лет пятнадцать назад молодой человек, начиная свое литературное поприще, бился не из многого: если журналист удостоивал принять его статейку о том, другом, третьем, его стишки, конечно, еще слабые, его перевод с французского или немецкого — юноша был доволен; он был совершенно счастлив, когда вдобавок редактор в коротком замечании отзывался о нем с похвалою покровителя, как о таланте, подающем хорошие надежды. Тогда еще редко брали плату за сотрудничество писатели даже опытные; корыстолюбием оживлялись одни почти хозяева (и то не все) наших немногих повременных изданий, — порою, конечно, взиравшие на тщеславную, но великодушную молодежь с улыбкою покровительства и сожаления; они одни, быть может, издевались над явлением, которого они не способны были понять, но которое истинно было прекрасно. — Ныне едва ли найдут повод к подобным насмешкам: народ *поумнел*; ныне и 18-летний стихотворец очень хорошо знает цену деньгам и продает свои элегии.

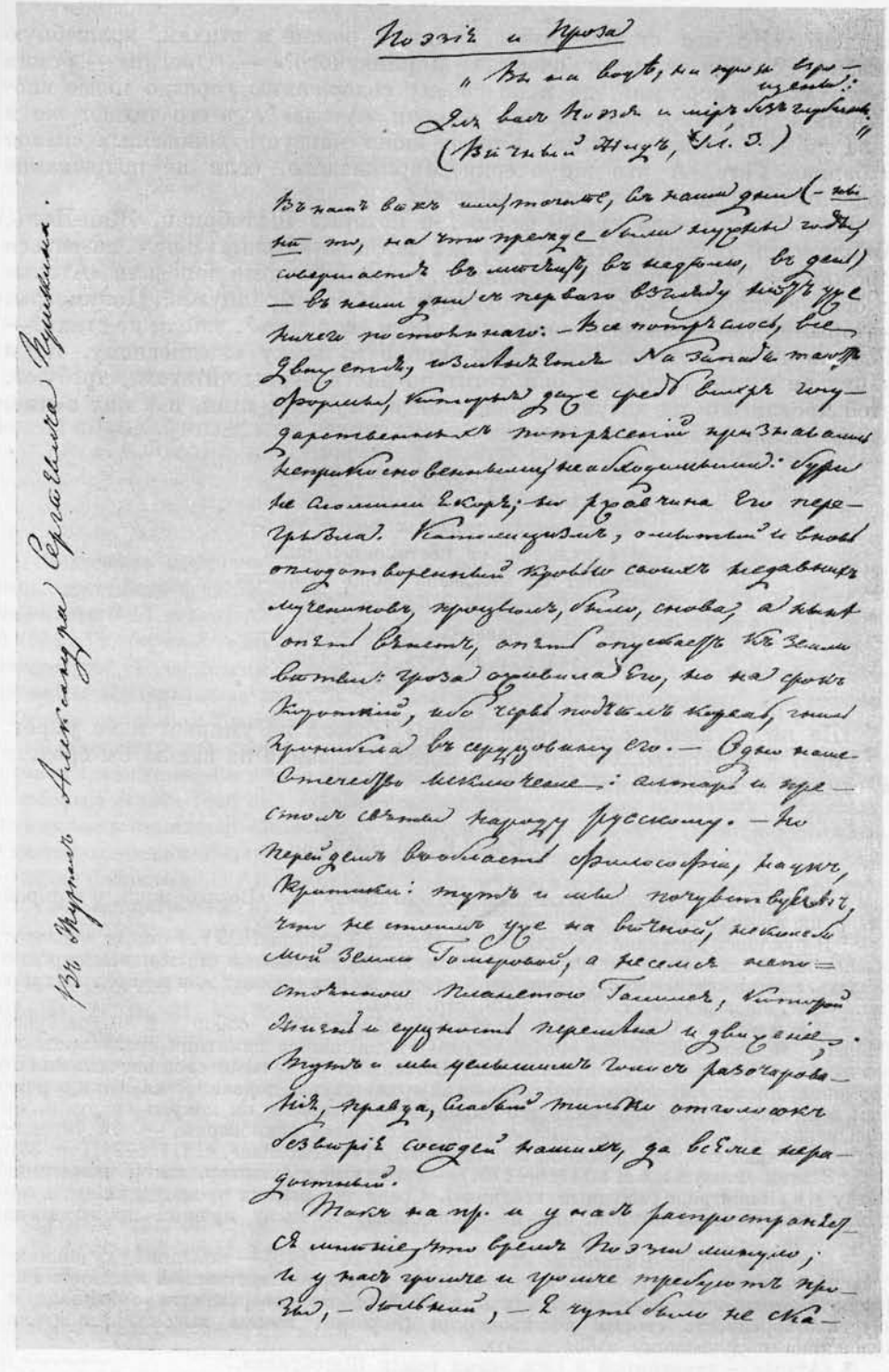
Еще хуже: и у нас хотят превратить литераторов не в ремесленников (это было бы еще сносно), нет — в гаеров, ломающихся в угоду и для развеселения толпы бессмысленной. И у нас писатель даровитый, учености редкой, любимый публикою, писатель, при *других понятиях* достойный бы быть ее вождем и наставником, не постыдился подписать имя, конечно, вымышленное, но уже всем известное, под словами, которых, признаюсь, я никак бы ⟨не⟩ ожидал от человека, не чуждого иногда [истинного] вдохновения. «Стихотворения, — говорит Барон Брамбеус, — стихотворения, то есть поэмы в стихах, и поэмы в прозе, то есть романы, повести, рассказы, всякого рода сатирические и *описательные* (?) творения, назначенные к *мимолетному* услаждению образованного человека, — вот область словесности и настоящие ее границы».

Что до меня, я бы лучше согласился быть сапожником, чем трудиться в *этих* границах и для *этой* цели. Далее видим, что светский разговор для барона — прототип изящности и что публика, по его мнению, состоит из жалких существ, которые ни рыба, ни мясо, ни мужчины, ни женщины. «Увы! — восклицает он в конце своего разглагольствия, — кто из нас не знает, что в числе наших *нравственных истин* есть много оптических обманов?». После такого «*увы*!» и *таких* понятий о словесности считаю позволительным несколько усомниться в искренности нападок Брамбеуса на новых французских романистов и драматургов [2]. Однако это только мимоходом.

В том же журнале (в статье о посмертных сочинениях Гёте) попалось мне мнение Больвера, разделяемое издателями: проза, — говорит англичанин, — «проза *сердца́* просвещает, трогает, возвышает гораздо более поэзии...». «Самый философический поэт наш, преложенный в прозу, сделается пошлым. „Чайльд-Гарольд", кажущийся таким глубокомысленным творением, обязан этим глубокомыслием своему метрическому слогу: в самом деле, в нем нет ничего нового, кроме механизма слова... Стих не может вместить в себе той нежно-утонченной мысли, которую ⟨выражает⟩ великий писатель в прозе; рифма всегда ее увечит».

Ни слова уже о прекрасном слоге *нашего* великого писателя в прозе, т. е. русского переводчика; но почему же, если стих увечит мысль, «Чайльд-Гарольд» кажется глубокомысленным творением? У меня нет Байрона в подлиннике: перечитываю его в прозе — и в дурной французской прозе, — а все же удивляюсь изумительной глубине его чувств и мыслей (хотя тут мысли и второстепенное дело). Сверх того: сам я рифмач и клянусь совестью, что рифма очень часто внушала мне новые, неожиданные мысли, такие, которые бы мне не пришли бы и на ум, если бы я писал прозою; вдобавок, мера и рифма учат выражать мысль кратко и сильно, выражать ее молнией, у *наших* же великих писателей в прозе эта же мысль расползлась бы по целым страницам.

Другой вопрос: может ли существовать поэзия слова без стихотворства? Или, лучше, скажем: должна ли она существовать без него? В стихах и в поэтической прозе, в музыке, в живописи, в ваянии, в зодчестве — поэзия все то, что в них не искусство, не усилие, т. е. мысль, чувство, идеал. Можно ли отделить идеал Аполлона Бельведерского от его проявления в мраморе? Поймешь ли чувство, внушившее Моцарту его «Requiem», сняв с этого чувства дивное тело звуков, в какое оно оделось творческим воображением божественного художника? Найду ли чем выразить мысль, ожившую в Мюнстере Страсбургском [3], когда разрушу самый Мюнстер. «Но твои сравнения ничего не доказывают: стихи действительно заменялись, и удачно, прозою: Шатобриан, Жан-Поль, Гофман, Марлинский — поэты же, хотя и не стихотворцы; даже и то, что сам ты сказал выше про перевод Байрона в прозе, говорит против тебя». Но и медь употребляют же вместо мрамора; однако, когда Фальконет хотел выразить не одну общую мысль величия, как в Петре, а целый ряд мыслей, полную, особенную физиогномию, он предпочел мрамор и создал своего Амура [4]. В своем «Преображении» Мюллер достиг всей высоты совершенства, до какой только может дойти гравер, а между тем сошел с ума, потому что слишком живо чувствовал, как слабо его оттиски передают бессмертное творение Рафаэля [5],— и это помешательство, признаюсь искренно, в глазах моих приносит Мюллеру более чести, чем все его произведения. И Шатобриан и Жан-Поль, Гофман и Марлинский ужели потеряли бы что, если б их высокие мысли, живые, глубокие ощущения, новые, неожиданные картины выразились в стихах мощных, поразили воображение, врезались в память с тою краткостью и силой, которых у них (что ни говори) нет, которые даются только



РУКОПИСЬ СТАТЬИ КЮХЕЛЬБЕКЕРА «ПОЭЗИЯ и ПРОЗА», 1835—1836 гг.
Предназначалась для журнала Пушкина «Современник», но была задержана III Отделением
Автограф. Лист 1
Центральный исторический архив, Москва

стихом? «Но кто станет читать длинный роман в стихах, волшебную сказку, очерки в роде очерков Марлинского?» — «Онегин» — роман в стихах, не короткий, да и по своему содержанию гораздо менее способный к стихотворным формам, нежели «Атала» [6], а его читают же и едва ли не больше «Аталы». Кто не знает наизусть волшебных сказок и баллад Гёте? А что же очерки Марлинского, если не подражание подобным очеркам в поэмах Байрона?

Еще одно: ужели самые формы, в которые Шатобриан, Жан-Поль, Марлинский облекают то, что у них истинно поэзия, могут назваться прозою? — Что общего между дикими, гармоническими напевами «Аталы» и обыкновенным хорошим разговорным языком французов? Полиметры, которыми Жан-Поль расцвечивает все свои творения [7], ужели не стихи?— Гофман и Марлинский несколько ближе к языку ежедневному, но и у них те места, которыми они хотят потрясти нервы читателя, требуют, чтоб произнесли их вслух, чтоб поняли их музыку; итак, и в них пение, а где пение, там и стихи.

Так! раз и навсегда: язык печали
И вдохновения — язык тех дум
Таинственных, которых полон ум, —
Мне кажется, от посторонней силы
Заемлет на мгновенье мощь и крылы,
Чтобы постичь и высказать предмет,
Для коего названья в прозе нет, —
Язык тех дум не есть язык газет.

(*«Сирота»*, *гл. 3*) [8]

«Да не смущаются же сердца ваши!» Поэзия не умирает и не умрет; не умрет и искусство, без которого поэзия на земле не нашла бы средств и стихий к проявлению.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Эпиграф взят из поэмы Кюхельбекера «Агасфер» или «Вечный жид», о которой см. в настоящем томе на стр. 470.

[2] В рукописи дневника Кюхельбекера, где под 3 апреля 1835 г. записан весь этот абзац, он заканчивается следующими словами, не вошедшими в статью: «...искренно сказать, мне кажется, что он ⟨Брамбеус⟩ *просто* на них клеплет или не понимает их» (см. «Лит. наследство», т. 33-34, 1939, стр. 374).

[3] Мюнстер Страсбургский — знаменитый собор в Страсбурге (Münster, Monasterium, beatae Mariae virginis), выдающийся памятник средневекового зодчества. В «Отрывках из путешествия» Кюхельбекер, излагая свои впечатления от Германии, писал: «Мюнстер, чудо готической архитектуры, поразил меня своим огромным величием; трудно перечесть все украшения, которыми он покрыт снаружи, но соразмерность, легкость, соответственность всех частей неимоверны, — сии украшения не отягчают его, они, кажется, необходимы!..» («Мнемозина», ч. III, 1824, стр. 38).

[4] Этьенн Фальконе (1716—1791) — известный скульптор, автор памятника Петру I в Ленинграде («Медный всадник»). Среди его ранних произведений есть несколько изображений амуров; они не принадлежат к числу лучших произведений скульптора.

[5] Иоганн-Фридрих-Вильгельм Мюллер (1780—1816) — немецкий художник-гравер. Главный его труд — воспроизведение в гравюре «Сикстинской мадонны» Рафаэля. Напряженное старание постичь в этой работе совершенства оригинала и неудовлетворенность своими достижениями (впрочем, весьма высокими) привели художника к душевному заболеванию.

[6] «Атала́» — знаменитый в свое время роман Шатобриана.

[7] Жан-Поль — литературный псевдоним немецкого писателя И.-П. Рихтера (1763—1825); охотно писал ритмической прозой. «Полиметры» — название одного из произведений Жан-Поля; Кюхельбекер в «Мнемозине» (ч. I, 1824) поместил отрывок из этого произведения под заглавием «Многомеры».

[8] «Сирота» — поэма Кюхельбекера, написанная в октябре—декабре 1833 г., одно из его наиболее зрелых и удачных произведений.

ПИСЬМА КЮХЕЛЬБЕКЕРА ИЗ КРЕПОСТЕЙ И ССЫЛКИ (1829—1846)

ПИСЬМА К. Э. Ф. БРЕЙТКОПФ, М. Н. ВОЛКОНСКОЙ, А. Г., Б. Г., НАТ. Г., НИК. Г., Ю. Г. И Ю. К. ГЛИНКАМ, Н. И. ГРЕЧУ, В. А. КАЗАДАЕВУ, Ю. К. И Ю. Я. КЮХЕЛЬБЕКЕР, Н. А. ПОЛЕВОМУ, И. И. ПУЩИНУ, П. Н. СВИСТУНОВУ, С. П. ТРУБЕЦКОМУ

Предисловие и комментарии В. Н. Орлова

Настоящая публикация существенно пополняет эпистолярный фонд Кюхельбекера, доступный исследователю и читателю. До недавнего времени в печати было известно всего 57 писем этого выдающегося представителя декабристской литературы*. В 1951 г. в сборнике «Декабристы и их время», подготовленном Институтом русской литературы (Пушкинским домом) Академии Наук СССР, было опубликовано еще 28 писем Кюхельбекера периода тюрьмы и ссылки (по автографам, хранящимся в Отделе рукописей Института русской литературы) **.

В результате разысканий, предпринятых редакцией «Литературного наследства», в связи с подготовкой к печати настоящего тома, выявлено 67 неизвестных писем Кюхельбекера (1829—1846 гг.) в различных архивохранилищах и частных собраниях. Из них здесь печатается 51 письмо, 2 приписки и 3 отрывка ***. Приводим сведения о местонахождении подлинников публикуемых писем:

Гос. Библиотека СССР имени В. И. Ленина. Отдел рукописей: письмо № 40.

Гос. Исторический музей. Отдел письменных источников:

1) ф. № 282, ед. хр. 283—письма №№ 1—7, 13, 15—19, 21, 23, 25, 27, 29, 30, 32, 34;

2) собрание П. И. Щукина — письма №№ 9, 11, 41, 42, 49, 50.

Центральный гос. литературный архив: ф. № 256, оп. 2, ед. хр. 2—5 — письма №№ 14, 22, 28, 31, 33, 35, 39.

Гос. Публичная библиотека РСФСР имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей:

1) собрание отдельных поступлений 1946 г., № 7 — письма №№ 20 и 24;

2) архив В. Ф. Одоевского, оп. 2, № 161/5 — письмо № 36.

Центральный гос. исторический архив:

1) архив III Отделения, 1-я экспедиция, ф. № 109, д. 61, ч. 14 — письма №№ 37, 38; ч. 52 — № 10;

2) ф. № 1152, оп. 1, ед. хр. 48 — письма №№ 43—45;

3) ф. № 1143, оп. 1, ед. хр. 58 — письмо № 47;

4) ф. № 48, ед. хр. 8 — письмо № 48.

Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии Наук СССР. Отдел рукописей: письма №№ 12 и 46.

---

* См. библиографическую справку в сб. «Декабристы и их время», 1951, стр. 27.

** Кроме того, в 1952 г. было опубликовано еще одно письмо Кюхельбекера к А. Г. Глинке от 13 ноября 1834 г. («Лит. наследство», т. 58, стр. 1008—1010).

*** Кроме того, см. письмо Кюхельбекера к сестре Ю. К. Глинке от 20 января 1823 г. на стр. 517—518 настоящего тома.

Собрание Ю. Г. Оксмана (Саратов) — письмо № 8.

Собрание А. Г. Миронова (Москва) — письмо № 26.

Двенадцать писем Кюхельбекера из собрания Гос. Исторического музея (ф. № 282, ед. хр. 283) исключены из публикации как не представляющие ни общественно-исторического, ни биографического интереса. Это — одно письмо к Ю. К. Кюхельбекер (от 21 августа ⟨1831 г.⟩), восемь писем к матери (от 22 мая, 10 июня, 19 июля, 28 августа, 17 сентября, 25 сентября, 17 декабря и 31 декабря 1834 г.), одно письмо к Ю. К. Глинке (от 31 декабря 1834 г.) и два письма к Нат. Григ. Глинке (от 3 февраля 1830 г. и 9 октября 1841 г.). Исключены также одно письмо к Нат. Григ. Глинке от 13 ноября 1834 г. (ЦГЛА, ф. № 256, оп. 2, ед. хр. 3) и одно письмо к матери от 14 апреля ⟨1831 г.⟩ (ЦГИА, ф. III Отд., 1 эксп., д. 61, ч. 52, 1826, лл. 14 а—в), задержанное в III Отделении очевидно потому, что в нем Кюхельбекер сообщал о переводе его из Динабургской крепости в Ревельскую (на стр. 398 и 409 настоящего тома приведены цитаты из писем от 14 апреля, 21 августа 1831 г. и 10 июня 1834 г.). Кроме того, по тем же основаниям, в некоторых случаях нами сделаны купюры в письмах (№№ 1, 3, 5—7, 13, 19, 21—23, 27, 29, 30, 35). Купюры отмечены в тексте тремя точками в ломаных скобках — ⟨...⟩.

Письма, написанные по-французски и по-немецки, публикуются в переводе на русский язык. Перевод выполнен М. Г. Ашукиной.

Текст писем воспроизводится с соблюдением принятых ныне правил орфографии и пунктуации, но без ущерба для тех особенностей подлинников, которые имеют произносительное либо историко-лингвистическое значение. В некоторых случаях текст писем дополнительно разбит на абзацы, которые в автографах Кюхельбекера часто заменяются знаком тире.

Даты писем и названия мест, откуда они были посланы, заключенные в угловые скобки, установлены нами. Во всех случаях эти сведения унифицированы и вынесены в начало письма (независимо от того, где они находятся в подлиннике).

* * *

Напомним вкратце основные факты и обстоятельства жизни Кюхельбекера в тот период, к которому относятся публикуемые письма.

После вынесения Кюхельбекеру приговора (15 лет каторги, замененной одиночным тюремным заключением) он был переведен из Шлиссельбургской крепости в крепость Динабург (Двинск, ныне Даугавпилс Латвийской ССР), где содержался с середины октября 1827 г. по 15 апреля 1831 г. Условия заключения в Динабургской крепости были несколько смягчены, благодаря помощи служившего там генерала Е. Криштофовича — родственника смоленских помещиков Криштофовичей, дружески связанных с семьей Кюхельбекера и с ним самим. В частности, по ходатайству генерала Криштофовича крепостное начальство разрешило Кюхельбекеру читать и писать, получать книги, прогуливаться по плацу и т. д. Кюхельбекер даже тайно виделся на квартире Криштофовича с матерью, специально приезжавшей для этого в Динабург.

В 1828 г. Кюхельбекеру разрешили переписываться с ближайшими родственниками — с матерью и сестрами. Касаться в письмах можно было лишь семейных дел и отвлеченных тем. Кюхельбекер постепенно расширил круг своих корреспондентов, самовольно включив в их число, кроме матери и сестер, своих племянников и племянниц. Сверх того, он нашел способ нелегально, через верных людей (П. Манасеина и поэта А. А. Шишкова, служивших в крепости, а может быть и через того же генерала Криштофовича) пересылать письма как родным, так и близким друзьям — Пушкину, Грибоедову, Дельвигу (см. подробнее: В. Н. Орлов. В. К. Кюхельбекер в крепостях и в ссылке. — «Декабристы и их время», 1951, стр. 39—40).

Одно письмо, адресованное Пушкину и Грибоедову, Кюхельбекер вручил князю С. С. Оболенскому — разжалованному офицеру, который находился в Динабургской крепости под арестом и в апреле 1828 г. был отправлен оттуда на Кавказ рядовым. Случайно это письмо было обнаружено у Оболенского, вследствие чего возник розыск. Дело дошло до царя, который приказал «поставить на вид» динабургскому коменданту,

КЮХЕЛЬБЕКЕР
Гравюра И. И. Матюшина, 1880-е гг.
Литературный музей, Москва

что Кюхельбекеру «не до́лжно было давать писать». В результате в феврале 1829 г. Кюхельбекера лишили права переписываться с кем бы то ни было. Однако вскоре — в августе того же 1829 г. — Николай I отменил это ограничение, согласившись с «представлением» Бенкендорфа, к которому обратились родные узника.

В середине апреля 1831 г., в связи с польским восстанием и тем обстоятельством, что Динабург оказался поблизости от театра военных действий, Кюхельбекера срочно переправили в Ревель (ныне Таллин), где посадили в Вышгородский замок. Накануне отъезда из Динабурга, 14 апреля 1831 г., он писал матери: «Я пишу вам только несколько слов — не потому, что у меня нет времени на большее, но потому, что слишком много чувств обуревает меня; я покидаю Динабург; меня переводят завтра в Ревель ‹...› Динабург я покидаю с чувством горести; хотя это и была моя тюрьма, но я здесь уже почти 4 года, и всякая перемена страшит меня более, чем возбуждает радостных надежд» (неизд. письмо.— ЦГИА, ф. III Отд., 1 эксп., д. 61, ч. 52, л. 14). На новом месте Кюхельбекер, действительно, очутился в гораздо более тяжелых условиях, нежели в Динабурге: там уже не было расположенных к нему людей и все пути нелегальной связи с внешним миром были отрезаны.

В Ревеле Кюхельбекер пробыл недолго: 7 октября 1831 г. его вывезли в крепость Свеаборг (в Финляндии), где он содержался в течение четырех с лишним лет — с 14 октября 1831 г. по 14 декабря 1835 г. К свеаборгскому периоду, преимущественно к 1834 г., и относится бо́льшая часть публикуемых нами писем.

В конце 1835 г. Кюхельбекер был досрочно выпущен из крепости и «обращен на поселение» в глухом углу Восточной Сибири — в заштатном городке Баргузине, где в 1831 г. уже был поселен его брат — Михаил Карлович. К месту ссылки Кюхельбекер был доставлен 20 января 1836 г. Здесь он провел четыре крайне тяжелых для него года — до середины января 1840 г., когда перебрался в крепость Акша Нерчинского округа.

Начиная с 1842 г., болезненный и быстро дряхлевший Кюхельбекер настойчиво, но безуспешно ходатайствовал о переводе его в Иркутск или в окрестности Иркутска (где было поселено довольно много декабристов), либо в Кяхту (б. Троицко-Савск), где он мог рассчитывать на лучшие условия существования. В январе 1844 г. Кюхельбекер подал прошение о переводе в Западную Сибирь — в Курган. На этот раз за него деятельно хлопотал влиятельный родственник В. А. Глинка (главный начальник Уральских казенных заводов). По докладу шефа жандармов А. Ф. Орлова, Николай I в июне 1844 г. разрешил перевести Кюхельбекера в Смолинскую слободу под Курганом.

Кюхельбекер покинул Акшу 2 сентября 1844 г., несколько месяцев провел у брата в Баргузине, около месяца — в Иркутске, останавливался по дороге в Красноярске и в Ялуторовске (у И. И. Пущина) и 22 марта 1845 г. прибыл в Курган. После того как ему было отказано в разрешении остаться в самом городке, в сентябре 1845 г. он обосновался в пригородной Смолинской слободе.

Развивающаяся чахотка и быстро прогрессирующая болезнь глаз заставили Кюхельбекера проситься в Тобольск, где он мог бы пользоваться медицинской помощью. В конце января 1846 г. Кюхельбекер получил разрешение на временное проживание в этом губернском городе.

Через месяц Кюхельбекер оставил Курган. По пути он заехал в Ялуторовск к своему лицейскому товарищу И. И. Пущину и, очевидно, уже чувствуя приближение конца, продиктовал ему свое литературное завещание. И. И. Пущин 2 февраля 1846 г. писал декабристу М. А. Фонвизину: «Бедный Вильгельм очень слаб, к тому же и мнителен, но я надеюсь, что в Тобольске его восстановят и даже возвратят зрение, которого в одном глазу уже нет. Недавнее бельмо, вероятно, можно будет истребить. Между тем уже я прослушал несколько стихов, с обещанием слушать все, что ему заблагорассудится мне декламировать. Подымаю инвалидную свою ногу и с стоическим терпением выдерживаю нападения метромании, которая теперь не без пользы, потому что она утешает больного. Пожалуйста, сообщите мне, что скажут медики об его состоянии...» (неизд. письмо. — ЛБ, Фв. 3/37, лл. 2—3).

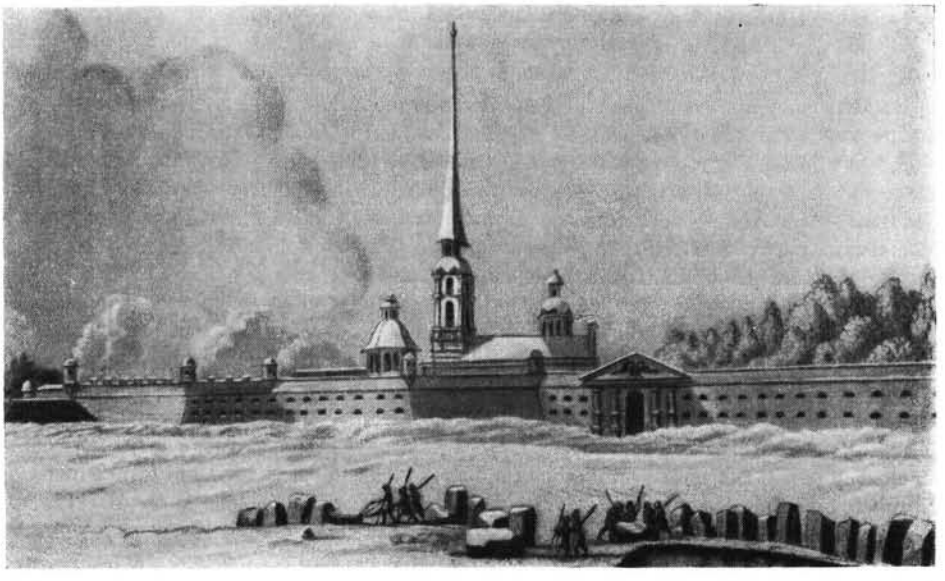
Кюхельбекер приехал в Тобольск (7 марта 1846 г.) в тяжелом состоянии, однако вскоре ему стало несколько легче. М. А. Фонвизин сообщал И. Д. Якушкину из То-

больска 26 марта 1846 г.: «Когда я в первый раз увидел приехавшего сюда Вильгельма Карловича, то с горестным чувством подумал, что он совсем безнадежен. Однако теперь ему гораздо лучше — лихорадка его оставила, и В⟨ольф⟩ надеется возвратить зрение одному глазу» (неизд. письмо. — ЦГИА, ф. № 279, ед. хр. 101, л. 13).

Но дни Кюхельбекера уже были сочтены. Через пять месяцев после приезда в Тобольск, 11 августа 1846 г., он скончался.

* * *

Подавляющее большинство публикуемых нами писем Кюхельбекера адресовано его родным. Приведем здесь необходимые краткие сведения об этих корреспондентах Кюхельбекера.



ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ
Гравюра, 1800-е гг.
Местонахождение оригинала неизвестно

Мать — Юстина Яковлевна (1757—1841), урожденная фон Ломен, вдова Карла Кюхельбекера (1748—1809), воспитанника Лейпцигского университета, агронома, поселившегося в России в 1770-х годах. В 1832 г. Кюхельбекер писал матери:

О лучший друг мой! о моя родная!
Ты, коей имя на моих устах,
Ты, коей память, вечно мне драгая,
В душе моей...

Юлия Карловна Кюхельбекер (Юлия, Julie, Юленька, Ульяна Карловна) — младшая сестра Кюхельбекера, служила классной дамой в Екатерининском институте благородных девиц, позже — гувернанткой в доме кн. В. С. Долгоруковой, затем лектрисой в богатых домах. Кюхельбекер относился к младшей сестре с чувством глубокой любви, постоянно отмечал ее высокие нравственные достоинства. В стихотворении «Закуп» (1823) он посвятил ей следующие строки:

В образе доброй сестры мне посланный ангел-хранитель,
Или забуду тебя, Юлия, сладостный друг?
В скорбях не ты ль утешаешь меня; мои бури смиряешь?

Ю с т и н а К а р л о в н а Г л и н к а (1789?—1871) — старшая сестра и всегдашняя попечительница Кюхельбекера, которую он называл своей «второй матерью», вдова Г. А. Глинки (см. о нем стр. 482 настоящего тома). После 14 декабря она помогла Кюхельбекеру скрыться (он хотел бежать за границу), а впоследствии поддерживала его самым деятельным образом в течение всех лет его тюремной и ссыльной жизни. После смерти Кюхельбекера Ю. К. Глинка взяла на воспитание его сына и дочь.

У Ю. К. Глинки было шестеро детей — три сына и три дочери. В одном из стихотворений конца тридцатых годов Кюхельбекер писал о своей старшей сестре:

Вижу дочерей пригожих,
На нее во всем похожих,
Вижу резвых сыновей;
Правит мать толпой их шумной
Взглядом ласковых очей
Или речию разумной...

Кюхельбекер принимал участие в воспитании племянников и племянниц. В последекабрьские годы все они деятельно переписывались с Кюхельбекером. Из них:

Д м и т р и й Г р и г о р ь е в и ч Г л и н к а (1808—1883) служил по дипломатической части; в тридцатые годы — в составе русского посольства в Копенгагене, впоследствии — в качестве посланника в Бразилии и Португалии; автор философских и юридических работ. В 1880 г. при содействии Д. Г. Глинки за границей был издан первый сборник избранных стихотворений Кюхельбекера.

Б о р и с Г р и г о р ь е в и ч Г л и н к а (1810—1895) — офицер, впоследствии крупный военный деятель (генерал от инфантерии, генерал-адъютант, член Военного совета). В годы заточения Кюхельбекера Б. Г. Глинка оказывал ему материальную помощь, снабжал книгами, служил посредником между ним и его литературными друзьями (Дельвигом, Пушкиным, В. Ф. Одоевским), принимал активное участие в издании произведений Кюхельбекера (без обозначения его имени). После смерти Кюхельбекера Б. Г. Глинка участвовал в обсуждении проекта издания его сочинений. Об этом есть данные в неизданных письмах М. К. Кюхельбекера к И. И. Пущину (ЛБ.— Письма к И. И. Пущину, переплет М/7583, 1847, лл. 132 и 190): «От племянника Бориса я получил недавно письмо, он уведомляет меня, что письмо мое к В. А. Жуковскому дошло! Но почтенного В〈асилия〉 А〈ндреевича〉 нету в России! При том племянник сомневается, будет ли полезно издание сочинений покойного брата? Во всяком случае, я твердо на тебя надеюсь, что ты сохранишь рукопись и 〈с〉 сестрой 〈Ю. К. Глинкой〉 посоветуешься ко всему лучшему как друг и брат!» (письмо от 20 марта 1847 г.). В тех же письмах находятся сведения и о других рукописях Кюхельбекера: «...У горного исправника я видел рукопись брата „Итальянец", потому прошу тебя прислать мне список (регестор) рукописей брата, жаль, если что потеряется, и у себя отыскал две тетради; сестра Ульяна Карловна пишет мне, что письмо мое отдано Жуковскому и что Василий Андреевич принял живое участие в моей к нему просьбе; поэтому не худо сберечь манускрипты покойного! Авось бог даст, что выйдут в свет!?» (письмо от 25 сентября 1847 г.).

Н и к о л а й Г р и г о р ь е в и ч Г л и н к а (1811—1839) — офицер, капитан Генерального штаба; с 1836 г. служил в Отдельном кавказском корпусе, 1 мая 1839 г. умер в Тифлисе от ран, полученных в бою. Кюхельбекер особенно высоко ценил дарования Н. Г. Глинки, охотно делился с ним своими мыслями и творческими замыслами, называл его (в стихах) «мой питомец» и «сын души моей», а после его смерти писал в дневнике, что «если бы не роковая пуля», Николай Глинка «был бы великим человеком» («Дневник Кюхельбекера», стр. 255). По завещанию Кюхельбекера, его похоронили в рубашке, принадлежавшей Николаю Глинке.

Н а т а л и я Г р и г о р ь е в н а Г л и н к а (в письмах Н а т а ш а), впоследствии Одынец; ум. в 1864 г. — любимая племянница Кюхельбекера, которая была ему особенно предана и вела с ним интенсивную переписку. В письме к сестре Юлии Карловне от 30 сентября 1838 г. Кюхельбекер следующим образом охарактеризовал эту свою

племянницу: «Наташа, право, редкая девушка: с каждого письма я более и более к ней привязываюсь. В ней, по моему мнению, все женские достоинства: и ум, и в высшей степени рассудительность, и доброе, горячее сердце, и образованность, и даже воображение (что всего реже дается вам, женщинам). Может быть, нет у нее талантов сестер ее, но таланты дело уж второстепенное» («Летописи», стр. 177). Сама Н. Г. Глинка писала Кюхельбекеру 24 апреля 1843 г.: «...все, что Вы говорите о счастии, которое доставляет Вам моя горячая дружба,— мне принадлежит потому, что я, точно, люблю Вас от всей души и Вы доставляете мне сердечную радость, когда говорите мне, что привязанность моя к Вам хоть немного услаждает Вашу горькую участь» (неизд. — ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4Б 61, л. 61). В августе 1847 г. Н. Г. Глинка приезжала вместе с матерью в Сибирь (в Ялуторовск) за детьми Кюхельбекера.

Александра Григорьевна Глинка (в письмах Саша, Сашенька) — в начале 1870-х годов, вместе с дочерью Кюхельбекера Юстиной Вильгельмовной Косовой, собрала и привела в порядок его рукописи и письма, сохранившиеся в семейном архиве, и приняла участие в составлении его первой биографии (см. «Русская старина», 1875, № 7, стр. 334, 336—337).

Юстина Григорьевна Глинка (в письмах Тиненька) — очевидно, более других сестер была наделена литературным вкусом; по просьбе Кюхельбекера она неоднократно высказывалась о его произведениях и даже «пересматривала» их, внося кое-какие поправки.

Об остальных адресатах Кюхельбекера — см. в примечаниях.

* * *

Следует учесть, что публикуемые письма Кюхельбекера просматривались крепостным начальством, либо сибирскими властями, а сверх того — в III Отделении, где иногда и задерживались (как, например, письма к Н. И. Гречу, Н. А. Полевому, матери). Этим объясняются как сдержанность Кюхельбекера в суждениях и оценках, так и — в ряде случаев — нарочитые, из тактических соображений подчеркнутые в письмах комплименты по адресу начальства, членов царской семьи (имп. Марии Федоровны, в. к. Михаила Павловича) и Бенкендорфа (письмо № 36). Все это писалось в расчете на прочтение в III Отделении.

В публикуемых письмах отразились религиозно-моралистические настроения Кюхельбекера, особенно сильно овладевшие им в тяжелых условиях одиночного крепостного заключения, когда он был наглухо отгорожен от живой жизни и всецело предоставлен самому себе. После того как Кюхельбекера перевели в Свеаборг, он лишился даже тех крайне ограниченных возможностей общения со свободными людьми, которые, очевидно, имелись у него в Динабурге. В Свеаборгской крепости допускались только редкие свидания заключенного с пастором, который усердно снабжал его сочинениями лютеранских проповедников. Эта церковно-проповедническая литература, безусловно, оказывала на Кюхельбекера отрицательное влияние. Он вообще был верующим человеком и в минуты упадка душевных сил искал утешения в религии, в частности — в сочинении стихов на темы и мотивы священного писания. Следует отметить, однако, что по выходе Кюхельбекера из тюрьмы его религиозные настроения в значительной мере ослабели и, во всяком случае, явно отошли на задний план, снова, как и в годы юности, уступая место напряженным общественным и литературным интересам. Об этом свидетельствует творчество Кюхельбекера в последнее десятилетие его жизни; это видно и из публикуемых нами писем сибирского периода.

* * *

В настоящей публикации участвовали:

Л. И. Анохина — письмо № 8 и комментарии к нему;

М. Ю. Барановская — письма №№ 9, 11, 40—42, 49, 50;

Р. Б. Заборова — письмо № 36;

В. И. Нейштадт — письмо № 26;

Е. П. Федосеева — письма №№ 20, 24 и комментарии к ним.

Выявление и публикация остальных писем принадлежат редакции «Литературного наследства».

1. Ю. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

Перевод с французского.

〈Динабург.〉 2 октября 〈1829 г.〉

Милая, добрая Юлия,

Последнее письмо, которое я имел счастье получить от тебя, было от 16 августа; вот уже, стало быть, шесть недель, что я не имею никаких известий обо всем, что мне дорого.

Периоды, когда я дольше, чем обычно, лишен самого большого утешения, которое я имею в моем печальном положении, походят на глухую и мучительную пытку: душа моя не обладает более той беспечностью и силой, которые она имела в молодости; утешения, ниспосылаемые мне божественным милосердием и испытанные мною именно с некоторого времени, поистине очень сладостный бальзам; однако беспокойство мое на ваш счет делает меня неспособным принять их со всею благодарностью, которую я должен был бы испытывать к богу и ко всем, чье сердце он тронул. И тем не менее, добрая сестрица, нежный друг мой, было бы непростительно с моей стороны умолчать о великом благодеянии, только что мне дарованном: мне теперь официально разрешено предаваться моим любимым занятиям [1]. Итак я питаю сладостную надежду, что я смогу работать для литературы моей отчизны. Быть может, через десять, через двадцать лет или когда меня уже не будет, мои рукописи будут напечатаны; я не желаю, чтобы мое имя им было присвоено. Даю тебе слово, что не желание славы мною двигает, авторское тщеславие умерло в моем сердце. Ведь имя человека — не сам человек, не лучшая часть его существования. Если, стало быть, это разрешение кажется мне великим счастьем, то происходит это от внутреннего убеждения, что я действительно мог бы быть полезен русскому языку, что мои мысли, мои чувства действительно могли бы благотворно действовать на души, которые их когда-нибудь прочтут.

Но самым большим наслаждением представляется мне, что я теперь, может быть, смогу говорить вам в письмах о своих занятиях 〈...〉

Представляю себе, добрая Юлия, что новость, которую я тебе только что написал, будет тебе приятна. Ты знаешь, до какой степени я люблю наш язык, с каким пылом я изучал все его богатство, все средства, которые он предоставляет лирической поэзии. Я приложу старание, чтобы сделать мои псалмы [2] достойными языка, на котором я буду писать, но, вместе с тем, простыми и естественными, чтобы они были легким чтением для простых и мало поэтических душ. Геллерт [3] будет в гораздо большей степени моим образцом, нежели Жан-Батист Руссо [4].

Вот, дорогая, мой замысел; я слишком распространился о нем, если он не будет иметь никакого успеха, но ты знаешь немецкую поговорку: Wovon das Herz voll ist, davon geht der Mund über *. И притом, не другу ли, не доброй ли и нежной сестре пишу я? Она улыбается, но она не будет смеяться над замыслами своего брата, над законченностью, которую он хочет придать произведению, которое еще предстоит создать.

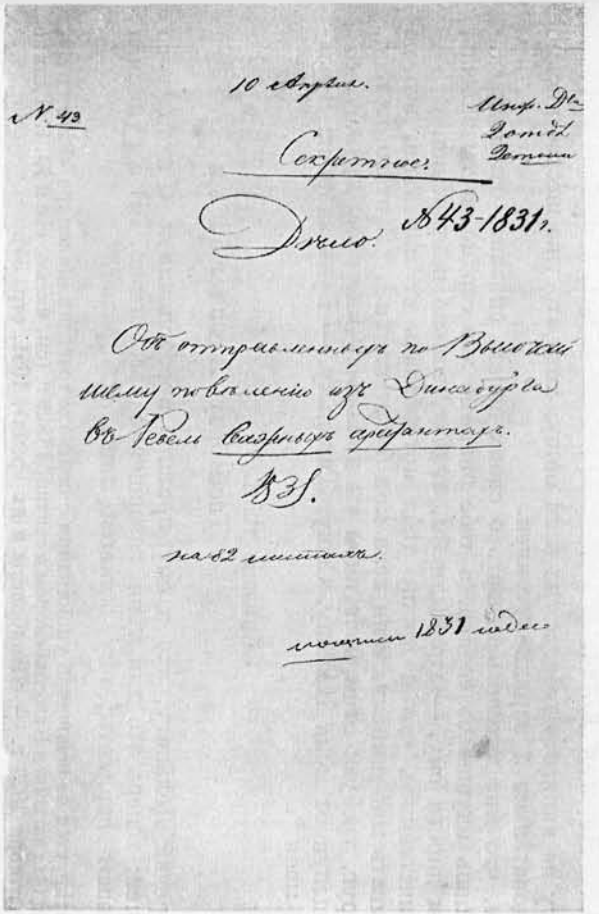
Обнимаю тебя, друг мой. Пиши мне. Сообщи мне что-нибудь о Михаиле [5]. Последние известия, которые я о нем имел, были от февраля месяца. Еще раз прости.

Твой брат и друг Вильгельм

Адресую тебе письмо для маменьки, предполагая, что наша семья уже больше не в деревне, и не зная их нового адреса.

---

* От избытка сердца глаголют уста (нем.).



10 Апреля.

№ 43

Инф. Д-ра
2 отд.
Детели

Секретное.

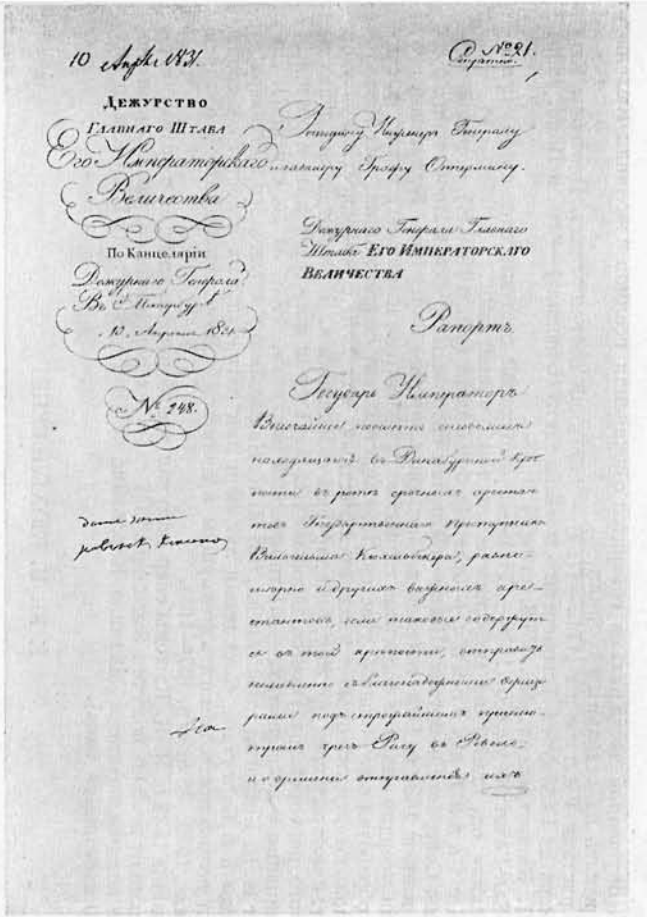
Дѣло. № 43-1831 г.

Объ отправленныхъ по Высочайшему повелѣнію изъ Динабурга въ Ревель важныхъ арестантахъ.

1831.

на 82 листахъ.

[illegible] 1831 года



10 Апрѣля 1831.

№ 21.
Секретно.

Дежурство
Главнаго Штаба
Его Императорскаго
Величества

По Канцеляріи
Дежурнаго Генерала
Въ С. Петербургѣ
10 Апрѣля 1831.

№ 248.

Господину Инженеру Генералу
Главнаго Графу Оппермину.

Дежурнаго Генерала Главнаго
Штаба Его Императорскаго
Величества

Рапортъ.

Государь Императоръ
Высочайше повелѣть соизволенія
находящагося въ Динабургской крѣ-
пости въ ротѣ срочныхъ арестан-
товъ Государственнаго преступника
Вильгельма Кюхельбекера, равно-
мѣрно и другихъ важныхъ аре-
стантовъ, если таковые содержат-
ся въ той крѣпости, отправить
немедленно съ благонадежными бериз-
рами подъ строжайшимъ присмо-
тромъ чрезъ Ригу въ Ревель
и о времени отправленія ихъ

ДЕЛО О ПЕРЕВОДЕ КЮХЕЛЬБЕКЕРА ИЗ ДИНАБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ В РЕВЕЛЬ И СВЕАБОРГ, 1831 г.
Обложка и лист дела с распоряжением о переводе Кюхельбекера в Ревель
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Датируется на основании упоминания в опущенной части письма о смерти «вдовствующей императрицы» Марии Федоровны (12 ноября 1828 г.).

[1] Неофициально литературные занятия были разрешены Кюхельбекеру в 1828 г., благодаря ходатайству служившего в Динабурге генерала Е. Криштофовича (см. стр. 396).

[2] В опущенной части письма говорится о сочинении псалмов и желании Кюхельбекера издать их отдельным сборником.

[3] Христиан Геллерт (1715—1769) — немецкий поэт-моралист. Переводы Кюхельбекера из Геллерта («Блаженство» и «Благодать господня») — см. в Полн. собр. стих. В. Кюхельбекера. М., 1908, стр. 74 и 89.

[4] Жан-Батист Руссо (1670—1741) — французский поэт-классик, автор «философических» од, кантат на мифологические темы и эпиграмм.

[5] Михаил Карлович — брат Кюхельбекера (ум. в 1859 г.), морской офицер, член Северного общества. После отбывания каторжных работ в Нерчинских рудниках, в июле 1831 г. был поселен в заштатном городке Баргузине, Иркутской губ. Здесь он усердно занялся сельским хозяйством; кроме отведенной ему земли, расчистил и обработал еще большой участок. По свидетельству современника, «М. Кюхельбекер пользовался любовью и уважением местных жителей, в особенности тунгусов и бурят, с которыми вел дружбу, был даровым советником во всех житейских делах и, кроме того, доктором, разумеется даровым» (П. И. Першин-Каракасарский. Воспоминания о декабристах.— «Исторический вестник», 1908, № 11, стр. 567). Декабрист Н. В. Басаргин также писал, что М. К. Кюхельбекер «отличался неимоверною добротою» и в Баргузине «был всеми любим и при материальных недостатках своих находил возможность помогать неимущим и делиться с ними последним» («Каторга и ссылка», 1925, № 5, стр. 167—168).

В конце 1831 г. В. К. Кюхельбекер получил право переписываться с братом, первое письмо от него он получил 8 декабря 1831 г. Из их переписки сохранилось значительное количество писем Михаила Карловича за 1840—1845 гг. (ИРЛИ. См. о них стр. 499 настоящего тома).

2. Ю. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

Перевод с французского.

〈Динабург. Октябрь? 1829 г.〉

Дорогая Юлия,

не могу не написать тебе, когда всем пишу, хотя это уже шестое письмо и следовательно я изрядно утомлен.

Все, что мне хотелось сказать о своих делах, сказано; остается сказать лишь идущее из сердца, а тебе знакомо это сердце, и ты знаешь, как ты дорога ему, — это были бы, значит, только повторения.

Единственное, что я прошу тебя потребовать от маменьки, это не заказывать мне шинели, если дела мои будут плохи [1]. *Я этого от тебя, мой друг, требую: этим поступком ты докажешь мне свою дружбу.

Поцелуй от меня Наташу, Сашу, Тиненьку. — Будь здорова! Не забывай меня *.

Обнимаю тебя.

Твой брат Вильгельм

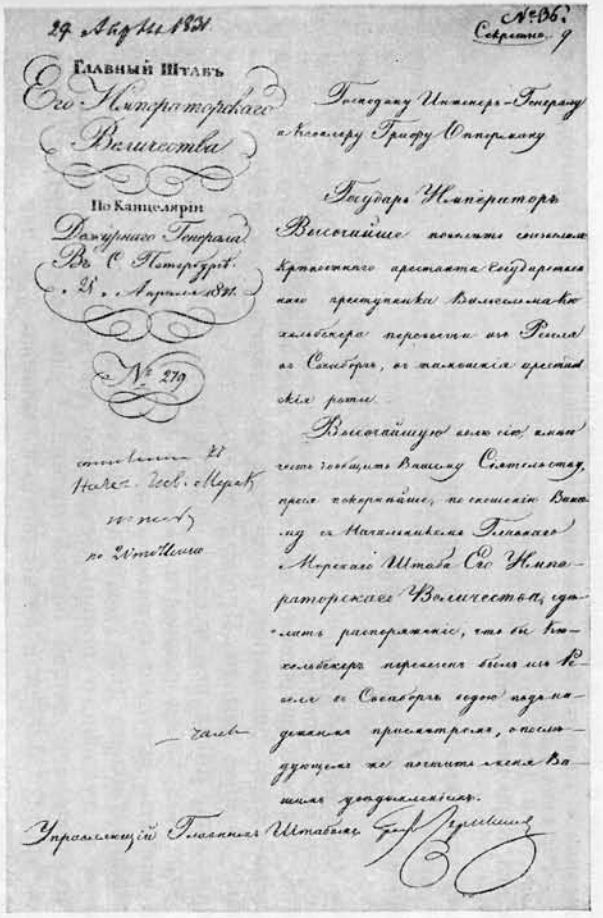
Передай Дельвигу, что я ему пришлю предисловие к «Ричарду» со временем; теперь это для меня совершенно невозможно. NB в рукописи указывают варианты; ему остается лишь выбирать [2].

Датируется на основании упоминания о переводе трагедии Шекспира «Ричард II». Перевод был закончен Кюхельбекером в сентябре 1829 г. (см. письмо его к Ю. К. Глинке от 22 сентября 1829 г. — «Декабристы и их время», 1951, стр. 34).

[1] Кюхельбекер опасался, что ему не удастся получить литературный гонорар за свои произведения и перевод «Ричарда II». К этой теме он возвращается в своих письмах неоднократно.

[2] Очевидно, Кюхельбекер нашел способ переслать А. А. Дельвигу рукопись перевода «Ричарда II», как и некоторых своих сочинений. В 1829 г. Дельвиг напечатал

* *Слова, заключенные в звездочки, написаны по-русски.*



29 Апрѣля 1831. № 36. Секретно 9

Главный Штабъ Его Императорскаго Величества

По Канцеляріи Дежурнаго Генерала Въ С. Петербургѣ. 28 Апрѣля 1831.

№ 279

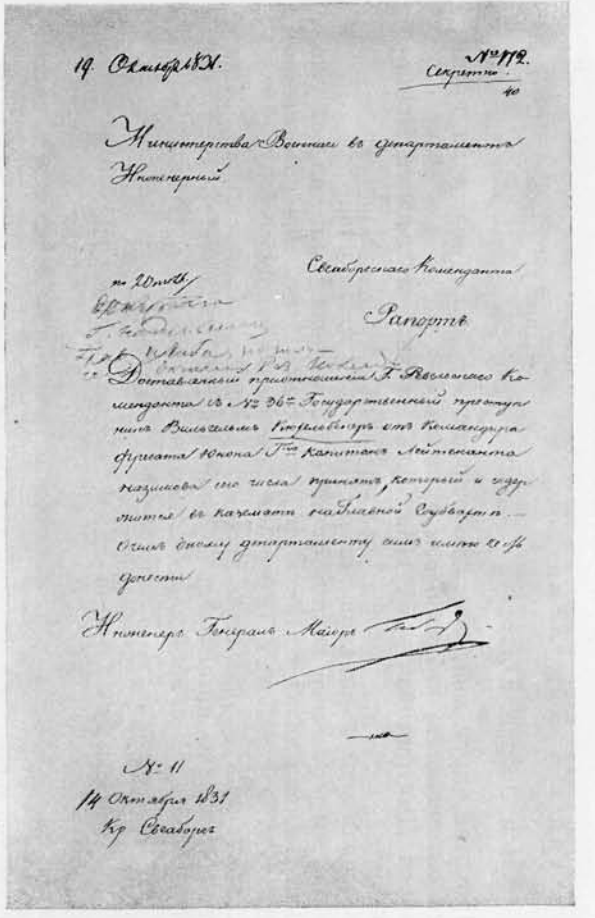
Господину Инженеръ-Генералу и Кавалеру Графу Опперману

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ Крѣпостнаго арестанта Государственнаго преступника Вильгельма Кюхельбекера перевести изъ Ревеля въ Свеаборгъ, въ тамошнія арестантскія роты.

Высочайшую волю сію, имѣю честь сообщить Вашему Сіятельству, прося покорнѣйше, по сношенію Вашему съ Начальникомъ Главнаго Морскаго Штаба Его Императорскаго Величества, сдѣлать распоряженіе, что бы Кюхельбекеръ перевезенъ былъ изъ Ревеля въ Свеаборгъ водою подъ надежнымъ присмотромъ, о послѣдующемъ же почтить меня Вашимъ увѣдомленіемъ.

Управляющій Главнымъ Штабомъ [signature]

19 Октября 1831. № 172. Секретно 40



Министерства Военнаго въ департаментъ Инженерный

Свеаборгскаго Коменданта

Рапортъ

Доставленный приготовленіемъ Г. Ревельскаго Коменданта съ № 36 Государственный преступникъ Вильгельмъ Кюхельбекеръ отъ Командира фрегата Юнона Г-на Капитана Лейтенанта Назимова его числа принятъ, который и содержится въ казематѣ на Главной Гауптвахтѣ. Очемъ дѣлу департаменту симъ имѣю честь донести.

Инженеръ Генералъ Маіоръ [signature]

№ 11
14 Октября 1831
Кр. Свеаборгъ

ДЕЛО О ПЕРЕВОДЕ КЮХЕЛЬБЕКЕРА ИЗ ДИНАБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ В РЕВЕЛЬ И СВЕАБОРГ, 1831 г.

Листы дела с распоряжением о переводе Кюхельбекера из Ревеля в Свеаборг и рапортом коменданта Свеаборгской крепости о приеме Кюхельбекера

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

анонимно в «Северных цветах» и «Подснежнике» шесть стихотворений Кюхельбекера и отрывки из драматической мистерии «Ижорский» Предисловие Кюхельбекера к «Ричарду II», как и самый перевод, до нас не дошли.

3. Ю. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

Перевод с французского.

⟨Динабург. Конец 1829 г.⟩

Моя добрая Юлия,

...Прочитай, друг мой, моего «Ижорского»: скажи мне, если представится возможность, что́ ты о нем думаешь.

Попроси Дмитрия взять на себя Зуева и альбом госпожи Войно-Куринской [1].

Что поделывают наши маленькие? [2] И Борис и Николай?

Передай им сердечный поклон от меня. Комендант [3] написал вот уже несколько месяцев назад в Петербург, чтобы испросить мне разрешение посылать туда мои работы. До сих пор никакого ответа.

Вы, повидимому, уже вернулись из деревни. Надеюсь, что Саша вернулась немножко потолстевшей. Кончаю, добрый друг; я хочу еще написать Юстине [4] и чувствую себя немного утомленным. Прости!

Твой брат и друг

Вильгельм-Людвиг Кюхельбекер

Датируется на основании упоминания об «Ижорском», рукопись первой части которого была послана Кюхельбекером в Петербург при письме к Дельвигу от 18 ноября 1829 г. («Русский архив», 1881, № 1, стр. 146. Отнесение здесь этого письма к 1830 г. ошибочно).

[1] Сведениями о Зуеве и Войно-Куринской мы не располагаем.

[2] Племянницы Кюхельбекера: Наталья Григорьевна, Александра Григорьевна и Юстина Григорьевна Глинки.

[3] Комендантом Динабургской крепости был генерал-майор Гельвиг.

[4] Юстина Карловна Глинка.

4. Ю. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

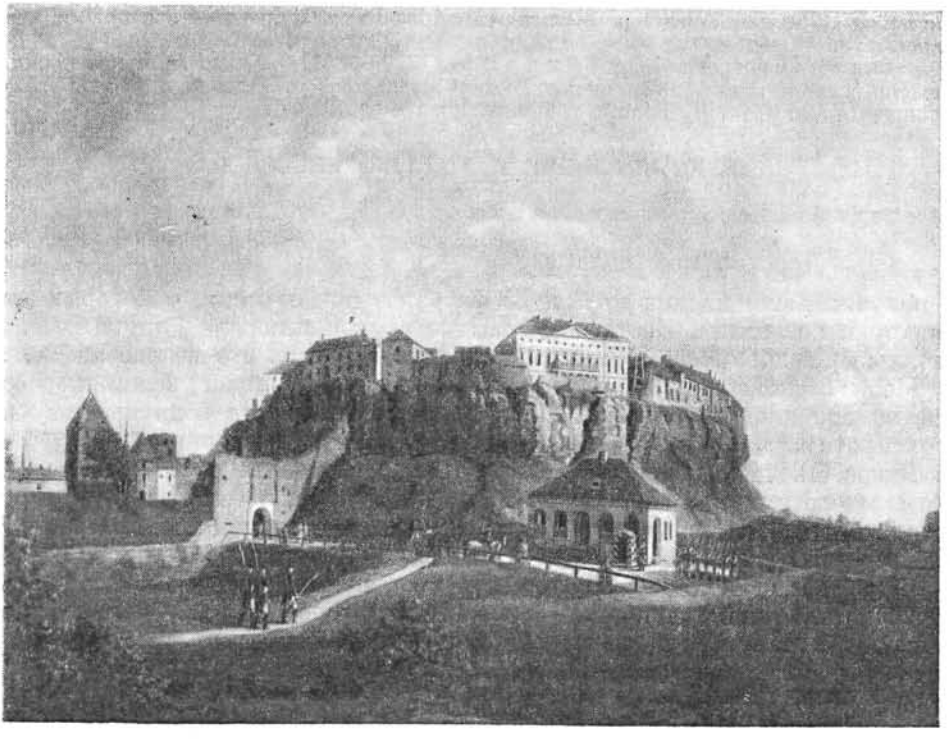
Перевод с французского.

⟨Динабург.⟩ 26 июня ⟨1830 г.⟩

Моя добрая Юлия,

с тех пор, как мне разрешено писать вам, мне кажется, что я всегда помню день твоего рождения, тогда как маменькин и юстинин иногда ускользают из моей памяти. Происходит это оттого, что твой приходится на начало года, когда все чувства, волновавшие сердце на новый год, еще не утратили своей свежести. Таково волшебство этого дня, когда год, так сказать, вступает в новое существование. Поэтому из глубины сердца желаю тебе ко дню рождения, дорогой друг, радости и довольства, мира и душевного покоя! Оставайся всегда, какою ты была — опорой и утешением нашей бедной матери. Судя по ее портрету, она очень постарела. Состарили ее несчастные сыновья, удел же дочерей — пытаться облегчить ей бремя гнетущих ее огорчений. Вы, добрые сестры мои, Юстина и ты, изо всех сил старались не дать мне этого заметить: виноват в этом, дескать, бедный Борис, обладающий даром безобразить и старить черты людей преклонного возраста [1]. Но, говоря откровенно, я ничему этому не верю.

В письме моем к Юстине ты прочтешь, что я считаю несколько моих писем пропавшими. Приходится, стало быть, сообщить тебе самое существенное из их содержания.



РЕВЕЛЬСКАЯ КРЕПОСТЬ
Здесь в 1831 г. содержался Кюхельбекер
Картина маслом неизвестного художника, 1800-е гг.
Исторический музей, Москва

1 — благодарность маменьке за шинель, которую она была так добра прислать мне, и Дмитрию за «Лалла-Рук» [2]; 2 — ответ Дмитрию и Николаю — кое-что об Экштейне [3], который, как кажется, любимый писатель этих господ, и о немецких и английских поэтах; 3 — затем письмо Борису и одно сестре Юстине; 4 — еще одно письмо Юстине, маменьке и тебе уже после нового года. — Итак, ты видишь, что небрежным я не был.

То, что ты пишешь о нашей бедной Эмилии [4], очень грустно. Она была так уверена, так крепко убеждена, что я еще буду иметь счастье с ней свидеться, — и вот мои лучшие надежды разбиты навсегда!

Кончаю, милый друг, ибо, захоти я высказать тебе все, что у меня на сердце, ты бы получила целый том вместо письма.

Несчетное число раз целую руки маменьки и обнимаю тебя от всего сердца. Шлю поклон Дмитрию и барышням.

Твой брат и друг Вильгельм

Год установлен на основании упоминания о полученном Кюхельбекером портрете матери. В неопубликованном письме к Нат. Г. Глинке от 3 февраля 1830 г. Кюхельбекер благодарит ее за обещанный ему портрет матери.

[1] Портрет матери, полученный Кюхельбекером, был, очевидно, работы его племянника, Б. Г. Глинки.

[2] Имеется в виду, вероятно, поэма Томаса Мура (1779—1852) «Lalla-Rookh».

[3] Фердинанд Экштейн (1790—1861) — французский публицист и критик, воинствующий католик. Полемические замечания Кюхельбекера по поводу статьи

Экштейна «О драме в Англии до Шекспира и о Шекспировой драме» — см. в его «Дневнике», стр. 181—182.

[4] Эмилия Федоровна Брейткопф (1790—1851) — близкая приятельница Кюхельбекера и его сестер. См. письмо Кюхельбекера к ней от 28 декабря 1843 г. (№ 42), а также письмо к Нат. Г. Глинке от 11 октября 1845 г. (№ 49).

5. Ю. К. ГЛИНКЕ И Ю. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

Перевод с французского.

<Динабург.> 16 марта <1831 г.>

Дорогие мои родные,

я получил ваши письма от 7 и 25 февраля, но без книг, о которых вы пишете в последнем. Вести, сообщаемые вами о генерале Глинке, очень печальны; надо, однако, благодарить бога, что рана его не опасна [1]<...>

Меня бесконечно тронуло, что мой дорогой Дельвиг вспомнил обо мне во время своей болезни. Да сохранит господь его бедную вдову и его сиротку! [2]

Вчера был день рождения нашего брата. Вы можете себе представить, что я много думал о нем. Скоро маменьке исполнится семьдесят четыре года [3]. Желаю ей лишь одного — свидеться со своим младшим сыном [4] или, по крайней мере, иметь возможность получать от него письма <...>

Возвращаясь к книгам, которых я не получил, прошу вас сообщить мне, почему так случилось. Эта посылка интересует меня не сама по себе, а как память о моем покойном друге [5] <...>

Ваш брат и друг Вильгельм

По поводу портрета маменьки! Ты ошибаешься, дорогая Юлия, полагая, что он мне удовольствия не доставил: напротив, он меня бесконечно тронул; то, что было горького в чувстве, с которым я глядел на эти дорогие черты, должно быть отнесено единственно к моей совести. Сознание всего горя, причиненного мною бедной моей матери, не может изгладиться, и не должно желать, чтобы оно могло изгладиться.

Датируется на основании сохранившихся на письме следов дезинфекции, применявшейся в почтовом ведомстве во время холерной эпидемии, и упоминания о возрасте матери Кюхельбекера.

[1] Владимир Андреевич Глинка (1790—1862) — брат Г. А. Глинки, мужа Юстины Карловны Кюхельбекер. В молодости член Союза Благоденствия, В. А. Глинка сделал успешную военно-административную карьеру. В 1831 г., во время польской кампании, он был уже в чине генерал-майора и занимал должность начальника штаба артиллерии действующей армии; 13 февраля 1831 г. он был ранен в сражении под Гроховым. Впоследствии В. А. Глинка состоял главным начальником горных заводов на Урале. Он оказывал Кюхельбекеру существенную поддержку: в годы крепостного заключения снабжал его книгами (см. «Дневник Кюхельбекера», стр. 29), позже—в годы ссылки — прислал ему денег на постройку дома. Кюхельбекер назвал В. А. Глинку своим «лучшим, испытанным в счастье и несчастье другом» («Русский архив», 1872, № 5, стб. 1008), из чего следует, что они были дружески связаны еще в годы молодости.

[2] А. А. Дельвиг умер 14 января 1831 г.

[3] Мать Кюхельбекера, Юстина Яковлевна, родилась 20 марта 1757 г.

[4] М. К. Кюхельбекером.

[5] Речь идет, несомненно, о Дельвиге и его альманахах.

6. Ю. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

Перевод с французского.

<Ревель.> 10 июня <1831 г.>

Моя милая, добрая Юлия,

на этот раз адресую тебе свои письма. Как и под новый год, пишу вам всем троим и сожалею только, что не могу к моим трем письмам добавить четвертое к Михаилу. До сих пор я не получил ответа на свое пер-

вое письмо и больше не решаюсь рисковать писать ему, прежде чем дождусь ответа [1]. Мысли мои, тем не менее, сегодня утром были с ним: я беседовал с ним душа в душу. Чувства безропотности и терпения, которые я нашел в его письмах, и слова утешения, с которыми он в них подчас ко мне обращается [2], навеяли мне стихи, которые вы ниже прочтете. Я знаю, что он не большой любитель стихов, и я также отдал бы охотно все стихи в мире, чтобы иметь возможность обратиться к нему с простым письмом в прозе; но так как это невозможно, я переписываю их здесь и воображаю себе вместе с тем, что в день моего рождения я написал всем, кто мне дорог — маменьке, сестрам и моему доброму Михаилу [3] ⟨...⟩

Что слышно о Натали и Эмилии? [4] Думаю, что они уже приехали на воды. Скажи мне чистосердечно, добрая Юлия, приятно ли тебе, что я посылаю тебе лоскутья своих стихов? Я очень бы хотел без этого обойтись, но о чем в конце концов стану я с тобой говорить, если я лишу себя права беседовать с тобою обо всем, что мне сколько-нибудь приятно? Прости меня, поэтому, друг мой, если я буду иногда корчить Триссотена или Вадиуса [5]. Довольно простительно стать метроманом, если одна только эта мания нам не запрещена. Обнимаю тебя, дорогая сестрица, и остаюсь твой друг и брат

Вильгельм

Датируется по сопоставлению с другими письмами: «Как и под новый год, пишу вам всем троим и сожалею только, что не могу к моим трем письмам добавить четвертое к Михаилу...» Ср. в опущенном нами письме к матери от 10 июня 1834 г.: «В прошлом году и в 1832 я писал 10 июня Вам, обеим сестрицам и брату...» (перевод с немецкого. — ГИМ, ф. № 282, ед. хр. 283, л. 12), — следовательно, данное письмо было написано до 1832 г. 10 июня — день рождения Кюхельбекера.

[1] Право переписываться с братом Кюхельбекер получил в конце 1831 г.

[2] Имеются в виду письма М. К. Кюхельбекера к его родным (Глинкам), которые потом сообщались в копиях В. К. Кюхельбекеру (см. «Дневник Кюхельбекера», стр. 29). В неопубликованной записи в дневнике от 11 апреля 1832 г. Кюхельбекер отметил, что перечитывает «копии с братниных ⟨писем⟩ к матушке и сестрам и с писем княгини Трубецкой о нем и — одно его руки ко мне» (ГИМ, ф. № 74279, А 1 1/24, А 753).

[3] Далее вписано стихотворение «Брату» («Повсюду вижу бога моего!..»), датированное 1831 г. (см. Кюхельбекер, т. I, стр. 122—123).

[4] Сестры Брейткопф, близкие приятельницы Кюхельбекеров и Глинок. Об Эмилии Федоровне см. прим. 4 к письму № 4. Сестра ее Наталья Федоровна (ум. в 1838 г.) была замужем за Дириным; ее пасынок С. Н. Дирин служил одним из посредников в переписке между Кюхельбекером и Пушкиным (через Глинок). — В опущенном нами письме к сестре Юлии Карловне от 21 августа 1831 г. Кюхельбекер писал: «Ты сообщила мне очень грустные новости о здоровье Натали и Эмилии: со времени твоих последних писем я часто о них думаю. Стану ли я желать им долгой жизни? Право, не знаю. Единственное, в чем я внутренне убежден, что это существа, слишком совершенные для нашей земли. Без сомнения, надо было бы, чтобы личности, подобные им, пребывали здесь, чтобы служить образцом нашему брату. Но счастливыми они никогда не будут среди стольких несовершенств и пороков» (перевод с французского. — ГИМ, ф. № 282, ед. хр. 283, л. 65). В 1833 г. Кюхельбекер, получив письмо от Э. Ф. Брейткопф, писал матери: «Я считаю Эмилию и Натали такими же сестрами, как Юстину и Юлию» (Кюхельбекер, т. I, стр. L). В дальнейших письмах Э. Ф. и Н. Ф. Брейткопф упоминаются неоднократно.

[5] Триссотен (Tris-sot-in — «трижды дурак») и Вадиус — персонажи комедии Мольера «Ученые женщины», в лице которых осмеяны поэтическая бездарность и псевдоученое невежество. Имена Триссотена и Вадиуса стали нарицательными, в частности — в русской сатирической литературе XVIII — начала XIX в.

7. Ю. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

Перевод с французского.

⟨Ревель.⟩ 10 августа ⟨1831 г.⟩

Моя добрая Юлия,

наконец-то, получил я твои письма до 2-го июня. Все они проделали живописное и сентиментальное путешествие в Двинск, но в конце концов

добрались до меня. То, что ты мне пишешь о своих ученицах [1], меня очень заинтересовало; обнимаю тебя за твое желание обучить их родному языку. Ты глубоко права, что стыдно княжнам Долгоруким не говорить на своем языке! Ты пишешь, что заставляешь их читать стихи; это непременно должно делаться вслух. Но мне хочется спросить — какие стихи? Для молодых особ, так мало знакомых с языком, наши старики: Ломоносов, Державин, даже Озеров и Дмитриев — будут слишком трудны и мало занимательны; остается, стало быть, только Жуковский и немногое (по другой причине) из Батюшкова, Пушкина, Баратынского, Дельвига и наших поэтов из альманахов. Однако не забудь Крылова и несколько сцен, — ты их выберешь лучше меня, — из «Горя от ума» [2].

Будь твои ученицы моложе, например, от шести до восьми лет, я бы доставил себе удовольствие послать тебе программу занятий, которая была бы, может быть, несколько оригинальна, но которую, надеюсь, ты бы одобрила. С маленькими детьми я начал бы, прежде даже, чем учить их читать, с географии, которую называют математической, и которую я бы назвал астрономической. Эта наука словно создана для того, чтобы заинтересовать и привязать юные и нежные умы. Вместе с тем она показывает им вселенную во всей ее необъятности и ничтожество нашего шарика грязи ⟨...⟩

После этих предварительных занятий, я начал бы с того, чтобы заставить их выучить наизусть то, что есть истинно прекрасного и великого на их родном языке; они, быть может, не поняли бы этого до конца, но понимание пришло бы потом. Богатства языка и образы, по крайней мере, с самого начала запечатлелись бы в их памяти. Чтение бы последовало за всем этим лишь по их собственной просьбе, с тем, чтобы не стать для них бременем, а как нечто любопытное, как ключ, который открыл бы им до конца храм наук. Что скажешь ты, дорогая моя, о таком начале?

Твое дружеское предложение посылать мне иногда книги очень меня тронуло и я принимаю его без ложной деликатности с величайшей признательностью. Попрошу тебя, в частности, время от времени присылать мне новинки нашей литературы, что будет наиболее замечательного. Не надо Булгарина, но если Пушкин выпустит что-либо новое, это будет мне истинным наслаждением.

Обнимаю тебя.

Твой брат и друг Вильгельм

Датируется по содержанию: 15 апреля 1831 г. Кюхельбекер был вывезен из Динабурга (Двинска) в Ревель, где пробыл до 7 октября 1831 г.

[1] Ю. К. Кюхельбекер была воспитательницей дочерей кн. В. С. Долгоруковой (1793—1833).

[2] Отношение Кюхельбекера к Крылову отчетливо характеризуется записью его в дневнике (1845 г.): «Сегодня ночью я видел во сне Крылова и Пушкина. Крылову я говорил, что он первый поэт России ⟨...⟩. Грибоедова, самого Пушкина, себя я называл учениками Крылова ⟨...⟩ Теперь не во сне скажу, что мы, т. е. Грибоедов и я, и даже Пушкин, точно обязаны *своим слогом* Крылову, но слог только форма, роды же, в которых мы писали, все же гораздо выше басни, а это не безделица» («Дневник Кюхельбекера», стр. 303—304).

8. НАТ. Г. ГЛИНКЕ

⟨Свеаборг. Конец июля — начало августа 1832 г.⟩

Милый друг Наташенька.

Матушка твоя сообщила мне самые утешительные известия о твоем здоровье: пишу к тебе, чтоб уверить тебя, сколь живое принимаю участие в этой радостной вести. Горько мне было думать, что в твоих летах и с таким любезным нравом ты здоровия слабого и расстроенного.

Слава богу, мои опасения оказались напрасными: прошлогодичные твои болезни были временными. Не сомневаюсь, что ваше пребывание

в Павловском много содействует к укреплению твоего, столь драгоценного всем нам здоровия и что ты возвратишься в Петербург со всею своею закупскою [1] свежестью и крепостью.

Жалею очень, милый друг, что перед днем твоего рождения я опять мучился своим несносным сплином и потому не мог тебя поздравить так, как бы мне того хотелось. Надеюсь, что ты мне это простишь и не гневаешься на меня. Постараюсь оплошность свою исправить при другом случае.

Я теперь прилежно читаю поэмы Вальтера Скотта, которые мне прислала ваша тетушка, и часто жалею, что не могу с вами разделить удовольствие, какое они мне доставляют. Скотт, без сомнения, один из величайших поэтов нашего времени: полагаю даже, что мало найдется и у Байрона и Гёте, что бы могло сравниться с четвертою песнею его «Рокеби». Особенно прелестны его вступления — первые строфы, с которых начинается каждая песнь.

Тебе, может быть, известно, какой я не охотник переводить: но некоторые стансы «Lay of the last Minstrel» * и «Rokeby» — сильно искушают меня перевесть их. В обеих поэмах, точно как и в романах его, рассказ — почти постороннее дело, а главное — описания и поэзия элегическая. Должно же быть, что дарование поэта велико, очень велико, когда меня, решительного противника этих двух родов, он совершенно очаровал [2]. Но должно вместе признаться, что описания Скотта совершенно не то, что встречаешь обыкновенно, встречаешь у Делиля [3] и его последователей; а элегическая часть оживлена такими новыми чувствами, такими истинными и глубокими мыслями, такими открытиями в области сердца человеческого, что едва ли не составляет совершенно особенного рода.

Я к тебе, любезная Наташенька, писал 17 июля, в то же время, когда писал к твоей маменьке. Не знаю, получила ли ты мое письмо? Пока погода хороша, не прошу ответа: мне бы совестно было отрывать тебя от прогулок и пользования хорошим временем и здоровым воздухом. Но в дождливый денек, когда тебе нечего будет делать, вспомни, прошу тебя, старика дядю и обрадуй меня строчкою: я что-то давно не получал от тебя писем, а они мне очень, очень дороги.

Прошу тебя, любезная Наташа, кланяться от меня обеим твоим тетушкам [4], Ульяне Гавриловне [5] (s'il faut absolument qu'elle se nomme Ульяна) ** и Марии Семеновне [6]; также дядюшке Владимиру Андреевичу [7].

Целую твои ручки и оканчиваю письмо, потому что мне должно еще отвечать на письма сестриц твоих, Сашеньки и Тиненьки.

Твой друг В. Кюхельбекер

Датируется на основании сопоставления отзывов Кюхельбекера о поэмах Вальтер Скотта с записями в его дневнике (см. ниже).

[1] Закуп — поместье Ю. К. Глинки в Духовщинском уезде Смоленской губ. Кюхельбекер последний раз гостил в Закупе в январе—марте 1825 г. О попытке Кюхельбекера после декабрьского восстания скрыться в Закупе — см. ниже сообщение Г. М. Дейча (стр. 541—546).

[2] В июле 1832 г. Кюхельбекер читал названные им поэмы Вальтер Скотта и следующим образом изложил в дневнике свои впечатления: «Не читал я, а, скорее сказать, лакомился стихотворениями Скотта; пробежал только начало первой его поэмы — „The Lay of the last Minstrel", каждый стих — капля нектара для человека, который так давно не читал ничего нового, хорошего» (запись от 21 июля); «Кончил „Рокеби". Читаю жизнь Вальтера Скотта и отчет о его произведениях; тут, между прочим, сказано, что публика приняла „Рокеби" довольно холодно: c'est l'histoire d'Athalie ***; я предпочитаю эту поэму его первой, хотя и очень понимаю, каким образом „The Lay

* «Песнь последнего менестреля» (англ.).

** если так необходимо, чтобы она звалась Ульяна (франц.).

*** Это история Аталии (франц.).— Кюхельбекер имеет в виду неуспех трагедии Расина «Аталия».

of the last Minstrel" мог возбудить столь общий восторг» (запись от 30 июля). В неопубликованной части дневника под 3 августа 1832 г. записано: «Из всех творений Вальтера Скотта, мне известных, не знаю ничего превосходнее чудесной четвертой песни его „Rokeby": тут столько красот, что сердце тает и голова кружится ⟨...⟩ Если бы Скотт знал, как я его люблю, как ему удивляюсь, какое счастье он доставляет поэту же (да! поэту же, ибо то, что я чувствовал, читая эту дивную четвертую песнь, может чувствовать только поэт), какое счастье доставил он узнику, разделенному с ним морями,— я уверен, что это было бы ему приятно» (ИРЛИ. Р. I, оп. 12, № 336).

[3] Жак Делиль (1738—1813) — французский поэт-классик, автор знаменитой в свое время описательной поэмы «Сады». Кюхельбекер относился к Делилю осудительно, отмечая многословие и водянистость его описаний природы (см., например, статью Кюхельбекера «Разговор с Ф. В. Булгариным» в «Мнемозине», ч. IV, 1825).

[4] Имеются в виду тетки Н. Г. Глинки со стороны отца. Всех их было четверо: Екатерина Андреевна, Надежда Андреевна, Софья Андреевна и Анна Андреевна.

[5] Знакомая Глинок (фамилия ее не установлена); Кюхельбекер в письмах к племянницам именовал ее Юлией Гавриловной (см. «Декабристы и их время», 1951, стр. 33).

[6] Лицо неустановленное.

[7] В. А. Глинка (см. о нем прим. 1 к письму № 5).

9. Ю. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

⟨Свеаборг.⟩ 14 ноября 1832 г.

Пишу, мой милый друг, тебе сегодня по-русски, раз — потому, что хочу писать о многом и много, а на французском мне трудно разговориться; во-вторых, потому, что даже боюсь на последнем языке иногда сказать вовсе не то, что сказать бы желал.

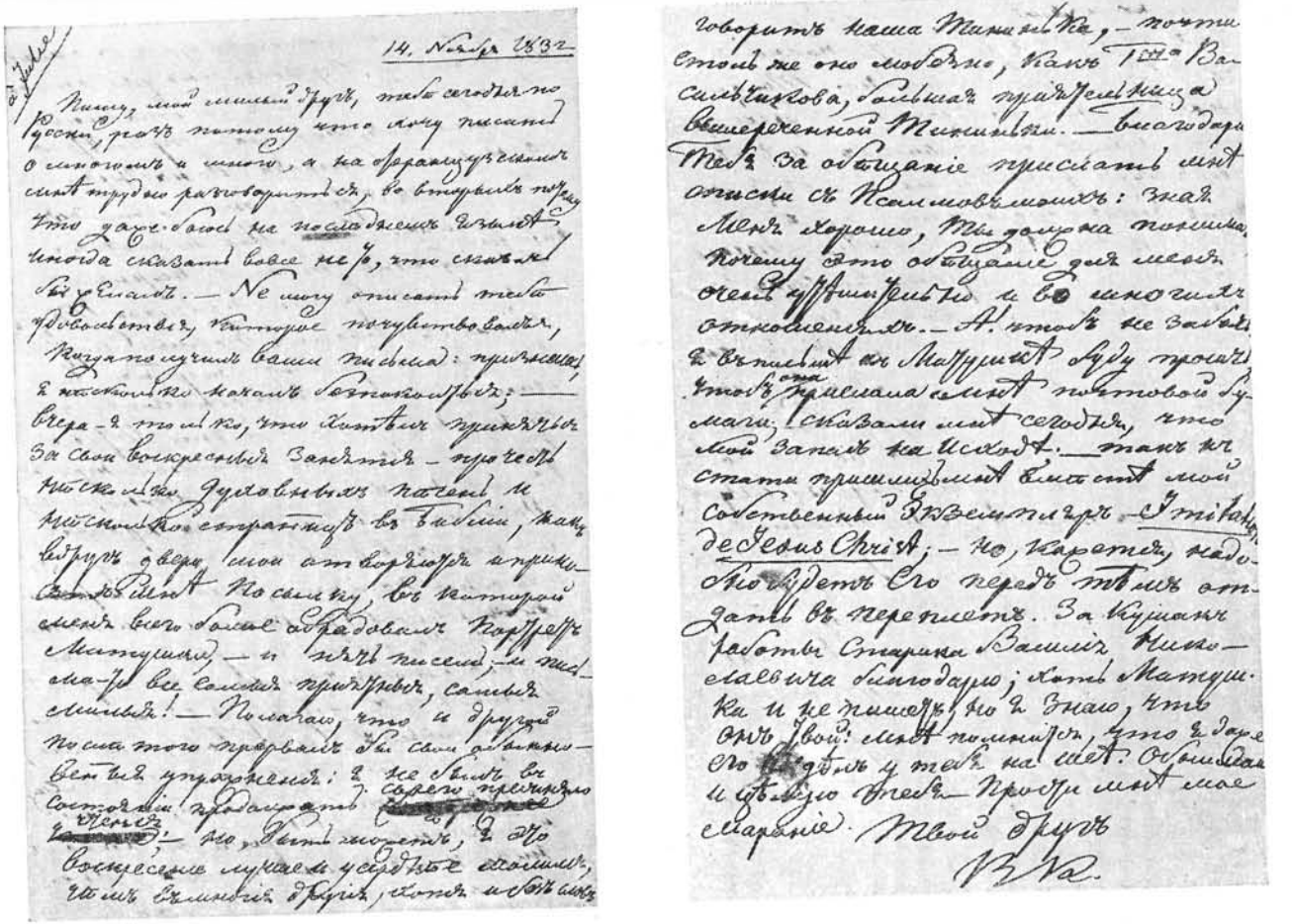
Не могу описать тебе удовольствия, которое почувствовал я, когда получил ваши письма: признаюсь, я несколько начал беспокоиться; вчера — я только что хотел приняться за свои воскресные занятия — прочесть несколько духовных песень и несколько страниц в Библии, как вдруг двери мои отворяются и приносят мне посылку, в которой меня всего более обрадовал портрет матушки, и пять писем: — и письма-то все самые приятные, самые милые! Полагаю, что и другой после того прервал бы свои обыкновенные упражнения: я не был в состоянии продолжать своего прежнего чтения; — но, быть может, я это воскресение лучше и усерднее молился, чем в многие другие, хотя и без слов.

Поздравь меня, любезный друг, с окончанием моего перевода: он уже отдан [1]. Теперь занимаюсь я собственным сочинением, которого предметом — основание Отроча монастыря [2]. Дело идет хорошо: ты счастливая пророчица. Моя поэмочка, конечно, не будет таким верным зеркалом времени Ярослава Тверского [3], каким бывают поэмы Скотта различных времен старинной Шотландии; надеюсь однако же, что в ней найдется кое-что истинно русское. В моем положении трудно, чтоб не сказать невозможно, быть живописцем минувших нравов и обычаев: все я должен почерпать из одной памяти; у меня ровно нет никаких источников.

Но, милая сестра, ни слова сегодня о том, чего нельзя переменить: я себя чувствую очень и очень счастливым. Слава богу, мое воображение еще не совсем иссякло, еще я поэт: это, друг мой, такое наслаждение, которого не отдам ни за какие земные блага. В доказательство, что живо чувствую такое благодеяние божие, вот тебе несколько слов из моего дневника:

«*11 ноября*. Я бы желал на коленях и со слезами благодарить моего милосердного отца небесного! Нет, то, чего я так боялся, еще не постигло меня: утешительный огонь поэзии еще не угас в моей груди! Благодарю, мой господи, мой боже! Не молю тебя, да не потухнет он никогда; но если ему уж потухнуть, даруй мне другую утешительницу, лучшую, надежнейшую, нежели поэзия! Ты эту утешительницу знаешь: говорю о вере, ибо чувствую, сколь она еще во мне немощна и холодна».

Вчера я эти же чувства выразил несколько пространнее в стихах, которые здесь следуют [4] ⟨...⟩



14. Ноября 1832

Пишу, мой милый друг, тебе сегодня по русски, разъ потому что хочу писать о многомъ и много, а на образованномъ моемъ трудно разговориться, во вторыхъ потому что даже бледно не изобразитъ, иногда сказать вамъ не то, что сказать бы я желалъ. — Не могу описать тебе радость, которую получилъ я, когда получилъ ваши письма: привезенныя и наконецъ-то какимъ благополучіемъ; — вчера — я только что Литвинъ пришелъ отъ За своихъ воскресныхъ Занятій — перечелъ письма ихъ Духовныхъ писемъ и русскихъ сохраняю въ Библіи, какъ вдругъ двери моей отворяются и приходитъ Матушка. По самому, въ которой минутѣ всѣ были обрадованы Матушкой, — и письма, и письма-то все самыя пріятныя, самыя милыя! — Полагаю, что и другія по сихъ поръ прервать Вы сами должны — всѣ ваши упражненія; я же теперь пріятно состояніи предаюсь [redacted] — но, быть можетъ, я это воскресенье мучаюсь и сердиться стану, что мой Единый другъ, хотя и [illegible]

говоритъ наша Матушка, — почти столь же она любитъ, какъ Т[illegible] Васильчикова, самая пріятельница и вчерашней Тетушки. — Благодарю Тебя за обѣщаніе присылать мнѣ описи съ Псаломщикомъ: знаю, мой хорошо, Ты должна понимать, почему это обѣщаніе для меня очень существенно и во многомъ отношеніи. — А. тотъ не забудь и Вятскимъ къ Матушкѣ будь прочитать, что она прислала самыя почтовой бумаги. Сказали мнѣ сегодня, что мой Запасъ на Исходѣ. — такъ какъ стать пришлешь Вятскій мой собственный Экземпляръ — Imitation de Jesus Christ — но, кажется, надо будетъ Его передѣ тѣмъ отдать въ переплетъ. За Купцами работы Старика Вашего Николаевича благодарю; хотя Матушка и не пишетъ, но я знаю, что онъ Твой: мнѣ помнится, что я дарю Его [illegible] у тебя на шкафу. Обнимаю и цѣлую тебя — Прости мнѣ мое старѣніе. Твой другъ

В. К.

АВТОГРАФ ПИСЬМА КЮХЕЛЬБЕКЕРА К СЕСТРЕ Ю. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР ОТ 14 НОЯБРЯ 1832 г. ИЗ СВЕАБОРГСКОЙ КРЕПОСТИ

Листы первый и последний

Исторический музей, Москва

Вот тебе, друг мой милый, после большого промежутка опять стихи. Желаю, чтоб они заставили вас забыть пьесу, которую в июле месяце прислал я Наташе [5].

Твое истинно сестринское предложение насчет пособий в моем содержании принимаю с благодарностию и без отговорок, но только с тем условием, чтоб они никогда не превышали того, что нужно будет на дополнение 400 рублей в год, которые мне очень для моего продовольствия достаточны, но которых мне, быть может, матушка не в силах присылать.

Ты знаешь, милая сестра, что я горд и не полагаю, чтоб гордость в несчастии была пороком самым предосудительным. Но иное дело принимать оскорбительные благодеяния от кого-нибудь, кто бы ко мне не имел ни уважения, ни доверенности, ни даже, быть может, истинного сострадания, а благотворил бы мне так — по капризу или даже чтоб унизить меня — и иное дело принимать благодеяния от тебя, в любви и — смею сказать — в уважении коей я уверен. Но, мой друг, вспомни две дюжины бордо Жан-Жака: вот тебе этот анекдот: он был знаком с графом Жанлисом (мужем писательницы), раз обедал у него и похвалил бордо, которое пили за столом. Граф вызвался прислать ему этого вина; Руссо согласился принять две бутылки, — а граф на другой день прислал ему две дюжины бутылок — и Руссо взбесился! — Взбеситься, рассердиться на тебя мне невозможно, но я заклинаю тебя твоею ко мне дружбою и моею доверенностию к тебе, чтоб ты только дополняла то, что матушке, быть может, не достанет, дабы мне в год прислать полных 400 рублей,— и только. Ты должна, непременно должна сберечь что-нибудь из доходов своих — и я бы был хуже разбойника, если бы я лишал тебя того, что тебе не в пример нужнее, чем мне. — Прекрасная пословица: *русский человек задним умом крепок*; она как будто нарочно для меня выдумана. Поздно я хватился: мне должно было тихомолком сделать все те распоряжения в своем хозяйстве, о которых я упомянул [в своем письме], а не писать о том. Так бы и поступил брат Михайло; но я, как будто нарочно для того вас об этом известил, чтоб вы меня отговаривали. Но оставим это.

Обрадовало меня очень известие о хорошем здоровье Эмилии Федоровны; жаль, что сестрица Юстина Карловна о Наталье Федоровне не то же пишет. Я обеим им целую ручки. Вообще твое письмо прелюбезное, как говорит наша Тиненька, — почти столь же оно любезно, как г-жа Васильчикова [6], большая приятельница вышереченной Тиненьки.

Благодарю тебя за обещание прислать мне списки с псалмов моих: зная меня хорошо, ты должна понимать, почему это обещание для меня очень утешительно и во многих отношениях.— А! чтоб не забыть: я в письме к матушке буду просить, чтоб она прислала мне почтовой бумаги; сказали мне сегодня, что мой запас на исходе; так, кстати, пришли ж мне вместе мой собственный экземпляр *Imitation de Jésus Christ* [7]: но, кажется, надобно будет его перед тем отдать в переплет. За кушак работы старика Василия Николаевича [8] благодарю; хоть матушка и не пишет, но я знаю, что он твой. Мне помнится, что я даже его видел у тебя на шее. Обнимаю и целую тебя.— Прости мне мое марание.

Твой друг В. К.

[1] Имеется в виду перевод «Трагедии о короле Ричарде III» Шекспира, которым Кюхельбекер занимался с июня 1832 г.

[2] Речь идет о большой поэме «Юрий и Ксения» (в шести песнях, с посвящением и эпилогом), которую Кюхельбекер начал 5 ноября 1832 г., а закончил 4 мая 1833 г.

[3] Ярослав Тверской, князь (1230—1272) — брат Александра Невского, с которым он враждовал. Кюхельбекеру должна была быть известна драматическая «русская быль» А. А. Шаховского «Сокол князя Ярослава Тверского, или Суженый на белом коне» (1823).

[4] Далее вписано стихотворение «Благий! не до конца меня оставил ты...», известное под заглавием: «Возврат вдохновения» (см. Кюхельбекер, т. I, стр. 130—131 — с некоторыми, незначительными отличиями от текста, сообщенного в письме).

[5] Очевидно, имеется в виду стихотворение «Измена вдохновения» (см. Полн. собр. стих. В. Кюхельбекера. М., 1908, стр. 149). Письмо Кюхельбекера к Н. Г. Глинке от июля 1832 г. до нас не дошло.

[6] Лицо неустановленное.

[7] «Imitation de Jésus Christ» — французский перевод анонимной богословской книги «О подражании Иисусу Христу», написанной по-латыни в средние века. Книга приписывалась разным авторам между прочим — Фоме Кемпийскому. По-французски издавалась неоднократно; русские издания — 1780, 1784, 1799, 1816, 1818, 1819 и 1821 гг.

[8] Василий Николаевич — может быть, Зиновьев, президент Медицинской коллегии, дружески связанный с семьями Глинок и Кюхельбекеров (был женат на Юстине Федоровне Брейткопф, старшей сестре Эмилии и Наталии).

10. Ю. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

Перевод с французского.

<Свеаборг.> 21 марта 1833 г.

Я очень благодарен тебе, милая Юлия, за твое письмо от 6 числа и за приложенные к нему копии. Но мне, право, совестно, что ты сняла их для меня собственноручно; я знаю, что у тебя не много свободного времени. Разве нельзя было бы поручать кому-нибудь такие списки [1]. Не менее обязан я тебе и за хлопоты о моих затерявшихся детях [2]. Признаюсь, что бесплодность поисков меня отнюдь не радует. Впрочем, что поделаешь? Приходится как-нибудь утешаться. У меня остается еще надежда, что, быть может, тебе больше посчастливится, если ты поручишь справиться в собственной его величества канцелярии. Хотя мне достоверно ничего и не известно, но я полагаю, что, по крайней мере, отсюда мои рукописи были отосланы в канцелярию, так как мои письма всегда туда направляются. Ты спрашиваешь, когда рукописи были отосланы. И на этот вопрос не могу точно ответить; думаю, однако, что это было сделано тотчас же после того, как я их закончил и они были получены от меня. Предположение, что они затерялись в пути, мало вероятно, чтобы не сказать невозможно. Моя комедия, озаглавленная «Нашла коса на камень» и составляющая вторую главу моего «Декамерона», была закончена 25 сентября 1831 г., еще в той крепости, где я находился как в пересыльном пункте, когда менялось место моего жительства [3]. Моя маленькая поэма «Семь спящих отроков» составляет третью главу «Декамерона» и была начата и закончена уже здесь: ее взяли у меня 18 декабря 1831 г.[4] Мой перевод «Ричарда III» завершен 3 ноября 1832 г., но оставался у меня еще несколько дней, однако менее недели. Что касается «Ивана купецкого сына», не трудись искать его, он далее моего чемодана * никуда не уходил; это не более как отрывок [5].

Не забудь, дорогая сестра, хорошенько поблагодарить за меня племянников за все их хлопоты; пусть хлопоты эти и оказались напрасными, я, тем не менее, навсегда сохраню за них признательность. К счастью, черновики этих трех сочинений в моем чемодане **. Потеря сама по себе не велика, тем более, что и комедия и маленькая поэма требуют полной переработки, но мне было приятно думать, что вы читаете то, что было написано лишь для вас, дорогие друзья. Теперь я повременю с посылкой длинных сочинений до тех пор, пока вы не выразите желания иметь их; это послужит мне доказательством, что вы надеетесь получить их. Но довольно, поговорим о другом.

Я бесконечно признателен тебе за то, что ты сообщаешь мне о своей покойной подруге [6]. То, что ты пишешь о ее смерти, создает высокое представление об этой женщине. Прошу тебя почаще рассказывать мне о ней; я уверен, что жизнь особы, так свято умершей, оставила много прекрасных воспоминаний в памяти и сердце тех, кто имел счастье близко знать ее.

* *Слово* «чемодана» — *по-русски.*

** *Слово* «чемодане» — *по-русски.*

Вчера, милая Юлия, был день рождения нашей матушки. Я не пишу ей сегодня, ибо должен был бы слишком многое сказать ей; бывают минуты, когда молчишь не из-за недостатка мыслей, а вследствие их избытка. А потом словами, фразами никогда не передать того, что я чувствую при мысли о моей бедной, доброй и дорогой матушке. Я постарался выделить этот день среди других даже в своем дневнике, и для этого предназначил его для завершения тех моих работ, которые должны были быть окончены до пасхи: это 5 песнь «Отроча монастыря»[7] и чтение 9 книги «Илиады». Все это я вчера и закончил.

Попроси Бориса прислать мне свой перевод[8]. Я жду его с нетерпением. Вчера я думал и о Борисе: портрет матушки живо воскресил его не в памяти моей, а в сердце; прекрасный юноша; да пошлет ему господь все возможное на земле счастье и да сохранит он ему и то душевное счастье, которого земля дать не может. Не проходит дня, чтобы я не желал этого горячо и ему и остальным детям сестры. Прошу тебя передать им мой искренний привет.

Целую ручки матушки, а тебя с Юстиной обнимаю.

Твой брат и друг Вильгельм

P. S. Если ты найдешь у себя или у Александра Сергеевича[9] еще и другие мои сочинения, за исключением псалмов и нескольких посланных вам в 1831 и 1832 гг. сочинений, относящихся к духовной поэзии, пересылай их мне от времени до времени.

Письмо это было задержано в III Отделении.

[1] Речь идет, вероятно, о копировании стихотворений Кюхельбекера, напечатанных в старых журналах (в 1815—1825 гг.).

[2] Как выясняется из дальнейшего, речь идет о застрявших в недрах III Отделения рукописях Кюхельбекера, которые он пересылал на имя родных.

[3] На основании публикуемого письма устанавливается дата написания комедии Кюхельбекера «Нашла коса на камень» (подражание комедии Шекспира «Укрощение строптивой»): она была написана в Ревельской крепости, где Кюхельбекер содержался с 20 апреля по 7 октября 1831 г. В июле 1833 г. Кюхельбекер перечитывал свою комедию и остался ею недоволен (см. «Дневник», стр. 118—119). Значительно позже, в 1839 г., комедия была анонимно издана отдельной книжкой в Москве (см. «Дневник», стр. 248).

[4] «Семь спящих отроков» — поэма Кюхельбекера, написанная в октябре — ноябре 1831 г.; впоследствии, в июне — июле 1833 г., Кюхельбекер исправлял эту поэму. Из настоящего письма впервые выясняется обширный литературно-издательский замысел Кюхельбекера: под общим заглавием «Русский Декамерон» он предполагал объединить и издать ряд своих эпических и драматических произведений. Замысел этот был осуществлен лишь частично: в 1836 г. в Петербурге вышла в свет анонимная книга «Русский Декамерон 1831 года, изданный И. Ивановым»; здесь была напечатана поэма Кюхельбекера «Зоровавель» с принадлежащим его же перу прозаическим обрамлением, в значительной части посвященным общим вопросам искусства и литературы.

[5] Драматическая сказка «Иван, купецкий сын», начатая 22 января 1832 г., была закончена лишь в 1842 г.

[6] Имеется в виду кн. В. С. Долгорукова (см. о ней на стр. 410 настоящего тома).

[7] «Основание Отроча монастыря» — первоначальное заглавие поэмы «Юрий и Ксения», законченной в мае 1833 г.

[8] О каком переводе, выполненном Б. Г. Глинкой, идет речь, неизвестно.

[9] Пушкина.

11. НАТ. Г. ГЛИНКЕ

<Свеаборг.> 18 июля 1833 г.

Милый друг Наташа.

Благодарю тебя сердечно за любезное твое письмецо от 20 июня и за подробности о закупских жителях, которыми ты со мною поделилась. Этот месяц в нашем семействе ознаменован двумя домашними праздниками — днем рождения твоей матушки 19-ого и днем твоего рождения

24-ого числа. И с тем и с другим от всей души тебя и милых сестриц твоих поздравляю. Прошлого году я остался у вас в долгу: ни к 19, ни к 24-ому я ничего не написал. Желаю, чтобы следующие строки дошли до тебя; — стихи, в которых все довольно обыкновенно, но которые по крайней мере покажут тебе, что я *хотел* хоть чем-нибудь доказать вам, как помню и люблю воспоминать и наши семейственные праздники и то время, когда я участвовал в такие дни в ваших радостях, в непышных, но трогательных изъявлениях любви вашей к доброй, почтенной вашей матери [1] <...>

Куплеты мои, даже в случае, если их получишь, будут несколько похожи на то, что называют горчицею после ужина. Но я не был в состоянии составить их прежде. Летом редко бываю в расположении духа, в котором мог бы сочинять. Впрочем, сегодня я своим стихам очень благодарен: они высказали почти все то, что собирался я сказать прозою. Дело-то только в том, получишь ли их?

Любезным твоим сестрицам, равно как и тебе самой, целую ручки. Прошу кланяться от меня вашей тетушке Катерине Андреевне [2], также Веселовским [3]. Не забывай меня, милый друг! Письма твои истинная отрада сердцу моему.

Твой друг В. Кюхельбекер

[1] Далее следует стихотворение «Вы в Закупе, вы радостные гости», впервые напечатанное в Полном собрании стихотворений В. Кюхельбекера (М., 1908, стр. 160), под заглавием: «Племянницам в день рождения их матери» и с незначительными отличиями.

[2] Екатерина Андреевна Глинка (род. в 1777 г.) — золовка Ю. К. Глинки.

[3] Знакомые Кюхельбекера из Гжатска.

12. Б. Г. ГЛИНКЕ

<Свеаборг. 21 декабря 1833 г.>

Итак, любезный мой Борис Григорьевич, вот тебе и обещанная первая глава моего «Сироты»! [1] — Как скоро меня известишь, что ты ее получил, примусь переписывать вторую: она у меня совсем готова — также и часть третьей. Прошу тебя *откровенно* сказать мне, как тебе этот отрывок покажется? Больше всего опасаюсь в этом роде — болтовни. Я нарочно пронумеровал стихи, чтоб легче можно было в следующих письмах означать перемены, а без них, верно, не обойдется. — За помарки не извиняюсь. По тысяче и одной причине мне не возможно пересылать к тебе образцов чистописания. To explane these causes were too tedious*.

Между прочим, матушка мне пишет, что ты нездоров. Надеюсь, однако же, что не очень, потому что иначе об этом было бы сказано подробнее. Смущает меня только словцо: wieder **. Итак ты уже был болен? Берегись, мой друг, особенно если у тебя в самом деле лихорадка: это такая болезнь, которая при малейшей неосторожности возвращается. — Не знаю, одобрит ли твой врач следующего средства, но действительность его испытал я на самом деле. С вечера не ужинай, а поутру вели себе сварить кофе à la turque ***, т. е. как можно крепче, и, смешав гущу и жидкость, к этому прилить лимонного соку — и выпить без сахару лежа в постели, когда еще гуща не сядет; сверх того напиток должен быть до возможности горяч. В постели же лежать тебе не шевелясь, накрывшись всеми одеялами, халатами, шинелями, какие только случатся под рукой — по кр<айней> мере часа три; в половине третьего *мало-помалу* снимать одеяла,

* Объяснять это было бы слишком скучно (англ.).

** снова (нем.).

*** по-турецки (франц.).

халаты и проч.; наконец, переменить рубашку, однако же так, чтобы чистая была гретая. Потом сутки поститься, т. е. за обедом выпить только стакан бульону и съесть маленький кусок белого хлеба, и вовсе не ужинать; наконец, два, много три дня беречься и не выезжать. Смейся над новым Санградо! [2] Но уверяю тебя, что это средство точно помогает. Впрочем, разумеется, что ты должен посоветоваться с врачом, потому что лихорадки бывают различные: что в иной хорошо, в другой не только никуда не годится, но даже может быть крайне вредным. В последнем письме своем к Николаю [3] извещаю тебя, что я начал третью часть Мистерии [4]. Первое явление готово, бьюсь только над романсом вроде тех, какие находятся в начале шиллерова Вильгельма Телля; этот романс — песня рыбаков,— вот тебе образчик:

Смолкли бури,
Грома нет;
Свод лазури
В свет одет;
Без завесы
Солнца щит,
Луч утесы
Золотит;
Искры блещут,
Струйки плещут,
Глубь шумит;
Весла машут,
Бьют и пашут
Нивы волн.
Хлябь белеет:
Тенью реет
Легкий челн [5].

Поверишь ли, что этот вздор чрезвычайно труден, а именно потому, что тут нет и не может быть вдохновения. Сверх того, опасность впасть в тон плоский, ребяческий! Когда-нибудь сообщу тебе первое явление. Я было хотел это сделать и сегодня, но писем пропасть; итак, извини!

Между тем выздоравливай! Обнимаю тебя и Николая.

Твой друг В. Кюхельбекер

NB. Уведомь хоть не сам, а через других о получении пакета.

P. S. Про женщин говорят, что у них приписки обыкновенно бывают и важнее и длиннее самих писем. Сегодня решаюсь им подражать, если не в последнем, так по кр⟨айней⟩ м⟨ере⟩ в первом пункте.

Кн. В. Ф. Одоевский [6] обещался — говоришь ты — снабжать меня книгами. Если *совсем* поправишься, распорядись, прошу тебя, на счет сей следующим образом. Во-1-х, нельзя ли, чтоб книги оставались у меня не менее трех месяцев? — Во-2-х, *чтоб присылка новых была бы для ⟨меня⟩ знаком, что находящиеся у меня требуются обратно*; в-3-х, чтоб головоломных не присылалось мне более одного увража каждый раз. А вот и небольшой список тех книг, которые бы мне желалось прочесть. Русские: История Полевого; особенно с 3-го тома [7]. Сочинение Сумарокова (Александра), *Петрова* [8], *Боброва* [9], Радищева [10]; псалмы на русском гражданском языке; альманахи и новые романы, кроме однако же знаменитых «Выжигиных» и «Дмитрия Самозванца» (я их читал и сердцем сокрушился, что я читать учился) [11]; все, *что у нас вышло по части теории словесности*, как-то: *Опыт науки изящного Галича* [12], *Трактат Карлгофа* [13] etc.; путешествия, напр⟨имер⟩, Муравьева-Апостола в Крым [14]; из журналов, надеюсь, что Сленин и без просьбы с моей стороны будет доставлять мне новый литературный, который намеревается издавать (это и необходимо нужно, если он желает, чтоб я для этого журнала работал) [15]. Иностранные: англичан — Шекспира, не драматические творения, и его King John, Winter Tale, All's well, Twelfth Night, Comedy of Errors; творения Бенджонсона, Флетчера, Бомонта [16], Отуая (Otway) [17]. Из новейших: Southey, Moore, Wordsworth, Washington Irving [18] и буде позволено будет,— Byron; немцев — Novalis, Tieck (кроме «Phantasus», который я хорошо знаю) [19],

Görres [20], Schach-Nameh (перевод с персидского). Сверх того на какомнибудь известном мне языке, т. е. французском, английском или немецком, *перевод Корана*. О французах ни слова, потому что, надеюсь, ты сам выберешь для меня лучшее, *новейшее*, особенно *историческое*. Перевод *Саконталы*, всего бы желательнее на английском — выбирать прошу так, чтоб на три книги русские, кроме теоретических, приходилась одна нерусская.

NB. Подчеркнуты книги, которых особенно желаю.

Письмо написано непосредственно вслед за автографической рукописью первой главы поэмы Кюхельбекера «Сирота». На первом листе рукописи сверху рукой Кюхельбекера надпись: «Вместо письма Борису Григорьевичу Глинке». Там же, сбоку, другая помета Кюхельбекера: «№. Приложенное при сем письмо мое к брату прошу прочесть, потому что в нем несколько стихов из 2 и 3-й главы». На рукописи имеется также

РЕВЕЛЬ

Рисунок М. Н. Воробьева, 1838 г.

Третьяковская галерея, Москва

следующая карандашная надпись, сделанная кем-то из чиновников III Отделения, где рукопись была задержана: «Сочинение содержащегося в Свеаборгской крепости госуд⟨арственного⟩ преступника Кюхельбекера, препровожд⟨енное⟩ им при письмах от 21 дек⟨абря⟩ 1833 для напечатания. Приказано оставить». Второе из упомянутых здесь писем Кюхельбекера — к брату его, Михаилу Карловичу — неизвестно.

Машинописная копия письма осталась в архиве III Отделения (ЦГИА, ф. III Отделения, д. 61, ч. 52, л. 29 а); подлинник 3 ноября 1906 г. был передан в Пушкинский лицейский музей (ныне ИРЛИ, ф. № 244, оп. 25, № 143).

Дата публикуемого письма устанавливается на основании приведенной выше пометы, сделанной в III Отделении.

[1] «Сирота» — поэма в пяти «разговорах», с введением и посвящением (А. С. Пушкину). Кюхельбекер, справедливо считавший эту поэму одним из лучших, наиболее зрелых своих произведений, работал над нею с 16 октября 1833 г. по 19 февраля 1834 г. Повествовательная поэма, построенная как рассказ героя (в котором угадываются черты человека, пострадавшего за политические убеждения) о злоключениях его в годы детства, изобилует бытовыми подробностями и лирическими отступлениями, чем, вероятно, и объясняются опасения Кюхельбекера насчет «болтовни».

[2] Санградо — врач-шарлатан, персонаж романа Лесажа «Жиль Блаз».

[3] Николай Григорьевич Глинка — см. о нем на стр. 400 настоящего тома.

[4] Мистерия — «Ижорский». Публикуемое письмо вносит существенное

уточнение в хронологию этого произведения Кюхельбекера. До сих пор III часть мистерии датировалась 1840—1841 гг. (К ю х е л ь б е к е р, т. II, стр. 473).

[5] Этой песней открывается III часть «Ижорского». В окончательном тексте отсутствует первое четверостишие второго куплета (см. К ю х е л ь б е к е р, т. II, стр. 185).

[6] Владимир Федорович О д о е в с к и й (1803—1869) — известный писатель, давний приятель Кюхельбекера, издававший совместно с ним в 1824—1825 гг. альманах «Мнемозина».

[7] Из «Истории русского народа» Н. А. Полевого, задуманной в двенадцати томах, с 1829 по 1833 г. вышло в свет шесть томов. На этом издание прекратилось, изложение было доведено до середины царствования Ивана IV.

[8] Василий Петрович П е т р о в (1736—1799) — поэт-одописец (см. о нем в статье Кюхельбекера «Разбор фон-дер-Борговых переводов русских стихотворений».— «Сын отечества», 1825, №. 17, стр. 72).

[9] Кюхельбекер, вслед за А. Н. Радищевым, высоко ценил творчество поэта Семена Боброва (1761—1810), жестоко осмеянного карамзинистами. В статье «Разбор фон-дер-Борговых переводов русских стихотворений» он писал о Боброве: «...поэт, который при счастливейших обстоятельствах, был бы, может быть, украшением русского слова, который и в том виде, в каком нам является в своих угрюмых, незрелых, конечно, созданиях, ознаменован некоторым диким величием» («Сын отечества», 1825, № 17, стр. 71).

[10] Это упоминание о Радищеве чрезвычайно знаменательно и важно, свидетельствуя о том, что Кюхельбекер через всю жизнь пронес интерес к автору «Путешествия из Петербурга в Москву». Называя в числе книг, которые ему хотелось бы перечесть, «Сочинения» Радищева, Кюхельбекер, конечно, имел в виду не «Путешествие», безусловно запрещенное к обращению, но очень редкое и трудно доступное шеститомное «Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева», изданное в 1806—1811 гг. Кюхельбекер, повидимому, читал это издание еще в лицейские годы, так как оно обращалось в кругу лицеистов (в частности, оно было хорошо известно в те годы Пушкину). О знакомстве своем с «Путешествием из Петербурга в Москву» Кюхельбекер сам упомянул в показаниях на следствии по делу 14 декабря (см. ВД, т. II, стр. 167).

[11] «Иван Выжигин» (1829), «Петр Иванович Выжигин» (1831) и «Дмитрий Самозванец» (1830) — романы Булгарина, типические образцы реакционно-мещанской «нравоописательной» и псевдоисторической беллетристики.

[12] Александр Иванович Г а л и ч (1783—1848) — философ-шеллингианец, профессор Петербургского университета, в 1814—1815 гг. служил преподавателем русской и латинской словесности в Царскосельском лицее и оставил по себе среди лицеистов хорошую память. Трактат Галича «Опыт науки изящного», изданный в 1825 г., долго оставался неизвестным Кюхельбекеру. В марте 1832 г. он высоко оценил этот трактат, основываясь на рецензии Н. А. Полевого (см. «Дневник», стр. 46, а также запись от 13 декабря 1833 г. — стр. 155—156).

[13] Здесь — очевидное недоразумение: В. И. Карлгоф (1799—1841), посредственный стихотворец и беллетрист, никаких литературно-теоретических трактатов не публиковал. В 1832 г. были изданы в двух частях «Повести и рассказы» Карлгофа. Может быть, в данном случае Кюхельбекер допустил ошибку памяти, назвав Карлгофа вместо В. Т. Плаксина, книга которого «Краткий курс словесности» вышла в свет также в 1832 г. и вызвала ряд печатных отзывов (в «Северной пчеле», «Московском телеграфе», «Телескопе»).

[14] И. М. М у р а в ь е в - А п о с т о л. Путешествие по Тавриде (1823).

[15] Иван Васильевич С л ё н и н (1789—1836) — книготорговец и издатель; при его содействии издавались альманахи «Полярная звезда» и «Северные цветы». Слёнин был не только любителем литературы, но и сам писал стихи, почему Пушкин и сказал в обращенном к нему дружеском послании:

Цариц ты любишь Геликона
И ими сам не позабыт...

О том, что И. В. Слёнин собирался с 1834 г. издавать литературный журнал, сведений не имеется. Очевидно, и в данном случае мы имеем дело с ошибкой памяти Кюхельбекера: в 1834 г. начал выходить журнал «Библиотека для чтения», издававшийся А. Ф. Смирдиным; в конце 1833 г. новый журнал уже громко рекламировался.

[16] Фрэнсис Б о м о н (Beaumont) (1586—1616) — английский поэт-драматург, друг и соавтор Флетчера.

[17] Томас О т у э й (Otway) (1652—1685) — английский поэт-драматург.

[18] Кюхельбекер живо интересовался творчеством Вашингтона Ирвинга — см. записи в «Дневнике» (по указателю имен).

[19] Кюхельбекер лично познакомился с Людвигом Тиком в 1820 г., во время своего заграничного путешествия. Беседа его с главой немецких романтиков коснулась, между прочим, творчества Новалиса, о чем сообщил сам Кюхельбекер в «Отрывках из путешествия»: «Сначала я упомянул о сочинениях покойного Новалиса, Тиком изданных, и жалел, что Новалис при большом даровании, при необыкновенно пылком воображе-

нии, не старался быть ясным и совершенно утонул в мистических тонкостях. Тик спокойно и тихо объявил мне, что Новалис ясен и не счел нужным подтвердить это доказательствами» («Мнемозина», ч. IV, 1825, стр. 60).

[20] Яков-Иосиф Гёррес (1776—1848) — немецкий ученый, востоковед и публицист.

13. МАТЕРИ

Перевод с немецкого.

‹Свеаборг.› 13 февраля 1834 г.

Любезная матушка.

...Каждый год в начале или в конце я сам перед собой отчитываюсь: проглядываю свои старые дневники, письма, мною полученные, и т. д. Юленькины письма, письма брата и моего дорогого Бориса доставили мне на этот раз большое наслаждение. Я еще не имел времени перечесть писем Николая и племянниц.

Что мне самому себе пожелать в этом году, я собственно и не знаю: разве что идею произведения, которое потребовало бы напряжения всех моих духовных сил. Тогда я наверное не чувствовал бы себя несчастным. Жан-Поль[1] очень остроумно говорит, что идея, ради которой живешь и дышишь, схожа с младенцем в лоне матери.

Подобно беременным, не подверженным заражению и повальным болезням именно потому, что они носят в себе еще одну жизнь кроме собственной, и поэта предохраняет от зол этой жизни нерожденное дитя его духа; оно поднимает его над ними, он не замечает их.

Такая идея, правда, еще очень неопределенная и бесформенная, уже шевелится во мне: трагедию «Прокофий Ляпунов» хотел бы я написать. Характер героя бесконечно содержателен. Это не пустой идеал; это был человек, совершивший большие ошибки, но преисполненный силы и внутреннего достоинства; он несравнимо выше и даже в нравственном отношении лучше обоих других триумвиров — Заруцкого и Трубецкого. Его смерть — следствие его неустрашимости — особенно поэтична. Ржевский, его личный враг, защищает его от неистовствующих казаков Заруцкого, и Ляпунова убивают над телом его врага и защитника. Гигантский характер — Захария Ляпунов, которого я хотел бы представить необузданным, саркастичным, совсем не глупым, даже веселым, но грубым и отчаянным. Его исполинская внешность, его задор, насмешка, с которой он обходится с Трубецким и Заруцким,— все это богатый материал и составило бы резкий контраст с характером его брата, которого я хотел бы изобразить запальчивым, но много просвещеннее и дальновиднее, строгим, слегка меланхоличным, однако без сентиментальности, властным, сильным, тем, что итальянцы называют grandioso *. Подчиненным характером был бы придворный шут царя Василия Шуйского, которого Ляпуновы свергли с престола. Его я наградил бы страстной привязанностью к его бывшему господину; я старался бы сделать его трогательным. Только не знаю еще, как я объясню его присутствие в стане триумвиров. Было бы прекрасно, если бы мне удалось действительно написать эту вещь[2].

Целую Ваши руки.

Ваш Вильгельм

Опущено начало письма (датированное 12 февраля 1834 г.), не представляющее интереса.

[1] О Жан-Поле см. на стр. 394 настоящего тома.

[2] Публикуемое письмо существенно уточняет творческую историю стихотворной трагедии «Прокофий Ляпунов» — одного из наиболее значительных произведений Кюхельбекера. Трагедия была написана в период с 1 октября по 21 ноября 1834 г.; из публикуемого письма выясняется, что замысел трагедии сложился в основных чертах значительно раньше.

* величественным (итал.).

14. А. Г. ГЛИНКЕ

〈Свеаборг.〉 5 марта 1834 г.

Милая Саша.

Я писал к тебе особенно в последний раз 22-ого декабря; итак, нынешнего году еще не возобновлялась наша переписка. Мне бы очень больно было, если бы она вовсе прекратилась; вот почему для счастливого почину хочу переписать на листике, которому поставил в оглавлении твое имя, небольшую пиэсу на немецком языке; — я эти стихи приготовил ко дню рождения вашей бабушки и ей, верно, будет приятно получить их из твоих рук [1]. Ты ей отдашь их, отодрав первую осьмушку, не прежде 20-го числа.

Писал бы к тебе более, но не очень здоров; да хочется еще строки две-три написать к твоей маменьке. Целую тебя, сестриц твоих и братцев.

Твой друг В. Кюхельбекер

P. S. Борису скажи, что я почти совсем кончил «Сироту» и кончил бы без почти, если бы не занемог [2]. Сегодня не метроман, а сын, желавший принесть своей матери хоть маленькое удовольствие, просит тебя, милая Саша, уведомить его, если эти стихи дойдут до тебя исправно.

[1] Стихи, написанные Кюхельбекером ко дню рождения его матери, в печати не появлялись.

[2] Поэму «Сирота» Кюхельбекер начал писать 16 октября 1833 г. В декабре 1833 г. он послал Б. Г. Глинке рукопись посвящения и первой главы этой поэмы (см. прим. 1 к письму № 12).

15. Ю. К. ГЛИНКЕ

Перевод с немецкого.

〈Свеаборг.〉 27 апреля 1834 г.

Любезная сестрица,

письма твоих милых дочерей довольно долго путешествовали; я только вчера получил их, и это и есть причина того, что вы так долго не имели от меня писем: я ожидал несколько строк от вас. Сегодняшнее письмо пишу тебе, чтобы известить тебя кое о чем, быть может, немаловажном. Я хотел бы время от времени сообщать твоим сыновьям некоторые мысли, которые могли бы им быть полезными; но до сих пор я все боялся впасть в глупый, высокомерный тон наставника и гофмейстера. Чтобы избегнуть этого, я измыслил следующее: все, что я пожелаю им сообщить, я буду впредь помещать в мои письма к Михаилу (извести его об этом); при отдаленности моего местопребывания от его довольно безразлично, дойдут ли мои письма неделей раньше, неделей позже. Поэтому прошу тебя мои письма к нему читать со вниманием и списывать то, что ты в них найдешь не совсем недостойным внимания. При случае ты будешь давать молодым людям читать эти копии как что-то, совсем их в виду не имевшее. Сегодняшнее мое письмо к брату — начало подобных писем, которые, может быть, с божьей помощью действительно принесут некоторую пользу милым юношам. Конечно, они не должны ничего знать о моей, я думаю, впрочем, вполне невинной, хитрости.

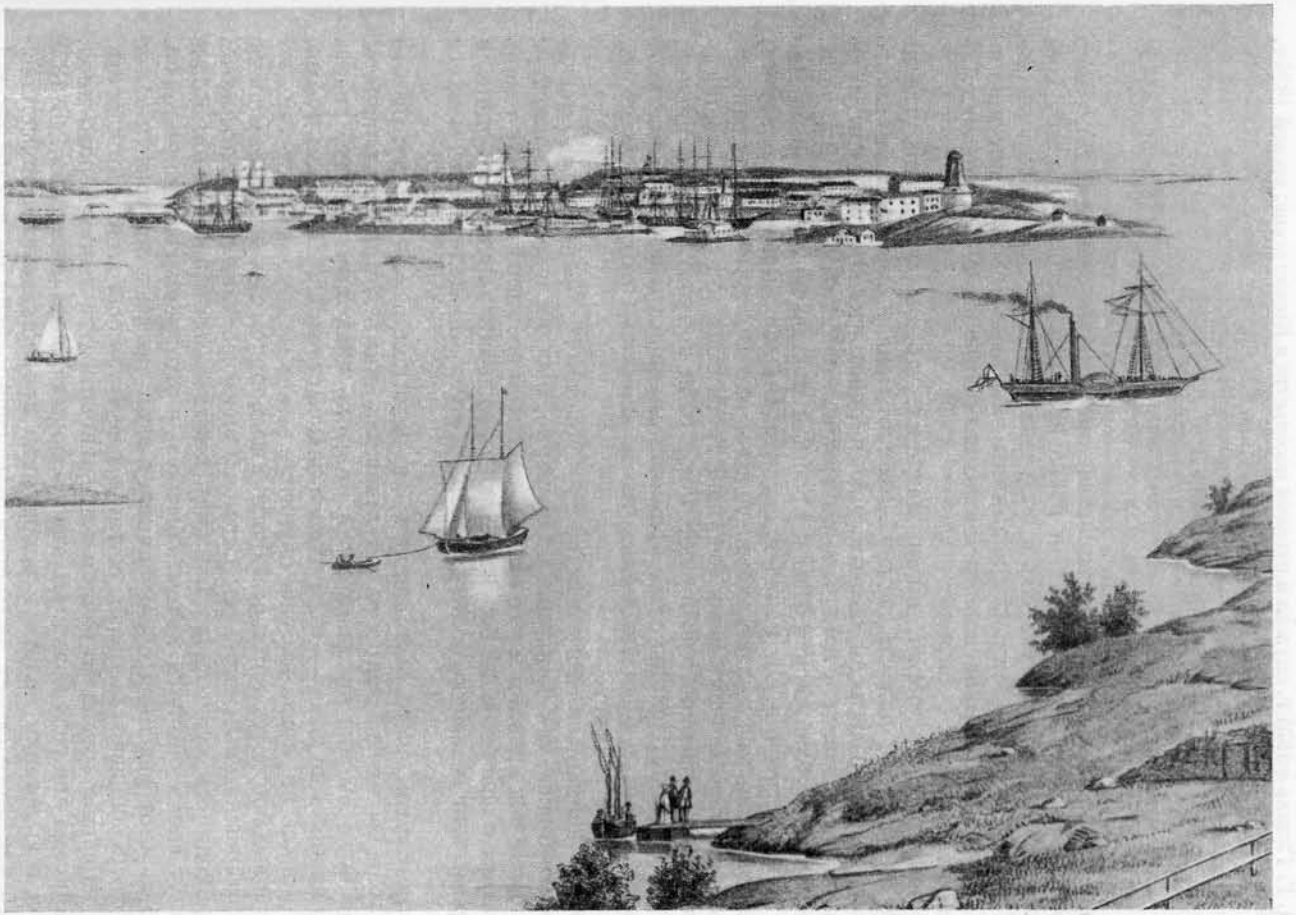
За обещанного Олеария благодарю заранее. Я и знал, что он находится в Закупе; поэтому я и не ожидаю его и с самого начала не ожидал очень скоро [1]. Едва ли я летом приступлю к новой работе: мне столько надо просмотреть и исправить; поэтому-то я и могу легко ждать до осени.

Заранее желаю тебе счастья к предстоящему приезду твоего Дмитрия и прошу меня тотчас же уведомить о его приезде [2]. Как вы провели праздники? В особенности маменька?

Кончаю, так как мне еще предстоит многое писать твоим девочкам. Целую тебе и маменьке руки.

Твой Вильгельм

P. S. Очень порадовало меня письмо Юленьки, отвечу ей другой раз.



СВЕАБОРГ

В Свеаборгской крепости Кюхельбекер провел в заточении свыше четырех лет (1831—1835 гг.)

Литография из «Панорамы Гельсингфорса», 1830-е гг.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

[1] Имеется в виду сочинение Олеария «Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1638 гг.», являющееся ценным источником сведений о социально-политическом строе и быте Московского государства в XVII в. Книгу Олеария Кюхельбекер хотел перечесть, вероятно, в связи с работой над трагедией «Прокофий Ляпунов».

[2] Д. Г. Глинка с 1831 г. служил в русском посольстве в Копенгагене; весной 1834 г. он приехал в Россию в отпуск.

16. МАТЕРИ

Перевод с немецкого.

⟨Свеаборг.⟩ 18 мая 1834 г.

Любезная матушка,

Ваше милое письмо от 8-го (с приложением письма от Михаила), равно как деньги и драму Кукольника, я вчера получил. Сегодня я пишу Вам лишь затем, чтобы известить Вас о получении пакета; но на будущей неделе я напишу письмо Михаилу подлиннее, а Наташе сообщу мое мнение о стихотворении, которое, скажу мимоходом, произвело на меня глубокое впечатление [1].

Вы пишете мне, добрая, милая матушка, что Вы сожалеете, что не можете для меня большего сделать! Вы для меня и так слишком много делаете; уверяю Вас всем святым, что я действительно не испытываю нужды! Мне так жаль, что Вы мне на этот раз слишком много прислали. Восьмидесяти рублей, как я Вам в прошлом письме писал, было бы мне более, чем достаточно. Я понадеялся, что Вы мне, конечно, поверите, но, к несчастию, мое письмо еще не дошло, как Вы уже свое отправили. По крайней мере прошу Вас в будущей трети года мне ничего не посылать, и не посылать ничего до тех пор, пока Вы не получите от меня письма, в котором я напишу, сколько мне приблизительно потребуется. Не сетуйте на меня, милая, добрая матушка, что я касаюсь этих мелочей, но, право, я иначе не могу.

Смерть покойного Риттмейстера [2] — воистину прекрасная смерть. Вы вполне правы, так ее называя. Он, верно, был последним, служившим в Павловске под началом моего отца. С рецептом его пилюль я буду теперь обращаться с еще большей бережностью; прежде я это делал, ибо пилюли мне приносили большую пользу, теперь я буду это делать еще и в его память.

Такие случаи часто заставляют меня размышлять о том, как бы это было, если бы мне на старости лет пришлось опять Петербург повидать. Тяжело было бы мне прохаживаться по столь знакомым улицам, видеть столь близкие мне дома — и ни одного знакомого лица! Впрочем, думаю, что это вряд ли когда-нибудь случится.

Здоровье мое, с тех пор как я опять пью молоко, превосходно. Вообще в этом отношении нынешний год для меня очень счастлив. Прошлым летом мне приходилось хуже. Дела мои, как кажется, нынешним летом также не пойдут своим обычным ходом: обычно я в это время года мало делаю, однако на этот раз меня очень занимает один замысел, который я хотел разработать еще два года назад, но тогда я не был в состоянии им овладеть. Это — народная легенда о вечном жиде. Начало уже лежит передо мной. Оно написано два года назад. Но теперь форма совсем изменится. В 1832 я хотел всю легенду облечь в непрерывно продолжающееся повествование. Но для этого сюжет не годится. Нынешний, если он пойдет на лад, будет обработан как ряд отрывков; эти отрывки будут то повествовательными, то драматическими, то лирическими [3].

Еще одно, дорогая матушка! Кого мне благодарить за книгу? Сестру или Николая? Кого бы то ни было, но прошу Вас, дражайшая матушка, сделать это от моего имени. Целую Вам, добрая, милая матушка, руки, еще раз благодарю за деньги и заверяю Вас еще раз, что я положительно

ни в каком отношении недостатка не испытываю. Будьте здоровы, любезная матушка! Обнимаю добрую сестрицу и ее детей.

Ваш Вильгельм

[1] Речь идет о «драматической фантазии» Н. В. Кукольника «Торквато Тассо» (1832 г.). Накануне письма, 17 мая, Кюхельбекер записал в дневнике: «... получил я давно ожидаемого „Тассо" Кукольника. Разумеется, что я тотчас с жадностью принялся за трагедию: в ней много, много превосходного; читая многие места, я невольно плакал. Судить о творении Кукольника я еще не в состоянии: но у него талант великий, хотя, кажется, и не совсем драматический». В дальнейшем Кюхельбекер пережил сильное увлечение ходульно-риторическим творчеством Кукольника. Эта «ошибка вкуса», впоследствии отчасти исправленная Кюхельбекером, объяснялась его оторванностью от общественно-литературной жизни тридцатых годов. В эти годы он продолжал рассматривать и оценивать литературные явления в аспекте своих исходных романтических представлений. См. подробнее — «Декабристы и их время», 1951, стр. 52—53.

[2] Вильгельм Иванович Риттмейстер (ум. в 1834 г.) — врач, служивший в Павловске с 1786 г. до своей смерти (см. некролог его в «Северной пчеле», 1834, № 130).

[3] Поэма «Агасфер» («Вечный жид») должна была, по замыслу Кюхельбекера, представить собою как бы обзор всемирной истории в отрывках, посвященных характеристике различных исторических эпох. 16 мая 1834 г. Кюхельбекер в дневнике следующим образом раскрыл содержание своего замысла: «...во мне живо пробудилась мысль о „Вечном жиде". Я его, было, уже начал в 1832 году формою эпическою, но ныне он ожил для меня в одежде драматической мистерии. Впрочем, может быть, если в самом деле примусь за него, сохраню и повествовательный отрывок, который будет служить, так сказать, прологом, введением в трагедию. В воображении моем означались уже четыре главные момента различных появлений Агасвера: первым будет разрушение Иерусалима, вторым — падение Рима, третьим — поле битвы после Бородинского или Лейпцигского побоища, четвертым — смерть его последнего потомка, которого мне вместе хотелось бы представить и вообще последним человеком. Но между третьим и вторым должны быть непременно еще вставки, например изгнание жидов из Франции в XIV, если не ошибаюсь, столетии». А 17 мая он записал: «Примечательный день! ⟨...⟩ вынул я из чемодана своего „Агасвера", прочел его, и мысли, как продолжать, стали толпиться в голове моей; если удастся, „Вечный жид" мой будет чуть ли не лучшим моим сочинением» (см. также письма к Ник. Г. Глинке от 21 октября и 9 декабря 1835 г. — Кюхельбекер, т. I, стр. LIX; «Декабристы и их время», 1951, стр. 53—55). Поэма «Агасфер» напечатана в «Русской старине», 1878, № 3, стр. 404—462.

17. МАТЕРИ

Перевод с немецкого.

⟨Свеаборг.⟩ 29 мая ⟨1834 г.⟩

Любезная матушка!

Тысячу раз благодарю Вас за рубашки, салфетки и книги. 27-е, когда я все это получил, было для меня очень радостным днем. Накануне я мылся в бане, чувствовал себя поэтому особенно легко и радостно. Утром я получил еще новую тетрадь для своего дневника и мечтал начать его с чего-нибудь необыкновенного; не знал, однако, что это будет. И глядь! Мне приносят посылку. Старик Гёте мне очень приятен; я приму его как старого доброго друга и, читая его, буду воображать, что он мне о добром *старом* времени что-то рассказывает. Жаль только, что не хватает «Фауста»; впрочем, его и прежде не хватало.

Салфетки (которые мне, впрочем, были не нужны, так как их у меня достаточно) мне потому особенно милы, что они может быть еще Авинормские [1].

Наша Юленька плывет теперь, стало быть, в Сицилию и даже на Мальту! [2] Странны все-таки прихоти судьбы! Впрочем, я не очень понимаю, что́ графиня станет делать на Мальте. Очень веселиться она там не будет. Где хозяевами англичане, там сплин — хозяин, а скука — домоправительница и ключница. Насколько высоко я ставлю литературу англичан, насколько я ее за многое очень чту, настолько, откровенно говоря, не люблю я находиться в их обществе. Дамы, tirées à quatre èpingles *, малословные, вечные произносительницы yes'ов **, мне особенно не по душе. И с ними

* чопорные (франц.).

** y e s — да (англ.).

должна будет общаться наша жизнерадостная, естественная, веселая, слегка насмешливая Юлия! Я уверен, что они ей придутся не по душе. Даже сентиментальность немецких дам, в особенности берлинок, что тоже является своего рода жеманством, я в тысячу раз предпочитаю воспитанному, сухому, напыщенному бездушному нраву худых англичанок с их льняными волосами, с их прозрачной кожей и с их вечным чаем с бутербродами. Любезнее и вместе с тем естественнее дам, нежели у нас и, может быть, во Франции, пожалуй, нет. В Саксонии, Польше, Италии они красивее, иногда, может быть, остроумнее, но боже упаси нашего брата от жены, родившейся в Польше или в Италии! Без сомнения, бывают исключения; но я говорю лишь о том, что обычно встречается и что полезно северянину.

Я совершенно не думал, когда начинал это письмо, что из него получится целая диссертация о дамах различных наций. Но теперь я очень рад, что написал это. В Вашем маленьком кружке это даст материал для разговоров. Может быть, об этом немного поспорят, и Вас, добрая маменька, это немного развлечет. C'est autant de gagné *. Здоровье мое в хорошем состоянии; кажется, в этом отношении мне удастся провести хорошее лето. Слава богу! Да дарует он Вам, бесценная матушка, ни с чем не сравнимый дар доброго здоровья.

Обеим младшим моим племянницам я наверное напишу следующий раз. Давно не писал я милым девочкам послания.

Целую Ваши дорогие руки и остаюсь Ваш

Вильгельм

[1] Авинорм — поместье в Эстляндии, где Кюхельбекер провел годы раннего детства.

[2] Ю. К. Кюхельбекер в июне 1833 г. отправилась в длительное заграничное путешествие в качестве компаньонки гр. В. П. Полье.

18. МАТЕРИ

Перевод с немецкого.

<Свеаборг.> 28 июня 1834 г.

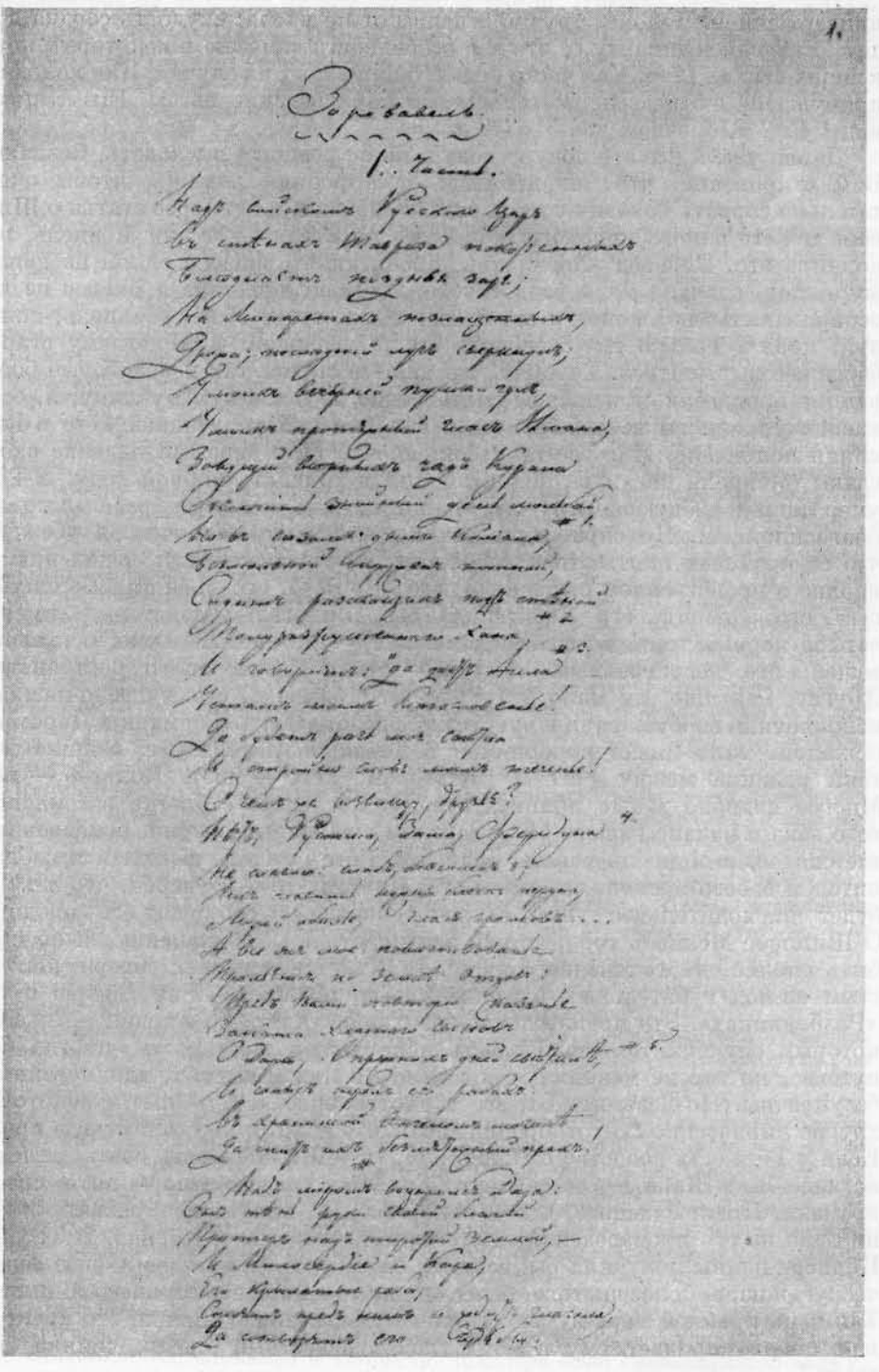
Любезная матушка,

какое впечатление произвело на меня Ваше письмо от 4-го и остальные, полученные мною одновременно, Вы увидите из начала моего ответа Юстине Карловне. Если я здесь подробнее об этом не распространяюсь, то это происходит оттого, что слова все-таки были бы очень слабыми переводчиками моих мыслей и чувств.

Итак, мой 34-й год пройден. В общем он был, как я Вам, как будто, уже писал, очень спокойным и благодетельным; и в моем продвижении к окончательному образованию будет он, я думаю, значительным. Многое, что раньше мне лишь сбивчиво представлялось, стало для меня теперь ясным: в некоторых вопросах мои взгляды изменились, и я думаю, что они стали вернее.

Более важных предметов на этот раз не хочу касаться, но скажу кое-что о литературе. Совсем иными глазами, чем раньше, смотрю я, например, на Гёте. К сожалению, он мне не представляется больше в том величественном виде, в каком он мне раньше представлялся [1]. Я начинаю теперь очень хорошо понимать, почему Гёте не был героем нашего доброго старого Брейткопфа[2]. К огромному таланту Гёте я всегда буду испытывать величайшее уважение, но при всем таланте он обладает — слово должно быть сказано — низкой, холодной, себялюбивой душою. Он (а не бедный Виланд [3], который, конечно, больше от слабости и из подражания, чем с умыслом, грешил) действительно Вольтер немцев [4], патриарх чувственной, эгоистичной, лицемерно похваляющейся переживаниями школы

* А это чистый выигрыш (франц.).



АВТОГРАФ ПОЭМЫ КЮХЕЛЬБЕКЕРА «ЗОРОВАВЕЛЬ», 1831 г.

Лист 1

Исторический музей, Москва

приверженцев. Человек трудно отделим от писателя: скудость сердца вредит, конечно, и таланту, и это я в особенности замечаю в некоторых позднейших стихах Гёте. Как часто он всего лишь поэт на случай! Как холодны, принужденны и бессодержательны его карлсбадские пьесы. Его «Эпименид»! Его «Побочная дочь» и т. д.

Давно уже я все это почувствовал, но не решался высказать. Сознаюсь Вам откровенно, что понадобилась посторонняя помощь, чтобы окончательно сорвать повязку с моих глаз. Рецензия, или скорее статья о Шиллере и Гёте одного молодого немецкого писателя по имени Менцель, выполнила это. Перевод этой статьи, прочитанный мною в одном из наших журналов, сначала меня раздосадовал; в моем дневнике я многое из нее оспаривал. Но под конец я все-таки увидел, что в общем Менцель, пожалуй, прав [5]. Только ему следовало бы из уважения к 80-летнему старцу бережнее выражаться. Говорят, что как эта статья, так и некоторые более ранние произвели сильнейшее впечатление на немецкую публику, и, если наши журналисты не ошибаются, с исполинской репутацией Гёте в Германии покончено. Мне все-таки больно, что Гёте пережил падение своей славы (Менцель писал в тридцатом или в тридцать первом году, а Гёте умер лишь в следующем). Я его знал и он мне желал добра, был ко мне благосклонным. Но справедливость прежде всего! Впрочем, я убежден, что со временем опять это пересмотрят: в эстетическом, к сожалению не вполне в нравственном отношении, его «Вертер», его «Гец фон Берлихинген», его «Эгмонт», его «Ифигения», его «Вильгельм Мейстер» (а именно четыре первые тома, но не продолжение) — и, превыше всех остальных вещей, его несравненный «Фауст» — стихи бессмертного достоинства. Другие, меньшие, им мало уступают: его баллада, его чудесно-нежная, исполненная воображения и чувства «Эфрозина», его «Германн и Доротея», пожалуй, мало имеют соперников в немецкой литературе. Велика все-таки разница между Гёте и Вольтером: Гёте — поэт, Вольтер — нет. Многое надобно также приписать веку: последнее столетие восемнадцатого века и начало нашего были дерзким временем безверия, осмеивавшим все святое, и Менцель вполне прав, что Гёте не был губителем и соблазнителем своего времени, а сыном его. Поэтому-то я и уверен, что *там* он будет снисходительнее судим, нежели теперь здесь его судят его сородичи. О Шиллере Менцель говорит как энтузиаст, но, к сожалению, я не могу быть вполне одного мнения с ним [6]. И Шиллер не вышел совершенно чистым из-под губительных влияний своего времени. Я не говорю о его «Разбойниках». Это произведение девятнадцатилетнего юноши; хотя в некоторых случаях там может быть обнаружена жестокость, иногда беспутство, но тем не менее стремления его в целом высоки, вдохновенны и безупречны. Но возьмите Вы его стихотворение «*Смирение*» и некоторые другие лирические стихотворения; возьмите некоторые его статьи в прозе. Если у Гёте есть сродство с Вольтером, то у Шиллера есть нечто, напоминающее Жан-Жака Руссо, а друг Жан-Жак, несомненно,— дитя своего времени. Прекраснейшее, что Шиллер создал, или вернее развил, это — ни одно из его произведений, а его чудесный питомец Кёрнер. В Теодоре Кёрнере немцы получили бы, если бы он так рано не окончил свою героическую жизнь, более чистого, более сильного и не менее горячего Шиллера. Так я по крайней мере думаю. Впрочем, быть может именно его прекрасная смерть придает ему в моих глазах известный ореол, сияние святости [7].

Когда дело касается литературы, у меня как-то странно получается: я никогда не могу о ней кратко высказаться. И сегодня я намеревался лишь два слова сказать, а глядишь! все мое письмо превратилось в литературное рассуждение. Если это рассуждение Вас на мгновение рассеяло, то это, впрочем, тоже хорошо. Здоровье мое попрежнему хорошо; вчера я

в первый раз за этот год ел землянику и раков. Прежде этот день в Павловске был праздничным. Как теперь? Да сохранит господь, любезная матушка, Ваше столь нам дорогое здоровье. Я рад, что Вам недалеко до сада; может быть, и Вы совершите иногда маленькую прогулку. Возвращаю с благодарностью письмо Юленьки к Николаю. Целую обе Ваши руки и остаюсь Ваш

Вильгельм

[1] В молодые годы Кюхельбекер был восторженным поклонником Гёте и ревностно пропагандировал его творчество. В 1820 г., в бытность свою за границей, он лично познакомился с Гёте и беседовал с ним на литературные темы. Кюхельбекер обратился к нему с письмом, в котором именовал его «учителем, коему столь многим обязан в воспитании своей души», и написал в честь его стихотворение «К Прометею». В 1824 г. Кюхельбекер прославил «великого Гёте» в своих статьях «О направлении нашей поэзии...» и «Разговор с Ф. В. Булгариным» (помещенных в «Мнемозине»). Но в годы крепостного заточения отношение Кюхельбекера к Гёте существенно изменилось. Публикуемое письмо служит первым ясно выраженным симптомом разочарования Кюхельбекера в «величии» Гёте. При этом наиболее важно учесть, что в своей переоценке Гёте Кюхельбекер исходил из решительного осуждения второго, так называемого «олимпийского», периода творческой деятельности немецкого поэта. «Холодной чопорности» и «бесстыдному эгоизму», которые Кюхельбекер находил в произведениях «олимпийского» Гёте, он попрежнему противопоставлял мятежный пафос молодого Гёте, деятеля эпохи «бури и натиска», создателя образа Вертера — «мученика мятежного».

Критическое отношение Кюхельбекера к Гёте с течением времени все более укреплялось. Выразительным свидетельством этому служит его письмо к Ник. Г. Глинке от 13 сентября 1839 г. («Декабристы и их время», 1951, стр. 78—79), а в 1840 г. он следующим образом подвел итог своим размышлениям на данную тему: «Царствование Гёте кончилось над моею душою <...> мне невозможно опять пасть ниц перед своим бывшим идеалом, как то падал я в 1824 году и как то заставил пасть со мною всю Россию. Я дал им золотого тельца, они по сю пору преклоняются ему и поют ему гимны, из которых один глупее другого; только я уже в тельце не вижу бога» («Дневник Кюхельбекера», стр. 252).

[2] Бернгард-Теодор (Федор Иванович) Брейткопф (1749—1820) — композитор-дилетант, лично связанный с Гёте и писавший музыку на его стихи. Старый друг отца Кюхельбекера, учившийся вместе с ним в Лейпцигском университете, Брейткопф, подобно ему, переселился в Россию и учредил в Петербурге типографию, а впоследствии занимался преподавательской деятельностью в Екатерининском институте.

[3] Кристоф-Мартин Виланд (1733—1813) — немецкий писатель, близкий к Гёте; как поэт, писал в салонно-аристократическом духе, разрабатывая гедонистические мотивы. Кюхельбекер в молодости перевел из Виланда «Письмо к молодому поэту» («Сын отечества», 1819, № 45, стр. 193; № 46, стр. 262), но впоследствии относился к нему осудительно.

[4] В тридцатые годы Кюхельбекер резко осуждал Вольтера с точки зрения своих религиозно-моральных убеждений — см., например, его письмо к А. Г. Глинке от 28 февраля 1836 г. («Декабристы и их время», 1951, стр. 61).

[5] Статью Менцеля о Шиллере и Гёте Кюхельбекер прочел в «Сыне отечества» 13 июня 1834 г. Он нашел в этой статье «хороший разбор, оригинальный взгляд на поэзию, глубокие, новые мысли» («Дневник Кюхельбекера», стр. 195). Полемика Кюхельбекера с Менцелем в дошедших до нас частях дневника не отражена. Впоследствии, в 1839 г., Кюхельбекер, касаясь своего отношения к Гёте, снова ссылался на Менцеля, книгу которого «Немецкая литература» он тогда прочитал. См. также отзыв Кюхельбекера о Менцеле в «Лит. наследстве», т. 33-34, 1939, стр. 364.

Вольфганг Менцель (1798—1873) — немецкий публицист и критик, в начальный период своей деятельности занимавший либеральную позицию; в тридцатые годы выступал как один из самых воинствующих и озлобленных представителей крайнего реакционного направления в немецкой литературе. В частности, исходя из своей христианско-монархической и шовинистической идеологии, Менцель ожесточенно нападал на Гёте, осуждая «языческую» природу его мировоззрения и творчества. Кюхельбекер, оторванный от общественно-литературной жизни 30-х годов, не имел ясного представления о политическом лице Менцеля.

[6] Отношение Кюхельбекера к творчеству Шиллера было сдержанным. В 1824 г. он противопоставлял «недозрелого Шиллера» — «великому Гёте» («Мнемозина», ч. II, стр. 41).

[7] Теодор Кернер (1791—1813) — немецкий поэт-романтик, автор военно-патриотических стихотворений и песен, пользовавшихся шумным успехом в Германии в годы наполеоновских войн; участвовал в войне с французами в рядах партизанского отряда и был убит в бою.

19. Ю. К. ГЛИНКЕ

Перевод с немецкого.

〈Свеаборг.〉 13 июля 1834 г.

Любезная сестрица,

твой день рождения опять у порога. Надо надеяться, что ты его приятно отпразднуешь; лучший подарок, который тебе можно было бы пожелать к этому дню,— это присутствие твоего Дмитрия; я очень желаю, чтобы он в этот день был уж с вами [1].

На этот раз ты от меня ничего не получишь. Зато посылаю твоему Борису рукопись, которая, правда, едва ли 19-го уже будет у вас в руках [2]. К его именинам это вероятнее, если только сочтут допустимым вам ее переслать.

И для меня лично в этом месяце есть знаменательный день. Вот уже 8 лет, как наша судьба решилась. Обычно для меня 12-е — день мучительных воспоминаний о прошлом; вчера этого, однако, не было: меня больше занимало будущее, нежели прошлое; моей главной мыслью было то, что отныне я, слава богу, могу сказать, что до моего срока скоро останется менее семи лет, на полтора года менее того, что я уже провел в заточении,— ибо при моих расчетах я обычно прихватываю и те полгода, что мы находились под судом. Правда, что семь лет — это еще очень много: но так как я вот уже много лет не чувствовал себя таким здоровым, как нынче, то я все-таки надеюсь с божьей помощью эти семь лет пережить [3]. О брате я вчера тоже много думал. Узнает ли он еще меня, если я через семь лет войду в его школу?[4] Я решил сначала разыграть роль прохожего, *не сказаться ему * — по обычаю нашего народа. Но, так как и он, наверно, будет меня ожидать, то все это, думаю, будет напрасно. Редко гляжусь я в зеркало, только, когда мне волосы подстригают, и поэтому я сам могу в некотором отношении судить о переменах в моем облике; они, мне кажется, не так уж велики; только шрам между бровями заметнее выступил. Несколько меняет меня также кудрявая борода, которой я прежде не носил 〈...〉

Давно уже я не писал так мало нового, как нынче; с половины марта я почти ничего другого не делаю, как просматриваю старые вещи. Впрочем, на этот раз это меня не страшит. Редко проходит неделя, чтобы мне не являлись новые мысли, и это меня очень утешает. Мне теперь не хватает лишь стихов, т. е. легкости механической работы, но надо надеяться, что к зиме она опять восстановится. О моей сказке «Иван, купецкий сын» я писал Борису и, так как я надеялся, что даже в случае, если рукопись вам вручена не будет, вы по крайней мере письма получите,— я не повторяю того, что в них писал.

Однако и другие замыслы меня занимают: трагедия, предметом которой должен быть Архилох [5] (стало быть, своего рода дополнение к «Тассо» [6], которого ты мне прислала и за которого я благодарю; правда, дополнение, которое могло бы быть названо контрастом, так как в соответствии с историей Архилох всего менее обладал привлекательным характером); затем «Вечный жид», затем «Ляпунов», далее — роман, предметом которого должна быть история человека, который был счастлив в стесненном положении, был из него выведен, но, вступив в бурную светскую жизнь, впал в ничтожество,— стало быть, мещанская, лишенная всего чудесного фаустиана [7]; еще другая фаустиана бушевала во мне несколько дней; эта должна была в отличие от предыдущей быть вполне фантастичной и сказочной, какою и была на самом деле история этого загадочного человека,— при этом по возможности в народном духе,— и эта фаустиана была бы

---

* *Слова, заключенные в звездочки, написаны по-русски.*

жизнью Лжедмитрия, не по историческим источникам, а по старым песням и преданиям, в которых он считается волшебником[8]; наконец, я очень желал обработать ритмически или, облекая ее в форму новеллы в прозе, мнимую смерть — каталепсию. Ты видишь, что со всем этим материала хватит на несколько лет; добавь к этому еще третью часть «Ижорского»[9], переводы с английского и, может быть, еще более мелкие работы в прозе и стихах, и ты можешь быть уверена, что я вооружен против скуки. Будут ли, однако, эти вещи доведены до конца — это еще большой вопрос. Больше всего меня в настоящее время занимает сказка[10], но пока я, к сожалению, еще с места не сдвинулся.

Сегодня я маменьке писать не буду; поэтому прошу тебя сказать ей, что я себя, слава богу, нынче летом очень хорошо чувствовал; говорят даже, что я потолстел. Впрочем, это случается каждое лето,— зимой же я опять худею, как медведи; разница только в том, что у медведей зима— время сна и отдыха, я же, напротив, только зимой как следует бодрствую, то есть чувствую себя в состоянии работать. Греческим я уже больше месяца не занимался; пора бы уже кончить «Илиаду»; к стыду моему, должен признаться, что за три года дошел только до 19-й песни, но, правда, я первые 12 песен целиком проработал три раза, а остальные — два раза; а потом случалось порою, что я полгода и больше ни о каком греческом и не думал.

Еще раз желаю тебе, любезная бесценная сестрица, как можно радостнее отпраздновать день твоего рождения.

В Павловске ты этот день проведешь в кругу своих; никакие соседи тебе не помешают. Давно я ничего не слышал о Владимире Андреевиче[11]. Где он и что поделывает? Хотелось бы мне также что-нибудь узнать о госпоже Ахвердовой[12]. Прошу засвидетельствовать мое нижайшее почтение нашим дорогим приятельницам Натали и Эмилии. Маменьке и тебе целую руки. Наташе буду сегодня писать.

Твой Вильгельм

[1] См. прим. 2 к письму № 15.

[2] Как видно из дальнейшего, Кюхельбекер, вероятнее всего, послал Б. Г. Глинке отрывок из своей драматической сказки «Иван, купецкий сын», законченной лишь в 1842 г.

[3] 12 июля 1826 г. — день объявления приговора Кюхельбекеру. В дневнике его под 12 июля 1834 г. записано: «Вот опять роковой день 12-го июля; этот раз я почти его не заметил; более всего занимала меня мысль, что завтра можно мне будет уж сказать: до срока осталось менее 7-ми лет».

[4] М. К. Кюхельбекер на поселении учил местных детей.

[5] Замысел и план драмы «Архилох» относятся к марту 1833 г. (см. запись в дневнике от 19 марта, опубликованную в книге: Кюхельбекер, т. II, стр. 481). В июне 1834 г. Кюхельбекер продолжал работу над этой драмой (см. «Дневник Кюхельбекера», стр. 196), но наброски того времени до нас не дошли. В 1845—1846 гг. Кюхельбекер восстановил по памяти некоторые сцены; они напечатаны в указанном выше издании его драматических произведений.

[6] Драма Н. В. Кукольника. См. о ней прим. 1 к письму № 16.

[7] Неясно, о каком произведении идет речь. В середине июня 1834 г. Кюхельбекер начал писать какой-то роман (см. записи в дневнике от 13, 14 и 15 июня, когда была кончена первая глава этого произведения). Вряд ли это был «Последний Колонна» (или «Итальянец»), начатый в 1832 г. и законченный в 1843 г. Может быть, имеется в виду начало романа «Семинарист», упомянутого Кюхельбекером в списке произведений, предназначенных им к включению в собрание сочинений (см. «Дневник Кюхельбекера», стр. 313). Рукопись «Семинариста» находилась в собрании Ю. Н. Тынянова (см. Кюхельбекер, т. I, стр. LXXVII).

[8] В дневнике под 30 июня 1834 г. записано: «Пришла мне мысль: нельзя ли Самозванца превратить в русского Фауста?». Идея создания «русского Фауста» занимала Кюхельбекера издавна; она осуществилась отчасти в драматической мистерии «Ижорский».

[9] Третья часть «Ижорского» была закончена только в 1840—1841 гг.

[10] «Иван, купецкий сын».

[11] В. А. Глинка (см. прим. 1 к письму № 5).

[12] Прасковья Николаевна Ахвердова (ум. в 1851 г.)— вдова начальника артиллерии Отдельного кавказского корпуса генерала Ф. И. Ахвердова, близкая приятельница Грибоедова. Кюхельбекер познакомился с Ахвердовой в 1822 г., в бытность свою в Тифлисе. Впоследствии, поселившись в Петербурге, Ахвердова поддерживала знакомство с семьей Кюхельбекера, а тот неоднократно упоминал о ней в письмах к родным (см., например, письма №№ 22, 26) и в дневнике.

В неопубликованной части дневника записано под 31 декабря 1832 г.: «От сестрицы Уленьки я поздно вечером получил очень приятное письмецо: П. Ахвердова, кажется, коротко познакомилась с сестрою Глинкиною; в добрый час: эти две женщины достойны любить друг друга» (ИРЛИ. Р I, оп. 12, № 336).

20. Ю. Г. ГЛИНКЕ

〈Свеаборг.〉 29 июля 1834 г.

Милая Тиненька,

За все, что говоришь ты о братце Дмитрии, я тебе очень благодарен; сердечно рад я, что он и за морем не отвык от родного языка: это очень, очень важно [1]. Здесь заставьте его запастись кое-какими русскими книгами для легкого чтения; не мешало бы купить даже несколько романов, да только, чтоб они были не хуже «Юрия Милославского», который поныне большой мой фаворит [2].

Вы были в Петергофе; ты, вероятно, в первый раз в жизни. Что иллюминация вам понравилась, в том не сомневаюсь,— хотя, искренно сказать, я не большой охотник до иллюминаций: смрад от плошек и стаканчиков для меня несносен. Но что скажешь о самом саде? Не так ли, — ему далеко до павловского, царскосельского или даже гатчинского? Место сырое, болотистое: настоящий эдем для лягушек, а к лягушкам у меня непобедимое отвращение. К лягушкам и паукам; я такой храбрец, что готов вскрикнуть, когда лягушка прыгнет мне на ногу. Паука однажды шалунья ваша тетушка [3] заставила меня взять на руку; но едва ли бы я согласился, если бы она попотчевала меня лягушкою, т. е. живою; жареных и приготовленных в соусе я, напротив, очень люблю, да вот уже лет 12 как не случалось мне их есть. Впрочем лягушки, которых едят во Франции, вовсе не так отвратительны, как наши; они зеленые (Laubfrösche) * с розовыми пятнами и питаются листьями, живут на деревьях; если бы не гадкая мягкость всего их тела и холод, которым о〈б〉дают, когда прикоснешься к ним,— зеленых лягушек можно бы даже назвать довольно красивыми. Но кончим эту натуральную историю!

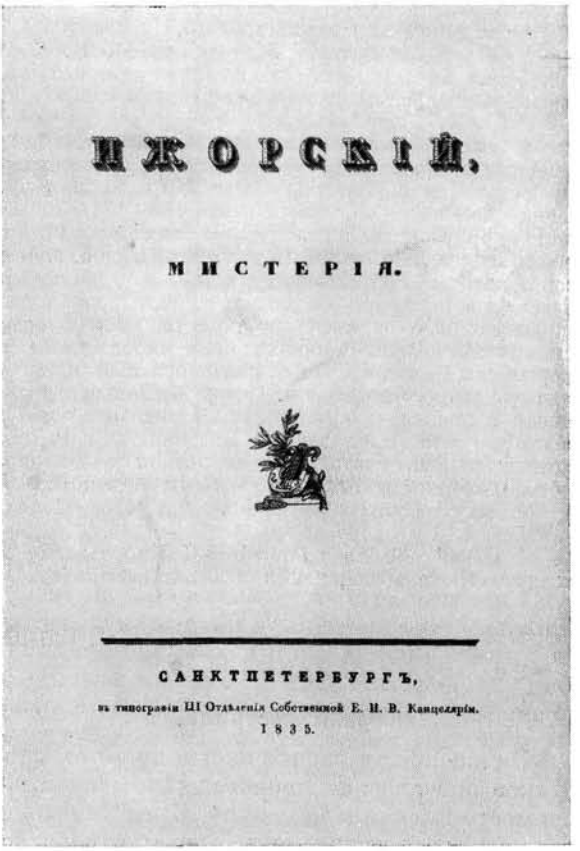
Вопрос: познакомили ли вас братцы с новыми французскими писателями — с Виктором Hugo, Альфонсом 〈!〉 де Виньи, Бальзаком? Это должны быть люди с великим талантом. Я, к несчастию, знаю их только по переведенным в наших журналах отрывкам; но истинно даже и по этим отрывкам удивляюсь им, особенно Бальзаку, которого талант, кажется, разнообразнее, чем первых двух [4]. Конечно, всего братья не станут вам читать, и это и быть не может иначе; однако кое-что, кажется, могли бы и вы выслушать. — Madame de Genlis — препочтенная старушка, но смею думать, что в ином случае каждая из вас умнее ее; сверх того, что было хорошо в *наше* время, то устарело в *ваше*. К тому же, хотя правила доброй графини превосходны, век, в который она жила, а еще более тот, который преимущественно описывает, т. е. Людовика XIV-ого, был чуть ли не испорченнее и нынешнего; вот почему и в ее сочинениях много щекотливого.

Однако французы — французами; — да скажи братьям, чтоб они порою говорили мне и о других адамовых детках, напр〈имер〉 о немцах; я о них еще менее знаю, нежели о французах: Гёте умер, но разве с ним скончалась и немецкая словесность? Впрочем, быть может, тебе не надобно

* древесные лягушки (нем.).

МИСТЕРИЯ КЮХЕЛЬБЕКЕРА «ИЖОРСКИЙ». ИЗДАНА А. С. ПУШКИНЫМ БЕЗ ОБОЗНАЧЕНИЯ АВТОРА, 1835 г.

Обложка книги


ИЖОРСКІЙ.

МИСТЕРІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ типографіи III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.
1835.

беспокоить и братцев, чтоб мне сказать какую-нибудь весть о немцах; быть может, дошли и до вас, мои милые корреспондентки, какие-нибудь новейшие романы немецкого изделия, или трагедии, или комедии? От сих последних однако я вас бы охотно избавил, если они не лучше прежних немецких: как ни бранят Коцебу, а он у немцев покуда один; по кр⟨айней⟩ мере он хоть смешит, прочие же — Ифлянд[5], etc. (здесь etc. стоит поневоле: других имен не вспомню) наводит зевоту. То ли дело мой Willy, мой бесподобный Willy![6] Надрываешься, когда его читаешь. Мой тезка — величайший комик, точно, как величайший трагик из всех живших, живущих и (я почти готов сказать) долженствующих жить. У него в его комедии «Much ado about nothing»[7] есть дамочка, называется она Beatrix,— спроси о ней Дмитрия. Быть может, ошибаюсь, а подчас мне кажется, что кое в чем ты должна быть похожа на нее. Скажи брату, чтоб он уведомил меня, отгадал ли я или нет.

Прощай, душа моя! Извини, что пишу тебе о предметах, которых, быть может, не знаешь, но это подаст вам повод к разговорам, к объяснениям, заставит, быть может, Дмитрия и прочесть вам, переводя изустно, несколько сцен из «Much ado» — и вы, верно, скажете мне спасибо за то, что здесь подаю ему к этому повод. Еще раз прощай; обнимаю тебя.

Твой друг
В. Кюхельбекер

P. S. Напомни Дмитрию характер Dogberry в «Much ado».

[1] См. прим. 2 к письму № 15.

[2] «Юрий Милославский» — роман М. Н. Загоскина (1829). Впоследствии Кюхельбекер писал: «Загоскин не блистательный талант, но человек, хотя несколько и ограниченный, с теплою душою и русским умом» («Дневник Кюхельбекера», стр. 304).

[3] Ю. К. Кюхельбекер.

[4] Кюхельбекер писал племянницам Глинкам 27 апреля 1834 г.: «Мне новая французская школа почти совершенно неизвестна: едва дошли до меня имена Альфреда де Виньи, Виктора Hugo, Маршанжи и пр.; об их же произведениях ровно ничего не знаю» («Летописи», стр. 170—171). Впоследствии Кюхельбекер высоко оценил и горячо полюбил творчество Гюго; в обращенном к нему стихотворении он писал об его «волшебной лире» (Кюхельбекер, т. I, стр. 202—203). Произведения Бальзака, которые Кюхельбекеру в 1834 г. удалось прочесть в русских журналах, произвели на него сильное впечатление. 12 июля он отметил в дневнике, что прочел «превосходный отрывок» из повести «Шагреневая кожа», а 25 июля записал под свежим впечатлением прочитанной «прелестной» повести «Г-жа Фирмиани»: «И как хорош сам Бальзак! Что за разнообразный, прекрасный талант! Признаюсь, я бы желал узнать его покороче». Позже Кюхельбекер охладел к Бальзаку; в 1841 г. он записал в дневнике: «Насчет некоторых писателей я свое мнение переменил; к этим, в особенности, принадлежит Бальзак. Теперь нахожу его довольно однообразным, хотя и теперь считаю его человеком очень даровитым». См. также Ю. Н. Тынянов. Декабрист и Бальзак. — «Лит. наследство», т. 33-34, 1939, стр. 363—377.

[5] Август-Вильгельм Иффланд (1759—1814) — немецкий драматург.

[6] Willy — Шекспир.

[7] «Much ado about nothing» («Много шуму из ничего») — комедия Шекспира, которую Кюхельбекер ценил особенно высоко (см. «Дневник Кюхельбекера», стр. 101).

21. Ю. К. ГЛИНКЕ

Перевод с немецкого.

<Свеаборг.> 30 июля 1834 г.

Любезная сестрица,

Важнейшее в ваших письмах — это известие, что Михаил женится[1]. Какое впечатление произвело на меня это известие, ты отчасти узнаешь из моего письма к маменьке. Преобладающим чувством была, несомненно, радость, да и трудно мне было, конечно, не испытать радости, как подумаю, что он теперь больше не будет так одинок. Письмо его к тебе так прекрасно: я в нем вполне вижу его правдивую, честную душу. В одной лишь части я ему все-таки не совсем верю, именно в том, что он не любит; да и делает он для своей будущей жены слишком много, чтобы думать, что он у нее не предвидит больших достоинств. Правда, это очень хорошо, что он не рисует себе идеальной картины будущего брачного блаженства; однако и в обратном не надо слишком далеко заходить. Я себе эту молодую особу представляю, правда, не светски воспитанной, но и не *испорченной воспитанием*, без знаний, но и не без здравого смысла: доброе, неиспорченное сердце — главное. Ты, конечно, будешь смеяться при чтении моего письма к маменьке, что я уже строю проекты, как мы станем воспитывать ее будущего внука. Но ты мне, конечно, охотно поверишь, что я эти ребячества ничем иным как ребячествами и не считаю(*и что я это более для того только написал, чтобы нашу бедную старушку рассмешить, чтоб дать ее мыслям веселое направление). Правда, очень знаю, что она теперь иначе смотрит на предметы, но все же помню, что этот брак должен был возбудить в ней горькие воспоминания, горькое сожаление о том, что́ мы утратили и чего нельзя уже возвратить *. Возникли у меня потом и более серьезные мысли, и, признаюсь откровенно, мысли, имеющие прямое отношение ко мне самому.

От моего желания когда-нибудь дожить свой век у Михаила я должен теперь — я это понимаю — отказаться. Правда, я, ей богу, думал, что в экономическом отношении я то уж ему в тягость бы не был; напротив того, может быть, господь благословил бы мои труды и они и ему и мне доставили бы значительный доход. Впрочем, если последнее случится,

* *Слова, заключенные в звездочки, написаны по-русски.*

я даже издалека могу с ним делиться. В братских настроениях Михаила я уверен; он, наверно, принял бы меня с радостью; но отныне он будет не один. В моем одиночестве я, может быть, освободился от многих недостатков; другие, однако, так, может быть, во мне укоренились, что мне едва ли когда-нибудь удастся от них освободиться. Эти недостатки, может быть, с точки зрения религии, и не тяжелые грехи, но они испортили бы жизнь мне и другим, в особенности людям, которых я близко не знаю: я стал нелюдим; я издавна был, как по-русски говорят, мнителен *, а теперь, к сожалению, стал еще того более. Но так как в жизни ничего плохого без хорошего не бывает, то и в расстройстве этой моей надежды есть то хорошее, что я теперь с менее тоскливым нетерпением буду ожидать конца моего срока. Впрочем, пусть все идет своим чередом; семь лет — время долгое, а время — лучший советчик.

Собственно говоря, я сегодня сел тебе писать, чтобы в этом письме убедительнейше просить тебя оказать мне в одном важном деле помощь. Михаил на *первое* время обеспечен, но, правда, только на первое. Надо заботиться о будущем. С моими поэтическими трудами, как видишь, дело не идет: они мне еще ничего не принесли. Но я бы охотно взялся за работу другого рода, если б только мог предвидеть, что она принесет деньги [2]. Будь поэтому добра, когда ты вернешься в Петербург, сделать *все, что только возможно*, чтобы я получил уверенность, что такие работы вам будут вручаться. Если *нужно*, обратись сама к нашему благодетелю, великому князю [3], скажи ему, что я *не для себя* хочу работать. Я буду очень признателен, если бы мне свыше пожелали поручить подобные работы. Если это, однако, не произойдет, то пусть твои сыновья для начала что-нибудь выберут, что я мог бы перевести; в финансовом отношении роман был бы лучше всего. Но это должен быть такой роман, который никто другой не переводит; об этом надо разузнать. О Дивове** больше и речи быть не может: я бы охотно и с ним поделился, но так как я отныне ни о каком дележе больше не думаю, а серьезно прошу и требую, чтобы *все целиком* направлялось моему брату, то я вынужден предоставить молодого человека провидению господа бога, который его и не оставит [4].

Быть может, тебе и этот проект покажется столь же химерическим, как и педагогический в письме к маменьке. К сожалению, я сам этого опасаюсь. Так часто и в таком множестве расстроенные надежды с трудом позволят новым зародиться в моей груди. По крайней мере, прошу тебя, я почти готов сказать — заклинаю тебя твоей сестринской любовью сделать все возможное, и *самой* сделать. Если и тогда не выйдет, то я уж буду вынужден смириться; но это будет все-таки одним из сильнейших ударов, которые мне доведется претерпеть от судьбы. Пошли мне бог тогда терпения! Моего дорогого Бориса я опять буду в этом деле просить взять на себя хлопоты по изданию 〈...〉 Je suis persuadé, que Boulgarine fera son possible, de m'être utile; je sais qu'il n'a pas de rancune contre moi et qu'il n'oubliera jamais, que j'ai été l'ami intime d'un homme, qu'il a beaucoup aimé et estimé***.

Будь здорова, добрая сестрица; с тоскливым нетерпением буду ожидать не *определенного* ответа на это письмо, но все же твоего мнения о нем.

NB. Ни слова об этом Михаилу, пока это не наладится; убедительнейше прошу тебя об этом. — Сегодня не пишу тебе о Дмитрии, но ему самому напишу.

Целую твои руки. Твой Вильгельм

---

* мнителен — *по-русски*.

** О Дивове — *по-русски*.

*** Я убежден, что Булгарин сделает все, от него зависящее, чтобы быть мне полезным; я знаю, что он меня не поминает лихом и что он никогда не забудет, что я был близким другом человека, которого он очень любил и уважал [5] (франц.).

[1] М. К. Кюхельбекер 3 июня 1834 г. женился на баргузинской мещанке Анне Степановне Токаревой. Узнав об этом из писем родных, В. К. Кюхельбекер записал в дневнике 26 июля 1834 г.: «Брат мой женится или, вероятно, уже женат. Трудно выразить, какое впечатление произвело на меня это известие».

[2] Речь идет о переводах с иностранных языков.

[3] Имеется в виду в. к. Михаил Павлович, сыгравший известную роль в судьбе Кюхельбекера после 14 декабря. К Михаилу Павловичу обратились родные Кюхельбекера с ходатайством о замене ему каторги заключением в крепости. Надежды Кюхельбекера на то, что Михаил Павлович поможет ему получить позволение печататься, были, конечно, совершенно необоснованными.

[4] Речь идет о распределении гонорара, который Кюхельбекер рассчитывал получить в случае опубликования переводов из Шекспира или собственных произведений. Известно, что друзья Кюхельбекера выплачивали его родным какие-то суммы в счет будущего гонорара; так, еще в 1829 г. Дельвиг передал им 1000 руб. за перевод «Макбета» (см. К ю х е л ь б е к е р, т. I, стр. XLIX).

Василий Абрамович Д и в о в (ум. в 1842 г.) — морской офицер, мичман Гвардейского экипажа, член Северного общества, близкий друг М. К. Кюхельбекера; был осужден по первому разряду на бессрочную каторгу, затем срок был сокращен до 20 лет, но в 1827 г., по секретному высочайшему повелению, Дивова отправили в Бобруйскую крепость; в 1839 г. он был определен рядовым на Кавказ. В июле 1832 г., пересылая родным свою поэму «Зоровавель» и мечтая о напечатании ее (что и осуществилось), Кюхельбекер писал, что хотел бы распределить гонорар между братом Михаилом и В. А. Дивовым: «...может быть, останется еще что-нибудь и для Дивова, в котором мой добрый брат принимает такое участие и которого так горячо поручил мне в последний раз, когда мы виделись. Это был очень печальный день — 13-го июля 1826 года; когда Михаил узнал, что наша судьба, моя и Дивова, почти одна и та же, ему пришло на мысль, что, быть может, мы будем в одном месте и, не надеясь более меня увидеть, он взял за руку Дивова и подвел ко мне, говоря: „Вот тебе брат!“ — Милый, добрый брат! Он знал, как мне нужна, как необходима чья-нибудь любовь: его желание не исполнилось, мне суждено быть одиноким и любить близ себя только птиц, которых я кормлю на своем окне, да дерево, которое я вижу из моей тюрьмы. Но я никогда не забуду его завета и от всего сердца желаю быть чем-нибудь полезным тому, кого он считал способным заменить себя при мне» (К ю х е л ь б е к е р, т. I, стр. XLV—XLVI).

[5] Речь идет о Грибоедове.

22. НАТ. Г. ГЛИНКЕ

〈Свеаборг.〉 21 августа 1834 г.

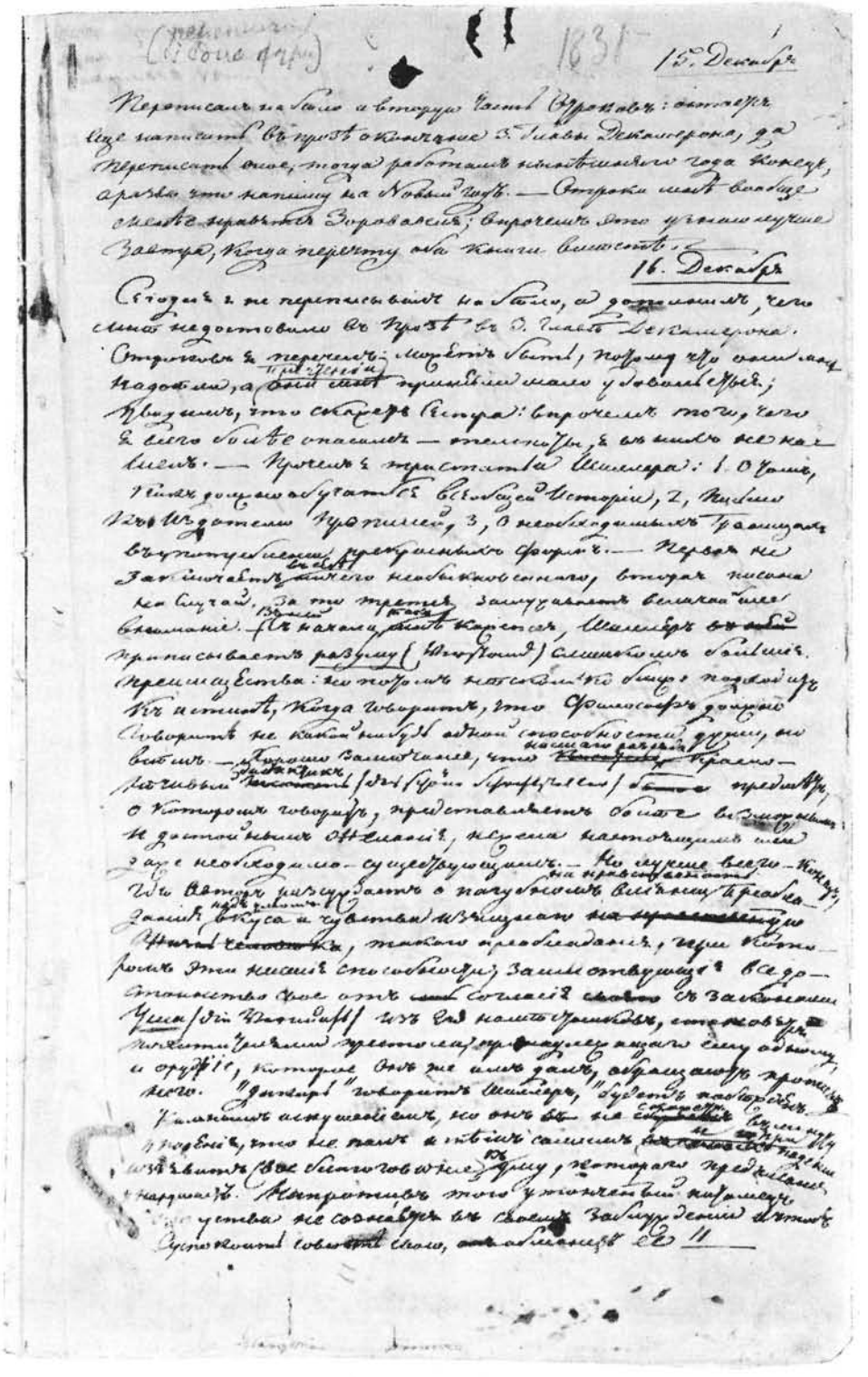
Милая Наташа.

Твои именины опять близко. С наслаждением вспоминаю о расположении духа, в каком писал к тебе в этот день или около этого дня прошлого году [1]. И теперь не могу жаловаться: я здоров и весел. Только, к несчастью, с марта месяца живу совершенно физически: сочинять я не в состоянии, хотя почти нет недели, чтоб не зарождался в душе моей какой-нибудь новый предмет [2]. Летом я совершенно теряю механическую легкость составлять стихи: все меня развлекает; все мне надоедает очень скоро, прилежания ни на грош. Но не об этом дело.

Матушка мне пишет, что вы, все шестеро, были вместе... Как же должна была наслаждаться ваша маменька! Надеюсь, что и в твои именины будет то же: уведомь меня об этом.

В этом месяце я вспоминал вас чаще, чем обыкновенно, хотя и в обыкновенное время верно нет дня, в который не вспомнил бы вас два, три раза. Но в июле, во 1-х, двенадцатое число — день для меня лично примечательный [3], потом день рождения вашей маменьки и день твоего рождения, наконец, именины Бориса. Зато и писал я к вам довольно часто. Вот моя корреспонденция: 12 и 13 — к Борису, к Юстине Карловне и к тебе, при том была посылка на имя Бориса; 19 — к матушке и Борису; потом в последних числах — к матушке, брату, Юстине Карловне, Дмитрию, Саше и Тиненьке. Итого три пакета, а писем одиннадцать [4].

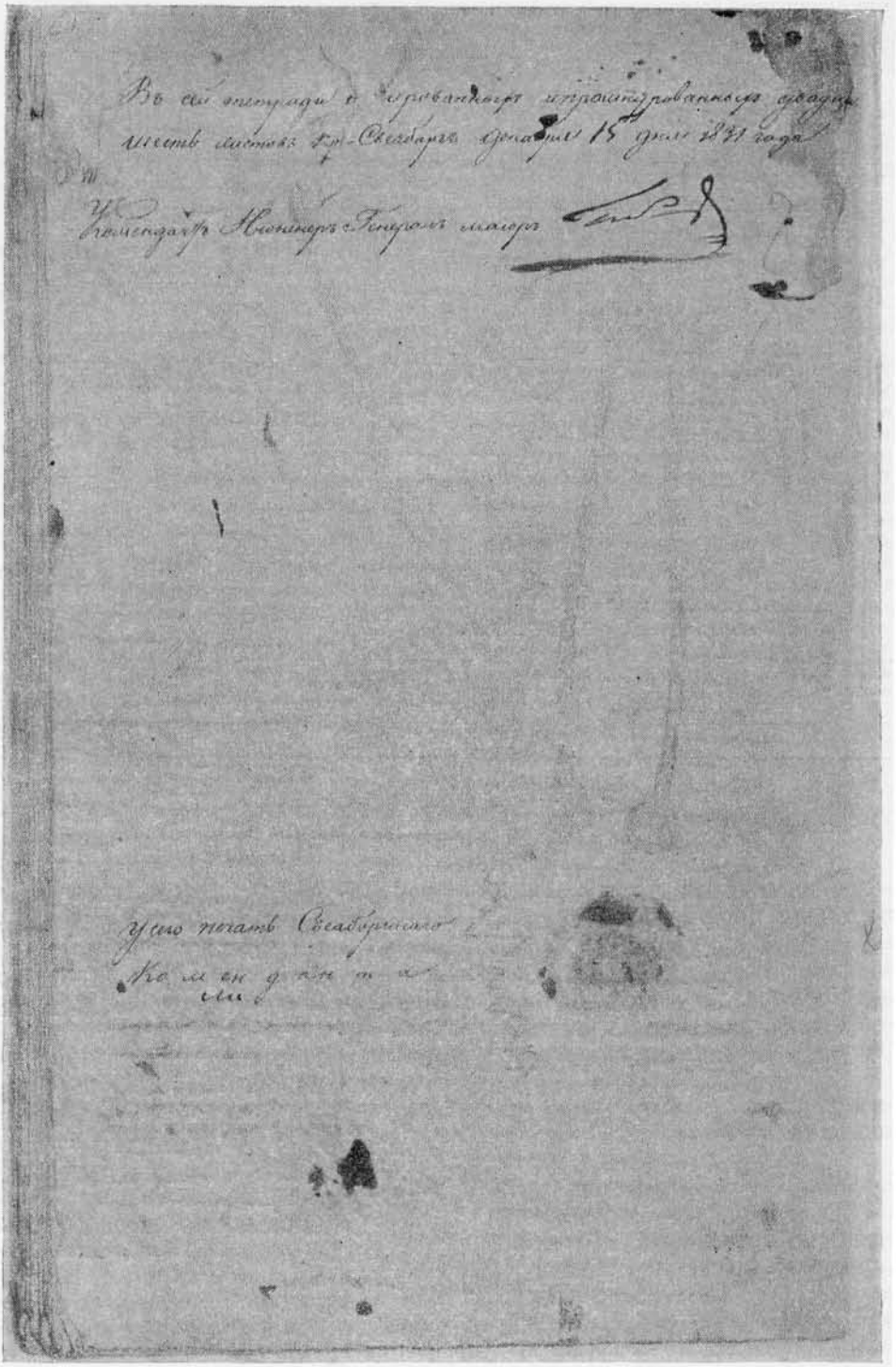
Если будет досужно, уведомь меня, получили ли вы эти письма, а если не все, то какие? 〈...〉 Видаетесь ли с Прасковьей Николаевной? [5] Где она проводит нынешнее лето? Неужто в городе?



ДНЕВНИК КЮХЕЛЬБЕКЕРА ПЕРИОДА ПРЕБЫВАНИЯ В СВЕАБОРГСКОЙ КРЕПОСТИ, 1831—1832 гг.

Лист 1

Исторический музей, Москва



ДНЕВНИК КЮХЕЛЬБЕКЕРА ПЕРИОДА ПРЕБЫВАНИЯ В СВЕАБОРГСКОЙ КРЕПОСТИ, 1831—1832 гг.

Лист последний с подписью и печатью коменданта крепости

Исторический музей, Москва

Не пеняй на меня, что я опять взвалил на тебя обузу поручений, но, друг мой Наташа, пока сестра Julie странствует за горами, за морями, в тридевятом царстве, в тридесятом государстве [6], прошу тебя заступить мне ее место. Как наш Борис принял меня под опеку в отношении к финансам, так прошу тебя принять меня на свое попечение касательно известий, уведомлений, справок. Сверх того, женщины меня всегда лучше понимали, нежели мужчины (отзыв обо мне Юстины Васильевны[7] никогда не забуду): мне нужно, необходимо иногда кое-что высказать, что не годится ни для матушки, потому что может опечалить ее, ни для братьев твоих, потому что — но сама дополни это *потому что*, ни для моего брата, ибо было бы бессовестно прибавлять еще к бремени, которое и без того его отягощает. Итак, остаетесь вы, т. е. ваша матушка, тетушка [8], ты, Саша и Тиненька. Последние две слишком молоды, тетушки здесь нет, к Юстине Карловне я привык писать по-немецки, а если вдруг стану писать по-русски, наша старушка [9] бог весть что подумает. Ты видишь, что по необходимости тебя выбираю в свои духовники, в свои поверенные. Знаю, что подчас наведу на тебя скуку, а подчас, может быть, и досаду. Но без твоего согласия я и не решусь надоедать тебе. Жду твоего позволения, которое, впрочем, надеюсь, не употреблю во зло. Целую твои ручки. Поклон мой братцам и сестрицам.

Твой друг В. К ю х е л ь б е к е р

[1] Это письмо не дошло до нас.

[2] Начиная с марта 1834 г., после того как была закончена поэма «Сирота», Кюхельбекер был занят следующими начинаниями: 16 мая он вернулся к замыслу поэмы «Агасфер» (который «ожил в одежде драматической мистерии»); 14 июня начал писать роман (в прозе); 22 июня написал хор к драме «Архилох»; с 26 июня по середину июля переправлял незаконченную драматическую сказку «Иван, купецкий сын»; 4 августа начал писать трагедию «Дмитрий Самозванец» (другое заглавие: «Григорий Отрепьев»), но вскоре же оставил этот замысел; 10 августа приступил к переводу трагедии Шекспира «Венецианский купец» (см. прим. 4 к письму № 23).

[3] 12 июля — годовщина объявления Кюхельбекеру приговора.

[4] Ни одно из этих писем до нас не дошло.

[5] П. Н. Ахвердова (см. о ней прим. 12 к письму № 19).

[6] См. прим. 2 к письму № 17.

[7] Ю с т и н а В а с и л ь е в н а — Устинья Васильевна Козлова (ум. в 1897 г.), урожд. Зиновьева; близкий друг Кюхельбекеров и Глинок.

[8] Т е т у ш к а — Ю. К. Кюхельбекер

[9] Мать Кюхельбекера.

23. Ю. К. ГЛИНКЕ

Перевод с немецкого.

⟨Свеаборг.⟩ 27 августа 1834 г.

Любезная сестрица,

Твое милое письмо от 11-го доставило мне очень радостную минуту как по содержанию, так и по той манере, в какой ты мне сообщаешь все хорошие новости. В твоих талантах я не сомневался; что же касается анонимности, то будет трудно ее сохранить [1]. Тебе надо бы придумать себе имя, которое могло бы быть принято за настоящее именно публикой. Друзья твои пусть уж угадают, что ты скрылась под этой фирмой. Тебя зовут не только Юстина, но и Софья [2]; поэтому мой совет — вещицы, которые ты хотела бы издать, печатать под следующим именем: *Софья Авинорская* *; вымышленная фамилия *Авинорская* ** даже не была бы

* С о ф ь я А в и н о р с к а я — *по-русски.*

** А в и н о р с к а я — *по-русски.*

неправдой. Не была ли ты до замужества Авинорской * барышней? Ведь это же действительно было наименование, под которым тебя больше всего знали наши мужики,— я разумею русских из деревни Логузен,— и другие русские, бывавшие иногда в Авинорме.— Итак, для чужих это имя было бы совсем незнакомым, и они могли бы его принять за настоящее; твоим же друзьям и тебе самой напоминало бы твою молодость.

Я охотно буду сообщать вам в письмах отрывки из моих работ; я только опасаюсь, что если они будут слишком длинны, они могут повредить самим письмам.

A propos de lettres **: получил ли Борис по крайней мере то письмо, к которому была приложена рукопись? [3] Получил ли он еще другое письмо от меня, датированное 19-м июля, днем твоего рождения? Во втором, в котором я благодарю за письма, было приложено маленькое письмецо для маменьки. Это письмецо мне особенно важно, так как в нем шла речь о тебе. Прошу меня обо всем этом уведомить 〈...〉

Что мне писать о себе, дорогая, добрая сестрица? У меня все идет по-старому; однако, слава богу, я в течение всего лета был *неизменно* здоров; настроение мое также было значительно лучше, чем прошлым летом, хотя я и на этот раз в хорошие дни не мог работать. С моей стороны было бы, однако, в высшей степени неблагодарным по отношению к божьему провидению, если бы я за это время стал впадать в уныние: ведь и мне выпало на долю в эти месяцы много прекрасного и хорошего. Не знаю, что дальше бог пошлет, многое могу я пожелать, да и признаюсь откровенно, что многого и желаю, однако я день ото дня все больше убеждаюсь, что если мои желания не исполняются, то это к моему благу.

Так как в моем положении и мелочи имеют значение, уведомляю тебя, что я завел себе кошку; это очень любопытный зверек; букву *а* в слове *также* в четвертой строчке снизу смазал мой котенок лапкой; теперь он сидит у меня на шее, минутку назад он сидел у меня на левой руке. Но не хочу терять времени, сообщая тебе эти ребячества.

Теперь я перевожу «Венецианского купца»: делаю я это, чтобы овладеть драматическим белым стихом; надо надеяться, что зимой мне это понадобится [4]. Но, вместе с тем, я испытываю большое наслаждение при этом переводе: стиль великолепен, мне кажется, что Шекспир не написал ни одной вещи, которую в отношении стиля, образов, красоты формы можно было бы сравнить с «Венецианским купцом»; правда, содержание его — простая новелла, но все же очень привлекательная. Прошу Дмитрия позволить мне, когда я окончу перевод, сообщить ему те стихи оригинала, которые я не вполне пойму. У меня Шекспир в издании Теобальда, которое хоть и очень хорошо, но почти столетней давности. С тех пор появились лучшие с более обстоятельными примечаниями и толкованиями. Поэтому-то я и попрошу Дмитрия по этим изданиям или по его собственному соображению пояснить мне то, что не совсем ясно будет. Я желал бы, чтобы твои сыновья, особенно Николай, заранее считали мой перевод им посвященным: отношение Антонио к Бассанио приблизительно такое, какое я желал бы видеть между молодыми людьми, если б только это могло быть достигнуто пожеланиями. На этот раз не пишу маменьке; поэтому прошу тебя поцеловать ей от меня руки. Целую и твои и остаюсь

твой Вильгельм

[1] Ю. К. Глинка, очевидно, собиралась анонимно опубликовать в печати какие-то свои литературные произведения. Они нам не известны.

[2] Ю. К. Глинка была наречена двойным именем: Юстина-Софья.

* Авинорской — *по-русски.*

** По поводу писем (франц.).

[3] Очевидно, речь идет о письме № 12.

[4] Трагедию Шекспира «Венецианский купец» Кюхельбекер начал переводить 10 августа (25 августа был закончен перевод I действия; 30 августа — 1-го явления II действия). Вскоре, в октябре — ноябре, Кюхельбекер написал «драматическим белым стихом» (пятистопным ямбом) большую пятиактную трагедию «Прокофий Ляпунов».

24. НАТ. Г. ГЛИНКЕ

⟨Свеаборг.⟩ 27 августа 1834 г.

Любезная Наташа.

Благодарю за милое письмецо твое, особенно за подробности о братце твоем, Дмитрии Григорьевиче. В Графской Славянке [1] случалось мне прогуливаться в бытность мою в Лицее; тогда, в 12 или 13 годах, жил там старик Самборский [2], тесть нашего директора; спроси о нем бабушку; покойник в своем роде человек был примечательный.

Не отлагая далее, замечу тебе следующее [3]: «вот уже целый месяц, *что* брат etc.», лучше: «*как*»; «я боялась найти в нем большой перемены» — *бояться чего* — правильно и должно так говорить, напр⟨имер⟩, «боюсь перемены»; но в твоей фразе слово *перемена* зависит уж не от глагола *боялась*, а от другого глагола — *найти*, который требует не родительного, а винительного падежа; итак, должно быть: «боялась найти *большую перемену*». Следует потом: «он был бы нам чужд после *трехлетнего* (у тебя *трех-летнего*) отсутствия»; *бы* при глаголе личном составляет наш conjonctif, наш conditionnel, а из французской грамматики ты знаешь, что эти два залога не могут стоять независимо, как тут у тебя стоит эта фраза, которая совершенно непонятна, если не подразумевать тут слов: «в таком случае» или что-нибудь подобное, чем бы она связывалась с предыдущею. Сверх того: *чужд* в письменном слоге не годится, лучше: *чужой*.

Благодарю тебя за лестный отзыв о моей пьесе *Надежда*[4]. Твоя маменька желает, чтоб я время от времени в письмах своих сообщал вам отрывки более значительные, чем доселе. Вот почему ныне получишь несколько строф начальных из моей небольшой поэмы: *Семь спящих отроков*. Она у меня ныне выправлена. Если понравится тебе начало, сообщу и продолжение. Предварительно несколько слов объяснительных.

В первой строфе говорится о междуусобиях, которые раздирали империю римскую, начиная с смерти Комода до Деоклетиана. Преторийская когорта, а потом и легионы буйствовали самым ужасным образом; так, напр⟨имер⟩, по убиении Пертинакса первые продали с молотка багряницу Августов. Наконец незадолго до Септима Севериа пятьдесят полководцев в разных областях в одно и то же время вздумали домогаться престола; они известны в римской истории под названием пятидесяти тиранов. С ними собственно не до́лжно бы было смешивать честолюбцев, предшествовавших восстановлению единодержавия Деоклетианом, но как Деоклетиан совершил то же, что в свое время Северий, и застал римский мир в тех же обстоятельствах,— я полагал позволительным назвать хищников, от коих очистил Деоклетиан империю, так, как назывались подобные им хищники во время Северия.

Деокл — то же, что Деоклетиан; так назывался он, будучи еще простолюдином. Впрочем, справься об этом в Crevier, Histoire de l'Empire Romain[5] и напиши мне, не ошибся ли я? Когда пишешь только на память, легко ошибиться, особенно в именах собственных; знаю, что у него было еще третье имя, но его, кажется, носил он, начиная уже возвышаться, будучи уже предводителем войск. Справься об этом и уведомь меня.— Если нет у вас Crevier, так есть же Goldsmith [6] ⟨...⟩

Тут пока довольно; ты видишь: это одно вступление. Если пожелаешь прочесть продолжение, уведомь. Не считаю нужным напомнить тебе, что

квириты то же, что римляне; что орлам и знаменам римляне приносили жертвы etc. Все это ты, верно, теперь лучше меня знаешь и помнишь.

Ныне уж 28-е; письмо это начато 27-го,— итак, на другой день после твоих именин. Хотя я тебя уж поздравлял с ними, однако повторяю еще раз желания тебе всякого счастия. Благодарю за письмо сестры Julie; оно здесь следует обратно. Навряд ли тебе, да и другим, строфы, которые я выше переписал, придут по вкусу; но повторяю, это только начало; хороши же они разве в одном механическом отношении. Язык и версификация в них — это я сам чувствую — не дурны.

Прощай, моя милая Наташа! Поклон мой всем твоим сестрицам и братцам. Быть может, напишу еще несколько строк к Саше, но едва ли успею: теперь 11-й час, а в первом хочу отослать свой пакет, надобно же еще написать письмо к брату и длинное.

Целую твои ручки.

Твой друг В. Кюхельбекер

[1] Графская Славянка — местность под Петербургом, недалеко от Царского села.

[2] Андрей Афанасьевич Самборский (1733—1815) — священник, видный церковный деятель, законоучитель и духовник в. к. Александра Павловича. На дочери Самборского был женат первый директор Царскосельского лицея В. Ф. Малиновский.

[3] Дальнейший текст — грамматические замечания на письмо Нат. Г. Глинки; Кюхельбекер делал такого рода замечания на письма племянниц, по просьбе их матери, в педагогических целях.

[4] Большое стихотворение «Надежда» было впервые напечатано в Избранных стихотворениях Кюхельбекера. Шо-де-Фон, 1880, стр. 72—78.

[5] Речь идет о труде Crevier «Histoire des Empereurs Romains depuis Auguste jusqu'à Constantin» (12 томов, 1749—1755).

[6] Имеется в виду учебное пособие: Goldsmith. Histoire romaine, depuis la fondantion de Rome jusqu'à l'empire romain en Occident (франц. изд. 1805 г.).

Далее следует текст первых пятнадцати строф из поэмы «Семь спящих отроков» (1833). В дальнейшем Кюхельбекер возвращался к поэме (в сентябре 1834 г., осенью 1835 г.) для окончательной обработки (сюжет поэмы — гонения на христиан в Риме в IV в., при императоре Диоклетиане). Текст, сообщенный Кюхельбекером в данном письме, несколько отличается от окончательной редакции (Кюхельбекер, т. I, стр. 416—446); наиболее значительное отличие — 11-я строфа, отсутствующая в окончательном тексте:

Дубравы обладатель благородный
Не губит робкой лани без нужды;
Чтó пользы? Среди тьмы в степи бесплодной
В песке чакал обрел его следы
И крадется за ним, всегда голодный.
Бессильных страшный лев не растерзал;
Но мерзостный ли пощадит чакал?

25. Ю. К. ГЛИНКЕ

Перевод с немецкого.

<Свеаборг.> 25 сентября 1834 г.

Любезная сестрица,

желаю тебе к завтрашнему празднику [1] радости, веселья и не слишком много гостей, однако все же, если возможно, Натали, Эмилию [2] и Юстину Козлову [3]. Все, что я настроился сказать вам к этому дню, я уже высказал в письмах к матушке и Тиненьке. При распределении ты немножко обойдена: прошедшее и будущее, естественно, поэтичнее, нежели настоящее, а на твою долю последнее и пришлось. Но сколько бы ни любить все поэтичное, счастливое—настоящее, хоть и прозаичное, дóлжно все же предпочесть всей возможной поэзии. Это я говорю вообще и вовсе этим не хочу сказать, что твое (а может быть и мое) настоящее совсем прозаичны. Светотень поэзии оно, правда, приобретет не ранее, чем оно перестанет быть настоящим. Так как твое настоящее, или, лучше сказать, твоя

БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ИЗДАНІЕ

книгопродавца Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЪ СЪ СЫНОМЪ

1835

При всѣхъ бѣдахъ, исполненъ упованья,
Предъ Богомъ Іовъ не грѣшилъ;
И ни единожды роптанья
Изъ устъ своихъ не изрекъ.

Услышавъ вдалекѣ страдальцевы три друга
О лютости постигшихъ старца каръ,
Пришли къ нему, и каждый изъ округа
Роднаго своего, — изъ Минеи Сафаръ,
Ельфазъ же изъ Ѳемана,
Валдадъ изъ области Суана, —
Единодушные, желая одного, —
Утѣшить друга своего.
Увидѣвъ издали и не познавъ его,
Они возопіяли,
И горько зарыдали,
И каждый ризу растерзалъ,
И голову землей, рыдая, посыпалъ.
Возсѣвъ потомъ они близъ Іова, сидѣли
Семь дней и семь ночей,
Не заводя съ нимъ ни какихъ рѣчей,
За тѣмъ, что лютость мукъ, мукъ злѣйшихъ, ясно зрѣли.

Ѳ. ГЛИНКА.

КУДЕЯРЪ.

РЯЗАНСКОЕ ПРЕДАНІЕ.

Надъ зеркаломъ Истьи, рѣки тихоструйной,
Не свѣтлый, булатный шеломъ
Блеститъ на головушкѣ храброй и буйной, —
Надъ рѣчкой красуется домъ:
Тотъ домъ не жилье ли тіуна Истомы?
Что полная чаша — тіуна хоромы,
А нивы — что море, кругомъ.

Ушелъ, убѣжалъ, окаянный. Но кара
Ужели его не найдетъ?
Спасетъ ли изъ Божіихъ рукъ Кудеяра
Быстрѣйшій орлиный полетъ?
Сразитъ его завтра, когда не сегодня,
Сразитъ душегубца десница Господня
Проклятаго бездна пожретъ.

В. ГАРПЕНКО.

ШЕКСПИРЪ.

СОНЕТЪ.

Не знаешь ты священныхъ упоеній,
Коль никогда моляся не рыдалъ;
Не знаешь ты блаженства вдохновеній,
Когда тебя Шекспиръ не вдохновлялъ!

Надъ бездной адскою парилъ поэта геній,
И дольній міръ безстрастно изучалъ, —
И въ часъ таинственный высокихъ откровеній
Міръ цѣлый изъ души и сердца извлекалъ.

Міръ внутренній и внѣшній отразился
Въ его созданіяхъ, какъ въ морѣ — небосклонъ,
И отблескомъ души всемірной озарился,

Какъ въ древности торжественный Сіонъ.
Почти, о человѣкъ, поэта поклоненьемъ:
Въ немъ проявился Богъ небеснымъ вдохновеньемъ.

Л. ЯКУБОВИЧЪ

«БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ» 1835 г. № 12. ЗДЕСЬ, ЗА ПОДПИСЬЮ: В. ГАРПЕНКО, БЫЛА НАПЕЧАТАНА БАЛЛАДА КЮХЕЛЬБЕКЕРА «КУДЕЯР», НАПИСАННАЯ ПОЭТОМ В СВЕАБОРГСКОЙ КРЕПОСТИ

Титульный лист книги и страницы с началом и концом стихотворения

настоящая судьба счастлива, то молю бога, чтобы вокруг тебя долго, очень долго, если б это было возможно — всегда, было столь же прозаично, как теперь. *Шутки мои глупы, но, ей-богу, мне не до шуток; а это пишется для старушки: письма мои к Наташе и к Саше, собственно, писаны к тебе. Извини, что в самые именины огорчаю тебя, но мне необходимо было высказать душу *. Я на этот раз почти всем вам написал, кроме нашего милого Бориса; и он получил бы от меня длинное послание, если бы я не был уже утомлен. Следующий раз я ему, однако, наверное напишу и одновременно Юленьке. Ему, без сомнения, не будет неприятно, если я его в этом случае с ней свяжу, если я в один день о них обоих буду думать и обоими заниматься. Между тем прошу тебя его обнять. Дай мне весточку о кузене Поле: где он? что? в каком положении? Своего Дмитрия ты опять проводила в дальние края. Да оградит его господь, где бы он ни был, и да сохранит ему чистое сердце и горячую душу! Я мало писал ему: лишь два коротеньких письма; но, право, я не мог иначе: останься он дольше, *мы бы разговорились *, как прежде. Будешь писать ему, попроси его уделить и мне самый маленький уголок в его памяти. Совсем темно; настоящая сентябрьская погода. Кончаю и целую тебе руки.

Твой Вильгельм

[1] Именины Ю. К. Глинки.
[2] Сестры Брейткопф.
[3] См. прим. 7 к письму № 22.

26. А. Г. ГЛИНКЕ

<Свеаборг.> 25 сентября 1834 г.

Милая Саша.

Благодарю за твое отрадное письмо от 5 сентября—да наградит тебя господь, что ты снисходительна к причудам скучного вашего затворника, который уж верно никому так не надоел, как самому себе!—Особенно теперь: я что-то совсем не в своей, как говорится, тарелке; и болен и недоволен ни самим собою, ни жизнью, ни миром; но, даст бог, пройдет и этот припадок хандры — он ныне довольно силен; зато давно его не было; сверх того уж несколько и полегче, по кр<айней> мере здоровье уж поправляется.

Если бы господь бог дал, чтоб я начал своего «Ляпунова» [1]; тогда бы я все на свете забыл и был бы счастлив, здоров и свободен, почти бы в мире мечтаний. Величайшим для меня несчастием будет, если ныне зимою не буду в состоянии сочинять; уж и при одной мысли об этом усиливается хандра — да мимо йдет хоть сия чаша!—Конечно, не имею ручательств за свой талант: иное, что написал я, мне, быть может, и кажется хорошим; но вероятно, что и Тредьяковскому его «Телемахида» казалась дивным творением гения. Не спорю, что, может быть, и я похож на покойника Василия Кирилловича — Пусть! — все-таки для меня было бы тяжко в настоящем положении не быть рифмачем. Когда сочиняю, мне кажется, что время нейдет, а летит: дни за днями, недели за недели, месяцы за месяцами проносятся, а я и не замечаю, словно тот отшельник, о котором рассказывают, будто бы он услышал пение райской птицы, заслушался и не заметил, как между тем прошло сто лет.

Мое письмо к тебе почти продолжение письма к Наташе... Что делать, выскажу разом все, что меня давит, а потом надолго, надеюсь на господа, оставлю вас в покое этими малодушными жалобами. Хоть бы завтрашний день, когда все вы будете радоваться, провесть без тоски; авось это и будет: бог милостив! Об одном я только прошу вас: подобных писем не по-

* *Слова, заключенные в звездочки, написаны по-русски.*

казывайте братьям, а то мне перед ними будет стыдно и совестно. Худой я плательщик, милая Саша: твоей дружбе и приветливости плачу́ всякий почти раз или придирками к тому, другому, третьему, или, что еще того хуже,— красноречием угрюмой хандры.—По кр⟨айней⟩ мере последнее случается не слишком часто: вот почему прошу извинить меня [2].

Целую твои ручки. Наталье и Эмилии Феодоровне [3], также и Прасковье Николаевне [4] прошу засвидетельствовать мое почтение, если увидишь их по вашем возвращении в Петербург. Еще раз прощай!

Твой друг В. Кюхельбекер

[1] Вскоре Кюхельбекер приступил к работе над стихотворной трагедией «Прокофий Ляпунов»: 1 октября была написана первая сцена; в дальнейшем Кюхельбекер работал чрезвычайно интенсивно: 21 ноября драма была закончена (пять актов были написаны в 52 дня).

[2] В тот же день Кюхельбекер записал в дневнике: «...Я этот день провел и физически, и нравственно лучше многих ему предшествовавших. Не жалею я даже, что, так сказать, исповедовался в письмах своих к Наташе и Саше: это было мне необходимо, раз — потому, что не хочу казаться моим милым лучшим, чем я в самом деле, а во-вторых, потому, что считаю подобные признания единственною эпитимиею, какую могу налагать на себя самого».

[3] Сестры Брейткопф.

[4] Ахвердова (см. прим. 12 к письму № 19).

27. Ю. К. ГЛИНКЕ

Перевод с немецкого.

⟨Свеаборг.⟩ 2 октября 1834 г.

Любезная сестрица,

...Я выздоравливаю; и что очень хорошо — уныние меня совсем покинуло, ибо, слава богу, я опять работаю. Твой сын получит первую сцену «Ляпунова», которую я вчера написал; сегодня у меня уже вторая готова. Если так дальше пойдет (на что, впрочем, не следует не только надеяться, но чего *и желать* нельзя), то это произведение я закончу к новому году [1]. Затем я перепишу его и пришлю в Петербург,— даже если вам не доведется его получить, то естественно мое желание сделать свои работы известными тем, чье милостивое разрешение и заступничество позволило мне посвятить себя занятиям этого рода. В душе у меня как после бури: светло, тихо, ясно. Да подаст мне господь, чтобы силы ко мне опять вернулись ⟨...⟩

Твое сообщение об отношении Софьи к ее дочери [2] подействовало на меня удручающе. Если бы я мог не писать тебе, а говорить с тобою, я бы тебе задал вопрос, который ты, быть может, угадаешь и который разъяснил бы мне, по крайней мере, поведение Софьи. Добрая, мягкая Софья не может ненавидеть, и меньше всего свою дочь, не имея на то очень серьезных оснований. Если это так, то не будем этого предмета больше касаться, а предоставим все одному богу и всепримиряющему времени. Если же дело обстоит не так плохо, напиши мне еще раз об этом. Мое положение, моя отшельническая жизнь дают мне некоторые права, которых я без того не имел бы: с божьей помощью я попробовал бы обеим написать; может быть, мне удалось бы прервать раздор и примирить мать с дочерью. Пришли мне, прошу тебя, работы странной девушки; чистосердечно говоря, я не большой поклонник писательниц, ни старой Жанлис, ни Каролины Пихлер [3], ни г-жи Сталь, но посмотреть эти вещи я бы хотел. И потом, бывают случаи, когда для женщин и девушек заниматься сочинительством — своего рода утешение. Наши дорогие девочки, то есть твои дочери, ей-богу, надеюсь, не будут нуждаться в этом жалком

утешеньи; мы не должны завидовать тем, чье положение менее счастливо. Целую маменьке и тебе руки, а также ручки моим милым племянницам.

Твой Вильгельм

Nota-bene. * Сделай милость, уговори матушку не присылать мне лишних денег: такая присылка меня бы истинно огорчила *.

[1] Драма «Прокофий Ляпунов» была закончена 21 ноября 1834 г.
[2] Софья Андреевна — сестра Г. А. Глинки; была замужем за Петром Степановичем Лавровым, псковским помещиком, владельцем поместья Горки, где Кюхельбекер скрывался в течение нескольких дней после бегства из Петербурга 14 декабря. Публикуемые в настоящем томе архивные материалы (стр. 541—546) свидетельствуют, что П. С. Лавров готов был выдать Кюхельбекера полицейским властям. Дочь Лавровой — Любовь Петровна.
[3] Каролина Пихлер (1769—1843) — немецкая писательница, автор многочисленных моралистических произведений.

28. Б. Г. и НИК. Г. ГЛИНКАМ

<Свеаборг.> 18 окт<ября> 1834 г.

Пишу к вам обоим общее письмо, друзья мои сердечные, Борис и Николай, раз — потому, что писать много, а во-вторых, что имею вам сказать почти одно и то же. Статья первая: бью вам челом за «Библиотеку», этот подарок меня очень и очень обрадовал; теперь-то попирую! [1] Книги получил я вместе с письмами сегодня поутру; итак, судить о них еще не могу; вижу только, что главным редактором будет Николай Иванович Греч...[2] Это и хорошо и худо: хорошо относительно исправности издания, грамматики, правописания etc.; худо — в высших отношениях, ибо, если бы Гречу поставить номера, как то ставили вам, когда вы были в пансионе, положив 4 самым высшим,— по сведениям *европейским* поставил бы я ему 2, по всему нужному, чтобы быть хорошим критиком,—1, а по философии — 0 или даже минус. Конечно, за хорошее поведение, т. е. исправность, получил бы он 3 (однако не 4, а почему — узнаете ниже), а за грамотность — 4. Исправностью Греч может хвастать только в своих собственных статьях или в тех, которые, так сказать, усыновляет, qu'il blanchit **, как то напр<имер> в бывалое время случалось с писаниями Булгарина. Всего более будут на него жаловаться в этом отношении стихотворцы: Гречу ничего не стоит превратить любой стих (если этот стих только не Пушкина или Жуковского) в совершенную бессмыслицу, что он между прочим и очень ревностно успел совершить над двумя стихами сказки бедняка Гарпенка [3]; а именно про темную дорогу напечатано:

Пусть темна не для Пахома!

Cela ne veut absolument rien dire ***;
я уверен, что у хохла-стиходея было:

Пусть темна!..
Не для Пахома [4].

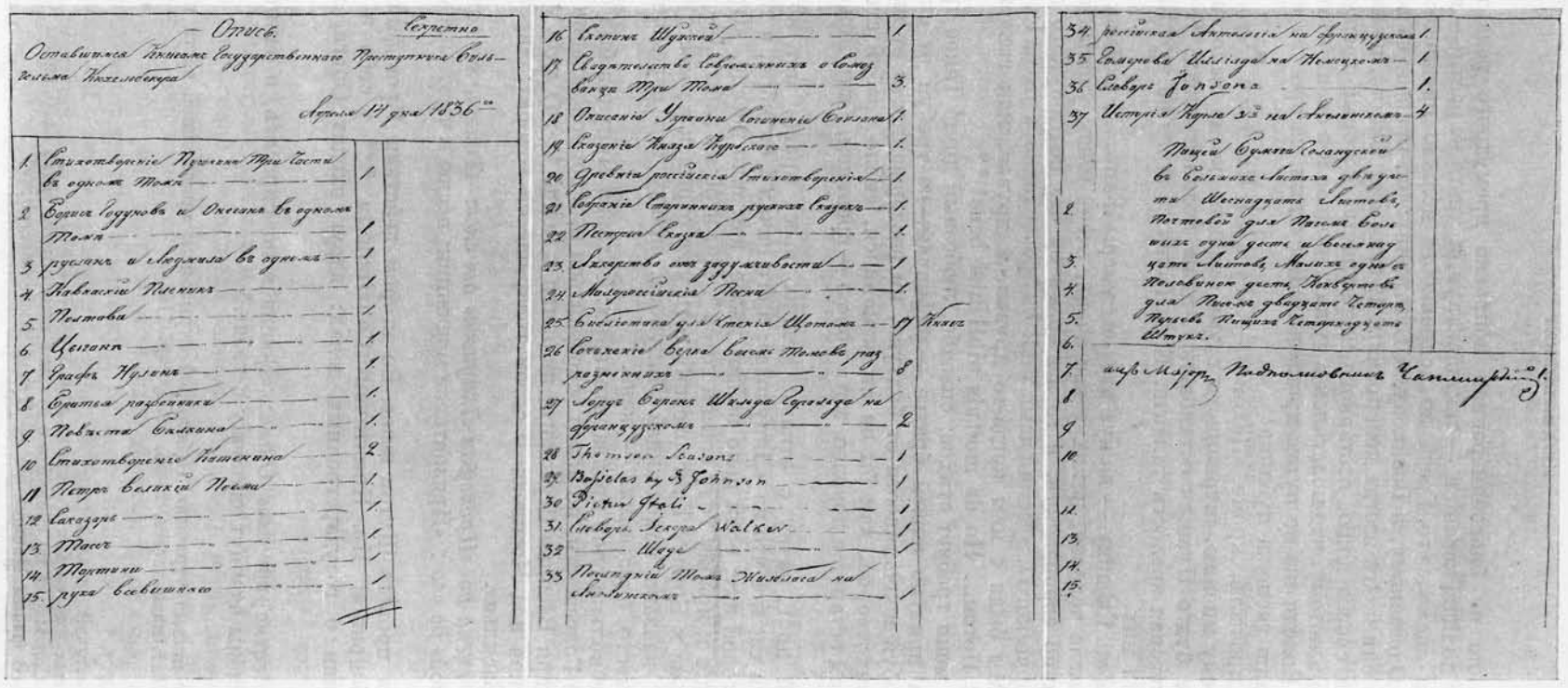
Далее:

Мрак из-за *сосновых* древ [5]
Раззевает черный зев!

Буде только Гарпенко не гр<аф> Дмитрий Иванович Хвостов, надевший на себя для курьезу малороссийский жупан,— не постигаю, как он мог написать: «сосновых древ!» — Cela me passe! ****

---

* *Слова, заключенные в звездочки, написаны по-русски.*
** которые оправдывает (франц.).
*** Это ровно ничего не значит (франц.).
**** Это выше моего понимания! (франц.).



Опись. Секретно

Оставшимся Книгам Государственного Преступника Бывшего Кюхельбекера

Апреля 14 дня 1836го

1.	Стихотворенiе Пушкина Три части въ одномъ Томѣ	1
2.	Борисъ Годуновъ и Онегинъ въ одномъ Томѣ	1
3.	Руслан и Людмила въ одномъ	1
4.	Кавказскiй Пленникъ	1
5.	Полтава	1
6.	Цыганы	1
7.	Графъ Нулинъ	1
8.	Братья разбойники	1.
9.	Повѣсти Бѣлкина	1.
10.	Стихотворенiе Катенина	2
11.	Петръ Великiй Поэма	1.
12.	Кавказецъ	1
13.	Масе	1
14.	Мултинi	1
15.	Рука всевышняго	1
16.	Евгенiя Шуазель	1
17.	Сказанiе о Сочиненiяхъ о Семъ банде Муи Тома	3.
18.	Описанiе Урянина Сочиненiе Сенака	1.
19.	Сказанiе Князя Курбскаго	1.
20.	Древнiя россiйскiя Стихотворенiя	1
21.	Собранiе Старинныхъ русскихъ Сказокъ	1.
22.	Пестрыя Сказки	1.
23.	Лекарство отъ задумчивости	1
24.	Малороссiйскiя Песни	1.
25.	Библiотека для Чтенiя Щепкина	17 Книгъ
26.	Сочиненiе Вольи Бисмъ Томовъ раз разныхъ	8
27.	Левре Вернеи Шевалье Сарседе на французскомъ	2
28.	The two Seasons	1
29.	Beljelas by S Johnson	1
30.	Victor Itali	1
31.	Словарь Jekyll Walker	1
32.	Шедъ	1
33.	Посѣщенiе Тома Жильласа на Маскарадѣ	1
34.	россiйская Антологiя на французскомъ	1
35.	Ермiлова Илiада на Нѣмецкомъ	1
36.	Словарь Johnson	1.
37.	Исторiя Карла 12го на Англинскомъ	4
1.	Тацитъ Сочинен Римлянскiй въ Большихъ Листахъ двѣ части	2
2.	Шестнадцать Листовъ, Почтовой для Писма Большихъ одна десть и восемнадцать Листовъ Малыхъ одна половинка десть Пополамъ для Писма двадцать четыре Перьевъ Писчихъ четыредесять Штукъ.	
3.		
4.		
5.		
6.		
7.	шъ Мiйоръ Подполковникъ Чаплицкiй	1.
8.		
9.		
10.		
11.		
12.		
13.		
14.		
15.		

ОПИСЬ КНИГ, НАХОДИВШИХСЯ У КЮХЕЛЬБЕКЕРА В СВЕАБОРГСКОЙ КРЕПОСТИ. СОСТАВЛЕНА 14 АПРЕЛЯ 1836 г.

В опись включены лишь книги, не взятые Кюхельбекером при выходе из крепости

Центральный исторический архив, Москва

Тут чуть ли не благонамеренная поправка премудрого редактора. Но как это не до меня касается — так, пожалуй, и трава не расти!— впрочем, все-таки скажу, что Греча по исправности до́лжно предпочесть и Полевому, и Одоевскому, и Воейкову, и Булгарину: он, правда, не всегда исправен, но они почти всегда неисправны. К этим *они* можете, пожалуй, причислить и своего дядю, отставного журналиста, который грешил не по незнанию, а потому, что полагался в чужих, подчас и в своих статьях, на Володю. Володя же не путем проказил[6]. Бог с ним! да простит ему и мне грехи наши госпожа публика!

Успел я прочесть, кроме «Пахома»,— «Гусара» Пушкина. Что скажете? По моему мнению, журналисты с ума сходили, когда было начали нас уверять, будто Пушкин остановился, даже подался назад. В этом «Гусаре» гётевская зрелость таланта. Если Полевые этого не чувствуют, тем хуже для них.

Из эпитафии Гнедичу — вижу, что он умер. Жаль. Покойник был в полном смысле человек, каких у нас очень, очень мало: ученый и литератор истинно европейский, в то же время не без поэтического дара, хотя и не творческого[7]; русский язык знал он превосходно, а это на Руси — cosa rara! * Мы были с ним когда-то друзья, и друзья, как говорится, закадышные! Потом... Но de mortuis nihil nisi bene! **

Борис от меня требует стихов; спасибо, любезный друг! Такое требование всегда приятно нашей братье — рифмачам; не требуй от скряги денег, не требуй молчаливости от болтуна, ни воздержанности от пьяницы; но от стихотворца, как бы он ни жеманился, смело требуй стихов; он всегда этим останется доволен, хотя порою — временем, быть может, и откажет.

И я, мой друг, начну с отказа: мелких пьэс, право, нет, но зато перепишу для вас кое-что из «Ляпунова»; я его начал 1 октября, а теперь пишу уже второй акт; если дело пойдет далее, как шло доселе, «Прокофий» мой будет к новому году совсем готов[8]. Да, чтоб не забыть!— в последнем письме к Борису Григорьевичу есть уже отрывок из моего opus, и тут Ольга названа наложницей Ляпунова; прошу это переменить и поставить вместо *наложница* — жена.

Теперь несколько слов предварительных: Захарья Ляпунов был схвачен в Москве Гонсевским, но успел освободиться и, в сопровождении бывшего шута царя Василья Шуйского, является в конце 1⟨-го⟩ акта в стан земских полков под Москвою; о своем товарище он говорит: «прежний шут царя Василья».

⟨*Следует сцена из «Прокофия Ляпунова» от слов*: «Теперь же полоумный и блажной» *до слов*: «Признателен мошенник; песню в честь мне успел сложить».⟩

Эта песня пропета Шутом выше. Во втором действии Прокофий с Захарьею и боярином Ив. Никитичем Салтыковым *** у себя в важном совещании о государственных делах: вдруг входит Ольга, жена Прокофья.

⟨*Следует сцена от слов Ольги*: «Вошла я не спросясь, и занят ты» *до слов*: «Холопы сдернут шапочку с тебя».⟩

Окончание письма утрачено. Небольшой отрывок из приведенной части письма напечатан в «Лит. наследстве», т. 58, 1952, стр. 114.

---

* редкий случай (итал.).

** о мертвых ничего ⟨не говорят⟩ или хорошо (лат.).

*** Этого Салтыкова не сбивайте с старым изменником Мих. Глебовичем Салтыковым, ни с его сыном Иваном же. — *Прим. Кюхельбекера.*

[1] Кюхельбекер получил от племянника Б. Г. Глинки первые томы нового журнала «Библиотека для чтения». Начиная с 19 октября 1834 г. и до середины 1835 г. дневник Кюхельбекера заполнен записями впечатлений от прочитанного в «Библиотеке» (среди прочитанного: «Гусар», «Пиковая дама» и «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» Пушкина, повести В. Ф. Одоевского, О. И. Сенковского, В. И. Даля, А. А. Бестужева-Марлинского, В. А. Ушакова, Ф. В. Булгарина, М. Н. Загоскина, драматические произведения Н. В. Кукольника и др.).

[2] Фактическим редактором «Библиотеки для чтения» был О. И. Сенковский, Н. И. Греч был объявлен его соредактором, но практического участия в руководстве журналом не принимал.

[3] Под псевдонимом В. Гарпенко в «Библиотеке для чтения» было напечатано два больших стихотворения Кюхельбекера: «Пахом Степанов» (т. V) и «Два гроба» (т. VII), а в 1835 г. — еще одно: «Кудеяр» (т. XII). Обстоятельства, при которых эти произведения появились в печати, не выяснены, но можно предполагать, что ближайшее отношение к этому имели Пушкин и В. Ф. Одоевский.

[4] В тексте авторизованной копии: «Пусть темна, не для Пахома!» (К ю х е л ь б е к е р, т. I, стр. 123).

[5] В тексте авторизованной копии: «Мрак из-за носастых древ...» (там же, стр. 126).

[6] В. Ф. Одоевский.

[7] О смерти Н. И. Гнедича Кюхельбекер узнал из «Библиотеки для чтения». В его дневнике под 20 октября 1834 г. записано: «...мне жаль Гнедича: мы когда-то были друзьями, потом поссорились; он умер, не помирившись со мною». Причина и обстоятельства ссоры не выяснены.

[8] См. прим. 1 к письму № 27.

29. МАТЕРИ

Перевод с немецкого.

⟨Свеаборг.⟩ 19 октября 1834 г.

... Приятно провожу я опять время, которое бежит или, вернее, летит бесконечно быстро; я опять пишу, и пока работа у меня идет успешно. Я даже надеюсь закончить свою трагедию [1] к новому году; может быть, даже раньше того. Тогда я снова возьмусь за греческий и прочту, наконец, «Илиаду» до конца [2]. Затем мне до весны еще останется «Венецианский купец», которого я хотел бы все-таки полностью перечесть. Надо надеяться, что тогда уже остающиеся до 12 июля [3] месяца два протекут быстро за чтением, исправлением старых работ и перепиской моего «Ляпунова». А 12 июля мне до срока останется всего лишь шесть лет, то есть столько, сколько я провел в Лицее. Правда, моя нынешняя школа совсем иная, чем Лицей; зато она и может быть с полным правом названа школой издевательства...

[1] Т р а г е д и я — «Прокофий Ляпунов».

[2] Кюхельбекер 9 июня 1831 г. начал читать «Илиаду» в подлиннике; закончил чтение 14 марта 1835 г.

[3] 12 и ю л я — годовщина объявления приговора Кюхельбекеру.

30. МАТЕРИ

Перевод с немецкого.

⟨Свеаборг.⟩ 8 ноября ⟨1834 г.⟩

... Здоровье мое опять превосходно. У меня изрядный аппетит; этому нечего удивляться, так как я много хожу, потому что обдумываю стихи. Только спать мало приходится: ложусь поздно, а встаю рано; впрочем, я сплю очень хорошо и крепко с полчасика после обеда и ночью. Да и чувствую я, что короткий сон мне очень полезен. Я опять пью кофе (в прошлом году мне этого нельзя было делать); до сих пор оно мне не повредило, но я тотчас же откажусь от него, как только допишу моего «Ляпунова». Я уже за четвертым актом. В будущем году, любезная матушка, попрошу Вас прислать мне «Одиссею»; с изучением «Илиады» я покончу около пасхи. Жаль мне моих греческих книг! У меня была недурная справочная библиотека: Гомер, Аристофан, три трагика. Все

это в 1825 году осталось в моей квартире, и бог весть, где это теперь! Прошу лишь теперь, то есть к весне, прислать мне одну «Одиссею», ибо получи я больше, остальные, в особенности мой любимец Аристофан, отвлекли бы меня от старого, *верного* Гомера и заставили бы меня *нарушить* ему *верность*. В дальнейшем я Вам также напишу, какое издание я желал бы иметь...

31. НАТ. Г. ГЛИНКЕ

⟨Свеаборг.⟩ 13 нояб⟨ря⟩ 1834 г.

...Как мне приятны ваши письма, ты истинно не поверишь, друг мой любезный Наташа! Теперь вы в начале их прибавляете еще премилые прекрасные виньетки. Эти виньетки уж и сами по себе очень хороши, но мне они особенно дороги, что служат новым доказательством вашего желания доставить удовольствие старому отшельнику; сверх того они меня, так сказать, переносят в Петербург. Впрочем, этого последнего не говорю обо всех, напр⟨имер⟩, твоя третья виньетка представляет строение мне вовсе не знакомое; оно, верно, новое. Какое и где?

Благодарю, мой милый друг, за твой лестный отзыв о пьэсе, которую назвал я поэтической чепухою, а еще более за доброе мнение об образе мыслей самого автора. Дай бог, чтоб касательно сего образа мыслей ты не ошибалась! Насчет же самой пьэсы я с тобою поспорю. Она точно не религиозная, хотя, если угодно, и мистическая [1]. Но мистицизм может быть и у скептиков; он (что тебе покажется странным) не раз соединялся даже с совершенным безверием и в философии произвел, слившись с афеизмом, панфеизм Спинозы, который по всей справедливости не может назваться не чем иным, как идеализированным, поэтическим афеизмом. Впрочем, все это не относится к моей пьэсе, которая, хотя и не религиозная, но, к счастью, и не антирелигиозная, а просто плод поэтической хандры.

Твой друг
В. Кюхельбекер

[1] Трудно сказать, о каком стихотворении Кюхельбекера идет здесь речь. Под «мистическим» Кюхельбекер подразумевал «чудесное» — сказочную фантастику и веру в «таинственное», далеко не всегда совпадающие с религиозной мистикой.

Следующее за этим письмо Кюхельбекера к племяннице А. Г. Глинке (от того же числа — 13 ноября 1834 г.) опубликовано по автографу из собрания Н. П. Смирнова-Сокольского в «Лит. наследстве», т. 58, 1952, стр. 1008—1010.

32. Ю. К. ГЛИНКЕ

Перевод с немецкого.

⟨Свеаборг.⟩ 21 декабря 1834 г.

Любезная сестрица,

скажи мне, ради бога, почему вы мне не пишете? давно ведь пора: около двух месяцев сижу я без писем от вас. Я немного пал духом; однако благодарю очень за дружеский подарок, присланный вами. Чай, — о чем прошу сказать маменьке, — был еще не нужен: тот фунт, который я осенью получил, я еще и не начинал.

Котенок мой умер. Откровенно признаюсь тебе, что я целую ночь не спал и два дня не ел; особенно у меня раздиралось сердце в моменты, когда мне приносили пищу: * не с кем делиться! * — И поплакал я; это, конечно, малодушно, но что поделаешь! Самое скверное, что я сам

* *Слова, заключенные в звездочки, написаны по-русски.*

в смерти моего бедного Васьки ** повинен: я не умел с ним обходиться; я хотел, чтоб он меня слушался, как собака, а с этим дело не шло; ему часто поэтому доставались побои. Вечером перед его смертью (он болел уже давно) я как раз писал матушке, и Васенька *** был особенно приветлив со мной: он прыгнул ко мне на колени, но не хотел ничего есть и уснул. Пробило одиннадцать. Я захотел ложиться и выпустил его из форточки ****, чтобы быть спокойным ночью (разумеется, я хотел его опять впустить; хотел только перестелить постель). Зверек долго глядел на меня и не трогался с места. Я еще крикнул ему, как будто он мог меня понять: * «Погоди, Васенька, только перестелю постель» *. Когда постель была готова, он был уже за решеткой, откуда я его не мог достать, и на другой день — мертв [1].

За чай, шоколад и остальное благодарю как дорогую матушку, так и Юленьку от всего сердца. Однако письма были бы мне несравненно приятнее. Твоих милых детей целую и желаю им очень приятных праздников. Бориса я особенно благодарю за журнал [2] (* я ему хотел было писать — да на листике, назначенном для него, напишу во второй раз письмо к Julie; первое мое письмо не годится *).

Прости! Порадуйте меня письмами! Прошу вас! Целую маменьке руки; тебе также.

Твой Вильгельм

[1] Кюхельбекер записал в дневнике 18 декабря 1834 г.: «Сегодня помер мой котенок Очень мне понятна скорбь Гофмана о его Муре: я своего Васьки никогда не забуду».

[2] «Библиотека для чтения».

33. Б. Г. и НИК. Г. ГЛИНКАМ

⟨Свеаборг. 31 декабря 1834 г.⟩

... Вот вам подарок к новому году — прочтите эти стихи и Наташе и скажите ей, что в них мистика точно почти религия; но что это не всегда бывает с мистикою, что есть мистика вовсе не религиозная. Я для вас переписал эту пьесу прямо с аспидной доски, то есть я ее только сегодня кончил: вот почему полагаю, что еще многое в ней переменю; между тем prenez ce premier jet, comme il est *****.

Между тем желаю вам радостно встретить новый год. Если будете писать к братцу Дмитрию Григорьевичу, прошу ему обо мне напомнить. Будет у вас время, так и вы, верно, обо мне вспомните и обрадуете меня строчкой; но я отнюдь вас не тороплю и прошу не считаться со мною письмами; мне делать нечего, а вас судьба наделила и заботами и развлечениями вдоволь. Володе Одоевскому и Соболевскому [1] желаю, как говорится, с новым годом нового счастия; повторю слова моего друга Théodore [2]: je prie le bon-Dieu, qu'Il leur accorde tout le bonheur qu'Il m'a refusé ******.

Простите; обнимаю и целую вас, — да сохранит вас Христос!

Ваш друг
В. Кюхельбекер

---

* *Слова, заключенные в звездочки, написаны по-русски.*

** Васьки — *по-русски.*

*** Васенька — *по-русски.*

**** форточки — *по-русски.*

***** примите этот первый опыт, каков он есть (франц.).

****** молю бога, чтобы он ниспослал им все то счастье, в котором он мне отказал (франц.).

Скажи, Борис, Одоевскому, что его «Княжна Мими» очень хороша [3]. Если мое мнение ему важно, — так пусть знает, что это *первое* его сочинение, которым я совершенно доволен: оно не чета пестрым сказкам [4].

Адресаты письма и дата его установлены по дневнику Кюхельбекера: «Кстати внесу в тетрадь стихи, которые сочинил я в последних числах декабря; я их отправил к племянникам» (запись от 1 января 1835 г.) и по приписке к стихам в письме («№. Переправлено 31 декабря»).

Начало письма не сохранилось. Уцелевшая часть письма начинается отрывком стихотворения «Мое предназначение» (со ст. 41 до конца).

Интересна приписка Кюхельбекера в этом письме к стихам: «№. Еще замечание: у меня два раза употреблено слово *могущий*, а не *могучий*; так и должно быть. Напрасно некоторые новейшие поэты сбивают эти два прилагательные: *могучий* богатырь — тут речь о телесной силе; *могущий* Исфраил — тут говорится о силе духовной».

«Мое предназначение» было впервые напечатано в составе дневника Кюхельбекера в «Русской старине», 1884, № 2, стр. 343 (ср. Кюхельбекер, т. I, стр. 157—160). Через несколько дней — 8 января 1835 г. — Кюхельбекер написал «Второй разговор с Исфраилом».

[1] Сергей Александрович Соболевский (1803—1869) — друг Пушкина, в 1818—1820 гг. был учеником Кюхельбекера в Петербургском университетском благородном пансионе.

[2] Théodore — вероятно, декабрист Ф. Ф. Вадковский (см. прим. 7 к письму № 46).

[3] Кюхельбекер записал в дневнике 20 декабря 1834 г.: «В „Библиотеке“ прочел я три повести; одна из них: „Княжна Мими“ — Одоевского, чрезвычайно хороша; это первое сочинение Володи, которым я доволен».

[4] «Пестрые сказки» — серия произведений Одоевского, составившая сборник: «Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринеем Модестовичем Гомозейкою, магистром философии и членом разных ученых обществ, изданные В. Безгласным» (1833). По поводу «Отрывка из записок Гомозейки» Одоевского, прочитанного в «Библиотеке для чтения», Кюхельбекер записал в дневнике (19 октября 1834 г.): «Одоевского отрывок — отрывок Одоевского, т. е. сочинение человека, который пишет не свое».

34. МАТЕРИ

Перевод с немецкого.

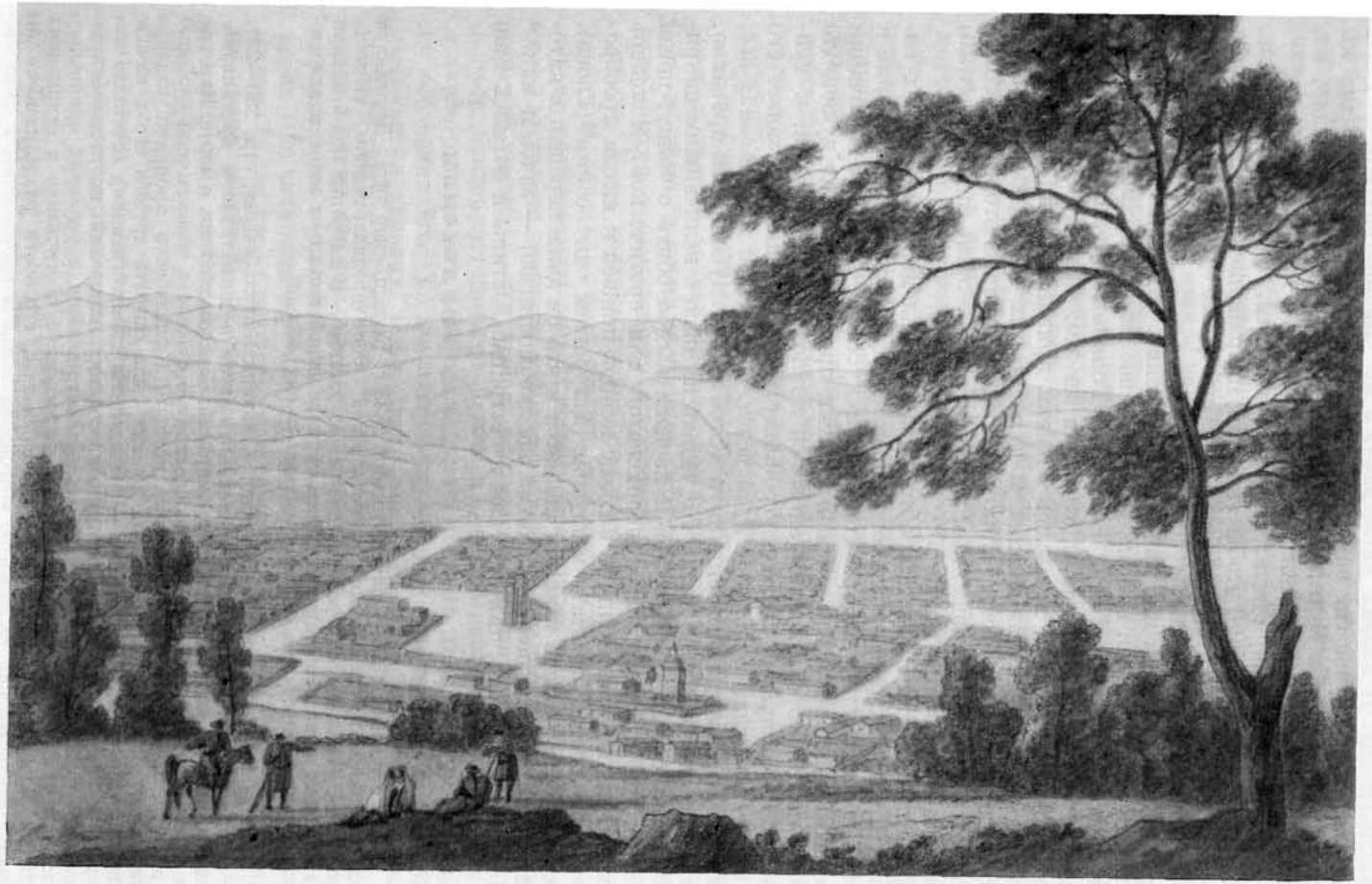
⟨Свеаборг.⟩ 17 января 1835 г.

Милая, добрая матушка,

это первое письмо, которое я Вам в нынешнем году пишу и, слава богу, я могу Вам сообщить одно лишь хорошее. Я опять занят и поэтому здоров и весел. Работа моя спорится, хотя я и не без страсти ей отдаюсь. Она настраивает меня весело. Я вполне чувствую себя хозяином своего предмета, вполне свободным, я играю своей темой [1]. С трагедией [2] было иначе: эта вещь одолевала меня; она, как будто, удалась, но она меня истощила и изнурила.

Я немножко упрекаю себя, что уже около полугода забрасываю греческий язык, но у меня поистине руки до него не доходят. Давно у меня не было более поэтичного периода, чем теперь; едва ли он долго продлится. Главное беречь себя, не слишком напрягаться, чтобы потом опять не впасть в ипохондрию. О том, что мое здоровье теперь действительно хорошо, Вы можете судить по тому, что я теперь обладаю отменным аппетитом. В моем нынешнем настроении я живо чувствую все благодеяния бога, доволен миром и людьми и даже не совсем недоволен собой. Хорошо было бы, однако, если бы это настроение у меня удержалось не только теперь, но если бы я мог перенести его и на то время, которое принадлежит к дням, о которых Соломон говорит: «они мне не нравятся». Со временем это мне, быть может, и удастся.

Моя почтовая бумага на исходе: осталось у меня всего шесть маленьких и один большой лист; кроме того, прошу мне также прислать простую серую или синюю бумагу; другая мне не так еще скоро понадобится. Все это я прошу оплатить из моих собственных денег (если они у меня, правда, еще водятся). Далее я хотел бы очень (повторяю, если *мои* финансы



ТРОИЦЕ-САВСК (ЗАБАЙКАЛЬЕ)

Акварель А. Е. Мартынова из альбома художника «Живописное путешествие при Российском посольстве в Китай», 1805 г.
Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

это действительно позволят), чтобы Вы Михаила подписали на какой-нибудь журнал, например на «Телеграф»; это доставило бы ему большое наслаждение. Я назвал «*Телеграф*», а не «Библиотеку», потому что последнюю сам получаю и, ей-богу, надеюсь, что рано или поздно мы соединимся, так что он ее и так прочитает, правда, немного поздно, но, я думаю, в нашем положении это почти безразлично.

Я послал Юленьке стихи; заставьте их Вам, любезная матушка, перевести; я очень желаю, чтобы они Вам понравились. Что поделывает Юстина Карловна? Наташа писала мне, что у нее ревматические боли в руке; есть ли улучшение?

Прежде я писал Вам иногда о своем чтении. Нынешнее мое чтение не очень привлекательно, но и не очень пресно. Так, например, в данное время я читаю «Деяния Петра Великого» Голикова. Человек этот — не историк и не имеет никаких притязаний на это; однако его неученый, некритический энтузиазм в высшей степени привлекателен; его честная личность, его прямодушие вполне в духе старых мемуарных писаний. Откровенно говоря, я этого Голикова предпочитаю некоторым позднейшим жеманным и приукрашенным и, тем не менее, очень поверхностным так называемым прагматикам [3].

Кроме того, я не прочитал, а насквозь изучил два философских сочинения Шеллинга: во-первых, его письма о догматизме и критицизме и его речь об отношении изобразительных искусств к природе. Последняя исключительно хороша и в высшей степени пришлась мне по душе. Что касается писем, то философ остановился на полпути к религии, к христианству и свернул на боковую тропинку, которая едва ли сможет его туда привести, куда только *один путь* ведет. Впрочем, в этих письмах все, вплоть до точки, когда он воскликнул «Стой!», так глубоко, так правдиво, что я ничего похожего не знаю. Но читать их надо с величайшим напряжением умственных способностей и не давать себя сбить с толку, когда форма иногда представляется шероховатой или еретической. Я теперь вполне понимаю, как Шеллинг в конце концов пришел к мысли преобразовать свою систему и стать мистиком (в хорошем смысле этого слова). Известно, что он теперь таковым является и что он даже перешел в католичество; хотя последнее я даже не вполне постигаю, — зачем и как? [4]

Целую Ваши руки, так же как и сестрицы Юстины и остаюсь Ваш

Вильгельм

Конвертов у меня еще шесть.

[1] В конце декабря 1834 — начале января 1835 г. Кюхельбекер читал Державина и сочинил несколько лирических стихотворений («Мое предназначение», «Измена вдохновения», «Оссиан», «Второй разговор с Исфраилом»). В дневнике под 6 января 1835 г. читаем: «Спасибо старику Державину! Он подействовал на меня вдохновительно; тремя лирическими стихотворениями я ему обязан».

[2] «Прокофий Ляпунов».

[3] О труде И. И. Голикова см. также: «Дневник Кюхельбекера», стр. 230—231.

[4] О впечатлениях, связанных с чтением «Писем о догматизме и критицизме» Шеллинга, см.: «Дневник Кюхельбекера», стр. 225. Несколько позже, в марте, Кюхельбекер читал его же «Философские исследования о сущности человеческой свободы» (там же, стр. 230). Интерес к Шеллингу, который Кюхельбекер проявлял издавна (значительную роль в этом отношении должна была сыграть дружба его в начале двадцатых годов с В. Ф. Одоевским — убежденным шеллингианцем), отчетливо характеризует идеалистическую природу философских воззрений поэта-декабриста. Религиозное чувство Кюхельбекера, сильно обострившееся в условиях одиночного крепостного заключения, находило идейно-философское обоснование в сочинениях Шеллинга. Художественные взгляды Кюхельбекера, с юности разделявшееся им понимание искусства как «высокого», «боговдохновенного» пророчества, в свою очередь, получали известную опору и обоснование в эстетике Шеллинга, который толковал искусство как «внутреннее созерцание» и «божественное откровение». Увлечение религиозно-мистическими идеями Шеллинга свидетельствует о глубоких противоречиях, свойственных мировоззрению Кюхельбекера.

35. НИК. Г. ГЛИНКЕ

⟨Свеаборг.⟩ 5 марта 1835 г.

Давно, мой друг Николай Григорьевич, я к тебе не писал: последнее мое к тебе послание от 6 декабря; дошло ли оно до тебя или нет, — не ведаю [1]. Впрочем, — если оно и не дошло, — беда не большая, потому что в нем кое-что полусправедливое, а кое-что и совершенно ложное.

Дело шло о чтении и — не знаю, почему мне вздумалось утверждать, что чтение редко бывает вредным. Я этот вопрос потом рассматривал со всех сторон и размышления свои сравнивал с собственными опытами! Нет сомнения, что многое зависит от того, *как* и *кто* читает. Для чистого все чисто; но и самые превосходные книги могут быть пагубны, когда поймешь их криво ⟨...⟩ Позволено ли поэту *изображать* порок? — Между словами *изображать* и *защищать* — большая разница. *Изображать* поэт все может и даже должен, иначе он будет односторонним; но представлять порок в привлекательном виде — преступление не перед одною нравственностию, а, к счастию, и перед поэзиею; впрочем, я едва ли могу поверить, чтобы, кроме совершенно помешанного, кому могло вздуматься прямо хвалить *грабеж*, *насилие*, *пьянство*, *распутство* etc. Есть други пороки, которые с первого взгляду менее грязны, и есть писатели, которые старались их представить заманчивыми: расслабление нравов семейственных, которые, впрочем, тоже распутство, да только более тонкое, безверие, эгоизм нашли, напр⟨имер⟩, защитника в Коцебу. Но поэт ли Коцебу? — Мне кажется, что унижение души, необходимо нужное, чтобы найти эту мерзость прекрасною, совершенно несовместимо с вдохновением, доступным — по-моему — только для души высокой или по кр⟨айней⟩ мере влюбленной в высокое.

Перейдем к частностям. Позволены ли поэту картины сладострастные?— Этот вопрос довольно сложен: не забудь, что он разрешается только самою поэзиею, а не нравоучением; ибо теория, которая свободное искусство покоряет чему-нибудь постороннему, вместе уничтожает самое искусство. Если картина такова, что смущает нас, что возбуждает в нас скотскую похоть, — будь уверен, что тут и самая поэзия улетела: дело поэзии одухотворять вещественную природу, а не подавлять дух веществом. Впрочем, нередко виноват не поэт, а сам читатель: его воображение уже грязно, — вот почему оно марает картину поэта. Не смешон ли вопрос: благопристойная ли нагота в Венере Медицейской? и что скажешь о ханже или фавне, который вздумает разбить дивный истукан, дабы он не соблазнял его? Те же нагие истуканы — *большая* часть сладострастных картин древних. Гомер, напр⟨имер⟩, говорит о любви Гелены и Александра так же бесстрастно и спокойно, как о щите Ахиллеса; он говорит о ней, потому что того требует его повесть, а не думает любоваться этою картиною, не мешкает на ней, не старается возбудить в слушателе (в его время еще читателей не было) вожделение. Иное дело новые; напр⟨имер⟩, Виланд [2]; для него сладострастная сцена — находка; он до гадости медлит на самых мелочах, на самых неблагопристойных подробностях. Но повторяю, поэт ли Виланд? — Впрочем, сладострастные картины и древних не советую читать никому, кто к ним не приступит с намерениями и с душой художника. Другая крайность — антипоэтическая — представлять, напр⟨имер⟩, в драме, в романе лицо порочное совершенным дьяволом, променять долг живописца на роль проповедника (говорю *роль*, ибо для поэта проповедовать — только *роль*, сверх того роль не в его характере); разумеется, что и тут поэзию убивают наповал, а вместе с нею и истину, потому что человеческих дьяволов нет, не было и никогда не будет. Представляй, художник, природу, какова она есть; не хвали порочного, но не лишай его и того, что в нем не порок, что в нем прекрасно. Мщение самое адское и страшное чудовище, но в душе мстительной есть энергия,

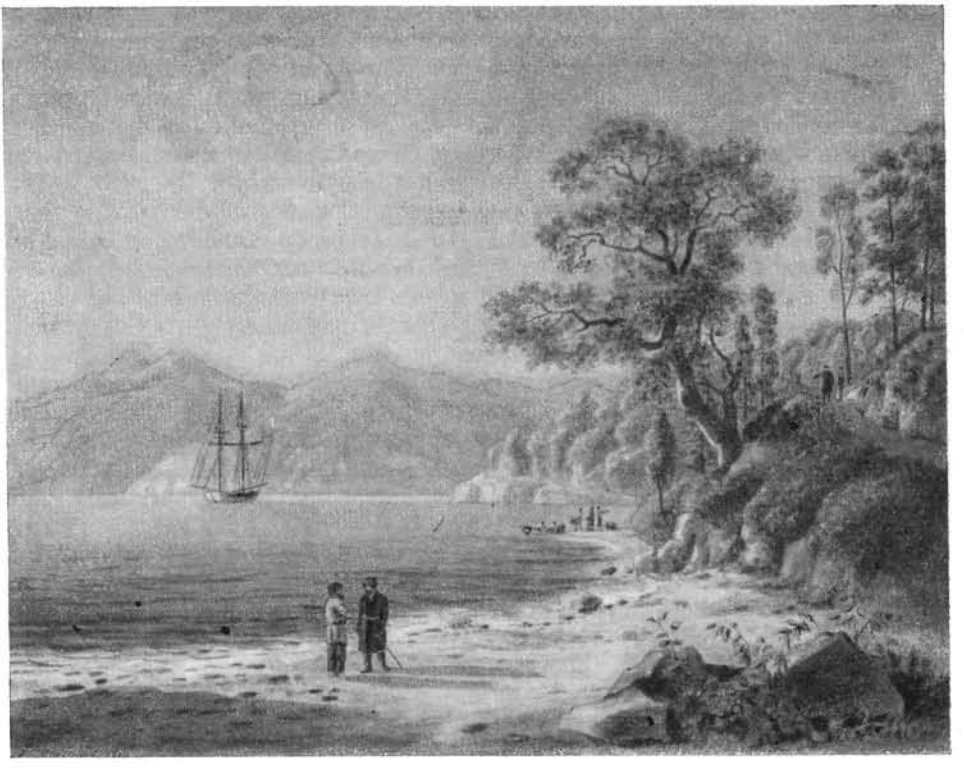
совершенно не зависящая от самой мстительности, хотя мстительность и привита к ней; не лишай же Маргериты de Valois этой энергии; будь она фурия, но фурия мощная. Нравственность — самое святое дело; но что бы ты сказал о портном, который, не сшив тебе в срок мундира, стал бы говорить тебе: «Николай Григорьевич, не горячитесь! вспыльчивость — порок». Не так ли, — ты бы отвечал ему: «Предоставь моему духовнику читать мне поучения; твое дело — игла, нитки, ножницы». Тот же портной — поэт: его дело — изображать, а не учить. Но польза поэзии? Польза, друг мой, великое слово, если только понять, как должно это слово. Часто поэт полезнее всякого проповедника: не могу поверить, чтобы тот легко стал мерзавцем, кто раз полюбил наслаждения, какие дает нам поэзия, — разумеется, *истинная*. Поэзия возвышает душу, отвлекает ее от мелких хлопот, попечений, суеты ежедневной жизни, переселяет ее в мир красоты, покоя, картин и звуков и тем самым омывает, облагораживает ее — вот польза поэзии; другой не знаю и не постигаю. Может ли существовать нравоучительная или религиозная поэзия? О первой скажу решительно: нет; где учение — там уж нет поэзии. Поэзия религиозная совсем не то: если она *невольное* излияние чувств, если кто обращается к богу, говорит об истинах религии, потому что иначе не может, — он, без сомнения, — поэт, и в самом высоком значении этого слова. Но очинить перо, разложить бумагу и сказать самому себе: «Напишу-ко я поэму дидактическую, в которой поражу всех противников католической церкви», — в нравственном отношении очень похвально, но вместе очень и не поэтически; а это-то и сделал Louis Racine [3]. А это-то и забывают очень часто наши Аристархи [4]. Впрочем, бог с ними, с Аристархами: мне их не судить и не переспорить. Судья им тот же Шиллер, на которого они так часто ссылаются; надеюсь, что Шиллера никто не обвинит в намерениях противунравственных; между тем он сильно в своих полемических сочинениях восстает на нравоучительную теорию в поэзии.

Еще вопрос: виноват ли будет твой портной, если мундир, сшитый им для совсем иного употребления, ты наденешь в цели не нравственной, напр⟨имер⟩, с тем, чтоб вскружить голову дурочке, на которую эполеты, шитье etc. сильно действуют? Виноват ли и поэт, когда глупый школьник или едва вышедший из школы прапорщик читают его нарочно с тем, чтоб найти звуки, стихи и рифмы, в которые могли бы одеть свои нечистые помыслы?

Прошу кланяться от меня Борису. Целую и обнимаю вас обоих.

Твой друг В. Кюхельбекер

Данное письмо представляет значительный интерес, поскольку в нем, в связи с частным вопросом о праве художника изображать порок, Кюхельбекер касается системы своих художественных взглядов (в общей форме эстетические воззрения Кюхельбекера охарактеризованы в предисловии к публикуемой в настоящем томе статье его «Поэзия и проза»—см. стр. 384—385). И в данном случае Кюхельбекер, как всегда, исходит из представления о «высокости» искусства, доказывая, что поэзия должна «возвышать душу» и уводить человека от «суеты ежедневной жизни» в мир высоких и благородных чувств и идей. Кюхельбекер видит «истину» искусства в том, что оно призвано изображать «природу, какова она есть», и считает, что художнику должна быть предоставлена полная свобода изображения жизни, любых явлений действительности. Вместе с тем Кюхельбекер настаивает на полной независимости художника от каких бы то ни было специальных — утилитарных и дидактических — задач, полагая, что они лежат вне истинного искусства. При этом важно подчеркнуть, что Кюхельбекер, подобно всем декабристам, видел в искусстве мощное средство морального воспитания в духе прогрессивных идей. Но «пользу» искусства он усматривал в самом искусстве, в его непосредственно эстетическом воздействии, облагораживающем и возвышающем душу человека, а не в нравоучительном проповедничестве, не в прямолинейном морализировании. Эти мысли Кюхельбекер неоднократно развивал в 30-е и 40-е годы в дневнике, письмах, статьях.



БАЙКАЛ
Акварель А. Е. Мартынова, 1810 г.
Третьяковская галерея, Москва

[1] Письмо Кюхельбекера к Ник. Г. Глинке от 6 декабря 1834 г. до нас не дошло.
[2] См. прим. 3 к письму № 18.
[3] Луи Расин (1692—1763) — незначительный французский поэт, сын Жана Расина; писал главным образом на религиозно-дидактические сюжеты.
[4] Аристархи — здесь в смысле: строгие, придирчивые литературные судьи (от имени Аристарха — александрийского грамматика II в. до н. э.).

36. Б. Г. ГЛИНКЕ

<Свеаборг. 7—15 мая 1835 г.>

...же касательно платы, предоставляю тебе, мой любезный опекун! При разделе этой платы прошу не забывать следующего: часть — брату, часть — Дивову, а третью — мне [1]; в счет сей последней можешь брать иногда и книги. Еще одно — первое мое произведение, которое отпечатаете (я бы всего более желал, чтобы это был *Зоровавель* [2]), прошу непременно посвятить генералу Бенкендорфу. Твое благородное сердце поймет меня: Бенкендорфу я обязан счастием, что могу писать; я хотел бы доказать ему, что чувствую всю важность этого благодеяния [3]. И ты же, мой добрый Борис, лично свезешь ему экземпляр, когда это все удастся — не так ли?

О величайшей осторожности, касательно моего имени, уже считаю лишним повторять просьбы свои: ты понимаешь, что мы не должны переступать за границу того, что нам позволено; тем более, что позволено столько! В заключение не могу не благодарить тебя за твое братское участие; верь, что удастся ли, не удастся ли, а это участие для меня дороже

всякой удачи. Оно у меня записано в той книге, которую, как говорит Гамлет, каждый день перечитываю не в памяти, а в сердце.

Касательно № 5 в 1-м отделении [4] уведомь меня обстоятельнее, сделай милость; тут не одна собственная польза заставляет меня желать успеха.

Благодарю князя Владимира [5] за память: я его никогда не забывал и мне он всегда был дорог. Дай бог ему счастия, но в том смысле, как я понимаю это слово,— счастия внутреннего, душевного.

Ich bitte Sie meinem lieben Boris zu sagen, dass auf der letzten Seite des Werkchens, welches eben gedruckt wird, folgende Anmerkung, als Note des Herausgebers, hinzugesetzt werden möchte *: *Окончание сей второй части заставляет нас полагать, что за нею еще последует третья* [6].

О поэме своей *«Основание Отроча монастыря»* скажу, что она у меня à peu-près ** кончена: Саше посылаю эпилог [7].

Благодарю тебя, мой друг, что обещаешься хлопотать о моих детищах. Но прошу отложить все старания касательно их до возвращения Александра Сергеевича [8]: у меня много причин, по которым желаю, чтобы никто не знал даже, что Зоровавель написан мною [9]. Sapienti sat est ***...; или, если угодно, по французски: à bon entendeur demi mot suffit ****.

Воображаю твое свидание с Соболевским [10]. Как он тебя узнал? Это истинно удивительно: в двенадцать лет не только вы, люди молодые, но и мы, старики, крепко переменялися. Если опять увидишься с Соболевским, расспроси его про Володю Одоевского, а именно: занимается ли он еще науками, или, женившись, совершенно развелся с музами.

Начало письма и, вероятно, конец его утрачены; не хватает, видимо, двух почтовых листков. Написано не рукой Кюхельбекера (очевидно копия, сделанная кем-то для В. Ф. Одоевского). Датируется на основании упоминаний об отъезде Пушкина из Петербурга и о том, что драма «Ижорский» находится в печати.

[1] Речь идет об авторском гонораре Кюхельбекера (см. об этом прим. 4 к письму № 21).

[2] «Зоровавель» — поэма Кюхельбекера, написанная в 1831 г. Сюжетную основу поэмы составило предание о возвращении иудеев на родину в IV в. до н. э., изложенное в III и IV главах «Книги Эздры» (Библия). В 1836 г. «Зоровавель» был опубликован в составе анонимно изданной книги Кюхельбекера «Русский Декамерон 1831 года, изд. И. Ивановым». В осуществлении этого издания принимал участие Пушкин. Первая попытка опубликовать поэму относится к 1832 г.: 22 июля 1832 г. Кюхельбекер благодарил сестру Юлию Карловну за то, что родные предупредили его желание и передали рукопись Пушкину. «Я очень хочу, чтобы он ‹«Зоровавель»› был напечатан»,— писал Кюхельбекер сестре (К ю х е л ь б е к е р, т. II, стр. L). Тогда же Кюхельбекер записал в дневнике: «Зоровавель мой в руках Пушкина. Хотелось бы мне, чтобы его напечатали» (там же, стр. LV). В другом случае Кюхельбекер назвал поэму «Зоровавель» — «мой любимец» («Дневник Кюхельбекера», стр. 135).

[3] Мысль о посвящении поэмы шефу жандармов Бенкендорфу (чего сделано не было) вызывалась, конечно, тактическими соображениями: от Бенкендорфа ближайшим образом зависела судьба литературных произведений Кюхельбекера. Известно, что в 1831 г. Пушкин ходатайствовал перед Бенкендорфом об издании произведений и переводов Кюхельбекера (без указания его имени). Ходатайство это лишь через несколько лет увенчалось частичным успехом: были изданы «Ижорский» и «Русский Декамерон».

[4] Вероятно, речь идет о списке произведений, которые Кюхельбекер предназначал к опубликованию.

[5] К н я з ь В л а д и м и р — В. Ф. Одоевский.

[6] Имеется в виду издание «Ижорского» (I и II части), вышедшее в свет (анонимно) в начале мая 1835 г. (ценз. разр.— 10 июня 1833 г.). Кюхельбекер получил

---

* Я прошу сказать моему дорогому Борису, что на последней странице сочиненьица, которое печатается, можно было бы добавить следующее замечание, как примечание издателя (нем.).

** приблизительно (франц.).

*** Мудрому довольно (лат.).

**** хорошо понимающему достаточно намека (франц.).

экземпляр книги 12 мая 1835 г.: «Большую радость бог послал мне: мой „Ижорский" мне прислан, напечатанный» («Дневник Кюхельбекера», стр. 233). Две части мистерии были написаны в 1827—1833 гг., третья часть — только в 1840—1841 гг. Примечание, которым Кюхельбекер просил сопроводить издание 1835 г., в книге не появилось: она в это время уже была отпечатана.

[7] Поэма «Основание Отроча монастыря» в дальнейшем получила заглавие: «Юрий и Ксения» (в 1835 г. Кюхельбекер еще раз вернулся к обработке поэмы). См. о ней прим. 7 к письму № 10.

[8] Пушкин 5 мая 1835 г. уехал из Петербурга в Псковскую губ.; вернулся в Петербург 15 мая. Просьба Кюхельбекера еще раз свидетельствует о том, что Пушкин принимал непосредственное участие в издании произведений своего друга.

[9] Предостережения Кюхельбекера были вызваны отчасти содержанием поэмы «Зоровавель»: развернутая в ней тема возвращения на родину изгнанников приобретала живой, актуальный смысл в связи с судьбой сосланных декабристов. Как раз в 1835 г. многие возлагали необоснованные надежды на якобы предстоящую амнистию декабристов (по истечении десятилетнего срока со дня восстания). Может быть, откликом на такого рода слухи было стихотворение Пушкина «Кто из богов мне возвратил...».

[10] См. прим. 1 к письму № 33.

37. Н. И. ГРЕЧУ

Баргузин. 13 апреля 1836 г.

Милостивый государь
Николай Иванович,

около двадцати лет тому назад я имел честь познакомиться с Вами во время годичного торжественного чтения в императорской публичной библиотеке. С того вечера до самого несчастного дня, который меня разлучил и с семейством и с родиною и чуть было не отторг и от занятий словесностью и драгоценным мне языком отечественным, — Вы, матушка ваша, супруга, словом *все Ваши* постоянно показывали мне самое дружеское расположение. Вы, почтенный Николай Иванович, были, так сказать, восприемником младенческой (и, вдобавок, во время оно довольно плаксивой) моей музы: первый ее лепет начался в Вашем журнале [1]. Теперь она возмужала, и самолюбие шепчет мне — будто бы стала говорить несколько толковее, чем во время оно. Позвольте же, милостивый государь, предложить Вам: во 1-х, *без платы* кое-какие ее россказни, а во 2-х, *за плату* участие, и постоянное, статьями в прозе в журнале, который, как то видно из объявления г-на прошлогоднего редактора,— ныне Вы опять сами издаете [2]. За статьи в прозе прошу Вас, если Вы согласитесь на мое предложение, назначить мне 100 рублей в месяц деньгами и на 300 рублей в год книг, курительного табаку (Жукова 2-х рублевого), кофе etc. С своей стороны даю Вам слово, что — *буде только мне позволят*, — Вы каждый месяц станете получать от меня, по крайней мере, по одной, притом довольно обширной статье, содержания или чисто литературного, или критического, или же этнографического, исторического, филологического, будут, может быть, некоторые и tant soit peu * философические, — однако, наперед Вам обещаюсь, без кудрявой немецкой терминологии.

Рукопись, которую ныне отправляем к Вам, — не моя, а брата. Он Вам будет писать о ней подробно [3]. Покорно прошу Вас уведомить меня, если ее получите; также потрудитесь, милостивый государь, известить меня, согласны ли Вы на мои условия? Как скоро дойдет до меня ответ Ваш (чего, впрочем, ожидаю не прежде пяти месяцев), примусь переписывать статьи, которые у меня готовы: например, о Юморе (Humour), о греческой дигамме, о Мерзлякове, Пушкине, Кукольнике, Марлинском и других; из иностранцев: о Шекспире, Шиллере, Гёте, Томсоне, Краббе, Муре, Вальтере Скотте; о некоторых немецких проповедниках [4]. К тому прибавлю несколько легких статей, вроде той, которую я когда-то

* немного (франц.).

напечатал в «Мнемозине» и назвал, кажется, «Земля безглавцев» [5]. Мои литературные статьи никогда не могут быть полемическими: самое мое положение этого не позволяет; однако, надеюсь, что будут не совсем и скучны.

Прошу покорнейше уведомить меня, как скоро только можете, согласны ли Вы принять мое предложение или нет.

Милостивой государыне Вашей матушке, равно и супруге, прошу засвидетельствовать мое нелицемерное почтение и сердечную преданность. Не считаю нужным уверять Вас, что с этими же чувствами честь имею быть, милостивый государь,

Вашим покорным слугою
В. Кюхельбекер

P. S. Фаддею Венедиктовичу [6] мой поклон. — Да! брат прочел мое письмо и, заметив в нем помарки, пристал ко мне, чтоб я его переписал, но Вы, кажется, почтеннейший Николай Иванович, Вильгельма Кюхельбекера довольно хорошо знаете, верно от него никогда не ожидали порядочного письма и, увидев эпистолию, чисто и красиво написанную, даже вероятно бы спросили: «Полно — его ли она?». Итак... Упомянул я о своих поэтических (или, по крайней мере, хоть стихотворных) произведениях, порождениях или как Вам угодно будет их назвать. Налицо у меня вот что: 1) около 60 пиэс мелких; 2) три отрывка «Вечного жида»; 3) History в 5 действиях «Прок⟨офий⟩ Ляпунов»; 4) фарс в пяти же ⟨действиях⟩ «Нашла коса на камень» [7]; 5) «Ричард III», весь и 6) два действия «Венецианского купца»; 7) поэма в 6 Canto «Юрий и Ксения»; 8) повесть в пяти главах и разговорах «Сирота»; 9) легенда в двух частях «Семь спящих отроков»; 10) поэмка в трех главах «Зоровавель». Теперь же пишу трагедию «Архилох». Выбирайте.

Письмо было задержано в III Отделении и не вручено адресату.

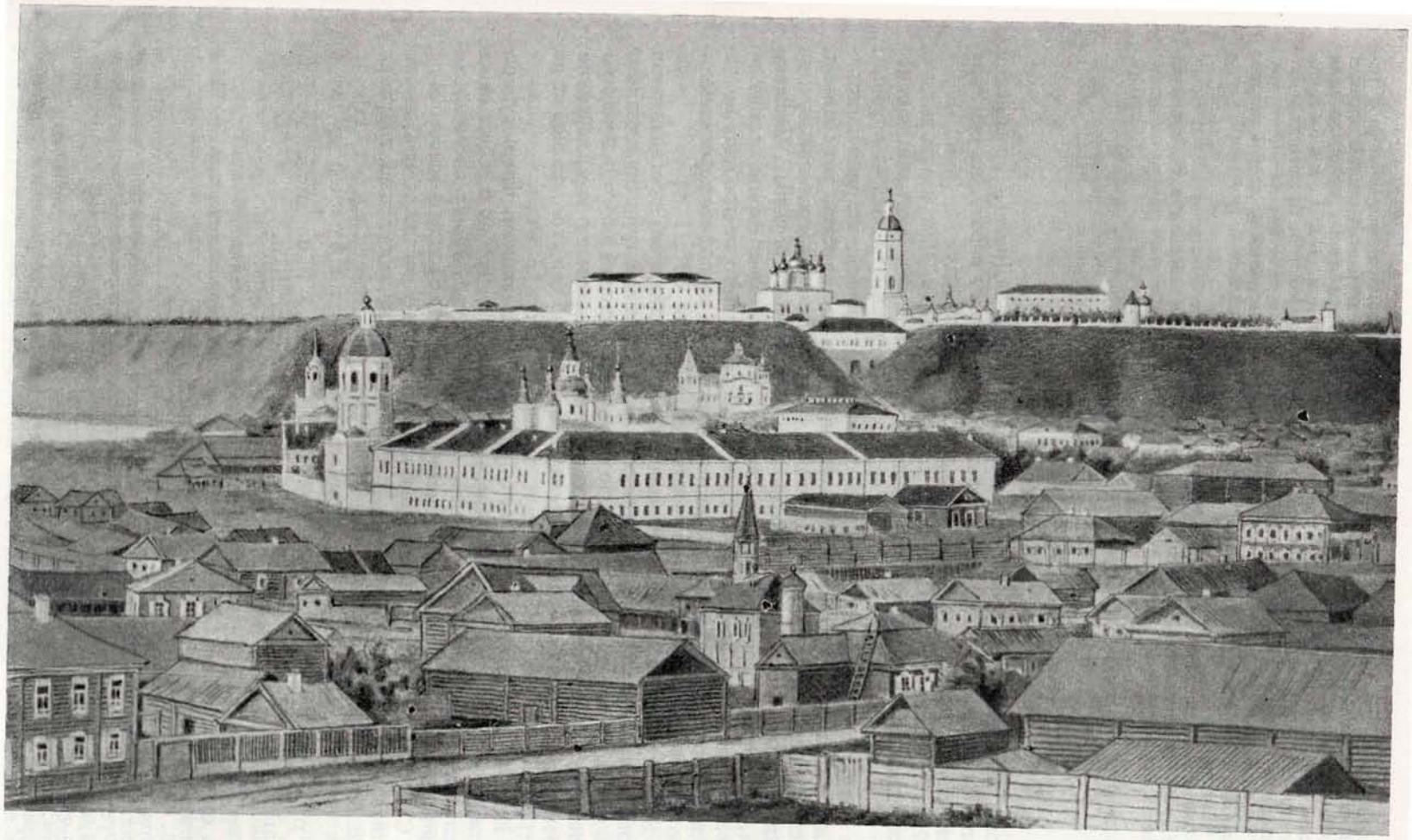
[1] Первое выступление Кюхельбекера в печати было в сентябре 1815 г., в журнале «Амфион», издававшемся А. Ф. Мерзляковым. Но, начиная с лета 1817 г., Кюхельбекер деятельно сотрудничал в издававшемся Н. И. Гречем «Сыне отечества», который был в ту пору прогрессивным журналом, объединявшим многих писателей декабристского направления.

[2] Имеется в виду «Сын отечества», выходивший в это время под редакцией Греча и Булгарина.

[3] В архиве III Отделения сохранилось также письмо М. К. Кюхельбекера к Гречу от 13 апреля 1836 г. М. К. Кюхельбекер предлагал Гречу для его журнала свои статьи этнографического характера: «...живу около десяти лет в Забайкальском крае, и всё, заслуживающее внимания, я, сколько то позволяли мне обстоятельства, старался узнать как можно подробнее. Посылаю Вам образчик моих записок о нашей, как называют здесь эту страну, Даурии; извините: место не русское — чем богат, тем и рад. В прежнем моем положении я гордился бы, если бы что-нибудь из трудов моих нашло место в Вашем издании,— а самое напечатание считал бы достаточным для себя возмездием. Мои обстоятельства переменились: вот почему и прошу Вас, если статейка Вам понравится, прислать мне за нее, что Вам самим будет угодно. Особенно нынешний год мне деньги необходимы: строю дом, а сохою здесь немного добудешь.— Вторая статья длиннее и потому, что заключает в себе не одни общие статистические данные, но и живой быт народа, кажется, и заманчивее. Ее к Вам отправлю тотчас же по получении от Вас ответа на мое письмо или напечатанного экземпляра краткого очерка, или даже и ранее. Будут и продолжения» (неизд.—ЦГИА, ф. № 109, 1 эксп., д. 61, ч. 14, лл. 67—68). Статья, посланная М. К. Кюхельбекером, как и письмо его, не дошла по назначению.

В письме М. К. Кюхельбекера имеется следующая приписка Вильгельма Карловича:

«P. S. Брат поручил мне извиниться перед Вами в помарках, какие кое-где встретятся Вам в рукописи; эти помарки — поправки. Если случится, что сделаем еще некоторые,— мы их Вам сообщим. Михайло Карлович просит Вас прислать ему десять экземпляров, особенно напечатанных, для раздачи здешним нашим знакомым,— а я, во всяком случае, сойдемся ли мы с Вами или нет, надеюсь, что Вы не откажете мне в пересылке к нам Вашего журнала.— В. К.».



ВИД ТОБОЛЬСКА

Акварель М. С. Знаменского, 1860-1870-е гг.

Исторический музей, Москва

[4] Из всего перечисленного до нас дошли: статья о юморе (часть большой работы, озаглавленной: «Гора и мышь») и «Рассуждение о восьми исторических драмах Шекспира», упомянутые в литературном завещании Кюхельбекера. Рукописи этих произведений находились в собрании Ю. Н. Тынянова (см. Кюхельбекер, т. I, стр. LXXVII), — нынешнее местонахождение их не известно. Ср. заметки Кюхельбекера о юморе в его «Дневнике», стр. 40—41.

[5] «Земля безглавцев» — памфлет Кюхельбекера, напечатанный во второй книжке «Мнемозины» (1824).

[6] Булгарину.

[7] Фарс «Нашла коса на камень» был издан анонимно в Москве в 1839 г. (ценз. разр. — 20 января 1839 г.). Это — подражание комедии Шекспира «Укрощение строптивой».

38. Н. А. ПОЛЕВОМУ

Баргузин. 9 июля 1836 г.

Милостивый государь,
Николай Алексеевич,

из журналов знаю, что Вы издаете продолжение «Древней российской вивлиофики» [1]. Вы меня, быть может, забыли, но я, верьте, по сю пору помню Вашу ко мне приязнь, я ее никогда не забуду.

Желая Вам напомнить о себе, препровождаю к Вам приложенную рукопись: она не древняя (список на обороте последней страницы означен 87 годом); но, сколько могу судить об этих предметах, — впрочем, мне очень мало знакомых, — она списана с хорошей, старинной харатейной. Самое содержание мне кажется не без достоинства: это сборник, но систематический, расположенный по дням и месяцам, составленный из нравственных изречений, порою довольно резких и остроумных. Посылка моя, милостивый государь, не совсем подарок: книга-то принадлежит не мне, а здешнему мещанину; он, правда, за нее ничего не требует, но намекнул, что ему приятно бы было иметь часы: итак, пришлите через начальство на мое имя простенькие — рублей в 25 или 30 [2].

Ваш журнал, который я читывал в своем уединении, доставлял мне много и очень много приятных минут. С Вашими литературными мнениями я почти со всеми согласен; что до частных суждений об отдельных сочинениях и их авторах, мы бы, конечно, кое о чем и кое о ком, вероятно, и поспорили, если бы судьба нас свела с Вами, но без этого не может же быть [3].

Если получу от Вас ответ, это будет для меня знáком, что могу продолжать с Вами переписку и тогда уведомлю Вас подробно о себе и своих занятиях. Милостивой государыне супруге Вашей прошу засвидетельствовать мое усерднейшее почтение, так же и Ксенофонту Алексеевичу [4].

С нелицемерною преданностию и не ложным уважением к Вам как к литератору, так и к человеку, честь имею быть, милостивый государь, Вашим покорным слугою.

Вильг⟨ельм⟩ Кюхельбекер

P. S. Брат мой Михайло, хотя и не знаком с Вами лично, но Ваш большой почитатель; он просит меня кланяться Вам.

Письмо было задержано в III Отделении и не вручено адресату.

С Н. А. Полевым (1796—1846) Кюхельбекер познакомился, очевидно, в 1825 г. и сперва относился к нему критически, о чем можно судить по письму его к В. Ф. Одоевскому (от сентября — октября 1825 г.): «Твое ли дело служить предметом удивления Полевому и подобным филинам? Что за радость щеголять молодыми, незрелыми, неулегшимися еще познаниями перед совершенными невежами?» («Русская старина», 1904, № 2, стр. 382). Вероятно, по инициативе Одоевского Полевой был привлечен к участию в альманахе «Мнемозина»: здесь, во II части, появился его очерк «Спутник жизни». Полевой относился к Кюхельбекеру с большим уважением; в 1829 г. он напечатал в «Московском телеграфе» (ч. XI) вольнолюбивое стихотворение Кюхельбекера «Ницца» (1821) — по цензурным соображениям с купюрой и с измененным заглавием («К Гёте»).

[1] «Древняя российская вифлиофика» — сборник исторических материалов, изданный Н. И. Новиковым (1-е изд. в 10 частях — 1772—1774 гг.; 2-е изд. в 20 частях — 1788—1789 гг.; продолжение «Вифлиофики» издано Академией Наук в 11 частях — 1786—1789 гг.). Н. А. Полевой предпринял издание аналогичного сборника, остановившееся на первом томе: «Русская вифлиофика или собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древней русской литературы, издаваемое Н. Полевым». М., 1833.

[2] Рукопись, посланная Полевому, не была вручена ему и вернулась обратно к Кюхельбекеру (см. «Летописи», стр. 179—180).

[3] Кюхельбекер получил возможность познакомиться с «Московским телеграфом», очевидно, только в начале 1832 г. (см. «Дневник Кюхельбекера», стр. 45). Замечания по поводу прочитанного в «Московском телеграфе», в том числе и полемику против Н. А. Полевого, — см. в «Дневнике» (по указателю).

[4] Ксенофонт Алексеевич П о л е в о й (1801—1867) — младший брат и ближайший сотрудник издателя «Московского телеграфа».

39. НАТ. Г. ГЛИНКЕ

〈Баргузин.〉 4 января 1839 г.

Милый друг Наташа.

Я, было, хотел писать к тебе накануне нового года, как то бывало писывал к вам из крепости, но хандра и неодолимая лень мне помешали. Теперь немного отлегло. Итак, вот и новый год, четвертый, встреченный мною за Уралом, третий в Баргузине.

Чего вам, мои друзья, желать? Счастия? да что такое счастие? Пожелаю вам лучше быть всегда довольным собою; тогда, наверно, будете довольны и судьбою. Твое милое письмо от 26 сентября мне принесло истинную отраду, особенно все, что говоришь о матушке. Посылку, а именно: детские капоты, два детских платьица, байку, бамазею, чулки, башмачки, одеяло, утюг и «Северную пчелу» получили мы исправно; и сердечно благодарим матушку за гостинец; я в особенности за детские вещи. Теперь Тиня [1] уже не бедна, как ее, бывало, называли сестра и тетка: вот и ей бабушка прислала же капотец, башмаки, платье. Этот ребенок, право, — единственная моя радость в Баргузине; она меня любит как только в этих летах можно любить. — Раз у нас кое-кто сидел — мать ее держала на коленях, а гость дал ей кусочек сахарцу; мы разговаривали; Тинюша вдруг стала проситься на пол; ее спустили, — она прямо ко мне, — вынимает сахар из ротика и сует его мне в руку: ешь, тятя! (Она и меня зовет тятей.) Искренно: этот кусочек сахару показался мне таким знаком любви, с которым мало что умею сравнить изо всего, что случалось со мною в жизни.

У меня теперь «Библиотека для чтения» за 37〈-й〉 год. Тут я встретил между прочим известие и суждение о Декамероне [2]. Это суждение так замечательно, что не могу не выписать его для тебя; вот оно слово в слово:

«Что холера морбус причинила нам много зла, об этом нечего спорить, и что мы до сих пор еще не знаем всей меры зла, какое она причинила, доказательство *того* — „Русский Декамерон“, не считая тьмы повестей, родившихся от холеры морбус. Не будь холеры, не было бы и „Рус〈ского〉 Декамерона“. На свете тысячью книгами было бы менее, тысячью людьми более. Величайшее зло, какое холера произвела в Европе, состоит в том, что она людей заменила книгами. Прибавьте еще, что в числе людей, которых она похитила, были многие весьма умные, между тем как родившиеся от ней книги все очень ограниченные. „Декамерон“ тоже холерная книга, дитя холеры — и что в ней пользы! Автор или издатель рассказывает, что во времена холеры какая-то графиня будто бы удалилась с обществом в деревню и там от нечего делать вздумала писать стихи и прозу. Много ли написала, неизвестно. Но ключница графини выдала потом рукопись учителю уездного училища Барабарову, а тот передал г. Иванову, а г. Иванов напечатал. На первый случай мы отделались

дешево: вышла только поэма в стихах, которую прочитал в обществе графини некто Чинарский [3]. Поэма не велика, но за ней грозят еще девять холерных поэм и повестей. Проклятая холера! — Но какова собой поэма, девица морбус, дочь госпожи холеры морбус? Уверяю вас, что не лучше и своей маменьки, холеры, и своего папеньки морбуса».

Как ты думаешь об этой критике? — Не так ли? она очень остра, умна, основательна и написана самым правильным русским языком? Впрочем, тут то хорошо, что «Декамерон» напечатан; автор или издатель, полагаю, за славой перестал гоняться, а выручка за его книгу все же, быть может, даст ему средство прокормить с год свое семейство.

Святки наше семейство провело не совсем скучно; два или три вечера собирались у меня молоденькие женщины и девушки и играли в разные игры: в жмурки (здесь им имя — *имельцы*), хоронили золото, переряжались и пр. Две игры были мне вовсе не известны: одна называется *в оленя*, другая — *сеять просо*... В оленя вот как играют: мужчина сидит, а девушки вокруг него пляшут и поют песню, которую когда-нибудь для тебя спишу; у каждой девушки платок в руке, она им машет, а он должен, не вставая с места, стараться вырвать у них платки. Потом они свои платки выкупают. — Вторая игра также плясовая.

Всего более я был доволен, что во все святки бог меня избавил от пьяных отцов, братцев и сожителей красавиц; к счастию ярмарка нынче раньше обыкновенного, и все они изволили отправиться туда, в бурятские юрты.

Жена [4] много и много тебе кланяется; когда я сказал, что ты велела ее поцеловать, она меня спросила: «Не лжешь ли? Неужто Наталья Григорьевна в самом деле в каждом письме обо мне вспоминает?».

Чтоб не забыть! Генерал-губернатор прислал сюда предписание: уведомить нам своих родных, чтоб они, если вздумают отправлять к нам книги, прилагали к ним особенные списки, а не записывали их в число прочих вещей.

Маменьку твою и сестриц обнимаю и целую им и тебе ручки. За известия о Николае очень благодарю [5].

Твой друг В. Кюхельбекер

[1] Тиня — старшая дочь М. К. Кюхельбекера, Юстина (род. в 1836 г.).

[2] Далее приводится анонимный отзыв о книге Кюхельбекера «Русский Декамерон 1831 года» («Библиотека для чтения», 1837, т. XX, отд. Литературная летопись, стр. 41—42). Сюжетно книга Кюхельбекера приурочена к холерной эпидемии 1830 г.

[3] Поэма в стихах — «Зоровавель» (см. прим. 2 к письму № 36).

[4] Кюхельбекер женился 15 января 1837 г. на Дросиде Ивановне Артеновой (1817—1886), дочери баргузинского почтмейстера. Это была грубая («мужиковатая», по характеристике И. И. Пущина) особа, не давшая Кюхельбекеру семейного счастья.

[5] Н. Г. Глинка, служивший офицером в Закавказье, 13 апреля 1838 г. получил легкую рану в стычке с горцами на Черноморской береговой линии.

40. И. И. ПУЩИНУ

⟨Акша. 16 августа 1842 г.⟩

Друг Jeannot! твой брат [1] у меня в келье [2]. С каким наслаждением я его вижу, с каким удовольствием слышу его голос и что это все во мне воскрешает!

Я здоров, хотя и не могу жаловаться на излишек счастия: схоронил я, между прочим, сына, которого в твое имя было назвал Иваном [3].

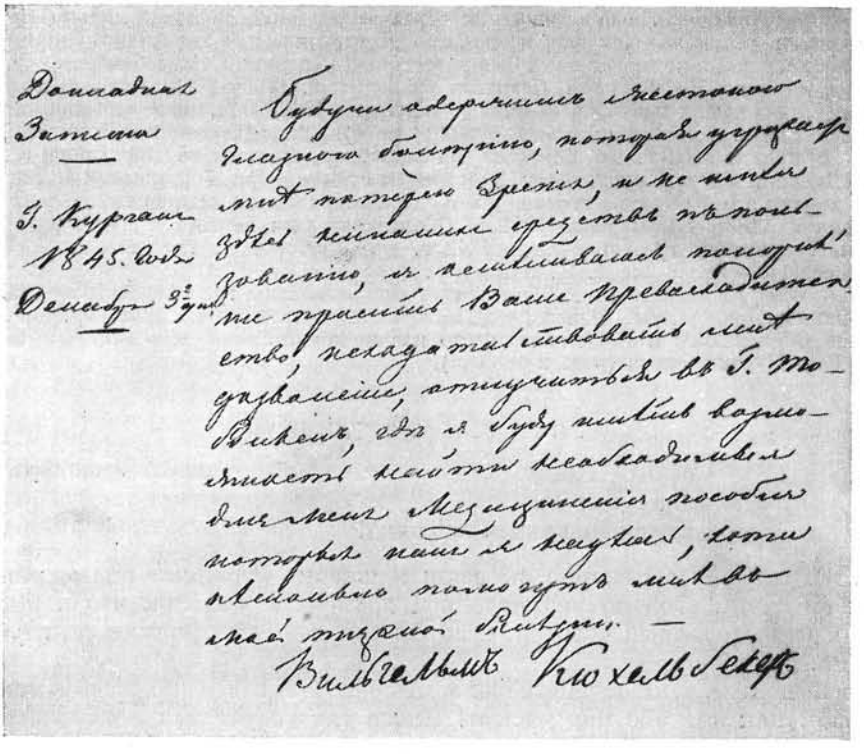
Евгения [4] целую и обнимаю; я отвечал на его последнее письмо; не знаю, застало ли оно его еще на Итанце. Жена кланяется Оболенскому. Миша [5] мой, которого Евгений знает, жив, да жаль мне своего Ванерочки.

Целую тебя. Николаю Ивановичу я, по своему похвальному обыкновению, таки успел кое-что прочесть, а тебе посылаю 3⟨-ю⟩ часть «Ижорского». Еще раз прощай!

Guillaume

На письме помета рукой И. И. Пущина, указывающая на то, что письмо было доставлено Н. И. Пущиным: «Пол⟨учено⟩ 19 окт⟨ября⟩. Никол⟨ай⟩».

Это — единственное дошедшее до нас письмо Кюхельбекера к И. И. Пущину, с которым он был связан тесной дружбой с лицейских лет. Как и другие лицеисты, он называл Пущина уменьшительным именем «Жанно».



ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА КЮХЕЛЬБЕКЕРА ОТ 3 ДЕКАБРЯ 1845 г. С ХОДАТАЙСТВОМ О ПЕРЕВОДЕ В ТОБОЛЬСК ДЛЯ ЛЕЧЕНИЯ ГЛАЗ

Написана неизвестной рукой. Кюхельбекеру принадлежит только подпись

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

До нас дошло еще письмо Е. П. Оболенского к Пущину от 12 ноября 1839 г. с припиской Кюхельбекера от 17 ноября:

«Вчера в проезд мой в Удинск остановился я и заночевал у Евгения Петровича. Бечером толковали про многое — и, между прочим, про тебя. Люблю тебя, cher Jeannot, как друга и брата, а уважаю более, чем всех нас остальных вместе. За что? Здесь не выскажешь! Прощай и не забывай меня

В. К ю х е л ь б е к е р»

(неизд. — ЛБ, М. 7577, л. 193 об.).

Письмо датируется на основании записи в дневнике Кюхельбекера от 17 августа 1842 г.: «Вчера у меня был такой гость, какого я с своего свидания с Матюшкиным еще не имел во все 17 лет моего заточения — Николай Пущин! Подурнел он, голубчик: из хорошенького мальчика стал он некрасивым мужчиною; зато у него душа та же — пущинская, какая должна быть у брата Ивана Пущина».

[1] Николай Иванович П у щ и н (род. в 1803 г.) — младший брат декабриста. Служил по Министерству юстиции и в 1842 г. был командирован в Сибирь для ревизии

мест заключения. Во время поездки он навестил брата (в Туринске) и перезнакомился со многими декабристами, которым привез вести от родных. Кюхельбекер встречался с Н. И. Пущиным ранее, очевидно, в лицейские годы, когда тот, еще мальчиком, навещал в Лицее старшего брата.

[2] Кюхельбекер называет свое жилье в Акше «кельей», очевидно, в память лицейских лет; известно, что так называли царскосельские лицеисты свои комнаты.

[3] Младший сын Кюхельбекера Иван умер 27 марта 1842 г. (род. 21 декабря 1840 г.). Кюхельбекер писал о нем декабристу Оболенскому: «Имя его — Иван. Это имя мать дала ему по дедушке, но я им очень доволен, потому что напоминает Лицей и товарища, которого и Вы и я любим» («Декабристы. Неизданные материалы и статьи». М., 1925, стр. 161). 1842 год был для Кюхельбекера очень тяжелым из-за житейских неудач (бедность, долги, неурожай), семейных неурядиц и осложнившихся отношений с близкими ему людьми (семейством Разгильдеевых). Тяжелое настроение Кюхельбекера отразилось в его дневнике; через месяц после посылки письма Пущину он записал: «Если человек был когда-либо несчастлив, так это я: нет вокруг меня ни одного сердца, к которому я мог бы прижаться» («Дневник Кюхельбекера», стр. 285).

[4] Евгений — Евгений Петрович Оболенский (1796—1865), один из активнейших и руководящих деятелей Северного общества. В 1839 г., после отбытия каторги, был поселен в селе Итанцинском (Итанце) Верхнеудинского округа Иркутской губ. Здесь в январе 1840 г. его навестил Кюхельбекер, по пути из Баргузина в Акшу (см. «Дневник Кюхельбекера», стр. 242; записи от 19 января, 7 февраля и 12 февраля, из-за дефектного источника текста, были здесь неправильно датированы редакторами «Дневника» 1838 г.). В июне 1841 г. Оболенский был переведен из Итанца в Туринск, Тобольской губ., а в июле 1842 г.— в Ялуторовск, где поселился вместе с переведенным туда же И. И. Пущиным.

Из писем Кюхельбекера к Оболенскому опубликованы три письма 1839—1841 гг. в сборнике: «Декабристы. Неизданные материалы и статьи». М., 1925, стр. 158—161. Письма Оболенского к Кюхельбекеру до нас не дошли.

[5] Сын Кюхельбекера (род. в 1839 г.).

41. НАТ. Г. и А. Г. ГЛИНКАМ

⟨Акша.⟩ 9 октября 1842.

Милые друзья
Наташенька и Сашенька!

Благодарю вас покорно за ваши жизненно отрадные письма; в них столько души, столько непритворной дружбы и участия, что я был бы самый неблагодарный человек, если бы они меня не тронули до глубины сердца.

Особенно на меня подействовало, что рассказываете про свою маменьку. Добрая! как она обо мне жалеет! После такого участия поневоле помиришься с своей судьбою и пожелаешь еще пожить на свете. Сильно меня встревожило, что вы и она пишете об опасности, которой было подверглась супруга Дмитрия Григорьевича. Слава, слава богу, что все обошлось одним страхом, хотя тут и страх не безделица.

Я теперь хлопочу, как бы выбраться из Акши; пожелайте мне, чтоб это было к лучшему [1]. Заботы и сомнения меня тревожат: я перестал верить в удачу; а между тем *моя обязанность* не унывать и хлопотать, чтобы было лучше. Всего более занимает меня Миша: он всего сильнее привязывает меня к жизни; для него я должен бодрствовать, для него мой долг не падать духом. — Но что бы ни случилось, я и семья моя в руке же божией. Без него не падет ни один волос с головы моей [2].

Если только достигну того, чтоб жена была довольна, сочту себя совершенно счастливым. — Ни в каком случае не буду также каяться, что я прожил здесь в Акше 3 года: все же Акша не Баргузин; да и в вещественном отношении здесь было лучше: по кр⟨айней⟩ мере здесь я расплатился с старыми долгами и новых не нажил, а это не безделица. Меня поддерживает мысль, что я поступил по долгу и обязанности, что, может быть, здесь и был кое-кому полезен... Благодарности же ожидать от людей я отвык. Может быть, если удастся мне устроить хоть несколько будущность Дросиды Ивановны и дитяти нашего, — и она, хоть бы тогда, когда

меня уже не будет, отдаст мне справедливость. Теперь же я стану ее извинять и, сколько могу, оправдывать: истинно, что она, бедная, здесь пила не сладкую чашу; но не я в том виноват; сверх того вопрос: не было ли бы в Баргузине еще хуже? — Простите, мои друзья, молитесь за меня.

Ваш друг В. Кюхельбекер

[1] Во время пребывания в Акше Кюхельбекер влюбился в свою молоденькую ученицу — дочь акшинского пограничного начальника, майора А. И. Разгильдеева, Анну Александровну (род. в 1825 г.). Эта любовь оказалась для него источником тяжелых душевных переживаний (см. «Декабристы и их время», 1951, стр. 83—85). После отъезда из Акши семьи Разгильдеевых Кюхельбекер предпринимал безуспешные попытки выбраться из этого места, где его преследовали всяческие неудачи, нужда и личные огорчения. В октябре 1842 г. он просил начальство перевести его либо в село Урикское, либо в Иркутск.

[2] О подавленном состоянии Кюхельбекера и мыслях о смерти, преследовавших его в это время, свидетельствует ответ М. К. Кюхельбекера на письмо к нему брата от 2 марта 1842 г.: «Смерть, конечно, не беда нашему брату,— пишет М. К. Кюхельбекер 8 мая 1842 г.,— но если жить, то надо по возможности быть бодру и здорову, особенно если к тому на руках семья; не могу не усмехнуться на счет твоего завещания, это хорошо для Шереметева, а нам с тобой и завещать нечего! Только детям, чтоб были честны и добры, вот и все; мое тебе завещание то, чтобы ты помнил, что ты человек образованный, христианин и философ, итак переноси все случайности жизни твердо, мужественно, и избави господь тебя от отчаяния, а что еще хуже — от равнодушия ко всему!» (Автограф в собрании Ю. Г. Оксмана. Саратов).

42. Э. Ф. БРЕЙТКОПФ

<Акша.> 28 декабря 1843 г.

Ваше любезнейшее письмо, милая сестрица Эмилия Феодоровна, меня крайне и крайне обрадовало: оно служит мне доказательством, что Вы таки не забываете меня, а жить в памяти таких редких в мире существ, каковы Вы, истинное счастие. Вам угодно, чтоб я Вам отвечал на моем родном языке. С удовольствием исполняю Ваше желание: я во многом переменился, но и теперь на 47 году моей жизни я точно такой же страстный почитатель русского языка, каким Вы меня знавали, когда мне было с небольшим 20 лет. Если же до сих пор я писал к Вам по-французски, это было потому, что не хотел упустить случая упражняться в нем в переписке с особою, которая этот язык знает так превосходно.

Деньги (250 рублей ассигнациями), которые Вы изволили переслать мне от имени сестер моих, я исправно получил; благодарю Вас за пересылку, а их за вспомоществование, какое они не перестают оказывать мне и семейству моему. Вы журите меня, что не пишу к сестрице Julie; Вы совершенно правы; я кругом виноват и ничем не оправдываюсь, — но, не знаю почему, меня пугает это страшное расстояние: Акша и Палермо— это такой контраст, как зима и лето, ночь и день. Беру перо, хочу писать от души, а между тем несносные какие-то кончетти сами собою ложатся на бумагу. Но клянусь Вам богом, что я сестру люблю попрежнему всем сердцем, всею душою, — и она, право, не виновата, что нас разделяет целая почти половина земного шара [1]. Впрочем, я после предпоследнего Вашего ко мне письма к ней писал, да, верно, письмо не дошло до Вас. Даю Вам слово, что буду к ней писать в следующий раз: просто, без затей, без фраз и резонерства.

Прошедшая осень (но только не октябрь, а ноябрь) была для меня благосклонна: я кончил небольшой роман, который, быть может, показался бы Вам достойным некоторого внимания [2].

За известия о членах милого семейства Зиновьевых [3] усерднейше Вас благодарю и прошу им всем сказать от меня нижайший поклон. Если увидите M-me Nagel [4], засвидетельствуйте и ей, подруге моей матери,

сердечное мое почтение. Я напрашиваюсь на подарок от нее: пусть она пришлет мне Imitation de Jesus Christi *, но только старенький экземпляр, ею самою читанный и перечитанный[5]. Жена и Миша мой целуют Ваши ручки.

Простите, добрейшая Эмилия Феодоровна; не забывайте меня!

В. Кюхельбекер

[1] См. прим. 2 к письму № 17.

[2] Имеется в виду роман «Последний Колонна» (или «Итальянец»), законченный 3 декабря 1843 г. Роман этот издан по рукописи отдельной книгой в 1938 г.

[3] См. прим. 8 к письму № 9 и прим. 7 к письму № 22.

[4] M-m e N a g e l — очевидно, вдова Нагеля, в начале XIX в. занимавшего пост лифляндского и эстляндского гражданского губернатора.

[5] См. прим. 7 к письму № 9.

43. В. А. КАЗАДАЕВУ

Баргузин. 1 октября 1844 г.

Милостивый государь,
Владимир Александрович,

вот уже неделю нахожусь в доме моего доброго брата [1]. Вы, верно, примете участие в наслаждении, какое мне доставило свидание с ним. Здесь часто разговариваю с ним об Акше, и естественно, что Ваше имя часто на моем языке, что я хвастаю и хвалюсь перед ним знакомством с Вами, человеком, каких я и во время оно в Петербурге и Москве встречал не много. Кажется, что и мой Михайло счел бы счастием с Вами сблизиться.

Путешествие мое из Верхнеудинска сюда было сопряжено с большими издержками и даже опасностями. Окружный начальник не решился мне выдать бланка [2]; я принужден был взять подорожную, платить за тройку и потом в Турке нанять лодку за 100 рублей. Двое суток нас носило под Лиственичным островом, заливало волнами, сорвало руль; насилу отстоялись на кошке. Вот что и заставляет меня промешкать здесь до мореставу [3] и пуститься в дорогу в январе. Хоть во мне и мало проку, а потонуть все-таки не хочется да и деточек жаль. Вас же, мой добрый Владимир Александрович, усерднейше прошу убедить наши иркутские власти, чтоб они приказали властям верхнеудинским выдать мне бланк, а то я, право, приеду в Курган ровно ни с чем, что, особенно для первой поры, не очень удобно. Жена и дети поручают себя Вашей благосклонной памяти, а я не только в конце письма, но во всю жизнь с чувством искреннего уважения и преданности честь имею быть,

милостивый государь,
Вашим покорнейшим слугою
Вильг⟨ельм⟩ Кюхельбекер

P. S. Вручителю этих строк, истинно честному и услужливому человеку, не откажите в Вашем покровительстве.

Владимир Александрович Казадаев — в молодости офицер, участник русско-турецкой войны 1828 г.; в тридцатые годы — чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел, затем (до 1846 г.) — почт-директор Восточной Сибири; в пятидесятые годы — курский губернатор. По словам служившего при Казадаеве в 1847 г. мелкого чиновника, он «держал себя вполне как русский барин старых времен, с своею хорошею и дурною стороною; происходя от богатых родителей, с детства не привык стесняться и вырос на своей воле, связанный только внешними приличиями знатного барина» («Русский архив», 1904, № 12, стр. 554). Казадаев был не чужд литературе: он перевел в стихах комедию Мольера «Тартюф» («Русская сцена», 1864, № 3, и от-

* Подражание Иисусу Христу (франц.).

дельно; 2-е изд. — 1867 г.), а в пятидесятые годы занимался стихотворным переложением арабских сказок из сборника «1001 ночь».

[1] 27 августа 1844 г. Кюхельбекер получил долгожданное разрешение на перевод из Акши в Западную Сибирь — в Курганский округ. 2 сентября он с семьей выехал из Акши и через Верхнеудинск отправился в Баргузин — навестить брата. При переправе через Байкал их застигла буря; в Баргузин они приехали около 23 сентября.

[2] Б л а н к — документ, относивший путевые расходы на казенный счет.

[3] Д о м о р е с т а в у — то есть, до ледостава (Байкал, на языке местных жителей, назывался морем). «Через Байкал начинают ездить обыкновенно после нового года», — писал декабрист В. И. Штейнгель (под псевдонимом В. Обвинский) в своих «Замечаниях на статьи Энциклопедического лексикона» (сб. «Сибирь и декабристы». Иркутск, 1925, стр. 111).

44. В. А. КАЗАДАЕВУ

〈Баргузин. Октябрь — ноябрь 1844 г.〉

Усерднейше прошу Владимира Александровича достать от Николая Ивановича Пущина [1] список с мистерии «Ижорский»: первых двух частей — с напечатанного экземпляра с моими поправками и третьей — с рукописи.

В. К ю х е л ь б е к е р

Датируется по связи со следующим письмом от 28 ноября 1844 г., в котором Кюхельбекер возвращается к вопросу о пересылке Казадаеву рукописи «Ижорский».

[1] О Н. И. Пущине и посланной с ним рукописи 3-й части «Ижорского» см. письмо № 40. Казадаев был связан с Н. И. Пущиным служебными отношениями; так например, в 1845 г. они вместе разъезжали по Западной Сибири.

45. В. А. КАЗАДАЕВУ

Баргузин. 28 ноября 1844 г.

Милостивый государь,
Владимир Александрович,

от всей души благодарю Вас за память Вашу и благосклонное ко мне расположение. Ширманн [1] мне говорил, что Вы не отказываетесь исполнить мою покорнейшую просьбу и хотите мне через Верхнеудинского окружного начальника выслать бланковую подорожную. Слова: *благодетель, благодеяние, покровитель, покровительство* и tutti quanti * несколько относятся к тем, которые мое глупое перо как-то не умеет писать, — хотя, поверьте, я, право, не неблагодарен. Между тем, как же назвать иначе, если не благодеянием, одолжение, которое Вы с столь благородною и радушною готовностию хотите оказать мне и которое сбережет мне около 600 рублей, для меня вовсе и вовсе не лишних на первой поре в стороне новой и мне совершенно незнакомой? Если бы еще возможно было, чтоб казак или урядник, необходимый мой спутник, был заменен кем-нибудь из ваших подчиненных, — я бы насчет своего путешествия был совсем спокоен. Вы бы, без сомнения, его снабдили и от себя предписанием, и тогда бы я мог надеяться непременно прибыть в место моего жительства без перемены спутников и в самое скорейшее время. Просить об этом не смею, потому что, во-1-х, боюсь Вам надоесть своими докуками, а во-2-х, быть может, это дело несбыточное.

Что скажу Вам о моем житье-бытье баргузинском? — Несмотря, что я здесь с братом, человеком добрым и умным, я желал бы ехать — и приехать. Мне 48 лет; терять время и в 20-летнем возрасте большая глупость, а в моих летах и при моем ремесле это грех непростительный. Здесь же я решительно теряю время; здесь даже и читать трудно: у брата три маленьких крикуньи; у меня крикун и крикунья — и преголосистые... Итак, сами рассудите, — возможно ли тут заняться чем-нибудь путным, особенно, когда в доме нет уголка отдельного? Впрочем, нет худа без добра:

* и все остальное (итал.).

mon esprit se reposera et je pourrai avec une nouvelle élasticité reprendre mes occupations *. В голове моей толпятся кое-какие призраки и полуобразы, которые ждут досуга и тишины, чтобы одеться в живое слово; но с первого моего приезда в Курган едва ли удастся предаться влечению моей души, жаждущей творить, пока в ней еще не иссякла творческая сила... Между тем:

Быть может, — странное сравненье, —
А устрицам подобно вдохновенье:
Не откажусь от свежих никогда;
Но полежали, — не моя еда [2].

Итак, все, быть может, кончится пустяками; впрочем, жаль бы было — для двух отрывков моего «Вечного жида» (Лютера и франц‹узской› революции) — мыслей бездна: mon poème est tout fait; il ne me reste que les vers **. Не приведется ли по-акшинскому просто выправлять уже написанное и дать разному старью ту последнюю окончательную форму, в которой я это старье передам времени, когда самого меня уже не будет?[3] В таком случае мой «Ижорский», которого возвращением под кров родительский опять буду Вам же обязан, — для меня покажется истинным вожделенным гостем. Извините мои помарки.

С глубочайшим почтением и душевною преданностию, милостивый государь, Ваш покорнейший слуга

В. Кюхельбекер

[1] Ширманн — лицо нам неизвестное; вероятно, кто-нибудь из баргузинских чиновников.

[2] Стихи Кюхельбекера из цикла «Гномы», конца 1830-х гг. (Кюхельбекер, т. I, стр. 192).

[3] Указанные отрывки (о Лютере и французской революции) вошли в окончательный текст поэмы «Агасфер» («Вечный жид»), как он сложился в Акше, в 1840—1842 гг. (см. «Русская старина», 1878, № 3, стр. 442—456). Трудно сказать, вносил ли впоследствии Кюхельбекер еще какие-нибудь дополнительные поправки в этот текст.

В том же архиве сохранилась записка Кюхельбекера к Казадаеву, повидимому, от января 1845 г. (на французском языке):

Милостивый государь,

чувствуя себя не совсем здоровым, осмеливаюсь просить Вас извинить меня, что я не могу иметь чести у Вас обедать. Но я вполне вознагражу себя, явившись к Вам перед отъездом в Курган, чтобы поблагодарить Вас за всю Вашу доброту и проститься с Вами.

Ваш покорнейший слуга
Вильгельм Кюхельбекер.

Записка эта датируется на основании следующих соображений: Кюхельбекер уехал из Баргузина, очевидно, в начале января 1845 г. (см. письмо его к Казадаеву от 1 октября 1844 г. — № 43) и до 1 февраля пробыл в Иркутске, где и мог навещать Казадаева.

46. М. Н. ВОЛКОНСКОЙ

Перевод с французского.

Красноярск. 13 февраля 1845 г.

Сударыня,

я должен был бы направить письма всем моим дорогим иркутским товарищам [1], каждому в отдельности, но у меня не хватает времени, чтобы исполнить эту обязанность, столь же приятную, сколь священную. Завтра я уезжаю.

---

* моя голова отдохнет, и я смогу с большей гибкостью приняться за свои занятия (франц.).

** моя поэма уже готова; остаются лишь стихи (франц.).

Я убежден, что ни один из них не посетует на меня за то, что я избрал Вас, княгиня, чтобы принести им свои извинения: все, что заключено достойного и прекрасного в характере каждого из них, выражено сильнее и чище Вами, их ангелом-хранителем, их утешительницей.

Я познакомился с любезным семейством Василия Львовича [2]. Он все тот же. Я нашел в нем изменившейся лишь внешность. Его настроение, его искрящийся, как шампанское, ум, его прекрасное сердце все те же.

Спиридов [3] мало постарел. Митьков [4] очень глух, а мне кажется, что сильнее, чем на самом деле, и это создает повод для многих несколько комических сцен.

ДОМ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА В РАБОЧЕМ ПОСЕЛКЕ СМОЛИНО (РАНЕЕ СЛОБОДА СМОЛИНСКАЯ, КУРГАНСКОГО УЕЗДА, ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Кюхельбекер поселился здесь в сентябре 1845 г. и жил до отъезда в Тобольск в феврале 1846 г. Фотография А. П. Либертэ, снята 14 ноября 1952 г.

Госпожа Давыдова [5] была бесконечно добра и любезна со мною и с моими.

Жена моя, преданная Вам сердцем и душою, начала новую жизнь после знакомства с Вами; я ее больше не узнаю. Вам, княгиня, я буду обязан своим семейным счастьем. Вчера и третьего дня она была нездорова, что задержало меня на несколько дней в Красноярске.

Михаил чувствует себя отменно; маленькая тоже [6], но в ущерб своей маменьке.

Сделайте милость, княгиня, распорядитесь списать для меня рассказ Теодора [7], тот, который известен Иосифу [8], и который кажется ему столь хорошо и столь простодушно написанным.

В качестве чего-то, что сможет заинтересовать Муханова [9], посылаю Вам стихи, совершенно забытые их автором. Казимирский [10] их воскресил. Они были созданы в Шлиссельбурге в 1827 году [11].

Прошу Вас обнять от нашего имени Вашего добрейшего и дорогого Михаила и сказать Нелиньке [12], что я целую ее маленькую ручку.

Я напишу общее письмецо нашему почтенному Сергею Григорьевичу [13], Александру и Иосифу Поджио [14]. Остальные же получат письмо из Тобольска.

Умоляю Вас, княгиня, сохранить обо мне благосклонную память и имею честь быть Вашим покорнейшим и преданнейшим слугою

Вильгельм К ю х е л ь б е к е р

Мария Николаевна В о л к о н с к а я (1805—1863) — жена С. Г. Волконского, последовавшая за ним в Сибирь; в кругу декабристов пользовалась большим влиянием. По приезде на место назначения, в Смолинскую слободу Курганского округа, 29 марта 1845 г., Кюхельбекер обратился к М. Н. Волконской со следующим стихотворением:

Людская речь — пустой и лицемерный звук,
И душу высказать не может ложь искусства:
Безмолвный взор, пожатье рук—
Вот переводчики избытка дум и чувства.
Но я минутный гость в дому моих друзей,
А в глубине души моей
Одно живет прекрасное желанье:
Оставить я хочу друзьям воспоминанье,
Залог, что тот же я,
Что вас достоин я, друзья...
Клянуся ангелом, который
Святая, путеводная звезда
Всей нашей жизни: на восток, сюда,
К ней стану обращать трепещущие взоры
Среди житейских и сердечных бурь,—
И прояснится вдруг моя лазурь,
И дивное сойдет мне в перси утешенье,
И силу мне подаст и гордое терпенье.

[1] По дороге в Курганский округ, задержавшись почти на месяц в Иркутске, Кюхельбекер повидал некоторых из декабристов, поселенных в районе Иркутска и часто бывавших в самом городе (полулегально). В частности, он навестил С. Г. Волконского, жившего в с. Уриковском, в 18 верстах от Иркутска. Вдова Кюхельбекера много лет спустя вспоминала, что в Иркутске он, «несмотря на болезнь, как-то особенно был весел и более покоен; тут же он нашел и друзей своих и прежних знакомых, как например: князя Трубецкого, Волконского и других <...> эти друзья оказывали ему полное дружеское внимание. В кругу этих добрых друзей и знакомых ему не приходилось скучать: дельные беседы их почти каждый день тянулись иногда далеко за полночь <...>. С прискорбием оставил он своих иркутских друзей и знакомых» («Декабристы и их время», 1951, стр. 87—88).

[2] Василий Львович Д а в ы д о в (1792—1855) — видный член Южного общества. По истечении срока каторги, в 1839 г., был поселен в Красноярске.

[3] Михаил Матвеевич С п и р и д о в (1796—1854) — член Общества Соединенных Славян. По истечении срока каторги, в 1839 г., был поселен в Красноярске (см. о нем в настоящем томе, стр. 717—720).

[4] Михаил Фотиевич М и т ь к о в (1791—1849) — член Северного общества. По истечении срока каторги, в 1837 г., был поселен в Красноярске.

[5] Александра Ивановна Д а в ы д о в а (урожд. Потапова) — жена В. Л. Давыдова, последовавшая за ним в Сибирь.

[6] Дети Кюхельбекера: Михаил и Юстина.

[7] Т е о д о р — Федор Федорович Вадковский (1800—1844), один из активных участников декабристского движения, член Северного и Южного обществ, республиканец, соратник П. И. Пестеля. По истечении срока каторги, в 1840 г., был поселен в с. Оёке Иркутского округа, где и умер от чахотки (8 января 1844 г.). Ф. Ф. Вадковский был щедро и разносторонне одаренным человеком — обладал серьезными математическими способностями, занимался музыкой, писал стихи. «Рассказ Теодора», о котором упоминает Кюхельбекер, может быть, очерк «Белая церковь» — о восстании Черниговского полка в январе 1826 г., составленный Ф. Ф. Вадковским на основании рассказов трех непосредственных участников восстания. Этот очерк был впервые опубликован Герценом в издании «Записки декабристов», вып. 2-3. Лондон, 1863.

Кюхельбекер был в свое время дружески связан с Вадковским. Узнав о его смерти, он записал в дневнике (26 марта 1844 г.): «Умер Вадковский, человек, с которым я когда-то жил душа в душу,— что же? Мне, право, кажется, будто я его никогда не знавал; ум-то, правда, говорит: „Вот ты почему бы должен грустить, вот какую ты понес потерю — последний или, по крайней мере, один из последних, кто тебя любил,

покинул тебя навсегда" и пр. Но сердце окаменело: бьешь в него, требуешь от него воды живой, сладких, горьких слез, а сыплются только искры, суеверные приметы, напр⟨имер⟩, вроде той, что всем моим друзьям суждено было умереть в январе».

Очевидно, Вадковского же имел в виду Кюхельбекер, когда в письме к племянникам от 31 декабря 1834 г. (№ 33 нашей публикации) вспоминал изречение своего «друга Théodore» (см. стр. 451). Возникает вопрос — когда же Кюхельбекер мог подружиться с Вадковским, жить с ним «душа в душу»? Познакомиться они могли еще в детстве: родители Вадковского принадлежали к ближайшему окружению Павла I и Марии Федоровны, по летам живали в Павловске и, несомненно, были знакомы со старшим поколением Кюхельбекеров и Глинок. В дальнейшем, в период 1812—1824 гг., Ф. Ф. Вадковский находился в Петербурге, сперва обучаясь в частных пансионах, а затем (с января 1822 по лето 1824 г.) состоя на военной службе, в Кавалергардском полку; Кюхельбекер за все это время провел в Петербурге более или менее оседло только три года — с июня 1817 по сентябрь 1820 г. Сведений о знакомстве Кюхельбекера с Вадковским до 14 декабря 1825 г. не имеется. Не исключено, что они могли сблизиться в 1827 г. в Шлиссельбургской крепости: Кюхельбекер находился здесь в заключении с 25 июля 1826 по 12 октября 1827 г., а Вадковский был доставлен сюда в апреле 1827 г. и содержался, очевидно, по ноябрь (5 января 1828 г. уже был доставлен в Нерчинские рудники), — однако не совсем ясно, каким образом могли общаться Кюхельбекер и Вадковский в условиях одиночного тюремного заключения.

[8] Иосиф Викторович Поджио (1792—1848) — член Южного общества. По окончании срока заключения в Шлиссельбургской крепости, в 1834 г., был поселен в с. Усть-Кудинском Иркутского округа.

[9] Петр Александрович Муханов (1799—1854) — член Союза Благоденствия и Северного общества. После каторги, освобожденный досрочно, был в 1832 г. поселен в Нижнеудинском округе, а в 1842 г. переведен в с. Усть-Кудинское Иркутского округа. П. А. Муханов занимался литературой — писал повести, очерки, исторические статьи, был тесно связан с литературными кругами, до 14 декабря сотрудничал в «Сыне отечества», «Московском телеграфе» и других изданиях (см. о нем ниже, стр. 712).

[10] Яков Дмитриевич Казимирский — офицер, служивший в Сибири; одно время занимал должность плац-майора в Чите и Петровском заводе, где снискал уважение и даже приязнь многих декабристов, оказывая им разного рода услуги.

[11] Речь идет, несомненно, о замечательном стихотворении Кюхельбекера «Тень Рылеева». Это было первое стихотворение, сочиненное Кюхельбекером после декабрьских событий — в 1827 г., в каземате Шлиссельбургской крепости, где ему еще не давали писать (стихотворение было впоследствии записано автором по памяти).

[12] Дети Волконских: Михаил (1832—1907) и Елена (1835—1916).

[13] Волконский.

[14] См. письмо А. В. Поджио к Кюхельбекеру от 9 июля 1845 г. в настоящем томе, стр. 491—494.

47. С. П. ТРУБЕЦКОМУ

⟨Курган.⟩ 12 апреля 1845 г.

Любезнейший друг
Сергей Петрович,

вечно памятен будет для меня день, который провел я в Вашем доме [1]... Кажется, и теперь вижу быт, почти английский, Вашего семейства; особенно мне понравился Ваш утренний чай: все вместе; тартины, чай, кофе, телятина; радушие, семейное счастие, — je croyais être dans ma maison paternelle *. Потом меня воображение переносит в Вашу маленькую гостиную; мне кажется, я все еще сижу возле софы, где добрейшая княгиня Катерина Ивановна [2] слушает мои стихи; кажется, я по сю пору вижу ее слезы... Ce n'est pas un triomphe **: тут не было места авторскому самолюбию — я видел прекрасную душу, отгадавшую мою душу. — Потом я в сотый раз в своих воспоминаниях посещаю гроб моего бедного Теодора [3].

Прошли и эти дни. Я теперь опять один, потому что, хотя здесь и есть наши [4], однако Вы согласитесь, что с ними нельзя мне так делиться мыслями и чувствами, как с иркутскими или с тобольскими моими друзьями [5]. Тут, т. е. в Тобольске, прекрасные души: в главе их Наталья Дмитриевна [6], редкая женщина, qui fait le plus grand cas de Madame Votre

* мне казалось, что я в родительском доме (франц.).
** Это не победа (франц.).

épouse *; Пушкин[7] и Свистунов[8] — люди истинно почтенные, проникнутые непритворною, чистою набожностию; Михайло Александрович[9] и по сю пору сохранил что-то рыцарское, — он меня очень обласкал и старался предупредить все мои желания. Фонвизинский дом мне и потому очень дорог, что я тут мог наговориться о Вас. Сделайте дружбу, любезнейший Сергей Петрович, обрадуйте меня скорее письмом; а между тем прошу сказать от меня поклоны Сутову[10], Муханову[11], Александру Михайловичу[12] и Панову[13]. — Целую ручки Катерине Ивановне, а Вас прошу сохранить меня в доброй памяти.

Преданный Вам душою В. К ю х е л ь б е к е р

P. S. Жена Вам свидетельствует свое почтение, и все мы трое, т. е. она, я и Миша, кланяемся Вашим милым детям и нашей Анненьке[14].

[1] Сергей Петрович Т р у б е ц к о й (1790—1860) по истечении срока каторги, в 1839 г., был поселен в с. Оёке Иркутского округа. Здесь и посетил его Кюхельбекер в январе 1845 г., по дороге в Западную Сибирь. Сохранилось письмо Трубецкого к Кюхельбекеру, посланное накануне отъезда последнего из Иркутска. Из этого письма, в частности, выясняется, что Кюхельбекеру было поручено доставить обширную корреспонденцию декабристам, поселенным в местах, через которые он должен был проехать. Упомянутый в письме Трубецкого А л е к с а н д р В и к т о р о в и ч — декабрист Поджио. Приводим текст этого неопубликованного письма:

31 генваря <1845 г.>

Посылаю Вам, добрый мой Вильгельм Карлович, целый пук писем; они разделены в конвертах по городам: в Красноярск, Ялуторовск и Курган. Еще есть одно письмо в Омск, от живущей у нас женщины. В Ялуторовск следует и сверток, который я у Вас оставил в клетнике. Посылаю еще сверток для прочтения Вам, который передайте Александру Викторовичу, он возвратит мне в субботу. Не знаю, успеете ли Вы все прочесть, но, полагаю, что сегодня еще не выедете. Во всяком случае, я Вас более не увижу, и потому заочно крепко Вас обнимаю. Желаю, чтоб Вы всегда были довольны Вашим положением и спокойны духом. Дросиду Ивановну я прошу от жены моей и меня принять поклон и желания ей всяких благ. Деточек обнимите за нас; да растут они Вам на радость и утешат Вас в старости. Простите, пожимаю Вам руку.

Ваш Т р у б е ц к о й

(ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4, лл. 36—37).

В сентябре 1846 г., еще не зная о смерти Кюхельбекера, С. П. Трубецкой писал А. Ф. фон дер Бриггену из Омска: «Известия твои о Вильг<ельме> Кюх<ельбекере> подтверждаются письмами из Тобольска. Он, кажется, не жилец на сем свете; и я полагаю, что его убивает поэтическая страсть его. Если б он имел частицу прозы своего брата, то был бы здоровее. Поэты с горячими чувствами долго не живут. Долго жили Гёте, Вольтер, люди холодные» («Литературный вестник», 1903, № 6, стр. 128).

[2] Екатерина Ивановна Т р у б е ц к а я (ум. в 1854 г.) — жена С. П. Трубецкого, последовавшая за ним в Сибирь.

[3] См. прим. 7 к письму № 46. Ф. Ф. Вадковский умер и был похоронен в Оёке.

[4] В Кургане в это время находились на поселении декабристы — Н. В. Басаргин, А. Ф. Бригген, И. С. Повало-Швейковский, Д. А. Щепин-Ростовский, Ф. М. Башмаков.

[5] В Тобольске декабристскую колонию составляли — М. А. Фонвизин, И. А. Анненков, братья Н. С. и П. С. Бобрищевы-Пушкины, П. Н. Свистунов, С. М. Семенов. Кюхельбекер по пути в Курган останавливался в Тобольске.

[6] Наталья Дмитриевна Ф о н в и з и н а (1805—1869) — жена М. А. Фонвизина, в 1828 г. приехавшая к мужу в Сибирь; ей были свойственны религиозно-мистические настроения; в последний год жизни Кюхельбекера дружески сблизилась с ним и присутствовала при его кончине («Декабристы и их время», 1951, стр. 88).

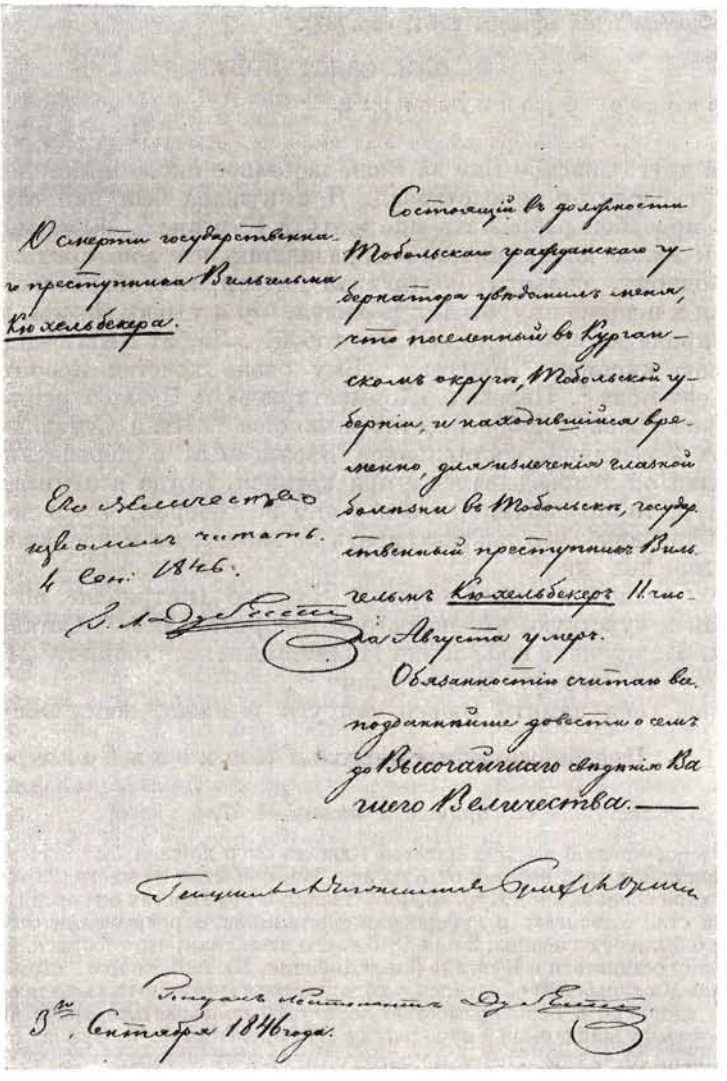
[7] Павел Сергеевич Б о б р и щ е в - П у ш к и н (1802—1865) — член Южного общества. По истечении срока каторги был поселен в Красноярске, а в 1840 г. переведен в Тобольск для надзора за душевнобольным братом (также декабристом). Писал стихи и басни (см. о нем в настоящем томе, стр. 741—742).

[8] Петр Николаевич С в и с т у н о в (1803—1889) — член Северного и Южного обществ. По истечении срока каторги жил на поселении в Иркутском округе, с 1838 г.— в Кургане, с конца 1841 г.— в Тобольске, где состоял на государственной службе в губернских учреждениях. Дом Свистунова служил центром культурной жизни в Тобольске. Свистунов присутствовал при кончине Кюхельбекера и описал его последние

* которая чрезвычайно ценит Вашу супругу (франц.).

часы в не дошедшем до нас письме к Ю. К. Глинке от 16 августа 1846 г. (см. «Русская старина», 1875, № 7, стр. 354). См. ниже письмо Кюхельбекера к Свистунову (№ 48).

[9] Михаил Александрович Фонвизин (1788—1854) — член Союза Благоденствия и Северного общества. По истечении срока каторги находился на поселении



«ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ ДОКЛАД» ШЕФА ЖАНДАРМОВ А. Ф. ОРЛОВА ОТ 3 СЕНТЯБРЯ 1846 г. О СМЕРТИ КЮХЕЛЬБЕКЕРА]

Сбоку помета рукой Дубельта: «Его величество изволил читать. 4 сен. 1846»

Центральный исторический архив, Москва

в Енисейске, Красноярске и Тобольске (см. письма его к Кюхельбекеру в настоящем томе, стр. 494—496).

[10] Александр Николаевич Сутгоф (1801—1872) — член Северного общества. После каторги был поселен в Иркутском округе, в 1848 г. переведен рядовым на Кавказ.

[11] См. прим. 9 к письму № 46.

[12] Александр Михайлович Муравьев (1802—1853) — член Северного общества. По истечении срока каторги был поселен вместе с братом Никитой Михайловичем в с. Уриковском Иркутского округа. После смерти брата, в августе 1844 г., был

определен на службу в Тобольское губернское правление, однако прибыл в Тобольск только 17 июля 1845 г. (см. А. Дмитриев-Мамонов. Декабристы в Западной Сибири. СПб., 1905, стр. 220).

[13] Николай Алексеевич Панов (1803—1850) — член Северного общества. По истечении срока каторги, в 1839 г., был поселен в Иркутском округе.

[14] Внебрачная дочь М. К. Кюхельбекера. Она воспитывалась в семье Трубецких. (см. «Декабристы и их время», 1951, стр. 87).

48. П. Н. СВИСТУНОВУ

Перевод с французского.

⟨Курган.⟩ 3 мая 1845 г.

Милый друг! Спасибо Вам за Ваше любезное письмо. Мои дела обстоят неважно: губернатор мне отказал. Я вынужден был написать к графу Орлову с просьбой разрешить мне жить в Кургане [1]. Жена моя плакала вчера, как малое дитя. Миша, вообразивший, что мне придется ехать в Смолино одному, сначала подтягивал матери, в особенности же, когда я собрался к исправнику; он был убежден, что я ухожу совсем, и цеплялся за меня, крича во все горло: «И я с тобой!». Любит меня бедный малыш!

Посылаю письмецо Бриггена [2]. Ему очень хочется прочитать «Port Royal» Сент-Бева [3]. Перевод «Комментариев» к Цезарю меня занимает: он довольно точен и добросовестно выполнен [4]. Иван Семенович * плох: он сделал завещание, составленное Басаргиным и переписанное мной. Первого мая он исповедывался и причастился. Когда я написал Вам, что не знаю его, то это значило, что я с ним не говорил, что я не беседовал с ним; он так слаб, что разговаривать не может, но я исправно навещаю его каждые два дня [5].

Я хотел написать нашей дорогой Наталье Дмитриевне, но я слишком взволнован и чувствую, что недостоин говорить с нею [6]. Оставим до другого раза. Наилучшие пожелания Михайло Александровичу [7], Пушкину [8], Анненкову [9] и Степану Михайловичу [10].

Поручаю себя памяти Вашей супруги и наших дам. Обнимаю Вас.

Преданный Вам Вильгельм Кюхельбекер

О П. Н. Свистунове см. прим. 8 к письму № 47.

[1] По распоряжению высших властей Кюхельбекер должен был поселиться в слободе Смолинской, в трех верстах от Кургана. По прибытии на место (22 марта 1845 г.) он самовольно обосновался в Кургане (собственно в $1^1/_2$ верстах от города, за Тоболом) и сразу же стал хлопотать в губернских инстанциях о разрешении остаться здесь. Хлопоты его были безуспешны: 2 мая 1845 г. его известили, что тобольский губернатор запрещает ему оставаться в Кургане (см. «Дневник Кюхельбекера», стр. 300). На следующий день Кюхельбекер обратился с ходатайством (мотивируя свою просьбу плохим состоянием здоровья и необходимостью постоянно пользоваться врачебной помощью в Кургане) к шефу жандармов и начальнику III Отделения А. Ф. Орлову (см. «Русская старина», 1902, № 4, стр. 110) и к своему старинному приятелю В. Ф. Одоевскому, который мог помочь ему благодаря своим служебным и светским связям (см. «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1893 год». СПб., 1896, прилож., стр. 69). «Неужто откажут?» — записал Кюхельбекер в дневнике 3 мая 1845 г. В Петербурге ответили отказом, и Кюхельбекер вынужден был приступить к строительству дома в Смолинской слободе (на деньги, присланные В. А. Глинкой). Перебрался он в собственный дом только 21 сентября 1845 г., уже совершенно больным («Дневник Кюхельбекера», стр. 305).

[2] Александр Федорович Бригген (1792—1859) — член Союза Благоденствия. По истечении срока каторги был поселен в Пелыме Тобольской губернии, в 1836 г. переведен в Курган, где с 1838 г. служил в Окружном суде.

[3] «Port-Royal» — курс историко-литературных лекций Сент-Бева, изданных в 1840—1860 гг. В письме Кюхельбекера речь идет о первых двух томах.

[4] Имеется в виду перевод, которым был занят А. Ф. Бригген. В дневнике Кюхельбекера под 15 мая 1845 г. записано: «Фон дер Бригген прочел мне 4 и 5⟨-ю⟩ главы своего „Цесаря“; пятая очень занимательна и в высокой степени оживлена драматическим интересом».

* *Имена и отчества в этом письме все по-русски.*

[5] Иван Семенович Повало-Швейковский (около 1790—1845) — член Южного общества. По истечении срока каторги, в 1839 г., был поселен в Кургане. П. Н. Свистунов в неизданном письме к Кюхельбекеру от 22 апреля 1845 г. (ответом на которое и является публикуемое письмо Кюхельбекера) просил его навещать больного Повало-Швейковского: «Вы пишете, что не знакомы с Иваном Семеновичем. Почему вы не попросите Николая Васильевича ⟨Басаргина⟩ Вас к нему ввести? Велика беда, ежели он Вас примет в постели! Я желал бы, чтобы Вы с ним познакомились. Вы могли бы принести ему моральное облегчение...» (ГИМ, ф. № 282, ед. хр. 283, л. 78. Перевод с французского). И. С. Повало-Швейковский умер через неделю после письма Кюхельбекера — 10 мая 1845 г., на руках у последнего.

[6] Фонвизина (см. прим. 6 к письму № 47).

[7] Фонвизин (см. прим. 9 к письму № 47).

[8] П. С. Бобрищев-Пушкин (см. прим. 7 к письму № 47).

[9] Иван Александрович Анненков (1802—1878) — член Южного общества. По истечении срока каторги был поселен в Иркутском округе; в 1837 г. переведен в Тобольскую губернию; с 1841 г. состоял на службе в Тобольском губернском правлении.

[10] Степан Михайлович Семенов (1789—1852) — член Северного общества. После заключения в крепости был отправлен на службу в Западную Сибирь.

49. НАТ. Г. ГЛИНКЕ

⟨Смолинская слобода.⟩ 11 октября 1845 г.

Мой друг Наташа. Третьего дня вечером и совершенно нечаянно я узнал о кончине Эмилии Федоровны. Чем она была для вас, чем для меня, вы знаете... Как на меня подействовала эта весть, ты разгадаешь из стихов, которые я *был в состоянии* написать на другой день... вот, мой милый друг, до чего я дожил! Узнаю о смерти — чьей? — и — и — пишу стихи! Но, повидимому, то, что называю своим дарованием, живучее во мне сердца и чувства. Je ne peux me rendre, me faire meilleur, que je ne le suis *. Итак, пусть хоть дар поэта заменит ее священной памяти слезы чистые и бесценные, которые даются детской, младенческой только скорби. — Никогда еще стиходей не переписывал собственных стихов с таким неуважением к самому себе, с таким отвращением к стихам. Я мог бы их вам и не пересылать, je pourrais même dire: je suis sensé d'ignorer la mort, — pourquoi en parler?..** Но меня что-то так и толкает говорить о том, что вас так искренно и живо печалит, а что в моей груди находит только резонерный, стихотворческий отголосок. Право, я наскучил самому себе! Но и в стихах по кр⟨айней⟩ мере видно, как бы *я желал* о ней скорбеть; только откуда родиться этой скорби в душе, которая вся в мозолях и рубцах от прежних ран? Довольно; прочти стихи — и пожалей, буде можешь, несколько и обо мне; сам я о себе не жалею. J'ai le sentiment de vouloir me soufflete ***. Прощай! Обнимаю тебя и сестриц твоих.

В. К.

Это последнее собственноручное письмо слепнущего Кюхельбекера.

Слух о смерти Э. Ф. Брейткопф (см. о ней прим. 4 к письму № 4), дошедший до Кюхельбекера, оказался ложным. В дневнике под 9 октября Кюхельбекер записал: «Пишут, будто бы скончалась Э. Ф. Брейткопф. Еще один ангел возвратился в свою отчизну небесную!». Стихотворение, которым Кюхельбекер откликнулся на это известие — «И ты на небо воспарило...» (см. Кюхельбекер, т. I, стр. 205) приложено к публикуемому письму.

50. НАТ. Г. ГЛИНКЕ

Тобольск. 11 мая 1846 г.

Милый друг Наташа!

Благодарю тебя, что вспомнила меня в светлое христово воскресенье. Все, что ты пишешь о вашем посещении последнего темного жилища моей бедной матери, глубоко меня тронуло. Давно бы и я просился к ней, но

* Не могу изображать себя лучше, чем я есть (франц.).

** я мог бы, даже сказать: я склонен забыть о смерти; к чему говорить о ней?.. (франц.).

*** Кажется, надавал бы себе пощечин (франц.).

что будет с моими детьми, что будет с моей женой? Чем долее живу на свете, тем горшие собираю плоды человекопознания — и в какое время! Довольно, казалось бы, физических страданий — нет, должны к ним присовокупляться самые живые сердечные. Слегка упомяну тебе о некоторых: жил в Кургане со мной под одним кровом молодой человек, товарищ Н. П. Р. [1]; он был у меня как сын родной, и между тем каждое мое слово передавал особе, не любившей меня; а когда я стал собираться из Кургана, повершил свой подвиг словами: пусть бы уж он по пути на меня сердился, а жаль, что я не украл его дневников (в которых, впрочем, нет ничего такого, чего бы нельзя было прочесть вслух целому миру). А ⟨о⟩ *здешних* разочарови⟨ях⟩ ты можешь судить по следующим стихам:

Не разлучайтеся с любовью животворной,
С святою верою, надеждой неземной,
И да не встретитесь с любовию притворной,
Ни с суетной надеждою-мечтой,
Ни с верой мертвою, надменной и холодной,
Подобной той смоковнице бесплодной,
Которую сухую проклял Спас...
Их трудно отличить подчас
От дивных дочерей Софии... Искупитель
И тут единственный наш друг руководитель;
А он вещает ясно нам:
«Узнайте их по их делам» [2].

Признаюсь откровенно, что последний удар для меня был несказанно тяжел, потому что тут пострадало благоговейное почти уважение к тем, которые, я полагал, будут наставниками и руководителями моими на пути спасения. Впрочем, нашлись и тут очень исключительные исключения ⟨!⟩. Обманываться до доски гроба — верно, уж удел мой, но оставим. Слава богу и то, что в самаритянах Б. и П. [3], из которых первый в переписке с вашей маменькой, я нашел совсем другое.

Теперь уж вы, верно, в Закупе. Непомерная цена хлеба в Смоленске истинно приводит в ужас. Бедные, бедные крестьяне! да и бедная моя Устинья Карловна! Воображаю ее беспокойство, хлопоты и горе. Хочу еще писать Саше особенно — и потому оканчиваю это письмо. Твоя кума [4] шлет тебе преусердный поклон. Я целую тебя, а крестница [5], кроме Устиньи Карловны, никого из вас знать не хочет; то и дело, что твердит: Устинья Карловна мне сестричка. Третьего дня, не знаю с какого уж поводу, она вдруг няньке и брату сказала: подите вы прочь, я не к вам иду, а к своему Николаю Павловичу. Крикунья она препорядочная. Но меня слушается и, кажется, любит; но матери трудно с нею сладить.

М. Кюхельбекер вместо отца

И он же целует Ваши ручки.

Письмо написано рукой сына Кюхельбекера — Михаила.

[1] Н. П. Р. — повидимому, Рихтер, сибирский знакомый Кюхельбекера, горный инженер, к которому Кюхельбекер 25 января 1846 г. обратился со стихотворением «Мой бедный Рихтер, я тебя обидел...», (К ю х е л ь б е к е р, т. I, стр. 209).

[2] Эти строки — окончание стихотворения «Вот, слава богу, я опять спокоен...», обращенного к декабристу Н. В. Басаргину и датированного 13 апреля 1846 г. (К ю х е л ь б е к е р, т. I, стр. 215 — с незначительными разночтениями).

[3] *Б.*— может быть, Н. В. Басаргин, которого Кюхельбекер называет в упомянутом стихотворении «ангел божий»; *П.*— вероятно, П. С. Бобрищев-Пушкин.

[4] Жена Кюхельбекера.

[5] Дочь Кюхельбекера — Юстина, заочной крестной матерью которой была Нат. Григ. Глинка.

ПИСЬМА К КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

ПИСЬМА В. Д. ВОЛЬХОВСКОГО, Г. А. ГЛИНКИ, А. КРАЕВСКОГО, А. А. МОРДВИНОВА, А. В. ПОДЖИО, И. И. ПУЩИНА, М А. ФОНВИЗИНА, А. И. ШЛЯХТИНСКОГО

Публикация и комментарии М. Ю. Барановской, Д. Б. Кацнельсон, Е. Д. Петряева и М. А. Шнеерсон

Литературные и дружеские связи Кюхельбекера в додекабрьский период были широки и разнообразны. Деятельнейший литератор, выступавший в качестве поэта и прозаика, критика и журналиста, Кюхельбекер с июля 1817 по декабрь 1825 г. находился в самом центре литературно-общественной жизни и поддерживал тесные личные и деловые отношения со многими писателями того времени.

Не приходится сомневаться, что Кюхельбекер в эти годы вел обширную переписку. В круг его корреспондентов входили (кроме родных) и товарищи по Лицею (А. А. Дельвиг, Ф. Ф. Матюшкин, И. И. Пущин, А. Д. Илличевский, В. Д. Вольховский, С. Д. Комовский и, конечно, Пушкин), и многие участники декабристского движения из круга Союза Благоденствия и Северного общества, и видные представители литературного мира (В. А. Жуковский, Н. И. Гнедич, Ф. Н. Глинка и др.), и литературная молодежь, и ученики Благородного пансиона при Педагогическом институте, у которых Кюхельбекер, как известно, снискал большую любовь и высокое уважение.

Переписка Кюхельбекера, нужно думать, была наиболее оживленной в 1824—1825 гг., когда он развернул свою литературно-критическую деятельность и совместно с В. Ф. Одоевским приступил к изданию «Мнемозины», к участию в которой были привлечены довольно значительные литературные силы. На эти же годы приходится подъем общественной деятельности Кюхельбекера, сближение его с руководителями и активными участниками революционного подполья.

До нас из этой переписки дошла лишь самая малая часть. Между тем можно утверждать, что сам Кюхельбекер бережно хранил письма своих личных и литературных друзей. Может быть, и даже наверное, в ночь на 15 декабря 1825 г., перед бегством из Петербурга, он успел уничтожить кое-что из своих бумаг — именно то, что могло бы послужить обвинительным материалом во время следствия. Но большая часть личного архива Кюхельбекера в те бурные дни уцелела и впоследствии оказалась в руках его семьи.

В составе этого архива были и письма многих корреспондентов Кюхельбекера. В 1875 г. дочь Кюхельбекера, Ю. В. Косова, и племянница его, А. Г. Глинка, опубликовали в «Русской старине» небольшую пачку писем, очевидно выбрав такие, которые носили политически нейтральный характер. Это были письма Н. И. Гнедича, А. Ф. Воейкова, А. А. Дельвига, А. С. Грибоедова, Е. А. Энгельгардта, В. А. Жуковского, В. Ф. Одоевского, П. А. Плетнева, В. И. Туманского, Е. А. Баратынского и С. Н. Бегичева.

Публикация эта носила явно выборочный и притом все же довольно случайный характер. Но и она оказалась весьма ценной, свидетельствуя о богатстве архива Кюхельбекера. Публикация эта была вкладом не только в биографию Кюхельбекера, но и в историю литературы первой половины двадцатых годов.

Тем более приходится сожалеть, что бóльшая часть переписки Кюхельбекера исчезла и, повидимому, безвозвратно. Среди не дошедших до нас писем, безусловно, были такие, которые явились бы историко-литературными документами первоклассного значения. Так, например, не подлежит сомнению, что Кюхельбекер более или менее систематически переписывался с Пушкиным и — особенно активно — с Грибоедовым. В их письмах, конечно, должны были отразиться общественно-политические и художественные интересы корреспондентов, мнения их по основным вопросам искусства и литературы. Между тем из этой переписки мы располагаем всего лишь одним письмом Пушкина и двумя письмами Грибоедова.

Еще более печальная судьба постигла письма корреспондентов Кюхельбекера, относящиеся ко времени после декабрьского восстания. В годы крепостного заключения Кюхельбекер был лишен права переписки с кем бы то ни было, кроме ближайших родственников. Но по выходе на поселение он оживленно переписывался со многими декабристами, находившимися в Сибири. Сохранилось и постепенно публикуется довольно значительное количество писем самого Кюхельбекера за это время. Но писем, адресованных Кюхельбекеру, от этих лет почти не дошло. Из общего числа опубликованных до настоящего тома «Литературного наследства» писем к Кюхельбекеру к периоду до декабрьского восстания относится 37 писем, к последекабрьским годам — лишь два полных письма и два отрывка (см. «Библиографию писем к Кюхельбекеру», стр. 499—500).

Ныне мы имеем возможность пополнить небольшой фонд опубликованных в печати писем к Кюхельбекеру. Редакцией «Литературного наследства» обнаружено 52 письма корреспондентов Кюхельбекера. Из них публикуются девять писем, представляющих интерес для изучения жизни и деятельности писателя-декабриста (перечень остальных писем — см. ниже на стр. 499). Вновь публикуемые письма существенно обогащают общественную и литературную биографию Кюхельбекера.

Письмо Г. А. Глинки вносит дополнительную деталь в картину лицейской жизни. Можно предположить, что книга, которую Глинка посылал Кюхельбекеру, была прочитана и Пушкиным, тем самым данное письмо оказывается небезразличным и для биографии великого поэта.

Письмо В. Д. Вольховского интересно как свидетельство того живого участия, которым окружили Кюхельбекера его друзья в то время, когда он очутился в положении опального, политически неблагонадежного человека.

Письмо А. И. Шляхтинского вводит в круг знакомых Кюхельбекера новое лицо и дополнительно удостоверяет широту и прочность связей Кюхельбекера с участниками ранних декабристских организаций.

Из остальных публикуемых писем, относящихся уже к сибирскому периоду жизни Кюхельбекера, наибольший (и можно сказать — выдающийся) интерес представляет письмо Александра Краевского, проливающее свет на тесную дружескую связь, возникшую между декабристом и сосланными в Сибирь активными деятелями демократического крыла польского национально-освободительного движения. Это письмо в сочетании с публикуемым в настоящем томе «Литературного наследства» отрывком из воспоминаний А. Рыпинского и недавно обнародованным письмом к Кюхельбекеру Ф. Э. Скржидлевского («Декабристы и их время», 1951, стр. 40—41) позволяет поставить в исследовательском плане вопрос о «польских отношениях» Кюхельбекера и о его глубоком интересе к польской поэзии.

Редакция

* * *

В настоящей публикации участвовали:

М. Ю. Барановская — письма №№ 3—6, 8, 9 и комментарии к письму № 8;

Д. Б. Кацнельсон — комментарии к письму № 5;

Е. Д. Петряев — комментарии к письму № 4;

М. А. Шнеерсон — комментарии к письмам №№ 1—3, 6, 7, 9.

Выявление и публикация остальных писем принадлежат редакции «Литературного наследства».

1. Г. А. ГЛИНКА — КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

Петербург. 23 ноября 1812 г.

Любезный братец Вильгельм Карлович!

Последнее твое письмо я получил на прошлой неделе, только не чрез рекомендуемого тобою бывшего твоего гувернера Александра Николаевича Иконникова [1], которого знакомство очень бы для меня было приятно, но чрез тещу [2]. Мне весьма приятно видеть из сего твоего письма родственнические твои ко мне чувства, также, что ты от часу более и более успеваешь в отечественном твоем русском языке. Для вящего усовершенствования в российском слоге я не замедлю прислать тебе «Elementarbuch der russ⟨ischen⟩ Sprache», где помещены избраннейшие места из лучших наших писателей, которые, если будешь читать с большим вниманием,

ЦАРСКОЕ СЕЛО. ВИД В ЕКАТЕРИНИНСКОМ ПАРКЕ
Акварель М. М. Иванова, около 1800 г.
Эрмитаж, Ленинград

конечно, доставят тебе не малую пользу [3]. Вообще советую тебе взять себе за правило читать или, лучше, изучать только весьма немногие произведения больших умов или талантов, и читать и перечитывать их сколько можно чаще.

За сим пожелав тебе искренно всяких благ, пребываю навсегда

брат твой и друг Григорий Глинка

Автограф. ИРЛИ, Р. I, оп. 12, № 264.

Григорий Андреевич Глинка (1776—1818) — муж сестры Кюхельбекера, Устиньи (Юстинии) Карловны (см. о ней стр. 400 настоящего тома), писатель и переводчик, занимал кафедру русского языка и русской литературы в Дерптском университете (1803—1810). Наибольшее значение имеет работа Глинки о мировоззрении древних славян — «Древняя религия славян» (Митава, 1804). Хотя этот труд и не отличается научной достоверностью, но существен самый факт обращения автора к историческому прошлому славян, что характерно для роста общего интереса к проблеме народности в начале XIX в. Публикуемое письмо свидетельствует о внимании Глинки к духовному росту мальчика-Кюхельбекера, в частности — к успехам его в области изучения русского языка. В связи с этим вспоминаются слова Кюхельбекера в письме к племяннику Николаю Глинке от 9 июля 1835 г.: «...до шести лет я не знал ни слова по-немецки, природный мой язык — русский: первыми моими наставниками в

РИСУНОК КЮХЕЛЬБЕКЕРА
Тетрадь стихотворений 1818—1825 гг.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Русской словесности были моя кормилица Марина, да няньки мои Корниловна и Татьяна» (Ю. Тынянов. Вступительная статья в кн. Кюхельбекер, стр. VII).

Глинка, несомненно, оказывал влияние на формирование взглядов Кюхельбекера. Так, в 1815 г. он прислал будущему поэту-декабристу произведения вольнодумного Вейса и Руссо. Через Глинку Кюхельбекер познакомился с его младшим братом — Владимиром Андреевичем Глинкой, членом Союза Благоденствия (см. о нем стр. 408 настоящего тома), а также с его двоюродным братом, членом Союза Благоденствия Ф. Н. Глинкой. Кюхельбекер неоднократно гостил в имении Г. А. Глинки Закупе (Смоленская губ., Духовщинский уезд). В стихотворении «Закупская часовня» Кюхельбекер называет Глинку «мой брат и друг, отец семьи мне драгоценной».

[1] Александр Николаевич Иконников — гувернер в Лицее (с 1811 г. до октября 1812 г.). Несмотря на чудачества, пользовался любовью воспитанников, поощрял их занятия литературой, сам писал стихи и принимал участие в школьных спектаклях. Связь с лицеистами Иконников поддерживал и после увольнения из Лицея (см. К. Я. Грот. Пушкинский лицей. СПб., 1911, стр. 253; И. Селезнев. Исторический очерк имп. бывш. Царскосельского ныне Александровского лицея. СПб., 1861, стр. 161).

[2] Мать Кюхельбекера (см. о ней стр. 399 настоящего тома).

[3] «Elementarbuch der russischen Sprache zum Gebrauche der Kreisschulen in Liv-Est-Kur und Finnland». Mitau, 1805. — Эту книгу составил Г. А. Глинка, включив в нее, в качестве образцов, отрывки из «Писем русского путешественника» Карамзина, из «Путешествия в полуденную Россию» В. В. Измайлова, а также стихотворения Дмитриева, Карамзина, Державина, Львова.

2. В. Д. ВОЛЬХОВСКИЙ — КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

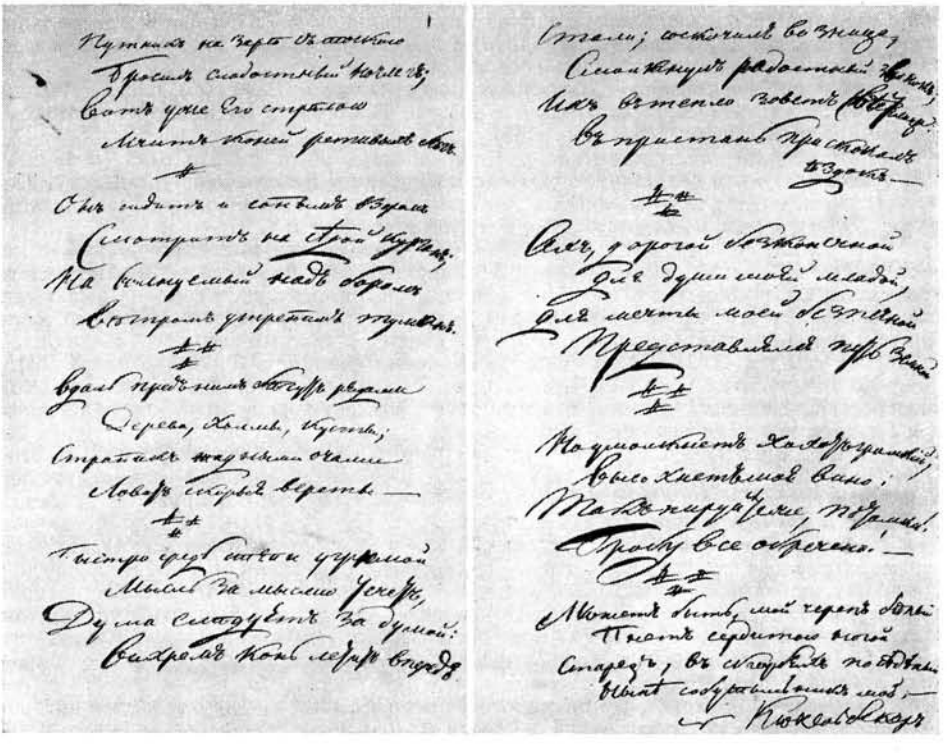
Петербург. 7 марта 1823 г.

Несмотря на отвращение мое к всякому письму, столь приличное руке, привыкшей более владеть мечом, нежели пером, пишу к тебе, любезный Вильгельм, чтоб ты не подумал, что я тебя так же совершенно забыл, как ты меня; желаю, чтоб письмо мое нашло тебя здоровым и счастливым; ты скажешь, что это желание очень плоско, — нужды нет, только бы оно сбылось.

Вчера видел я твою матушку, какая добрая, прекрасная женщина, как она тебя любит! Мы говорили о тебе — если бы я не был в совершенно одинаковых с тобою отношениях насчет состояния моего [1], то, боясь оскорбить твое самолюбие, не осмелился бы открыть тебе одной ее заботы, крепко ее удручающей, которую я не мог ей назвать неосновательною и от которой, кажется, тебе нетрудно ее освободить.

Вот в чем дело: матушка твоя заботится о содержании твоем тогда, когда ее не будет. Я не смел сказать ей, что человек с твоею головою и в твоих летах своими трудами всегда может себя обезопасить на этот счет, не смел этого сказать, потому что она, как женщина, жившая долго в кругу людей, привыкших презирать трудом, может считать это для тебя унизительным, но ты муж и выше обыкновенных предрассудков. Любимый мой герой Франклин [2], сын типографщика, сам был простым работником, и потому будь уверен в искренности моей насчет мнения, что никакое занятие не унижает человека. Но для тебя дело идет не об занятии унизительном: твое образование, твои способности могут тебе доставить место приятное и выгодное. Конечно, тебе нельзя вступить покуда в прежнюю твою службу; приищи частное себе место, а между тем многое может перемениться, и снова праздник будет на твоей улице; скажи, что́ постоянного под луной, а особливо в русском царстве? [3] Одно, любезный, ни в частной, ни в государственной службе не ищи и не найдешь — совершенства, в чем думаю собственным опытом ты довольно убедился.

Прощай, любезный Вильгельм, прости, что я вздумал с тобою умничать; я было хотел вовсе не писать к тебе о том, об чем ты верно более других думаешь; но рассудил, что если бы ты был здесь, то верно не рассердился



АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ КЮХЕЛЬБЕКЕРА «ПЕСНЬ ТЛЕНИЯ», 1818—1820 гг.
Центральный исторический архив, Москва

бы на мое в таком роде болтанье и потому решился писать. Прощай, будь столько счастлив, сколько желает тебе душевно преданный твой навсегда

В. Вольховский

Если вздумаешь писать ко мне, то надписывай в Гвардейский генеральный штаб в СПб.

Автограф. ИРЛИ, Р. I, оп. 12, № 263.

Владимир Дмитриевич Вольховский (1798—1841) — близкий друг Кюхельбекера по Лицею, член «Священной артели», в состав которой входили и другие лицеисты — Кюхельбекер, Пущин, Дельвиг. И. И. Пущин вспоминал: «Еще в лицейском мундире я был частым гостем артели, которую тогда составляли Муравьевы (Александр и Михайло), Бурцов, Павел Калошин и Семенов ⟨...⟩ Постоянные наши беседы о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения, желаемого многими втайне, необыкновенно сблизили меня с этим мыслящим кружком ⟨...⟩ Бурцов, которому я больше высказывался, нашел, что по мнениям и убеждениям моим, вынесенным из Лицея, я готов для дела. На этом основании он принял в Общество меня и Вольховского, который, поступив в Гвардейский генеральный штаб, сделался его товарищем по службе. Бурцов тотчас узнал его, понял и оценил» (Пущин, стр. 113). Вольховский пользовался любовью и уважением лицеистов, о чем свидетельствуют приведенные слова Пущина и черновые строки стихотворения «19 октября» ⟨1825 г.⟩ Пушкина:

Спартанскою душой пленяя нас,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вольховский сядет первый...

(Вольховский кончил Лицей первым и был награжден золотой медалью). Об этом же свидетельствует и запись Кюхельбекера в дневнике от 11 января 1835 г.: «...С Вольховским я был даже очень дружен: мы вместе выросли; в Лицее я почти одного его и слушал» («Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 330). Такое отношение определяется в первую очередь общностью политических взглядов. Вольховский был членом Союза Благоденствия и, как следует из показаний декабристов, состоял в сношениях с тайными обществами и после 1821 г. («Алфавит декабристов», стр. 51). По окончании Лицея Вольховский определился на службу прапорщиком в Гвардейский генеральный штаб, участвовал в походах в Хиву (1819) и в Бухару (1824), в 1826 г. был переведен на Кавказ. Впоследствии получил генеральский чин.

Переписка Вольховского с Кюхельбекером началась в 1822 г. (см. письмо Кюхельбекера от 10 марта 1822 г. из Тифлиса.— Д. Ф. Кобеко. Императорский Царскосельский лицей. СПб., 1911, стр. 485).

[1] Материальное положение семьи Кюхельбекера после смерти отца (в 1809 г.) было тяжелым, о чем свидетельствуют письма матери к Кюхельбекеру-лицеисту. Так, она отказывает сыну в возможности учиться на скрипке, не приезжает на свидания с ним в Царское село из-за отсутствия денег на извозчика и т. д.

[2] Вениамин Франклин (1706—1790) — североамериканский политический деятель. Играл большую роль в борьбе американских колоний за независимость, принимал участие в составлении Декларации независимости, выступал за освобождение негров. Все это определяет интерес декабристов к Франклину, которого Вольховский в публикуемом письме называет своим «любимым героем». Находясь в сибирской ссылке, И. И. Пущин перевел записки Франклина (см. ниже, стр. 744).

[3] По окончании Лицея, с 1817 по 1820 г., Кюхельбекер служил в Главном архиве иностранной коллегии и читал лекции по русской литературе в Благородном пансионе при Главном педагогическом институте. 9 августа 1820 г. Кюхельбекер вынужден был подать в отставку и уехать из Петербурга за границу в качестве секретаря А. Л. Нарышкина (подробно об этом периоде жизни Кюхельбекера см. стр. 345—354 настоящего тома). Неудачной была и попытка Кюхельбекера служить в Грузии у генерала Ермолова. Вернувшись с Кавказа в 1822 г., Кюхельбекер, не имея службы, жил в Закупе у сестры Ю. К. Глинки. К этому периоду и относится публикуемое письмо; через несколько месяцев после его получения, 30 июля 1823 г., Кюхельбекер, в поисках заработка, переехал в Москву. Мучительные заботы опального поэта о средствах к существованию нашли отражение в его письме к другому лицейскому товарищу — С. Д. Комовскому (17 февраля 1823 г.). Отвечая на письмо Комовского, советовавшего ему служить в Москве при князе Голицыне, Кюхельбекер восклицает: «Но comment faire? * ⟨...⟩, без связей, без всяких знакомств, в Москве, без денег! Егор Антонович ⟨Энгельгардт⟩ писал ко мне и предложил мне другое место, которое, конечно, также трудно получить ⟨...⟩ авось судьба перестанет меня преследовать!» (Я. К. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1887, стр. 286).

* что делать (франц.).

В. Д. ВОЛЬХОВСКИЙ
Портрет маслом неизвестного художника. 1830-е гг.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

З. А. И. ШЛЯХТИНСКИЙ — [illegible]

С. Преображенское

Любви, [illegible]
Не д[illegible]
И[illegible]
Как дым, [illegible]

И мы, рассеянные в пределах беспредельного царств[illegible] не знаем даже где кто из нас!.. и я с тех самых пор, как [illegible]ший Вильгельм Карлович, писали ко мне, что [illegible] рождения Бонапарта, в жилище карбонариев и папы[illegible], я с[illegible] чего не знаю, где Вы находитесь — и, признаюсь, очень, очен[illegible] был, усмотря из разных периодических изданий, что Вы основ[illegible] свое в Москве [3] (где многое, давно минувшее — одной Мнемо[illegible] ное, чрез Вашу «Мнемозину» известно станет свету!). А как д[illegible] забвенно время, с Вами проведенное, — время мечтаний, счаст[illegible] лодости, то, узнав о Вас, единственно добрый Вильгельм Карлови[illegible] писать и, зная Вас и Ваши правила, твердо уверен в непремен[illegible] расположения Вашего к человеку истинно Вас любившему и лю[illegible] прошу утешить меня, сообща о себе и всем случившемся с Вами со в[illegible] разлуки нашей.

Барон Дельвиг так ленив, что изредка, и то в чужих письмах, приписки, совершенно не удовлетворяющие как моих вопросов, желания знать о людях мною любимых — в незабвенное — лучшее в[illegible] жизни моей бывших товарищами мечтаний и желаний!! — Но Вы, нейший Вильгельм Карлович, надеюсь—будете утешителем в моем (пос[illegible] многих мною претерпенных бурь жизни) безмятежном, уединенном пр[illegible] станище, где только одни дщери Мнемозины нарушают иногда покой мо[illegible]

С нетерпением, по отпуске сего, стану ожидать письма Вашего, буду считать дни, когда оное может принести первая отходящая из Москвы почта! Уверен, Вы утешите меня скоро письмом, из которого увижу, что тот же для меня Вильгельм (а не Нелюдвиг), коего я за правила, характер и единственно доброе сердце привык любить и никогда не престану, а равно и не забуду часов, с Вами проведенных! А я по непредвиденному случаю и обстоятельствам нахожусь теперь Смоленской губернии в городе *Рославле*, куда и адресуйте ко мне Ваше приятнейшее и с нетерпением мною ожидаемое письмо, которое для меня будет драгоценным подарком наступающего христианского праздника 〈!〉, с коим поздравляю Вас, от души желаю Вам всего, что только может послужить к счастию и благополучию Вашему. С сим желанием и изъявлением моего истинного почтения, с коим был и навсегда остаюсь

Ваш покорный слуга
Андрей Шляхтинский

Марта 22 дня 1824 года
г. Рославль, село Преображенское.

Вполне надеюсь на расположение Ваше. Уверен, что сим письмом возобновится или, лучше, установится переписка между нами, и я, житель уединенного села, может 〈!〉 смело относиться с необременительными препоручениями к Вам, почтенный обитатель столицы!..

Автограф. ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4, Б 61, лл. 76—77.

Андрей Иванович Шляхтинский, служивший штабс-капитаном в лейб-гвардии Егерском полку, был, по показаниям Е. П. Оболенского, членом Союза Благоденствия, но впоследствии отошел от декабристского движения и не участвовал в тайных обществах, возникших с 1821 г. Быть может, это объясняется тем, что в 1819 г. он был переведен в Орловский пехотный полк, а затем, как следует из содержания публикуемого письма, попал в уединенное село Смоленской губ. Несмотря на показания Оболенского (ВД, I, 252), дело Шляхтинского «высочайше повелено оставить без внимания» (ВД, VIII, стр. 209).

Настоящее письмо позволяет расширить круг политических единомышленников Кюхельбекера из числа декабристов, связанных с ним узами тесной дружбы.

[1] Неточная цитата из послания Пушкина «К Чаадаеву» (1818), нелегально распространявшегося в многочисленных списках и использовавшегося декабристами в целях революционной агитации.

[2] Речь идет о заграничном путешествии Кюхельбекера и, в частности, о его поездке в Ниццу, входившую в состав Сардинского королевства. Здесь Кюхельбекер пробыл до конца марта 1821 г. Как раз в это время, в марте 1821 г., в Пьемонте произошло восстание. Об этом событии имеется следующая запись в «Путешествии» Кюхельбекера: «Слухи, распространившиеся в последние дни моей бытности в Ницце об движении пиэмонтских карбонариев, бунт Алессандрии и ропот армии, предчувствие войны и разрушения...» (Кюхельбекер, т. I, стр. 455). Предчувствуя поражение карбонариев, Кюхельбекер писал в стихотворении «Ницца»:

Ненавистные тудески
Ниспадут с ужасных гор...
...Не родясь, весна увянет,
Вольность, не родясь, умрет!..

За границу Кюхельбекер выехал 8 сентября 1820 г. Около двух месяцев он пробыл в Германии, около полутора месяцев — в Италии, остальное время, вплоть до лета 1821 г.,— в Париже.

[3] В Москве Кюхельбекер находился с 1823 до 1825 г.

4. А. А. МОРДВИНОВ — КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

Нерчинск. 23 февраля 1841 г.

Милостивый государь,
Вильгельм Карлович!

Я никогда не ищу странное в том, где есть одно только естественное, никогда не забываю оказывать должного уважения заслуживающему его и расплачиваться честно с моими благородными кредиторами. Итак, благодарю Вас сердечно за русское, добросовестное спасибо, которое всегда,

всего больше находит сочувствие в моей душе, где, как и во всякой другой, думаю, редко, очень редко отдаются извне звуки искренности; а Ваше спасибо я не принимаю иначе как за такой звук и, будто давно не виданного знакомца, приветствую дружески. В самом деле, поверьте, я говорю с Вами, точно с давно знакомым: тон Вашего письма, этот откровенный и умный тон, много выиграл моего доверия; не улыбайтесь насмешливо живости молодого человека; быть вечно холодным, встречать всегда людей, людей-животных, существующих только физически, без энергии, без малейшей благородной мысли, с чувствами вечно корыстными, — право, это нестерпимо, а в Вас я подозреваю человека, которому охотно, с уверенностию на сочувствие передам мою идею, мою надежду, даже печаль и радость; от чего же?.. Но простите моему болтливому перу, как я ему всегда прощаю, за то, что оно умеет иногда заставить душу, состаревшуюся под тяжестью скучного одиночества, хоть не надолго отдохнуть в подобной беседе.

Да! Русская литература в некоторых отношениях начинает принимать более серьезный и более благородный вид; но критика, критика, но творения фризовых сочинителей, во множестве на состязание о нескольких сотнях рублей являющихся на петербургском и, особенно, московском горизонтах; но подрядные стихи, писанные в срок, но подражатели и их подражания?..

О, это пока унижает русскую литературу, главное — критика, которая у нас совсем забыла свою обязанность! Только поэтический талант Лермонтова ярко и резко отличается от других; ему готовят пальму первенства, когда создаст что-нибудь оригинальное, сильное, самобытное. Впрочем, говорить положительно о других поэтах довольно трудно: они, как кометы самой малой величины, то появляются, то исчезают, знаменуя свое присутствие тусклым бледным светом; от их поэзии нет тепла ни душе, ни сердцу.

Мне очень приятно, что я могу чем-нибудь быть полезен Вам и потому спешу возвращаемые книги заменить другими. И все время, пока я в Нерчинске и выписываю книги (журналы), отдаю Вам половину моего права на чтение их; но взамен этого прошу только Вашего знакомства и писем.

Письма людей, мною уважаемых и любимых, имеют удивительное влияние на расположение моего духа: каждая строка дарит меня часом приятного забытья.

Вам хочется прочесть творения Вельтмана и Лермонтова; из сочинений первого в Нерчинске есть «Сердце и думки», роман, которого дочитать до конца я не имею терпения [1], «Кощей бессмертный» и, кажется, только. Лермонтова, кроме рассеянных в «Отеч⟨ественных⟩ зап⟨исках⟩» мелких стихотворений, ничего нет; его роман «Герой нашего времени» и небольшое собрание вышедших ныне избранных стихотворений чрезвычайно расхвалены [2]. Но довольно! До свидания. Не забывайте же остающего⟨ся⟩ с истинным почтением к Вам

покорнейшего слугу Вашего А. Мордвинова

Г. Истомин [3] приехал вчера и сегодня обратно едет, то я и не успею никак достать от гг. Юреневых [4] соч⟨инения⟩ Вельтмана; но при первом случае перешлю. Его новое творение «Генерал Каломерос» — очень неудачный фарс, разбраненный дружно всеми журналами. Вообразите: здесь Наполеон в Москве влюбляется в графскую дочь, волочится, женится, говорит разные глупости и проч. Вельтман и Наполеон! Метеор спорит с солнцем.

Автограф. ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4, Б 61, лл. 74—75.

Александр Александрович Мордвинов (1813—1872) — сибирский литератор и краевед. Окончил Иркутскую гимназию. В 1836—1846 гг. преподавал историю

и географию в Нерчинском уездном училище. Участвовал в кружке местных литераторов и краеведов (В. П. Паршин, М. А. Зензинов, И. А. Юренский, И. Е. Благовещенский и др.), поддерживавших с декабристами переписку и широкий обмен книгами.

Впоследствии Мордвинов служил в Красноярске и в Иркутске, а с 1862 г. — в Чите в должности вице-губернатора Забайкальской области. По некоторым данным, он покончил самоубийством из-за каких-то неприятностей по службе, связанных с «послаблениями ссыльным».

Среди интеллигенции и в Нерчинске, и в Иркутске Мордвинов пользовался большим авторитетом как знаток Восточной Сибири и широко образованный человек. Описания многочисленных поездок по Даурии, Прибайкалью и Туруханскому краю, а также материалы по этнографии Сибири печатались Мордвиновым в «Русском вестнике», «Отеч. записках», «Москвитянине», «Современнике» и других журналах.

Кюхельбекер посвятил А. А. Мордвинову послание «Прощай, приятель! Не забудь...» (К ю х е л ь б е к е р, I, стр. 184). Ю. Н. Тынянов датировал это послание очень неопределенно: «После 1835 года» (там же, стр. 466), но оно могло быть написано только после переезда Кюхельбекера в Акшу, когда состоялось его знакомство с Мордвиновым, в 1840 г.; настоящее письмо позволяет датировать это стихотворение 1840—1841 гг.

[1] Кюхельбекер всегда очень интересовался творчеством А. Ф. Вельтмана (1800—1870). В дневниковых записях неоднократно встречаются его суждения об отдельных произведениях Вельтмана, которого он считал очень неровным, но талантливым писателем (см. «Дневник Кюхельбекера», стр. 154—155, 247, 258. Отзыв о «Сердце и думках» — стр. 281). Интерес к творчеству Вельтмана Кюхельбекер сохранил и в Сибири, в чем, как видно из комментируемого письма, расходился со своими знакомыми. В следующем же году (1842) Кюхельбекер посвятил Вельтману заочно свою поэму «Вечный жид».

[2] Племянница Кюхельбекера Н. Г. Глинка писала ему 24 апреля 1843 г.: «...Роман Лермонтова мы не успели прочесть, потому что не хотели задержать Вашу книгу; в Павловске я ее верно получу от одного из наших знакомых. Начало мне читали: описания обычаев и жизни жителей Кавказа, по-моему, прекрасны; он совершенно переносит своего читателя к этим народам; герой же его — человек презрительный, в нем нет ни души, ни совести; с какою холодностию играет он судьбою бедной Белы!» (неизд. — ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4, Б 61, л. 61 об.).

[3] И с т о м и н — письмоводитель пограничного комиссара А. И. Разгильдеева в Акше, приезжавший в Нерчинск. Упоминается в дневнике Кюхельбекера 1840 г. (записи от 16 февраля, 10 марта, 21 сентября, 7 октября).

Кюхельбекер, живя в это время в Акше, обучал детей Разгильдеева. Кюхельбекер собрал в Акше значительную библиотеку и перед своим отъездом передал ее Разгильдееву. Книги позже попали в Кяхту, а в 1858 г. племянник Разгильдеева продал в Иркутске из этой библиотеки около 200 томов, преимущественно исторического содержания (на русском, английском и, большей частью, на французском языках).

[4] Ю р е н с к и е (у Мордвинова ошибочно: Юреневы) — нерчинские коммерсанты, имевшие довольно большую личную библиотеку, которая постоянно пополнялась путем подписки и обмена между Иркутском и Кяхтой.

5. А. КРАЕВСКИЙ — КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

‹Забайкалье.› 27/15 марта 1844 г.

Почтеннейший Василий Карлович,

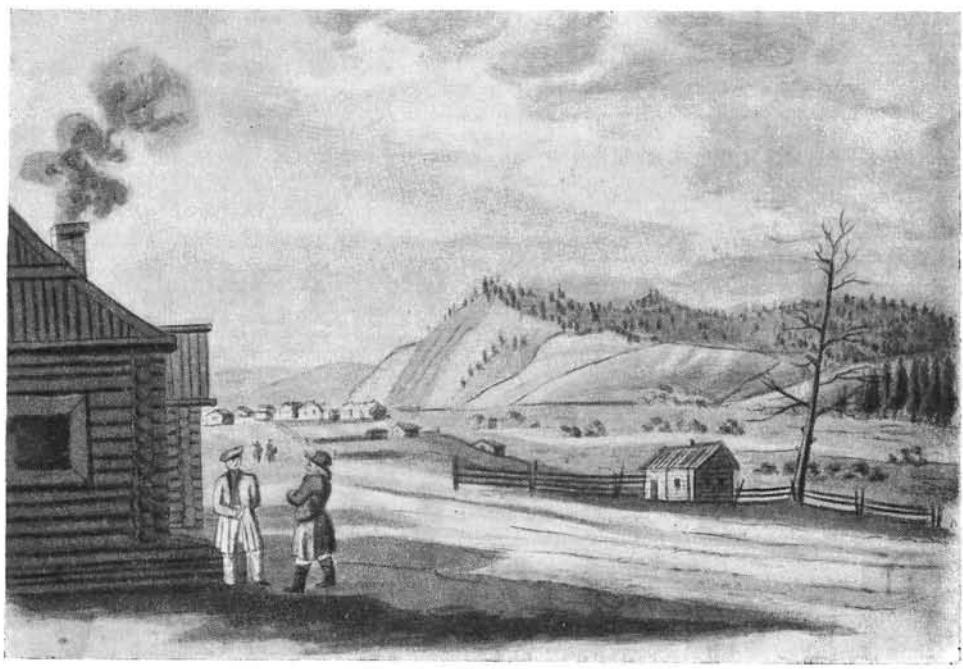
Ваше письмо сперва весьма обрадовало, а потом пристыдило меня немного. Вы мне показали, что Вы меня добрее. Не думайте, однако ж, чтобы мое продолжительное молчание было следствием равнодушия или забвения: ничего не было бы легче, как посылать Вам от времени до времени вежливое и коротенькое письмецо с осведомлением о здоровье Вашем и Вашего семейства, с уверениями в почтении и дружбе и проч.

Но этим, вероятно, не угодил бы я ни Вам, ни себе — между людьми в нашем положении, которых сближают не обстоятельства внешние или какие-либо светские условия, а только свободные их симпатии, настоящие Wahlverwandschaften *, переписка может быть только настоящей перепиской — взаимным сообщением мыслей, а не церемонией, и потому-то редко бывает регулярной. Но докуда же мне извиняться?

* Родственные души (по названию романа Гёте) (нем.).

Лучше постараюсь отвечать Вам на Ваш вопрос о сочинениях Эренберга [1].

Я не верю в неузнанные и неразвившиеся таланты; я думаю, что истинное дарование не может исчезнуть с лица земли, не сделав чего-нибудь соответственного своим силам. Но должен Вам признаться, что Эренберг *неоднократно заставлял меня поколебаться в этом убеждении, не потому* однако ж, чтобы его талант был не развит или не узнан. Много творческой силы, в особенности же чистые эстетические понятия, верный взгляд на литературу и критику и превосходный слог — вот что я должен признать



СЕЛО ХАРА-ШИБИР НА ПУТИ ИЗ ЧИТИНСКОГО ОСТРОГА В ПЕТРОВСКИЙ ЗАВОД
Акварель декабриста Н. П. Репина (?), 1830 г.
Музей революции ИМЭЛС при ЦК КПСС, Ленинград

Эренбергу, хотя он мне и старинный приятель. О литературной его деятельности не много можно сказать: все еще впереди.

О нескольких критических статьях в краковских журналах, о нескольких лирических стихотворениях, как бы они, впрочем, хороши ни были, нечего распространяться. Главным и, по-моему, весьма замечательным творением Эренберга была трагедия в стихах *Два скульптора* (или *Два ваятеля*, — не знаю, как лучше), написанная в Варшаве в 1837 году. К несчастию, и рукопись автора и только что переписанный набело экземпляр этой пиесы попались при его арестовании вместе с прочими бумагами в руки блюстителям порядка благочиния и, вероятно, лежат где-нибудь в архивах Следственной комиссии, если только не уничтожены. В другое время, если этого пожелаете, я Вас могу познакомить с содержанием этой трагедии, довольно оригинальной по своему вымыслу и исполнению. Здесь уже написал Эренберг лирическую драму под загл⟨авием⟩ *Могила Забоя*, которой содержание заимствовано отчасти из известной древнебогемской песни *Забой, Славой и Людек*. Писана стихами различных размеров, везде обработанными и прекрасными; впрочем, по своему

славянскому предмету незанимательна она для меня — Эренбергу еще только 26 лет; если он оставит свой непохвальный обычай много начинать, а ничего не кончить, то можно от него ожидать произведений высокого достоинства. Он, впрочем, работает с трудом и никогда не будет принадлежать к писателям легким и обильным.

Оканчиваю. Теперь у меня Савичевский [2]; время летит неприметно. После продолжительного моего одиночества, среди совершенной холодности, которою я здесь окружен, приезд любимого друга отвлек меня от обычных занятий; не могу наговориться, наслушаться фортепьяна, давно, давно не слышанного. С трудом пришлось найти время, чтобы написать несколько строк. Через несколько дней еду вместе с С⟨авичевским⟩ в завод, где проведу Пасху. По возвращении оттуда надеюсь писать попространнее.

Искренно Вас почитающий и любящий К р а е в с к и й

Автограф. ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4, Б 61, лл. 30—31.

Александр К р а е в с к и й (1818—1903) — польский патриот-демократ, критик и переводчик. Окончил Варшавский лицей, служил в качестве почтового чиновника. С конца 1836 — начала 1837 г.— деятельный член крупнейшей тайной патриотической организации — «Объединение польского народа». Центром деятельности этой организации, основанной в 1835 г., была Галиция; ячейки организации существовали и в других польских землях. На квартире у Краевского в Варшаве происходили собрания варшавской секции «Объединения», в которую входили поэт Густав Эренберг и Константин Савичевский, упоминающиеся в публикуемом письме.

В «Объединении польского народа» было два направления: радикально-демократическое, выдвигавшее революционную программу восстановления независимости Польши и ведущее пропаганду среди народных масс, и либеральное, высказывавшееся против радикального решения социальных вопросов. Прогрессивное крыло «Объединения» было тесно связано с польской демократической эмигрантской организацией «Молодая Польша», входившей в состав «Молодой Европы». Одним из самых выдающихся деятелей «Объединения польского народа» был эмиссар «Молодой Польши» Шимон Конарский, арестованный в 1838 г.

Конарский был приговорен к смертной казни и расстрелян в феврале 1839 г. В 1839—1841 гг. почти все тайные польские патриотические общества были разгромлены австрийским, прусским и русским правительствами. В числе сотен польских патриотов были арестованы Александр Краевский, Густав Эренберг и Константин Савичевский, принадлежавшие к демократическому крылу «Объединения». Поэт-революционер, Эренберг, как один из активнейших деятелей «Объединения», был приговорен к смертной казни, замененной потом пожизненной каторгой; Краевский и Савичевский — к пяти годам каторги с последующим поселением в Сибири. Краевский вернулся из Забайкальского края в Польшу в 1857 г. Он сотрудничал в журнале «Biblioteka Warszawska» (опубликовал там сделанный в Сибири перевод I части «Фауста» Гёте, переводы из Горация, Шиллера, а также литературно-критические статьи и рецензии). Краевскому принадлежит польский перевод «Чайльд-Гарольда» Байрона (Варшава, 1896). Известен Краевский также как автор статей по экономическим вопросам, опубликованных в журнале «Rocznik gospodarstwa» в шестидесятых годах.

Публикуемое письмо Краевского Кюхельбекеру наглядно иллюстрирует те дружеские взаимоотношения, которые существовали между передовыми сынами русского и польского народов, борцами против самодержавия и крепостничества. Письмо Краевского свидетельствует о неослабевающем интересе Кюхельбекера к польской поэзии. (Об изучении им польского языка и чтении в оригинале произведений А. Мицкевича, Ю. Немцевича и Э. Одынца см. письмо к Пушкину из Динабургской крепости от 20 октября 1830 г. — П у ш к и н, т. XIV, стр. 117, а также письмо Ф. Э. Скржидлевского Кюхельбекеру.— «Декабристы и их время», 1951, стр. 41). Характерно, что Кюхельбекер стремился получить подробные сведения именно о творчестве Г. Эренберга, литератора-патриота и революционера, во многом близкого и созвучного гражданственной поэзии Пушкина, Лермонтова, самого Кюхельбекера и других поэтов-декабристов.

Публикуемое письмо представляет большой интерес и для истории польской литературы. В нем впервые сообщается о том, что Эренберг написал в 1837 г. трагедию в стихах «Два ваятеля» и что она при аресте поэта попала в руки полиции. Новыми являются и сведения о создании Эренбергом в Сибири лирической драмы «Могила Забоя».

Шляхетские и буржуазные литературоведы умышленно обходили молчанием творчество Эренберга, а наиболее реакционные из них говорили о прогрессивном поэте с нескрываемой ненавистью.

[1] Густав Эренберг (1818—1895) был любимцем передовой патриотической польской молодежи. Большинство поэтических произведений Эренберга 1834—1838 гг. переписывалось от руки и пользовалось большой популярностью не только среди членов тайных патриотических обществ, но и среди широких народных масс Польши. Стихотворение Эренберга «О, хвала вам, паны-магнаты» стало распространенной польской революционной песней. Только незначительная часть произведений Эренберга 30-х годов была опубликована в прогрессивном познанском журнале «Tygodnik literacki» за 1838—1840 и 1841 гг. (в том числе сатирическая повесть «Будьте простодушны, как голуби, и хитры, как змеи»). Впоследствии друзья Эренберга собрали его поэтические произведения, распространявшиеся в рукописных списках, и издали анонимно в Париже в 1848 г. сборник «Звуки минувших лет».

В стихотворении «О, хвала вам, паны-магнаты» Эренберг гневно обвиняет аристократию и реакционное католическое духовенство в предательстве родины и провозглашает лозунг вооруженной борьбы против польских светских и духовных феодалов-угнетателей и иноземных поработителей. В этом произведении, которое перешло в уста народа, поэт писал: «О! Когда пробьет час восстания, народ приготовит магнатам пир, он заставит играть мечи и петли, а шляхта пусть тогда танцует». Надежды на освобождение своей родины, на счастье всего человечества Эренберг связывал с революционной борьбой народов. В стихотворениях «Рождество», «Танцы» поэт вдохновенно воспевает революцию; с радостью говорит он о том, что после победы народов над миром «взойдет прекрасное солнце, упадут цепи с ног» («Tygodnik literacki», 1840, № 51, str. 402). Мыслью о недолговечности господства тиранов и горячей верой в победу революции над реакцией проникнуто стихотворение «Песня на развалинах».

Арестованный в Варшаве (куда он прибыл на съезд «Объединения» в качестве делегата краковской секции Общества), Эренберг 20 лет пробыл в Сибири, в Забайкальском крае (из них 15 лет на каторжных работах, 5 лет на поселении). В Сибири литературная деятельность Эренберга не прекратилась. Он написал там цикл даурских элегий, ряд сонетов (произведения эти не опубликованы) и, как сообщает Краевский Кюхельбекеру, лирическую драму в стихах «Могила Забоя». В 1858 г. Эренберг был «помилован» Александром II и вернулся в Польшу. Он служил библиотекарем в книгохранилище Замойских в Варшаве, затем читал курс всеобщей литературы на Высших женских курсах при Музее д-ра Андриана Бараницкого в Кракове. Во время восстания 1863 г. был на краткий срок вторично арестован. Эренберг перевел «Зимнюю сказку» Шекспира (1873), «Новую жизнь» Данте (перевод издан в Варшаве в 1902 г.) и написал исследование о баснях И. Красицкого (1871).

Творчество Эренберга было неразрывно связано с польским национально-освободительным движением, в особенности — с демократическим, революционным направлением в этом движении. В отличие от многих участников борьбы за национальную независимость Польши, питавших иллюзии о возможном единстве всех классов польского общества, Эренберг призывал народ к восстанию против иноземных поработителей Польши и против польского феодального класса. После разгрома общества «Объединение польского народа» традиции его левого крыла были унаследованы польской революционной демократией сороковых годов, наиболее выдающимися представителями которой были глава революционного крыла краковских повстанцев Эдвард Дембовский и Ю. Госляр.

[2] Кюхельбекер пишет о Савичевском в дневнике 6 декабря 1840 г. и 6 и 30 ноября 1842 г. В последней записи он называет Савичевского «своим милым Константином». О расставании с Савичевским Кюхельбекер упомянул в тогда же написанном стихотворении «Аргунь»:

Увы! с последним другом расставанье!
По крайней мере, без пятна!
Хоть это сбережет воспоминанье
И чувств и дум моих скупая глубина...

В августе 1842 г. Кюхельбекер посвятил Савичевскому свою драматическую сказку «Иван, купецкий сын». В обширном посвящении-предисловии он говорил о Савичевском в весьма лестных выражениях, отмечая его «чистое и свежее» сердце и душевное благородство и называя его своим «истинным ангелом-утешителем» (см. Кюхельбекер, т. II, стр. 478—480).

6. А. В. ПОДЖИО — КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

Перевод с французского.

с. Усть-Кудинское. 9 июля 1845 г.

Если я медлил с ответом, дорогой друг, то лишь потому, что я еще питал надежду дать Вам более удовлетворительные сведения о Ваших здешних делах. К несчастью, после наведенных справок могу сообщить

Вам мало хорошего. Сбыт Ваших книг был незначительным, чтобы не сказать ничтожным [1]. Так как количество книг превышало количество образованных людей, нам едва удалось найти человек десять покупателей. Эта страна золота, как видите, не является страною мысли, а не могло ли казаться, что золото ищет мысль? Из-за оторванности от какой бы то ни было культурной жизни, Вы здесь, друг мой, не найдете справедливых ценителей Вашего таланта, на это нечего надеяться. Поэтому следовало бы, мне кажется, попытаться соблазнить зауральцев, и вот что я Вам предлагаю: послать оставшиеся экземпляры на Нижегородскую ярмарку и продавать их там со скидкой, как это делается с сочинениями Марлинского, Пушкина и других. Впрочем, полную аналогию представляют и все европейские знаменитости. Ламартин, Гюго, Шатобриан, — почитайте-ка газеты, — продаются, и все продаются со скидкой. Что же это — сам талант или само произведение обесценено, осуждено на скидку? О нет, сто раз нет! Талант может расти, тогда как материальная часть его произведений идет на снижение, и это до такой степени верно, что можно считать аксиомой, что снижение цены произведения зависит от роста таланта. Это объяснимо: с тех пор как экономисты включили произведения духа в область политической экономии, с ними происходит то же, что со всяким другим продуктом, то есть, в случае, когда продукция превышает потребление, следует снижение цены на продукцию. Когда пишешь больше, чем читают, подвергаешь себя печальному последствию снижения, а так как Вы в этом смысле gran peccatore *, благоволите сказать мне, согласны ли Вы подчиниться этому закону, подстерегающему вас всех, знаменитости вы несчастные!

Как только Вы меня об этом уведомите, я приму необходимые меры.

Коснемся теперь бесплодного вопроса — шубы. Во-первых, всего-навсего пятьдесят рублей капитала и общая нужда вокруг! Это бы еще сошло, если бы не возникли новые трудности, ибо я, так или иначе, мог бы ускорить покупку в кредит, но вот в чем дело: Вы глубоко ошибаетесь, полагая, что Вы находитесь в стране дешевизны. Все ужасно дорого, и товары идут в ногу с общим повышением цен. За лисий мех, только что купленный одной немкой (а Вы знаете, что такое немка в подобных случаях), итак, за мех весьма низкого качества было заплачено сто восемьдесят рублей. Прибавьте к этому воротник, материю, которую не достанешь дешевле, чем за сто рублей, и работу — и все вместе обойдется свыше четырехсот рублей — сумма, очень большая для состояния Ваших финансов и на которую, я полагаю, Вы не рассчитывали. Коль скоро книги будут распроданы в Нижнем, там можно будет дешево достать прекрасный мех, так как мы его оттуда получаем. Я очень огорчен, дорогой Вильгельм, что лишен возможности удовлетворить Ваше желание; мои финансы, из-за моих племянниц [2], находятся в прискорбном status quo, и с Вашего отъезда [3] я не получил ни обола. Это произойдет, я себе это твержу, я себя заставляю этому верить, так как в конце концов мне есть на кого рассчитывать; но Вы, дорогой друг, как видно, скоро будете на мели, и я не предвижу средства вернуть Вас на воду, Поэтому какой там выбор поселения, да еще после изучения бесплодности почвы, чтобы потом вдобавок оказаться виноватым в том, что пустил там корни! К чему эта глупость и вся эта проза, мой поэт? Уж не забыли ли Вы стихи Ламартина:

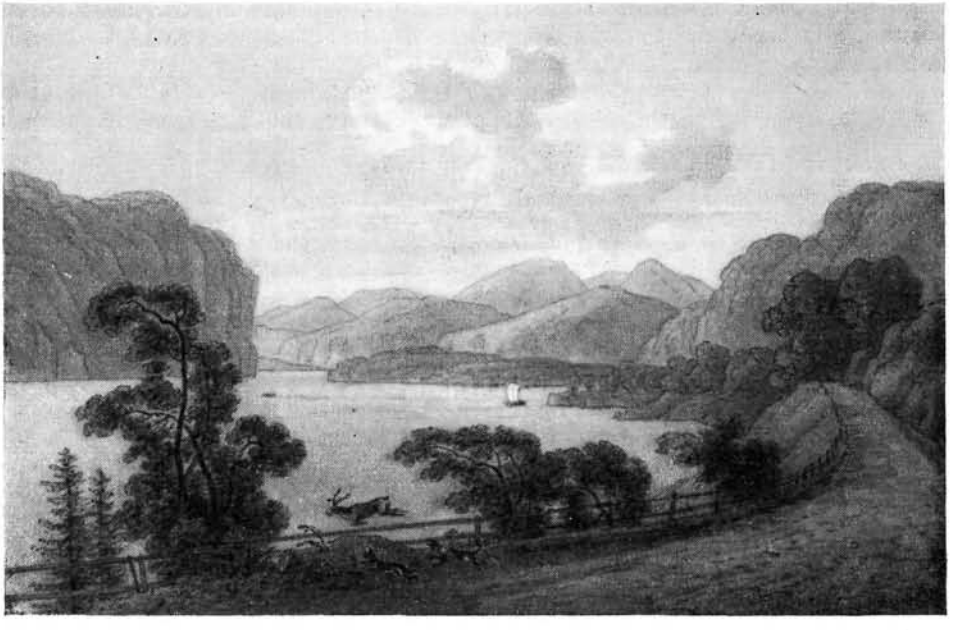
Поэт подобен перелетным птицам,
Не вьющим гнезд на берегу реки, и т. д.

---

* великий грешник (итал.).

Это, правда, не мешает ему иметь премилый зáмок на Роне, но Вам, несомненно, помешало бы иметь таковой на Тоболе. Не люблю я Тобола, разве только он вдохновит Вас и вырвет у Вас такой же поэтический возглас, как исторг у Вас Онон [4].

Ваша муза, стало быть, в самом деле станет архитектором. Это, по крайней мере, будет единственным созданным ею произведением, в котором нет ни складу, ни ладу. Что меня огорчает в этой поэзии, это решение, повидимому принятое Вами, остаться в Кургане, тогда как, если похлопотать, Вы могли бы добиться разрешения поселиться в Тобольске.



ВИД БАЙКАЛА С ЧУМАНСКОГО КАМНЯ

Акварель А. Е. Мартынова из альбома художника «Живописное путешествие при Российском посольстве в Китай», 1805 г.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Вот местопребывание, которое подошло бы Вам во всех отношениях; и как же я сожалею и не могу простить себе, что не предложил Вам поселиться в наших окрестностях. По приезде в Иркутск было уже поздно, но до того, но раньше,—и приехал-то я во-время[5]. Но я предполагал у Вас непреодолимые причины практического порядка, а вышло, что Вы остались без источника доходов. Ах, как это меня печалит, дорогой друг! Но не будем тем не менее отчаиваться; я последний, кто сомневается в твердости и силах, таящихся в Вас.

Возвращаюсь к Вашему письму, чтобы перечесть его дружеское содержание. Нельзя не остановиться на проявлении столь искренней дружбы. Она кажется действительно прочувствованной. Возвращаю ее Вам, дорогой друг, столь же искренней и столь же преданной. Простите и позвольте от всего сердца обнять Вас. Брат мой [6] и все наши [7] дружески Вам кланяются.

Усть-Куда.
9 июля 1845.

Прилагаю пятьдесят рублей за десять проданных экземпляров. Княгиня [8] просит передать Вам, равно как Вашей жене, ее дружеские чувства. Неллинька и Мишель [9] целуют Ваших деток.

* Вполне ценю, добрейшая Дросида Ивановна, расположение Ваше ко мне и так же живо и часто вспоминаю пребывание Ваше у нас в Иркутске и в особенности у меня в Усть-Куде. Я вас всех встретил у себя, как друзей, а проводил, как родных.

Дружба почтенного Вильгельма Карловича и память Ваша обо мне поддерживают меня в этих к Вам чувствах. Примите их. Они искренни и беспредельны. Не мог я Вам услужить и вдвойне чувствую всю тягость стесненных моих обстоятельств. Простите, добрейшая Д⟨росида⟩ И⟨вановна⟩. Не забывайте меня, берегите Вильгельма и обнимите деток Ваших!

Искренно Вам преданный
А. Поджио

Автограф. ГИМ, ф. № 282, ед. хр. 283, лл. 71—74.—Перевод М. Г. Ашукиной.

Публикуемое письмо Александра Викторовича Поджио (1798—1878)—активного деятеля Южного общества к Кюхельбекеру — единственное из числа дошедших до нас — свидетельствует об их дружеских отношениях. Оно ярко иллюстрирует бедственное материальное положение Кюхельбекера в период ссылки.

[1] Очевидно, речь идет о произведениях Кюхельбекера, изданных анонимно в период его заточения и ссылки. В 1835 г., по личному ходатайству Пушкина перед Николаем I, были напечатаны две части романтической драмы «Ижорский». В 1836 г., также при содействии Пушкина, увидел свет «Русский Декамерон 1831 года».

[2] Племянницы — дочери И. В. Поджио: Софья, Наталья, Мария.

[3] По пути из Акши в Курган (из Акши Кюхельбекер выехал 2 сентября 1844 г., в Смолинскую слободу приехал 22 марта 1845 г.) Кюхельбекер около месяца пробыл в Иркутске.

[4] Онон — река в Забайкальской области; на берегу Онона Кюхельбекер жил (в крепости Акша) с 1839 по 1844 г. В стихотворении Кюхельбекера «Три тени» (написанном 13—14 июля 1840 г.) имеется строка: «На диком берегу Онона я сидел...».

[5] На основании указа от 10 июля 1839 г. Поджио поселился в с. Усть-Кудинском близ Иркутска, с разрешения начальства он время от времени приезжал в Иркутск, как и другие декабристы, поселенные в Иркутском округе.

[6] Иосиф Викторович Поджио (1792—1848).

[7] В Иркутском округе, в селениях Куда, Уриковское, Усть-Кудинское, Малая Разводная, Оёк и другие, жили в это время П. А. Муханов, Н. А. Панов, А. А. Бестрицкий, А. Н. Сутгоф, С. П. Трубецкой, А. З. Муравьев, П. И. и А. И. Борисовы (см. Б. Кубалов. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925).

[8] Мария Николаевна Волконская (см. о ней стр. 470—472 настоящего тома).

[9] Елена (1835—1916) и Михаил (1832—1909) — дети М. Н. и С. Г. Волконских. Поджио, близкий друг семьи Волконских, был их учителем.

7. М. А. ФОНВИЗИН — КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

Тобольск. 8 сентября 1845 г.

Виноват перед Вами, почтенный и любезнейший Вильгельм Карлович, что так замедлил отвечать на дружеские Ваши письма и благодарить Вас за труд, который Вы на себя взяли — исправлять мой перевод [1]. Inbegriff** — делайте с ним, что Вам угодно: я уверен, что, исправленный Вами, он будет хорош. Насчет переписки перевода набело я прошу Вас только уведомить меня, что́ это будет стоить, и ⟨я⟩ доставлю Вам деньги для заплаты г-ну Рихтеру [2] и бумагу, которую на этих днях ожидаю с Нижегородской ярмарки. Я готов платить переписчику то же, что ему платил Александр Федорович [3].

О переводе Вас в самый город Курган [4] я говорил с губернатором. Он готов сделать об этом представление, но для этого ему нужен предлог,

* *Далее по-русски.*
** В сущности (нем.).

то есть просьба от Вас, в которой бы Вы изложили, что по болезненному Вашему состоянию Вам необходима врачебная помощь, которой в деревне Вы лишены. Впрочем, губернатор говорит, что ни с его стороны, ни от прочих властей Вам не будет ни малейшего препятствия жить в городе. Губернатор во всех отношениях человек предостойный и выше всех тех губернаторов, с которыми я имел сношения в Сибири, — а их было девять. Он вообще очень хорошо расположен к нашим. Познакомившись с ним, когда он будет ревизовать Курган, Вы найдете человека доброго, умного и образованного [5].

Все это хотел сообщить Вам с г-м Соболевским [6], доставившим мне Ваше письмо, но он уехал днем ранее, нежели как он мне сказал, и я случайно был свидетелем его отъезда, не успев приготовить письма к Вам.

Мы, наконец, купили дом на горе, в который переедем в начале октября.

Жена моя [7] дружески приветствует Вас и Вашу супругу — она благодарит Вас за память об ней, и я Вас мысленно от души обнимаю и остаюсь с любовью преданный Вам

М. Фонвизин

Автограф. ИРЛИ, Р. I, оп. 12, № 269.

Публикуемые письма Фонвизина (второе письмо см. ниже) свидетельствуют о его дружеских отношениях с Кюхельбекером, об их постоянной переписке, единственными документами которой эти письма и являются, так как остальные до сих пор не обнаружены. В Сибири, по пути из Акши в Курган, Кюхельбекер встретился с Фонвизиным. В последний период жизни в Тобольске Кюхельбекер также встречался с Фонвизиным и его семьей.

[1] М. А. Фонвизин, как и другие декабристы, занимался переводами. Так, 1 июня 1844 г. он писал Оболенскому: «В журнале Мейера есть продолжение ⟨...⟩ статьи, состоящее, кажется, из 15 или 16 глав, которые я намерен перевести для брата, и когда мой перевод будет готов, то перешлю его к Вам» («Памяти декабристов. Сборник материалов», т. III. Л., 1926, стр. 107). См. также упоминание о статье «Социализм и коммунизм», переведенной из журнала «Gegenwart» (т. I, 1848) в письме к тому же адресату от 15 мая 1851 г. (там же, стр. 109); в письме от 6 июня 1851 г.: «Ваш труд взманил и меня перевести статью из Gegenwart: „*Социальные движения настоящего времени*“⟨...⟩ В последнее время меня очень занимали социалистские и коммунистские вопросы» (там же, стр. 111); см. также письмо от 22 июля 1851 г.: «...я занялся переводом из Gegenwart нескольких статей, из которых посылаю в подарок Ивану Ивановичу о панславизме, а Вам обещанную: „Социальные движения настоящего времени“ — кроме этих двух статей у меня готовы еще две: об историческом развитии труда и об английском или Роберта Овена социализме» (стр. 113—114).

Перечисленные здесь статьи напечатаны в периодическом издании, посвященном новейшей истории — «Gegenwart», издававшемся в Лейпциге, начиная с 1848 г. (т. I, стр. 79—93, 560—585, 464—487).

[2] Рихтер — приятель Кюхельбекера (см. о нем стр. 478 настоящего тома).

[3] Александр Федорович Бригген — декабрист (см. о нем стр. 476 настоящего тома).

[4] С весны 1845 г. Кюхельбекер жил в Смолинской слободе Курганского уезда Тобольской губ., куда он перевелся из Акши (см. об этом стр. 398 настоящего тома).

[5] Имеется в виду Карл Федорович Энгельке — тобольский губернатор с 1845 г. В начале декабря этого года он ходатайствовал перед генерал-губернатором Западной Сибири кн. П. Д. Горчаковым о разрешении Кюхельбекеру прибыть в Тобольск для лечения, ссылаясь на отсутствие медицинской помощи в Кургане (А. И. Дмитриев-Мамонов. Декабристы в Западной Сибири. СПб., 1905, стр. 215—216). О нем упоминает в своих воспоминаниях Д. И. Кюхельбекер («Декабристы и их время», 1951, стр. 88).

[6] Лицо неизвестное.

[7] О жене Фонвизина, Наталье Дмитриевне, см. стр. 474 настоящего тома.

8. М. А. ФОНВИЗИН — КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

Тобольск. 11 октября 1845 г.

Чувствительнейше благодарю Вас, почтеннейший и любезнейший Вильгельм Карлович, за дружеское письмо Ваше от 27-го сентября [1], на

которое я замедлил ответом, потому что неохотно посылаю мои письма официальными путями, а случая к Вам не представлялось до сегодня. Этот листок доставит Вам Самуил Ефимович Злотников [2], которого Вы уже знаете — он едет в другой раз в Курган по своим торговым делам. Вы можете поверить ему для доставления мне исправленные тетради моего перевода, которые по мере получения их от Вас можно будет переписать здесь [3]. Мой добрый знакомый Петр Дмитриевич Жилин [4], у которого почерк четкий и довольно красив, охотно вызывается переписывать мне все, что я ему даю; он любит этого рода занятие, имея много свободного времени, — пишет же он очень скоро. До изобретения книгопечатания талант его был бы драгоценен.

Еще раз приношу Вам мою сердечную благодарность за труд, который Вы на себя приняли — исправлять мой перевод. Продолжайте и пересылайте мне Вашу работу постепенно — Вы много меня обяжете, а я постараюсь Вам доставить начисто переписанный экземпляр, потому что здесь в копистах нет недостатка и берут с листа d'une écriture assez serrée * 30 или 40 копеек, не дороже.

Я и жена моя принимаем самое искреннее участие во всем, до Вас касающемся, сердечно поскорбели, что Вы опять захворали — видно, что курганский климат неблагоприятен для Вас. Как бы мы оба обрадовались, если бы судьба свела нас с Вами и если бы Вы каким-нибудь образом сделались жителем Тобольска.

Давно хотел предупредить Вас, что Вы в открытых письмах отвечаете на мои, которые дошли к Вам неофициальным путем. Хорошо, что в канцелярии на это еще не обратили внимания, а то могли бы выйти неприятности, и тем более, что я к Вам ни одного раза не писал чрез начальство.

Жена моя поручает себя Вашей памяти и дружески Вас приветствует, а мы оба просим Вас засвидетельствовать наше почтение Вашей супруге и перецеловать за нас Ваших милых малюток.

Пожелав Вам от всего сердца здоровья и душевного мира с любовью остаюсь

Вам преданный

М. Фонвизин

Автограф. ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4, Б 61, лл. 41—42.

[1] Письма Кюхельбекера к М. А. Фонвизину не дошли до нас.

[2] Самуил Ефимович Злотников — лицо неизвестное, вероятно — купец, житель Тобольска.

[3] О переводе Фонвизина см. предыдущее письмо.

[4] Петр Дмитриевич Жилин (ум. в 1854)—тобольский чиновник, член тюремного комитета в Тобольске, работал в области улучшения тюремного быта; находился в приятельских отношениях с декабристами, жившими на поселении в Тобольске и Ялуторовске. О характере и степени близости этих отношений свидетельствует рассказ Н. Д. Фонвизиной в письме от 6 июля 1842 г. к С. Я. Знаменскому. Фонвизина сообщает, что поступил донос следующего содержания: «...государственные преступники и жены их составили тайное общество вместе с Жилиным и генералом Горским и собираются всякий день у Жилина, где для совещаний затворяют все двери». Далее Фонвизина пишет: «К Жилиным из наших никто не ездит, мы *чаще всех*; следовательно, это на Михаила Александровича и на меня падает» («Лит. сборник». Изд. редакции «Восточное обозрение». СПб., 1885, стр. 222—223).

П. Д. Жилин был любителем-музыкантом и художником. В собраниях Гос. исторического музея сохранился акварельный рисунок работы М. С. Знаменского, на котором Жилин изображен играющим на скрипке на музыкальном вечере у декабриста А. М. Муравьева (в Тобольске). Сохранился также датированный 1844 годом акварельный портрет И. Д. Якушкина работы П. Д. Жилина (см. Якушкин, между стр. 304—305).

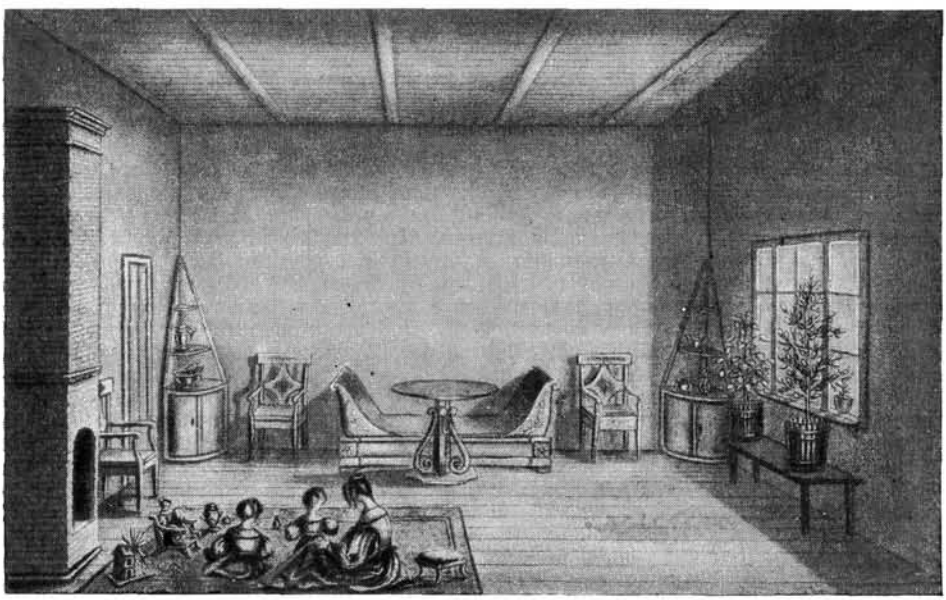
---

* убористого письма (франц.).

9. И. И. ПУЩИН — КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

⟨Ялуторовск.⟩ 13 июля 1846 г.

Очень жаль, любезный друг Кюхельбекер, что мое письмо тебя рассердило: я писал к тебе с другою целью; но видно, что тут, как и во многих других обстоятельствах бывает, приходится каждому остаться при своем мнении. Писать больше об этом тебе не буду, потому что отнюдь не намерен волновать тебя, к тому же ты видишь какие-то оттенки богатств, о которых я никогда не помышлял. Во всех положениях есть разница состояний, во всех положениях оно. может быть, имеет некоторые влияния на отношения; но в нашем исключительном положении



КОМНАТА В ДОМЕ М. Н. ВОЛКОНСКОЙ В ПЕТРОВСКОМ ЗАВОДЕ
Рисунок декабриста А. М. Муравьева, начало 1830-х гг.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

это совсем не то. Богат тот, который сам может или умеет что-нибудь произвести [1] — потому ты богаче меня и всех тех, кому родные присылают больше, нежели тебе; богат между нами еще тот, кто имеет способность распорядиться полученным без долгу; следовательно, и в этом отношении ты выше нас. Одним словом, письмо твое пахнет хандрой. Пожалуйста, извини, что я навел тебя невольным образом на такие размышления, которые слишком отзываются прозой. Мне это тем неприятнее, что я привык тебя видеть поэтом не на бумаге, но и в делах твоих, в воззрениях на людей, где никогда не слышен был звук металла. Что с *тобой сделалось*? [2] Верно это была минута, где мой Вильгельм был не в своей тарелке. Эта минута, без сомнения, давно прошла: я в это⟨м⟩ твердо уверен.

Ты мне ничего не говоришь о своем здоровье. Поправляется ли оно настоящим образом? Бога ради, не бросай оружия, пока не изгонишь *совершенно болезни*.

У нас все в известном тебе порядке. В жары я большею частию сижу дома, вечером только пускаюсь в поход. Аннушка [3] пользуется летом

сколько возможно, у нее наверху прохладно и мух нет. Видаемся мы между собой попрежнему, у каждого свои занятия — коротаем время, как кто умеет [4]. Слава богу, оно не останавливается.

Приветствуй за меня Дросиду Ивановну и поцелуй детей. Все наши мужского и женского пола желают вам, вместе со мной, всего лучшего.

Верный твой
И. П у щ и н

На обороте: Прошу покорно почтенного Александра Ивановича доставить это письмо Вильгельму Карловичу.

Автограф. ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4, Б 61, лл. 39—40.

Это единственное дошедшее до нас письмо Пущина к Кюхельбекеру. По сообщению Ю. Г. Оксмана, он приобрел в 1933 г. 68 писем Пущина к Кюхельбекеру. Письма эти он предоставил в 1936 г. Ю. Н. Тынянову. Ныне местонахождение этих писем неизвестно.

Письмо Пущина является ответом на не дошедшее до нас письмо Кюхельбекера, в котором, очевидно, речь шла о тяжелом материальном положении поэта. 26 февраля 1845 г. Пущин писал Е. А. Энгельгардту: «Скоро я надеюсь увидеть Вильгельма, он должен проехать через наш город в Курган, я его на несколько дней заарестую. Надобно будет послушать и прозы, и стихов. Не видел его с тех пор, как на гласисе крепостном нас собирали — это тоже довольно давно. Получал изредка от него письма, но это не то, что свидание». В другом письме, от 21 марта 1845 г.: «Три дня прогостил у меня оригинал Вильгельм. Проехал на житье в Курган с своей Дросидой Ивановной, двумя крикливыми детьми и с ящиком литературных произведений. Обнял я его с прежним лицейским чувством. Это свидание напомнило мне живо старину: он тот же оригинал, только с проседью в голове. Зачитал меня стихами до-нельзя ⟨...⟩ Не могу сказать Вам, чтоб его семейный быт убеждал в приятности супружества»; «Признаюсь Вам, я не раз задумывался, глядя на эту картину, слушая стихи, возгласы мужиковатой Дронюшки, как ее называет муженек, и беспрестанный визг детей»; «Спасибо Вильгельму за постоянное его чувство, он точно привязан ко мне ⟨...⟩ он, бедный, не избалован дружбой и вниманием. Тяжелые годы имел в крепостях и в Сибири» (П у щ и н, стр. 196, 198—199).

Встреча лицейских друзей впервые после Петербурга произошла в феврале 1845 г., когда Кюхельбекер проездом из Акши в Курган три дня прожил в Ялуторовске. Вторая и последняя их встреча состоялась в марте 1846 г.; по дороге в Тобольск Кюхельбекер снова останавливался у Пущина (см. стр. 398 настоящего тома).

[1] Речь идет о поэтических работах Кюхельбекера, который в годы заточения и ссылки тщетно стремился превратить их в источник средств к существованию. В письмах Кюхельбекера к разным лицам неоднократно повторяется просьба выхлопотать для него разрешение печататься анонимно или под псевдонимом. Так, 31 декабря 1836 г. он пишет Ю. К. Кюхельбекер: «Выхлопочи мне позволение кормиться своим ремеслом» («Декабристы и их время», 1951, стр. 72). В мае 1838 г. Кюхельбекер с той же просьбой обращается к Жуковскому: «...Исходатайствуйте мне позволение вырабатывать хлеб насущный литературными, безыменными трудами ⟨...⟩ Теперь речь не о славе ⟨...⟩, а, повторяю, о хлебе насущном» («Русский архив», 1871, № 1, стб. 0176. См. также письмо к Жуковскому от 11 июня 1846 г. — «Русский архив», 1872, № 5, стб. 1007 и т. д.).

[2] Кюхельбекер никогда не терял веры в свое поэтическое призвание. Замечательны следующие строки его письма из крепости: «Поэтом же надеюсь остаться до самой минуты смерти и, признаюсь, если бы я, отказавшись от поэзии, мог купить этим отречением свободу, знатность, богатство, даю тебе слово честного человека, я бы не поколебался: горесть, неволя, бедность, болезни душевные и телесные с поэзиею я предпочел бы счастью без нее» (письмо к Н. Г. Глинке. — «Русская старина», 1875, № 7, стр. 351). Однако постоянная нужда и борьба за кусок хлеба в период жизни на поселении мешали Кюхельбекеру заниматься поэзией:

...ныне бледные заботы,
И грязный труд, и вопль глухой нужды,
И визг детей, и шум, и стук работы
Перекричали песнь златой мечты ...

(стих. «Исфраилу», 1837).

[3] А н н у ш к а — дочь И. И. Пущина (1842—1863), в замужестве Полибина.

[4] В Ялуторовске, кроме Пущина, в это время жили на поселении — Оболенский, Якушкин, М. И. Муравьев-Апостол, В. К. Тизенгаузен. В письме к Энгельгардту от 26 февраля 1845 г. Пущин писал: «...Я доволен моим пребыванием в Ялуторовске. Нас здесь пятеро товарищей; живем мы ладно, толкуем откровенно, когда собираемся» (П у щ и н, стр. 195).

ПРИЛОЖЕНИЕ

БИБЛИОГРАФИЯ ПИСЕМ К КЮХЕЛЬБЕКЕРУ*

Составила Л. Я. Вильде

1812

1. Август. 24. Ю. Я. Кюхельбекер. — «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 324. (Отрывок. Перевод с немецкого).

1813

2. Январь—декабрь. Ю. Я. Кюхельбекер. — «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 322. (Отрывок. Перевод с немецкого).

1817

3. Март. Н. И. Гнедич. — «Русская старина», 1875, № 7, стр. 358—359.

4. Апрель. 28. Ю. Я. Кюхельбекер. — «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 336. (Отрывок. Перевод с немецкого).

5. Октябрь. 14. А. Ф. Воейков. — «Русская старина», 1875, № 7, стр. 359.

1817—1825

6. Ф. Н. Глинка. — «Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина», ч. VIII. М., 1901, стр. 247—248.

1818

7. Апрель. 4. А. Д. Илличевский.— «Пушкин и его современники», вып. XXXI-XXXII. Л., 1927, стр. 152—154.

---

* В государственных архивах СССР и в частных собраниях редакцией «Литературного наследства» выявлены следующие неопубликованные письма разных лиц к Кюхельбекеру:

Н. В. Басаргин. 27 марта, 19 апреля и 5 мая 1846 г. — ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4, Б 61, лл. 43—47 (отрывок из письма от 5 мая и воспроизведение его см. на стр. 548 и 551 настоящего тома).

С. Веселовский. 10 марта 1824 г.— ГПБ, архив В. Ф. Одоевского, оп. 2, ед. хр. 1576.

Г. А. Глинка. 16 июня 1815 г. — Собрание Ю. Г. Оксмана (Саратов).

Нат. Г. Глинка. 24 апреля 1843 г. — ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4, Б 61, лл. 60—61 (см. отрывки на стр. 401 и 488 настоящего тома).

Ю. Г. Глинка. 7 июня б. г. — ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4, Б 61, лл. 64—65.

Ю. К. Глинка. 19 ноября 1843 г. и 10 января 1844 г. (на немец. яз.) — ГПБ, собрание отдельных поступлений 1946 г., № 38.

В. Л. Давыдов. 28 мая 1845 г. (на франц. яз.) — ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4, Б 61, лл. 34—35.

К. Г. Игельстром. Письмо без даты (на франц. яз.) — ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4, Б 61, лл. 32—33.

М. К. Кюхельбекер. 9 февраля, 10 марта, 27 декабря 1840 г.; 21 мая, 1 августа 1841 г.; 15 января, 10 февраля, 22 июня, ноября (без числа) 1842 г.; 1 февраля, 27 марта, 15 октября, 18 ноября 1843 г.; 25 февраля 1844 г.; 9 июня, 26 октября 1845 г.; 13 марта, 24 мая 1846 г.; 14 февраля, 21 марта, 23 апреля, 22 июня, 15 сентября (на нем. яз.) без годов ⟨1840-е гг.⟩ — ИРЛИ, Р. I, оп. 12, № 265/1—21 и ф. № 123, оп. 1, № 462.

Перечисленные 23 письма М. К. Кюхельбекера посвящены, главным образом, бытовым и семейным делам. В некоторых из них упоминаются имена ссыльных декабристов (Ф. Ф. Вадковского, И. И. Пущина, С. П. Трубецкого, А. П. Юшневского, А. И. Якубовича).

М. К. Кюхельбекер. 20 апреля—8 мая и 23 июля 1842 г. — Собрание Ю. Г. Оксмана (Саратов) (см. отрывок из первого письма на стр. 467 настоящего тома).

Ю. К. Кюхельбекер. 27 апреля 1829 г. — ИРЛИ, Р. I, оп. 12, № 267.

П. Н. Свистунов. 22 апреля (с припиской П. С. Бобрищева-Пушкина), 25 сентября, 30 сентября, 18 ноября 1845 г. (на франц. яз.) — ГИМ, ф. № 282, ед. хр. 283, лл. 75—82 (см. отрывок из первого письма на стр. 477 настоящего тома).

В. И. Штейнгель. Письмо без даты. — ГИМ, ф. № 282, ед. хр. 283, л. 83.

Д. А. Эристов. Письмо без даты ⟨1823—1824 гг.⟩—ГПБ, архив В. Ф. Одоевского, оп. 2, ед. хр. 1675.

Редакция

1819

8. Август. 13. И. Г. Вилламов. — «Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина», ч. IX. М., 1901, стр. 350—351.

9. Ноябрь. 18. И. Г. Вилламов. — Там же, стр. 351.

1820

10. Январь. 25. И. Г. Вилламов. — Там же, стр. 352.

11. Апрель. 17. И. Г. Вилламов. — Там же, стр. 353.

12. Август. 8. И. Г. Вилламов. — Там же, стр. 353—354.

13. Август. 25. И. Г. Вилламов. — Там же, стр. 354.

1822

14. Июль—август <?>. А. А. Дельвиг. — «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 346—347. (Отрывок).

15. Сентябрь. 20. В. А. Глинка. — Там же, стр. 344. (Отрывок).

16. Октябрь — конец января 1823 г. А. С. Грибоедов. — «Русская старина», 1874, № 5, стр. 168—170; А. С. Грибоедов. Сочинения. Л., 1945, стр. 462—464.

17. Ноябрь. 18. В. А. Глинка. — «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 344. (Отрывок).

18. Ноябрь. 29. В. А. Глинка. — Там же, стр. 344. (Отрывок).

19. Декабрь. 6. В. А. Глинка. — Там же, стр. 345. (Отрывок).

20. Декабрь <?>. А. А. Дельвиг. — «Русская старина», 1875, № 7, стр. 360; Сочинения А. А. Дельвига. СПб., 1893, стр. 149—150.

1823

21. Январь. 24. Е. А. Энгельгардт. — «Русская старина», 1875, № 7, стр. 362—364.

22. Январь—февраль <?>. В. А. Жуковский. — Там же, стр. 364—365.

23. Март. 5. Е. А. Энгельгардт. — Там же, стр. 365—368.

24. Июнь. 9. В. Ф. Одоевский. — Там же, стр. 369.

25. Июнь. 12. Е. А. Энгельгардт. — Там же, стр. 369—371.

26. Сентябрь. 8. П. А. Плетнев. — Там же, стр. 371—372.

27. Сентябрь. 14. Е. А. Энгельгардт. — Там же, стр. 372—374.

28. Октябрь. 14. Ю. К. Кюхельбекер. — «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 347. (Отрывок. Перевод с французского).

29. Декабрь. 11. В. И. Туманский (с припиской А. С. Пушкина). — «Русская старина», 1875, № 7, стр. 375; новую, исправленную публикацию — см. «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 351—352; Пушкин, т. XIII, стр. 81.

30. Декабрь. 12. Е. А. Энгельгардт. — Там же, стр. 375—377.

1824

31. Январь—декабрь. А. А. Дельвиг. — «Русская старина», 1875, № 7, стр. 377—378; Сочинения А. А. Дельвига. СПб., 1893, стр. 152—153.

32. Февраль. 9. Р. И. Ховен. — «Русская старина», 1888, № 11, стр. 327—328.

33. 1824—1825. Е. А. Баратынский. — «Русская старина», 1875, № 7, стр. 377.

1825

34. Март. 23. С. Н. Бегичев. — «Русская старина», 1875, № 7, стр. 378.

35. Июнь. 25. В. Ф. Одоевский. — «Русская старина», 1888, № 12, стр. 594—595.

36. Ноябрь. 27. А. С. Грибоедов. — «Русская старина», 1889, № 2, стр. 323—325; А. С. Грибоедов. Сочинения. Л., 1945, стр. 495—497.

37. Декабрь. 1—6. А. С. Пушкин. — «Русский архив», 1870, стб. 1180—1182; Пушкин, т. XIII, стр. 247—248.

1830

38. Август. Ф. Э. Скржидлевский. — «Декабристы и их время», 1951, стр. 40—41.

1843

39. Август. 12. Н. Г. Глинка. — «Лит. наследство», т. 33-34, 1939, стр. 376. (Отрывок).

1845

40. Апрель. 29. В. А. Глинка. — Кюхельбекер, т. I, стр. LXI. (Отрывок).

41. Июнь. 28. М. К. Кюхельбекер (с припиской И. Артенова). — «Летописи», стр. 190—191.

ВОСПОМИНАНИЯ Н. А. МАРКЕВИЧА О ВСТРЕЧАХ С КЮХЕЛЬБЕКЕРОМ В 1817—1820 гг.

Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма
Предисловие А. А. Орловой

Автор публикуемых воспоминаний о Кюхельбекере, Николай Андреевич Маркевич, — поэт, музыкант, историк Украины, этнограф, — родился в 1804 г. в Черниговской губернии. В 1817 г. Маркевич был помещен в Благородный пансион при Главном педагогическом институте в Петербурге — в то самое учебное заведение, которое в 1819 г., когда Педагогический институт был переименован в Университет, стало называться Университетским пансионом. Среди преподавателей пансиона были выдающиеся прогрессивные профессора — К. И. Арсеньев, А. П. Куницын, А. И. Галич, В. К. Кюхельбекер; среди учащихся — М. И. Глинка, Лев Пушкин, С. А. Соболевский. Маркевичу не исполнилось еще 16 лет, когда в печати появилось его стихотворение — «Гроб» (в «Невском зрителе», 1820 г.); после этого дебюта он печатался в разных периодических изданиях — в «Новостях литературы», в «Московском телеграфе» и др.

В 1829 г., когда Маркевич жил уже в Москве, вышли из печати сборники его стихотворений и переводов [1]; в 1831 г. — «Украинские мелодии», сборник народных украинских преданий и поверий в переложении Маркевича. «Украинские мелодии» высоко ценил Тарас Шевченко. В Москве, как и раньше в Петербурге, Маркевич сблизился с литераторами, в том числе с И. В. Киреевским и Н. М. Языковым. В те же годы он усиленно занимался музыкой, беря уроки у известного пианиста Джона Фильда. По свидетельству современников, Маркевич был отличным пианистом.

Поселившись в 1830 г. в деревне, Маркевич занялся историей Украины. В 1842—1843 гг. в Москве вышла его «История Малороссии» в пяти томах, в свое время способствовавшая оживлению интереса к украинской старине [2]. В 1840 г. Маркевич выпустил сборник украинских песен, переложенных для фортепиано (СПб., 1840), вызвавший огромный интерес современников. Второй сборник песен в переложении для голоса с фортепиано был издан анонимно в 1857 г. [3] Кроме того, Л. М. Жемчужников упоминает о третьем, неопубликованном, сборнике, который Маркевич передал ему [4].

Когда Пушкин работал над «Полтавой», Маркевич познакомил его с неизданным памятником украинской историографии «Историей русов»; когда Глинка создавал «Руслана и Людмилу», Маркевич обработал часть пушкинского текста для либретто оперы. В последние годы своей жизни он занимался статистикой и этнографией. В 1860 г., через несколько месяцев после смерти Маркевича, в Киеве был напечатан отрывок из его обширного труда «Внутренняя жизнь Малороссии от 1600 года до нашего времени» под названием, «Обычаи поверья, кухня и напитки малороссиян. Извлечено из нынешнего народного быта и составлено Николаем Маркевичем». Значение этой работы Маркевича, как одной из ранних попыток собрать этнографический материал, несомненно. Собирал Маркевич и старинные рукописи, акты и дела (их было у него 6000) и к своему собранию составил подробный каталог [5]. После смерти Маркевича архив его оказался в чужих руках и многие материалы пропали; впоследствии уцелевшая часть его собрания поступила в Румянцевский музей [6].

Среди трудов Маркевича, кроме перечисленных выше, следует отметить: «Большой исторический, мифологический, статистический и пр. словарь Российской империи» (М., 1836; не окончен); оставшиеся в рукописях переводы на русский язык первой песни «Дон Жуана» Байрона и почти всех сочинений Шиллера, начало «Малорусского словаря», множество стихотворений и т. д.[7]

Умер Маркевич 9 июля 1860 г. в своем имении Туровка, близ Прилук.

Маркевич — сложная фигура: творчество его чрезвычайно разнообразно, идейные позиции — противоречивы. Неустойчивость мировоззрения, характерная для многих либералов первой половины XIX в., проделавших извилистый путь от сочувствия декабристам до консерватизма, — была свойственна и Маркевичу. В юные годы он был близок к Кюхельбекеру и к его кругу, в первую очередь — к Пушкину, был восторженным почитателем Рылеева. Под влиянием поэзии декабристов Маркевич был увлечен героическим прошлым родины (обращение к народному творчеству — характерная черта декабристов), впоследствии рылеевские образы народных героев Маркевич трактует уже не в революционном, а в националистическом духе.

Произведения Рылеева в преддекабрьскую пору были предметом глубокого и искреннего восхищения Маркевича. «...Могу ли я хладнокровно читать „Войнаровского" и „Наливайку"? — писал Маркевич Рылееву незадолго до восстания на Сенатской площади.— Примите мою и всех знакомых мне моих соотечественников благодарность <...> Вы много сделали, очень много! Вы возвышаете целый народ, — горе тому, кто идет на унижение целых стран, кто пытается покрыть презрением целые народы<...> Но слава тому, кто прославляет величие души человеческой <...> „Исповедь Наливайки" врезана в сердцах наших и моем также»[8].

После разгрома декабрьского восстания, когда реакционная политика николаевского правительства была направлена на уничтожение революционных настроений среди молодежи, либерализм Маркевича начал все более и более тускнеть. В пятидесятые годы Маркевич примкнул к правому крылу славянофилов.

И все же в тридцатые годы на творчестве Маркевича еще заметно сказывалось влияние декабризма и свободолюбивых идей. Именно в конце тридцатых годов у него завязались дружеские отношения с Шевченко, который, восторгаясь фортепианным исполнительством Маркевича, называл его «maestro». Известно также, что, работая над своими историческими поэмами, Шевченко пользовался «Историей Малороссии» Маркевича[9]. Глубоким, искренним чувством проникнуто и стихотворение Шевченко, посвященное Маркевичу,— «Бандуристе, орле сизий»[10].

«Записки» Маркевича о его пребывании в Благородном университетском пансионе (1817—1820) представляют несомненный интерес. Маркевич писал свои воспоминания на склоне жизни, в пятидесятых годах[11], однако им присуща свежесть и непосредственность; объясняется это тем, что автор полагался не только на свою память: им были использованы подлинные дневники, которые он вел еще в пансионе. В «Записках» даны характеристики Кюхельбекера, Пушкина, Глинки, Дельвига, Баратынского, Соболевского; находим мы в них и наиболее полную из имеющихся в мемуарной и исторической литературе характеристику Благородного университетского пансиона и оценку общественных событий эпохи, сделанную одним из представителей молодого поколения. Маркевич в «Записках» воспроизводит настроения русских передовых дворян, в будущем — участников декабрьского восстания или единомышленников декабристов.

Нам известны официальные документы, относящиеся к истории Петербургского университета и университетского пансиона[12]. Но свидетельства эти имеют односторонний характер и рисуют лишь внешнюю сторону жизни пансиона. Внутреннюю жизнь пансиона, разумеется, никакие донесения и докладные записки изобразить не могут; это — дело живого свидетеля, мемуариста.

Воспоминания говорят не только о деятельности передовой профессуры, но и о настроениях воспитанников. Внутренняя жизнь пансиона до сих пор оставалась, по существу, неизученной; многое было освещено неточно или не освещено совсем. Рассказывая о пансионе, Маркевич говорит: «Мысль о свободе и конституции была в разгаре, Кюхельбекер ее проповедовал на кафедре русского языка; Ал. Пушкин написал

НЕВСКІЙ ЗРИТЕЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИЗДАНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЕНВАРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

въ типографіи В. Плавильщикова

1820.

РОМАНСЪ.

Теперь узнала я о чемъ,
Когда зефиры сладко дуютъ,
Въ лѣсу прохладномъ и густомъ
Такъ томно голубки воркуютъ.

*

Теперь я поняла тебя,
Пѣвица нѣги — филомела!
Увы! я и самой себя
До сей поры не разумѣла!

*

Не спалось вешней ночью мнѣ;
Цвѣты не мнѣ благоухали;
Я днемъ ходила какъ во снѣ;
Я вяла въ сладостной печали. –

*

Глядя на небо, на луну,
Сквозь вѣтви сумрачной березы,
На осребренную волну,
Я часто проливала слезы! –

*

И красный міръ мнѣ скученъ былъ,
Весна меня не веселила:
Но сколько свѣтъ съ тѣхъ поръ мнѣ милъ,
Какъ я Эраста полюбила!

*

Съ тѣхъ поръ, какъ знаю я о чемъ
Когда зефиры сладко дуютъ,
Въ лѣсу прохладномъ и густомъ
Такъ нѣжно голубки воркуютъ!

Вильгельмъ Кюхельбекеръ.

ДОРИДѢ.

Я вѣрю; я любимъ; для сердца нужно вѣрить.
Нѣтъ, милая моя не можетъ лицемѣрить;
Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ,
Стыдливость робкая, Харитъ безцѣнный даръ,
Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность
И ласковыхъ имёнъ младенческая нѣжность.

А. П.

КЪ МОЕМУ ГЕНІЮ.

Приди, мой добрый, милый Геній,
Приди бесѣдовать со мной!
Мой вѣрный другъ въ пути мученій,
Единственный хранитель мой!

* * *

ЯНВАРСКАЯ КНИГА ЖУРНАЛА «НЕВСКИЙ ЗРИТЕЛЬ» НА 1820 г
ЗДЕСЬ БЫЛО НАПЕЧАТАНО СТИХОТВОРЕНИЕ КЮХЕЛЬБЕКЕРА «РОМАНС»; ТУТ ЖЕ СТИХОТВОРЕНИЕ ПУШКИНА «ДОРИДЕ»
Титульный лист и страницы журнала с текстом стихотворений

свою оду „Вольность", другую пьесу — „Кинжал"»,— стихотворения Пушкина Маркевич получал через Кюхельбекера и через Льва Пушкина. Таким образом, мемуары Маркевича вводят нас в ту общественную атмосферу, какая царила в стенах Благородного пансиона.

«Это было время конгрессов,— пишет Маркевич, характеризуя реакционную деятельность Священного союза,— Агамемнон, вождь царей, как называли на Западе Александра, ездил в Верону, в Лейбах; Священный союз процветал. Священный союз этот был не что иное, как заговор царей против народов. Окончив конгресс, царь с триумфом возвращался на родину, и Пушкин пел:

Ура! В Россию скачет
Кочующий деспот!

〈...〉Это 〈договор〉 была неслыханная подлость. Первый зачинщик, гениальный изобретатель конгрессов и Священного союза, был ученик Лагарпа, распространитель свободной мысли, Александр 〈...〉 Его признали первым между собою все цари, на что ему больше?〈...〉 народ, сенат, чины встретили его с триумфом. Державин написал стихи, Бортнянский положил их на хор; Александру поднесли титул „великого". „Один бог велик!" — отвечал Александр и принял титул „благословенного" 〈...〉 Он Польшу простил, но прислал туда Новосильцева и Пеликана. Прочтите Мицкевича „Дзяды", вы поймете, что такое Пеликан и Новосильцев 〈...〉 Скоро раскусили нрав его 〈...〉 Ужаснее всего были дела Аракчеева. Он был всесилен. Часто исчезали молодые люди из семейств, офицеры из полков 〈...〉 Наполеон великий доживал век на острове св. Елены 〈...〉 Цари отдыхали. Но на душе тяготела у них ужасная мысль: подлая Англия могла спустить с цепи Наполеона. Беранже пел свои бессмертные песни, народ их повторял от Кале до Тулона и от Атлантического океана до Рейна 〈...〉 До школьных скамей долетали эти гениальные напевы француза 〈...〉 Внук негодяев Людовиков, отвратительных Бурбонов, отродие самое подлое — Людовик XVIII 〈...〉 шатался на своем поганом престоле 〈...〉 А в Германии убивал студент Занд 〈...〉 Александр Пушкин тогда же пустил по свету эпиграмму к Стурдзе:

Холоп венчанного солдата,
Благодари свою судьбу,
Ты стоишь славы Герострата
И звучной смерти Коцебу!

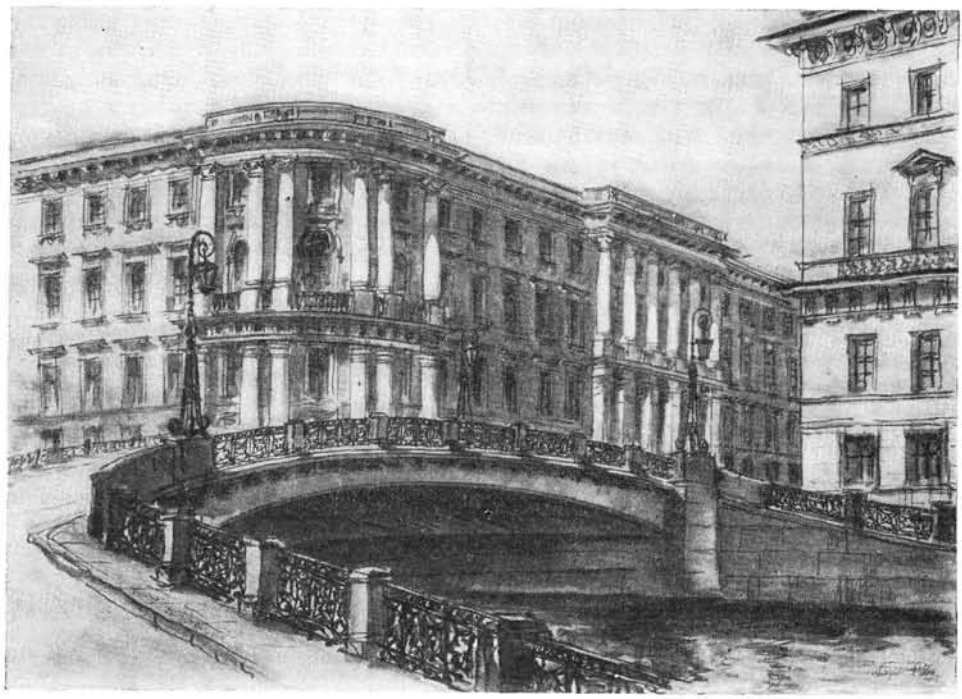
Еще одно имя, не говоря о Гёте, гремело в Европе в это время. Мы не имели верных, точных переводов его творений, но отголоски их долетали до нас, отзывались в сердцах каждого и находили в каждой душе, благородно рожденной, сочувствие 〈...〉 То был лорд Байрон 〈...〉 Из всего, что я сказал, видно, что хотя многое доходило к нам в стены пансионские из внешнего света, но немногое успел я записать. Все, что нашел я в тогдашних моих записках, я внес сюда».

Большой интерес представляют свидетельства Маркевича о революционном значении стихотворений юного Пушкина. Маркевич неоднократно цитирует обличительные стихи поэта, приписывая при этом иногда Пушкину агитационные песни Рылеева и Бестужева. Эта характерная ошибка мемуариста лишний раз подтверждает популярность имени Пушкина среди передовой молодежи. Великому поэту постоянно приписывались вольнолюбивые произведения, даже не принадлежавшие ему.

Описание встреч с Пушкиным принадлежит к ценным страницам «Записок». Очень интересны приведенные мемуаристом слова Пушкина о значении рифмы в поэтическом произведении. Много нового дают «Записки» для изучения биографии М. И. Глинки. Как известно, годы учения в Благородном университетском пансионе представляли в биографии великого русского композитора белое пятно. Воспоминания Маркевича заполняют этот серьезный пробел. «Записки» Маркевича опровергают легенду о том, будто бы Глинка был равнодушен к общественным вопросам. Маркевич вводит нас в ту атмосферу, в которой созревал и развивался основоположник русской музыкальной классики. Рассказывая о литературных диспутах в пансионе, руководителем и организатором которых был Кюхельбекер, и передавая сущность

полемики, превращавшей обычно литературную дискуссию в острый политический спор, Маркевич пишет: «...моих мнений были Левик Пушкин и Михайло Глинка, который, кроме музыки, был хорошим оценщиком поэзии и не сочувствовал никаким Бурбонам». Что же это были за «мнения»? Это была резкая критика абсолютистского строя. Если сопоставить эти слова с характеристикой деятельности Кюхельбекера в Благородном пансионе, становится очевидным: ученические годы Глинки проходили в атмосфере преддекабристских веяний и наложили неизгладимый отпечаток на все его творчество.

Из всех преподавателей наибольшее влияние на воспитанников бесспорно оказывал Кюхельбекер. Об этом рассказывает Маркевич в своих «Записках».



ДОМ № 15 НА НЕВСКОМ ПРОСПЕКТЕ В ЛЕНИНГРАДЕ. ЗДЕСЬ В 1825 г. ЖИЛ КЮХЕЛЬБЕКЕР

Акварель Э. Б. Бернштейна, 1950 г.

Литературный музей, Москва

О Кюхельбекере он вспоминает с горячей симпатией. Педагог, искренно любимый и уважаемый воспитанниками, тонкий знаток и ценитель передового отечественного искусства, человек, горячо преданный делу развития национальной литературы, последовательный пропагандист вольнолюбивых идей,— таким рисует Маркевич любимца пансиона, — Кюхельбекера. «Благороднейшее, добрейшее, чистейшее существо»,— говорит о нем в своих записках Маркевич [13].

От Маркевича мы узнаем подробности о педагогической деятельности Кюхельбекера в Благородном пансионе; об этом периоде жизни декабриста не сохранилось почти никаких сведений и потому свидетельства Маркевича приобретают большое значение. Мы узнаем, что у Кюхельбекера были простые, дружеские отношения с учениками, отношения, ничего общего не имеющие с формальным подчинением учеников учителю. Кюхельбекер вовлекал учеников в круг борьбы современных литературных течений — таков был его педагогический метод. Весьма интересны приводимые в «Записках» суждения Кюхельбекера, подчеркивающие его интерес к народной поэзии и к обличительной литературе. «Историей» Карамзина интересовался он потому, что пытливо изучал

историю отечества. Мысль о сближении художественной литературы с народным творчеством, чрезвычайно увлекавшая поэта-декабриста, проявилась в его особом внимании к трудам Востокова, в интересе к сборнику Кирши Данилова.

Здесь следует подчеркнуть, что интересом к прошлому своей родины Маркевич безусловно обязан влиянию Кюхельбекера. Недаром с таким благоговением говорит Маркевич о своем учителе, так высоко ценит его художественный авторитет, называя уроки Кюхельбекера «школой очищенного вкуса». Внимание поэта-декабриста к народному творчеству не могло, конечно, не оказать влияния и на эстетические взгляды юного Глинки.

«Записки» Маркевича свидетельствуют о той огромной роли, какую сыграл Кюхельбекер в создании мировоззрения у воспитанников пансиона[14]. Ученики усваивали его взгляды на литературу, на историю, его общественно-политические идеалы; Кюхельбекер развивал в них вкус к современной русской литературе, к передовому искусству.

Менее интересны мемуары Маркевича с чисто бытовой стороны. В своих рассказах он опирается главным образом на распространенные среди современников анекдоты о тех или иных лицах и событиях. Живо и ярко рисуя свои встречи с поэтами пушкинского круга, Маркевич, однако, хвастлив и нескромен, изображая себя чуть ли не главным действующим лицом описываемых эпизодов.

С годами Маркевич, как мы уже упоминали, утратил прогрессивные взгляды, некогда присущие ему. Но в воспоминаниях, хотя написанных в позднейшие годы, так ощутимо влияние убеждений его юности, что мы воспринимаем их как живое и непосредственное отражение мыслей и чаяний передовой молодежи преддекабристской поры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Н. А. Маркевич. Элегии и еврейские мелодии. Переводы из Байрона и Т. Мура. М., 1829; его же. Стихотворения эротические. М., 1829.

[2] См. напр.: В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XII. М., 1926, стр. 413

[3] Авторство Маркевича установлено К. В. Квиткой («Етнографічний вісник», кн. 6, 1927, стр. 73).

[4] «Основа», 1861, № 2, стр. 185—186.— «Сборник песен в нотах, состоящий из 150 песен, одной думы „Савва Чалый", „Вертепа" с аккомпанементом из 8 нумеров, 5-ти свадебных песен и 14 коровайных» хранится в Отделе рукописей ЛБ (см. Отчет Московского публичного и румянцевского музеев за 1870—1872 годы. М., 1873, стр. 8).

[5] «Основа», 1861, № 1, стр. 294.

[6] Ныне Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.

[7] О Маркевиче см.: В. В. Данилов. К биографии Н. А. Маркевича. Екатеринослав, 1911, стр. 1—12; В. И. Маслов. М. А. Маркевич. Прилуки, 1929; «Записки М. И. Глинки». — В кн.: Глинка. Литературное наследие, т. I. Автобиографические и творческие материалы. Под ред. В. Богданова-Березовского. М.—Л., 1952, стр. 71, 94; настоящий том, стр. 75, 83, 153—154. Список трудов Маркевича см. также: Н. Макаров. Воспоминание о Н. А. Маркевиче. — «Основа», 1861, № 1, стр. 293—297, а также Л. Жемчужников. Заметка к статье «Воспоминание о Маркевиче».—«Основа», 1861, № 2, стр. 185—186.

[8] Письмо от 25 сентября 1825 г. — «Русская старина», 1888, № 12, стр. 597—599.

[9] Т. Г. Шевченко. Собр. соч., т. I. М., 1949, стр. 445.

[10] Т. Г. Шевченко. Повна збірка творів, т. I. Київ, 1949, стр. 73—74. — Интересно отметить, что стихотворение Шевченко датировано: «Петербург. 9 мая 1840 г.». Маркевич в этот день праздновал свои именины. В дневнике Маркевич перечисляет присутствующих на вечере; в числе гостей: Шевченко, М. И. Глинка, В. И. Штернберг, С. А. Соболевский, Ф. П. Толстой, А. В. Никитенко, бр. Кукольники, Тарновские, А. Н. Струговщиков, Н. А. Полевой, Э. И. Губер, П. П. Каменский, «всего 53 человека» (запись Маркевича опубликована в «Летописи жизни и творчества М. И. Глинки». Сост. А. Орлова. М., 1952, стр. 182).

[11] «Записки» Маркевича можно довольно точно отнести к этому времени на том основании, что в тексте упоминается о смерти Льва Пушкина (ум. в 1852 г.).

[12] См. «С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности», т. I. Под ред. С. В. Рождественского. Пг., 1919.

[13] В предисловии к одной из своих публикаций Маркевичу удалось выразить благодарность Кюхельбекеру за его уроки, обозначив фамилию ссыльного декабриста криптонимом «К— р»: «Я помню общий восторг моих товарищей, когда преподаватель русской словесности К—р приносил мне в подарок от Жуковского книжечки „Для немногих" и когда мы читали эти восхитительные строки до того, что знали их наизусть» («Москвитянин», 1853, № 12, стр. 13).

[14] Напомним, что среди учеников Кюхельбекера были будущие декабристы: М. Н. Глебов и С. М. Палицын.

‹ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н. А. МАРКЕВИЧА›

Кюхельбекер Вильгельм Карлович, учитель русской словесности, соученик и один из друзей Александра Пушкина, Дельвига и Баратынского ‹...› Благороднейшее, добрейшее, чистейшее существо ‹...›

Мое сближение с ним началось ‹в 1817 г., на уроках российской словесности в пансионе при Главном педагогическом институте› [1].

Был у нас ‹в первом классе› товарищ, лентяй неслыханный и дурак набитый: Шмидт. Арсеньев [2] спросил у него, где экватор? Он начал искать у Новой Земли.

«Хорошо, хорошо! близко оттуда, а где Париж?» Шмидт начал искать в Америке.

«Чем вы занимаетесь?» — закричал Арсеньев, подбежал ко мне и выхватил бумажку, на которой не засохло еще чернило; там было написано:

Того, что в мире бог создал,
Наш Шмидт на месте не оставил:
Экватор к полюсу послал,
Париж в Америку отправил.

«Браво, браво, чудно, славно! дайте я вас обниму, — кричал Арсеньев. — Господа! Кто спишет мне 10 экземпляров?..» Живо были готовы 10 экземпляров.

За лекцией Арсеньева следовала лекция Кюхельбекера; в дверях класса они встретились. «Вот какие стихи у вас пишут»,—сказал Арсеньев, подавая эпиграмму Кюхельбекеру. — «Кто? Кто?» — этот спросил. — «Маркевич».

«Как бишь этот господин, у которого вы под Прилукою учились?»— спросил меня Кюхельбекер. — «Пав‹ел› Павл‹ович› Белецкий-Носенко» [3]. — «Учил он вас метрике?» — «Я не знаю, что это такое». — «Размер стихов, сочетанье рифм. Теперь знаете, что это такое?» — «Нет-с». — «Как же вы сладили четыре таких превосходных стиха?» — «Так, просто; они сами пришли мне в голову; мне даже кажется, что я где-то их читал». — «Браво! браво! ответ еще лучше стихов. Приходите сегодня ко мне на чай».

Вечером я к нему явился на бельведер. У него были А. Пушкин, Дельвиг, Баратынский и Пущин.

«Господа! рекомендую вам г-на Маркевича, ему 13 лет; он не знаком с метрикой, но написал вот эти стихи; не угодно ли прочитать?» — Пушкин несколько раз прочитал их и сказал: — «О боги!.. господин Маркевич, примите меня в число друзей». — Между нами тогда много, а после мало было разницы в летах. Пушкину было тогда 17 лет. Это разнеслось по пансиону, и не только товарищи, учителя глядели на меня, как на кита.

Кюхельбекер дал мне Востокова [4], кое-что растолковал и обратил мое внимание на входившие тогда в употребление гексаметры [5]. В ноябре 1817 года я подал ему 22 гексаметра под названием «Гроб». Странность идеи, ужас картины поразили Пушкина, Дельвига, Ф. Глинку и Жуковского ‹...› Жуковский после напечатал их в «Невском зрителе» [6]. Но Пушкин, сидя возле меня на классной скамье, советовал писать стихи с рифмами, «не отнимая у публики одного из наслаждений, к которому привыкла она». — Это подлинные его слова ‹...›

Вскоре Кюхельбекер пристрастился ко мне лично. «Талант у него славный, — сказал он однажды, — но главное: он добрый человек». Потом перестал он цифрами аттестовать меня в рапортичках: «Я не имею права его аттестовать, — сказал он директору. — Он не менее моего знает дело» ‹...›

Кюхельбекер был очень любим и уважаем всеми воспитанниками. Это был человек длинный, тощий, слабогрудый; говоря, задыхался, читая лекцию, пил сахарную воду. В его стихах было много мысли и чувства, но много и приторности. Пушкин этого не любил; когда кто писал стихи мечтательные, в которых слог не был слог⟨ом⟩ Жуковского, Пушкин говорил:

И кюхельбекерно, и тошно [7].

Весьма часто я у него пил чай, иногда и завтракал; я наслаждался вечером, сидя у его окон, видом на пылающее в лучах заходящего солнца море. Когда он перешел в Конюшенную, я у него бывал и там; и ни одна минута неудовольствия не бросила тени на нашу приятельскую связь [8].

Он подарил мне «Für Wenige» Жуковского [9] ⟨...⟩ В то же время подарил он мне и «Грамматику» Жуковского, напечатанную в числе 10 экземпляров [10]. Галич [11] взял у меня на прочет эти драгоценности и не возвратил ⟨...⟩ Потом еще подарил он мне собственноручную тетрадку Жуковского, словарик немецко-русский, по которой великая княгиня Александра Феодоровна училась русскому языку; часть этой тетрадки я после подарил моей свояченице Наде, а два листочка вклеил в альбом, над стихами Кюхельбекера к его брату Михаилу Карловичу.

При всей дружбе к нему, Пушкин очень часто выводил его из терпения; однажды до того ему надоел, что вызван был на дуэль. Они явились на Волково поле и затеяли стреляться в каком-то недостроенном фамильном склепе. Пушкин очень не хотел этой глупой дуэли, но отказаться было нельзя. Дельвиг был секундантом Кюхельбекера, он стоял налево от Кюхельбекера. Решили, что Пушкин будет стрелять после. Когда Кюхельбекер начал целиться, Пушкин закричал: «Дельвиг! стань на мое место, здесь безопаснее». Кюхельбекер взбесился, рука дрогнула, он сделал полоборота и пробил фуражку на голове Дельвига.

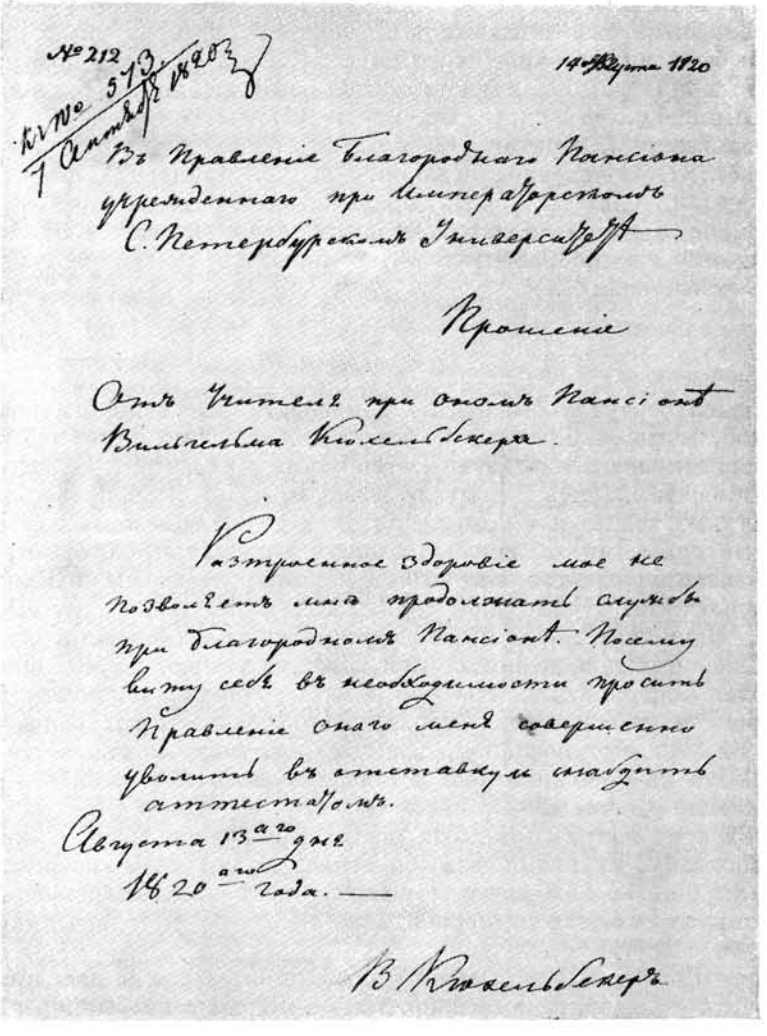
«Послушай, товарищ, — сказал Пушкин, — без лести — ты стоишь дружбы; без эпиграммы — пороху не стоишь», — и бросил пистолет [12].

Милонова сатиры, проза и еще более стихи Батюшкова, проза Муравьева и Тургенева [13], Кирша Данилов [14], сатиры Кантемира были любимым его чтением. Державина не позволял никому, кроме меня, читать. «Этот гений образует большие таланты и убивает небольшие» [15]. Катенину не отказывал в большом даровании, но говорил, что этот писатель лишен всякого эстетического чувства [16]. Жуковского изучал и давал изучать [17]. Карамзина ставил недостижимым совершенством слога [18]. Являлось ли что-нибудь новое, он приносил в класс и заставлял меня громко читать. Помню общий восторг, когда, читая в Карамзине о взятии Грозным Казани, я громко произнес: «Да будет едино стадо и един пастырь! грянул сильный гром, земля дрогнула, церковь затряслася». Однажды он вне себя прибежал с «Опытом теории о налогах» Тургенева [19]. На нем было назначение: «В пользу крестьян, содержащихся в тюрьмах за недоимки». Замечательно, что это очень понравилось государю, Тургенев был осыпан наградами. Вдруг государь опомнился, что это вовсе не похвала его администрации. Он запретил книгу, потом позволил второе издание, но с пропусками. Говорят, не знаю, впрочем, правда ли, что «Ижорский» сочинение Кюхельбекера [20]. В классе он нам продиктовал свое сочинение «Логика языка» [21]. Вещь прекрасная, но недоконченная: она у меня уцелела. Из теорий он рекомендовал «Грамматику» и «Метрику» Востокова и «Словарь древней и новой поэзии» Остолопова [22] ⟨...⟩

* * *

⟨Однажды⟩, разговаривая со мною о катастрофе Павла, он ⟨Кюхельбекер⟩ мне сказал, что в последние дни жизни императора отец его во-

шел в случайную милость царскую и чуть не сделался таким же временщиком, как Кутайсов. Павел не мог уже обходиться без него; в самый вечер перед последнею ночью, увидя между дворцом и садом несколько ленточников [23], он послал его узнать, что значит это собрание. «Пользуются хорошею погодою, — сказал Кюхельбекера отец, возвратясь царю. — Прогуливаются». Ночью Павла не стало. Когда



В Правление Благороднаго Пансіона
учрежденнаго при Императорскомъ
С. Петербургскомъ Университетѣ

Прошеніе

Отъ Учителя при ономъ Пансіонѣ
Вильгельма Кюхельбекера.

Разстроенное здоровіе мое не
позволяетъ мнѣ продолжать службы
при Благородномъ Пансіонѣ. Посему
симъ себя въ необходимости просить
Правленіе онаго меня совершенно
уволить въ отставку и снабдить
аттестатомъ.

Августа 13-го дня
1820-го года. —

В. Кюхельбекеръ

ПРОШЕНИЕ КЮХЕЛЬБЕКЕРА ОТ 13 АВГУСТА 1820 г. ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ЕГО ОТ ДОЛЖНОСТИ УЧИТЕЛЯ В БЛАГОРОДНОМ ПАНСИОНЕ ПРИ ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Автограф

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Кюхельбекеру захотелось поцеловать руку покойного царя, его не допустили часовые. Тело лежало в комнате, куда вела двойная дверь; известно, как толсты иные стены в Михайловском замке. Четыре часовых стояло в дверях: пара с одной стороны дверей, другая — с другой. Увидя графа Палена проходящего, Кюхельбекер бросился к нему просить, чтоб его пропустили к покойнику; ни слова не отвечая, Пален дал знать

рукою, чтоб часовые впустили его, а сам прошел мимо. Внутренние часовые не видели этого знака и скрестили ружья, Кюхельбекер хотел воротиться, но впустившие его солдаты скрестили тоже ружья и не выпустили его, и он более двух часов простоял в амбразуре дверей в виду тела своего благодетеля, между четырьмя скрещенными штыками. — Не случись эта катастрофа еще месяц — другой и граф Кюхельбекер не был бы преподавателем русского языка в Санкт-петербургском университетском пансионе [24].

Кюхельбекер был превосходный ценитель литературных произведений. Это была школа очищенного вкуса. Сам писал очень посредственно; Пушкин любил его, был дружен с ним, но не любил его стихов; об этом я сказал выше ⟨...⟩

Кюхельбекер ⟨...⟩ читал свои стихи очень дурно, хуже нежели Пушкин ⟨...⟩ Обыкновенно, когда он, бывало, приносит нам что-нибудь свое, я читал, и он был очень доволен.

Катенина я вовсе не знал; но стихи его приносил Кюхельбекер и давал их мне громко разбирать, чтоб показать смесь высочайшего таланта с безвкусием ⟨...⟩

* * *

У Кюхельбекера я бывал ⟨...⟩ и после, когда он квартировал в Конюшенной, когда я был уже не школьник, между днями моего выхода из пансиона и моего выезда из Петербурга. Дельвиг [25], Баратынский [26], А. Пушкин съезжались к нему по вечерам, и это были превеселые часы. В прелестных стихах и в умных критиках недостатка не было. Чай с московскими сухарями услаждал поэтов, и эти сухари, которые по лавочкам в банках продаются, мне всегда напоминают вечера в Конюшенной у Кюхельбекера. Кроме нас, приезжали к Кюхельбекеру Фед. Ник. Глинка, Нащокин [27], — мой соученик, Пущин, Чаадаев и другие лицеисты, которых я мало помню или вовсе не помню, да Михайло Карлович Кюхельбекер, родной брат Вильгельма Карловича, моряк [28]. Около того времени его невеста умерла; Вильг⟨ельм⟩ Карл⟨ович⟩ написал к нему на этот счет послание, довольно немецкое, которое мне подарил для альбома на прощанье; оно и теперь в альбоме у меня [29].

Александр Сергеевич Пушкин жил в доме своего отца над Фонтанкою [30]. К нему и прежде выхода моего из пансиона ходил я иногда тайком, ускользнув во время классов пения. В дни моей свободы, т. е. от 1 февраля по 20-е 1820 года, я у него бывал почти ежедневно. Он был болен, никуда не выезжал, обрабатывал 5-ю песнь «Руслана и Людмилы»; дописывал шестую [31] ⟨...⟩

Старик Сергей Львович меня полюбил; он часто к нам приходил и вмешивался в литературные наши толки. Левик с необыкновенным критическим талантом, доходящим до какого-то ясновидения в поэзии, критиковал тирады и отдельные выражения в стихах брата своего, Баратынского, Дельвига, Глинки, Кюхельбекера и моих. Кюхельбекер, которого за ум и ангельскую доброту мы вполне чтили и любили, был наш конек; на водяных его стихах мы часто выезжали. При прощании с Пушкиным я получил от него в подарок на память несколько пьес в стихах, он вырвал их для меня из своей красной книги. На одной из станций, едучи в Малороссию, опрокинувшись, я часть бумаг потерял; там погибли списки его сочинений, не могущих быть напечатанными. Две пьесы из красной книги, подарок Пушкина, уцелели. Они вклеены мною в альбом [32].

Один из последних моих прощальных визитов в П⟨етер⟩бурге был к Пушкину и к Кюхельбекеру [33].

ПРИМЕЧАНИЯ

«Воспоминания Н. А. Маркевича о встречах с Кюхельбекером» извлечены из его «Записок» 1817—1820 гг.

«Записки», рукопись которых принадлежала до 1937 г. А. Е. Бурцеву, приобретены ИРЛИ в 1947 г. и восполняют пробел в хранившихся ранее в Институте «Записках» Маркевича, охватывающих 1804—1817 гг. и частично 1820—1850 гг. «Записки» 1817—1820 гг. (ИРЛИ, ф. № 488, оп. 82) составляют 107 сшитых листов бумаги большого формата, исписанных с обеих сторон. Начало отсутствует (нет нескольких листов первой главы).

[1] К преподаванию в пансионе Кюхельбекер приступил с осени 1817 г. Уволился в августе 1820 г.

[2] Константин Иванович Арсеньев (1789—1865) — статистик, историк и географ, преподававший в пансионе с 1817 по 1821 г. Был уволен из пансиона вместе с группой прогрессивных профессоров (см. прим. 11).

[3] Содержатель частного пансиона в Лапинцах, пригороде Прилук. Пансион существовал еще в тридцатых годах XIX в.

[4] «Опыт о русском стихосложении» А. Х. Востокова (СПб., 1817).

[5] В 1817 г. Кюхельбекер в петербургской газете «Le conservateur impartial» (№ 77), в статье, тогда же переведенной и напечатанной в «Вестнике Европы» под заголовком «Взгляд на нынешнее состояние русской словесности» (№ 95, стр. 154—157), писал: «Гнедич вводит у нас героические стихи древних; сия новизна сделает Илиаду его достопамятной эпохой нашей словесности и будет торжеством хорошего вкуса над предубеждением». Позднее, уже в крепости, 16 августа 1833 г. Кюхельбекер записал в дневнике об «Овсяном киселе» Жуковского: «В этой пиэсе мне все показалось прелестным, даже самый экзаметр, хотя я ныне решительный ненавистник этого размера».

[6] «Невский зритель», 1820, февраль, стр. 86—87.

[7] Цитата из приписываемой Пушкину дружеской эпиграммы на Кюхельбекера «За ужином объелся я» (1818 г.).

[8] В письме к Жуковскому (1820 г.) Кюхельбекер писал, имея в виду Маркевича и его товарищей: «Утешения, которые я до сих пор еще встречал в моей здешней жизни, оставили меня. Молодые люди, которые выросли на моих глазах, которых научил я чувствовать и мыслить, оставили мой класс и перешли в высший» («Русский архив», 1871, № 2, стб. 0173).

[9] Шесть выпусков 1818 г. Много лет спустя Кюхельбекер вспоминал о них в письмах к Жуковскому: «Жуковский пересылал мне из Москвы свое: *Для немногих*» (письмо от 24 мая 1838 г.); «...бывало спешу ⟨к Плетневу⟩, как только получу их из Москвы, чтобы похвастать ими» (письмо от 10 ноября 1840 г.) («Русский архив», 1871, № 2, стб. 0175, 0178).

[10] Грамматика Жуковского была написана и отпечатана в десяти экземплярах в ту пору, когда Жуковский преподавал русский язык будущей императрице Александре Федоровне. В письме к Жуковскому от 24 мая 1838 г. из Баргузина Кюхельбекер вспоминал, что «из 10 отпечатанных экземпляров» грамматических таблиц «один достался на мою долю» («Русский архив», 1871, № 2, стб. 0175).

[11] Об Александре Ивановиче Галиче см. стр. 420 настоящего тома. С 1815 по 1821 г. Галич занимал кафедру в Петербургском университете; он был уволен из университета происками мракобеса Рунича вместе с другими профессорами за атеизм и дискредитацию властей.

[12] Рассказ Маркевича о дуэли содержит подробности, которых нет в рассказах Пущина, Даля, Матюшкина и др. В какой-то мере он отдаленно напоминает рассказ М. А. Максимовича (сообщение И. Ф. Павловского: «Осип Максимович Бодянский в его дневнике 1849—1850 гг.» — «Русская старина», 1888, № 11, стр. 414).

[13] Мемуарист имеет в виду прозу Н. И. Тургенева (см. ниже).

[14] Через пятнадцать лет, 4 февраля 1832 г., Кюхельбекер занес в дневник, который он вел во время пребывания в крепости: «Прочел три сказки Кирши Данилова; одну из них „Сорок калик со каликою“ в 1815 году я перевел на немецкий язык».

[15] Не изменил Кюхельбекер своего отношения к Державину и впоследствии. В 1825 г. он назвал Державина «первым русским лириком, гением, которого одного мы смело можем противопоставить лирическим поэтам всех времен и народов» («Сын отечества», 1825, № 17, стр. 80). Много позже, 25 декабря 1834 г., находясь в крепости, он писал в дневнике: «Нет сомнения, что дедушка Державин у нас на Руси первый поэт и, кажется, долго еще останется первым».

[16] В «Невском зрителе» (1820, февраль, стр. 107), в статье «Взгляд на текущую словесность» Кюхельбекер писал: «Г. Катенин имеет истинный талант,— сказал я,— когда в первый раз прочел его Софокла. Как жаль, что в сочинениях его не достает вкуса, что он не имеет друзей, которые бы говорили ему правду, или как жаль, что он не верит их советам».

[17] Впоследствии Кюхельбекер изменил свое отношение к творчеству Жуковского. В 1820 г. в «Невском зрителе» (февраль, стр. 106), в статье «Взгляд на текущую словесность», он называл Жуковского «гением, творения которого бы должны быть

предметом народной гордости и сладострастием душ высоких и чувствительных», а через несколько лет, в «Мнемозине», в статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие», он утверждал, что Жуковский и Батюшков лишь «*на время* стали корифеями наших стихотворцев». «Будем благодарны Жуковскому, — писал он дальше,— что он освободил нас из-под ига французской словесности и от управления нами по законам Лагарпова лицея и Баттеёва курса, но не позволим ни ему, ни кому другому, если бы он владел и вдесятеро бо́льшим перед ним дарованием, наложить на нас оковы немецкого или английского владычества» («Мнемозина», 1824, ч. II, стр. 34 и 40).

Редакцией «Литературного наследства» обнаружена в Отделе письменных источников ГИМ рукопись Кюхельбекера «Молитва господня, объясненная стариком-учителем своей двенадцатилетней ученице», 1845 г. (шифр. 74279). В ней Кюхельбекер вспоминает:

«Жуковский меня старше: он пользовался славою лучшего современного поэта России, когда я и не вступал еще в свет. Ребенком я изучал его стихотворения: они согревали мое сердце, питали воображение. Наконец, я покинул мирный приют, в котором вырос, — и первым моим желанием было увидеть самого поэта лицо к лицу, познакомиться, сблизиться с ним. В 1817 году привел меня к нему покойный Гнедич. Жуковский жил тогда в доме одного своего приятеля и находился в покоях хозяина; пошли доложить ему о нашем приходе. И по сию пору с наслаждением вспоминаю тот благоговейный трепет, с каким осматривал я его мебель, его книги, его кабинет, то святилище, где в то время создавал он своего чудно-прекрасного „Вадима“.

Он вошел: в его добродушных, задумчивых глазах я прочел душу такую, каких не много. И он полюбил меня, он удостоил меня своей дружбы. Потом... Но зачем вспоминать то, за что заплатил я двадцатилетними страданиями? Жуковский не лишил меня своего сердечного участия и тогда, когда я пал в бездну злополучия».

[18] Из записей, сделанных Кюхельбекером в том же дневнике 27 сентября 1833 г., 12 и 27 сентября 1834 г., видно, что взгляд его на прозу Карамзина изменился.

[19] «Опыт теории налогов» Н. И. Тургенева вышел в 1818 г. (вторым изданием — в 1819 г.). После 1825 г. книга была запрещена царским правительством.

[20] Первая сцена «Ижорского» была напечатана в «Сыне отечества» в 1827 г.; три сцены — в альманахе «Подснежник» на 1829 г.; две части были изданы Пушкиным, без обозначения имени автора, в 1836 г.

[21] Сочинение до нас не дошедшее.

[22] «Словарь древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопова в трех частях вышел в 1821 г. Выдержки печатались в «Вестнике Европы» в 1815 г. О них, конечно, идет речь (см. об этом стр. 365 настоящего тома).

[23] Маркевич имеет в виду убийц Павла I (ср. X строфу оды «Вольность» Пушкина: «Он видит — в лентах и звездах... идут убийцы потаенны»).

[24] Об отце Кюхельбекера см. стр. 399 настоящего тома.

[25] В неизданной части «Записок» Маркевич писал о Дельвиге: «Дельвиг необыкновенно владел стихом <...> Все же он нам нравился менее своих товарищей. Род поэзии, им избранный, был не по нас: подделка под русскую простонародную песню, пастушеское направление других, слепки с древней антологии — все это как-то мало говорило нашим сердцам» (ИРЛИ, ф. № 488, оп. 82, л. 61).

[26] В неизданной части «Записок» Маркевич писал о Баратынском: «Все мы любили его стихи; живые, гармонические, свежие, глубоко и сильно прочувствованные, отчетливо и точно выраженные, они были приняты нами с полным наслаждением. К тому же в этих стихах всегда была мысль; это был поэт-мыслитель; для нас, да и для всей России, поэт-мыслитель был неожиданною новостью» (там же, л. 63 об.).

[27] Павел Воинович Н а щ о к и н (1800—1854) — близкий друг Пушкина.

[28] Интересно, что почти все перечисленные Маркевичем посетители вечеров Кюхельбекера—это либо бывшие члены «бурцовского кружка», либо будущие декабристы.

[29] Стихотворение Кюхельбекера «К М. К. Кюхельбекеру. На смерть Т. И. Вас...ой» («О друг! уж нет ее, уж нет твоей Темиры...») («Невский зритель», 1820, апрель, стр. 58).

[30] Пушкин вернулся из Михайловского в августе 1819 г. и жил у родителей на Фонтанке, у Калинкина моста, в доме Клокачева.

[31] Поэма «Руслан и Людмила» была окончена 26 марта 1820 г.

[32] Пушкин подарил Маркевичу стихотворения: «К П. П. Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин...») (1817 г.) и «Ответ на вызов написать стихи в честь государыни имп. Елизаветы Алексеевны» («На лире скромной, благородной...») (1818 г.). Последнее стихотворение по автографу, принадлежащему Маркевичу, было опубликовано в 1896 г. («Журнал для всех», 1896, № 8, стр. 482). В настоящее время оба автографа находятся в ИРЛИ (архив Маркевича, ф. № 244, оп. 1, №№ 23 и 26).

Наличие стихотворений в архиве Маркевича подтверждает достоверность его воспоминаний.

[33] В рукописи воспоминания о прощальных визитах к Пушкину и Кюхельбекеру отсутствуют — часть листа вырезана.

ВОСПОМИНАНИЯ А. РЫПИНСКОГО О ВСТРЕЧАХ С КЮХЕЛЬБЕКЕРОМ В ДИНАБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ

Публикация Д. Б. Кацнельсон

Ценным источником изучения жизни декабристов являются мемуары польских патриотов. Участники польского национально-освободительного движения тридцатых и сороковых годов, сосланные на каторгу и на поселение в Сибирь, встретились там с декабристами. Русские революционеры заботились о польских патриотах, оказывали им материальную и моральную поддержку. Между русскими и поляками, подвергнувшимися репрессиям со стороны царского правительства, завязалась братская дружба. Многие из ссыльных поляков (Руфин Пиотровский, Юлиан Сабинский, Гаспар Машковский и др.) оставили мемуары, в которых вспоминают о декабристах с чувством любви и благодарности. Поляки рассказали читателям Польши, России, Западной Европы (некоторые мемуары появились за границей) о самоотверженной любви декабристов к родине, об их душевной красоте, о стремлении ссыльных русских революционеров облегчить жизнь местного населения, просветить его; подчеркивали, что простые люди, жители Сибири, преклонялись перед декабристами [1].

Среди польских мемуаров, посвященных декабристам, особо выделяются воспоминания Александра Рыпинского о Кюхельбекере. Рыпинский — поэт и фольклорист, участник польского восстания 1830—1831 гг.; в Сибири он не был: после разгрома восстания Рыпинский эмигрировал во Францию. С Кюхельбекером он познакомился в конце двадцатых годов: Кюхельбекер был заключен в Динабургскую крепость, а Рыпинский учился в Динабурге в школе прапорщиков. О знакомстве с Кюхельбекером Рыпинский рассказывает в одном из примечаний к своей книжке «Белоруссия» («Białoruś». Paryż, 1840, str. 22—25). Это — первое появившееся в печати свидетельство очевидца о судьбе одного из участников восстания 14 декабря. Перед читателем предстал образ декабриста, патриота и героя, обреченного царем на медленную мучительную смерть. Рассказ поляка Александра Рыпинского о дружбе с Кюхельбекером представляет интерес и для истории русско-польских культурных связей.

Воспоминания Рыпинского рассказывают о дружеском общении с Кюхельбекером самого автора и двух его товарищей по школе прапорщиков — Александра Понговского и Тадеуша Скржидлевского. Они навещали декабриста, заключенного в крепости, читали с ним вместе [2], помогали ему переписывать его литературные произведения.

Рыпинский не принадлежал к демократическому крылу польского национального движения: в его общественно-политических взглядах были элементы шляхетского консерватизма и национализма. Как известно, большинство тайных шляхетских обществ двадцатых годов считало основным пунктом своей программы восстановление Польши в границах 1772 г. Требование шляхты присоединить к Польше белорусские и украинские земли противоречило прогрессивному историческому развитию белорусского и украинского народов и было подвергнуто критике со стороны Рылеева и Н. М. Муравьева. Декабристы утверждали, что Польша должна быть восстановлена в своих этнографических границах. Крупнейшее тайное шляхетское общество «Towarzystwo patryotyczne narodowe» было консервативным по своей социальной программе. Переговоры представителей «Национального патриотического общества» с Пестелем, Бестужевым-Рюминым и Муравьевым обнаружили расхождение между польской организацией и декабристами во взглядах на общественно-политические и социальные вопросы. «Национальному патриотическому обществу» было чуждо выдвигавшееся

Пестелем (в «Наказе Временному верховному правлению») требование демократического переустройства политического и социального строя Польши [3].

Русские дворянские революционеры, как известно, выдвинули лозунг независимости Польши. Героическая борьба декабристов против самодержавия оказывала воздействие на развитие прогрессивного направления в польском национальном движении, пробуждала в поляках чувство братской солидарности, стремление связать свою борьбу за независимость родины с борьбой передовых русских людей. Во время восстания 1830—1831 гг. большой популярностью пользовался среди прогрессивных патриотических кругов, в частности среди трудовых масс Варшавы, лозунг «За нашу и вашу свободу!». 25 января 1831 г. восставшая Варшава траурной манифестацией почтила память казненных декабристов. В манифестации вместе с обществом «Патриотический клуб» приняли участие народные массы[4]. Любовь к декабристам, преклонение перед их высоким подвигом, солидарность с теми, кто продолжал освободительную борьбу в России,—нашли яркое выражение во многих документах польской народной революционной организации «Люд польский» (1835—1846) [5].

В книжке Рыпинского «Białoruś» сказались противоречия, присущие идеологии автора, который, как сказано, хотя и был участником борьбы за независимость Польши, не принадлежал к числу борцов-демократов. С одной стороны, Рыпинский выражает в своей книге ненависть к царскому самодержавию, сочувствие декабристам, восторгается богатством и поэтичностью белорусского народного творчества, с другой — отрицает национальную самобытность белорусского народа и проповедует гармонию между классовыми интересами польской шляхты и белорусского крестьянства.

Книжка Рыпинского состоит из рефератов о белорусском фольклоре, прочитанных в 1839 г. на заседаниях польского «Литературного общества» в Париже. Рыпинский хотел, по его собственным словам, поделиться с товарищами по изгнанию воспоминаниями о родных местах (родился он в Новогрудском повете), познакомить их, хотя бы по памяти, с поэтическими произведениями, созданными белорусским народом (записи, сделанные Рыпинским, пропали во время восстания 1830—1831 гг.). Особенно подробно описывает Рыпинский народные похоронные и свадебные обряды, игры и пляски и приводит сопутствующие им песни. В книжке «Białoruś» почти не представлены обличающие польских помещиков и ксендзов сатирические сказки, предания и песни, которыми богат белорусский фольклор. Автор не пользовался приемами научной записи, фольклорные материалы, приведенные в его книге, отрывочны и даны в ложном тенденциозном толковании, поэтому научного значения «Białoruś» почти не имеет.

Эта книжка известна в русской и белорусской фольклористической и этнографической литературе. Ее знал П. А. Бессонов, ошибочно именующий автора Кыпинским [6]; несколько страниц посвящает ей А. Н. Пыпин в «Истории русской этнографии». «Автор не замечает внутреннего противоречия всей своей книжки,— пишет Пыпин,— он с жаром говорит о необходимости изучения народности, в данном случае белорусской, ждет здесь открытия национальной святыни — и в то же время признает эту народность только как польскую и, собственно говоря, желает ей исчезнуть» [7]. Отрицание национальной самобытности белорусского народа, которым проникнута книга Рыпинского, было справедливо осуждено передовыми представителями белорусской общественной мысли и фольклористики. Рыпинский не понимает исторического смысла русско-польских отношений начала XVII в., он с симпатией говорит о гетмане Жулкевском, осуществлявшем захватническую политику польских феодалов, — и это тоже характеризует шляхетско-националистические тенденции книги. Однако популярность декабристов в Польше была так велика, что даже столь далекие от демократического лагеря участники национального движения, как Рыпинский, восхищались подвигом русских революционеров, преклонялись перед ним. Знакомство с Кюхельбекером усилило протест Рыпинского против реакционной политики царского правительства, пробудило чувство солидарности с декабристами, вдохновило на борьбу за независимость Польши. Рыпинский рассказывает о том, какой большой след в его жизни оставило знакомство с Кюхельбекером, утверждает, что образ героя-декабриста навсегда сохранился в его душе.

Воспоминания Рыпинского должны занять значительное место среди мемуарных рассказов о Кюхельбекере. В этих воспоминаниях нашла свое отражение беззаветная преданность Кюхельбекера родине, несгибаемая сила его духа, многогранная образованность. Перед читателем возникает благородный и трагический образ русского поэта-революционера. Воспоминания Рыпинского проникнуты благоговейной любовью к герою-декабристу, восхищением его патриотическим подвигом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. R. P i o t r o w s k i. Pamiętniki z pobytu na Syberii ⟨Р. П и о т р о в с к и й. Записки, созданные во время пребывания в Сибири⟩. Poznań, 1860, t. III, str. 7—8; M. J a n i k. Dzieje Polaków na Syberii ⟨М. Я н и к. История поляков в Сибири⟩. Kraków, 1928, str. 108, 199—204 (здесь приведены воспоминания Машковского и Сабинского); «Opisanie Zabajkalskiej krainy w Syberii», przez Agatona G i l l e r a ⟨Описание Забайкальского края Сибири, сделанное Агатоном Г и л л е р о м⟩. Lipsk, 1867, t. I, str. 285—286, а также другие мемуарные источники. Отрывки из воспоминаний ссыльных поляков о декабристах приведены в книге Леона Баумгартена «Декабристы и Польша» ⟨Leon B a u m g a r t e n. Dekabryści a Polska⟩. Warszawa, 1952.

[2] В августе 1830 г. Тадеуш Скржидлевский писал Кюхельбекеру: «Посылаю кой-что новое Мицкевича Рыпинскому, пусть он с Вами их прочтет» («Декабристы и их время», 1951, стр. 41) (см. ниже прим. 1 к тексту «Воспоминаний» Рыпинского).

[3] См. статью: И. И. Б е к к е р. Декабристы и польский вопрос. — «Вопросы истории», 1948, № 3, стр. 65—74.

[4] См. описание манифестации в статье: Е. Д а н е л е в и ч. Powstanie listopadowe ⟨Ноябрьское восстание⟩. — «Wiadomości historyczne», 1952, № 3, а также в названном сочинении Л. Баумгартена (стр. 197—205) и др.

[5] «Lud Polski w emigracji» ⟨Польский народ в эмиграции⟩. Jersey, 1854, str. 251 и др.

[6] «Белорусские песни с подробными объяснениями их творчества и языка, очерками народного обряда, обычая и всего быта». Издал Петр Бессонов. М., 1872, стр. XXIII.

[7] А. Н. П ы п и н. История русской этнографии т. IV. Пб., 1892, стр. 44.

⟨ВОСПОМИНАНИЯ А. РЫПИНСКОГО⟩*

Василий Карлович Кюхельбекер — тот самый, который, после того как раскрыли большую тайную организацию в Петербурге в 1825 г., был схвачен в Варшаве каким-то унтер-офицером, когда он, спасаясь бегством, пробирался, переодетый кучером, в Германию.

Я познакомился с ним в крепости Динабург, когда он, приговоренный к 15-ти годам каторжных работ, лишенный рангов, чинов, орденов и дворянского звания, уже почти пятый год нес бремя тяжелого наказания; не раз я с товарищем Александром Понговским или Тадеушем Скржидлевским [1] убегали из школы прапорщиков навещать его то в лазарет, то опять в тюрьму.

Этот человек великой души, немец или швед по фамилии, родился где-то в окрестностях Петербурга или в самой столице и был истинным сыном своей новой родины, которую больше жизни любил, так же, как сами Рылеев, Бестужев и Пестель ⟨...⟩ Ему предстояло перед изгнанием в Сибирь провести еще несколько лет в Динабурге, и он спокойно просидел бы эти годы в своей камере в халате, если бы посещения тюрьмы проезжавшим мимо тираном не нарушали столь дорогого для него покоя[2]; зловещее предзнаменование этих посещений: Кюхельбекеру брили по-арестантски лоб и запрягали больного, с киркой в руке, в тачку.

Как ясный месяц блестит среди бесчисленного множества тусклых звезд, так и его благородное, бледное, исхудалое лицо с выразительными чертами выделялось сиянием духовной красоты среди огромной толпы преступников, одетых, как и он, в серый «мундир» отверженных. Сильное и закаленное сердце, должно быть, билось в его груди, если уста, этот верный передатчик наших чувств, никогда ни перед кем не произнесли

* Перевод с польского.

ни слова жалобы на столь суровую долю. Молчал он — молчал и ждал конца своих страданий!.. О, да, воистину, кто знал его ближе, тот любил, ценил, восхищался и благоговел перед ним, а кто с ним провел хоть несколько вечерних часов, не мог не обнаружить в нем редкого ума, кристально-чистой души и глубокой образованности. Даже на лице солдата, простоявшего хотя бы несколько минут на страже у его дверей, появлялось выражение преклонения и уважения всякий раз, когда неожиданный свет, излучаемый лицом этого необыкновенного узника, ударял ему ⟨солдату⟩ в глаза — ибо кого бы не тронул этот волнующий образ невинно терзаемой небесной добродетели, это повторное издание христовых мук, верное описание которых не под силу моему перу. Еще и сегодня стоит перед моим мысленным взором виденное мною дважды во всем его чарующем сиянии это святое бритое чело, о котором могу сказать только словами Мицкевича:

И голова его, обритая насильем,
Что в тысячной толпе над волнами голов
Так смело высилась, горда и непокорна,
Как образ правоты, замученной позорно,
Как в час перед грозой, меж пенистых валов,
Дельфина голова над шумной глубиною,—
Все это в памяти хранимо будет мною,
Чтоб верным компасом на жизненном пути
Меня к великому свершению вести.
И бог меня забудь, когда о том забуду! [3]

⟨...⟩ Единственным его занятием, единственной отрадой в тюрьме была литература. Я переписывал ему, помню, по-русски для печати прекрасную трагедию под заглавием «Шуйские», из времен захвата Москвы Жулкевским [4]; это произведение его почтенная мать должна была анонимно опубликовать в его пользу. Меня привлекло к нему то, что в этом произведении он наделил нашего великого полководца благородным характером, а еще больше то, что он привел дословный перевод с польского речи Жулкевского, взятой из исторических песен уважаемого ветерана польской литературы, которого мы в нашем обществе по заслугам почитаем [5] ⟨...⟩ В этой работе мы сами все ему помогали...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В сб. «Декабристы и их время» (1951) опубликовано письмо Ф. Э. Скржидлевского (имя Тадеуш переводилось на русский язык — Фаддей) Кюхельбекеру (1830) в Динабург (стр. 40—41, публикация В. Н. Орлова). Фамилия прочитана неверно (Скржадлевский); в письме упоминается и Рыпинский. В. Н. Орлов на основе опубликованного им письма Скржидлевского справедливо утверждает, что поляки Скржидлевский и Рыпинский относились к Кюхельбекеру дружески, прекрасно знали его произведения и сыграли существенную роль в занятиях Кюхельбекера польским языком, в ознакомлении его с польской поэзией. Комментируя письмо, В. Н. Орлов не дает, однако, никаких сведений о Скржидлевском и Рыпинском. Приводимое воспоминание Рыпинского, в котором упоминается и Скржидлевский, освещает историю дружеского общения Кюхельбекера с польскими патриотами в Динабурге.

[2] Динабург находился на пути из Петербурга в Германию. Николай I и члены его семьи во время поездок за границу останавливались на ночевку в Динабурге.

[3] Рыпинский цитирует драматическую поэму Мицкевича «Дзяды» (III часть, 1832), монолог узника-патриота Яна Соболевского (I сцена; стихи Мицкевича приводим в переводе В. Левика. — Собр. соч. Мицкевича. Т. III. М., 1952, стр. 147). Соболевский рассказывает товарищам по заключению о впечатлении, которое произвела на него встреча у ворот тюрьмы с польским юношей-борцом, жертвой царских репрессий; бритый по-арестантски, закованный в кандалы, он должен был следовать по этапу в Сибирь; мужественный юноша обратился к собравшейся около тюрьмы толпе с призывом к национально-освободительной борьбе. В III части «Дзядов» Мицкевич тепло и с любовью нарисовал образ декабриста А. А. Бестужева и другого, не названного по фамилии русского офицера (как полагают, Рылеева); поэт показал, что их связывают с польскими патриотами узы дружбы и братства (VIII сцена).

[4] О трагедии Кюхельбекера «Шуйские»—см. стр. 689 настоящего тома.

[5] Речь идет об «Исторических песнях» (Spicury historyczne, 1816) известного польского поэта-драматурга, сподвижника Костюшки, Юлиана Немцевича. Кюхельбекер, вслед за Рылеевым, интересовался творчеством Немцевича. Кюхельбекер читал его сочинения на польском языке (см. П у ш к и н, т. XIV, стр. 116—117)

Далее следуют строфы из «Думы о Станиславе Жулкевском» Ю. Немцевича.

НОВОЕ О ТРАГЕДИИ КЮХЕЛЬБЕКЕРА «АРГИВЯНЕ»

Сообщение Э. Э. Найдича

Трагедия «Аргивяне» занимает значительное место в литературном наследии Кюхельбекера. Это произведение, написанное в годы, предшествующие декабрьскому восстанию, чрезвычайно существенно для выяснения идейных и литературно-эстетических взглядов поэта-декабриста.

Кюхельбекер стремился поставить в своей трагедии наиболее существенные вопросы современности, создать высокие образы гражданской доблести. За сюжетом, взятым из греческой истории, легко угадывалось подлинное содержание трагедии: Отечественная война 1812 года и роль русского народа в победе над врагом, протест против крепостного рабства, резкое осуждение самодержавия — тирании Александра I, вопросы революционной тактики декабризма.

Трагедия Кюхельбекера, за исключением нескольких отрывков, не была напечатана при жизни автора. Впервые «Аргивяне» были опубликованы лишь в 1939 г., во второй окончательной редакции 1824—1825 гг. [1] Эта публикация содержит пролог, первые два акта и небольшие отрывки из третьего действия. Полный текст «Аргивян» в окончательной редакции не сохранился. Однако до нас дошла рукопись первой редакции 1822 года: пять действий, одно большое междудействие и замечания автора [2].

Первая редакция «Аргивян», за исключением междудействия [3], до сих пор остается неопубликованной и почти не использованной для изучения творчества Кюхельбекера [4].

В первом разделе настоящей статьи сообщаются некоторые новые данные, существенные для истории работы Кюхельбекера над «Аргивянами» и для истории опубликования трагедии.

Во втором разделе, на основе анализа текста двух редакций, рассматривается идейное содержание «Аргивян» и приводятся отрывки из первой неопубликованной редакции *.

I

Замысел трагедии сложился у Кюхельбекера в конце 1821 г. 6 февраля 1822 г. был закончен первый акт, в течение 1822 г. Кюхельбекер интенсивно работал над «Аргивянами» и в конце года завершил первую редакцию.

Из неопубликованного письма Кюхельбекера к сестре Ю. К. Кюхельбекер от 20 января 1823 г. [5] можно почерпнуть новые сведения о трагедии. Так как это письмо почти целиком посвящено «Аргивянам», мы приводим его полностью:

«Милая Уленька.

Я начал мое письмо навыворот, но так и быть, ты как-нибудь его прочтешь! Pletneff désire que ma tragédie soit reçue au théâtre; moi aussi;

* Текст первой редакции «Аргивян», цитируемый в отрывках, подготовлен к печати Е. П. Федосеевой.

demandez-lui, s'il connait des moyens pour le faire? Je ne le crois pas *. Впрочем, в таком случае мне самому непременно должно побывать в С.-Петербурге: 1. Я ее даром не отдам; 2. Я должен найти для хоров композитёра. Со следующей почтой я тебе ее перешлю: отдай ее Плетневу, пусть он прочтет ее Жуковскому, отпечатает несколько отрывков в журналах, отдаст ее потом для прочтения Эртелю [6], причем, однако ж, сделает милость, будет несколько дядькою оного Эртеля, да сей германец не погубит исчадие мое.

Потом уже попрошу тебя, милый друг, поговорить с Жуковским о продаже: спроси, берется ли он представить ее в дирекцию? Может ли найти композитёра? Надеется ли доставить мне 2000 или 3000 рублей? Менее двух тысяч я не возьму. — Если тебе не в труд, то сделай еще следующее: поезжай вместе с матушкою к князю Трубецкому [7] и попроси его, чтоб он наведался от Шаховского или Катенина, лучше, однако ж, от первого, как учинить все нужное, чтоб заставить театральную дирекцию расщедриться. Быть может, он, т. е. Трубецкой или Шаховской, возьмется за то, тогда вели переписать для них экземпляр. Кроме того, ты из письма к матушке увидишь, что я прошу вас переслать список к Грибоедову.

Целую ручки Анне Ивановне [8] и прошу бога о ее скором выздоровлении. Наталии и Эмилии Федоровне [9] свидетельствую искреннейшее мое почтение. Сестра к тебе не пишет, потому что готовит письмо к матушке, но просит тебя быть и впредь такою умницею и исправницею и не забывать нас. Любящий тебя брат

В. Кюхельбекер

Поклон Комовскому [10] и Дельвигу».

На обороте публикуемого письма Кюхельбекер привел текст стихотворения: «А. С. Грибоедову, при отсылке к нему в Тифлис моих „Аргивян“». Это стихотворение он, очевидно, просил переслать Грибоедову вместе со списком трагедии. Тексту стихотворения предпослана следующая надпись: «Pièce de vers pour la faire imprimer dans le „Сын отечества“» **.

Просьба Кюхельбекера была вскоре исполнена. Стихотворение появилось на страницах «Сына отечества» 1823 г. [11] Таким образом, название новой трагедии Кюхельбекера, имена ее главных героев стали известны читателям еще до опубликования отрывков.

Друзьям поэта сразу же сделалось ясно, что трагедию в таком виде не только нельзя поставить на сцене, но нельзя и печатать [12]. Е. А. Энгельгардт, бывший директор Царскосельского лицея, поддерживавший дружеские отношения с Кюхельбекером, писал ему 12 июня 1823 г.: «... „Аргивян“ ныне *тебе* печатать нельзя ⟨...⟩ в „Аргивянах“ есть множество мест, мыслей, выражений, из коих могут извлечь яд, чтобы тебя отравить, погубить. Я передал все Гнедичу и Жуковскому; они, кажется, к тебе хорошо и искренно расположены; они вместе внимательно прочитают твое сочинение и произнесут приговор решительный» [13].

Авторизованный список первой редакции «Аргивян» был передан Жуковскому, но отзыва Жуковского не последовало. Почти через год А. А. Дельвиг писал Кюхельбекеру: «Ему ⟨Жуковскому⟩ очень совестно, что он не отвечал тебе, и оправдывается только тем, что у него очень мало свободного времени...» [14]

Жуковскому был, конечно, глубоко чужд гражданский пафос трагедии Кюхельбекера; рукопись первой редакции «Аргивян» так и оста-

* Плетнев желает, чтобы моя трагедия была поставлена на театре; я также; спросите его, не знает ли он, как этого добиться? Я в это не верю (франц.).

** Стихотворение для напечатания в «Сыне отечества» (франц.).

лась лежать среди его бумаг. Вместе с архивом Жуковского она была передана в 1884 г. в Публичную библиотеку, где хранится и поныне.

В 1951 г. в сборнике «Декабристы и их время» появилась публикация Б. В. Томашевского «Забытый отрывок из „Аргивян" В. Кюхельбекера». В комментарии к отрывку указано: «Мимо внимания исследователей прошло то, что в „Сыне отечества" 1838 г. (т. IV, июль, стр. 7—15) был напечатан без подписи отрывок трагедии, не находящийся в автографе» [15]. Этот отрывок — «Междудействие из III акта трагедии Аргивяне» — полностью перепечатан в указанном сборнике.

На основе анализа отдельных стихов из «Междудействия» автор комментария делает вывод, что некоторые сцены, несомненно, были написаны «уже после ссылки декабристов» и содержат «самооценку подвига декабристов». В комментарии утверждается, что Кюхельбекер продолжал работу над «Аргивянами» в ссылке.

Между тем опубликованный в «Сыне отечества» отрывок полностью совпадает с текстом рукописи, принадлежавшей Жуковскому, то есть является отрывком из первой редакции «Аргивян» 1822 г. Таким образом, утверждение, будто некоторые сцены «Междудействия» были написаны после 14 декабря, оказалось неверным.

До сих пор оставался не освещенным интересный эпизод из истории отношений Кюхельбекера и Жуковского — эпизод, связанный с опубликованием отрывка в «Сыне отечества». 24 мая 1838 г. Кюхельбекер, находясь в далекой сибирской ссылке, писал Жуковскому: «Нужда, милостивый государь, заставляет меня повторить просьбу, с которою я обращался уже к кое-кому без успеха; исходатайствуйте мне позволение вырабатывать хлеб насущный литературными безымянными трудами ⟨...⟩ Теперь речь не о славе, о которой хлопотал я, когда переслал Вам — помните ли? из Смоленской губ⟨ернии⟩ своих *Аргивян*; а, повторяю, о хлебе насущном, и не для меня, а для безвинного моего семейства» [16].

Жуковский попытался исполнить эту просьбу. Вскоре на страницах июльской книжки «Сына отечества» 1838 г. появился отрывок из «Аргивян», полностью совпадающий, как сказано, с текстом рукописи, принадлежавшей Жуковскому. Несмотря на запрещение печатать литературные труды Кюхельбекера (даже безымянно), Жуковский, очевидно, передал в редакцию журнала этот отрывок. Редактором «Сына отечества» фактически был в это время Н. А. Полевой; ему, несомненно, было известно, что это стихи Кюхельбекера. В общем указателе к журналу за 1838—1839 гг. имя автора почти раскрыто (*К—ра*. Междудействие траг. *Аргивяне*).

Как известно, хлопоты Жуковского о разрешении печатать без имени произведения Кюхельбекера не увенчались успехом. В начале 1840 г. последовал окончательный отказ Николая I [17].

Возвращаясь к ходу работы Кюхельбекера над «Аргивянами», следует сделать несколько замечаний о второй редакции трагедии.

Во II части «Мнемозины» (ценз. разр. 14 апреля 1824 г.) появился «Пролог трагедии с хорами: Аргивяне». Пролог представляет собою переработку первого акта первой редакции. Пролога в подлиннике не сохранилось. Весною 1825 г. Кюхельбекер подготовил к печати первое и второе действия «Аргивян» во второй редакции (соответствующие второму и третьему действиям в первой редакции). Сохранилась рукопись, озаглавленная Кюхельбекером «Отрывок трагедии» и содержащая эти два действия [18]. Однако и в этой редакции второе действие не удовлетворило поэта. В апреле — мае 1825 г. Кюхельбекер сообщил В. Ф. Одоевскому, что 2-й акт «Аргивян» написан, но требует «больших поправок» [19].

Текст второго действия трагедии испещрен исправлениями Кюхельбекера. Оба действия впервые напечатаны по указанной рукописи в издании 1939 г., с учетом авторской правки. Кюхельбекер из этой рукописи

опубликовал лишь два хора в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» 1825 г. (ч. VI и VII).

5 апреля 1825 г. Кюхельбекер сообщал В. Ф. Одоевскому: «Четвертый акт моей трагедии готов: берег! берег!» [20].

Текст двух последних действий «Аргивян» в окончательной редакции до нас не дошел. Сохранились лишь черновые автографы трех небольших отрывков из третьего действия, завершающих публикацию окончательной редакции «Аргивян» в издании 1939 г. Вот почему для тщательного анализа трагедии необходимо использовать неопубликованную первую редакцию, включающую в себя все пять действий.

II

Сюжет «Аргивян» — борьба двух братьев, тирана Тимофана и республиканца Тимолеона, — заимствован из греческой истории (Плутарх, Корнелий Непот). Трагедия заканчивается убийством тирана и торжеством республиканцев.

В прологе к трагедии ставится один из тех вопросов, вокруг которых велась ожесточенная борьба между прогрессивными и реакционными кругами русского общества: кому обязана Россия победой в Отечественной войне 1812 года?

Тимолеон

Кто первый был в спасителях Коринфа?
В Афинах Мильтияд просил венка,
Врагов пресилив в битве Марафонской,
И был ему ответ: «Пусть Мильтияд
Рать персов в бегство обратит один,
И будет вознесен один пред всеми!» [21]

Взгляд Кюхельбекера на роль русского народа в войне 1812 года был близок к взгляду Грибоедова, задумавшего написать трагедию, посвященную Отечественной войне. Кюхельбекер работал над первым действием (соответствующим прологу второй редакции) в Тифлисе в творческом общении с Грибоедовым.

Сформулированные Грибоедовым в набросках к драме «1812 год» мысли о положении русских воинов после войны 1812 года: «М. возвращается под палку господина... отчаяние... самоубийство» [22] — находят соответствие в «Аргивянах». В ответ на лицемерные фразы тирана:

Сограждане! почто сей шум и вопли?
Вкусите сладкий отдых после бо́ев

один из воинов — Аристон — заявляет:

Мы на тебя восстали, обольститель!
Ты вольность нам сулил, а рабство дал!
(Кюхельбекер, т. II, стр. 34—35).

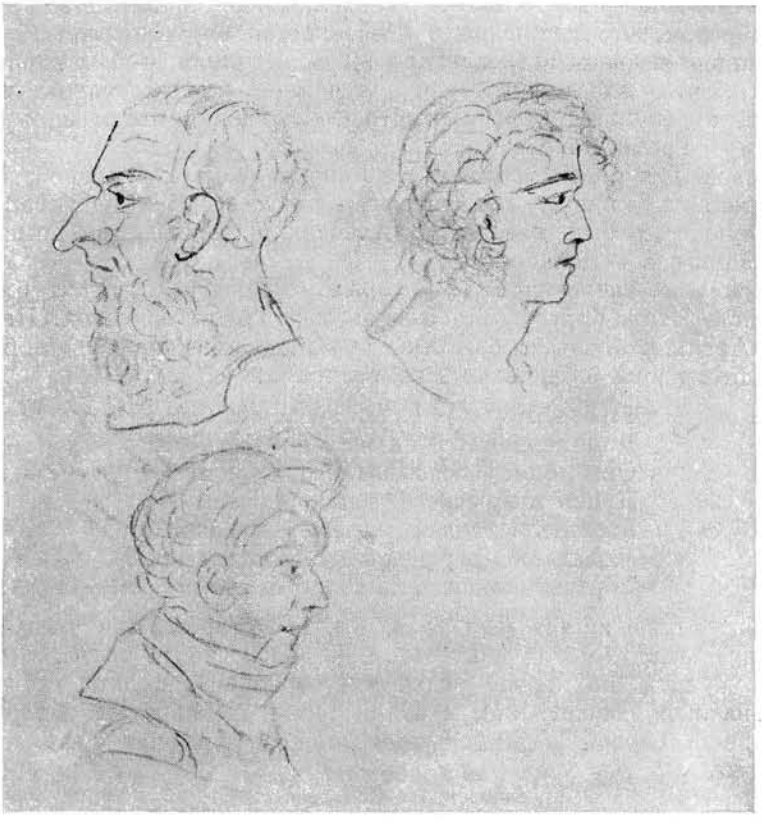
Не желая покориться игу тирана, Аристон кончает жизнь самоубийством.

В стихотворении «А. С. Грибоедову, при отсылке к нему в Тифлис моих „Аргивян“» Кюхельбекер говорил о Грибоедове как о своем учителе. Как и Грибоедов, Кюхельбекер боролся за идейность и самобытность русской поэзии, выдвигая на первый план жанр оды и «высокой» трагедии.

Наброски драмы Грибоедова «1812 год» и представляют собою попытку создать «высокую» трагедию. Стилистическими особенностями «Аргивяне» напоминают некоторые сцены грибоедовской пьесы. Так,

например, междудействие в III действии «Аргивян» разработано теми же приемами, что и междудействие, происходящее в Архангельском соборе в пьесе «1812 год».

Основной мотив обоих междудействий — пророчество. У Грибоедова «тени давно усопших исполинов — Святослава, Владимира Мономаха, Иоанна, Петра и проч., из разных стихий сложенные и с познанием всего, от начала века до днесь <...> пророчествуют о године искупления для России, если не для современников, то сии, повествуя сынам, возбудят в них



РИСУНКИ КЮХЕЛЬБЕКЕРА В ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ СТИХОТВОРЕНИЯ «ВОЗРАСТ СЧАСТЬЯ»
Тетрадь стихотворений 1818—1825 гг.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

огнь неугасимый, рвение к славе и свободе отечества. Хор бесплотных провожает их и живописным строем представляет их отшествие из храма...» [23] У Кюхельбекера подобное же пророчество произносят Афродита и богини времени — Оры.

Внутренняя связь между «Аргивянами» и набросками трагедии Грибоедова «1812 год» несомненна. Однако перечисленными мотивами она и ограничивается. Драма Грибоедова была задумана в целом как произведение реалистическое, отражающее русскую действительность непосредственно и конкретно; «Аргивяне» же трагедия романтическая, построенная в двух планах: историческом и современном.

В трагедии Кюхельбекера резко противопоставлены два лагеря: тиран Тимофан, поддерживающий его Демарх и иноземные наемники —

с одной стороны, и лагерь республиканцев, борцов за свободу, представленный Тимолеоном, Протогеном, Поликратом, Аристоном, Ксантиппом — с другой.

Изображение борьбы двух лагерей, прогрессивного и реакционного, типично для декабристской драматургии. Именно Кюхельбекер правильно оценил с этой точки зрения драматургические особенности «Горя от ума»: «В „Горе от ума", точно, вся завязка состоит из противоположности Чацкого прочим лицам <...> Дан Чацкий, даны прочие характеры, они сведены вместе и показано, какова непременно должна быть встреча этих антиподов, — и только». «Кюхельбекер справедливо полагает, таким образом, что движение в пьесе дается антагонизмом двух лагерей, — пишет в своем исследовании М. В. Нечкина. — Мы вправе предположить, что это мнение — не случайное умозаключение далекого читателя, а результат многократного обсуждения пьесы и ее замысла с другом — Грибоедовым» [24].

Изображая в своей трагедии столкновение двух лагерей, Кюхельбекер проявил большую политическую смелость. В лице тирана Тимофана в сущности был изображен Александр I, а в лице Тимолеона и его сторонников — декабристы.

При жизни Александра I, который взошел на престол благодаря отцеубийству, тема братоубийства по аналогии была одиозной. Некоторые строки «Аргивян», если бы они были опубликованы, прозвучали бы в свое время как грозное обличение Александра I:

Тебя в Коринфе ждет судьбина злая:
Для подданных не можешь быть отцом,
Они убийцу вспомнят под венцом!
Купив владычество ценой кровавой,
Ужели льстишься мирною державой?
Ужель еще дерзнешь на трон воссесть?
Тиранов никогда не минет месть! [25]

Это было одно из тех мест трагедии, из которых, как предупреждал Е. А. Энгельгардт, могли извлечь яд, чтобы погубить поэта.

Если судить по первой редакции «Аргивян», в лице сторонников Тимолеона изображены, как сказано выше, декабристы. Сторонников Тимолеона в первой редакции трагедии Кюхельбекер называет заговорщиками.

Явление 2-е (III действие)
(входят заговорщики)

Мы вняли твоему, Тимолеон,
Усильному и тайному призванью.
Мы здесь, ты знаешь нас; до одного
Мы все друзья отчизны и свободы!
Открой, чего днесь требуешь от нас?
Что предпринять должны мы для Коринфа?
(лл. 26 об.—27).

На это тайное собрание заговорщиков, происходящее в храме Афродиты, проникает Сатирос — предатель. Он обращается к руководителю заговора Тимолеону: «Дозволь, да буду ваших дел участник». Тимолеон отвечает:

... но мы равны — я младший их товарищ:
(указывая на заговорщиков)
Не мне решить — им только подобает —
Возможешь ли быть принят в наш союз?
(л. 29—29 об.).

Очевидно, в этих строках отражены некоторые черты деятельности ранних декабристских обществ. Известно, что члены декабристских организаций называли себя «заговорщиками», в обществах последовательно проводился принцип равенства участников и т. д. Заговорщики, так же как и декабристы, именуют себя «друзьями отчизны и свободы». «Здесь говорить об общем благе станем», — заявляет Тимолеон, обращаясь к заговорщикам, собравшимся в храме. Кюхельбекер подчеркивает, что личные интересы и страсти должны быть подчинены служению родине, идее общего блага:

Другой заговорщик

На голос твой в сей храм мы притекли,
Тимолеон! и казням жизнь подвергли!
Не ты ль исторг нас из-под крова лар,
Из нежных и боязненных объятий
Сынов и внуков, дщерей, жен и братий?
Мы им Коринфа вольность предпочли
И мы тебя, не медля, покидаем,
Когда нам отрекаешься принесть
На жертву личную вражду и месть.
(л. 30 — 30 об.).

Тимолеон отвечает:

Себя вручаю благостной судьбе!
Да мимо йдет ваша укоризна!
Могу ли днесь и думать о себе,
Когда зовут нас вольность и отчизна.
(л. 30 об.).

Положительные герои «Аргивян» — Тимолеон, Аглая — действуют во имя общего блага, подавляя личные интересы и страсти. Тимолеон руководит заговором, направленным против его любимого брата Тимофана; Аглая, жена Тимофана, выступает как противник тирании.

Героями противоположного лагеря движет своекорыстие:

. . . . . Самый воздух,
Которым дышат во дворце тирана,
Тлетворный, отравляет добродетель!
(л. 23 об.).

Один из наемников говорит:

. . . . . Где вино, веселье, деньги,
Мои пенаты там, и там отчизна:
Все знамена равны для Диомеда!
(л. 35 об.).

В кругу сторонников Тимолеона все равны; во враждебном стане господствует «безмолвное рабов подобострастье».

В «Аргивянах» раскрыта неразрывная связь между декабристским свободолюбием и патриотизмом. Истинные патриоты ненавидят тирана, потому что тиран — враг своего отечества. Тиран не может найти поддержки в своем народе:

Он может на наемников одних
Против отчизны опереться ныне.
(л. 31 об.).

Воспользовавшись фабулой, взятой из Плутарха, Кюхельбекер резко поставил вопрос об антинародном и антинациональном характере тираннической власти. В изображении тирана, окруженного иноземными наемниками, безусловно содержался намек на Александра I и его окружение. Известно, что декабристы возмущались теми преимуществами, которые царь предоставлял иностранцам в правительстве и в русской армии.

Как освободить страну от тирании, как добиться торжества свободы, уничтожить рабство,— в этих вопросах заключена основная тема трагедии. В первой редакции «Аргивян» (1822) изображены две силы, борющиеся против тирании: народ и заговорщики во главе с Тимолеоном, которые действуют в интересах родины, в интересах народа. Заговорщики относятся к народному движению с большой осторожностью, они стремятся ограничить его размах, не допустить «кровопролития». По IV действию неопубликованной редакции «Аргивян» можно судить об отношении Кюхельбекера к народному восстанию:

Опасен светлый сан царев,
Нетвердый щит для багряницы,
Рабов и варваров десницы;
Народный кровожадный гнев...
(л. 41 об.).

Огни и шум; покрыла бледность ли́ца,
Повсюду бешеный мятеж ярится...
(л. 41).

В обрисовке народного восстания сказывается характерная для дворянских революционеров боязнь народного движения («кровожадный гнев», «бешеный мятеж»). Заговорщики в «Аргивянах», видя, что народ, независимо от их воли, восстает против тирана, стремятся ограничить размах восстания и вместе с тем использовать страх перед народным движением как средство для бескровного свержения тирана:

Тимолеон

Готов мятеж народных, шумных сил;
Весь город только знака ждет и вспыхнет:
И днесь пока в гражданах гнев не стихнет
И не погрязнут в гибельный покой
Днесь, днесь еще мы поведем их в бой!
. . . . . .
Когда же вдруг взволнуется народ,
Нахлынет, безоружит стражей сонных
И с воплем бунта к замку потечет,
Да призову пенатов благосклонных
И с словом мира к падшему гряду!
Сложить порфиру брата убежду:
Без битвы сын несчастный Тимодема
От скорбной власти должен отрещись,
С него спадет без битвы диадема
. . . . . .
Не потеряв ниже́ одной главы,
Без крови пробуди́те вольность вы.
(лл. 31 об.—32).

План заговорщиков не был осуществлен. Предатель Сатирос предупредил Тимофана о готовящемся выступлении, и Тимофан с помощью наемников жестоко подавил народное восстание.

Заговорщики избирают «последний грозный путь к свободе» — убийство тирана. Неопубликованная редакция трагедии заканчивается убийством Тимофана. Исчерпав все средства убеждения, Протоген обращается к тирану:

И если на тебя замыслим гибель,
Верь, не спасут тебя твои толпы:
Повсюду и средь копиев корийских
Найдет тебя свободный наш кинжал!

(л. 54).

Существенное отличие второй, неоконченной, редакции от первой состоит прежде всего в том, что Кюхельбекер изменил план действий заговорщиков. Кроме двух сил, выступающих в первой редакции (в 1824—1825 гг.) — народа и тайной организации, здесь много внимания уделено войску:

Тимолеон

Друзья! Начнем свой подвиг: обозрим
Все то, что предпринять нам подобает!
Старшин исследуй и вельмож притан:
Мне, воину, вы предоставьте стан!

(Кюхельбекер, т. II, стр. 15).

Во второй редакции появляются новые действующие лица — воины Тимолеона, Аристон, Ксантипп, а также другие воины (без обозначения имен).

Характерно, что Тимолеон и Ксантипп свои агитационные речи обращают не ко всему народу, а только к войску. Подобные обращения отсутствуют в первой редакции. В окончательной редакции «Аргивян» отразилась декабристская тактика военной революции. Вопросы, связанные с тактикой военной революции, конкретно и с особой остротой стали перед декабристскими организациями позднее — в 1824—1825 гг., в период подготовки восстания. К этому периоду и относится работа Кюхельбекера над второй редакцией «Аргивян». Кюхельбекер ввел во вторую редакцию трагедии сцену, посвященную восстанию военных соединений против тирана. Введение этой сцены, повидимому, было вызвано ориентацией декабристов на военную революцию:

Стефанос

Вторая и шестая сотни, царь,
Истмийских воинов толпятся в стогнах;
В бесславных песнях нас, тебя поносят,
Всех граждан воззывают на мятеж!

Тимофан

. . . . . .
Что прочие коринфские дружины?

Стефанос

Спокойны; но не восхотели с нами
Товарищей строптивых укротить!

Тимофан

Я усмирю их буйную надменность!

(Кюхельбекер, т. II, стр. 31).

Из дополнений ко второй редакции трагедии следует также отметить эпизод с самоубийством Аристона. В тот момент, когда тирану удалось

склонить на свою сторону войско, сторонник Тимолеона Аристон кончает с собой. Самоубийство Аристона Кюхельбекер рассматривает как своеобразную форму протеста.

Такая трактовка самоубийства восходит к «Путешествию из Петербурга в Москву» Радищева (образ республиканца Катона младшего. Гл. Крестьцы) и к радищевской традиции в русской передовой литературе начала века. С «Путешествием» Радищева Кюхельбекер, несомненно, был хорошо знаком.

Интересна и сцена похорон Аристона:

Ксантипп

(с могильного холма)

. . . . . .

. . . . . он пал за нашу вольность,
Он за любезную Отчизну пал!—
Пред урною его с главы сстригаю
Власы свои, клянусь . . . . . .

. . . . . .

Родимый край исторгнуть из неволи
Иль умереть, как умер Аристон!

(Кюхельбекер, т. II, стр. 51).

У могилы Аристона воины вслед за Тимолеоном повторяют клятву об освобождении родины. Сцена эта, написанная за несколько месяцев до декабристской манифестации на похоронах Чернова, еще раз свидетельствует о том, в какой степени вопросы, поднятые в «Аргивянах», были продиктованы революционной тактикой декабризма, подчеркивает агитационную направленность трагедии, демонстрирующей образцы революционной тактики.

В трагедии Кюхельбекера затронут еще один вопрос, усиленно обсуждавшийся в тайных обществах: вопрос о том, как поступить с царем и царствующей фамилией после революционного переворота. Деятели правого крыла Северного общества полагали, что если царь отклонит конституцию, принятую Великим собором, то его следует захватить и отправить за границу вместе со всей царствующей фамилией; Рылеев же и деятели левого республиканского крыла Северного общества требовали убийства царя и истребления царствующей фамилии [26]. В дальнейшем эти вопросы были предметом особого внимания Следственной комиссии по делу декабристов. В неопубликованной редакции 1822 г. отражены споры по этому вопросу, происходившие в ранних декабристских организациях, отражена и собственная позиция Кюхельбекера:

Протоген

В свободном городе не может боле
Дышать и жить сидевший на престоле...

Один из заговорщиков

Ему мы жизнь дарим; но мы согласны
С твоею мудрой волей, Протоген;
Пусть устрашится наших вольных стен...

Тимолеон

Преступный, но душе любимый брат;
Тебе в отчизну затворен возврат!
Прости! Иди в чужбину, друг несчастный!
И я тебя, я должен удалить!

(л. 33 об.).

Во второй редакции трагедии также отстаивается эта точка зрения, а убийство царя рассматривается как последнее, крайнее средство.

Вопрос об убийстве тирана интересует Кюхельбекера и в плане революционной морали. Необходимое для торжества свободы убийство тирана в заключительном хоре V акта трагедии получало, например, такое истолкование:

I. Корифей

...Рока строгого споспешник
Сам себя казнил тиран!

II. Корифей

Сам расстался с небосклоном,
Сам покинул пляску Ор;
Не сражен Тимолеоном,
Он нарушенным законом
Сам решил свой приговор!

(л. 58 об.).

Моральную ответственность за убийство тирана автор возлагает на самого тирана, нарушившего закон.

В ту пору, когда Кюхельбекер писал «Аргивян», проблема «ответственности за кровопролитие» имела животрепещущее значение в борьбе декабристов с идеологами реакции. Пытаясь дискредитировать революционную борьбу, реакционная публицистика ставила знак равенства между свободой и анархией, изображала всякое народное движение, всякое революционное действие, как бунт, как слепую игру страстей, как нарушение общепринятых норм морали.

В IV акте неопубликованной редакции трагедии есть следующий диалог между Тимофаном, вернувшимся во дворец после того, как он подавил народное восстание, и его женой Аглаей:

Тимофан

О что рекла ты! Пусть сих умерщвленных
Не от меня потребует Кронид;
Пусть спросит он их жизнь от дерзновенных;
Пусть вечным их проклятьем поразит:
Они народ покорный возмутили!

Аглая

Не их главы та клятва отягчит!
Они поборники за вольность были!

(л. 46—46 об.).

Таким образом, моральную ответственность за «кровопролитие» нес, по мнению Кюхельбекера, не тот, кто поднимался на борьбу, не «поборники вольности», а тиран; тем самым поэт-декабрист отстаивал моральное право на революционное действие. Кюхельбекер продолжил в «Аргивянах» радищевскую традицию оправдания революционного насилия.

«Аргивяне» привлекли внимание Пушкина. Во второй половине 1822 г. Дельвиг писал Кюхельбекеру: «Ты страшно виноват перед Пушкиным. Он поминутно о тебе заботится ⟨...⟩ желает знать что-нибудь о Тимолеоне» [27]. Позднее Пушкин взял несколько строк из «Аргивян» в качестве эпиграфа к III главе «Арапа Петра Великого» [28]. В набросках предисловия к «Борису Годунову» Пушкин писал о пятистопном ямбе:

«У нас первый пример оному находим мы, кажется, в Аргивянах» [29]. Упомянул об «Аргивянах» в предисловии к «Борису Годунову» Пушкин не только в связи с размером, которым были написаны обе трагедии. Интерес Пушкина к трагедии Кюхельбекера объяснялся очевидно тем, что в «Аргивянах» ставились вопросы, близкие Пушкину. В трагедии Кюхельбекера большое внимание уделено народу; и заговорщики, и Тимофан вынуждены считаться с народным движением, с настроениями и мнениями народа. Роль народа в «Аргивянах» подчеркивается также и тем, что Кюхельбекер, подражая античной трагедии, ввел в свое произведение хоры. В хорах зачастую звучит голос народа, дается оценка событий устами народа. В этом отношении особенно показательно начало заключительного хора из V действия неопубликованной редакции «Аргивян»:

Се ныне предстою пред вами
Не в лике робкого раба:
Моими вещими устами
Глаголет дивная судьба!

Кто ступит шаг
Путем неправым,
Тот отдан гениям лукавым,
Тот стал богов всевидцев враг!
(л. 58).

Народ, освобожденный от тирании, произносит в заключительном хоре «Аргивян» слова, близкие по смыслу к той оценке роли народа, какую дает в «Борисе Годунове» Пушкин.

В статье, посвященной «Борису Годунову», Белинский писал: «...народ никогда не обманывается в своей симпатии и антипатии к живой власти: его любовь или его нелюбовь — высший суд!» [30]

С пушкинской трагедией перекликается и рассуждение Тимофана о власти (V акт неопубликованной редакции):

Тимофан

Итак, свершились все мои желанья
. . . . . .
Я счастлив!.. или дерзкий кто посмеет
Всемощного несчастливым назвать?
Я счастлив!.. Пусть же смолкнет глас ничтожный,
Который тайно шепчет о бедах.
И всуе страхами меня тревожит!
Почто ж открытый червь мне сердце гложет?
(Он задумывается)
Но чудится здесь воздух гробовой!
. . . . . .
Противоречий полон человек!
Достигнул я, к чему так жадно тек
. . . . . .
Се по трудах жестоких, наконец,
Я вздел давно желаемый венец:
Но вдруг на вышине меня обстали
Нежданные и черные печали!
(лл. 52—53).

Затронутая в «Аргивянах» тема: народ и монархическая власть, нашла глубокое реалистическое воплощение в гениальной пушкинской траге-

дии. Самый же романтический стиль «Аргивян», гражданский пафос, обращение к античности как способ говорить о современности — ближе к вольнолюбивой лирике Пушкина, чем к «Борису Годунову». Так, например, в приведенной выше речи Протогена, содержащей угрозу тирану, имеются строки, перекликающиеся с пушкинским «Кинжалом»:

Повсюду и средь копиев корийских
Найдет тебя свободный наш кинжал.

Линия вольнолюбивой лирики была продолжена Пушкиным и в годы создания «Бориса Годунова». Тема народного восстания прозвучала в 1825 г. в стихотворении Пушкина «Андрей Шенье», в котором исторический план был использован поэтом для намеков на современность.

Трагедия Кюхельбекера «Аргивяне», несмотря на незаконченность второй редакции и художественное несовершенство первой — яркий памятник декабристской драматургии. Проблемы, поставленные Кюхельбекером в «Аргивянах», тесно связаны с основными путями развития русской литературы, с творческими замыслами Грибоедова и Пушкина.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Кюхельбекер, т. II, стр. 5—62.

[2] ГПБ. Архив В. А. Жуковского, оп. 2, № 285.

[3] Междудействие из III акта трагедии «Аргивяне» напечатано впервые в «Сыне отечества», 1838, июль, стр. 7—15 (см. публикацию Б. В. Томашевского «Забытый отрывок из Аргивян В. Кюхельбекера».— «Декабристы и их время», 1951, стр. 89—96).

[4] «Аргивянам» посвящена статья Ю. Н. Тынянова: «„Аргивяне", неизданная трагедия Кюхельбекера» (1924—1927 гг.). В этой ранней работе Ю. Н. Тынянова, включенной в сб. «Архаисты и новаторы» (Л., 1929), сообщаются ценные фактические данные.

Краткий анализ идейного содержания трагедии, на основе окончательной (неполной) редакции «Аргивян», см. в работе: В. Г. Базанов. Поэты-декабристы. К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, А. И. Одоевский. М.— Л., 1950, стр. 124—129.

[5] ИРЛИ. Р. I, оп. 12, № 195.

[6] Речь идет, повидимому, о В. А. Эртеле, известном педагоге, литераторе 1820—40-х гг., издателе «Русского альманаха» на 1832 и 1833 гг. и ряда других изданий.

[7] О знакомстве Кюхельбекера с С. П. Трубецким—см. стр. 354 настоящего тома.

[8] Анна Ивановна — Брейткопф, жена друга отца Кюхельбекера, начальница Екатерининского института.

[9] Наталия Федоровна и Эмилия Федоровна — Брейткопф (см. о них стр. 408, 409 настоящего тома).

[10] Сергей Дмитриевич Комовский (1798—1880) — лицейский товарищ Кюхельбекера.

[11] «Сын отечества», 1823, № 10, стр. 128—129.

[12] Недавно найденные документы говорят о том, что Кюхельбекер стремился поставить на сцене и пьесу «Шекспировы духи». Вот два документа, составляющие дело «О неприятии к театру пьесы „Шекспировы духи"»:

<1>

2 ноября 1825 г.

В контору Дирекции императорских театров
актера Василия Каратыгина

Полученную мною от г. Кюхельбекера сочиненную им пьесу Шекспировы духи, по просьбе автора, при сем честь имею представить в контору Дирекции императорских театров, и по желанию автора покорнейше прошу означенную пьесу принять на существующем постановлении.

Актер В. Каратыгин

<2>

Выписка из журнала Комитета главной дирекции театров. Слушана записка г. директора театров (от 18 ноября за № 1538, внесенная в журнал Комитета под № 10) с препровождением комедии Шекспировы духи и с мнением, что хотя комедия сия и имеет несколько довольно хороших мест, за всем тем по слабости своего сюжета не может быть представлена на сцене.

Решение Комитета:

Комитет, находя пьесу сию слабою, признает ее, согласно с мнением г. директора театров, нестоющею быть представленной на сцене императорских театров.

Правитель канцелярии Н. Атрешков

№ 7
5 января 1826 г.
Г. директору театров

(ЦГИАЛ, ф. № 497, оп. 97/2121, д. 2929, лл. 1—2.—Сообщено А. Я. Альтшуллером).

Письмо Кюхельбекера к Ю. К. Кюхельбекер, связанное с попыткой поставить на сцене «Аргивян», и публикуемые здесь документы свидетельствуют о том, что Кюхельбекер писал свои пьесы для театра. Текст первого документа дает возможность, кроме того, — установить с несомненностью факт личного знакомства Кюхельбекера с Каратыгиным.

Как видно из второго документа, пьеса не была принята дирекцией театров и 5 января 1826 г. отклонена «по слабости своего сюжета». Фамилия автора пьесы в этом документе даже не упоминается; «Решение Комитета» состоялось после событий 14 декабря.

[13] «Русская старина», 1875, № 7, стр. 370—371.

[14] Там же, стр. 378.

[15] «Декабристы и их время», 1951, стр. 89.

[16] «Русский архив», 1871, № 2, стб. 0175—0176.

[17] См. статью Н. Ф. Дубровина «Василий Андреевич Жуковский и его отношения к декабристам».— «Русская старина», 1902, № 4, стр. 106—107.

[18] ИРЛИ. Архив А. А. Ивановского.

[19] «Русская старина», 1904, № 2, стр. 381.

[20] Там же.

[21] Кюхельбекер, т. II, стр. 9 — 10.—В дальнейшем все ссылки на это издание даются сокращенно — только на страницы — в скобках после цитируемого текста.

[22] Грибоедов. Сочинения. Гослитиздат, 1940, стр. 343.

[23] Там же, стр. 341.

[24] Нечкина. Грибоедов, стр. 229.

[25] Цитируется по неопубликованной рукописи «Аргивян». — ГПБ. Архив В. А. Жуковского, оп. 2, № 285, л. 46 об.—В дальнейшем все ссылки на эту рукопись даются только на номера листов — в скобках после цитируемого текста.

[26] ВД, т. I, стр. 167.

[27] Сочинения А. А. Дельвига. СПб., 1893, стр. 150.

[28] Четыре строки, из которых Пушкин взял эпиграф, были напечатаны Кюхельбекером («Мнемозина», 1824, ч. I, стр. 93—94) в качестве примечания к отрывкам из путешествия (письмо XXIV). В статье Ю. Н. Тынянова дана ошибочная ссылка на источник (вместо первой указана третья часть альманаха). Следует отметить, что Пушкин сократил цитату; соединив третью и четвертую строки в одну, он придал афоризму Кюхельбекера бóльшую выразительность.

Строки:

Мы любим и чрез час мы ненавидим;
Что славим днесь, заутра проклинаем!

Пушкин переделал так:

Что любим днесь, то завтра ненавидим.

[29] Пушкин, т. XI, стр. 141.

[30] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XII. М.—Л., 1926, стр. 156.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КЮХЕЛЬБЕКЕРА НАКАНУНЕ 14 ДЕКАБРЯ

(ПО НЕИЗДАННЫМ ПИСЬМАМ А. Е. ИЗМАЙЛОВА)

Сообщение М. К. Константинова

В Рукописном отделе Института русской литературы хранятся письма А. Е. Измайлова к его двоюродному племяннику, Павлу Лукьяновичу Яковлеву [1]. П. Л. Яковлев (родной брат М. Л. Яковлева, лицейского товарища Пушкина и Кюхельбекера) — второстепенный литератор двадцатых-тридцатых годов. Письма Измайлова к Яковлеву — интересный памятник литературной жизни первой четверти XIX в. Исследователи уже не раз обращались к ним. Были опубликованы выдержки из писем, касающиеся восстания 14 декабря [2], выдержки, содержащие упоминания о Пушкине [3], и выдержки на разные литературные темы [4]. В этих же письмах встречаются упоминания о Кюхельбекере, представляющие несомненный интерес: они освещают некоторые моменты биографии поэта-декабриста, в частности последние месяцы его жизни на свободе.

Подлинной дружеской близости между Кюхельбекером и Измайловым, конечно, не было и не могло быть. Измайлов плохо представлял себе внутренний мир Кюхельбекера и не догадывался о том, что Кюхельбекер связан с революционной организацией; узнав об участии поэта в восстании 14 декабря, он был глубоко поражен. Измайлова и Кюхельбекера сближали литературные интересы — и только.

Знакомство Кюхельбекера с Измайловым состоялось вскоре после выхода Кюхельбекера из Лицея. По всей вероятности, познакомил их М. Л. Яковлев. С 1818 г. Измайлов начал издавать журнал «Благонамеренный», и бывшие лицеисты на первых порах энергично поддерживали молодой литературный орган. В «Благонамеренном» сотрудничали Дельвиг, Илличевский, М. Яковлев, Кюхельбекер; поместил в журнале одно стихотворение и Пушкин [5]. Стихотворение Кюхельбекера («Осень») появилось в первом же номере журнала. В 1818 г. Кюхельбекер напечатал у Измайлова восемь стихотворений; однако, по мере того, как литературная и общественная позиция «Благонамеренного» вырисовывалась все яснее, участие Кюхельбекера и его друзей в журнале сделалось менее активным — впрочем, оно никогда не прекращалось. После 1820 г. Кюхельбекер не напечатал в журнале Измайлова ни одного стихотворения, но нередко пользовался (как и другие литераторы его круга) страницами «Благонамеренного» для критических выступлений и журнальной полемики. В 1822 г. он поместил в журнале обширный разбор поэмы С. Боброва «Херсонида»[6]. Эта статья имела большое принципиально-теоретическое значение: в ней впервые были обоснованы критические воззрения Кюхельбекера на проблему поэтического языка. А в 1824 г. Кюхельбекер выступил в том же журнале с полемической статьей против критики

«Сына отечества» («Ответ г. С.... на его разбор I-й части „Мнемозины", помещенный в 15 № „Сына отечества"»)[7]. Следует добавить, что сотрудничество Кюхельбекера в «Благонамеренном» очень неполно отражено в литературе. В «Библиографии» Н. М. Ченцова из одиннадцати стихотворений Кюхельбекера, напечатанных в «Благонамеренном» за 1818—1820 гг., отмечено только одно; в наиболее полном издании стихотворений Кюхельбекера (под редакцией Ю. Н. Тынянова) не учтены стихи, помещенные в «Благонамеренном» в 1819 г. Между тем в 1819 г. там были опубликованы два очень примечательных стихотворения Кюхельбекера: «Мечта» («Один над озером вечернею порою»)[8] и «Вакхическая песнь» («Что мне до стишков любезных»)[9]. Не включено в издание, вышедшее под редакцией Тынянова, и одно стихотворение 1818 г. — «К соловью» («Звуками сладости»)[10]. Критические же статьи Кюхельбекера, опубликованные в «Благонамеренном», в большей своей части не учтены и забыты.

Кюхельбекер часто встречался с Измайловым в известном салоне С. Д. Пономаревой, постоянным посетителем которого был и П. Л. Яковлев[11]. По свидетельству В. И. Панаева (впрочем, не вполне достоверному), именно П. Л. Яковлев ввел в салон Пономаревой и своего дядю, Измайлова, и лицейских друзей своего брата: Дельвига и Кюхельбекера. В 1817—1820 гг. П. Л. Яковлев стоял очень близко к кругу друзей Пушкина. В мае 1820 г. он вместе с Дельвигом провожал отправлявшегося в изгнание Пушкина до Царского села.

В 1820 г. П. Л. Яковлев был назначен секретарем российской миссии в Бухаре и временно покинул Петербург. Тогда-то и началась его интенсивная переписка с Измайловым. Переписка сохранилась только в одной своей части: известны лишь письма Измайлова, ответные письма Яковлева утрачены. В письме от 13 сентября 1820 г. впервые встречается имя Кюхельбекера: «Виль⟨гельм⟩ Кю⟨хельбекер⟩ уехал отсюда в чужие краи с А. Л. Нарышкиным...» и т. д.[12]

В экспедиции Яковлев пробыл недолго, — уже в следующем году он возвратился в Петербург, почти одновременно с приехавшим из-за границы Кюхельбекером. К этой поре относится, вероятно, и их наибольшая близость. 21 августа 1821 г. Кюхельбекер написал в альбом Яковлева несколько строк о себе: «Кюхельбекер — странная задача для самого себя — глуп и умен, легковерен и подозрителен; во многих отношениях слишком молод, в других — слишком стар; ленив и прилежен. Главный порок его — самолюбие: он чрезвычайно любит говорить, думать и писать о самом себе; вот почему все его пьесы довольно однообразны. Он искренно любит друзей своих, но огорчает их на каждом шагу. Он во многом переменился и переменится, но в некоторых вещах всегда останется одним и тем же. Его желание, чтобы друзья о нем сказали: он — чудак, но мы охотно бываем с ним; мы осуждаем его за многое, но не перестанем быть к нему привязанными»[13]. К этому же времени следует отнести карикатуры Яковлева на Кюхельбекера (см. выше стр. 349) и на Дельвига.

В конце 1822 г. П. Л. Яковлев снова на год покинул Петербург; осенью 1824 г. он перешел на службу в Москву, а оттуда — в Вятку, где находился с 1825 по 1827 г. Сохранившиеся письма Измайлова относятся главным образом к тому времени, когда Яковлев жил в Вятке.

Первое упоминание о Кюхельбекере встречается в письме от 20 ноября 1824 г. (адресованном еще в Москву), но в нем не содержится каких-либо фактических сведений о поэте, который тоже находился тогда в Москве. Измайлов называет имя Кюхельбекера лишь в связи с его полемической статьей в «Мнемозине», направленной против Булгарина («А славно отделали его ⟨Булгарина⟩ кн. Одоевский и Кюхельбекер. Вчера только выпросил я у Сленина „Мнемозину" и не успел еще всю прочесть»)[14]. Чаще

встречается имя Кюхельбекера в письмах 1825 г., когда после трехлетнего отсутствия он снова возвратился в Петербург, претерпев многочисленные неудачи: «Мнемозина» принесла лишь новые материальные затруднения; поездка в Шотландию, где Кюхельбекеру предлагали должность «профессора русского и славянского языков», не состоялась; попытки

РИСУНКИ КЮХЕЛЬБЕКЕРА НА ПОЛЯХ ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ БАСНИ «БЫЛ ПАРЕНЬ МОЛОДОЙ, ЛИХОЙ РАБОТНИК...», 1818—1819 гг.
Местонахождение оригинала неизвестно (ранее в собрании Ю.-Н. Тынянова)

устроиться на какую-либо службу, соответствующую его интересам, оставались безрезультатными; вместе с тем рушились мечты о женитьбе на любимой девушке [15].

В поисках заработка, измученный нуждой, Кюхельбекер вынужден был в это время стать сотрудником «Сына отечества»; издатели этого журнала, Булгарин и Греч, в ту пору охотно предоставляли его страницы молодым литераторам прогрессивного лагеря. Греч и Булгарин быстро оценили Кюхельбекера и попытались превратить его в своего журнального поденщика. Одно время Кюхельбекер даже жил на квартире у Греча. Греч выпустил отдельным изданием «драматическую шутку» Кюхельбекера

«Шекспировы духи» и обещал издать том его стихов и прозы. Кюхельбекер, однако, плохо верил *этим обещаниям; к тому же, вынужденная* связь с беспринципными «литературными торгашами» все больше и больше тяготила его, и он усиленно искал путей для разрыва с ними. На этой почве и произошло его новое сближение с Измайловым. Кюхельбекер вновь сделался сотрудником «Благонамеренного», помог Измайлову организовать издание альманаха «Календарь муз» и вел с ним переговоры о совместном издании журнала. Все это выясняется из писем Измайлова.

Этот второй период сотрудничества Кюхельбекера в «Благонамеренном» совершенно не освещен в литературе. Нет никаких упоминаний о нем ни у Н. М. Ченцова, ни у Ю. Н. Тынянова; не говорит о нем и Н. И. Мордовченко в своем очерке критической деятельности Кюхельбекера [16]. Между тем Кюхельбекер поместил в 1825 г. в «Благонамеренном» за своей полной подписью большую рецензию на «Славянскую грамматику» Пенинского и «Древнюю историю» Арсеньева [17]. Рецензия эта чрезвычайно существенна для выяснения воззрений Кюхельбекера на историю русского языка и задачи изучения истории и должна быть отнесена к важнейшим памятникам литературного наследия Кюхельбекера.

В дальнейшем Кюхельбекер намеревался стать постоянным сотрудником журнала и занять в нем ведущее положение. Этот план, конечно, был совершенно нереален: союз с Измайловым — человеком, стоящим на иных литературных и политических позициях, неминуемо должен был распасться. Этот временный союз свидетельствует лишь о напряженных и страстных попытках Кюхельбекера найти для себя постоянную литературную трибуну [18].

Первая встреча Измайлова с Кюхельбекером произошла вскоре после приезда Кюхельбекера в Петербург. 11 мая 1825 г. Измайлов сообщил Яковлеву несколько выписок из своего дневника. 27 апреля записано:

«Обедал у больного Никитина [19], секр⟨етар⟩я Общ⟨ества⟩ соревущих и встретил там — кого? Кюхельбекера! — Дик, но мил! Право, я люблю его: он благородный малый! Булгарин подличал перед ним и клялся ему в дружбе...»

Летом же состоялось, видимо, и соглашение о будущем постоянном сотрудничестве Кюхельбекера в журнале Измайлова. 16 августа Измайлов сообщал своему корреспонденту:

«...Сей час ушел от меня будущий мой сотрудник по журналу... угадай кто? — Вил⟨ьгельм⟩ Кю⟨хельбекер⟩. Этот благородный малый не мог ужиться с двумя литературными торгашами, которые, как говорит он, *имеют все достоинства, кроме честности.* Он сам вызвался издавать со мною с будущего года журнал на тех самых условиях, какие сделали с ним Греч и Булг⟨арин⟩. Я очень рад такому доброму товарищу. В случае, если получу вице-губернаторское место, передам ему совсем журнал, и он может иметь от него изрядный доход ⟨...⟩

Козлов (слепец) обещал давать для Благона⟨меренного⟩ свои пьесы, если я соединюсь с Кюхельбекером[20]. Обещал также дать и для альманаха. Кюхельбекер хотел написать и к Пушкину» [21].

Упоминание о вице-губернаторстве имело прямое основание. Измайлов усиленно хлопотал в это время об этой должности — и, несомненно, надежда на возможность в случае отъезда Измайлова сделаться полноправным хозяином журнала послужила основной причиной нового сближения Кюхельбекера с Измайловым.

Интересны сообщения о Кюхельбекере в письме Измайлова от 16 ноября 1825 г.:

«...Кюхельбекер едва ли будет моим сотрудником по журналу: он надеется получить при Черноморском флоте место... профессора словесности и будет читать лекции морским офицерам».

И вслед за этим:

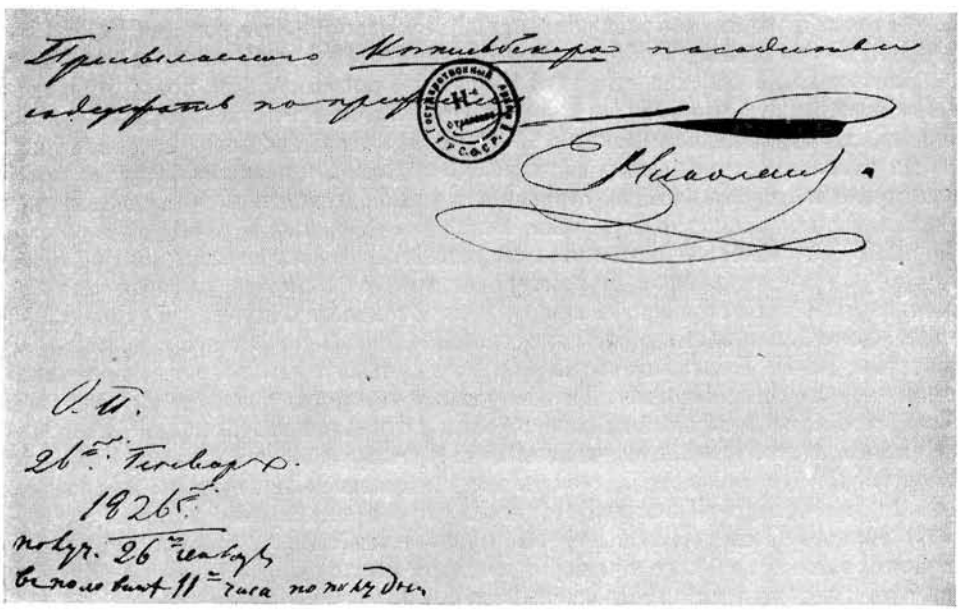
«Вечером в 9 часов.

Знаешь ли где я теперь? В кабинете Я. К. Кайданова [22]. Сейчас списал для тебя стихи Кюхельбекера на смерть Чернова. Стишки не так-то хороши, но писаны от всей души».

И далее:

«...Злодей Бируков возвратил мне без скрепа твою смесь. Сколько наставил он №3 против *барской спеси* и *приказных справок*. Не пропустил он еще одной полемической пьесы Кюхельбекера против Булгарина...»[23].

К письму приложен на особом листке и текст стихотворения; здесь оно озаглавлено: «Чернову».



ЗАПИСКА НИКОЛАЯ I К КОМЕНДАНТУ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ А. Я. СУКИНУ С РАСПОРЯЖЕНИЕМ СОДЕРЖАТЬ КЮХЕЛЬБЕКЕРА «ПОПРЕЖНЕМУ», ТО ЕСТЬ ЗАКОВАННЫМ В КАНДАЛЫ

Внизу помета рукой Сукина: «Получ. 26-го генваря в половине 11-го часа по полудни»

Центральный исторический архив, Москва

Это письмо полностью не было опубликовано, но о том, что существовал измайловский список стихотворения «На смерть Чернова», известно давно. Впервые на письмо Измайлова указал Ю. Г. Оксман в комментариях к стихотворениям Рылеева в издании «Библиотека поэта»; в недавнее время это письмо стало исходным пунктом для предпринятого некоторыми исследователями пересмотра вопроса о том, действительно ли стихотворение «На смерть Чернова» принадлежит Рылееву.

Основываясь именно на письме Измайлова, Н. И. Мордовченко предложил вернуться к первоначальной традиции, по которой авторство стихотворения «На смерть Чернова» приписывалось не Рылееву, а Кюхельбекеру. Аргументацию Н. И. Мордовченко приняли Б. С. Мейлах и В. Н. Орлов. По мнению В. Н. Орлова, решающую роль в споре должно играть именно это письмо Измайлова, которое нужно рассматривать как «безоговорочное свидетельство вполне осведомленного современника» [24].

Доводы сторонников «кюхельбекеровской версии» подробно изложены в напечатанной выше статье А. Г. Цейтлина, где цитируется также и

настоящее письмо. Сам А. Г. Цейтлин—сторонник «рылеевской версии»; его аргументацию можно дополнить и усилить весьма существенными соображениями.

Если бы Измайлов действительно был так хорошо «осведомлен», как предполагает В. Н. Орлов, то он, несомненно, знал бы и все подробности о дуэли и похоронах. Между тем его письма к Яковлеву доказывают, что об этих событиях он знал очень мало. О самой дуэли он сообщал своему корреспонденту 11 сентября: «Вчера утром был у нас на Выборгской стороне поединок. Какой-то Чернов вызвал на дуэль флигель-адъютанта Новосильцова за то, что тот отказался жениться на его сестре. Чернов попал Новосильцову в голову ⟨...⟩, а Новосильцов Чернову в брюхо ⟨...⟩ К вечеру оба умерли. Рылеев был у Чернова секундантом и, кажется, еще А. Бестыжев, или, попросту сказать, Алексашка-Завирашка» [25].

Письмо это почему-то было отправлено не сразу, и на нем к словам «оба умерли» сделана сноска: «Не так. Чернов попал Новос⟨ильцову⟩ в брюхо, а Но⟨восильцов⟩ Чернову в голову. Новосильцов жил после дуэли около недели, а Чернова похоронили 27 ч⟨исла⟩. Примеч⟨ание⟩ 29 сентября».

Из этого письма видно, как далек был Измайлов от тех кругов, которые принимали ближайшее участие и в самой дуэли и в организации похорон. Он неправильно называет в числе секундантов А. А. Бестужева, не знает подробностей ранения и смерти дуэлянтов и совершенно не осведомлен об общественном характере похорон Чернова, организованных семеновскими офицерами. А между тем сведения о дуэли и похоронах были довольно широко распространены. Так, известный вестовщик-сплетник К. Я. Булгаков писал брату: «Третьего дня встретил я великолепные похороны Чернова. Его хоронили офицеры семеновские на свой счет» [26]. Жадно ловивший всякие слухи и аккуратно сообщавший их своему корреспонденту, Измайлов, конечно, не преминул бы сообщить и эти подробности, но он не знал их. Не слышал он ничего, как явствует из данного письма, и о стихах «На смерть Чернова», и о предсмертной записке Чернова. О стихотворении «На смерть Чернова» Измайлов узнал впервые лишь 16 ноября, то есть более чем через полтора месяца после похорон. Известно, что похороны Чернова имели значение политической демонстрации, что организаторы их широко рассылали приглашения, адресуя их лицам с определенной общественной репутацией. Измайлова среди приглашенных не было. Наконец, следует обратить внимание и на источник знакомства Измайлова со стихотворением «На смерть Чернова». Список стихотворения Измайлов получил не от самого Кюхельбекера, с которым в это время был близок, и не от кого-либо из лиц, принадлежащих к кругу будущих декабристов, — а от человека, чуждого передовым общественным кругам. Повторяем, все это не только не позволяет говорить о какой-то исключительной «осведомленности» Измайлова, но, наоборот, свидетельствует о том, что он совершенно не был в курсе событий: в частности, Измайлов ничего не знал о вызванном дуэлью общественном возбуждении.

То же письмо Измайлова (от 16 ноября 1825 г.), из которого мы узнаем о списке стихотворения «На смерть Чернова», пополняет наши сведения о намерении Кюхельбекера поступить на службу во флот. Об этом же намерении пишет Измайлов и в письме от 25 ноября: «⟨...⟩ Участь Кюхельбекера еще не решена. Не известно, наверное, побудет ли он в Севастополе или нет. Обещается и в Севастополе быть мне верным сотрудником».

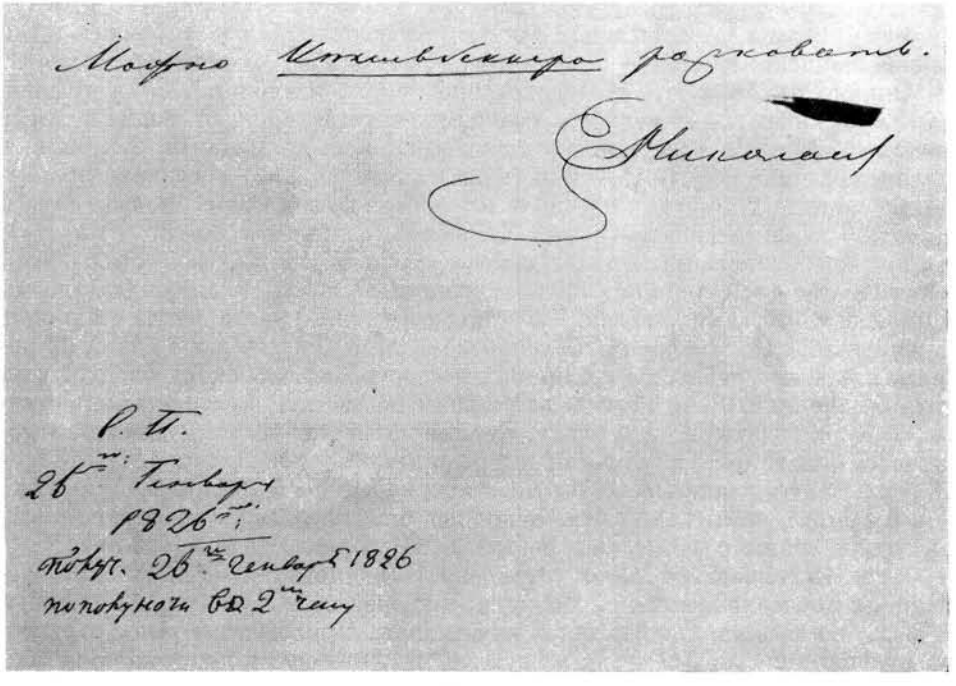
Эти планы и соответственные переговоры были, видимо, оборваны наступившими событиями. Но за десять дней до восстания Кюхельбекер писал матери: «Я почти уверен, что получу очень выгодное место в Крыму: это место профессора литературы, которое адмирал Грейг учреждает для

образования офицеров его ведомства. У меня сильная рекомендация адмирала Шишкова и Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола» [27].

Вот последнее упоминание имени Кюхельбекера, мелькнувшее в письмах Измайлова до 14 декабря:

«...В пятницу иду с Кюхельбекером к слепому и безногому поэту Козлову — за стихами для Календаря муз» (письмо от 26 ноября).

Это письмо позволяет установить активное участие Кюхельбекера в организации альманаха Измайлова «Календарь муз», что, в свою очередь, свидетельствует о том, что Кюхельбекер был деятельным сотрудником альманаха. В «Библиографии» Н. М. Ченцова о сотрудничестве



ЗАПИСКА НИКОЛАЯ I К КОМЕНДАНТУ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ А. Я. СУКИНУ С РАЗРЕШЕНИЕМ РАСКОВАТЬ КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Внизу помета рукой Сукина: «Получ. 26-го генваря 1826 по полуночи во 2-м часу»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Кюхельбекера в «Календаре муз» не упомянуто; Ю. Н. Тынянов называет только три стихотворения Кюхельбекера, помещенные в альманахе; между тем вклад поэта в этот альманах в действительности был гораздо значительнее: он поместил в «Календаре муз» восемь стихотворений.

Имя Кюхельбекера в альманахе не названо, но под несколькими стихотворениями стоит подпись: «К.» и «К—ъ». В оглавлении все они сгруппированы вместе, как принадлежащие одному лицу, фамилия которого обозначена литерой *К*. Среди них имеются стихотворения, которые напечатаны без всякой подписи. Установить, чье имя скрыто под буквой *К*., не составляет труда: из восьми стихотворений этого цикла — пять известны как стихи Кюхельбекера. Три из них: «Надовесская похоронная песнь», «Молитва воина» и «Охотничья песнь» включены в собрание стихотворений Кюхельбекера под редакцией Ю. Н. Тынянова со ссылкой на «Календарь муз»; два стихотворения: «Первое раскаяние» и «К ***» («Так! Легко мутит мгновение») включены в это издание без ссылки. Стихотворение «К ***»

было «как неизданное» опубликовано Ю. Н. Тыняновым (по автографу) на страницах «Литературного наследства» [28] и отнесено (на основании «характерных особенностей стиха и языка») к периоду, наступившему непосредственно после окончания Лицея (1817—1818 гг.). В автографе оно первоначально было озаглавлено: «К другу». Ю. Н. Тынянов полагал, что адресовано оно Пушкину или Дельвигу.

В последней строфе Кюхельбекер писал:

Неразрывны наши узы!
В роковой, священный час,
Скорбь и радость, дружба, музы
Души сочетали в нас!

Эти строки Ю. Н. Тынянов считал решающими для датировки: «„Роковой священный час“ — повидимому, разлука по окончании Лицея».

Однако тот факт, что это стихотворение было опубликовано в «Календаре муз» накануне 14 декабря, позволяет поставить под сомнение и самый смысл стихов. Не содержат ли слова «роковой, священный час» намека на предстоящие события, — и в таком случае уместно поставить вопрос, не посвящено ли оно кому-либо из поэтов-декабристов, новых друзей Кюхельбекера: Одоевскому или Рылееву (вероятнее всего, Рылееву)?

Три стихотворения: «Надгробие» («Сажень земли, мое стяжанье»), «К радости» («Не порхай, летунья радость») и «К Филону» («Должно, Филон, и с тобою расстаться! Ты знал мое сердце») — не вошли ни в одно из собраний стихотворений Кюхельбекера и не указаны ни в одной из посвященных ему работ, но их принадлежность Кюхельбекеру следует считать бесспорной. Имя Филона заставляет вспомнить о неоконченной трагедии Кюхельбекера «Архилох». Первые наброски поэмы принято относить (на основании упоминания в дневнике и в черновых записях) к 1833—1834 гг. [29] Не свидетельствует ли стихотворение «К Филону» о каких-то более ранних замыслах поэта, обновившихся позднее, в крепости, когда он читал главы о греческих поэтах в «Истории Греции» Гиллиса?

Имя Кюхельбекера было устранено Измайловым из альманаха, очевидно, в последний момент. Цензурное разрешение помечено 15 октября 1825 г., но альманах задержался печатанием. Приведенные выше отрывки из писем Измайлова свидетельствуют о том, что еще в конце ноября Кюхельбекер просил для альманаха стихов у Козлова. Альманах вышел в свет не ранее конца января 1826 г.; во всяком случае, еще 5 января Измайлов пересылал П. Л. Яковлеву в Вятку корректурные листы [30].

Альманах запоздал — и этой задержкой Измайлов воспользовался не только для изъятия имени Кюхельбекера, но и для некоторых дополнений. Ему удалось включить в «Календарь муз» два стихотворения, являющиеся непосредственными откликами на события 14 декабря: казенные вирши Бориса Федорова «На смерть Милорадовича» («Пал в славе от руки бесславной», — восклицал Федоров) и верноподданнические стихи некоего А. Севринова (сотрудника «Благонамеренного») «Подражание псалму XX», сопровожденные многозначительной датой «15 декабря 1825 г.». Автор возносил хвалу «царю небесному» за чудесное спасение «царя земного» и выражал надежду, что «рука царя» найдет «преступных, злоумышляющих врагов», даже если они окажутся «в местах сокрытых, недоступных» (прямой намек на Кюхельбекера, о розыске которого уже были расклеены объявления); утверждал, что их «плод с лица земли сотрется», а сами они «смирятся» и «пожрутся пламенем» и т. д. Таким образом, судьба и здесь «сыграла злую шутку» над «вечным неудачником», как именовали Кюхельбекера его друзья: альманах, в составлении которого он принимал столь деятельное и живое участие, альманах, где были помещены его собственные стихи, содержал и первое издевательство в стихах над ним

самим, над его ближайшими друзьями и над их великим подвигом[31]. Измайлов не только предоставил страницы своего альманаха для казенных виршей, в которых поносились декабристы, но и сам в письмах к Яковлеву издевался над Кюхельбекером, сообщая своему корреспонденту разные слухи и толки о 14 декабря [32].

Как ни малочисленны упоминания о Кюхельбекере в письмах Измайлова, в совокупности они представляют все же немалый интерес, сообщая весьма существенные, неизвестные ранее, детали, ценные для биографии поэта-декабриста. Они значительно расширяют и сведения о его литературной деятельности накануне декабрьских событий и позволяют уточнить вопрос о составе его литературного наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ИРЛИ. Шифр 14163/LXXVIII, б. 7.

[2] М. К. Азадовский. 14 декабря в письмах А. Е. Измайлова.—«Памяти декабристов», т. I. Л., 1926, стр. 238—248.

[3] «Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 35—36, 47—48, 50—52.

[4] Пользовались выдержками из писем и комментаторы сочинений Рылеева (изд. «Библиотека поэта». Под ред. Ю. Г. Оксмана. Л., 1934, стр. 394), Дельвига («Библиотека поэта». Под ред. Б. В. Томашевского. Л., 1934, стр. 46, 61, 486), «Воспоминаний Бестужевых» (под ред. М. К. Азадовского. Л., 1951, стр. 697—698); одно письмо (содержащее легенду о «рогатом попе») опубликовано М. К. Азадовским в комментариях к «Русским народным сказкам А. Н. Афанасьева», т. II. Л.—М., 1938, стр. 629—630.

[5] В «Благонамеренном» было опубликовано три стихотворения Пушкина: «Надпись к портрету В. А. Жуковского» (1818, № 7), «Молдавская песнь» (1821, № 10) и отрывок из «Кавказского пленника» (1822, № 36), но только первое стихотворение было передано в журнал непосредственно самим Пушкиным. «Молдавская песнь» появилась первоначально в «Сыне отечества» (1821, № 15), но с ошибками, вследствие чего Пушкин разрешил перепечатать его в «Благонамеренном»; отрывок же из «Кавказского пленника» был перепечатан из вышедшего в свет отдельного издания поэмы.

[6] «Благонамеренный», 1822, № 11, стр. 409—429 и № 12, стр. 453—465.

[7] Там же, 1824, № 9, стр. 208—213.

[8] «Благонамеренный», 1819, № 4, стр. 209; подпись: В. л. ч. л. м. («ч» — опечатка, вм. «г»).

[9] Там же, № 7, стр. 11—12; подпись: В и л ь г е л ь м К.

[10] Там же, 1818, № 6, стр. 269; подпись: В и л ь г е л ь м.

[11] Сводка биографических сведений о П. Л. Яковлеве (1796—1835) сделана в статье И. Н. М е д в е д е в о й «Павел Лукьянович Яковлев и его альбом».— «Звенья», VI, 1936, стр. 101—133; там же дана характеристика его литературной деятельности.

[12] Эта выдержка приведена Б. В. Томашевским во вступительной статье к Полн. собр. стих. А. А. Дельвига («Библиотека поэта». Л., 1934, стр. 46), но с незначительной ошибкой: «удрал» вм. «уехал».

[13] См. «Звенья», VI, стр. 128. — Альбом П. Л. Яковлева хранится в Рукописном отделении ИРЛИ (ф. № 244, оп. 1, № 32; цитированная запись Кюхельбекера находится на лл. 36 об. — 37).

[14] Измайлов имеет в виду «Разговор с Ф. В. Булгариным» Кюхельбекера и «Прибавление к предыдущему Разговору, или Замечания на статью, напечатанную в № 38 „Сына отечества“ под заглавием: Журнальные статьи к. Од‹ое›вск‹ого›» («Мнемозина», ч. III, 1824, стр. 157—188).

[15] См. Ю. Н. Т ы н я н о в. В. Кюхельбекер (По новым материалам). — «Лит. современник», 1938, № 10, стр. 192—193; К ю х е л ь б е к е р, т. I, стр. XXXVIII—XXXIX.

[16] Н. И. М о р д о в ч е н к о. В. К. Кюхельбекер как литературный критик. — «Ученые записки Ленинградского Гос. университета». Серия филолог. наук, вып. 13, 1948, стр. 60—100.

[17] «Благонамеренный», 1825, № 37-38, стр. 335—350. Н. П. Колюпанов утверждал, что Кюхельбекер поместил в «Благонамеренном» разбор «Евгения Онегина» (Н. П. К о л ю п а н о в. Биография А. И. Кошелева, т. I, кн. 1. М., 1889, стр. 539), но это ошибка: критический разбор первой песни «Евгения Онегина» был написан для «Благонамеренного» самим Измайловым.

[18] Об отношении Кюхельбекера к Измайлову свидетельствует сохранившийся в рукописи набросок «Обозрения российской словесности 1824 года», написанный им, очевидно, еще до приезда в Петербург (опубликовано Б. В. Томашевским в сб.: «Литературные портфели», кн. 1. Время Пушкина. Пг., 1923, стр. 72—79). Точное заглавие

статьи Кюхельбекера: «Минувшего 1824 года военные, ученые и политические достопримечательные события в области российской словесности» (часть «Обозрения» написана В. Ф. Одоевским). Кюхельбекер писал об Измайлове: «А. Измайлов — также классик, простодушен, дюж, забавен, откровенен, не лишен веселости» (стр. 73).

[19] Андрей Афанасьевич Никитин (род. в конце XVIII в. — ум. 1855) — преподаватель риторики, логики, поэзии, мифологии и российского сочинения в Горном кадетском корпусе, впоследствии статс-секретарь Государственного совета; был организатором и бессменным секретарем Вольного общества любителей российской словесности (или иначе: Общества соревнователей просвещения и благотворения).

[20] В дневнике И. И. Козлова за 1825 г. неоднократно отмечены посещения Кюхельбекера (К. Я. Грот. Дневник И. И. Козлова. СПб., 1906, стр. 12: записи от 12 мая и 12 июня); записи второй половины 1825 г. утрачены. Стихи Козлова в «Календаре муз» не появились.

[21] Пушкин участия в «Календаре муз» не принимал; вряд ли Кюхельбекер и обращался к нему с просьбой о поддержке альманаха.

[22] Яков Кузьмич Кайданов (1779—1855) — профессор Медико-хирургической академии и ее ученый секретарь; совладелец бумажной фабрики.

[23] См. в настоящем томе обзор М. К. Азадовского (стр. 724).

[24] «Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика». Составил Вл. Орлов. М.—Л., 1951, стр. 622.

[25] Так Измайлов неизменно именует в своих письмах А. А. Бестужева (см. также: «Памяти декабристов», т. I, 1926, стр. 239—240, 242). Причиной озлобленного отношения к А. Бестужеву явился, возможно, пренебрежительный отзыв последнего о «Благонамеренном». В обзоре «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года» («Полярная звезда» на 1824 г.) Бестужев посвятил журналу Измайлова всего одну строку: «„Благонамеренный“ забавен для своего круга» (стр. 10). В следующем обзоре (1824 г.)«Благонамеренный» совсем не упомянут.

[26] «Русский архив», 1903, № 6, стр. 209.

[27] Кюхельбекер, т. I, стр. XL.

[28] Ю. Н. Тынянов. Пушкин и Кюхельбекер.— «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 341—342. В «Календаре муз» оно озаглавлено: «К N.».

[29] Кюхельбекер, т. II, стр. 481.

[30] В № 36 «Благонамеренного» (1825) было дано объявление, гласившее, что «Календарь муз» уже «одобрен цензурою и поступил в печать. Книжка сия отпечатается в последних числах следующего месяца». Вслед за этим Измайлов писал П. Л. Яковлеву (1 декабря): «Посылаю тебе 35 и 36 № да образчики шрифтов, которыми набран будет наш альманах. Стихи уже набираются, но корректуры еще не получал, а когда получу, то перешлю к тебе и впредь пересылать стану». 24 декабря (в том же письме, в котором он подробно сообщал о восстании 14 декабря) Измайлов пишет: «Теперь занимаюсь одним только альманахом; раза по два и по три иногда в день бываю у Бирукова и Смирдина — держу по 4 и 5 корректур в сутки; три или четыре наборщика набирают наш „Календарь муз“. Смирдин твердит беспрестанно: „оригинала, оригинала“ — точно как сорока Якова. Авось альманах наш выйдет к новому году». Но альманах не вышел и к этому сроку. 5 января Измайлов писал: «Альманах почти готов <...> Итак, до следующей почты. Тогда пришлю и билеты, а теперь прилагаю несколько корректурных листиков». Объявление о продаже альманаха появилось лишь во 2 № «Благонамеренного» за 1826 г.

[31] В обзоре ранних антидекабристских выступлений, сделанном Н. К. Пиксановым («Дворянская реакция на декабризм». — «Звенья», II, 1933, стр. 159—162), эти стихи не упомянуты.

[32] Выдержки из этих писем см.: «Памяти декабристов», т. I, стр. 239—243; в последний раз упомянут Кюхельбекер в письме от 1 февраля 1826 г. Сам же поэт-декабрист всегда тепло вспоминал о своих встречах с Измайловым. Узнав о смерти Измайлова, Кюхельбекер записал в дневнике: «Покойник А. Е. Измайлов был истинно добрый мужик: я знал его очень хорошо, любил его и ему многим был обязан» («Дневник Кюхельбекера», стр. 124).

РОЗЫСКИ КЮХЕЛЬБЕКЕРА В ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ДЕКАБРЕ 1825 г.

Сообщение Г. М. Дейча

После разгрома восстания декабристов на Сенатской площади в Петербурге Кюхельбекер бежал вместе со своим камердинером Семеном Балашовым из Петербурга, чтобы перебраться за границу. В течение нескольких дней Кюхельбекер скрывался в поместье Горки Великолуцкого уезда, принадлежавшем его родственнику П. С. Лаврову. Затем он отправился дальше — в смоленское поместье своей сестры Ю. К. Глинки.

Ниже публикуется часть документов из дела о розыске Кюхельбекера в Псковской губернии. Остальные документы этого дела ничего существенно нового о Кюхельбекере не сообщают и потому нами опускаются. Можно лишь отметить, что из этих опущенных документов видно, что для поимки Кюхельбекера псковский губернатор Б. А. фон Адеркас мобилизовал все уездное начальство, а сам губернатор, в свою очередь, получал непрерывные указания из Петербурга и из Риги (от псковского и рижского военного губернатора маркиза Ф. О. Паулуччи) о необходимости найти «злоумышленника» Кюхельбекера.

Кюхельбекер был арестован в Варшаве 19 января 1826 г. и препровожден в Петербург, в Петропавловскую крепость.

«Дело об отыскании коллежского асессора Кюхельбекера, участвовавшего в злонамеренном бунте» хранится в Гос. архиве Псковской области, ф. № 20, оп. 1, 1825—1826, д. 725, лл. 1—18.

〈1〉

27 декабря 1825 г. № 222 Секретно

Господину псковскому гражданскому губернатору

В числе людей, дерзнувших на происшествие, о котором известно уже Вашему превосходительству из высочайшего его императорского величества манифеста, в 19 день сего декабря изданного, находился и, по словам очевидцев, даже участвовал в произведенном мятеже коллежский асессор Кюхельбекер.

Он 14 декабря при наступлении ночи скрылся и по всем изысканиям местопребывание его ни в столице, ни в уездах здешней губернии, равно как и на родине его в Смоленской губернии, не открыто.

По некоторым следам предполагается возможным, что Кюхельбекер, чтоб укрыть себя от поисков, отправился в Великолукский уезд, где, в шести или в семи верстах от станции Бежанец, живет родственница его, находящаяся в замужестве за некоим Петром Степановичем Лавровым.

Имея высочайшее повеление преследовать сего мятежника как одного из главных зачинщиков, признал я нужным отнестись к Вашему превосходительству, дабы Вы, милостивый государь мой, благоволили

поручить, кому следует, скромным образом, без потери времени, разведать со всей точностью, не укрывается ли Кюхельбекер у родственницы своей в Великолукском уезде и ежели он будет найден, то прикажите, взяв его под стражу, отправить сюда под крепким караулом, скованного.

Приметы Кюхельбекера: росту высокого, сухощав, глаза на выкате, волоса коричневые, рот при разговоре кривится. Бакенбарды не растут, борода мало зарастает. Сутуловат, ходит немного искривившись, говорит протяжно, от роду ему около 30 лет.

С.-Петербургский военный генерал-губернатор

П. Кутузов

〈2〉

Его превосходительству Псковскому гражданскому губернатору
господину действительному статскому советнику
и кавалеру Борису Антоновичу
фон Адеркасу

Псковского квартального надзирателя
Спегальского

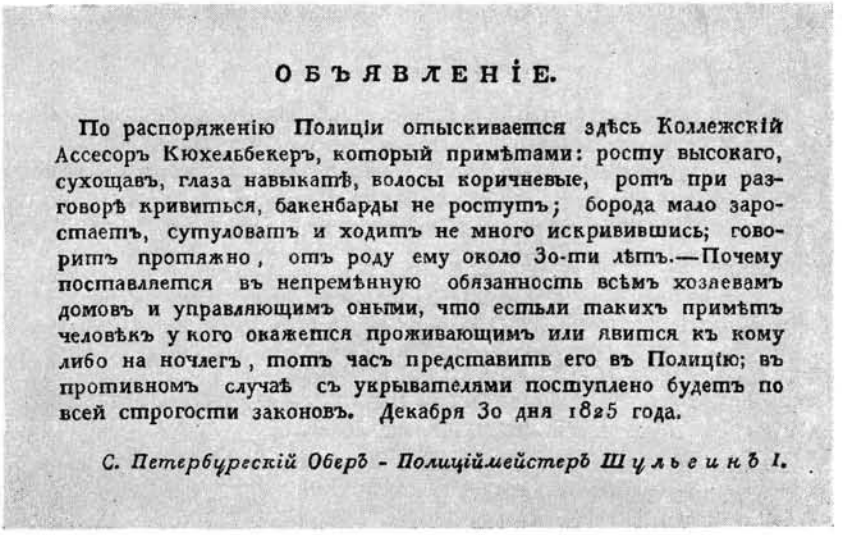
РАПОРТ

Во исполнение секретного предписания Вашего превосходительства от 29-го декабря прошлого 1825 года за № 105-м того же декабря 29 числа отправился я из города Пскова и, не найдя близ Бежанец жительства помещика Петра Степановича Лаврова, приехал в город Великие Луки, где, взяв дворянского заседателя Лучанинова, отправился в имение помещика Лаврова, отстоящее в трех верстах от большой дороги, на половине между станциями Прискухою и Михайловым погостом; на повороте с большой дороги остановился я на постоялом дворе помещика Жеребцова, называемом Валуевской, для узнания, не выехал ли куда из села помещик Лавров, и между разговорами содержательница оного постоялого двора, жена Петрова, объявила мне, что как-то в рождественском посту был у ней остановившись какой-то господин или купец в ватной одежде с человеком и, отправивши извозчика своего, сам пошел пешком к упомянутому помещику 〈*прзб.*〉 в село Горки, и как она приметы его могла упомнить, то точно он сам был Кюхельбекер. По приезде моем к упомянутому Лаврову в село Горки требовал я от него укрывающегося от поисков Кюхельбекера по доказательству открытых мною следов, что Кюхельбекер еще в рождественском посту к нему в дом прибыл, на что он мне господин Лавров объявил, что действительно был у него родственник Кюхельбекер, но 26-го еще декабря 1825 года отправил он его на своих лошадях к сестре его родной Устинье Карловне Глинкиной, жительствующей в Смоленской губернии, уезда Духовщины, в селе Закуп, во удостоверение чего и дал мне письменное объяснение.

Получа я от него, господина Лаврова, оное, тотчас отправился 〈в〉 упомянутую Смоленскую губернию в Духовщину, в село Закуп, к г-же Глинкиной. Приехавши в город Духовщину и для скорейшего отыскания жительства госпожи Глинкиной, в силу данного мне от Вашего превосходительства открытого предписания городским и земским полицейским, взял я сельского заседателя Тимофея Карницкого, которого там же и нашел в городе, с которым по известной ему дороге и прибыли мы 3-го января в вечеру в село Закуп. Наперед старался я узнать от людей г-жи Глинкиной, попавшихся мне навстречу, но все, которых я спрашивал, сказывали, что брата госпожи их Глинкиной, Кюхельбекера, в селе не бывало и нет; потом явился я лично 〈к〉 Глинкиной и требовал от нее по данному

мне от г-на Лаврова объяснению, что его люди отвезли к ней ее брата, но она, госпожа Глинкина, тоже мне объявила, что она своего брата Кюхельбекера от господина Лаврова людей не получала и его в ее доме не было и нет, и где он находится ей неизвестно, и о том, что она не скрывает у себя своего брата, дала мне расписку.

По получении сего известия, что Кюхельбекера помещика Лаврова люди не привезли к сестре его, Глинкиной, предпочел я, что он, Кюхельбекер, на тех лошадях направил свой путь куда в другую сторону, и потому и отправился я с города Духовщины по тракту к губернскому городу Смоленску и оттуда по С.-Петербургскому тракту обратно к Великим Лукам, разыскивая следов по всем постоялым дворам о проезде его, но нигде оных не оказалось.



ОБЪЯВЛЕНІЕ.

По распоряженію Полиціи отыскивается здѣсь Коллежскій Ассесоръ Кюхельбекеръ, который примѣтами: росту высокаго, сухощавъ, глаза навыкатѣ, волосы коричневые, ротъ при разговорѣ кривится, бакенбарды не растутъ; борода мало заростаетъ, сутуловатъ и ходитъ не много искривившись; говоритъ протяжно, отъ роду ему около 30-ти лѣтъ.—Почему поставляется въ непремѣнную обязанность всѣмъ хозяевамъ домовъ и управляющимъ оными, что естьли такихъ примѣтъ человѣкъ у кого окажется проживающимъ или явится къ кому либо на ночлегъ, тотъ часъ представитъ его въ Полицію; въ противномъ случаѣ съ укрывателями поступлено будетъ по всей строгости законовъ. Декабря 30 дня 1825 года.

С. Петербургскій Оберъ - Полиціймейстеръ Шульгинъ 1.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО ОБЕР-ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРА ОТ 30 ДЕКАБРЯ 1825 г. О РОЗЫСКЕ КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Доехав я до города Поречья, узнал на почте, что сестра Кюхельбекера, госпожа Глинкина, по подорожной проехала в С.-Петербург по тракту на Великие Луки, почему поехал я за нею и, приезжая вторично к господину Лаврову, требовал людей, которые возили Кюхельбекера, на что господин Лавров мне объявил, что госпожа Глинкина, проезжая из дому своего в С.-Петербург, была заехавши к нему, Лаврову, и сказала, что она меня обманула, а брат ее, Кюхельбекер, к ней был доставлен, но коль скоро он приехал, то она, Глинкина, в то же время отправила его, Кюхельбекера, из двора на своих лошадях с своими людьми и куда он, Кюхельбекер, поехал и где он ныне находится — ей неизвестно, в удостоверение чего она, госпожа Глинкина, Лаврову собственной ее руки дала расписку, которую Лавров и вручил мне.

Почему я, видя, что от госпожи Глинкиной в приезде к ней брата ее, Кюхельбекера, обманут и через то она, госпожа Глинкина, скрыв следы Кюхельбекера, дала повод ему скрыться, решил я возвратиться в город Псков, в который 8-го сего января по полудни в 10-м часу прибыл и о том с представлением объяснения г. Лаврова, равно расписки г-жи Глинкиной о том, что она не скрывает у себя Кюхельбекера и таковые же ей госпожой Глинкиной данные господину Лаврову в привозе от него Кюхельбекера

и уезде неизвестно куда, Вашему превосходительству почтеннейше честь имею донести.

Псковский квартальный надзиратель
Спегальский

№ 1-й.
10 января 1826 года.

К рапорту приложены три нижеследующих документа:

Копия

№ 1. Пол⟨учено⟩ 2 января 1826 года

Командированному по именному ⟨повелению⟩ его императорского величества псковскому квартальному надзирателю г-ну Спегальскому

Гвардии от подпоручика
Петра Степановича Лаврова

ОБЪЯСНЕНИЕ

На требование Ваше по открытым следам Вами, якобы скрывается от поисков у меня Кюхельбекер, объяснить имею, что означенный Кюхельбекер был проездом у меня, который и отправился от меня прошлого 1825 года декабря 26-го числа на моих лошадях к родной своей матери Кюхельбекерше, живущей у дочери своей, статской советницы, г-жи Глинки, Смоленской губернии в Духовском уезде, в сельце Закуп.

Подписал гвардии подпоручик Петр Лавров
1826 года января 2 дня.

№ 2. Получ⟨ено⟩ 3 января 1826 года

Я сим свидетельствую перед богом и государем, что я несчастного брата своего в своем доме и селении не скрываю.

Подписала статская советница Юстина Глинкина
Января 3 дня 1826 года.
Сельцо Закуп.

№ 3. Получ⟨ено⟩ 6 января 1826 года

Я, нижеподписавшаяся, даю сие свидетельство Петру Степановичу Лаврову, что его люди и лошади довезли несчастного моего брата Кюхельбекера ко мне в Закуп, но я в свой дом его не приняла и отослала, но мне неизвестно куда он направил путь свой.

Подписала статская советница Глинкина
Января 5 дня
1826 года.

⟨3⟩

По секрету

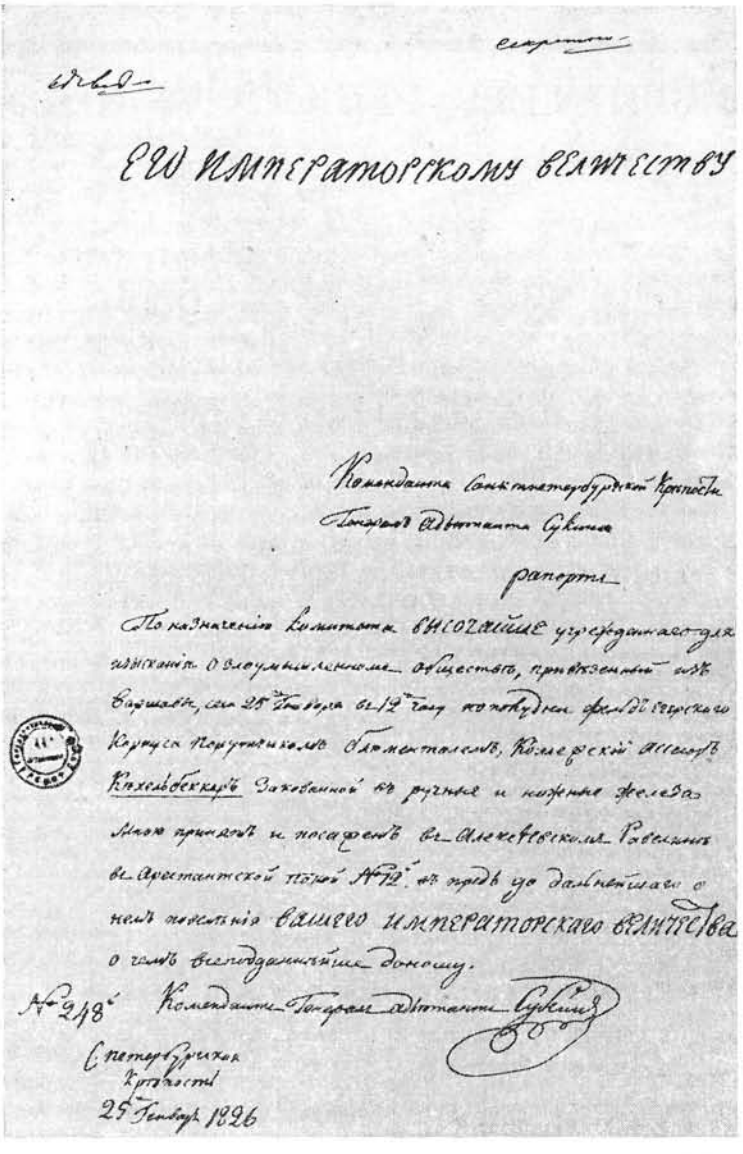
⟨ОТПУСК ОТНОШЕНИЯ ПСКОВСКОГО ГУБЕРНАТОРА Б. А. АДЕРКАСА ТИТУЛЯРНОМУ СОВЕТНИКУ М. МЯГКОВУ⟩

Господину титулярному советнику и кавалеру
Мягкову

По высочайшему его императорского величества повелению, объявленному мне господином С.-Петербургским генерал-губернатором и кавалером Павлом Васильевичем Голенищевым-Кутузовым об отыскании участвовавшего в бунте 14-го декабря прошлого года и скрывшегося из столицы коллежского асессора Кюхельбекера отправлен был мною чиновник Спегальский для узнания под рукою, не скрывается ли он у сестры своей в Великолукском уезде, которая в замужестве за помещиком Петром Сте-

пановичем Лавровым, и если он, Кюхельбекер, где найден будет, взять его, заковав, и за строгим караулом представить.

Г-н Спегальский открыл след, но не отыскал его и даже не спросил Лаврова людей, которые возили Кюхельбекера в Смоленскую губернию



Его Императорскому Величеству

Коменданта Санктпетербургской Крепости
Генералъ Адъютанта Сукина
рапортъ

По назначенію Комитета Высочайше учрежденнаго для изысканія о злоумышленномъ обществѣ, привезенный изъ Варшавы, сего 25 Генваря въ 12 часу пополудни фельдъегерскаго Корпуса Поручикомъ Блюменталемъ, Коллежскій Ассесоръ Кюхельбеккеръ закованной въ ручныя и ножныя железа мною принятъ и посаженъ въ Алексеевскомъ Равелинѣ въ Арестантской покой № 12 въ предъ до дальнѣйшаго о немъ повелѣнія Вашего Императорскаго Величества о чемъ всеподданнѣйше доношу.

№ 248 Коменданта Генералъ Адъютанта Сукина

С.Петербургская Крѣпость
25 Генваря 1826

РАПОРТ КОМЕНДАНТА ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ А. Я. СУКИНА ОТ 25 ЯНВАРЯ 1826 г. НА ИМЯ НИКОЛАЯ I О ТОМ, ЧТО ПРИВЕЗЕННЫЙ ИЗ ВАРШАВЫ КЮХЕЛЬБЕКЕР ИМ «ПРИНЯТ И ПОСАЖЕН В АЛЕКСЕЕВСКИЙ РАВЕЛИН»

Центральный исторический архив, Москва

к госпоже Глинке, которая якобы не приняла его к себе в дом и ее же лошадьми отправила его.

Люди г. Лаврова должны знать, куда они отвезли Кюхельбекера от госпожи Глинки.

Предписываю Вашему благородию немедленно отправиться в Великолукский уезд, взять людей г-на Лаврова, которые возили Кюхельбекера, снять с них показания, куда отвезли они его от госпожи Глинки и следом сим непременно отыскать Кюхельбекера, взять его, сковать и представить ко мне.

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ

№ 9.

ПЯТНИЦА ГЕНВАРЯ 29го ДНЯ

1 8 2 6.

ВНУТРЕННІЯ ПРОИЗШЕСТВІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, *отъ 29-го Генваря.*

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ЦЕСАРЕВИЧЪ доставилъ сюда извѣстнаго по преступному участію въ произшествіи 14-го Декабря, Кюхельбекера. — **ЕГО ВЫСОЧЕСТВО** при семъ доводилъ до Высочайшаго свѣдѣнія отличное усердіе и расторопность унтеръ-офицера Лейбъ-гвардіи Волынскаго полка Григорьева, которой будучи посланъ по дѣламъ службы въ Варшавѣ на предмѣстье Прагу, встрѣтилъ неизвѣстнаго ему человѣка, вступившаго съ нимъ въ разговоръ, и сочтя его сомнительнымъ тѣмъ болѣе, что наружность его сходствовала съ извѣстными ему Григорьеву приметами Кюхельбекера; въ полку всѣмъ нижнимъ чинамъ объявленными, представилъ его Начальству, предъ коимъ открылось, что сей человѣкъ есть дѣйствительно отыскиваемый преступникъ Кюхельбекеръ.

въ С. Бригадировкѣ, по причинѣ усилившейся стужи; изъ города Курска отъ 17-го Генваря за No 48, о примѣрномъ усердіи, оказанномъ Слободско-Украинскимъ Епископомъ Павломъ при сопровожденіи печальнаго шествія; изъ тогоже города и отъ 17-го же числа о выступленіи въ городъ Курскъ. Равномѣрно имѣлъ я честь извѣщать Его Сіятельство Князя Куракина изъ городовъ Харькова и Курска о прибытіи въ оные, при чемъ испрашивалъ разрѣшенія по нѣкоторымъ предметамъ. Сверхъ сего, начиная съ перваго перехода, села Покровскаго изъ городовъ Бахмута, Харькова и Курска со всею подробностію сообщалъ я все, касающееся до печальнаго шествія, Его Сіятельству Князю Петру Михайловичу Волконскому, дабы онъ могъ, въ случаѣ соизволенія ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА вдовствующей ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ, доводить оное до Ея свѣдѣнія. За всѣмъ симъ, двумя отношеніями моими изъ города Харькова имѣлъ

СООБЩЕНИЕ ОБ АРЕСТЕ КЮХЕЛЬБЕКЕРА В ВАРШАВЕ И ДОСТАВКЕ ЕГО В ПЕТЕРБУРГ
«Санктпетербургские ведомости» от 29 января 1826 г. № 9

Приметы Кюхельбекера: *

С Вами отправляю надежного жандарма и прилагаю при сем предписание Торопецкому г-ну предводителю дворянства майору Кутузову, который Вам доставит возможность действовать в Смоленской и Тверской губернии, по известности местоположения оных. Из Казенной палаты предложил я Вам отпустить примерно пятьсот руб., в коих по возвращении отдадите отчет. Подорожная и открытый лист при сем прилагается.

---

* *Приметы Кюхельбекера в тексте отсутствуют.*

ПОСЛЕДНЯЯ СТАТЬЯ КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Сообщение М. К. Азадовского

Литературное наследие Кюхельбекера учтено еще далеко не полностью. Первым литературно-критическим выступлением его считается обычно статья в петербургской газете «Le conservateur impartial» (1817, № 77): «Coup d'oeil sur l'état actuel de la littérature russe», перевод которой тогда же был помещен в «Вестнике Европы» (1817, №№ 17 и 18). Статья в газете появилась без подписи автора, и принадлежность ее Кюхельбекеру установлена лишь на основании позднейшей записи его в дневнике [1]. Названная статья не была единственным выступлением Кюхельбекера в этой газете: в списке своих статей, предназначенных для собрания сочинений, он упоминает о нескольких статьях в «Le conservateur»[2]. Очень осведомленный Н. П. Колюпанов, опиравшийся в своих сообщениях на свидетельства современников, называет еще одну статью Кюхельбекера в этом издании — об «Опытах» Батюшкова [3]. Действительно, в № 83 газеты за тот же 1817 год помещена анонимная рецензия, озаглавленная: «Essai en vers et en prose par M. Batuschkoff». Это определенное указание Колюпанова оказалось почему-то не замеченным или забытым позднейшими исследователями жизни и творчества Кюхельбекера; не учтено оно и Н. М. Ченцовым, хотя книга Колюпанова им упомянута. Основываясь на сообщениях Колюпанова и самого Кюхельбекера, следует полагать, что последний был в 1817 г. постоянным сотрудником газеты в качестве литературного критика-рецензента. Это дает право предположить, что Кюхельбекеру же принадлежит и рецензия на «Двенадцать спящих дев» Жуковского, помещенная в № 63[4]. По стилю и общему характеру она очень близка к статьям Кюхельбекера. Если это предположение подтвердится, то данную рецензию следует считать таким образом первым критическим выступлением Кюхельбекера. Весьма неполно освещено участие Кюхельбекера и в «Благонамеренном». Все это дает основание предполагать, что и в других изданиях того времени может скрываться ряд неразысканных статей и заметок Кюхельбекера.

Не обследована с исчерпывающей полнотой и литературная деятельность Кюхельбекера периода заключения в крепости и жизни на поселении. Известно, что время от времени отдельные произведения Кюхельбекера, благодаря содействию его друзей (главным образом, Пушкина), проскальзывали в печать, появляясь (анонимно или под псевдонимом) в различных журналах и альманахах. Были даже осуществлены и отдельные издания. Об одном из них («Русский декамерон 1831 г.») стало известно лишь в недавние дни [5].

На поселении Кюхельбекер вел упорную борьбу за право печатания, обращаясь за помощью к своим старым друзьям и покровителям и возбуждая официальные ходатайства. Это достаточно хорошо освещено его биографами. Известно, что все эти хлопоты и ходатайства в большинстве случаев были безрезультатны, но иногда Кюхельбекеру все же удавалось обмануть своих тюремщиков и появиться в печати. В 1839 г. он каким-то

путем опубликовал (анонимно) комедию «Нашла коса на камень»[6]. Есть основания утверждать, что это было не единственное выступление Кюхельбекера в печати во время его сибирского изгнания.

В «Дневнике» Кюхельбекера обращает внимание запись от 6 августа 1845 г.: «Статья, которую я сегодня кончил, — статья о нашей грамматической терминологии. Она, если бог даст, будет добрым началом ряда статеек о русской грамматике»[7]. В перечне своих произведений, сделанном для Жуковского, Кюхельбекер называет «статьи о русском языке»[8]. В более позднем перечне, написанном 3 марта 1846 г., известном под именем «Литературного завещания» Кюхельбекера, где подробно перечислены все его произведения, оставшиеся в рукописи, с указанием, что печатать, «что исправить, что истребить», нет уже никакого упоминания ни о статье по терминологии русской грамматики, ни о других статьях по русскому языку[9]. Между тем в «Дневнике» по поводу первой написано очень определенно: «кончил». Вряд ли Кюхельбекер мог забыть о них при составлении своего «завещания» или причислить их к разного рода неоконченным отрывкам. Невольно возникает предположение, что этих статей, по каким-то причинам, уже не было в распоряжении автора, когда он составлял свое «литературное завещание», что они были куда-то отправлены и может быть даже где-то без имени автора опубликованы.

Одна архивная находка позволяет разрешить этот вопрос. В бумагах Кюхельбекера сохранилось письмо к нему декабриста Н. В. Басаргина от 5 мая ⟨1846 г.⟩ со следующими строками: «С большим удовольствием прочитал статью Вашу в „Отечественных записках“ — нахожу, что она очень удачна»[10].

Этот отзыв Басаргина свидетельствует о факте появления в «Отечественных записках» статьи Кюхельбекера и дает ключ для ее отыскания. Письмо датировано началом мая 1846 г.; стало быть, статья Кюхельбекера могла появиться либо в первых трех книжках журнала за 1846 г., либо в последних за 1845 г. Но до начала марта 1846 г. Кюхельбекер находился в Кургане, где жил и Басаргин и где они часто, как это явствует из записей дневника, встречались. Если бы статья Кюхельбекера была помещена в последних номерах за 1845 г. или в первом номере за 1846 г., то Басаргин мог бы ознакомиться с ней еще во время пребывания Кюхельбекера в Кургане. Совершенно очевидно, что книжка журнала со статьей Кюхельбекера появилась в Кургане или в Ялуторовске, откуда написано письмо Басаргина, уже после отъезда Кюхельбекера. Таким образом, статью надлежит искать во второй или третьей книжках «Отечественных записок» за 1846 г. Действительно, в № 3 находится статья, заглавие которой в точности соответствует дневниковой записи 1845 г.: «О терминологии русской грамматики» (в «Дневнике»: «Статья о нашей грамматической терминологии»); подписана она: «—ъ»[11].

Статья открывается следующим авторским предисловием: «Занимаясь несколько лет преподаванием русской грамматики, я, по примеру знаменитого дяди и наставника Жиль-Блаза-Сантиланского, старался и сам тщательно изучить свою науку; а как труды Рейфа, Фатера, Пухмейера, Оттелина, Добровского и других мне, простому учителю уездного училища, недоступны, я, по крайней мере, старался сличать и сравнивать руководства гг. Востокова и Греча и дополнять читанное собственным наблюдением и размышлением. Тут представились мне кое-какие вопросы, на которые, сколько я знаю, не обращалось еще никакого внимания, кое-какие сомнения, разрешения которых я не нашел ни в известных мне компендиях, ни в статьях о грамматике, к несчастию слишком редких и скудных в наших периодических изданиях, особенно в нынешнее время. Вот что́ и понудило меня самому отважиться, по мере сил своих, способностей и данных мне средств, исследовать эти вопросы и отыскать на них

ответы, которые бы вывели хотя самого меня из недоумения. На память для самого себя *я набросал на бумагу свои отметки об этом предмете, и таким образом составилось несколько статеек о русской грамматике*, которые, быть может, покажутся занимательными и другим любителям русского слова. Вместо образчика решаюсь, милостивый государь, препроводить к вам одну из них...»

Выделенные нами курсивом слова почти целиком совпадают с дневниковой записью от 6 августа 1845 г. Совпадает не только общий смысл, но даже отдельные выражения («статейки»).

Это предисловие служит целям маскировки и в то же время вполне автобиографично. Автор называет себя «простым учителем уездного училища». Формально это, конечно, неверно, поскольку внушало ложное представление об официальном положении автора, но правильно по существу, так как Кюхельбекер, действительно, был провинциальным (уездным) педагогом, и основным его занятием была частная преподавательская деятельность. Заявление же о долголетних занятиях русской грамматикой вполне соответствует действительному положению вещей, ибо изучением языка Кюхельбекер занимался с некоторыми перерывами в течение всей своей жизни. Еще в 1817 г., будучи преподавателем Благородного пансиона, он составил не дошедший до нас курс «Логики языка»; вопросы языка он затрагивал неоднократно в своих критических статьях; национально-историческим особенностям русского языка была посвящена его парижская лекция; наконец, в 1825 г., незадолго до ареста, он поместил в «Благонамеренном» обширную рецензию на «Славянскую грамматику» Пенинского. Немало замечаний по различным вопросам характера и истории русского языка разбросано в его «Дневнике». Как видно из цитированной выше записи, Кюхельбекером было написано или задумано несколько статей по вопросам русской грамматики. Статья в «Отечественных записках» позволяет совершенно определенно установить круг тем, над которыми он работал. В цитированном уже выше «предисловии» Кюхельбекер пишет: «На этот раз ограничусь некоторыми замечаниями о терминологии русской грамматики. Буде же моя статейка заслужит ваше внимание и удостоится помещения в вашем журнале, я в *непродолжительном времени* ⟨курсив наш.— *М. А.*⟩ перешлю вам еще следующие: во-первых, „О раздроблении грамматики на этимологию, синтаксис, просодию ⟨...⟩ и орфографию"; во-вторых, „О разделении элементов языка на 8 или же на 9 так называемых частей речи"; в-третьих, „Об именах собственных, взятых с иностранных языков", и, наконец, в-четвертых, „О русском глаголе"». Этот перечень тем ярко свидетельствует о широте лингвистических интересов и определенной целеустремленности в постановке научной лингвистической проблематики.

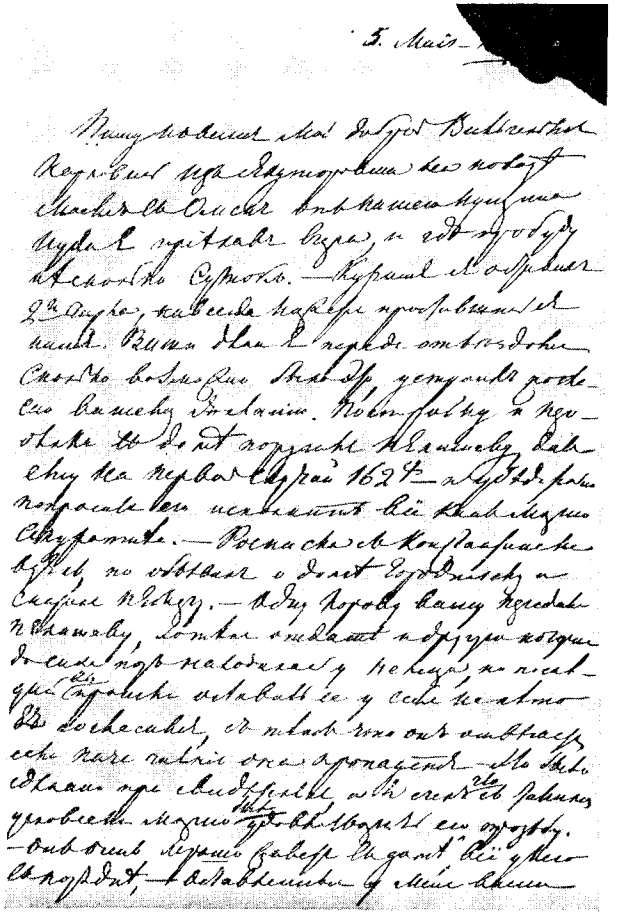
Эти вопросы издавна привлекали внимание Кюхельбекера; некоторые из них поставлены в его парижской лекции; например, о заимствованных словах в русском языке, о глаголе. Частично затронута в парижской лекции и основная тема этой статьи: о невозможности строить русскую грамматику по нормам грамматик латинского и греческого языков. Исходя из этого требования, Кюхельбекер подвергает в своей статье резкой критике принятую в грамматиках Греча и Востокова терминологию. Его критика «Грамматики» Греча в значительной мере предвосхищает ту оценку, которую получила она в советской науке. «На грамматике Н. И. Греча сказалось сильное воздействие западноевропейских грамматик логического направления, — пишет В. В. Виноградов. — Русский материал, включенный в эту грамматику, очень значителен ⟨...⟩ Но грамматические классификации Греча страдают схематизмом. Критерии деления здесь почти целиком заимствованы из западноевропейских философских грамматик ⟨...⟩ Внешний схематизм описания особенно наглядно

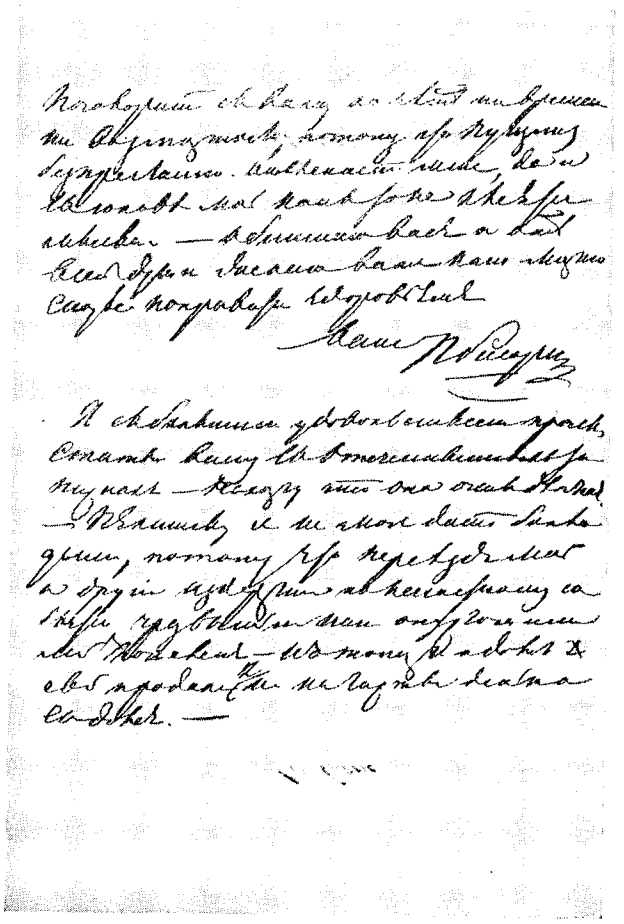
обнаруживается в перечнях форм словообразования — без всякого их семантического анализа» [12]. Рабское, некритическое следование западноевропейским грамматикам, построенным по схемам грамматик древних языков, отмечает в качестве основного порока грамматики Греча и Кюхельбекер. «Языки латинский и греческий, — пишет он, — языки мертвые; ими уже никто не говорит, им уже больше ни развиться, ни звучать живою речью в устах поколения, которое всосало бы их стихии с молоком матери. Бесполезно было бы изменять их грамматическую терминологию, освященную, впрочем, употреблением не одного тысячелетия, тем более, что она, все же, в духе их, и что в ней гораздо более смысла и толка, чем в нашей, хотя, конечно, и ее совсем нельзя назвать безошибочною. Но нашему ли живому, молодому языку наряжаться в шутовские, пестрые лохмотья, выкроенные наугад и очень часто невпопад, по образцу одежды мертвецов, когда, притом, эта одежда ему не по плечам и не по росту — то слишком узка и коротка, то слишком длинна и широка?». Возражая тем, кто не видит и не понимает важности правильной грамматической терминологии, считая ее лишь внешней условностью, Кюхельбекер восклицает: «Нет, милостивые государи! каждое слово одушевлено идеею, от которой оно родилось и которая в нем никогда не умирает. Слова — стихии языка, не алгебраические *a*, *b*, *c*, *x* и *y*, которые то значат мильон, то мильонную часть единицы, то количество отрицательное, как то потребуется надобностию задачи или прихотью математика. В каждом слове *своя* живая душа, свой смысл, — и употреблять какое бы то ни было слово в противность этому смыслу или хоть не сообразуясь с ним, — значит, говорить или писать бессмыслицу. Заставляя же детей в учебных книгах затверживать подобные бессмыслицы, научаешь их набивать голову великолепною галиматьей и принуждаешь заранее отказываться от употребления здравого рассудка». Статья Кюхельбекера проникнута пафосом борьбы за самостоятельную национальную научную мысль, — он настаивает на выработке национальной грамматической терминологии, то есть терминологии, соответствующей историческому развитию и национальному характеру русского духа.

Борьбу за пересмотр грамматической терминологии Кюхельбекер начал еще до 14 декабря 1825 г. В рецензии на «Славянскую грамматику» Пенинского он писал по поводу термина «имя прилагательное»: «При исчислении наименований частей речи г. Пенинский прилагательное слово по обыкновению, принятому, впрочем, не в одних только русских грамматиках, называет *прилагательным именем*. Конечно, беда не велика, если всеми принятое, всем понятное название не очень правильно; однако же иногда и оно может быть поводом к заблуждению. — Имя есть название предмета отдельного, представляющее воображению и без других слов нечто определенное, а слова качественные, числительные, указательные сами по себе ничего не представляют оному, а только служат к большему объяснению имен нарицательных и собственных, к которым *прилагаются*. Итак, напрасно г. Пенинский и другие грамматики называют их именами» [13].

Это (ошибочное по существу) утверждение повторено и в статье «Отечественных записок»: «...технический термин *имя прилагательное*, — утверждает Кюхельбекер, — просто нелепость. Прилагательное, или, если угодно, прилог, приложение (adjectivum) — вовсе не имя, а только дополнение, продолжение имени, с которым оно сопрягается. Оно само по себе ничего не называет, а только развивает, дополняет понятие, которое заключается в названии предмета, в *имени*».

Аналогичной критике подвергает Кюхельбекер и другие принятые русскими грамматиками термины. Он считает совершенно неправильным то определение, которое дается имени существительному, утверждая,





АВТОГРАФ ПИСЬМА Н. В. БАСАРГИНА К КЮХЕЛЬБЕКЕРУ ОТ 5 МАЯ 1846 г.
Листы первый и последний
Исторический музей, Москва

что при разнообразии охватываемых этим понятием предметов термин «существительное» бесполезен и даже вреден. Термин «местоимение» называет он «варварским» и «составленным совсем не в духе русского языка». Эту часть речи он предлагает совсем уничтожить и превратить «в подразделение имени, которое бы можно назвать подвижным, относительным именем». Излишней частью речи считает он «междометие», самый же термин характеризует как порождение «схоластической мистики». И, наконец, уже совершенно нелепыми кажутся ему наши названия падежей, «рабски» переведенные на русский язык с латинского. Неудачно, по его мнению, и самое слово «падеж»: «Что такое тут падает? Есть ли тут какая-нибудь, хоть самая слабая идея о падении чего бы то ни было?»— восклицает он.

Единственно выразительным, истинно превосходным, термином считает он слово «глагол». За эту «удачную и прекрасную находку наших грамматиков, — пишет он, — ⟨...⟩ им можно отпустить много промахов и недосмотров, много схоластических грехов неведения». К числу крупнейших ошибок Греча относит Кюхельбекер и те определения, которые даны им «наречию». Такие же ошибки находил Кюхельбекер и у Востокова. Своих определений Кюхельбекер в этой статье (за некоторыми исключениями) не дает, обещая вернуться к этим вопросам в дальнейших, намеченных им статьях. Последние страницы его этюда посвящены терминологии в области синтаксиса.

Кюхельбекер требует пересмотра и обновления не только грамматической терминологии, но вообще всей терминологии, принятой в научной литературе. Он настаивает на демократизации ее и на максимальном приближении к интересам широких кругов читателей, вплоть до простолюдинов. Для этого она должна опираться не на «язык канцелярий и семинарий», а на живую народную речь. В «нашей ученой терминологии, — пишет он, — очень любят окончание на *ие*, *ение*, *ание*, *ость*, *ство*, *ательный*, *ительный* и с небольшими исключениями чуждаются причастий и общеразговорных простонародных имен и прилогов. Между тем самые ясные, точные, выразительные технические наши термины именно не на эти окончания, столь милые нашему книжному языку и столь мало родственные живому разговору, столь малопонятные русскому простолюдину; наприм⟨ер⟩, в грамматике: *имя*, *глагол*, *предлог*, *союз*, *связь* — такие слова, которых смысл наперед отгадает всякий русский человек, даже вовсе безграмотный». — «Мы убеждены, — заявляет он далее, — что наша терминология и не одна грамматическая чрезвычайно выиграла бы и в ясности и в точности, если б в ней, по какому-то странному предрассудку, не боялись сильных, коротких простонародных слов и слов, придуманных в духе и по образцу этих уже существующих».

В нашу задачу не входит критическое рассмотрение данной статьи. С точки зрения современной лингвистической науки в ней, конечно, так же как и в его парижской лекции, многое представляется уже вполне устарелым, кое-что наивным и порой совершенно ошибочным. Но тем не менее эта забытая статья, несомненно, должна привлечь внимание специалистов-историков и найти свое место в истории русской науки о языке. Она сохраняет свое значение и ценность как памятник лингвистической мысли декабристов и как образец их неустанной борьбы за честь и достоинство русской науки и их неизменной веры в великие творческие возможности живого русского языка.

Статья Кюхельбекера чрезвычайно интересна еще в одном отношении. Приведенное выше предисловие к статье было оборвано в журнальном тексте двумя строками точек, что свидетельствовало о каком-то пропуске. В особом подстрочном примечании редакция объяснила причины пропуска: «Позволяем себе выкинуть здесь 16 строк — очень лестных для

нашего самолюбия и по тому самому не могущих быть напечатанными в нашем журнале. Иначе, „друзья" „Отечественных записок" могли бы сказать, что мы подражаем им, печатая себе похвалы в собственном своем журнале. Итак, да извинит нас почтенный автор этой статьи, что мы не исполним его желания, так искренно высказанного в письме его». Из этого примечания явствует, что Кюхельбекер восторженно отозвался о журнале, — причем, несомненно, его похвалы относились, главным образом, к той части, которая более всего его интересовала: к статьям критическим и статьям о языке, то есть к статьям Белинского. Восхищение статьями Белинского Кюхельбекер не раз высказывал и в своем дневнике и в письмах. Так как статьи Белинского обычно были без подписи, то Кюхельбекер, подобно многим современникам, ошибочно считал их автором самого Краевского. В письме к Одоевскому (3 марта 1846 г. из Кургана), говоря о своих литературных симпатиях, он писал: «Из нынешних люблю Краевского...» [14].

В рецензиях Белинского, относящихся к вопросам русской грамматики, Кюхельбекер должен был найти немало созвучных ему мыслей. Еще в 1834 г. Белинский упрекал И. Ф. Калайдовича за его «учение о частях речи», которое не выведено «из законов русского языка» [15]; в рецензии на «Русскую грамматику для первоначального обучения» (1839) Белинский, так же как позже Кюхельбекер, требовал от каждого автора новой грамматики критического отношения к принятым положениям и терминам [16].

Весьма близки и созвучны были Кюхельбекеру и мысли Белинского о роли и значении заимствованных слов в русском языке. Белинский утверждал, что в вопросе о законности и правильности того или иного заимствования единственным критерием может быть лишь народное или общественное признание: «...Создатель и властелин языка — народ, общество: что принято ими, то безусловно хорошо ⟨...⟩ Ненужное слово никогда не удержится в языке, сколько ни старайтесь ввести его в употребление ⟨...⟩ Страж чистоты языка — не академия, не грамматика, не грамотеи, а дух народа» [17]. Эта апелляция в решении вопросов об языке к «духу народа» характерна и для Кюхельбекера; она встречается и в статье о грамматической терминологии. Совпадают отношения Белинского и Кюхельбекера к современным грамматикам. Обширную рецензию на «Грамматические разыскания» Белинский начинал с утверждения об отсутствии у нас «удовлетворительной грамматики»; главный же недостаток существующих грамматик он видел в отсутствии их связи с характером русского языка, с его «анатомией и физиологией» [18].

Этой рецензии Белинского Кюхельбекер еще не мог читать, когда работал над своей статьей о грамматической терминологии, ибо она появилась лишь в августовской книжке «Отечественных записок» 1845 г. В Курган этот номер «Отечественных записок» мог притти лишь через месяц, в сентябре, — Кюхельбекер же закончил свою статью 6 августа. Но это сходство воззрений Кюхельбекера и Белинского на многие вопросы о русском языке и его изучении весьма знаменательно, — и вполне понятно, почему Кюхельбекер обратился со своей статьей именно в «Отечественные записки». Еще находясь в Акше (в 1841 г.), Кюхельбекер оценил «большие достоинства» «Отечественных записок» [19], — и в 1846 г. он стал их сотрудником. Неизвестно, в какой мере удалось Кюхельбекеру реализовать замысел создания цикла статей по русской грамматике. Вероятнее всего, что он закончил только одну статью, так как вскоре тяжело заболел и к концу года совершенно ослеп. А через год, в августе 1846 г., он скончался. Таким образом, статья в «Отечественных записках» явилась последним печатным выступлением Кюхельбекера.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Дневник Кюхельбекера», стр. 79 (запись от 7 ноября 1832 г.).

[2] Там же, стр. 314.

[3] Н. П. Колюпанов. Биография А. И. Кошелева, т. I, ч. 2. М., 1889, стр. 24.

[4] «Les douzes vierges dormantes, poème de M. Joukowsky».— «Le conservateur impartial», 1817, № 63.

[5] Кюхельбекер, т. I, стр. LV.

[6] «Дневник Кюхельбекера», стр. 248.

[7] Там же, стр. 305.

[8] Там же, стр. 314.

[9] Кюхельбекер, т. I, стр. XXVII—XXVIII.

[10] ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4, Б 61, л. 47 об. (Сообщено редакции «Лит. наследства» М. Ю. Барановской).— Письмо написано в Ялуторовске, где Басаргин остановился по пути из Кургана в Омск. Остальная часть письма заполнена отчетом об исполнении деловых поручений Кюхельбекера и о встречах в Ялуторовске.

[11] «Отечественные записки», 1846, № 3, отд. II, стр. 43—54.— В том же номере помещены «Письма об изучении природы» (письмо седьмое) Герцена и рецензия Белинского на «Петербургский сборник» Некрасова.

[12] В. В. Виноградов. Русская наука о русском литературном языке.— «Ученые записки Московского гос. университета», т. II, кн. 1, 1946, стр. 48.

[13] «Благонамеренный», 1825, № 37-38, стр. 346.

[14] «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1893 год». СПб., 1896, стр. 71; в «Дневнике» под 1 мая 1845 г. записано: «Краевский, без всякого сомнения, лучший наш критик» (стр. 299).

[15] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. II. СПб., 1900, стр. 31.

[16] Там же, т. IV. СПб., 1901, стр. 388—389.

[17] Там же, т. IX. СПб., 1910, стр. 375—376.

[18] Там же, стр. 475, 483.— Кюхельбекер, несомненно, знал и «Основания русской грамматики» Белинского (1837), хотя и не догадывался, что ее автор и автор критических статей в «Отечественных записках» — одно лицо. Обращает внимание сходство некоторых положений Белинского и Кюхельбекера в трактовке частей речи. Востоков устанавливал восемь частей речи, Греч — девять. Белинский и Кюхельбекер настаивают на сокращении этого числа; и тот, и другой, исключают из состава русских частей речи имя прилагательное и междометие. Отрицательно относился Белинский и к термину «существительное»; в его перечне частей речи нет «имени существительного»; вместо последнего он пользуется кратким термином — «имя».

[19] «Дневник Кюхельбекера», стр. 272.

ДЕКАБРИСТЫ — КРИТИКИ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» Н. М. КАРАМЗИНА

ДЕКАБРИСТ МИХАИЛ ОРЛОВ — КРИТИК «ИСТОРИИ» Н. М. КАРАМЗИНА

Публикация и комментарии Л. Я. Вильде
Вступительная статья М. В. Нечкиной

«История государства Российского» Н. М. Карамзина вышла в свет в феврале 1818 г. Она застала уже завязавшийся бой между старой и молодой Россией. Тайное общество декабристов к этому времени прошло двухлетний путь развития, успело исчерпать Союз Спасения и находилось в разгаре формирования новой организации — Союза Благоденствия. Уже составлялся новый устав Общества «Зеленая книга», уже была написана пушкинская ода «Вольность», уже Грибоедов задумал «Горе от ума». Стало быть, «История государства Российского»,—труд по концепции своей реакционный и «охранительный»,— обсуждалась в те годы, когда формировались два враждебных лагеря, ставших друг против друга,— декабристский лагерь молодой России и лагерь крепостнической реакции, в котором роль идеолога играл придворный историограф и автор «Записки о древней и новой России»— Н. М. Карамзин.

«История» Карамзина и сама послужила силой, выявившей столкновение, углубившей размежевание. Драгоценным свидетельством об этом мы обязаны Пушкину. Он оказался живым свидетелем и участником идейной борьбы старого с новым в русской историографии. На заре русского революционного движения молодой лагерь новаторов восстал против «охранительной» концепции Карамзина, направленной к прославлению самодержавия. «Молодые якобинцы негодовали,— писал Пушкин,— несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, казались им верхом варварства и унижения» [1]. Мы не располагаем, разумеется, всей полнотой свидетельств об этих спорах, драгоценных для русской историографии. В печать они, по политическим соображениям, и не могли проникнуть: опровергая официальную правительственную концепцию «благости» самодержавия для народа, свидетельства эти являлись тем нелегальным и опасным материалом, которому было заказано переступить порог печатного слова. Даже доверить свои возражения бумаге было далеко не безопасно, и декабрист Никита Муравьев, все же сделавший это, проявил несомненную смелость. Лишь отдельные отголоски этих споров доходят до нас из глубины времен.

Члены Тайного общества Никита Муравьев и Михаил Орлов в своем протесте против Карамзина представляют декабристскую организацию в момент выхода его «Истории» в свет; будущие декабристы — А. О. Корнилович и Г. С. Батеньков—не остаются безучастными к критике появившегося реакционного труда. Их сомнения идут по той же линии, и Карамзин не вызывает их восторга, не принят ими. С 1822 г. «Северный архив» начинает печатать обстоятельную критику на Карамзина, принадлежащую выдающемуся польскому историку Лелевелю. «В завтрашней книжке сего журнала увидите продолжение критики на Карамзина,—пишет Корнилович историку П. М. Строеву.— Каково принята сия критика вашими господами литераторами? Здесь все более или менее отдают ей справедливость. С первых книжек будущего года начнется разбор всех девяти частей отдельно. Тут-то пойдет передряга»[2]. В этой «передряге» Корнилович симпатизировал явно не Карамзину. Батеньков даже в сибирском изгнании возвратился к вопросу о Карамзине и в отрывке «Нечто об истории» заметил: «Карамзин написал двенадцать томов. Может быть в них не много истории...». Скептическая мысль была аргументирована существен-

ным соображением,— Батеньков сомневался, что цари управляют ходом исторических событий [3]. Куда направлялась мысль старого декабриста, видно из предшествующих строк того же отрывка — Батеньков искал в истории своей родины не действий царей, а событий истории народа, решительных его выступлений (в этом свете чрезвычайно любопытны его соображения о событиях «смутного времени»: «...история его ⟨русского народа⟩ объемлет целую тысячу лет. Должны же быть в ней черты решительного свойства. Мы проведены через великое зло татарским порабощением, революцией 1604—1612 года, столкновением с Наполеоном...») [4].

Вспомнил о Карамзине и декабрист Каховский даже накануне казни в каземате Петропавловской крепости. Он мечтал о том, что Карамзину будет когда-либо противопоставлен историк другого направления, историк из народа, таящийся сейчас «в толпе народа», но сумеющий оценить злодеяния царей, строгий судия всего содеянного царями. Глубоко убежденный в том, что «с царями народам делать договоров невозможно», Каховский убежденно заявлял: «Исчез обряд судить народу умерших царей своих до их погребения. Но история предает дела их на суд беспристрастного потомства. Не все историки подобны Карамзину, деяния века нашего заслуживают иметь своего летописца Тацита. Кто знает, может быть и есть он, но таится в толпе народа, работая для веков и потомства. Он возвестит нам истину,— и благословение и проклятия потомков обнаружат дела, поразят и украсят венценосцев» [5].

Эти отголоски критики Карамзина декабристами свидетельствуют о большом потоке когда-то звучавших критических рассуждений [6]. Не все дошло до нас, но из перечисленных свидетельств можно видеть, что «молодые якобинцы» не только протестовали против концепции Карамзина, но и выдвигали самостоятельное — передовое для того времени—понимание исторического процесса своей родины. Особенно ясно и подробно изложили это понимание Никита Муравьев и Михаил Орлов. Пушкин писал в упомянутом автобиографическом отрывке: «Ник⟨ита⟩ Муравьев, молодой человек умный и пылкий, разобрал предисловие или введение: предисловие!» (действительно, «Истории государства Российского» предпослано предисловие, а не введение [7]). Затем в наброске Пушкина упоминается другое декабристское имя: «Мих⟨аил⟩ Орл⟨ов⟩ в письме к Вяз⟨емскому⟩ пенял Карамз⟨ину⟩, зачем в начале Истории не поместил он *какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян*, т. е. требовал романа в Истории — ново и смело!». Так, еще один декабрист — Михаил Орлов — назван в качестве участника этого значительного идейного столкновения.

Михаил Орлов, принадлежавший к старшему поколению декабристов, видный участник Отечественной войны 1812 года, кавалергард в начале военных действий, участвовал в Смоленском сражении и в Бородинской битве, ушел в тыл врага предводителем партизанского отряда, пробился на соединение с армией Чичагова в Березинской операции, активно участвуя в последних ударах знаменитого кутузовского контрнаступления и, наконец,— как значится в его служебном формуляре, — «соединился с Молдавской армией во время нападения французов на оную» [8]. Герой 1812 года, он прогремел и в заграничных походах, подписав в 1814 г. акт о капитуляции Парижа. В том же году он основал первое тайное политическое общество — Орден русских рыцарей, имевшее целью нанести удар российскому самодержавию. Повидимому, в 1817 г. Общество Орлова встретилось с другим, с Союзом Спасения, основанным в 1816 г., и обсуждало вопрос о взаимодействии или слиянии [9]. Более сильная тайная организация в основном включила в себя встретившуюся новую силу, и в 1818 г. мы видим Михаила Орлова деятельным участником Союза Благоденствия. Он полон широких агитационных замыслов, насаждает ланкастерские школы, пропагандирует в армии свободолюбие и права человека. К этому времени и относятся получившие широкую гласность его письма против «Истории» Карамзина. После восстания декабристов Михаил Орлов провел несколько тяжелых месяцев в Петропавловской крепости. «Прощенный» Николаем I во имя «заслуг» его брата, Алексея Орлова, преданного Николаю человека и активного участника подавления восстания, он был уволен со службы и выслан с фельдъегерем в калужское имение.

М. Ф. ОРЛОВ
Портрет маслом Г. Ризенера, 1814 г.
Литературный музей, Москва

В изложении Пушкина позиция Михаила Орлова в споре с Карамзиным не совсем ясна. Новонайденные документы в значительной мере раскрывают и конкретизируют эту литературно-политическую дискуссию.

Письма Михаила Орлова были не без умысла направлены П. А. Вяземскому: родственно и дружески связанный с Карамзиным Вяземский мог подробно передать историографу мнение Орлова и сообщить последнему его соображения. Очевидно, Орлов и рассчитывал на это.

Первое из найденных писем Орлова к Вяземскому, датированное 4 мая 1818 г. и посланное из Киева, сравнительно кратко излагает мнение Орлова о Карамзине. Второе письмо на ту же тему написано ровно через два месяца — 4 июля 1818 г. (также из Киева). Оно гораздо более пространно освещает вопрос, поскольку Вяземский неправильно понял мнение Орлова, изложенное в первом письме, и Орлов излагает его вторично.

В пушкинской записи слова из письма Михаила Орлова подчеркнуты (подчеркивание имело в пушкинских текстах, как и в прочих текстах того времени, функцию кавычек). Пушкин, таким образом, на память цитировал слова Орлова. Располагая теперь подлинником письма Орлова и сопоставляя строки Пушкина с текстом Орлова, мы находим во втором письме соответствующее место. Указав на ряд значительных событий древней русской истории, говорящих о величии России, Орлов писал: «... или сие есть историческое чудо, или должно было оное объяснить единственным средством, представленным писателю, то есть *блестящею и вероятною гипотезою прежнего нашего величия*». У Пушкина же значится: «Мих⟨аил⟩ Орл⟨ов⟩ в письме к Вяз⟨емскому⟩ пенял Карамз⟨ину⟩, зачем в начале Истории не поместил он *какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян*». Тут точно совпадают центральное понятие «гипотеза» и его эпитет «блестящая». Однако конкретный предмет, о котором идет речь, не уловлен в цитате Пушкина. Орлов в данном контексте вовсе не ведет речи о «происхождении славян», он говорит о другом — о несомненном развитии ранней дорюриковской русской государственности, о наличии каких-то важных событий в истории древней Руси еще *до* призвания князей,— событий, которыми только и можно объяснить последующее — после Рюрика — величие и значение Киевской Руси. У Орлова выражение «величие России» имеет совершенно точный конкретный смысл — общественное и государственное развитие древней Руси в дорюриковские времена. Это развитие делает закономерными последующие исторические этапы. Такое понимание устанавливается анализом текста обоих писем. Вяземский же в пылу своей полемики с Орловым произвольно подменил орловский термин «величие» славян со всем его вполне законным конкретно-историческим содержанием — понятием «божественного», легендарного «происхождения» славян. Между тем, вопроса о славянском происхождении Орлов касается лишь мельком, он почти не занят им — он занят темой закономерных этапов развития дорюриковской Руси и варяжским вопросом. Если Орлов говорит о легенде божественного происхождения *не* славян, а Ромула в рассказе Тита Ливия, то лишь для того, чтобы похвалить римского историка за высоту гражданских чувств, которые тот, как умел и мог, отразил в своем историческом труде.

Всего этого не понял или не захотел понять Вяземский. Полемизируя с Орловым, он подменил одно понятие другим и несправедливо упрекал своего корреспондента в том, что он требует от Карамзина «басен», которые льстили бы «родословному чванству» русского народа.

Трудно допустить, что Пушкин не вчитался в письмо Орлова и допустил ту же подмену, что и Вяземский, заменив данную декабристом сложную постановку вопроса требованием «блестящей гипотезы о происхождении славян». Сразу бросается в глаза, что Пушкин дал вольное переложение формулы Вяземского, а не письма Орлова. Вероятно, поэт не читал письма Орлова и знал его лишь в письменном пересказе Вяземского, в котором фигурировали и отдельные цитаты из орловского письма. В 1818 г. Вяземский был в Варшаве, а Пушкин в Петербурге. Поскольку Орлов в письме от 4 июля специально просил Вяземского «не быть щедрым в разглашении сего письма», которое написано только для него и с целью пояснить первое письмо, — трудно допустить, чтобы Вяземский все-таки стал, нарушая волю и доверие друга, копировать письмо для распространения

или разрешил это сделать кому-либо другому. Но условие Орлова допускало, конечно, упоминания и скромную цитацию в письме к ближайшим друзьям. А. И. Тургенев и Пушкин (через Тургенева или через письмо Вяземского) оказались осведомленными о мнении Орлова. Иначе никак нельзя объяснить неточную передачу Пушкиным слов Орлова об «Истории государства Российского». Мало правдоподобно другое объяснение, — что Пушкин невнимательно прочел письмо Орлова — особенно второе, прямо разъясняющее ошибку в понимании Вяземского,— не вник в содержание писем и поэтому неточно передал мысль декабриста. Это объяснение, как мне представляется, необходимо отвергнуть. В кишиневский период Пушкин непрерывно общался с Орловым, но в революционной обстановке южноевропейских восстаний, находясь почти рядом с восставшей Грецией, едва ли они возвращались к старому спору о Карамзине, уже отодвинутому событиями. Они, несомненно, обсуждали уже иные вопросы — кто будет русским Квирогою и насладится ли Россия счастьем, причастится ли «кровавой чаши» — революции.

Спор с концепцией Карамзина в конце десятых годов был острым и напряженным. «Появление сей книги (как и быть надлежало) наделало много шуму и произвело сильное впечатление. 3000 экз〈емпляров〉 разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) — пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать Историю своего Отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Коломбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили. Когда, по моему выздоровлению, я снова явился в свете, толки были во всей силе...» [10]. Пушкин был болен в начале 1818 г. и выздоровел весной. Его выздоровлением и датируется время, когда толки были «во всей силе».

Михаил Орлов был глубоко прав, требуя правильного освещения тех этапов истории, которые протекли в дорюриковское время. Лишь они действительно могли объяснить зрелость последующих этапов: «...как может быть, чтобы Россия, существовавшая до Рюрика без всякой политической связи, вдруг обратилась в одно целое государство и, удержавшись на равной степени величия от самого своего начала до наших времен, восторжествовало над междоусобиями князей...?» Орлов с основанием отвергал «сие историческое чудо» и требовал рационального объяснения. Он судил, по собственному признанию, «не так, как писатель, но как гражданин».

Беспристрастно оценивая эти суждения, мы видим, что в научном смысле они были неизмеримо выше беспомощных и реакционных вымыслов Карамзина о варягах, якобы создавших русскую государственность и вообще положивших начало истории России. Революционный патриот и гражданин Орлов стоял на пути к истине, ученый же муж и придворный историограф Карамзин уводил от нее читателя.

Замечательна и мысль Орлова о роли славянства в сокрушении «варварами» обветшавшей Римской империи. В этом участии молодых и свежих славянских сил в разрушении старого Орлов усматривал «начало» и «основание» истории новейших времен. «Мне казалось,— писал он,— что сия мысль должна была господствовать в составлении истории происхождения нашего, и служить, так сказать, связью с историей Европы и душою всего повествования». Он резко критикует источники Карамзина. если они недостаточно достоверны, то как же можно именно на них строить выводы о норманнах, якобы создавших русскую государственность, выводить из этих поколебленных в своей правильности данных ответственнейшие выводы, унижающие русское патриотическое чувство своим явным несоответствием с действительностью? «Я надеялся найти в оной 〈«Истории» Карамзина〉 ключ всей новой европейской истории и истолкование тех ужасных набегов варваров, кои уничтожили Римскую империю и преобразили вселенную, а не думал никогда, что история наша основана будет на вымыслах Иорнандеса, уничтоженных Пинкертоном, на польских преданиях, на ложном повествовании о Литве, на сказках исланских и на пристрастных рассказах греческих писателей». Действительно, Карамзин просмотрел и не мог не просмотреть эту огромную тему о роли славянства в сокрушении обветшавшего Рима. Он не видел тех закономерных и важных проблем в истории своей родины, которые поставил перед ним читатель-гражданин.

Все это, вместе взятое, било по «норманизму» Карамзина. Он был последователем и ярым пропагандистом глубоко ложной «варяжской» теории. Законно спросить, из каких корней выросла эта карамзинская концепция? Эта глубоко сословная и космополитическая по существу теория была — особенно в те годы — жизненно необходима дому Романовых, «рюриковичей» по официальной родословной. Норманская теория возникновения русского государства известна была и XVIII веку, но в начале XIX в. ее обновил и популяризировал именно Карамзин, давший ей несколько иной поворот и новый политический оттенок. Карамзин создавал свою концепцию уже после того, как французская революция и Радищев ознаменовали начало нового периода. Российское самодержавие спешило занять позицию утверждения особых условий развития России: пусть революция потрясает Западную Европу,— Россия по природе своей должна де остаться в стороне, ее не коснутся революционные события. Романовы имели кровную нужду в обновлении и широкой пропаганде этой концепции в неспокойные годы после Отечественной войны, когда почва под их троном заколебалась. Крепостной русский народ все настойчивее требовал освобождения, напоминая о своих подвигах в Отечественной войне: «Мы избавили родину от тирана, а нас опять тиранят господа», — говорили вернувшиеся с войны ополченцы. Крестьянские волнения упорно возрастали. Было неспокойно и в военных поселениях. Крестьяне, переводимые на положение военных поселян, год от года волновались все сильнее. 1818 год и в Европе был крайне беспокойным годом кануна европейской революционной ситуации. В этой обстановке было нужно в понятной форме разъяснять народу, что рюриковичи-Романовы правят Россией на совершенно особых основаниях. Они ничуть не похожи на свергаемых революцией деспотов: они не деспоты — их добровольно и по-хорошему пригласил на власть сам народ, разочаровавшийся в «правлении народном». Призвание варягов должно было убедительно засвидетельствовать особый — добровольный — характер давнего сговора между русским народом и его властителями. Необходимо было уверить в этом не только дворянина, но главное вернувшихся с войны ополченцев, ждавших воли в качестве царской награды, и лавочных сидельцев, читавших газеты в торговом ряду, и крестьянина, спрашивавшего, можно ли на Бородинском поле барские кости отличить от крестьянских. Поэтому-то Карамзин писал свою «Историю», по собственному признанию «для русских, для купцов ростовских, для владельцев калмыцких, для крестьян Шереметева». Такова была поставленная им цель. Отсюда — убежденный тон повествования его IV главы, названной «Рюрик, Синеус и Трувор»: «Начало российской истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай. Славяне добровольно уничтожают свое древнее народное правление и требуют государей от варягов.. Везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили самовластие (ибо народы хотели законов, но боялись неволи); в России оно утвердилось с общего согласия граждан, — так повествует наш Летописец, — и рассеянные племена славянские основали государство...»[11]. Отсюда следовал вывод: «Отечество наше слабое, разделенное на малые области до 862 года, по летоисчислению Нестора, обязано величием своим счастливому введению монархической власти» [12].

Защита «норманской теории» имела место и раньше, но разве тяжелые и непонятные периоды Щербатова, Байера или Миллера могли сравниться с приятным слогом легкого карамзинского пера? Он призывал к чтению гораздо более широкий круг читателей, даже ростовских купцов и шереметевских крестьян, которых необходимо было уверить в законности российского самодержавия.

Таким образом, Михаил Орлов, борясь против ложной норманской концепции Карамзина, боролся против самодержавия. Он дерзкой рукой колебал идеологический «устой», которым рюриковичи охотно подперли трон Романовых в тревожные послевоенные годы. Начинался кризис феодально-крепостной системы, нарастала волна народного недовольства, усиливалось политическое брожение. Нужно было укреплять трон, заботиться о сознательных сторонниках. Славяне спаслись самодержавием, сами призвали князей, добровольно отказались от древнего «народного правления». «Возлюбим же спасительное самодержавие»,— призывал Карамзин. С самодержавия-де и началось истинное государственное существование России.—

Нет,— возражал декабрист,— истинное начало русской истории — именно в народном правлении, которое древнее и рюриковичей и Рюрика, именно оно в своем историческом развитии обосновало последующую славу России и без него ничего нельзя понять в этой последующей славе.

Ища опоры своим справедливым сомнениям в норманской теории, Орлов пошел по своеобразному пути: он смело предположил *славянское* происхождение Рюрика, Синеуса и Трувора. Орлов не был первым предложившим такое решение, — ранее Михаила Орлова то же самое предлагал Ломоносов. Он кратко изложил свое мнение в «Древней Российской истории от начала Российского народа» (1766) [13] и гораздо подробнее в других своих исторических сочинениях, например, в «Замечаниях на диссертацию Г.-Ф. Миллера „Происхождение имени и народа российского“»[14]. Ломоносов

ДОМ НА МАЛОЙ ДМИТРОВКЕ (ТЕПЕРЬ УЛИЦА ЧЕХОВА, № 12) В МОСКВЕ, ГДЕ С 1831 ПО 1839 г. ЖИЛ М. Ф. ОРЛОВ

Фотография 1950 г.

Литературный музей, Москва

был страстным противником норманской теории, и мысль Орлова в разбираемом частном вопросе шла по тому же пути, что и рассуждение Ломоносова. Последний писал, сражаясь с норманистами Миллером и Байером: «Против всех сих неосновательных бейеро-миллеровских догадок имею я облак свидетелей, которые показывают, что варяги и Рурик с родом своим, пришедшие в Новгород, были колена славенского, говорили языком славенским, происходили от древних роксолан или россов и были отнюд не из Скандинавии, но жили на восточно-южных берегах Варяжского моря, между реками Вислою и Двиною» [15]. Таково было мнение Ломоносова. Таким образом, в этом вопросе аргументация Орлова идет в одном ряду с доводами Ломоносова.

Однако не этот частный аргумент стоит в центре внимания Орлова, а вопрос о последовательном развитии древней Руси, ранее Рюрика прошедшей существенные этапы своего развития, которые подготовили и обосновали ее последующее величие.

Вяземский, вольно или невольно подменявший в полемике с Орловым его основной вопрос другим, упрекал Орлова в том, что он якобы сердится на Карамзина за то, что тот не написал «басни», лестной для «родословного чванства» народа русского. Орлов с достоинством возражал, что он мог бы, сообразуясь с особенностями времени,

похвалить Тита Ливия за внимание к легендам о божественном происхождении Ромула, но, говоря об истории России, он, разумеется, говорил отнюдь не о «баснях»: «Я, сообразуясь со временем нашим, не искал, конечно, в Карамзине какого-нибудь нелепого повествования о божественном порождении России». Орлов законно требовал ясного рационального объяснения непреложного факта — «древнего величия» России, которое не мог объяснить Карамзин с его ложной апологетической схемой о добровольном призвании Русью на царство Рюрика, родоначальника романовской династии.

Через ложную схему Карамзина отчетливо просвечивал сухой космополитизм, без колебаний заменивший историю русского народа историей иноземной династии. Негодование передового убежденного патриота слышится в вопросах, брошенных Орловым Карамзину в первом же письме: «Зачем же он в классической книге своей не оказывает того пристрастия к отечеству, которое в других прославляет? Зачем хочет быть беспристрастным космополитом, а не гражданином? Зачем ищет одну сухую истину преданий, а не приклонит все предания к бывшему величию нашего Отечества» [16].

Декабристы горячо любили свою родину. Михаил Орлов, от лица членов Тайного общества, выразил совершенно правильную точку зрения, что «издание истории Российского государства есть дело отечественное...». Вот поэтому, движимые «священной любовью к отечеству», декабристы и пошли в бой против реакционной концепции «Истории» Карамзина.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Пушкин, т. XII, стр. 305—306, ср. 428.

[2] Письма разных лиц к П. М. Строеву.—ЛБ. М.2249, лл. 139—140 (неизд.).—В «Северном архиве» в 1822—1824 гг. печаталось «Рассмотрение Истории государства Российского г. Карамзина г. Лелевелем». Лелевель развернул детальную критику «Истории» Карамзина, указывая на неаргументированность многих его утверждений, о чем и упоминает Корнилович в цитированном письме к Строеву. Принципиальная общая часть не могла по условиям царской цензуры быть рассмотрена Лелевелем, и он заполнил ее главным образом сопоставлением Карамзина с польским историком Адамом-Станиславом Нарушевичем, автором работы «Historya narodu polskiego od początku chrześcyanstwá» (Варшава,1780—1786). Нарушевич был врагом сословного деления и сословных привилегий, но отстаивал умеренно-либеральную программу. Сопоставление Карамзина с Нарушевичем давало Лелевелю возможность скрытого выражения своих политических симпатий и критики апологетической концепции самодержавия Карамзина.

[3] См. Т. Г. Снытко. Г. С. Батеньков—литератор.—«Лит. наследство», т. 60.

[4] Г. С. Батеньков. Заметки по вопросам истории и истории культуры (разрозненные листы).— ЛБ. М. 7033, Бат. № 5, № 16, 1847—1863.

[5] Письмо П. Г. Каховского из крепости.— «Из писем и показаний декабристов». Под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1906, стр. 13, 18.

[6] Сохранилось письмо декабриста Н. И. Тургенева к издателю журнала «Северный архив» по поводу «Замечаний на Историю государства Российского Н. М. Карамзина», переведенных из «Геттингенских ученых ведомостей» (ЦГИА, ф. № 1094, оп. 2, ед. хр. 37). Письмо Тургенева написано в защиту геттингенских профессоров, но не содержит характеристики «Истории» Карамзина и критических о ней замечаний. Статья «Взгляд на историю Российского государства г. Карамзина (из „Геттингенских ученых ведомостей“)» была помещена в «Северном архиве», 1822, № 24 (22 августа; очевидно, письмо Тургенева написано вскоре после этой даты).

[7] Ср. Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I, стр. IX.

[8] ЦГИА, ф. № 48, д. 83 (Орлова). Служебный формуляр, включенный в дело.

[9] М. В. Нечкина. Союз Спасения.— «Исторические записки», т. 23, 1947, стр. 137—184.

[10] Пушкин, т. XII, стр. 305.

[11] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I, стр. 112.

[12] Там же, стр. 113.

[13] М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР, т. VI. М.—Л., 1952, стр. 215—217.

[14] Там же, стр. 19—22.

[15] Там же, стр. 33.

[16] Прямое упоминание Орлова о космополитизме также непосредственным образом связано с текстом в «Истории» Карамзина—ср., например, такие тирады последнего: «Истинный космополит есть существо метафизическое или столь необыкновенное явление, что нет нужды говорить об нем, ни хвалить, ни осуждать его. Мы все граждане в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии» и т. д. (т. I, стр, XI, «Предисловие»).

М. Ф. ОРЛОВ — П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

‹1›

‹Киев. 4 мая 1818 г.›[1]

Великий Асмодей! [2] кроме тебя и Амура, никаким чертям я не поклоняюсь; да и между вами, ты переживешь, вероятно, его в сердце моем. Я долго ленился к тебе писать единственно оттого, что много о тебе говорил с дьяволом Денисом и бешеным псом Толстым. Они здесь — были на контрактах. Толстой уехал в Москву, к цыганкам в гости, а Денис вслед за мною сделался начальником штаба 7-го корпуса[3]. Он скоро из Каменца Подольского переходит в Липовец или Умань и тогда будет от меня только в 200-х верстах. Слава и честь тем, кои в пользу моих увеселений сделали новое расположение квартир для Второй армии.

Судьба, любезный Асмодей, не покровительствует нашему Арзамасу. Мы, как жиды, рассеянные по лицу света, сохраняем в молчании и терпении веру отцов наших, между тем как толпа невежд, под предводительством Мешкова и других, осаждает отвсюду архив словесности. Исчезла надежда моя, и я горько оплакиваю усопшие наши собрания. Посреди невинных шуток и остроумных забав часто являлась величественная польза, и я уверен, что ежели бы мы жили все вместе, то все мои желания скоро бы сбылись, и дитя арзамасское переродилось бы в стройного и возмужалого человека. Сию надежду питаю еще во внутренности моего сердца, но не знаю, когда она сбудется [4].

Что сказать о Варшаве? Я читал речь государя, и принял с радостью душевною обеты его для России. С сим словом отверзлись для него двери бессмертия, но венок лишь только тогда ему достичь от потомства, когда рука его водворит у нас закон и конституцию. Тогда провозглашу его великим, а Россию счастливой.

Я читал Карамзина. Первый том мне не пришелся по сердцу. Он сам в предисловии говорит, что пленительнейшая черта римских историков есть то, что на каждом шагу видим в них римских граждан во всей силе сего слова. Зачем же он в классической книге своей не оказывает того пристрастия к Отечеству, которое в других прославляет? Зачем хочет быть беспристрастным космополитом, а не гражданином? Зачем ищет одну сухую истину преданий, а не приклонит все предания к бывшему величию нашего Отечества? Зачем говорит, что Рюрик был иноземец? Что варяги не были славянами? * Что находит он похвального в призвании иностранца на престол Новогородский? Что лестного в том, что Олег ходил по России, с варяжскими войсками, собирать дань для варягов?

Прости, любезный друг, мое рассуждение. Ты знаешь, как я почитаю Карамзина, но первый том его Истории не соответствует моему ожиданию. Тит Ливий сохранил предание о божественном происхождении Ромула, Карамзину должно было сохранить таковое же о величии древних славян и россов.

В газетах варшавских, «Dodatuk Drugi» do [№] 29 — помещена статья о подписке на действие сейма по-французски. Сделай одолжение, подпишись за меня и перешли мне и на предбудущее время. Что стоить будет — отпиши.

Княгине Вере Федоровне Асмодеевой мой нижайший поклон. Машу поцелуй от меня в лоб[5]. Прощай, любезный друг, пиши ко мне и люби меня. Я ждал тебя в Киев, но увы!..

Михаил Орлов

Сего 4-го мая 1818-го года.
Киев.

* Ни то, ни другое не доказано. — *Прим. Орлова.*

ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195), ед. хр. 2480, лл. 1—2.

[1] М. Ф. Орлов в 1818 г. жил в Киеве, где был начальником штаба 4-го пехотного корпуса, которым командовал Н. Н. Раевский. В это время Орлов пытался осуществить на практике установки Союза Благоденствия о народном образовании и просвещении. Он занимался организацией школ взаимного обучения по методу Ланкастера для солдат, их детей и кантонистов. Его деятельность в этом направлении была широко известна.

4 мая 1818 г. Орлов отправил Вяземскому в Варшаву первое из своих писем, часть которого посвящена разбору «Истории государства Российского» Карамзина. Мы не знаем ответа Вяземского; повидимому, он не сохранился. Но известно, что Вяземский записал в своей «Старой записной книжке»: «Умный и образованный Михаил Орлов был тоже недоволен трудом Карамзина; патриотизм его страдал ввиду прозаического и мещанского происхождения русского народа, которое выводил историк» (П. А. В я з е м с к и й. Полн. собр. соч., т. VIII. СПб., 1883, стр. 384).

[2] А с м о д е й — арзамасское прозвище Вяземского.

[3] Очевидно, Денис Васильевич Давыдов (1784—1839) и Федор Иванович Толстой-Американец (1782—1846).

[4] В этих строках Орлов намекает на свое стремление преобразовать «Арзамас». Он стремился из чисто литературного общества создать политическую организацию, повернуть «Арзамас» к серьезной общественной деятельности, связанной с «распространением идей свободы, приличных России в ее теперешнем положении». В этом духе Орлов и выступал на собраниях «Арзамаса» вместе с Никитой Муравьевым и Николаем Тургеневым (ср. Д р у ж и н и н, стр. 96—97). — М е ш к о в — очевидно шутливое наименование А. С. Шишкова.

[5] В. Ф. Вяземская (1790—1886) — жена П. А. Вяземского. Маша — их дочь (1813—1849), с 1836 г. — Валуева.

〈2〉

Киев. 4 июля 1818 г.

Твое письмо, любезный Асмодей, я получил. Сожалею, что ты меня не понял. Я критик не по познаниям, но по сердцу, и сужу о сочинениях не так, как писатель, но как гражданин. Издание истории Российского государства есть дело отечественное и потому, читав ее со вниманием, разбираю с строгостью. Прошу тебя не быть щедрым в разглашении сего письма [1], ибо я его диктую единственно для того, чтобы ты мог увериться, что первое мое суждение не было столь легкомысленным, как оно тебе показаться могло. По свойственному мне чистосердечию, я выбрал тебя посредником между мною и Карамзиным. Ты ему друг и знаешь, сколь я истинно почитаю его качества и дарования. Не имея никакой причины оскорблять самолюбие Николая Михайловича, я хочу только показать здесь впечатление, произведенное на меня чтением его сочинения. Я в первом сем письме не распространю мнения моего далее первых двух томов, которые я со вниманием прочитал; ежели же таковая переписка покажется тебе занимательною, то, по получении твоего ответа, могу продолжать разбор сего важного сочинения.

Я ждал Истории Карамзина, как евреи ждут Мессию; едва она вышла из печати, как принялся я за чтение оной с некоторым благоговением, готовый унизить собственный мой рассудок пред пятнадцатилетним трудом умного писателя. Воображение мое, воспаленное священною любовию к отечеству, искало в истории Российской, начертанной российским гражданином, не торжества словесности, но памятника славы нашей и благородного происхождения, не критического пояснения современных писателей, но родословную книгу нашего, до сих пор для меня еще не понятного древнего величия. Я надеялся найти в оной ключ всей новой европейской истории и истолкование тех ужасных набегов варваров, кои уничтожили римскую империю и преобразили вселенную, а не думал никогда, что история наша основана будет на вымыслах Иорнандеса [2], уничтоженных Пинкертоном [3], на польских преданиях, на ложном повествовании о Литве, на сказках исланских и на пристрастных рассказах греческих писателей. Я надеялся, что язык славянский откроет нам глаза на пред-

рассудки всех писателей средних веков, что он истолкует названия тех варварских племен, кои наводнили Европу, докажет единоплеменство оных и соделается, так сказать, началом и основанием истории новейших времен. Мне казалось, что сия мысль должна была господствовать в составлении истории происхождения нашего и служить, так сказать, связью с историей Европы и душою всего повествования.

И впрямь, ежели б основания нашего Отечества, сокрытые во тьме времен, не были бы велики, ежели б единство России и могущество оной не существовали бы или в самом деле, или, по крайней мере, в живейшей памяти предков наших 9-го столетия, ежели б Рюрик был иноплеменный призванец, и варяги его не были бы россиянами, то как можно вообразить, что едва он воцарился над чуждым народом, как уже утвержден был в царствовании, что долгое его владычество не было подвержено никаким беспокойствам, что Синав и Трувор также беспрекословно княжили в их уделах, что смерть Рюрика не воспретила младенцу Игорю воссесть твердо на престол, колеблемый непостоянством новогородцев, что едва Олег явился пред Киевом и Киев пал к его стопам, что едва Киев покорился, и Олег уже прибивает щит свой на вратах Царь-Града, что малолетство Игоря было спокойнее Людовика 14-го, что едва Россия явилась в истории и уже владычествовала от берегов Балтийского моря до стены Балканских гор, что едва вышли мы из варварства, и реки просвещения и обилия протекли в Отечестве нашем; наконец, как может быть, чтобы Россия, существовавшая до Рюрика без всякой политической связи, вдруг обратилась в одно целое государство и, удержавшись на равной степени величия от самого своего начала до наших времен, восторжествовало над междоусобиями князей и даже над самыми гонениями рока... И все вышеприведенные происшествия от Рюрика до Игоря совершились в полвека варварского столетия!!! или сие есть историческое чудо, или должно было оное объяснить единственным средством, представленным писателю, то есть блестящею и вероятною гипотезою прежнего нашего величия.

Вот в каком смысле писал я к тебе, любезный друг, что Тит Ливий, основав на отечественных баснях римскую историю, заслужил признательность сограждан. Я, сообразуясь с временем нашим, не искал, конечно, в Карамзине какого-нибудь нелепого повествования о божественном порождении России, но желал и теперь желаю, чтобы нашелся человек, который, овладев, так сказать, рассказами всех современных историков, общим соображением преклонил насильственно все их повествования к одной и той же системе нашего древнего величия. Сомнения всякого рода я мог бы найти в чужестранных писателях, но Карамзину предоставлено было вырыть ученой рукой из недр древности угловой камень российского здания и показать на оном надпись славы нашей, начертанной временем. Сам суди, прав ли я или виноват. Вот, любезный Асмодей, письмо скорописанное, продиктованное в гневе на твои упреки. Но оно есть также залог дружбы, ибо кроме истинного приятеля я никому бы не хотел поверить мысли, коими почтенный мною Карамзин мог бы оскорбиться. Да зачем же он дает Киеву польское происхождение? Правда: это не простительно в нынешних обстоятельствах, когда каждый россиянин должен с римским мужем заключать всякую речь свою сими словами: Delenda est Carthago*.

Простираю к тебе влажные мои объятия.

Рейн[4]

ЦГЛА. Фонд Вяземских (№ 195), ед. хр. 5083, альбом с автографами, т. II, лл. 59–60.

---

* Карфаген должен быть разрушен (лат.).

[1] До Орлова могли дойти сведения о том, что Вяземский не скрывает его мнения об «Истории» Карамзина, давая ему не совсем точное освещение. Поэтому Орлов просит не разглашать содержания второго письма.

Слухи о том, что Орлов недоволен «Историей» Карамзина, быстро распространились в литературных кругах. В 1819 г. в январском, февральском и мартовском номерах (№№ 2—6) «Вестника Европы» появилась анонимная критическая статья (приписывавшаяся позднее М. Т. Каченовскому) на продолжение «Истории государства Российского», под названием: «От киевского жителя к его другу».

По этому поводу А. И. Тургенев писал Вяземскому в Варшаву 19 февраля 1819 г.: «... в Москве приписывают эту рецензию молодому генералу, разумея М. Орлова, вероятно потому только, что письмо из Киева» («Ост. архив», т. I, стр. 192). Вяземский в ответном письме от 1 марта 1819 г. просил прислать ему эти номера «Вестника Европы» и уверял, что «если в критике есть шутки, оскорбительные для Карамзина, или даже замечания, предлагаемые без уважения к лицу автора, то сердцем клянусь, что они не Орлова» (там же, стр. 197).

Можно с уверенностью сказать, что рецензия на продолжение «Истории» Карамзина написана не Михаилом Орловым. Ни одно из положений этой статьи не совпадает с точкой зрения Орлова, высказанной им в вышеприведенных письмах, а порой и противоречит ей.

Однако Орлов был несогласен со многими концепциями Карамзина, по-видимому не скрывая этого. Так, 29 октября 1819 г. А. И. Тургенев снова писал Вяземскому в Варшаву: «... Я и Сергею Волконскому не прощаю, что он приводит из Орлова фразы об „Истории“ Карамзина, в которых и автору оных трудно отдать отчет, по крайней мере понятный» (там же, т. I, стр. 339).

Очевидно, А. И. Тургенев от самого Волконского слыхал о критических замечаниях Орлова на «Историю» Карамзина. Может быть, он даже видел у Волконского копии с писем Орлова и Вяземского. Подтверждение этому мы находим в письме Вяземского к А. И. Тургеневу от начала ноября 1819 г.: «Где ты читал мое письмо к Орлову? Что и где приводит Волконский слова Орлова о Карамзине? Разве Волконский что-нибудь написал? Вот здесь Орлова выдают живьем. Он сердится на Карамзина за то, что он вместо „Истории“ не написал басни, лестной родословному чванству народа русского. Я с ним воевал за это и верно не ласкал его» (там же, стр. 347).

[2] Иорнандес (правильнее Иорданус) — историк гóтов (род. около 500 г.; год смерти не установлен).

[3] Джон Пинкертон — шотландский историк (1758—1826), критиковавший Иорнандеса (см. его работу «A Dissertation on the Origin and Progress of the Scythians or Goths»).

[4] Рейн — арзамасское прозвище М. Ф. Орлова.

ЗАПИСКА НИКИТЫ МУРАВЬЕВА «МЫСЛИ ОБ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» Н. М. КАРАМЗИНА

Публикация, вступительная статья и комментарии И. Н. Медведевой

Исторические взгляды декабристов составляют существенный вопрос для историка и для исследователя литературы декабристского времени. В этой области сделано не мало. Опубликованы новые материалы, изучены основные памятники. Однако здесь имеются пробелы, мешающие серьезным обобщениям. Далеко не все исторические сочинения декабристов опубликованы. Так, мы имеем слабое представление о работах Никиты Муравьева, который по своим интересам был историком-публицистом и, как выразился о нем Лунин, «один стоил целой академии»[1]. Лунину был известен весь объем трудов Никиты Муравьева: его работы раннего и сибирского периодов.

До нас дошли лишь сочинения Муравьева конца десятых — начала двадцатых годов, но и они свидетельствуют не только об эрудиции Муравьева-историка, но и о политической целеустремленности и своеобразии метода его работы.

Из этого наследия опубликована небольшая часть. До настоящего времени известен лишь отрывок интереснейшего исторического исследования Никиты Муравьева «Мысли об Истории государства Российского Н. М. Карамзина» (далее публикуется полный текст этого произведения). Первая его часть (замечания на предисловие Карамзина) публиковалась с изъятиями; вторая не публиковалась вовсе.

Черновики и многочисленные выписки [2] свидетельствуют об углубленной критической работе Муравьева над начальными главами «Истории государства Российского». Задумав критический разбор труда Карамзина, Муравьев сначала остановился на предисловии к первому тому, посвященном общей исторической идее и принципам исторического описания. Из критики взглядов Карамзина, высказанных им в предисловии, и составилась та вполне законченная статья Муравьева, которая имела распространение в списках и пропагандировалась самим автором. Даже близко стоявшие к Муравьеву читатели или слушатели этой записки считали, что ею и исчерпывается критика «Истории государства Российского». Пушкин писал: «Ник⟨ита⟩ Муравьев, молодой человек, умный и пылкий, разобрал предисловие или введение: (предисловие)!». Повторением слова «предисловие» Пушкин явно хотел сказать, что Муравьев, как все другие, будучи «не в состоянии исследовать, оценить работу Карамзина» [3], не пошел дальше критики предисловия. Между тем, Муравьев начал подробный разбор труда Карамзина, поставив себе очень определенную, строго очерченную цель. Наброски исследования посвящены теме происхождения славян. Несмотря на отрывочность изложения, они интересны не только критикой источников, привлеченных для этой темы Карамзиным, но и введением новых материалов для доказательства некоторых гипотез.

Законченная часть записки и «Продолжение» имели разную судьбу. Первая была в значительной части опубликована в шестидесятых годах, а «Продолжение» остается неизвестным до наших дней [4].

Позиция историка Муравьева в сложном вопросе о происхождении славян, которому посвящено «Продолжение», остается неизвестной, тогда как содержание

начала «Мыслей» неоднократно подвергалось разбору (М. П. Погодина[5], П. К. Щебальского[6] и, наконец, углубленному комментарию Н. М. Дружинина[7]).

Обследование рукописей показало необходимость воссоединения начала и «Продолжения» «Мыслей». Именно в качестве введения в критическое исследование должна рассматриваться законченная часть записки, посвященная предисловию Карамзина. В соединении с «Продолжением» политическая часть записки приобретает особую остроту.

Задачей данной работы, таким образом, является полная публикация записки с необходимыми для понимания ее справками. Не ставя себе цели дать характеристику Муравьева-историка (что потребовало бы прежде всего полного обследования его рукописного наследия), мы тем не менее должны остановиться на обзоре исторических работ и высказываний Муравьева, которые предваряли его работу над публикуемой запиской.

Никита Михайлович Муравьев (1795—1843), один из идеологов декабристского движения, автор конституции и агитационного произведения, именуемого «Любопытный разговор», особенно интересовался историческими вопросами и был знатоком в области отечественной и всеобщей истории. Это отразилось и на его конституции и на «Любопытном разговоре».

Политическая деятельность определила также исторические интересы Муравьева, которые не могут рассматриваться вне задач декабристского движения.

Большинство исторических замыслов Муравьева относится к 1815 году[8], и дата эта вполне закономерна, так как вопросы отечественной истории были в центре внимания передовой дворянской молодежи, недавно вернувшейся с поля сражения. Внимание к истории было связано с идеями воспитания русского юношества. Вопросы воспитания в эту пору выдвигались на первый план и обсуждались в различных обществах и на страницах журналов. Двадцатилетний Никита Муравьев написал записку «Некоторые мысли о воспитании и словесности»[9]. Записка начинается словами: «Частное воспитание должно быть обращено к цели гражданства». В следующем пункте записки раскрываются способы воспитания подлинного гражданина. Муравьев пишет: «... должно приохочивать детей к чтению древней истории, обильной великими примерами *бескорыстия, душевного величия, любви к Отечеству и самоотвержения*». Заключительный пункт записки, выразивший ее общую идею, гласит о необходимости «порождать и укреплять ⟨...⟩ вникание в свойства правления и народную гордость». Всему этому должно было содействовать чтение исторических книг, и Муравьев предлагал издание «Сокращенной русской истории, заключающей в себе главные черты добродетели и геройства»[10].

В «Рассуждении о жизнеописаниях Суворова», написанном в 1815 г. и напечатанном в «Сыне отечества»[11], Муравьев сетовал на то, что «муза истории дремлет у нас в России», и призывал к созданию подлинной биографии Суворова для воспитания юношества в духе суворовской доблести. Одновременно с Муравьевым пропагандировал историческое изучение и Ф. Н. Глинка, выступивший в 1815 г. в «Русском вестнике» с «Рассуждением о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года». Эти призывы молодых вольнодумцев вскоре по образовании первых тайных обществ перешли в планомерную пропаганду отечественной истории, о которой впоследствии (уже в Сибири) писал Муравьев в «Заметках о тайном обществе». Чтение исторических сочинений должно было, по словам Муравьева, служить «развитию народных способностей»[12].

Мысль о несокрушимом духе русского народа одушевляет первые исторические работы Муравьева. О стойкости и силе русского солдата мы читаем в «Журнале военных действий 1811—1813 гг.». Рукопись «Журнала» состоит из многочисленных русских и французских записей, разбросанных в черновых тетрадях Муравьева[13]. «Существует одна только преграда завоевателям —дух народа», — пишет Муравьев в «Рассуждении о жизнеописаниях Суворова» (1815)[14]. Именно в глубоком понимании народного духа — гений Суворова. Полководец лишь выразитель народной мысли, и в этом истинный источник великих побед. Можно предполагать, что Муравьев задумывал большой труд о Суворове и для этого труда предварительно начал два критических

Н. М. МУРАВЬЕВ
Рисунок О. А. Кипренского, 1813 г.
Литературный музей, Москва

разбора: упомянутое «Рассуждение о жизнеописаниях Суворова» и «Критическое описание кампании 1799 года» [15].

Среди исторических замыслов Муравьева 1811—1815 гг. особое внимание привлекает «История стран, орошаемых Амуром» [16]. Наброски представляют собой описание сибирских походов XVII в., которые Муравьев рассматривает как закономерное движение на восток к новым, свободным землям, движение, подсказанное народной мыслью [17].

Знакомство с перечисленными историческими сочинениями Муравьева дает представление не только о круге вопросов, занимавших его в годы возникновения тайных политических обществ, но и о характере его исторических интересов.

Муравьева увлекала не столько описательная, сколько критическая история, критическое исследование исторических трудов и их первоисточников. Такова работа Муравьева над историей походов 1756 и 1799 гг. Таково «Рассуждение» о книгах, посвященных Суворову. Таким же критическим исследованием являются и «Мысли об истории государства Российского».

Выход в свет 1 февраля 1818 г. восьми томов «Истории государства Российского» был событием большого значения. Труд Карамзина, казалось, явился ответом на запросы передовой молодежи, характерные для времени после кампаний 1812—1815 гг. У русского читателя, наконец, была отечественная история, написанная доступно, тем «сильным и кратким слогом», о котором мечтал в 1815 г. Муравьев [18]. Вся читающая Россия обратилась к сочинению Карамзина. По словам Пушкина, появление труда Карамзина наделало много шуму и произвело сильное впечатление. «Несколько времени ни о чем ином не говорили»[19]. Муравьев писал матери 14 февраля 1818 г., что полученные им тома «Истории» «от всех сторон рвут из рук». Сам он немедленно принялся за чтение. 15 апреля 1818 г. Муравьев писал матери, что уже «прочел всю первую часть Карамзина», 22 апреля — что «принялся жестоко за Российскую историю и прочел ее четыре тома». В письме от 16 мая Муравьев сообщает о прочтении семи томов «Истории» и о том, что он «пестрит книгу своими замечаниями» [20]. При таких темпах, повидимому, все восемь томов «Истории» были прочитаны и испещрены замечаниями к концу мая. Тогда же, можно предполагать, был задуман Муравьевым и «ключ» к «Истории», названный «Описью предметам, помещенным в Ист〈ории〉 гос〈ударства〉 Рос〈сийского〉» [21]. Однако от «Описи» осталась лишь заготовленная тетрадь — алфавит с выписками нескольких слов на букву «А» [22].

По окончании чтения Муравьев начал выписки из источников, нужных ему для критической оценки отдельных мест труда Карамзина. Эти предварительные выписки и переводы из источников, датируемые началом 1818 г., мы находим в тетрадях Муравьева. При этом следует отметить, что некоторые из выписок 1818 г. совпадают с более ранними, сделанными еще задолго до выхода в свет «Истории государства Российского». Так мы узнаем, что вопросы, затронутые Карамзиным в первых главах, интересовали Муравьева еще в 1815 г.

Никита Муравьев взял на себя роль критика «Истории» Карамзина не как случайный любитель и знаток истории, а как политический деятель, в то время уже один из основателей Союза Благоденствия; необходимо было показать русскому читателю ложность политического направления Карамзина. Рассказ Карамзина о фактах отдаленного прошлого русского народа надо было подвергнуть подробному и глубокому пересмотру в свете передовых идей, пропагандируемых декабристами. Подобную задачу ставил перед собой Муравьев; она была обширна и требовала времени. Вот почему Муравьев торопился с оглашением вводной части своего исследования, в которой оспаривались исторические взгляды Карамзина, изложенные в предисловии к первому тому «Истории». При этом, разумеется, Муравьев понимал, что для убедительной критики мыслей Карамзина было недостаточно полемически опровергать общие рассуждения, высказанные в предисловии; требовалось последовательное раскрытие ошибок и «темных мест» «Истории», происходивших от неверных идеологических посылок.

При чтении «Мыслей» Муравьева следует помнить, что в 1818 г., когда вышли в свет первые восемь томов «Истории государства Российского», Муравьев выступил

как политический противник Карамзина не в качестве сторонника ограниченной монархии, каким стал он в двадцатых годах, а в качестве республиканца, настаивавшего на решительной борьбе с самодержавием. Незадолго до появления «Истории государства Российского» Муравьев занимал крайнюю позицию в Союзе Спасения и развивал бурную политическую деятельность как один из создателей Союза Благоденствия. Свои революционные убеждения Муравьев пересмотрел лишь в 1821—1822 гг.

«Мысли» Муравьева по поводу предисловия Карамзина к первому тому «Истории» выражены четко и просто.

Муравьев начинает с посвящения, где Карамзин говорит, что «история народа принадлежит царю» [23]. Муравьев совершенно не разделяет этой мысли. По его мнению, «история принадлежит народам», и народы должны находить в ней «изображение своих добродетелей и пороков, начала могущества, причины благоденствия или бедствий». С этой точки зрения намерен Муравьев судить о труде Карамзина. Муравьев возражает против консервативной мысли Карамзина о необходимости мудрого примирения с благодетельной властью, которая обуздывает бурное стремление мятежных страстей. История для Муравьева это — борьба, развитие; творец истории — народ. Властители обязаны лишь руководствоваться благими устремлениями народной мысли и воли. Как и просветители XVIII в., в частности Радищев, декабристы смотрели на народную массу как на силу, определяющую движение истории. В этом была прогрессивность их исторических воззрений. Но понимание роли народа как движущей силы истории было ограничено у декабристов. Видя идейные мотивы движения масс, прогрессивные историки начала XIX в. не учитывали социальной природы народных движений.

Эту неполноценность в понимании роли народа, характеризующую историков до Маркса, отмечал Ленин. В статье «Карл Маркс» Ленин писал о том, что прежние исторические теории «не охватывали как раз действий *масс* населения» и «в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы» [24]. Но из этих положений не следует, что Ленин отрицал за историками до Маркса самое признание роли народа. Ленин лишь указывал на ограниченность этого понимания, на то, что историки «не охватывали» побуждающих к движению социальных предпосылок. Вера в народ, выраженная в замечаниях Муравьева, конечно, не лишена противоречия. Как и для всех декабристов, для Муравьева народ, граждане составляли некую единую, социально не разделенную массу — «toutes les masses d'hommes», как определял понятие народа Н. И. Тургенев [25]. Масса эта имела единую волю и единый нравственный облик. Отсюда происходила идеализация древней Руси «времен Святослава и Владимира» со всеми гражданственными установлениями древности, идеализация народовластия древних Пскова и Новгорода и отрицание положительных государственных начал во времена правления Ивана III и Ивана IV. Мысли, высказанные Муравьевым по поводу древнего и средневекового периодов русской истории, очень характерны для декабристов. Как известно, и позднее, в тридцатых-сороковых годах, декабристы высказывались в том же духе.

Не согласен Муравьев с Карамзиным и в трактовке роли историка. Муравьев вообще отрицает возможность спокойного беспристрастия в изложении исторических событий, которым, якобы, руководствуется автор «Истории государства Российского». Записка Муравьева заканчивается ссылкой на Тацита, которого «одушевляло негодование» [26]. Теория объективного изложения тем менее убедительна для Муравьева, чем отчетливее для него политическое направление самой «Истории государства Российского», которая, вопреки уверениям Карамзина о полном беспристрастии изложения, являлась очевидным панегириком самодержавию. Возражения против любви к «притеснителям и заклепам» были прямой пропагандой и придавали записке Муравьева характер революционного памфлета.

Не ограничиваясь кабинетной работой над вышедшими томами, Муравьев как бы возглавил молодую партию идейных противников Карамзина, побуждая передовую молодежь к критическому разбору «Истории государства Российского». «Молодые якобинцы негодовали», — писал Пушкин [27].

В. Д. Корнильев, знакомый Карамзина, читал в двадцатых годах Погодину, еще студенту, из своей записной книжки описание вечера в доме Муравьевых, где молодежь рассуждала с хозяином об «Истории». «Вдруг вошел к ним сам Николай Михайлович, живший в одном доме ⟨то есть в доме Муравьевых. — *И. М.*⟩. Они обратились к нему с своими возражениями». Характеризуя эти возражения, Погодин пишет: «Гвардейская молодежь, приготовлявшаяся к 14 декабря, была против „Истории" Карамзина, не находя в ней подтверждения своим теориям и утопиям» [28].

«Теории и утопии», подтверждения которым декабристы не нашли в «Истории государства Российского», касались не только общеполитических воззрений. Здесь были теории и гипотезы, связанные с основными вопросами русской истории, в частности — с вопросом становления русской государственности. Единомышленники Муравьева отвергали монархическую основу, на которой Карамзин строил свое представление об исконных формах русского государства: они противопоставляли этой теории свою идею исконного стремления русских к народоправству, коренящемуся в дорюриковской истории Руси. Декабристов волновало великое прошлое русского народа до Рюрика, связанное с крупнейшими событиями мировой истории. Именно в этой области они ждали от Карамзина новых разысканий. И Николай Тургенев, и Никита Муравьев, и Михаил Орлов останавливались на этих вопросах [29].

Муравьев интересовался происхождением и историей славян задолго до появления «Истории» Карамзина. Судя по одной выписке, его интерес сосредоточивался на военном могуществе славян-предков и на их народном правлении, не терпящем «единодержавия». На эту тему в тетради 1815 г. [30] мы находим выписку — перевод из книги Прокопия «О готской войне». Выписка трактует о победах славян над войсками Юстиниана. Не ограничиваясь своим переводом, Муравьев приводит тут же и перевод Ломоносова из 4-й главы I части его труда «Древняя российская история». Вероятно, в изучении вопроса Муравьев отправлялся не непосредственно от византийского источника, а от исследования Ломоносова. Обращение юного Муравьева к исследованию Ломоносова не является случайным. Оно тем более любопытно, что труд этот мало ценился ведущими историками начала XIX в. Критикуя периодизацию русской истории у Карамзина, Муравьев вернулся к мыслям Ломоносова. Ломоносов считал первым, древнейшим периодом русской истории — дорюриковский. Он начинал свою документацию с VI в. н. э., то есть со времени славянских войн против юстинианновской Византии, а не со второй половины IX века, с так называемого «призвания варягов». Останавливая свое внимание на дорюриковском периоде, Ломоносов имел возможность показать те стороны народного духа славян, которые и определили, по его мнению, будущее величие Руси. В «Древней российской истории», в первой ее части «О России прежде Рурика» Ломоносов описывает славян в их величавой простоте, мужестве и силе.

Он писал о том, как славяне, «ненавидя римского ига» и «любя свою вольность» [31], были чужды единодержавию и управлялись властью народной. Ломоносов не верил в добровольный отказ славян от народовластья в IX в. Он писал, что «к приведению наших славян под самодержство необходимо нужен был герой с храбрым народом» [32]. Какова бы ни была идея Ломоносова о славянах и как бы ни пытался он в дальнейшем показать благополучие монархического правления на Руси — все это не ослабляет тех его утверждений, которые, несомненно, были близки историку-декабристу и могли противостоять взглядам Карамзина.

Само название определяет характер исторического труда Карамзина. Его целью является не история русского народа, интересовавшая декабристов, а история русской государственности. Начала ее он видит не в народовластии у восточных славян, а в установлении монархического строя.

Карамзин считает древнейшим, первым периодом — время «от Рюрика до Иоанна III», оставляя как бы за пределами русской истории изложение дорюриковского периода. Первые три главы «Истории государства Российского» по существу являются лишь введением [33]. В характеристике древних славянских племен у Карамзина заметно стремление подвести читателя к выводам, изложенным в первой основной главе (по счету IV).

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ VIII.

Изданіе второе, исправленное.

Иждивеніемъ братьевъ Слёниныхъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Н. Греча.

1819.

ИМЕНА ОСОБЪ,

подписавшихся на второе изданіе Исторіи Государства Россійскаго, при седьмомъ и осьмомъ Томѣ.

Ихъ Сіятельства:

Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, на вел.
Графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой.
Князь Сербеджабъ Тюменевъ, Калмыцкій Владѣлецъ.
Графъ Владиміръ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ.

Ея Высокопревосходительство:

Марья Алексѣевна Нарышкина, на вел.

Ихъ Превосходительства:

Катерина Николаевна Бегичева.
Софія Антоновна Козловская.
Левъ Ивановичъ Потаповъ.
Андрей Ивановичъ Маркевичъ.
Наталья Ѳедотовна Плещеева.

Ихъ Высокородія:

Владиміръ Александровичъ Симанскій.
Марья Сергѣевна Алексѣева.
Евдокимъ Филиповичъ Заблонскій.
Григорій Сергѣевичъ Кушниковъ (въ Москвѣ).

Ихъ Высокоблагородія:

Александръ Даниловичъ Башутскій.
Александръ Иозновичъ Анайщиковъ.
Марья Карловна Пареного.
Іосифъ Ѳедоровичъ Дриль (въ Гроднѣ).
Владиміръ Петровичъ Арбузовъ.
Петръ Яковлевичъ Чадаевъ.
Петръ Яковлевичъ Неѣровскій.
✻Никита Михайловичъ Муравьевъ.
Александръ Андреевичъ Токаревъ.
Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ралль.
Иванъ Ивановичъ Вашутинъ.
Иванъ Васильевичъ Ящеровъ (въ Симбирскѣ).
Александръ Николаевичъ Ивличиковъ.
Александръ Ивановичъ Могилевскій.
Владиміръ Богдановичъ Бровенскій.
Ѳедоръ-Ѳедоровичъ Шубертъ.
Андрей Павловичъ Версиловъ.
Кригсталмейстеръ Ѳедоръ Семеновичъ Масоловъ (въ Мос.).
Ѳедоръ Николаевичъ Петрово-Соловово.
Василій Александровичъ Слѣпцовъ (въ Москвѣ).
Иванъ Дмитріевичъ Чертковъ.

Ихъ Благородія:

Дмитрій Михайловичъ Васильевъ, на вел. (въ Москвѣ).
Андрей Михайловичъ Кочубей.
Николай Тимоѳеевичъ Ивановъ.
Василій Ивановичъ Мейеръ.
Павелъ Михайловичъ Павловской.
Василій Михайловичъ Колениченко.
Ѳома Ивановичъ Петрушевскій.
Аполлонъ Александровичъ Никольскій.
Пименъ Николаевичъ Араповъ.
Гродненской Губернскій Прокуроръ Горегладъ.
✻Кондратей Ѳедоровичъ Рылеевъ.
Андреянъ Михайловичъ Устиновъ.
Александръ Ивановичъ Бахметевъ, (въ Москвѣ).
Максимъ Ѳедоровичъ Рудневъ, (въ Москвѣ).
Собраніе благородныхъ воспитанниковъ Московскаго Университетскаго Пансіона.

Духовныя Особы:

Казанскаго Собора Отецъ Протоіерей Іоаннъ Іоанновичъ Бедринскій.
Отецъ Іерей Іоаннъ Андреевичъ Граціанскій.
Казанскаго Собора Ключарь Іерей Петръ Николаевичъ Мысловскій.

Купцы:

Иванъ Алексѣевичъ Завѣтной.
Яковъ Сергѣевичъ Іоновъ.
Александръ Ивановичъ Калашниковъ.
Бѣжецкой купецъ Лука Михайловичъ Ревякинъ.
Муромской купецъ Михайло Васильевичъ Зворыкинъ.

Крестьяне:

Графа Шереметева крестьянинъ Яковъ Даниловичъ Жигаревъ
— — — Василій Ивановичъ Потаповъ.

СПИСОК ЛИЦ, ПОДПИСАВШИХСЯ НА ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» Н. М. КАРАМЗИНА.
В ЧИСЛЕ ПОДПИСАВШИХСЯ К. Ф. РЫЛЕЕВ и Н. М. МУРАВЬЕВ, 1819 г.

Приложение к 8-му тому издания (имена Рылеева и Муравьева отмечены нами звездочкой)

Эти выводы сводятся к тому, что славяне, добровольно отказавшись в середине IX века от «древнего народовластного правления», были обязаны «величием своим счастливому введению монархической власти» [34].

Что касается самого народовластия, то в соответствующем разделе III главы Карамзин пишет о том, что народ славянский из-за дикости своей «не терпел ни властелинов, ни рабов на земле своей». В «призвании варягов» историограф видит результат постепенной цивилизации славян. Разумеется, подобная точка зрения была чужда декабристам.

Характерно в этом смысле высказывание Лунина в его сибирской записной книжке. «Славяне,— пишет Лунин, — призывая авантюриста Рюрика и его шайку, имели в виду защиту своих границ от воинственных соседей и кочующих орд, бродивших в то время по Европе〈...〉 Многие народы, слабые в начале своего существования, прибегали к этому средству, которое всегда имело роковые последствия для свободы страны» [35]. Мнение Лунина, высказанное в середине тридцатых годов, являлось выражением тех мыслей, которые сложились у него еще до ссылки.

Идея исконности народовластия, присущего русскому народу, широко пропагандировалась декабристами. В «Любопытном разговоре» Муравьева, предназначавшемся для распространения, задается вопрос: «Какое было на Руси управление без самодержавия?» На это следует ответ: «Всегда были народные *вечи*». Дальше идет характеристика вечевого правления на Руси, а затем на вопрос: «Почему же сии вечи прекратились, и когда?» — Муравьев отвечает: «Причиною тому было нашествие татар, выучивших наших предков безусловно покорствовать тиранской их власти» [36]. Характерно, что вопрос об исконности народовластия, присущего русскому народу, Муравьев не преминул вновь поднять уже в ссылке (в 1836—1840 гг.) в своих примечаниях к «Разбору донесений Тайной следственной комиссии» Лунина. Там он писал, что слово «самодержец» впервые появляется в грамотах В. Шуйского «из подражания византийцам», что «веча народные, повсюду в России происходившие, не могли быть совместны с самодержавием» и что «вечевой колокол умолк только в 1570 году» [37].

Это проливает свет на тщательные разыскания Муравьева для критической отповеди Карамзину по вопросу о величии или «дикости» славян дорюриковского периода и связывает Муравьева в этом вопросе с идеями Ломоносова. Однако Муравьев не хотел оспаривать идеи Карамзина прежде чем сам не осуществит тщательной проверки и сопоставления источников и не сможет разобраться в специальных вопросах интересующего его периода.

Прекрасное знание древних и новых языков позволило двадцатичетырехлетнему критику свободно обращаться с материалами «Истории государства Российского». В публикуемом наброске мы видим цитаты из Диодора Сицилийского и Геродота по подлинникам. Проверка ссылок заставляет Муравьева привлекать и другие источники, к которым Карамзин не обращался, например «Всеобщую историю» Полибия, «Сатурналии» Макробия и др.

Особенно обильны и разнообразны выписки Муравьева, касающиеся венедов. Здесь он критически проверяет одного историка другим, стремясь вскрыть противоречия, встречающиеся в свидетельствах Диона Хрисостома, Полибия, Страбона, Тита Ливия, Корнелия Непота, Прокопия и Иордана. От средневековых свидетельств он переходит к гипотезам, выдвигаемым новыми историками. В отличие от придирчивой критики Каченовского [38] и разбора Ходаковского [39], раздувавших мелкие неточности Карамзина, разбор Муравьева и в его черновом виде представляет собой критику, основанную на широких интересах и ясных идейных требованиях.

Выписки из Полибия и из Макробия свидетельствуют об интересе критика к социальным и политическим установлениям древнего славянства, не столь примитивным, как это обрисовано Карамзиным. Муравьева увлекает гипотеза (приведенная Карамзиным), которая отождествляла предков славян с народами, участвовавшими в таких событиях, как Троянская война и борьба за свободный Рим. Муравьев перебирает *свидетельства древних в пользу этого предположения* [40], *однако он осторожен и не спешит с окончательными выводами*; он подвергает тщательному просмотру

все свидетельства античных и византийских историков. Задачей Муравьева является лишь установление «темных мест» Карамзина в вопросе о происхождении и роли в истории славян-предков. Общим выводом критического разбора первых глав является вывод о недостаточности аргументации Карамзина, проистекавшей от отсутствия специального интереса к теме.

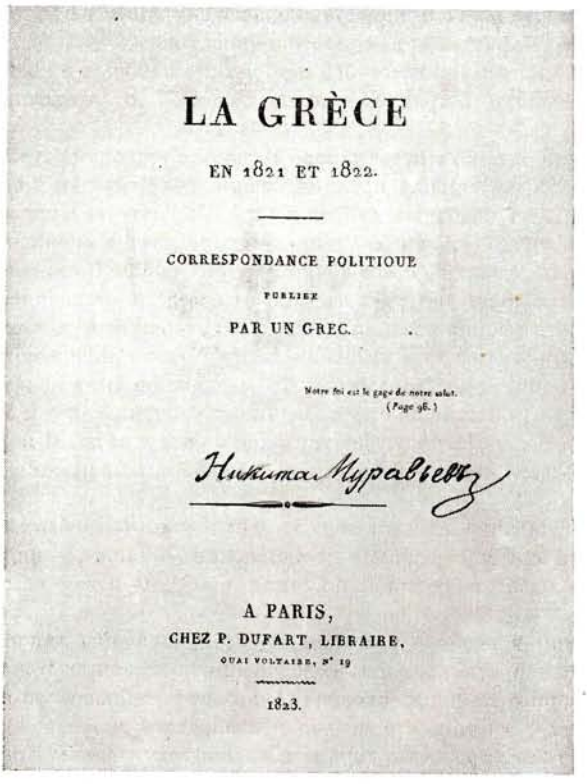
Своим разбором, с привлечением новых источников, Муравьев стремился утвердить важность темы и доказуемость нескольких предположений, недостаточно проверенных Карамзиным. Так, одной из основных небрежностей Карамзина Муравьев считает его трактовку взаимоотношений славян с Римом. Четыре раза в своих черновиках Муравьев возвращается к неверной, с его точки зрения, мысли Карамзина, что «римляне, заняв Фракию, приобрели для себя несчастное соседство варваров»[41]. Во-первых, Муравьев против самого наименования славян «варварами» в том случае, если «гишпанцы, британцы, германцы и парфяне» не носят того же имени по отношению к Риму. Во-вторых, он напоминает Карамзину, что славяне не были врагами республиканского Рима, а наоборот, оказывали ему неоценимые услуги. На этом Муравьев останавливается подробно, выписывая соответствующие факты и даты. И наконец, Муравьев решительно возражает против той идеи, что гибель Рима произошла от нашествия варваров.

«Он погиб сам от себя: как ржавчина съедает железо, так пороки истребили его силу. Свободный Рим возвышался среди варваров в продолжении 700 лет»,— пишет Муравьев,— а «деспот Август навеки потушил пламенник свободы» и тем самым ослабил его мощь.

Мысли о рабстве, самовластии и свободе рассеяны по всем черновым записям и выпискам «Продолжения». Именно эти вопросы, совершенно обойденные Карамзиным, поднимает Муравьев, говоря о славянах-предках. Он делает любопытную выписку из «Сатурналий» Макробия [42] «о том, что нельзя пренебрегать долей рабов». Макробий пишет: «Не думай, что это произошло только в нашем государстве. Когда борисфенитов ⟨то есть жителей Ольвии. — *И. М.*⟩ осаждал Зопирион, они, освободив рабов, ⟨...⟩ смогли выдержать нападение врага». Выписка эта, конечно, не только свидетельствует об интересе Муравьева к проблеме рабства у «борисфенитов»; она связана с постоянными его размышлениями по поводу рабства в России. Следы этих размышлений мы находим в разных записях, выписках и афоризмах среди черновиков критической записки. Одна из таких записей по своей теме имеет прямое отношение к выписке из Макробия. Муравьев пишет: «Можно будет со временем сказать нашему дворянству то, что Тиверий Гракх говорил патрициям, что́ лучше — гражданин или раб вечный, ратник или бесполезный на войне человек. Для того, чтобы иметь несколько лишних противу других граждан десятин земли, вы подвергаете себя опасности, что враги похитят то, в чем вы нам отказываете» ⟨то есть свободу. — *И. М.*⟩ [43].

В рассуждениях о причинах гибели Рима мы находим ряд политических намеков. Так, например, совершенно ясно, что, говоря о римских вельможах, «воспитанных греками ⟨...⟩, чуждающихся языка своего» и равнодушных к судьбам своего народа,— Муравьев имеет в виду русских вельмож, их французский язык, предпочитаемый русскому, их отчужденность от русского народа. Тема эта в 1818—1819 гг. была одной из основных в декабристской литературе [44]. Одна из черновых записей к «Продолжению», недоработанная и поэтому не включенная в основной текст, посвящена вопросу о влиянии хозяйства на «благоденствие и даже величие государств». Речь идет опять-таки о состоянии Рима в эпоху войн со славянскими племенами. Муравьев видит причину падения Рима в «слишком неравном разделении богатств». Он рисует мрачную картину Италии времен Августа, «покрытой пустырями и наполненной рабами».

Однако не в политических намеках идейная ценность работы Муравьева над первыми главами «Истории» Карамзина. Цель его критики в выдвижении тех вопросов, которые не были в поле зрения Карамзина. Это не огульное опорочивание труда Карамзина с иных политических позиций, а развернутый, последовательный пересмотр источников под углом зрения ведущей идеи.



LA GRÈCE

EN 1821 ET 1822.

CORRESPONDANCE POLITIQUE

PUBLIÉE

PAR UN GREC.

Notre foi est le gage de notre salut.
(Page 98.)

Никита Муравьевъ

A PARIS,
CHEZ P. DUFART, LIBRAIRE,
QUAI VOLTAIRE, N° 19

1823.

«ГРЕЦИЯ В 1821 И 1822 ГОДАХ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА. ОПУБЛИКОВАННАЯ ОДНИМ ГРЕКОМ». ПАРИЖ, 1823 г. ЭКЗЕМПЛЯР С ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ Н. М. МУРАВЬЕВА

Библиотека Московского университета им. М. В. Ломоносова

Есть основания думать, что Муравьев не скрывал от Н. И. Тургенева и других близких ему членов тайных обществ продолжение своей работы над критикой «Истории» Карамзина, а может быть, кое-что и сообщал им из своих заметок [45]. Во всяком случае, именно «Продолжение» разбора, оставшееся в черновиках, могло придавать особую значительность политической записке Муравьева.

После своего выступления в качестве критика Карамзина, Муравьев как бы становится признанным выразителем исторической мысли декабристов. Это признание определяется не только обширными знаниями Муравьева и умением разобраться в источниках, но прежде всего политической сущностью его исторических интересов.

В позднейшем сочинении М. С. Лунина «Розыск исторический» дано чрезвычайно характерное для декабристов определение исторических интересов. «История нужна,— пишет Лунин,— не только для любопытства и умозрения, она путеводит нас в высокой области политики» [46].

О взаимосвязи истории и политики писал и Н. И. Тургенев: «...науки политические должны всегда идти вместе с историею и в истории, так сказать, искать и находить свою пищу и жизнь» [47].

В качестве историка и политика Муравьев должен был участвовать в предполагаемом журнале общества «Арзамас», инициатором которого были Н. И. Тургенев и М. Ф. Орлов. О надеждах на Муравьева пишет Н. И. Тургенев в дневнике [48] в связи с задуманным созданием в начале 1819 г. Журнального общества и изданием журнала «Архив политических наук и российской словесности» [49]. Возможно, что Муравьев участвовал в составлении программы журнала, в историческом экскурсе, которым Тургенев подкреплял доводы в пользу возрождения политических интересов и знаний. В программе есть обращение к древнему периоду отечественной истории как истоку закономерного стремления «россиян» к гражданственному усовершенствованию. Тургенев говорит о характере и свободолюбивом духе русского народа примерно то же, что и Муравьев в своих «Мыслях». Тургенев вносит в свой

«проспектус» даже мысль Муравьева о «чудном стремлении к величию», которое помогало древним славянам и их русским потомкам в годины бедствий и испытаний. Тургенев пишет: «Инстинкт величия, спасавший наше отечество в эпохи бедствий и разрушения, никогда не оставит Россию, будет ей сопутствовать и направлять ее на поприще гражданственности». Вряд ли такое, почти буквальное совпадение мыслей Тургенева с «Мыслями» Муравьева является случайным.

Вероятно, к разысканиям Муравьева восходит и упомянутое Пушкиным высказывание М. Ф. Орлова о «блестящей гипотезе», недостающей у Карамзина[50], так как сам Орлов никогда не занимался этим специальным вопросом.

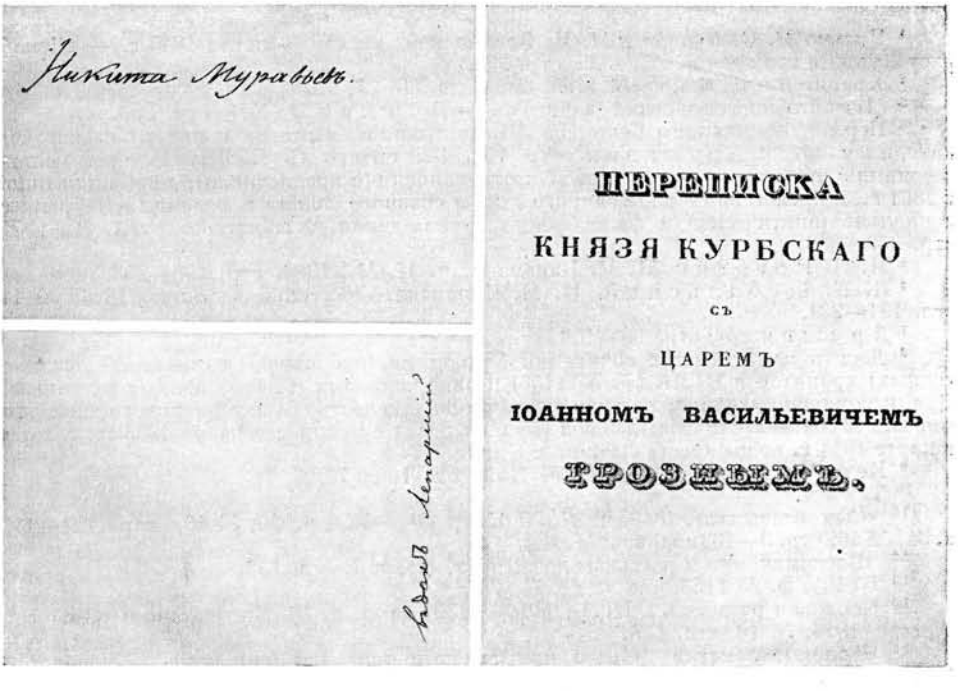
Записка Муравьева, явившаяся выражением исторических взглядов декабристов, была хорошо известна в передовых кругах литераторов.

Связь с «Мыслями» кажется несомненной в эпиграмме на Карамзина, не без основания приписываемой Пушкину:

В его Истории изящность, простота
Доказывают нам без всякого пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута[51].

Безусловного союзника имел Муравьев в лице Н. И. Гнедича. В набросках истории Малороссии Гнедич высказал идеи, совпадающие с «Мыслями» Муравьева[52].

Нет оснований думать, что работа Муравьева над критикой «Истории государства Российского» ограничилась той частью записки, которую сохранили нам архивы. У нас есть собственное свидетельство Муравьева, что первые восемь томов «Истории» он испестрил замечаниями на полях[53]. Следовательно, Муравьев критически осмыслил «Историю» Карамзина вплоть до начала царствования Ивана IV.



<НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ УСТРЯЛОВ> «СКАЗАНИЯ КНЯЗЯ КУРБСКОГО», ч. II, 1833 г.
ЭКЗЕМПЛЯР С ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ Н. М. МУРАВЬЕВА

Книга, читанная Муравьевым в Петровском остроге. Внизу помета коменданта острога: «видал Лепарский». Форзац и шмуцтитул книги

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Вопрос о том, ограничилась ли критика Муравьева этими замечаниями на полях или он продолжал свои «Мысли об Истории государства Российского» — относится уже к области предположений. Тетради Муравьева не дают никаких следов новых «Продолжений» критики Карамзина, записи в них кончаются 1818 годом и только одна из старых тетрадей (1815) имеет случайные позднейшие наслоения двадцатых годов.

Из того обстоятельства, что в семье Муравьева сохранялась лишь эта небольшая часть написанного Муравьевым, можно заключить, что Муравьев уничтожил все рукописи, относящиеся ко времени его руководящей деятельности в тайных обществах. Сохранилась в основном лишь часть его юношеского архива. Судя по напряженному интересу Муравьева к вопросам отечественной истории, по многочисленным записям и историческим заметкам в его тетрадях 1815—1818 гг., трудно представить, чтобы интерес этот иссяк после 1818 г.

Единственным известным историческим сочинением Муравьева более позднего времени являются его примечания к «Разбору донесения Тайной следственной комиссии», сделанному Луниным в конце тридцатых годов. Восьмое примечание Муравьева [64] и является кратким обозрением истории борьбы за народовластие в России со времен древних вечевых собраний до царствования Александра I. Из этой замечательной по своей целеустремленности и четкости исторической заметки мы можем сделать вывод, что в конце тридцатых годов Муравьев продолжал интересоваться тем же историческим вопросом, который явился главным для него в критике Карамзина 1818 г.

Это дает возможность представить себе и характер утраченных замечаний Муравьева на последующие главы «Истории государства Российского».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Письмо М. С. Лунина к М. Н. Волконской весной — летом 1843 г. — «Декабрист Лунин и его время». Л., 1926, стр. 273.

[2] Хранятся в ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, дд. 68, 97, 98.

[3] (Из автобиографических записок). — Пушкин, т. XII, стр. 306.

[4] Первое упоминание о рукописи «Продолжения», выписки и цитаты из него мы находим в книге: Дружинин, стр. 102. Эти цитаты С. Я. Штрайх произвольно соединил с неполным текстом первой части записки (о предисловии), опубликованной в 1861 г., и представил в виде единого якобы связного текста в издании «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I. Л., 1951, стр. 333—336.

[5] М. П. Погодин. Н. М. Карамзин, ч. II. М., 1866, стр. 198—203.

[6] П. К. Щебальский. Н. М. Карамзин.—«Русский вестник», 1866, № 11, стр. 191—261.

[7] Дружинин, стр. 98—103.

[8] Десять исторических сочинений Муравьева (в большей части своей незаконченных) хранятся в ЦГИА (ф. № 1153) в виде черновых и перебеленных рукописей. Они, несомненно, составляют лишь незначительную часть его литературного наследия, так как Муравьев уничтожал свои бумаги перед арестом в декабре 1825 г., а затем в марте 1841 г. после ареста Лунина в Урике.

[9] Не опубликована. ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, д. 79/23.

[10] Там же.

[11] «Сын отечества», 1816, ч. 27, № 6, стр. 218—232; ч. 29, № 16, стр. 121—140; ч. 34, № 46, стр. 3—16 (подпись: М. Н.).

[12] «Воспоминания и рассказы деятелей т. о.», т. I, стр. 136.

[13] ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, дд. 75, 79.

[14] Черновая рукопись в ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, д. 78. Напечатано в «Сыне отечества», 1816, № 16, стр. 129.

[15] Черновые заметки: «План критического описания кампании 1799 года». — ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, д. 79.

[16] ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, д. 75.

[17] Муравьев обращает особое внимание на хозяйственные и строительные предприятия русских отрядов, на их оседание в Приамурье. В «Истории стран, орошаемых Амуром» мы находим даты построек сибирских крепостей (острогов).—В той же рукописи находятся и выписки о пристанях Каспийского моря.

[18] «Некоторые мысли о воспитании и словесности» (см. выше).

[19] ‹Из автобиографических записок›. — Пушкин, т. XII, стр. 306.
[20] ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, д. 26.
[21] «Опись» относится, повидимому, к 1818 г., хотя тетрадью, в которой она находится, Муравьев пользовался для своих записей в 1823—1824 гг. Хранится в ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, д. 87.
[22] Таким образом идея «ключа», осуществленная в 1836 г. П. М. Строевым, впервые явилась еще в 1818 г. у Муравьева.
[23] Этими словами Карамзин заканчивает свое посвящение Александру I, предпосланное первому тому «Истории государства Российского».
[24] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 40.
[25] «Архив Тургеневых», т. III, стр. 280.
[26] Тацит для Муравьева был идеалом историка, именно в силу его ненависти к деспотизму. Можно сказать, что как историк Муравьев воспитывался на Таците, которого читал в подлиннике еще будучи отроком. В 15-летнем возрасте (в 1810 г.) Муравьев перевел «Нравы германские».
[27] ‹Из автобиографических записок›. — Пушкин, т. XII, стр. 306.
[28] М. П. Погодин. Н. М. Карамзин, ч. II. М., 1866, стр. 198, 203—204.
[29] См. настоящий том, стр. 557—564.
[30] ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, д. 81.
[31] См. об этом в статье: Б. Д. Греков. Ломоносов-историк.— «Историк-марксист», 1940, № 11, стр. 18—34.
[32] М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР, т. VI. М.—Л., 1952, стр. 191.
[33] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. СПб., ‹1818›, стр. XXV.— Муравьев называет предисловие Карамзина «вступлением», — см. стр. 586.
[34] Там же, стр. 112.
[35] Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма. Пг., 1923, стр. 23.
[36] ВД, т. I, стр. 322.
[37] «Записки декабристов», вып. 1. Лондон, 1862, стр. 121.
[38] «Письма киевского жителя к его другу». — «Вестник Европы», 1819, ч. 103, №№ 2, 3, 4; ч. 104, №№ 5 и 6.
[39] Зариан-Доленга Ходаковский. Разыскания касательно русской истории. — «Вестник Европы», 1819, № 20, стр. 277—302.
[40] Повидимому, это же чувство национальной гордости руководило и М. Ф. Орловым. — См. настоящий том, стр. 565.
[41] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. СПб., ‹1818›, стр. 11.
[42] Macrobius. Saturnaliorum Liber I, cap. XI.
[43] ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, д. 79.
[44] См., например, «Письмо к другу в Германию» А. Д. Улыбышева в бумагах «Зеленой лампы» (Б. Л. Модзалевский. К истории «Зеленой лампы».— «Декабристы и их время», I, стр. 36—40).
[45] Так, перебеленный Муравьевым отрывок с заглавием «Нечто о скифах, сарматах, венетах и других древних народах» вполне мог предназначаться к чтению в декабристской среде, может быть, на заседании Журнального общества, задуманного Н. И. Тургеневым.
[46] Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма. Пг., 1923, стр. 78—83.
[47] «Архив Тургеневых», т. III, стр. 381.
[48] Там же, стр. 191. — О надеждах, возлагаемых на Муравьева, пишет и А. И. Тургенев к И. И. Дмитриеву 6 мая 1819 г. («Русский архив», 1867, № 4, стб. 647).
[49] Как свидетельствует Н. И. Тургенев, Муравьев был единственным, кто читал в Журнальном обществе свое сочинение (11 апреля 1819 г.). Программа журнала, составленная Н. И. Тургеневым, опубликована А. А. Фоминым в статье «К истории вопроса о развитии в России общественных наук в начале XIX века».— «Русский библисфил», 1914, сентябрь, стр. 68—87, а также в «Архиве Тургеневых», т. III, стр. 376—382.
[50] Пушкин. ‹Из автобиографических записок›. См. об этом стр. 560 настоящего тома.
[51] Принадлежность этой эпиграммы Пушкину оспаривается до настоящего времени (она не вошла в «большое» академическое издание сочинений Пушкина), хотя основанием для этого спора является только признание Пушкина, что он написал лишь одну эпиграмму на Карамзина. Но так как существуют две эпиграммы, которые с достаточной убедительностью приписывались Пущкину, то одна из них, именно эта, была сочтена не принадлежащей поэту.
Между тем и поэтические достоинства и содержание эпиграммы говорят об авторстве Пушкина (см. Полн. собр. соч. Пушкина в десяти томах. Изд. АН СССР, т. VIII. М., 1949, стр. 522)
[52] «Декабристы и их время», 1951, стр. 119—120.
[53] См. выше в письме к матери от 16 мая 1818 г.— Тома «Истории государства Российского», испещренные замечаниями Муравьева, к сожалению, утрачены.
[54] «Записки декабристов», вып. 2—3. Лондон, 1863, стр. 121—125

МЫСЛИ ОБ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО Н. М. КАРАМЗИНА

Sine ira et studio, quorum causas procul habeo.

Tacit. An. 1*

История принадлежит народам. В ней находят они верное изображение своих добродетелей и пороков, начала могущества, причины благоденствия или бедствий. Долго были мы лишены бытописателей, имея только Щербатова и Татищева [1]. Наконец, Н. М. Карамзин, ревнуя к отечественной славе, посвятил 12 лет постоянным, утомительным изысканиям и привел сказания простодушных летописцов наших в ясную и стройную систему. Неоцененное благодеяние! С скромностью истинного дарования говорит нам историк, что в труде сем ободряла его надежда сделать российскую историю известнее. Исполнилось желание его — мы гораздо знакомее стали с делами предков наших. До сих пор, однако ж, никто не принял на себя лестной обязанности изъявить историку общую благодарность. Никто не обозревал со вниманием великости труда его, красоты, соразмерности и правильности частей, никто не воздал писателю хвалы, достойной его, ибо хвала без доказательств есть хвала черни.

Неужели творение сие не возродило многих различных суждений, вопросов, сомнений! Горе стране, где все согласны. Можно ли ожидать там успехов просвещения? Там спят силы умственные, там не дорожат истиною, которая, подобно славе, приобретается усилиями и постоянными трудами. Честь писателю, но свобода суждениям читателей. Сомнения, изложенные с приличием, могут ли быть оскорбительными?

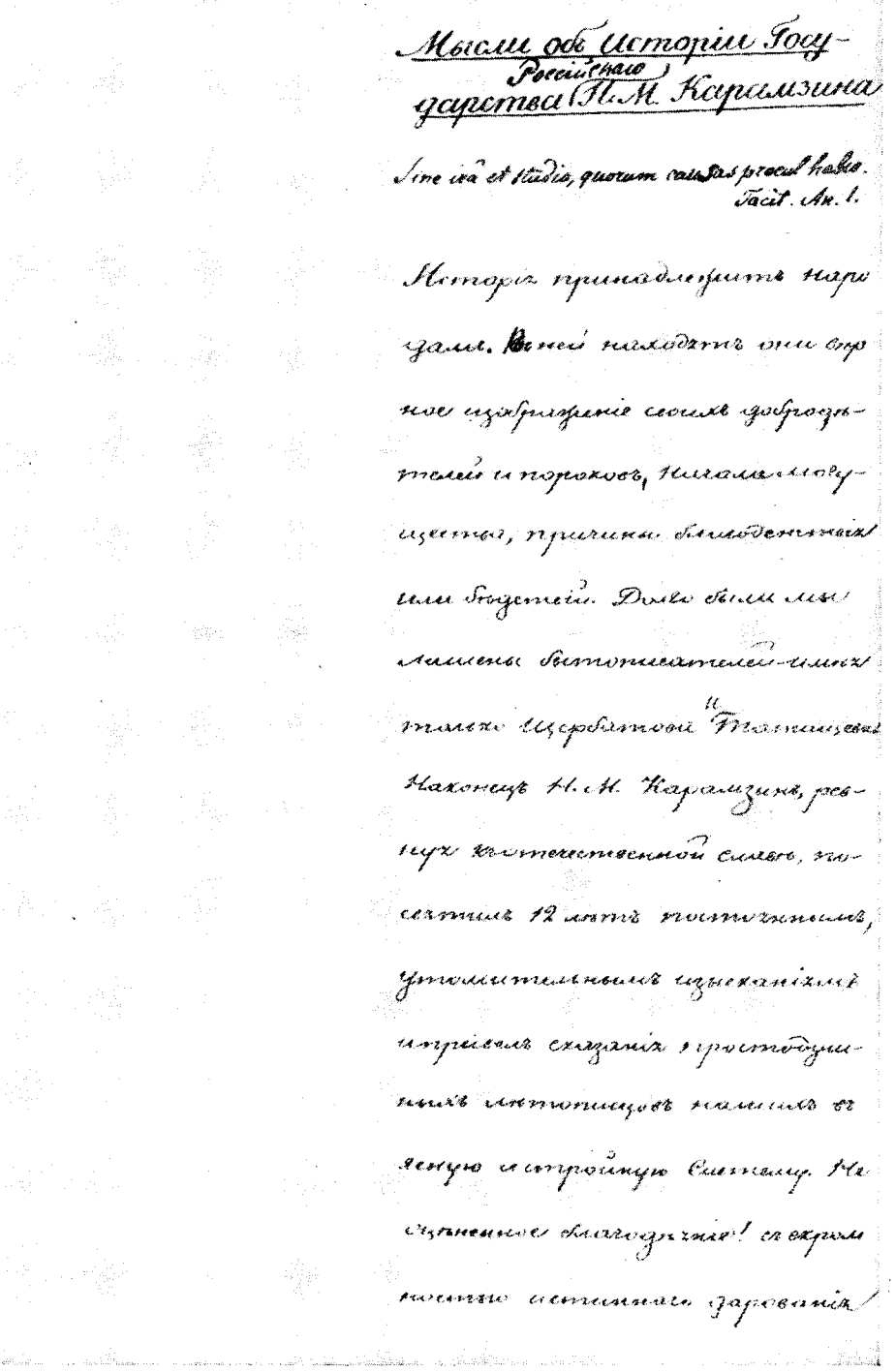
Основательное обозрение истории затруднительно для одного человека; философ, законоискусник, пастырь церкви, военный должны каждый в особенности участвовать в подвиге сем. Один должен вникать в дух, в котором она написана, — не приданы ли векам отдаленным мысли нашего века, не приписаны ли праотцам понятия, приобретенные уже внуками. Другой должен сверять ее с источниками. Третий — разбирать суждения сочинителя о торговле, о внутреннем устройстве, и так далее.

Пусть каждый изберет часть свою, но здесь читатель должен ожидать только изложения мыслей, возбужденных чтением сего творения, и беспорядочной смеси замечаний. Каждый имеет право судить об истории своего отечества.

Остановимся сперва на предисловии; в нем увидим, каким образом наш писатель обнял предмет свой и какими правилами он руководствовался. Вот его определение пользы истории: «Правители, законодатели действуют по указаниям истории... Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать как *искони мятежные страсти* волновали гражданское общество и какими способами *благотворная власть* ума *обуздывала их бурное стремление*, чтоб учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им *возможное на земле счастие*».

История представляет нам иногда, как благотворная власть ума обуздывала *бурное стремление мятежных* страстей. Но согласимся, что сии примеры редки. Обыкновенно страстям противятся другие же страсти — борьба начинается, способности душевные и умственные с обеих сторон приобретают наибольшую силу; наконец, противники утомляются, злоба обоюдная истощается, познают общую выгоду, и примирение заключается благоразумною опытностью. Вообще весьма трудно малому числу людей быть выше страстей народов, к коим принадлежат они сами, быть благоразумнее века и удерживать стремление целых обществ. Слабы

* Без гнева и пристрастья, причины которых я оставляю в стороне. — Тацит. Анналы, 1 (лат.).



Мысли объ Исторіи Государства Россійскаго Н. М. Карамзина

Sine ira et studio, quorum causas procul habeo.
Tacit. An. 1.

Исторія принадлежитъ народамъ. Въ ней находятъ они вѣрное изображеніе своихъ добродѣтелей и пороковъ, начала могущества, причины благоденствія или бѣдствій. Долго были мы лишены бытописателей — имѣя только Щербатова и Татищева. Наконецъ Н. М. Карамзинъ, ревнуя къ отечественной славѣ, посвятилъ 12 лѣтъ постояннымъ, утомительнымъ изысканіямъ и привелъ сказанія простодушныхъ лѣтописцовъ нашихъ въ ясную и стройную систему. Неоцѣненное благодѣяніе! съ скромностью истиннаго дарованія

АВТОРИЗОВАННЫЙ СПИСОК СТАТЬИ Н. М. МУРАВЬЕВА «МЫСЛИ ОБ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО Н. М. КАРАМЗИНА», 1818 г.

Лист 1

Центральный исторический архив, Москва

соображения наши противу естественного хода вещей. И тогда даже, когда мы воображаем, что действуем по собственному произволу, и тогда мы повинуемся прошедшему — дополняем то, что сделано, делаем то, чего требует от нас общее мнение, последствие необходимое прежних действий, идем, куда влекут нас происшествия, куда порывались уже предки наши.

Вообще, от самых первых времен — одни и те же явления. От времени до времени рождаются новые понятия, новые мысли. Они долго таятся, созревают, потом быстро распространяются и производят долговременные волнения, за которыми следует новый порядок вещей, новая нравственная система.

Какой ум может предвидеть и обнять эти явления? Какая рука может управлять их ходом? Кто дерзнет в высокомерии своем *насильствами* учреждать и самый порядок? Кто противостанет один общему мнению? Мудрый и добродетельный человек в таких обстоятельствах не прибегнет ни к ухищрению, ни к силе. Следуя общему движению, благая душа его будет только направлять оное уроками умеренности и справедливости. Насильственные средства и беззаконны и гибельны, ибо высшая политика и высшая нравственность — одно и то же. К тому же существа, полверженные страстям, вправе ли гнать за оные? Страсти суть необходимая принадлежность человеческого рода и орудия промысла, не постижимого для ограниченного ума нашего. Не ими ли влекутся народы к цели всего человечества? В нравственном, равно как и в физическом мире, согласие целого основано на борении частей *.

---

* *Здесь Н. М. Муравьевым сделана пометка* (*) *и вставлены выписки из Попа и Монтескье:*

All nature's difference keeps all nature's peace. P o p e.

Pages 102 et 103 «*Grandeur et Décadence des Romains*» (Chap. IX).

Demander dans un État libre des gens hardis dans la guerre et timides dans la paix, c'est vouloir des choses impossibles: et, pour règle générale, toutes les fois qu'on verra tout le monde tranquille dans un État qui se donne le nom de République, on peut être assuré que la liberté n'y est pas.

Ce qu'on appelle union, dans un corps politique, est une chose très équivoque: la vraie est une union d'harmonie, qui fait que toutes les parties, quelque opposées qu'elles nous paraissent, concourent au bien général de la société, comme des dissonances dans la musique concourent à l'accord total. Il peut y avoir de l'union dans un État où l'on ne croit voir que du trouble, c'est-à-dire une harmonie d'où résulte le bonheur, qui seul est la vraie paix. Il en est comme des parties de cet univers, éternellement liées par l'action des uns et la réaction des autres.

Mais, dans l'accord *du despotisme asiatique*, c'est-à-dire de tout gouvernement *qui n'est pas modéré*, il y a toujours une division réelle. Le laboureur, l'homme de guerre, le négociant, le magistrat, le noble, ne sont joints que parce que les uns oppriment les autres sans *résistance*; *et si l'on y voit de l'union, ce ne sont pas* des citoyens qui sont unis mais des corps morts ensevelis les uns auprès des autres.

Grandeur et Décadence des Romains. Chap. IX.

<П е р е в о д: Всякая борьба в природе блюдет в природе покой. П о п.

Страницы 102 и 103 Монтескье «Величие и падение римлян» (глава IX).

Требовать, чтобы в свободном государстве люди были смелы в войне и робки во время мира, — значит желать невозможных вещей; и, как общее правило, если государство, именующее себя республикой, являет картину всеобщего спокойствия — можно наверное утверждать, что свободы там нет.

То, что именуют единением в политическом организме, — вещь весьма двусмысленная. Истинным является единение гармоническое, при котором все части, какими бы противоположными они нам ни казались, содействуют общему благу общества, как в музыке диссонансы содействуют общему созвучию. Возможно единение в государстве, в котором на первый взгляд господствуют волнения, т. е. такая гармония, из которой проистекает счастье, составляющее истинный мир. Это подобно частицам нашей вселенной, вечно связанным действием одних и противодействием других.

Но в согласии *азиатского деспотизма*, т. е. *неограниченного* правления, заключается всегда на самом деле разлад. Земледелец, воен ый, торговец, правитель, дворянин соединены потому лишь, что одни угнетают других *без сопротивления*; *и если там замечают единение*, то это не граждане, живущие в единении, а мертвые тела, погребенные одно около другого.>

«Но и простой гражданин должен читать историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей как с *обыкновенным* явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие и государство не разрушалось...».

Конечно, несовершенство есть неразлучный товарищ всего земного, но история должна ли только мирить нас с несовершенством, должна ли погружать нас в нравственный сон квиетизма? В том ли состоит гражданская добродетель, которую народное бытописание воспламенять обязано? Не мир, но *брань вечная* должна существовать между злом и благом; добродетельные граждане должны быть в вечном союзе противу заблуждений и пороков. Не примирение наше с несовершенством, не удовлетворение суетного любопытства, не пища чувствительности, не забава праздности составляют предмет истории: она возжигает соревнование веков, пробуждает душевные силы наши и устремляет к тому совершенству, которое суждено на земле. Священными устами истории праотцы наши взывают к нам: *не посрамите земли русския!*

Несовершенство видимого порядка вещей есть, без сомнения, *обыкновенное явление во всех веках*, но есть различия и между несовершенствами. Кто сравнит несовершенства века Фабрициев или Антонинов с несовершенствами века Нерона или гнусного Элиогобала, когда честь, жизнь и самые нравы граждан зависели от произвола развращенного отрока, когда владыки мира, римляне, уподоблялись бессмысленным тварям?

Преступления Тиверия, Калигулы, Каракаллы, опустошавшего один город после другого, принадлежат ли к обыкновенным явлениям веков? Наконец, несовершенства воинственного, великодушного народа времен Святослава и Владимира сходствуют ли с несовершенствами времен порабощенной России, когда целый народ мог привыкнуть к губительной мысли *необходимости*? Еще унизительнее для нравственности народной эпоха *возрождения* нашего, рабская хитрость Иоанна Калиты; далее, холодная жестокость Иоанна III, лицемерие Василия и ужасы Иоанна IV.

История может ли также утешать нас в государственных бедствиях, свидетельствуя, что бывали еще ужаснейшие и государство не разрушалось. Кто поручится за будущее? Кто знает, не постигнут ли внуков наших бедствия еще ужаснее тех, кои претерпели наши деды? Государственные бедствия могут иметь последствием и разрушение самого государства. В ⟨17⟩97 году венециане, читая в летописях своих, как некогда они противились Камбрейскому союзу *, могли ли тем утешаться, теряя** свою независимость и славу. Не так думали древние об истории: «Кратка жизнь,— говорит Саллустий[2], — и так продлим память о себе сколь возможно более. — В познании событий всего полезнее то, что представлены нам примеры на светлом памятнике» [3]. Мы подражаем тому, что достойно подражания, презираем то, что постыдно начато и постыдно совершено (см. вступление Тита Ливия).

Не все согласятся, чтоб междоусобия удельных князей были маловажны для разума; ими подтверждается известный стих Горация: Quidquid delirant Reges plectuntur Achivi***.

---

* В 1508 году король французский Людвиг XII, импер⟨атор⟩ Максимилиан, герцог Савойский, феррарский, маркиз Мантуйский, флорентийцы и папа Июлий II объявили войну Венеции. В Камбрее заключен был союз между королем франц⟨узским⟩, королем Арагонским, импер⟨атором⟩ Макс⟨имилианом⟩ и папою, к которым впоследствии пристали все вышеупомянутые союзники. — *Прим. автора.*

** В 1797 году Бонапарт овладел Венециею, уничтожил республику и отдал ее земли Австрии. — *Прим. автора.*

*** ⟨Сколько ни беснуются цари, расплачиваются ахивяне. — лат.⟩

Та же почти мысль выражена в песне Игоревой: «В княжих крамолах вѣци человеком скратишась», стр. 17.—*Прим. автора.*

Сравнивая историю российскую с древнею, историк наш говорит: «Толпы злодействуют, режутся за честь Афин или Спарты, как у нас за честь Мономахова или Олегова дому — немного разности; если забудем, что сии полутигры изъяснялись языком Гомера, имели Софокловы трагедии и статуи Фидиасовы».

Я нахожу некоторую разность. Там граждане сражались за власть, в которой они участвовали; здесь слуги дрались по прихотям господ своих. Мы не можем забыть, что *полутигры Греции* наслаждались всеми благами земли, свободою и славою просвещения.

Наш писатель говорит, что в истории красота повествования и сила есть главное! Сомневаюсь. «Знание прав . . . . . учености . . . . . остроумие . . . глубокомыслие . . . в историке не заменяют таланта изображать действия». Бесспорно, но это не доказывает, чтоб искусство изображения было главное в истории. Можно весьма справедливо сказать, что талант повествователя не может заменить познаний учености, прилежания и глубокомыслия. Что важнее! Мне же кажется, что главное в истории есть *дельность* оной. Смотреть на историю единственно как на литературное произведение есть унижать оную. Мудрому историку мы простим недостаток искусства, красноречивого осудим, если он не знает основательно того, о чем повествует.

Следующее изречение неоспоримо: «Историку непозволительно мыслить и говорить за своих героев, которые уже давно безмолвствуют в могилах . . . . . остается ему . . . . . порядок, ясность, сила, живопись». Охуждая холодность *Юма*[4], наш писатель весьма справедливо замечает, что «любовь к отечеству дает кисти» историка «жар, силу, прелесть. Где нет любви, нет и души». Согласен, но часто ли попадались Юму Алфреды[5], а можно ли любить притеснителей и заклепы. Тацита одушевляло негодование[6].

Впоследствии приступим к самой истории. Она тем любопытнее для нас, что писана, по уверению сочинителя*, «в народном духе и единственно для соотечественников, так что не может понравиться иноземцам, от сего характера русского, столь отличного от характера других народов!»

МЫСЛИ О ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

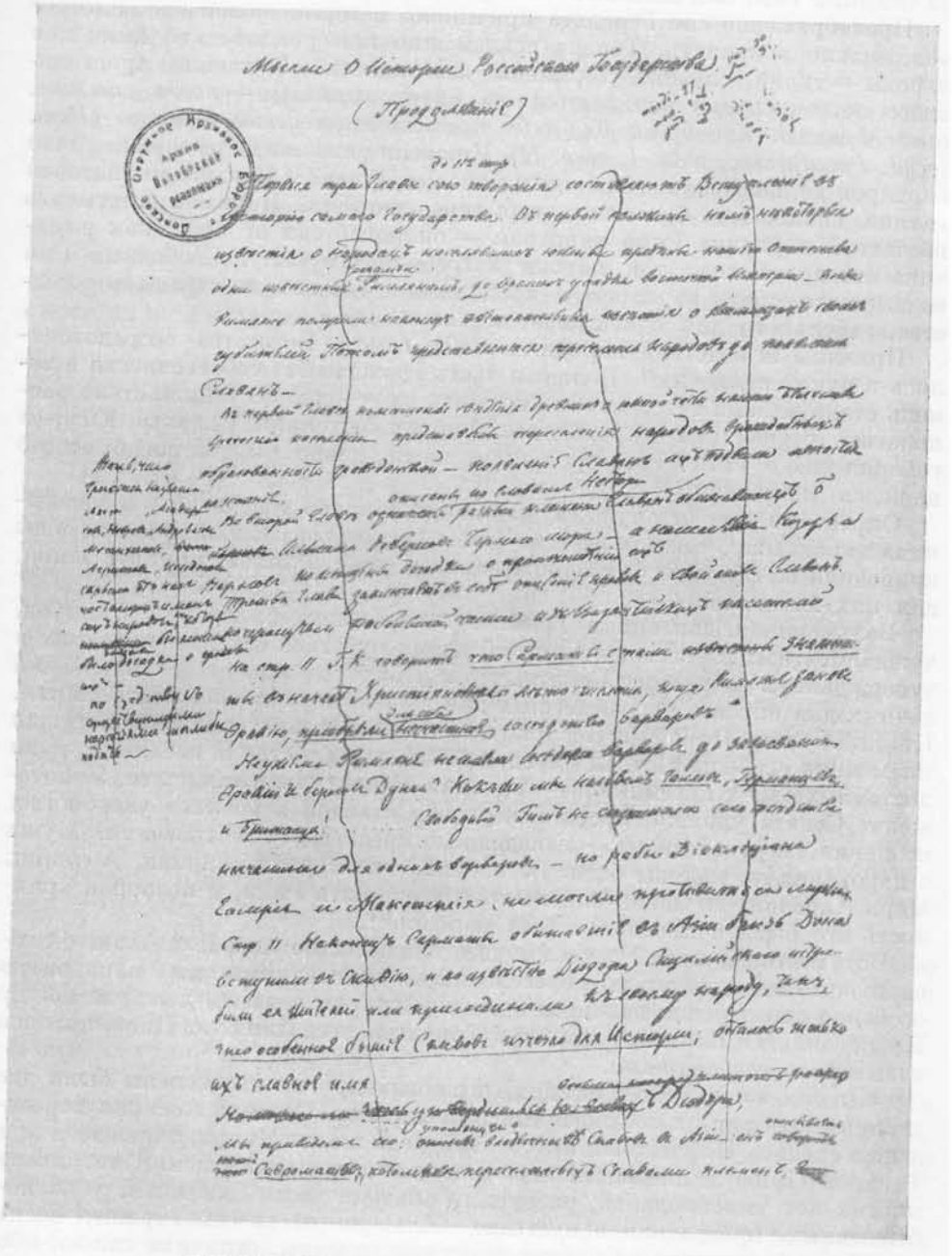
(Продолжение)[7]

Первые три главы Истории составляют вступление. Г. К⟨арамзин⟩ излагает нам сперва сведения греков и римлян о южных пределах нашего отечества; потом предлагает нам картину переселения народов, стремящихся на гибель Рима, наконец, останавливает наше внимание на праотцах наших — славянах, знакомит нас с их нравами, с их подвигами и переходит к основанию Российского государства. Сведения, оставленные нам Геродотом, о землях, составляющих ныне богатые области Подолии и Новой России, весьма любопытны. Его описания так верны, что по прошествии столь многих веков путешественник может еще руководствоваться ими.

Жаль, что приводимые им названия народов суть греческие, а не те, которые они сами себе давали. Имена алазонов[8], агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов, агрипеев, исседонов скрыли от нас настоящие имена их, которые, по сравнению с существующими языками, могли бы открыть нам, к которой из великих семей человеческого рода они принадлежали.

---

* Смотри письмо историографа к французским переводчикам его Истории от 5 июня 1818 года, напечатанное ими на 4-й странице их объявления. — *Прим. автора.*



ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ СТАТЬИ Н. М. МУРАВЬЕВА
«МЫСЛИ О ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО (ПРОДОЛЖЕНИЕ)», 1818 г.

Лист 1

Центральный исторический архив, Москва

Споры и догадки Баера, Ломоносова, Пинкертона, Малтебрюна[9] ничего не открыли нам, как доказать — скифы ли мы или сарматы-чудь*.

Пренебрежение сие Геродота причинило истории нашей зло, которое невозможно исправить. Теперь невозможно нам решить, кто были сии народы — турки, славяне, германцы или кельты. В начале христианского летосчисления появляются на сцену *сарматы — когда римляне, заняв Фракию, приобрели для себя несчастное соседство варваров* (*Ист. госуд. Российского, том I, стр. 11*). Неужели римляне не имели соседства варваров до завоевания Фракии и берегов Дуная?[10] Как же мы назовем галлов, гишпанцев, британцев, германцев, парфян? Нельзя приписывать несчастий и упадка Рима варварам — он погиб сам от себя, как ржавчина съедает железо, так пороки истребили его силу. Свободный Рим возвышался среди варваров в продолжение *700* лет, не страшась соседства, гибельного для одних врагов своих.

Причины ж бедствий народных в нем самом. Богатства сосредоточились в руках немногих[11]. Большая часть граждан без собственности и земель стали рабами того, кто мог кормить их — одно состояние стало располагать имуществом и кровью всех прочих состояний. Славный Югурфа говорил уже о Риме: «О, город продажный, давно бы ты погиб, если б нашелся покупщик!»[12]

Окрестные народы оружием достали себе право участвовать в совещаниях народных. С тех пор исчезло бытие *народа властелина*. Властолюбцы приводили на форум вооруженные народы, чтоб заставить принять закон, для них выгодный.

Вельможи, воспитанные греками в правилах философии Эпикура, чуждались языка своего, думали об одних чувственных наслаждениях и утверждали в собраниях Сената, что нет будущей жизни, нет наказаний вечных для порока, наград вечных для доблести. Наконец, после Мария, Цинны, Суллы, Помпея и Кесаря, хитрый деспот Август навски потушил пламенник свободы и отдал народ, зрелый для рабства и гибели, в руки достойных своих преемников — Тиверия, Калигулы и так далее. Уничтожение Сената удивило и сих извергов! Оставались военное устройство, познания, мертвые силы — ненадежные средства существования. Мужи с дарованиями, каковы были Веспасиан, Тит, Троян, Адриан, Антонин, Марк Аврелий, не могли или не хотели оживить Рима, и позорная дряхлость его была посмешищем всех народов**.

Вот место Диодора[13]: упомянув о владычестве скифов в Азии, он говорит, что сделали много переселений из завоеванных им народов и особенно два отменно великих: одно из Ассирии в места, лежащие между Пафлогониею и Понтом, а другое из Мидии переселено близ Дона, которое называлось *савроматами*.

«От сих же царей (скифских) и многих других переселены были две главные колонии из побежденных ими народов. Одна из Ассирии переведена в средину Пафлогонии и Понта. Другая же, из Мидии, учреждена при Танаисе (Доне). Сии поселенцы *савроматами* назывались. Они, после многих лет умножившись, разорили бо́льшую часть Скифии и, убив побежденных, превратили в пустыню бо́льшую часть сей страны; после чего было безначалие в Скифии; парствовали жены, отличные силою, ибо в сих странах они с мужами наравне готовы к войне и в делах мужества им не уступают» (*Диод. Сиц., глава 2*). Это место весьма темно и неопределительно. Колония, учрежденная скифами и переведенная ими из Мидии на

---

* *Фраза вписана на полях.*

** *После этого было:* Сарматы, обитавшие в Азии близ Дона, вступили в Скифию и по известию Диодора Сицилийского истребили ее жителей и присоединили к сему народу, так что особенное бытие скифов исчезло из истории, осталось только их славное имя.

берега Дона, возмущает и истребляет своих победителей! Притом появляется в Скифии женское правление!

Когда именно савроматы овладели Скифиею?

Гатерер полагает[14], что это было за 80 лет до Р. Х., а скифы овладели Азиею ⟨в⟩ 625 ⟨году⟩ до Р. Х. и владели ею до 598 года до Р. Х.

Кочующие народы сгоняются кочующими, но редко истребляются оными, а почти всегда одними гражданскими обществами, облегающими их. Скифы, уступая савроматам, вероятно, удалились далее к северу.

Мне возразят, что моголы истребили и кочующих народов (половцев) и других, но кто сравнит нашествие сармат с нашествием гуннов или татар.

История госуд. Российск., стр. 12.

Сарматский народ «господствовал от Азовского моря до берегов Дуная и состоял из 2 главных племен: *роксолан* и *язигов*; роксолане утвердились

КНИЖНЫЙ ЗНАК БИБЛИОТЕКИ НИКИТЫ МУРАВЬЕВА И ЕГО ОТЦА М. Н. МУРАВЬЕВА

В 1844 г. Е. Ф. Муравьева передала библиотеку Н. М. и М. Н. Муравьевых Московскому университету, снабдив книги этим знаком

Библиотека Московского университета им. М. В. Ломоносова

в окрестностях Азовского и Черного моря, а язиги скоро перешли в Дакию на берега Тиссы и Дуная. Дерзнув первые тревожить римские владения с сей стороны, они начали... войну дикого варварства с гражданским просвещением... Роксолане одержали верх над когортами римскими в Дакии. Язиги опустошили Мизию».

Здесь изложение мне кажется темным. Зачем роксолане, остававшиеся на берегах Азовского и Черного моря, могли тревожить римлян в Дакии, которою уже владели язиги. Зачем язиги, вместо того, чтоб воевать против римлян в Дакии (Молдавии, Валахии, Трансильвании и части Венгрии), пошли в Мизию (в нынешнюю Булгарию).

Болтин и Татищев (*примеч. 20, стр. 261 Истор. г. Р.*) беспрестанно изъясняют нам слова сарматские, воображая, что сей язык и финский одно и то же

Трудно сказать что-нибудь определительное о языке сарматов, которого никаких следов не осталось; но многие полагают, что латыши суть остаток сарматов. *Ятвиги*, народ латышский (покоренный Владимиром), называемый *ятувингами* польскими писателями, напоминают одно племя сарматское — *язигов*.

Побежденные Марком Аврелием и ослабленные, они долго еще на берегах Тибиска или Тиссы продолжали тревожить римские владения.

Стр. 14. Готфский историк VI века, Иорнанд[15], пишет, что Эрманрик в числе многих иных народов победил и венедов, которые, обитая в соседстве с эстами и герулами, жителями берегов Балтийских, славились более своею многочисленностью, нежели искусством воинским. Сие сказание для нас любопытно и важно (*стр. 264 и 265 примеч.*), ибо венеды, по сказанию Иорнанда, были единоплеменники славян — предков народа российского. Хотя венеты, анты, славяне называются ныне сими тремя разными именами (говорит Иорнанд), однако ж происходят от одного племени. «*Теперь они за грехи наши везде свирепствуют*», но прежде все повиновались Эрманриховой власти.

Nam hi... ab unā stirpe exorti tria nunc nomina reddidere, id est Veneti, Antes, Sclavi, *qui quamvis nunc ita facientibus peccatis nostris ubique desaeviunt, tamen tunc omnes* Hermanrici imperiis *serviere.*

Стр. 15. Еще в самой глубокой древности, лет за 450 до Р. Х., было известно в Греции, что янтарь находится в отдаленных странах Европы, где река Эридан впадает в Северный океан и где живут венеды.

Стр. 265. В примечании 28 г. К⟨арамзин⟩ ссылается здесь на Геродота, книгу III. Но сей историк не знал венетов, вот что он говорит ⟨III 115⟩:

περὶ δὲ τῶν ἐν τῇ Εὐρώπῃ τῶν πρὸς ἑσπέρην ἐσχατιέων ἔχω μὲν οὐκ ἀτρεκέως λέγειν· οὔτε γὰρ ἔγωγε ἐνδέκομαι Ἠριδανὸν τινα καλέεσθαι πρὸς βαρβάρων ποταμὸν ἐκδιδόντα ἐς θάλασσαν τὴν πρὸς βορῆν ἄνεμον, ἀπ' ὅτευ τὸ ἤλεκτρον φοιτᾶν λόγος ἐστί...

...τοῦτο μὲν ὁ Ἠριδανὸς αὐτὸ κατηγορέει τὸ οὔνομα ὡς ἔστι Ἑλληνικὸν καὶ οὐ βάρβαρον, ὑπὸ ποιητέω δέ τινος ποιηθέν· τοῦτο δὲ οὐδενὸς αὐτόπτεω γενομένου δύναμαι ἀκοῦσαι, τοῦτο μελετῶν, ὅκως θάλασσά ἐστι τὰ ἐπέκεινα τῆς Εὐρωπης. Θάλεια § 115.

De extremitatibus autem Europae ad vesperam quod pro comperto referam non habeo, neque enim assentior fluvium quendam Eridanum a barbaris vocitari, qui exit in mare ad septentrionem spectans, unde electrum venire narratur... nam vel ipsum coarguit nomen Eridanus, quod Graecum est, et non barbarum, ab aliquo poëta fictum. Sed etsi hoc studiose quaesivi a nemine qui ipse viderit accipere possum, quomodo se habeat mare ad illam Europae partem (Liber III).

Не соглашусь, чтобы варвары называли Эриданом какую⟨-то⟩ реку, текущую в море к северу, откуда, сказывают, достают янтарь . . . . . убеждает в том и самое название Эридан, которое греческое, а не варварское, и вымышлено, конечно, поэтом . . . . Я ни от какого очевидца не мог иметь сведения о сем море*.

Стр. 265, примечание 28. Г-н К⟨арамзин⟩ говорит: «Некоторые считают славянами и венетов итальянских, будто бы пришедших с Антенором из Фригии после разрушения Трои... но Страбон, которому надлежало знать итальянских венетов, признает их за один народ с белгическими галлами-венетами, побежденными Кесарем в морском сражении... Гомерова поэма так прославила Трою, что все народы хотели быть троянами... и славянам надлежало дать право гражданства в Илионе». Увидя, что г. К⟨арамзин⟩[16] основывается здесь на Страбоне, я заглянул в него и нашел два места, в которых он упоминает о венетах или оуенетах, как он их называет. Вот то место, на которое упирается наш историк: «Полагаю, что сии оуенеты родоначальники тех, которые живут на Адриатическом заливе, которые по сходству имени почитаются пафлагонцами. Я не говорю утвердительно: ибо в таковых вещах достаточно правдоподобия». *Книга IV, глава 4, § 1.*

Вот другое место:

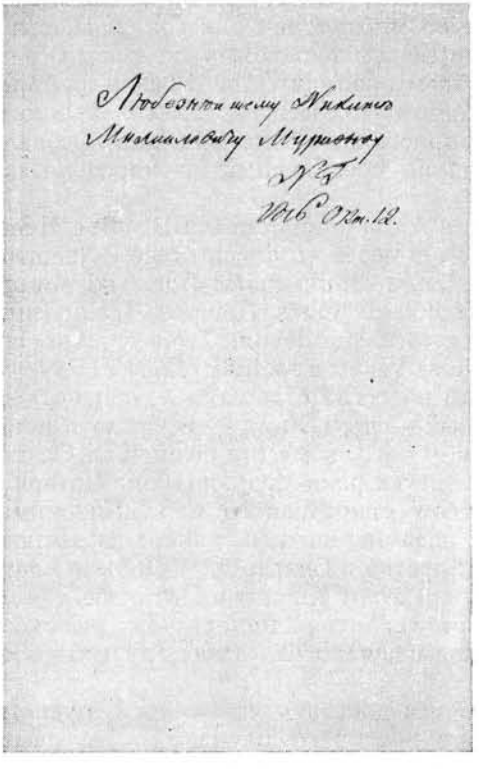
«О енетах два предания: одни считают их поселянами одноименных им келтов, прибрежных океану. Другие же говорят, что после войны троян-

* *Сокращенный перевод греческого и латинского текста, сделанный Муравьевым.*

ской некоторые из енетов пафлагонских спаслись сюда с Антенором». *Книга V, глава 1, § 4.* И приводят в подкрепление сего мнения конские их заводы: они теперь не существуют, но прежде были у них в уважении, из подражания предков, которые содержали лошадей, чтоб иметь лошаков, о чем говорит и Гомер.

У енетов много рождается непослушных лошаков
(«Илиада», песнь 2, стих 852).

Дионисий, тиран Сицилии, учредил в стране сей завод конский для ристалищ; и от сего и у еллинов слава жеребцов енетских распространилась; их род долгое время был в цене.


Любезнѣйшему Никитѣ
Михайловичу Муравьеву
Н Г
1816 Окт. 12.

ТАНКРЕДЪ,

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Сочиненіе Вольтера.

Переводъ Н. Гнѣдича.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ Типографіи Императорскаго Театра
1816 года.

ПЕРЕВОД ТРАГЕДИИ ВОЛЬТЕРА «ТАНКРЕД», СДЕЛАННЫЙ Н. И. ГНЕДИЧЕМ. ЭКЗЕМПЛЯР С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА Н. М. МУРАВЬЕВУ
«Любезнейшему Никите Михайловичу Муравьеву. Н. Г. 1816 окт. 12».
Библиотека Московского университета им. М. В. Ломоносова

У Геродота мы находим, что у енетов был один закон ассирийский и что их почитали за поселенных мидян.

В книге 1-й «Клио»: «У них (у ассирийцев) законы так учреждены: самый мудрейший из оных, по моему мнению, тот, который, как я уведомился, находится и у иллирийских енетов» *(§ 196).*

«За Истром я знаю одно токмо племя, которого имя сигинны. Одежду употребляет оно мидийскую... Их пределы касаются енетов, прибрежных Адриатике; говорят, что енеты поселяне мидийские: я не знаю, каким образом мидяне здесь поселены: сие могло произойти в давнем времени» *(Кн. V, «Терпсихора», § 9).*

Достоверный Поливий утверждает, что венеты не галлы. Но всего более о енетах сведений у Поливия. Описав галлов, поселенных в Италии, он

говорит: «Местности, простирающиеся к Адриатике, занял особенный народ, гораздо древнейший. Он называется оуенеты: по обычаям и одежде мало различается от келтов, но употребляет язык отличный» *(Книга II, § 17)*.

Сей народ оказал Риму важные заслуги. Галлы в 363 году* по создании Рима взяли его, кроме Капитолия; но, узнав, что оуенеты вторгнулись в их земли, они заключили с римлянами мир, отдали им город их и возвратились к себе.

В 526 год** от начала Рима, когда гордые республиканцы, устрашенные новым нашествием галлов, вооружили до 700 000 человек, то енеты пристали к Риму и вместе с кеноманами выставили 20 000 человек противу всегдашних врагов своих *(смотри Поливия, книга II, §§ 8, 18, 23 и 24)*.

Тит Ливий говорит, что Антенор со множеством генетов, изгнанных возмущением из Пафлагонии, лишенным земли и вождя по смерти царя Пилимона при Трое, пристал к крайнему заливу Адриатического моря. Генеты и трояне, прогнав евганеев, обитавших между морем и Альпами, заняли их землю: место, к которому пристали, с самого начала прозвали Троею; области дали название Троянской, соединенный же народ назван венетами ⟨*кн. 1, § 1*⟩:

Satis constat... casibus deinde variis Antenorem cum multitudine Henetum, qui seditione ex Paphlagonia pulsi, et sedes et ducem, rege Pylaemene ad Troiam amisso, quaerebant, venisse in intimum maris Adriatici sinum: Euganeisque qui inter mare Alpesque colebant pulsis Henetos Troianosque eas tenuisse terras: et in quem primum egressi sunt locum. Troia vocatur, pagoque inde Troiano nomen est, gens universa Veneti appellati *(Liber I, § 1)*.***

Тит Ливий нам сообщает еще одно известие о венетах — оно последнее. После того сей народ воинственный — друг Рима — исчезает в истории — можно ли полагаться на дружбу того, кому все возможно! Он повествует нам, что венеты отразили на берегах реки Медуака (близ Патавии) высадку греков под предводительством спартанского царя Клеонима, сына Клеомена спартанского царя, деда царя Арея, товарища Пирра, которому не удалось его возвести на царство в Спарте****. Добычи спартанские и ростры корабельные украсили храм Юноны в Патавии.

Вопрос любопытный, но который, вероятно, никогда не решится: венеты гальские, венеты адриатические и венеты бальтийские составляли ли один народ?

Остается только любителям древности доказать, что венеты, оуенеты или венеды при Адриатическом море — единого племени с венедами, находящимися на берегах Балтийских, и тогда наши предки участвовали почти во всех великих явлениях истории.

Стр. 15. Историк наш говорит о предках наших: «...из Азии ли они пришли... и в какое время не знаем... мнение, что сию часть мира должно признать колыбелью всех народов, кажется вероятным... однако ж мы не можем утвердить сей вероятности никакими действительно историческими свидетельствами и считаем венедов европейцами. Сверх того они самыми *обыкновениями и нравами* отличались от азиатских народов, которые, приходя в нашу часть мира, не знали домов, жили в шатрах или в колесницах и только на конях сражались».

Я не соглашаюсь с этим мнением: все ли азиатские народы имеют одинаковые нравы? В продолжение столь многих веков нравы сильно изменяются.

---

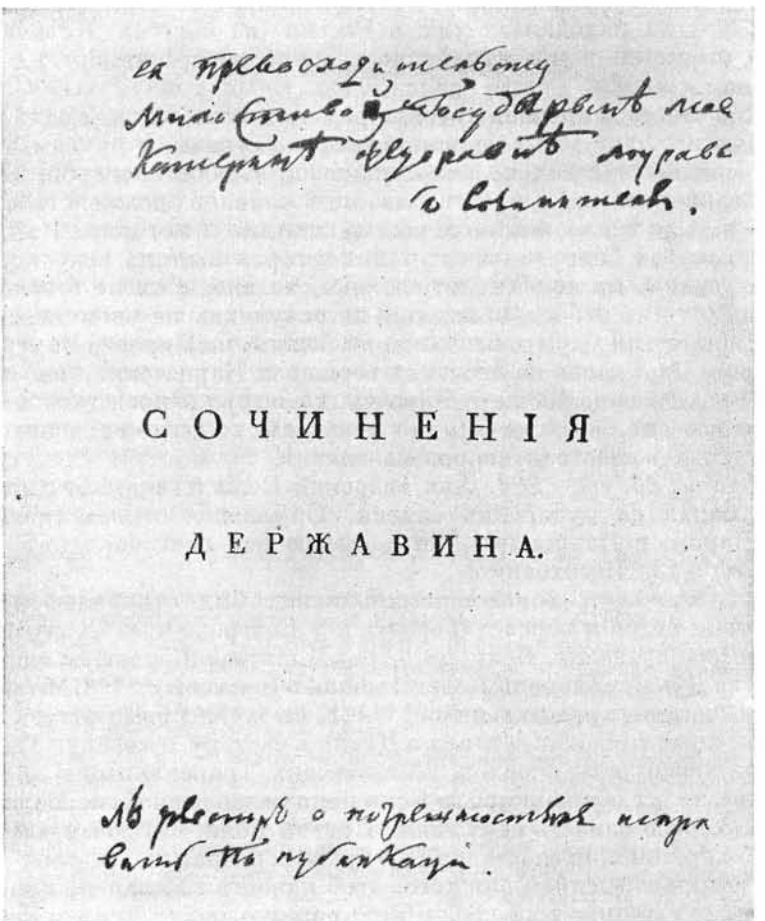
* *На полях рукой Муравьева*: до Р. Х. 390.

** *На полях рукой Муравьева*: до Р. Х. 226.

*** *Перевод латинского текста сделан Муравьевым в предыдущем абзаце.*

**** *На полях рукой Муравьева:* год от построения Рима 451 до Р. Х. 301 г. Liber X, § 11.

На стр. 40 историограф описывает козар, которые были также азиатский народ, а имели города и, следовательно, дома́. Притом же народы Малой Азии и Сирии издавна живут в домах — кочующие почти все бродят в необъятных степях Средней Азии от Каспийского до Тихого моря. Оттуда пришли гунны, болгары, турки, авары, козары, половцы, печенеги,



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Г. Р. ДЕРЖАВИНА Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ НА ЭКЗЕМПЛЯРЕ «СОЧИНЕНИЯ ДЕРЖАВИНА», ЧАСТЬ I, 1808 г.

«Ее Превосходительству Милостивой Государыне моей Катерине Федоровне Муравь⟨евой⟩ от Сочинителя»
Внизу помета рукой Державина: «NB реестр о погрешностях исправить по публикации»

Библиотека Московского университета им. М. В. Ломоносова

угры и другие. Финикиане переселялись в нашу часть света, но не в колесницах, а настроив много прекрасных городов.

Мы выше показали, что Геродот находит у зигонетов мидийское одеяние, у оуенетов находит закон вавилонский — молва ему их представила за поселян-мидян. Тит Ливий их почитал пафлагонами. Плиний Непот и Катон также. Герм⟨анцы⟩ сами имеют большое сходство с персианами.

Плиний называет сарматов народом мидийским.

NB упомянуть о войнах слав⟨ян⟩ на Дунае. Их велик⟨одушие⟩, не умеют лицемерить подобно ав⟨арам⟩.

NB воюют счастливо без главного предводителя.

Стр. 31. Славяне, обитавшие на берегах дунайских, по словам Нестора, вытесненные болгарами и волохами, перешли в Россию, Польшу и др⟨угие⟩ зе⟨мли⟩. Болгары их изгнали из Мезии (нынешней Болгарии), волохи их изгнали из Паннонии или, лучше сказать, из Дакии* (Молд⟨авия⟩, Валах⟨ия⟩, Трансильваль, Венгр⟨ия⟩ и Баннат Темесварский).

Г-н К⟨арамзин⟩ полагает, что только часть славян находилась на Дунае, а другая находилась уже в России (на берегах Ильменя) уже в первом столетии, а что дунайские славяне возвратились к северным единоземцам своим.

Волохи, потомки древних гетов и римских всельников Траянова времени в Дакии**, уступив сию землю готфам, гуннам и другим народам, *искали убежища в горах* и, видя, наконец, слабость аваров, овладели Трансильваниею и частью Венгрии, где славяне долженствовали им покориться. Сие место остается весьма темным в истории. Как волохи могли скрываться более четырехсот лет в горах и столь искусно, что ни готфы, ни гунны, ни гепиды, ни славяне, ни авары их не открыли и не вытеснили?*** Всё это время история ни разу о них не упоминает. Каким образом горы могли укрыть их, когда ни Альпы, ни Пиренеи не ограждали от варваров. Скрываясь на лесистых вершинах Карпатских, чем питались волохи в продолжение 400 лет? Впрочем, хотя трудно представить и изъяснить себе все сие, но если мы это допустим, то легко изъяснить можно обстоятельства нашествия аваров на славян.

Примечание 56, стр. 284. Хан аварский Боян по просьбе императора Тиверия напал на дунайских славян. Он владел землею гепидов**** (частью Дакии) и Панноniею (уступленною ему лангобардами).

NB. *Стр. 20.* Необходимо!

Иоанн начальник городов иллирийских был отправлен к аварам с множеством судов и перевез (вероятно, у Белграда чрез Дунай) войско их в греческое владение. Боян шел чрез Иллирию (Сервию) и снова переправился за Дунай к славянам (следственно, в Валахию)*****. Мы не знаем, почему он, владея страною гепидов******, не хотел прямо оттуда напасть на славян, которые также обитали в Дакии к востоку и северу. Теперь допустим независимость волохов, занимающих Трансильванию и дефилей при Орсове, то все объясняется, и Боян принужден дважды переправляться чрез Дунай, чтоб напасть на славян. Притом Боян, заключая мир с императором Маврикием, предоставил себе право переправляться чрез Дунай и идти греческим владением для того, чтоб напасть на славян, и сие убеждает меня, что прямое сообщение было невозможно.

Стр. 25. Не могу не заметить, однако ж, сколь трудно долженствовало Бояну идти с 60 000 *отборных конных латников*, которые пятьдесят лет сряду служили добычею лютых славян, по южным берегам дунайским, облитым кровью несчастных жителей, осыпанных пеплом городов и сел, совершенно опустевших (*стр. 21*).

Особливо, если верить подробному******* исчислению Прокопия, по которому славяне в продолжение пятидесяти лет успели убить или захватить в плен около 10 000 000 людей. За Дунаем, в земле славянской, 60 000 аварской коннице трудно было действовать (*стр. 64*), ибо славяне дунай-

---

* Смотри примечание 56, стр. 284. Славяне обитали в Дакии. — *Прим. автора.*

** *На полях рукой Муравьева:* Троян умер в 117-м году по Р. Хр. Болгары пришли в Мезию в 678-м году (561 год спустя).

*** *На полях рукой Муравьева:* Аврелиан в 270-м году оставил Дакию.

**** *К слову* «гепидов» *на полях отметка:* NB.

***** *На полях рукой Муравьева:* 582 г.

****** *К слову* «гепидов» *опять отметка:* NB.

******* *Первоначально было:* достоверному

ские строили бедные свои хижины в местах диких, уединенных, *среди болот непроходимых*, так что иностранец не мог путешествовать в их земле без вожатого. Беспрестанно ожидая врага, славяне делали в жилищах своих разные выходы, чтоб им можно было, в случае нападения, тем скорее спастися бегством, и скрывали в глубоких ямах не только все драгоценные вещи, но и самый хлеб.

Такой народ, казался, долженствовал оставаться свободным и независимым!

Все описание набегов прекрасно и вливает в душу какое-то неизъяснимое чувство! Видишь перед собою народ, какого не бывало еще в истории — погруженный в невежество, не собранный еще в благоустроенные общества, без письмен, без правительств, но великий духом, предприимчивый; он заключает в себе все качества обладателя — какое-то чудное стремление к величию. Какой народ может гордиться, что претерпел столько бедствий, сколько славянский. Никакой народ не был столь испытан судьбою! Никакому, может быть, не готовит она такого воздаяния! Он был избран оплотом Европы против кочующих народов.

Народ великий, чуждый вероломства и честолюбия. Его истребляли готфы, гунны, угры, авары, или обры, болгары, волохи, хозары, варяги, печенеги, половцы — и всех ужаснее моголы. Они устояли им всем, но, возвышаясь над всеми силою нравственною, славяне, наконец, истребили своих притеснителей. Они ⟨славяне⟩ были истреблены в Северной Германии, покорены в Богемии, Моравии, Иллирии и Сервии, но остатки их составили народ русский!

ПРИМЕЧАНИЯ

«Мысли об Истории государства Российского Н. М. Карамзина» печатаются по писарской копии с поправками и вставками Н. М. Муравьева (ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, д. 97, лл. 1—9об.; на листах большого формата, сшитых в тетрадь). Полностью публикуется впервые. Упоминание о записке встречается в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» Пушкина, напечатанных в «Северных цветах» на 1828 г. Здесь имя декабриста Муравьева зашифровано буквой Н. В рукописи Пушкина (ЛБ. 2387 А) — оно дано полностью: Ник⟨ита⟩ Муравьев.

С пропуском ряда мест и некоторыми искажениями записка опубликована в труде М. П. Погодина «Н. М. Карамзин», ч. II. М., 1866, стр. 198—203. Отрывок — в статье П. К. Щебальского в «Русском вестнике», 1866, № 11. Цитаты с комментарием см. в книге: Дружинин, стр. 98—103.

Записка Муравьева написана не ранее 5 июня 1818 г. (судя по упоминанию письма Карамзина с этой датой). Первое указание на чтение и критические замечания к «Истории государства Российского» — в письме Муравьева к матери его, Е. Ф. Муравьевой, в середине февраля 1818 г. (см. еще письма от 15 апреля, 22 апреля и 16 мая — ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, № 26). Обнародована (распространена в списках), повидимому, осенью 1818 г.

Записка является критическим разбором предисловия Карамзина к «Истории государства Российского», т. I (в разбираемом Муравьевым первом издании 1818 г., стр. IX—XXVIII).

Выражаем благодарность за помощь в подборе материалов для комментирования записки старшему научному сотруднику ЦГИА Т. Г. Снытко. В сверке греческих и латинских текстов принимали участие профессора И. М. Тронский и Я. М. Боровский. Ряд ценных замечаний по тексту записки Муравьева сделан профессором М. А. Тихановой.

[1] Муравьев говорит об «Истории Российской с древнейших времен» М. М. Щербатова, вышедшей в 1770—1791 гг. и доведенной им до событий 1610 г., и «Истории Российской с самых древнейших времен» В. Н. Татищева, вышедшей в 1768—1784 гг. (после смерти историка) в трех томах и доведенной до Иоанна III (т. IV — до 1577 г. еще не был известен Муравьеву). Оба историка имели в своем распоряжении далеко не все летописные источники, которыми пользовался Карамзин, и прибегали иногда к сомнительным спискам.

[2] Цитата из предисловия к «Заговору Катилины» Саллюстия.

[3] Цитата из вступления к «Истории Римской от основания города» Тита Ливия.

[4] Муравьев имеет в виду слова Карамзина о Юме, «коего мы назвали бы совершеннейшим из новых, если бы он не излишне чуждался Англии, не излишне хвалился

беспристрастием, и тем не охладил своего изящного творения». В своей «Истории Англии» (изд. 1754—1762 гг.) Давид Юм (родом шотландец, сторонник вигов и противник тори) без особого энтузиазма и с сокращениями излагает почти все факты официальной истории.

[5] Муравьев имеет в виду популярного короля Англии Альфреда Великого (849—901), прославившегося не только освобождением Англии от захватчиков, но и значительными реформами.

[6] Муравьев разумеет отношение Тацита к тирании Домициана и вообще тираническому правлению, пагубно повлиявшему на судьбы и нравы римлян. Исторические сочинения Тацита полны негодования против губителей Рима и восхищения перед славными героическими и гражданскими подвигами римлян.

[7] «Мысли о Истории Российского государства (Продолжение)» представляют собою наброски критического разбора первых трех глав первого тома «Истории» Карамзина, причем основным вопросом для Муравьева являлся тот, который изложен Карамзиным в разделе «О народах, издревле обитавших в России. О славянах вообще». В основе разбора идея величия славян-предков, их положительная роль в мировой истории, не раскрытые Карамзиным (см. выше стр. 565—567 высказывание М. Ф. Орлова, связанное с данной идеей Муравьева). Публикуется впервые.

Текст «Мыслей» дошел до нас в разных состояниях: полностью сохранился черновой текст, представляющий собой неотредактированные в стилистическом отношении замечания, местами совершенно отрывочные. Этот черновой текст содержится в рукописи, хранящейся в ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, д. 97 (5 листов)

Муравьев начал перебелять текст, придавая черновым заметкам характер связного изложения и довел эту перебелку до слов «не хотели оживить Рим». Перебеленный текст содержится в рукописи д. 101 того же фонда (2 листа среднего тетрадочного формата).

Текст, начиная со слов «Сведения, оставленные Геродотом», Муравьев подверг новой, еще более тщательной обработке и продолжил связное изложение черновых заметок, кончая абзацем: «Побежденные Марком Аврелием...» (Беловой автограф, д. 95 того же фонда, на 2 листах большого формата). Повидимому, Муравьев предполагал придать этому обработанному тексту характер самостоятельной статьи, так как рукопись имеет заглавие «Нечто о скифах, сарматах, венетах и других древних народах». Однако статья является не чем иным, как частью «Мыслей», тщательно обработанной стилистически, без композиционной переработки.

Все три рукописи в порядке изложения совпадают и очень близки фразеологически. Они отличаются большей или меньшей обработанностью. В беловых рукописях имеется аргументация, отсутствующая в заметках чернового автографа.

В основу публикуемого текста положен принцип наибольшей полноты и обработанности. Поэтому начало статьи до слов: «Сведения, оставленные» дается по беловой рукописи д. 97 (стр. 586). Далее полностью воспроизводится текст беловой рукописи д. 95. Окончание, начиная со слов «Готфский историк VI века» (стр. 590), отсутствующее в беловых автографах, дано по черновой рукописи д. 97, а потому носит отрывочный, недоработанный характер.

Судя по записи дат на первой странице заметок, начало работы над продолжением «Мыслей» относится к августу 1818 г. (В начале рукописи имеется ряд записей с указаниями дней недели на французском языке: «вторник 27, среда 28, четверг 29, пятница 30, суббота 31, воскресенье 1» и т. д., кончая четвергом 5. Подобное соответствие дат и дней недели приходилось на конец августа — начало сентября 1818 г. Можно думать, что запись сделана 27 августа и представляет расчет с целью установить, на какой день недели придется 5 сентября).

Ссылки на страницы «Истории государства Российского» относятся к первому изданию труда Карамзина, вышедшему 1 февраля 1818 г. Ссылки на страницы текста Карамзина и его примечания даны Муравьевым на полях или в начале абзацев. Следует отметить, что в этом издании страницы примечаний даны с новой пагинацией, но в публикуемом тексте указана сплошная пагинация, по фактическому счету страниц (вместо стр. 3 — 257 и т. д.).

В черновике д. 97 начало, зачеркнутое Муравьевым, характеризует первые главы «Истории государства Российского»: «Первые три главы сего творения составляют вступление в историю самого государства. В первой изложены нам некоторые известия о народах, населявших южные пределы нашего отечества, одни известные грекам и римлянам, до времен упадка восточной Империи—когда римляне получили, наконец, обстоятельные известия о жилищах своих губителей. Потом представляются переселения народов до появления славян.

В первой главе помещены сведения древних о южной части нашего отечества, греческие поселения, представлены переселения народов, враждебных образованности гражданской — появление славян, их подвиги, несчастия, расселение.

Во второй главе описаны, по словам Нестора, разные племена славян, обитавших от Ильменя до берегов Черного моря, и нашествие Козар и Варягов. Помещены догадки о происхождении их.

Третья глава заключает в себе описание нравов и свойств славян, почерпнутых по большей части из византийских писателей».

[8] Среди черновиков, связанных с рукописью д. 95 — «Нечто о скифах»,— имеется схема соответствия имен, данных Геродотом, и позднейших наименований праславянских и славянских племен:

1. Скифы, или сколоты. Саки (Масалеты), Агафирсы, Невры, Андрофаги, Мелинхлены, Будины, Гелоны, Ирки. Каляниды, Алазоны.
2. Савроматы. или Сарматы. Фисалеты. Аргиппеи. Исседоны.

[9] Имеются в виду догадки в работах: Байера — повидимому, в его «De origine et priscis sedibus Scytharum», или «De Scythiae situ, qualis fuit sub aetate Herodoti»; Ломоносова — в его «Показании российской древности» и первых главах «Древней Российской истории»; Пинкертона — в его «Dissertation on the Origin and Progress of Scythian and Goths» и Мальтебрюна (Malte-Brun) — повидимому, в его «Annales de voyages, de la géographie et de l'histoire».

На последнем листе черновой рукописи д. 97 Муравьев сделал несколько выписок и заметок на французском и латинском языках, связанных с разысканиями о древних славянах и скифах. Здесь находится уже цитированная выше выписка из 11-й главы 1-й книги «Сатурналий» Макробия о том, что «нельзя пренебрегать долей рабов». Муравьева, повидимому, особо интересуют сведения о походах Александра Македонского в Скифию. В связи с этим он выписывает имя Зопириона, упомянутого в указанной выписке из Макробия, фракийского наместника и полководца, осуществлявшего эти походы в Скифию, и отмечает источники, дающие о нем сведения (Квинт Курций Руф, кн. X, гл. 1; Юстин, кн. XII, гл. 2; Павел Орозий, кн. III, гл. 18). За этой справкой следует выписка: «Лизимах побеждает одризов, фракийский народ. См. Диод⟨ор⟩ Сиц⟨илийский⟩, кн. XVIII, гл. 14», а затем справка: «Адриан написал историю после Александра — см. Фотия, кн. XCII». После этих заметок в черновике дано изложение основных идей труда Пинкертона «О происхождении гетов и готов». Муравьев пишет: «Пинкертон пытается доказать:

I. Что геты, готы и скифы — один и тот же народ.

II. Что славяне и сарматы — один и тот же народ.

III. Что скифское государство началось в Персии.

IV. Что фракийцы, иллирийцы, греки италийские, германцы, скандинавы были скифы.

V. Что сарматы не были татарами.

VI. Что все народы Европы за исключением: 1. Кельтов гальских в Англии; 2. Кельтов ирландских; 3. Кельтов — шотландских горцев; 4. Финнов венгерских и финляндских; 5. Лапландцев; 6. Сарматов в России и Польше — скифского происхождения».

[10] В черновых заготовках к этому месту мы находим ряд замечаний, относящихся к 11—12-м стр. «Истории государства Российского» (гл. I, раздел «Сарматы»).

[11] В рассуждение о причинах падения Рима должен был, повидимому, в доработанном виде войти и следующий отрывок (черновик на отдельном листке, чернилами по карандашу.— ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, д. 101):

«Влияние хозяйства государя на благоденствие и даже на величие государств есть отличительная черта времен новейших в сравнении их с древними.

Мне кажется, что хозяйство всегда имело влияние.

Утонченная образованность часто губила народы. *Не образованность*, но слишком неравное разделение богатств было причиною гибели народов. Август приучил жителей Рима питаться даром хлебом и Египта; и сия дурная хозяйственная мера произвела то, чего хотел хитрый тиран сей, — тунеядцев, порочную и зависящую от него чернь. Деспот был уверен, что Рим на его век, и не заботился о его могуществе и славе.

Богатство есть двоякого рода: достигнутое трудами — тогда ⟨оно⟩ бывает полезно, внезапное и незаслуженное работою — тогда оно вредно и ненадежно. Италия, покрытая пустырями и наполненная рабами, была ли когда слишком счастливою? Гюн⟨?⟩ весьма ясно это доказывает. Новейшие писатели потеряли совсем это из виду и важно говорят нам: древние были люди совсем иного свойства. Деньги были им вредны, новейшим они полезны. Стоит только вспомнить рабство, в каковом оно было тогда положении, и то, что такое великое множество людей вовсе ничего не делали и толпились в термах и амфитеатрах — и все изъяснится. Не богатства разорили Рим сами по себе, но дурное их распределение». (л. 4).

[12] Речь идет о нумидийском царе Югурте, жившем во II в. до н. э. Имея сношения с Римом, стремившимся сделать из Нумидии свою провинцию, Югурта убедился в продажности римского сената и аристократии и якобы сказал: «Urbem venalem et mature perituram, si emptorem invenerit». Муравьев цитировал Саллюстия «Bellum Jugurthinum» (гл. 35).

[13] Диодора Сицилийского «Историческая библиотека», кн. II. Выписка и дальнейшее рассуждение относятся к разделу «Сарматы» — «История государства Российского», т. I, гл. I, стр. 11.

[14] Ссылка на Иоганна Гатерера (немецкий историк) взята Муравьевым из примечаний Карамзина, т. I, стр. 261, прим. 20.

[15] Речь идет о труде «De origine actibusque Getarum» Иордана.

[16] Среди черновиков, связанных с «Мыслями» (ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, д. 95), находятся выписки о венетах в виде греческих и латинских текстов с буквальными переводами: из Геродота, кн. I — Клио, 196; кн. V — Терпсихора, 9; из «Географии» Страбона, кн. IV — 4, 1; из «Истории» Полибия, кн. II — 17, 18, 23, 24. Выписки эти касаются вопросов: 1) о близости венетов — мидян адриатических (италийских) и «белгических» — пафлогонцев, 2) о войнах венетов против галлов и спасении ими Рима.

Приведенные в тексте цитаты из Страбона («География», кн. IV и V) не подтверждают скептического замечания Карамзина. Стремясь найти аргументы в пользу того, что венеты италийские, участвовавшие в Троянской войне,— славяне, Муравьев, кроме цитат из Страбона, приводит не упомянутые Карамзиным свидетельства Геродота (Клио, кн. I и Терпсихора, кн. V) и Полибия (Всеобщая история, кн. 2), известного своим критическим отношением к источникам («Достоверный Поливий»), и Тита Ливия. Попутно источники, опущенные Карамзиным и приведенные Муравьевым, дают сведения о помощи, которую оказывали славяне республиканскому Риму. Сведения эти особенно важны для Муравьева.

Среди черновиков в д. 95, связанных с «Мыслями», мы находим следующую запись на эту тему:

«Венеты оказали большие заслуги Риму:

1. В лето до Р. Х. 390, по построении Рима 363, когда галлы взяли Рим.

2. В лето до Р. Х. 226, по построении Рима — 526, когда Рим, устрашившись галлов, вооружил 700 000 чел.

Победа Теламонская в 225 — 527 рассеяла страх римл⟨ян⟩. 40 000 галлов побито, 10 000 вз⟨ято⟩ в плен.

В лето — 301—451 венеты отразили флот лакедонца Клеонима близ Патавии (Падуа)...».

Муравьев ссылается на характеристику «физических и нравственных» особенностей древних славян (стр. 55, начало гл. III «Истории государства Российского», изд. 1, 1818), где Карамзин пишет: «Климат умеренный, не жаркий, даже холодный, способствуя долголетию ⟨...⟩, благоприятствует и крепости состава и действию сил телесных. Обитатель южного пояса, томимый зноем, отдыхает более, нежели трудится,— слабеет в неге и в праздности». Критикой этих утверждений Карамзина является выписка из «Курса всеобщей географии» Мальтебрюна:

Стр. 55. Le fameux système de l'influence de climat se trouve fortement compromis par les faits que l'Amérique méridionale offre à notre attention. Un peuple doux et faible habite parmi les froides montagnes du Perou. Un peuple féroce et intraitable errait sous le soleil brulant du Brésil. Malgré la grande inégalité des armes les Brésiliens ne reculèrent jamais. Jamais ils ne se sont laissés vaincre par un ennemi faible et sans courage; il n'était aisé de remporter sur eux des victoires, que parce qu'ils n'avaient aucune connaissance d'une manière de faire la guerre.

Malte Brun, Précis de Géogr. Universelle, vol. 5, page 703. Les habitants des contrées d'Ouctacazes (du gouvern. de Rio Janeiro) sont si vaillants, dit un auteur portugais moderne, qu'ils préfèrent la mort à la honte d'être vaincus. Il leur est impossible de vivre un seul moment dans l'esclavage: aucune nation brésilienne, ni même européenne ne peut se vanter de les avoir vaincus (page 704 — Vasconcellos). Cette nation autrefois ennemie implacable des Européens vit maintenent indépendente quoique dans un état d'amitié parfaite avec ses voisins . . . . . la douceur et la générosité ont soumis ces coeurs qui bravaient la mort. Les Indiens chasseurs de la nouvelle Espagne, que les Esp. embrassent sous la dénomination *d'Indios bravos.*

Карам⟨зин⟩, глава 3, том 1, стр. 55.

⟨Перевод: Пресловутая теория влияния климата оказывается несостоятельной перед фактами, которые мы наблюдаем в Южной Америке. Кроткий и слабый народ живет в холодных горах Перу. Жестокий и неукротимый народ бродил под жгучим солнцем Бразилии. Несмотря на великое неравенство в вооружении, бразильцы никогда не отступали. Они никогда не уступали победы врагу слабому и робкому. И покорить их оказалось возможным только потому, что они не имели никакого представления о ведении войны. Мальтебрюн. Курс всеобщей географии, т. V, стр. 703. Жители Уктаказа (провинция Рио Жанейро) так смелы, говорит один новейший португальский писатель, что они предпочитают смерть — позору поражения. В рабстве они не могут жить ни минуты: ни один народ бразильский, ни даже европейский не может похвалиться победой над ними (стр. 704 — Васконселлос). Это племя, некогда непримиримо враждовавшее с европейцами, ныне живет независимо, но в полной дружбе с соседями. Кротость и великодушие покорили сердца их, презиравшие смерть. Индейцы — охотники Новой Испании, которых испанцы объединяют под именем Indios bravos (смелые индейцы)⟩.

ОБЗОРЫ

ЗАТЕРЯННЫЕ И УТРАЧЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Историко-библиографический обзор М. К. Азадовского

Цель настоящего очерка объединить сведения о тех произведениях декабристов, которые, вследствие самых разнообразных причин, до нас не дошли, но о которых известно из каких-либо упоминаний о них в разных источниках. Необходимость и полезность такого обзора диктуются не какими-либо узко академическими соображениями или специально-библиографическими потребностями, — эта задача вытекает из стремления как можно полнее и разностороннее охватить многогранную деятельность ранних русских революционеров и более точно учесть их вклад в историю русской культуры, и в историю русской политической и художественной литературы, и в историю русской науки, и — особенно — в историю русской революционной мысли.

Частично такого рода опыты делались уже некоторыми представителями либерально-народнической историографии, но каждый раз лишь по какому-нибудь частному поводу и не всегда с достаточной полнотой. В. Я. Богучарский пытался выяснить состав не дошедших до нас декабристских мемуаров[1]; в исследовании В. И. Семевского был назван ряд несохранившихся памятников политической мысли декабристов[2]. Более планомерно и настойчиво ставили эту тему советские исследователи. В составленный Ю. Г. Оксманом список сочинений Рылеева были включены стихотворения и поэмы, известные лишь по заглавиям[3]; С. С. Волк подобрал и подытожил упоминания о не дошедших до нас исторических сочинениях декабристов[4]; М. В. Нечкина уделила большое внимание учету и анализу погибших произведений Грибоедова[5]; ряд историков литературы трудился над выяснением состава сочинений А. И. Одоевского и восстановлением содержания не найденных или сохранившихся в отрывках его стихотворений[6] и т. д. Таким образом, поставленная нами задача не является новой и неожиданной: она уже давно включена в план исследовательских работ по декабризму.

Такая задача подготовлена и обусловлена, наконец, тем размахом, который приняли советские декабристоведческие изучения, выдвинувшие ряд новых тем и новых вопросов. Только в советское время поставлена с должной широтой проблема декабристской литературы и специфически декабристского подхода к трактовке и решению различных научных вопросов: мы с полным правом теперь говорим о декабристской исторической науке, о декабристской фольклористике, о декабристской эстетике[7] и уже вплотную подходим к раскрытию целостной системы декабристского мировоззрения. Но литературное наследие декабристов дошло до нас далеко не в полном виде: очень многое еще хранится в рукописях и не опубликовано; многое затерялось или навсегда погибло. И для того, чтобы составить более полное и правильное представление о характере и содержании литературной деятельности декабристов, необходимо учесть и все

сведения о том, *что* было выполнено ими на разнообразных участках русской культуры, но *что* до нас, вследствие тех или иных причин, не дошло.

Материалы, относящиеся к деятельности тайных обществ, подготовивших и осуществивших первое революционное выступление против царской власти, тщательно уничтожались самими участниками движения. А вместе с документами политического характера и значения безжалостно истреблялись родными и знакомыми декабристов — из-за страха или равнодушия — и всевозможные другие памятники, в какой бы то ни было степени связанные с деятелями декабристского движения: их письма, дневники, записные книжки, альбомы, литературные и научные произведения, переводы и проч., и проч.

В истории гибели и утраты памятников декабристской литературы можно наметить несколько этапов. Каждый новый период в истории декабристских организаций сопровождался уничтожением бумаг периода предшествующего. При учреждении Союза Благоденствия были уничтожены все бумаги Союза Спасения; позже, при аналогичных обстоятельствах, «был истреблен» архив Союза Благоденствия. Управами Северного и Южного обществ было вообще постановлено не иметь никаких письменных документов, вследствие чего сразу же уничтожались всякие следы «письменной деятельности» — отчеты, инструктивные письма, планы и проекты революционных выступлений и т. п. — правда, это не всегда тщательно выполнялось[8].

Таким образом, первый этап утраты декабристских документов относится еще к «додекабрьскому времени».

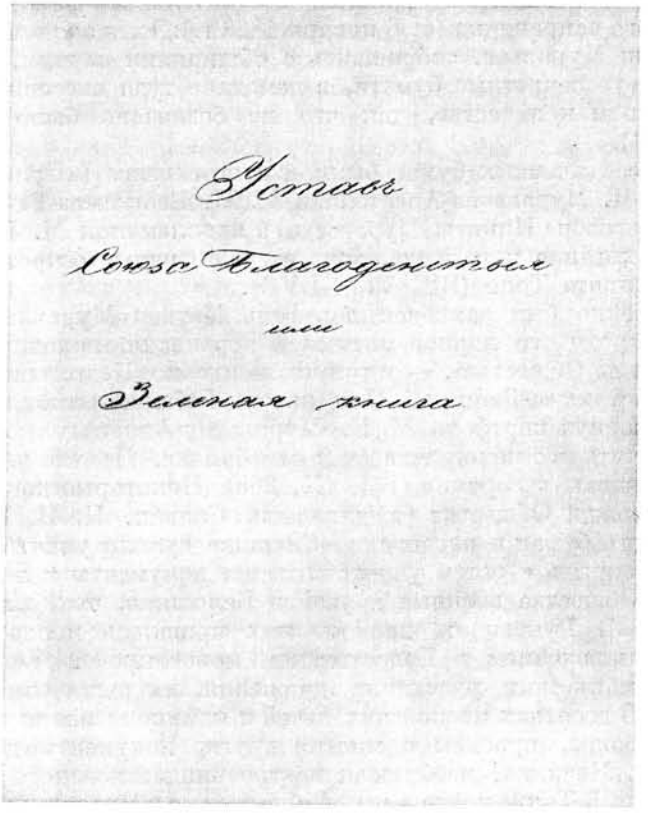
Второй этап начался после восстания 14 декабря. Лицам, производившим аресты, строжайшим образом наказывалось «захватить бумаги» арестованных, однако выполнить это приказание удавалось весьма редко: захватывались и «препровождались» обычно самые незначительные и случайные бумаги, — документы же, более всего интересовавшие следователей, попадали в их руки в крайне незначительном количестве. И самим декабристам и их семьям удалось скрыть и уничтожить почти все, что имело хоть какое-либо отношение к их политической деятельности; так, например, в предписании орловскому губернатору об аресте Никиты Муравьева было особо указано на необходимость проявить при взятии бумаг последнего «большую осторожность», «дабы он не успел скрыть из них некоторых». Однако мать и жена Муравьева успели уничтожить все компрометирующие бумаги, находившиеся и в орловской усадьбе Муравьевых и в их петербургском доме[9].

В Петербурге массовые аресты начались лишь 15 декабря, что дало возможность своевременно уничтожить все опасные бумаги. Рылееву, который был арестован еще вечером 14-го, удалось спасти свой литературный архив, передав его Булгарину, но все политические документы и свои революционные сочинения он уничтожил; свои архивы уничтожили и другие руководители и участники восстания,— один только И. И. Пущин рискнул спасти для истории бывшие у него документы, передав их на хранение П. А. Вяземскому. Как известно, Вяземский бережно выполнил принятое на себя обязательство: так был спасен один из крупнейших идеологических памятников декабризма — «Конституция» Никиты Муравьева с критическими замечаниями Н. А. Бестужева и К. П. Торсона.

С. П. Трубецкой тщательно укрывал свои бумаги, однако при его аресте было все же обнаружено несколько важных документов, очень затруднивших его положение во время следствия; остальное было позже извлечено из квартиры Трубецкого и уничтожено его братом Александром и близким другом его — Щербатовым (ВД, I, 78—84). Обыск в квартире А. М. Булатова был уже после его ареста, и заранее предупрежденные

родственники его успели сжечь все принадлежавшие ему бумаги, в том числе письма Пестеля и Рылеева[10].

Попытка Пестеля спасти свои бумаги, зарыв их в землю, не удалась, но часть он уничтожил еще в ноябре 1825 г. Другая часть его бумаг была уничтожена его друзьями, как только стало известно о приезде Чернышева для производства арестов и обысков. «Всю ночь мы жгли бумаги и письма Пестеля», — вспоминал позже Н. И. Лорер. Одновременно он уничтожил и все свои бумаги. Н. П. Павлов-Сильванский полагал, что


Устав
Союза Благоденствия
или
Зеленая книга

«УСТАВ СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВИЯ ИЛИ ЗЕЛЕНАЯ КНИГА», 1817—1818 гг.
Титульный лист
Центральный исторический архив, Москва

в числе уничтоженных Пестелем бумаг были и «наиболее опасные» главы «Русской правды»[11], однако это предположение остается недоказанным, так как вообще неизвестно, успел ли Пестель довести до конца свой труд и придать всем главам законченную литературную форму, но несомненно, что все черновые материалы и первоначальные редакции — в том числе первоначальные редакции и этих «опасных» глав — были Пестелем уничтожены.

По весьма убедительному предположению В. М. Базилевича, часть бумаг Южного общества была уничтожена А. П. Юшневским, который был заблаговременно извещен о приезде Чернышева[12]. По показанию В. Л. Давыдова, известие об аресте Пестеля и Юшневского «всех

устрашило», и тогда же он предложил «сжечь бумаги, у кого есть такие, которые бы могли ему вредить, сие и Волконский мне советовал»[13]. О сожжении бумаг С. Г. Волконским сохранился рассказ М. Н. Волконской: «он ⟨Волконский⟩ вернулся среди ночи и тотчас же разбудил меня. „Вставай скорей!“ Я вскочила, дрожа от страха ⟨...⟩ Он растопил камин и стал жечь какие-то бумаги. Как умела, я ему помогала»[14]. Давыдов добавлял в своем показании: жгли и «другие»[15].

Бумаги Сергея Муравьева-Апостола были захвачены во время его отсутствия подполковником Гебелем, явившимся его арестовать (ВД, VI, 105), но какие-то важные документы, находившиеся при нем, он позже уничтожил, о чем сохранился обстоятельный рапорт васильковского земского исправника (от 6 января 1826 г.): «...в экономическом доме подполковник Муравьев, собравшись с общниками своими, сжег на каминку какие-то секретные бумаги, в чемодане туда внесенные, довольно в значительном количестве, так что не безопасно было от пожара» (ВД, VI, 331).

В числе захваченных бумаг были два катехизиса («Православный катехизис» С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина и «Любопытный разговор» Никиты Муравьева) и прокламация М. П. Бестужева-Рюмина «Воззвание к народу», как названа она в секретном рапорте генерал-адъютанта Толя (ВД, VI, XLVII).

Одновременно был захвачен портфель Матвея Муравьева-Апостола, в котором, кроме его личной интимной переписки, находились бумаги, «касающиеся до Общества», — в том числе письмо Пестеля и копия одной из речей Бестужева-Рюмина. При аресте Гебеля восставшими денщик последнего вернул портфель М. И. Муравьеву-Апостолу, который поспешил уничтожить все находившиеся в нем бумаги. Прочие же его бумаги, были «расхищены гусарами» (ВД, IX, 266). Некоторые документы были найдены у вождя Общества Соединенных Славян, П. И. Борисова, но бóльшую часть бумаг и переписки «Славяне» сумели уничтожить.

Удалось скрыть и затем уничтожить все документы и личные бумаги участников Общества военных друзей в Белостоке, что было выполнено сестрами М. И. Рукевича: одной из них пришлось поплатиться за это годичным заключением в Белостокском монастыре[16].

Жгли бумаги сами участники движения, их родственники, друзья, знакомые. «В десятках московских печей и каминов пылали письма, дневники, протоколы, проекты и многие другие документы движения», — пишет М. В. Нечкина, изображая настроения московского общества после 14 декабря[17]. Такие костры пылали не только в Москве и в Петербурге: по всей стране тщательно истреблялись следы дружбы и знакомства с декабристами. Это массовое истребление вызвано было не только страхом, но во многих случаях и стремлением спасти арестованных. Широко известно, как теми же самыми лицами, которые произвели арест Грибоедова, были предварительно, даже без ведома самого Грибоедова, уничтожены его бумаги. Некоторые из захваченных бумаг удалось выкрасть и уничтожить; так, по рассказу Д. И. Завалишина, были уничтожены документы, уличающие М. М. Нарышкина[18]. Подводя итоги, можно сказать, что «битву» за бумаги декабристов Николай I проиграл.

Третий этап гибели декабристских бумаг — совершенно беспримерное уничтожение их в официальных инстанциях. Сразу же после окончания следствия, по личному распоряжению царя, из следственных дел декабристов были изъяты и уничтожены все стихотворения, приведенные в показаниях, то есть стихи противоправительственные и атеистические. В тех же случаях, когда такое изъятие было невозможно по техническим причинам, они тщательно зачеркивались. В результате этого продиктованного ненавистью и страхом приказа погиб ряд драгоценнейших памятни-

ков русской политической поэзии. Часть документов Николай I предполагал хранить в Главном штабе за особой «императорской печатью»; предварительно он послал их для ознакомления в. к. Константину. Последний посоветовал эти «мерзкие бумаги» нигде не хранить, «а вовсе уничтожить — сжечь», что и было выполнено. На письме Константина И. И. Дибич сделал пометку: «По высочайшему повелению все сии бумаги лично мною сожжены в Москве»[19]. К сожалению, не сохранилось никаких намеков на содержание этих загадочных бумаг. Ряд писем декабристов и черновиков их показаний был обнаружен в бумагах коменданта Петропавловской крепости Сукина после его смерти; все эти бумаги было приказано уничтожить[20].

Часть бумаг из дел Следственного комитета, к счастью для историко-литературной науки, сохранил чиновник А. А. Ивановский[21], хотя, видимо, не все, что было в его руках, дошло до нас. Какие-то бумаги, имевшие отношение к декабристам, находились впоследствии у чиновника III Отделения, М. М. Попова[22]. Матери Никиты Муравьева удалось за огромную взятку получить из дел III Отделения (и затем уничтожить) сочинение, написанное Муравьевым в Сибири и захваченное при аресте М. С. Лунина[23].

Четвертый этап связан с периодом сибирской каторги и поселения. За это время накопились новые бумаги и производились новые уничтожения. Множество сочинений и писем декабристов погибло в связи с арестом Лунина. В момент обыска у Лунина сожгли свои бумаги его ближайшие соседи по урикскому поселению — Н. Муравьев и Волконский, а затем, в связи с распространившимся известием об аресте Лунина, стали спешно уничтожать свои сочинения и письма товарищей и другие декабристы — в это время, вероятно, была сожжена первая редакция «Записок» И. И. Горбачевского и, видимо, тогда же уничтожил свои бумаги и хранящиеся у него сочинения товарищей П. А. Муханов. Вследствие разных столкновений с местным начальством вынужден был сжечь часть своих бумаг М. А. Бестужев. Бумаги П. Ф. Выгодовского погибли при его новом аресте в 1854 г. За несколько лет до амнистии погибли бумаги И. Д. Якушкина. В течение долгого времени они находились у матери его жены, Н. Н. Шереметевой, которая хранила их под полом своего кабинета, надеясь когда-либо передать их Якушкину. Но перед смертью, опасаясь, что они попадут в чужие руки, сожгла[24].

Огромное количество бумаг погибло уже после возвращения амнистированных декабристов на родину. Это пятый, но еще не последний, этап утраты литературного наследия декабристов. Зачастую в это время гибли бумаги, пережившие очень опасные моменты в прошлом и ставшие жертвой небрежности или трусости их позднейших владельцев. Так, например, часть бумаг Матвея Муравьева-Апостола в течение долгого времени хранилась у его сестры, Е. И. Бибиковой, но затем была уничтожена ее наследниками. В числе уничтоженных бумаг находились, между прочим, письма Сергея Муравьева и Трубецкого о событиях в Семеновском полку. «Эти письма,— вспоминал позже М. И. Муравьев-Апостол,— в настоящее время послужили бы редким историческим материалом»[25].

Погиб ряд ценнейших документов, остававшихся в Сибири после отъезда или смерти их авторов и владельцев. Целиком погибли бумаги И. И. Горбачевского и А. Е. Мозалевского в Петровском заводе. Во время минусинского пожара погибли бумаги Крюковых и хранившиеся вместе с ними бумаги И. В Киреева. В Красноярске были расхищены бумаги М. Ф. Митькова. Бесследно затерялись бумаги Ю. К. Люблинского. В Красноярске же очень долго хранились в частных руках мемуары А. И. Якубовича; они были сожжены их последним владельцем уже сравнительно недавно, во время разгула колчаковщины[26].

При своеобразных обстоятельствах погибли мемуары Г. С. Батенькова, став жертвой уже не страха и не равнодушия, но патологического пиэтета. Они были завещаны Батеньковым А. М. Лучшевой, которая и хранила их «как святыню». Эти мемуары видели и читали некоторые томские жители, со слов которых и сохранил известие о них и их судьбе историк старого Томска, журналист и археолог, А. В. Адрианов. По его сообщению, А. М. Лучшева «зашила записки Батенькова в шелковую подушку и приказала положить их в гроб, под ее голову, когда она умрет». И это было выполнено[27]. Рассказ Адрианова подтверждается авторитетным свидетельством Г. Н. Потанина[28]. При сходных обстоятельствах и по таким же причинам погибли в 1920-х годах письма Трубецкого в семье иркутских старожилов Первунинских[29].

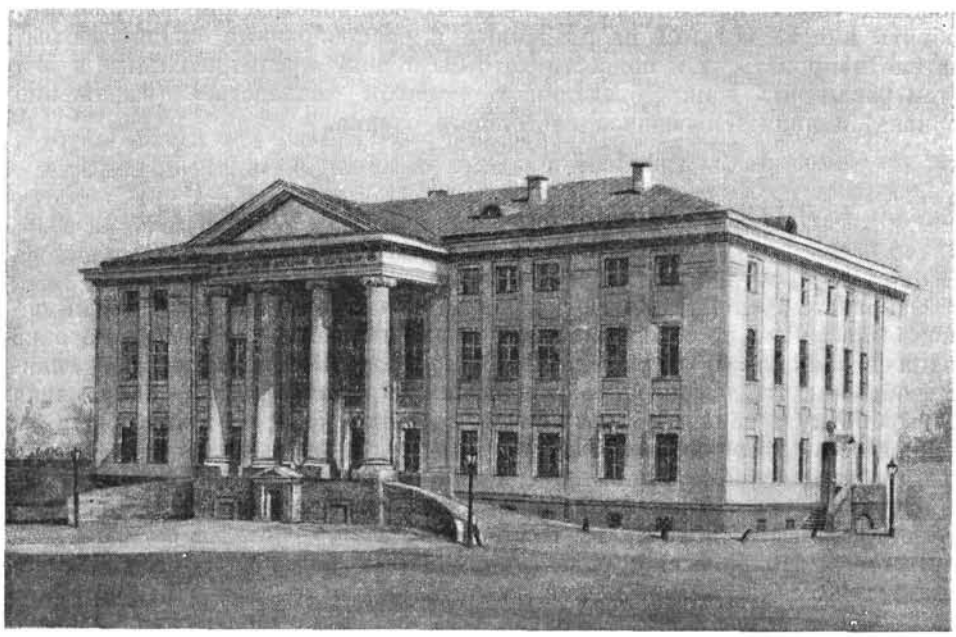
Этими фактами, конечно, не исчерпывается и не может быть исчерпан мартиролог памятников декабризма. По большей части нам неизвестны обстоятельства гибели такого рода документов. Кроме того, многие, зачастую первоклассной важности, литературные памятники и исторические документы утратились вследствие нерадивости, небрежности или невежества разных лиц, разделив в этом отношении судьбу многих памятников русской культуры[30].

Наиболее пострадала декабристская политическая литература. Между тем, как можно судить на основании разных источников, существовала довольно обширная литература, созданная деятелями Тайного общества. Известно, что был литографский станок для печатания «писем и сочинений декабристов»[31]; сохранились упоминания об отдельных литографированных изданиях Тайного общества; мы знаем о существовании уставной литературы, инструктивных писем, планов и проектов действия и пр. Декабрист С. М. Семенов показывал на следствии, что при закрытии Союза Благоденствия было прекращено всякое «письменное производство по делам Общества»[32], а бывший член коренного Совета, ставший позже полицейским агентом, М. К. Грибовский, говорил уже прямо об уничтоженном «архиве» Союза[33]. Из всей «письменности» Союза Благоденствия до нас дошел только один памятник: первая часть его «Устава», так называемая «Зеленая книга». Все остальное погибло и нам неизвестно. Не сохранилось ни одного документа Союза Спасения.

Некоторым декабристам следователи предлагали специальный вопрос о сочинениях, стремившихся «к исполнению революционной цели». М. С. Лунину он был поставлен в такой форме: «Кто из членов наиболее стремился к распространению и утверждению мнений Общества советами, сочинениями и личным влиянием на других?». Лунин дал, как всегда, лаконичный и мало что раскрывающий ответ: «Все члены Общества равно соревновали в стремлении к сей цели» (ВД, III, 117). Сергей Муравьев-Апостол на подобный вопрос заявил: «Члены, имевшие больше всех влияния на Южное общество советами или сочинениями, были я, Пестель и Бестужев-Рюмин» (ВД, IV, 275). Само собой разумеется, что под словом «сочинения» и спрашивающие и отвечающие понимали не разного рода устные, выступления и речи, но определенные письменные документы. Между тем, за исключением «Православного катехизиса», нам неизвестны никакие сочинения С. И. Муравьева-Апостола, вероятно, он в своем показании имел в виду не этот памятник, предназначенный для агитации вне Общества, а другие, определяющие направление работы и тактические задачи революционной организации. Имя М. П. Бестужева-Рюмина никогда не включалось в число декабристов-писателей.

Художественные и научные произведения декабристов пострадали в меньшей степени, но и здесь приходится констатировать огромное количество затерянных или навсегда погибших произведений: стихотворений, поэм, драм, рассказов и повестей, путевых очерков, публицистических

статей, критических этюдов, исторических разысканий, филологических исследований, трудов натуралистических и физико-математических. Утрачены публицистические произведения В. Н. Лихарева, М. М. Спиридова, П. Ф. Выгодовского, Я. М. Андреевича, бесследно затерялись археологические разыскания Алексея Веденяпина, утеряны филологические работы В. К. Кюхельбекера и П. А. Муханова, этнографические очерки М. А. и Н. А. Бестужевых, В. К. и М. К. Кюхельбекеров, философские рассуждения А. П. Барятинского, труды А. П. Арбузова и К. П. Торсона по механике, сочинения Торсона по экономическим вопросам, Ф. Б. Вольфа по исследованию минеральных вод Сибири, художественная проза П. А. Муханова и



ШЕФСКИЙ ДОМ В ХАМОВНИЧЕСКИХ КАЗАРМАХ В МОСКВЕ
Здесь в квартире А. Н. Муравьева собирались в 1810-х гг. будущие члены тайных обществ
Рисунок Э. П. Сиговой, 1951 г.
Исторический музей, Москва

Е. П. Оболенского, стихотворения и поэмы В. П. Ивашева и мн. др. Это только несколько имен, приведенных в качестве иллюстративных примеров.

О многих произведениях не сохранилось даже и упоминаний, и об их существовании приходится лишь догадываться. Несомненно, были какие-то политические сочинения Ф. Н. Глинки. Глинка играл крупную роль в истории ранних декабристских организаций: выдающийся организатор и превосходный конспиратор, он принимал активнейшее участие в создании Тайного общества и в выработке разного рода уставных документов, инструктивных докладов, отчетов и т. п. Однако он сумел тщательно законспирировать свою работу, вследствие чего ему и удалось отделаться сравнительно незначительным наказанием. Но остается невыясненной его подлинная историческая роль в декабристском движении и не установлен или вернее совсем неизвестен фонд его политических сочинений.

Другой пример — декабрист В. С. Норов. Он принадлежал к числу образованнейших офицеров своего времени. Уже по окончании заклю-

чения и службы на Кавказе было напечатано его сочинение: «Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя» (1834). Но после выхода в свет этой книги Норов прожил еще двадцать лет; по рассказам современников, он все время много работал: читал и писал [34]. Однако нет никаких сведений о характере и содержании его писаний, об их заглавиях, жанре и проч. Все это бесследно утрачено. Число таких примеров можно значительно увеличить.

Источники сведений о не сохранившихся произведениях декабристов разнообразны: упоминания в архивных делах, в письмах, мемуарах и дневниках декабристов и их современников, в литературных памятниках или научных трудах. Разнообразны и пестры самые сведения: от общих и беглых упоминаний до весьма обширных воспроизведений содержания. Собрать вместе все эти разрозненные и разнообразные свидетельства, систематизировать их и подвести хотя бы первые предварительные итоги и тем расширить наши сведения о «святом наследстве» (выражение Герцена) и является задачей настоящего очерка.

I. ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ РАННЕЙ ПОРЫ ДЕКАБРИЗМА

Основным руслом политической мысли декабризма в его начальный период была работа по созиданию и строительству тайных обществ. В это же время возникали и разрабатывались программные принципы, но главным образом творческая энергия участников движения была направлена на выработку организационных форм, в рамках которых можно было бы правильно и уверенно вести работу по подготовке революции. Однако документация этой огромной организационной работы, равно как и деятельности по укреплению роли тайных обществ и пропаганде ее значения сохранилась в очень скудных размерах.

Историю декабристских организаций принято начинать с таких временных объединений, как «Священная артель» или «Семеновская артель», которые, по выражению М. В. Нечкиной, являются «колыбелью» первого Тайного декабристского общества [35]. В историю тайных обществ должны войти и различные кружки, являющиеся филиалами или ответвлениями центральных организаций.

Хронологические рамки этой деятельности обозначаются примерно в 11—12 лет, принимая за начальную дату 1814 г., то есть время образования кружка А. Н. Муравьева и И. Г. Бурцова, вошедшего в историю под названием «Священной артели». Эти рамки возможно несколько расширить, если привлечь сюда юношеское общество «Чока» (1810—1812), организованное тремя братьями Муравьевыми. И по составу участников Общества, и по одушевлявшим их помыслам оно органически входит в «предисторию декабризма». Это был кружок юных мечтателей-республиканцев, его членами являлись Александр, Михаил и Николай Муравьевы, Матвей Муравьев-Апостол, Артамон Муравьев, братья Перовские и другие. «Президентом» был Н. Н. Муравьев (впоследствии Муравьев-Карский). Это тайное общество поставило своей целью — образование республики на основе всеобщего равенства. Предполагалось через пять лет удалиться на какой-нибудь «остров, населенный дикими», и там образовать «новую республику». Таким островом был избран Сахалин, условно называемый членами Общества «Чока», — отсюда название Общества. Как сообщает Н. Н. Муравьев, были выработаны и записаны законы будущей республики, автором которых был сам «президент Общества», устраивались регулярные собрания и даже был проект особой одежды для членов кружка. «На собраниях,— рассказывает Н. Н. Му-

равьев,— читались записки, составленные каждым из членов для усовершенствования законов товарищества, которые по обсуждению принимались всеми»[36]. Ни одна из этих «записок» до нас не дошла; не сохранились и написанные Н. Н. Муравьевым «Законы Сахалинской республики» и выработанные коллективно «Законы» Общества; нет и никаких более точных указаний на их содержание. Литературными памятниками кружка «Чока» открывается, таким образом, перечень утраченных произведений декабризма[37].

Кружок «Чока» еще не был политической организацией; республиканизм его участников носил отвлеченный характер и выражался в социально-утопической форме. «Сахалинская республика» должна была стать реальным воплощением принципов «социального договора» Руссо, но в какой-то степени в этом юношеском кружке, в котором самому старшему участнику было 18 лет, затрагивались и вопросы современной русской действительности. И не случайно, что из кружка вышли впоследствии крупные деятели декабристского движения. Из состава этого же кружка образовалась так называемая «Священная артель» (1814—1817).

История «артели» подробно освещена в недавнем специальном исследовании М. В. Нечкиной. Ею установлен и состав этого кружка: в него входили И. Г. Бурцов, три брата Муравьевых, братья Петр и Павел Колошины, Алексей Семенов, В. И. Рачинский, Д. А. Искрицкий; позже присоединилась группа лицеистов: И. И. Пущин, В. Д. Вольховский, В. К. Кюхельбекер, А. А. Дельвиг; участвовал в артели и Михаил Пущин[38]. Очень возможно, что к кружку примкнул и С. П. Шипов; он в это время был очень близок с И. Г. Бурцовым, вместе с другими членами «артели» слушал частные лекции по политической экономии профессора Германа и в сотрудничестве с Бурцовым составил не дошедший до нас конспект этих лекций[39]. Единственным известным нам письменным памятником кружка является «Памятка» (1816), отправленная от имени всех членов «артели» уехавшему на Кавказ Н. Н. Муравьеву. Ее полный текст воспроизведен в «Записках» Н. Н. Муравьева, являющихся главным источником и для истории общества «Чока» и для истории «Священной артели»[40].

Как правильно указывает М. В. Нечкина, эта «Памятка» ярко иллюстрирует духовную связь членов «артели» с декабристами и раскрывает принципиальные основы ее существования[41]. Никаких других письменных документов, относящихся к «артели», до нас не дошло, и неизвестно, были ли они.

Революционные и республиканские цели были уже решительно поставлены обществом «Орден русских рыцарей», организованным М. А. Дмитриевым-Мамоновым и М. Ф. Орловым, но оно еще в значительной степени было связано с масонством. В течение некоторого времени к «Ордену» был близок и Н. И. Тургенев. В своих мемуарах последний сообщает, что Орлов, возвратясь в 1817 г. из-за границы, показывал ему проект восстановления масонства как организации политической. Этот «проект» читали и другие лица, в том числе, по предположению В. И. Семевского, кн. Баратаев[42]. В оправдательной записке Н. И. Тургенев именует этот документ несколько иначе: «Проект Тайного общества, основанного на масонстве»; этот проект Орлова до нас не дошел. На следствии Орлов показывал, что, действительно, в 1817 г. говорил Н. И. Тургеневу об организации Тайного общества, но последний нашел эту мысль неосуществимой[43].

Из литературных памятников, созданных или создававшихся «Орденом русских рыцарей», наибольший интерес представляет печатная брошюра на французском языке (1817), автором которой был Дмитриев-Мамонов. Отпечатана она была всего в 25 экземплярах; точное заглавие ее не

установлено. Сам Дмитриев-Мамонов в одном из писем именовал ее «Краткие наставления», а в доносе 1822 г. она была названа «Наставление русскому рыцарю»[44].

О существовании этой брошюры было широко известно; о ней упоминал в своих показаниях Пестель: «У них ⟨членов Общества русских рыцарей⟩ была печатная книжечка об Обществе». И тут же добавлял, что сам он «ее не читал» (ВД, IV, 118). Несомненно, Пестель хотел избегнуть расспросов о ее содержании.

Брошюра до нас не дошла, но в 1949 г. Ю. М. Лотман обнаружил среди бумаг известного масона Максима Невзорова (хранятся в ГПБ) рукописное сочинение, озаглавленное «Краткое наставление Р. Р. . Последние буквы Ю. М. Лотман расшифровывает как «русским рыцарям» и полагает, что эта рукопись представляет собою копию с той рукописи Дмитриева-Мамонова, с которой был сделан перевод для французского издания[45]. Если считать точным указание доноса 1822 г., то данное заглавие следует читать — «Краткие наставления русскому рыцарю», что, несомненно, более правильно, ибо все «наставления» построены в форме повелительного наклонения во втором лице единственного числа.

Соображения Лотмана о невзоровской рукописи очень убедительны, но требуют некоторых ограничений. Ни в коем случае не следует считать данный текст идентичным сочинению Дмитриева-Мамонова, о содержании и характере которого мы знаем из его писем. Дмитриев-Мамонов пишет: «Я велел напечатать „Краткие наставления“ с прибавлениями». Этих «прибавлений» в невзоровской рукописи нет. Между тем они-то главным образом и определяли сущность брошюры. Сам Дмитриев-Мамонов о них писал так: «Я сделал много добавлений. Что ни говори — когда тело страдает, страдает и душа. Но я думаю, однако, что я придал этому маленькому труду весь тот размер, всю ту силу и, осмелюсь сказать, всю ту *изысканность*, какие были возможны». И в другом месте: «То, что я прибавил к „Наставлению“ — безделица. Но этой безделицы недоставало книге для того, чтобы она составила одно целое». Наконец, в напечатанной брошюре было «посвящение», адресованное М. Ф. Орлову. Оно было, как ясно из того же письма, в стихах[46]. В рукописи, опубликованной Лотманом, никакого «посвящения» нет.

Таким образом, совершенно очевидно, что нельзя говорить о полной тождественности рукописи невзоровского собрания с существовавшим печатным изданием. И самое содержание рукописи не соответствует тому представлению о брошюре Мамонова, которое складывается при чтении его письма; не соответствует оно и другим сведениям о ней. Рукопись невзоровского собрания совершенно лишена конкретного политического содержания и не заключает в себе ни какой-либо четкой программы, ни ясных и острых политических лозунгов. По этому памятнику трудно было бы догадаться о воинствующе-радикальной и тираноборческой позиции учредителей «Ордена русских рыцарей».

Следует привести еще одно дополнительное соображение. В упомянутом письме Дмитриев-Мамонов, рассказывая своему корреспонденту о борьбе с цензурой, пишет: «Правда, что *кандалы Катона* и т. д. дьявольски не нравились гг. цензорам, но чего не добьется надоедливость и настойчивость»[47]. Этого выражения («кандалы Катона») в невзоровской рукописи нет.

Но было бы неправильно совершенно отрицать связь этой рукописи с печатным изданием, особенно учитывая тождество заглавий. По всей вероятности, данный текст является первоначальной редакцией сочинения Дмитриева-Мамонова, написанного под определенным воздействием масонской литературы и получившего в окончательной форме, под влиянием Орлова, четкую политическую окраску и острую революцион-

ную направленность. Эта окончательная редакция остается, как уже сказано, нам неизвестной.

Из писем Дмитриева-Мамонова выясняется, что Орлов работал над книгой, которая должна была явиться «философией Ордена» и воссозданием всей системы его основных требований и идеалов. Дмитриев-Мамонов называл ее «Книгою жизни Ордена» и «Учением Ордена»[48]. Труд Орлова задуман был как исторический очерк политического устройства от самых древних времен до современности; завершаться он должен был «взглядом»

М. А. ДМИТРИЕВ-МАМОНОВ
Миниатюра неизвестного художника, 1810-е гг.
Местонахождение оригинала неизвестно

на вероятное будущее европейских наций и на место среди них России. Основной же задачей автора, как можно судить из упоминаний об этом труде в письмах Дмитриева-Мамонова, была защита и обоснование идеи революционного переустройства России.

Не ясно, до какого предела дошел труд Орлова; закончен он, повидимому, не был, так как вскоре Орлов сошелся с новым кругом, выдвигавшим более четкие и определенные политические задачи. Но нельзя считать данный труд Орлова только «замыслом»; из писем Дмитриева-Мамонова видно, что сочинение Орлова очень далеко продвинулось и ряд глав был уже написан. Быть может, этот труд должен был стать историческим обоснованием и введением к выработанному ими обоими проекту конституции.

К работам над Уставом «Ордена русских рыцарей» имел отношение и Н. И. Тургенев. Сохранилась запись его в дневнике от 5 августа 1817 г.:

«Я весьма доволен сам собою за этот вечер, написав $1^1/_2$ л. вступления к ..., в котором я излил чувства мои о любви к отечеству, давно волновавшие грудь мою. Как писал, то казалось хорошо; не знаю, как покажется после». По предположению одного из комментаторов, это было «вступление» к одному из изданий «Ордена русских рыцарей»,— вероятнее всего, к Уставу [49].

Из «Воспоминаний» В. Ф. Раевского известно, что при своем аресте в 1822 г. он уничтожил находившуюся среди книг его сожителя, К. А. Охотникова, какую-то «маленькую брошюру» под заглавием «Воззвание к сынам Севера»[50]. О сочинении под таким заглавием более нигде не упоминается: ни в официальных источниках, ни в мемуарах и письмах декабристов и их современников, ни в показаниях декабристов. Между тем трудно допустить, чтобы определенное агитационно-политическое сочинение (как это видно из заглавия: «Воззвание...») не оставило бы никаких следов в декабристской литературе, тем более сочинение, отпечатанное в типографии (Раевский именует его брошюрой) и, стало быть, совершенно отличное от других аналогичных памятников.

Вполне законно предположение об идентичности «маленькой брошюры» Раевского с брошюрой Дмитриева-Мамонова, точное заглавие которой Раевский мог и забыть в момент составления своих мемуаров. Но то заглавие, какое называет он, вполне соответствует форме «Наставлений», написанных как ряд призывов (*воззваний*). В пункте 19-м «Наставлений» (в рукописи Невзорова) есть намек и на *сынов Севера*: «Прекрасны сыны славы и свободы в форуме римском, сто крат прекраснее на горах Севера». Таким образом, ошибка Раевского (если она, действительно, имела место) находит полное обоснование и оправдание в самом тексте памятника. Очень легко объясняется и присутствие данной брошюры у Охотникова: он мог получить ее непосредственно от Орлова. Если наша гипотеза правильна, то вполне подтверждается и предположение о большей политической остроте брошюры Дмитриева-Мамонова сравнительно с первоначальным текстом, сохранившимся в бумагах Невзорова. Это предположение подтверждается еще одним обстоятельством. Автор упомянутого доноса сообщал, между прочим, что «еще недавно» (то есть около 1822 г.) один из членов Общества Дмитриева-Мамонова «приглашал в оное К. Г. ⟨князя Голицына?⟩ и дал прочесть брошюру „Наставление...“». Из этого сообщения Лотман делает вывод, что «Союз русских рыцарей» продолжал действовать в двадцатых годах и вербовал в свои ряды новых членов. Принять этот вывод нельзя. Орден Дмитриева-Мамонова к этому времени уже совершенно распался, и ни о какой вербовке в его ряды не могло быть и речи. Автор слишком буквально принимает показание доносчика. Если это сообщение правильно, оно свидетельствует лишь о том, что данная брошюра сохраняла свое агитационное значение еще в двадцатые годы, вероятно, по этой причине она и хранилась у Охотникова вместе с «Зеленой книгой». Конечно, наше отождествление «Воззвания к сынам Севера» с «Наставлениями» является гипотетическим и нуждается в дальнейшей проверке [51].

Первой собственно-декабристской организацией является Союз Спасения,— или, точнее, «Общество истинных и верных сынов отечества»,— учрежденный в феврале 1816 г. и действовавший в течение двух лет (до начала 1818 г.). Как пишет М. В. Нечкина, «тут сосредоточены истоки движения, тут оно впервые заявило о себе, оформило свою первую программу и включило в себя тех главных деятелей, которые пройдут через все основные этапы декабристского движения — до Сенатской площади в день 14 декабря и до снежного украинского поля, на котором было разбито восстание Черниговского полка». Союз Спасения еще не перешел на республиканские позиции, но борьбу за конституционное переустройство

государства он уже намеревался вести способами революционными. Из недр Союза Спасения вышли и первые проекты цареубийства. Революционную позицию Общества вполне отразил его Устав, составленный в конце 1816 или в начале 1817 г. Полное заглавие Устава: «Статут Общества истинных и верных сынов отечества». Это был один из наиболее ранних и значительнейших литературных памятников декабризма. Реконструкция его содержания сделана М. В. Нечкиной в специальной статье, посвященной Союзу Спасения[52]. Никита Муравьев автором Устава называл Пестеля (ВД, I, 305). Пестель же утверждал, что для составления Устава была учреждена особая комиссия, в которую входили, помимо него, С. П. Трубецкой, И. А. Долгорукий и, в качестве секретаря, Ф. П. Шаховской (ВД, IV, 154). Трубецкой в своем показании умолчал о себе и назвал только Пестеля и Долгорукого (ВД, I, 24), но в «Записках» он полностью подтверждает показание Пестеля и об учреждении комиссии и о ее составе. В «Записках» же подробно рассказано о распределении работ в комиссии: сам Трубецкой «занялся правилами принятия членов и порядком действий их в Обществе; Долгорукий — целью Общества и занятиями его для ее достижения; Пестель формою принятия и внутренним образованием». М. В. Нечкина считает это сообщение весьма смутным: трудно дифференцировать «форму принятия» от «правил принятия» и «порядок действий» членов Общества от «занятий Общества для достижения цели». Однако, все же, можно установить основные категории Устава. «Форма принятия» — это, несомненно, внешние формы приема членов, установленная обрядность. Смысл этого выражения вполне раскрывается дальнейшим рассказом Трубецкого: Пестель «имел пристрастие к формам масонским, и хотел, чтобы некоторые подобные были введены для торжественности»[53]. С этим согласуется и показание Пестеля о заимствовании правил приема членов из «масонских статутов и форм» (ВД, IV, 168). Пестелю же принадлежали главы Устава о «внутреннем образовании»: под этим разделом следует понимать установленное по образцу масонских организаций деление членов Тайного общества на разряды («боляр», «мужей» и «братий»), учреждение «Совета Верховного союза» боляр и т. д. К «формам принятия» должны быть отнесены и «присяги». Ритуал присяг был разработан очень тщательно и подробно.

И. Д. Якушкин сообщает, что присяг было пять, следующих друг за другом в определенном порядке. По показанию Никиты Муравьева, «каждая степень и даже старейшины имели свою клятву» (ВД, I, 305). Каждая из них имела особый текст; он же признавал, что в Уставе уже «проповедовалось насилие» (ВД, I, 306). Существование «угроз» в Уставе признал и Пестель (ВД, IV, 168). Примечательно, что все упоминания об «угрозах» связываются с именем Пестеля. Тексты присяг составлены были, несомненно, человеком, прекрасно знакомым с масонской литературой и увлекавшимся обрядовой стороной масонства. Поэтому их авторами возможно считать или Пестеля, или Александра Муравьева, или обоих вместе.

«Правила принятия», которые составлял Трубецкой, в отличие от «форм принятия», то есть от внешней обрядности, заключались в выработке требований, которые надлежало предъявлять к принимаемым членам; одним из таких требований была обязанность заботиться «об умножении членов». Это предположение вполне подтверждается и показаниями Трубецкого на следствии: «Предмет оного Общества был еще не определен; но старались увеличить сочленов елико возможно, имея в предмете выбирать оных с качествами душевными и с нравственностию твердою» (ВД, I, 9). Более подробно он разъяснил эти требования в другом показании: «...приискивать людей способных и достойных войти в состав Общества, о таковых давать заранее Обществу знать, чтоб можно было собрать о них каждому члену сведение, не удостоверяться о достоинствах

и доброй нравственности их по одним слухам, но стараться изыскивать средства испытывать их» (ВД, I, 24). Очевидно, эти общие положения были детально разработаны в Уставе, и над их конкретизацией и трудился Трубецкой.

Трубецкой различает далее занятия членов Общества для достижения их цели и «порядок действий членов в Обществе». Под первым нужно, очевидно, разуметь обязанности членов вне Общества, которые, как формулирует в своем показании Трубецкой, должны «подвизаться на пользу общую всеми силами, и для того принимаемые правительством меры или даже и частными людьми полезные предприятия поддерживать похвально, а когда имеешь возможность, то и на самом деле оным содействовать; препятствовать всякому злу, и для того разглашать злоупотребления чиновников по службе и должностям их, также и всякие бесчестные поступки частных людей, которые дойдут до сведения Общества. Тех, на кого кто лично действовать может, отвращать от дурных дел советами своими» (ВД, I, 24). Трубецкой выражается очень осторожно и стремится придать действиям Общества максимальную лояльность, вплоть до поддержки разумных и полезных начинаний правительства. Якушкин в своих «Записках» говорит главным образом о критической части этих «занятий» — «греметь» в обществе против аракчеевщины, против крепостного права, против палок в армии и т. п.[54]

Шаховской в своем показании явно путает (не вполне понятно — искренне или нарочно) Союз Благоденствия и Союз Спасения. Он все время говорит исключительно о Союзе Благоденствия, но годом вступления своего в Тайное общество называет 1816 г. В показаниях об «Уставе» он также объединяет оба устава: в числе обязанностей членов Общества он называет «введение мыслей о долге каждого гражданина совершать обязанности свои с свойственным правосудием и знанием тех предметов, которые, под общим названием прав, необходимы каждому усердствующему сыну Отечества; наконец, противуборствие мистицизму, невежеству, лихоимству и жестокосердию» (ВД, III, 100).

К тому же разделу следует отнести и пункт «Устава» о запрещении членам Общества покидать службу; этим запрещением преследовалась цель, чтобы со временем «все служебные значительные места по военной и гражданской части» оказались «в распоряжении Тайного общества».

Что же касается «*порядка действий* в Обществе», то под этим должно разуметь обязанности членов Общества доводить до сведения его руководителей о всех важных политических событиях или проектах, которые станут им известны, чтобы таким образом Общество все время было в курсе политической жизни страны. Это требование вполне отчетливо раскрывается из объяснений, данных Трубецким по поводу его письма к членам Общества, в котором он сообщал о намерении Александра I восстановить Польшу в старых границах и тем самым отторгнуть от России часть ее исконных земель. Это письмо, объяснял он, было написано потому, что «по уставу Общества» он «полагал себя обязанным уведомить о том членов» (ВД, I, 49).

Итак, сообщение Трубецкого о работах особой комиссии Союза Спасения для составления Устава вполне может быть конкретизировано; оно же помогает установить имена авторов каждого раздела Устава. Общие цели Общества были формулированы И. А. Долгоруким, и он же написал «вступление» или «предисловие»; Шаховской, видимо, никакого особого раздела не составлял, но как секретарь являлся редактором всего Устава.

К периоду Союза Спасения относятся еще три не дошедших до нас литературно-политических памятника: речь Пестеля на собрании, созванном для принятия и утверждения Устава, упомянутое выше письмо Трубецкого и представленная в письменной форме речь («мнение») Сергея

С. И. МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ

Литография А. Скино с портрета работы Н. И. Уткина 1819 г. Лист, принадлежавший А. И. Герцену

Центральный Государственный архив Октябрьской революции. Москва

Муравьева-Апостола о проекте цареубийства. О речи Пестеля известно лишь из краткого упоминания о ней в «Записках» Трубецкого: Пестель *прочитал* вступление, в котором заявил, что «Франция блаженствовала под управлением Комитета общественной безопасности»[55]. Содержание речи в целом остается неизвестным, и потому неясно, в каком контексте было сделано это заявление Пестеля, тем более, что он в то время еще разделял конституционно-монархические взгляды; но несомненно, что в ней уже был зародыш позднейших воззрений Пестеля. Трубецкой добавляет, что речь Пестеля произвела на членов Общества «неблагоприятное впечатление».

Письмо Трубецкого нельзя рассматривать лишь как частное письмо или частную информацию. Это определенный политический документ, написанный «по обязанности члена Общества», то есть в порядке выполнения одного из пунктов Устава; его должно расценивать как письменный доклад или отчет Обществу о внутриполитической обстановке. Так оно и было понято Александром Муравьевым, немедленно созвавшим общее собрание для обсуждения письма Трубецкого.

Письмо это, как известно, произвело огромное впечатление, вызвав ряд проектов, уже вплотную поставивших перед Обществом вопрос о революционном выступлении. Александр Муравьев и Якушкин выступили с проектами цареубийства, причем Якушкин вызвался быть исполнителем. По свидетельству М. П. Бестужева-Рюмина, С. И. Муравьев-Апостол написал речь («un discours»), в которой резко выступил против предложения Якушкина, и предложил иной план действий (ВД, IX, 46). Сам Муравьев-Апостол дал следующее показание: «Якушкин предложился истребить государя и получил согласие всех присутствующих. На другой день, обдумав неосновательное намерение наше и быв болен, я изложил на бумаге мое мнение, коим остановлял предпринятое действие, доказывая скудность средств к достижению цели» (ВД, IV, 256).

Но Сергей Муравьев-Апостол весьма уклончиво изложил сущность своего протеста. Правда, он не изображает себя принципиальным противником цареубийства; он признает, что его выступление было продиктовано сознанием «скудности средств к достижению цели», но умалчивает об основном содержании своего «мнения». Как свидетельствует М. П. Бестужев-Рюмин, С. И. Муравьев-Апостол противопоставил идее цареубийства план революционного выступления: «он предлагал овладеть доверием войск, захватить Москву и провозгласить там новый порядок» (ВД, IX, 46). Видимо, на этом же заседании, в развитие мыслей Муравьева-Апостола, Александр Муравьев предложил воспользоваться новгородскими «супротивлениями» против военных поселений (ВД, IX, 252).

В 1817 г. было учреждено тайное Военное общество, история которого до сих пор остается недостаточно разъясненной. О его организации и деятельности писали в своих «Записках» И. Д. Якушкин и М. А. Фонвизин, а на следствии показывали Пестель и Никита Муравьев. Их свидетельства, однако, не вполне согласуются между собой. По утверждению Якушкина и Никиты Муравьева, Военное общество возникло в атмосфере распада Союза Спасения и играло роль некоей «приготовительной организации» (выражение Якушкина); по свидетельству же Фонвизина, оно было филиалом Союза[56]. Пестель называл его новой формой Союза Спасения. Нет единства и в вопросе о составе Военного общества: по показанию Никиты Муравьева, его организатором и председателем был Александр Муравьев; Пестель же говорил о двух отделениях Общества, во главе которых стояли Никита Муравьев и Катенин (ВД, IV, 101). М. В. Нечкина полагает (на основании показаний Перовских), что существовал устав Военного общества. Но был ли это самостоятельный Устав,

выработанный для нужд новой организации, или же то, что читал и о чем показывал на следствии В. Перовский, было Уставом Союза Благоденствия — остается неясным[57].

II. УСТАВНО-ПРОГРАММНЫЕ ПАМЯТНИКИ СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВИЯ И ЕГО ФИЛИАЛОВ

Прямым преемником Союза Спасения явилось новое Тайное общество — Союз Благоденствия. Одним из первых признаков распада старой организации и возникновения на ее развалинах новой было недовольство прежним уставом. Спор шел и о задачах и целях Общества, и о его тактике. Старый устав уже не удовлетворял ни умеренных членов Союза Спасения, ни более левого крыла его, решительно поведшего борьбу за республику и за организацию вооруженного восстания. Н. Ф. Лавров следующим образом изображал расстановку сил в Обществе: правая группа — возглавляемая Михаилом Муравьевым, левая — во главе с Пестелем, центр — группа Трубецкого[58].

Реорганизаторы Союза и авторы нового Устава, известного под названием «Зеленой книги», не ставили своей задачей создание организационных форм, предусматривавших длительную и широкую работу по подготовке членов Общества к политическому переустройству. Написанный, по выражению Лунина, в «законно-свободном духе», Устав приобретал двойственный характер: с одной стороны, он формулировал задачи просветительного и этического порядка и был составлен в абсолютно легальных формах; с другой стороны, эти внешние культурно-просветительные задачи должны были служить своего рода ширмой для определенной политической цели, которая, по убеждению многих членов, и была «сокровенной целью» Тайного общества.

Над Уставом работала целая комиссия: авторами его, как можно установить, были С. П. Трубецкой, И. Г. Бурцов, Петр Колошин и Никита Муравьев. Коллективным трудом этих лиц и явилась известная нам «Зеленая книга». Но окончательной выработке Устава предшествовала большая предварительная работа, вызвавшая к жизни ряд утраченных ныне документов. Часть Устава была написана М. Н. Муравьевым, но забракована и затем пересоставлена Петром Колошиным; Никита Муравьев составил «Предположения о задачах и целях Общества»,— они также были отвергнуты[59]. Труд М. Н. Муравьева был, несомненно, отвергнут центром и левой группой; «Предположения» Никиты Муравьева должны были неизбежно встретить решительное сопротивление со стороны правых членов Союза.

Двухплановый характер Устава был, конечно, известен значительному числу членов Общества, о чем свидетельствуют поспешные заявления многих привлеченных к следствию участников, которые говорили, что они знали лишь «прямую цель» и не имели никакого понятия о «другой». Эта «другая» цель скрывалась разве лишь при вербовке очень второстепенных и малозначащих лиц. Чрезвычайно характерен уклончивый и, как всегда, недостаточно искренний, когда речь идет о Тайном обществе, рассказ Николая Тургенева. Вступить в Тайное общество ему предложил Трубецкой и принес для ознакомления Устав. «Я пробежал Устав,— пишет Николай Тургенев. — Общество ставило своей целью общественное благо ⟨...⟩ Этот проект как в целом, так и в отдельных частях касался лишь теоретических вопросов, нигде не выступало намерение действовать, произвести какие-либо перемены в государственном строе» и т. д.[60] Но Тургенев прибавляет, что Трубецкой явился к нему сразу же после

неудачного визита к П. А. Вяземскому, наотрез отказавшемуся вступить в Общество. Из рассказа Тургенева совершенно непонятны причины отказа Вяземского, однако они становятся очевидны, если допустить, что Трубецкой раскрыл перед Вяземским истинное положение вещей, вполне ясно обозначив «другую цель». Н. Ф. Лавров полагал, что Устав Союза Благоденствия показался Тургеневу нежизненным вследствие отсутствия в нем указаний на намерение действовать и произвести перемены в государстве. Но исследователь принимает на веру нарочито неправильные и неискренние заявления автора мемуаров.

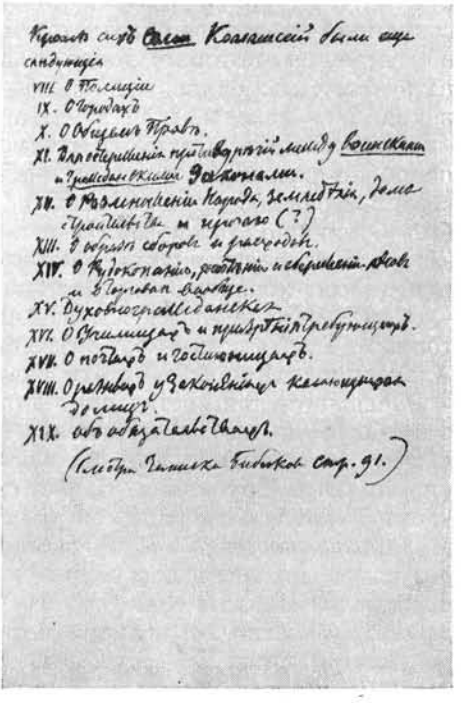
Подлинный характер Общества с наибольшей ясностью и определенностью раскрыт Пестелем в одном из его заявлений Следственной комиссии: «Тайное наше общество было революционное с самого начала своего существования и во все свое продолжение не переставало никогда быть таковым». И далее: «Содержание Зеленой книги Союза Благоденствия было не что иное, как пустой отвод от настоящей цели на случай открытия Общества и для первоначального показания вступающим членам, коим всем после вступления делалось сие совершенно известным»[61]. Столь же четко формулировал эту мысль Лунин: «Революционные мысли или желание нового порядка вещей были с самого начала основою Общества» (ВД, III, 122).

Была ли формулирована и закреплена эта «настоящая цель» в письменном виде? Устав Союза Благоденствия назывался: «первая часть»; после изложения § 77 следовало: «конец первой части». Это означало, что за первой частью должна последовать вторая. Была ли она написана, каково было ее содержание и кто являлся ее автором? Следственной комиссии были даны два резко противоположных заявления: Пестель, Сергей Муравьев-Апостол, Никита Муравьев и Трубецкой категорически отрицали существование *второй* части Устава Союза Благоденствия. «Вторая часть Зеленой книги не была составлена. Я, по крайней мере, оной не видал,— заявил Пестель,— и ни от кого про ее составление даже и не слышал, а тем еще менее была она раздаваема. В первой части была сия вторая часть обещана,— прибавил он,— но осталась без исполнения» (ВД, IV, 139). Показанию Пестеля соответствует и заявление Трубецкого: «Обещанная вторая часть Зеленой книги никогда не была написана». Он добавил, что ему неизвестно, занимался ли кто во время его отсутствия «сочинением сей второй части, или определили как ее написать» (ВД, I, 86). Наконец, очень коротко и категорически заявил о том же Никита Муравьев: «Что ж касается до второй части Устава, то оная вовсе не была написана» (ВД, I, 316). Отрицали существование второй части «Зеленой книги» также и Н. И. Комаров и А. П. Юшневский. Юшневский, впрочем, очень уклончиво заявил, что он предполагал ее существование, но «не только не видал оной, но даже не слыхал ни от кого из членов, чтобы она существовала»[62].

Этим заявлениям противостоят показания Е. П. Оболенского, А. Н. Муравьева и М. И. Муравьева-Апостола. Первый дал весьма осторожный ответ: «О второй части мы были известны,— показывал он,— что оная существует, но никто нам оную не объявлял и содержание даже оной никто из нас не знал» (ВД, I, 252). Но совершенно ясные и категорические показания дали А. Н. Муравьев и М. И. Муравьев-Апостол. Свое показание А. Н. Муравьев сопроводил всякими оговорками — они для нас неинтересны; факты же, извлекаемые из его многоречивого рассказа, таковы: вторая часть, действительно, существовала; она была сочинена в Москве и существовала в виде проекта, подлежащего дальнейшим изменениям. Первый раз он ее прочитал «восемь лет тому назад» (то есть в 1818 г.); экземпляр, с которого он взял копию, находился у Трубецкого; сам он (А. Н. Муравьев) участия «в написании оной»

не принимал. По формату обе части также были различны. Из его же показаний явствовало, что были и другие списки и один из них, возможно, был у М. Н. Новикова (ВД, III, 24—26). Без всяких оговорок признал существование второй части «Зеленой книги» Матвей Муравьев-Апостол: «Вторая часть Зеленой книги была составлена в 1818 году в Москве Александром Муравьевым, Бурцовым, Никитой Муравьевым — она более клонилась к распространению мыслей об представительном правлении. Подлинный список хранился у Александра Муравьева» (ВД, IX. 244). О существовании второй части «Зеленой книги» было известно и

ИМЯННОЙ СПИСОКЪ
ГОСПОДАМЪ
ДЕПУТАТАМЪ,
ВЫБРАННЫМЪ
ВЪ
КОММИССІЮ
О
СОЧИНЕНІИ ПРОЭКТА
НОВАГО УЛОЖЕНІЯ,
кто изъ котораго мѣста выбранъ, и кто
кому именно здавалъ, также въ разныя
учрежденныя отъ большаго собранія
частныя Коммиссіи опредѣленъ
и нынѣ дѣйствительно
находящея
Генваря по 1. число,
1768. году.
Печатано при Императорскомъ Московскомъ
Университетѣ.



VIII. О Полиціи
IX. О Городахъ
X. О Общемъ Правѣ.
XI. Для сочиненія пути между Коммиссіями и Государственными Законами.
XII. О Умноженіи Народа, земледѣліи, домостроительствѣ и купечествѣ (?)
XIII. О сборахъ соборовъ и расходѣ.
XIV. О Купечествѣ, ремеслахъ и сохраненіи добрыхъ нравовъ.
XV. Духовнаго Государственнаго.
XVI. О Судныхъ мѣстахъ и приватныхъ преступленіяхъ.
XVII. О поступкѣ и гостинницахъ.
XVIII. Ограниченіе узаконеній каменнаго строенія.
XIX. Объ обязательствахъ.

«ИМЕННОЙ СПИСОК ГОСПОДАМ ДЕПУТАТАМ, ВЫБРАННЫМ В КОМИССИЮ О СОЧИНЕНИИ ПРОЕКТА НОВОГО УЛОЖЕНИЯ», ИЗД. 1768 г. ЭКЗЕМПЛЯР С ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ И ПОМЕТАМИ Н. М. МУРАВЬЕВА, 1822 г.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

М. К. Грибовскому. Промежуточное место между этими показаниями занимает свидетельство М. А. Фонвизина о ведшейся, но не завершившейся работе по составлению второй части Устава; ее «взялся изложить» Трубецкой, но работы своей не довел до конца (ВД, III, 80).

Следственная комиссия не разрешила этих противоречий; она вообще проявила большое равнодушие к данному вопросу и не делала никаких попыток разобраться в подлинном положении вещей: не сопоставляла противоречивых показаний о составлении второй части «Зеленой книги», не устраивала очных ставок по этому поводу и т. д. Казалось бы, после показаний Фонвизина и А. Н. Муравьева надлежало вновь допросить Трубецкого, однако в дальнейшем ему не было задано ни одного вопроса о «Зеленой книге». Не упомянута она и в сводке показаний о Трубецком. Вопрос об уставах Тайного общества представлялся Комиссии малозначащим по сравнению с такими фактами, как замыслы цареубийства и организация восстания. В «Инструкции» Сперанского прямо было

указано, что эпохою учреждения Общества «должно принимать не первое основание его в виде Союза Спасения или Союза Благоденствия, но когда уже возникли виды переворота» (ВД, IV, 428).

Показание Трубецкого очень уклончиво и двусмысленно. Оно, в сущности, говорит только о том, что вторая часть «не была написана», но умалчивает, писалась она вообще, или нет. «Между тем,— правильно замечает С. Н. Чернов,— не считая работы по ее составлению законченными, можно, и имея ее черновик, говорить что она не была написана»[63]. С. Н. Чернов почему-то упустил из виду показание Фонвизина, между тем, оно особенно убедительно подтверждает его точку зрения. Показание же А. Н. Муравьева никак нельзя отвести, ибо оно очень конкретно и сохранило много важных деталей: он сообщил Следственному комитету об «управах», которые, дойдя до известного числа, должны были образовать «палаты»; о «правителе Общества», о «советах» в тех городах, где находились палаты, и т. д. (ВД, III, 24—25). Даже из этих скудных «припоминаний» явствует, что во второй части «Зеленой книги» была подробно разработана структура Тайного общества и предусматривалось создание революционных советов. Таким образом, уже во время следствия был бесспорно установлен факт существования второй части Устава Союза Благоденствия; это обстоятельство находит полное подтверждение и в доносе хорошо осведомленного предателя, М. К. Грибовского[64].

С. Н. Чернов полагал, что автором «второй части» являлся один только Трубецкой, но Матвей Муравьев-Апостол назвал еще имена Александра Николаевича Муравьева, Бурцова и Никиты Муравьева.

Очевидно, при составлении второй части работала группа лиц, как это было и при составлении Устава Союза Спасения и первой части «Зеленой книги». Матвей Муравьев-Апостол, правда, забывает упомянуть о Трубецком, однако участие последнего в составлении этой части Устава подтверждается всеми, кто говорил о ней. Сообщению Матвея Муравьева-Апостола об Александре и Никите Муравьевых приходится безусловно доверять, особенно о последнем, ибо он всегда был в курсе дел и замыслов Никиты и не стал бы его называть, не имея для этого точных данных. Участие Александра Муравьева подкрепляется и сообщением Д. А. Кропотова[65].

М. В. Довнар-Запольский считал, что вторая часть «Зеленой книги» была издана литографским способом[66]. Основанием для такой гипотезы послужило сообщение А. В. Поджио о «литографированном листе», который в 1823 г. передал ему Никита Муравьев как материал для составления Устава Северного общества. По разъяснению Поджио, «то было изложение общее правил Союза Благоденствия»[67]. Однако Довнар-Запольский не приводит никаких конкретных доводов для доказательства своего предположения. Если бы в руках Поджио находилась вторая часть «Зеленой книги», он так бы и сказал, однако он говорит лишь об «изложении общих правил». Более вероятной, но также не вполне доказанной представляется гипотеза В. И. Семевского. Он полагал, что «лист» Поджио содержал «Правила о составлении управ», являвшиеся повторением «Правил Союза Благоденствия» с сокращениями и некоторыми вариантами[68]. Осторожнее будет говорить лишь о существовании конспективного изложения Устава (не вдаваясь в догадки о характере и сущности внесенных изменений или сокращений), которое условно можно именовать как «Общие правила Союза Благоденствия».

В показаниях мелькают упоминания о какой-то «маленькой книжечке». Ее показывал Кальму при принятии его в члены Союза Благоденствия К. И. Бистром (ВД, IV, 43); она, несомненно, имела какое-то отношение к уставным документам, ибо из нее Кальм узнал о необходимости ежегодного отчисления. «Небольшую голубенькую книжку» извлек из бумаг

Трубецкого его брат Александр (ВД, I, 84). Трудно сказать, идет ли речь в обоих случаях об одном и том же памятнике, но в связи с этим следует учесть показание А. Н. Муравьева о существовании «Зеленой книги» *в двух форматах* (ВД, III, 24).

Важными моментами в истории Союза Благоденствия были петербургские организационные заседания в 1820 г. (на квартирах Ф. Н. Глинки и С. П. Шипова) и московский съезд в 1821 г., поведший к ликвидации Союза и созданию новых революционных организаций на севере и на юге. В квартире Глинки Пестель сделал доклад «О выгодах

ДОМ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ ОТЦУ ДЕКАБРИСТА М.А. ФОНВИЗИНА, НА РОЖДЕСТВЕНСКОМ БУЛЬВАРЕ В МОСКВЕ (ТЕПЕРЬ № 12). ЗДЕСЬ В 1821 г. ПРОИСХОДИЛ СЪЕЗД СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВИЯ

Фотография 1950 г.

Литературный музей, Москва

и невыгодах монархического и республиканского правлений». Неясно, был ли доклад Пестеля *прочитан* или представлял собою устное сообщение, то есть *произнесенную речь*,— но этот вопрос, в сущности, и не имеет большого значения. Важно установить лишь, что эта речь являлась одним из важнейших идеологических памятников декабризма и сыграла огромную роль в борьбе за республиканскую программу (ВД, I, 26—27, 311—312; IV, 101—102, 290, 326—327, 361).

Последующие затем доклады Пестеля и Никиты Муравьева (на квартире Шипова) о средствах «ввести» в России «новый образ правления» и о цареубийстве как одном из таких средств явились уже дальнейшим развитием и конкретизацией доклада Пестеля на квартире Глинки (ВД, IV, 291; I, 312).

На Московском съезде центральным и самым драматическим моментом его было выступление М. Ф. Орлова, стремившегося в корне сломать

практику деятельности Союза. Тактике медленного воздействия на умы Орлов противопоставил программу «крутых мер» и выступил с развернутым планом революционных действий вплоть до организации тайной типографии и фабрики фальшивых ассигнаций «для подрыва кредита правительства». Указание Грибовского, что Орлов на съезде «ручался за свою дивизию», позволяет думать, что в его речи содержался и план общего выступления и, может быть, даже намечались сроки его. «Записка» Орлова о необходимости новой тактики Общества была представлена в письменном виде и вошла в историю декабристского движения под названием «Письменные условия М. Орлова». Этот эпизод достаточно подробно освещен в декабристской историографии, поэтому я считаю возможным не останавливаться на нем специально и не подымать заново вопрос об интерпретации поведения Орлова на съезде 1821 г.[69] Для целей настоящего очерка важно установить, что этот доклад представлял собой не импровизированное выступление, но был представлен в письменном виде и рассматривался участниками съезда как *политическое сочинение* Орлова. Именно так и говорит о нем Якушкин, называя его речь «сочинением»[70]. Эти «письменные условия» должны, несомненно, найти свое место в истории русской политической литературы.

Заключительным аккордом Московского съезда 1821 г. было постановление о роспуске Тайного общества: объяснительную записку о мотивах этого решения поручено было составить Н. И. Тургеневу; об этой записке упоминает в своем доносе Грибовский, подробно говорит о ней и сам Тургенев. В своих «Воспоминаниях» он воспроизводит ее содержание. «Я старался выяснить,— пишет он,— что пока в России существует настоящий порядок вещей, общественное благоденствие может достигаться лишь путем усилий отдельных личностей, что ничто не мешает, впрочем, человеку, одушевленному лучшими намерениями, придти к соглашению с одним или двумя из его друзей», чтобы попытаться «заставить принять всякую меру, которую он сочтет полезной для общего блага»,— а стало быть, нет надобности и в какой-либо тайне, вследствие чего деятельность Тайного общества может даже «повредить осуществлению благодетельных реформ»[71].

Явно неправильное изложение Тургеневым вопроса о закрытии Союза Благоденствия заставляло некоторых исследователей и весь его рассказ в целом считать мифическим[72]. Но самое существование такой «Записки» отрицать не приходится; она была, действительно, написана; в доносе Грибовского приведены даже цитаты из нее.

Грибовский утверждает, что по возвращении в Петербург Тургенев рассылал свою «Записку» другим членам. По словам Тургенева, она была размножена в четырех экземплярах «для разных городов». Это число подтверждает и Якушкин[73]. Грибовский же добавляет, что «Записка» была не только размножена, но и литографирована. Но нужно ли было литографировать ради четырех копий? К тому же и городов, куда нужно было отправить «Записку», было не четыре, а по меньшей мере пять (Москва, Петербург, Тульчин, Смоленск, Кишинев), да и для столиц нужно было иметь более чем по одному экземпляру. Число копий было, несомненно, более значительно. «Записка» Тургенева явилась, таким образом, первым выступлением Тайного общества после ликвидации Союза Благоденствия.

На Московском съезде 1821 г. был выработан ряд важных документов уставного характера. С. Н. Чернов и А. Н. Шебунин полагали, что на этом съезде был принят предложенный Фонвизиным устав нового Общества[74]. Это не вполне правильно. Фонвизин не был автором нового устава. Он выступил только с *проектом* новой организации, основной смысл которого состоял в установлении трех разрядов членов Общества.

Н. И. Комаров так излагал сущность этих разрядов: «Один высший, *незнаемых*, в виде постоянного главного совета, который должен будет управлять и составлять законы Обществу. Второй разряд, от него зависящий, *исполнительный*, приводящий их положения к исполнению, из него же должны командироваться члены для объездов и наблюдений хода Общества по разным местам, а прекратить обязывали всякого рода переписку. — И, наконец, третий разряд *нововводимых*»[75]. На основании этих принципов и был составлен новый Устав, который мы условно обозначаем: «Устав 1821 г.», иначе он именуется в литературе: «Московские правила».

Можно установить и имена авторов нового Устава. Одним из них был, вероятно, сам Фонвизин, участие которого было совершенно естественно, поскольку он вырабатывал предварительный проект; другой — Бурцов, который составил первую часть, предназначенную для «вступающих»; в этой части Устава «предлагались те же цели, что и в Зеленой книге, то есть филантропические».

Якушкин называет Бурцова «редактором»; очевидно, в составлении этой части принимало участие несколько лиц, окончательная же формулировка выработанных положений была выполнена Бурцовым.

Вторую часть — наиболее ответственную, предназначавшуюся уже для членов высшего разряда, — написал Н. И. Тургенев. В этой части, по свидетельству Якушкина, «уже прямо было сказано, что цель Общества состоит в том, чтобы ограничить самодержавие в России; а чтобы приобресть для этого средства, признавалось необходимым действовать на войска и приготовить их на всякий случай». В этом же Уставе предусмотрено было разделение Общества на четыре управы. Устав Тургенев привез в Петербург, но показал его лишь одному Никите Муравьеву, после чего, рассказывает Якушкин, «из предосторожности» «положил его в бутылку и засыпал табаком» [76]. Этот Устав до нас не дошел. В своем показании Якушкин объявил, что он был сожжен в 1822 г. (ВД, III, 50).

Таким образом, видно, что уставно-организационное творчество вождей движения было еще стеснено и ограничено формами старого Устава, то есть «Зеленой книги», из рамок которой им еще не удавалось выйти. Основной организационный принцип Устава 1821 г. заключался, как и в Союзе Благоденствия, в разделении на два основных разряда: «посвященных» и «непосвященных». Для создававшегося Общества старые организационные формы были явно непригодны, что и вызвало дальнейшие уставные опыты; в связи с этим, думается нам, следует поставить вопрос о «литографированном листе» 1822 г.

В «Оправдательной записке» Н. И. Тургенев писал, что в 1822 г. Никита Муравьев предлагал ему присоединиться к нему и Лунину «для составления нового Общества». При этом Муравьев показал Тургеневу литографированный листок, содержащий правила предполагаемого Общества [77]. А. Н. Шебунин полагал, что этот «листок» содержал в себе «Московские правила» и что Тургенев в данном случае вновь извращает факты. Зачем понадобилось бы показывать Тургеневу «правила», которые он великолепно знал, ибо являлся их автором? Поэтому, — полагал исследователь, — не Никита Муравьев показывал Тургеневу «литографированный листок», а наоборот, Тургенев показал этот листок Муравьеву, когда последний совместно с тем же Тургеневым и Луниным пытались создать новую организацию [78]. Нельзя признать эти соображения убедительными. Тактика Тургенева в его «Оправдательной записке» состояла или в замалчивании или в искусной интерпретации установленных фактов, имеющей целью снизить их революционное значение. Такое извращение фактов, которое приписывается Тургеневу в данном случае, было для

него совершенно невыгодно. Если бы речь шла, действительно, о документе, составленном им самим, не разумнее ли было совсем умолчать о нем (как обычно Тургенев и делал в подобных случаях)? Но он счел возможным упомянуть об этом, поскольку речь шла о документе, несомненно, хорошо известном в среде декабристов, автором (или одним из соавторов) и распространителем которого являлся Никита Муравьев.

Нет никаких оснований отождествлять этот «листок» с «Московскими правилами». Это был, очевидно, уже какой-то новый документ, созданный на почве недовольства московскими решениями. Как известно, эту оппозицию возглавлял в Петербурге Никита Муравьев. К нему присоединился Лунин, а позже и сам Тургенев. И уже в том же 1821 г. ими была сделана попытка создания нового Тайного общества. Рассказ Тургенева содержит вынужденное признание этого факта. Как он ни хитрит, он не может скрыть, что с ним велись переговоры об учреждении нового Общества. Но он явно кривит душой, когда уверяет, что «литографированный листок» был ему показан для ознакомления с целями и задачами учреждаемой организации: этот «листок» был показан ему не для информации, а для консультации, как одному из учредителей. Совершенно очевидно, что этот «листок» содержал новые организационные принципы, в какой-то мере отличные от тех, какие были приняты и утверждены Московским совещанием. Тургенев указывает (неумышленно или нарочно) и неверную дату этой беседы: беседа происходила не осенью 1822 г., а в 1821 г., а потому и данный документ следует именовать «Литографированный листок 1821 г.».

Это предположение подтверждается и тем, что в этом же году Никита Муравьев отправил ряд литографированных документов Пестелю. Отправлены они были с Павлом Лопухиным, который и сообщил об этом на следствии. Показание это чрезвычайно важно: Лопухин сообщил, что Никита Муравьев и Лунин пригласили его вступить во вновь организующееся Тайное общество. «После нескольких свиданий с оными, то есть с Луниным и Муравьевым, и совещаний о устроении Общества уехал я в Киев ⟨...⟩ Накануне отъезда моего Муравьев дал мне *проект учреждения Общества и присягу*, литографированные ⟨...⟩ и письмо к Пестелю, уверяя, что он в нем совершенно уверен и что письмо сие содержит тот же проект» [79]. Частичное подтверждение свидетельства Лопухина находится в показании Пестеля, который признал, что в 1821 г. он получил извещение от Никиты Муравьева о неподчинении решению Московского совещания о роспуске Тайного общества (ВД, IV, 102). Это показание раскрывает содержание письма Никиты Муравьева к Пестелю.

Несомненно, об этом же «листке» упоминает и Лунин, который вынужден был признать, что в 1821 г. он сблизился с А. В. Поджио, говорил с ним о цели Общества и показывал ему «написанный на листках Устав Союза» (ВД, III, 122).

Союз Благоденствия представлял собою определенную политическую и морально-культурную силу, страшившую правительство. Он опирался и на более мелкие частные объединения, из которых одни являлись его же прямыми разветвлениями или филиалами, другие находились в постоянной сфере его воздействия, работая как бы под неким контролем со стороны Тайного общества. Организация таких филиалов или кружков и руководство ими были предусмотрены специальными положениями Устава.

«Вольными обществами, — гласил Устав, — называются в Союзе Благоденствия все общества, к цели его стремящиеся, но вне оного находящиеся» (§ 48); «учреждение оных и продолжение вменяются в особую заслугу членам Союза — имена их выписываются в почетную книгу» (§ 49). К числу таких побочных организаций принадлежали: Общество

Н. И. ТУРГЕНЕВ
Литография М. Антонэна
Внизу надпись рукой Н. И. Тургенева: «Брату и другу Жуковскому. Париж. 3 июня 1821 г.»
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

«Зеленая лампа» (1818—1820), «Общество добра и правды» (1819), Общество Ф. Н. Глинки и Г. А. Переца (1819 — 1821), «Измайловское общество» (1819? — 1821 или 1822), «Общество русских» (1819?). Возможно, что существовали и другие объединения, оставшиеся нераскрытыми; не выяснено с достаточной достоверностью, существовало ли особое «Общество Елизаветы». Под определенным воздействием и порой под прямым негласным руководством Союза Благоденствия работало «Вольное общество любителей российской словесности»; под его же влиянием и в тесной связи с ним были и некоторые масонские ложи (например, «Ложа избранного Михаила»), а также «Общество для распространения ланкастерских училищ».

В настоящее время существуют две точки зрения на характер и сущность связей этих обществ с Союзом Благоденствия. Ю. Г. Оксман и затем В. Г. Базанов полагают, что все эти организации были основаны членами Союза Благоденствия исключительно в целях дальнейшего распространения его влияния и более широкого охвата различных кругов общества [80].

Однако уже С. Н. Чернов выдвигал иную точку зрения, усматривая в растущей сети новых организаций признаки внутреннего недовольства, свидетельствующие о начавшемся процессе разложения и распада Союза Благоденствия. Это вывод еще более решительно и прямолинейно развил К. Д. Аксенов, по мнению которого возникновение этих обществ и их деятельность являлись выражением идейной и организационной борьбы различных течений в Союзе [81].

Для обоснования своей точки зрения автор ссылается прежде всего на существование в каждой организации своих собственных «статутов», что, по его мнению, свидетельствует о стремлении организаторов новых ячеек освободиться от влияния Союза Благоденствия и даже противопоставить ему свою тактику. Поэтому наиболее характерной Аксенов считал деятельность «Измайловского общества», которое, по его мнению, уже решительно встало на путь «создания обособленных и независимых от Союза организаций». Однако для такого категорического суждения следовало бы располагать более определенными и точными сведениями о характере данных статутов. Между тем до нас не дошел ни один из уставов филиальных организаций; не всегда даже ясно, имела ли каждая подобная организация свои собственные «законоположения». Относительно «Зеленой лампы» имеется лишь единственное и недостаточно определенное показание Я. Н. Толстого. В своем покаянном всеподданнейшем письме, упоминая об обществе «Зеленая лампа», он писал: «Одно обстоятельство отличало его от прочих ученых обществ: статут приглашал в заседаниях объясняться и писать свободно, и каждый член давал слово хранить тайну» о существовании Общества.

Михайловский-Данилевский уверял, что в каждом собрании «Зеленой лампы» «читали стихи против государя и против правительства». Его сообщение так построено, что можно думать о своеобразном ритуале заседаний, требовавшем обязательно чтения противоправительственных стихов в каждом заседании. Возможно, что этот ритуал был предписан определенным «статутом», но конкретных данных для подтверждения такого предположения не имеется.

Об «Обществе (или иначе: Союзе) добра и правды» рассказал в своих показаниях Е. П. Оболенский; о нем же сообщил (в том же письме) Я. Н. Толстой. Учредителями его являлись А. А. Токарев, Ф. Н. Глинка, Е. П. Оболенский, П. А. Катенин; к ним позже присоединился и Я. Н. Толстой; главным организатором и «душой» Общества был Токарев, который «заблаговременно» написал Уложение. По словам Толстого, «оно состояло в том, что каждому члену поставлялось в обязанность ста-

раться искоренять зло в государстве, заниматься изобретением новых постановлений, сочинением проектов для удобнейшего средства к освобождению крестьян и присвоению новых прав различным сословиям государства; наконец, в сочинении новых конституций, приспособленных к нравам и обычаям народа» [82]. Толстой не сообщает более никаких подробностей о данном Уложении, но и из этих кратких сведений видно, что оно являлось лишь перифразой общего Устава Союза Благоденствия; требование же от каждого члена принимать участие в выработке конституции представляется конкретизацией 11-го параграфа второй книги законоположения Союза Благоденствия.

«Общество добра и правды» было крайне недолговечно, так как его учредитель, Токарев, был переведен на службу в Орел и там вскоре скончался. Единомышленники же Токарева приступили к организации новых обществ: так возникли «Общество» Ф. Н. Глинки и Г. А. Перепа и «Измайловское общество», организованное Е. П. Оболенским. Относительно статута «Общества» Ф. Н. Глинки и Г. А. Перепа Базанов и Аксенов дают прямо противоположные ответы: по мнению первого, никаких «статутных учреждений» «Общество» Ф. Н. Глинки и Г. А. Перепа не имело и тем оно решительно отличается от Союза Благоденствия; по утверждению же Аксенова, это Общество имело свои особые статуты [83]. Такое расхождение является результатом различных толкований показаний в следственных делах Глинки и Перепа. Однако сопоставление их с аналогичными материалами других обществ позволяет присоединиться к мнению Аксенова.

Наиболее типичным является учрежденное Е. П. Оболенским «Измайловское общество». В показании об этом Обществе Оболенский дважды употребил выражение *особенные законы* (ВД, I, 251), что дало повод Аксенову говорить об особом и несомненно самостоятельном характере данной организации и противопоставлять ее Союзу Благоденствия. Но Оболенский совершенно четко указывает, что «Общество Измайловского полка» вполне зависело от Измайловской управы Союза Благоденствия. Далее он подчеркивает, что обязанности Измайловской управы были абсолютно сходны с обязанностями управы л.-гв. егерского полка, но последняя «не устанавливала никаких особенных вольных обществ»; к этому он добавил, что были и другие «управы», «ему неизвестные» (ВД, I, 252). В показании Оболенского нет никаких намеков на какое-либо выключение «Измайловского общества» из общей сети учреждений Союза; наоборот, из его слов выясняется полное единство всех этих организаций. «Союз добра и правды» в его показании совершенно сливается с Союзом Благоденствия, так что даже трудно вполне точно установить, что относится в его рассказе к этому Обществу, а что — к самому Союзу Благоденствия. Совершенно ясно, что «законы» филиалов не выходили из сферы «Зеленой книги»; можно даже предположить, что эти «законы» и «статуты» были приблизительно общими у разных филиалов и что существовали особые типовые уставы, выработанные Союзом Благоденствия для филиальных организаций: отдельно для военных (типа «Измайловского общества») и отдельно для организаций, стремившихся объединить представителей разных слоев общества («Общество» Ф. Н. Глинки и Г. А. Перепа). Таким образом, нет никаких оснований видеть в факте существования «особенных законов» или «статутов» следы какой-то подрывной работы, ведшей к разрушению Союза Благоденствия.

По своему характеру различные филиалы были, несомненно, различны, но их противоречия отражали ту же тактическую и идейную борьбу, которая существовала и в самом Союзе Благоденствия: руководимое Оболенским «Измайловское общество» отражало позиции левой группы Союза, «Общество» Ф. Н. Глинки и Г. А. Перепа выражало настроения его правого крыла.

III. ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ПОПЫТКАМ ЛЕГАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Другим видом литературной деятельности тайных обществ были разного рода рукописные «записки», «проекты» и пр. Такая форма воздействия на общественное мнение была очень распространена в десятые годы XIX в.; к ней прибегали представители различных групп и течений: и представители охранительных течений, и деятели умеренно-либерального направления, и члены революционного Тайного общества. Одни из таких «записок» имели целью мобилизацию вокруг определенных вопросов общественного мнения, другие предназначались для правительственных кругов и иногда для самого Александра I [84]. Некоторые из них дорого обошлись авторам, заплатившим за свою попытку жизнью и свободой, как это было, например, с лифляндским дворянином, полковником Боком (1818) [85]. Из «записок», вышедших из среды деятелей тайных обществ, известны «записки» М. Ф. Орлова, Н. И. Тургенева, А. Н. Муравьева, Г. С. Батенькова, В. И. Штейнгеля, И. Д. Якушкина. Из них только немногие дошли до нас, об остальных известно лишь по упоминаниям мемуаристов, по переписке или по показаниям на следствии.

Не найдена «записка» Орлова, написанная в 1817 г. и предназначавшаяся для Александра I; она известна как «Протест против учреждений, дарованных Польше» и стоит, таким образом, в тесной связи с письмом С. П. Трубецкого к членам Тайного общества. О содержании этой «записки» сообщают в своих мемуарах Якушкин и Н. И. Тургенев; упоминал о ней в своем показании и сам Орлов[86]. Как явствует из их рассказов, Орлову не удалось представить свое письмо государю; Орлов уверял даже в своем показании, что оно «пропало» у него «еще не совсем доконченным», об этом письме было широко известно в обществе.

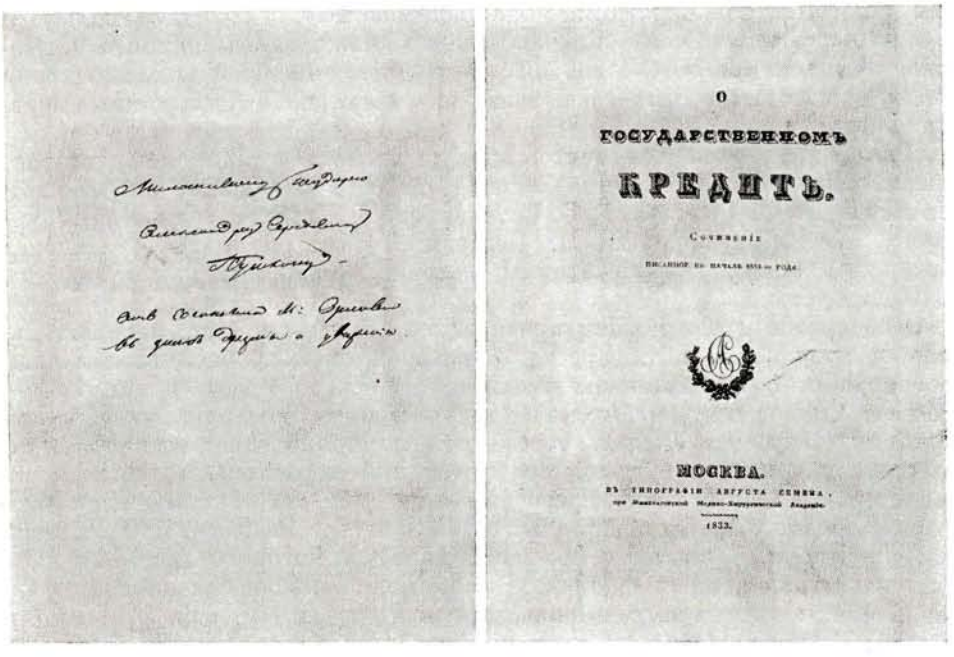
С именем Орлова связывается еще одна «записка» или «адрес» — об уничтожении крепостного права. О ней сообщил С. Г. Волконский. По его словам, Орлов составил в 1815 г. адрес к императору Александру I об уничтожении крепостного права в России, подписанный тогда многими из «первенствующих служебных чиновников»[87].

В. И. Семевский полагал, что это сообщение сомнительно. «Адрес, составленный Орловым,— писал он,— не только не найден, но о нем не упоминает никто, кроме Волконского; не упоминает о нем и Орлов в своем показании». Первое соображение не имеет никакого значения, второе — заслуживает большего внимания, но наиболее важным представляется то обстоятельство (не отмеченное Семевским), что в 1815 г. Орлов был еще в Париже. По мнению Семевского, сообщение Волконского основано на недоразумении: или он спутал письмо Орлова с аналогичной попыткой, предпринятой в 1820 г. М. С. Воронцовым, И. В. Васильчиковым и бр. Тургеневыми, или же смешал Орлова с П. Д. Киселевым, который в 1816 г. представил государю «записку» «О постепенном уничтожении рабства в России»[88]. Но мемуары Волконского очень точны, и смешать Орлова с Киселевым он, конечно, не мог; наконец, он был одним из самых близких друзей Орлова, весьма осведомленным о его деятельности. Он мог ошибиться в деталях, но трудно представить, чтобы он мог допустить такую ошибку, какую приписывает ему Семевский. Не идет ли речь и в данном случае о «записке» 1817 г., о которой мы упоминали выше. Ошибка Волконского несколько раскрывает и содержание «записки» 1817 г. Очевидно, в числе аргументов Орлова были указания на внутреннее неустройство России и на забвение ее очередных и основных нужд, в первую очередь — отмены крепостного права.

Сфера распространения таких «записок» была различна. Одни приобретали широкую известность и популярность, другие — оставались в уз-

ком и более или менее замкнутом кругу единомышленников. Таков был адрес императору, составленный в 1820 г. Якушкиным; адрес этот должны были подписать все члены Союза Благоденствия. Якушкин вспоминал: «В этом адресе излагались все бедствия России, для прекращения которых мы предлагали императору созвать Земскую думу по примеру своих предков».

Вместе с Якушкиным адрес подписал и Фонвизин. П. Х. Граббе, к которому они обратились за подпись, указал на утопичность и опасность их замысла. Он «ясно доказал, что этим поступком за один раз уничтожалось Тайное общество и что это все вело нас прямо в крепость».



О
ГОСУДАРСТВЕННОМЪ
КРЕДИТѢ.
Сочиненіе
МОСКВА.
1833.

КНИГА М. Ф. ОРЛОВА «О ГОСУДАРСТВЕННОМ КРЕДИТЕ» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ПУШКИНУ, 1833 г.

«Милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину от сочинителя М. Орлова в знак дружбы и уважения»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

После этого Якушкин уничтожил все написанное [89]. О содержании этого «адреса» известно из показаний самого Якушкина: в нем было изложено «все зло», которое заметил в государстве автор. Но показание расходится с «Записками» Якушкина в изложении судьбы этого документа. По «Запискам» адрес был уничтожен сразу же после совместной поездки Якушкина и Фонвизина в Дорогобуж к Граббе. По показанию Якушкина, он привез адрес в Москву, где тот подвергся обсуждению (ВД, III, 43). Надо полагать, что эта версия более правильна. Если бы адрес был, действительно, известен только двум-трем лицам, зачем нужно было бы Якушкину рассказывать о нем на следствии. Из контекста же показания следует, что проект Якушкина обсуждался на Московском совещании 1821 г.

В 1818 г. В. И. Штейнгель подал А. Н. Мордвинову «записку»— «Рассуждение об упадке торговли, финансов и публичного кредита в России». Мордвинову «записка» понравилась, и он переслал ее министру финансов, но последний не придал ей никакого значения [90]. Рукопись же

была очень распространена, и ею широко пользовались декабристы в агитационно-пропагандистских целях. Один экземпляр ее находился у Пестеля, о чем было упомянуто в доносе Майбороды (ВД, IV, 11); ее распространял Рылеев [91], ее же цитировал в одной из своих речей М. П. Бестужев-Рюмин; в своем показании он назвал «записку» «известной речью» (ВД, IX, 117), засвидетельствовав тем самым большую популярность ее не только в кругу декабристов, но и в широких общественных кругах.

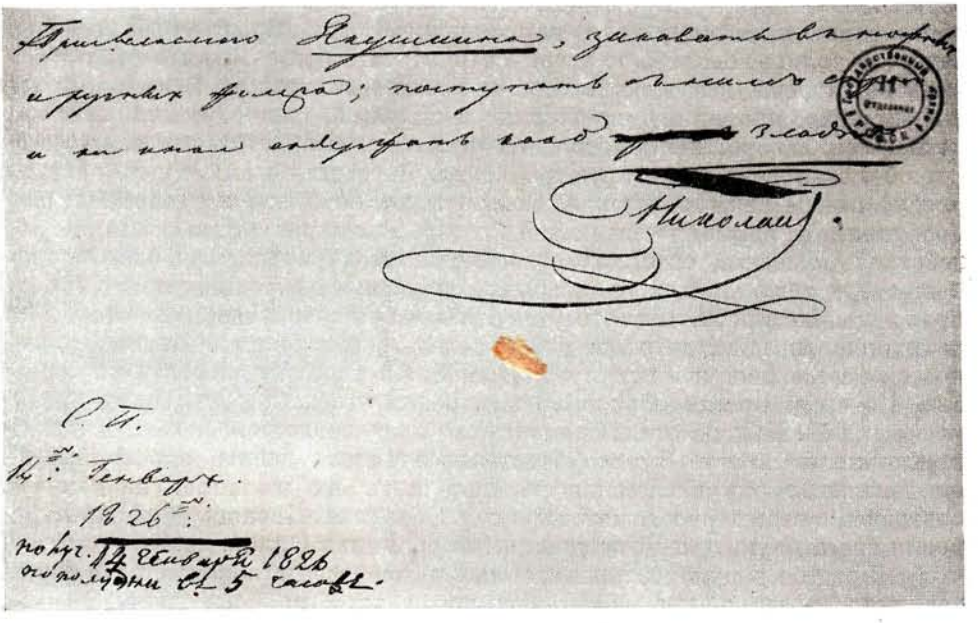
В ЦГИА хранится черновик «большой записки» Ф. П. Шаховского в форме письма Александру I (1822 или 1823). По изложению Т. Г. Снытко, Шаховской писал в ней о тяжелом положении крестьян, «обремененных налогами, повинностями, монополиями» и т. д., о необходимости отмены рабства и замены подушной подати подоходным налогом [92]. Неясно, является ли этот черновой текст лишь незавершенным замыслом или же эта «записка» была, действительно, составлена Шаховским и передана царю.

К этой же группе документов следует отнести и «записки», подававшиеся отдельными деятелями тайных обществ в порядке служебном: «записки» К. Ф. Рылеева, Г. С. Батенькова, В. И. Штейнгеля, Н. И. Тургенева, К. П. Торсона, П. И. Пестеля. Такова, например, «записка» Батенькова «Мемуар» (или «Устав») о земских повинностях, поданный им В. П. Кочубею.

О содержании этого «Мемуара» можно судить по «записке» Батенькова, составленной после ареста, в которой он подробно излагал свои соображения о крестьянских повинностях [93]. Во время похода 1813—1814 гг. Рылеев составил несколько «записок» о состоянии тех областей Франции, Пруссии, Литвы, через которые проходили русские войска. Эти «записки» имели, видимо, «сравнительный характер», то есть в них сопоставлялось положение населения этих районов с положением русского крестьянства. По свидетельству сослуживца Рылеева, впоследствии генерал-майора, Косовского, из воспоминаний которого лишь [illegible]овые стало известно о данных «записках», они имели большое значение для формирования политического мировоззрения Рылеева (см. стр. 242 настоящего тома). Торсон подавал «записку» «касательно улучшения флота» [94]; она была представлена в морской штаб. Большое количество таких «записок» и проектов составлено и подано Н. И. Тургеневым: «Торговое уложение», «Вексельный устав», «Об уголовном судопроизводстве», «Положение о городской думе», «О гербовом проекте», «Рассуждение о русском судопроизводстве» (последнее предназначалось специально для М. М. Сперанского) и мн. др. Несмотря на свой внешне официальный и даже ведомственный характер, эти «записки» и проекты должны быть частично включены в состав декабристской литературы как образцы декабристской критики существующего порядка, а иногда и как попытки воздействия на мероприятия правительства. По поводу своей «записки» о гербовом проекте Тургенев писал в «Дневнике»: «Князь Головин говорил мне, что в журнале есть колкости. А мне кажется, тут есть кое-что важнее и больнее колкостей. В нем доказывается, кроме того, что министр финансов и глуп и охотник до власти, что система нашего управления разорительна и пагубна для государства» и т. д. [95]

Известны «записки» Пестеля о разных вопросах, касающихся военного и гражданского устройства («Записка о штабах», «Записка о составе войск», «Записка о маневрах», «Краткое рассуждение о составе войск», «Записка о государственном правлении» и др.); они не опубликованы, но их рукописи сохранились (в ЦГИА) и неоднократно привлекались исследователями декабристского движения, в частности — биографами Пестеля. Известны также его «записки» о греческих тайных обществах [96].

А. К. Бороздиным и М. В. Довнар-Запольским опубликован ряд «записок», поданных декабристами Николаю I во время следствия и суда. На основании этих «записок» составил впоследствии свой знаменитый «Свод» А. Д. Боровков [97]. Однако не все «записки» вошли в это издание и не все сохранились,— в частности, Боровковым не использована «Записка о состоянии флота», составленная Торсоном. Торсон и позже, в сибирских казематах, писал и направлял правительству свои проекты реформы флота; он даже надеялся заслужить ими облегчение не только своей участи, но и своих ближайших товарищей [98]. Андрей Муравьев сообщал



ЗАПИСКА НИКОЛАЯ I НА ИМЯ КОМЕНДАНТА ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ СУКИНА С РАСПОРЯЖЕНИЕМ «ЗАКОВАТЬ» И. Д. ЯКУШКИНА «В НОЖНЫЕ И РУЧНЫЕ ЖЕЛЕЗА; ПОСТУПАТЬ С НИМ СТРОГО И НЕ ИНАЧЕ СОДЕРЖАТЬ КАК ЗЛОДЕЯ»

Внизу помета рукой Сукина: «получ. 14 генваря 1826 по полудни в 5 часов»

Центральный исторический архив, Москва

о записках А. Н. Муравьева относительно Сибири [99],— вероятно, они имели служебное назначение.

К формам легального воздействия на общественное мнение относится и известная попытка М. Ф. Орлова и Н. И. Тургенева (1817) реформировать «Арзамас», поставив перед ним более широкие общественные задачи. Этот эпизод неоднократно привлекал внимание историков литературы; ему посвящен ряд исследовательских очерков и этюдов; тем не менее очень многие вопросы, связанные с историей этой попытки, остаются недостаточно раскрытыми и неразъясненными. Более того, вследствие некоторых поспешных и произвольных интерпретаций весь этот историко-литературный эпизод изображается — в некоторых его сторонах — в искаженном виде. Основным источником служили воспоминания Н. И. Тургенева и Ф. Ф. Вигеля.

«В конце моего пребывания в С.-Петербурге,— писал Тургенев,— мой тогдашний друг, генерал Михаил Орлов, вступил в это литературное общество. Но вместо того, чтобы, согласно установленному обычаю, произнести в шутовском стиле эпитафию какому-нибудь из находящихся

в живых академиков, он выступил с серьезной речью, в которой указывал Обществу, как мало вяжется с достоинством разумных людей занятие пустяками и литературными спорами, когда положение страны открывало такое широкое поприще для приложения ума всякого человека, преданного общему благу. Он заклинал своих новых собратьев бросить свои детские забавы и направить свое внимание на благородные и серьезные предметы. Эта речь произвела впечатление; все почувствовали справедливость упреков и советов вновь вступавшего члена»[100].

Дополнительные подробности находятся в рассказе Вигеля: «Показалось Орлову, что свободная стихия достаточно наполняет „Арзамас", чтобы сделаться в нем преобладающею. Он задумал приступить к его преобразованию и дать ему новое направление. В один прекрасный весенний вечер собрались мы на даче у гр. Уварова; заседание открыто было в павильоне Штейна, как в месте особенно вдохновительном. В приготовленной им речи, правильно по-русски написанной, Орлов, осыпав всех нас похвалами, с горестию заметил, что превосходные дарования наши остаются без всякого полезного употребления. Дабы дать занятие уму каждого, предложил он завести журнал, коего статьи новостью и смелостью идей пробудили бы внимание читающей России. Расширив таким образом круг действия Общества, он находил необходимым и умножить число его членов; сверх того, предлагал каждому отсутствующему члену предоставить право в месте пребывания его учреждать небольшие общества, которые бы находились в зависимости и под руководством главного. Изумив сочленов своих неожиданностию предложений, он надеялся вырвать их согласие. Не знаю, каким образом о намерении его заблаговременно предупрежденный, Блудов отвечал ему также приготовленной речью. Учтивее, пристойнее и вместе с тем убедительнее нельзя делать опровержений; он доказывал ему невозможность исполнить его желание, не изменив совершенно весь первобытный характер Общества. Касаясь до распространения света наук, о коем неоднократно упоминал Орлов, заметил он ему, что сей светоч в руках злонамеренных людей всегда обращается в факел зажигательства; и сие сравнение после того не раз случалось мне слышать от других». «Когда вспомнишь это прение,— заканчивал Вигель,— кажется, что будущий жребий сих людей был написан в их речах» [101].

Оба эти свидетельства вполне правдивы и, вместе с тем, не совсем точны. Речь Орлова дошла до нас: она опубликована М. С. Боровковой-Майковой в изданных ею арзамасских протоколах, однако речь эта лишь частично соответствует той характеристике, которую находим мы у Тургенева и Вигеля. Она выдержана в общем шутливо-арзамасском стиле и по обычаю арзамасцев посвящена литературным противникам. Но Орлов придал обычной полемике более глубокий характер. Он посвятил речь не одному какому-либо писателю реакционного лагеря, но сделал общий обзор, насытив его политическими намеками. Упреков же, о которых упоминают Тургенев и Вигель, в ней не было; не было и ссылок на положение страны, призывающее членов литературного общества к осуществлению иных задач,— и только в конце Орлов обратился с призывом наметить более широкие цели: «Итак, обращаюсь я с радостью к скромному молчанию, ожидая того счастливого дня, когда общим вашим согласием определите нашему Обществу цель, достойнейшую ваших дарований и теплой любви к стране русской. Тогда-то Рейн, прямо обновленный, потечет в свободных берегах Арзамаса, гордясь нести из края в край, из рода в род, не легкие увеселительные лодки, но суда, наполненные обильными плодами мудрости вашей и изделиями нравственной искусственности. Тогда-то просияет между ними луч отечественности и начнется для „Арзамаса" тот славный век, где истинное свободомыслие могущественной

рукой закинет туманный кризис предрассудков за пределы Европы» [102]. Каких-либо конкретных предложений (издание журнала, организация филиалов), о чем говорит Вигель, в этой речи не содержится. Отвечал Орлову не только Блудов, но и Северин («дипломатический щенок», как его называл позже Н. И. Тургенев). Ответ был сдержан, в нем не было резкой отповеди; наоборот, Северин призывал Орлова и далее быть немилосердным к их общим литературным врагам. Интерпретация этой речи, данная Б. С. Мейлахом, не точна и основана на неоправданной модернизации некоторых выражений в речи Северина (в частности слова «топить») [103].

Но речь Орлова, действительно, вызвала к жизни ряд проектов, связанных с деятельностью «Арзамаса», в том числе и проект об издании журнала. Мысль о журнале давно уже занимала арзамасцев,— выступление Орлова дало новый стимул и повело к выработке конкретных планов и к принятию определенных решений.

Учитывая эти противоречия, Боровкова-Майкова вообще опровергает рассказ Вигеля, считая его односторонним и навеянным сопоставлением позднейших судеб Орлова и Блудова. Особенное значение придает она тому обстоятельству, что Вигель, вопреки его рассказу, сам не присутствовал при избрании Орлова (и, стало быть, его речи не слышал), да и самое избрание состоялось не в квартире Уварова, как пишет Вигель, а у Блудова. Однако трудно допустить, что рассказ Вигеля выдуман. При чтении мемуаров Вигеля необходимо учитывать его позиции злобного и раздраженного реакционера и потому с большим недоверием относиться к его характеристикам и интерпретациям, но совсем не считаться с его показаниями, как это делает Боровкова-Майкова, едва ли возможно. К тому же в его рассказе имеются такие подробности (например, предложение об организации филиалов Общества), которые он едва ли мог выдумать. И как раз та ошибка, которую допустил Вигель, упоминая о месте избрания Орлова, дает надежный ключ ко всему его рассказу в целом. Вигель отсутствовал на том собрании у Блудова, на котором произнес свою вступительную речь Орлов, но он был на следующем, которое также происходило весной и было действительно на квартире Уварова. Это заседание было посвящено всецело вопросу о журнале. Вот на этом-то заседании и мог слышать Вигель те предложения Орлова, о которых он рассказал в «Записках». Таким образом устанавливается, что Орлов произнес в «Арзамасе» не одну, а *две речи*, из которых дошла до нас только одна. Вигель же в своем позднем рассказе объединил и то, что он слышал сам, и то, что ему сообщили о первой речи Орлова,— впрочем, последнюю он мог и прочесть, так как она была передана Орловым для включения в арзамасские протоколы.

Оправдывается и сообщение Вигеля о речи Блудова, отвергнутое Боровковой-Майковой. Боровкова-Майкова утверждает, что ответная речь Блудова не только не была возражением Орлову, а наоборот, развивала высказанные последним мысли. Но исследовательница спутала порядок протоколов и приписала Блудову речь Александра Тургенева. Из стихотворного же отчета Жуковского явствует, что Блудов вел протокол состоявшегося у него на квартире заседания («Одна лишь Кассандра тихо и ясно, как пень благородный, с своим протоколом, ушки сжавши и рыльце подняв к милосердому небу, в креслах сидела») и что он же выступил с обширной речью при обсуждении программы журнала. Пространная речь Блудова подробно изложена в стихотворном отчете Жуковского, но в нем сглажены все острые углы. Внешне речь Блудова представляется дальнейшим развитием мыслей Орлова и поддержавшего его предложение А. И. Тургенева, но даже и отчет Жуковского сохранил ряд осторожных оговорок Блудова. Напоминание же в конце речи о «славном царском троне» имело определенный смысл и значение. Рассказ

Вигеля является поэтому ценным дополнением к стихотворному отчету Жуковского и восполняет недосказанное им. Вигель только ошибочно включил в речь Блудова слова о факеле просвещения, обращающемся в руках злонамеренных людей в факел зажигательства,— это выражение находилось в речи А. И. Тургенева («Сонное мнение члена Эоловой арфы») и имело совсем не тот смысл, какой придал ему Вигель. Александр Тургенев, имея в виду предстоящие возражения, спешил отвести их указанием, что «в руках благоразумия никогда факел света не превратится в факел зажигателя».

Очень запутан вопрос о «программах журнала». В протоколе 22-го заседания (август 1817 г.) записано: «Читаны три программы — две членом Рейном ⟨М. Ф. Орловым⟩, одна — членом Варвиком ⟨Н. И. Тургеневым⟩, по поводу коей произошел страшный арзамасский язычный бой, и совершилось вторичное по сотворении мира смешение языков»[104]. Некоторые исследователи путают «программы» Орлова и Н. И. Тургенева с программами журнала, полагая, что горячие споры возникли вокруг вопроса о характере и направлении журнала. Но как раз в данном вопросе не было никаких разногласий: Тургенев программы журнала не представлял; она была выработана Орловым и Вяземским и сразу же принята[105]. Под словом «программа» в протоколах и письмах арзамасцев понимаются и программа (план) журнала и программа статей для журнала: план, проект или первоначальный эскиз. В августовском протоколе речь идет о последних, то есть о программах статей или, как пишет обычно Н. И. Тургенев, о литературных программах. Ряд статей был предложен Орловым: 1) «Политика вообще и отрывки в прозе», 2) «Распространение идей свободы, приличных России в ее теперешнем положении, согласных со степенью ее образования, не разрушающих настоящего, но могущих приготовить лучшее будущее», 3) «Образцы общественного мнения»[106]. Наконец, перед самым отъездом Орлов предложил четвертую тему «О представительном правлении», в которой хотел «показать, что представительная система заключает в себе все выгоды других форм правления, существовавших в древних и новых временах, не имея их недостатков и выгод». Тургенев должен был написать статью «О заслугах Англии и Франции перед Европою». Из протоколов видно, что уже в августе Орлов приготовил и читал две программы, но какие именно, не установлено. В конце года он прочитал и третью программу: статьи о представительном правлении. Обсуждение протекало в очень бурных формах. Протоколы последних заседаний «Арзамаса» не сохранились, но об этом обсуждении сообщил в письме к служившему тогда в Вене С. И. Тургеневу Жуковский. Письмо это также не сохранилось; в ответном письме С. И. Тургенев писал: «Кажется, Рейн со своей статьей о представительном правлении слишком быстро потек. Вспомнить бы ему о Шафгаузенском водопаде»[107]. Это обсуждение вызвало горькие разочарования и у самого Орлова и у братьев Тургеневых.

Программу своей статьи Н. И. Тургенев изложил в письме к брату Сергею и набросал в «Дневнике». Она является сравнительной характеристикой английского и французского политического строя[108]. Основную мысль он так формулирует в этом письме (ноябрь 1817 г.): «Англия заставила Европу любить свободу, Франция — ее ненавидеть»; «...надобно также упомянуть, что Франция своею революцией прочла так сказать для Европы курс науки управления государством». В этой же статье он желал опровергнуть «приверженцев континентальной системы» и показать, что «английская промышленность выгоднее для Европы, чем французская». Над этой статьей Н. И. Тургенев работал долго и упорно и затем послал ее на просмотр брату Сергею. Последний, однако, не разделял преувеличенной оценки английской политической системы, очень

резко критиковал современное английское правительство и утверждал, что Англия вообще «близка к падению» [109].

Статья Тургенева осталась незаконченной и не сохранилась, не сохранилась также и ее программа, вызвавшая «арзамасский бой». Сам Тургенев о «бое» из-за его программы не упоминает ни в «Дневнике», ни в письме к брату; сущность и характер сделанных ему резких возражений неизвестны; лишь по одному намеку в ответном письме Николая

А. И. ТУРГЕНЕВ
Рисунок П. Ф. Соколова, 1816 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Тургенева к Сергею можно думать, что большие опасения членов «Арзамаса» вызвала самая тема и возможность ее появления в журнале.

Таким образом, попытка использовать «Арзамас» в целях воспитательно-политического воздействия на общество оказалась неудачной. Н. И. Тургенев сделал после этого новую попытку создания журнала — «Архив политических наук и российской словесности». Он организовал «Журнальное общество» («Общество XIX века и 1819 года»), которое фактически должно было явиться филиалом Союза Благоденствия [110]. По сообщению Грибовского, журнал должен был издаваться на средства Тайного общества [111].

И эта попытка оказалась неудачной: «Журнальное общество» имело лишь несколько заседаний (на одно из них «забрел» случайно Пушкин), было представлено несколько проектов статей, сурово осужденных

Н. И. Тургеневым. Его одобрение заслужили лишь статьи исторические («исторические пиесы») Никиты Муравьева [112].

В 1820 г. Орлов составил проект создания «Общества переводчиков для перевода полезных иностранных книг на русский язык». «В этом проекте, — сообщал Н. И. Тургенев брату Сергею, — как и во всем, что пишет Орлов, много умного» [113]. Как видно из последующих писем Н. И. Тургенева, он предпринимал какие-то шаги для реализации этой идеи Орлова, но из его хлопот ничего не вышло.

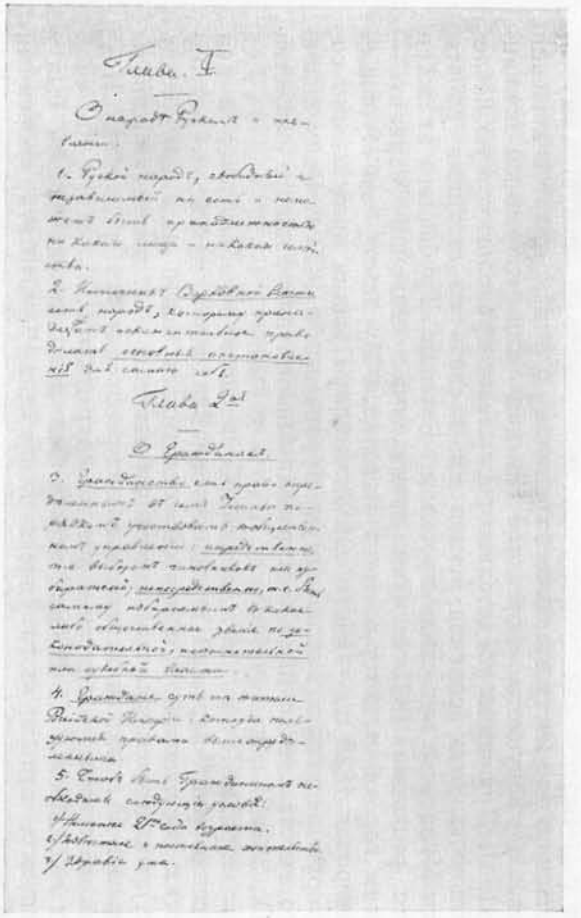
Столь же неудачна была и попытка Ф. П. Шаховского и М. А. Фонвизина использовать существовавшее в Москве литературное общество («Общество громкого смеха»), руководимое М. А. Дмитриевым (1819). До недавнего времени об этом Обществе было известно лишь по краткому упоминанию в мемуарах Фонвизина и в его же показании Следственной комиссии (ВД, III, 80). О том же сообщал на следствии и В. П. Зубков [114]. Глухие и нечеткие упоминания об этом Обществе ныне разъяснены исследованием А. Г. Грум-Гржимайло [115]. Общество не имело никаких политических целей и по своей структуре, задачам и характеру напоминало скорее «Арзамас». Шаховской и Фонвизин сделали попытку, подобную попытке Орлова в «Арзамасе», придать Обществу более серьезное направление, поставив перед ним ряд задач общественного характера. Для этой цели Шаховским был разработан и предложен Обществу Устав, который был принят. Однако побудить членов Общества к активной деятельности в новом направлении Шаховскому и Фонвизину не удалось. Вскоре же после принятия нового Устава «Общество громкого смеха» распалось и Устав был уничтожен.

IV. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ ДЕКАБРИСТОВ

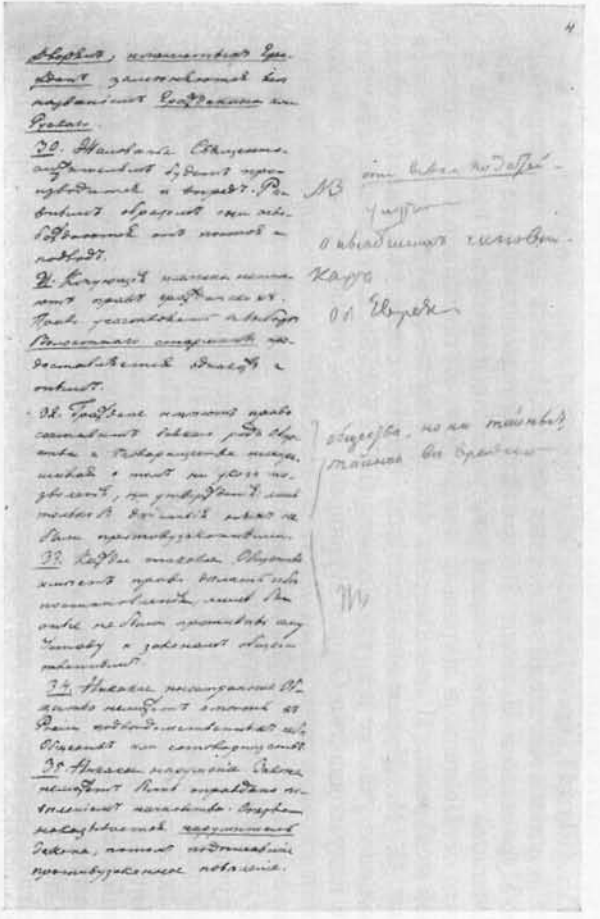
С образованием Северного и Южного обществ политическая мысль декабристов вступает в новую фазу. Напряженная работа в области строительства и укрепления революционной организации идет неразрывно в тесном и слиянном сочетании с выработкой программы политического переустройства страны. Такие программы вырабатывались и обсуждались и ранее, но только теперь они были поставлены в тесную связь с вопросами тактики и повседневной деятельности обеих организаций. Наиболее отчетливо проявилось это в два последние года, когда уже было приступлено к конкретной выработке форм и сроков революционного выступления. Вопрос об объединении Северного и Южного обществ решался не в зависимости от выработки общего Устава, но от выработки общей политической платформы. Конкретно это выражалось в отношении к двум центральным конституционным проектам: Никиты Муравьева и Пестеля. Эту зависимость и взаимосвязь очень лаконично и выразительно определил Пестель, заявив, что «с подтверждением прежней республиканской цели» Южное общество приняло и «решительный революционный способ действия» (ВД, IV, 193).

Ряд проектов был выработан в Союзе Спасения. По свидетельству Пестеля, таких проектов было очень много: «Многие ⟨конституции⟩ были предлагаемы от разных лиц»; в числе их он называл М. Н. Новикова, Никиту Муравьева, Сергея Муравьева-Апостола и самого себя. «Я с Сергеем Муравьевым писал одну, — показывает он. — Но все, — добавляет Пестель, — не получили общего согласия и одобрения» (ВД, IV, 81). Временем наибольшего оживления в создании и обсуждении конституций Пестель называет 1817—1819 гг.

Эти ранние опыты до нас не дошли; более подробные сведения сохранились лишь о конституционном проекте М. Н. Новикова (племянника



СПИСОК РУКОЙ РЫЛЕЕВА ПРОЕКТА КОНСТИТУЦИИ РОССИИ, СОСТАВЛЕННОГО Н. М. МУРАВЬЕВЫМ, 1823—1824 г.



На полях рукописи многочисленные пометы чернилами и карандашом, принадлежащие В. И. Штейнгелю, И. И. Пущину и С. Н. Кашкину

Листы 1 и 4

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

знаменитого деятеля XVIII в., Н. И. Новикова). По характеристике Пестеля, этот проект имел республиканский характер («Первую мысль о республиканском правлении подал проект конституции Новикова»). Верховная власть, по проекту Новикова, «находилась в особом сословии, коего председатель имел два голоса, а прочие члены только по одному» (ВД, IV, 101, 113; ср. 91).

Нет никаких сведений о первых опытах конституционных проектов Сергея Муравьева и Пестеля. Поскольку Пестель подчеркивает, что проект Новикова был единственным республиканским проектом, можно думать, что и Пестель, и Муравьев тогда еще отстаивали идеи конституционной монархии. Позже Пестель назвал в числе сотрудников «Русской правды» С. И. Муравьева-Апостола, однако последний категорически отрицал свое участие в труде Пестеля (ВД, IV, 276). Быть может, Пестель имел в виду соучастие Сергея Муравьева в этом раннем проекте; в новой редакции своей конституции Пестель, несомненно, воспользовался некоторыми мыслями и формулировками своего соавтора по первому проекту, почему он и счел возможным назвать его.

В лучшем положении находится историк при изучении «Конституции» Никиты Муравьева и «Русской правды» Пестеля, но и эти памятники дошли до нас, к сожалению, не в полном виде. Подлинный текст «Конституции» Никиты Муравьева был сожжен в декабрьские дни 1825 г., но Следственной комиссии было представлено подробное изложение ее, сделанное самим автором и озаглавленное им «Конституционный устав». Это «изложение» дошло и до нас; кроме того, сохранилось еще два списка: один — в бумагах Трубецкого, захваченный при аресте последнего; другой — в бумагах Пущина, переданный им вечером 14 декабря Вяземскому и сохраненный последним до возвращения Пущина из Сибири. Этот экземпляр был написан рукой Рылеева и известен в литературе под именем рылеевского, или пущинского, списка; иначе он именуется «музейным списком» (по месту нынешнего хранения), в отличие от автоизложения Муравьева, именуемого «тюремным списком» или «тюремным вариантом». Н. М. Дружинин убедительно раскрывает хронологическую последовательность этих списков, ставя их в связь со стадиями работы Никиты Муравьева над своим проектом. Вариант Трубецкого является списком редакции 1821 г. (так называемый «минский вариант» — по имени города, в котором тогда находился Муравьев; сам Муравьев его датировал 1822 г. — ВД, I, 302). Экземпляр Пущина представляет собою вторую редакцию, составленную Муравьевым в 1823 г. Одну копию с этого текста сделал М. И. Муравьев-Апостол для Южного общества (ВД, IX, 257)[116].

Этот вариант очень интенсивно обсуждался декабристами; в нем был сделан ряд «перемен» и «поправок» Верховной думой; в результате этих обсуждений и поправок составилась новая редакция (осень 1825 г.), явившаяся уже окончательным текстом «Конституции» Никиты Муравьева. «Тюремный вариант» и воспроизводит эту редакцию. Подлинный же ее текст и списки с нее не сохранились. Известно, что один из них находился у С. Н. Кашкина и был им сожжен; второй был у Оболенского, судьба этого списка неизвестна[117]. Считать «тюремный вариант» вполне идентичным утраченному тексту, конечно, нельзя. Как правильно замечает Н. М. Дружинин, «перед нами позднейшее воспроизведение автора, сделанное в обстановке тюремного заключения и в условиях политического следствия»; в этой редакции имеются и «бессознательные пропуски» и «намеренные умолчания». В первой же редакции «Конституции» Муравьева, то есть в той, которая представлена списком Трубецкого, нередко наблюдается «некоторая несогласованность содержания» и «наличие переделок». Дружинин объясняет это тем, что данный текст

«вобрал в себя более раннюю переработанную редакцию» [118]. Этой ранней редакцией является, несомненно, тот проект (1818—1819), о котором упоминал Пестель и который также не сохранился. Таким образом устанавливается утрата по меньшей мере двух вариантов «Конституции» Никиты Муравьева: самого раннего и самого позднего [119].

Не в полном виде дошла до нас и «Русская правда» Пестеля. Найдены только первые пять глав. Как было сказано, судьба пяти последних глав (в том числе и главы о верховной власти) точно не выяснена. Гипотеза Н. П. Павлова-Сильванского, что они были уничтожены как наиболее опасные, едва ли может быть принята. В глазах правительства вся «Русская правда» была опасна, и Пестель это прекрасно понимал; к тому же он был озабочен *спасением* «Русской правды» и первоначально не хотел ее уничтожения. В. Л. Давыдов категорически уверял, что «Русская правда» еще не была закончена и должна была иметь вторую часть. Отдельные же главы ее существовали в виде первичных редакций и были широко известны членам Тайного общества. Кроме того, он же показал, что имел на одном листке «сочинение Пестеля» об учреждении десяти министерств[120]. Этот листок он сжег.

Заниматься догадками о причинах отсутствия глав второй части — бесполезно; важно установить, что основные положения, составляющие содержание этих глав, были уже достаточно разработаны и имели законченные формулировки, — иначе не мог бы дать о них столь подробные показания М. П. Бестужев-Рюмин, с большой полнотой раскрывший содержание не дошедшей до нас части «Русской правды» (ВД, IX, 58 — 60). В ней, по свидетельству Бестужева-Рюмина, были изложены положения об организации исполнительной и законодательной власти, о создании специального органа революционного надзора («Революционный сенат»), обязанностью которого было следить за строгим соблюдением конституции, за деятельностью революционных генерал-прокуроров, за изменением существующего законодательства и судопроизводства, за законодательным собранием и собранием депутатов, за организацией и системой революционных министерств, за правами и обязанностями каждого министерства, за избирательной системой и формой местного устройства (ВД, IX, 12). Некоторые из сообщенных Бестужевым-Рюминым положений известны и из других источников, большинство же устанавливается впервые лишь на основании его показаний.

Наряду с «Русской правдой» (которая являлась не только конституционным проектом, но и «наказом» будущему революционному правительству) существовало еще краткое изложение ее под заглавием «Конституция. Государственный завет». Подробное ее содержание приведено в показаниях П. Борисова и Спиридова (ВД, V, 32, 125); самый же текст (в копии Борисова) сохранился в деле Шимкова [121]. По показаниям Волконского, Давыдова и Бестужева-Рюмина, это изложение составлено Пестелем. Сам Пестель дал по этому поводу несколько уклончивое показание: «Я не знаю, какой Государственный завет был дан от Бестужева-Рюмина Славянскому обществу, но точно помню, что под моею диктовкою писал Бестужев извлечение краткое из Русской правды» (ВД, IV, 188). Смысл этой оговорки неясен: хотел ли Пестель лишний раз подчеркнуть свою непричастность ко всему, что касалось Общества Соединенных Славян, или же считал необходимым указать на возможность каких-либо не принадлежащих ему поправок и дополнений. Следственная комиссия полагала, что извлечение сделано самим Пестелем, но заглавие принадлежит Бестужеву-Рюмину (ВД, IX, 169).

Комментатор копии Борисова считал ее не вполне исправной. Л. А. Медведская-Басова полагает, что сохранилась лишь первая часть «Государственного завета», вторая же часть утрачена. Ее соображения нельзя

считать вполне убедительными, так как они исходят из противопоставления «Русской правды» и «Государственного завета»[122],— но некоторое подтверждение мысль о неполноте имеющегося в нашем распоряжении списка находит в показании Бестужева-Рюмина о составе не дошедших глав «Русской правды». Если, действительно, следует видеть в «Государственном завете» некую квинтэссенцию «Русской правды», то не вполне понятно отсутствие в дошедшем до нас тексте некоторых весьма существенных и важных пунктов, которые имеются в показании Бестужева-Рюмина. Поэтому вопрос о подлинном тексте «Государственного завета» следует считать еще открытым. Из рапорта генерала Гейсмара известно, что Сергей Муравьев «выронил из кармана на поле сражения» «составленную на русском и французском языках конституцию» (ВД, VI, 70). Очевидно, это был другой экземпляр «Государственного завета» — быть может, сделанный Бестужевым-Рюминым французский подлинник вместе с переводом. Однако в следственном деле С. И. Муравьева-Апостола этого списка нет. Не находился ли он среди тех бумаг, которые были посланы в. к. Константину и позже, по совету последнего, уничтожены?[123]

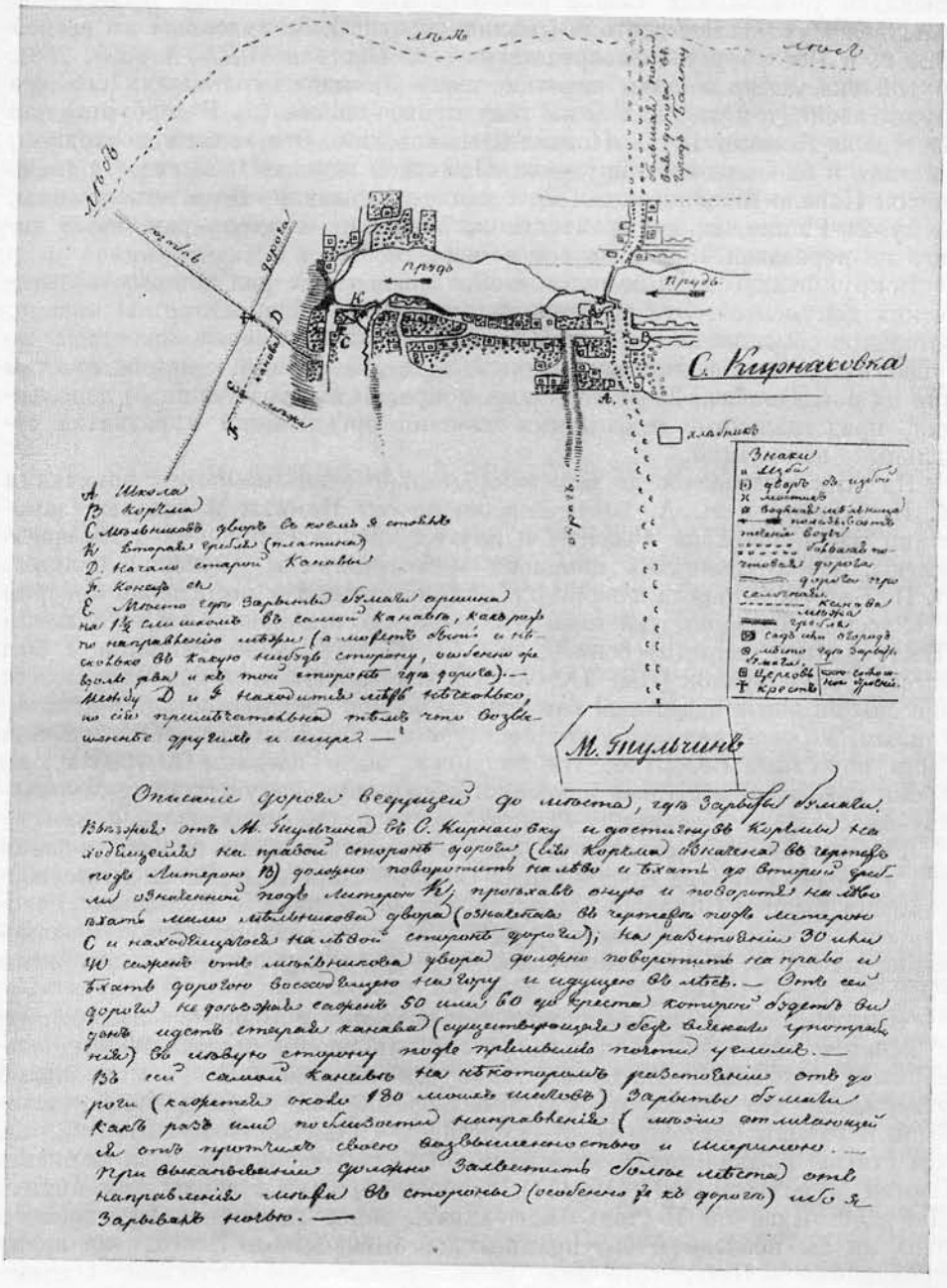
Существовали и другие краткие редакции и варианты «Русской правды». Это прежде всего список 1820 г., врученный Пестелем Никите Муравьеву во время их встречи на юге. Сущность его известна из показания, сделанного Никитой Муравьевым (ВД, I, 302). По разъяснению Муравьева, Пестель мыслил форму правления как своеобразное сочетание императорской власти и народного веча. Но, как справедливо замечает Дружинин, «в этом раннем, еще неотделанном, варианте „Русской правды“ уже были заложены основные начала радикальной демократической программы»; в частности — в ней уже было декларировано полное освобождение крестьян с передачей в общественное пользование половины земель владельцев, но при условии сохранения прежнего денежного оброка[124]. Поскольку нет уверенности, что передача Муравьева абсолютно полна и точна, приходится считать эту утрату особенно ощутимой, так как наличие этой редакции дало бы возможность более отчетливо уяснить эволюцию политических взглядов Пестеля.

Ранним вариантом «Русской правды» является текст 1823 г., о котором сообщил в своем показании Волконский; он именует его «памятной запиской» (в дальнейшем мы будем называть этот текст «памятной запиской 1823 года»).

Это — доклад, сделанный Пестелем на совещании членов Южного общества во время киевских контрактов 1823 г. По характеристике Волконского, эта «записка» заключала предположения Пестеля о плане восстания и первых мероприятий Революционного правительства[125]; одновременно в ней были формулированы и основные черты будущего государственного устройства России. «Памятная записка 1823 года» наглядно свидетельствует, что в это время руководителями движения была уже ясно осознана неразрывная связь конституционных проектов с планами восстания и с организационной структурой Тайного общества.

Третий вариант — «Краткое начертание „Русской правды“» на французском языке (в переводе Сергея Муравьева-Апостола), предназначенное для ознакомления французских политических деятелей (ВД, IV, 163). Этот текст был составлен также в 1823 г., несомненно, уже после того, как программа Пестеля была принята и утверждена на совещании. «Краткое начертание» привез в Петербург Давыдов.

Четвертый вариант — конспективное изложение, включенное Пестелем в его «предлинное» письмо к Никите Муравьеву, посвященное критике основных положений конституционного проекта последнего (ВД, IV, 162).



ПЛАН МЕСТНОСТИ, ГДЕ БЫЛА ЗАРЫТА «РУССКАЯ ПРАВДА», 1826 г.
Чертеж был представлен Следственной комиссии Н. Ф. Заикиным
Центральный исторический архив, Москва

Наконец, известно о существовании еще нескольких списков, находившихся у отдельных членов революционной организации: был список у Матвея Муравьева-Апостола («копия вкратце»), полученный им весной 1824 г. в Петербурге непосредственно от Пестеля (ВД, IX, 255, 268); другой экземпляр «копии вкратце» имел Давыдов, хранивший его «на груди своей» (там же). В том же году привез список (из Петербурга) для Бестужева-Рюмина И. С. Повало-Швейковский. Эти списки восходили, конечно, к одному источнику — к «Памятной записке 1823 года»; однако список Повало-Швейковского имел какие-то отличия. По его показанию, Бестужев-Рюмин, просмотрев список, спросил: «Пестель вам более ничего не передавал? Здесь не все помещено»[126].

Вокруг этих основных текстов образовался еще ряд важных политических документов. Эти документы имели троякий характер: 1) письма, которыми обменялись авторы обоих проектов и которые являлись, по существу, политическим и тактическим комментарием к самим текстам или их извлечениям; 2) разного рода поправки и возражения; 3) дополнения, представленные отдельными членами организаций в развитие отдельных положений.

Из этих документов до нас дошло только очень немногое: замечания К. П. Торсона и Н. А. Бестужева на проект Никиты Муравьева; замечания же и поправки Рылеева и других членов Верховной думы неизвестны. Не сохранились поправки и замечания к «Русской правде». М. П. Бестужев-Рюмин, говоря в своих показаниях о несогласии северян с «Русской правдой», указывал, что в целях соглашения с Пестелем им (Бестужевым-Рюминым) совместно с С. И. Муравьевым-Апостолом был внесен ряд поправок (ВД, IX, 77). В чем заключались эти поправки и внесены ли они в известный нам текст «Русской правды», остается невыясненным, но северянам, как это явствует из слов Бестужева-Рюмина, они были известны. Вероятно, эти поправки были сделаны в 1825 г., во время пребывания в Киеве Трубецкого, благодаря чему и удалось Муравьеву-Апостолу и Бестужеву-Рюмину достигнуть соглашения с ним.

Ряд возражений встретил и «Государственный завет» при обсуждении его в среде Общества Соединенных Славян. Наиболее решительные возражения были у Спиридова (в частности, по вопросу о функциях «Революционного сената»), который изложил их в письменном виде. Эти замечания вместе с другими бумагами были им перед арестом уничтожены (ВД, V, 126 — 127).

Имеющиеся в нашем распоряжении печатные источники не позволяют с должной полнотой и ясностью установить вопрос о дополнениях, сделанных отдельными авторами к «Русской правде». С. Г. Волконский утверждал, что главы «О судопроизводственной и финансовой части» были поручены Пестелем Н. И. Тургеневу[127]; сам же Пестель показывал, что статью о финансах и народном хозяйстве «долженствовал написать Сергей Муравьев» (ВД, IV, 115); это подтверждал в своем показании и Давыдов. Едва ли Пестель мог давать такое поручение Тургеневу и едва ли бы последний его принял, но, быть может, Пестель во время пребывания в Петербурге имел возможность ознакомиться с соответственными сочинениями Тургенева и смог кое-чем воспользоваться для своего труда. Не ясен вопрос об участии в «Русской правде» Юшневского. Сам он утверждал, что принимал участие лишь в литературной отделке некоторых глав.

По прямому поручению Пестеля, писали специальную «записку» о квартирмейстерской части («Мнение о квартирмейстерской части или о части военного соглядатайства и размещений») братья Бобрищевы-Пушкины и Н. Ф. Заикин. Основным автором был П. С. Бобрищев-Пушкин. В своих показаниях он очень преуменьшает значение и размеры

выполненной ими работы. Сначала, — уверяет он, — были написаны лишь две статьи, составившие всего «страниц восемь или девять». В первой статье он изложил «общий предмет действий квартирмейстерской части», а во второй — «начало общей теории рекогносцировок, то есть, что̀ надобно замечать особенно при распознании края и местоположения»; позже он прибавил еще 10—12 страниц. П. С. Бобрищев-Пушкин вынужден был признать и участие в составлении этой «записки» своего брата, Н. С. Бобрищева-Пушкина, и Н. Ф. Заикина, но последнее, по его утверждению, было весьма незначительным. Однако его показание относительно их участия противоречиво. Сначала он заявил, что они «кажется, за это и не принимались», а затем добавил: «впрочем, если и принялись, то были тут совершенно моим оружием, ибо исполняли мою просьбу, произведенную минутным порывом минутного расчета»[128].

Сочинение свое П. С. Бобрищев-Пушкин уничтожил и сохранились случайно лишь два листка. Это поручение Пестеля было включено в перечень пунктов, составляющих «силу вины» последнего (ВД, IV, 223).

V. УСТАВЫ И ПРАВИЛА СЕВЕРНОГО И ЮЖНОГО ОБЩЕСТВ

Одновременно велась работа и по составлению уставов и правил Тайного общества. В Северном обществе было создано четыре *основных* документа: 1) «Правила» Никиты Муравьева, выработанные им в дополнение и изменение Московского устава 1821 года, 2) Проект А. В. Поджио, 3) «Правила» (или иначе — Устав) Николая Тургенева и 4) выработанные на основе последнего «Артикулы Северного общества». Первые три документа относятся к 1823 г., «Артикулы» — вероятно, уже к 1824 г.

Инициатива создания нового Устава шла от Никиты Муравьева. Учитывая неудовлетворенность многих членов революционной группы всеми предыдущими проектами уставных положений как несоответствующими новым формам деятельности Тайного общества, он выработал проект новых дополнений к Уставу, которые и передал А. В. Поджио, предложив ему написать на основе старых правил и его (Н. Муравьева) дополнений новый окончательный текст Устава. Поджио принял предложение, но его проект, обсуждавшийся на квартире Пущина, в присутствии Рылеева, Митькова, Оболенского и некоторых других членов Тайного общества, подвергся резкой критике и был отвергнут. Подробности обсуждения нам неизвестны, но два сохранившихся в показаниях замечания разъясняют до некоторой степени причины недовольства этим проектом. Митьков требовал внесения пункта об обязательной пропаганде идеи освобождения крестьян. Как видно из показаний П. П. Титова, этот пункт позже был внесен в окончательную редакцию Устава. Николай Тургенев заявил, что Устав Поджио очень напоминает Устав Союза Благоденствия. Это можно понять как указание на недостаточную четкость политических формулировок. Предложенный им проект (Поджио называет его: «Новые определения насчет приема новых членов»), который был принят в следующем заседании (на квартире Митькова), уже предусматривал эти требования. Неизменно снижая революционный характер Северного общества, М. В. Довнар-Запольский утверждал, что принятый последним Устав является лишь перифразой «Зеленой книги», что̀ явно неверно. Новый Устав вполне четко формулировал конечную цель (установление республики) и определял поведение членов Общества при объявлении «приказа о начатии революционных действий».

Но лежащее в основе принятого Устава организационное деление членов Общества еще отражало уставные формы прежних организаций.

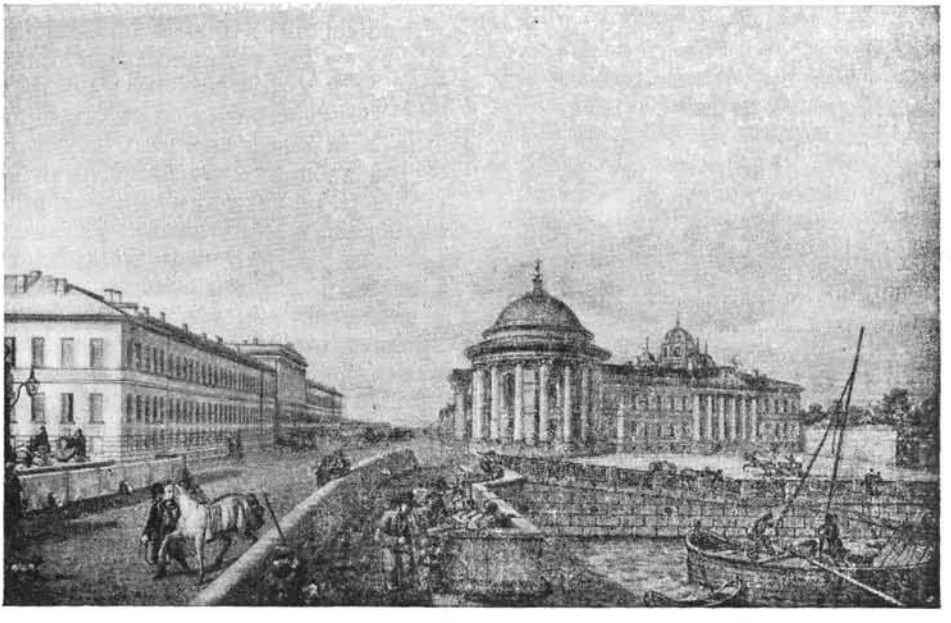
Все члены были разделены на два разряда; Матвей Муравьев-Апостол это разделение очень коротко формулировал в следующих словах: «первый разряд мог принимать членов, а второй — нет» (ВД, IX, 258). В таких же, примерно, выражениях определял установленную градацию и Рылеев (ВД, I, 166). Более подробно и, очевидно, весьма близко к подлинному тексту раскрывает эту сторону Оболенский: «члены Общества были разделены на *убежденные и согласные*, или соединенные». Убежденные принадлежали к составу основателей: они выбирали Верховную думу, принимали новых членов и требовали отчет о действиях Думы и всего Общества. Без согласия всех членов Союза убежденных нельзя было предпринимать никаких действий. Союз же согласных был составлен «единственно для испытания вновь принимаемых членов»; их права были очень ограничены и они знали лишь одного принявшего их члена (ВД, I, 253). Ценные добавления к показанию Оболенского сделал А. А. Бестужев, подробно раскрывший методику работы с членами организации (ВД, I, 439 — 442); из его же слов явствует, что Уставом была предусмотрена в качестве начального момента открытого революционного выступления смерть царя (ВД, I, 433).

Наиболее четкое указание на содержание и сущность программы Устава Северного общества находится в следственном деле П. П. Титова, принятого М. М. Нарышкиным. Нарышкин предъявил Титову при принятии «Артикулы» Общества, которые последний позже и сам предъявлял в аналогичных случаях другим. Титов сообщил и точный текст «Артикулов»: «1) доставить государству конституцию, подобную американским Штатам; 2) добиваться освобождения рабов от крепости; 3) облегчать и улучшать участь крестьян крепостных, сколько возможно; 4) обращаться с подчиненными сколько можно человеколюбивее; 5) с начальниками быть почтительному, не позволяя себе выскочек, также исполнительному по службе, сколько можно; 6) когда будет приказано, идти со своею командою туда, куда будет приказано; 7) жертвовать двадцатою долею годовых доходов; 8) письменного ничего не иметь, сообщаться не иначе как изустно и то в своей Управе; 9) людей без способностей не вербовать, а порождать в них соучастие; 10) женщины могут действовать» [129].

Довнар-Запольский предполагает, что Устав Северного общества был уничтожен задолго до 14 декабря и взамен его были составлены «очень несложные правила», о которых и сообщал в своем показании Титов. Аксенов считает эти «Артикулы» самим Уставом[130]. Оба эти предположения неверны. В «Артикулах» нет никаких указаний на организационную структуру Общества, что составляло сущность выработанного Н. И. Тургеневым «Устава»,—недаром он часто именуется в показаниях и мемуарах как «предложение о разделении членов Общества на два разряда»; об уничтожении же Устава не сообщал никто из декабристов. Кроме того, Устав, построенный на неравенстве составлявших организацию членов, естественно, не мог быть известен членам второй категории; для последних и были составлены те «Артикулы», которые объявлялись неофитам и содержали краткое изложение основных задач Общества и основных правил поведения его членов; в формулировках этих задач уже чувствуется непосредственное влияние рылеевской группы.

Не выяснен и запутан вопрос об Уставе Южного общества. Довнар-Запольский, и в данном случае стремясь снизить революционность декабристских организаций, категорически утверждал, что «письменного Устава не было» [131]. Действительно, Пестель на следствии отрицал его существование. «Наименование в Петербурге и в Тульчине осталось прежнее, но образование Общества получило словесные изменения; письменного же нового статута не было» (ВД, IV, 101). Пестель из каких-то соображений очень преуменьшал количество существовавших письмен-

ных документов. Правила же, определявшие формы приема членов и устанавливавшие их взаимоотношения и иерархию, были известны в кругах Тайного общества как «Правила Пестеля». Так именовали их и в Следственной комиссии. По показанию Трубецкого, Пестель настаивал на принятии этих «Правил» Северным обществом (ВД, I, 15); главнейшую сущность этих «Правил» и он, и Пестель определяли как требование «беспрекословного и слепого повиновения одному избранному директору». Прямой вопрос о «Правилах» был поставлен Бестужеву-Рюмину: «В чем заключались главные черты конституции под названием *Русской правды*,



ВИД ОФИЦЕРСКИХ КАЗАРМ И ВОЕННОГО ГОСПИТАЛЯ В ПЕТЕРБУРГЕ

Здесь, на квартире у Матвея и Сергея Муравьевых-Апостолов в феврале 1816 г. происходило собрание, на котором было положено основание Союза Спасения

Раскрашенная гравюра Тьери, 1800-е гг.

Исторический музей, Москва

написанной Пестелем, и правил Общества» (ВД, IX, 51). Он дал пространный ответ о содержании «Русской правды», но ни одного слова не сказал о «Правилах», как бы забыв об этом пункте. Следственная комиссия почему-то не повторила этого вопроса Бестужеву. Прямое и вполне определенное свидетельство о существовании Устава Южного общества находится в «Записках» Волконского, который ставит этот Устав по его глубокому содержанию в один ряд с «Русской правдой»: «Устав Южного общества и замечательный очерк Пестеля о предложениях его, высказанных им в Уставе под заглавием: *Русская правда*, будут когда-нибудь извлечены из-под архивного гнета и выкажут вполне и в ясном свете это дело и замечательных лиц, бывших в составе оного». Волконский прибавляет к этому, что Устав находился у Ф. Ф. Вадковского, который хранил его вместе со списками членов «в потаенном ящичке в футляре его скрипки»[132]. Из показаний Пестеля и Юшневского о внутреннем образовании Южного общества отчетливо устанавливается наличие определенных организационных форм; о существовании четкой структуры и правил Общества свидетельствовали также В. Л. Давыдов, С. Г. Волконский, А. А. Крюков,

Ф. Ф. Вадковский. Из всех этих показаний выясняется революционный, строго конспиративный, характер «Правил», в некоторых частностях напоминающих Устав Союза Спасения. Юшневский, Волконский, Давыдов единодушно показывали, что Общество делилось на три разряда, или степени, но названия этих разрядов именовали различно: по Юшневскому — «бояре, мужья, братья»; по Давыдову — «бояре, братья, друзья». Волконский не приводит именований разрядов, называя их лишь по степени важности: первый разряд, второй, третий[133]. Пестель также говорит о трехстепенном составе Общества («бояре, мужья, братья»), но, кроме того, упоминает и о существовании категории «друзей». «Друзьями назывались лица, в Союз не принятые, но на которых имелись виды» (ВД, IV, 111). «Боярами» («первый разряд» по Волконскому) назывались члены, образовавшие первоначальный состав Общества (то есть, после ликвидации Союза Благоденствия в 1821 г.) или, как формулировал Давыдов, «принятые при преобразовании Общества». Волконский очень точно определил их роль в организации: «те, которым были известны и цели Общества и принятые способы к достижению». Пестель добавил, что бояре приглашались иногда («для решения важных случаев») в заседания директории. Члены, принятые позже, назывались «мужами» и «братьями». Различие этих двух степеней разъяснено Юшневским. «Братьями» назывались «новопринятые», «мужами» же те, которые состояли в прежних организациях, но в Южное общество вступили после некоторого перерыва («прежние уклонявшиеся», по формулировке Давыдова). Основное различие между членами каждого разряда состояло в степени их осведомленности и в размерах права на принятие новых членов. Однако по вопросу об осведомленности «мужей» имеются в показаниях существенные разногласия. Волконский показывал, что второму разряду (то есть мужам) была известна лишь общая цель, но им «не полагали возможным объявить во всем пространстве как цель, так и способы к достижению». Пестель же утверждал, что осведомленность бояр и мужей была одинаковая: «Цель и план открывались сполна мужьям и боярам». Вероятно, более правильно показание Волконского, ибо оно вполне подтверждается и признанием Давыдова: «По мере сих трех степеней должны были открываться членам тайны Общества». Вадковский приводит в своем показании название центрального органа Общества, именуя его «невидимым директориатом» (Directoire occulte). Существовало и требование об обязательном отчислении «в казну Общества», — по формулировке Давыдова, — о жертвовании «некоторой суммой» «по мере состояния своего»[134].

Этими же «Правилами» были предопределены и нормы поведения членов Общества и, как можно судить на основании некоторых показаний, установлены формы клятвенных обещаний или «присяг». В основе Устава лежало требование строгой конспиративности. По показанию Вадковского, членам Общества предписывалось «действовать как можно осторожнее», «не держать у себя никаких списков», «не прибегать ни к каким наружным знакам для узнавания друг друга», не называть «даже и всем членам» других членов, «не равно быть со всеми доверчиву»[135]. Существование присяг категорически подтвердил Пестель: «От каждого нового члена требовалась или клятва или честное слово в сохранении тайны и в елико возможном содействии Союзу» (ВД, IV, 111). Юшневский несколько раскрывает содержание этого «честного слова» или «клятвы»: «новопринимаемый давал честное слово, что пребудет верен цели Общества и, не щадя себя, будет посвящать все свои способности, дабы способствовать достижению оной»[136]. В числе обязательных требований для каждого члена Общества Вадковский указал на обязанность «всем пещись о распространении Общества». Из показания Юшневского можно сделать вывод, что этот пункт Устава входил в текст клятвы. Юшневский в одном и

А. П. ЮШНЕВСКИЙ

С рисунка неизвестного художника, 1820-е гг.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

том же абзаце говорит о требовании преследования «без пощады всякого, кто покусился бы обнаружить» Общество, и о требовании «стараться приобретать Обществу единомыслящих людей»[137]. Наиболее четкое свидетельство о содержании присяги дал А. В. Усовский. «Она содержала, — говорил он, — клятвенное обещание быть верным и преданным Обществу и его цели, стараться всеми силами, и не щадя своего имения, содействовать оной, хранить в тайне существование Общества и, в случае нужды, пожертвовать для блага своего отечества жизнию своею»[138]. «Была отобрана клятва» и у И. И. Сухинова, «во-первых, в том, чтобы хранить сию тайну под смертною казнию; во-вторых, чтоб быть твердым в духе и непоколебимым в начинавшихся предприятиях» (ВД, VI, 142).

Все эти показания противоречат словам Пестеля и словам Юшневского, утверждавших, что «не было ничего написанного» и «все надлежало сохранять в памяти». Трудно допустить, что довольно сложный распорядок организации был установлен только устно и не был нигде закреплен. О существовании же письменного текста клятвенного обещания совершенно определенно свидетельствовал А. В. Усовский. Он прямо говорил: «Я читал клятву». Ф. Ф. Вадковский ознакомил с клятвенным обещанием своего брата и дал ему подписать его.

Очевидно, заявления Пестеля и Юшневского нужно понимать в том смысле, что при приеме новых членов правила Общества им сообщались устно.

Таким образом, в распоряжении членов Общества, действительно, не было никаких письменных правил, но какой-то основной экземпляр, несомненно, существовал и хранился в Директории. Характерно, что в показаниях С. Г. Волконского и В. Л. Давыдова наблюдаются некоторые расхождения по вопросу о номенклатуре отдельных разрядов Общества, тогда как показания обоих директоров (Пестеля и Юшневского)

почти идентичны. О существовании письменного текста Устава свидетельствует письмо Ф. Ф. Вадковского к Пестелю, в котором он просил «о доставлении законов Общества». В показании об этом письме Вадковский говорил так: «В письме моем к Пестелю я просил точно о присылке мне конституции; просил также о доставлении законов нашего Общества, ибо ничего о них не помнил, что даже сказано и в самом моем письме, где я именно извиняюсь перед Пестелем, что действовал по собственному своему внушению, а не по вышедшим из моей памяти законам Общества»[139]. Вадковский, очевидно, получил эти «законы»: это и был тот Устав, который, по рассказу Волконского, хранился Вадковским в футляре для скрипки. Об этом способе хранения он сообщал Пестелю и Шервуду: «Податель этого письма расскажет вам о способе, которым я прячу свои бумаги». Этот Устав был известен и членам Северного общества. Не приходится сомневаться, что автором Устава и «клятвы» был Пестель, что, впрочем, не было тайной для руководителей обеих организаций. Трубецкой совершенно определенно называет Устав «Правилами Пестеля». Следует добавить, что у Пестеля — единственного из руководителей управ Южного общества — был уже большой опыт в деле составления таких документов.

VI. ПРОГРАММНО-ТАКТИЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА

Обширный раздел бумаг обеих революционных организаций составляли отчеты, инструктивные письма, проекты организаций филиалов, планы действия, информационные сообщения о каких-либо важных политических событиях или мероприятиях правительства, доклады и записки по вопросам тактики Общества и пр. По большей части эти документы относятся к Южному обществу, отражая все стороны и фазы его деятельности. Так, например, имеются сведения о следующих документах: проект В. Л. Давыдова об организации тайного общества в Грузии (1824), отчет С. Г. Волконского о тайном обществе на Кавказе (1824), отчет М. П. Бестужева-Рюмина о переговорах с польскими революционными деятелями (1823 — 1824), «записки» («мнения») Бестужева-Рюмина по некоторым принципиальным вопросам тактики Общества (1823 — 1825), отчет Бестужева-Рюмина о соединении с Обществом Соединенных Славян (1825), план совместных действий Южного и Северного обществ, выработанный южанами в 1824 г., ответные «Правила» северян (1824) и некоторые другие. Нет данных, чтобы установить, существовали ли в письменном виде доклады С. И. Муравьева-Апостола о начале революционных действий; вероятнее всего, что это были устные выступления на совещаниях, но один из его ранних планов («бобруйский план») был изложен им в ряде писем. Нет никаких прямых свидетельств о существовании каких-либо письменных документов, относящихся к различным вариантам так называемого «белоцерковского плана» выступления; последний вариант его был разработан и принят на совещании в Линцах осенью 1825 г.

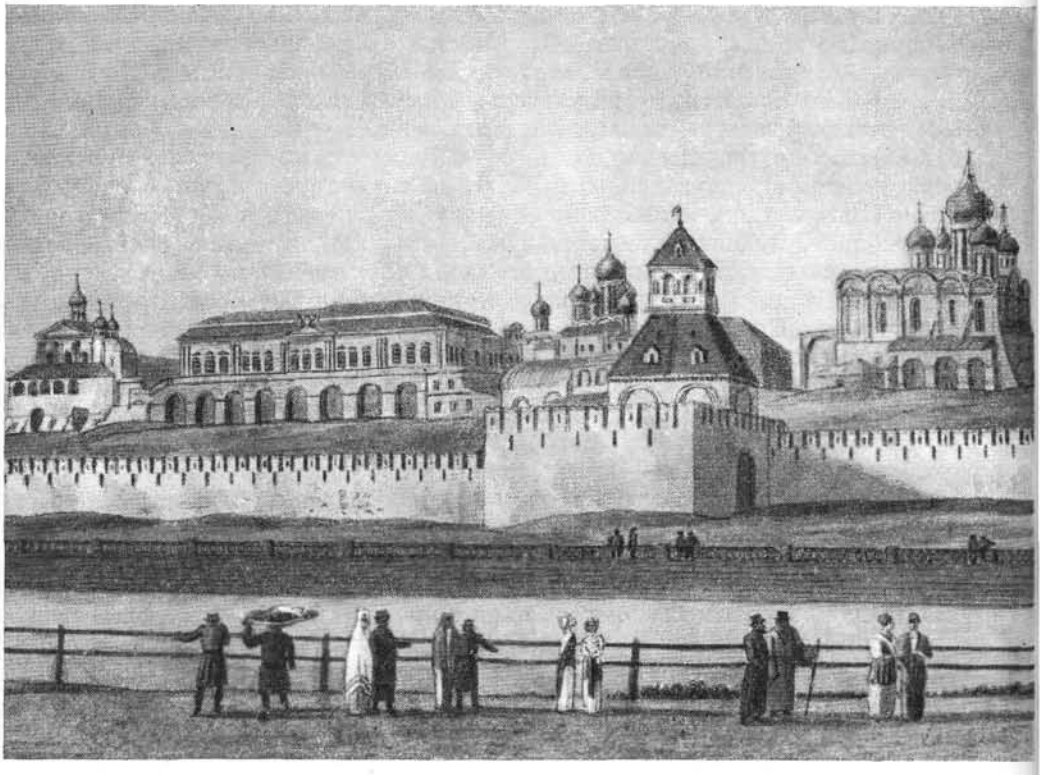
Можно смело утверждать, что, несмотря на запрещение письменных сообщений о делах Тайного общества, существовали все же доклады отдельных членов об их действиях. Из названного выше письма Вадковского к Пестелю явствует, что он и Н. Я. Булгари отправили в Директорию доклад об их «успехах в деле приема новых членов». Этому предшествовало письмо Булгари к Вадковскому, содержащее сообщение о его деятельности в Харькове[140].

История Южного общества открывается программно-организационными речами (докладами) Пестеля и Юшневского, произнесенными в собрании членов Тульчинской управы, на котором Н. И. Комаровым и И. Г. Бурцовым были доложены результаты Московского совещания 1821 г. После их ухода, — показывал Юшневский, — Пестель обратился к оставшимся с речью, в которой «с искусством, ему свойственным», убеждал присутствующих «не расходиться, но, напротив, соединиться крепчайшими узами, подстрекая самолюбие каждого обязанностию к общему благу, любовью к отечеству». После него произнес речь Юшневский; по словам Барятинского, он «читал краткую речь, им сделанную». Сам Юшневский интерпретировал ее как стремление ослабить впечатление от речи Пестеля («охладить воспламенение умов») и удержать присутствующих от организации нового Общества: «представил им опасности такового соединения», «советовал не увлекаться мгновенным порывом самолюбия» и т. д.; он утверждал, что и сам не соглашался сразу вступить в Общество, но требовал времени «для размышления». «Но к общему злополучию,— писал он далее в своем показании,— все не обинуясь возгласили, что без дальних размышлений желают сохранить прежний состав. Тут и я,— добавляет он,— влекомый общим стремлением, дал руку» [141].

Юшневский тщетно пытался обмануть Следственную комиссию: последняя была прекрасно осведомлена о подлинной сущности его речи. В распоряжении Комиссии было, прежде всего, показание Майбороды, который охарактеризовал эту речь как требование «твердости духа и решимости» для исполнения плана «нового Общества» (ВД, IV, 24). Речь Юшневского, действительно, содержала указание на грядущие опасности (А. Крюков так и называл ее: «речь об опасностях продолжения Общества» [142]), но это было лишь поводом для предъявления повышенных требований к членам Общества. Он предостерегал не от вступления в Общество, а от поспешных и недостаточно продуманных решений; он требовал не отказа от вступления, а большей осмотрительности и строгого учета своих сил и способностей, подчеркивая огромную ответственность каждого, давшего согласие на вступление в ряды новой организации. Это был в полном смысле слова содоклад, содержащий, несомненно, и некоторые организационные моменты. Все слушатели уже состояли членами Тайного общества, и едва ли нужно было бы вновь напоминать о само собой разумеющихся обязанностях члена такового Общества, если бы не были намечены новые принципы деятельности революционной организации и новые ее формы. Эти задачи и были сформулированы докладами Пестеля и Юшневского, почему они и должны занять важное место в истории русской революционной мысли.

О проекте В. Л. Давыдова об организации Тайного общества в Грузии сохранилось лишь единственное упоминание в показаниях Матвея Муравьева-Апостола, сославшегося при этом на слова брата — Сергея (ВД, IX, 232). Больше сведений имеется об «Отчете» С. Г. Волконского, в составлении которого некоторое участие принимал и Давыдов. Об участии Давыдова говорил на следствии С. И. Муравьев-Апостол (ВД, IV, 281), но сам Волконский об этом не упоминает ни в показаниях, ни в «Записках». Возможно, что Волконский счел необходимым при составлении своего отчета привлечь для консультации Давыдова, поскольку тот занимался специально вопросом об организации революционной группы в войсках Кавказского корпуса; кроме того, один экземпляр «Отчета» Волконского был переписан рукою Давыдова.

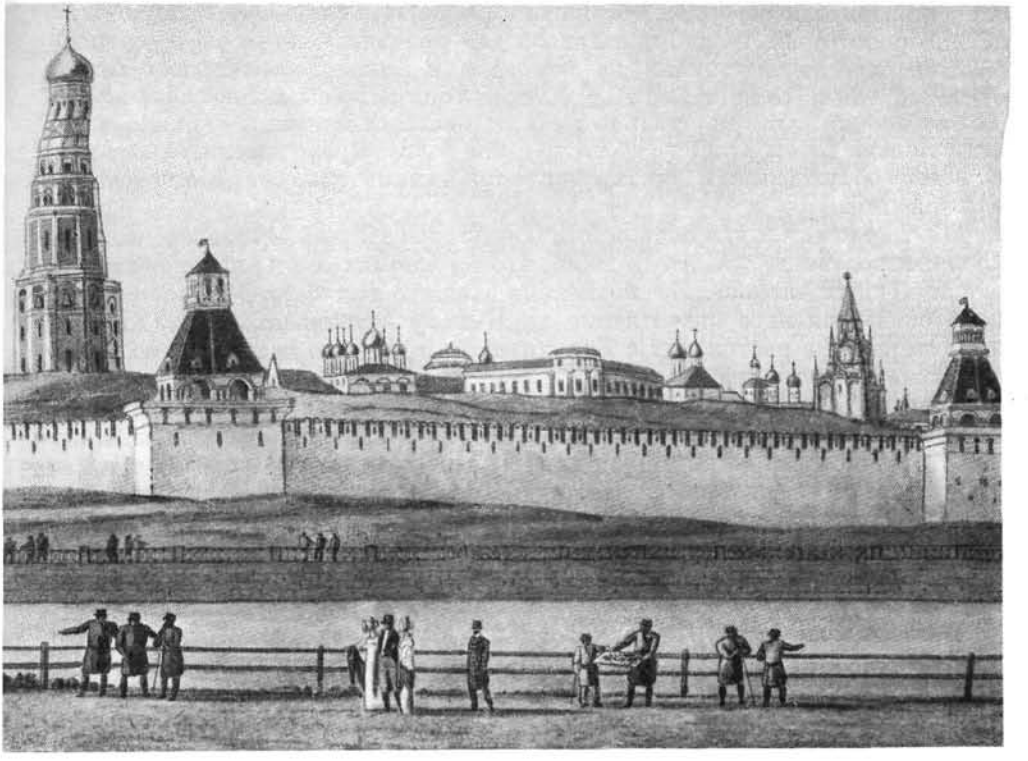
Об «Отчете» Волконского дали подробные показания Давыдов, Пестель, Юшневский и оба брата Муравьевы-Апостолы; наиболее подробно сообщил о нем сам Волконский. Сведения, приведшие Волконского к утверждению



МОСКВА.
Акварель А. Е. Мартынова из альбома художника «Живописное
Публичная библиотека им. М. Е.

о существовании Тайного общества на Кавказе, были основаны на словах Якубовича, — вернее на той интерпретации, какую Волконский давал путанным и нарочито неясным рассказам Якубовича. Впоследствии эти сведения не подтвердились[143]. Как сообщает Давыдов, позже было дано поручение А. В. Поджио проверить сообщение Волконского, и Поджио пришел к противоположному выводу [144]. Следственная комиссия очень интересовалась «Отчетом» Волконского, стремясь, главным образом, выяснить роль Ермолова. Строки «Отчета», относящиеся к последнему, цитирует в своем показании Юшневский. Волконский отмечал, что влияние Ермолова чувствуется всюду, но что он необыкновенно хитер и весьма искусно скрывает пружины, коими дает направление целому. К «Отчету» Волконский приложил отдельное сочинение, касающееся устройства Грузии: «Замечания насчет Кавказского края и мысли мои о лучшем способе к приведению в образованность сих народов»; в составлении этого очерка ему помогал Якубович [145]. Ни в мемуарах, ни в показаниях не раскрыто содержание этого весьма интересного (как можно судить по заглавию) документа. На «отчетах» М. П. Бестужева-Рюмина и его «записках» мы остановимся несколько позже в связи с его другими выступлениями.

Очень часто такие документы имели форму частных писем, хотя и предназначавшихся для всех руководителей организации или ее актива. Ни одно из таких писем до нас не дошло, как не попали они и в руки правительства, но в мемуарах и в показаниях сохранилось довольно значительное количество сведений о них. Отметим наиболее важные.



:МЛЬ
:шествие при Российском посольстве в Китай», 1805 г.
гыкова-Щедрина, Ленинград

Никита Муравьев показал о существовании интенсивной переписки между Севером и Югом. Она состояла «в извещениях о приеме значительных членов, а впоследствии в прениях об основаниях представительного правления» (ВД, I, 299). Сообщение явно неполное, ибо в нем не сказано о письмах, посвященных планам вооруженного восстания. Центральное место в этих «сношениях» занимает переписка Пестеля с Никитой Муравьевым. Первое письмо написал Пестель Муравьеву (через Волконского) в начале 1823 г.; оно содержало запрос о положении дел в Северном обществе (ВД, IV, 162); Муравьев сразу же ответил ему (также через Волконского), сообщив текст своей «Конституции». Это было осторожное и продуманное «программно-тактическое выступление, являвшееся началом борьбы с радикальными течениями юга» (Дружинин)[146]. Ответом на это послание было уже упомянутое выше «предлинное письмо» Пестеля с критическими замечаниями по поводу программы Никиты Муравьева и с изложением собственного проекта. Это письмо было послано через Давыдова. Через Давыдова же прислал ответное письмо и Муравьев. По характеристике Давыдова, оно содержало в себе лишь общие заверения в готовности действовать [147].

Огромное политическое значение имело письмо Пестеля к Никите Муравьеву, присланное через Барятинского. Оно представляло собою отчет или доклад о необходимых мероприятиях Южного общества (о принятии республиканской программы, об истреблении царского семейства, о состоянии войск, о духе Общества и т. п.) и вместе с тем запрос о положении дел в Северном обществе. Пестель в упор спрашивал Муравьева

как руководителя северной организации о росте членов Общества, о силе войск, на которые можно полагаться для революционного выступления, и категорически настаивал на переходе к более решительным мерам («Les demi-mesures ne valent rien; ici nous voulons avoir maison nette»*)[148].

Это письмо было не столько личным письмом Пестеля, сколько обращением всей Думы Южного общества; оно было выработано на совещании, и в его обсуждении и составлении принимали участие Юшневский и Волконский.

О содержании этого письма был осведомлен Матвей Муравьев-Апостол, который подтвердил А. В. Поджио, что письмо это «составляет общее решение южных членов». Из показания Поджио видно, что письмо произвело ошеломляющее впечатление на Никиту Муравьева (ВД, IX, 247), и он старался в разговорах с Барятинским и Поджио несколько охладить пыл южан,— по всей вероятности, в этом духе и было написано ответное письмо Муравьева к Пестелю, также через Барятинского.

Эта переписка относится к 1823 г. Из других писем Муравьева к членам Южной думы следует упомянуть еще присланное через Давыдова (одновременно с письмом к Пестелю) письмо к Сергею Муравьеву-Апостолу. Это письмо носило уже более частный характер. Никита Муравьев стремился привлечь Муравьева-Апостола на свою сторону в споре с Пестелем, для чего он подробно знакомил первого со своим конституционным проектом[149].

В связи с письмами Пестеля к Никите Муравьеву через Барятинского, нужно отметить также параллельный обмен (через того же Барятинского) письмами между Давыдовым и А. В. Поджио. Письмо Давыдова по содержанию очень близко к письму Пестеля, являясь как бы личным комментарием к нему одного из членов Думы. Оно имело целью информировать Поджио о последних мероприятиях и вместе с тем побудить его к более энергичному отстаиванию в Петербурге планов и замыслов Южного общества. В ответном письме к Давыдову Поджио жаловался на бездействие Никиты Муравьева[150].

Письмом Н. Муравьева к Пестелю через Барятинского оборвались сношения Муравьева с южанами. Как он вполне правильно показывал на следствии: с 1823 года он «перестал писать в Южную думу» (ВД, I, 299). Его место в этом отношении заступил Трубецкой.

Переписка Трубецкого и Пестеля, видимо, также была весьма интенсивна, хотя Трубецкой в показаниях очень снижал ее размеры и значение. «С Пестелем был я в переписке, но письма с обеих сторон были не значащие»,— заявлял он (ВД, I, 10). Пестель писал Трубецкому вскоре же после своего возвращения из Петербурга (1824); быть может это письмо имело целью рассеять возникшее между ними взаимное «недовольство». На это письмо Трубецкой не ответил (ВД, I, 16). Было еще одно важное письмо Пестеля к Трубецкому в Киев (1825), в котором Пестель уведомлял Трубецкого о принятом решении начать восстание в 1826 г. (ВД, I, 36). В одном из ответных писем Трубецкого он извещал Пестеля о предстоящем в 1826 г. соединении 3-го и 4-го корпусов (ВД, IV, 168).

Имеются сведения о трех письмах Трубецкого к Сергею Муравьеву-Апостолу. Все они могли бы явиться важнейшими источниками для изучения движения. В первом (1824), посланном через И. С. Повало-Швейковского, Трубецкой выражал недоумение по поводу связи и контакта Муравьева с Пестелем. Письмо это, если б оно сохранилось, имело бы и некоторый литературный интерес, ибо свои впечатления от встречи с Пестелем Трубецкой изобразил в «виде трагедии, которую читал нам общий

---

* Полумеры ничего не дают; мы хотим сделать дом пустым (франц.).

знакомый и в которой все лицы имеют ужасные роли» (ВД, I, 87 — 88). Два письма Трубецкого к С. И. Муравьеву относятся уже к декабрю 1825 г., о них мы упомянем несколько позже в связи с обзором других писем северян этого периода.

Наконец, было еще письмо Трубецкого к М. П. Бестужеву-Рюмину (1825), написанное вскоре после их совместного пребывания в Киеве. Трубецкой очень близко сошелся в Киеве с С. Муравьевым и Бестужевым-Рюминым, особенно с последним. Под его влиянием Трубецкой изменил свой взгляд на Пестеля, сблизился с южанами, согласился с «белоцерковским планом» восстания и принял на себя роль посредника между Югом и Севером. Как писал С. Муравьев брату Матвею, Трубецкой обещал присоединить к южанам «весь Север» («tout le Nord»)[151]. Трубецкой, — как показывает он сам, — обещал писать Бестужеву-Рюмину и, действительно, отправил ему одно письмо. «Бестужев просил и меня, чтобы я что-нибудь к нему написал, я писал к нему, что ныне зимой поеду в Петербург», — показывал он (ВД, I, 16), стремясь придать своей переписке с Бестужевым-Рюминым характер маловажного и приятельского обмена письмами. Совершенно ясно, что данное письмо предупреждало Бестужева-Рюмина о предстоящей (ввиду поездки Трубецкого в Петербург) скорой реализации киевских планов. Переписка Трубецкого с Бестужевым-Рюминым не ограничивалась только одним этим письмом. Бестужев-Рюмин сообщил на следствии о письме, которое он отправил Трубецкому по прямому поручению Пестеля (ВД, IX, 68). Письмо суммировало сведения, полученные Пестелем от Оболенского и Нарышкина о настроениях петербургских и московских членов Северного общества и об их готовности к выступлению. Это письмо было отправлено Трубецкому, несомненно, тогда, когда он еще находился в Киеве.

Была переписка между Трубецким и Матвеем Муравьевым-Апостолом (1824), но о содержании ее ничего не известно. М. Муравьев уверял, что она совершенно не касалась дел Общества (ВД, IX, 261). Этому заявлению трудно поверить, тем более, что в этих письмах Трубецкой очень много говорил о Сергее Муравьеве (ВД, IV, 212).

Большое историческое значение имело письмо Оболенского к Пестелю (1824); о нем сохранились упоминания в показаниях. Оболенский из всех северян оказался наиболее близок к Пестелю и играл во время пребывания последнего в Петербурге роль посредника между ним и руководящими членами северной организации. После отъезда Пестеля Оболенский отправил ему с Волконским письмо (ВД, IV, 206), в котором «изъявлял» «искренность желания» соединить оба Общества и сообщал о новых настроениях, появившихся в Обществе после «последних переговоров с ним ⟨Пестелем⟩» (ВД, I, 257). Письмо это было согласовано с Трубецким как «сочленом по Думе» (там же).

Нет сомнения, что содержание этого письма было гораздо значительнее, чем это изображал Оболенский. Оно связано с *планом соединения Южного и Северного обществ*, который был разработан на Юге и привезен в Петербург Пестелем. Оболенский доложил о плане южан Верховной думе Северного общества. На совещании у Николая Тургенева было решено затребовать этот план в письменном виде (ВД, I, 257, 265), что и было выполнено Пестелем. Оболенский именует этот план «Письменным проектом Южного общества о способах, предполагаемых к начатию решительных действий» (ВД, I, 256). Для суждения о конституционном проекте южан и об их плане объединения была выбрана специальная комиссия («Особенный комитет»). Состав комиссии неизвестен, но, несомненно, что одним из членов ее был Оболенский. Комиссией был выработан контрпроект или, по формулировке Оболенского, «правила», на которых северяне решили объединить Общество (там же). Этот проект и составлял

содержание письма, которое повез на юг Волконский. Вероятно, этой же теме была посвящена переписка между Оболенским и Поджио[152].

Бестужев-Рюмин показал на следствии о содержании писем Оболенского и Нарышкина к Пестелю (ВД, IX, 67— 68), но последний утверждал, что Нарышкин писал не ему, а Лореру (ВД, IV, 150, 170)[153]. Это, несомненно, были те письма, о которых доводил до сведения Трубецкого Бестужев-Рюмин.

Оболенскому же было поручено Думой Северного общества сообщить о плане южан москвичам «дабы они сами занялись сим планом и сообщали ⟨сообщили?⟩ нам свои о сем мысли» (ВД, I, 271). С кем из московских членов Оболенский вел переписку по этому поводу — неизвестно.

Важным звеном в истории сношений Юга и Севера являлась переписка братьев Муравьевых-Апостолов. В письмах, посланных с Волконским и Повало-Швейковским (1824), Матвей извещал брата о тормозящем деятельность Северного общества поведении Никиты Муравьева, который «только что толкует всем членам быть осторожным»,— и тут же сообщал об энергичной деятельности Рылеева, составлявшего с помощью Бестужевых «Тайное общество между морскими офицерами». «Рылеев,— писал в этом письме М. Муравьев-Апостол, — в полном революционном духе» (ВД, IX, 255). Данное письмо было одним из первых извещений южан о значении в Северном обществе Рылеева и о роли братьев Бестужевых.

Если бы многочисленные письма Сергея Муравьева-Апостола сохранились в полном объеме, мы располагали бы дополнительными ценнейшими источниками для изучения истории и идейной сущности декабризма. До нас дошло крайне незначительное количество его писем, но среди них нет ни одного, которое можно было бы назвать малозначащим или хотя бы нейтральным: каждое — свидетельство яркой индивидуальности его автора, каждое помогает осветить какую-либо сторону движения или имеет широкое историко-культурное значение, к сожалению, не всегда достаточно учитываемое исследователями. Литературоведы совершенно обошли вниманием письмо С. И. Муравьева-Апостола к m-lle Guguenet, хотя среди всех известных нам памятников декабристской мысли нет ни одного, в котором бы так ясно и четко были выражены заветные убеждения декабристов о благотворном воздействии революции на развитие литературы[154]. В следственном деле Тизенгаузена сохранилось письмо Сергея Муравьева-Апостола, посвященное анализу последнего греческого восстания[155].

Важными историческими памятниками являлись, несомненно, и письма Сергея Муравьева-Апостола к членам Южной и Северной организаций, отражавшие отдельные моменты подготовки движения. На основании имеющихся в нашем распоряжении различных свидетельств эти письма можно разбить, примерно, на четыре основные группы: 1) бобруйские письма (1823), 2) письма к членам Северного общества (1824), 3) письма к Пестелю (разных лет) и 4) письма периода восстания. Под «бобруйскими письмами» мы разумеем цикл писем С. И. Муравьева-Апостола, писанных им из Бобруйска в связи с планом захвата Александра I. Этот план подробно изложен Бестужевым-Рюминым: «Узнав, что император будет делать смотр войскам, мы решили захватить его, заставить его подписать отречение, держать его под стражей и идти немедленно на Москву, увлекая по пути войска и осведомляя о себе народ прокламациями» (ВД, IX, 46). Письма были отправлены в Москву (с Бестужевым-Рюминым) И. А. Фонвизину и М. Н. Муравьеву, а на юг — Пестелю, Волконскому и Давыдову[156].

Письма к членам Северного общества — письма к Никите Муравьеву, Николаю Тургеневу и Трубецкому; они были посланы с Повало-

Н. М. МУРАВЬЕВ
Акварель П. Ф. Соколова, 1824 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Швейковским. С. Муравьев дал о них очень краткое показание, далеко не раскрывающее их подлинного содержания: «...я всех их упрашивал присоединиться к нам и не составлять отдельного общества» (ВД, IV, 276). В действительности же, как это явствует из показаний Повало-Швейковского, эти письма были информацией о втором варианте «белоцерковского плана» (по выражению следователей, «белоцерковского преднамерения»): выступления в 1825 г. и призывом к его поддержке. Ответом на это письмо и было упомянутое выше послание Трубецкого к Сергею Муравьеву-Апостолу с упреком в подчинении Пестелю.

О переписке членов Васильковской управы прямых сведений нет. Известно лишь о письме С. Муравьева-Апостола к Бестужеву-Рюмину после получения известия о смерти Александра I (оно написано 13 декабря); в нем Муравьев выражает беспокойство по поводу отсутствия сведений от Бестужева-Рюмина[157]. Это письмо относится ко времени усиленных разъездов Бестужева-Рюмина, имевших целью мобилизацию революционных сил в связи с намеченным на начало 1826 г. выступлением. Именно в это время Бестужев-Рюмин писал И. И. Горбачевскому (как подробнее будет сказано ниже) о близком открытии действий.

Очень интенсивной была переписка Сергея Муравьева с Пестелем. Но более или менее точные сведения имеются лишь о двух письмах Муравьева к Пестелю: одно — 1823 г., входящее в группу «бобруйских писем». Барятинский говорил о нем, что Муравьев требовал, чтобы Пестель «прислал кого-нибудь из членов для овладения особою государя» (ВД, IV, 394), и второе, относящееся к осени 1825 г., присланное через Крюкова. Муравьев извещал Пестеля об успехах Васильковской управы, о новых членах, принятых в Общество — вероятно, речь шла об Обществе Соединенных Славян — и о «хорошем духе» солдат. Здесь же Муравьев писал, как показывал Лорер, что он «готов начать революцию, если ⟨хоть⟩ один член будет взят правительством» (ВД, IV, 189). Пестель иначе передает смысл этого письма. По его словам, Муравьев просил его уведомить, открыто ли Общество, ибо в таком случае они (то есть Васильковская управа) немедленно начнут действия (ВД, IV, 192).

Письма Бестужева-Рюмина к С. И. Муравьеву-Апостолу не сохранились, между тем во время своих беспрестанных разъездов по делам Общества он, несомненно, информировал последнего о результатах и, может быть, запрашивал инструкций. Беспокойство Муравьева (в письме от 13 декабря) в значительной мере было обусловлено длительным отсутствием привычной информации. Более подробные известия сохранились лишь о чрезвычайно важной для изучения истории движения записке Бестужева-Рюмина к Муравьеву (июль 1825 г.) с требованием немедленно приехать в Киев для свидания с находившимся там проездом на Кавказ Грибоедовым (ВД, IV, 272; IX, 56). Об этой записке было известно Следственной комиссии и он усиленно требовал от Бестужева и Муравьева объяснений о цели свидания с Грибоедовым (там же).

Бестужев не дал прямого ответа, хотя и подтвердил, что вызывал Муравьева для знакомства с Грибоедовым (ВД, IX, 68), но Муравьев поспешил направить внимание Комитета в другую сторону, объяснив, что Бестужев звал его для встречи с Артамоном Муравьевым,— знакомство же с Грибоедовым произошло совершенно случайно и было крайне незначительным (ВД, IV, 289). Известно, что руководители Васильковской управы хотели с помощью Грибоедова установить связь с Ермоловым, но Грибоедов уклонился от этого поручения.

В ноябре или в начале декабря 1825 г. Бестужев-Рюмин писал С. Муравьеву о своем знакомстве с полковником Ренненкампфом. Из бесед с ним Бестужев-Рюмин вынес убеждение, что ему «можно открыться» и советовал Муравьеву «рассмотреть его» (ВД, VIII, 162).

Очень скудны сведения о письмах Пестеля к С. И. Муравьеву. Известно лишь об одном письме Пестеля, написанном по получении сообщения о замыслах Бошняка. Пестель приглашал Муравьева приехать к нему в Линцы, чтоб обсудить создавшееся положение.

Чрезвычайно важна в историческом отношении переписка между Пестелем и Матвеем Муравьевым-Апостолом (1824): в этих письмах (не дошедших до нас) были отражены различные фазы взаимоотношений руководящих деятелей движения О существовании этой переписки и причинах, вызвавших ее, дал подробные показания Лорер. В ноябре 1824 г. Лорер, по поручению Пестеля, посетил Матвея Муравьева-Апостола, когда тот гостил у своего отца, в родовом имении Хомутец. Матвей Муравьев-Апостол только что вернулся из Петербурга, и Пестель хотел получить от него полную информацию о положении дел в Северном обществе. Но М. И. Муравьев-Апостол переживал тогда серьезный внутренний кризис, разочаровался в возможности скорого восстания, перестал верить в его успех, стал с недоверием относиться к Пестелю и, в конце концов, заявил Лореру, что выходит из Общества (ВД, IX, 214). О своих настроениях он тогда же подробно писал и брату Сергею; это письмо было найдено среди бумаг последнего и опубликовано (ВД, IX, 207—210); оно являлось ответом на не дошедшее до нас письмо к нему Сергея (ВД, IX, 210). Письмо это крайне взволновало С. Муравьева-Апостола, и он спешно отправил к брату Бестужева-Рюмина, чтобы более точно информировать его о положении дел в революционной организации и рассеять возникшее недоверие к Пестелю. Бестужев-Рюмин блестяще выполнил эту миссию, и М. Муравьев-Апостол написал Пестелю дружеское письмо, вызвавшее немедленный дружеский ответ последнего (ВД, IX, 255, 266).

После встречи с братом М. Муравьев-Апостол вновь написал Пестелю; в этом письме он сообщал о свидании с Трубецким и заверял, что вновь будет энергично работать («вместе пещись о пользе Общества»). На следствии он тщательно подчеркивал, что писал под прямым нажимом брата и Бестужева-Рюмина и даже отрицал свое авторство: первое письмо было «сочинено» Бестужевым, он же лишь «переписал» его, второе «сочинил» Сергей (ВД, IX, 264). Это заявление полностью вошло и в «Донесение Следственной комиссии». Так как М. Муравьева-Апостола ни в коем случае нельзя упрекнуть в стремлении перелагать ответственность за свои поступки на других, особенно на горячо любимого им брата,— наоборот, он склонен был во многих случаях принимать вину на себя,— то это показание, видимо, было вполне искренним. Но трудно допустить, что М. Муравьев-Апостол был абсолютно пассивен в данном случае и действовал исключительно под давлением чужой воли. Своим заявлением он хотел лишь подчеркнуть роль Сергея Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина в перемене своего отношения к Пестелю. Едва ли бы он стал «переписывать» письмо, совершенно несогласное с его мыслями. Слова «сочинил» и «переписал» нельзя принимать в буквальном смысле, они свидетельствуют лишь, что план и основные положения писем принадлежали Сергею Муравьеву-Апостолу и Бестужеву-Рюмину, которые явились как бы соавторами его, и эти письма следует считать плодом коллективного творчества.

Существовали и письма Пестеля к Бестужеву-Рюмину. В упомянутом уже письме от 13 декабря 1825 г. к Бестужеву-Рюмину С. Муравьев-Апостол сообщал, что имеет для него письмо от Пестеля. По характеру этого сообщения можно думать, что письмо содержало какие-то особо важные инструкции. Другое письмо приглашало Бестужева-Рюмина и С. Муравьева приехать в Линцы для обсуждения письма Давыдова о связях южан с Бошняком и о намерении графа Витта проникнуть в ряды

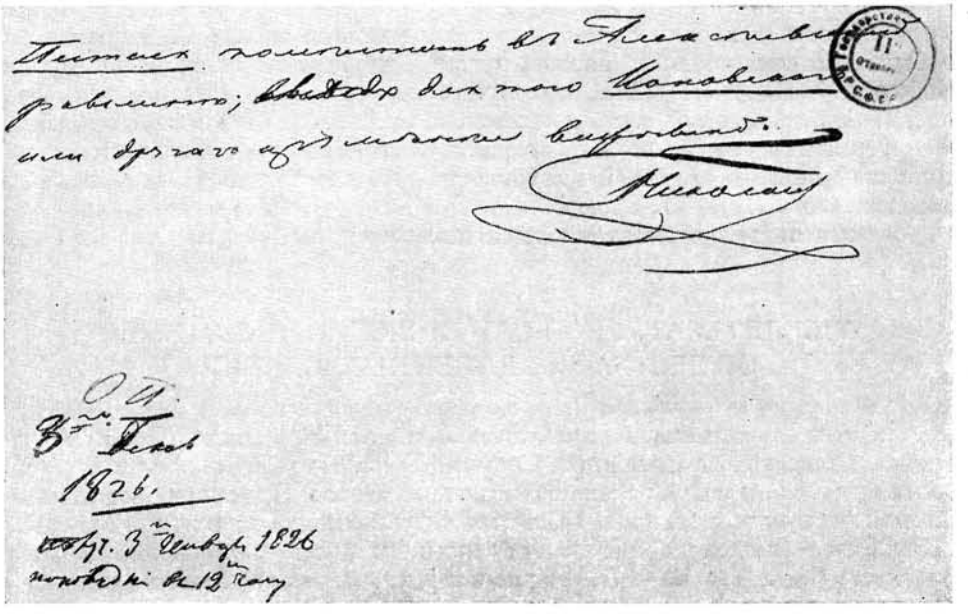
Тайного общества (ВД, IV, 172). Об этом же Пестель немедленно уведомил Юшневского; письмо к последнему повез Лорер. Из показаний неясно, ответил ли Юшневский в письменной форме, или передал свой ответ устно, через Лорера. Юшневский разгадал происки Витта и предупредил Пестеля, что Витт желает войти в «наше общество», чтобы «забрать нас всех как курей» (ВД, IV, 15: показание Майбороды)[158].

Весьма интенсивна была переписка между Пестелем и Волконским, но сведения имеются только об одном письме (1825) Пестеля, пересланном Волконскому через Майбороду; в нем Пестель поручал Волконскому съездить в Бердичев, чтобы повидаться и переговорить с генералом Мошинским, представителем польского Тайного общества (ВД, IV, 26). О содержании других писем Пестеля к Волконскому сведений не сохранилось. Но о существовании их мы довольно подробно знаем из различных показаний. Волконский очень часто писал Пестелю; в одном из последних писем он даже прислал ему шифр — «род лексикона» «для дальнейшей переписки со мною», — показывал Пестель (ВД, IV, 172).

О содержании этого письма Пестель умолчал, но о нем дал подробное показание сам Волконский. Письмо содержало отчет Волконского о результатах порученной ему Пестелем поездки в Бердичев: он сообщал о свидании с Мошинским, а также (как можно догадаться из осторожных его формулировок) о своих мероприятиях по реализации плана восстания в 1826 г.; в частности, он не сомневался в своем влиянии во многих полках, кроме украинского, где ему противостояло влияние Бурцова[159]. Второе письмо Волконского (от 29 ноября 1825 г.) «кроме известия о кончине государя императора, не содержало, — как заявил на следствии Пестель, — ⟨...⟩ никакого другого извещения» (ВД, IV, 170). Учитывая, что смерть Александра I по планам и Северного и Южного обществ должна была явиться сигналом для революционного выступления, следует думать, что письмо Волконского не было только простой информацией, но касалось и ближайших действий, вытекающих из сообщенного им известия. Потому-то Пестель и поспешил предупредить своим заявлением дальнейшие расспросы о содержании письма Волконского. Одновременно Волконский сообщил о смерти Александра I ряду других лиц, в том числе и начальнику штаба 2-й армии П. Д. Киселеву. Эта сторона деятельности Волконского обратила на себя особое внимание Следственного комитета и по этому поводу было заведено даже специальное дело: «Дело о дошедших до Комитета сведениях, что генерал-майор князь Волконский рассказывал о болезни и смерти блаженной памяти государя императора прежде, нежели о том и другом происшествии были официальные сведения»[160]. Как выясняется из этого дела, Волконский расспрашивал всех проезжавших через Умань фельдъегерей о том, что происходит в Таганроге, а затем «сообщал другим».

Учет сведений о не дошедших до нас письмах Волконского дает возможность внести значительный корректив в сложившееся представление о Волконском, деятельность которого по подготовке восстания оказывается более значительной, чем это обычно изображается. Помимо Пестеля, Волконский был в переписке с Якубовичем, Никитой Муравьевым, Давыдовым и другими. Якубовичу он писал по возвращении с Кавказа и предлагал установить постоянную письменную связь. В одном из показаний Волконский подтвердил существовавшее правило о запрещении письменных сношений и тут же добавил, что это требование не соблюдалось, что «были частые письменные сношения» и сам он вел постоянную переписку с Пестелем и Давыдовым через нарочных. Сохранилось известие о существовании его письма к Сергею Муравьеву (1823) с возражениями против «бобруйского плана»[161].

Особое место среди политических документов Южного тайного общества занимает не дошедшая до нас переписка Давыдова с графом Полиньяком (1824); она могла бы пролить свет на попытки декабристов установить связи с западноевропейскими политическими партиями. Бывший французский эмигрант, полковник русской службы, граф Полиньяк (член Южного общества, принятый Пестелем и Давыдовым) повез во Францию выполненный С. Муравьевым сокращенный перевод «Русской правды» — «Краткое начертание Русской правды» (ВД, IV, 163), взяв на себя какие-то, точно нам неизвестные, обязательства. Пестель уверял, что Полиньяк должен был лишь узнать, существует ли во Франции тайное общество (ВД, IV, 117) и, если таковое существует, то, сойдясь с ним, сообщить о «Русской правде» (ВД, IV, 163). Бестужев-Рюмин, однако, несколько



ЗАПИСКА НИКОЛАЯ I К КОМЕНДАНТУ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ СУКИНУ С РАСПОРЯЖЕНИЕМ ПОМЕСТИТЬ П. И. ПЕСТЕЛЯ В АЛЕКСЕЕВСКИЙ РАВЕЛИН

Внизу помета рукой Сукина: «получ. 3-го генваря 1826 по полудни в 12-м часу»
Центральный исторический архив, Москва

иначе и более определенно излагает задачи миссии Полиньяка: по его словам, Полиньяк «имел порученность уведомить французских либералов, что и у нас существует политическое общество, многочисленное и могущественное, и что преобразование России скоро сбудется» (ВД, IX, 66).

Держать связь с уехавшим за границу Полиньяком было поручено Давыдову, который неоднократно писал ему. Сначала в своих показаниях Давыдов утверждал, что в письмах ничего не говорилось о делах Общества, но потом вынужден был признать, что «в одном из них коснулся до Общества», сообщив Полиньяку, «что русские друзья его не забывают и просят его не забывать его обещаний их любить и не оставлять своим уведомлением и тому подобное»[162]. Смысл этих внешне нейтральных обращений, конечно, совершенно бесспорен. Пестель уверял, что от Полиньяка не было получено никаких уведомлений (ВД, IV, 436); Давыдов же признал получение двух писем, отрицая, однако, какой-либо политический характер их.

К числу утраченных памятников и документов декабристского движения относятся и письма к Сергею Муравьеву солдат — участников восстания на юге.

Об этих письмах Следственной комиссии стало известно из показаний Д. Грохольского (ВД, VI, 309) и И. И. Горбачевского, который, впрочем, спутал С. Муравьева с Бестужевым-Рюминым (ВД, V, 221; VI, 221). Имя Бестужева-Рюмина в этой связи было названо и в показаниях Я. М. Андреевича (ВД, V, 224). Под давлением уличающих его показаний, С. Муравьев вынужден был признать факт получения письма от бывшего семеновца, рядового Пензенского полка, Федора Николаева (ВД, VI, 223),— однако Муравьев категорически отрицал какую-либо связь этих писем с подготавливаемым восстанием; по его словам, оно касалось исключительно денежной помощи и было «вовсе не возмутительное» (там же). Спрошенный по этому поводу рядовой того же полка, Ф. Н. Анойченко, подтвердил существование переписки между С. Муравьевым и бывшими семеновцами, назвав, кроме Федора Николаева, еще Андрея Бобылева (ВД, VI, 229), но ничего не сказал о содержании этих писем. Из показаний же Грохольского и Андреевича, который слышал о содержании этих писем от Бестужева-Рюмина, выясняется, что солдаты писали о своей готовности к восстанию и нетерпеливом ожидании его (ВД, VI, 309).

Все эти письма относятся к последним месяцам 1825 г.

VII. ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ОБЩЕСТВА СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН

Очень мало сведений сохранилось о памятниках политической мысли членов Общества Соединенных Славян. В нашем распоряжении имеются только два, но, правда, весьма важных документа: «Правила» Соединенных Славян (иначе: «Катехизис» Общества Соединенных Славян) и «Присяга». «Катехизис» дошел до нас на трех языках: русском, польском и французском (ВД, V, 12—17), «Присяга» (иначе: «Клятвенный лист») — на двух: русском и польском. На сохранившемся экземпляре имеется надпись: «Перевод клятвенного листа с польского» (ВД, V, 17). Довнар-Запольский полагал, что эта пометка сделана лишь из предосторожности[163]; Петр Борисов, однако, говорил, что он получил этот текст на польском языке от Люблинского. На суде Люблинский свое авторство отрицал, что подтвердил и Борисов, заявив, что текст присяги принадлежит ему, а Люблинским сделан лишь перевод на польский язык (ВД, V, 53). Все же этими показаниями вопрос об авторстве Люблинского еще не снимается: Петр Борисов вообще старался в своих показаниях не запутывать других и брал на себя бóльшую часть вины. Исключительно себе приписывал он и составление «Катехизиса». Между тем Андрей Борисов усиленно настаивал на своем авторстве. Не отрицал своего участия в составлении «Катехизиса» и Люблинский. Очевидно, этот памятник был результатом коллективного творчества: двух Борисовых и Люблинского [164].

С именем Петра Борисова связывается и ряд не дошедших до нас памятников, относящихся к предистории Общества Соединенных Славян. Еще будучи юнкером, то есть в 1816—1817 гг., он задумал организовать, по образцу «Пифагорейских таинственных сект», Общество, целью которого должны были быть «спокойная и уединенная жизнь, дружба и изучение природы» (ВД, V, 39). Позже оба брата, совместно с юнкером Волковым, организовали Общество, названное ими «Общество первого согласия», для которого Борисов нарисовал девиз: две руки, соединенные

Выгодовскаго

драгоцѣнное, все близко къ моему сердцу, отъ его оружія посредѣ страшныхъ мученій и дыхающимъ, а сей мечь стится вновнаго, пускай покроютъ Его ранами и безславіемъ и собравши на главу того всѣ тягости физическихъ и нравственныхъ золъ и напечатлѣютъ на семъ челѣ печать отверженія отъ цѣлой природы

Г. Ж. П. Ф. В. 3 Мая 1825 года

П. С. С.

1. Не надѣйся ни на кого кромѣ твоихъ другей, и своего — друзья тебѣ помогутъ — тебя защитить.
2. Нежелай имѣть раба когда самъ рабомъ быть нехочешь.
3. Каждый почтетъ тебя великимъ когда гордости избытку ласкать небудешь.
4. Простота воздержность и скромность ей блюсти тельницы сохранятъ твое спокойствіе.
5. Нежелай болѣе того что имѣешь и будешь независимымъ.
6. Богиня просвѣщенія пусть будетъ всегда пенатомъ твоимъ и удовольствіе съ любовію водворится въ домѣ твоемъ
7. Почитай науки, искуства, художества и ремесла. возвыдаше къ нимъ любовь до энтузіазма и ты будешь имѣть истинное уваженіе отъ друзей твоихъ.
8. Невѣжество съ дѣтьми своими гордостію, суетностію и фанатизмомъ, да будетъ твоимъ злымъ духомъ вельзевуда
9. Будешь терпѣть всѣ вѣроисповѣданія и обычаи другихъ

ЗНАК «ОБЩЕСТВА СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН»

Рисунок в записке «Правила Соединенных Славян», сохранившейся в следственном деле П. Ф. Выгодовского, 3 мая 1825 г.

Центральный исторический архив, Москва

над жертвенником, с надписью: «la gloire, l'amour et l'amitiè»* (ВД, V, 52). По инициативе Петра Борисова, оно было переименовано в «Общество друзей природы».

Относительно времени образования Общества показания братьев Борисовых расходятся: Петр называет 1818 год, Андрей — 1817. Эта дата представляется нам более точной; свидетельство же Петра Борисова относится уже к преобразованию Общества в новую организацию[165]. Довнар-Запольский считал «Общество первого согласия» лишь кружком для самообразования и отрицал наличие в нем политических идей[166]; но в сфере интересов этого юношеского кружка были и политические вопросы. Сам Петр Борисов указывал на раннее зарождение в нем «либеральных мыслей» («с младенчества был влюблен в демократию»), и недаром он стремился скрыть от следователей существование этого юношеского кружка.

«Общество друзей природы» имело уже новую эмблему, также нарисованную Петром Борисовым («солнце, выходящее из-за горного хребта и рассеивающее своими лучами собравшиеся над ними тучи с надписью: *„взойду и рассею мрак"*»); были составлены «Устав» и «Правила» и выработан текст «клятвенного обещания». «Устав» и «Обещание» были написаны Петром Борисовым, «Правила» же составлены обоими братьями (ВД, V, 52). Петр Борисов являлся автором и большинства последующих важнейших документов Общества Соединенных Славян. Им написаны: Устав 1824 года, «Мнение об учреждении собраний» (1825) и «Отчет» (1825). Неизвестно, существовал ли какой-нибудь устав до 1824 г.; руководилось ли Общество только «Катехизисом» и «Клятвой» или же располагало еще какими-либо другими установлениями. Может быть, именно отсутствие определенных организационных документов заставило руководителей Общества принять меры для его реорганизации и создания более четких статутных положений, которые определяли бы и направляли дальнейшую жизнь организации. Об этом сохранилось ясное свидетельство в «Записках» Горбачевского. «6 декабря 1824 года,— рассказывает он,— Борисов 2-й и Горбачевский, после долгого совещания, признали, что, для единства в действиях к скорейшему достижению предназначенной цели, необходимо ускорить ход Общества, дать новое образование оному, учредить порядок в делах и подвергнуть членов ответственности за их действия. В исполнение сей мысли первый написал проект окончательного образования Общества». Из этого рассказа и дальнейшего сообщения Горбачевского выясняются основные моменты выработанного Петром Борисовым Положения. Оно регулировало жизнь Общества, связывало членов Общества суровой и жесткой дисциплиной, определяло и обязанности их по отношению к Обществу и вне его, устанавливало обязательный денежный взнос. Характерной особенностью данного Устава, подчеркивавшей революционное начало в нем, являлось усиление значения президента Общества.

Уставом учреждалась должность секретаря Общества, также с большими организационными функциями. По формулировке Горбачевского, секретарь способствовал взаимным отношениям между членами, равно сношениям их с президентом; кроме того, ему вверялась общественная сумма, из коей, по согласию президента, выдавались деньги, назначаемые для всякого предприятия, признанного полезным Обществу[167]. Устав этот был обсужден и принят 25 марта 1825 г. О написанном Петром Борисовым «Мнении об учреждении собраний» известно из дела А. В. Веденяпина. Очевидно, это были какие-то дополнительные соображения к одному из пунктов Устава; эти соображения встретили оппо-

* слава, любовь и дружба (франц.).

зицию со стороны некоторых членов Общества, в частности — со стороны А. С. Пестова, который написал письменные возражения на них[168]. Основным пунктом возражения было указание «на излишность и невозможность таких собраний». Ни «Мнение» Борисова, ни «Замечания» Пестова до нас не дошли, и все сведения о них ограничиваются этими скудными сообщениями. И наконец, Петру Борисову же принадлежит последний уставно-организационный документ, связанный с революционной деятельностью Общества Соединенных Славян. Это — «Отчет», составленный Борисовым как президентом Общества во время переговоров с Южным обществом. Написанный Борисовым «Отчет» представлял полный свод всех уставных документов Общества, список его членов, обзор их действий и проект «нового образования Славянского Союза». Вероятно, именно на основании этого отчета Борисова выступил Горбачевский в своих «Записках» с изложением задач и целей Общества[169].

В процессе слияния двух революционных организаций крупную роль сыграл М. М. Спиридов, разработавший проект Устава объединенной организации. В нем был предусмотрен порядок избрания новых членов Общества и правила их поведения. Новые члены, по проекту Спиридова, принимались только через посредника; члены революционной организации не имели права без ведома и разрешения последней выходить в отставку или ходатайствовать о переводе из одной части в другую. Каждый член должен был нести ответственность «за свое бездействие», а также «за уклонение от совещаний» или за «неосторожность в разговорах»; за малую провинность виноватый временно устранялся от участия в совещаниях, за значительную провинность устанавливалось «наказание смертью».

Два выдающихся революционных документа вышли из среды Общества Соединенных Славян после соединения его с Южным обществом: «Записка» о готовности Общества к восстанию, составленная Горбачевским, и «Записка» Петра Борисова об артиллерийских снарядах. Об этих документах неоднократно упоминается в показаниях; наиболее подробно сообщил о них Горбачевский в своих «Записках». Петр Борисов опасался, что в момент восстания артиллерийские снаряды окажутся, вследствие «небрежности командиров», в неисправном состоянии,— поэтому он предложил руководителям «найти способы внушить начальству через кого-нибудь из близких к оному мысль об отдании приказа по корпусу насчет осмотра и переделки всех вообще зарядов и полагал необходимым привести сию меру в действие, по крайней мере в тех ротах артиллерии, где находятся члены Общества»[170]. В одном из показаний эта «Записка» названа: «Об опечности артиллерийских снарядов», что нужно расшифровать как указание на необходимость *опеки* (то есть постоянного наблюдения) со стороны членов Общества над состоянием снарядов.

«Записка» Горбачевского представляла собою, по формулировке Лорера, «Рапорт» о деятельности «Славян» и их работе по подготовке восстания (ВД, IV, 188—189)[171]. В официальных документах следствия этот «Рапорт» именуется запиской «об успехах в приобретении членов Общества»; в ней, по показанию Лорера, было написано, что «принято в члены несколько членов, кои готовы на все при первом сигнале». Одно из выражений «Рапорта», иллюстрирующее безусловную подготовленность к революционному выступлению, врезалось в память М. И. Муравьеву-Апостолу, и он, спустя сорок пять лет, воспроизвел его в своих мемуарах: «И лошади подкованы на зимние шипы»[172].

«Записки» Борисова и Горбачевского были переданы Бестужевым-Рюминым Пестелю, который широко пользовался ими в агитационных целях. Одно время они находились в руках Бобрищевых-Пушкиных и Заикина и после ареста Пестеля были сожжены ими.

VIII. АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ. ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. П. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА

В связи с принятием республиканской программы и выработкой планов революционного восстания перед членами тайных организаций встал вопрос о создании агитационно-пропагандистской литературы. Этот вопрос решительно был поставлен в 1823 г. при обсуждении условий приема новых членов и форм испытания последних. Как показывал Трубецкой, «тогда же предлагали писать различные вещи, которые могли бы быть распущены» (ВД, I, 53). При обсуждении «Правил» Северного общества Никита Муравьев сообщил о своей работе над «Политическим катехизисом», Рылеев вызвался написать «Катехизис свободного (по другим показаниям: вольного) человека», Е. П. Оболенский — «Об обязанностях гражданина», Н. И. Тургенев — «О суде присяжных»[173]. Оболенский называет еще два обязательства Н. И. Тургенева: «Написать о уголовном судопроизводстве и теорию уголовных законов» (ВД, I, 267). Последние темы несколько расходятся с линией, намеченной Никитой Муравьевым и Рылеевым, но их происхождение вполне выясняется из того же показания Трубецкого. Трубецким был выдвинут параллельный план создания произведений иного характера. Он предложил: «Писать различные замечания и рассуждения касательно просвещения, нравственности и различных частей управления как в России, так и в других землях, но что оные должны быть писаны так, чтоб не могли навести писавшему каких-либо неприятных последствий» (ВД, I, 53). Другими словами, по мысли Трубецкого, должен был быть создан ряд произведений, продолжающих линию «легальной пропаганды» 1810-х годов. Сочинения Н. И. Тургенева и были призваны ответить на это задание [174].

Намеченный план создания серии агитационно-пропагандистских памятников был реализован лишь частично. Оболенский написал то, что было ему поручено, но выполнил это неудачно. Свое сочинение он читал в присутствии Матвея Муравьева-Апостола, Николая Тургенева, Трубецкого и Никиты Муравьева; оно было известно также Рылееву и Нарышкину; читали его и другие члены Общества. По замыслу Оболенского, его сочинение являлось как бы комментарием к «Правилам» Тайного общества; по выражению П. Е. Щеголева, оно должно было служить «своеобразным оселком, на котором испытывалась пригодность» тех или иных лиц для Общества. «Оно было весьма не пространно,— рассказывал о нем на следствии сам Оболенский,— и заключало в себе главные отношения человека к семейству ⟨...⟩ и наконец к отечеству». Отношения к семье распределялись на два вида: «к семейству, от которого он происходит», и «к семейству, которое он сам основывает», то есть рассматривался вопрос об обязанностях сына, мужа и отца. Обязанности же к отечеству рассматривались «как заключающие в себе первые два отношения человека» (ВД, I, 267).

По свидетельству Матвея Муравьева-Апостола, сочинение Оболенского было переполнено примерами из римской истории (ВД, I, 257). Это замечание дает некоторый ключ для более четкого уяснения характера и общего смысла построения Оболенского. Общество уподоблялось большой семье, в которой растворялись родственные связи. Примеры римлян,— это, конечно, излюбленный в декабристской среде подвиг Брута, когда долг патриота-республиканца оказался выше естественных чувств отца. Обязанности семейные должны уступать место обязанностям гражданина перед отечеством. Все это построение имело, очевидно, слишком отвлеченный характер, почему и не удовлетворило его читателей. По характеристике М. Муравьева-Апостола, оно походило скорее на «школьную задачу». После товарищеской критики это сочинение было автором уничтожено.

присягу — и тутъ же я сказалъ, говоря о необходимости лишить Государя жизни для сверженія переворотовъ Россіи, то что показываетъ Мозгана. (Но объ остальныхъ особахъ Императорской фамиліи не упоминалъ) Борисовъ и Спиридовъ какъ я сказалъ выше присягнули въ нашемъ благочинѣ.

На третьемъ засѣданіи у Андреевича, взялъ я присягу и говорилъ рѣчь которую излагаю съ полной откровенностью. (Ее сообщалъ я Артамону Муравьеву, Матвѣю Муравьеву, Сергѣю Муравьеву, Пестелю, Трубецкому, и Кирилловичу.) Вотъ она:

Вѣкъ славы военной кончился съ Наполеономъ. Теперь настало время освобожденія Народовъ отъ угнетающаго ихъ рабства. Нынѣшніе Русскіе ознаменовавшіе себя столь блистательными подвигами въ войнѣ

ЗАПИСЬ РЕЧИ М. П. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА К ЧЛЕНАМ «ОБЩЕСТВА СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН». ВОСПРОИЗВЕДЕНА ИМ ПО ПАМЯТИ В ПОКАЗАНИЯХ, ДАННЫХ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ 5 АПРЕЛЯ 1826 г.

Лист с началом речи

Центральный исторический архив, Москва

Не выполнили своего обещания ни Никита Муравьев, ни Рылеев. Первый ограничился только той частью «Политического катехизиса», которая была им написана ранее («Любопытный разговор»), Рылеев же совсем оставил свой замысел. Впрочем, какие-то черновые наброски у него были: их видел и читал Оболенский. По его сообщению, Рылеев писал свой «Катехизис» в виде вопросов и ответов, «самым простым наречием». Катехизис был обращен к «простому классу людей» и говорил об их обязанностях «касательно земли, на которой они поселены» (ВД, I, 267). Несомненно, наряду с «обязанностями» простого человека, Рылеев говорил и о «правах» их, но эту сторону Оболенский замолчал или забыл о ней. Сохранилось, наконец, известие о каком-то рукописном катехизисе «в вопросах и ответах» на французском языке, находившемся в бумагах Вадковского и уничтоженном Трубецким (ВД, I, 51). О каком сочинении идет в данном случае речь: о переписанном или оригинальном, самого ли Вадковского или кого-либо из его товарищей — неизвестно. Следственный комитет не заинтересовался этим сообщением и не задавал по поводу него никаких вопросов Вадковскому.

К числу памятников декабристской агитационной литературы относятся и «русские грамотки» Рылеева — его пропагандистские письма, о характере и содержании которых можно судить по сохранившемуся осторожному упоминанию в письме Антропова к Рылееву: «Напиши, любезнейший, ко мне, обрадуй своими русскими грамотками, исполненными истинно духа славянского»[175]. Самые выдающиеся памятники агитационно-пропагандистской литературы были созданы в Южном обществе и связываются, главным образом, с именами Сергея Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина, особенно последнего, который должен быть признан самым замечательным и самым крупным в среде декабристов писателем — пропагандистом и агитатором.

Воссоздание подлинного облика М. П. Бестужева-Рюмина является заслугой исключительно советской науки. Дореволюционная историография совершенно исказила его образ, а чаще всего просто обходила, точно забывая, что самим Николаем I он был признан одним из вождей движения[176]. Характерно, что ни в старом, ни в новом издании «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Эфрона нет посвященной ему специальной статьи или хотя бы даже краткой справки. Довнар-Запольский говорил о нем в тоне легкой иронии[177]. Гораздо правильнее представлял себе роль и значение его В. И. Семевский, называвший его неизменно «замечательным деятелем», но Семевскому, по характеру его исследований, нигде не пришлось высказаться о Бестужеве-Рюмине более подробно и обстоятельно.

Краткая, но выразительная и верная характеристика Бестужева-Рюмина, позволяющая уяснить и его роль в истории декабристского движения и основные черты его нравственного облика, сделана М. В. Нечкиной в предисловии к девятому тому «Восстания декабристов». «В лице Бестужева-Рюмина, — пишет Нечкина, — перед нами — горячий патриот, страстно преданный родине и революционному делу. Энергичный и талантливый, всецело отдающий себя подготовке восстания, выдающийся организатор движения и пламенный оратор» (ВД, IX, 11). Бестужева-Рюмина часто изображали лишь как «тень» Сергея Муравьева-Апостола, как послушного и преданного исполнителя его планов и замыслов, но не проявлявшего собственной инициативы. В действительности же Бестужев был в полной мере сподвижником Сергея Муравьева и вместе с ним возглавлял наиболее революционную из всех декабристских организаций — Васильковскую управу. По свидетельству Матвея Муравьева-Апостола, Бестужев-Рюмин «более всех принял членов» (ВД, IX, 231). Он был активнейшим участником в разработке планов восстания и должен был явиться одним из трех военачальников: Сергей Муравьев должен был коман-

довать гвардией, Пестель — 2-й армией, а Бестужев — 3-м корпусом [178]. Его кипучая энергия, замечательное организаторское дарование и подлинный революционный темперамент особенно ярко проявились во время Васильковского восстания. Бестужев-Рюмин принимал участие во всех важнейших предприятиях Южного общества, сплошь и рядом выступая в первых ролях и выполняя самые ответственные поручения. Он «открыл», как прямо заявил об этом Юшневский, существование Общества Соединенных Славян и на него была возложена задача объединения «Славян» с Южным обществом. Он же открыл польскую революционную организацию. В «Донесении Следственной комиссии» сказано, что открытие Польского общества и переговоры с ним принадлежат к важнейшим действиям Южной директории. И там же вполне правильно отмечена огромная инициатива и организующая роль в этих переговорах Бестужева-Рюмина. Действительно, всю эту работу вынес на своих плечах Бестужев-Рюмин, за что ему была выражена Юшневским благодарность от имени Директории, как сообщил в своем показании Волконский [179].

«Договор» с польским Тайным обществом (1824), воспроизведенный Бестужевым-Рюминым по памяти, приведен в его «следственном деле» (ВД, IX, 70—74), однако ни в коем случае нельзя считать текст, сообщенный Следственной комиссии Бестужевым-Рюминым, совершенно идентичным не дошедшему до нас подлинному тексту. Он явно не полон: в нем сохранена только резолютивная часть и приведены пункты соглашения. Между тем из показаний А. В. Поджио и А. П. Юшневского следует, что Бестужев-Рюмин сделал Обществу полный «письменный отчет» о своих переговорах, стало быть в нем была и историческая часть и часть, повествующая о мерах, намеченных для реализации соглашения [180]. Вероятно, составной частью этого «Отчета» или «Приложением» к нему был составленный Бестужевым «Список членам польских обществ» (ВД, IV, 99, 120). Это был письменный доклад, представленный Бестужевым-Рюминым Директории Южного общества и содержавший характеристику четырех членов Директории польской. «В сем списке, — показывал Пестель,— был описан Хлопицкий: умнейшим, твердейшим и просвещеннейшим из всех четырех и притом имеющим наиболее влияния в Обществе. Терновский: с теми же качествами, но в меньшей мере. Княжевич: человеком немолодым, основательным и хранителем бумаг в Дрездене. Проскура же был описан как человек худой нравственности, хотя и не без способностей» (ВД, IV, 120).

Оба эти документа ярко свидетельствуют, что Бестужев-Рюмин был не только «выдающимся организатором» и «пламенным оратором-агитатором», но и политическим мыслителем. Ему принадлежит ряд поправок и дополнений к «Русской правде», а его показание о ней свидетельствует, что он не только глубоко изучил этот основной памятник революционной мысли декабризма, но и самостоятельно продумал его. Он был вместе с тем, и выдающимся писателем: ему принадлежит несколько политических «записок», он был соавтором Сергея Муравьева-Апостола в составлении «Православного катехизиса», ими обоими было составлено воззвание к восставшим войскам. Мы не знаем точно подлинной доли авторского участия каждого из них в создании этих произведений, но можно считать с достаточной достоверностью, что основным автором «Катехизиса» был Сергей Муравьев, в составлении же «Прокламации» главная роль принадлежала Бестужеву-Рюмину (ВД, IX, 35).

Писательский облик Бестужева-Рюмина приходится воссоздавать по крупинкам, тщательно учитывая все сведения о его несохранившихся произведениях и черпая материал из рассказов участников движения, из их показаний и его собственных признаний. Литературный талант Бестужева выразился в его «речах», известных нам лишь в отрывках.

М. В. Нечкина совершенно правильно рассматривает их как «важные источники» для изучения идейной жизни Тайного общества (ВД, IX, 13), но в них следует видеть не только выдающиеся «образцы ораторского искусства декабристов». Революционные речи Бестужева-Рюмина должны занять свое место и в истории русской литературы.

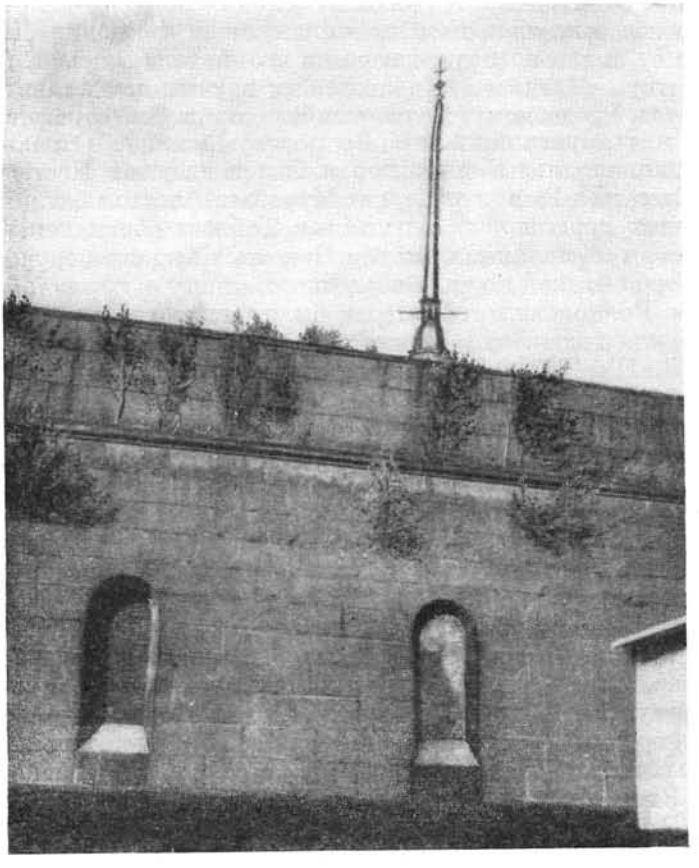
Выступления Бестужева-Рюмина имели различный характер: были речи-доклады, заранее подготовленные и написанные, и речи-импровизации, возникавшие по разным поводам: то как заключительные слова, то как пространные ответы на вопросы, предложенные слушателями, то как непредусмотренные заранее агитационные импровизации. Конечно, все эти выступления учесть невозможно,— мы можем говорить в данном случае лишь о речах-докладах и обращениях. Эти выступления Бестужева-Рюмина нельзя рассматривать только как импровизации. Они всегда были тщательно подготовлены и написаны. Сам Бестужев-Рюмин обычно говорил: «Я написал речь». Написанное он показывал своим товарищам, подвергая свой текст их дружескому суду и критике. Его речи читали Пестель, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы. Как письменные документы рассматривали их и сами декабристы. Об одной из таких речей С. Муравьев говорил: «Бестужев писал бумагу» (ВД, IV, 278). Наконец, они распространялись в многочисленных списках, стало быть, уже становились определенными и политическими документами и литературными памятниками. Некоторые его речи были чрезвычайно популярны среди членов Тайного общества и тщательно ими переписывались. У Матвея Муравьева-Апостола была копия речи Бестужева-Рюмина к «Славянам» (ВД, IX, 266), а «Мнение» Бестужева-Рюмина «об истреблении цесаревича» он сам переписал (ВД, IX, 263). «Речи» и «Мнения» Бестужева-Рюмина пересылались и в Петербург для сведения членов Северного общества. Корнилович привез в Петербург «Мнение об истреблении цесаревича» и список второй речи в собрании «Славян» (ВД, IX, 263) [181]; очень вероятно, что их распространял в Петербурге и Трубецкой.

Особенно популяризировал речи Бестужева-Рюмина Сергей Муравьев,— об этом свидетельствовал сам автор. «Часто, дабы увеличить мою репутацию,— говорил он,— С. Муравьев писанные мною бумаги многим членам показывал» (ВД, IX, 145). Одну из его речей помнил наизусть (если не целиком, то, во всяком случае, отдельные ее части) Артамон Муравьев (ВД, IX, 91). И, конечно, только потому, что эти речи имели определенную письменную форму, Бестужев-Рюмин сумел почти дословно (хотя далеко, как мы постараемся показать ниже, не полностью) сообщить одну из них Следственной комиссии.

Известно о двух речах Бестужева-Рюмина, произнесенных при обсуждении планов Тайного общества, и о нескольких выступлениях на собраниях Общества Соединенных Славян. Наиболее ранним из его выступлений следует считать речь «Об опасностях крутых мер». Именно о ней говорил Бестужев, как об «известной всему Обществу». Она была посвящена выдвинутому Директорией проекту «Об истреблении царской фамилии». Ее содержание известно из показания самого Бестужева и частично из показаний Сергея Муравьева-Апостола и Юшневского. На следствии Бестужев-Рюмин первоначально изображал свое выступление как принципиальное возражение против цареубийства, в действительности же этот вопрос рассматривался им исключительно с точки зрения революционной тактики. Юшневский, ссылаясь на свою слабую память, не отрицал, что «записка Бестужева» была «в том смысле, как он ⟨Бестужев-Рюмин⟩ показывает», но основное содержание ее он усматривал в опасениях Бестужева-Рюмина относительно возможности «со стороны какого-либо властолюбивого человека» «присвоить себе исключительную власть» (ВД, IX, 166).

Один из пунктов своей речи («о мерах для избежания реставрации») Бестужев-Рюмин привел «слово в слово» (ВД, IX, 91). Это и есть тот самый «параграф», который «помнил наизусть» Артамон Муравьев.

Есть некоторые трудности в определении хронологии этой речи. В первом показании Бестужев-Рюмин говорил, что произнес ее при вступлении в члены Общества на киевских контрактах 1823 г.; в



НЕВСКАЯ КУРТИНА ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ БЛИЗ НАРЫШКИНСКОГО БАСТИОНА

Фотография 1948 г.

Литературный музей, Москва

другом — что передал ее Юшневскому на контрактах 1824 г.; последняя дата внесена в резюме Следственной комиссии по делу Бестужева. Может быть, речь эта имела две редакции: первоначально была произнесена в 1823 г., а затем уже в окончательном виде была передана через Юшневского в Директорию.

Другая речь — «Мнение об истреблении цесаревича Константина Павловича» — известна как письмо к Варшавскому обществу или письмо к Гродецкому. Подробное показание дал об этом Матвей Муравьев: в начале 1825 г. Бестужев-Рюмин написал на французском языке «Мнение», в котором доказывал необходимость «истребления цесаревича», ибо «нельзя совершить переворота без помощи армии», а до тех пор пока цесаревич будет жив, «польское общество не может полагаться на своих

войск» (ВД, IX, 253 и 168). «Мнение» это было вызвано опасениями Бестужева-Рюмина относительно дальнейшей возможной тактики поляков. Он опасался, что «поляки воспользуются слабостью Южного общества и во время переворота» возведут Константина «на российский престол» в расчете получить от него, «в знак признательности», независимость Польши (ВД, IX, 68). Волконский упоминает еще о письме Бестужева-Рюмина к Антонию Чарковскому [182], но, видимо, оно не имело самостоятельного значения и являлось точной копией письма Гродецкому. Бестужев выступал с своим «Мнением» в заседании Директории, а затем уже от имени последней передал его в виде письма к Варшавскому обществу. «Мнение» это должен был вручить представителю Польского общества, Гродецкому, Волконский, но последний отказался от этого поручения и возвратил письмо Бестужеву-Рюмину. Отказ его имел, конечно, принципиальный характер и был поддержан Пестелем. В результате, Бестужев-Рюмин и Сергей Муравьев-Апостол были отстранены от дальнейших переговоров с польским Тайным обществом. Последующие переговоры с поляками вел сам Пестель и, по его поручению, Волконский. Бердичевская поездка последнего, отчету о которой было посвящено письмо Волконского к Пестелю, была вызвана этими переговорами.

Пестель утверждал, что Директория уничтожила письмо Бестужева-Рюмина (ВД, IV, 165), но списки его существовали. Как уже было сказано, один был у Матвея Муравьева-Апостола, другой — у Корниловича. Указанная в резюме Следственной комиссии дата этого письма (1825) не вполне точна. Данное «Мнение» было написано в 1824 г., но передано Волконскому, действительно, в начале 1825 г.

Самыми замечательными в этом ряду речей Бестужева-Рюмина являются его знаменитые выступления в собраниях членов Общества Соединенных Славян. В существующей литературе несколько запутан вопрос о числе этих выступлений и о количестве произнесенных речей. Горбачевский в «Записках» говорит о трех речах Бестужева-Рюмина (это число принимает и М. В. Нечкина). Однако свидетельство Горбачевского расходится с показаниями ряда участников этих совещаний и с показаниями самого Бестужева-Рюмина. На вопрос Следственной комиссии: «Кто сочинял говоренные вами в собраниях славян возмутительные речи»,— Бестужев заявил: «Я говорил две речи. Обе моего сочинения» (ВД, IX, 117, 124). Едва ли есть основания считать это показание стремлением Бестужева-Рюмина уменьшить количество произнесенных им речей. Следствие приняло уже в то время такой характер, что сокращение речей с трех до двух ничего бы не изменило в судьбе Бестужева-Рюмина, и ему не было никакой нужды говорить в данном случае неправду, рискуя быть изобличенным в таком, сравнительно незначительном, вопросе и тем самым вызвать недоверие ко всему показанию в целом.

Путаница произошла вследствие ошибки Горбачевского (в «Записках») в установлении числа собраний «Славян» в период обсуждения вопроса о слиянии с Южным обществом. Горбачевский утверждает, что их было пять: одно у П. И. Борисова и Пестова, на котором Бестужев-Рюмин произнес речь о Южном обществе, и четыре на квартире Я. М. Андреевича. На одном из них Бестужев-Рюмин не присутствовал: на нем читался «отчет» Борисова и был избран посредник; это происходило на третьем, по счету Горбачевского, заседании. На втором Бестужев-Рюмин познакомил присутствующих с «Государственным заветом»; на четвертом обсуждался «Устав», выработанный Спиридовым; на пятом, заключительном, совещании была принята «присяга». На двух последних собраниях Бестужев-Рюмин снова произнес речи. Такова схема Горбачевского.

Показания прочих членов Общества о количестве заседаний очень противоречивы, но ни в одном из них не говорится о пяти. В большинстве

показаний упоминаются лишь три заседания у Андреевича. Некоторые называют последнее заседание «вторым у Андреевича», очевидно учитывая желание Комиссии выяснить роль Бестужева-Рюмина и потому не принимая в расчет того собрания, на котором он не присутствовал. Андреевич первоначально говорил также лишь о двух, добавив, что на одном из них не было Бестужева-Рюмина (ВД, V, 381). Очевидно, из каких-то соображений он хотел умолчать о том собрании, на котором выступал с отчетом Борисов. Наконец, сам Бестужев-Рюмин совершенно определенно утверждал, что видел «Славян» только три раза: один раз — на квартире Пестова и два — у Андреевича (ВД, IX, 85).

Основное расхождение между свидетельством Горбачевского и показаниями его товарищей проявилось в вопросе о времени избрания двух посредников. По Горбачевскому, это происходило на предпоследнем совещании; по показаниям Борисова, Бечаснова и самого Спиридова— на последнем, то есть в том собрании, на котором была произведена присяга. Последнее собрание в изложении Горбачевского распалось на два.

Из этого уже совершенно последовательно вытекает, что и те две речи Бестужева, о которых упоминает Горбачевский, как о произнесенных на двух собраниях, составляли в действительности лишь одну. Это соответствует и личному показанию самого Бестужева о двух произнесенных им речах (одна — у Борисова и другая — у Андреевича). Правда, А. И. Тютчев показывал, что и на первом собрании у Андреевича Бестужев также читал речь (ВД, V, 439),— но это замечание стоит одиноко и противоречит всем остальным показаниям. На этом собрании Бестужев читал выдержки из «Государственного завета», сопровождая их соответственными комментариями. Возможно, что перед началом чтения Бестужевым было сказано вступительное слово, но написанной речи у него на том собрании не было. Показание же Тютчева вообще очень путанное.

Эти две речи могут быть озаглавлены следующим образом: «Речь о Южном обществе» (формулировка И. И. Горбачевского) и «Речь к членам Общества Соединенных Славян» («Речь ко всем», как назвал ее тот же Горбачевский). Содержание первой приведено у Горбачевского: Бестужев говорил «о силе своего Общества, об управлении оным Верховною думою, о готовности Москвы и Петербурга начать переворот, об участии в сих намерениях 2-й армии, Гвардейского корпуса и многих полков 3 и 4-го корпусов. Из его слов видно было, что конституция, заключающая в себе формы республиканского правления для России и получившая одобрение многих знаменитых публицистов английских, французских и германских, принята была единодушно и членами Южного общества». М. В. Нечкина, основываясь на показаниях других участников этого собрания, вводит ряд дополнительных подробностей: Бестужев-Рюмин указал, что своевременная подготовка конституции обеспечит безболезненность переворота; перечислил силы южан, указал на большое количество членов и сочувствующих в Москве и развил теорию о двух разновидностях революций: французской и испанской[183].

Сообщению о Южном обществе было предпослано,—пишет М. В. Нечкина,—«удачное введение». «Широкими штрихами» Бестужев-Рюмин «очертил бесправие в армии, тяжкое положение солдата и офицера, угнетенного начальством, на которое нельзя жаловаться, напомнил о крайнем бесправии крестьян, о недостатках системы правления, о несправедливости высших властей», о «необходимости перемены правления» и т. д. Восторженный Бечаснов запомнил несколько ярких цитат из речи Бестужева-Рюмина: «Довольно уже страдали!»; «стыдно терпеть угнетение»; «все благородномыслящие люди решились свергнуть с себя иго»; «все унижены и презрены слишком, а в особенности офицеры»; «благородство должно одушевлять каждого к исполнению великого предприятия — освобождения

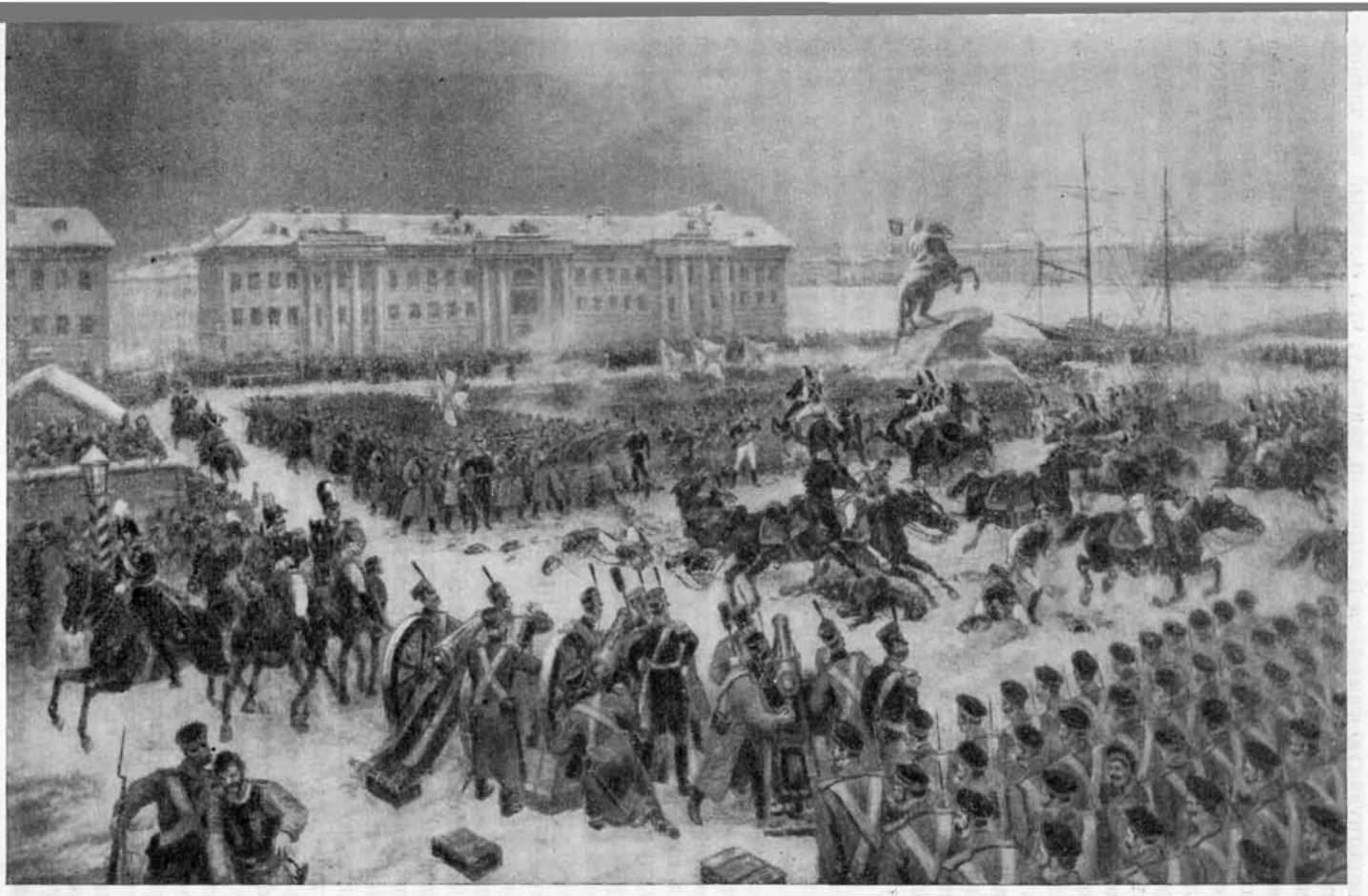
несчастного своего отечества, слава для избавителей в позднейшем потомстве, вечная благодарность отечества» (ВД, V, 279). Возможно, что Бечаснов в данном случае не вполне точен, и цитируемые им выражения находились не в первой, а во второй речи Бестужева-Рюмина. В показаниях о второй речи Бечаснов вновь приводит те же выражения.

Реконструкция Нечкиной очень живо и ярко воспроизводит сущность речи Бестужева-Рюмина и позволяет почувствовать ее общий дух и стиль. Но в этой реконструкции имеются и некоторые неточности. Состав Южного общества был назван Бестужевым-Рюминым не в этой речи, а во время беседы по поводу «Государственного завета», и сделано это было им весьма неохотно, под сильным нажимом присутствующих. Явная неточность—и в упоминании о двух типах революций. Нечкина полагает, что Бестужев-Рюмин горячо говорил об этом и в первой и в последней речи. Едва ли возможно, чтобы в своих речах он дважды обращался к одной и той же теме; по Горбачевскому, упоминание об испанской революции было сделано Бестужевым на собрании у Андреевича [184].

Была ли эта речь импровизированной или представляла собой подготовленный и написанный доклад? Нечкина склонна считать ее импровизированной; свое изложение первой речи она предваряет такими словами: «Бестужев имел агитаторские способности, чувствовал их в себе, любил говорить» [185]. Но сам Бестужев не делал различия между обеими своими речами, называя и ту, и другую сочиненной им (ВД, IX, 117). Из некоторых показаний видно, что эта речь была прочитана. Бечаснов добавляет даже такую подробность, что Бестужев начал говорить «севши за стол» (ВД, V, 279). Тютчев явно путает (как это видно из его изложения самой речи) собрание у Борисова и первое собрание у Андреевича, но и он также подчеркивает, что Бестужев читал речь (ВД, V, 439).

Содержание второй речи известно по воспроизведению ее самим Бестужевым-Рюминым. Но оно не дает полного представления об этой замечательной речи. На допросе Бестужев-Рюмин о многом умолчал и скрыл самое существенное, но даже и в этой краткой передаче чувствуется ее страстный революционный пафос, и становится вполне понятным пламенное волнение и горячий энтузиазм, которыми были охвачены слушатели.

В действительности эта речь была и более страстной и более решительной по тону и содержала развернутую программу действий, о чем совершенно умалчивал на следствии Бестужев-Рюмин. В его передаче остается в стороне и основная цель выступления: добиться соединения двух организаций и признания руководящей роли Верховной думы. В этой же речи были намечены и ближайшие задачи по подготовке восстания. Речь Бестужева-Рюмина была и анализом современного положения (с цитатами из записки Штейнгеля), и призывом к объединению, и планом революционной борьбы. Андреевич показывал, что Бестужев требовал решительного «действия на солдат»: необходимо,— говорил он,— указывать на «несправедливость нынешнего правительства, выставляя на вид пользу от перемены оного и открывая, сколь важен пост солдата», и объяснять, что «согласием и решимостью своею они могут облегчить состояние свое и своих соотечественников» (ВД, V, 404—405). Бестужев-Рюмин приводил примеры тех методов, которые следует применять при агитационно-пропагандистской работе среди солдат. Нужно ссылаться,— говорил он,— и на свой пример, то есть указывать, что и сами (офицеры, ведущие пропаганду) решаются принести жизнь свою на жертву для освобождения их от рабства. По Бечаснову, смысл речи Бестужева-Рюмина сводился к необходимости требовать с оружием в руках конституции (ВД, V, 281). А. С. Пестов характеризует ее как речь «о выгодах республиканского правления и о будущем блаженстве» (ВД, V, 340). Тут же Бестужев-Рюмин впервые открыто поставил перед «Славянами» вопрос о цареубийстве.



ВОССТАНИЕ НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ 14 ДЕКАБРЯ 1825 г.
Картина маслом Р. Р. Френца, 1950 г.
Музей революции ИМЭЛС при ЦК КПСС, Ленинград

Он говорил, по свидетельству Бечаснова, «о необходимости уничтожить всю царствующую фамилию» и выражал надежду, что «каждый из членов будет столько иметь величия духа и отважности, что для освобождения отечества от ига не содрогнется нанести удар, хотя бы и самому государю» (ВД, V, 299). Бечаснов запомнил и одно из выражений Бестужева об уничтожении царской фамилии: «Надобно самый прах их по земле рассеять» (ВД, V, 286). Это выражение процитировано и автором «Донесения». Горбачевский, так же как и Бечаснов, говорит о звучавших в речи Бестужева призывах к самопожертвованию для блага своих сограждан. Очень сдержанное и глухое показание об этой речи дал Спиридов. Сославшись на плохую память, он ограничился лишь ее общей характеристикой, сказав, что она была направлена «к воспламенению умов» (ВД, V, 113, 129).

О впечатлении, произведенном на слушателей этой речью Бестужева-Рюмина, ярко свидетельствуют показания Бечаснова, воспоминания Горбачевского [186] и особенно показания Андреевича. После этой речи, рассказывал на суде Андреевич, «он, Андреевич, в знак согласия целовал крест и объявил готовность свою на все, чего оное Общество ни потребует для блага народа; решился мстить тому, кто причиною тиранства, слез и притеснений, и действовал сообразно с наставлением Бестужева» (ВД, V, 405). Это настроение, по его свидетельству, охватило всех собравшихся, которые также «клялись мстить своему мучителю, кто бы он ни был, хотя бы даже в царствующей особе заключалась причина их угнетения». В том же собрании,— добавлял Андреевич,— было положено «уверясь в доверенности и решимости войск», идти весной на Москву и там «при собрании целого народа объявить конституцию» и нынешний образ правления «совсем уничтожить» (ВД, V, 405). Ясно, что все эти формулировки и решения повторяют ход мыслей Бестужева и частично воспроизводят даже его подлинные выражения.

IX. ЛИТЕРАТУРА ДНЕЙ ВОССТАНИЙ В ПЕТЕРБУРГЕ И НА ЮГЕ

Революционно-политическая литература декабризма завершается тремя замечательными памятниками, созданными в дни самих восстаний в Петербурге и на Юге. Это так называемый «Манифест 14 декабря» («Манифест к русскому народу»), «Воззвание к народу» М. П. Бестужева-Рюмина и «Памятная записка» («План действий») П. И. Борисова. Из них известен полностью только второй («Воззвание к народу»), «Памятная записка» известна лишь по пересказу Горбачевского[187].

«Манифестом к русскому народу» в научной литературе о декабристах именуется манифест, составленный накануне восстания, который было предположено обнародовать от имени Сената. Текст его утрачен; сохранилась лишь черновая запись, обнаруженная в бумагах Трубецкого. Подробному анализу политико-идеологической сущности этого документа и истории его возникновения посвящено несколько страниц в недавнем исследовании М. В. Нечкиной, но ряд вопросов, касающихся текста манифеста, остается не вполне выясненным.

Текст, найденный у Трубецкого, не имеет ни обращения, ни заключительной части и содержит лишь перечень основных мер, которые должны быть внесены в манифест Сената, и перечень мероприятий, исполнение которых возлагалось на Временное правительство (ВД, I, 107—108). В сущности, текст Трубецкого нельзя даже назвать черновой записью— это, скорее, беглый конспективный проект. Так считает и Нечкина: этот текст «являлся для него ⟨Трубецкого⟩ лишь конспектом будущего

документа» [187]. Исследовательница полагает, что «окончательное оформление» его Трубецкой откладывал «до выяснения всех обстоятельств предстоящих переговоров» [188]. Аксенов доказывает, что *существовал полный выработанный текст манифеста*; этот текст должен был находиться у Пущина и Рылеева, которым было поручено предъявить его Сенату [189].

Действительно, трудно допустить, чтобы восставшие не заготовили заблаговременно того документа, с предъявления которого для подписи Сенату и должно было начаться самое восстание. Трудно допустить, что окончательный текст манифеста предположено было составить после переговоров с Сенатом: в Сенат шли не для переговоров и выработки каких-либо предварительных условий, а для того, чтобы силой, опираясь на стоявшие под окнами сенатского здания войска, принудить сенаторов подписать предъявленный им текст манифеста. Переговоры, редактирование и переписывание текста отняли бы слишком много времени, что, конечно, не могло входить в расчеты вождей восстания и грозило бы сорвать план в самом начале его осуществления. Поэтому следует признать, что текст манифеста существовал и находился у Рылеева, который его и уничтожил.

Автором манифеста принято считать одного Трубецкого (Н. Ф. Лавров), хотя Нечкина [190], а вслед за нею и Аксенов [191] отмечают, что «текст манифеста отражал мнение не одного Трубецкого, а был результатом длительных переговоров и обсуждения соответствующих вопросов в Тайном обществе». Однако никем из писавших по этому поводу не учтено категорическое сообщение самого Трубецкого, сохраненное Е. И. Якушкиным. Рассказывая последнему подробности допроса его Николаем I, Трубецкой упомянул и о найденном у него тексте манифеста. «Это была программа 14-го, которую мы составили *вместе с Рылеевым*» ⟨курсив наш. — *М.А.*⟩[192]. Но в предварительных обсуждениях текста манифеста принимали участие и другие. Батеньков признавался, что в манифесте можно найти и «нечто ему принадлежащее»; автор же «Донесения» считал участие Батенькова весьма значительным и важным. В письме к С. М. Семенову Пущин писал: «Мы работаем ежедневно с Трубецким и мы все время вместе». М. Ф. Орлов расшифровывал это выражение в письме Пущина, как обсуждение конституции или манифеста [193]. Он высказал свое замечание как догадку. Но он хорошо знал, над чем работали Трубецкой Рылеев, Пущин и другие участники этих совещаний. Ведь, кроме писем, доставленных в Москву Свистуновым, московские члены Тайного общества, несомненно, имели и дополнительные сведения о подготовке восстания.

Кроме того, известно, что над составлением манифеста трудились и В. И. Штейнгель и Н. А. Бестужев. Написанные ими тексты они уничтожили. Нечкина и Аксенов полагают, что Бестужев и Штейнгель писали введение к манифесту. Но почему манифест и вводная часть к нему писались раздельно? Текст, написанный Бестужевым, видел и читал Торсон: «Н. Бестужев перед 14-м числом показывал ⟨ему⟩ проект манифеста, по которому, устраняя наследника престола, предлагалось собрание членов для положения мер». В другом показании он добавляет, что виденный им текст был черновым проектом («черновое обнародование») и что автором его был Николай Бестужев [194].

Не ясно, какое отношение имела работа Бестужева к тому, что писал Штейнгель. Если у них были параллельные поручения, должен бы был неминуемо возникнуть вопрос о согласовании их участия и о выработке на основе представленных ими проектов окончательного текста. Между тем нет никаких намеков на какую-либо координацию ими своих действий. Штейнгель, уходя с совещания у Рылеева, сказал, что идет «дописывать

манифест»; об этом эпизоде сообщил на следствии Трубецкой, но вне какой-либо связи с тем манифестом, писать который он считал своей прерогативой (ВД, I, 105). Возникает предположение: не было ли намечено составление *двух манифестов*, как это было предусмотрено планом общего революционного выступления, составленным на юге и привезенным в Петербург Трубецким. Этот план оказал несомненное влияние на выработку плана 14 декабря. В полном соответствии с ним революция начиналась обращением с манифестом к народу от имени Сената, который должен быть принужден к этому силой. Как отмечает и Нечкина, по плану южан, наряду с обращением к народу от имени Сената, должно быть выпущено и обращение от Синода. Из показаний М. И. Муравьева-Апостола и Пестеля выяснилось, что после «первого действия революции» предполагалось «собрать Синод и Сенат и заставить их силою, если нужно будет, издать два манифеста, *первый* от Синода, всему русскому народу присягнуть Временному правительству, которое должны были составить директоры Общества»; другой манифест от Сената, коим надлежало «дать понятие народу», что Временное правительство обязывалось ввести новый порядок, «дабы отвести подозрение, что директоры хотят себе присвоить власть» (ВД, IV, 185, 219). Наличие такого плана подтвердил и Оболенский (ВД, I, 260).

Штейнгель же, как полагает на основании анализа его показаний Семевский, писал свой манифест от имени Сената и Синода. На допросах он утверждал, что «сам разорвал» написанное на квартире Рылеева, «ни выражений, ни оборотов не помнит, знает только, что он ⟨манифест⟩ был следствием плана Рылеева и что в нем положена была мысль ⟨...⟩, что когда великие князья не хотят быть отцами народа, то осталось ему самому избрать свое правление» [195].

Существовал еще один документ. На одном из совещаний по выработке плана восстания Штейнгель предлагал «объявить возведение на престол» Елизаветы Алексеевны и даже заготовил проект манифеста: «Приказ войскам». Текст его приведен в «Донесении» [196]. Штейнгелю потому и было поручено написать манифест, что у него уже был готов один вариант, который можно было использовать при составлении нового текста. Формулировка мысли о праве народа самому «избрать свое правление» была заимствована из этого текста. Отсутствие соответствующих материалов не позволяет окончательно решить вопрос о содержании и характере манифестов, которые писали Бестужев и Штейнгель, и взаимоотношений их текстов с манифестом, выработанным на заседаниях у Трубецкого.

Есть ряд известий о важных и ответственных политических письмах, отправленных руководителями восстания на Юг и в Москву в дни, непосредственно предшествовавшие 14 декабря: письма Трубецкого к Сергею Муравьеву и М. Ф. Орлову и письмо И. И. Пущина к С. М. Семенову. Письмо к Муравьеву было отправлено с братом последнего, Ипполитом Муравьевым-Апостолом; к Орлову — со Свистуновым. Ипполит Муравьев выехал из Петербурга вместе с Свистуновым и после ареста последнего счел необходимым письмо Трубецкого уничтожить. Вероятно, он перед этим выучил его наизусть, так как при встрече с братьями подробно изложил его содержание.

На следствии Трубецкой сводил содержание своего послания к невинной и незначительной информации о петербургских настроениях после смерти Александра I. Он уверял даже, будто выражал беспокойство за возможные последствия, если «правительство не примет хороших мер для приведения войска к присяге»; наконец, будто он желал, чтобы Муравьев не преувеличивал его роли в том, «что произойти могло» (ВД, I,42, 50). Снимая все оговорки и интерпретации, можно легко понять, в чем

состояло основное содержание этого послания, написанного и отправленного накануне уже назначенного выступления. Это было письмо петербургского «диктатора» к вождю другой революционной организации. Помимо точной информации (не о петербургских настроениях, конечно, а о плане восстания), оно содержало. несомненно, требование немедленного выступления на Юге.

О назначенном восстании Трубецкой сообщал и М. Ф. Орлову, приглашая его приехать в Петербург (ВД, I, 58—59). Можно считать более

В. И. ШТЕЙНГЕЛЬ
Автолитография О. Ойстеррейха, 1823 г.
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

или менее установленным, что Орлов вызывался в Москву для участия во Временном правительстве. Как очень убедительно доказано М. В. Нечкиной, это письмо было написано и отправлено с ведома всей думы [197]. Одновременно же было отправлено и то письмо Пущина к Семенову, о содержании которого сообщал Орлов [198]. Адресованное Семенову, оно не было личным письмом к нему, а посланием к московским членам Тайного общества с извещением о ходе подготовки к восстанию и о шансах на успех. Быть может, в нем содержалось и другое, о чем умолчал Орлов: в частности, указание на необходимость определенных действий со стороны москвичей, и потому-то Фонвизин и поспешил с ним к Орлову. Вечером 14 декабря Рылеев предлагал Оржицкому срочно выехать на юг

с извещением об измене Трубецкого и Якубовича (ВД, I, 164). Возможно, что уже было заготовлено соответственное письмо.

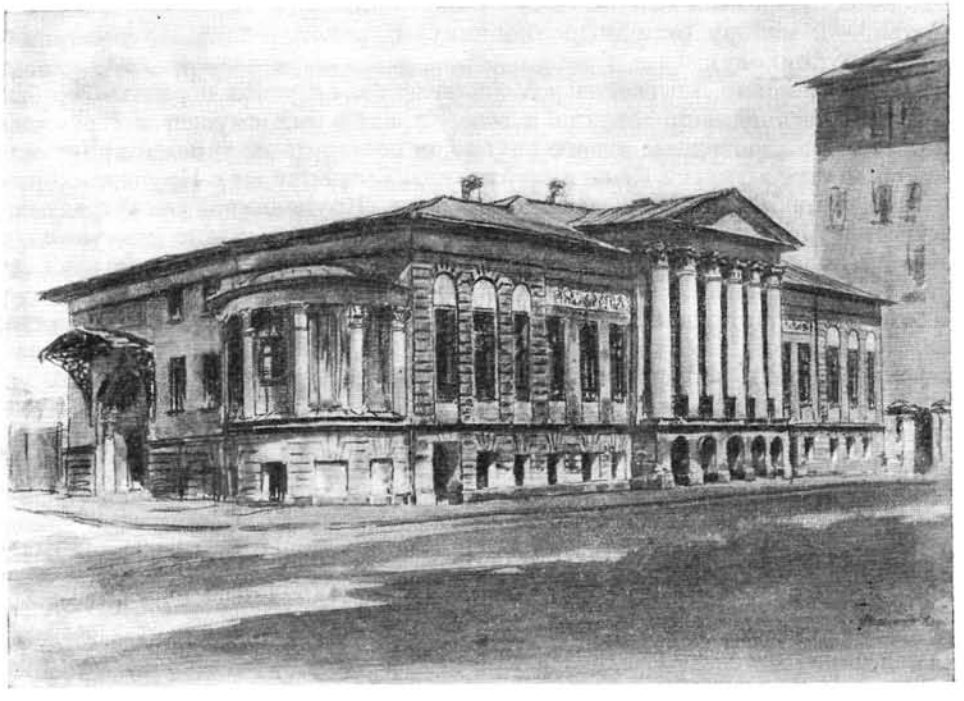
Литературно-политическими памятниками южного восстания являются, главным образом, письма участников движения, написанные, по выражению одного из них (П. И. Борисова), «при известии о близкой революции» (ВД, V, 59) и уже вне всякой заботы об осторожности и конспирации, когда «опасность заставила забыть все правила» (ВД, V, 49). По своему содержанию, это — письма и небольшие записки-инструкции, призывы к выступлению, информации и пр. Если бы они полностью сохранились (до нас дошло лишь самое незначительное число их), мы располагали бы ценнейшими материалами для более точного восстановления истории южного восстания и для характеристики его деятелей. Так, например, только из кратких упоминаний о записках, принадлежащих И. И. Иванову и И. В. Кирееву, выясняется подлинный героический облик этих энтузиастических рядовых революции (ВД, V, 38, 51, 88 и др.).

С гибелью названных документов историческая наука лишилась первоклассных источников, а вместе с тем, оказались утраченными и ценнейшие литературные памятники, яркие образцы революционно-романтического стиля эпохи. Примером их могут служить дошедшие до нас отрывки писем Бестужева-Рюмина или Петра Борисова. О письме последнего (1 января 1826 г.) к Тютчеву, Громницкому и Лисовскому (это письмо можно рассматривать и как воззвание) Горбачевский позже так вспоминал: он написал «в весьма сильных выражениях, напомнил им священные узы, их соединяющие, клятву, данную Южному обществу, общую опасность, законы чести,— одним словом — все, что только могло пробудить в них самоотвержение и решить трудный выбор между смертию и позором»[199]. Сам Борисов показывал на следствии, что в этих письмах он «изобразил грозу, сбирающуюся над главами преобразователей, напоминал им о клятве и честном слове, данном нами Бестужеву, и предлагал, возбудя в солдатах революционный дух, идти в г. Новград Волынский и т. д.» (ВД, V, 38).

Основной фонд литературно-политических памятников южного восстания устанавливается следующим образом: письма Сергея Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина, письмо Поджио к Волконскому, написанное сразу же по получении известия об аресте Пестеля, и письма «Славян»— П. и А. Борисовых, Горбачевского, Андреевича, Иванова, Киреева. В состав этого фонда входит, занимая в нем одно из центральных мест, «Памятная записка» «Славян», составленная с их «общего согласия» Петром Борисовым.

Хронологически этот цикл открывается письмами Бестужева-Рюмина к «Славянам» и письмом А. В. Поджио к Волконскому. Содержание последнего письма (от 22 декабря) раскрывается из показаний Волконского, которые подтвердил и Поджио. Поджио заклинал Волконского и Давыдова спасти во что бы то ни стало Пестеля. Он писал, что их общая гибель уже стала неизбежной, коль скоро Общество раскрыто, что всех ожидают казни и нет оснований надеяться на милосердие, когда уже «начались гонения». Он напоминал Волконскому его собственные слова, сказанные им когда-то об обязанности каждого выполнить свои обязательства по отношению к товарищам. «Выполните же свой долг,— заканчивал он письмо,— а я выполню свой». К письму была приложена специальная записка, составленная Поджио и содержащая изложение плана Пестеля, выработанного последним еще в 1824 г. План этот предусматривал возможное соединение сил «в случае начатия действия»: «соединить полки 19-й дивизии с Вятским полком, напасть на Тульчин и арестовать главную квартиру ⟨2-й армии⟩»[200].

Из писем Сергея Муравьева-Апостола этого периода наиболее примечательно письмо его к Бестужеву-Рюмину от 25 декабря 1825 г. (из Чуднова в Васильков), о котором стало известно из показания Грохольского (ВД, VI, 308—311). Оно содержало подробную информацию о восстании в Петербурге и наказ Бестужеву-Рюмину ехать в Киев для переговоров с Ренненкампфом, о котором у них уже была переписка. Письмо Муравьева не застало в Василькове Бестужева-Рюмина; письмо принял М. А. Щепилло, распечатал и прочитал вслух в присутствии Ф. М. Башмакова, А. С. Войниловича, И. И. Сухинова, В. Н. Петина, А. Д. Кузьмина и В. Н. Соловьева. С. И. Муравьев-Апостол утверждал, что письмо



ДОМ НА УГЛУ УЛИЦЫ КАРЛА МАРКСА (РАНЕЕ СТАРОЙ БАСМАННОЙ) И БАБУШКИНА ПЕРЕУЛКА В МОСКВЕ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ И. М. МУРАВЬЕВУ-АПОСТОЛУ, ОТЦУ ДЕКАБРИСТОВ С. И. и М. И. МУРАВЬЕВЫХ-АПОСТОЛОВ

Акварель Э. Б. Бернштейна, 1950 г.

Литературный музей, Москва

имело исключительно информационный характер и не заключало в себе никаких поручений Бестужеву [201]. Показание Муравьева-Апостола подтвердил и Бестужев-Рюмин. Очевидно, они оба хотели выгородить Ренненкампфа. Очень важным инструктивным письмом являлось письмо С. И. Муравьева-Апостола (от 30 декабря 1825 г.) к А. Ф. Вадковскому, на которого вожди восстания возлагали большие надежды, так как он должен быть поднять 17-й Егерский полк (ВД, VI, 322).

В истории южного восстания до сих пор остается неразъясненным до конца вопрос о киевских письмах Сергея Муравьева-Апостола, то есть о письмах, которые он послал, немедленно после выступления, в Киев с Мозалевским. Поездка Мозалевского должна была иметь огромное значение, так как была связана с планом «захвата первоклассной крепости и административно-экономического центра всего Юго-Западного края» (ВД, VI, 327—328), — и тем не менее она до сих пор представляется

неясной и даже в некоторых отношениях загадочной. Яркий и красочный рассказ о ней находится в «Записках» Горбачевского. Необходимо учесть, что после окончания тюремного заключения Мозалевский в течение ряда лет (с 1839 по 1850 г.) жил на поселении в Петровском заводе вместе с Горбачевским, и, конечно, все, что относится в «Записках» Горбачевского к Мозалевскому, написано со слов последнего, и ответственность за точность их должна быть возложена на него же. Из рассказа Мозалевского, воспроизведенного Горбачевским, следует, что Муравьев дал ему несколько экземпляров «Катехизиса» для распространения в Киеве и три письма. Одно из них было к какому-то генералу, фамилию которого ни Горбачевский, ни Мозалевский не называют, второе — к какому-то (также остающемуся неизвестным) члену польского Тайного общества и третье — к майору (или подполковнику) Курского полка Крупенникову (или Крупникову).

Первое письмо, по рассказу Мозалевского, он успел передать, но был встречен весьма неприветливо, и генерал явно был смущен и стремился скорей его выпроводить; второе письмо он доставить не успел и при аресте разорвал его, а «куски бумаги проглотил». Свидание же с Крупенниковым весьма подробно изложено у Горбачевского. Крупенников очень радушно встретил Мозалевского, подробно расспрашивал о плане восстания и обещал полное содействие. Самому же Мозалевскому он посоветовал немедленно возвращаться, что тот и выполнил, но вскоре же был арестован. Однако, как установлено, никакого майора Курского полка Крупенникова, или Крупникова, не существовало (см. ВД, VI, 384). На следствии Мозалевский заявил, что он не мог найти майора Крупенникова, или Крупникова, письмо же, адресованное к нему, утерял (ВД, VI, 21, 148). Бывшие с ним нижние чины Алексей Федоров, Аким Софронов, Павел Прокофьев и унтер-офицер Иван Харитонов показали, что они действительно прибыли в расположение Курского полка, усиленно розыскивали там майора Крупенникова (Крупникова, Крупенкина), но получили сведения, что майора с такой фамилией в полку нет (ВД, VI, 21—23). Их показания дополняются и подтверждаются свидетельствами писарей Курского полка Кузьмы Карпова и Степана Кошелева, которых Мозалевский расспрашивал о Крупенникове (ВД, VI, 23—24). Таким образом, выясняется с полной очевидностью, что письмо Муравьева не было доставлено, и никакой товарищеской беседы Мозалевского с Крупенниковым не было. Внесенный в воспоминания Горбачевского рассказ Мозалевского нужно считать недостоверным и вымышленным. Столь же недостоверным представляется рассказ и об остальных письмах, которые якобы передал ему Муравьев [202].

Довольно значительное количество инструктивных писем, воззваний, приказов было написано и разослано в эти дни и накануне их М. П. Бестужевым-Рюминым. Главнейшими и характернейшими из них являются его письма к Горбачевскому. Горбачевский до восстания дважды писал Бестужеву-Рюмину. В одном из его писем заключалось уведомление о произведенном среди «Славян» денежном сборе в пользу Башмакова (ВД, V, 225); в другом, адресованном Бестужеву-Рюмину и С. И. Муравьеву-Апостолу, содержался известный «рапорт» об успехах Общества и настроениях солдат. Это письмо имело и личную приписку к Бестужеву-Рюмину с упреком за длительное молчание, в частности — за отсутствие ответа на первое письмо Горбачевского (ВД, V, 225). Бестужев-Рюмин ответил Горбачевскому вскоре по получении известия о смерти Александра I, и письмо его, посланное через Андреевича, дошло до Горбачевского и П. И. Борисова 20 декабря 1825 г. О содержании этого письма сохранился ряд показаний: Бестужева-Рюмина, Горбачевского, Андреевича, Киреева. Горбачевский сначала уверял, что это письмо содержало только бла-

годарность за присланные деньги для Башмакова; позже он вынужден был признать, что в нем было также приглашение «к дальнейшим действиям» (ВД, V, 221, 223). Борисов добавляет, что в этом письме находилось известие о скором начатии действий (ВД, V, 223). Сам Бестужев-Рюмин так изложил содержание письма: «Я чрез Андреевича писал Горбачевскому, что Общество должно быть благодарно Славянам за их труды; чтобы они старались обуздать рвение бригады до удобного времени, но чтобы поддерживали существующий дух» (ВД, VI, 222). Более подробно излагают содержание этого письма Горбачевский в «Записках» и Бечаснов в «показании», воссоздавая не только общий смысл его, но и самый стиль: Бестужев приглашал Горбачевского и Спиридова приехать вместе с П. И. Борисовым 15 января 1826 г. в Киев и просил «ускорить дело и употребить все усилия к приготовлению нижних чинов». «Нам представляется случай ранее, нежели мы думали, умереть со славою за свободу отечества. Может быть, в феврале или марте месяце голос родины соберет нас вокруг хоругви свободы». Ценные штрихи сохранил в своем показании и Бечаснов. Бестужев писал,— показывал он, — что «нет надобности напоминать нам (то есть округу) благороднейшего обета и поддерживать дух, ибо это (говорит) предоставляется душам робким и низким, но что нас он знает как людей благороднейших — при чем извещает, что в распоряжениях Думы произошла перемена и что действия откроются скорее, нежели ожидали, а потому он уверен, что мы разделим со всеми труды и славу» (ВД, V, 281).

Ответом на это письмо и была написанная в ту же ночь «Памятная записка» П. И. Борисова, в составлении которой участвовали, кроме него, Горбачевский, Андреевич и Бечасный. Она содержала отчет о реальных силах революции в 8-й артиллерийской бригаде и указывала необходимые мероприятия, которые должен был выполнить Муравьев-Апостол для обеспечения успеха выступления; в числе их было требование немедленного «по восстании» объявления «скорого освобождения крестьян». Сохранилось известие о письме Бестужева-Рюмина к Спиридову от 27 декабря 1825 г. В нем Бестужев извещал, что Общество открыто, и требовал, чтобы «через 8 дней все были готовы» (ВД, IX, 109, 119). Дошло ли это письмо до Спиридова, не ясно, так как Артамон Муравьев, которому Бестужев поручил передать его, утверждал, что он «записку сию» сжег (ВД, IX, 109). Одновременно Бестужев-Рюмин отправил письмо Жукову с призывом поднять гусарский полк принца Оранского (ВД, IX, 173, 175).

Разработанным планом восстания являлись и письма Иванова и Киреева к П. И. Борисову. Борисов уверял на следствии, что письмо Киреева содержало лишь информацию о беспрерывных арестах и намерении «Славян», «для избежания наказания, умереть» (ВД, V, 56); о записке же Иванова он отказался дать подробные показания, ссылаясь на то, что она была «худо написана»; но сам Киреев признал, что он писал о необходимости поддержать Муравьева-Апостола, двинувшегося на Житомир (ВД, V, 94). Горбачевский характеризовал это письмо как «исполненное рвения к благородному делу и совершенною надеждою на несомненные успехи»[203]. Самый же план, поддержать который предлагал Киреев, был изложен в письме Иванова, что подтвердил и Иванов. Он признал, что в его письме был совет «поднять войска, отправиться на Житомир, Киев и овладеть Бобруйской крепостью». План этот был выработан на совещании артиллерийских офицеров в Житомире [204]. Иванов просил Петра Борисова известить о принятых решениях Громницкого, Лисовского, Тютчева. Однако, кроме того, он и сам писал Громницкому. Одновременно он извещал о принятых решениях офицеров Троицкого полка — Ярошевича и Киселевича. Но вопрос об этих письмах крайне запутан. Показания Лисовского и Громницкого о них

абсолютно противоречивы. Вероятнее всего, что письма были написаны (косвенный намек на это находится и в показании Иванова), но Громницкий не передал их по назначению и уничтожил[205]. Ответом же П. И. Борисова на письма к нему Иванова и Киреева и было его январское письмо-воззвание, которому суждено было стать лебединой песнью южных революционеров.

X. ПОЭТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Из всех видов литературного наследия декабристов наиболее изученным является их поэтическое творчество. Существуют собрания сочинений виднейших представителей декабристской поэзии—Рылеева, Одоевского, Кюхельбекера, Бестужева-Марлинского, В. Ф. Раевского; ряд декабристских антологий[206], и, наконец, непрекращающиеся архивные разыскания продолжают вводить в русскую литературу и новые имена и новые тексты. В качестве примера можно указать на замечательную находку считавшихся безвозвратно утраченными агитационных песен Рылеева и А. А. Бестужева[207]. Немало таких находок содержат и настоящие тома «Литературного наследства». Но, наряду с этим, остается еще значительное число неразысканных стихотворений, поэм, драматических произведений, свидетельства о которых сохранились в разных источниках. Не установлен, в сущности, даже и самый фонд имен декабристов-поэтов. Достаточно просмотреть основные декабристские антологии, чтобы убедиться, как различно решают их составители этот вопрос. Так, например, Б. С. Мейлах в свой сборник не включает Грибоедова и Лорера; если отсутствие имени последнего может быть объяснено некоторой небрежностью составителя, то по отношению к Грибоедову такой пропуск является сознательным решением вопроса о составе декабристской поэзии. И в сборнике «Поэзия декабристов» и в антологии «Декабристы» (В. Н. Орлова) отсутствуют стихи Н. Н. Оржицкого и Петра Колошина, хотя последний является видным деятелем начальной поры декабристского движения. В антологии В. Н. Орлова совершенно не представлен А. П. Барятинский; Мейлах, правда, включает его стихи в свой сборник, но именует его «случайным поэтом». Все эти примеры свидетельствуют, что вопрос о декабристской поэзии еще недостаточно разработан в литературоведении. Неправомерно и предлагаемое некоторыми исследователями деление декабристских поэтов на «собственно поэтов» и поэтов «случайных», то есть таких, для которых поэтическое творчество явилось лишь «фактом их личной биографии»[208]. Подобную точку зрения следует считать антиисторической. В таком случае из истории русской политической поэзии пришлось бы вычеркнуть и знаменитую песню М. А. Бестужева («Что ни ветр шумит»), и стихотворение Сергея Муравьева-Апостола и много других столь же «случайных» произведений. Не в том дело, «случайны» они или «органичны» в биографии какого-либо деятеля, написаны профессиональными поэтами или поэтами-дилетантами, составляют часть богатого поэтического наследия или являются единственными, одиночными созданиями, а в том, что они представляют собою поэтическое выражение политической мысли декабризма.

Видное место в фонде декабристской лирики занимают стихи политического содержания (сатиры, эпиграммы, пародии, памфлеты, агитационные песни и т. д.), яркими образцами которых могут служить ноэли Пушкина или «подблюдные песни» А. А. Бестужева и Рылеева. От этой части декабристского наследия уцелели лишь скудные остатки, однако наши сведения о ней могут быть все же восполнены различными сохранив-

шимися свидетельствами. А. И. Михайловский-Данилевский сообщает, что на каждом собрании «Зеленой лампы» читались стихи против государя и против правительства; это сообщение находит опору в известном послании Пушкина к В. В. Энгельгардту (1819) с упоминанием о разговорах «открытым сердцем» «насчет небесного царя, а иногда насчет земного».

Ф. Ф. ВАДКОВСКИЙ
Рисунок декабриста А. М. Муравьева, 1821 г.
Исторический музей, Москва

Такого рода стихи сохранились в незначительном количестве; не дошли и те стихи Пушкина, которые он позже записал для Милорадовича и которые, несомненно, читались им на собраниях «Зеленой лампы». Архив «Зеленой лампы» не дошел до нас. По сообщению П. А. Ефремова, часть бумаг «Зеленой лампы» (в том числе и протоколы) находилась в руках М. И. Семевского. Ныне эти бумаги сосредоточены в Рукописном отделе Института русской литературы, но протоколов среди них нет. Были сведения, что материалы эти находятся в имении Н. В. Всеволожского,

однако поиски их оказались безрезультатными. В сохранившейся части архива преобладают стихотворения лирические, дидактические и стихи умеренного политического направления (Н. В. Всеволожского, А. А. Токарева и других). Видимо, наиболее острые в политическом отношении стихотворения были кем-то изъяты из этих бумаг и уничтожены вместе с протоколами[209].

Общественное значение этой рукописной литературы прекрасно определено Николаем Тургеневым. «В странах, подчиненных деспотизму,— пишет он в своих мемуарах,— общественное мнение проявляется также с помощью рукописной литературы, вроде той, которая обращалась во Франции перед 1789 г. в форме сатирических стихов и песен. Эта литература, распространявшаяся контрабандой, указывала на направление и настроения умов в России. Тогда появилось довольно много произведений этого рода, замечательных как по силе сатиры, так и по высоте поэтического вдохновения. Маленькие шедевры, дотоле небывалые, показывали, что дни, когда они расцвели, были эпохой оживления, надежд и, надо прибавить, здравого смысла и глубокой мысли»[210].

Помимо «Зеленой лампы», были и другие собрания, организованные членами Тайного общества, на которых читались вольнолюбивые стихотворения. И. Н. Горсткин сообщал о собраниях у Ильи Долгорукого (пушкинский «осторожный Илья»). «У него,— показывал на следствии Горсткин,— Пушкин читывал свои стихи, все восхищались остротой, рассказывали всякий вздор, читали, иные шептали...»[211]. Горсткин упоминает и о вечерах у Никиты Муравьева, где также бывали лица, не принадлежавшие к Обществу. Известно из других источников, что в эти годы Пушкин посещал семью Муравьевых. Несомненно, он присутствовал и на тех вечерах, о которых упоминает Горсткин, и там также читал свои стихи. Революционные стихи и песни звучали и на случайных собраниях того времени: на литературных обедах, на вечерах, где встречались представители разнообразных кругов общества и различных политических убеждений. Н. И. Греч рассказывает: «Эти вольные разговоры, пение не революционных, а сатирических песен и стихов было дело очень обыкновенное ⟨...⟩ После шампанского давай читать стихи, а там и петь рылеевские песни. Не все были либералы, а все слушали с удовольствием и искренне смеялись»[212]. Греч особенно подчеркивает, что сатиры и песни не имели революционного характера, но это утверждение сделано исключительно ради самореабилитации. Ему не хотелось напоминать о своем былом, хотя и очень кратковременном, сочувствии «либеральному» движению эпохи. Однако он сам противоречит себе, упоминая о рылеевских песнях. Существенную поправку вносит в рассказ Греча Е. А. Бестужева. Сообщив М. И. Семевскому несколько стихов и песен двадцатых годов, в том числе таких, как «Мы добрых граждан позабавим» и пародию на официальный монархический гимн с призывом кинуть царей под престол, она добавила: «Это пел и Ростовцев, пели и другие»[213] (то есть и не декабристы). К этим свидетельствам нужно еще добавить известный рассказ А. Мицкевича о «жестоких песнях», распевавшихся на собраниях русских заговорщиков [214].

Сведения об этих стихах и песнях имеют, по большей части, общий, суммарный характер: по вполне понятным причинам, ни содержание их, ни имена авторов не раскрываются. Известно, что к числу авторов таких стихотворений принадлежал и Грибоедов, о чем сохранилось прямое свидетельство Д. И. Завалишина; по его словам, стихотворения Грибоедова не уступали по своей политической остроте стихам Пушкина [215].

Особенно популярна на этих собраниях была песня П. А. Катенина «Отечество наше страдает», ставшая впоследствии декабристской марсельезой. С этой песней декабристы выходили на работы, заставляя мар-

шировать под ее звуки и своих конвоиров, ее же распевали они во время перехода из Читы в Петровский завод. Из этого «гимна» до нас дошло лишь несколько строк, которые, по забавной иронии судьбы, сохранил на страницах своих мемуаров злобный реакционер Ф. Ф. Вигель[216]. «Гимн» Катенина был вольным переложением «гражданского гимна», написанного де Буа и принадлежавшего к числу популярнейших песен французской революционной армии. Трудно допустить, чтобы Катенин ограничился только переводом одной строфы. Остальной текст пока не найден.

С большой долей вероятности можно предполагать, что в числе авторов такого рода стихов и песен были, помимо Пушкина, Рылеева и А. Бестужева, Одоевский и другие поэты декабристского лагеря, но их ранние стихи, в значительной части, до нас не дошли. Очень неполно сохранились ранние стихотворения Рылеева, в частности — не дошли до нас те сатирические стихи, которые он писал, находясь в Дрездене, приведшие его к разрыву с генералом Н. Г. Репниным[217]; не сохранились и его многочисленные стихи и эпиграммы 1813—1814 гг., о которых сообщал в своих воспоминаниях о Рылееве Косовский (см. в настоящем томе, стр. 242).

В 1823 г. были очень популярны сатирические стихи Ф. Ф. Вадковского, направленные против императора и великих князей; стихи эти стали известны правительству, и Вадковский в наказание был переведен из гвардии в армию [218].

Почти целиком утрачены стихи А. И. Одоевского, написанные им до 14 декабря. Из его лирики этого периода известно в печати лишь одно стихотворение — «Луна», датированное 1824 г. А между тем его творчество в эти годы было весьма интенсивно. 19 марта 1824 г. он писал своему двоюродному брату, В. Ф. Одоевскому: «Стихи пишу и весьма много бумаги мараю не только в продолжение года, но даже ежедневно, смотря по вдохновению. Но этого не довольно: люблю писать стихи, но не отдавать в печать, как Хвостов и как пропасть бессмысленных, которым кстати было бы и быть бессловесными». И далее он сообщает, что у него написано с десяток од, столько же посланий, пять или шесть элегий и начала двух поэм. О последних он добавляет, что они, «по обыкновению», «лежат под столом полуразодранные и полусожженные». Это личное признание очень категорично, но оно свидетельствует лишь о количественной стороне утраченного наследия Одоевского, о содержании же его творчества за эти годы оно не дает представления. «Луна», если она действительно относится к этому времени, недостаточно характерна и типична[219].

Ярким памятником, позволяющим судить о душевной настроенности юного Одоевского, является «Молитва русского крестьянина», известная нам лишь во французском прозаическом переводе. Русский стихотворный подлинник неизвестен. Одно стихотворение Одоевского под заглавием «Безжизненный град» было найдено при аресте у Трубецкого. Первоначально он приписал это стихотворение умершему поэту Загорскому, но позже был вынужден назвать имя подлинного автора (ВД, I, 22). Текст этого стихотворения Одоевского до нас не дошел, так как оно разделило судьбу других жертв приказа Николая I об уничтожении «преступных стихов». Судя по тому, что оно было уничтожено, и по тому, что Трубецкой первоначально хотел скрыть имя его автора, можно не сомневаться в революционном характере этой пьесы. В. Г. Базанов сближает «Безжизненный град» с «Балом», усматривая в «сатирической фантастике» последнего образ «дворянской светской России», которая предстает как «пантомима трупов, наружно подражающих действительной жизни»[220]. Но если даже и признать правильной данную интерпретацию, все же трудно видеть в этом стихотворении «ключ» к содержанию «Безжизненного града». Слишком уже приглушена в нем

ФРАНЦУЗСКИЙ ГРЕНАДЕР
Рисунок декабриста В. С. Норова, 1812—1813 гг.
Исторический музей, Москва

политическая тенденция и к тому же, как следует из анализа Базанова, завуалирована в символических образах. «Безжизненный град» имел, несомненно, более четкое политическое содержание, смысл которого не нуждался в такой сложной расшифровке. Сведения о ранних произведениях Одоевского пополняются сообщениями К. С. Сербиновича, который в своем «Дневнике» упоминает, — к сожалению, только по заглавиям, — о двух стихотворениях поэта: «К товарищам» (1823) и «К юности» (1824)[221].

Утрачены и многие памятники додекабрьского творчества Грибоедова. Мы уже упоминали о его политических стихотворениях, но они представляют собою лишь незначительную часть созданного Грибоедовым в двадцатые годы. Среди погибших бумаг Грибоедова (при его аресте и затем при разгроме русского посольства в Тегеране после его убийства) находилось, по рассказам современников, не малое количество начатых и законченных его произведений. Погибла историческая драма из эпохи борьбы русских с кочевниками «Сергак и Итляр». Андрей Муравьев сообщает, что в августе 1825 г. Грибоедов читал ему в Крыму отрывки трагедии, из которых он запомнил «одну лишь сцену между половцами»[222]. Очевидно, как полагает современный исследователь, «драма эта была написана Грибоедовым полностью». Сохранившийся отрывок позволяет утверждать, что данная драма представляла собою героическую трагедию: «Общему героическому тону этого произведения соответствует стилистический его облик, свидетельствующий о внимательном изучении Грибоедовым „Слова о полку Игореве“. Также и самая тема уцелевшего фрагмента (воспоминания стариков о былой славе и надежды на мужество сынов) навеяна „Словом“, которое рассматривалось декабристами как самый выдающийся памятник национальной героической поэзии»[223].

Бесспорно, к преддекабрьскому периоду относится и замысел драмы о 1812 г., в центре которой судьба крепостного, совершавшего героиче-

ские подвиги в войне с врагом и вынужденного после окончания ее вернуться снова под палку господина. От нее сохранился только план и одна сцена. В прежних собраниях сочинений дошедшие до нас фрагменты датировались периодом 1822—1828 гг. М. В. Нечкина рядом остроумных и бесспорных соображений отвела слишком ранние сроки и предложила считать в качестве исходной даты период 1824—1825 гг., то есть время наибольшей связи Грибоедова с кругом декабристов[224]. Замысел этой пьесы теснейшим образом связан с размышлениями декабристов о судьбе народных масс после 1812 г. А. А. Бестужев писал Николаю I из крепости: «Еще война длилась, когда ратники, возвратясь в домы, первые разнесли ропот в классе народа. „Мы проливали кровь,— говорили они,— а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас опять тиранят господа“»[225]. О том же писал Николаю I Каховский; эту же тему затрагивали в своих «Записках» И. Д. Якушкин и В. Ф. Раевский. К этим хорошо известным свидетельствам следует присоединить яркое и страстное показание члена Общества Соединенных Славян Я. М. Андреевича. Называя истоки своего «вольномыслия», Андреевич вспоминал «рыдания бедных жителей», и «стон несчастных солдат», которые «так храбро и отлично дрались в кампании 1812 года, когда отечество было почти порабощено неприятелем». «Такое ли возмездие получили ⟨они⟩ за свою храбрость!— восклицал он.— Нет, увеличилось после того еще более угнетение» (ВД, V, 385).

Мысль о несоответствии народного подвига с тяжелым положением народа под крепостным игом лежит и в основе драмы Грибоедова. Поэтому точку зрения Нечкиной о времени зарождения данного замысла можно считать вполне оправданной; возражение вызывает лишь предположение исследовательницы о работе над этой пьесой Грибоедова в 1826 г. Едва ли после разгрома движения, в период наступившей беспощадной

СОЛДАТ ПОЛЬСКИХ ВОЙСК ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ

Рисунок декабриста В. С. Норова, 1812—1813 гг.

Исторический музей, Москва

реакции, Грибоедов мог вернуться к этому замыслу, особенно же учитывая трудности своего личного положения. Поэтому следует ограничить период работы Грибоедова над пьесой о 1812 г. целиком преддекабрьским временем.

Нет никаких прямых свидетельств о том, как далеко продвинулась работа Грибоедова над его трагедией, но едва ли за все время он написал только одну сцену. Вероятно, среди погибших в 1825 г. бумаг Грибоедова находились и другие фрагменты драмы о 1812 годе.

К додекабрьскому периоду относится и разработанный Грибоедовым план исторической трагедии «Федор Рязанский», о чем сообщил тот же Андрей Муравьев. Интерес к этой теме слегка проясняется одной из записей Грибоедова в «Desiderata» (1824—1825): «Мы мало знаем историю *Муромских* князей. Едва известен князь Федор Глебович, о котором история упоминает под г. 1355, и князь Андрей, бывший на Донской битве в 1380, и только в нескольких словах объявляют в 1392, что великий князь завладел их княжеством. Стоило бы потрудиться над пояснением этого исторического мрака и определить розысканиями родословными последование владетелей и пространство области, которая вначале составляла часть Рязанского княжества»[226].

Во время первого пребывания на Кавказе Грибоедов работал над поэмой «Путник» (или «Странник»), от которой уцелел только один фрагмент, печатаемый под заглавием «Кальянчи». Об этой поэме известно из примечания Кюхельбекера к стихотворению «Памяти Грибоедова». Грибоедов назван в нем «певцом Ирана»; это выражение,— разъяснял Кюхельбекер, — относится к поэме Грибоедова, схожей по форме своей с «Чайльд-Гарольдом» Байрона: «в ней превосходно изображена Персия». Этой поэмы, нигде не напечатанной, не следует смешивать с другой, о которой упоминает Булгарин. Кюхельбекер имеет здесь в виду трагедию «Грузинская ночь», написанную уже после 1825 г. и в целом виде до нас также не дошедшую[227]. Содержание трагедии известно из пересказа Булгарина: сюжет ее заимствован из грузинских народных преданий, построена она на фольклорном материале и пронизана ярко выраженными антикрепостническими тенденциями.

До сих пор не выяснено, была ли эта трагедия закончена. Булгарин говорил лишь о плане трагедии и отдельных написанных сценах, но ближайший друг Грибоедова, С. Н. Бегичев, утверждал, что «Грузинская ночь» была в 1828 г. закончена. Вопрос этот приходится считать открытым[228].

Из утраченных произведений Грибоедова додекабрьского периода известно еще о существовании шутливой трагедии «Дмитрий Дрянской», относящейся к его студенческим годам; в ней — в форме народной поэмы о битве русских с татарами на Куликовом поле — было изображено столкновение русских и немецких профессоров. В поэме был выведен и Качеповский, который усыплял сражающихся чтением своего журнала[229]. П. А. Вяземский сообщал в письме к А. И. Тургеневу об эпиграммах Грибоедова на помещика Ржевского, привезшего в Москву для продажи «две дюжины крепостных танцовщиц»[230]. Вяземский переслал эпиграммы Тургеневу для дальнейшего распространения. Этим и объясняется отсутствие данных эпиграмм в составе бумаг Остафьевского архива; все сведения о них ограничиваются лишь цитируемым письмом. Написаны эти эпиграммы были зимой 1823 г.

Нечкина полагает, что существовало стихотворение Грибоедова 1819 г., посвященное А. П. Ермолову, однако это предположение остается недоказанным. Сохранились стихи Грибоедова, посвященные Одоевскому; датировка их колеблется между 1826 и 1828 гг. Как убедительно доказывает Нечкина, это были не первые стихи, посвященные Одоевскому:

П. И. ПЕСТЕЛЬ

Портрет работы его матери Е. И. Пестель, 1813 г.
Местонахождение оригинала неизвестно

«Из текста стихов видно, что Грибоедов не раз писал стихи, касавшиеся Одоевского, но ни одни, кроме этих, не дошли до нас»[231].

Из стихотворений В. К. Кюхельбекера утрачены главным образом стихи лицейского периода, в том числе и его стихотворные переводы на немецкий язык былин из сборника «Древнерусские стихотворения» (Сборник Кирши Данилова). Какие точно былины переводил Кюхельбекер — неизвестно. Сам он сообщает только о переведенной им в 1815 г. былине «Сорок калик со каликою»[232]. В 1820—1821 гг. Кюхельбекер принимал деятельнейшее участие в литературной жизни Петербурга и Москвы, в частности — он неоднократно выступал с чтением своих стихов и прозы в «Вольном обществе любителей российской словесности» (у «соревнователей»). В протоколах Общества за 1820—1824 гг. отмечены частые выступления Кюхельбекера. По большей части, читанные им в «Вольном обществе» произведения напечатаны в журналах того времени: в «Соревнователе просвещения и благотворения», в «Сыне отечества», «Мнемозине» и других изданиях. Неясен лишь вопрос о четырех стихотворениях, относящихся к 1820—1821 гг.[233] Может быть, некоторые из них были опубликованы под другим заглавием[234].

В 1823 г. Кюхельбекер написал трагедию «Любовь до гроба или гренадские мавры». О ней писал Жуковскому Вяземский: «Он ⟨Кюхельбекер⟩ жил у меня два дня в деревне, читал ее ⟨трагедию⟩ и много других стихотворений. В трагедии, право, много хорошего, а в особенности лирическая часть. В хорале, занимающем в ней важное место, встречаются даже и красоты возвышенные. По крайней мере, вот впечатление, оставшееся во мне по выслушании трагедии ⟨...⟩ творение это недюжинное и заслуживает одобрения... Вообще, талант его, кажется, развернулся»[235].

Еще до ареста Кюхельбекером была написана историческая драма «Шуйские», но он работал над ней и позже, в Сибири. Заглавие ее передается Кюхельбекером различно: «Шуйский», «Шуйские», «Падение дома Шуйских». В 1839 г. он писал Наталье Григорьевне Глинке: «Вы переслали мне рукопись Шуйские; тут есть теплота, есть еще молодость, которых уже нет в позднейших работах того же автора; только есть и длинноты: трагедия много выиграет, если из нее выкинуть стихов 150 или более разглагольствия. Чисто германское лицо графини де ла Гарди немного чересчур сбивается на шиллеровские женские лица; но оно-то и Михаил Шуйский придают всему созданию какой-то отлив теплоты, который должен нравиться молодым людям, а молодые люди составляют же часть и самую значительную читающего мира»[236]. В другом письме к ней же он писал, что в этой драме есть «жар истинный, но есть что-то такое, чего нет в позднейших моих созданиях: хоть не молодость, все же отголоски этой молодости. Ляпунов в художественном отношении выше, но тот, кто написал Шуйских, был мягче и лучше автора Ляпунова»[237]. Рукопись эта не сохранилась.

Крайне скудны сведения о поэтических произведениях А. А. Бестужева, созданных до 14 декабря, хотя из разных источников мы знаем о его напряженной литературной деятельности в эти годы. Он выступает как критик, как беллетрист-прозаик, как переводчик и как поэт.

О размерах и характере деятельности А. А. Бестужева достаточно полное представление дают упомянутые выше протоколы «Вольного общества». Из этих же протоколов можно установить, что в 1822 г. Бестужевым был сделан не дошедший до нас перевод баллады Вальтера Скотта «Аллен-э-Даль»[238]. В «Записках» М. А. Бестужева находится подробный рассказ об юношеской пьесе Александра Бестужева «Очарованный лес»: «„Очарованный лес“ был довольно большая пиеса, в пять актов, составленная им для кукольного театра, который мы устроили общими силами. Все, что только он мог заметить особенного в „Днепровской русалке“,

„Князе-невидимке", „Волшебной флейте" или „Тысяче и одной ночи", все было пересоздано и помещено в его Очарованном лесу. Тут были храбрый князь и очарованная княжна, его стремянной и ее наперсница; шут — вроде Кифара, и трус — вроде Тарабара; добрая волшебница и Зломир, русалка и чорт, заколдованный зáмок и очарованный лес. Несмотря на всю эту чертовщину, надо было отдать брату достойную похвалу его умению поддержать сказочный интерес пиесы, не спутываясь в лабиринте волшебных вымыслов, и искусному расположению хода сценических явлений»[239]. М. А. Бестужев не сообщает точной даты этой пьесы, но так как он называет ее «вторым литературным произведением» А. А. Бестужева после «дневника», который тот вел десятилетним мальчиком (то есть в 1807—1808 гг.), и написана она была во время пребывания его в Горном корпусе, эту юношескую пьесу можно датировать примерно 1810 г. «Истреблена» она была, по сообщению М. А. Бестужева, в 1825 г.

Поэтическое наследие других членов Тайного общества и участников восстаний, имена которых мы приводили выше, сохранилось в очень скудном виде. От периода до 14 декабря до нас дошло знаменитое французское стихотворение С. И. Муравьева-Апостола («Je passerai sur cette terre»), дошли детские и юношеские стихи Н. И. Тургенева и случайно уцелевшие в «следственном деле» два стихотворения Д. И. Завалишина. Едва ли стихотворение С. И. Муравьева-Апостола было, действительно, единственным. Не сохранились юношеские стихотворения Г. С. Батенькова. Вероятно, существовали какие-то поэтические опыты ранних лет З. Г. Чернышева, Н. И. Кривцова, Ф. Ф. Вадковского, но об этом можно лишь догадываться,— никаких прямых сведений у нас нет. О существовании стихов члена Южного общества Е. Е. Лачинова мы знаем лишь из юношеского послания к нему Рылеева, в котором Лачинов именуется «питомцем муз», то есть поэтом:

Изящного любитель,
Питомец муз младой,
Прямой всего ценитель,
Певец мой дорогой!

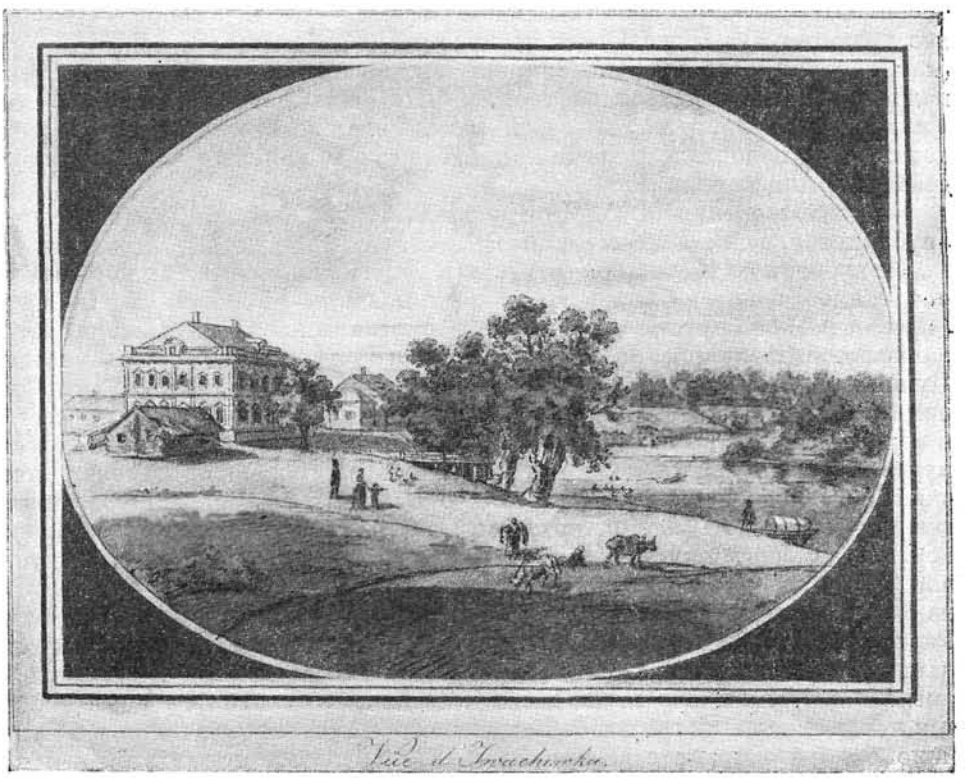
— обращается к нему Рылеев[240]. Лачинов известен как автор мемуаров, как автор статей по экономическим вопросам, но ни одно из его поэтических произведений до нас не дошло. В опубликованных главах его автобиографических записок приведено несколько коротеньких стихотворных отрывков; из этого можно заключить, что он продолжал писать стихи и после 14 декабря.

Не сохранилось ни одного стихотворения В. П. Ивашева. О его творчестве до 14 декабря существуют лишь два глухих упоминания. Во-первых, его собственное показание, в котором он сообщает о занятиях словесностью во время учения в Пажеском корпусе[241]; во-вторых, послание (на французском языке) к нему А. П. Барятинского, в котором Ивашев именуется поэтом. Из этого же послания Барятинского видно, что Ивашев переводил на русский язык (стихами) фривольные сказки Лафонтена. Можно даже установить, что́ именно перевел он из Лафонтена[242].

Из поэтических произведений М. А. Бестужева сохранилась только написанная в Петровском заводе песнь «Что ни ветр шумит...» (1835), принадлежащая к числу важнейших памятников декабристской поэзии. О своих ранних опытах,— равно как и об опытах брата Петра,— он сам рассказал в своих «Записках»: «Из всего того, что марали мы, т. е. три младшие их брата — а марали мы не мало, а особенно мы с братом Петром,— не суждено было ничему явиться на свет божий. Когда появление

поэм Байрона вскружило всем головы, я много написал пиес в подражание ему: тут были и за́мки, и ливонские рыцари, и девы, и новогородцы» [243]. Ни одно из этих произведений до нас не дошло, нет никаких следов их и в архиве Бестужевых. Очевидно, они были уничтожены в 1825 г.

В журналах двадцатых годов печатались стихотворения Н. Н. Оржицкого и П. И. Колошина,— они (за немногими исключениями) остаются неразысканными [244]. Большая часть произведений названных декабристов, по всей вероятности, вообще утрачена.



ИВАШЕВКА
Акварель декабриста В. П. Ивашева, начало 1820-х гг.
Исторический музей, Москва

Сохранилось известие о стихах Г. А. Переца. Ф. Н. Глинка на допросе показал, что однажды Перец принес ему стихотворение, «говоря, что оно его сочинение и что оно мистическое ⟨...⟩ Я, прочтя его стихи, отдал их обратно, сказав: „Я не могу поправить чего я не понимаю“ (тогда я не знал еще особенностей и оборотов, усвоенных так называемому мистическому роду). В другой раз,— продолжает Глинка,— принес он мне те же стихи с присовокуплением еще других стихов (те другие написаны были не тою, что прежде, рукою), и в них уже было более ясностей, напевалось о чем-то любовном, стонательном, но все так, общие места, плоско» [245].

Из этого сообщения неясно, все ли бывшие у Глинки стихи принадлежали Перецу или последний приносил ему, кроме собственных стихов, и чужие. Неясно также, были ли стихи Переца действительно «мистическими» или мистическая форма была лишь внешним прикрытием для

какого-то иного содержания. Глинка же, говоря о своем непонимании мистического языка, явно неискренен, ибо он в том же показании сообщает, что «всегда имел склонность к чудесному». Литературный талант в Переце Глинка отвергал, считая, что тот не овладел «механизмом стихов» и решительно отказал ему в приеме в «Вольное общество», чего домогался Перец.

В ранних дневниках Николая Тургенева записано несколько его детских и юношеских стихотворений, но есть указание на существование еще одного, уже более зрелого, написанного им в 1817 г. О нем известно из письма к Тургеневу С. С. Уварова, которому было послано это стихотворение. «Благодарю Вас за стихи и за письмо,— писал Уваров.— Последнее нравится мне более. Стихи прекрасны, но qu'est ce que cela prouve? * (как говорил Даламбер о Заире). Мы живем в столетии обманутых надежд. Трудно родиться на троне и быть оного достойным» [246]. Письмо Уварова позволяет догадываться о содержании стихотворения Тургенева: оно имело политический характер и в какой-то мере касалось действий Александра I.

Из стихотворений М. А. Дмитриева-Мамонова известно только одно— опубликованное В. И. Семевским [247].

Ко времени до 14 декабря относится не разысканное до сих пор шуточное стихотворение «Песня по поводу кончины полковника Адамова» («Песня о Мальбруке»), направленное против «палочных командиров» и написанное по инициативе В. Ф. Раевского и при некотором участии Пушкина. Об этом подробно рассказал И. П. Липранди. На одном из дружеских собраний «Раевскому,— пишет Липранди,— всегда в весело-мрачном расположении духа, пришла мысль переложить известную песню Мальбрука по поводу смерти подполковника Адамова. Раевский начал, можно сказать дал, только тему, которую начали развивать все тут бывшие и Пушкин, которому, хотя личности, долженствовавшие войти в эту переделку, и не были известны, а не менее того он давал толчок, будучи как-то в особенно веселом расположении духа. Но, несмотря на то, что, может быть, десять человек участвовали в этой шутке, один Раевский поплатился за всех: в обвинительном акте военного суда упоминается и о переложении Мальбрука. В Кишиневе все, да и сам Орлов, смеялись; в Тирасполе то же делал корпусный командир Сабанеев, но не так думал начальник его штаба Вахтен, который упомянут в песне, а в Тульчине это было принято за криминал. Хотя в начале песни этой в рукописи не было, но потом, записанная на память и всегда верно, она появилась у многих и так достигла до главной квартиры через Вахтена» [248]. Составлена она весной 1821 г.

Много стихотворений, почти исключительно политического содержания, было обнаружено при аресте декабристов: у Трубецкого были найдены, как уже сказано, стихи Одоевского; у Матвея Муравьева-Апостола — агитационные песни Рылеева и Бестужева, у многих — запретные стихи Пушкина. Кроме того, у ряда лиц были найдены их собственные стихотворения: у В. Ф. Раевского, Завалишина, Барятинского, Андреевича, Иванова, Шимкова, Паскевича. Из этих, захваченных при аресте, стихов сохранились лишь стихотворения Раевского: они находились не в делах Следственной комиссии, учрежденной для разбора дел декабристов, а в делах Главного аудиториата военного министерства, что и спасло их от истребления, произведенного по приказу Николая I.

Совершенно случайно уцелели одно стихотворение Барятинского и два стихотворения Д. И. Завалишина. Следственная комиссия уделила большое внимание стихам Завалишина. Впервые стало о них известно из показа-

* что это доказывает? (франц.).

ний В. А. Дивова, которые затем были подтверждены А. П. Арбузовым и Александром Беляевым. Они показали, что Завалишин осенью 1825 г. приносил и читал им стихи, «в которых покойный государь изображен злодеем, императорская фамилия преступною»(ВД, III, 340). Завалишин говорил: «...все считают его ⟨Александра I⟩ добродетельным, но когда увидят тем, чем он его представлял в стихах, то обольщение исчезнет» (ВД, III, 376). Целью Завалишина было,— сообщал Следственной комиссии А. П. Беляев,— показать «возможность законности уничтожения монархической власти, ибо, говорил он ⟨Завалишин⟩, сия власть кажется священною законным существованием, но когда же ее увидят не законною, но похищенною (как одно место, сколько помню, его стихов показывало), тогда уничтожить ее, он говорил, легко» (ВД, III, 376). Арбузов прибавил, что Завалишин часто и охотно декламировал эти стихи, сопровождая их подробным комментарием, «...читал их несколько раз не с мнимым, но истинным фанатизмом, делая на каждое упоминаемое в оных обстоятельство хронологическое словесное подробное объяснение, утверждая в несомненной истине всего сего» (ВД, III, 375). О комментировании Завалишиным этих стихов говорил и Дивов. Завалишин уверял его, что «сказанное в них ⟨стихах⟩ совершенно справедливо и что кротость и доброта государя есть только обманчивая наружность» (ВД, III, 378). По словам Дивова, Завалишин не называл себя автором, но братья Беляевы «по дурному стихосложению» догадались, что эти стихи были им сочинены (ВД, III, 340—341). А. П. Беляев и Арбузов категорически приписывали эти стихи Завалишину, ссылаясь на его собственное заявление. По их показаниям, стихи Завалишина знал также и Петр Бестужев, переписавший их в ту же тетрадь, где было списано у него «Горе от ума»; Бестужеву было известно, по их словам, и имя автора. Однако сам Петр Бестужев дал по этому поводу очень уклончивое показание, не раскрывая содержания стихов и не упоминая имени автора; такое же сдержанное показание дал в отличие от своего старшего брата Петр Беляев. Арбузов же сообщил Комиссии несколько строф из стихотворения (или «песни», как говорил он), начинающегося словами:

Я в первый раз взял в руки лиру.

Стихи эти сохранились в деле Завалишина (ВД, III, 383). Содержание их — призыв «славянского племени» освободиться самому и освободить всех рабов:

Ах, скоро ль кончится терпенье
И долго ль будем в рабстве жить?
Свободы нашей похищенье
Ах, долго ль будем мы сносить?

Другое стихотворение, по словам Арбузова, было направлено против дворян. Смысл его он формулировал весьма своеобразно, но совершенно правильно: «...дворяне хотя имеют рабов, но сами не что иное, как рабы, и что должны тем сильнее чувствовать свое рабство, что они должны сами освобождать своих крестьян или по крайней мере улучшать их участь. Дабы когда придет время переворота, рабы их не вспомнили прежнее свое угнетение и не искали бы отомстить за оное» (ВД, III, 383) [249].

Завалишин после долгих запирательств и очных ставок (одна из них была с Рылеевым, которому он хотел приписать эти стихи) вынужден был признать свое авторство, а затем сообщил и текст второго стихотворения («Я песни страшные слагаю»); оно также сохранилось в деле Завалишина.

Полагают, что сохранившиеся в следственном деле тексты воспроизводят те стихи, которые читал Завалишин и о которых так откровенно показывали на следствии его товарищи; но они не вполне идентичны тому содержанию, которое изложено в их показаниях: в них нет никаких упоминаний о царе и его пороках, нет и никаких разоблачений его личности, нет конкретных исторических фактов, которые, по утверждению Арбузова, комментировал Завалишин, заверяя их подлинность.

Ссылка А. П. Беляева на упоминание в стихах о незаконном похищении престола довольно отчетливо раскрывает смысл приводимого Завалишиным «события»; ясно, что в данном случае речь шла об убийстве Павла I. Это прекрасно поняла и Следственная комиссия, не потребовавшая от Беляева никаких дальнейших пояснений. Выражение же Арбузова — «хронологические события» — указывает, что стихотворение Завалишина представляло собою некую хронику царствования, изложенную под определенным углом зрения, то есть как разоблачение ряда поступков Александра I. Следственной комиссией стихи эти охарактеризованы как «наполненные самыми преступнейшими, неимоверными клеветами на покойного императора и на всю августейшую фамилию» (ВД, III, 402).

Таким образом, возникают два предположения: или данные строфы находились в одном из сохранившихся стихотворений и сознательно не были сообщены ни Арбузовым, ни Завалишиным, или существовало еще стихотворение об Александре I. Но, так или иначе, нужно признать, что стихи Завалишина, о которых шла речь на следствии, до нас не дошли или дошли в крайне не полном виде, весьма далеком от их подлинного содержания.

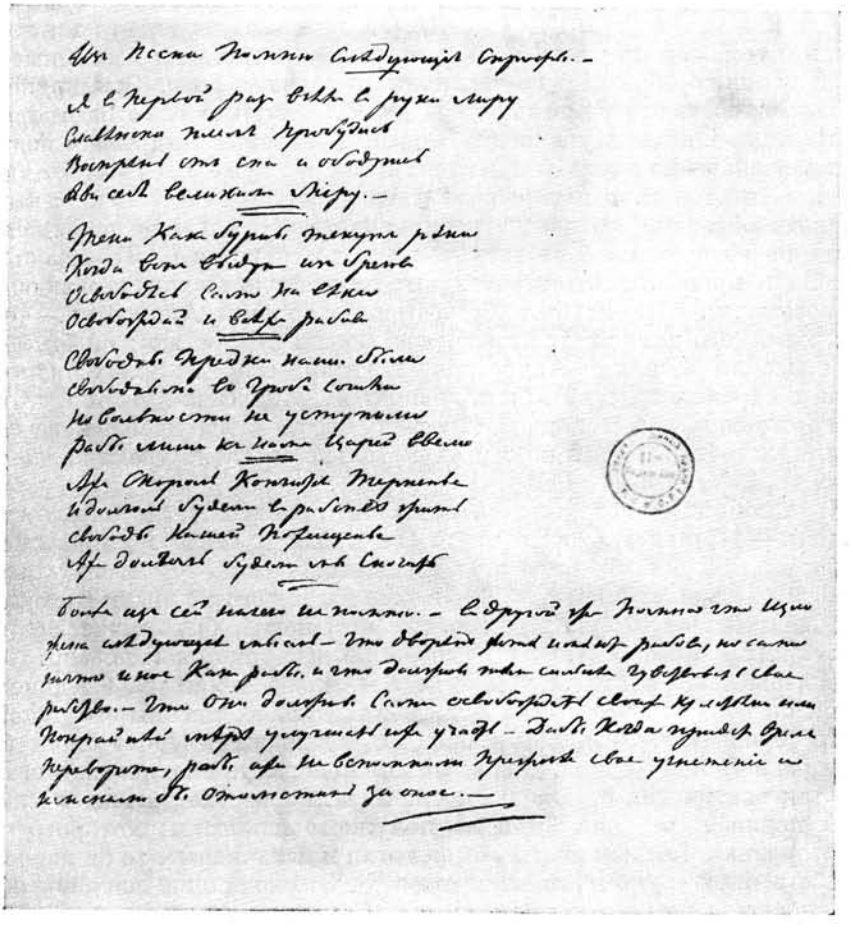
О характере и содержании прочих захваченных при арестах стихотворений мы знаем лишь из достаточно однообразных характеристик судей и следователей: стихи Паскевича означали «неистовое вольномыслие» [250]; как «вольномысленные» были охарактеризованы стихотворения Андреевича (ВД, V, 377); «вольнодумческий образ мыслей ⟨...⟩ насчет религии» был обнаружен и в стихах Барятинского (ВД, IV, 42); по всей вероятности, атеистическое содержание имели и стихи Иванова. Следственной комиссией они были охарактеризованы как «дерзостнейшее вольномыслие» и излияние на бумаге «богопротивных и в трепет приводящих мыслей» [251]. Сам Иванов категорически отрицал свое авторство, заявив, что получил эти стихи от М. П. Бестужева-Рюмина и автор их ему неизвестен. Однако убедить в этом Следственную комиссию ему не удалось; последняя сочла нужным даже особо отметить «упорство» и «неискренность» Иванова, которые должны «послужить к усугублению вины» его [252].

Более конкретными сведениями располагаем мы о стихотворениях Андреевича; у него было найдено два стихотворения: одно — какая-то песня, но, несомненно, как можно судить по формулировке вопроса на следствии, революционного содержания; другое — посвящение Сергею Муравьеву-Апостолу (ВД, V, 358, 382).

Недостаточно изученный и мало известный широкому кругу читателей, Яков Максимович Андреевич представляет собою, по справедливому замечанию Нечкиной, одну «из самых ярких фигур среди Славян». По своему революционному темпераменту, по пылкости и отрастности, по беззаветной преданности революционному делу он напоминает вождей Васильковской управы, и не случайно из всех «Славян» он ближе всех сошелся с ними. Нечкина характеризует Андреевича как «пламенного романтика», «каких так много было среди бунтарей александровской армии» [253]. На допросах он держался смело и мужественно. Он гордо заявлял своим судьям, что вряд ли «истребится пламя, воженное в сердце человеков»; он говорил, что армия патриотов многочисленна и что для того, чтобы «погасить» сердца всех, «горящих любо-

вию» к отечеству и свободе и «чувствующих несправедливости», понадобилось бы «потерять большую часть войска и не в пример более граждан» (ВД, V, 388).

Совершенно исключительны показания Андреевича: они выделяются революционной страстностью, лирическим пафосом и романтической восторженностью, напоминая отчасти показания другого революционера-романтика той эпохи — Каховского.



ЗАПИСЬ ПЕСНИ, СОЧИНЕННОЙ ДЕКАБРИСТОМ Д. И. ЗАВАЛИШИНЫМ. СТРОФЫ, ВОСПРОИЗВЕДЕННЫЕ ПО ПАМЯТИ В ПОКАЗАНИЯХ, ДАННЫХ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ 21 МАЯ 1826 г.

Автограф

Центральный исторический архив, Москва

Выше мы приводили один отрывок из показаний Андреевича — страстное суждение о несправедливой судьбе тех, кто в 1812 г. доставил отечеству победу и славу. «Я любил вольность так, как и всякое творческое создание», — говорил он судьям. — Читая книги и разные стихи, в коих все преимущество относительно жизни человека отдается одной свободе, виды разных наказаний, горестные положения несчастных, заключенных в темницах, и другие, тому подобные страдания людей, — все мне говорило, сколь драгоценна должна быть для человека свобода» (ВД, V, 371—372). Эти чувства заставили Андреевича, — как он показывал, — отменить в своей

роте палки и стремиться завоевать доверие солдат, которые, действительно, видели в нем своего неизменного защитника. Наиболее характерно в показаниях Андреевича признание о зарождении у него идей «вольномыслия»: «Находясь всегда под кровом угрюмого рока, редко наслаждаясь веселостями, в мрачные часы жизни своей посещая уединенные места, где, предаваясь совершенно одним только размышлениям о жизни человека, представляя своему воображению все бедствия оного, напрягая рассудок к исследованию причин, гнетущих его, не раз я восклицал к небу, что вольность —„сей священный дар неба“ ⟨цитата из Радищева⟩ — одно благо на земле для человека» (ВД, V, 372). Он говорил далее, что много размышлял о том, как принести пользу отечеству, и находил достойные примеры в великих образцах греческих и римских героев. Эти признания дают возможность отчетливее представить себе и смысл его стихотворения, посвященного Сергею Муравьеву. В своем показании Андреевич подчеркнул, какое значение имела для него встреча с Бестужевым-Рюминым и Муравьевым-Апостолом, в которых он увидел воплощение своих мечтаний, навеянных образами античных республиканцев [254]. Он не побоялся выступить перед судьями в защиту чести и достоинства С. И. Муравьева-Апостола и провозгласить страстную и пламенную апологию вождю южного восстания. «Он не был бесчестен,— заявлял Андреевич,— он не помрачил своего достоинства ни трусостью, ни подлостью»; он был «просвещен, любим всеми»; Андреевич почитал его «за благородные качества» и стремился «с ним быть знакомым». Андреевич уверял, что ему отрадно страдание, так как он страдает вместе с «другом человечества, который для общего блага не щадил не только своего имущества, но даже жизни» (ВД, V, 387).

«Я вспомнил,— говорил он, объясняя происхождение своего стихотворения,— римлян, которые из любви к своему отечеству решались на все: вспомня их благородную решимость, вообразил Муравьева таковым; написал оные стихи» (ВД, V, 382). Более мы ничего не знаем о стихотворении Андреевича; оно уничтожено, и с ним погиб, быть может, один из самых ярких и интереснейших памятников декабристской поэзии.

Найдены были стихи и у Шимкова — члена Общества Соединенных Славян; он показал, что стихи эти, действительно, писаны его рукой, но «не его сочинения». Он якобы нашел их «однажды вечером» около своей квартиры, в Белой Церкви. Два из них он полагал принадлежащими Пушкину, так как на них стояла подпись: П. ш..н, два же других «были без всякой подписи, все они были на полулисте написаны, которого часть была оторвана». Так как листы «были ветхи и испачканы», то он переписал их «собственною рукою», лист же сжег [255]. Это не вполне искусное объяснение, конечно, легко открывает автора. Самые же стихи не сохранились, разделив участь всех поэтических произведений, находившихся в делах Следственной комиссии. Содержание их было, очевидно, в духе запретных произведений Пушкина. По характеристике Следственной комиссии, они были «наполнены мерзостными ругательствами».

В бумагах Иванова были найдены стихи, принадлежавшие, как установила Следственная комиссия, штабс-ротмистру Белорусского гусарского полка, Михаилу Паскевичу (или иначе: Пашкевичу). Паскевич членом Общества Соединенных Славян не состоял, но дружил с многими из «Славян» и бывал на их собраниях; он был знаком с М. П. Бестужевым-Рюминым и передал ему стихотворение, второй список которого оказался в бумагах Иванова. Стихи эти не являются оригинальным произведением, а представляют собой перевод с французского; их содержание — речь Лувеля, убийцы герцога Берийского, произнесенная им перед покушением («Нет преступления в уничтожении тирана»). В «Алфавите декабристов» эти стихи охарактеризованы как «отрывки, исполненные ужаса, где

убийца, готовясь на злодеяние, говорил для своего одобрения» (ВД, VIII, 146). В показаниях Паскевича приведены и две строфы французского оригинала [256].

Большое число поэтических произведений было создано декабристами за время пребывания в Петропавловской крепости. Тюремное заключение и каторга явились вообще для некоторых из заключенных своеобразным импульсом к поэтическому творчеству. По вполне понятным причинам, до нас дошли только весьма немногие стихи, созданные в каземате Петропавловской крепости. Сохранились знаменитые тюремные стихи Рылеева [257], несколько стихотворений Одоевского, «Тюремные стансы» («Stances

СРАЖЕНИЕ ПРИ КУЛЬМЕ 17 АВГУСТА 1843 г.
Рисунок декабриста В. С. Норова
Исторический музей, Москва

dans un cachot») Барятинского [258]; известны сатирические куплеты Вадковского о Следственной комиссии; из стихов Норова уцелел небольшой отрывок, удержавшийся в памяти Завалишина; из стихотворений Чернышева до нас дошел лишь сделанный в Сибири французский перевод стихотворения Чижова «Журавли», из стихов же, написанных в крепости, не сохранилось ни одной строчки. Существует «тюремная тетрадь» Ф. Н. Глинки, в которой между прочим находится и первый вариант известного «Узника» («Не слышно шуму городского»).

В достаточно полном, но не исчерпывающем виде дошли до нас тюремные стихи Батенькова. В Отделе письменных источников Исторического музея сохранилась в копии его «Тюремная песнь», содержащая свыше сорока строф. В примечании к ней Батеньков писал: «Это была полная, законченная песнь. Не было средств записать ее. Составленная на память, невозвратно забыта. Здесь представляются отрывки. Есть и другие песни, но изменяет во многом воспоминание. Здесь только ответ на вопрос, как можно человеку жить в тесном заключении, одному, почти четверть века, в цветущие лета жизни». По своему содержанию эта «песнь» является

философской поэмой, в которую вплетены исторические рассуждения о России [259].

В семейном архиве Кривцовых хранились стихотворения С. И. Кривцова, написанные им в крепости; они находились в распоряжении М. О. Гершензона и частично им опубликованы [260].

Из не дошедших до нас стихотворений крепостного периода на первое место должен быть поставлен стихотворный перевод (на французский язык) одной из «мелодий» Томаса Мура («Музыка»), выполненный М. П. Бестужевым-Рюминым. Об этом подробно рассказывает Н. В. Басаргин: «Вошедший ко мне сторож мой знаками дал мне знать, что выводят Бестужева, и вдруг я услышал его голос: „Adieu, chers camarades! Je vais entendre ma sentence; je vous laisse un bout de papier comme souvenir“ *. Это был на четвертушке перевод его Муровой мелодии: La musique. Мне его отдал после него сторож наш». В примечании Басаргин добавил: «При отправлении моем в Сибирь этот клочок бумаги затерялся, и мне было очень жаль, что я не сохранил его» [261].

Об Одоевском подробно рассказывают М. А. Бестужев и Д. И. Завалишин. «Вся его тюремная жизнь,— писал об Одоевском М. А. Бестужев,— вылилась в поэтических звуках. Не было самого обыденного обстоятельства, которое он не перенес ⟨бы⟩ в область фантазии». Это замечание имеет в виду главным образом сибирскую тюремную жизнь поэта, но, по свидетельству же М. А. Бестужева, Одоевский много сочинял и в Петропавловской крепости: «Мысли его витали в областях фантазии, а спустившись на землю, он не знал, как угомонить потребность деятельности его кипучей жизни. Он бегал, как запертый львенок, в своей клетке, скакал через кровать или стул, говорил громко стихи и пел романсы. Одним словом, творил такие чудеса, от которых у наших тюремщиков волосы подымались дыбом. Что ему ни говорили, как ни стращали — все напрасно. Он продолжал свое, и кончилось тем, что его оставили» [262].

Завалишин рассказывает о стихах, которые импровизировал Одоевский в пасхальную ночь «при звуке пушечной пальбы» [263].

Эти стихи известны: «Воскресенье. В. Ю. Ланской». Кроме того, сохранилось еще два стихотворения Одоевского, написанных в крепости: «Сон поэта» и «Утро». Остальное до нас не дошло.

Завалишин же рассказывает о стихах Норова: «Больше всего жаль было Норова. Он был изранен и сильно страдал от ран. Но как ни тяжелы были физические условия для всех, как ни сильны страдания многих, но не было и тени того, что называется унынием. Норов беспрестанно напевал какие-то стихи: то русские, то французские». Завалишин запомнил один отрывок из русских стихов и одну строчку — из французских:

Сгибнут герои
В дальних странах;
Земля чужая
Скроет их прах.
Не озарятся
Солнцем родным,
Не примостятся
К предкам своим,
Но не чужие
Будут и там.
Там им родные
Все по душам.

---

* Прощайте, дорогие товарищи, сейчас я услышу свой приговор; оставляю на память вам клочок бумаги (франц.).

Возможно, что часть этой «казематской лирики» сохранилась и до сих пор. Еще в 1910-х годах М. О. Гершензон, разбирая семейный архив Кривцовых, видел «в груде листков», пересланных С. И. Кривцовым из крепости родным, помимо стихов самого Кривцова и «стихотворения, писанные чужими почерками и разными чернилами, но, несомненно, возникшие в крепости» [264]. Но либеральному историку и участнику ренегатского сборника «Вехи» остались чужды и революционный пафос декабристской поэзии и интимные переживания узников; он пренебрег этими драгоценными документами, ограничившись лишь презрительным замечанием об их эстетической стороне.

Из многочисленных образцов этой «казематской лирики» он привел только стихотворный отрывок какого-то неизвестного декабриста. Последние строки его звучали так:

Теперь печальных чувств в расстроенной свободе,
Сужденный навсегда оставить край родной,
Пришел последнее «прости» сказать природе,
Чтоб встретить первую луну в стране чужой.

Сам Гершензон с осуждением писал о редакторе «Русской старины», который в 1889 г. пренебрежительно отнесся к «толстой» тюремной тетради Батенькова. Советский исследователь вправе применить это осуждение Гершензона к нему самому, читая его рассуждения о «наивной и прекраснодушной поэзии» узников Петропавловской крепости и его бестактные сравнения этой лирики с чем-то, «похожим на чириканье птички в клетке».

Более подробно, но далеко не с исчерпывающей полнотой, рассказал Гершензон лишь о стихах самого С. И. Кривцова. Он сохранил и названия некоторых из них: «Послание к Зах. Чернышеву», «День заключения», «На измену дружбы», «Похвала трубке». Некоторые из стихов С. И. Кривцова имели, по определению Гершензона, сентиментальный характер, другие — шутливый. О последних упоминает и Завалишин; он привел даже отрывок одной шуточной импровизации Кривцова, произнесенной при объявлении ему решения Следственной комиссии о предании его суду:

Нас в крепость посадили.
И, право, по делам,
Вперед, чтоб не шутили,
Не верили людям

и т. д. [265]

К группе «шуточных» Гершензон отнес и стихотворение, подробно описывающее «крепостное житье заключенных». Гершензон не понял и не оценил подлинного значения этих памятников тюремной поэзии декабристов и лишил, таким образом, историю русской жизни и литературы ценных памятников.

В одном стихотворении (мы называем его условно «Послание к родным»), очень близком по содержанию и настроению к «Тюремным стансам» Барятинского, Кривцов писал о переживаниях, вызванных сознанием нанесенного им тяжелого удара своим родным. «Может быть, я уже невозвратно погиб для вас,— говорит в этом стихотворении Кривцов,— но я не знаю за собой преступленья; я мог заблуждаться, но душа моя — чиста. Душа моя и теперь пылает святой любовью к отчизне, я не знал тщеславья, когда ставил себе целью добродетель...» и т. д. Для этого стихотворения Гершензон не нашел другого слова, кроме «сентиментальное», и проглядел то, что составляет его основное содержание: высокий гражданский

и патриотический пафос. Исключительный интерес представляет стихотворение Кривцова «На измену дружбы», также причисленное Гершензоном к образцам «сентиментальной лирики». Он приводит его в прозаическом изложении: «Все друзья лишь до черного дня. В веселье все тебя любят, но лишь только разъяренная фортуна обратит на тебя свой суровый взгляд, все тотчас покинут тебя и всякий будет думать только о том, как бы поскорее спасти себя самого...» [266]. По своему содержанию это стихотворение должно быть поставлено в одном ряду с известным письмом Грибоедова к Бегичеву, навеянным поведением некоторых его товарищей по процессу [267].

Весьма интенсивным было поэтическое творчество декабристов в период каторги и ссылки. Из многочисленных упоминаний в мемуарах и переписке хорошо известна разнообразная умственная деятельность декабристов в Чите и Петровском заводе. Уже в Чите было организовано «Литературное общество», председателем которого был избран П. А. Муханов. На заседаниях читались и обсуждались научные доклады, критические статьи, поэтические и прозаические сочинения. На одном из таких заседаний Н. А. Бестужев прочел свое «Воспоминание о Рылееве». В Чите же был составлен литературный альманах «Зарница», который предполагалось издать в Петербурге или в Москве «в пользу невольно-заключенных». Сохранилось письмо Муханова по этому поводу к П. А. Вяземскому [268]. Сборник, конечно, издан не был, и только присланные Вяземскому стихотворения Одоевского оказались напечатанными, без подписи автора, в «Литературной газете» (1830) и в «Северных цветах» на 1831 год.

В ЦГИА хранятся разрозненные бумаги Муханова, среди которых находится несколько стихотворений Одоевского, самого Муханова и других поэтов [269]. Возможно, что это остатки материалов, предназначавшихся для альманаха, который составлялся под его руководством. Сохранившиеся наброски стихотворений Муханова позволяют думать, что существовали и другие его стихотворения, написанные в Сибири.

Крупнейшим поэтом периода каторги и ссылки декабристов был Одоевский. Из шестидесяти стихотворений, входящих в состав его «Полного собрания сочинений», только пять или шесть произведений написано не в Сибири; из сибирских же стихотворений лишь пять написано на поселении, все остальные — в Чите и Петровском заводе. Сам он очень редко записывал свои стихи; подавляющее большинство его стихотворений известно нам в записях его друзей: Розена, Лорера, М. А. Бестужева, И. И. Пущина, А. П. Беляева. Поэтому даже трудно представить себе, какое огромное количество стихов Одоевского погибло. Розен писал: «Одоевский сочинил поэму „Князь Василько Ростиславович“ и множество стихотворений на разные случаи. Лира его всегда была настроена. Часто по заданному вопросу отвечал он экспромтом премилыми стихами; в такие минуты играл румянец на его ланитах и глаза сверкали огнем». Он же добавляет, что Одоевский никогда не писал своих стихов на бумаге, но «сочинял всегда на память и диктовал другим» [270]. А. П. Беляев говорит о «многих тысячах» стихов Одоевского, пропавших без вести [271].

Очень много стихов Одоевского погибло у Розена, о чем последний сообщал Назимову 13 июля 1881 г.: «Раздавал я их всем, кто просил, да не все возвратили их, и вот уже три месяца стучусь, пишу — и все не могу получить» [272]. Стихи Одоевского тщательно собирал на каторге Артамон Муравьев; у него была даже для этой цели особая тетрадь, «памятная многим товарищам»; тетрадь эта утрачена [273].

Сам Одоевский писал отцу из Елани (в 1833 г.): «Через четверть часа я возвращаюсь, чтоб снова усесться на постели и читать какое-нибудь

произведение, которое мне полюбилось, например, летописцев моей родины, или принимаюсь размышлять о плане какой-нибудь поэмы или трагедии, которую, может быть, начну, но которой никогда не кончу, по милости разборчивой совести: еще никогда она не была довольна ни одним моим эпическим или трагическим планом и почти ни одной моей пиесой. А если я теперь когда-нибудь сочиняю их, стараюсь забыть: это для меня тем легче, что я почти никогда не кладу своих стихов на бумагу, как вы давным-давно знаете это» [274]. На поселении — и в Елани и в Ишиме — вокруг Одоевского не было стольких заботливых друзей, как на каторге,

БЛАГОДАТСКИЙ РУДНИК. ГОРА, В КОТОРОЙ РАБОТАЛИ ДЕКАБРИСТЫ
Рисунок Вл. Федоровича, 1925 г.
Музей революции ИМЭЛС при ЦК КПСС, Ленинград

чтоб бережно записывать и сохранять его стихи и экспромты. В Елани он был совершенно одинок, потому-то так скудно число дошедших до нас стихотворений Одоевского этой поры.

Из времени сибирского поселения сохранились лишь его послания, то есть стихотворения, имеющие определенных адресатов и потому находившиеся в руках последних (послания отцу, Янушкевичу, записи в альбомах и т. д.).

Все эти сообщения и рассказы имеют слишком общий характер и дают представление преимущественно о количественной стороне утраченного наследия поэта. Но можно установить и некоторые конкретные факты. Известно о потере третьей песни поэмы «Василько», написанной в Чите (1829—1830). Первые две песни напечатаны в «Русской старине» 1882 г., по хранившемуся у А. П. Беляева рукописному списку, сделанному И. И. Пущиным. Беляев напечатал ее, как некое прибавление к своим воспоминаниям, как «памятник общеказематской жизни с дорогим другом и талантливым поэтом»; в следующей книжке (№ 3) он сообщил и четвертую часть, но третью часть он утерял. Содержание ее восстанавливается из письма Беляева к М. И. Семевскому, в котором он сообщил содержание

утраченной песни: «в ней заговор о погублении Василька, разговор с Святополком, вступление Василька с дружиной в Киев, посещение им храма, раздача милостыни, наконец, явление его во дворец к Святополку и, по клевете Давида, напугавшего Святополка, его арестование и отправление за город» [275].

Более всего пострадала революционная лирика Одоевского, образцом которой является бессмертный ответ Пушкину. Вопреки утверждениям старого буржуазно-либерального литературоведения, революционные мотивы являлись преобладающими в его творчестве, что совершенно опровергает недопустимое именование его «случайным декабристом». Наоборот, Одоевский явился наиболее ярким выразителем декабристских настроений после 14 декабря; об этом свидетельствует «Ответ Пушкину», об этом же красноречиво говорят разнообразные известия о многих его произведениях, не дошедших до нас. «Звучные и прекрасные стихи Одоевского, — писал один из его товарищей по ссылке, — относящиеся к нашему положению, согласные с нашими мнениями, с нашею любовью к отечеству, нередко пелись хором и под звуки музыки собственного сочинения кого-либо из наших товарищей-музыкантов» [276]. Одним из таких памятников революционной лирики Одоевского было стихотворение, прочитанное им, по рассказу Лорера, при открытии «каторжной академии». Это были стихи, посвященные Никите Муравьеву «как президенту Северного общества» [277].

Стихотворение это не сохранилось. Из сообщения Лорера неясно: являлось ли оно посланием к Никите Муравьеву, или было только посвящено ему. Лорер далее прибавляет, что Одоевский «отлично» читал эти стихи и слушатели были растроганы «до слез». Не было ли это стихотворение посвящено истории Северного общества и судьбам его участников? Такой сюжет делал понятным и посвящение его Никите Муравьеву и реакцию слушателей.

По свидетельству Завалишина, тогда же Одоевским были написаны стихи о наводнении 1824 года. Завалишин именует их «дифирамб на наводнение». По словам мемуариста, Одоевский «изъявлял сожаление, зачем оно ⟨наводнение⟩ не потопило все царское семейство, наделяя его при этом самыми язвительными эпитетами» [278]. Принято думать, что это стихотворение сохранилось, но ошибочно включалось в собрание сочинений Лермонтова («Наводнение»). Оно было обнаружено в провинциальном рукописном сборнике, составленном в пятидесятых годах местным собирателем и краеведом Н. И. Второвым; первые же четыре стиха были известны и ранее по автографической записи Лермонтова в одной из его тетрадей [279]. Против приписывания данного стихотворения Лермонтову выступил анонимный критик «Весов», органа воинствующего декадентства, озаглавив свою заметку «Подложный Лермонтов». Не приводя, в сущности, никакой аргументации и исходя исключительно из субъективной эстетической оценки, неизвестный автор обрушивался на редакцию «Былого», готовую якобы приписать великому поэту «любые вирши», лишь бы в них были выпады против самодержавия [280]. Эта тирада целиком изобличала подлинный смысл «тревоги» автора за наследие и имя Лермонтова, вследствие чего никто из лермонтоведов не нашел нужным с этой заметкой считаться, и данное стихотворение неизменно включалось во все полные собрания сочинений Лермонтова, хотя, — ввиду отсутствия полного автографа и невыясненности происхождения второвского списка, — в раздел «dubia».

Но в 1925 г. вывод автора реакционной заметки в «Весах» подхватил Н. О. Лернер, который также категорически отверг авторство Лермонтова. По его мнению, данное стихотворение является именно тем «дифирамбом», о котором рассказывал Завалишин. Что же касается

автографа первых четырех строк, то,—полагал Лернер,—Лермонтов мог записать начало этого стихотворения со слов самого Одоевского или со слов кого-либо из товарищей последнего [281]. Соображения Лернера были безоговорочно приняты всеми исследователями. Из состава сочинений Лермонтова это стихотворение было исключено и введено в собрание сочинений Одоевского,— впервые в издании 1934 г., где оно помещено в отдел «приписываемых». Последующие исследователи уже не сочли нужным

АРТ. З. МУРАВЬЕВ
Портрет маслом неизвестного художника, 1820-е гг.
Музей революции ИМЭЛС при ЦК КПСС, Ленинград

считаться с осторожной оговоркой редактора И. А. Кубасова. Категорически присоединился к мнению Лернера и В. Г. Базанов, не приведя, однако, никаких новых соображений в защиту этой гипотезы. Базанову авторство Одоевского представляется уже «безусловным» [282].

Нам кажется, что вопрос этот более сложен и нуждается в дальнейшем исследовании. Решение об исключении этих стихов из состава стихотворений Лермонтова и о передаче их Одоевскому было принято слишком поспешно, без полного учета всех известных обстоятельств и даже без достаточного анализа самого текста стихов о наводнении.

Стихи Одоевского, о которых рассказывает Завалишин, были посвящены конкретному факту: наводнению 1824 г.; в данном же стихотворении изображено не наводнение, а революционное восстание. В нем нет никаких намеков на конкретный факт наводнения в 1824 г., а образ волн, грозящих гибелью дворцу, является только метафорическим изображением народного восстания. Царь сначала смотрит насмешливо на разбушевавшуюся стихию; довольный собою, он ждет, что море «спрячется как-раз»; когда же царь увидел, что «дружины вольные» не внемлят, он понял, что «прошла пора», когда «мятежников» можно было «разогнать» пушечной стрельбой. Что общего между этой картиной и картиной наводнения 1824 г.?

Это стихи не о наводнении, а о революции: в них говорится о тщетной надежде победить восставший народ, хотя бы временно и удалось «рой мятежных» разогнать. Царя не радует прошлая победа, она не успокаивает его, его страшит призрак нового восстания, и он с тоской и смятением сознает свою обреченность. Что общего между этим стихотворением и рассказом Завалишина, кроме слова «наводнение»? Эти стихи навеяны не петербургским наводнением 1824 г., а восстанием 1825-го, о чем совершенно четко свидетельствует упоминание о ядрах, разогнавших «вольные дружины»:

Он ⟨царь⟩ понял, что прошла пора,
Когда мгновенный визг ядра,
Лишь над толпою прокатился
И рой мятежных разогнал;
И тут-то царь затрепетал
и т. д.

Нет в этом стихотворении ни каких-либо «язвительных эпитетов» по адресу царя, ни, тем более, пожеланий гибели его семейству. В данном контексте последние были бы совершенно неуместны. Стихотворение Одоевского, если только Завалишин правильно передает его содержание, было написано в ином плане и не может быть отождествлено со стихотворением второвского сборника. Если бы стихотворение Одоевского было, действительно, посвящено восстанию 14 декабря, Завалишин не преминул бы особо подчеркнуть это обстоятельство. Ведь весь смысл его тирады заключался в «изобличении» неискренних революционеров, которые то каялись, то изображали себя революционерами. К их числу он несправедливо относил и Одоевского. Как тут было не упомянуть о такой важной детали, как прославление 14 декабря, если бы оно действительно находилось в упоминаемых им стихах Одоевского. Все эти соображения приводят к мысли о невозможности отождествлять упоминаемые Завалишиным стихи о наводнении со стихотворением, обнаруженным в сборнике Второва и четыре первых стиха которого сохранились в автографе Лермонтова. Это — два различных произведения; подлинное же стихотворение Одоевского пока не разыскано.

Сохранились еще упоминания о многочисленных эпиграммах Одоевского, которые, по утверждению Завалишина, были посвящены чуть ли не всем его товарищам[283]. В тетради Артамона Муравьева они «насчитывались десятками», из них известна только одна: дружеская эпиграмма на самого Артамона Муравьева, извлеченная П. Е. Щеголевым из письма Завалишина[284]. С. В. Максимов сообщил о песне, «придуманной Одоевским» на голос русской песни «Во саду ли, в огороде», «специально прилаженной к молотьбе ручными жерновами — невинному, но и нелегкому занятию», — прибавляет Максимов[285].

Очень мало сведений о стихотворениях Одоевского, написанных на Кавказе. Огарев свидетельствует, что Одоевский и на Кавказе сочинял

стихи, которые не записывал, а лишь «читал наизусть людям близким». В числе этих «близких» был и Огарев, вспоминавший позже: «...в голосе его была такая искренность и звучность, что его можно было заслушаться». Всякие попытки записывать стихи с его слов Одоевский категорически отклонял. «Мне кажется, я сделал преступление, — признавался Огарев, — ничего не записывая, хотя бы тайком»[286].

Известно, что существовало стихотворение, посвященное М.Л. Огаревой, жене поэта; упоминание о нем сохранилось в письме доктора Майера

В. П. и К. П. ИВАШЕВЫ В ТУРИНСКЕ, 1835–1839 гг.

Картина маслом неизвестного художника на крышке шкатулки, сделанной, по преданию, самим В. П. Ивашевым из его кандалов

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

к Сатину: «Г-жа Огарева обещала прислать мне Жослэна; но не сделала этого. Если Вы находите это удобным, передайте ей прилагаемое четверостишие, посвященное ей Одоевским»[287]. Накануне смерти Одоевский читал «импровизированные стихи насчет молодого неопытного доктора»[288].

Этими фактами исчерпываются наши сведения об утраченных произведениях Одоевского.

Отрывочны и недостаточно четки сведения о других поэтах-декабристах. Сохранились известия о не дошедших до нас баснях (без точных заглавий) и переложениях псалмов и евангельских текстов П. С. Бобрищева-Пушкина. Розен называл имя Бобрищева-Пушкина рядом с Одоевским и считал его «вдохновенным поэтом». «Он сочинил замысловатые басни, звучными стихами передал псалмы и чудное послание апостола Павла о любви». Товарищи Бобрищева-Пушкина были очень высокого мнения о его баснях; Завалишин утверждал, что они «заняли бы с честию место во всякой литературе». Несколько басен из этого периода сохранено Розеном, Лорером и Н. А. Бестужевым и опубликовано по их записям[289]. Оценку басен друзьями Бобрищева-Пушкина приходится признать весьма преувеличенной.

Очень ценили декабристы творчество В. П. Ивашева. Розен ставил его в один ряд с Одоевским и П. С. Бобрищевым-Пушкиным. Он сообщает, что в Петровском заводе Ивашев написал большую поэму «Стенька Разин»[290]. Это лаконичное известие — единственное; ни о содержании этой поэмы, ни о ее характере и поэтических достоинствах нет никаких сведений; о ней не упоминает никто из других декабристов. Нет упоминаний о ней и в подробных биографических рассказах об Ивашеве его внучки О. Булановой[291]. Ивашеву же принадлежала сатирическая песня о походе Дибича в Польшу, из которой приведено несколько начальных стихов в «Записках» Завалишина:

Дибич слово царю дал
Сладить с поляка́ми —
Свое слово он сдержал
И поляков откатал
Своими боками... [292]

В Петровском заводе было написано знаменитое стихотворение М. А. Бестужева «Что ни ветр шумит», ставшее популярнейшей песней декабристов. Оно навеяно гибелью черниговцев и их вождя Муравьева-Апостола. Это стихотворение вызвало ряд подражаний. Известный сибирский общественный деятель, М. С. Знаменский (ученик декабристов), вспоминал о «печальной песне», которую любил напевать М. И. Муравьев-Апостол. В этой песне, — свидетельствует мемуарист, — «говорилось о судьбе его казненного брата»:

Уж как пал туман на Неву-реку,
Крепость царскую, Петропавловскую,
Не проглянуть с небес красну солнышку,
Не развеять тумана ветру буйному... [293].

Сохранилось несколько стихотворений Ф. Ф. Вадковского; об одном из них, написанном в Петропавловской крепости, мы уже говорили. Можно думать, что существовали и другие. В бумагах И. И. Пущина, вошедших позже в состав архива Якушкиных, находилось стихотворение Вадковского «Желание», написанное в условно-фольклорном стиле и формулирующее основные положения политической программы декабристов; позже этот листок был утерян и только благодаря находке другого списка (среди бумаг Зимнего дворца) удалось его опубликовать. Несомненно Вадковскому же принадлежит и находившаяся в архиве Якушкиных (из того же собрания Пущина) «Песня» («Мать ты наша родимая, ты святая Русь»). По содержанию, по основной мысли и особенно по общей для них фольклорной стилизации, оба эти стихотворения представляются идентичными и, безусловно, принадлежат одному автору. Это предположение подтверждается и фактом их совместного хранения в одной папке. В той же папке было еще одно стихотворение Вадковского, озаглавленное «Странная история». В нем, по свидетельству Е. Е. Якушкина, «в юмористической форме рассказывалось о свержении самодержавия». Оно было утрачено одновременно с оригиналом «Желания»[294].

В связи с именем Вадковского следует упомянуть и о его музыкальных сочинениях. Он был выдающимся музыкантом-исполнителем (скрипачом) и композитором. О его музыкальном даровании подробнее всего рассказано в воспоминаниях Л. Ф. Львова[295]. Из его композиций сохранилась лишь музыка к стихотворению Одоевского «Славянские девы»[296]. Запись этой мелодии находилась в руках Огарева, который дал высокую оценку музыкальному дарованию Вадковского[297].

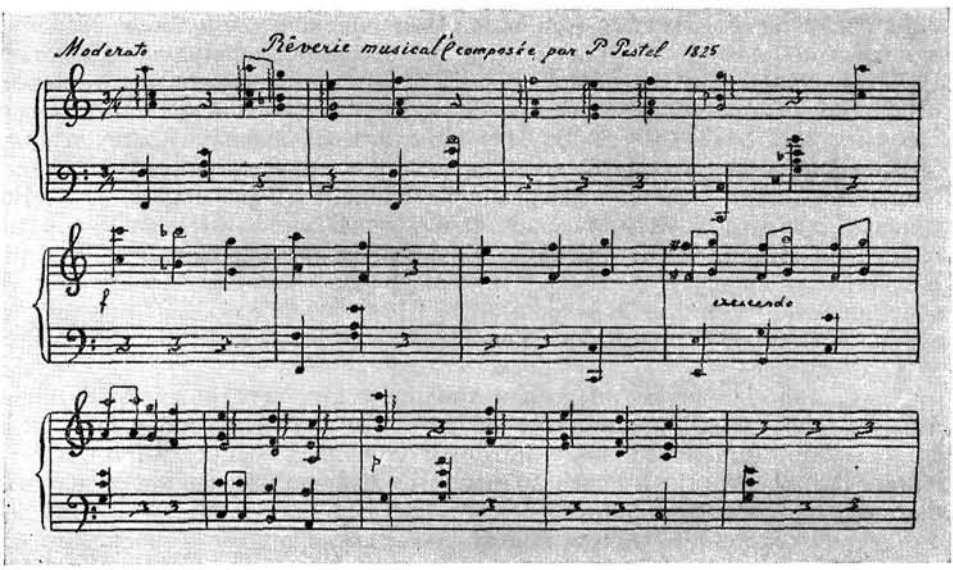
Ряд музыкальных композиций был написан Пестелем. По сообщению С. Д. Толстой (внучки поэта Баратынского), в семье Баратынских очень

долго хранилось несколько произведений Пестеля, из которых уцелел лишь один отрывок[298]. В ЦГИА находится стихотворение неизвестного автора, озаглавленное «Стихи на музыку Пестеля». Его содержание: мысли приговоренного к смерти узника, борца за свободу, встречающего свое последнее утро:

Заалел восток...
Зарей последнею наслаждаюсь.

Узник с гордостью говорит о своем высоком жребии «за свободу пасть», он умирает с верой, что «вольной мысли власть» с ним не падет, что «беспощадный гнет» разбудит Русь —

Закалит ее,
Мысли в меч скует,
Поразит тот меч
Беззаконных власть [299].



НОТНЫЙ АВТОГРАФ П. И. ПЕСТЕЛЯ

Сверху помета неизвестной рукой по-французски: «Музыкальное раздумье, сочиненное П. Пестелем, 1825»
Местонахождение оригинала неизвестно

Очевидно, это стихотворение написано кем-либо из друзей Пестеля, знакомым с его музыкальными произведениями и создавшим на их основе стихи, навеянные его судьбой. Возникает гипотеза о принадлежности этих стихов Ивашеву. Из друзей Пестеля, принадлежавших к его ближайшему окружению, поэтами были Барятинский и Ивашев. Но Барятинский писал стихи только на французском языке; Ивашев же был не только поэтом, но и музыкантом. Несомненно, ему были хорошо известны и музыкальные произведения Пестеля.

Очень распространена была в казематах «шутливая поэзия»: политические куплеты, образцом которых может служить упомянутая выше песнь Ивашева о Дибиче, стихи о событиях повседневной казематской жизни, шутливые стихи о товарищах. Главными представителями этой поэзии были А. П. Барятинский и В. Л. Давыдов. Ими обоими была составлена целая тетрадь таких стихотворений, имевшая заглавие «Плоды

тюремной хандры». Эта тетрадь хранилась у М. А. Бестужева, и в 1861 г. была им отправлена вместе с другими материалами М. И. Семевскому: «Я даже разоблачаю нашу жизнь тюремную, прилагая тут же „Плоды тюремной хандры“ — сумбур, особенно нравившийся Ильинскому[300] и почти для него написанный Давыдовым и Барятинским»[301]. Семевский очень тщательно сберег все материалы, переданные ему Бестужевым, но эта тетрадка где-то затерялась: в архиве «Русской старины», в котором сосредоточены все находившиеся у Семевского бестужевские материалы, ее нет; содержание ее неизвестно. Есть основание предполагать, что в каземате был составлен ряд аналогичных сборничков или тетрадок. Примером может служить уцелевшая в бумагах Семевского небольшая тетрадка под заглавием «Литературная своеделыцина».

Сборнички такого типа, по свидетельству М. А. Бестужева, выходили за пределы тюрьмы и становились известны довольно широким кругам общества: в тридцатые годы, в Кяхте, местный врач А. И. Орлов издавал рукописную газету «Стрекоза», в которую иногда переписывал стихи из рукописных казематских сборничков. Помещал в ней Орлов и сведения о жизни декабристов в Петровском заводе. Из одной неоконченной записи Семевского видно, что в газете Орлова принимали участие некоторые из петровских узников, в том числе и М. А. Бестужев. Помещались в «Стрекозе» и «шутливые басни» В. Л. Давыдова. Давыдову принадлежали острые политические стихотворения сатирического характера (из них сохранилось лишь несколько отрывков в записках и рассказах М. А. Бестужева), в том числе сатирическая поэма («в 20 или 30 строф») о Николае I — «Николосор», которую Бестужев характеризовал как «прекрасную, едкую шутку». Имя «Николосор» составлено, несомненно, из сочетания двух имен: «Николай» и «Навухудоносор». Эта поэма до нас не дошла и только три неполных строфы сохранились в памяти М. А. Бестужева[302].

Очень мало сведений имеется о товарищеских шутливых стихотворениях и эпиграммах. Завалишин сообщает, что главным героем шуточных стихотворений был Бечаснов, «с которым случались беспрестанно приключения». О нем писались целые поэмы: «Похождения Бечаснова в царстве гномов», «Похищенный цикорий»[303] и пр. В бумагах Н. А. Некрасова находится несколько строк из какого-то стихотворения о Бечасном, сообщенного Некрасову кем-то из декабристов[304] (по всей вероятности, Назимовым).

В ссылке писали стихи А. А. Бестужев, Н. Ф. Заикин, Ю. К. Люблинский, Н. А. Чижов. Из стихотворений Заикина известна лишь его запись в альбом М. И. Муравьева-Апостола, сделанная в Витимске 1 июля 1829 г.[305] Является ли оно единственным, случайным стихотворением или были и другие стихи, принадлежащие ему,—неизвестно. Очень мало сведений и о стихах Люблинского. По словам его дочери, Изабеллы Люблинской, тетрадку со стихами Люблинского взял в 1856 г. один из его иркутских знакомых (Давиденко) для опубликования в заграничной печати; стихи эти пропали[306]. В рассказе Люблинской чрезвычайно важно указание на то, что эти стихи предназначались не для русских журналов, а для заграничной печати, то есть для «русской вольной печати»; это дает возможность более определенно судить о направлении творчества Люблинского.

Очень скудны сведения о поэтической деятельности А. А. Бестужева во время пребывания его в якутской ссылке. Своим родным он писал, что усердно «сочиняет стихи»[307]. Кое-что из стихов этого периода опубликовано, но, видимо, это лишь весьма незначительная часть его «якутской продукции». Николай и Михаил Бестужевы не высоко ценили поэтическое творчество брата и неохотно делились сведениями о нем. В ответ на прямой

запрос М. И. Семевского, М. А. Бестужев писал: «Есть некоторые стихотворения, писанные в Якутске, но это — такой вздорец, о котором не стоит упоминать, тем более, что поэзия не была его трактовая дорога и мы с братом Николаем постоянно убеждали его бросить гремушки и писать дельное»[308].

В Якутске А. А. Бестужев усиленно занимался немецким языком и немецкой литературой. «До позднего вечера читаю Шиллера и Гёте», — писал он матери и сестрам. Сохранилось несколько небольших его стихотворных переводов из Гёте, — но переводы из «Фауста», о которых он сообщал в том же письме, до нас не дошли, за исключением одного четверостишия, сохранившегося в рукописи (опубликовано Г. В. Прохоровым)[309]. Очень возможно, что некоторые из стихотворений периода сибирской и кавказской ссылок затерялись на страницах различных изданий тридцатых годов.

В Рукописном отделе Института русской литературы хранится набросанный рукой Бестужева список его сочинений: «Сколько я помню— вот какие мои сочинения напечатаны были в разных периодических изданиях». Этот список составлен был, очевидно, для сестры в связи с планом издания его сочинений; в нем названо и несколько неизвестных стихотворений: «Взор», «Прогулки по Лене», «К Коринне», «Эпиграммы» и «Эпитафии»[310]. Действительно ли все это было опубликовано и не разыскано, или же Бестужев ошибочно считал некоторые свои вещи напечатанными, — сказать трудно. Перечисленные выше стихотворения остаются пока неизвестными. Большая часть этих произведений относится ко времени его пребывания в Якутске.

Продолжал писать стихи, находясь на поселении, и Батеньков. 16 августа 1846 г. В. И. Штейнгель писал из Тары в Селенгинск М. А. Бестужеву: «Скажу тебе, что Батеньков написал мне письмо, наполненное юных чувств и истинной дружбы; так что я изумлен был, читая, как могла сохраниться в нем эта благородная живость, которою он так отличался 20 лет назад. И сколько тут умного, интересного ⟨...⟩ Есть что-то похожее на надежду возврата в словах его, но загадочно; а в заключение увлекся поэзией и написал две строфы стихов. В первой представляет картину Невы, во второй переносится в Сицилию, чтобы сказать „как все тихо, спокойно и прелестно на поверхности — и какой растет огонь внутри". Как жаль, что не оставил у себя копии, отправив это письмо с оказией — к жене. Не знал, что будет другая оказия писать к тебе, а с почтой не хотел послать: заметным сделалось бы то, что, повидимому, не заметили»[311]. Письмо Штейнгеля к жене не сохранилось; не сохранились и упомянутые стихи Батенькова. Вообще из стихотворений Батенькова этого периода до нас дошли лишь скудные отрывки.

В ссылке развилось поэтическое творчество декабриста-моряка Н. А. Чижова, биография которого теперь стала более известной благодаря разысканиям Б. Я. Бухштаба. Из додекабрьской лирики Чижова ничего не сохранилось, в ссылке же им написан ряд поэм и стихотворений. Одно из них «Нуча», заимствованное из якутских преданий, было помещено за полной подписью автора в «Московском телеграфе» и вызвало большое неудовольствие администрации, в результате которого почти все творчество Чижова (за ничтожным исключением) оказалось утраченным. В связи с возбужденным делом по поводу печатания стихов без соответствующих разрешений, у Чижова, жившего тогда в Олекминске, был произведен обыск и отобрана тетрадка стихов, препровожденная в III Отделение. Ныне стихи эти опубликованы. При этой же тетрадке «была препровождена» собственноручная записка Чижова, содержащая перечень его произведений в стихах и прозе. Три стихотворения из этого списка в тетрадке отсутствуют и до сих пор не найдены: «Юным друзьям»,

«Водомет», «К ранней птичке». Тетрадь датируется 1827—1829 гг. В Тобольске Чижов очень подружился с автором «Конька-Горбунка» Ершовым, и они вместе написали ряд шутливых водевилей; в числе их был водевиль «Черепослов» (1837), позже в какой-то мере вошедший в литературное наследие Козьмы Пруткова. Подробности этого эпизода неизвестны, ибо водевили Чижова и Ершова не сохранились; не ясно, какова степень участия каждого из соавторов в создании этой пьесы. Но каково бы ни было участие Чижова, глубоко знаменателен факт творческой встречи поэта-декабриста с представителем нового поколения русских поэтов [312].

XI. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА ДЕКАБРИСТОВ

Очень мало сведений о не дошедшей до нас художественной прозе декабристов: романах, повестях, рассказах, путевых и бытовых очерках и проч. Этот участок литературной деятельности декабристов вообще мало известен и почти совершенно обойден историко-литературной наукой. Досоветское литературоведение отрицало самую возможность постановки вопроса о декабристской художественной прозе, и даже творчество А. Бестужева рассматривалось обычно вне связи с общей проблематикой и идейной сущностью декабризма. Не был установлен и круг имен декабристов-прозаиков; его составляют, помимо широко известного Александра Бестужева-Марлинского, Николай Бестужев, А. О. Корнилович, В. К. Кюхельбекер, П. А. Муханов. Повесть Н. А. Бестужева «Шлиссельбургская станция» является одной из жемчужин декабристской художественной прозы[313]. Корнилович написал несколько исторических повестей[314]. Кюхельбекеру принадлежит роман «Последний Колонна» и ряд рассказов[315]. Муханов писал рассказы и очерки: бытовые и путевые. В якушкинском архиве сохранилось несколько рассказов Н. В. Басаргина [316]. В этот перечень мы не включаем мемуаров, из которых некоторые принадлежат подчас к лучшим образцам декабристской художественной прозы, как, например, — помимо исключительного по историческому и художественному значению «Воспоминания о Рылееве» Н. А. Бестужева, — «Записки» И. И. Горбачевского, М. А. Бестужева, Н. И. Лорера и др.

Корпус произведений, составляющих «декабристскую беллетристику», в тесном смысле этого термина, будет значительно пополнен, если мы учтем ряд известий о не дошедших до нас — временно затерянных или утраченных — произведениях. На первом месте — неизвестная повесть Н. А. Бестужева, о которой он сам рассказал в «Воспоминании о Рылееве»: «Однажды я написал повесть, в которой изобразил мучения влюбленного человека, томление страсти, отчаяние неразделенной любви, и изобразил это довольно живо. Насчет литературных занятий Рылеев и мы с братом составляли нечто целое. Ни один из нас не делал плана, не кончал сочинения, не показав другому. При первом моем свидании с Рылеевым он спросил меня, кончил ли я начатую мною повесть, и на утвердительный мой ответ просил ее прочесть. Я начал с описания веселых происшествий, перешел к завязке, принимая мало-помалу выражение грусти, которую хотел изобразить; дошел до того места, где любовь, где совесть, разделяя сердце героя повести, лишают его совершенно спокойствия, ведут его постепенно к отчаянию; наконец <...> дошел до описания всех ужасов бессонницы, самозабвения и покушения на самоубийство...»[317]

Заглавия этой повести Н. А. Бестужев не называет. Ни одна из напечатанных им повестей или из сохранившихся в рукописи не соответствует данному пересказу. Н. А. Бестужев подчеркивает, что она была закончена, но по каким-то причинам он не опубликовал ее, а затем она, несомненно, была уничтожена вместе с другими его бумагами в декабрьские дни 1825 г.

К числу крупнейших и, вероятно, невосстановимых утрат принадлежит исторический роман М. С. Лунина «Лжедимитрий», написанный им в 1816 г. (на французском языке) в Париже. Написана была только первая часть; по свидетельству Ипполита Оже, она была передана академику

М. С. ЛУНИН
Литография с портрета 1822 г. Принадлежала А. И. Герцену
Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

Шарлю Брифо, который «пришел от нее в восторг». Оже сохранил и слова Лунина о своем романе: «Я задумал исторический роман из времен Лжедимитрия: это самая интересная эпоха в наших летописях, и я поставил себе задачею уяснить ее. Хотя история Лжедимитрия и носит легендарный характер, но все-таки это пролог к нашей теперешней жизни. И сколько тут драматизма!»[318]

В «Воспоминаниях» Оже вообще много неточностей, особенно когда он рассказывает о своем пребывании в России. Но вряд ли ему нужно было изобретать такую подробность, как сочинение Луниным исторического романа, — поэтому, думается нам, нет достаточных оснований для отвода его сообщения об этом эпизоде биографии Лунина.

Не сохранилось никаких следов беллетристических опытов Е. П. Оболенского. Но из показаний Ф. Н. Глинки выясняется, что в конце десятых или начале двадцатых годов Оболенский писал повесть из древнееврейской жизни. Для этой цели он изучал (по какому-то французскому источнику) древнееврейское законодательство. Об интересе Оболенского к древнееврейскому законодательству сообщал также в своем показании Назимов. Занимался Оболенский и переводами; в частности, он перевел с немецкого драму Ф. Раупаха «Князья Хованские»[319].

Большим успехом в среде декабристов-узников пользовались повести и рассказы П. А. Муханова. Декабристы очень ценили литературный вкус и критическое чутье Муханова и считали его одним из образованнейших в своей среде литераторов. Писать он начал еще до ареста. Весной 1825 г. он посетил Кавказ, желая перейти на службу к Ермолову; перевод этот не состоялся, но плодом путешествия явилась рукопись — «Поездка в Грузию и Карабах» (1825), два отрывка из которой были помещены в «Московском телеграфе». Муханов предполагал издать свою «Поездку» отдельной книгой, о чем он говорил Митькову, характеризовавшему ее как «либеральную книгу» (ВД, III, 148, 420). Любопытно сопоставить с этим показание Бестужева-Рюмина о поручении, данном Муханову при принятии его в революционную организацию: «Узнавать о злоупотреблениях правительства, а также о степени и причинах народного негодования в губерниях, кои он объезжал с своим генералом» (ВД, III, 143).

В альманахе «Урания» (1826) был помещен, уже после ареста Муханова (за подписью ZZ), его бытовой очерк «Светлое воскресенье», направленный против «большого света» и проникнутый сочувствием к «простому народу». По свидетельству М. П. Погодина, у Муханова «такими очерками была заполнена целая тетрадь»[320]. С чтением своих повестей Муханов выступал в «казематском университете». А. П. Беляев запомнил заглавие одной из них — «Ходок по делам», написанной около 1830 г.[321]

Часть бумаг Муханова хранится в ЦГИА, среди них черновые наброски отдельных очерков: «Три генеральши», «Журналы» («Что нужно, чтоб быть журналистом») и другие. В одной из тетрадей, на внутренней стороне переплета, рукой Муханова набросан список заглавий этих очерков, вполне подтверждающий сообщение Погодина. Эти заглавия следующие: 1. Первый выезд на бал. 2. Барские толки. 3. Житейские слезы. 4. Светлая неделя. 5. Три генеральши. 6. Ходок по делам. 7. Филантропия. 8. Сборы на бал. 9. Дядюшка[322].

Видимо, с чтением этих очерков и выступал Муханов в «казематской» аудитории. То, что Беляев именует повестью («Ходатай по делам»), в действительности входило в эту серию очерков. Из упомянутых выше набросков Муханова видно, что он работал над очерком из сибирского быта «Гришка — байкальский разбойник»; тут же записана сентенция, имеющая несомненное отношение к данному замыслу: «Не воля раба — воля господина». На отдельном листке записано: «На что вы смотрите на московские причуды, — ужели для них оставить полезное дело? — Екатерина II в письме к Еропкину». Не было ли это замечание эпиграфом к какому-либо очерку?

Очень много писал в прозе до своего ареста М. А. Бестужев. Некоторые из его прозаических вещей получили одобрение брата Александра, но он предпочитал «взыскательный суд» старшего брата, Николая. В 1824 г. он написал очерк «Наводнение в Кронштадте». «Я наблюдал его

с высокой обсерватории и под горячим впечатлением этого страшного зрелища сделал простое и вместе потрясающе верное описание. Оба брата нашли его стоящим печати». Но печатание не было разрешено морским министром, «так как в этом описании было много истины, а ее-то и хотели скрыть от государя», — вспоминал он. Позже материалы этого очерка вошли в повесть, написанную М. А. Бестужевым в Петровском заводе (1830) под тем же заглавием: «Наводнение в Кронштадте 1824 года». В казематах же Бестужев написал несколько повестей из морской жизни: «Случай — великое дело», «Черный день» и другие, заглавий которых он не приводит [323]. Лорер, вспоминая о двух повестях Бестужева, утверждает, что они были прочитаны еще в Чите, стало быть, в 1828—1829 гг.[324] Возможно, что он ближе к истине, так как М. А. Бестужев в «Записках» неоднократно ошибается в хронологии, относя многие факты читинского периода ко времени пребывания в Петровском заводе. Свидетельство Лорера подтверждается и читинским письмом Муханова к Вяземскому с обещанием послать вслед за стихами «подводу с прозой».

Ни одна из названных М. А. Бестужевым повестей до нас не дошла. Повесть «Случай — великое дело» еще в шестидесятых годах находилась в Москве у Е. А. Бестужевой. К М. И. Семевскому она почему-то не попала и погибла вместе с той частью бестужевского архива, которая осталась в Москве у сестер после смерти М. А. Бестужева. Остальные повести были сожжены им в Селенгинске. Беловые рукописи хранились у Муханова, но он их уничтожил [325]. Черновые отрывки морских повестей М. А. Бестужева находятся в дошедшей до нас части его архива (ИРЛИ).

В значительно лучшем виде сохранилось наследие Александра Бестужева: некоторые ненапечатанные при его жизни рукописи хранятся в архиве Института русской литературы. В упомянутом выше списке отмечены в качестве напечатанных неизвестные нам «анекдоты»: «О лгуне», «О часовом», «Новый орден». В этом же списке названа «Сказка о происхождении якутского народа». Что представляет собою это произведение — историко-этнографический очерк или художественное изложение какого-либо якутского предания, — неизвестно. В письме С. Д. Нечаева к А. А. Бестужеву (1825) упоминается о повести последнего «Кольцо»[326], — впрочем, из письма неясно, идет ли речь о написанной повести или только о замысле.

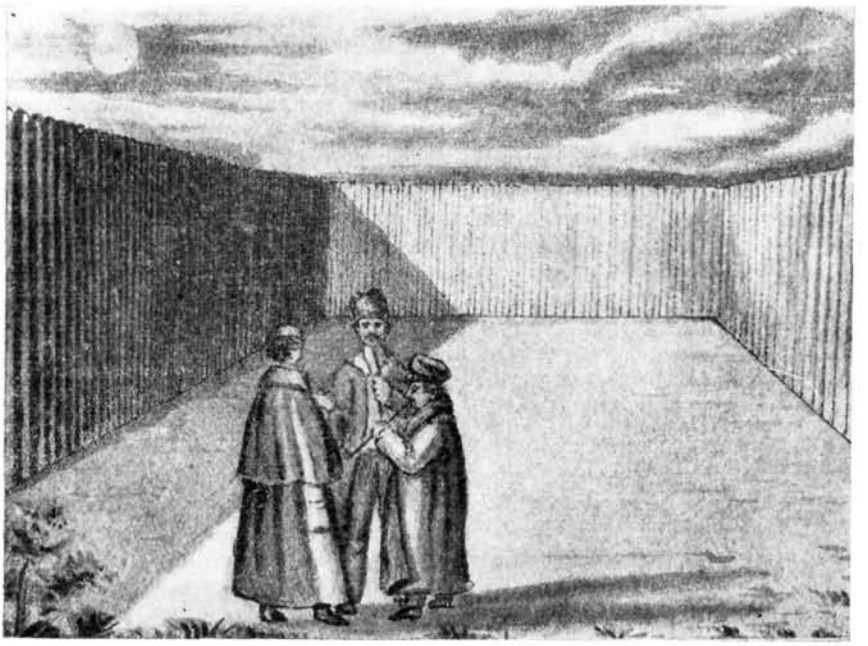
Своеобразно сложилась судьба младшего брата Бестужевых — Павла. Формально, конечно, он не является декабристом: он не был членом Тайного общества и не принимал участия в восстании 14 декабря; в момент восстания он еще находился в корпусе. Но восстание и роль в нем его братьев очень отразились на его дальнейшей судьбе: по первому же, и совершенно необоснованному, подозрению он был исключен из корпуса, арестован, а затем отправлен служить на Кавказ. Михаил Бестужев с полным правом говорил о «пяти братьях Бестужевых», «погибших в водовороте 14 декабря». Вспоминая о своих ранних литературных опытах, М. А. Бестужев попутно упоминает и «маранье» двух младших братьев: Петра и Павла. Эти юношеские и детские опыты не сохранились. Павел Бестужев обладал несомненным литературным дарованием, и старшие братья усиленно побуждали его к писательскому труду. Под настойчивым воздействием Александра Бестужева он написал очерк «Замечания на „Путешествие в Грузию“», который, однако, из корыстных соображений редактора, был напечатан под именем его брата [327]. Это обстоятельство оскорбило Павла и отвратило на некоторое время от литературной деятельности, — вернее, от общения с журналистами. Но в 1840 г. он написал два очерка: «Мы с вами квиты» и «Филиппу — прямо в правый глаз»[328]. Они были отправлены им в «Иллюстрацию», но напечатаны не были: рукописи их утрачены.

Не дошел до нас ряд прозаических вещей В. К. Кюхельбекера. Из Динабурга он сообщал Дельвигу (1830): «Я написал роман, который, вероятно, погиб <...> Название его „Деодат“»[329]. В списке своих произведений, посланном Жуковскому, он называет начало романа «Дети капитана Ле-Гранжа <или Ле-Гранта?>», а в списке, приложенном к завещанию, — «Смерть» (повесть, рассказ?). Все эти произведения неизвестны.

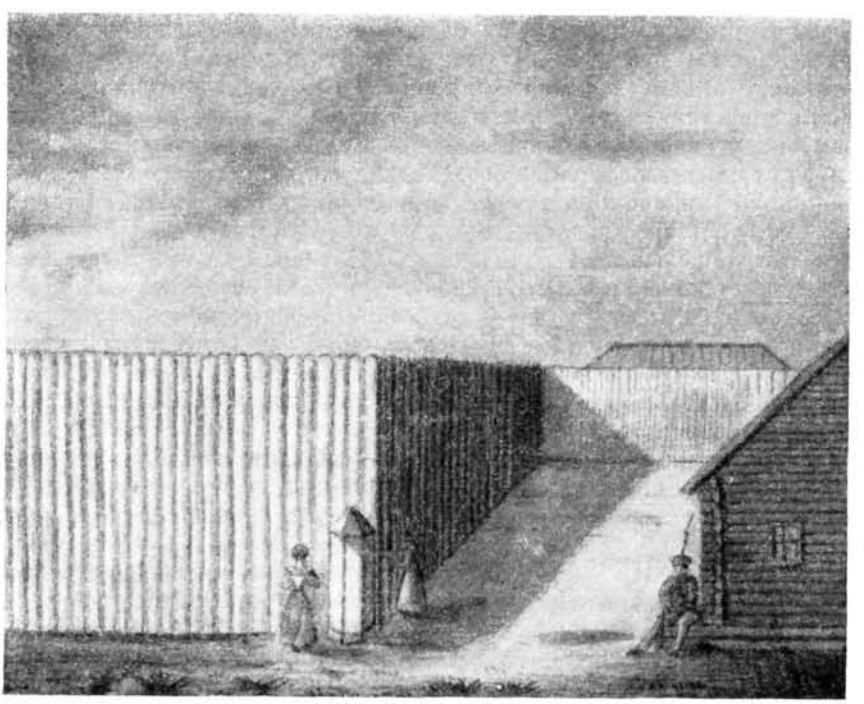
Совершенно утрачена проза Н. А. Чижова; в показании он говорил о своих произведениях, помещенных в журналах[330], но из всех его додекабрьских вещей известны лишь статья «О новой земле» (1823) — талантливо написанный научно-популярный очерк, излагающий результаты экспедиции Ф. П. Литке, участником которой он был, — и лирический очерк «Одесский сад. Воспоминания о Черном море» (1823). В списке, отправленном в III Отделение, перечислен ряд прозаических вещей Чижова: повесть «Еким Простота», «Письма с берегов Лены», «Тунисская пленница», «Отрывок из записок путешественника», «О любви к отечеству», «Мысли и замечания», «Поединок», «Кукольное царство. Автомат», «Прогулки по Лене», «Клад (повесть)»[331]. Жанр этих произведений обозначен только в двух случаях — повести: «Клад» и «Еким Простота»; вероятно, повестью или рассказом является «Кукольное царство»; в остальных можно угадать различные виды литературных произведений: краеведческий очерк, критические замечания и т. д. Все это до нас не дошло, и только этот сохранившийся перечень заглавий свидетельствует о еще одном загубленном и нераскрывшемся даровании. В. И. Штейнгелем в конце пятидесятых годов был написан «этюд» о путешествии по Алтаю, в котором он, между прочим, описывал свою встречу с заводскими крестьянами. Этот очерк до нас не дошел[332].

В число декабристов-писателей давно уже включено имя А. Д. Улыбышева, гораздо более известного в качестве музыкального критика и автора труда о Моцарте. Декабристом формально Улыбышев не является, но он был членом «Зеленой лампы», и прочитанные там его произведения «Сон» и «Письмо к другу в Германию о петербургском обществе» являются характернейшими памятниками декабристской публицистики и декабристской эстетики. Непосредственных организационных связей с Тайным обществом у него, видимо, не было или они остались неустановленными; в «Алфавите декабристов» Улыбышев упомянут лишь как член «Зеленой лампы». Он принадлежал к большому числу спасшихся от разгрома участников ранних политических кружков, но в отличие от многих из них он остался верен настроениям и идеям своих юных лет. Об этом свидетельствуют его рукописи, находившиеся в руках его биографов и частично дошедшие до нас. Он писал повести, рассказы, драмы. «Легче пьяница закоренелый откажется от кабака, чем писатель от чернил, — записал он в своем дневнике (1843), — вдруг страсть к литературному делу опять овладела мною. Стало что-то скучно без этого. Материалы к повести или роману были у меня давно готовы. Выбрал заглавие: „Последняя любовь. Быль-небылица“ и пустился в пляс. Такой вздор писать несколько легче, чем биографию Моцарта, да при том же я нахожу, что по-русски как-то само собою пишется. Язык чудесный и, по-моему, в миллион раз лучше французского...». Как полагал Гацисский (на основании других дневниковых записей), эта повесть должна была носить автобиографический характер, — тем более приходится сожалеть о ее утрате.

Особый интерес могли бы представить драмы Улыбышева. По словам Гацисского, «они всегда имели жизненно-обличительно-бытовую подкладку, казня глупость, взяточничество и другие дурные стороны современного общества». В печать проникла (только после его смерти, уже как архивный документ) лишь одна драма: «Раскольники» (1850);



ГРУППА ДЕКАБРИСТОВ ВО ДВОРЕ ТЮРЬМЫ В ЧИТЕ
Рисунок (сепия) декабриста Н. П. Репина. 1827—1830 гг.
Музей Революции ИМЭЛС при ЦК КПСС, Ленинград



ЖЕНЫ ДЕКАБРИСТОВ У ЧИТИНСКОГО ОСТРОГА
Рисунок (сепия) декабриста Н. П. Репина, 1827—1830 гг.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

в ней резко ощущается декабристская закваска. Улыбышев поднимает в этой драме вопрос о народной (то есть простонародной, крестьянской) чести и народном достоинстве, о праве крестьянина защищать свою честь так же, как сделал бы оказавшийся в аналогичном положении дворянин. В ней же, впервые в русской художественной литературе, высказана мысль, что распространение сектантства в России вызвано произволом и развращенностью администрации и бессердечным эгоизмом дворян-помещиков. В Отделе рукописей ГПБ сохранилась комедия Улыбышева «Вздыхатель без денег», высмеивающая чиновничество[333]. Остальные драматические произведения Улыбышева затерялись; мы не знаем даже заглавий их; неизвестна и судьба бумаг его.

XII. ДЕКАБРИСТСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Вопрос о декабристской публицистике — о ее составе, содержании, характере, стиле — очень слабо освещен в декабристоведческой литературе, — изредка некоторые из этих тем затрагивались отдельными авторами, но всегда попутно, по частным поводам, и главным образом в связи с биографическими исследованиями. Однако декабристская публицистика имеет самостоятельное значение как определенная историческая и историко-литературная проблема.

При изучении ее возникают большие трудности: публицистическими элементами пронизано большинство произведений декабристов и не всегда легко выделить из круга декабристских писаний такие, которые могут быть названы собственно публицистическими. В существующих сборниках и антологиях термин «публицистика» обычно понимается в очень широких очертаниях, включая в свой объем наряду с собственно публицистическими произведениями М. Ф. Орлова и В. Ф. Раевского и уставно-организационные документы («клятвы» и «присяги»), и агитационно-политические произведения, и «записки» из крепости, и даже показания во время следствия. Дело, конечно, не в формальном распределении по жанрам, а в уточнении различных видов и методов деятельности декабристов и форм их литературного воздействия на общественное мнение. Одно дело — слово, призванное звучать в собраниях заговорщиков или предназначенное для организации масс, другое — когда это слово является вынужденным, созданным в условиях заключения, и предназначено для весьма ограниченного и узкого специфического круга «читателей». Публицистическое же произведение — литературно-общественное выступление, рассчитанное на широкую (не ограниченную и тем более не специфически замкнутую) аудиторию, хотя бы в некоторых случаях оно и было вызвано частным поводом и имело специального адресата, как, например, «Письмо к Гоголю» Белинского.

В декабристской литературе такими собственно публицистическими произведениями являются «Письма к Бутурлину» Орлова, его же «Речь в библейском Обществе», распространявшаяся в многочисленных списках, незаконченные памфлеты В. Ф. Раевского: «О солдате», «О рабстве крестьян», записки Н. И. Тургенева («О барщине», «О крепостном состоянии в России» и др.), предназначавшиеся для широкого распространения, «Письма из Сибири» М. С. Лунина, рассуждение «О повиновении высшей власти» М. А. Фонвизина, некоторые сочинения Ф. Н. Глинки, В. И. Штейнгеля и др.

Вполне понятно, что эта часть литературного наследия декабристов наиболее пострадала: сохранилось лишь то немногое, что уцелело в частных и государственных архивах. Соответственно этому очень ограниченным представляется и круг имен декабристов-публицистов; но это неболь-

шое число должно быть пополнено именами авторов некоторых не дошедших до нас произведений, значительная часть которых была известна лишь узкому кругу единомышленников и позже читателям «обязательным», то есть следователям, жандармам и т. п. В число декабристских писателей-публицистов, кроме упомянутых, следует включить еще В. Н. Лихарева, М. М. Спиридова, П. Ф. Выгодовского, П. И. Борисова, Я. М. Андреевича, И. Ф. Шимкова; может быть, к ним нужно присоединить и имя К. П. Чернова. Произведения названных лиц не сохранились, и все они, за исключением «Записки о военных поселениях» (1823) В. Н. Лихарева, принадлежат как раз к числу тех литературных памятников, круг воздействия которых был вынужденно ограниченным.

В. Н. Лихарев известен главным образом своей трагической судьбой и роковой ролью, которую он невольно сыграл в истории декабристского движения: именно, вследствие его неосторожности и излишней доверчивости удалось проникнуть в ряды Тайного общества провокатору Бошняку. Внутренний мир и духовный облик Лихарева остаются от нас скрытыми, но несколько уцелевших его писем да скупые строки о нем в письмах и мемуарах заставляют догадываться, что в лице Лихарева декабристское движение располагало крупной и далеко незаурядной интеллектуальной силой. Лорер восхищался его начитанностью, великолепным знанием многих иностранных языков, «благороднейшими свойствами его характера» и называл его одним из замечательнейших людей своего времени. Из его воспоминаний мы знаем о близкой дружбе Лихарева с Лермонтовым и об их последнем споре по поводу философии Гегеля, во время которого Лихарева поразила вражеская пуля. Рассказ Лорера о смерти Лихарева, как можно судить по письмам родственников последнего, не вполне достоверен, но весьма характерно и самое возникновение такой легенды о последних минутах Лихарева. Письма Лихарева к сестре показывают, что он не был случайным деятелем движения, но принадлежал к числу наиболее убежденных и искренних. «Я тебя умоляю, — писал он сестре из крепости, — никогда не называй меня несчастным, как называют меня другие. Несчастье, которое оплакивают во мне, неспособно меня убить, я горжусь своими кандалами. Я могу остаться с поднятым челом перед судом божеским и людским»[334].

Имя Лихарева должно быть включено в круг имен декабристов-литераторов как автора названной выше «Записки о военных поселениях». По показанию В. Л. Давыдова, Лихарев сам вызвался написать такую «Записку»; по сведениям же Следственной комиссии, она была составлена им по прямому поручению Пестеля. Пестель, однако, отрицал свою инициативу, уверяя, что он этой «Записки» не видел и что вообще она не была закончена. Пестель сознательно изменяет ее заглавие, называя ее «Запиской о всех замечательных происшествиях, случившихся в военных поселениях» (ВД, IV, 168), то есть придавая ей ограничительное значение исторического сообщения. Следственная комиссия отвергла версию Пестеля и в «обстоятельства, принадлежащие к силе вины» Пестеля включила специальный пункт о поручении, данном им Лихареву (ВД, IV, 223). В «Алфавите декабристов» о Лихареве написано категорически: «...сочинил взгляд на военные поселения в духе Общества» (ВД, VIII, 115). Лихарев «собирался писать» государю и даже набросал проект письма. Он хотел «раскрыть» Александру, «насколько он обманут своими вероломными слугами и насколько страдают интересы народа»[335].

Это показание позволяет отчетливее представить историю создания «Записки» Лихарева: первоначально он хотел ограничиться лишь пространным письмом к государю. Давыдов отговорил его, указав на явную бесплодность такого шага, и одновременно рассказал о нем Пестелю. Последний же решил направить замысел Лихарева по иному пути.

Писателем-публицистом, чьи произведения целиком погибли в рукописях, был М. М. Спиридов. Сын сенатора-писателя, внук по матери знаменитого историка XVIII в., князя Щербатова, заслуженный боевой офицер, участник Отечественной войны, Спиридов являлся даже в среде южных революционеров одним из самых блестящих и образованных деятелей. По замечанию М. В. Нечкиной, «по типу своему» он «более подходил к Южному обществу»[336]. Он был очень начитан и много занимался: писал и переводил. Н. Ф. Лисовский показывал, что у Спиридова среди разных бумаг были переводы «из непозволительных французских книг» и «собственные вольнодумные сочинения». Он же сообщил, что Спиридов все эти бумаги «сложил в ящик и закопал в землю» (ВД, V, 133). Сам Спиридов давал по этому вопросу несколько сбивчивые и путаные показания. Он утверждал, что «отдал их своему человеку, Григорью Максимову, с тем, чтоб он их спрятал или уничтожил» и что «он не хотел даже знать, куда он их девал». Когда же узнал, что бумаги зарыты в землю «у Кокошкина на квартире, где он жил», тогда приказал сжечь их. Позже выяснилось, что после ареста Спиридова его служители вынули бумаги из земли и бросили в топившуюся печь (ВД, V, 151). Таким образом, все сочинения Спиридова погибли; уцелели лишь сохранившиеся среди его книг «выписки из разных сочинителей о военном искусстве»; вероятно, среди них были и выписки из книг по истории средних веков; историческими науками он особенно интересовался и позже читал в «казематском университете» лекции по истории западноевропейского средневековья. В показании об уничтоженных бумагах Спиридов сообщил и названия своих сочинений, скрыв, несомненно, наиболее резкие и опасные. Он назвал «Замечания на Государственный завет» (ВД, V, 148) и, кроме того, следующие сочинения: 1) «О воле и вольности человека», 2) «О власти отцовской», 3) «О незаконнорожденных», 4) «Правила жизни собственно для себя», 5) «Разные замечания», 6) «Глас патриота», 7) «О действиях всегда мерами добра, честности и правоты» (ВД, V, 135—136, 148).

Кроме выписок и оригинальных статей, в его бумагах были переводы из философских и исторических сочинений, — в числе последних: «Речь Мария при отправлении его на войну» против Югурты Саллюстия и «Речи Цицерона против Катилины» (ВД, V, 148). Характерен выбор этих произведений для перевода: оба они — не столько исторические сочинения, сколько публицистические.

К числу публицистических, поскольку можно судить по приведенным им заглавиям, принадлежали и собственные статьи Спиридова, некоторые из них можно назвать философско-публицистическими. Воссоздать содержание уничтоженных рукописей, конечно, немыслимо, — для этого слишком мало данных, — но понять их смысл и направленность в некоторых случаях возможно. Самая тематика чрезвычайно показательна и типична для круга декабристских интересов. В статье «О воле и вольности человека», несомненно, была затронута проблема крепостного права; статья «О действиях всегда мерами добра...» включалась в круг острейших вопросов того времени, связанных с темами воспитания и обучения нижних чинов и, быть может, являлась теоретическим обоснованием системы, отрицавшей «палочные методы» обучения.

Очень актуальной была и тема «О власти отцовской»; на эту же тему была статья П. Ф. Выгодовского, отобранная у него при аресте, этот же вопрос подробно освещался в сочинении Е. П. Оболенского «Об обязанностях гражданина». Тема статьи «О незаконнорожденных» также давно была поставлена лучшими представителями прогрессивной русской мысли (Пнин[336], Пушкин). Правовому положению незаконнорожденных посвящено несколько параграфов в «Русской правде»; пункт 8 § 3 главы

пятой («О народе в гражданском отношении») гласит: «Дети незаконнорожденные ставятся наравне с подкидышами и детьми, коих родители неизвестны»; в §§ 9 и 10 трактуется о порядке «узаконения» незаконнорож-

П. Ф. ВЫГОДОВСКИЙ
Портрет маслом неизвестного художника
Был послан в 1845 г. Выгодовским из Сибири своему другу и задержан III Отделением
Центральный исторический архив, Москва

денных и об их правах на наследство. Возможно, что данная статья Спиридова составляла часть его критических замечаний на «Русскую правду».

Одна из статей Спиридова была озаглавлена «Глас патриота». Такое заглавие характерно для сочинений, которые подвергали острому критическому анализу современную русскую действительность; так могла быть озаглавлена любая из «записок», направленных Николаю I из крепости

(А. А. Бестужева, Якубовича, Каховского, Штейнгеля и др.). Статья «Правила жизни собственно для себя» свидетельствует, что Спиридов напряженно размышлял над этическими проблемами; в ряд с ней идут и его переводы философских и дидактических сочинений: «Самобеседование» Стерна и «Правила философии, политики и нравственности» Вейсса. Последняя книга была очень популярна в кругу передовой молодежи начала XIX в.; известно об увлечении ею круга друзей Пушкина в Лицее [337].

Совершенно исключительна судьба литературного наследия П. Ф. Выгодовского, как, впрочем, исключительна и вся его личная судьба. Выгодовский — единственный в среде декабристов — крестьянин. Его настоящая фамилия — Дунцов (подлинное его имя не установлено), отец его был крестьянином Подольской губернии; 17-ти лет Дунцов бежал из родного села, раздобыл где-то чужие документы на имя дворянина Павла Фомича Выгодовского, окончил школу ордена тринитариев и поступил канцелярским служителем в Ровенский нижний земский суд. Осужден он был по 8-му разряду и после годичного пребывания в Чите отправлен на поселение в Нарым [338]; но ему, подобно Лунину, пришлось испытать второе тюремное заключение и вторичную ссылку. В 1854 г. он написал жалобу на местных чиновников. Составленная в резких выражениях, она послужила поводом для нового ареста и создания нового дела. Выгодовский был предан суду «за оскорбление должностных лиц», приговорен к наказанию плетьми и ссылке в Вилюйск. Оскорбленные Выгодовским чиновники не постеснялись расплатиться с ним полной мерой. В результате он, единственный из декабристов, не был амнистирован в 1856 г.; манифест избавил его только от телесного наказания. Вместо возможного возвращения на родину и приобщения к гражданской жизни, ему суждено было вновь пережить изгнание; он был отправлен в Якутскую область, где и умер. Выгодовский был и писателем. Он владел французским языком, прекрасно изучил латинский язык и был очень начитан в философской литературе. Польским языком он, видимо, владел так же свободно, как русским [339].

Вполне как писатель и мыслитель Выгодовский сложился на каторге и в ссылке. При аресте в 1854 г. у него было отобрано 3588 листов рукописей разнообразного содержания. По отзыву следователей, они были «наполнены самыми дерзкими и сумасбродными идеями о правительстве и общественных учреждениях, с превратными толкованиями священного писания и даже основных истин христианской религии» [340]. Все эти «дерзкие писания» уничтожены, в III Отделении сохранилась лишь «Выписка из бумаг государственного преступника Выгодовского» [341]. Эта «выписка» представляет собою весьма неискусно составленное сжатое обозрение рукописных сочинений Выгодовского; из этого обозрения трудно понять, сколько было сочинений, какие из них являлись вполне законченными и какие лишь отрывочными замечаниями; не всегда ясно, что приведено составителем обозрения текстуально и что является изложением или пересказом; только изредка приведены точные заглавия отдельных сочинений, — и потому не всегда можно понять, идет ли речь об отдельном сочинении или о главах одной и той же статьи и т. д. Но общее направление и стиль определяются достаточно ясно. Перед нами — убежденный и непримиримый враг самодержавия и феодально-крепостнического строя, враг официального христианства, защитник интересов «рабочего народа» и крестьян («мужиков»). Если бы эти рукописи сохранились, история русской революционной мысли пополнилась бы рядом ярких, замечательных страниц.

Подлинные заглавия установить, как уже сказано, с полной ясностью нельзя. «Выписка» сообщает только два точных заглавия: одно — «О свободе свободных, свободы ищущих, и о рабстве работных, свободой поль-

зующихся»; другое — «Очки». Смысл этого странного заглавия раскрывается из сохранившегося в том же деле (л. 20) письма Выгодовского к Петру Ивановичу Пахутину: «Тамерлан сжег одни лишние книги Александрийской библиотеки; самая же главная уцелела, но она вся в иероглифах; чтобы ее читать, нужны *магические очки* или, вернее всего, за недостатком очков, вера и при ней надежда и любовь; духовные рычаги — основные начала разума человеческого, без них же на земле лабиринт; в нем мрак, тьма и минотавр». Это письмо датировано 20 января 1848 г.; очевидно, к тому же времени относится и данная статья. Содержание ее в целом — неясно, но, как можно судить по письму к Пахутину, в ней были затронуты кардинальные вопросы жизни и истории человечества. Из официального конспекта можно лишь установить, что Выгодовский писал в этом сочинении о разных предметах: об истории древнего Египта, о характере образованности древних народов, об увеселениях и плясках. Последняя тема трактовалась, однако, не столько в историко-этнографическом плане, сколько в политическом. Указывая, что пляски произошли от разных причин, Выгодовский подробно останавливается на принуждениях: «Кто пляшет по воле, а кто поневоле. Насилие и палка составляют такую музыку и гармонию, которая добывает из человека одни слезы и страдательные стенания». В качестве примера он приводил распоряжение «варшавского касика» (Паскевича): устраивать праздники и увеселения по случаю взятия Варшавы.

Статья «О свободе свободных» направлена против дворянства и его привилегий, создающих положение, явно и глубоко, с точки зрения автора, противоречащее духу подлинной христианской церкви. С большой долей вероятности можно восстановить еще одно точное заглавие. В «Выписке» сказано: «Что касается до писем, то таковых в рукописях Выгодовского весьма немного. Они писаны были им к брату (но неизвестно, отправлены ли были по принадлежности) и обнаруживают похвальные чувства Выгодовского к его матери и всем родным, но, вместе с тем, в них Выгодовский не упускал случая осуждать как действия начальственных лиц, так и другие предметы». Нет сомнений, что эти неотправленные письма представляли собой не реальные письма к брату, а письма-памфлеты типа «Писем из Сибири» или иначе — «Писем к сестре» Лунина, может быть и задуманные и составлявшиеся под прямым влиянием последних. Предположение о знакомстве Выгодовского с этим произведением Лунина вполне законно, ибо в числе переписчиков «Писем из Сибири» были П. Ф. Громницкий и И. И. Иванов — ближайшие товарищи Выгодовского по Обществу Соединенных Славян. Известно, что «Письма из Сибири» пересылались в разные пункты поселений декабристов, и, конечно, друзья Выгодовского переслали и ему экземпляр. Это произведение Выгодовского можно представить под условным названием «Письма к брату»; в одном из них (1851) находилось рассуждение об Иисусе Христе и тут же о гербе Российской империи.

Непосредственное влияние писем Лунина, — если, конечно, это не параллельная разработка одной и той же темы, естественно, занимавшей мысли сосланных политических деятелей, — можно видеть в статье Выгодовского «О политических изгнанниках». В ней он писал: «*Что* на земле существует и красуется политическим бытием и жизнью, *то* заживо умерло вечной смертью, и наоборот, *что* только здесь лишено политического бытия и живота, а существует в уничтожении, отраженно от мира политического, в преследовании и страдании от него, *то* образуется здесь в живой, славу и блаженство вечного живота».

Вероятно, самостоятельное значение, в качестве отдельной статьи, имел резкий и невероятно острый памфлет на Николая, который «удавил сперва пять человек на виселице, а потом уже отправился в Москву под

венец короноваться». Чиновник, составлявший выписку из этой статьи, осмелился включить в нее и строки, в которых Николай I именовался «прохвостом», более похожим на «кавалергардского флангового», чем на «вождя-царя».

Заглавия прочих утраченных сочинений Выгодовского можно условно восстановить следующим образом: «О Ветхом завете», «О происхождении вселенной», «О самолюбии и честолюбии», «О трудах императорского Вольно-экономического общества». Все сочинения Выгодовского имеют ярко выраженный публицистический характер; в них затронуты явления из самых разнообразных жизненных сфер, трактуются вопросы экономические, исторические, космогонические и т. д., но все это лишь повод и материал для рассуждений общественно-политического характера,— его сочинения представляли собою страстные публицистические памфлеты.

Из различных материалов, находящихся в следственных делах, выясняется, что у некоторых декабристов существовали и частью были отобраны различные бумаги «вольномысленного содержания»; такие бумаги были найдены у Шимкова и у Андреевича, однако последнему удалось убедить судей, что это были переводы с французского, сделанные им ради упражнений в языке (ВД, V, 382). Захваченные бумаги, видимо, составляли лишь часть таких выписок и собственных сочинений. Горбачевский сообщил о «вольнодумческой прозе» П. И. Борисова (ВД, V, 192). Завалишин утверждал, что большое количество выписок и замечаний осталось после К. П. Чернова, члена Северного общества, убитого на дуэли Новосильцовым; эти «выписки» и «замечания» позволяли видеть, — по словам Рылеева, переданным Завалишиным, — в Чернове «не бездельную опору» для Тайного общества (ВД, III, 373). Очевидно, «замечания» Чернова также имели характер размышлений на общественно-политические темы. Публицистический характер имеет и заглавие одного из очерков Н. А. Чижова («О любви к отечеству»)[342].

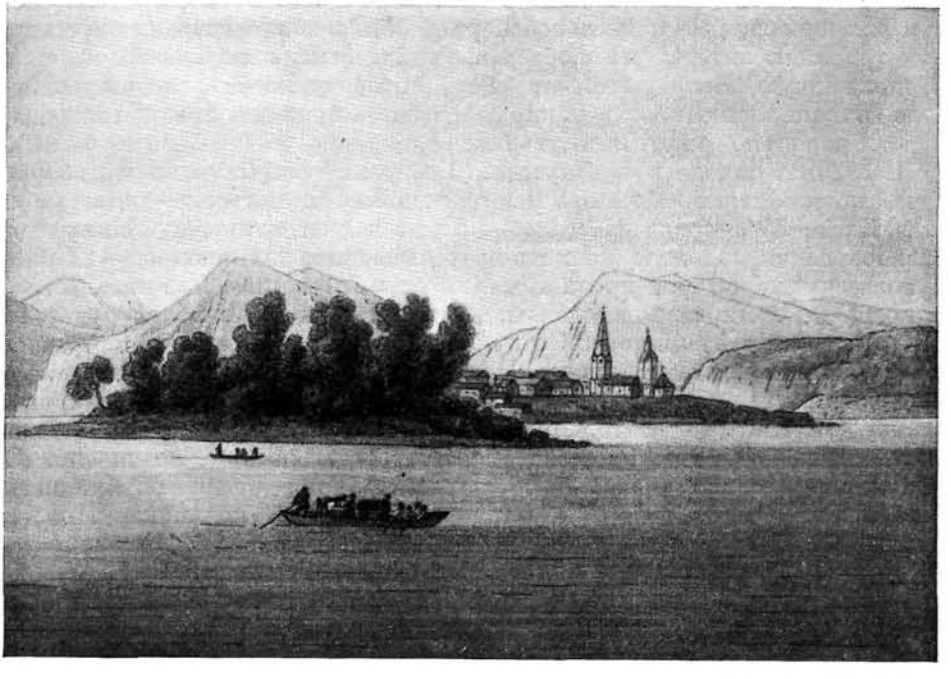
Статьи публицистического содержания читались и в заседаниях «Вольного общества любителей словесности». Протоколы сохранили упоминание о статье Ф. Н. Глинки: «Мысли о судьбе человека и гражданских обществ», прочитанной им в июне 1820 г. Как выдающееся событие эта речь была отмечена и в хронике «Отечественных записок»[343].

В качестве публициста и журналиста выступал в 1829 г. Петр Бестужев. Из очень правдивых и точных воспоминаний кавказского старожила Василия Андреева известно о рукописной газете «Ахалцихский Меркурий». Эту газету, по его рассказу, решили составить П. А. Бестужев и прикосновенные к делу о декабристах капитан Лашкевич и разжалованный из юнкеров Зубов. Они хотели «в рукописных листах раздавать эту газету безденежно по ахалцихскому гарнизону, чтоб развлечь себя и других чем-нибудь в скучной жизни». Паскевич разрешил издание и был им очень доволен, — первый номер «содержал несколько известий, разные анекдоты и события из минувшего похода, сведения о разных подвигах из турецких екатерининских войн на Кавказе, а также местные очерки». Второй номер имел такое же содержание, но на нем издание и прекратилось, так как вызвало неудовольствие со стороны некоторых лиц из командного состава[344].

Создание этой газеты и участие в ней явились для П. А. Бестужева источником каких-то крупных неприятностей. В «Памятных записках» он писал: «... я <...> избрал терновую, опасную дорогу и, сделавшись от безделья журналистом, только взволновал в людях зависть, клевету и все смрадные и грязные лужицы в душах их. Рассудок снова оставил меня, и я навсегда сошел с литературной кафедры»[345]. Эти горькие строки помогают уяснить и несколько неясный рассказ В. Андреева о причинах

прекращения газеты. По словам автора мемуаров, некоторые были недовольны «затеей разжалованных», которым вообще неуместно «себя выказывать»; из «Записок» П. А. Бестужева видно, что кто-то был задет и обижен именно его заметками.

Товарищами П. А. Бестужева по изданию были капитан Лашкевич и бывший юнкер В. Я. Зубов; личность первого пока не выяснена, Зубов же был портупей-юнкером Иркутского полка. В. Андреев рассказывает о нем следующее: «Василий Зубов, имея порядочное состояние, получил по тогдашнему обычаю хорошее для того времени домашнее образование, имел природные способности и, увлекаемый эпохою Пушкина, пописывал еще юношею стихи, из которых некоторые были и у меня. В смут-



КРАСНОЯРСК

Акварель А. Е. Мартынова из альбома художника «Живописное путешествие при Российском посольстве в Китай», 1805 г.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

ное время декабрьских происшествий он был на службе юнкером и, написав на смерть Рылеева элегию, послал ее при письме к своему приятелю, сказав, что „к прискорбию патриотов, 14 декабря не удалось". Письмо было перехвачено, и Зубова прислали на Кавказ солдатом» [346].

Из следственного дела о Зубове выясняется, что его стихи, «наполненные злобой против правительства», были взяты при обыске у студента В. А. Шишкова; в его бумагах были найдены и «непозволительные» и «дерзкие» стихи других авторов. Кроме того, по доносу провокатора Брандта (разжалованного из штабс-капитанов в нижние чины за соучастие в шайке контрабандистов), Зубов обвинялся в том, что будто бы «рубил бюст императора, приговаривая: „так рубить будем тиранов отечества, всех царей русских"» [347]. В 1831 г. он был произведен в унтер-офицеры; дальнейшая судьба его не известна; есть глухие известия, что он сошел с ума. Некоторые из его стихотворений опубликованы, но «Элегия на смерть Рылеева» не найдена.

Выпедшие номера «Ахалцихского Меркурия» в течение долгого времени сохранялись у В. Андреева, но затем погибли во время какого-то «страшного пожара».

XIII. КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

В борьбе декабристов с реакционной идеологией существенное место занимали их выступления в качестве критиков. Крупнейшими литературными критиками среди декабристов были А. А. Бестужев и В. К. Кюхельбекер, которым и пришлось взять на себя уяснение и формулировку задач и сущности эстетики декабризма. Знаменитые «обзоры» Бестужева в «Полярной звезде» и Кюхельбекера в «Мнемозине» создали определенную традицию литературных обзоров, с исключительным блеском и силой продолженную Белинским. Эта часть литературного наследия декабристов сохранилась наиболее полно, но и здесь приходится констатировать порою довольно ощутимые утраты.

В 1829 г., находясь в Якутске, Бестужев задумал издать сборник своих произведений. «Не возьмется ли какой из грамотеев, — писал он сестре Елене 25 февраля 1829 г., — издать в свет книжечку, совершенно разнообразием похожую на мать всех нынешних альманахов — „Полярную звезду", в которой проза и стихи будут без исключения писаны мною и которую постараюсь я сделать как возможно занимательную. Там будут повести всех цветов (of all humore), критические взгляды и полезное с приятным на одной своре». В следующем письме родным (от 9 марта) он добавлял, что уже написал для этого альманаха «Рассуждение о романтизме» (un traité sur le romantisme), которое он предполагает «предпослать книге» [348]. Это «Рассуждение» полностью до нас не дошло. Сохранились только начальные страницы: они были опубликованы уже после смерти автора в альманахе Н. В. Кукольника «Новогодник» (1839) [349].

Весьма неблагополучно обстоит дело с литературно-критическим наследием Кюхельбекера: многое утеряно, а часть до сих пор хранится в рукописях и не публикуется. Еще на лицейской скамье он составил на немецком языке книгу «О древней российской словесности», о чем появилось даже сообщение в печати («Письмо к издателю» А. А. Дельвига. — «Российский музеум», 1815, №11); для этого издания он перевел стихами ряд былин, в том числе «Былину о сорока каликах». Ни книга в целом, ни отдельные переводы до нас не дошли.

В 1821 г. Кюхельбекер совершил свое памятное путешествие в Западную Европу. Путешествие его — крупная веха в истории пропаганды декабристских идей. Это была первая попытка завоевать общеевропейскую аудиторию и познакомить образованные круги Западной Европы с прогрессивным фронтом русской литературы. Кюхельбекер посетил Гёте, Тика, Тидге, Бенжамена Констана и других писателей и общественных деятелей [350]. Поэту Тидге он «много рассказывал» о русской поэзии и сделал для него подстрочный перевод нескольких стихотворений Державина, Жуковского и Пушкина. Тидге предполагал выполнить по прозаическим подстрочникам поэтические переводы и поместить их в одном из альманахов [351]. Гёте Кюхельбекер познакомил со стихами Пушкина и обещал прислать ему статью о русской народной поэзии. Этот замысел остался неосуществленным. Легкие и изящные «отчеты» об этом путешествии («Отрывки из путешествий по Германии и полуденной Франции», «Отрывки из путешествия по Ливонии и Пруссии» и др.) печатались в виде писем к друзьям (главным образом, к Дельвигу) в различных жур-

налах. Впечатления от природы и быта страны сочетались в них с рассказами о встречах с писателями и общественными деятелями, а также с критическими и публицистическими замечаниями. Кюхельбекер успел опубликовать только часть своих «отрывков»; судьба остальной части — неясна.

В том же году Кюхельбекер начал читать курс лекций по истории русского языка в парижском «Атенеуме»; как хорошо известно, курс был прерван, по требованию русского посланника, в самом начале, а Кюхельбекеру предложено немедленно возвратиться в Россию. Нашумевшая лекция Кюхельбекера, считавшаяся утраченной, недавно обнаружена П. С. Бейсовым в бумагах А. И. Тургенева, находящихся в Ульяновском музее; она печатается в настоящем томе «Литературного наследства». В связи с находкой этой лекции возникает вопрос, была ли она единственной, прочитанной Кюхельбекером? Дочь Кюхельбекера говорит определенно о «лекциях» [352], о «лекциях» писал и Н. И. Греч. Сам Кюхельбекер в своих показаниях называет лекцию о языке «*первой лекцией*». Но нигде: ни в его письмах, ни в дневнике, ни в письмах других лиц, нет каких-либо упоминаний о последующих лекциях. Запрещение же было вызвано именно этой «первой лекцией», посвященной истории русского языка, изложенной с типично декабристских позиций. Может быть, в течение того времени, пока посол успел ознакомиться с донесением о лекции и потребовать прекращения дальнейших чтений, Кюхельбекер прочел еще одну лекцию. Но такое предположение является лишь гипотезой, которая помогает осмыслить противоречие в рассказах и свидетельствах: вопрос о числе прочитанных Кюхельбекером в Париже лекций остается открытым [353].

Интенсивное участие принимал Кюхельбекер в литературной жизни по возвращении с Кавказа, в период с 1824 по 1825 г. Он сотрудничал в «Благонамеренном», в «Сыне отечества», вместе с В. Ф. Одоевским издавал журнал-альманах «Мнемозину». Он выступал как поэт, как публицист, как критик. А. Е. Измайлов в письме к П. Л. Яковлеву (от 16 ноября 1825 г.) сообщал о полемической статье Кюхельбекера против Булгарина, не пропущенной цензором: «Не пропустил он ‹Бируков› еще одной полемической пиесы Кюхельбекера против Булгарина» [354]. Быть может, не пропущенные цензурой полемические статьи Кюхельбекера находятся в делах Цензурного комитета. К этому же времени относится не дошедший до нас его разбор «Орлеанской девы» Жуковского (1824).

В 1825 г. московский книгоиздатель С. И. Селивановский задумал издание «Энциклопедического словаря»; в числе сотрудников был и Кюхельбекер. «Я написал большую статью для Селивановского», — сообщал он в письме к В. Ф. Одоевскому (осень 1825 г.)[355]. Либеральная репутация Селивановского и его связи с декабристами обратили на него внимание правительства, и, по личному распоряжению Николая I, в мае 1826 г. у него был произведен обыск[356]. При обыске были забраны уже отпечатанные, но еще не вышедшие в свет три тома «Энциклопедического словаря» и рукописи дальнейших томов. В результате Селивановский был оставлен «под секретным политическим надзором», а печатание «Словаря» приостановлено [357].

Критическая деятельность Кюхельбекера продолжалась в тюрьме и на поселении. Его «дневники» — «Дневник узника» (1831—1836) и «Дневник поселенца» (1836—1845), по меткому замечанию Ю. Н. Тынянова, своего рода «журнал» — «журнал, писавшийся одним человеком» и «никем не читавшийся». Центральное место в этом журнале занимают критические замечания и литературная полемика. Иногда Кюхельбекеру удавалось вынести свои «критические размышления» за пределы тюрьмы: некоторые из его писем к родным из крепости являются прямым продол-

жением страниц дневника или его дополнением. Он надеялся, что кое-что из его письменных трудов попадет в печать. Так, он писал к Грибоедову и Пушкину: «Пересылаю вам некоторые безделки, сочиненные мною в Шлиссельбурге». Конечно, он пересылал их не ради простой информации. Одно из его писем было посвящено специально Карамзину. Он сам охарактеризовал это письмо, как «диссертацию о Карамзине» [358]. Письмо это утрачено.

В крепости же Кюхельбекер написал несколько историко-литературных работ, заметок и очерков. В составленном перед смертью списке своих произведений он упоминает об очерке «Гора и мышь» [359], из которого он предназначал для печати извлечение о юморе. Этот очерк находился в течение долгого времени в одном частном собрании, дальнейшая судьба его неизвестна. В крепости же Кюхельбекер написал (1829) предисловие к своему переводу трагедии Шекспира «Ричард II» (см. в настоящем томе, стр. 404). И перевод и предисловие до нас не дошли.

Общественное и теоретическое значение своего дневника отчетливо сознавал и сам Кюхельбекер. В Сибири он сделал «выборку» из дневника отдельных замечаний, придав им систематический характер и озаглавив: «Заметки и мнения. Выписки из дневника отшельника». В списке сочинений, отправленных Жуковскому, он писал: «„Извлечения“ из моего дневника, которые только что начаты и, вероятно, составят пять или шесть больших томов. Эти извлечения состоят из замечаний о книгах, которые я читал в последние 20 лет, и местами из собственных размышлений; касаются они религии, философии, особенно Шеллинговой и Спинозовой; поэзии, эстетики, филологии и грамматики, особенно языков: русского, греческого и английского; истории и этнографии». Рукопись, которая была в 1875 г. в распоряжении редакции «Русской старины», состояла из 104 страниц, но уже и тогда часть листов была утрачена; эта неполная рукопись позже находилась в частном собрании.

Вероятно, из той же рукописи Кюхельбекер предполагал сделать извлечения для печати в виде отдельных очерков. 13 апреля 1836 г. он писал (из Баргузина) Гречу об имеющихся у него *готовых* статьях: «о юморе, о греческой дигамме, о Мерзлякове, Пушкине, Кукольнике, Марлинском и других; из иностранцев: о Шекспире, Шиллере, Гёте, Томсоне, Краббе, Муре, Вальтере Скотте; о некоторых немецких проповедниках». «К тому прибавлю, — писал он далее,— несколько легких статей, вроде той, которую я когда-то напечатал в „Мнемозине“ и назвал, кажется, „Земля безглавцев“» (см. выше, стр. 459—460).

В «казематском университете» Одоевский прочел курс истории русской литературы. Беляев называет его «курсом русской словесности с самого начала русской письменности». По рассказу Розена, Одоевский «начал с разбора песни о походе Игоря, продолжал несколько вечеров и довел лекции до состояния русской словесности в 1825 г.». Розен добавляет, что Одоевский читал этот курс исключительно «на память», без каких бы то ни было записей и, хотя он держал в руках тетрадь, но она была «белая, без заметок, без чисел хронологических» [360]. Однако трудно представить, чтобы целый курс, охватывающий всю историю русской литературы, включавший и народную поэзию, и летописи, и литературу XVIII в., мог быть изложен таким способом. Очевидно, рассказчик имел в виду какую-нибудь одну лекцию, посвященную, быть может, современной поэзии, которую, действительно, Одоевский мог блестяще симпровизировать.

Николай Бестужев редко выступал как критик. В одной из самых ранних статей — «Ответы на вопросы, предложенные в первой книжке „Благонамеренного“» (1818, № 5), он выступил с требованием серьезной

и ответственной критики, близкой к науке и лишенной каких-либо пристрастий; среди рукописей сибирского периода сохранился неоконченный отрывок «Нечто о гекзаметрах»; очень много интересных критических замечаний о современной русской литературе — о ее направлении, характере, языке и т. п. — разбросано в его письмах[361]. В казематный период был написан очерк «Живопись и коммерция», который упоминает М. А. Бестужев среди других произведений своего брата[362]. Этот не дошедший до нас очерк был, вероятно, вызван известной статьей С. П. Шевырева «Словесность и коммерция» (1835). Для Бестужева были совершенно неприемлемы основные положения этого очерка Шевырева: провоз-

ВЫВОД ДЕКАБРИСТОВ НА ПРОГУЛКУ В ЧИТЕ
Акварель декабриста Н. П. Репина, 1827—1830 гг.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

глашение артистичности искусства, приравнивание литературного гонорара к коммерческой спекуляции и т. п. Можно предположить, что статья Н. А. Бестужева явилась ответом на эти рассуждения. К сожалению, никаких подробностей, которые позволили бы ознакомиться с аргументацией автора, М. А. Бестужев не сообщает.

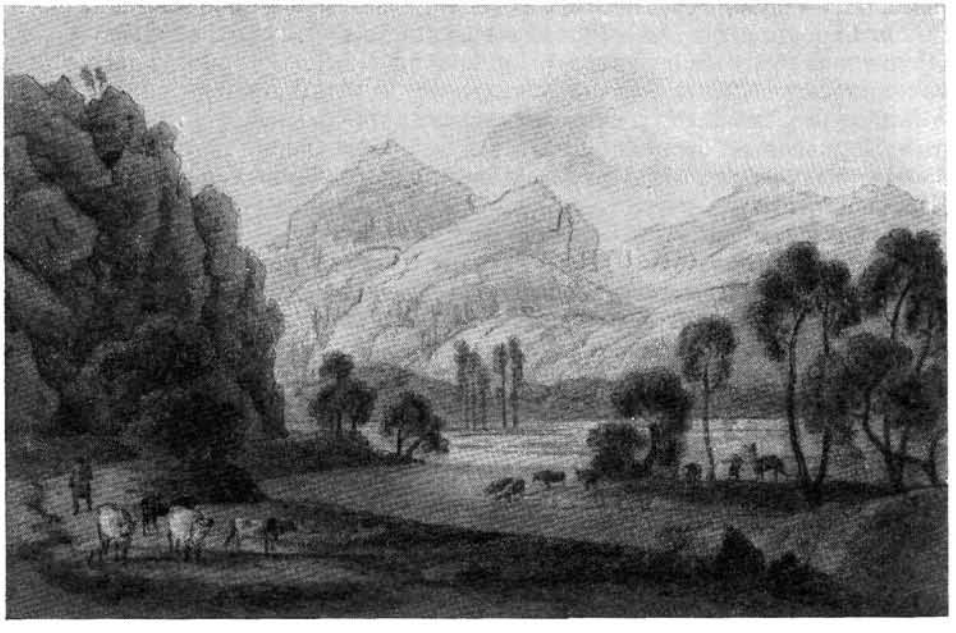
В якутской ссылке был написан критический очерк Н. А. Чижова «Несколько мыслей о русской поэзии» (1828—1829)[363]; о характере и содержании его нет никаких сведений.

В истории русской критики должно найти свое место и имя В. Ф. Раевского, чьи критические суждения и эстетические требования оказали заметное воздействие на формирование творчества Пушкина. Источником для суждений о литературной позиции Раевского и его критических высказываниях являются мемуарные рассказы о нем, некоторые его стихотворения, отчасти ответы на суде и незаконченный литературно-критический очерк «Вечер в Кишиневе»[364]. К ним присоединяются и не дошедшие до нас лекции Раевского по литературе, читанные им в кишиневской юнкерской школе, сущность и отчасти содержание которых выясняются из показаний его учеников-юнкеров на суде. Общее направление

лекций раскрывается уже из заголовка, под которым они фигурируют в следственном деле Раевского: «О правилах Раевского учения юнкеров поэзии, означающих в себе свободные мысли». Раевский дал по этому поводу короткое показание: «Правила поэзии составлял сам, а примеры выписывал из разных авторов». Из показаний юнкеров видно, что Раевский в преподавании литературы, в частности — учении о формах стихов, применял те же методы, что и при обучении грамматике, то есть, обильно насыщал изложение примерами, которые выполняли одновременно и пропагандистские функции. Вывод Военно-судной комиссии в Замостье по этому пункту обвинения был сформулирован следующим образом: «...по сему отделению Раевский оказался виновным в том, что он преподавал правила поэзии юнкерам, выбирая из них по большей части такие стихи, кои хотя и пропущены цензурою, но заключают в себе свободные мысли». Бейсов полагает, что одновременно Раевский работал над составлением «Курса поэзии», в котором он пытался систематически провести декабристский взгляд на литературу как на «одно из средств общественного, патриотического и революционного воспитания». Сохранились его заметки по античной литературе, содержащие краткие характеристики отдельных писателей. Они дают довольно ясное представление о том, как заостренно-политически и агитационно подходил к своей теме Раевский. О Лукреции, например, сказано: «Никогда человек с такою дерзостью (смелостию) не опровергал провидение, как он. Он говорил о божестве с презрением и дерзостью. Во всех своих сочинениях он говорит, что бог не занимается и не вмешивается ни во что»[365]. Документы, приводимые Бейсовым, еще не дают права категорически говорить о создании Раевским специального курса по литературе. Вероятнее всего, что «Лекции по литературе» и «Курс поэзии» — это одно и то же: материал для уроков по теории и истории литературы в юнкерской школе. Но они ярко свидетельствуют о характере лекций, которые читал Раевский.

В тесной связи с критическими выступлениями декабристов находятся их филологические занятия. Декабристы питали повышенный интерес к вопросам языка. В их беллетристических произведениях, в критических, исторических и публицистических статьях, в письмах, мемуарах и даже в показаниях находится огромное количество высказываний по самым разнообразным вопросам жизни и развития русского языка. Таковы беллетристические произведения, статьи и письма А. А. Бестужева, дневник и критические очерки В. К. Кюхельбекера, дневники Н. И. Тургенева, письма Н. А. Бестужева, «записки» из крепости А. О. Корниловича и пр. и пр. Исходя из этих высказываний, можно установить круг лингвистических вопросов, занимавших декабристов. Декабристы творчески восприняли проблемы, впервые выдвинутые патриотическим сознанием Ломоносова и революционной мыслью Радищева. Происхождение русского языка, его национальная самобытность, связь с национальной историей и отражение в нем черт национального характера, место его среди других европейских языков, русская грамматика, характеристические черты русского языка (его красота, сила, гибкость, полнозвучность, великолепная изобразительность, точность), словарный состав, основные элементы литературного языка, роль и значение древнеславянских слов, значение просторечия, научно-историческое и литературное значение областных наречий, место и удельный вес иностранных слов — все эти вопросы живо интересовали декабристов. С особенным вниманием останавливались декабристы на политическом значении русского языка. Публикуемая в настоящем томе парижская лекция Кюхельбекера служит наглядным примером декабристской трактовки вопросов истории русского языка.

В 1817 — 1818 гг., будучи преподавателем Санктпетербургского благородного пансиона, Кюхельбекер продиктовал своим ученикам специальный курс «Логика языка». Эти лекции очень долго хранились у одного из его учеников, Н. А. Маркевича, но затем были утрачены (см. в настоящем томе, стр. 508). Возможно, что в этом курсе уже были формулированы основные положения парижской лекции 1821 г. Вопросами изучения русского языка Кюхельбекер продолжал весьма интенсивно заниматься и на поселении (см. выше, стр. 547—554).



ВИД РЕКИ СЕЛЕНГИ

Акварель А. Е. Мартынова из альбома художника «Живописное путешествие при Российском посольстве в Китай», 1805 г.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

В каземате специально вопросами языка занимались П. А. Муханов, С. П. Трубецкой, А. И. Одоевский, Ф. П. Шаховской. Шаховской составлял краткую грамматику русского языка, отрывки из которой сохранились в его бумагах[366]. По сообщению А. П. Беляева, «русскую грамматику» составил Одоевский; Розен долго хранил написанные рукою Одоевского «главные правила русской грамматики». Беляев добавляет, что Одоевский «читал» свою грамматику в «казематском университете»[367]. Едва ли Одоевский мог читать в виде лекций самую грамматику; очевидно, речь идет о каком-либо историческом или теоретическом введении.

На поселении некоторые декабристы занимались изучением местных говоров, собиранием народных песен и преданий, которые они связывали с историческими и филологическими вопросами. О местной речи Кюхельбекер писал Пушкину в первом же письме из Сибири. Но записи Кюхельбекером слов, сказок и песен не сохранились, — на основе этих материалов им был составлен (в 40-х годах) очерк «Жители Забайкалья и Закаменья». В списке своих произведений Кюхельбекер поставил его в рубрику «Филология», тем самым явно обозначив его основной уклон и характер содержащихся в нем материалов. В том же списке указаны «Статьи по русскому языку»[368]; из них дошла только одна. Не дошел до

нас очерк о забайкальских и закаменских крестьянах. Не сохранились также и «дополнения к академическому русскому лексикону»[369], которые составил в Сибири П. А. Муханов. Из фольклористических записей Штейнгеля сохранилась лишь небольшая тетрадка, содержащая несколько загадок, записанных им в Чите или в Петровском заводе[370]. Одна страничка с записью нескольких областных (селенгинских) слов оказалась среди рукописей Николая Бестужева; вряд ли эта запись была единственной[371].

Декабрист А. И. Черкасов, по возвращении на родину (в конце сороковых — начале пятидесятых годов), занимался собиранием памятников народной поэзии и народного языка (в Малоархангельском уезде Орловской губ.). Эти записи он отправил П. А. Бессонову, из которых тот использовал лишь незначительную часть, включив ее в сборник «Калики перехожие»[372]; впрочем, возможно, что некоторые из записанных Черкасовым былин напечатаны без обозначения имени собирателя в «Песнях, собранных Киреевским», подготовленных к печати тем же Бессоновым.

Декабристы уделяли большое внимание изучению сибирских народностей. А. А. Бестужев и Н. А. Чижов записывали якутские предания и интересовались народными обычаями обитателей берегов Лены; братья Бестужевы (Николай и Михаил) изучали быт и верования бурят; Горбачевский собирал предметы шаманского культа. Из этих работ сохранилось немного: несколько этюдов А. А. Бестужева и замечательный очерк Н. А. Бестужева «Гусиное озеро». Много ценных наблюдений этнографического характера рассеяно в мемуарах Розена, А. П. Беляева, М. И. Муравьева-Апостола. Первое место в этом ряду занимает очерк Н. А. Бестужева, давно уже признанный крупнейшим произведением краеведческого характера, вышедшим из декабристской среды. В «Гусином озере» Бестужев охватывает самые разнообразные стороны научного изучения: географо-геологического, ботанического, зоологического, экономического, но главную ценность его составляют этнографические наблюдения и характеристики. Особенно ценны наблюдения Н. А. Бестужева над социальным бытом бурят монголов[373]. Важнейшим источником для этнографического и экономического изучения Бурят-Монголии являются и письма обоих братьев из Селенгинска[374]. Незадолго до смерти Н. Бестужев начал писать специальный очерк о селенгинских бурятах. Законченная первая часть была им отправлена И. П. Корнилову, у которого эту рукопись видел М. И. Семевский. По словам последнего, она заканчивалась следующими строками: «Я говорил о добрых качествах наших туземцев, теперь скажу что-нибудь и о худых и причинах, откуда они проистекают». Очерк был передан в редакцию «Отечественных записок», но не был напечатан, а затем где-то затерялся[375]. По сообщению А. А. Лушникова (внука ученика Бестужевых), Н. А. Бестужевым был приготовлен историко-этнографический очерк «О заселении Забайкалья бурятами»[376]. Очевидно, Н. А. Бестужевым был задуман ряд исторических и этнографических статей о бурят-монголах, которые впоследствии, быть может, составили бы целостную монографию.

Занимался этнографическим изучением бурят-монгольского населения и края и Михаил Бестужев. Во время перехода из Читы в Петровский завод он записывал бурятские сказки; позже, на поселении, им был написан большой очерк о буддизме селенгинских бурят. Эту рукопись также видел М. И. Семевский, о чем сохранилось указание в составленном им некрологе М. А. Бестужеву. Упоминал он о ней и в заявлении Литературному фонду о пособии М. А. Бестужеву[377]. Этим трудом М. А. Бестужева обильно воспользовался (с согласия автора)

епископ Нил в сочинении «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири» (СПб., 1858), написанном, очевидно, в конце сороковых или начале пятидесятых годов, самая же рукопись Бестужева затерялась. Сочинение епископа Нила вызвало большую рецензию Н. А. Добролюбова; между прочим, он отметил подробное описание обрядовой стороны буддизма, сделав из этой части работы пространные выдержки: описание же священных обрядов и ламской иерархии сделано Нилом, главным образом, на основании практики гусиноозерского дацана, а стало быть, по материалам Бестужева[378].

Исследованиями краеведческого характера в Забайкалье (точнее сказать: в Прибайкалье) занимался М. К. Кюхельбекер. В 1836 г. он послал две статьи Гречу для «Сына отечества». Одна из этих статей сохранилась и находится в ЦГИА, другая, содержащая, по характеристике автора, «не только общестатистические данные, но и живой быт народа», до нас не дошла (см. в настоящем томе, стр. 459—460).

Выше были упомянуты два сочинения Чижова: «Отрывки из записок путешественника» и «Письма с берегов Лены». Очень вероятно, что они имели этнографический характер или, во всяком случае, содержали немало этнографических наблюдений. О судьбе собранной Горбачевским коллекции предметов шаманского культа нет никаких сведений.

XIV. ИСТОРИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

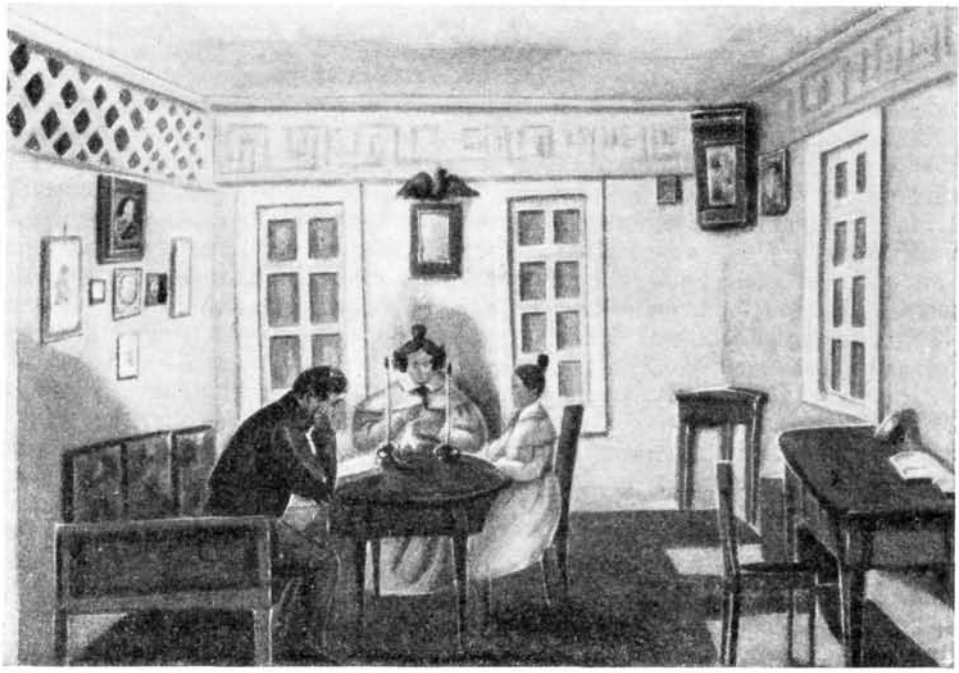
Очень важную и значительную часть литературного наследия декабристов составляют их исторические исследования. Из всех гуманитарных наук история вызывала в декабристской среде наибольший интерес: острая критика современной действительности и постановка вопроса о революционном ее изменении органически сочетались со стремлением как можно глубже познать и уяснить исторические процессы, образовавшие тот политический строй, разрушить который они считали себя призванными. «История должна быть не только для любопытства или умозрений, — писал Лунин, — но путеводить в высшей области политики»[379]. Исторические изучения в руках декабристов приобретали боевой характер, и как раз на историческом фронте, вокруг труда Карамзина, и разыгрался бой между идеологами феодально-крепостнического, самодержавного строя и молодой Россией в лице «лучших людей» дворянского класса.

Специально историческими разысканиями занимались из декабристов Никита Муравьев, А. О. Корнилович, Н. А. Бестужев, П. А. Муханов, И. Г. Бурцов, В. Д. Сухоруков, М. С. Лунин, М. М. Спиридов; из деятелей ранней поры декабризма — Павел Колошин; глубоким знатоком русской и западноевропейской истории был Пестель. Первое место среди декабристов-историков занимает Никита Муравьев, выступивший уже в 1816 г. с критическим обзором биографии Суворова («Рассуждение о жизнеописаниях Суворова»); за ним последовало критическое рассмотрение труда Карамзина: «Мысли об „Истории государства Российского“ Н. М. Карамзина» (1818). В печати этот труд не мог появиться по цензурным соображениям, но он широко расходился в рукописном виде и стал одним из орудий литературно-политической пропаганды декабристов. Как правильно замечает Н. М. Дружинин, это был тот же способ распространения своих мыслей, каким в то время пользовались авторы многочисленных «записок». Разбор труда Карамзина ходил по рукам наравне с «речами» Орлова, «записками» и дипломатическими проектами Мордвинова, Н. И. Тургенева, Штейнгеля и эпиграммами Пушкина. Именно как историк Муравьев и был намечен для участия в предполагавшемся

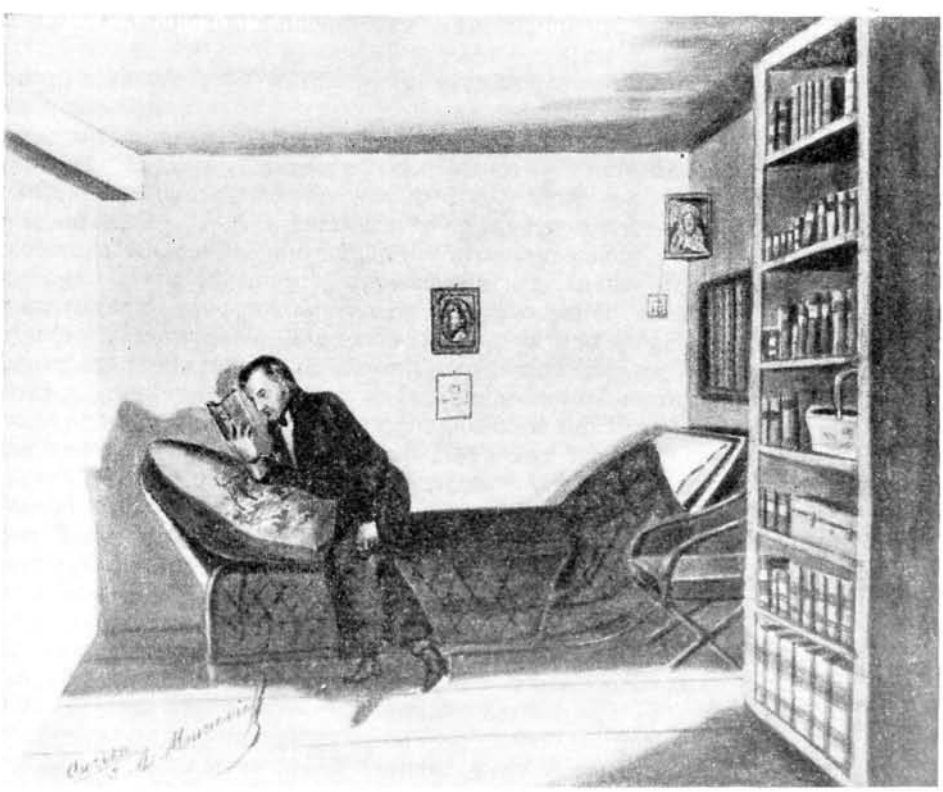
журнале арзамасцев, а позже в журнале Н. И. Тургенева. На собраниях у сотрудников журнала Тургенева он читал какие-то, не дошедшие до нас и не известные даже по заглавиям «исторические пиесы». «Мысли об „Истории" Карамзина» сохранились в рукописи, но, видимо, не полностью. М. И. Муравьев-Апостол сообщал, что эти замечания составляли «довольно толстую тетрадь»[380]. Для исследователя-историка декабристской мысли чрезвычайно важны были бы критические заметки на полях книги Карамзина, принадлежавшие Муравьеву. Он сам их очень ценил, долго берег и просил прислать в Сибирь; на основании этих заметок он приготовил исторические примечания к сочинениям Лунина. Утрачены они уже после смерти Муравьева. Особенность этих заметок состоит в том, что этот метод работы вообще очень характерен для Муравьева. Таким же способом, в виде заметок на полях разных книг (на этот раз уже в целях конспирации), он набросал в Петровском заводе свои мемуары.

Исторические занятия и разыскания Муравьев продолжал и в Сибири. В «казематском университете» он прочел ряд военно-исторических курсов — по стратегии и тактике. Это были, несомненно, варианты курса военной истории, который он читал слушателям Главного штаба[381] и который ныне хранится в ЦГИА. На поселении Муравьев работал над большим историко-экономическим трудом «О сообщениях в России» (другое название этого труда: «О канализации в России»). Труд этот был уничтожен автором во время паники, вызванной арестом Лунина; но сохранившиеся черновые записи дают возможность восстановить его содержание[382]. По описанию Н. М. Дружинина, это было большое самостоятельное исследование о проведении широкой сети взаимно сообщающихся каналов. Сохранившиеся выписки из разных книг и справочников свидетельствуют об огромной подготовительной работе: материалы о существующих каналах в Западной Европе и Америке; сведения о различных путях сообщения в России, о быстроте течения рек и их режиме; о населении, живущем по берегам рек, и его культуре; о количестве и характере грузов, отправленных по этим рекам, и пр. Опираясь на эти материалы, «он проектировал, — пишет Дружинин, — сложную систему торговых путей сообщения»; он проектировал «соединить морские порты, которые открывают России ближайшие торговые пути в западные и восточные страны... Н. Муравьев решил использовать не только крупные реки, но и мелкие, сближающиеся притоки; он задумал четыре основные системы каналов — между морями Балтийским (через Финский и Рижский заливы), Каспийским и Белым; одновременно он соединял Каспийский и Черноморский бассейны двумя системами донско-волжских и окско-донских каналов. Дополнением служили системы, имевшие внутреннее значение: одна из них соединяла водные пути Беломорского бассейна, другая связывала речные долины Оки и Волги». Вопрос о каналах Муравьев рассматривал в тесной связи с планом будущей организации железных дорог.

Как правильно указывает Дружинин, подробная экономическая и историческая мотивировка этого грандиозного плана не могла не опираться на анализ современного государственного порядка и приводила к выводам о необходимости его изменения. Но Дружинин односторонне оценивает смысл и значение этого замечательного для своего времени труда, ставя его в связь исключительно с опытами прогрессивного земледелия, которыми увлекался тогда Муравьев, и с его попытками сибирского предпринимательства. Дружинин усматривает в этом труде «яркий продукт нового капиталистического мышления, который апеллирует к развитию производительных сил и к расширению рыночных оборотов». Но широкий замысел Муравьева питался и иными источниками;



Н. М. МУРАВЬЕВ НА ПОСЕЛЕНИИ
Изображен с дочерью Нонушкой и ее воспитательницей
Акварель декабриста А. М. Муравьева, конец 1830-х — начало 1840-х гг.
Литературный музей, Москва



Н. М. МУРАВЬЕВ НА ПОСЕЛЕНИИ
Акварель декабриста А. М. Муравьева, конец 1830-х — начало 1840-х гг.
Центральный исторический архив, Москва

он вырос на почве патриотических декабристских концепций, из декабристских планов преобразования отсталой страны в великую и сильную, в военном и экономическом отношении, державу. Недаром Муравьев апеллировал в этом труде к старым идеям Петра и недаром критическая часть в нем приняла такие формы, что он вынужден был предать написанную работу сожжению. В наши дни особенно ясно ощущается и широта надолго опередивших свое время замыслов Муравьева и их органическая связь с основными тенденциями революционной мысли начала XIX в., хотя сам он все более и более переходил на умеренные политические позиции.

Рядом с Н. М. Муравьевым стоит другой выдающийся историк — Н. А. Бестужев. Образцом его исторического мышления, исследовательского дарования и эрудиции являются два крупных памятника: трактат «О свободе торговли и вообще промышленности» (1832), в котором он проявил себя как историк и замечательный мыслитель-экономист, и более ранний — «Опыт истории российского флота» (1824). Этот труд, над которым Бестужев много и упорно работал, вышел не в том виде, как хотел его автор. В письме к М. Ф. Рейнеке (1852) он писал, что ему пришлось «противу воли» составить таким образом свой «Опыт истории»[383]. Изложение своего исследования Бестужев сделал в прочитанном им в Чите курсе по истории русского флота.

Выше уже был упомянут историко-этнографический очерк Бестужева о заселении Забайкалья; кроме того, у него были готовы (или почти закончены) еще две статьи по истории местного края: «Несколько надписей на Селенге» и «О найденных ирригационных сооружениях в Забайкалье»[384]. Вторая статья, будь она своевременно опубликована, имела бы большое практическое значение, так как касалась одной из важнейших проблем степной жизни.

Прямым специалистом-историком и архивистом был А. О. Корнилович; он выступал и как исследователь, и как публикатор исторических документов, и как автор научно-популярных очерков по истории, и, наконец, как беллетрист — автор исторических повестей. Исторические исследования он сочетал с работами по статистике и географии. Он сотрудничал в различных журналах, в альманахе А. А. Бестужева и Рылеева, а в 1825 г. издал первый в России исторический альманах «Русская старина». Перечень его произведений приведен в «Библиографии» Н. М. Ченцова и пополнен А. Г. Грум-Гржимайло, значительно расширившим наши сведения о трудах историка-декабриста[385]. Но ни список Ченцова, ни добавления Грум-Гржимайло не исчерпывают всей литературной продукции Корниловича. Из разных источников, в частности — из протоколов Вольного общества, выясняется значительное количество не дошедших до нас его работ, — причем и эти сведения также явно не полны и не охватывают всего, что было создано Корниловичем в недолгий срок его жизни. Крупнейшей работой Корниловича была «История путешествий в России», несколько глав из которой было опубликовано в журналах и прочитано в заседаниях Вольного общества, некоторые главы не напечатаны и до сих пор не найдены: «Путешествие Брюса по России» (1822) и статья, посвященная общей характеристике Брюса, — «Гейнрих Петер Брюс» (1823?). Был ли этот труд доведен до конца или были написаны только отдельные главы, еще не подвергшиеся обработке для цельного труда, мы не знаем.

Другой работой Корниловича историко-географического содержания был «Историко-статистический атлас России» (Грум-Гржимайло именует его «Историко-статистическим журналом»); для этой цели в качестве предварительной работы Корнилович составил ряд сравнительных статистических таблиц: «Сравнительные таблицы по всем гу-

берниям и областям Российской империи с указанием самых подробных статистических данных о народонаселении, произведениях и промышленности в каждой из них» (1824—1825). Работал он также над составлением «Учебника географии», о чем сообщал в письме к П. А. Муханову (1823)[386]. Идея учебника была выдвинута Мухановым в связи с его назначением преподавателем общей и математической географии в младших и высших классах корпуса топографии и в училище для колонновожатых. Свои воззрения на задачи преподавания географии и на характер учебного пособия по этой науке Корнилович изложил в рецензии на учебник К. И. Арсеньева («Северный архив», 1825, ч. IV) и позже — в «Записке» из Петропавловской крепости.

Более всего занимал Корниловича круг вопросов, связанных с личностью и деятельностью Петра I, перед которым он благоговел и памяти которого, к негодованию Карамзина, посвятил свой альманах. В 1822 г. он читал в заседании Вольного общества статью «Характеры Петра Великого и его приближенных»; напечатана она не была. Еще ранее (1821) он прочел там же статью «О жизни царевича Алексея Петровича»[387]. Это была часть обширной работы, вполне законченной; как видно из дел III Отделения, она была запрещена цензурой. Нет сомнения, что в ней была дана попытка оправдать суровые меры Петра по отношению к сыну. Нужно заметить, что у декабристов было очень популярно уподобление этой меры Петра подвигу Люция Брута, осудившего на казнь своих сыновей за измену республике.

Из мелких не дошедших до нас исторических и историко-географических статей Корниловича назовем: «Критические замечания на рукопись „Путешествие в Бухару“ барона Мейендорфа»; публикация двух писем Головкина к Петру («Два подлинных письма гр. Гаврила Ивановича Головкина к Петру Великому») и «Отрывки, служащие объяснением некоторых мест нашей истории XVIII века» — сообщение на основе перевода мемуаров Миниха. Эти три работы относятся к 1822 г.[388]

В Петропавловской крепости, куда Корнилович был переведен из Сибири, он написал ряд «записок» по различным вопросам народного хозяйства, просвещения, общей политики и др.; а также перевел несколько книг. «Записки» сохранились, переводы не дошли; это были переводы из Тацита, Тита Ливия, исторического сочинения «Serbien und die Türkei im XIX Jahrhunderte»* и сочинения ван-Принцена «О звуковом методе обучения языку». Последняя книга его особенно заинтересовала, так как соответствовала его собственным мыслям о преподавании родного языка, о чем он писал в одной из крепостных «записок».

В 1832 г. Корнилович был назначен рядовым на Кавказ. В тяжелых условиях солдатской службы, в глухом, неустроенном местечке («Парские колодцы»), в сырых казармах, он неизменно продолжал работать: переводил Тита Ливия и Тацита (в частности — «Об упадке красноречия в Риме»)[389] и тогда же составил свои воспоминания, написанные в виде исторического обозрения политической мысли в александровскую эпоху. Все это утрачено. Свой очерк о Корниловиче П. Е. Щеголев закончил следующими строками: «Мы можем только изумляться уродливости русской жизни и сожалеть о недюжинном человеке, который заслуживал лучшей участи. Талант, знания, опыт ⟨...⟩ все пошло прахом; легкий след его жизни остался лишь на страницах архивного дела». Но Щеголев был еще недостаточно знаком с биографией Корниловича, не знал многих печатных работ его и не знал о трудах, оставшихся в рукописи или погибших. Обзор его жизни в целом еще более убедительно

* Сербия и Турция в XIX столетии (нем.).

и красноречиво свидетельствует о том, что в лице загубленного Николаем I Корниловича русская культура понесла великую утрату.

Ближайшим товарищем Корниловича по специальности был П. А. Муханов. На следствии он показал о себе: «...преимущественно занимался естественными науками, историей и статистикой». Он преподавал в военных школах географию и историю и в 1824 г. обратился к начальнику Главного штаба с проектом издания «Военного журнала», который мог бы «некоторым образом заменить ценность иностранных книг и совершенный недостаток русских»[390]. Разработанная им «Программа Военного журнала», по всей вероятности, хранится в архиве Главного штаба. В журналах появилось несколько его публикаций, основанных на архивных и археологических материалах; но ряд его статей не увидел света по цензурным причинам. Для «Русской старины» Корниловича Муханов предназначил статью «Совет о сдаче Москвы», «где много будет, — писал он, — нового и достоверного, лишь бы цензура пропустила»[391]. Опасения Муханова сбылись: цензура не пропустила. В том же письме (26 ноября 1824 г.) он сообщил о законченных им «Военно-статистических записках об южных губерниях».

Работам по статистике декабристы придавали огромное значение, видя в них документальные материалы для сочинений, разоблачающих правительственную политику, ведущую Россию к неизбежному экономическому обнищанию. Характерно, что В. Л. Давыдов, познакомившись с Бошняком и поверив в искренность его заявлений, советовал ему составить статистическое описание Костромской губернии[392].

В 1823 г. Муханов послал Булгарину статью под неясным для нас заглавием: «Описание колоний», в печати она не появилась; в том же году он читал в Вольном обществе перевод статьи «О числе поляков в Российской империи»[393]. Выбор последней темы для перевода и публичного чтения очень знаменателен: он обусловлен обострившимся интересом членов Тайного общества к «польской проблеме». В это время на юге уже начинались переговоры с деятелями польских революционных организаций, в связи с чем особенно важно было выяснить предварительно ряд географических и этнографических вопросов. Перевод этот не опубликован. Осталась ненапечатанной и подготовленная Мухановым публикация (1825): «Письма Ломоносова к Шувалову», предназначавшаяся для «Северного архива»[394].

На каторге Муханов прочел товарищам курс русской истории, заменив вырванного из их рядов Корниловича; позже, на поселении, он приготовил для своих племянников (Шаховских) «Краткую русскую историю», которой «в одно холодное утро» поджег «сырые дрова». Конечно, сожжена она была не потому, что ему, действительно, нужна была растопка: Муханов свой опыт «русской истории для детей» предназначал для печати, но убедился в «безрассудстве своих замыслов»[395].

Выдающимся военным историком и теоретиком был И. Г. Бурцов. Его исторические разыскания печатались в «Военном журнале» (1817 — 1819), «Отечественных записках» (1820), «Тифлисских ведомостях» (1829) и, вероятно, в других изданиях. Списка работ его не существует; в «Библиографии» Н. М. Ченцова они вообще не указаны[396]. Из письма Дениса Давыдова к П. Д. Киселеву известно, что Бурцовым были написаны критические замечания на «Опыт партизанской войны». «Я не только что почти все исправил по его желанию, — писал Давыдов, — но даже целые периоды его включил в новое издание. Вот критик истинный»[397].

В «казематском университете» ряд лекций историко-экономического содержания был прочитан А. Е. Розеном; они были посвящены истории освобождения крестьян от крепостной зависимости в прибалтийских

губерниях. Главное внимание Розена в этих лекциях было обращено на правовую и экономическую стороны реформы: освобождение «без наделов земли, без всяких выкупных договоров, но с общим правом приобретения земельной собственности по обоюдным соглашениям»[398].

Исторические интересы декабристов были сосредоточены главным образом на вопросах русской истории. Об их специальных занятиях по всеобщей истории сведений очень мало. В «казематском университете» курс

И. Г. БУРЦОВ
Лубок неизвестного художника, 1833 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

средней истории (1830), как уже было упомянуто, прочел Спиридов; каких-либо подробностей о содержании и характере этого курса не сохранилось. Большое внимание привлекала древняя история, что стоит в тесной связи с характерным для декабристов культом античной республики.

Интерес к древней истории проявился в многочисленных переводах античных историков; переводами декабристы занимались и на каторге и на поселении, частью в самообразовательных целях, частью ради заработка. Наиболее настойчиво и упорно трудился над переводами древних исто-

риков Бригген, который перевел полностью «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря; он же переводил Саллюстия, а позже, по совету Жуковского, оставил его и принялся за перевод книги «Письма Мюллера к Бонстетену»[399]. О переводах Спиридова и Корниловича мы уже упоминали. Очень характерен выбор писателей для переводов: носитель древнереспубликанских идеалов Тит Ливий, разоблачитель императорского самовластия Тацит, враг аристократии Саллюстий. В этот же круг античных писателей включался и Цицерон, речь которого против Катилины воспринималась исключительно как выступление в защиту республики. «Записки» же Цезаря интересовали декабристов как классический памятник военного искусства.

Во время пребывания декабристов в Чите был выполнен большой коллективный труд — перевод знаменитого труда Гиббона «История заката и падения Римской империи», вызванный к жизни, впрочем, не столько историческими интересами, сколько полемикой между «материалистами» и верующими, о чем более подробно будет сказано далее.

Из оригинальных трудов по древней истории, созданных декабристами, можно назвать лишь сочинение Лунина «О религиозных верованиях греков», написанное им в Акатуе. В письме (1843), которое ему удалось, минуя легальные пути, отправить Волконскому, он сообщал: «Мои занятия преуспевают в уединении и тишине тюрьмы. В течение двух последних лет я прилежу, главным образом, к греческому языку, при помощи книг, которые сестра моя прислала мне, как бы по внушению, из Берлина. Занятия мои имеют предметом религиозные верования (les doctrines religieuses) у Гомера ⟨...⟩ Но горе мне, если моя греческая мазня попадет в руки властей! Они будут способны сжечь меня живым, как колдуна, чернокнижника»[400]. Все бумаги Лунина акатуйского периода погибли.

Какими-то историческими исследованиями занимался в Сибири Батеньков. Пущин писал ему (1857): «Пора тебя обнять крепко и пожелать тебе успеха в твоих исторических разысканиях»[401]. Комментатор полагает, что речь идет о переводах книги Токвиля («Старый порядок и революция») и труда Лебо. С. С. Волк понимает эти слова буквально, полагая, что Батеньков, действительно, вел какие-то «исторические разыскания»[402]. Это замечание кажется нам вполне правильным; по всей вероятности в Сибири уже начал Батеньков свою работу по истории русского права, над которой трудился он и по возвращении из Сибири. «Имею, если не великое, то огромное, ежели не ученое, то кропотливое занятие над византийской историей и русским правом, поглощающее большую часть времени»,— писал он Лучшеву в конце 1859 г.[403] «Византийская история» — двадцатисемитомный труд французского историка Ш. Лебо (Ch. Le Beau или Lebeau) «Histoire de Bas Empire» (1756—1779); Батеньков успел перевести четырнадцать томов (хранятся в Рукописном отделе Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина). Но труд его по истории русского права не сохранился. Перевод Токвиля был закончен, но не напечатан.

Усиленно интересовались декабристы и местной историей. Помимо Н. А. Бестужева, ею занимались Лунин, Якушкин, Н. М. Муравьев; в их бумагах сохранилось очень много выписок по истории Сибири. Штейнгель написал очерк «О сибирских сатрапах»[404]; Бригген, находясь в Пелыме, собирал сведения о знаменитых изгнанниках, живших в этом городе. Кое-что из собранных им сведений он сообщил в письме к Розену[405]. Сводной работы Бригген не написал, но и самые записи таких рассказов и преданий представляют научный труд, ценный для историка и особенно для фольклориста.

На Кавказе занимался историко-археологическими разысканиями Алексей Веденяпин. 8 июня 1829 г. он писал брату Аполлону, находившемуся в Киренске: «...в свободное время учусь по-татарски и теперь

я могу понимать их — спрашивать — и с помощью этого правила вникаю в характер побежденных друзей наших, вникаю в образ их жизни и выкапываю из голов седых муллов древности о народах малочисленных, но разноплеменных, составляющих население покоренных пашалыков. Копаюсь в бедных архивах армянского священства и из пыльных, полусъеденных мышами огромных рукописных фолиантов я нахожу исторические известия, смешанные с баснями воображения. Осматриваю древности, которыми страна сия изобилует, но которых существование скрыто

И. Д. ЯКУШКИН, П. С. БОБРИЩЕВ-ПУШКИН И М. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР В ПЕТРОВСКОМ ЗАВОДЕ

Акварель декабриста Н. П. Репина (?), 1830—1831 гг.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

в бездне времени минувшего ⟨...⟩ Встречаешь часто развалины пространных городов — и только догадками и по истории признаков, не всегда удовлетворительных, полагаешь, какое название носило оно...»[406].

Далее он излагает брату ряд своих догадок и дает описание различных археологических памятников: развалин у брода Асландузского, на берегу р. Араксы, в Карабахской провинции, укрепления Шамхор, развалин Ани, каменного моста через р. Храм, построенного якобы Помпеем, развалин старинного города вокруг Эчмиадзинского монастыря (очевидно, как думает Веденяпин, г. Вагаршапет, построенный в 194 г. царем Вагаршом), крепости Гасан-кала «с минералогическими водами, где купались Александр Македонский и Помпей» и др. «Итак, видишь,— заканчивал письмо Веденяпин,— занятия своего брата, который ценит время свое, но гром барабана отвлекает от всего...». Это письмо —

единственный сохранившийся след научных разысканий Веденяпина на Кавказе.

Одним из наиболее отличительных признаков русской молодой исторической школы, представителями которой являлись декабристы и которая выражала передовую историческую мысль дворянского этапа русского освободительного движения, было стремление сочетать историческое изучение с экономическими факторами и видеть в последних основу и опору для исторических выводов и обобщений. «Мы живем в таком веке, что историк не может быть историком, ежели он не имеет хороших сведений о политической экономии»,— писал М. Ф. Орлов реакционному историку Бутурлину [407], выражая в этой четкой формуле общие воззрения декабристов на задачи исторических исследований. Декабристы усиленно и настойчиво занимались экономическими дисциплинами; многие из них слушали приватный курс лекций по политической экономии профессора Германа, позже удаленного за «либерализм» из университета. В числе слушателей были Пестель и С. И. Муравьев-Апостол. И. Г. Бурцов и С. П. Шипов составили конспект лекций Германа [408]. У Пестеля была огромная экономическая библиотека; принимая в Тайное общество новых членов, он советовал им читать, наряду с классиками ранней материалистической философии, сочинения выдающихся экономистов — Сэя, Смита и др. [409] Знатоком вопросов народного хозяйства был С. И. Муравьев-Апостол; недаром именно ему хотел поручить Пестель составление соответственных глав в «Русской правде».

Изучение вопросов экономики было очень популярно и в казематах. «Занятия политическими, юридическими и экономическими науками были общие» в казематах, — свидетельствует Завалишин [410]. Слово «общие» в данном случае означает,что этими науками занимались независимо от темы и характера своих специальных интересов. Посылая Вяземскому стихи Одоевского для задуманного декабристами альманаха «Зарница», Муханов писал: «Нам не копить золота; наш металл—железо и желание заработать — Say, Constant, le comte Sismondi etc.».

«Оставленное декабристами литературное наследство, в котором развиваются их экономические взгляды, невелико,— пишет К. А. Пажитнов,— тем не менее, и это немногое, что известно, составляет очень важный этап в истории русской экономической мысли и оказало глубокое влияние на позднейшее развитие ее»[411]. Основное значение их политико-экономических исследований в их «насыщенности политическим содержанием» и органической «связи с революционной борьбой против крепостничества и царизма»[412]. Следует особо подчеркнуть, что из всех научных сочинений, написанных декабристами, самыми крупными были труды по экономическим или историко-экономическим вопросам: «Опыт по теории налогов» (1818) Н. И. Тургенева, «О свободе торговли» (1832) Н. А. Бестужева, «О государственном кредите» (1833) М. Ф. Орлова[413], «О сообщениях (О канализациях) в России» (1830-е годы) Н. М. Муравьева. Здесь же должен быть назван и основной программный памятник декабризма — «Русская правда»[414].

Учет известий о написанных, но не увидевших света и совершенно утраченных, экономических трудах декабристов дополняет общую картину интересов декабристов в этой области. Изучение общих вопросов политической экономии тесно сочеталось с изучением русского народного хозяйства и финансово-экономических вопросов. В преддекабрьские годы эти вопросы были «в самом центре общественного внимания и главной областью экономическо-политических мероприятий государственных органов»[415].

В 1810 г. Н. И. Тургенев предполагал писать «Курс политической экономии». В том же году им была написана диссертация «Рассуждение о банках и бумажных деньгах»; диссертация не дошла до нас, но, как

полагают биографы Тургенева, она составила основу его позднейшего труда («Опыт теории налогов»). Затерялись и его критические замечания к книге Сэя, над которыми он работал в 1817 г.[416] В 1822—1825 гг. Орлов, после его удаления из армии, напряженно работал над трудом о «Новой системе финансов», о чем сообщил в своих показаниях Муханов (ВД, III, 141); повидимому, это первый вариант книги, вышедшей в 1833 г. Выдающимся знатоком вопросов народного хозяйства был Штейнгель, о «записке» которого («О причинах упадка торговли в России») мы уже упоминали выше.

По свидетельству Завалишина, в Чите и Петровском заводе было написано много статей по экономическим вопросам, но до нас дошла только рукопись Н. А. Бестужева. Об остальных не сохранилось даже и упоминаний; известно лишь о труде Торсона «Система русских финансов», прочитанном им в виде курса лекций в «казематском университете». В своих лекциях Торсон выступал против запретительной системы Канкрина, «доказывая ее гибельное влияние на Россию»[417]. В архиве Торсона, который разбирал Розен, находились «Записки о земледелии»; судьба этой рукописи, как и вообще бумаг Торсона, неизвестна[418].

Проблемы организации и упорядочения финансового дела занимали декабристов и позже. В 1857 г. Батеньков с огорчением сообщал Е. И. Якушкину о написанных им и затерявшихся в редакциях журналов статьях; среди них была статья «О деньгах», направленная в редакцию «Московских ведомостей» и оставшаяся ненапечатанной[419].

Вопросами местного народного хозяйства занимались на поселении Н. М. Муравьев, Н. А. Бестужев, М. К. Кюхельбекер, В. И. Штейнгель. Н. А. Бестужев писал корреспонденции в Вольное экономическое общество, но напечатаны были лишь две его заметки; в архиве Бестужевых сохранилось упоминание еще о нескольких: «О происхождении казенных земель в Забайкалье», «О покосах в Забайкалье»; они относятся, вероятно, к началу пятидесятых годов. М. А. Бестужев называет еще одно сочинение — «Обозрение Забайкальского края», прибавляя, что оно, «кажется, было напечатано»[420].

И. И. Пущин сообщал сведения об экономической жизни Западной Сибири Е. А. Энгельгардту, который редактировал в 1834—1853 гг. «Земледельческую газету»[421]; среди записей М. И. Семевского имеется неясное указание на сотрудничество в этом органе Н. А. Бестужева. Быть может, внимательный просмотр «Земледельческой газеты» даст возможность обнаружить ряд статей и корреспонденций И. И. Пущина, Н. А. Бестужева, Н. В. Басаргина и других декабристов.

Среди утраченных философских произведений декабристов первое место по важности должно занять сочинение А. П. Барятинского «О происхождении человеческого слова». В среде декабристов Барятинский был одним из наиболее убежденных и непримиримых последователей материалистических идей. Из философских сочинений Барятинского сохранилось только несколько рукописных отрывков, содержащих его «размышления» по вопросам преимущественно этического порядка, и атеистическая поэма «О боге» (на французском языке)[422].

Вопрос о происхождении человеческого слова был главным предметом спора в казематах между материалистами и их противниками. А. П. Беляев так рассказывает об этом: «Материалисты проводили ту идею, что ското-человек, происшедший тогда еще из глины, а теперь от обезьяны, силами материи, как и все другие животные, сам изобрел язык, начав со звуков междометия, составляя его из звуков односложных, двухсложных и т. д. Пушкин ⟨П. С. Бобришев-Пушкин⟩ поддерживал, без сомнения, сотворение человека непосредственно божественным действием, необходимым следствием чего было то, что человек получил дар

слова вместе с разумною душою в тот момент, когда была она вдохнута в него божественным духом. Много доводов приводилось за и против этого сотворения по откровению и споры длились бесконечно». В это время Бобрищев-Пушкин и написал статью «О происхождении человеческого слова», которая вызвала ответ — «рассуждение» Барятинского. Беляев далее говорит о «превосходстве» статьи Бобрищева-Пушкина и о «слабости» опровержения Барятинского, но пристрастность этого суждения слишком очевидна, чтоб нужно было в какой бы то ни было мере считаться с оценкой Беляева[423]. О самой аргументации Барятинского он не сообщает, к сожалению, никаких подробностей.

Выдающимся представителем материалистической философии был среди декабристов Н. А. Крюков, принадлежавший к ближайшему окружению Пестеля. Автор статьи «Социально-политические и философские воззрения декабристов», И. Я. Щипанов, так характеризует сущность философских взглядов Крюкова: «Сохранившиеся записи Н. А. Крюкова свидетельствуют, что он далек был от механического усвоения материалистических и атеистических идей из прочитанных им книг, а критически их осмысливал и перерабатывал, делая самостоятельные, вполне оригинальные выводы ⟨...⟩ В записях Н. А. Крюкова мы находим много высказываний по вопросам теории познания, в которой он был сторонником материалистического сенсуализма»[424].

До ареста Крюков работал над философско-педагогическим трактатом, задуманным им в виде писем к матери. Н. П. Павлов-Сильванский озаглавливает этот труд «Руководство к воспитанию»[425], но вероятнее, что трактат имел бы заглавие вполне в духе своего времени: «Письма к матери». Было ли закончено это произведение или Крюковым были написаны только эти немногие, дошедшие до нас отрывки — неизвестно. Павлов-Сильванский предполагал, что часть своих бумаг Крюков уничтожил, — очевидно те, которые представлялись ему наиболее опасными. Впоследствии Крюков отошел от своих воинствующих философских позиций и примкнул к кружку П. С. Бобрищева-Пушкина. По свидетельству современников, он много писал, находясь на поселении, но его бумаги этого периода также погибли, и о характере и содержании последних трудов Крюкова нам ничего не известно.

Из философских сочинений Якушкина сохранился лишь небольшой отрывок, посвященный вопросу об основном отличии человека от животного и направленный против идеалистических представлений о сущности жизненных процессов. Впервые о нем стало известно из статьи Н. М. Дружинина, затем этот отрывок дважды был опубликован: в «Вопросах философии» под заглавием «Что такое человек»[426] и в сборнике «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов» под заглавием «Что такое жизнь»[427]; в статье Дружинина он именуется «Эмбриология и вопросы жизни»; относится данный отрывок ко второй половине тридцатых годов. Не ясно, что представляет собою этот отрывок — отдельный этюд или только часть более обширного сочинения, не дошедшего до нас в целом виде. Не сохранилось никаких сведений и о ранних произведениях Якушкина, написанных им еще до ареста, которые Чаадаев позже характеризовал как «оледенелый деизм».

Носителями религиозно-идеалистических тенденций в философии были главным образом П. С. Бобрищев-Пушкин и Е. П. Оболенский. В «казематском университете» Оболенским был прочитан курс лекций по истории философии. На поселении он работал над каким-то сочинением по истории церкви и христианства. Из всех писаний Оболенского на философские темы ничего не сохранилось; о сущности его воззрений можно судить лишь по его письмам и некоторым указаниям в мемуарах и переписке других декабристов.

No. 143. THE BELL. SEPTEMBER 1, 1862.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ еженедѣльно въ Лондонѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи,—136 & 138, Caledonian Road, N. Цѣна 1 полл., съ третьимъ листомъ—ОБЩЕЕ ВѢЧЕ.

ЛИСТЪ 143.

1 Сентября 1862.

(WITH SUPPLEMENT No. 24).

У Трюбнера & Со. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Tchorzewski, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price One shilling, with Supplement: VETCHE No. 5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Записки Декабристовъ.—Ѣзладинъ Рамловъ.—Висѣлица въ Варшавѣ.—Мученики и мучители въ Польшѣ.—Тетеревъ.—Единица по экземпляру.—Кадетскіе корпуса (Продолженіе).—Цѣнсура. Стихъ: Г-жи Чертова и Сухтина.—Стрѣлки III Отдѣленія.—Les nihilistes!

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВЪ.

Первая присылка записокъ получена нами. Мы не имѣемъ словъ, чтобъ выразить всю нашу благодарность за нее. Наконецъ-то выйдутъ изъ могилъ великія тѣни первыхъ сподвижниковъ русскаго освобожденія, и большинство знавшее ихъ по Каудову и по Корфу—узнаетъ ихъ изъ ихъ собственныхъ словъ.

Мы съ благочестіемъ средневѣковыхъ переписчиковъ апостольскихъ дѣяній и житія святыхъ, придержимся за печатаніе "Записокъ Декабристовъ;" мы чувствуемъ себя горды, что на долю нашего станка досталась честь обнародованія ихъ.

Всѣ вырученныя деньги, за расходами на печать и бумагу мы раздѣлимъ по ломамъ. Одну половину перешлемъ для вспомоществованія лицамъ сосланнымъ въ Сибирь, вслѣдствіе политическихъ гоненій, *другую*—оставимъ въ Лондонѣ для вспомоществованія русскимъ, которые вынуждены будутъ покинуть отечество, по причинѣ тѣхъ же гоненій. Если же эмигрантовъ будетъ не много, то по прошествіи года мы и эти деньги присоединимъ къ Сибирской кассѣ.

Мы предполагаемъ издать Записки отдѣльными выпусками и начать съ записокъ "Н. Д. Якушкина" и князя "Трубецкаго". За тѣми послѣдуютъ записки князя "Оболенскаго, Басаргина, Штейнгеля, Люблинскаго, Н. Бестужева", далѣе о 14 Декабрѣ "Пущина", "Бѣлая церковь", "Воспоминанія князя Оболенскаго о Рылѣевѣ и Якушкинѣ", "Былое изъ разсказовъ Декабристовъ", "Списокъ слѣдственной коммиссіи", статья "Лунина" и разныя письма.

О подробностяхъ изданія извѣстимъ въ послѣдствіи.

И—ръ.

1 Сентября 1862 г.

Письмо изъ Константинополя.

Милостивый Государь!

Студентъ и полякъ, я былъ арестованъ по политическимъ причинамъ и приговоренъ къ отдачѣ въ солдаты въ линейные полки, стоящіе въ Сибири.

Мнѣ удалось бѣжать съ Сибирской границы и я добрался безъ большихъ препятствій до Константинополя.

Въ моемъ побѣгѣ помогали мнѣ самымъ дѣятельнымъ образомъ многіе изъ вашихъ соотечественниковъ, и свято обѣщалъ—навѣстить ихъ о моей судьбѣ.

Находясь теперь на свободѣ, я не имѣю другаго средства исполнить мое обѣщаніе, какъ обратиться къ вашему журналу. Передайте имъ мою глубокую признательность за благородное сочувствіе, которое они оказали не только несчастному, но полаку, пострадавшему за святое дѣло своей родины.

Желалъ бы я очень лично разсказать вамъ исторію моего путешествія по Россіи, продолжавшагося нѣсколько мѣсяцевъ, но обстоятельства не дозволяютъ мнѣ исполнить это въ скоромъ времени и пр.

Преданный вамъ

Константинополь,
12 Августа, 1862 года.

Ѣзладинъ Рамловъ.

Год VI.

ВИСѢЛИЦА ВЪ ВАРШАВѢ.

И такъ вмѣсто александровской конституціи, Константинъ Николаевичъ привезъ въ Варшаву николаевскую висѣлицу.

Ярошинскій былъ повѣшенъ 21 Августа.
26 Августа, были повѣшены: Рылль и Ржоньца.

Въ нашихъ глазахъ висѣлица освящена со временъ Пестеля и его друзей, крестъ былъ тоже висѣлицей. Вообще мы о родахъ убійствъ и о тонкостяхъ палачества спорить не будемъ, но въ глазахъ *нашихъ*[1] это не такъ, они считаютъ смерть на висѣлицѣ *позорной*... Сколько надобно имѣть монгольской злобы и какое отсутствіе такта, чтобъ казнить съ поруганіемъ изъ *личной мести*.

РУССКІЕ МУЧЕНИКИ И МУЧИТЕЛИ ВЪ ПОЛЬШѢ.

Выписываемъ изъ чрезвычайно замѣчательнаго письма, полученнаго нами изъ Польши самыя строки: "До васъ вѣроятно дошло извѣстіе о первыхъ жертвахъ со стороны русскаго войска, объ *Арнольдѣ, Сливицкомъ* и *Росписскомъ*. Передъ арестомъ человѣкъ шестьмесятъ солдатъ съ оружіемъ готово было защищать ихъ и только приказаніе Сливицкаго удержало ихъ. Всѣ держали себя, особенно Арнольдъ, передъ судомъ съ геройской твердостью. Они съ первыхъ словъ объявили, что говорили съ солдатами и распространяли между

---

[1] Мы не можемъ не замѣтить, что въ Англіи, гдѣ смертная казнь существуетъ, висѣлица считается позорной.

СООБЩЕНИЕ А. И. ГЕРЦЕНА О ПРЕДПРИНЯТОМ ИМ ПЕЧАТАНИИ ЗАПИСОК ДЕКАБРИСТОВ

Помещено за подписью И—р <Искандер> в листе 143 «Колокола» от 1 сентября 1862 г.

Философские интересы декабристов находили отражение в их довольно интенсивной переводческой деятельности. Еще до ареста многие декабристы усиленно переводили сочинения французских материалистов. П. И. Борисов переводил Гельвеция и Вольтера, Н. А. Крюков — Кондильяка и знаменитую «Библию материализма» — «Систему природы» Гольбаха, Спиридов — Вейсса. Переводы эти делались отчасти ради самообразования, отчасти — в целях пропаганды. Так, например, Борисов и Люблинский знакомили своих товарищей с сочинениями Вольтера и философов-материалистов (ВД, V, 192, 277). На почве философских споров и исканий был создан на каторге коллективный перевод знаменитого монументального сочинения Гиббона по истории Римской империи; перевод этот был выполнен, в основном, членами «конгрегации» (так назывался казематский кружок, объединявший декабристов, интересовавшихся вопросами религии). Может показаться странным, что они избрали для перевода труд, считающийся классическим памятником «просветительской историографии», но их, по словам Беляева, прельстило обилие сообщенных Гиббоном фактов, свидетельствующих «о чистоте и добродетельности первых христиан». Они рассчитывали этими фактами убедить противников в нравственной силе христианского учения, однако,—признается с сокрушением Беляев,—Гиббон содействовал только укреплению позиций материалистов, которые, прочитав Гиббона, еще более «утвердились в неверии и стали в нем фанатиками». Это обстоятельство остановило переводчиков от намерения опубликовать выполненный ими труд; в свою очередь, некоторые наиболее страстные и последовательные атеисты пытались похитить этот перевод у «конгрегации», «чтоб сберечь его до того времени, когда бы представилась возможность издать его». Инициаторами этого замысла были И. Киреев и П. Борисов [428]. Позже, на поселении, хотел приняться за перевод Гиббона Бригген, но Жуковский отсоветовал ему «в виду антирелигиозного направления» автора [429]. Выполненный декабристами перевод Гиббона не сохранился. П. С. Бобрищев-Пушкин переводил «Мысли» Паскаля; позже, уже на поселении, он вновь вернулся к этому труду, надеясь найти в его опубликовании источник существования, но в это время книга Паскаля вышла уже в свет в переводе Бушовского (1843) и, несмотря на очень дружные и энергичные усилия декабристов, многолетний труд Бобрищева-Пушкина так и не увидел света; рукопись его не сохранилась [430].

В Чите Пущиным и Штейнгелем были переведены «Записки Франклина», к которым Пущин написал предисловие с посвящением труда Е. А. Энгельгардту. Перевод был послан для печати кому-то из родственников П. А. Муханова и где-то затерялся. Черновая рукопись была истреблена, «по случаю бывшего тогда тюремного осмотра». «Нельзя было сохранить эту контрабанду,— пишет Пущин,— чернила были запрещены» [431].

XV. ДНЕВНИКИ И МЕМУАРЫ ДЕКАБРИСТОВ

Самую обширную часть литературного наследия декабристов составляют автобиографические писания: дневники, «памятные книжки», собственно мемуары, замечания по поводу воспоминаний товарищей или других лиц. Они являются и важнейшими историческими источниками, без которых немыслимо было бы создать полную историю декабристского движения, и одновременно входят в круг памятников декабристской художественной литературы. «Воспоминание о Рылееве» Николая Бестужева, «Записки» Горбачевского, «Мои тюрьмы» М. А. Бестужева — относятся в равной мере и к истории и к истории литературы.

М. А. ФОНВИЗИН

Пастель А. Г. Венецианова, 1814 г.

Музей революции ИМЭЛС при ЦК КПСС, Ленинград

Для историка особенно важными и ценными представляются дневники. Мемуары по большей части созданы в позднейшее время, очень часто они ретроспективны, в них не мало ошибок памяти и позднейших привнесений; дневники всегда современны изображенным в них событиям, записи в них, как правило (конечно, не без исключений), точны; в них нет следов заботы о читателе, что делает их ценнейшим источником для изучения формирования личности того или иного деятеля и истории его мировоззрения.

К сожалению, дневники декабристов сохранились в крайне незначительном количестве, так же, как и дневники их ближайших современников. Вполне понятно, что такого рода «бумаги» уничтожались в первую очередь. Сохранился и дошел до нас лишь один, — правда первоклассный, — памятник такого рода: дневник Н. И. Тургенева (1806—1824). Можно еще причислить сюда «Памятную книжку» Александра Бестужева (1823—1824) [432], но она даже в отдаленной степени не может быть поставлена по своему значению рядом с дневником Тургенева. Это именно записная книжка, то есть краткие записи событий, встреч, бесед, посещений театра, прочитанных книг и т. п., — очень интересные и важные для биографии Бестужева, но мало что дающие для воссоздания его идейной жизни, ибо все эти записи отрывочны, почти всегда лишены каких бы то ни было оценок или замечаний, которые могли бы раскрыть отношение автора к тому или иному факту, и уже совершенно лишены элементов самоанализа, обязательно присутствующих в дневниках и подобных им автобиографических памятниках.

Дневником Тургенева и «Памятной книжкой» Бестужева исчерпывается состав дошедших до нас ранних дневников декабристов, немногочисленны и наши сведения об их утраченных дневниках додекабрьского периода. Известно, что в Лицее вели дневники Пущин и Кюхельбекер. Пущин впоследствии очень сожалел о гибели своего лицейского дневника, который он — по собственному признанию — истребил «поспешно и опрометчиво» [433]. Утрачен отроческий дневник А. А. Бестужева, который он вел в кадетском корпусе и память о котором сохранил его брат Михаил. В «Воспоминаниях об Александре Бестужеве» он рассказывает: «Жаль и очень жаль, что этот любопытный дневник десятилетнего кадета затерян или истреблен им, что, впрочем, не могло случиться ранее 1825 года, потому что я читал его незадолго до этого времени. В этом тайнике его чувств и помыслов, писанном собственно для себя, без всякой претензии на авторство, без обдуманного плана, с детскою наивностию, можно было уже заметить зародыши будущих талантов и недостатков его на литературном поприще; в нем как бы в зеркале увидели миниатюрного Марлинского, с его складом ума и сердца, с его оригинальною, саркастическою речью, наблюдательным взором и пылким воображением». По рассказу М. А. Бестужева, в этом дневнике были подробные записи событий повседневной жизни корпуса, «длинная галерея» портретов, в изображении которых чередовались веселые и серьезные тона, сменяясь иногда «сентиментальной элегией». Особенно хороша была та часть дневника, где А. А. Бестужев «в карикатуре чертил портреты своих товарищей, учителей, офицеров и даже служителей» [434]. Зарисовки, по словам М. А. Бестужева, были настолько похожи, что он, при посещении корпуса, сразу узнавал оригиналы этих карикатурных изображений.

Погиб дневник Н. И. Комарова, сыгравшего, как известно, весьма неблаговидную роль в процессе декабристов. В своем пространном показании он писал: «...я вел всегда краткий журнал у себя дома и долго еще сохранял его и после, не один раз перечитывал. Оттого многое и помню почти литерально, а не по смыслу только, и жалею душевно, что уничтожил его впоследствии, в 1823 году уже» [435]. По всей вероятности, дата —

1823 год — названа Комаровым для того, чтобы подчеркнуть лойяльный характер своих записей, то есть он хотел дать понять, что уничтожение дневника произошло не вследствие каких-либо опасений, вызванных возможностью ареста в 1825 г., а по причинам чисто личным, не имеющим политического характера. Историку приходится весьма сожалеть об утрате этого дневника, так как он, несомненно, содержал исключительно интересные сведения о работе Союза Благоденствия на юге и особенно о Московском совещании 1821 г.

Погибла записная книжка П. Х. Граббе, близкого друга и сподвижника Якушкина и Фонвизина. По сообщению П. И. Бартенева, Граббе десятки лет сряду вел подробные записи «всему, что с ним было»: «В исходе 1825 г., когда он подвергся кратковременному заточению по поводу знакомств своих с декабристами, его домашние истребили эти дневники». Позднее он многое восстановил и написал «Записки», но они заканчиваются войной 1812—1813 гг. [436]

Не сохранился кишиневский дневник И. П. Липранди — впоследствии крупного полицейского агента, но в молодости весьма близко стоявшего к кишиневской ячейке декабристов. В 1866 г., в связи со статьями Бартенева о пребывании Пушкина на юге, Липранди опубликовал воспоминания о кишиневском периоде жизни Пушкина. Свою публикацию он сопроводил примечанием, в котором сообщил, что эти воспоминания («Заметки», как он называл их) «взяты из дневника и в некоторых местах дополнены из памяти» [437]. Дневник в целом до нас не дошел, и его последующая судьба — неизвестна. Несомненно, в нем могли содержаться ценнейшие материалы для истории кишиневской ячейки Южного общества и его разгрома.

К додекабрьскому периоду относятся «Записки» М. А. Дмитриева-Мамонова. В специальной заметке под заглавием: «Существуют ли Записки графа М. А. Мамонова», Н. Киселев писал: «Случайно попались нам в руки небольшие выписки из журнала, веденного графом Мамоновым в Дубровицах. Выписки эти, сделанные одним из многих опекунов покойного графа, свидетельствуют как о здравом уме писавшего журнал, так и о том, что самый журнал, действительно, не лишен интереса. Судя по имеющимся у нас отрывкам, многие места Записок, по крайней резкости суждений, не могут явиться в печати; но для нас важны не столько личные взгляды заточенного отшельника (solitaire banni), как он сам себя называет, сколько его рассказы о прошлом. Надежда, что эти рассказы не погибли, а сохранились в просвещенных руках, побуждает нас спросить печатно: где же находятся Записки графа М. А. Мамонова? И кто может познакомить нас с ними, хотя в отрывках...» [438].

Мамонов заболел психическим расстройством в 1817 г.; в Дубровицах он жил в 1820—1824 гг., — стало быть, этим временем и следует датировать записи, которые были в руках Киселева; тем более, что впоследствии в болезненном состоянии Мамонова уже не было таких светлых перерывов, которые позволили бы ему заняться каким-либо литературным трудом. Записи, бывшие у Киселева, касаются главным образом времени Екатерины II и, вероятно, воспроизводят рассказы отца Мамонова — одного из фаворитов Екатерины: в них упоминаются Потемкин, Румянцев, путешествие Екатерины по Крыму и др. К сожалению, редакция «Русского архива» пренебрегла или не сумела воспользоваться по цензурным причинам теми страницами «Записок», в которых отразились «резкие суждения» их автора.

К числу крупнейших утрат декабристоведения следует отнести «Записки» Пушкина, сожженные им в 1825 г. О их прямой и непосредственной связи с декабристским движением свидетельствует сам поэт в сохранившемся начале автобиографии: «Несколько раз принимался я

за ежедневные записки, и всегда отступался из лености; в 1821 году начал я свою биографию, и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 года, при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь сии записки. Не могу не сожалеть о их потере; я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, с откровенностию дружбы или короткого знакомства». Есть основания думать, что «Записки» были уничтожены их автором не в 1825 г., а позднее: они еще хранились у него, когда он писал свою «Записку о народном воспитании» (1826). Из пометок в черновом тексте видно, что поэт предполагал первоначально использовать для ее составления некоторые материалы из своих «Записок» [439].

Бóльшая часть декабристских мемуаров написана после амнистии, но некоторые попытки делались уже и во время пребывания в сибирских тюрьмах и на поселении. Декабристы придавали этому делу огромнейшее значение. Помимо сознания важности исторических свидетельств о восстании 1825 г., ими руководила еще необходимость выступить с разоблачениями лживых и клеветнических сведений о них, какими изобиловало официальное «Донесение». Позже, уже после амнистии, новым поводом явилось пресловутое сочинение М. А. Корфа о восшествии на престол Николая I. Когда, в первые годы пребывания в Сибири, возникла мысль о массовом побеге, то одним из стимулов — по крайней мере, для некоторых—было стремление, вырвавшись из тюрьмы, «огласить правду» о событии 14 декабря и о настоящем положении России[440].

Существуют неясные и очень путаные рассказы Завалишина и, с его же слов, С. В. Максимова о возникшем еще в Чите замысле коллективной *истории 14 декабря*, для чего была избрана даже специальная комиссия, приступившая к собиранию материалов и к их предварительной обработке. Рассказ Максимова изобилует такими фантастическими подробностями и содержит столько неверных сведений, что пользоваться им совершенно не приходится, но, несомненно, какое-то зерно истины в его сообщении имеется [441]. Во всяком случае, очень знаменательно, что два обстоятельных рассказа о самом дне 14 декабря написаны лицами, не только не присутствовавшими на площади, но находившимися в тот день вне Петербурга: Якушкиным и Завалишиным. Естественно, что изображенная ими картина восстания была создана по рассказам их товарищей. В значительной мере по рассказам участников южного восстания составлены и «Записки» Горбачевского.

Из мемуаров, написанных во время пребывания на каторге, известно только «Воспоминание о Рылееве» Н. А. Бестужева, но были и другие попытки. По свидетельству Е. И. Якушкина (конечно, на основании рассказов его отца или Пущина), писал мемуары Никита Муравьев, «а чтобы они не попались в руки правительства, он писал их в форме отдельных заметок на полях книг». Полностью эти записи не сохранились, но извлечения из них вошли впоследствии в состав воспоминаний А. М. Муравьева, озаглавленных «Mon journal» [442].

Неясно, в какой мере точно сообщение Завалишина о «Записках» Лунина, которые он, будто бы, вел на каторге. Завалишин уверяет, что Лунин сам рассказал ему о своих «Записках», прибавив: «...вести правдивые записки — обязанность каждого общественного деятеля»[443]. Быть может, в данном случае речь идет не о мемуарах Лунина, а о его статьях, посвященных разбору «Донесения Следственной комиссии», в которых содержится не мало и фактов автобиографического характера.

Из одного неопубликованного письма Горбачевского с несомненной очевидностью явствует, что существовали и «Записки о 14 декабря» И. И. Пущина, написанные им на каторге. В 1860 или в начале 1861 г. Горбачевский посетил М. А. Бестужева. Вспоминая дни, проведенные у последнего, он писал (23 августа 1862 г.) Завалишину: «Он ⟨М. А. Бесту-

И. Д. ЯКУШКИН
Рисунок декабриста М. А. Назимова, 1837 г.
Исторический музей, Москва

жев〉 кое-что писал, не знаю для кого 〈...〉 Он не пишет истину, но какие-то романы и повести, подобно тому, как некогда писал подобное брат его Николай и Иван Иванович Пущин, если Вы что-либо читали из их сочинений» [444]. Горбачевский имеет в виду, конечно, не какие-либо беллетристические произведения, а мемуары, ибо в 1860—1861 гг. М. А. Бестужев писал, по вызову М. И. Семевского, исключительно свои записки, которые озаглавил «Мои тюрьмы». Но Горбачевский отрицательно относился к такому типу мемуарного повествования, в котором исторические события тесно соединялись с личностью автора и самый рассказ велся от первого лица. Такую форму изложения он и именовал иронически «романами» и «повестями». Нас интересует в данном случае не самая оценка Горбачевского (вообще крайне интересная и важная для понимания его собственных «Записок»), но вытекающее непосредственно из его слов свидетельство о существовавших записках Пущина, выполненных в том же плане, что и воспоминания М. А. и Н. А. Бестужевых. Очевидно, они были уничтожены в то же время, когда и Пущин вынужден был сжечь ряд своих сочинений, написанных в каземате (см. стр. 744).

Выше мы говорили о воспоминаниях Корниловича (1834); они были задуманы как «Обозрение литературной жизни и политических обществ двадцатых годов». Рукопись эта была передана самим Корниловичем (незадолго до его смерти) полковнику Клюгену; что сталось с ней потом — неизвестно. Некоторые подробности об этом «Обозрении» сообщил в письме к М. О. Корниловичу декабрист Голицын. Оно было задумано Корниловичем не столько как «описание» «своей политической жизни», но как «теоретическое описание», как исследование о зарождении и развитии в обществе либеральных идей [445]. Можно сделать заключение,

что это «Обозрение» было построено по тому же плану, что и аналогичное сочинение М. А. Фонвизина, носящее, к тому же, и сходное заглавие: «Обозрение проявлений политической жизни в России» и в котором автобиографический рассказ органически включен в общий исторический очерк; отчасти по такому же плану построены и записки С. П. Трубецкого. Это был особый тип мемуаров в декабристской автобиографической литературе.

Из дневников времени тюремного заключения и поселения сохранился обширный дневник В. К. Кюхельбекера. Он был опубликован с многочисленными сокращениями на страницах «Русской старины» и затем, уже в советское время, отдельным изданием, но также не в полном виде. Дневник хранится в Рукописном отделе ИРЛИ, но некоторые части его утрачены: полностью отсутствуют страницы, писанные в Ревеле (1831). По семейным рассказам, ревельский дневник погиб уже в Сибири. Утрата этой части рукописи особенно ощутима, так как именно в Ревеле Кюхельбекер начал вести свой дневник (25 апреля 1831 г.). Позже, перечитывая свои ранние записи, он писал: «В „Ревельском дневнике“ все мягче, живее, свежее, чем в нынешних: самое уныние в нем представляет что-то поэтическое. Тогда еще душа у меня не успела очерстветь от продолжительного заточения».

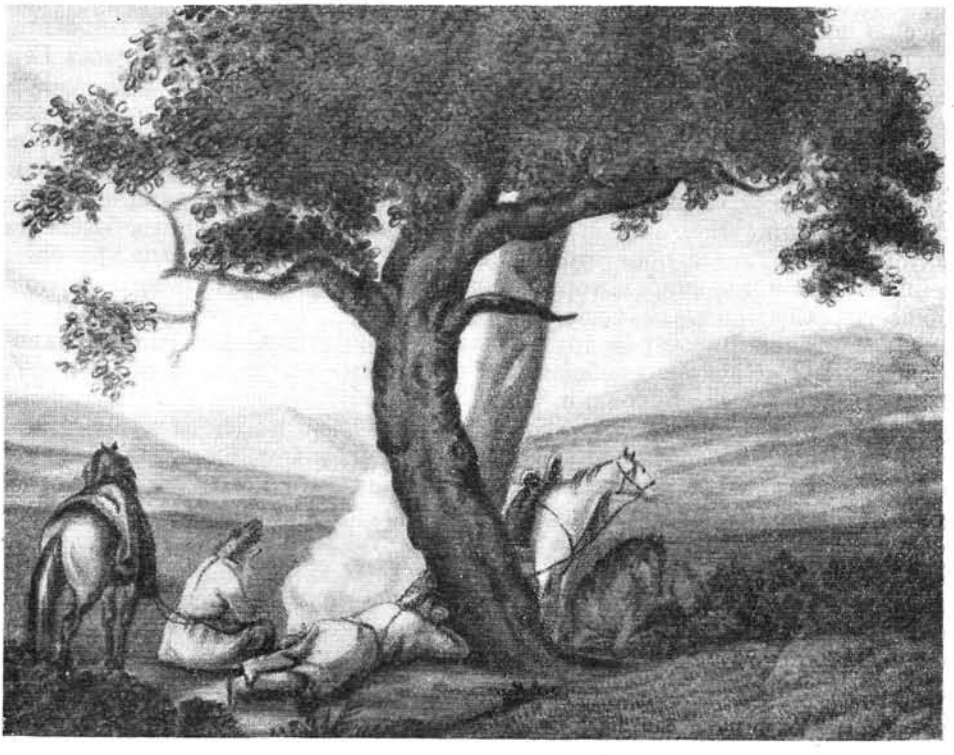
В Баргузине Кюхельбекер приступил к составлению мемуаров, о чем свидетельствует прямая, четкая запись в его дневнике 21 ноября 1837 г.: «Сегодня начал я свою автобиографию»[446]. Но этой строчкой и исчерпываются все упоминания о ней; продолжал ли дальше Кюхельбекер начатую работу и до какого времени довел свой рассказ, остается неизвестным; в бумагах его нет никаких следов «автобиографии».

Мы уже упоминали о гибели мемуаров Якубовича и Батенькова. Однако сибирский историк Н. Н. Бакай относился с недоверием к рассказам Адрианова и Потанина, усматривая в них лишь отголоски местных легенд[447]. Основанием для него служили слова самого Батенькова, сказанные им Е. И. Якушкину. В ответ на вопрос последнего, начал ли Батеньков свои мемуары, он сказал: «И не начал и не начну. Писать может только тот, кто уверен, что его бумаги сохранятся; а у нас, кто может быть в этом уверен?.. Фамильных архивов у нас нет, а у себя держать бумаг нельзя. Я уже думал как это устроить; самое лучшее средство — положить бумаги в монастырь, п〈отому〉 что за попов можно поручиться, что они бумаг читать не станут и не узнают, что у них за бумаги, но нельзя поручиться, что бумаги не уничтожатся. Как же при таких обстоятельствах писать?»[448]

В словах Батенькова содержится противоречие: с одной стороны, он говорит о нежелании и о невозможности писать, с другой — о намерении скрыть написанное в монастыре. С. Н. Чернов полагал, что Батеньков мог сознательно сказать неправду Е. И. Якушкину, не желая передавать ему свои воспоминания. Это едва ли вероятно: к Якушкину Батеньков относился с большим уважением и с нежностью. По нашему мнению, слова Батенькова отражали только его настроение в момент разговора. Бакай особенно подчеркивал слова Адрианова о нелюбви Батенькова «писать и рассказывать о своем прошлом». Но сохранилось довольно значительное количество автобиографических рассказов Батенькова, воплощенных им в различных формах: «Данные. Повесть собственной жизни», записка о масонстве, составленная Батеньковым для историка С. В. Ешевского, «Воспоминания об Аракчееве и Сперанском», частично использованные Черновым в примечаниях к «Повести о моей жизни». (В рукописном отделе Гос. библиотеки СССР имени В. И. Ленина хранится рукопись Н. А. Елагина, в которой записан ряд слышанных им автобиографических рассказов Батенькова.) В «Русских Пропилеях» (т. II)

напечатаны два автобиографических отрывка Батенькова (1860 и 1862 гг.). Чернов рассматривал их как письма, адресованные неизвестному лицу, и под таким заглавием («Письма к неизвестному») перепечатал в 1933 г.[449] Подобное толкование данных отрывков явно ошибочно, ибо в них отсутствуют какие-либо внешние и внутренние признаки, позволяющие видеть в них письма; это не письма, а автобиографические наброски.

Все это заставляет отвести как неверные все свидетельства о принципиальном отказе Батенькова писать мемуары. Для опровержения рассказов Адрианова и Потанина нет оснований. «Данные», «Воспоминания



БУРЯТЫ
Рисунок декабриста А. И. Якубовича, 1830 г.
Исторический музей, Москва

об Аракчееве и Сперанском» и автобиографические отрывки 1860—1862 гг. являются, повидимому, возвращением к прежнему замыслу, первым воплощением которого была исчезнувшая томская рукопись.

Существует, наконец, прямое свидетельство, исходящее от самого Батенькова, что в 1857 г., то есть вскоре после возвращения в Россию, им был написан ряд мемуарных очерков. В письме к Е. И. Якушкину, в котором он жаловался на утрату статьи о деньгах, он сообщал и о других своих рукописях, не встретивших интереса у журналистов: «Пропали статьи: у Корнилова — Томск, у Корнилова — Гоголь, у Бартенева — Сперанский, у Хомякова — записки...» и далее: «Ежели я пишу эти статьи, немного и даже много разнясь от обычного и принятого в словесности тона, то и на это есть мои причины. Надобно бы знать, почему мною пренебрегают или решено уже, что я старик, отсталый и глупый?

Тогда баста!..»[450]. Из названных Батеньковым статей известными являются лишь «Сперанский» и «Записки» (очевидно, «Данные»). Как можно судить по заглавиям, мемуарный характер имели и прочие названные им очерки. С Гоголем он не был лично знаком, но находился в переписке. Статья о Томске была посвящена, очевидно, воспоминаниям о его пребывании и службе в Томске в десятых годах[451].

В декабристской историографии давно уже поставлен вопрос о мемуарах Ю. К. Люблинского. О них сообщалось в известной заметке Герцена по поводу готовящейся им публикации записок декабристов[452]. Из этого делают вывод, что Герцен видел и читал эти мемуары. Существование «Записок» Люблинского подтвердила и его дочь. По ее рассказу, они были похищены у Люблинского во время его поездки в европейскую Россию после амнистии[453]. На первый взгляд эти два сообщения противоречивы: если «Записки» украдены, то как они могли оказаться в руках Герцена? К тому же, если б «Записки» находились, действительно, у Герцена, почему он их не напечатал? Но из текста публикации вовсе не следует, что Герцен уже имел «в руках» эти «Записки». Герцену было сообщено о существовании «Записок» и дано обещание прислать их ему для опубликования, почему он и включил их в перечень предполагаемых публикаций. «Записки» же, как и все другие бумаги Люблинского, бесследно погибли,— и, таким образом, оказался навсегда утраченным драгоценнейший источник для истории возникновения и начального периода Общества Соединенных Славян.

Относительно мемуаров других членов Общества Соединенных Славян сведений нет. Нечкина сообщает на основании рассказов родственников И. И. Иванова о его дневнике. Этот дневник будто бы еще в начале шестидесятых годов хранился у его внучки, вышедшей замуж за купца Яковлева [454]. В какой мере точно это сообщение, сказать трудно. Иванов умер в 1838 г.; в связи с арестом Лунина у вдовы Иванова был произведен обыск и отобраны все письма. Если бы существовал дневник, он бы, несомненно, был захвачен, и это нашло бы отражение в делах Иванова и Лунина.

В некрологе М. А. Назимова было сообщено о существовании его «Записок» [455]; это беглое и недостаточно подробное указание позже расшифровано псковским краеведом К. А. Иеропольским. По рассказам старожилов, он установил, что Назимов написал свои «Записки» специально для Некрасова после прочтения им (Назимовым) первой части «Русских женщин»[456].

Существовали еще заметки Назимова (1881) о последних днях Одоевского. Они были написаны по просьбе и настоянию Розена, составлявшего в то время биографический очерк Одоевского, приложенный им позднее к собранию стихотворений поэта. По его же просьбе написали свои воспоминания о смерти Одоевского Н. А. Загорецкий и К. Г. Игельстром. Их заметки, как и заметки Назимова, Розен включил в свой очерк об Одоевском («мне не трудно было составить одно стянутое целое»,— пишет он)[457],— подлинные же их рукописи не сохранились. Как видно из письма Розена (от 11 сентября 1881 г.), о некоторых подробностях они рассказывали по-разному. Розен усиленно побуждал (в 1878 г.) Назимова написать воспоминания «о кавказских днях». Неясно, выполнил ли его желание Назимов, но какие-то заметки он посылал Розену, которые тот использовал в последнем издании своих «Записок».

Фонд кавказских мемуаров менее богат по сравнению с мемуарами, написанными в Сибири и отражающими сибирскую жизнь декабристов, причем наиболее слабо изображено пребывание декабристов на Кавказе в двадцатых—тридцатых годах. Этот период освещен лишь в мемуарах Гангеблова, М. И. Пущина и П. А. Бестужева. Но «Записки» последнего дошли

до нас лишь частично: сохранившаяся рукопись его «Памятных записок» имеет пометку: «Тетрадь вторая» [458]; первая — не найдена. Существовали «Записки» Е. Е. Лачинова, озаглавленные им «Моя исповедь» [459]. Отрывки этих «Записок», относящиеся ко времени взятия Карса и Эрзерума, были напечатаны в первых двух томах «Кавказского сборника». Один из них начинается следующими словами: «Давно я уже не принимался за мои „Записки", хотя писал слишком много, до усталости». Никаких сведений о содержании страниц, посвященных раннему периоду, нет; между тем они должны были бы представить исключительный интерес, так как Лачинов был прикосновенен к сокрытию «Русской правды». Именно он должен был впоследствии отрыть спрятанные документы, чтобы пустить их затем «по рукам для чтения» и доказать, «что это дело ⟨подготовка революции⟩ не мальчишек» (ВД, IV, 131).

В состав декабристских мемуаров должны быть включены и записки «прикосновенных» лиц, по преимуществу ранних деятелей Союза Благоденствия, не вошедших в новую тайную организацию и затем совершенно отошедших от участия в революционном движении. К таким деятелям принадлежал, например, лицейский товарищ Пушкина и Пущина, И. В. Малиновский, чей подробный и пространный дневник считался в течение долгого времени утерянным [460]. Ныне он находится в Рукописном отделе Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Сохранились отрывки дневника Улыбышева, имя которого уже нами называлось в настоящем обзоре. А. С. Гацисский сообщал, что записи в дневнике были «любимейшим занятием» Улыбышева, вплоть «до самых последних минут его жизни». Дневник этот видел друг и биограф автора Г. А. Ларош, который писал, что «по литературному и бытовому интересу дневник превосходит все, написанное Улыбышевым, как по-французски, так и по-русски» [461]. Ларош ничего не упоминает об историческом значении дневника Улыбышева и, видимо, едва ли знал о связях последнего с декабристами. Быть может, записи, относящиеся к годам «Зеленой лампы», были уничтожены их автором во время всеобщей паники, и ни Гацисский, ни Ларош их уже не видели.

В 1852 г. жандармский офицер по Пензенской губернии, Родивановский, доложил шефу жандармов, А. Ф. Орлову, об обнаруженных им «бумагах», оставшихся после смерти Г. А. Римского-Корсакова, бывшего члена Союза Благоденствия. В числе их были «собственноручные записки» Римского-Корсакова, из которых,— доносил жандарм,— «ясно видно его вредное направление». Кроме того, в тех же бумагах было обнаружено какое-то «воззвание к народу» [462]. Повидимому, это был какой-то, бережно хранившийся документ эпохи декабристов. Так как и «Записки» и «воззвание» были направлены в III Отделение, не потеряна надежда, что они когда-нибудь будут обнаружены.

В конце пятидесятых (или начале шестидесятых) годов написал мемуары Ф. П. Толстой — первый председатель коренного совета Союза Благоденствия, но часть, относящаяся к раннему (декабристскому) периоду его жизни, была уничтожена его женой. По рассказу его дочери, Е. Ф. Юнге, успевшей прочесть эти «Записки», в них автор подробно рассказывал о своем участии в Союзе Благоденствия (Юнге называет его «Обществом Зеленой книги»); они содержали также «подробное описание дня 14 декабря и характеристики ряда декабристов» [463].

Из этого сообщения вполне уясняется интерес и важность уничтоженного документа, который стал бы незаменимым источником для истории начальных лет декабризма. В частности, в этих же «Записках» находился и подробный рассказ Ф. П. Толстого о сожжении бумаг Союза Благоденствия. Из отрывков, которые сохранила память Юнге, явствует, что Толстой был и инициатором и выполнителем постановления о сожжении.

Но и дошедшие до нас мемуары не всегда сохранились в полном виде: в ряде случаев перед нами лишь поздние варианты, писавшиеся тогда, когда память их авторов уже утратила многие интереснейшие детали или когда значительно изменились общие воззрения авторов на сущность и значение излагаемых ими событий. Помимо окончательного текста «Записок» Завалишина, мы располагаем еще вариантами более ранней редакции, частично опубликованными, частично находящимися в рукописи,— уже в них легко можно проследить некоторую эволюцию в воззрениях их автора и внести коррективы в окончательный текст. Несомненно, большое значение имела бы самая первая редакция, составленная, по его утверждению, еще в Чите и тогда же уничтоженная[464], вероятно, по тем же причинам, по которым Пущин уничтожил черновую рукопись своего перевода.

Записки Горбачевского, дошедшие до нас, также являются второй редакцией. Первая была им уничтожена. «Лет, не знаю, сколько, но только много тому назад времени, я написал было порядочную тетрадь,— писал он в 1861 г. М. А. Бестужеву,— не ту, что ты видел, а другую; любопытная вещь была; многие, которым я давал читать, восхищались, дорого ее ценили» [465]. О причинах сожжения рукописи Горбачевский говорит очень путанно и невразумительно. Очевидно, он ее уничтожил, поддавшись общей панике, охватившей находившихся в восточной части Сибири декабристов после ареста Лунина, и не хотел сознаться в этом даже в письме к старому товарищу. О том, что эта рукопись была сожжена им именно в начале сороковых годов, свидетельствует и его сообщение об отзывах лиц, которые ее читали. Само собой разумеется, что в числе этих авторитетных читателей были поселенные вблизи декабристы: Оболенский или ближайший участник описываемых Горбачевским событий, Андреевич. Первый уже в 1841 г. был переведен в Западную Сибирь, а второй в 1840 г. умер.

Дошедшие до нас главы «Моих тюрем» М. А. Бестужева написаны им уже в 1869—1870 гг., во время пребывания в Москве; первоначальный их текст был написан в начале шестидесятых годов и уничтожен в момент обострившихся отношений с местным исправником, грозившим ему обыском в связи с появлением части его «Записок» в «Полярной звезде» Герцена [466]. «Записки» В. Ф. Раевского, так долго разыскивавшиеся исследователями, обнаружены в буквальном смысле лишь «на днях», но сопоставление их текста с теми отрывками, которые цитировал в статьях о Раевском П. Е. Щеголев, позволяет думать, что существовал (или где-то существует и в настоящее время) еще один вариант,— быть может, более полный,— этих «Записок» (см. том 60 настоящего издания, печатается).

«Записки» А. В. Поджио сохранились лишь в копии, сделанной его дочерью, В. А. Высоцкой. Подлинная рукопись находилась у его ученика и друга, известного общественного деятеля, доктора Н. А. Белоголового. В копии же допущен ряд купюр, сделанных из цензурных соображений. Последний редактор «Записок» Поджио писал: «Досадные многоточия, врывающиеся в текст, едва только он касается вопросов, особенно актуальных, так и останутся нерасшифрованными, ежели только не обнаружатся когда-либо подлинные тетрадки, в которые Александр Поджио заносил свои воспоминания»[467]. Наконец, из одного письма, цитируемого С. В. Максимовым, и из свидетельства Е. И. Якушкина можно сделать заключение, что существовали еще какие-то «Записки», имена авторов которых остаются неизвестными. Якушкин сообщал, что «двое или трое» человек уничтожили свои мемуары, узнав про арест Лунина [468]. Одним из них, вероятно, был Горбачевский, но имена других остаются невыясненными. Максимов приводит следующий отрывок из переписки

двух декабристов: «В 25 лет тюремной нашей жизни свет очень далеко подвинулся вперед, а мы остановились на одном месте. Ни по языку, ни по интересу изложения, ни по скудости фактов записки [одного из товарищей] не могут увлечь публику; а в теперешнюю эпоху одно увлечение и может играть роль. Тяжело, а должно было дать ему понять и приготовить его к неудаче. Кажется, он согласился, если не изменил своих мыслей» [469].

М. А. НАЗИМОВ
Портрет маслом неизвестного художника, 1840—1850-е гг.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

О ком идет речь, кому принадлежит данное письмо (начала 1850-х гг.) и кому оно адресовано, остается неизвестным. По всей вероятности, оно было сообщено Максимову теми из декабристов, с которым он наиболее сблизился во время своей поездки в Сибирь, то есть или М. А. Бестужевым или Д. И. Завалишиным. Этот отрывок неизвестного письма чрезвычайно важен, как свидетельство о существовании еще каких-то, ныне утраченных или временно затерянных, мемуаров, написанных в Сибири.

Приведенными выше материалами, конечно, не исчерпывается состав затерянных и утраченных произведений декабристов. В настоящий обзор не включены труды в области естественно-исторических и физико-

математических дисциплин[470]. Эта тема требует особого рассмотрения. Не охвачены полностью многочисленные и разнообразные переводы декабристов (переводы беллетристических произведений, исторических трудов, философских сочинений и проч.). Поскольку настоящая работа является первой попыткой историко-библиографического обзора утраченных произведений декабристов, естественно, она не может претендовать на исчерпывающую полноту.

Несомненно, ряд ценных дополнений будет обнаружен после соответственных разысканий отдельных исследователей в различных рукописных хранилищах и государственных архивах. Но уже и те материалы, которые мы привели здесь, образуют в своей совокупности впечатляющую картину великого труда ранних русских революционеров.

Перечень существовавших, но не дошедших до нас, произведений, созданных декабристами в области политики, науки и литературы, значительно расширяет наши представления о богатстве и разнообразии вклада, внесенного декабристским движением в национальную культуру страны. Вместе с тем воссозданный нами мартиролог декабристского наследия позволяет еще глубже раскрыть меру исторического преступления самодержавия, лишившего русский народ многих культурных ценностей выдающегося значения.

Ленинград. Январь 1952—июнь 1953 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В. Я. Богучарский. Из прошлого русского общества. СПб., 1904, стр. 101.
[2] Семевский, стр. 175—176, 299, 396, 399—408, 443, 485, 556—559 и др.
[3] Рылеев. Стих., стр. 556—568.
[4] С. С. Волк. Исторические воззрения декабристов. — «Вопросы истории», 1950, № 12, стр. 30.
[5] Нечкина. Грибоедов, стр. 61—63, 307—309, 530—536 и др.
[6] И. А. Кубасов. Одоевский, стр. 339—341; В. Г. Базанов. Декабристы-поэты. Л., 1949, стр. 175—176.
[7] С. С. Волк. Указ. соч.; Б. Б. Кафенгауз. Исторические взгляды декабристов. — «Известия Академии Наук СССР. Отд. истории и философии», 1951, № 1; А. Смирнов. К вопросу о мировоззрении декабристов. — «Известия Академии наук Белорусской ССР», 1951, № 3; М. К. Азадовский. Декабристская фольклористика.— «Вестник Ленинградского гос. университета», 1948, № 1; М. А. Штамбок. Декабристы и русская эстетика. — «Искусство», 1951, № 6.
[8] На несоблюдение этого правила жаловался М. И. Муравьев-Апостол в письме к брату Сергею (ВД, IX, 210—212); о том же говорил на следствии и Волконский (ЦГИА, ф. № 48, д. 399, л. 44).
[9] Дружинин, стр. 150.
[10] А. Титов. Декабрист А. М. Булатов.— «Русская старина», 1887, № 1, стр. 20.
[11] Лорер, стр. 82; Н. П. Павлов-Сильванский. Декабрист Пестель перед верховным судом. Ростов-на-Дону, 1906, стр. 22; так же полагал и Щеголев (П. Е. Щеголев. Русская правда. СПб., 1906, стр. IX).
[12] В. М. Базилевич. Декабрiст О. П. Юшневський. Спроба біографії. Київ, 1930, стр. 52.
[13] ЦГИА, ф. № 48, д. 400, л. 54 об.
[14] М. Н. Волконская. Записки. Биографический очерк и примечания П. Е. Щеголева. СПб., 1914, стр 54.
[15] ЦГИА, ф. № 48, д. 400, л. 54 об.
[16] А. А. Сиверс. Тайное общество военных друзей. — «Дела и дни», 1920, № 1, стр. 254.
[17] Нечкина. Грибоедов, стр. 492.
[18] Завалишин, стр. 235.— Завалишин говорит в данном случае о гр. Коновницыной, сумевшей за крупную взятку добиться изъятия компрометирующих бумаг. Сыновья Коновницыной не играли сколько-нибудь заметной роли в Тайном обществе, и, несомненно, Коновницына была озабочена изъятием бумаг из дела мужа ее дочери, М. М. Нарышкина, видного деятеля Северного общества.

[19] С. Н. Чернов. К истории архивного фонда декабристов. — «Архивное дело», 1926, № 2-3, стр. 111; пометка Дибича датирована: 25 ноября 1826 г.

[20] Дружинин, стр. 377—378.

[21] В. Е. Якушкин. К литературной и общественной истории 1820—1830 гг.— «Русская старина», 1888, № 10, стр. 149—168; С. Н. Чернов. Указ. статья.— «Архивное дело», 1926, № 2-3, стр. 110.

[22] «О минувшем». Историч. сборник. СПб., 1909, стр. 110; «Русская старина», 1901, № 9, стр. 639; «Девятнадцатый век», кн. 1. М., 1872, стр. 201.

[23] «Декабристы на поселении». М., 1929, стр. 130.

[24] Письма Е. И. Якушкина к его второй жене с воспоминаниями о матери и родных.— «Летописи», стр. 482.

[25] М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Пг., 1922, стр. 27.

[26] См. сообщение Л. Н. Пушкарева в т. 60 «Лит. наследства»; А. П. Кослованов. Новые страницы из жизни минусинских декабристов. — «Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартьянова», т. III, вып. 2. Минусинск, 1925, стр. 76; Б. Г. Кубалов. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1926, стр. 205 (в дальнейшем сокращенно — Кубалов). О гибели бумаг Митькова сообщено нам в 1926 г. известной красноярской фольклористкой М. В. Красноженовой.

О существовании «Записок» Якубовича стало известно еще в 1901 г. из заметки в красноярской газете «Енисей», позже перепечатанной газетой «Россия» (1901 г., № 870). Автор заметки сообщал, что Якубович перед смертью передал «Записки» своему бывшему ученику, врачу и местному общественному деятелю (в Красноярске), Павлу Марковичу Прейну. Во время большого красноярского пожара погибло все имущество и вся библиотека Прейна, но рукопись Якубовича удалось спасти. «К несчастью,— пишет автор заметки,— Прейн, будучи в Петербурге, по настоянию золотопромышленника Асташева, записки Якубовича передал ему». Долго ли находились записки у Асташева и были ли они у его наследников—неизвестно. Асташевы жили в Томске,— между тем последние известия об этой рукописи ведут снова к Красноярску. По сведениям, имевшимся в распоряжении Иркутской комиссии по организации юбилея декабристов (1925), эти записки находились во владении вдовы директора Красноярской гимназии Логарь (дочери доктора Прейна) и уничтожены ею во время колчаковского террора.

[27] А. В. Адрианов. Старый Томск. М., 1912, стр. 34.

[28] Г. Н. Потанин. Г. С. Батеньков.— «Сибирские огни», 1924, № 2.

[29] Сообщено студенткой Иркутского университета, М. А. Первунинской.

[30] Факты такого рода общеизвестны и не раз приводились в различных источниках. Напомню в качестве иллюстрации эпизод, касающийся бумаг М. И. Глинки, оставшийся неучтенным в литературе последних лет: А. А. Фомин сообщал, что в одном из имений Смоленской губ. ему пришлось видеть «в барском доме кухню, всю выклеенную нотами и письмами М. И. Глинки. Все было уже так закопчено, что ничего нельзя было спасти» («Русская мысль», 1906, № 4, стр. 14).

[31] По сообщению М. К. Грибовского, в 1818 г. среди членов Союза Благоденствия усиленно обсуждался вопрос об организации собственной типографии, которую предполагалось устроить «в одной из отдаленных деревень» кого-либо из членов Общества; шрифт предполагалось выписать из-за границы. Особенно деятельное участие в обсуждении этих проектов принимали, по словам Грибовского, Ф. Н. Глинка и Н. И. Тургенев. Они предлагали организовать печатание в Париже, особенно же «литографировать карикатуры», чтобы затем «распускать в народе на толкучем рынке, рассылать в армии и по губерниям» («Декабристы», 1926, стр. 113).

В 1819 г. Луниным был приобретен литографский станок (ВД, I, 42—43: показание Трубецкого). Первоначально Лунин заявил, что станок был приобретен им для собственных нужд, так как он (Лунин) «имел в то время большую корреспонденцию» касательно его имения (ВД, III, 121), но затем признался, что станок был куплен, «чтобы литографировать разные уставы и сочинения Тайного общества и не иметь труда или опасности оные переписывать» (там же, 123). Хранился он у Трубецкого; далее Лунин уверял, что станок оказался непригодным для предназначенной цели, было сделано всего «две или три пробы». Трубецкой же совершенно отрицал какое-либо использование станка для нужд Тайного общества (ВД, I, 43).

Показания Лунина и Трубецкого явно неправильны и опровергаются имеющимися в нашем распоряжении сведениями о декабристских литографированных изданиях, но купленный станок, действительно, не мог обеспечить потребностей революционной организации, и в продолжение пяти последних (перед восстанием) лет неоднократно возникали проекты организации нелегальной типографии. Этот вопрос был поставлен на Московском съезде 1821 г. Орловым; этот план организации нелегальной типографии упомянут и в доносе Грибовского. Барятинский в 1825 г. принял в члены Тайного общества гр. В. А. Бобринского, который обещал внести 10 000 руб. на организацию такой типографии за границей; в обсуждении этого плана приняли участие В. С. Толстой, Ф. Ф. Вадковский, А. П. Барятинский, З. Г. Чернышев; совещание происходило в имении последнего. Вадковский настаивал на организации типографии не «в чужих краях», а, как показывал он на следствии, «в деревне,

у кого-либо из членов, поручив сей труд какому-либо другому члену, который бы для меньшего подозрения мог жить в сей деревне в виде управляющего или приказчика» (ЦГИА, ф. № 48, д. 405, л. 21). Свой план он подробно развил в письме к Пестелю, которое отправил через Шервуда, вследствие чего оно и попало в руки правительства (полностью опубликовано: «Каторга и ссылка», 1929, № 2, стр. 84—92).

Существовало предание, что в типографии Н. И. Греча набирались революционные прокламации декабристов и будто бы Греч, опасаясь разоблачений, организовал убийство производившего набор «фактора типографии». Этот слух нашел отражение и в очерке Герцена «О развитии революционных идей в России» (Герцен, т. VI, стр. 365).

По другой версии, усиленно распространявшейся в реакционных кругах, фактора будто бы убили сами декабристы. Этот слух распространял, между прочим, А. Е. Измайлов, ссылавшийся в письме к Н. И. Шредеру даже на заявление Оболенского, якобы сделанное им Следственной комиссии (см. Базанов, стр. 273). Отголосок этих слухов нашел отражение в заметках Ипполита Павлова (сына Каролины Павловой), напечатанных после его смерти под заглавием: «Где печатались прокламации декабристов?» («Русское обозрение», 1896, № 4, стр. 897).

Базановым опубликован интересный документ — «Записка о насильственной смерти в 1821 году фактора типографии Греча, Е. Фридриха» («Вероятно, он убит теми, кои могли ему давать печатать зловредные бумаги и потом убили, чтобы скрыть тайну».—Базанов, стр. 72). Находится эта записка в ЦГВИА, ВУА, л. 240. Базанов не вполне точно цитирует этот документ; он не упоминает, что Е. Фридрих назван в этом донесении «графом»; кроме того, чрезвычайно любопытно, что рапорт анонимного доносчика, в котором находится данное сообщение, озаглавлен «Записка об обществе гетеристов». Не приводит Базанов и даты этого документа, помещением же его среди различных фактов, относящихся к первой половине двадцатых годов, невольно внушает читателю представление, что к этому же времени относится и это сообщение осведомителя; в действительности, оно относится к 1826 г., то есть к тому же времени, что и упомянутое письмо Измайлова. Сопоставление названных двух документов дает возможность проследить и установить возникновение этой версии. Из письма Измайлова выясняется, что Е. Фридрих располагал большими деньгами (более 20 000 р.) и собирался возвращаться в Германию, но накануне отъезда был убит неизвестными лицами,— конечно, с целью грабежа. В декабрьские же дни 1825 г. появилась созданная в реакционных кругах версия о причастности к этому делу декабристов, распространявшаяся с целью дискредитировать вождей революционного движения. Бессмысленность ее совершенно очевидна; нет никаких известий о печатных изданиях декабристов 1820—1821 гг.; не поднимался этот вопрос и во время следствия, в частности нет никаких упоминаний об этом и в деле Оболенского. Все сообщения о прокламациях или каких-либо других произведениях декабристов, печатавшихся в типографии Греча, должно считать легендарными вымыслами.

[32] Довнар-Запольский. Тайное общество, стр. 59. О существовании переписки по делам Тайного общества упоминал в своем показании А. Н. Муравьев (ВД, III, 26).

[33] «Декабристы», 1926, стр. 109—116.

[34] Н. Поливанов. Василий Сергеевич Норов. — «Русский архив», 1900, № 2, стр. 273—304; «Декабристы Дмитровского уезда». Дмитров, 1925, стр. 26—82.

[35] М. В. Нечкина. Священная артель. Кружок Александра Муравьева и Ивана Бурцова 1814—1817 гг.— «Декабристы и их время», 1951, стр. 188; см. также рецензию на данный сборник И. В. Пороха.—«Советская книга», 1951, № 12, стр. 70.

[36] Н. Н. Муравьев-Карский. Записки.— «Русский архив», 1885, № 9, стр. 26 (курсив наш).

[37] Т. Г. Снытко установил на основании архивных материалов существование революционной организации в конце XVIII в. — кружок «смоленских якобинцев», которым руководил А. М. Каховский (дядя декабриста): Т. Г. Снытко. Новые материалы по истории общественного движения конца XVIII века.— «Вопросы истории», 1952, № 9, стр. 111—122).

Автор называет А. М. Каховского и его единомышленников предшественниками декабристов и видит в смоленской организации промежуточное звено между общественным движением XVIII в. и декабристами. Однако до более подробного выяснения идеологических позиций кружка (что будет возможно лишь в случае дополнительных архивных находок) трудно с достаточной уверенностью говорить о месте его в русском общественном движении. Как можно судить по опубликованным материалам, кружок ставил своей целью устранение любым путем (вплоть до убийства) Павла I и конституционное ограничение самодержавной власти. Вопросы широкой и всесторонней политической реорганизации государства, что характерно для декабристов, видимо, не входили в планы кружка; нет никаких материалов и для суждения об отношении членов смоленской организации к крепостному праву. Поэтому говорить о смоленских якобинцах как предшественниках декабристов едва ли возможно, скорее в них следует видеть завершителей дворянской оппозиции XVIII в. Члены

кружка составляли и распространяли карикатуры, стихи, песни и, видимо, памфлеты, названные в следственном деле «дерзновенными изречениями»; составляли они также и конституционные проекты,— все это утрачено.

[38] М. В. Нечкина. Священная артель. — «Декабристы и их время», 1951, стр. 155—188.— К числу членов «артели» Нечкина относит и поэта А. И. Мещевского. Недавно обнаруженные архивные документы о Мещевском опровергают данную гипотезу (см. сообщение Н. А. Роскиной в «Лит. наследстве», т. 60; печатается).

[39] С. П. Шипов. Из воспоминаний.— «Русский архив», 1874, № 6, стр. 164.

[40] Н. Н. Муравьев-Карский. Записки. — «Русский архив», 1886, № 4, стр. 448—449.

[41] М. В. Нечкина. Указ. статья, стр. 177—178.

[42] Н. Тургенев, стр. 168; Семевский, стр. 407.

[43] Довнар-Запольский. Мемуары, стр. 25.

[44] Семевский, стр. 409. Базанов установил, что этот донос принадлежал также М. К. Грибовскому, автору известного доноса 1821 г. о тайных обществах (см. цитируемую в следующем примечании статью Лотмана, стр. 136).

[45] Ю. М. Лотман. «Краткие наставления русским рыцарям» М. А. Дмитриева-Мамонова.— «Вестник Ленинградского университета», 1949, № 7, стр. 133—148.

[46] Семевский, стр. 399, 401. Дмитриев-Мамонов так писал Орлову об этом посвящении: «Посвящение — только записка, которую я написал вам, но я чувствовал, что неприметно я гарцовал на Пегасе и чтобы не посылать вам вздутых фраз на дурном французском языке в форме любовного письма, я храбро решился напечатать французское. Всего 25 экземпляров и дурной французский язык избавляют меня от искушения напечатать на хорошем русском (там же, стр. 401).

[47] Там же, стр. 400. — Дмитриев-Мамонов убедил цензоров, что данная рукопись — перевод, сделанный тридцать лет назад. Окончательную судьбу издания решило, как сообщает он в том же письме, «вмешательство Всеволожского». Это указание позволяет определить и место напечатания. По разъяснению Семевского, Н. С. Всеволожский был в это время вице-президентом московского отделения Медико-хирургической академии, при которой учредил превосходную типографию. Таким образом, устанавливается, что данная брошюра была напечатана в Москве, в типографии Медико-хирургической академии (Семевский, стр. 400).

[48] Семевский, стр. 399, 400, 402, 406.

[49] «Архив Тургеневых», вып. 5, стр. 41—42; Письма Н. Тургенева, стр. 47.— В дневнике Тургенева записано: «Был у В. И. и прочел ему вчера написанное. Ему нравится; мне также, но не так, как вчера. Сегодня сообщил первую главу К. Б.» (там же, стр. 42). «В. И.» — по мнению А. Н. Шебунина —В. П. Ивашев (впоследствии декабрист); эта догадка представляется нам сомнительной; «К. Б.» — по вероятной догадке В. И. Семевского,— князь Баратаев.

[50] Щеголев. Декабристы, стр. 30; см. также нашу публикацию «Воспоминания» В. Ф. Раевского в т. 60 настоящего издания (печатается).

[51] Ю. Г. Оксман, отвергая возможность отождествления «Воззвания к сынам севера» с книжкой М. А. Дмитриева-Мамонова «Краткие наставления русскому рыцарю», полагает, что нелегальная брошюра, уничтоженная В. Ф. Раевским в 1822 г., являлась отлитографированным весною 1821 г. обращением Н. М. Муравьева к бывшим членам Союза Благоденствия, содержавшим в себе изложение основных задач, стоявших перед членами реорганизуемого Тайного общества. Именно об этом воззвании, как полагает исследователь, шла речь в объяснительных записках П. П. Лопухина (Дружинин, стр. 120) и Н. И. Тургенева («Красный архив», № 13, 1925, стр 90). Воззвание Н. М. Муравьева до нас не дошло, но на содержание этого директивного документа, как доказывает Ю. Г. Оксман, проливают свет записки И. Д. Якушкина о периоде 1821—1822 гг. в истории тайных декабристских организаций (Тезисы доклада Ю. Г. Оксмана о «Воззвании к сынам севера», сделанного на кафедре русской литературы Саратовского гос. университета 14 декабря 1949 г.).

[52] М. В. Нечкина. Союз Спасения.— «Исторические записки», т. 23, 1947, стр. 137, 165—167.

[53] Трубецкой, стр. 12—13.

[54] Якушкин, стр. 14. — К этому же разделу относится, несомненно, и пункт об обязанностях членов Общества содействовать «устранению иноземцев от влияния в государстве».

[55] Трубецкой, стр. 13.

[56] Якушкин, стр. 14.— Наиболее подробную сводку сведений о Военном обществе сделал Ю. Г. Оксман в статье «Катенин и Пушкин».—«Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 623—624, 631—632.

[57] М. В. Нечкина. Союз Спасения, стр. 136; ЦГИА, ф. № 48, оп. 1, д. 248, л. 2: «Дело по письмам флигель-адъютантов полковников Перовского, Кавелина и камергера Перовского о том, что они принадлежали к Обществу просвещения и благотворения».

[58] Н. Ф. Лавров. Диктатор 14 декабря.— «Бунт декабристов», стр. 155—156.— Недовольство старым уставом проявляли все группировки, но инициатором его пересмотра стала группа правых членов: преимущественно, М. Н. Муравьев, П. П. Лопухин, бр. Колошины; образцом для них явился устав Tugendbund'a, с которым познакомил членов Союза Благоденствия П. П. Лопухин (ВД, I, 306). Ярым пропагандистом устава Tugendbund'a был И. А. Долгорукий. По настоянию Лопухина и Долгорукого, Петр Колошин перевел в 1818 г. этот устав на русский язык, сотрудником его был Михаил Муравьев. Текст перевода Колошина и Муравьева не сохранился.

Об участии М. Н. Муравьева в Союзе Благоденствия сообщил декабрист А. Е. Розен в статье: «Михаил Николаевич Муравьев и его участие в Тайном обществе. 1816—1821».— «Русская старина», 1884, № 1, стр. 61—70; это же обстоятельство подтверждено биографом М. Н. Муравьева на основании семейных рассказов (Д. И. Кропотов. Жизнь гр. М. Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его гродненским губернатором. СПб., 1874, стр. 216.— В дальнейшем сокращенно — Кропотов).

[59] Кропотов, стр. 215, 219.

[60] Н. Тургенев, стр. 74.

[61] С. Н. Чернов. Из работ над «Зеленою книгою».— «Декабристы и их время», II, стр. 56.

[62] ЦГИА, ф. № 48, д. 398, л. 51.

[63] С. Н. Чернов. Указ. соч., стр. 51.

[64] Следственная комиссия не сумела разобраться в вопросе о существовании второй части «Зеленой книги». «Донесение Следственной комиссии» содержит по этому вопросу прямые противоречия: на стр. 15 автор утверждал, что некоторые управы получали «список второй части Устава», а несколько ниже заявляет, что «вторая часть не была сочинена или, по крайней мере, не была одобрена Коренным советом» (стр. 15—16).

[65] С. Н. Чернову в момент его работы не было еще известно показание М. И. Муравьева-Апостола; но он не обратил внимания и на сообщение С. Н. Муравьева, брата А. Н. и М. Н. Муравьевых (приводимое в книге Кропотова, стр. 219), который вполне определенно называл в числе авторов второй части «Зеленой книги» Никиту и Александра Муравьевых.

[66] Довнар-Запольский. Тайное общество, стр. 38.

[67] Довнар-Запольский. Мемуары, стр. 201.

[68] Семевский, стр. 443.— Копия этих «правил» находилась у С. И. Муравьева-Апостола, о чем сообщил в своем рапорте управляющему Министерством внутренних дел генерал-губернатор Малороссии, Н. Г. Репнин (ЦГИА, ф. № 48, д. 20: о возмущении Черниговского полка, л. 120); в рапорте они названы: «Копия правил о составлении управ и вольных обществ».

[69] Этот эпизод наиболее подробно освещен в статье С. Н. Чернова «К истории политических столкновений на московском съезде 1821 г.» — «Ученые записки Саратовского гос. университета», т. IV, 1925, стр. 340 и сл. Чернов считает позицию Орлова на съезде совершенно искренней и честной; его уход из Союза Благоденствия он объясняет несогласием с примирительной и половинчатой политикой Общества. Очень близка к выводам Чернова точка зрения Н. А. Рожкова, который полагает, что смысл речи Орлова сводился к указанию, что «Тайное общество без серьезных революционных целей и средств, вроде подпольной типографии, и пр. не имеет смысла» (Н. А. Рожков. Декабристы.— «Русское прошлое», 1923, кн. 1, стр. 23—24). Позиция Чернова вызвала возражения со стороны А. Е. Преснякова («Былое», 1926, № 1, стр. 149) и С. Б. Окуня («История СССР». Л., 1947, стр. 394—396). В исторической литературе высказывались суждения о недостоверности рассказа Якушкина, который, якобы, в данном случае воспроизвел без достаточных оснований сообщение Грибовского. Чернов весьма убедительно опроверг такого рода утверждения: к его аргументам следует присоединить еще упущенное им показание Майбороды, который также слышал о каких-то «решительных мерах», предложенных Орловым (ВД, IV, 24), хотя он явно путает время и место этих предложений, считая, что они были сделаны в Тульчине. Совершенно снимает вопрос о недостоверности рассказа Якушкина неопубликованное показание Давыдова, сделанное им со слов С. Г. Волконского — ближайшего друга и родственника (по жене) Орлова: «Орлов нарочно делал такие нелепые предложения, что никто их не принял; а что он сим воспользовавшись и отказался от участия в Обществе» (ЦГИА, ф. № 48, д. 400, л. 34 об.). В комментариях к новому изданию «Записок» Якушкина данный эпизод не нашел освещения; странным образом не упомянуты в них и статьи Чернова, посвященные анализу «Записок» Якушкина, в частности — Московскому съезду 1821 г.

[70] Якушкин, стр. 43.

[71] Н. Тургенев, стр. 88.

[72] А. Н. Шебунин. Н. Тургенев в Тайном обществе декабристов.— «Декабристы и их время», I, стр. 138.

[73] Якушкин, стр. 45.— О четырех экземплярах говорит Якушкин и в своих показаниях (ВД, III, 57).

[74] «Декабристы и их время», I, стр. 136; II, стр. 56.
[75] Довнар-Запольский. Мемуары, стр. 33.
[76] Якушкин, стр. 44—45.
[77] Н. Ф. Бельчиков. Записка Н. И. Тургенева.— «Красный архив», № 13, 1925, стр. 90.
[78] «Декабристы и их время», I, стр. 141.
[79] К. Д. Аксенов. Северное общество декабристов. Л., 1951, стр. 106 (в дальнейшем сокращенно— Аксенов).— Показание Лопухина не опубликовано; впервые оно приведено в книге: Дружинин, стр. 120.
[80] Рылеев. Стих., стр. XXIII; Базанов, стр. 125.
[81] С. Н. Чернов. Несколько справок о Союзе Благоденствия. — «Ученые записки Саратовского гос. университета», т. II, вып. 3, 1924, стр. 46; Аксенов, стр. 81—96. См. возражения И. А. Федосова («Советская книга», 1951, № 12, стр. 66—67); непонятно только, почему рецензент утверждает, что история «Общества» Ф. Н. Глинки и Г. А. Переца впервые освещена Аксеновым; этому вопросу посвящен ряд работ (В. Н. Перетца, Я. Д. Баума, А. Н. Шебунина, С. Н. Чернова, В. Г. Базанова; в исследовании последнего о «Вольном обществе» «Обществу» Глинки-Переца посвящена специальная глава — стр. 27—60).
[82] П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина. Л., 1931, стр. 34, 62; Базанов, стр. 34.
[83] Базанов, стр. 44; Аксенов, стр. 92—94.— Базанов именует эту организацию: Общество «Хейрут», что совершенно неправильно. Древнееврейское слово «хейрут» (свобода) играло роль своеобразного пароля при сношениях членов Общества, но ни в коем случае не являлось и не могло явиться по ряду причин названием организации. Семенов показывал на следствии: «Древнееврейское слово „хейрут", свободу означающее, было условным знаком для узнания друг друга в случае нужды» (ЦГИА, ф. № 48, д. 82, л. 64); аналогичное показание дал и Ф. Н. Глинка: «Слово „хейрут" было принято знаком» (там же, л. 28).
[84] Эти «записки» выходили из различных общественных кругов; известно, например, о поданной в 1823 г. Александру I «записке» купца Щегорина («Граф Аракчеев и военные поселения 1809—1831». СПб., 1871, стр. 192).
[85] Записка Т. Е. Бока.— «Декабристы и их время», 1951, стр. 189—203.
[86] Якушкин, стр. 38; Н. Тургенев, стр. 63; М. О. Гершензон. История молодой России. М.— Пг., 1923, стр. 12; Довнар-Запольский. Мемуары, стр. 3—4; Семевский, стр. 395—397.— Показания М. Ф. Орлова несколько расходятся со свидетельствами других мемуаристов.
[87] Волконский, стр. 407—408.
[88] Семевский, стр. 393—395.
[89] Якушкин, стр. 35.
[90] «Общественные движения», стр. 290.
[91] ЦГИА, ф. № 48, д. 105, л. 4; см. в настоящем томе, стр. 179.
[92] «Вопросы истории», 1950, № 12, стр. 132.
[93] Довнар-Запольский. Мемуары, стр. 148.
[94] ЦГИА, ф. № 48, д. 361, л. 32 об.
[95] «Архив Тургеневых», вып. 5, стр. 300. См. также письмо Н. И. Тургенева к кн. Козловскому: «Пишу в Совете журналы, в которых иногда представляется случай вклеить несколько мыслей или правил, пойманных на геттингенских лекциях» (там же, стр. 163). Записки Н. И. Тургенева были вывезены А. И. Тургеневым за границу («Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу». Лейпциг, 1872, стр. 3) и хранились в их семейном архиве.

У Тургенева приведено известие о случае, имевшем место в 1821 г.: однажды во дворце была найдена бумага, «в которой какой-то шутник забавлялся, перечисляя все причины недовольства русского народа правительством и угрожая императору народным гневом; она произвела на императора большое впечатление» (Н. Тургенев, стр. 85—86). Если слух, переданный Тургеневым, вполне верен, то все же остается неясным, было ли это, действительно, только выходкой какого-то «шутника» или этот эпизод имел более серьезное основание.

[96] Семевский, стр. 251—252.— Интересные подробности сообщает в своем показании Ф. Н. Глинка: «При самом открытии греческого дела, то есть при первом шаге Ипсилантия за р. Прут, если еще не прежде, что было в самом начале 1821 г., граф Витгенштейн послал полковника Павла Пестеля *переодетым* в Молдавию и Буковину для собрания подробнейших сведений (от молдавских и волохских бояр и пр.) об известном греческом тайном обществе под названием Элевферии» (ЦГИА, ф. № 48, д. 82, л. 60). Пестель, по словам Глинки, побывал в Германштадте и в Яссах и затем представил специальную «меморию»: «Мемориал о греческом тайном обществе». «Сие,— добавляет Глинка,— я узнал в то время от его отца при встрече с ним» (там же).
[97] А. К. Бороздин. Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906; Довнар-Запольский. Мемуары; «А. Д. Боровков и его автобиографические записки» Сообщил А. Н. Боровков.— «Русская старина», 1898, № 12, стр. 591—616.

[98] Бестужевы, стр. 259.— Записка Торсона о флоте хранится в Центральном государственном архиве военно-морского флота в Ленинграде. Там же ныне обнаружен и его «Проект о новом вооружении кораблей» (Г. Е. Павлова. Декабрист Н. А. Бестужев. Мировоззрение и общественно-политическая деятельность. Диссертация на степень кандидата исторических наук. Л., 1952. Машинопись).

[99] «Из бумаг С. Д. Нечаева». — «Русский архив», 1893, № 5, стр. 147.

[100] Н. Тургенев, стр. 126—127.

[101] «Записки Ф. Ф. Вигеля», ч. V. М., 1892, стр. 51—52.— Иначе интерпретировал речь Орлова опирающийся на показания современников Кропотов: «Он ⟨Орлов⟩ в скрытой и мягкой форме» выразил желание «обратить деятельность своих сочленов к занятиям, более достойным просвещенных людей» (Кропотов, стр. 189).

[102] «Арзамас и арзамасские протоколы». Вводная статья, ред. протоколов и прим. к ним М. С. Боровковой-Майковой. Л., 1933, стр. 206—210 (в дальнейшем сокращенно — Боровкова-Майкова).

[103] «История русской литературы», т. V. Л., изд. Ин-та русской литературы АН СССР, 1941, стр. 336.

[104] Боровкова-Майкова, стр. 223, 234.

[105] «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1887 год». СПб., 1893, прилож., стр. 82—83.

[106] Боровкова-Майкова, стр. 71—72.

[107] «Письма Н. Тургенева», стр. 233, 485.

[108] «Архив Тургеневых», вып. 5, стр. 46—51.

[109] «Письма Н. Тургенева», стр 239.

[110] О напряженном интересе к проекту Тургенева со стороны прогрессивных кругов русского общества свидетельствует письмо Вяземского, который в марте 1819 г. запрашивал из Варшавы А. И. Тургенева: «Что делает журнал Николая Ивановича — голубь спасения, вестник берега свободы» («Ост. архив», т. I, стр. 207). Составленный А. И. Тургеневым «Проспектус» Общества напечатан в «Архиве Тургеневых» (вып. 5, стр. 369 —372): «Мысли о составлении Общества под названием...» (о работе над проектом — там же. стр. 181, 183, 185).

[111] О «Журнальном обществе» Н. И. Тургенева существует довольно значительная литература. Главнейшее: А. А. Фомин. К истории вопроса о развитии в России общественных идей в начале XIX века.— «Русский библиофил», 1914, № 5, стр. 8 — 52; № 7, стр. 5 — 28; Е. И. Тарасов. Декабрист Н. И. Тургенев.— «Ученые известия Самарского университета», вып. 1, 1918, стр. 274—278; из мемуарной литературы: Пущин, стр. 116—117.

[112] Пущин, стр. 116. — А. И. Тургенев писал И. И. Дмитриеву, который очень интересовался журналом, что «уже много статей заготовлено, но сотрудники его ⟨Ник. Тургенева⟩ весьма зелены, исключая молодого Муравьева, который подает большие надежды».— «Русский архив», 1871, стб. 647. О статьях Никиты Муравьева упоминает и Н. И. Тургенев («Архив Тургеневых», вып. 5, стр. 191).

[113] «Письма Н. Тургенева», стр. 301.— Проект Орлова возбудил большой интерес в прогрессивных кругах русского общества. Вяземский усиленно просил прислать его в Москву («Архив Тургеневых», вып. 6, стр. 11).

[114] «Общественные движения», стр. 187; Б. Л. Модзалевский. В. П. Зубков и его «Записки».— «Пушкин и его современники», вып. IV, 1906, стр. 92, 137, 138.— В исследовательской литературе первое упоминание об этом Обществе было сделано еще в 1869 г. М. И. Семевским (в статье о Н. А. Бестужеве), который ставил его в один ряд с «Зеленой лампой». Оба эти Общества «составились,— писал он,— хотя и отдельно от Союза Благоденствия, но прямо под влиянием духа и направления этого Общества и в среде своей имели весьма много членов этого Союза» (М. ⟨Семевский.⟩ Николай Александрович Бестужев. Биографический очерк.— «Заря», 1869, № 7, стр. 53). Необходимо отметить, что это ясное указание Семевского было совершенно забыто и не учитывалось позднейшими исследователями. В исторической и историко-литературной науке получила распространение версия П. В. Анненкова и П. И. Бартенева об оргиастическом характере «Зеленой лампы»; эту версию принимал и поддерживал в своих ранних работах и Б. Л. Модзалевский (см., например, его очерк: «Я. Н. Толстой».— «Русская старина», 1899, №№ 9 — 10), и только статьей П. Е. Щеголева «Зеленая лампа» («Пушкин и его современники», вып. VII, 1908, стр. 19—50) был положен конец дальнейшему распространению этой клеветнической легенды.

[115] А. Г. Грум-Гржимайло. «Общество громкого смеха» (рукопись).

[116] О судьбе экземпляра, находившегося на юге, нет никаких сведений.

[117] Очень вероятно, что список этот был сожжен А. В. Никитенко.

А. В. Никитенко был очень тесно связан с декабристами. Он был освобожден от крепостной неволи, главным образом, вследствие энергичного воздействия на его владельца (гр. Шереметева) со стороны Рылеева, Оболенского и А. М. Муравьева. В 1825 г. он жил в доме Е. П. Оболенского в качестве воспитателя младшего брата последнего. В какой-то мере он был осведомлен о готовящемся восстании. Дочь его впоследствии,— несомненно, на основании рассказов самого Никитенки,— так писала

об этом периоде его жизни: «...покровители и друзья, правда, щадили его юность и неопытность, а, может быть, и не доверяли его зрелости и потому не посвящали его в тайну замышляемого ими государственного переворота. Тем не менее, когда разразился удар, он не мог не отразиться косвенно и на Никитенке: будет или нет доказано, что он ни словом, ни делом не причастен к заговору, а пока против него был факт сожительства с одним из соучастников в нем и частого общения с другими» (А. В. Никитенко. Моя повесть о самом себе, т. I. СПб., 1904, стр. 131). Уже из этих осторожных и явно многое не договаривающих слов ясно, что связи Никитенки с декабристами были гораздо значительнее, чем стремится уверить его дочь. Сам Никитенко очень опасался тяжелых для себя последствий. 1 января 1826 г. он записал в дневнике: «Будущее представлялось мне в мрачном, безнадежном виде» (там же, стр. 132). 7 января 1826 г., по приглашению дворецкого Е. П. Оболенского, он пришел, чтоб помочь «разобрать оставшиеся у него на руках книги его господина» (там же, стр. 141). Он так описывает это посещение: «С горьким, щемящим чувством вошел я в комнаты, где прошло столько замечательных месяцев моей жизни и где разразился удар, чуть не уничтоживший меня в прах...». И далее: «...в печальных комнатах царила могильная тишина: в них пахло гнилью и унынием. Что стало с еще недавно кипевшею здесь жизнью? Где отважные умы, задумавшие идти наперекор судьбе и одним махом решать вековые задачи» (там же). Эта запись явно свидетельствует о значительной осведомленности Никитенки о замыслах Оболенского и его друзей, недаром свой дневник за 1825 г. Никитенко уничтожил.

[118] Дружинин, стр. 205, 228—229.

[119] Формально «самым поздним» является «тюремный вариант», но в данном случае разумеются те редакции, которые были известны членам Тайного общества и ими обсуждались.

[120] ЦГИА, ф. № 48, д. 400, л. 54 об.

[121] «Красный архив», № 13, 1925, стр. 281.

[122] Л. А. Медведская-Басова. С. И. Муравьев-Апостол и Васильковская управа Южного общества. Диссертация на степень кандидата исторических наук. М., 1949. Машинопись, стр. 82.

[123] См. прим. 19.

[124] Дружинин, стр. 129.

[125] ЦГИА, ф. № 48, д. 399, лл. 97 — 98.

[126] Там же, д. 404, л. 66 об. — О получении им рукописи Повало-Швейковский показал так: «Пестель ко мне заходил и вручил мне написанную им Русскую правду».

[127] Волконский, стр. 422.

[128] Показание П. С. Бобрищева-Пушкина напечатано в приложении к статье С. Н. Чернова «Поиски „Русской правды" П. И. Пестеля».— «Известия Академии Наук СССР. Отделение общественных наук», 1935, № 7, стр. 699—703.

[129] Довнар-Запольский. Тайное общество, стр. 220—221.

[130] Аксенов, стр. 170.

[131] Довнар-Запольский. Тайное общество, стр. 90.

[132] Волконский, стр. 419, 427.

[133] ЦГИА, ф. № 48, д. 399, л. 69.

[134] Там же, д. 400, л. 78 об.

[135] Там же, д. 405, л. 23.

[136] Там же, д. 398, л. 44 об.

[137] Там же.

[138] Там же, д. 143, л. 16 об.

[139] «Каторга и ссылка», 1929, № 2, стр. 84—92; ЦГИА, ф. № 48, д. 405, л. 23.

[140] «Каторга и ссылка», 1929, № 2, стр. 87.

[141] ЦГИА, ф. № 48, д. 398, л. 18 об.; показание Барятинского: там же, д. 401, л. 45 об.

[142] Там же, д. 414, л. 17.

[143] Там же, д. 399, лл. 48 об.—52 об.

[144] Там же, д. 400, л. 38. Позже и сам Волконский, после многолетнего совместного пребывания в рудниках и казематах с Якубовичем, убедился, что «рассказ ‹Якубовича› был не основан на фактах, а просто был ‹...› эпопея, сродни его умственному направлению» (Волконский, стр. 416).

[145] Там же, д. 399, лл. 48 об.—49.—Якубович «составил карту объяснений на одном листе Кавказского и Закубанского края» и сделал «краткую ведомость о всех народах, в оном крае обитающих» (л. 49).

[146] Дружинин, стр. 133—134. — О письме Никиты Муравьева к Пестелю 1823 г.— см. стр. 651.

[147] ЦГИА, ф. № 48, д. 400, л. 75.

[148] Довнар-Запольский. Мемуары, стр. 200—201 (показание Поджио).— Это выражение целиком процитировано в «Донесении» (стр. 36—37).

[149] Довнар-Запольский. Мемуары, стр. 200.

[150] ЦГИА, ф. № 48, д. 399, л. 112 об.

[151] Письмо не опубликовано (ЦГИА, ф. № 48, д. 406, л. 30); настоящий отрывок приведен в указ. диссертации Л. А. Медведской-Басовой, стр. 204.

[152] ЦГИА, ф. № 48, д. 399, л. 99 об. — По утверждению Пестеля, Оболенский писал ему через Волконского, что «они действуют на нижних чинов, особенно же на унтер-офицеров» (д. 399, л. 108). Но Оболенский категорически отверг это показание, ссылаясь на Трубецкого, с которым было согласовано данное письмо (ВД, I, 257). Нет оснований полагать, что показание Волконского было ложным, но он мог перепутать содержание известных ему писем Оболенского к Пестелю и Поджио; сообщение Оболенского о воздействии на «нижних чинов», очевидно, находилось в письме не к Пестелю, а к Поджио.

[153] Лорер и Нарышкин были очень близки между собой; Нарышкин и принял Лорера в Тайное общество. Вероятно, у Нарышкина были захвачены ответственные письма южан, которые и сумела изъять из следственного дела графиня Коновницына (см. прим. 18).

[154] Б. Е. Сыроечковский. Два письма С. И. Муравьева-Апостола. — «Красный архив», № 30, 1928, стр. 220.

[155] Письмо не опубликовано; отрывок из него приведен в указ. диссертации Л. А. Медведской-Басовой, стр. 183.

[156] О приезде Бестужева-Рюмина в Москву и неудачном свидании его с И. А. Фонвизиным см.: Якушкин, стр. 54. Не совсем точно изложен этот эпизод у Довнар-Запольского (Тайное общество, стр. 103).

[157] Приведено в указ. диссертации Л. А. Медведской-Басовой (стр. 278).

[158] Об этом эпизоде дали подробные показания Лорер (Лорер, стр. 290) и Барятинский (ЦГИА, ф. № 48, д. 401, л. 49—49 об.).

[159] ЦГИА, ф. № 48, д. 399, лл. 62, 65—66; «шифр» же,—как показывал Волконский,—«был приснаровлен к названиям до садоводства относящихся» (там же, л. 83 об.).

[160] Там же, д. 269.

[161] Там же, д. 399, л. 47.

[162] Там же, д. 400, л. 74—74 об.— Во время следствия вопрос о связях декабристов с западноевропейскими тайными обществами не привлек особого внимания Следственной комиссии, но он вновь возник уже после суда и приговора. Как думает С. Н. Чернов, возбудил его И. И. Дибич. Иркутскому губернатору Цейдлеру было поручено произвести дополнительное дознание и допросить для этой цели находившегося в Благодатском руднике В. Л. Давыдова. Однако допрос не дал никаких результатов. Этот эпизод изложен подробно в статье: С. Н. Чернов. Поиски сношений декабристов с Западом. — «Из эпохи борьбы с царизмом». Сборник пятый. Киев, 1926, стр. 113—123.

[163] Довнар-Запольский. Тайное общество, стр. 145.

[164] М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян. М., 1925, стр. 27.

[165] М. В. Нечкина считает более правильной дату — 1818 г.

[166] Довнар-Запольский. Тайное общество, стр. 137.

[167] Горбачевский, стр. 43, 44.

[168] М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян, стр. 52.— Показание Веденяпина не опубликовано.

[169] Горбачевский, стр. 56, 57—59, 96.

[170] Там же, стр. 96.

[171] В показаниях Горбачевский утверждал, что «письмо» сочинено П. Борисовым, а он только «переписал и послал» его (ВД, V, 220); Андреевич также подтверждал авторство Борисова, добавив, что это письмо было написано «с общего мнения» (там же, 224), но в «Записках» Горбачевский называет автором себя (Горбачевский, стр. 96). По всей вероятности, инициатором и вдохновителем этого рапорта был, действительно, П. Борисов, но написан он был Горбачевским, развивавшим основные мысли и положения Борисова. Существовали и другие письма Горбачевского, что ясно из его слов о Борисове, который «за меня, — показывал Горбачевский, — и за всех трудился и всегда сочинял мне письма» (ВД, V, 218). Горбачевский же, очевидно, ценился товарищами как прекрасный стилист, почему ему и поручалось окончательное письменное оформление различного рода политических документов и писем.

[172] М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Пг., 1922, стр. 53.— «Рапорт» Горбачевского и «Записка об артиллерийских снарядах» П. И. Борисова были пересланы Пестелю, который перед арестом поручил П. С. Бобрищеву-Пушкину и Н. Ф. Заикину спрятать их вместе с его сочинениями, но последние уничтожили их, о чем сообщил в своем показании Заикин (ЦГИА, ф. № 48, д. 424, лл. 15—19; приведено в статье: С. Н. Чернов. Поиски «Русской правды» П. И. Пестеля. — «Известия Академии Наук СССР. Отделение общественных наук», 1935, № 7, стр. 678—680).

[173] Любопытные подробности об этом совещании сообщил в своем показании А. В. Поджио: «Рылеев <...> говорил о намерении его писать какой-то катехизис свободного человека <...> и о мерах действовать на ум народа, как-то: сочинениями песен, пародиями существующих ныне, на подобие „Боже спаси царя“ Пушкиным, пародировали и песнь „Скучно мне на чужой стороне“» (Довнар-Запольский. Мемуары, стр. 203).

[174] Над сочинением «О суде присяжных» Н. И. Тургенев начал работать еще в 1819 г.; В. И. Семевский полагал, что оно не дошло до нас (Семевский, стр. 557); но, можно думать, что это сочинение в переработанном виде составило содержание его записки, переданной Мордвинову («Мысли о некоторых исправлениях российского судопроизводства, возможных даже и в теперешнем состоянии оного». Обширное извлечение из него, сделанное Мордвиновым, опубликовано в «Архиве Мордвиновых», т. VI. СПб., 1902, стр. 299— 312). В письме к Бриггену (1858) Тургенев вспоминал, что его записка была передана Мордвиновым Александру I (ИРЛИ, 21228, CXLVI, б. 53). Предлагая Тайному обществу сочинение «О суде присяжных», Тургенев, очевидно, хотел приспособить для целей Общества какую-то часть этой «записки». С. Г. Волконский писал о работах Н. И. Тургенева: «Труды Тургенева не попались в руки правительству, но не скрою, что все, что печатно высказано им о финансах и судопроизводстве для России, во время его безмятежного пребывания в чужих краях, есть свод того, что им приготовлено было для применения при перевороте, им и нами замышляемом для России» (Волконский, стр. 423).

[175] Б. Е. Сыроечковский. Из отголосков восстания декабристов.— «Красный архив», 1929, № 5 (36), стр. 208.

[176] Яркая характеристика М. П. Бестужева-Рюмина находится в «Автобиографических записках» А. Д. Боровкова («Русская старина», 1898, № 11, стр. 338, 352), но она опубликована со значительными цензурными купюрами. Приводим подлинный текст (в прямые скобки заключено зачеркнутое): «*Подпоручик Бестужев-Рюмин*. Восторженный, отчаянный [революционер], деятельный, пронырливый, вкрадчивый, способный увлекать и словом и энергиею. Так при совещаниях о истреблении императорского дома вызываясь на совершение этого злодеяния, он воскликнул: „надобно рассеять прах, чтобы и следов не было!“ Он проповедовал свободомыслие, читал наизусть вольнодумные сочинения, раздавал с них копии, составлял прокламации, говорил речи, возбуждал к преобразованию Правления. Он отыскал общества Соединенных Славян и польское и открыл с ними сношение, направляя к своей цели. [Когда, по открытии правительством во 2-й Армии существования зловредного Общества] Бестужев-Рюмин, крепкий духом, отклонил от самоубийства Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов, хотевших застрелиться, чтобы предупредить взятие их под стражу. „Нет!— кричал он,— надобно защищаться, надобно пустить в дело подготовленных нами [защитников] поборников свободы. Дорого продадим мы честь и жизнь!“ Бестужев достиг цели: восстание [бунт] вспыхнуло, он взят под арест на поле сражения и торжественно повешен» (ЦГИА, ф. № 1068, оп. 1, д. 749, л. 14 об.).

[177] Довнар-Запольский. Тайное общество, стр. 97.

[178] «Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке членов царствующей семьи». Подготовил к печати Б. Е. Сыроечковский. М., 1926, стр. 189.

[179] ЦГИА, ф. № 48, д. 399, л. 62.

[180] Там же, д. 398, лл. 19, 43 об. и др.— А. В. Поджио приводит полное заглавие «Отчета» М. П. Бестужева-Рюмина: «Rapport au directoire secrète sur les conférences secrète avec la societé polonaise» (ЦГИА, ф. № 48, д. 402, л. 39).

[181] Там же, д. 421, л. 20.

[182] Там же, д. 399, л. 62; список этого письма должен был сообщить членам Северного общества Корнилович (там же, д. 421, л. 20).

[183] Горбачевский, стр. 49—50; М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян, стр. 63—65, 68—69, 75.

[184] Горбачевский, стр. 73.

[185] М. В. Нечкина. Указ. соч., стр. 63.

[186] Горбачевский, стр. 80.

[187] И. В. Порох полагает, что существовал еще весьма важный документ: диспозиция, составленная С. И. Муравьевым-Апостолом перед выступлением Черниговского полка в поход из Василькова (И. В. Порох. Восстание Черниговского пехотного полка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саратов, 1953, стр. 22).

[188] Нечкина. 14 декабря, стр. 19, 29—30. Трубецкой, действительно, говорил на следствии, что «согласиться по обстоятельствам на редакцию его в Сенате я предоставлял только себе» (ВД, I, 102), но Трубецкой очень запутывал вопросы, связанные с текстом манифеста и его обнародованием.

[189] Аксенов, стр. 294—295.

[190] Н. Ф. Лавров. Диктатор 14-го декабря. — «Бунт декабристов», стр. 175; Нечкина. 14 декабря, стр. 19.

[191] Аксенов, стр. 293.

[192] «Декабристы на поселении». М., 1929, стр. 55.

[193] П. С. Попов. М. Ф. Орлов и 14 декабря.— «Красный архив», 1925, № 6 (13), стр. 166.— М. Ф. Орлов так выразился: «Вот, следовательно, как сочинялись все документы, которые должны быть захвачены».

[194] ЦГИА, ф. № 48, д. 361, лл. 7 об., 23.

[195] «Общественные движения», стр. 297.

[196] «Донесение», стр. 71.— Автор «Донесения» ошибочно считал этот текст тем

проектом, «который хотели нести в Сенат Рылеев и Пущин»; см. также: Семевский, стр. 296.

[197] Нечкина. 14 декабря, стр. 41.

[198] «Донесение», стр. 72; «Красный архив», № 13, 1925, стр. 165—166.

[199] Горбачевский, стр. 112.

[200] ЦГИА, ф. № 48, д. 399, л. 95; д. 400, л. 46; Довнар-Запольский. Мемуары, стр. 216.

[201] Там же, д. 245, лл. 27, 55.— Грохольский же показал, что какое-то «важное письмо» привез Муравьеву из Киева Андреевич (л. 27).

[202] Горбачевский, стр. 156—162.— Горбачевский пишет, что Муравьев вручил Мозалевскому «письмо на имя одного генерала (которого фамилия неизвестна)» (стр. 156). Но не мог же Мозалевский разыскивать какого-то генерала, к которому он имел ответственное революционное поручение, не зная его фамилии. В показании Мозалевский ничего не говорит о других поручениях; из показаний сопровождавших его нижних чинов видно, что они, по прибытии в Киев, не медля отправились разыскивать Крупенникова, а затем вскоре они все были задержаны и арестованы. Сохранившиеся в мемуарной литературе упоминания о Мозалевском подтверждают наше предположение об его выдумке в данном случае. Завалишин утверждал, что на каторге декабристы относились отрицательно к Мозалевскому (Завалишин, стр. 314—316). Если даже допустить (как это часто приходится делать при учете свидетельств Завалишина) преувеличение в словах мемуариста, то все же следует признать, что в характере Мозалевского были какие-то черты, дававшие повод для такой исключительно резкой характеристики его, какая находится в «Записках» Завалишина.

[203] Горбачевский, стр. 107—108, 112.

[204] ЦГИА, ф. № 48, д. 447, л. 29; Горбачевский, стр. 111—112.

[205] «Красный архив», № 13, 1925, стр. 59 и 61.— Существовали и другие агитационно-инструктивные письма П. И. Борисова, которые он рассылал членам Общества. Из показания юнкера П. К. Головинского устанавливается, что Борисов прислал ему письмо, в котором уведомлял, что 8-я артиллерийская бригада «намерена бунтоваться», что «уже многие солдаты об этом знают» и что «намерены приступить к всеобщему бунту 6 января» (ЦГИА, ф. № 48, д. 146, л. 27). П. И. Борисов переписывался с Головинским и ранее (см.: М. В. Нечкина. Три письма декабриста П. И. Борисова.—«Каторга и ссылка», 1926, № 6, стр. 63; Ю. Г. Оксман—ВД, VI, 358—360). Из показаний Щеколды выяснилось, что письма Борисова к Головинскому широко обсуждались и служили поводом и материалом для агитационных выступлений (ЦГИА, ф. № 48, д. 146, л. 33).

[206] «Собрание стихотворений декабристов». Лейпциг, 1862 («Библиотека русских авторов», т. II); «Собрание стихотворений декабристов», т. I—II. М., изд. И. И. Фомина, 1906—1907; «Поэты-декабристы. Собрание стихов». Под ред. и с вступ. статьей М. П. Алексеева. Одесса, 1921; «Поэты-декабристы. Сборник». Под ред. Ю. Н. Верховского. М., 1926; «Поэзия декабристов». Вступ. статья, подготовка текстов и прим. Б. С. Мейлаха. Л., 1950 («Библиотека поэта»); «Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика». Составил В. Н. Орлов. М.—Л., 1951.

[207] М. А. Брискман. Агитационные песни декабристов.—«Декабристы и их время», 1951, стр. 7—22; К. В. Пигарев. Новые тексты агитационных песен декабристов.— «Лит. газета», 1950, № 125 от 26 декабря.

[208] Б. С. Мейлах. Декабристы в борьбе за передовую русскую литературу. Л., 1951, стр. 6.

[209] «Русская старина», 1890, № 11, стр. 505; Б. Л. Модзалевский. К истории «Зеленой лампы». — «Декабристы и их время», I, стр. 12—13; см. также: П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина. М.—Л., 1931, стр. 47.

[210] Н. Тургенев, стр. 60.

[211] М. В. Нечкина. Новое о Пушкине и декабристах.—«Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 159.

[212] Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М.—Л., 1930, стр. 547.

[213] Бестужевы, стр. 414.

[214] A. Mieckiewiecz. Les Slaves, t. III. Paris, 1849, p. 289.

[215] Д. И. Завалишин. Воспоминание о Грибоедове. —«Древняя и новая Россия», 1879, № 4, стр. 320.

[216] В. И. Семевский. Волнения в Семеновском полку в 1820 г. —«Былое», 1906, № 1, стр. 30; «Записки Ф. Ф. Вигеля», ч. IV. М., 1892, стр. 16—17.

[217] А. И. Фелькнер. Предчувствие Рылеева о своей судьбе.— «Русская старина», 1872, № 10, стр. 440—441.

[218] Волконский, стр. 426.— Наиболее подробные сведения о содержании этих стихов Вадковского находятся в недавно обнаруженных «Воспоминаниях» декабриста В. С. Толстого. Толстой характеризует их как песни в духе Беранже: «песни-буф» и «песни политические». («Воспоминания» В. С. Толстого подготовлены к печати С. В. Житомирской и будут напечатаны в сборнике Рукописного отдела Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина).

[219] Одоевский, стр. 273.—По свидетельству А. Е. Розена, это стихотворение относится к 1827 г. (там же, стр. 350).

[220] В. Г. Базанов. Поэты-декабристы. М.—Л., 1950, стр. 176.

[221] Отрывки из дневника К. С. Сербиновича опубликованы В. С. Нечаевой в «Лит. наследстве», т. 58, 1952, стр. 246.

[222] С. Голубов. А. Н. Муравьев об А. С. Грибоедове.— «Лит. газета», 1939, № 46. — Воспоминания Андрея Муравьева остаются до сих пор не опубликованными.

[223] В. Н. Орлов. Художественная проблематика Грибоедова.—«Лит. наследство», т. 47-48, 1946, стр. 57.

[224] Нечкина. Грибоедов, стр. 417—418.

[225] «Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства». Под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1906, стр. 35.

[226] Полн. собр. соч. А. С. Грибоедова. Под ред. и с прим. Н. К. Пиксанова, т. III. Пг., 1917, стр. 93.

[227] Избранные стихотворения В. К. Кюхельбекера. Шо-де-фон, 1880, стр. 85 (см. также: В. В. Каллаш. Историко-литературные мелочи.— «Русский архив», 1901, № 2, стр. 345). В тетради авторизованных копий (ИРЛИ) это примечание имеет другую редакцию: Кюхельбекер, т. I, стр. 461.

[228] Сводку всех сведений, относящихся к поэме «Грузинская ночь», см.: А. С. Грибоедов. Сочинения в стихах. Вступ. статья, подгот. текста и прим. В. Орлова. Л., 1951, стр. 291—294.

[229] Нечкина. Грибоедов, стр. 76.

[230] «Ост. архив», т. III, стр. 1—2, 35.

[231] Нечкина. Грибоедов, стр. 524.—Не ясен вопрос относительно эпиграммы «Ему не свято ничего», — приписываемой в течение долгого времени Пушкину; о принадлежности ее Грибоедову сообщил С. А. Соболевский, указав, что она представляет собою «отрывок из более длинной пьесы» («Пушкин. Летописи Гос. лит. музея», кн. I. М., 1936, стр. 513). В альбоме Е. П. Ростопчиной эта эпиграмма соединена с другой эпиграммой Грибоедова («По духу времени и вкусу он ненавидел слово „раб“» и т. д.); там же приписка Ростопчиной: «Вот как Грибоедов определял мнение о себе московских дам». В. Н. Орлов полагает, что эта запись подтверждает сообщение Соболевского (Грибоедов. Сочинения в стихах. Л., 1951, стр. 299), но едва ли выражение «более длинная пьеса» могло относиться к восьмистишию; можно предположить, что Соболевский говорил о каком-то другом произведении, в которое входила данная эпиграмма, или о цикле эпиграмм.

[232] «Дневник Кюхельбекера», стр. 39.

[233] Базанов, стр. 326—340.

[234] Так, например, стихотворение «Песнь на Рейне», прочитанное Кюхельбекером в Обществе Соревнователей (в 1821 г.) и отсутствующее под таким заглавием среди его напечатанных произведений, очень близко по заглавию к стихотворению «К друзьям на Рейне», сохранившемуся в одной из тетрадей, находящихся ныне в Пушкинском доме; но едва ли последнее может быть подведено под жанр песен. Более вероятно сближение «Песни на Рейне» с отрывком, включенным в «Путешествие» («Полковник де Лер. Глава I»), который представляет собой подражание роману Шуберта. По ритму и содержанию данное стихотворение вполне может быть названо «песней» и именно — «Песнь на Рейне». В стихотворении, которое в протоколах Вольного общества озаглавлено «Мечта», можно видеть «Прощание»: поэт перед отъездом из России прощается с друзьями и уже уносится мечтой в те страны, которые ему предстоит посетить («Уже волшебница мечта рисует мне» и т. д.).

[235] Письмо П. А. Вяземского к В. А. Жуковскому от 27 августа 1823 г.— Кюхельбекер, т. I, стр. XXXV.

[236] «Летописи», стр. 182.— Об этой трагедии упоминает в своих воспоминаниях о Кюхельбекере Рылинский (см. настоящий том, стр. 516).

[237] В. К. Кюхельбекер в крепостях и в ссылке. (Новые материалы). Публикация В. Н. Орлова. — «Декабристы и их время», 1951, стр. 76.

[238] Базанов, стр. 374.

[239] Бестужевы, стр. 213—214.

[240] Рылеев. Стих., стр. 334.

[241] М. В. Нечкина. Грибоедов и декабристы.—«Лит. наследство», т. 47-48, 1946, стр. 118.

[242] Epitre à Ivacheff. Quelques heures de loisir à Toulchin par le prince Bariatinskoy. M., 1824, p. 10.— На русском языке, в переводе Вс. Рождественского, опубликовано в сб. «Поэзия декабристов» (стр. 644—646) и ранее — в переводе Ф. Сологуба («Былое», 1926, № 1, стр. 11—13).

[243] Бестужевы, стр. 284.

[244] Н. Н. Муравьев-Карский писал о Петре Колошине: «Он хорошо учился, нрав его тихий, скромный и романтический. Он в особенности любит литературные занятия и, будучи душою поэт, легко пишет стихи» («Русский архив», 1885, № 9, стр. 30); стихи его печатались в «Отечественных записках», «Соревнователе» и др. изданиях (он подписывался: «П. Колошин» и «П. К.»). Колошину же принадлежал не до-

шедший до нас перевод трагедии Шиллера «Разбойники» (Б а з а н о в, стр. 303). Стихотворения Оржицкого также не собраны вместе; не установлены его псевдонимы и буквенные подписи; за полной подписью помещено стихотворение «Прощание гусара» в «Сыне отечества», 1819, № 51, стр. 223—224.

[245] Я. Д. Б а у м. Еврей-декабрист. Григорий Абрамович Перец.— «Каторга и ссылка», 1926, № 4, стр. 122.

[246] «Архив Тургеневых», т. II, вып. 3, стр. 5, 63—64, 139, 238; вып. 5, стр. 83 (на стр. 129 — немецкие стихи Н. И. Тургенева).

[247] С е м е в с к и й, стр. 406, 668.

[248] «Из воспоминаний И. П. Липранди».— «Русский архив», 1866, стб. 1256—1257. Сводку всех данных об этом стихотворении см. в комментариях Ю. Г. О к с м а н а к неизвестным стихотворениям и письмам В. Ф. Раевского в «Лит. наследстве», т. 60 (печатается).

[249] Мичман Морозов показывал, что Дивов читал ему «свободные стихи, в числе коих одни были на вельмож, в коих воспевалась свобода» (ВД, VIII, 128). Возможно, что Дивов читал ему стихи Завалишина.

[250] ЦГИА, ф. № 48, д. 447, лл. 19 и 98; см. также: М. В. Н е ч к и н а. О Пушкине, декабристах и их общих друзьях.— «Каторга и ссылка», 1930, № 4, стр. 12.

[251] Там же, л. 19.

[252] Там же, л. 43.

[253] М. В. Н е ч к и н а. Общество Соединенных Славян. М., 1925, стр. 59, 61.

[254] С. И. Муравьев-Апостол, в свою очередь, также восторженно отнесся к Андреевичу, в котором видел типичного представителя «Славян». После свидания с Андреевичем он писал брату Матвею (16 ноября 1825 г.): «Ты бы собственными глазами увидел, какие благородные люди есть на свете и с каким самоотвержением отдаются они доброму делу. Это поистине хорошо, и, как удачно сказал Бестужев, есть нечто в высшей степени увлекательное в этих людях, движимых одним лишь горячим чувством, когда чувствуешь себя совершенно измученным от бесстрастной учености наших книжников» (Б. Е. С ы р о е ч к о в с к и й. Два письма С. И. Муравьева-Апостола.— «Красный архив», № 30, 1928, стр. 221).

[255] «Декабрісти на Україні», вып. 2. Київ, 1930, стр. 150.

[256] М. В. Н е ч к и н а. О Пушкине, декабристах и их общих друзьях. — «Каторга и ссылка», 1930, № 4, стр. 14.

[257] Р ы л е е в. Стих., стр. 304—305, 364, 368.— Не установлена точно принадлежность Рылееву стихотворения «Тюрьма мне в честь, не в укоризну», написанного в крепости гвоздем на оловянной тарелке (Н. Ц е б р и к о в. Воспоминания о Кронверкской куртине. — Воспоминания и рассказы деятелей Т. О., т. I, стр. 255). Е. И. Якушкин и П. А. Ефремов выразили сомнение в принадлежности этих стихов Рылееву, как якобы «не соответствующих» настроению Рылеева и всем его письмам и стихам, написанным в крепости Это явно несостоятельное утверждение оказало значительное воздействие на исследователей творчества Рылеева и редакторов его сочинений. В. И. Маслов целиком принял эту точку зрения (М а с л о в, стр. 346); А. Г. Цейтлин совершенно изъял эти стихи из сочинений Рылеева, не включив их даже в отдел «Dubia» (Р ы л е е в. Соч.). В изд. «Библиотека поэта» они включены также в отдел «приписываемых», хотя аргументация редактора явно противоречит такому пониманию и позволяет считать данный отрывок подлинным стихотворением Рылеева. Как «приписываемое Рылееву» оно включено и в антологии Б. С. Мейлаха и В. Н. Орлова. Мы полагаем, нет достаточных оснований говорить о «внутреннем несоответствии» данного стихотворения Рылеева его переживаниям в крепости. Генерал Толь донес Бенкендорфу, что после допроса Рылеева последний «весьма холодно» заявил ему: «...я вам скажу, что я для счастия России полагаю конституционное правление самое выгоднейшим и остаюсь при сем мнении» (ВД, I, 153).

[258] Л о р е р, стр. 118—121. — В названном издании приведен и поэтический перевод, выполненный М. В. Нечкиной.

[259] ГИМ, фонд Музея революции, № 274, лл. 119—128.

[260] Стихи Вадковского опубликованы в издании: «Декабристы». Материалы. Под ред. П. М. Головачева. М., 1907, стр. 4—7 (в дальнейшем сокращенно—Г о л о в а ч е в). О стихах Чернышева в крепости упоминает Н. М. Дружинин в статье «Семейство Чернышевых и декабристское движение».— Сб. «Ярополец». М., 1930, стр. 37. Источник автором не указан,— очевидно, письма к родным. Французский перевод стихотворения Чижова см.: Г о л о в а ч е в, стр. 3; о стихах Ф. Н. Глинки: Ф. Н. Г л и н к а. Стихотворения. Вступ. статья, подготовка текста и прим. В. Г. Б а з а н о в а. Л., 1951, стр. 312; о Батенькове: Б. Л. М о д з а л е в с к и й. Декабрист Батеньков. — «Русский исторический журнал», 1918, № 5, стр. 117 и сл.; о Кривцове: М. О. Г е р ш е н з о н. Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914, стр. 149—154 (в дальнейшем сокращенно—Г е р ш е н з о н).

[261] Б а с а р г и н, стр. 69.

[262] Б е с т у ж е в ы, стр. 301, 124.

[263] З а в а л и ш и н, стр. 240.

[264] Г е р ш е н з о н, стр. 149.

[265] Завалишин, стр. 240.

[266] Гершензон, стр. 152—153.

[267] Письмо Грибоедова к С. Н. Бегичеву от 9 декабря 1826 г. из Тифлиса: «...может быть, скоро свидимся... Ты удивишься, когда узнаешь, как мелки люди. Вспомни наш разговор в Екатерининском. Теперь выкинь себе все это из головы. Читай Плутарха, и будь доволен тем, что было в древности. Ныне эти характеры более не повторятся» (А. С. Грибоедов. Полн. собр. соч., т. III. Пг., 1917, стр. 196).

[268] Впервые опубликовано А. Е. Розеном в изданном им собрании сочинений Одоевского (1883, стр. 189) как письмо самого поэта. Принадлежность данного письма П. А. Муханову установлена И. А. Кубасовым (Одоевский, стр. 72).

[269] ЦГИА, ф. № 1068, оп. 1, д. 722.

[270] Розен, стр. 175.

[271] Беляев, стр. 205.

[272] ИРЛИ. Р. I, оп. 24, № 49.

[273] Полн. собр. стих. А. И. Одоевского (декабриста). Собрал А. Е. Розен. СПб. 1883, стр. 209.

[274] П. Н. Сакулин. А. И. Одоевский в неизданных письмах.— «Декабристы на каторге», стр. 154—156; подлинник на французском языке.

[275] «Русская старина», 1882, № 2, стр. 313—336 (напечатано под наблюдением П. А. Ефремова); № 3, стр. 647—656; № 5, стр. 564.

[276] Басаргин, стр. 118.

[277] Лорер, стр. 145.

[278] Д. И. Завалишин. Декабристы.— «Русский вестник», 1884, № 2, стр. 856—857. — Он упоминает об этом стихотворении также и в статье: «Воспоминание о Грибоедове».— «Древняя и новая Россия», 1879, № 4, стр. 312.

[279] «Былое», 1906, № 5, стр. 1—2. Первые четыре стиха впервые напечатаны: «Русский вестник», 1860, № 8, стр. 387. — См. историю вопроса в примечаниях Д. И. Абрамовича к Полн. собр. соч. Лермонтова, изд. Академии Наук (т. II. Пг., 1916, стр. 542—543).

[280] «Подложный Лермонтов».— «Весы», 1906, № 7, стр. 78.

[281] Н. О. Лернер. Мелочи прошлого. Из прошлого русской революционной поэзии. IV. Стихи о наводнении.— «Каторга и ссылка», 1925, № 8, стр. 243—247.

[282] В. Г. Базанов. Поэты-декабристы. Л., 1950, стр. 185—186.

[283] Д. И. Завалишин. Воспоминание о Грибоедове. — «Древняя и новая Россия», 1879, № 4, стр. 312.

[284] П. Е. Щеголев. Неизданные стихотворения А. И. Одоевского. — «Лит. вестник», т. VIII, 1904, стр. 203.

[285] С. В. Максимов. Сибирь и каторга.— Собр. соч., т. III, изд. «Просвещение», б. г., стр. 211 (в дальнейшем сокращенно — Максимов).

[286] Н. П. Огарев. Кавказские воды. — Избранные социально-политические и философские произведения, т I. М., 1952, стр. 405—406.

[287] М. О. Гершензон. Образы прошлого. М., 1912, стр. 317.

[288] Полн. собр. стих. А. И. Одоевского. СПб., 1883, стр. 18.

[289] Розен, стр. 175; Завалишин, стр. 273; Головачев, стр. 7; Лорер, стр. 410; Декабристы. Сост. В. Н. Орлов. М.—Л., 1951, стр. 183—185.

[290] Розен, стр. 175.

[291] О. Буланова. Роман декабриста. М., 1926.

[292] Завалишин, стр. 273.

[293] И. С. Абрамов. Детство среди декабристов. Воспоминания художника М. С. Знаменского. — «Сибирские огни», 1946, № 2, стр. 104.

[294] «Красный архив», № 10, 1925, стр. 317 (сообщение Е. Е. Якушкина).

[295] «Из воспоминаний Л. Ф. Львова».— «Русский архив», 1885, № 4, стр. 541.

[296] Бестужевы, стр. 294—295. — М. А. Бестужев сообщал, что впервые она была исполнена в Петровском заводе в 1830 г., на традиционном обеде в честь 14 декабря, одновременно с первым исполнением написанной им тогда же песни «Что ни ветр шумит». Эта дата принята и в моем комментарии; однако, как установил М. А. Брискман (см. «Лит. наследство», т. 60, печатается), датой песни «и музыки Вадковского к „Славянским девам“ следует считать 1835 г.». Можно полагать, что оба эти произведения были исполнены 29 декабря 1835 г., в день десятилетия восстания Черниговского полка.

[297] Н. П. Огарев. Кавказские воды. — Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, стр. 408.

[298] Георгий Анненков. Найденный отрывок из музыкальных произведений декабриста Пестеля. — «Красная газета» (вечерний выпуск), 1926, № 61, от 11 марта.

[299] ЦГИА, ф. № 1463, д. 363, л. 1.

[300] Д. З. Ильинский — казематный врач в Петровском заводе, очень преданный декабристам и оказывавший им большие услуги; подробную характеристику его см. — Бестужевы, стр. 264—266.

[301] Бестужевы, стр. 287.

[302] Там же, стр. 146, 393—394, 786. — О «Стрекозе» А. И. Орлова см.: М. К. Азадовский. Очерки литературы и культуры в Сибири. Иркутск, 1947, стр. 22—23. — О творчестве Давыдова см. также в т. 60 «Лит. наследства» (печатается).

[303] Завалишин, стр. 273. — В. А. Бечаснов славился своей феноменальной рассеянностью; об этом рассказывает доктор Н. А. Белоголовый («Воспоминания». М., 1901, стр. 77—80).

[304] К. И. Чуковский. Некрасов и декабристы. — «Огонек», 1926, № 2.

[305] Головачев, стр. 2.

[306] Кубалов, стр. 205.

[307] М. И. Семевский. Александр Бестужев в Якутске. Неизданные письма его к родным. — «Русский вестник», 1870, № 5, стр. 326.

[308] Бестужевы, стр. 427.

[309] Г. В. Прохоров. А. Бестужев-Марлинский в Якутске. — «Памяти декабристов», т. II. Л., 1926, стр. 215; А. Бестужев-Марлинский. Собрание стихотворений. Подготовка текста Г. В. Прохорова. Вступ. статья и прим. Н. И. Мордовченко. Л., 1948, стр. 28.

[310] ИРЛИ. Архив Бестужевых, ф. № 604, № 5581, л. 168.

[311] Там же, № 5583, л. 155 об. — Это письмо дает возможность считать совершенно бесспорным, что адресатом письма Батенькова, опубликованного М. О. Гершензоном («Русские Пропилеи», т. II, стр. 41—44; перепечатано в книге: «Воспоминания и рассказы деятелей Т. О.», т. II, стр. 120—123), является В. И. Штейнгель. Предположение С. Н. Чернова, что данное письмо адресовано Торсону, ошибочно. Письмо Штейнгеля к М. А. Бестужеву вместе с тем вполне подтверждает и датировку письма, которую предположительно устанавливал Гершензон: 1846 год.

[312] Б. Я. Бухштаб. Козьма Прутков, П. П. Ершов и Н. А. Чижов. — «Омский альманах», кн. V, 1945, стр. 116—130; его же. Неизданные стихи Н. А. Чижова. — «Омский альманах», кн. VI, 1947, стр. 165—170. Впервые сведения о стихах Чижова: Кубалов, стр. 64—65; Н. Н. Бакай. Литературные занятия декабристов в Сибири. — «Сибирские огни», 1922, № 3, стр. 60—65.

Кроме того, следует отметить, что в литературе существует указание на песни А. И. Тютчева; по рассказам курагинских старожилов (Минусинский округ), он распевал песни собственного сочинения о декабристах и о Екатерине II. Насколько это известие точно, сказать трудно. Тютчев был знатоком и выдающимся исполнителем народных песен, но о его собственных стихах и песнях никто из мемуаристов не упоминает, — по всей вероятности, песни, запомнившиеся минусинским старожилам, были народные песни (о Екатерине) и стихи его товарищей по каторге (см. А. П. Косованов. Декабристы в Минусинском округе.— «Ежегодник Минусинского музея», т. III вып. 1, 1926, стр. 78).

[313] С большими цензурными купюрами и под измененным заглавием («Отчего я не женат») напечатано в изд.: Н. Бестужев. Рассказы и повести старого моряка. СПб., 1860. Впервые по подлинной рукописи опубликовано —Бестужевы, стр. 539—572.

[314] В «Библиографии» Н. М. Ченцова указаны только две повести Корниловича. А. Г. Грум-Гржимайло высказал предположение о принадлежности Корниловичу еще двух повестей, напечатанных в альманахе А. А. Ивановского «Альбом северных муз» 1828 г. (А. Г. Грум-Гржимайло. Декабрист А. О. Корнилович на Кавказе. — «Декабристы на каторге», стр. 311).

[315] Роман Кюхельбекера «Последний Колонна» обнаружен в 1934 г. и опубликован отдельным изданием с предисловием и примечаниями В. Н. Орлова.

[316] Т. Г. Снытко. Неопубликованные материалы по истории декабристского движения. — «Вопросы истории», 1950, № 12, стр. 126.

[317] Бестужевы, стр. 15—16.

[318] «Из записок Ипполита Оже».— «Русский архив», 1877, кн. II, стр. 55—56.

[319] ЦГИА, ф. № 48, д. 82, л. 17; д. 386, лл. 34—35.

[320] М. А. Цявловский. Дневник Е. А. Шаховской.— «Голос минувшего», 1920—1921, стр. 100.

[321] Беляев, стр. 241.

[322] ЦГИА, ф. № 1068, оп. 1, д. 722, лл. 6, 35.

[323] Бестужевы, стр. 284—285.

[324] Лорер, стр. 145.

[325] Бестужевы, стр. 391.

[326] «Русская старина», 1883, № 12, стр. 592—593.

[327] «Замечания на „Путешествие в Грузию“».— «Сын отечества», 1838, т. I, отд. «Критика», стр. 1—15.

[328] Письма Павла Бестужева к матери (ИРЛИ, «Архив Бестужевых», ф. № 604, № 13, л. 248); см. также публикацию Л. А. Лебедевой «Письмо Павла Бестужева к А. Бестужеву (Марлинскому) о смерти Пушкина».— «Декабристы и их время», 1951, стр. 99.

[329] Письма В. Кюхельбекера к Дельвигу.— «Русский архив», 1881, № 1, стр. 140; Н. Ф. Дубровин. В. А. Жуковский и его отношения к декабристам. — «Русская старина», 1902, № 4, стр. 109—110.

[330] М. В. Довнар-Запольский. Идеи декабристов. Киев, 1906, стр. 227.

[331] «Омский альманах», кн. VI, 1947, стр. 170.

[332] Н. М. Ядринцев. Автобиография.— «Сибирский сборник».Иркутск, 1895, вып. 3, стр. 65.

[333] М. К. Азадовский. Декабристская фольклористика. — «Вестник Ленинградского гос. университета», 1948, № 1, стр. 76.— Драма «Раскольники» напечатана в «Русском архиве», 1886, № 1.— «Вздыхатель без денег».— ГПБ, собрание отдельных поступлений 1941 г., № 24/1.

В последние годы жизни, напуганный ростом крестьянского движения и развитием материалистических идей, Улыбышев, подобно многим своим сверстникам, очень «поправел». В его труде о Бетховене (1857) уже совершенно нет следов былого декабризма.

[334] «Письма В. Н. Лихарева». — «Родовой листок», 1917, № 3 (15), стр. 1—3, 5; Лорер, стр. 255.

[335] Семевский, стр. 175; показание Давыдова об этой «Записке»—ЦГИА, ф. № 48, д. 400, л. 48 об.

[336] Иван Пнин. Сочинения. Подготовка к печати и комментарии В. Н. Орлова. М., 1934, стр. 103—119, 284—285.

[337] Ю. Н. Тынянов. Пушкин и Кюхельбекер. — «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 332.

[338] Во время его пребывания на поселении была установлена и его настоящая фамилия (ВД, VIII, 300), но никаких последствий для него раскрытие этого обстоятельства не имело, и он до конца жизни именовался во всех официальных документах Выгодовским.

[339] При аресте Выгодовского у него был обнаружен ряд бумаг на русском и польском языках: некоторые из них, вероятно, его собственного сочинения. Одно из них, представленное в переводе с польского оригинала, называется «Проект как действовать при допросах». В сопроводительной бумаге об этом сочинении было сказано: «Сие странное и непонятное к какой цели сочинение вероподобно откроет некоторые замыслы» (ЦГИА, ф. № 48, д. 451, л. 13). Следственная комиссия не заинтересовалась этим произведением и не задавала по поводу него никаких вопросов Выгодовскому; остался невыясненным и вопрос о его авторстве.

[340] Г. Лурье. Из рукописей декабриста Выгодовского. — «Каторга и ссылка», 1934, № 3, стр. 86.— Г. Лурье цитирует в данном случае доклад генерал-губернатора Западной Сибири, Гасфорда; последний усматривал в этих бумагах следы болезненного состояния и расстройства ума Выгодовского; совершенно неожиданно и вопреки всему содержанию своей работы, к этой мысли склоняется и автор названной статьи. Все цитаты из статей Выгодовского приводятся далее по публикации Г. Лурье и особо не оговариваются.

[341] ЦГИА, архив III Отделения, 1 эксп., д. 61, ч. 102, л. 20. — Составлено 18 апреля 1855 г.

[342] «Омский альманах», кн. VI, 1947, стр. 170.

[343] Базанов, стр. 336; «Отечественные записки», 1820, ч. 2, стр. 393.

[344] В. Андреев. Воспоминания кавказского старожила. — «Кавказский сборник», т. I. Тифлис, 1887, стр. 84—88.

[345] Бестужевы, стр. 380.

[346] «Кавказский сборник», т. I, 1887, стр. 87.

[347] В. А. Ганцова-Берникова. Отголоски декабрьского восстания 1825 г. — «Красный архив», № 16, 1926, стр. 193—196.

[348] Г. В. Прохоров. А. Бестужев-Марлинский в Якутске. — «Памяти декабристов», т. II. Л., 1926, стр. 220, 223.

[349] Вторично перепечатано как неизданное в сборнике «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I. М., 1951, стр. 481 — 484. Редактор издания С. Я. Штрайх датирует это произведение 1826 годом, что неправильно, так как весь 1826 год Бестужев провел в заключении: сначала в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, а затем в форте Слава.

[350] С. Н. Дурылин. Русские писатели у Гёте в Веймаре. — «Лит. наследство», т. 4-6, 1932, стр. 374—401; Ю. Н. Тынянов. Французские отношения В. К. Кюхельбекера. — «Лит. наследство», т. 33-34, 1939, стр. 331—362.

[351] «Мнемозина», 1824, ч. II, стр. 57—58.

[352] «Дневник В. К. Кюхельбекера». — «Русская старина», 1875, № 8, стр. 342—343; ВД, II, 193. — Эту лекцию Кюхельбекер посылал Е. А. Энгельгардту (Д. Ф. Кобеко. Императорский Царскосельский лицей. СПб., 1911, стр. 243—244); она ходила по рукам его друзей. «Взял ли ты мою парижскую лекцию у Елагина, — спрашивал Кюхельбекер в письме В. Ф. Одоевского,—если взял, отдай Александру 〈Одоевскому?〉» («Русская старина», 1904, № 2, стр. 383).

[353] Неизвестно, на каком основании А. В. Попов называет лекцию о языке последней (А. В. Попов. Бакиханов и Кюхельбекер. — «Ученые записки Ставропольского гос. пед. института», кн. VII, 1951, стр. 185). Утверждения, что Кюхельбекер в этих лекциях знакомил французскую аудиторию с современной русской поэзией (Пушкин, Баратынский, Дельвиг), произвольны и не подтверждаются известными нам фактическими материалами; из записи, опубликованной Ю. Н. Тыняновым, видно лишь, что Кюхельбекер имел такое намерение («кафедра в Афинее, с которой он в воображении уже знакомит французов с вашими стихами». — «Лит. наследство», т. 33-34, 1939, стр. 343), но выполнить он его не смог из-за быстро последовавшего запрещения продолжать чтения. Попов воссоздает содержание парижских лекций по запискам Гаккеля (опубликованы в «Летописи занятий постоянной историко-археографической комиссии», вып. 34. Л., 1926, стр. 238—266), но нет никаких оснований доверять лживому и тенденциозному рассказу реакционного мемуариста, к тому же всецело основанному на разных вздорных слухах.

[354] ИРЛИ, 14163, XXXVIII, б. 7. — В одном из показаний Кюхельбекер говорил: «Наперерыв цензора́, профессоры Московского университета и даже литераторы старались у меня отнять хлеб насущный» (ВД, II, 158).

[355] «Из переписки князя В. Ф. Одоевского». Сообщил И. А. Бычков. — «Русская старина», 1904, № 2, стр. 379, 383.

[356] В ЦГИА хранится «дело типографщика Селивановского» (ф. № 48, д. 265); в нем перечислены все сотрудники «Энциклопедического словаря», в том числе и В. Кюхельбекер (л. 3 об.).

[357] Этот эпизод подробно освещен в статье Н. П. Чулкова «Москва и декабристы». — «Декабристы и их время», II, стр. 314—315.

[358] «Дневник Кюхельбекера», стр. 77.

[359] Кюхельбекер, т. I, стр. LXXVII.

[360] Беляев, стр. 241; Розен, стр. 156; А. И. Одоевский. Полн. собр. стих. СПб., 1883, стр. 11—12.—М. А. Назимов, которому Розен посылал свою статью в рукописи, был очень недоволен этими подробностями и просил их выбросить из статьи. Розен писал ему в ответ: «Охотно выпущу из чернового моего очерка и Рюрика и Державина; вычеркну совершенно лишние повторения, но оставлю белую тетрадь не как фарс или шик молодости, а как указательства, как он всегда избегал писания, — может быть, и то, что он держал тетрадь для присутствия духа (contenance), потому что между слушателями были знатоки литературного предмета не слабее его» (ИРЛИ, Р. I, оп. 24, № 49; письмо от 24 августа 1881 г.).

В собрание сочинений Одоевского включается критическая статья «О трагедии „Венцеслав" сочинения Ротру, переделанной г. Жандром». Однако приписывание этой статьи Одоевскому, сделанное на основании позднейшего упоминания в крепостном дневнике Кюхельбекера, представляется недостаточно обоснованным. Эта статья была помещена в «Сыне отечества» (1825, ч. 99, № 1) за подписью: А. О. В одной из следующих книжек (1825, ч. 102, № 15) помещена за той же подписью статья «Перечень из писем к издателям из Москвы от Г. А. О.». Н. М. Ченцов включил и эту статью в список произведений Одоевского («Библиография» Н. М. Ченцова. М.—Л., 1929, стр. 446, № 2568). Однако последняя статья не может принадлежать Одоевскому, хотя бы уже по одному тому, что прислана из Москвы; не включена она и в наиболее полное собрание сочинений Одоевского под редакцией И. А. Кубасова. Но тем самым отрицательно решается вопрос и о принадлежности Одоевскому статьи о трагедии «Венцеслав», ибо невозможно предположить, что в одном и том же журнале, в одном и том же году разные лица подписывали свои статьи одинаковыми инициалами. Кюхельбекер же приписал статью Одоевскому, видимо, исключительно по догадке, основываясь на сходстве инициалов с именем и фамилией Одоевского.

[361] Н. Бестужев. Статьи и письма. Л., 1933, стр. 175—176, 235—236; Письма М. А. и Н. А. Бестужевых с Петровского завода. Л., 1925, стр. 361—371.

[362] Бестужевы, стр. 777.

[363] «Омский альманах», кн. VI, 1947, стр. 160—161.

[364] «Вечер в Кишеневе» (Из бумаг «первого декабриста» В. Ф. Раевского). Публикация Ю. Г. Оксмана. — «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 657—666.

[365] Базанов. Раевский, стр. 103—104; П. С. Бейсов. О курсе поэзии Раевского.— «Вопросы философии», 1950, № 3, стр. 352—357; его же. Курс поэзии В. Раевского.—«Ученые записки Ульяновского гос. пед. института», вып. IV, 1950, стр. 225—226.

[366] ЦГИА, ф. № 635, оп. 1, дд. 52 и 53.

[367] Беляев, стр. 241; Розен, стр. 156.

[368] «Дневник Кюхельбекера», стр. 314.

[369] «Декабристы на каторге», стр. 207.

[370] См. «Вестник Ленинградского университета», 1948, № 1, стр. 91.

[371] М. К. Азадовский. Областные слова Селенгинского округа в записях декабриста Н. Бестужева. — «Бурятоведческий сборник», вып. 2. Иркутск, 1926, стр. 46—49.

[372] А. К. Бороздин. Мое знакомство с декабристом бароном А. Черкасовым. — «Нива», 1887, № 11-12. — Записи Черкасова, сделанные им в с. Критове, Малоархангельского уезда, Орловской губ., помещены в изд.: «Калики перехожие» П. А. Бессонова, вып. 1 — 6. М., 1861 — 1874 (вып. 2, № 100; вып. 4, № 372; вып. 5, №№ 452, 485; вып. 6, №№ 613 — 614), но имя собирателя нигде не отмечено. Реакционный и беззастенчивый редактор (Бессонов) не счел нужным упомянуть имя декабриста, поставив вместо него имя лица (К. А. Бороздина), через которого эти записи были ему переданы. Автор воспоминаний о Черкасове, сообщивший сведения о его фольклористических занятиях, впоследствии известный историк русской литературы — сын К. А. Бороздина, и потому его свидетельство в данном случае является вполне авторитетным.

[373] М. К. Азадовский. Николай Бестужев — этнограф. Иркутск, 1924; его же. Странички краеведческой деятельности декабристов в Сибири. — «Сибирь и декабристы». Иркутск, 1925, стр. 101—103; Л. К. Чуковская. Декабристы — исследователи Сибири. М., 1951, стр. 49—54 («Гусиное озеро» перепечатано в сб. «Декабристы в Бурятии». Верхнеудинск, 1927).

[374] «Письма декабристов Бестужевых из Сибири». Иркутск, 1929.

[375] Бестужевы, стр. 778.

[376] Сведения Лушникова сообщены мне М. Ю. Барановской.

[377] «Русская старина», 1871, № 4, стр. 461. — О своих записях бурятских сказок М. А. Бестужев упоминает в «Дневнике путешествия нашего из Читы в Петровский завод» (Бестужевы, стр. 328); ГПБ, архив Литературного фонда, т. 20, лл. 604—605.

[378] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч. в шести томах, т. III. Под ред. Ю. Г. Оксмана. М., 1936, стр. 412—423.

[379] М. С. Лунин. Сочинения и письма. Ред. С. Я. Штрайха. Пг., 1922, стр. 82.

[380] Дружинин, стр. 98; ЦГИА, ф. № 1153, оп. 1, д. 236, л. 5 (письмо М. И. Бибикову от 14 марта 1867 г.). См. также публикацию И. Н. Медведевой в настоящем томе.

[381] Б. Л. Модзалевский. Декабристы. Мелкие заметки. — «Минувшие годы», 1908, № 1, стр. 278.

[382] Дружинин, стр. 266—267.

[383] Бестужевы, стр. 509. — Полный текст «Опыта истории российского флота» недавно обнаружен в Центральном гос. архиве военно-морского флота в Ленинграде (см. Г. Е. Павлова. Декабрист Н. А. Бестужев. Мировоззрение и общественно-политическая деятельность. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1952, стр. 7, 9—10).

[384] Сообщение Лушникова — см. прим. 376.

[385] А. Г. Грум-Гржимайло. Письма А. О. Корниловича из Петропавловской крепости. — «Бунт декабристов», стр. 393—396; его же. Декабрист А. О. Корнилович на Кавказе. — «Декабристы на каторге», стр. 307—336; его же. Декабрист А. О. Корнилович. — «Декабристы и их время», II, стр. 324—356.

[386] П. Е. Щеголев. Декабристы, стр. 306, 334; А. Г. Грум-Гржимайло. Декабрист А. О. Корнилович. — «Декабристы и их время», II, стр. 350. — Как позже сообщал сам А. О. Корнилович брату (М. О. Корниловичу), «Атлас» состоял из пяти карт, но не был доведен до конца (письмо от 3 ноября 1831 г.; хранится в семейном архиве А. Г. Грум-Гржимайло).

[387] Базанов, стр. 368, 372, 378, 388; «Декабристы и их время», II, стр. 350. — Из данного сообщения явствует, что в последней редакции книга имела заглавие — «Биография царевича Алексея Петровича».

[388] Базанов, стр. 373, 375.

[389] «Декабристы на каторге», стр. 312, 320.

[390] А. А. Сиверс. П. А. Муханов. Материалы для биографии. — «Памяти декабристов», т. I. Л., 1926, стр. 158.

[391] «Русская старина», 1888, № 12, стр. 589.

[392] ЦГИА, ф. № 48, д. 400, л. 8 об. (в Костромской губ. у Бошняка было имение).

[393] «Русская старина», 1888, № 12, стр. 590; Базанов, стр. 389.

[394] «Русская старина», 1888, № 12, стр. 591.

[395] П. С. Попов. П. А. Муханов в Сибири. — «Декабристы на каторге», стр. 207. — О курсе, прочитанном в каземате, сообщает Розен (стр. 156—157).

[396] Военно-исторические сочинения И. Г. Бурцова впервые учтены в книге Е. А. Прокофьева «Военные взгляды декабристов». М., 1953. В ней же сделан и первый опыт библиографического учета работ Бурцова, однако некоторые работы остались вне поля зрения автора, в частности — не выяснен вопрос об участии Бурцова в «Тифлисских ведомостях».

[397] А. П. Заблоцкий-Десятовский. Граф П. Д. Киселев и его время. СПб., 1882, т. I, стр. 95—96.

[398] А. И. Одоевский. Полн. собр. стих. СПб., 1883, стр. 11—12.

[399] О переводах А. Ф. Бриггена см.: С. Н. Браиловский. Из жизни одного декабриста. — «Русская старина», 1903, № 3, стр. 564—565; Н. Ф. Дубровин. В. А. Жуковский и его отношения к декабристам. — «Русская старина», 1904, № 2, стр. 114—115. — Перевод «Записок» Юлия Цезаря был разрешен к печати, но реализовать это разрешение не удалось.

[400] «Письма М. С. Лунина из Акатуя». Прим. Б. Л. Модзалевского. — Сб. «Атеней», вып. III. Л., 1926, стр. 19; оригинал по-французски.

[401] «Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толя». М., 1936, стр. 269.

[402] С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов. — «Вопросы истории», 1950, № 12, стр. 30.

[403] А. И. Лучшев. Декабрист Батенков. — «Русский архив», 1886, № 6, стр. 279.

[404] Первоначально был опубликован под заглавием «Записка о Сибири» в «Историческом сборнике» Вольной русской типографии в Лондоне, кн. 1. Лондон, 1859, стр. 76—100 (более исправно под заглавием: «Сибирские сатрапы. 1765—1819». — «Исторический вестник», 1884, № 8, стр. 366—386).

[405] Из письма А. Ф. фон-дер-Бриггена к А. Е. Розену. — «Русский архив», 1874, № 9, стр. 705—708. — Закончив изложение слышанных им рассказов о Минихе, он пишет: «Вот исторические предания о Пелыме. Кажется, что теперь здесь я единственный хранитель оных». См. также: П. М. Майков. Граф Миних в Сибири. — «Русская старина», 1900, № 1, стр. 225—228.

[406] Неизданное письмо декабриста А. В. Веденяпина. — «Новый Восток», 1926, № 12, стр. 351—354.

[407] А. А. Сиверс. Два письма М. Ф. Орлова к Д. П. Бутурлину. — «Декабристы и их время», I, стр. 201.

[408] С. П. Шипов. Из воспоминаний. — «Русский архив», 1874, № 6, стр. 164.

[409] Довнар-Запольский. Мемуары, стр. 28 (Записка Н. И. Комарова).

[410] Завалишин, стр. 273.

[411] К. А. Пажитнов. Экономические идеи декабристов. М., 1945, стр. 101.

[412] И. Г. Блюмин. Экономические воззрения декабристов. — «Проблемы экономики», 1940, № 5-6, стр. 208.

[413] С. Я. Боровой. Декабрист М. Ф. Орлов и его книга «О государственном кредите». — «Известия Академии Наук. Отделение истории и философии», 1951, № 1, стр. 46—60.

[414] До недавнего времени считался принадлежащим Пестелю труд «Практические начала политической экономии» (1819), сохранившийся в его «деле» и опубликованный в 1925 г. («Красный архив», № 13, стр. 174—249). Последними исследованиями вопрос о принадлежности этого труда Пестелю решается отрицательно. — См. С. М. Файерштейн. Просветительная программа Южного общества декабристов. — «Советская педагогика», 1952, № 1, стр. 70.

[415] С. Я. Боровой. Указ. статья, стр. 47.

[416] «Архив Тургеневых», вып. 1, стр. 262; М. Л. Вишницер. Геттингенские годы молодого Н. И. Тургенева. — «Минувшие годы», 1908, № 5, стр. 234—235; «Письма Н. Тургенева», стр. 246. — Одновременно с изучением Сэя Тургенев задумал написать «Рассуждение о политической экономии» («Архив Тургеневых», вып. 5, стр. 106); замысел этот Тургенев скоро оставил, но в «Дневнике» сохранились любопытные заметки его, относящиеся к задуманному сочинению и чрезвычайно характерные для выяснения декабристского понимания задач политической экономии: «Политическая экономия интересна потому уже, что родилась вместе с конституционною свободою народов Европы, или, что она неразлучна с сею свободою; что свобода новейших народов, не так, как древних, основывается на финансах, которые суть основание и орудие ее» (там же, стр. 117).

[417] Лорер, стр. 145. — Против системы Канкрина было направлено и сочинение М. Ф. Орлова «О государственном кредите».

[418] В. В. Данилов. Декабристские материалы Пушкинского дома. — «Декабристы и их время», 1951, стр. 277; ИРЛИ, ф. № 606, № 21. Там же сообщение о рукописных замечаниях Торсона по поводу «новых торговых сношениях с Китаем» (л. 90).

[419] ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, д. 459, лл. 19 об. —20.

[420] ИРЛИ. Архив Бестужевых, №№ 5561, 5569; Бестужевы, стр. 308, 778.

[421] Пущин, стр. 188, 196—198, 206—207.

[422] О Барятинском см.: Н. П. Павлов-Сильванский. Очерки по русской истории XVIII — XIX вв. СПб., 1910, стр. 259—260; Б. Л. Модзалевский. Декабрист Барятинский и его стихотворения. — «Былое», 1926, № 1, стр. 1—10; Е. Кислицына. Поэт-декабрист А. П. Барятинский. — «Сборник в честь акад. А. С. Орлова». Л., 1934, стр. 423—432. — Текст французского стихотворения о боге напечатан в статье Е. Кислицыной; подстрочный перевод его, выполненный М. В. Нечкиной, приведен в сб. «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. II. М., 1952, стр. 437—440; стихотворный перевод (Вс. Рождественского) — «Поэзия декабристов». Л., 1951, стр. 648—649.

[423] Беляев, стр. 228.

[424] И. Я. Щипанов. Социально-политические и философские воззрения декабристов. — В сб. «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. I. М., 1951, стр. 56.

[425] Н. П. Павлов-Сильванский. Очерки по русской истории XVIII — XIX вв. СПб., 1910, стр. 278—281.

[426] Н. М. Дружинин. Декабрист И. Д. Якушкин и его ланкастерская школа.— «Ученые записки Московского городского педагогического института», т. II, 1941, стр. 39; «Вопросы философии», 1949, № 3, стр. 291—298.

[427] Д. И. Шаховской предложил считать известное письмо Чаадаева за подписью «Безумный» (Сочинения и письма Чаадаева, т. I. М., 1913, стр. 208—213) адресованным не А. И. Тургеневу, как это предполагал редактор сочинений Чаадаева, а И. Д. Якушкину (Д. И. Шаховской. Якушкин и Чаадаев. По новым материалам.— «Декабристы и их время», II, стр. 195—196). Если эта догадка справедлива, то следует предположить, что Чаадаеву было известно о каком-то сочинении Якушкина, над которым он работал в Сибири, посвященном вопросам философии, истории и проблеме взаимоотношения науки и религии. Из замечаний и возражений Чаадаева видно, что в этом сочинении утверждалась полная несовместимость веры и знания («вера и разум не имеют ничего общего между собою»). Соображения Д. И. Шаховского представляются очень убедительными, — во всяком случае, совершенно бесспорно, что адресатом этого письма не мог быть религиозно настроенный А. И. Тургенев, которому и вообще не под силу было бы сочинение о философии истории. Не составляет ли опубликованный отрывок часть того сочинения, о котором упоминает в письме Чаадаев? Такое предположение вполне оправдывается анализом содержания письма и хронологическими данными.

[428] Беляев, стр. 229.

[429] С. Н. Браиловский. Из жизни одного декабриста. — «Русская старина», 1903, № 3, стр. 564. — Сам Бригген полагал, что направление Гиббона — не антирелигиозное, но «антииерархическое» (там же).

[430] Декабристы очень ценили этот труд П. С. Бобрищева-Пушкина и придавали ему большое значение; упоминания о нем часто встречаются в их переписке: Пущин, стр. 190—191, 201, 330; Якушкин, стр. 283, 651; см. также: «Памяти декабристов», т. III. Л., 1926, стр. 59—62.

В 1878 г. друзья П. С. Бобрищева-Пушкина вновь пытались поставить вопрос об издании этого перевода, для чего обратились за советом и помощью к Л. Н. Толстому. Однако Толстой, ознакомившись с переводом, отметил его неполноту и некоторые другие дефекты и категорически отсоветовал публиковать («Красный архив», 1924, № 6, стр. 239).

[431] Пущин, стр. 200—201.

[432] Н. В. Измайлов. А. А. Бестужев до 14 декабря 1825 г. — «Памяти декабристов», т. I. Л., 1926, стр. 55—70.

[433] Пущин, стр. 81.

[434] Бестужевы, стр. 209.

[435] Довнар-Запольский. Мемуары, стр. 41.

[436] «Записная книжка П. Х. Граббе».— «Русский архив», 1888, № 4, особ. пагинация, стр. II; «Из памятных записок П. Х. Граббе».— «Русский архив», 1873, стр. 416 и сл.

[437] «Из воспоминаний И. П. Липранди». — «Русский архив», 1866, стб. 1213.

[438] Н. Киселев. Существуют ли записки графа М. А. Мамонова. — «Русский архив», 1868, стб. 88—89.

[439] Пушкин, т. XII, стр. 310; т. XI, стр. 311, 313. — Это наблюдение принадлежит Б. В. Томашевскому, разрешившему включить его в настоящий обзор.

[440] М. К. Азадовский. Неосуществленный замысел побега декабристов из Читы. (Неопубликованная глава «Записок» Завалишина). — «Декабристы и их время», I, стр. 226.

[441] Максимов, стр. 271.

[442] П. А. Садиков отрицал это обстоятельство, полагая, что А. М. Муравьев «едва ли был способен на подобную сложную синтетическую работу» («Воспоминания и рассказы деятелей Т. О.», т. I, стр. 114). Однако такое заявление не подтверждено достаточно веской аргументацией и вытекает из неоправданно пренебрежительного отношения автора к личности А. М. Муравьева.

[443] Д. И. Завалишин. Декабрист Лунин. — «Исторический вестник», 1880, № 1, стр. 139.

[444] ЦГИА, ф. № 48, оп. 4, д. 37, л. 1 об. Сообщено мне Л. А. Сокольским, которому приношу глубокую благодарность.

[445] «Декабристы на каторге», стр. 334.

[446] «Русская старина», 1875, № 7, стр. 350; «Дневник Кюхельбекера», стр. 241.

[447] Н. Н. Бакай. Сибирь и декабрист Г. С. Батенков. — «Труды Томского краевого музея», вып. 1, 1927, стр. 47.

[448] «Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных». М., 1926, стр. 47.

[449] С. Н. Чернов. Г. С. Батеньков и его автобиографические припоминания.— «Воспоминания и рассказы деятелей Т. О.», т. II, стр. 83, 123—129.

[450] ЦГИА, ф. № 279, оп. 1, д.459, лл. 19 об. — 20.— В этом же письме Батеньков упоминает о статье «Поселенцы». Возможно, что и она имела мемуарный характер.

[451] В автобиографическом очерке «Данные. Повесть собственной жизни» Батеньков писал: «...прочитав „Исповедь" Гоголя и зная вполне его состояние, желал я изъяснить ему его: написал сряду к нему два письма; одно, и лучшее, не дошло. На другое он отвечал, благодаря, и обещал не почитать свои „Мертвые души" ни слишком великим делом, ни грехом смертным» («Воспоминания и рассказы деятелей Т. О.», т. II, стр. 97).

Уже после того, как настоящий очерк был закончен, Т. Г. Снытко обнаружил в Отделе рукописей ЛБ черновик упомянутой статьи о Гоголе (см. т. 60 «Лит. наследства», печатается).

[452] «Записки» декабристов. — Герцен, т. XV, стр. 463 (первоначально: «Колокол», № 143, 1 сентября 1862 г.): «Мы предполагаем издавать „Записки" отдельными выпусками и начать с „Записок" И. Д. Якушкина и князя Трубецкого. Затем последуют „Записки" князя Оболенского, Басаргина, Штейнгеля, Люблинского, Н. Бестужева» и др.

[453] Кубалов, стр. 205.

[454] М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян. М., 1927, стр. 220.

[455] «Исторический вестник», 1888, № 10, стр. 260.

[456] К. А. Иеропольский. М. А. Назимов. — «Познай свой край», вып. 1. Псков, 1921, стр. 41. — О записках Назимова говорил в 1917 г. автору настоящего очерка И. А. Шляпкин, имевший тесные связи с псковскими деятелями. О знакомстве Назимова с Некрасовым см.: А. Н. Пыпин. Из переписки с Н. А. Некрасовым. Сообщил и комментировал Н. А. Пыпин. — «Звенья», V, 1935, стр. 505—506; «Архив села Карабихи». М., 1916, стр. 162 и 165; Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., т. V. Л., 1930, стр. 500, 506—507.

[457] ИРЛИ, Р. 1, оп. 24, № 49.

[458] Бестужевы, стр. 780; см. также воспроизведение первой страницы рукописи (там же, стр. 363).

[459] «Кавказский сборник», т. I. Тифлис, 1876, стр. 123—124; то же, т. II, стр. 75—115.

[460] К. Я. Грот. Пушкинский лицей. Бумаги первого курса. М., 1911, стр. 113.

[461] А. С. Гацисский. А. Д. Улыбышев. — «Русский архив», 1868, № 1, стр. 63; А. Д. Улыбышев. Новая биография Моцарта, т. I. С предисл. Г. Ларош. СПб., 1890, стр. 17. Одна из тетрадей (1843—1844) сохранилась, она опубликована в «Звезде» (1935, № 3, стр. 174—176 с предисл. и прим. М. И. Аронсона); однако, странным образом, комментатору осталась неизвестной публикация Б. Л. Модзалевского («Декабристы и их время», I), вскрывающая связи Улыбышева с декабристами, вследствие чего комментарий оказался неполным и односторонним.

[462] Герцен и Огарев. Новые материалы. Письма Огарева. Сообщил Я. З. Черняк. — «Звенья», VI, 1936, стр. 376—377.

[463] Е. Ф. Юнге. Воспоминания. М., 1914, стр. 115—116.

[464] Д. И. Завалишин. Декабристы.— «Русский вестник», 1884, № 2, стр. 84.

[465] Горбачевский, стр. 357.

[466] Подробно об этом см. в нашей статье: «Мемуары Бестужевых как исторический и литературный памятник». — Бестужевы, стр. 649—654.

[467] «Воспоминания и рассказы деятелей Т. О.», т. I, стр. 21.

[468] «Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных». М., 1926, стр. 59.

[469] Максимов, стр. 324—325; см. также «Щукинский сборник», т. X. М., 1912, стр. 449.

[470] Впрочем, не всегда возможно точно установить, к какому разделу научного знания относилось то или иное сочинение. Так, например, не дошедшее до нас «капитальное сочинение» Н. А. Бестужева «Система мира» (Бестужевы, стр. 287) являлось, вероятно, не только физико-математическим трудом, но и философским.

ПЕРЕЧЕНЬ ПИСАТЕЛЕЙ-ДЕКАБРИСТОВ, УПОМЯНУТЫХ В «ОБЗОРЕ»

Андреевич Я. М.
Арбузов А. П.
Барятинский А. П.
Батеньков Г. С.
Бестужев А. А.
Бестужев М. А.
Бестужев Н. А.
Бестужев Павел А.
Бестужев Петр А.
Бестужев-Рюмин М. П.
Бечаснов В. А.
Бобрищев-Пушкин Н. С.
Бобрищев-Пушкин П. С.
Бобычев Андрей
Борисов А. И.
Борисов П. И.
Булгари Н. Я.
Бурцов И. Г.
Вадковский Ф. Ф.
Веденяпин А. В.
Волконский С. Г.

Вольф Ф. Б.
Выгодовский П. Ф.
Глинка Ф. Н.
Горбачевский И. И.
Граббе П. Х.
Грибоедов А. С.
Давыдов В. Л.
Дмитриев-Мамонов М. А.
Долгорукий И. А.
Драгоманов Я. А.
Завалишин Д. И.
Загорецкий Н. А.
Заикин Н. Ф.
Зубов В. Я.
Иванов И. И.
Ивашев В. П.
Игельстром К. П.
Киреев И. В.
Колошин Павел И.
Колошин Петр И.
Комаров Н. И.
Корнилович А. О.
Кривцов С. И.
Крюков Н. А
Кюхельбекер В. К.
Кюхельбекер М. К.
Лачинов Е. Е.
Лашкевич
Лихарев В. Н.
Лорер Н. И.
Лунин М. С.
Люблинский Ю. К.
Митьков М. Ф.
Муравьев А. М.
Муравьев А. Н.
Муравьев М. Н.
Муравьев Никита М.
Муравьев(Карский) Н.Н.
Муравьев-Апостол М. И.
Муравьев-Апостол С. И.
Муханов П. А.
Назимов М. А.
Нарышкин М. М.
Николаев Федор
Новиков М. Н.
Норов В. С.
Оболенский Е. П.
Одоевский А. И.
Оржицкий Н. Н.
Орлов М. Ф.
Паскевич(Пашкевич)М. Н.
Перетц Г. А.
Пестель П. И.
Пестов А. С.
Поджио А. В.
Пушкин А. С.
Пущин И. И.
Раевский В. Ф.
Римский-Корсаков Г. А.
Розен А. Е.
Рылеев К. Ф.
Спиридов М. М.
Токарев А. А.
Толстой Ф. П.
Торсон К. П.
Трубецкой С. П.
Тургенев Н. И.
Тютчев А. И.
Улыбышев А. Д.
Фонвизин М. А.
Черкасов А. И.
Чернов К. П.
Чернышев З. Г.
Чижов Н. А.
Шаховской Ф. П.
Шимков И. Ф.
Шипов С. П.
Штейнгель В. И.
Юшневский А. П.
Якубович А. И.
Якушкин И. Д.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

«Алфавит декабристов» — «Восстание декабристов», т. VIII. Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Л., 1925.

«Архив Тургеневых» — «Архив братьев Тургеневых», вып. 1—6. Под редакцией и с примечаниями Е. И. Тарасова. СПб., 1911—1921.

Базанов — В. Г. Базанов. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949.

Базанов. Раевский — В. Г. Базанов. Владимир Федосеевич Раевский. Новые материалы. Л., 1949.

Басаргин—Записки Н. В. Басаргина. Под редакцией П. Е. Щеголева. СПб., 1917.

Беляев — А. П. Беляев. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. СПб., 1882.

Бестужевы—Воспоминания Бестужевых. Редакция, статья и примечания М. К. Азадовского. М.—Л., 1951.

«Бунт декабристов» — «Бунт декабристов. Юбилейный сборник 1825—1925». Под редакцией Ю. Г. Оксмана и П. Е. Щеголева. Л., 1926.

ВД — «Восстание декабристов. Материалы», тт. I—VI, VIII, IX. М.—Л., 1925—1950.

Волконский — Записки С. Г. Волконского (декабриста). СПб., 1902.

«Воспоминания и рассказы деятелей Т. О.» — «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ двадцатых годов». Т. I. М., 1931; т. II. Л.—М., 1933.

Герцен — Полное собрание сочинений и писем А. И. Герцена. Под редакцией М. К. Лемке, т. I—XXII. Пг., 1919—1925.

Горбачевский — Записки и письма Горбачевского. Под редакцией Б. Е. Сыроечковского. М., 1925.

«Декабристы», 1926 — «Декабристы. Отрывки из источников». Составил Ю. Г. Оксман при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского. М.—Л., 1926.

«Декабристы и их время» — «Декабристы и их время. Труды Моск. и Ленингр. секций по изучению декабристов и их времени», т. I. М., 1927; т. II. М., 1932.

«Декабристы и их время», 1951 — «Декабристы и их время. Материалы и сообщения». Под редакцией М. П. Алексеева и Б. С. Мейлаха. М.—Л., 1951.

«Декабристы на каторге» — «Декабристы на каторге и в ссылке. Сборник новых материалов и статей». М., 1925.

«Дневник Кюхельбекера» — «Дневник В. К. Кюхельбекера. Материалы к истории рус. литературной и общественной жизни 10—40-х гг. XIX в.». Предисловие Ю. Н. Тынянова. Редакция и примечания В. Н. Орлова и С. И. Хмельницкого. Л., 1929.

Довнар-Запольский. Мемуары — М. В. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов. Киев, 1906.

Довнар-Запольский. Тайное общество — М. В. Довнар-Запольский. Тайное общество декабристов. Киев, 1906.

«Донесение» — «Донесение Следственной комиссии». СПб., 1826.

Дружинин — Н. М. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933.

Завалишин — Д. И. Завалишин. Записки декабриста. М., 1906.

Кюхельбекер — В. К. Кюхельбекер, т. I. Лирика и поэмы; т. II. Драматические произведения. Редакция и примечания Ю. Тынянова. Л., 1939 («Библиотека поэта». Большая серия).

«Летописи» — «Летописи Государственного литературного музея», т. III. Декабристы. Редакция Н. П. Чулкова. М., 1938.

Лорер — Записки декабриста Н. И. Лорера. Подготовила к печати и комментировала М. В. Нечкина. М., 1931.

Маслов — В. И. Маслов. Литературная деятельность Рылеева. Киев, 1912.

Нечкина. Грибоедов — М. В. Нечкина. Грибоедов и декабристы. Изд. 2-е. М., 1951.

Нечкина. 14 декабря — М. В. Нечкина. Восстание 14 декабря 1825 г. М., 1951.

«Общественные движения» — «Общественные движения в России в первую половину XIX века». Сост. В. И. Семевский, В. Я. Богучарский и П. Е. Щеголев, т. I. СПб., 1905.

Одоевский — Полное собрание сочинений А. И. Одоевского. Под редакцией И. А. Кубасова. М.—Л., «Academia», 1934.

«Ост. архив» — «Остафьевский архив князей Вяземских». Под редакцией и с примечаниями В. И. Саитова, тт. I—V. СПб., 1899—1913.

«Письма Н. Тургенева» — «Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу». М., 1936.

Пушкин — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, тт. I—XVI. Изд. Академии Наук СССР. М.—Л., 1937—1949 (все цитаты из писем Пушкина приведены по названному изданию и печатаются без ссылок на него).

Пущин — «Декабрист И. И. Пущин. Записки о Пушкине и письма из Сибири». Редакция С. Я. Штрайха. М., 1925.

Розен — А. Е. Розен. Записки декабриста. СПб., 1907.

Рылеев. Соч. — К. Ф. Рылеев. Полное собрание сочинений. Редакция, вступительная статья и примечания А. Г. Цейтлина. М.—Л., «Academia», 1934.

Рылеев. Стих. — К. Ф. Рылеев. Полное собрание стихотворений. Редакция, предисловие и примечания Ю. Г. Оксмана. Л., 1934 («Библиотека поэта». Большая серия).

Семевский — В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. М., 1909.

Трубецкой — Записки С. П. Трубецкого. М., 1905.

Н. Тургенев — Н. И. Тургенев. Россия и русские. М., 1915.

«Ульяновский сборник» — «Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института. Пушкинский юбилейный сборник», 1949.

Щеголев. Декабристы — П. Е. Щеголев. Декабристы. М., 1926.

Якушкин — Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. Редакция, статья и комментарии С. Я. Штрайха. М., 1951.

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).

ГПБ — Государственная публичная библиотека РСФСР имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии Наук СССР (Ленинград).

ЛБ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва).

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва).

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив (Москва).

ЦГВИАЛ — Центральный государственный военно-исторический архив (филиал в Ленинграде).

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Москва).

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив (филиал в Ленинграде)

ЦГЛА — Центральный государственный литературный архив (Москва).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Составила Э. Г. Кондорская

А. О.— 772.
Абрамов, Иван Спиридонович — 769.
Абрамович, Дмитрий Иванович — 769.
Аванесов, Рубен Иванович — 365.
Август, имп. римский — 442, 577, 588.
Августы — 441.
Авраам, архиепископ — 221.
Аврелиан, Люций Домиций — 594.
Агамемнон — 504.
Агап Иванович, рассыльный «Полярной звезды» — VI, 13, 251—56, 322.
Адамов, подполковник — 692.
Аденау, знакомый Рылеева — 137.
Адеркас, Борис Антонович — 541—42, 544.
Адлерберг, Владимир Федорович — 191.
Адриан, Публий Элий — 588, 597.
Адрианов, Александр Васильевич — 606, 750—51, 757.
Азадовский, Марк Константинович — 256, 283, 539, 547—54, 601—777.
Айхенвальд, Юлий Исаевич — 14.
Аксенов, Константин Дмитриевич — 177, 626—27, 675, 761, 763, 765.
Акулов (Окулов), Николай Павлович — 212, 216.
Аладьин, Егор Васильевич — 145, 255—56.
Александр Македонский — 597, 739.
Александр Невский — 366, 374, 414.
Александр I — 69, 73—75, 80—82, 120, 166, 203, 213, 215, 217, 233—34, 289—292, 294, 297, 299, 326, 346—47, 353—54, 363, 442, 504, 508, 517, 522, 524, 526, 580—81, 614, 628, 630, 654, 656, 658, 676, 680, 683, 685, 692—94, 713, 717, 761, 765.
Александр II — 335—36, 340—41, 491.
Александр III — 341.
Александра Федоровна, имп. — 508, 511.
Александров, Петр Александрович —350.
Александрович, Феоктист Феоктистович— 302, 305, 308.
Алексеев, Михаил Павлович — 766, 778.
Алексей Михайлович, царь — 29, 30.
Алексей Петрович, царевич — 735, 773.
Алимский —200—01.
Альтшуллер, Анатолий Яковлевич — 530.
Альфред Великий — 586, 596.
Алябьев, Александр Александрович — 206, 212.
Анастасевич, Василий Григорьевич —300.
Андреев, Андрей Николаевич — 170, 179.
Андреев, Василий — 722—24, 771.
Андреевич, Яков Максимович — 607, 660, 670—72, 674, 678, 680—81, 687, 692, 694—96, 717, 722, 754, 764, 766—67, 776.
Анна Ивановна, имп.— 8, 336, 338.
Анненков, Георгий — 769.
Анненков, Иван Александрович — 222, 476—77.
Анненков, Павел Васильевич — 762.
Аннинька — см. Кюхельбекер А. М.
Анойченко, Федор Н. — 660.
Анохина, Людмила Ивановна — 401.
Антенор — 590—92.
Антонин — см. Марк Аврелий Антонин.
Антонэн, М. — 625.
Антропов, Николай Александрович — 162, 164, 170, 179—81, 666.
Апраксин, Степан Степанович — 194, 332.
Аракчеев, Алексей Андреевич — 4,5, 75, 76, 79, 93, 99, 100, 203, 238, 248, 262, 272, 282, 504, 750—51, 761.
Арапов, Пимен Николаевич — 84.
Арбузов, Антон Петрович — 152, 178, 196, 204, 216, 228, 233, 607, 693—94, 778.
Арей, спартанский царь — 592.
Аристарх — 457.
Аристов, А. П. — 286, 288.
Аристофан — 449—50.
Аронсон, Марк Исидорович — 776.
Арсеньев, Константин Иванович — 501, 507, 511, 534, 735.
Артамон, слуга Тевяшевых — 243.
Артенов, Иван — 500.
Артуа, граф — см. Карл X.
Архилох — 430.
Арцыбашев, Дмитрий Александрович — 222.
Асосков — 242.
Асташев, Иван Дмитриевич — 757.
Атрешков (Отрешков), Наркиз Иванович — 530.
Афанасьев, Александр Николаевич —539.
Афонов — 302.
Ахвердов, Федор Исаевич — 308, 432.
Ахвердова (рожд. Арсеньева), Прасковья Николаевна — 431—32, 436, 439, 445.
Ашукина, Мария Григорьевна — 396, 494.

Багалей, Дмитрий Иванович — 305, 313,
Базанов, Василий Григорьевич — 82, 313, 529, 626 — 27, 685—86, 703, 756, 758—59, 761, 767—69, 771—73, 778.
Базилевич, Василий Митрофанович — 603, 756.

Базин, Иван Алексеевич — 187—88.
Байер (Баер), Теофил-Зигфрид — 562—63, 588.
Байрон, Джордж-Гордон — 5, 9, 11, 14, 18, 124, 154, 262, 331, 340, 357, 392, 394, 418, 490, 502, 504, 506, 688, 691.
Бакай, Николай Никитич — 750, 770, 775.
Бакиханов, Абас-Кули-ага — 772.
Бакунин, Василий Михайлович—200—01.
Балашов, Александр Дмитриевич — 221.
Балашов, Семен, камердинер Кюхельбекера — 541.
Бальзак, Онорэ — 385—86, 390, 432, 434.
Бантыш-Каменский, Дмитрий Николаевич — 38, 54, 57, 63, 68, 301, 315.
Бараницкий, Андриан — 491.
Баранов, Александр Андреевич — 166—67.
Баранов, Владимир Васильевич — 101, 121.
Баранов, Николай Иванович — 189.
Барановская, Мария Юрьевна — 401, 479—80, 554, 773.
Баратаев, Михаил Петрович — 609, 759.
Баратынский, Евгений Абрамович — 5, 75, 138, 148, 164, 268—69, 272, 351—52, 355, 363—64, 384, 410, 479, 500, 502, 507, 510, 512, 706, 772.
Бард, де ла, Александр — 283.
Бартенев, Петр Иванович — 147, 151, 267, 335, 342, 747, 751, 762.
Барятинский, Александр Петрович — 607, 649, 651—52, 656, 682, 690, 692, 694, 697, 699, 707—08, 742, 757, 764, 767, 774, 776.
Басаргин, Николай Васильевич — 335, 404, 474, 476—79, 499, 548, 551, 698, 710, 741, 767, 769, 776, 778.
Батеньков, Гавриил Степанович —V, VII, VIII, 168, 172—73, 176, 180, 182—83, 203—04, 206, 212, 225, 557—58, 564, 606, 628, 630, 675, 690, 697, 699, 709, 738, 750—51, 757, 768, 770, 774—76.
Батте, Шарль — 512.
Баттони — 282.
Батузатель, Петр — 302, 309.
Батюшков, Константин Николаевич —4, 281, 307, 320, 355, 362—63, 410, 508, 512, 547.
Баум, Яков Давыдович — 761, 768.
Баумгартен, Леон — 515.
Бахтин, Николай Иванович — 53.
Башинский, Степан — 302, 305, 308.
Башмаков, Флегонт Миронович — 474, 679—81.
Бегичев, Степан Никитич — 479, 500, 688, 700, 769.
Бедряга, Анна Ивановна — 158—59, 304.
Бедряга, Михаил Григорьевич — 158—59.
Безгласный В. — см. Одоевский В. Ф.
Бейсов, Петр Сергеевич — 345—54, 725, 728, 772.
Беккер, Иосиф Исаакович — 515.
Белецкий-Носенко, Павел Павлович — 507.
Белинский, Виссарион Григорьевич — 276, 284, 382, 388, 390, 506, 528, 530, 553—54, 724.
Белоголовый, Николай Андреевич — 754, 770.
Белозерский Николай Д.— 302, 305, 308.
Белосельский-Белозерский, Эспер Александрович — 183.
Беляев 1-й, Александр Петрович — 152, 172, 216—17, 265, 693—94, 700, 701, 712, 726, 729—30, 741—42, 744, 769—70, 772, 775.
Беляев 2-й, Петр Петрович — 194, 216—17, 693.
Бенкендорф, Александр Христофорович—73, 82, 115, 119, 121, 169, 191, 332, 382, 398, 401, 457—58, 768.
Беранже, Пьер-Жан — 504, 766.
Бернштейн, Эммануил Бенционович — 505, 679.
Беррийский, герцог — 351, 696.
Берх, Василий Николаевич — 12.
Бессонов, Петр Алексеевич — 514—15, 730, 773.
Бестужев (Марлинский), Александр Александрович—V—VII, 4, 5, 8, 11, 12, 37, 39, 43—44, 53—55, 66, 69, 70, 77, 80—83, 85—87, 90—91, 93—96, 99, 101—02, 105—06, 109—12, 123—24, 138, 140—42, 145—46, 148, 150—52, 154, 164, 168, 178, 180, 182—83, 187, 192—94, 199, 204—05, 211—12, 215, 219—20, 222—25, 228, 232, 235, 255—56, 263—64, 266—67, 269—70, 273—74, 285, 300, 316, 320, 322, 337, 341, 392, 394, 449, 459,492, 504, 515—16, 536, 540, 644, 682, 685, 687, 689—90, 692, 708—10, 712—13, 720, 724, 726, 728, 730, 734, 746, 768, 770—71, 775—76.
Бестужев, Михаил Александрович — V — VII, 90—96, 100, 109—10, 120—21, 251, 255, 263, 274, 605, 682, 689—90, 698, 700, 708—10, 712—13, 727, 730—31, 741—44, 746, 748—49, 754, 769, 770, 772—73, 776.
Бестужев, Николай Александрович — V, VII, VIII, 67, 70, 152, 160—62, 174, 176, 178, 182, 190, 198, 204, 216—17, 224, 229—30, 232—33, 235, 255, 270, 273, 289, 298—99, 335, 602, 675—76, 700, 705, 708, 710, 712—13, 726—28, 730— 31, 734, 738, 740—41, 744, 748, 762, 770, 772—73, 776.
Бестужев, Павел Александрович — VII, 217, 713, 770—71, 776.
Бестужев, Петр Александрович — VII, 212, 217, 690, 692, 713, 722, 723, 752, 776.
Бестужев-Рюмин, Михаил Павлович — 102, 109, 120, 175, 178, 191, 213, 226, 268—69, 272, 513, 604, 606, 616, 630, 639—40, 642, 645, 648, 650, 653—57, 659—60, 663—72, 674, 678—81, 694, 696, 698, 712, 764—65, 776.
Бестужева, Елена Александровна — VIII, 251, 269, 684, 709, 713, 724.
Бестужева, Прасковья Михайловна — 770.
Бестужевы — 68, 80, 160—61, 177, 219, 225, 256, 272, 283—84, 298, 654, 691. 762, 767—76, 778.
Бетховен, Людвиг — 771.

Бецкий, Иван Иванович — 82.
Бечаснов (Бесчаснов, Бечасный), Владимир Александрович — 671—72, 674, 681, 708, 770.
Бибиков, Михаил Илларионович — 773.
Бибикова (рожд. Муравьева-Апостол), Екатерина Ивановна — 605.
Бибикова (рожд. Муравьева), Софья Никитишна — 733.
Биньон, Луи-Пьер-Эдуард — 315.
Бируков, Александр Степанович — 18, 41, 138, 260, 535, 540.
Бистром, Карл Иванович — 620.
Благовещенский И. Е. — 488.
Блудов, Дмитрий Николаевич — 632, 634.
Блюмин, Израиль Гершович — 287—88, 774.
Бобринский, Василий Алексеевич — 757.
Бобрищев-Пушкин, Николай Сергеевич — 273, 474, 642—43, 663, 776.
Бобрищев-Пушкин, Павел Сергеевич — 273, 474, 476—78, 479, 499, 642—43, 663, 705—06, 739, 741—42, 744, 763—64, 775—76.
Бобров, Семен Сергеевич — 418, 420, 431.
Бобровский, каптенармус — 121.
Бобылев, Андрей — 660.
Богаевская, Ксения Петровна—VIII.
Богданов, Арсений Иванович — 188, 229.
Богданов-Березовский, Валериан Михайлович — 506.
Богданович, Ипполит Федорович — 309, 311—12, 320.
Богучарский, Василий Яковлевич — 601, 756, 779.
Бодянский, Осип Максимович — 511.
Бок, Тимофей Егорович — 628, 761.
Болотников, Иван Исаевич — 37.
Болтин, Иван Николаевич — 589.
Бомон, Фрэнсис — 418, 420.
Бонштетен, Карл-Виктор — 738.
Борг, фон-дер, Карл-Фридрих — 420.
Борисов 1-й, Андрей Иванович — 493—94, 660, 662, 678, 717.
Борисов 2-й, Петр Иванович — 493—94, 604, 638, 660, 662—63, 670—72, 674, 678, 680—82, 722, 744, 764, 766, 776.
Борн, Иван Михайлович — 359—60, 362, 364—65.
Боровков, Александр Дмитриевич — 631, 761, 765.
Боровков А. Н. — 761.
Боровкова-Майкова, Мария Семеновна — 632—33, 762.
Боровой, Саул Яковлевич — 774.
Боровский, Яков Маркович — 595.
Бороздин, Александр Корнилович — 564, 631, 761, 767, 773.
Бороздин, Константин Александрович — 773.
Бортнянский, Дмитрий Степанович — 504.
Б⟨о⟩рщ⟨о⟩в⟨?⟩, В. А.—309.
Боцан, шт.-кап. — 105.
Бочков, Алексей Поликарпович — 42, 44, 55, 151.
Бошняк, Александр Карлович — 219, 657, 717, 736, 773.
Боян, хан Аварский — 594.
Браиловский, Сергей Николаевич — 774, 775.
Брамбеус, барон — см. Сенковский О. И.
Бреверн, Федор (Фридрих) Логгинович — 186.
Брейткопф (рожд. Парис), Анна Ивановна — 518, 529.
Брейткопф, Бернгард-Теодор (Федор Иванович) — 426, 429.
Брейткопф, Наталья Федоровна — см. Дирина Н. Ф.
Брейткопф, Эмилия Федоровна — 395, 407—09, 414—15, 431, 442, 444—45, 467—68, 477, 518, 529.
Бригген, Александр Федорович — 57, 68, 164, 204, 212 — 13, 226, 474, 477, 494—95, 738, 744, 765, 774—75.
Брискман, Михаил Аркадьевич — 11, 84, 99, 119, 766, 769.
Брискорн, домовладелец — 254.
Брифо, Шарль — 711.
Броневский, Семен Богданович — 382.
Брут, Луций Юний — 664, 735.
Брут, Марк Юний — 45, 173.
Брюс, Генрих-Петер — 734.
Буа, де — 685.
Бугайский, Порфирий Яковлевич—338.
Буксгевден, сослуживец Рылеева, офицер — 158—59.
Буланова, Ольга Константиновна — 706, 769.
Булатов, Александр Михайлович — 172, 189, 204, 213—16, 220, 602, 756.
Булатова, домовладелица — 152.
Булгаков, Александр Яковлевич — 536.
Булгаков, Константин Яковлевич — 536.
Булгари, Николай Яковлевич — 648, 776.
Булгарин, Фаддей Венедиктович — фронтиспис, 12, 14, 16, 42, 137, 142, 147—48, 150—51, 163—64, 219—20, 225, 232, 252, 255—58, 274, 276, 278—80, 313—14, 318, 382, 410, 412, 429, 435, 446, 448—49, 460, 462, 532—35, 539, 602, 688, 736.
Булдаков, Михаил Матвеевич — 327.
Бульвер-Литтон — 381, 389, 392.
Бунина, Анна Петровна — 355, 364.
Бурбоны — 69, 504—05.
Бурнашев, Александр Алексеевич — 187—88.
Бурцев, Александр Евгеньевич — 84, 511.
Бурцов, Иван Григорьевич — 170, 193, 201, 274, 484, 608—09, 617, 619—20, 623, 649, 658, 731, 736—37, 740, 758, 773, 776.
Буторин, рядовой — 120.
Бутурлин, Дмитрий Петрович — 283, 740, 774.
Бухштаб, Борис Яковлевич — 709, 770.
Бушканец, Ефим Григорьевич — 13, 285—88.
Бушовский — 744
Быстрицкий, Андрей Андреевич — 493—94.
Бычков, Иван Афанасьевич — 772.

В. л. г. л. м.— см. Кюхельбекер В. К.
Вагарш, грузинский царь — 739.
Вадковский, Александр Федорович — 679.
Вадковский, Федор Федорович — 187—88, 222, 452, 471—73, 499, 645—48,

666, 683, 685, 690, 697, 706, 757, 766, 768—69, 776.
Валуева (рожд. Вяземская), Мария Петровна — 565—66.
Ванини, Луцилио — 324.
Василий I — 585.
Вас<ильев?>а, Т. И.— 512.
Васильчиков, Илларион Васильевич — 120, 628.
Васильчикова, знакомая Кюхельбекеров — 414.
Васконселос (Васконселюш) — 598.
Вателет, И. Л. — 308.
Вахтен — 692.
Веденяпин 2-й, Алексей Васильевич — 607, 662, 738—40, 764.
Веденяпин 1-й, Аполлон Васильевич — 738, 774, 776.
Ведров, Владимир Максимович — 341.
Вейсс, Франциск-Рудольф — 482, 720, 744.
Великошапкин, Афанасий Григорьевич — 200—01.
Величко, В. Л. — 163.
Вельтман, Александр Фомич — 487—88.
Веневитиновы — 304.
Венецианов, Алексей Гаврилович — 745.
Веревкин, комендант — 116, 118.
Верстовский, Алексей Николаевич — 146, 281, 283.
Верховский, Юрий Никандрович — 766.
Веселовские — 417.
Веселовский, С. — 499.
Веспасиан — см. Тит Флавий Веспасиан.
Ветте, де — 282.
Вигель, Филипп Филиппович — 631—34, 685, 762, 766.
Виланд, Кристоф-Мартин — 426, 429, 455.
Вилламов, Артем Григорьевич—187, 500.
Виллель, Жозеф — 351.
Вильгельм — см. Кюхельбекер В. К.
Вильгельм К. — см. Кюхельбекер В. К.
Вильде, Лия Яковлевна — 499, 557, 565—68.
Виноградов, Виктор Владимирович — 365, 549, 554.
Виньи, де, Альфред — 385, 432, 434.
Висконти, архитектор — 254.
Витгенштейн, Петр Христианович — 761.
Витт, Иван Осипович — 657.
Вишницер, Марк Львович — 774.
Владимир Святославич, вел. кн. киевский — 8, 10, 22—23, 144, 573, 589.
Власьев, Петр — 120, 121.
Воейков, Александр Павлович — 200.
Воейков, Александр Федорович — 12, 20, 57, 137, 140—42, 148, 153—54, 200, 252, 276, 278, 300, 448, 479, 498.
Воейков, Николай Константинович — 200.
Воейков, Николай Павлович — 183.
Воейков, лейтенант — 200.
Войнаровский, Андрей — VI, 4—6, 8—10, 31—36, 38—57, 97, 136, 144, 154, 219, 235—36, 244, 250, 306, 315, 327, 336—38, 340—41, 502.
Войнилович, Антон Станиславович — 679.
Войно-Куринская, знакомая Кюхельбекеров — 406.
Волк, Степан Степанович — 601, 738, 756.
Волков, А. А. — 82, 116, 118, 121.
Волков, юнкер — 660.
Волконская (в замуж. Молчанова, Кочубей, Рахманова), Елена Сергеевна — 471, 473, 494.
Волконская (рожд. Раевская), Мария Николаевна — 284, 395, 470, 471—72, 494, 497, 580, 604, 756, 760.
Волконский, Михаил Сергеевич — 471, 473, 494.
Волконский, Петр Михайлович — 72, 74—76, 79, 82—83, 292.
Волконский, Сергей Григорьевич — VIII, 80, 85, 102, 172, 183, 196, 220, 226, 284, 472, 494, 568, 604, 628, 639—40, 642, 645—54, 658, 667, 670, 678, 738, 756, 760—61, 763—64, 766, 770, 776.
Волынский, Артемий Петрович — 8, 37, 142, 332, 334, 336.
Вольтер, Франсуа-Аруэ — 83, 320, 322, 325, 426, 428—29, 474, 591, 744.
Вольф, Фердинанд (Христиан) Богданович — 399, 607, 777.
Вольховский, Владимир Дмитриевич — 479—85, 609.
Воробьев, Максим Никифорович — 419.
Воронин, Иван Дмитриевич — 121.
Воронцов, А.— 168.
Воронцов, Михаил Семенович — 179, 225, 628.
Востоков, Александр Христофорович — 359, 362—65, 506—08, 511, 548—49, 552, 554.
Времев, помещик— 212.
Всеволожский, Никита Всеволодович — 683—84.
Всеволожский, Николай Сергеевич — 759.
Второв, Николай Иванович — 313, 702, 704.
Выгодовская (Дунцова), мать декабриста — 721.
Выгодовский (Дунцов), Павел Фомич — 605, 607, 661, 717—22, 758, 771, 777.
Выгодовский (Дунцов), брат декабриста — 721.
Высоцкая (рожд. Поджио), Варвара Александровна — 754.
Вюртембергская, принцесса — см. Мария Федоровна, имп.
Вюртембергский, герцог — 146, 255.
Вяземская (рожд. Гагарина), Вера Федоровна — 565—66.
Вяземские — 101, 109, 119, 138, 140, 566.
Вяземский, Петр Андреевич — VI, VII, 5, 12, 44, 55, 76, 79, 83—84, 86—89, 93, 96—97, 100, 103—104, 121—22, 138, 140—41, 143—44, 146, 148, 151, 163, 256, 281, 283, 346—48, 350, 353, 355, 361, 363, 558, 560—61, 563, 565—68, 602, 618, 638, 688—89, 700, 713, 740, 762, 765, 767.

Габсбурги — 69.
Гаврилов, книгопродавец — 255.
Гаврилов, рядовой Измайловск. полка — 120.
Гагарин, Александр Иванович — 183, 187.
Гагарин, Сергей Сергеевич — 529—30.

Гаккель, Павел Францевич — 345, 354, 772.
Галактионов, Степан Филиппович — 155.
Галич, Александр Иванович — 418, 420, 501, 508, 511.
Галямин, Валерьян Емельянович — 186.
Гангеблов, Александр Семенович — 752.
Ганцова-Берникова, Вера Александровна — 771.
Гардовский, офицер, сослуживец Рылеева —156—57, 159, 237.
Гарпенко, В. — см. Кюхельбекер В. К.
Гасфорд, Густав Христианович — 771.
Гатерер, Иоанн — 589, 597.
Гацисский, Александр Серафимович — 286—87, 714, 753, 776.
Гвоздев — 186.
Гебель, Густав Иванович — 604.
Гегель, Георг-Вильгельм-Фридрих — 717.
Гейсмар, Федор Клементьевич — 640.
Геллерт, Христиан — 402, 404.
Гельвеций, Клод-Адриан — 744.
Гельвиг, комендант Динабургской крепости — 396, 406.
Гераков, Гавриил Васильевич— 312.
Гербель, Николай Васильевич — 259.
Герман, Карл Федорович — 609, 740.
Гернет, Михаил Николаевич— 119.
Геродот — 576, 586, 588, 590—91, 593, 596—98.
Геростат — 504.
Геррес, Яков-Иосиф — 419, 421.
Герцен, Александр Иванович—VI II, 3, 8, 14, 74—75, 80, 86, 257, 259, 270, 353, 382, 472, 554, 608, 615, 711, 743, 752, 754, 758, 776, 778.
Гершензон, Михаил Осипович — 698—700, 761, 768—70.
Гесс де Кальве, Густав — 310.
Гёте, Иоганн-Вольфганг — 146, 282, 377, 392, 394, 411, 425 — 26, 428 — 29, 432, 448, 459, 474, 490, 504, 709, 724, 726, 771.
Гиббон, Эдуард — 738, 744, 775.
Гиллер, Агатон — 515.
Гиллис — 538.
Гладков, ген.-лейт.— 296—97.
Глазунов, Николай Николаевич — 332.
Глебов, Михаил Николаевич — 192, 506.
Глинка, Александра Григорьевна — 348, 354, 395, 401, 404, 411, 416—17, 422, 426, 429, 436, 439, 442, 444—45, 450, 458, 464, 466, 478—79.
Глинка, Анна Андреевна — 212.
Глинка, Борис Григорьевич — 395, 400, 406—07, 415—19, 421—22, 430—31, 435—36, 439—40, 443, 445—46, 448—49, 451—52, 456—58.
Глинка, Владимир Андреевич — 398, 408, 411—12, 431, 482, 500.
Глинка, Григорий Андреевич — 400, 479—82, 499.
Глинка, Дмитрий Григорьевич — 400, 406—07, 415—16, 422, 424, 430, 432—33, 435—36, 440—41, 443—45, 451.
Глинка, Екатерина Андреевна — 417.
Глинка, Михаил Иванович — 501—02, 504—06, 757.
линка (в замуж. Рачинская), Надежда Андреевна — 412.
Глинка (в замуж. Одынец), Наталья Григорьевна — 395—96, 400—01, 404, 407—08, 410—12, 414, 416—17, 422, 424, 431, 436, 439, 441—42, 444, 450—51, 454, 463—64, 466, 477—78, 488, 498—500, 689.
Глинка, Николай Григорьевич — 390, 395, 400, 406—07, 415—16, 418—19, 421—22, 424—25, 429, 440, 446, 451, 455 — 56, 464, 481, 498, 500.
Глинка (в замуж. Лаврова), Софья Андреевна — 412.
Глинка, Федор Николаевич — 6, 11, 57, 59, 66—68, 138, 170, 172, 186—87, 215—16, 273—74, 347, 479, 482, 499, 507, 510, 570, 607, 621, 626—27, 691—92, 697, 712, 716, 722, 757, 761, 768, 777.
Глинка (рожд. Вишневская), Ульяна (Юлия) — 411—12.
Глинка, Юстина Григорьевна — 395, 401, 404, 411, 414, 416—17, 422, 426, 432, 436, 439, 442, 451, 464, 499.
Глинка (рожд. Кюхельбекер), Юстина Карловна — 395—96, 400—01, 406—11, 414, 416, 422, 426, 430, 434, 436, 439—42, 444, 450—51, 454, 464, 466, 475, 478, 481, 484, 499, 518, 541—46.
Глинка, жена Дмитрия Григорьевича — 466.
Глинский, Михаил Львович — 19.
Глумов, Александр Николаевич — 84.
Гнедич, Николай Иванович — 8, 31, 67, 138, 320, 322, 325, 362, 448, 450, 479, 499, 511—12, 518, 579, 591.
Гоголь, Николай Васильевич — 751, 775—76.
Годунов, Борис Федорович — 66, 527—28.
Голенищев-Кутузов, Павел Васильевич — 191, 544.
Голиков, Иван Иванович — 454.
Голицын, Александр Николаевич — 75, 191, 306.
Голицын, Александр Сергеевич — 205.
Голицын, Андрей Михайлович — 354.
Голицын, Валериан Михайлович — 200—01, 226, 749.
Голицын, Дмитрий Владимирович — 105, 484.
Голицын, Михаил Федорович — 187—88.
Голицын, Николай Николаевич (Книжник) — 314.
Голицын, Павел Александрович — 201, 306.
Голицын, Сергей Федорович — 137—38.
Голицын, Эммануил Михайлович — 354.
Голицын — 612.
Голицына (рожд. Энгельгардт), Варвара Васильевна — 138.
Головачев, Петр Михайлович — 768—70.
Головин, Евгений Александрович — 196.
Головин, Иван Гаврилович 70, 74, 81—83.
Головин, Николай Николаевич — 630.
Головинский, Павел Казимирович — 766.
Головкин, Гавриил Иванович — 735.
Головкин, Юрий Александрович — 189.
Голубов, Сергей Николаевич — 767.

Гольбах, Поль-Анри — 744.
Гольгоф, Александр Федорович — 187—88.
Гольдшмидт, Оливье — 441—42.
Гомер — 352, 373, 380, 391, 449—50, 455, 586, 590—91, 738.
Гомозейка, Ириней Модестович — см. Одоевский В. Ф.
Гонсевский, Александр-Корвин — 448.
Гораций — 304, 313—14, 490, 585.
Горбачевский, Иван Иванович — 605, 656, 660, 662—63, 670—72, 674, 678, 680—81, 710, 722, 730—31, 744, 748, 754, 764—66, 777—78.
Горовой, Федор Семенович — 288.
Горожанский, Александр Семенович — 222.
Горский, Осип (Юлиан) Викентьевич — 197, 199, 496.
Горсткин, Иван Николаевич — 177, 236, 683.
Горчаков, Александр Михайлович — 365.
Горчаков, Петр Дмитриевич — 495.
Госляр, Ю. — 491.
Гофман, Виктор Абрамович — 5.
Гофман, Модест Людвигович — 81, 285, 287.
Гофман, Эрист-Теодор-Вильгельм-Амедей — 392, 451.
Граббе, Павел Христофорович — 204, 629, 747, 775—77.
Граве, Владислав Христианович — 187.
Грейг, Алексей Самойлович — 536.
Греков, Борис Дмитриевич — 581.
Греч (рожд. Мюссар), Варвара Даниловна — 459—60.
Греч (рожд. Фрейгольд), Екатерина Яковлевна — 459—60.
Греч, Николай Иванович — 70, 74—75, 80, 82—83, 138, 225, 252, 255—56, 276, 278, 289, 298, 332, 346, 354, 382, 395, 401, 446, 448—49, 459—60, 533, 548—50, 552, 554, 684, 725—26, 731, 758, 766.
Грибовский, Михаил Кириллович — 606, 619—20, 622, 635, 757, 759—60.
Грибоедов, Александр Сергеевич — VIII, 72, 145—46, 177—78, 183, 225, 281, 348, 352, 355, 384, 396, 410, 432, 436, 479—80, 500, 518, 520—22, 529—30, 557, 601, 604, 656, 682, 684, 686—89, 700, 726, 756, 766—67, 769, 777, 779.
Грибоедова, Н. Ф. — 296.
Григорьев, Ефим — 120.
Гринев, С. А. — 308.
Гродецкий, Анастасий Степанович — 669—70.
Громницкий, Петр Федорович — 678, 681—82, 721.
Грот, Яков Карлович — 482, 484, 540, 776.
Грохольский, Дмитрий — 188, 660—79, 766.
Грум-Гржимайло, Алексей Григорьевич — 636, 734, 762, 770, 773.
Губер, Эдуард Иванович — 506.
Гулак-Артемовский, Петр Петрович — 302, 305—07.
Гуров, Федор — 106.
Гурьев, Дмитрий Александрович — 75.
Гюгеннэ, m-lle — 654.
Гюго, Виктор — 385—86, 432, 434, 492.
Д. Р. К. — см. Княжевич Д. М.
Давид — 702.
Давиденко, знакомый Ю. К. Люблинского — 708.
Давыдов, Василий Львович — V, VIII, 219, 471—72, 499, 603—04, 639—40, 642, 645—52, 654, 657—59, 678, 707—08, 717, 736, 760, 764, 770—71, 777.
Давыдов, Денис Васильевич — 5, 138, 277, 281—82, 565—66, 736.
Давыдов, Дмитрий Александрович — 200—01.
Давыдов, Иван Иванович — 142.
Давыдов, Николай — 302, 309.
Давыдова (рожд. Потапова), Александра Ивановна — 471—72.
Даламбер, Жан-Лерон — 692.
Даль, Владимир Иванович — 449, 511.
Данелевич, Е. — 515.
Данилов, Владимир Валерьянович — 506, 774.
Дау (Доу), Джордж — 282.
Дейч, Генрих Маркович — 411, 541—46.
Делиль, Жак — 307, 411—12.
Дельвиг, Андрей Иванович — 148, 150—51.
Дельвиг, Антон Антонович — 5, 75, 138, 147—48, 150—51, 225, 267—68, 345, 347, 351—52, 354—55, 362—63, 384, 396, 400, 404, 406, 408, 410, 436, 479, 485, 500, 502, 507—08, 510, 512, 518, 527, 530—32, 538—40, 609, 724, 771—72.
Дельвиг, Елизавета Антоновна — 408.
Дельвиг (рожд. Салтыкова), Софья Михайловна — 408.
Дембровский, Эдвард — 491.
Демидов, адъютант флота — 218.
Демициан (Домициан), имп. римск. — 596.
Демосфен — 352, 373, 380.
Деоклетиан (Деокл) — 441—42.
Де-Пуле, Михаил Федорович — 304.
Державин, Гавриил Романович — 146, 240, 243, 300, 316, 410, 454, 482, 504, 511, 593, 724, 772.
Десницкий, Василий Алексеевич — 175, 277.
Дибич, Иван Иванович — 72, 82, 605, 706—07, 757, 764.
Дивов, Василий Абрамович — 172, 194, 212, 216—17, 435—36, 457, 768.
Дивов, Павел Гаврилович — 221.
Дидро, Дени — 324, 326.
Диоген — 310.
Диодор Сицилийский — 323, 576, 588, 597.
Дион Хрисостом — 576.
Дионисий — 591.
Дирин, С. Н. — 409.
Дирина (рожд. Брейткопф), Наталья Федоровна — 409, 414—15, 431, 442, 444—45, 518, 529.
Дмитриев, Иван Иванович — 138, 145—46, 151, 240, 315—16, 320—22, 355, 410, 482, 581, 762.
Дмитриев, Михаил Александрович — 636.
Дмитриев-Мамонов, Александр Ипполитович — 476, 495.
Дмитриев-Мамонов, Александр Матвеевич — 747.

Дмитриев-Мамонов, Матвей Александрович — 609—12, 692, 747, 759, 777.
Дмитрий Донской — 125, 244.
Дмитрий Самозванец (Отрепьев) — 142, 262, 331, 418, 431, 711.
Д-н И... ий — 284.
Добровский, Йосеф — 548.
Добролюбов, Николай Александрович — 82, 111, 287, 731, 773.
Довнар-Запольский, Митрофан Викторович — 173, 177, 620, 631, 643—644, 660, 662, 666, 758—61, 763—66, 771, 774—75, 778.
Долгорукая, Наталья Борисовна — 36, 142, 244, 331.
Долгорукий, Яков Федорович — 8.
Долгоруков, Василий Андреевич — 342.
Долгоруков, Илья Андреевич — 613—14, 684, 760, 777.
Долгорукова (рожд. Гагарина), Варвара Сергеевна — 399, 410, 415—16.
Долгоруковы — 410.
Доленга-Ходаковский, Зориан (псевдоним Адама Чарноцкого) — 576, 581.
Дорошенко, Петр Дорофеевич — 18, 28.
Драгоманов, Яков Акимович — VIII, 777.
Дребуш, Андрей Федрович — 195.
Дружинин, Николай Михайлович — 56, 100, 566, 570, 580, 595, 638, 651, 731—32, 742, 756 — 57, 759, 761, 763, 768, 773, 775, 778.
Дубельт, Леонтий Васильевич — 475.
Дублянский, офицер — 159.
Дубровин, Николай Федорович — 530, 771, 774.
Дунцов — см. Выгодовский, Павел Фомич.
Дурново, Николай Дмитриевич — 9, 169.
Дурылин, Сергей Николаевич — 84, 771.
Дюма (отец), Александр — 386.

Евгений (Евфимий Болховитинов), митрополит — 221.
Евсеева, Мария — 299.
Егоров, Николай — 291, 294, 298.
Егоров, придворный столяр — 254.
Екатерина II — 74, 81, 324, 326, 712, 747, 770.
Елагин, Алексей Андреевич — 771.
Елагин, Николай Алексеевич — 750, 771.
Елизавета Алексеевна, имп.— 182, 236, 512, 676.
Елизавета Петровна, имп. — 69.
Ермак Тимофеевич — 37, 142, 262, 331.
Ермолов, Алексей Петрович — 72—73, 82, 131, 172, 177, 183, 202, 204—05, 262—63, 307, 331, 346—48, 484, 650, 656, 688, 712.
Еропкин, Петр Дмитриевич — 712.
Ершов, Петр Павлович — 710, 770.
Ефим, денщик Рылеева — 248.
Ефремов, Петр Александрович — фронтиспис, 8, 20, 26, 38, 46, 48—49, 55—56, 151, 168, 249, 257, 267, 293, 299, 322, 338—42, 683, 768—69.
Ешевский, Степан Васильевич —750.

Жан-Поль (псевдоним И.-П. Рихтера) — 283, 392, 394, 421.
Жандр, Андрей Андреевич — 772.
Жанен, Жюль — 386.
Жанлис, де, Стефания-Фелиситэ — 432, 445.
Жанлис, де (муж писательницы) — 414.
Жданов, студент — 112.
Жемчужников, Антон Аполлонович — 186.
Жемчужников, Лев Михайлович — 501, 506.
Жилин, Петр Дмитриевич — 496.
Житомирская, Сарра Владимировна — 766.
Жомини, Анри (Генрих) Вильямович — 283.
Жорж Санд (псевдоним Авроры Дюдеван) — 386.
Жослэн — 705.
Жуков, Иван Петрович — 272, 681.
Жуковский, Василий Андреевич — 5, 20, 138, 140, 145, 148, 252, 267, 305, 307, 355, 363—64, 400, 410, 446, 479, 498, 500, 506—08, 511—12, 518—19, 529—30, 539, 547—48, 554, 625, 633—34, 689, 724, 726, 744, 767, 771, 774.
Жулкевский, Станислав — 514—15.

Заблоцкий-Десятовский, Андрей Парфеньевич — 773.
Заборова, Роза Борисовна — 401.
Завалишин, Дмитрий Иринархович —VII, 12, 54, 55, 70, 74, 80, 84, 137, 152, 172, 178, 194, 204, 213, 217—18, 225, 233, 258, 264, 265, 267, 604, 684, 690, 692—95, 698—99, 702, 704—06, 708, 722, 740—41, 748—49, 754—56, 766, 768—70, 774—77, 778.
Завалишин, Ипполит Иринархович — 218.
Загорецкий, Николай Александрович — 752, 777.
Загорский, Михаил Павлович — 685.
Загоскин, Михаил Николаевич — 434, 449.
Заикин, Николай Федорович—641—43, 663, 708, 764, 777.
Заикин, книгопродавец — 255.
Закревский, Арсений Андреевич — 72, 80, 82, 84, 196.
Замойские — 491.
Занд, Карл — 504.
Заруцкий, Иван Мартынович (Иванович) — 421.
Засулич, Вера Ивановна — 8.
Зеленский — 230.
Земцов, А. — 127.
Зензинов, Михаил Андреевич— 488.
Зильберштейн, Илья Самойлович — 83, 255.
Зиновьев, Василий Николаевич — 414—15, 467.
Зиновьева (рожд. Брейткопф), Юстина Федоровна — 415, 467.
Злотников, Самуил Ефимович — 496.
Знаменский, Михаил Степанович — 41, 461, 496, 706, 769.
Знаменский, Степан Яковлевич — 496.

Золотарев, Иван Яковлевич — 302, 305, 308.
Зопирион, полководец — 577, 597.
Зубков, Василий Петрович — 636.
Зубковский, Иван Семенович — 163.
Зубов, Василий Яковлевич — 722—23, 777.
Зубов, Николай Дмитриевич — 187.
Зуев — 406.

Иван Калита — 585.
Иван III — 24, 372, 380, 574, 576, 585, 595.
Иван IV — 24, 372, 380, 424, 508, 521, 573 , 579, 585.
Иван Гермолаевич, знакомый Рылеева — 138, 315.
Иванов, Дмитрий Иванович — 27.
Иванов, И.— см. Кюхельбекер В. К.
Иванов, Иван Алексеевич — 87.
Иванов, Илья Иванович — 678, 681—82, 692, 696, 721, 752, 777.
Иванов, Михаил Матвеевич — 483.
Иванов, Федор Федорович — 320.
Иванова, жена декабриста — 752.
Ивановский, Андрей Андреевич — V, 9—10, 14, 42, 44, 55, 151, 191, 332, 530, 605.
Ивашев, Василий Петрович — 607, 690—91, 705—07, 759, 767, 777.
Ивашева (рожд. Ле-Дантю), Камилла Петровна — 705.
Игельстром, Константин Густавович (Евстафьевич) — 499, 752, 777.
Игнатович, Инна Ивановна — 13, 289—99.
Игорь, в. к. киевский — 10, 14, 20—21, 48, 142, 326, 567.
Игорь Святославич — 585, 686, 726.
Иеропольский, Константин Алексеевич— 752.
Измайлов, Александр Ефимович — 150—51, 168, 258—59, 264, 266—67, 276, 280, 354, 531— 40, 725, 758.
Измайлов, Владимир Васильевич — 482.
Измайлов, Николай Васильевич — 285, 775.
Иконников, Александр Николаевич — 481.
Илличевский, Алексей Демьянович — 479, 499, 531.
Ильинский, Дмитрий Захарович — 708, 770.
Иоанн, начальник иллирийских городов— 594.
Иогансон — 336.
Иорнандес (Иорданус) — 561, 566, 568, 590.
Ипсиланти, Александр Константинович — 761.
Ирвинг, Вашингтон — 418, 420.
Искра, Иван Иванович — 52.
Искрицкий, Демьян Александрович — 172, 188 — 89, 195, 219, 609.
Искрицкий, Михаил Александрович — 188.
Истомин, Карион — 312.
Истомин, письмоводитель — 487—88.
Ифланд, Август-Вильгельм — 433, 444.
Июлий II, папа — 585.
К., Теофания Станиславовна (Т. С. К.) — 12, 56 136, 160—61, 270, 272, 331.
Кабэ (Кабе), Этьен — 250.
Кавелин, Александр Александрович — 759.
Каверин, Петр Павлович—VIII, 200—01, 512.
Кавецкая, С. — 163.
Казимирский, Яков Дмитриевич — 471, 473.
Кайданов, Яков Кузьмич — 266, 535, 540.
Калайдович, Константин Федорович — 553.
Калайдович, студент — 112.
Калигула, Кай — 585, 588.
Каллаш, Владимир Владимирович — 767.
Кальм, Федор Григорьевич — 620.
Камбек, Лев Логгинович — 336, 342.
Каменский, Павел Павлович — 506.
Канкрин, Егор Францевич — 167—68, 741, 774.
Кантемир, Антиох Дмитриевич — 300, 312, 508.
Каннист, Алексей Васильевич — 188, 312.
Карабанов, Николай Михайлович — 312.
Карабанов, Петр Матвеевич — 283, 320.
Каразин, Василий Назарович — 82, 120.
Каракалла, имп. римск.— 585.
Карамзин, Николай Михайлович —VII, 24, 26, 131—32, 312, 318—19, 364—65, 482, 505,508, 512, 555, 557—98, 726, 731—32, 735.
Карин, Александр Григорьевич — 312.
Карин, Федор Григорьевич — 312.
Карион — см. Истомин, К.
Карл X, французский король — 351.
Карл XII, шведский король — 30, 52, 56.
Карлгоф, Вильгельм Иванович — 418, 420.
Карницкий, Тимофей, сельский заседатель — 542.
Карпинский, Франтишек — 305.
Карпов, Кузьма, писарь — 680.
Катенин, Павел Александрович — 31, 53, 170, 200—01, 274, 355, 362, 364, 508, 510—11, 518, 616, 626, 684 —85, 759.
Катилина, Люций Сергий — 718, 738.
Катков, Михаил Никифорович — 3.
Катон Младший, Марк Порций Утический—526.
Катон Старший, Марк Порций — 53, 593, 610.
Кафенгауз, Борис Борисович — 756.
Каховский, Александр Михайлович — 758.
Каховский, Петр Григорьевич — 164, 170, 175, 178, 183, 190, 192, 204, 224—25, 234, 249, 253, 255, 329, 354, 558, 564, 687, 695, 720.
Кацнельсон, Дора Борисовна — 479—80, 513—16.
Качеповский, Михаил Трофимович — 146, 568, 688.
Кашкин, Сергей Николаевич — 177, 236, 638.
Квинт, Курций-Руф — 597.

Кирвога, Антонио — 561.
Квитка, Климент Васильевич — 506.
Кеппен, Петр Иванович — 302.
Кернер, Теодор — 428—29.
Кипренский, Орест Адамович— 125, 571.
Киреев, Иван Васильевич — 605, 678, 680—81, 744, 777.
Киреевский, Иван Васильевич — 501.
Киреевский, Петр Васильевич — 730.
Кирша Данилов — 506, 508, 511, 689.
Киселев, Николай Сергеевич — 747, 775.
Киселев, Павел Дмитриевич — VII, 628, 658, 736, 773.
Киселевич, офицер — 681.
Кислицына, Е. — 774.
Клеомен, спартанский царь — 592.
Клеоним, спартанский царь — 592, 598.
Климовский, С. — 312.
Клокачев, домовладелец —512.
Клопшток, Фридрих-Готлиб — 389.
Клюген, полковник — 749.
Книжник, Николай —см. Голицын Н. Н.
Княжевич, Дмитрий Максимович — 124, 667.
Княжнин, Яков Борисович — 37, 312.
Кобеко, Дмитрий Фомич — 354, 484, 771.
Ковалевский, прапорщик — 105.
Коврайский, студент — 112.
Кожевников, Александр Львович — 188, 192, 193, 194, 222.
Кожевников, Нил Павлович — 179, 194.
Козлов, Василий Иванович — 141, 300.
Козлов, Иван Иванович — 148, 534, 537—38, 540.
Козлова, Устинья Васильевна — 439, 442.
Козловский, Петр Борисович — 761.
Козьма Прутков — литературный псевдоним братьев Жемчужниковых и А. К. Толстого — 770.
Кокошкин, Федор Федорович — 284.
Кокошкин, домовладелец — 718.
Колесников, Василий Павлович — 218.
Коломийцев, доносчик — 334.
Колошин (Калошин), Павел Иванович — 484, 609, 731, 760, 767, 777.
Колошин (Калошин), Петр Иванович—V, 609, 617, 682, 691, 760, 777.
Колумб, Христофор — 560.
Колчин — 119.
Кольман, Карл Иванович — 171.
Колюпанов, Нил Петрович — 274, 283, 539, 547, 554.
Комаровский, генерал — 196.
Коммод, Луций-Элий-Аврелий — 441.
Комовский, Сергей Дмитриевич — 479, 484, 518, 529.
Конарский, Шимон — 490.
Кондильяк, Этьен-Бонно — 744.
Кони, Федор Алексеевич <?> — 112.
Конисский, Георгий — 57, 68.
Коновницын 2-й, Иван Петрович — 193.
Коновницын 1-й, Петр Петрович — 186—87, 189, 219.
Коновницына (рожд. Корсакова), Анна Ивановна — 756, 764.
Констан, Бенжамен — 315, 351, 724, 740.
Константин, имп.— 442.
Константин Павлович в. к.— 162, 169, 173—74, 214—15, 219—20, 229, 234—36, 346, 605, 640, 669—70.
Константинов, М. К. — 13, 267, 273—84, 531—40.
Коншина, помещица — 162.
Копыленко, Моисей Михайлович — 55.
Корелин, П. — 164.
Коренев, А. Д. — 163.
Коренева (рожд. Тевяшова), Настасья Михайловна — 156, 158, 205, 243—44.
Корнеев, Е. В. — 306.
Корнеев, З. Я.— 306.
Корнелий, Непот — 576, 593.
Корнилов, Иван Петрович — 730, 751.
Корнилович, Александр Осипович — 190, 192, 199, 203, 220, 225, 228, 273—274, 557, 564, 668, 670, 710, 728, 731, 734—36, 738, 749, 765, 770, 773, 777.
Корнилович, Михаил Осипович — 773.
Корниловна, няня В. К. Кюхельбекера— 482.
Корнильев, Василий Дмитриевич — 574.
Короставцева, Любовь Ивановна —302, 309.
Короставцева, Людмила Ивановна —309.
Корсаков, Михаил Матвеевич — 190.
Корф, Модест Андреевич — 748.
Корф, Федор Иванович — 200.
Косова (рожд. Кюхельбекер), Юстина Вильгельмовна — 348, 350, 354, 401, 468—69, 471—72, 478—79, 494, 496, 498, 725.
Косованов, А. П. — 757, 770.
Косовский, Александр Иванович —VI, 13, 146, 157—59, 165—66, 237—50, 315, 630, 685.
Костров, Ермил Иванович — 29, 320.
Костюшко, Фаддей — 516.
Котляревский, Нестор Александрович — 3, 4, 14, 124, 173.
Коцебу, Август-Фердинанд — 433, 455, 504.
Кочубей, Василий Леонтьевич — 50—52, 56.
Кочубей, Виктор Павлович — 120, 630.
Кошанский, Николай Федорович — 355.
Кошелев, Александр Иванович — 14, 283, 539, 554.
Кошелев, К. — 129.
Кошелев, Степан, писарь — 680.
К — р — см. Кюхельбекер, В. К.
Краббе (Крабб), Георг — 459, 726.
Краевский, Александр — 480—81, 488—90.
Краевский, Андрей Александрович — 553—54.
Красицкий, Игнатий — 491.
Красноженова, Мария Васильевна — 757.
Краснокутский, Семен Григорьевич — 190, 193.
Красовский, Александр Иванович — 18
Кревье, И.-Б.- Луи — 441—42.
Крестова, Людмила Васильевна — 80.
Кретов, генерал — 159.
Кривцов, Николай Иванович — 690.
Кривцов, Сергей Иванович — 698—700, 768, 777.
Кривцовы — 698—99.

Криницын, Александр Николаевич — 188.
Криницын, Владимир Николаевич —188.
Криницын, Николай Николаевич — 188.
Криницын, Павел Николаевич — 188.
Критский, Василий Иванович — VI, 11, 81— 82, 101, 105—06, 108, 112—15, 119.
Критский, Михаил Иванович —VI, 11, 81— 82, 101, 105—06, 108, 112—15, 119.
Критский, Петр Иванович — VI, 11, 81— 82, 101, 105—06, 108, 112—15, 119.
Криштофович, Егор — 396, 404.
Криштофовичи, смоленские помещики — 396.
Кропотов, Дмитрий Андреевич — 3, 14, 620, 760, 762.
Крупенников (Крупников, Крупенкин)— 680, 766.
Крылов, Иван Андреевич — 138, 148, 410.
Крюков, Александр Александрович — 645, 649, 656.
Крюков, Николай Александрович — 742, 744, 777.
Крюков, Николай Павлович — 192.
Крюковы — 605.
Кубалов, Борис Георгиевич — 494, 757, 770, 776.
Кубасов, Иван Андреевич —703, 756, 769, 772, 779.
Кузнецов, Петр Саввич — 365.
Кузьмин, Анастасий Дмитриевич — 679.
Кукольник, Нестор Васильевич — 424— 25, 449, 459, 506, 724, 726.
Кукольник, Платон Васильевич — 506.
Куликовский, Константин Осипович — 187.
Куницын, Александр Петрович — 501.
Куракин, Алексей Борисович — 221.
Курбский, Андрей Михайлович — 244, 579.
Курута, Дмитрий Дмитриевич — VII.
Курятников, Роман — 107.
Кутайсов, Иван Павлович — 509.
Кутанов, Н.— см. Дурылин С. Н.
Кутузов, Михаил Илларионович — 11, 73, 124, 126—28.
Кутузов, Николай Иванович — 192.
Кутузов, Павел Васильевич — см. Голенищев-Кутузов П. В.
Кутузов, майор — 546.
Кушенский, студент — 112.
Кыпинский — см. Рыпинский, А.
Кюхельбекер, Анна Михайловна («Аннинька», «Аннушка») — 474, 476.
Кюхельбекер (рожд. Токарева), Анна Степановна — 436, 463.
Кюхельбекер, Вильгельм Карлович—V—VII, 4, 8, 13, 66, 75, 124, 147, 152—54, 178, 202, 218, 220, 225, 257—60, 262—67, 273—81, 283, 343—556, 607, 609, 682, 688—89, 710, 714, 724, 726, 728—29, 746, 750, 767, 770—72, 775, 778.
Кюхельбекер (рожд. Артенова), Дросида Ивановна — 464, 466, 468, 471, 474, 476, 478, 494—96, 498.
Кюхельбекер, Иван Вильгельмович — 464, 466.
Кюхельбекер, Карл — 424, 508 — 10, 512.
Кюхельбекер, Михаил Вильгельмович — 354, 464 466, 468—69, 471—72, 476, 478, 494, 498.
Кюхельбекер, Михаил Карлович — 398, 400, 404, 408—09, 414, 419, 421—22, 424, 430—31, 434—36, 439, 442, 454, 457, 459—60, 462, 467—69, 474, 478, 499—500, 508, 510, 512, 731, 739, 741, 777.
Кюхельбекер, Юлия Карловна (Уленька, Юленька, Julie) — 346, 354, 395— 96, 400, 402, 404, 406, 408—10, 412— 16, 421—22, 424—26, 429, 432, 434, 436, 439, 442, 444—45, 451, 454, 458, 467, 498—500, 517—18, 530.
Кюхельбекер, Юстина Вильгельмовна — см. Косова Ю. В.
Кюхельбекер (в замуж. Миштовт), Юстина Михайловна — 463—64.
Кюхельбекер (рожд. фон Ломен), Юстина Яковлевна — 395— 96, 398—99, 401—02, 406—09, 412, 414, 416—17, 421—22, 425—26, 429, 431, 434, 436, 440, 442, 444, 446, 449, 451—52, 463, 467, 477, 482—83, 499, 518, 544.
Лабзин, Александр Федорович — 82.
Лавров, Николай Федорович — 617—18, 675, 760, 765, 778.
Лавров, Петр Степанович — 445—46, 541—46.
Лаврова, Любовь Петровна — 445—46.
Лаврова (рожд. Глинка), Софья Андреевна — 445—46.
Лавровский, Николай Алексеевич — 313.
Лагарп, Жан-Франсуа—504, 512.
Лазарев, Михаил Петрович — 198.
Лакрейтель, Жан-Шарль-Доминик — 351.
Ламартин, Альфонс — 492.
Ланге, майор — 334.
Лангер, В., моск. худ. — 361.
Лансберг, поручик — 54.
Ланская (рожд. Одоевская), Варвара Ивановна — 698.
Лаппа, Михаил Демьянович — 194—95, 222.
Ларош, Герман Августович — 753, 776.
Лафонтен, Жан — 690.
Лачинов, Евдоким Емельянович — 690, 753, 777.
Лашкевич, капитан 722—23, 777.
Лебедева, Лидия Абрамовна — 771.
Лебо, Шарль — 738.
Левашов, Василий Васильевич — 80, 174, 191, 217, 219, 223, 226, 255.
Левик, Вильям Вильгельмович — 516.
Лелевель, Иоахим — 557, 564.
Лемке, Михаил Константинович — 119.
Ленин, Владимир Ильич — 8, 14, 40, 55, 573, 581.
Леонард — 314.
Леонтьев, Павел Михайлович — 3.
Лепарский, Станислав Романович — 579.
Лермонтов, Михаил Юрьевич — VIII, 6, 487—88, 490, 702—04, 717, 769.
Лернер, Николай Осипович — 4, 83, 702—04, 769.
Лерхе, ген.-майор — 338.
Лесаж, Алаген-Рене — 419.

Либертэ, Александр Петрович — 471.
Ликург —83.
Липай, письмоводитель — 334.
Липранди, Иван Петрович — 193, 692, 747, 768, 775.
Лисовский, Николай Федорович — 678, 681, 718.
Литке, Федор Петрович — 714.
Лихарев, Владимир Николаевич — 172, 219, 607, 717, 771, 777.
Лихарева, сестра декабриста — 717.
Лобанов-Ростовский, Алексей Борисович—336.
Логарь (рожд. Прейн) — 757.
Ломоносов, Михаил Васильевич — 360, 362, 364—65, 370, 372, 378—79, 410, 563, 574, 576, 581, 588, 728, 736.
Лонгинов, Николай Михайлович — 94.
Лопухин, Павел Петрович — 624, 759—60.
Лопухин, Петр Авраамович Большой — 30.
Лопухина, Евдокия Федоровна — 30.
Лорер, Николай Иванович — 603, 654, 658, 663, 682, 700, 702, 710, 717, 756, 764, 768—71, 774, 777, 778.
Лотман, Юрий Михайлович — 610, 612, 759.
Лувель, Пьер-Луи — 696.
Лужин, Иван Дмитриевич — 193.
Лукашевич, Василий Лукич — 200—01.
Лукин, Константин Дмитриевич — 183, 193.
Лукреций, Кар-Тит — 728.
Лунин, Михаил Сергеевич — 73, 82, 353, 569, 574, 576, 578, 580—81, 605—06, 617—18, 623—24, 711—12, 716, 720—21, 731—32, 738, 748, 752, 754, 757, 773—75, 777.
Лурье, Г. — 771.
Лутковский, Феопемпт Степанович — 218.
Лучанинов, дворянский заседатель — 542.
Лучшев, А. Иванович — 738, 774.
Лучшева, А. М. — 606.
Лушников, Александр Алексеевич — 730, 773.
Лушников, Николай Ф. — 82, 105, 106.
Львов, Илья Федорович — 192—93.
Львов, Леонид Федорович — 706, 769.
Львов, Николай Александрович— 482.
Люблинская, Изабелла Юлиановна — 708, 752.
Люблинский, Юлиан Казимирович — V, VIII, 605, 660, 708, 744, 752, 776—77.
Людовик XII — 585.
Людовик XIII — 324.
Людовик XIV — 283, 309, 567.
Людовик XVIII — 504.
Лютер, Мартин — 470.
Ляпунов, Захарий Петрович — 421, 448.
Ляпунов, Прокофий Петрович — 421, 430, 448, 450.
Лясковский, секретарь земск. суда — 334.

М. — см. Матюшкин Ф. Ф.
М. Н. — см. Муравьев Никита Мих.
М. О. — 284.
Маврикий, имп.— 594.
Магницкий, Михаил Леонтьевич — 306.
Мазаев, Михаил Николаевич — 258.
Мазепа, Иван Степанович — 9, 18, 30, 35—36, 38, 44—45, 50—54, 56—57, 136, 144.
Майборода, Аркадий Иванович — 174, 196, 630, 649, 658, 760.
Майер, Николай Васильевич — 705.
Майков, Василий Иванович— 320.
Майков, Петр Михайлович — 774.
Макаров, Н. Я.— 506.
Макашин, Сергей Александрович — 287—88.
Макробий — 576—77, 581, 597.
Максимилиан, имп. — 585.
Максимов, Григорий, слуга Спиридова — 718.
Максимов, Сергей Васильевич — 704, 748, 754 — 55, 769, 775—76.
Максимович, Михаил Александрович — 511.
Макферсон, Джемс — 305.
Малиновский, Андрей Васильевич — 187.
Малиновский, Василий Федорович — 441—42.
Малиновский, Иван Васильевич — 754.
Мальтбрен (Малтебрюн), Конрад — 588, 598.
Малютин, Михаил Петрович — 172, 219—20, 225.
Малютин, Петр Федорович — 256.
Малютина, Екатерина Ивановна — 163—64, 254, 327.
Малютина, Екатерина Петровна — 163.
Мамонов, Матвей Александрович — см. Дмитриев-Мамонов М. А.
Манасеин, Петр П. — 396.
Мандрыкина, Людмила Алексеевна — 11, 81, 101—22.
Манилий, консул — 323.
Мантуйский, маркиз — 585.
Марат, Жан-Поль — 386.
Марий, Марк Аврелий — 588, 718.
Марина, няня Кюхельбекера — 482.
Мария Семеновна, знакомая Кюхельбекеров — 411—12.
Мария Федоровна, имп.— 74, 177, 295, 401, 404, 473.
Марк Аврелий Антонин — 323, 585, 588—89, 596.
Маркевич, Николай Андреевич —VI, VII, 12, 75—76, 83—84, 137, 153—55, 164, 355, 365, 501—12, 729.
Марков, офицер — 157.
Маркс, Карл — 573.
Марлинский — см. Бестужев А. А.
Мартынов, Андрей Ефимович — 271, 453, 457, 493, 650—51, 723, 729.
Марфа Борецкая (Марфа Посадница) 8, 10, 23—27, 36—37.
Маршанжи, Луи-Антуан — 434.
Маслов, Василий Иванович — 4, 9, 14, 68, 100, 138, 140, 164, 313, 506, 768, 779.
Маслович, Василий Григорьевич — 309—12, 314.
Матвеев, Алексей М.— 105, 106, 108, 119, 121.
Матвеев, Артамон Сергеевич — 142.
Матюшин, И. И. — 397.

Матюшкин, Федор Федорович — 282, 345, 354, 465, 480, 511.
Машковский, Гаспар — 513.
Медведева, Ирина Николаевна — 67, 269, 322, 540, 569—98, 773.
Медведская-Басова, Лидия Алексеевна — 639, 763—64.
Мейендорф, Кондратий Егорович <?> — 735.
Мейендорф, сослуживец Рылеева— 157.
Мейер, Иосиф — 495.
Мейлах, Борис Соломонович — 81, 258, 260, 266—67, 285, 535, 633, 682, 766, 768, 778.
Меллер-Закомельский, Петр Иванович — 241.
Мельгунов, Николай Александрович — 352.
Менцель, Вольфганг — 428—29.
Меншиков, Александр Данилович — 8, 30, 36, 38, 40, 55.
Мерзляков, Александр Федорович —301, 365, 459—60, 726.
Метсю — 282.
Меттерних, Клемент-Венцель — 69.
Мешков — см. Шишков, А. С.
Миклашевский, Александр Михайлович— 170, 194.
Миллер, Герард-Фридрих (Федор Иванович) — 36, 40, 562—63.
Миллер, Орест Федорович — 350.
Миллер, Федор Петрович — 156—59, 164, 241, 248, 250, 327.
Милонов, Михаил Васильевич —508.
Милорадович, Михаил Андреевич — 120, 215, 289, 292, 294—98, 538, 683.
Мильтиад, младший — 352, 373, 380.
Мильтон, Джон —307.
Милютин, Владимир Алексеевич— 286—88.
Минай, рассыльный «Современника» — 251.
Миних, Бурхард-Христофор — 8, 36, 51, 735, 774.
Мирович, Василий Яковлевич — 233.
Миронов, Алексей Григорьевич — 396.
Митьков, Михаил Фотиевич — 85, 99, 178, 213, 226, 471—72, 605, 643, 712, 757.
Михаил Павлович, в. к.— 191, 216, 381, 401, 435—36.
Михаил Тверской — 142, 262.
Михайловский, Петр — 12, 156, 158—61, 272.
Михайловский-Данилевский, Александр Иванович — 626, 683.
Мицкевич, Адам — VIII, 11, 48, 56, 132—33, 135, 490, 504, 515—16, 684, 766.
Мишка, крепостной Рылеева — 328.
Модзалевский, Борис Львович — 162, 581, 762, 766, 768, 773—74, 776, 778.
Модрю, Петр <?> — 365.
Мозалевский, Александр Евтихиевич — 605, 679—80, 766.
Мольер, Жан-Батист (Поклен) — 468.
Мономах, Владимир — 521, 586.
Монтескье, Шарль-Луи — 304, 324, 326, 584.
Мордвинов, Александр Александрович — 480, 486, 488.
Мордвинов, Александр Николаевич — 629.
Мордвинов, Николай Семенович — 167, 172, 179, 182, 204, 211—12, 230, 234, 236, 244, 248, 262, 731, 765.
Мордовченко, Николай Иванович — 5, 20, 81, 142, 258, 267, 274, 285, 287, 534—35, 539, 770.
Мореншильд, Андрей Иванович — 187—88, 229.
Мореншильд, Федор Борисович — 187—88, 229.
Морозов, Борис Иванович — 29—30.
Морозов, мичман — 768.
Моцарт, Вольфганг-Амедей — 392, 714, 776.
Мошинский, Петр Игнатьевич — 658.
Мур, Томас — 407, 459, 506, 698, 726.
Муравьев, Александр Михайлович — 172 — 73, 183, 220, 229, 474 — 76, 496 — 97, 683, 733, 748, 775, 777.
Муравьев, Александр Николаевич — 607 — 09, 613, 616, 618—20, 628, 631, 758, 760, 777.
Муравьев, Андрей Николаевич — 631, 686, 688, 767.
Муравьев, Артамон Захарович — 493—94, 608, 656, 668 — 69, 681, 700, 703, 704.
Муравьев, Матвей Иванович — 130, 167.
Муравьев, Михаил Никитич — 508, 589.
Муравьев, Михаил Николаевич — 484, 608—09, 617, 654, 760, 777.
Муравьев, Никита Михайлович — V, VII, VIII, 6, 87, 174, 178, 180, 183, 186, 198, 204, 213, 219—20, 222, 226, 353, 475, 513, 557—58, 566, 569—98, 602, 604, 613, 616—21, 623—24, 636—37, 640, 642—43, 651—52, 654—55, 658, 664, 666, 684, 702, 731—34, 738, 740—41, 748, 759—60, 762—63, 766, 777, 778.
Муравьев, Николай Назарьевич — 292.
Муравьев (Карский), Николай Николаевич — 347, 608 — 09, 758 — 59, 767, 777.
Муравьев, Сергей Николаевич — 760.
Муравьев-Апостол, Иван Матвеевич— 95, 418, 420, 537, 679.
Муравьев-Апостол, Ипполит Иванович— 676.
Муравьев-Апостол, Матвей Иванович — 85—86, 96, 99, 101—02, 109—12, 121—22, 178, 226, 268, 270, 498, 604—05, 618 — 20, 638, 642, 644—45, 649, 652—54, 657, 663—64, 668—70, 676, 679, 692, 708, 730, 732, 756—57, 760, 764—65, 768, 777.
Муравьев-Апостол, Сергей Иванович — VIII, 80, 85, 102, 109, 111—12, 120—21, 175, 178, 220, 224—25. 272. 604—06, 614—16, 618, 636, 638, 640, 642. 645, 648—49, 652—54, 656—60, 666—68, 670, 676, 678—82, 690, 694, 696, 706, 740, 756, 760, 763—65, 777.
Муравьева (рожд. Колокольцева), Екатерина Федоровна — 589. 593, 595.
Муравьевы, семья Никиты Михайловича— 684.
Муромские, князья — 688.
Муромский, Андрей, князь — 688.

Муромский, Федор Глебович, князь—688.
Мусин-Пушкин, Василий Валентинович— 253.
Муханов, Павел Александрович — 225.
Муханов, Петр Александрович — 42, 55, 142—44, 163—64, 178, 225, 327, 471—72, 474, 493—94, 605, 607, 700, 710, 712—13, 729—31, 735—36, 740—41, 744, 769, 773, 777.
Муханов, С. Н. — 332.
Мюллер, Иоганн-Фридрих-Вильгельм — 392, 394, 738.
Мягков, Михаил — 544.

Нагель, Ларион Тимофеевич — 468.
Нагель, жена Л. Т. Нагеля — 467—68.
Назаров, рядовой — 120.
Назарова, Людмила Николаевна — 13, 163—64, 300—14, 322, 342.
Назимов, Михаил Александрович — 170, 172—73, 192—94, 204, 212, 222, 700, 708, 712, 749, 751—52, 755, 772, 776—77.
Найдич, Эрик Эзрович — 517—20.
Наливайко, Семерин— VI, 5, 7—9, 11, 14, 26, 28, 31, 36, 51, 57—58, 64, 97, 153—54, 218, 262, 309, 337—38, 340, 502.
Наливайко, прапорщик — 334.
Наполеон I Бонапарт — 233, 485, 487, 504, 558, 585.
Нарежный, Василий Трофимович — 360.
Нарушевич, Адам-Станислав — 305, 564.
Нарышкин, Александр Львович — 290, 346—48, 354—55, 484, 532.
Нарышкин, Лев Кириллович — 30.
Нарышкин, Михаил Михайлович — 183, 186, 222, 226, 604, 644, 653—54, 664, 756, 764, 777.
Нарышкины — 348.
Насакин, Густав Густавович — 187—88, 229.
Насакин, Яков Густавович — 187—88, 229.
Нахимов, Аким Николаевич — 309—10, 312, 314.
Нащокин, Павел Воинович — 147, 150, 510, 512.
Невзоров, Максим Иванович — 301, 610, 612.
Неелов, капитан, художник — 71.
Нейгарт, Александр Иванович — 120.
Нейштадт, Владимир Ильич — 401.
Некрасов, Николай Алексеевич — 252, 255, 544, 708, 752, 776.
Некрасов, Платон — 287.
Нелединский-Мелецкий, Юрий Александрович — 99, 270.
Немирович-Данченко, Егор Петрович — 195.
Немцевич, Юлиан-Урсин — 15, 16, 18, 163, 313, 315, 490, 516.
Нерон — 585.
Нессельроде, Карл Васильевич — 75.
Нестор, летописец — 562, 596.
Нечаев, В. — 138, 256, 328.
Нечаев, Сергей Геннадиевич — 83.
Нечаев, Степан Дмитриевич — 144, 146, 713, 762.
Нечаева, Вера Степановна— 12, 84, 767.
Нечай, Даниил — 18, 28.
Нечкина, Милица Васильевна — 120, 177, 268, 299, 522, 530, 557—60, 562—64, 601, 604, 608— 09, 612—13, 616, 666, 668, 670—72, 674—77, 687—88, 694, 718, 752, 756, 758—59, 764—69, 774, 776, 779.
Никитенко, Александр Васильевич — 304, 313, 506, 762—63.
Никитенко, Софья Александровна — 762—63.
Никитин, Андрей Афанасьевич — 300, 534, 540.
Николаев, Федор, рядовой — 660, 777.
Николай I — 4, 70, 75, 82, 85, 95, 106, 113, 115, 119, 121, 150, 162—63, 168—69, 173—78, 180, 182—83, 186—88, 193, 212, 215, 217, 220, 228—29, 235, 256, 267, 332, 335, 382, 396, 398, 516, 535, 537, 545, 558, 604—05, 631, 659, 666, 675, 685, 687, 692, 708, 719, 721, 725, 736, 748.
Николай, Павлович, знакомый Кюхельбекера — 478, 519.
Никон, патриарх — 319.
Нил (Николай Федорович Исакович), архиепископ — 731.
Ничпаевский, Л.— 307, 313.
Новалис (псевдоним Фридриха фон Гарденберга) — 418, 420—21.
Новиков, Михаил Николаевич — 619, 636, 777.
Новиков, Николай Иванович — 462, 638.
Новосильцев, Владимир Дмитриевич — 257, 260, 263, 267, 504, 536, 722.
Норов, Василий Сергеевич — 273, 607—08, 686—87, 697—98, 758, 777.
Нумерс, Август Федорович — 187—88.

Обвинский — см. Штейнгель, В. И.
Оболенский, Евгений Петрович — 86, 102, 145—46, 167, 170, 174, 178—80, 186—89, 192—94, 196, 198, 204, 213, 219—20, 222, 225—26, 228—29, 234, 253, 256, 264, 335, 464—66, 486, 495, 498, 607, 618, 626—27, 643—44, 653—54, 664, 666, 676, 712, 718, 742, 755, 762, 764, 776—77.
Оболенский, Константин Петрович — 170, 192—93.
Оболенский, Сергей Сергеевич — 396.
Овидий Назон — 140.
Овэн, Роберт — см. Оуэн, Роберт.
Огарев, Николай Платонович — 3, 6, 14, 54, 70, 71, 74, 80, 86, 257, 270, 704—06, 769, 776.
Огарева (рожд. Рославлева), Мария Львовна — 705.
Огинский, помещик — 165, 242.
Одоевский, Александр Иванович—V, VIII, 6, 152, 178, 187, 193—94, 205, 215, 220, 223—25, 253, 255—56, 263, 388, 601, 682, 685—86, 688—89, 692, 697—98, 700—06, 726, 729, 754, 756, 767, 769, 773, 777, 779.
Одоевский, Владимир Федорович — 13, 276—81, 395, 400, 418, 420, 448—49, 451—52, 454, 458, 462, 479, 499, 500, 519—20, 532, 538—40, 685, 725, 771—72.

Одоевский, Иван Сергеевич — 701.
Одынец, Эдуард-Антон — 490.
Оже, Ипполит — 711—12, 770.
Озеров, Владислав Александрович — 253, 320, 410.
Ойстеррейх, О.— 677.
Оксман, Юлиан Григорьевич — 5, 9—11, 14, 31 — 56, 67, 69 — 100, 119, 121, 131, 136, 162, 177, 251—56, 258, 261—72, 285, 342, 396, 498—99, 535, 539, 601, 626, 759, 766, 768, 772—73, 778—79.
Окунь, Семен Бенецианович — 168, 255, 760.
Олеарий, Адам — 422, 424.
Олег, князь киевский — 142, 565, 567, 586.
Оленин, Александр Алексеевич — 170, 199, 200.
Олимпиада, крепостная Рылеева — 328.
Ольга, киевская княгиня — 10, 14, 19—21, 48, 142, 326.
Ольдекоп, Евстафий Иванович — 332.
Оранский, обер-аудитор — 116, 118.
Оржицкий, Николай Николаевич — 172—73, 194, 220, 224, 327, 677, 682, 691, 768, 777.
Орлик, Филипп — 52.
Орлов, Александр Иванович —708, 770.
Орлов, Александр Сергеевич — 774.
Орлов, Алексей Федорович — 334, 398, 475—76, 558, 753.
Орлов, Владимир Николаевич — 81, 259—60, 262, 266—67, 269, 272, 284—85, 354, 365, 381—390, 516, 535—36, 540, 682, 766—67, 769—71, 778.
Орлов, Михаил Федорович—V, VII, VIII, 42, 193, 234, 276, 284, 557—66, 568, 574, 578—79, 581, 596, 609—11, 621—22, 628—29, 631, 633—34, 636, 675—77, 692, 716, 731, 740—41, 757, 759—62, 765, 768, 774, 777.
Орлова, Александра Анатольевна — 154, 501—06.
Орозий, Павел — 597.
Осиповский, Тимофей Федорович— 306, 313.
Осокин, А. — 13.
Остен-Сакен, Фабиан Вильгельмович — 180.
Остолопов, Николай Федорович — 365, 508, 512.
Отеллин — 548.
Отуэй, Томас — 418, 420.
Оуэн, Роберт — 495.
Охотников, Константин Алексеевич — 193, 612.

П. И. С. — 308.
П. К. — см. Колошин, Петр Иванович.
П. ш.. н — см. Пушкин, А. С.
Павел I — 74, 81, 473, 508—09, 512, 694, 758.
Павлов, Ипполит Николаевич — 758.
Павлов-Сильванский, Николай Павлович —603, 639, 742, 756, 774—75.
Павлова, Галина Евгеньевна—762, 773.
Павловский, Иван Фр.— 511.
Павловский, губ. секретарь — 334.
Пажитнов, Константин Алексеевич — 740, 774.
Палей, Семен — 11, 18, 28, 57, 58, 309.
Пален, Петр Алексеевич — 509—10.
Палицын, Степан Михайлович — 189, 192, 506.
Пальмин, Петр Михайлович — 105—06, 108—09, 112—16, 118, 121—22.
Панаев, Владимир Иванович — 319—20, 532.
Панов, Николай Алексеевич — 187, 203, 214, 474, 476, 493—94.
Паршин, Василий Петрович — 488.
Паскаль, Блез — 744.
Паскевич, Иван Федорович— 221, 721—22.
Паскевич (Пашкевич), Михаил Николаевич — 172, 225—26, 692, 696—97, 777.
Паулуччи, Филипп Осипович — 541.
Пахутин, Петр Иванович — 721.
Пелет — 283.
Пеликан, Венцеслав Венцеславович — 504.
Пель, студент — 112.
Пенинский, Иван Степанович — 534, 549—50.
Первунинская, Мария Александровна — 757.
Перетц, Владимир Николаевич — 761.
Перец, Григорий Абрамович — 195, 198, 202, 626—27, 691—92, 761, 768, 777.
Перовский, Василий Алексеевич — 616—17.
Перовский, Лев Алексеевич — 616, 759.
Пертинакс, Публиус Гельвиус — 441.
Першин-Караксарский, П. И. — 404.
Пестель (рожд. Крок), Елизавета Ивановна — 688—89.
Пестель, Иван Борисович — 761.
Пестель, Павел Иванович — 5, 99, 173—75, 178, 196, 204, 213, 219—20, 226, 234, 472, 514—15, 603—04, 606, 610, 614, 616—18, 621, 624, 630, 636, 638—40, 642—49, 651—54, 656—59, 663, 667—68, 670, 676, 678, 688—89, 706—07, 717, 731, 740, 742, 756, 758, 761, 763, 764.
Пестов, Александр Семенович — 663, 670—72, 777.
Петин, Василий Николаевич — 679.
Петр I — 30, 36, 41, 51, 54, 148—49, 206, 301, 309, 368, 372, 375, 380, 521, 527, 734—35.
Петр III — 81.
Петр, кучер Рылеева — 255.
Петрарка, Франческо — 308.
Петров, Василий Петрович — 300, 418, 420.
Петров, знакомый Рылеева — 316.
Петров, рядовой — 120.
Петряев, Евгений Дмитриевич — 479—80.
Пигарев, Кирилл Васильевич — 5, 12, 81, 84, 144, 272, 766.
Пиксанов, Николай Кириакович — 540, 767.
Пилимон, греческий царь — 592.
Пинкертон, Джон — 560, 566, 568, 588.
Пиотровский, Руфин — 513, 515.
Пирр — 592.

Пихлер, Каролина — 445—46.
Плаксин, Василий Тимофеевич — 420.
Платон — 352, 373, 380.
Платон (Левшин), митрополит — 302.
Плетнев, Петр Александрович — 17, 148, 150, 379, 480, 500, 511, 517—18.
Плещеев, Алексей Александрович — 187, 193.
Плещеев, Алексей Николаевич—VI, 8, 13, 286—88.
Плиний — 323, 326, 593.
Плутарх — 3, 323—24, 326, 520, 524, 769.
Пнин, Иван Петрович — 718, 771.
Повало-Швейковский, Иван Семенович — 474, 476—77, 642, 652, 654, 656, 763.
Погодин, Михаил Петрович — 570, 574, 580—81, 595, 712.
Поджио, Александр Викторович — 80, 85, 172—73, 187, 204, 222, 226, 472, 474, 479, 491—94, 620, 624, 643, 650, 652—54, 667, 678, 754, 763—65, 777.
Поджио, Иосиф Викторович — 471—73, 493—94.
Поджио, Мария Иосифовна — 492, 494.
Поджио, Наталья Иосифовна — 492, 494.
Поджио, Софья Иосифовна — 492, 494.
Подушкин, полк. — 330.
Пожарский, князь, Дмитрий Михайлович — 59, 234, 256.
Покровский, Михаил Николаевич — 5, 173—74.
Полевой, Ксенофонт Алексеевич — 276, 284, 462—63.
Полевой, Николай Алексеевич — 14, 284, 395, 401, 418, 420, 448, 462—63, 506, 519.
Полежаев, Александр Иванович — 82, 101, 105—06, 108, 112—19, 121—22.
Полетика, Григорий Андреевич — 57.
Полибий (Поливий) — 576, 591—92, 598.
Полибина (рожд. Пущина), Анна Ивановна — 497—98.
Поливанов, Н. П. — 758.
Полиньяк, Ираклий Ираклиевич — 659.
Полонский, Яков Петрович — 80—81, 83.
Полоцкий, Симеон — 312.
Полторацкий, Александр Павлович —200.
Полуботко, Павел Леонтьевич — 154.
Поль, двоюродный брат Кюхельбекера — 444.
Полье (рожд. Шаховская, в 1-м браке Шувалова, в 3-м браке ди-Бутера), Варвара Петровна — 426.
Помпей — 588, 739.
Понговский, Александр — 513, 515.
Пономарев, Гавриил — 106.
Пономарева (рожд. Позняк), Софья Дмитриевна — 44, 52.
Поп, Александр — 584.
Попов, Александр Васильевич — 772.
Попов, Александр Иванович — 332.
Попов, Михаил Максимович — 605.
Попов, Павел Сергеевич — 765, 773.
Попов, студент — 112—14.
Порох, Игорь Васильевич — 180, 267, 758, 765.
Пороховников, полк. — 294.
Потанин, Григорий Николаевич — 606, 750—51 , 757.
Потапов, Алексей Николаевич — 76, 79, 84.
Потемкин, Григорий Александрович — 309, 314, 747.
Потемкин, генерал — 193.
Потемкин, полковник — 354.
Похорский, Александр Федорович — 281—84.
Прейн, Павел Маркович — 757.
Пресняков, Александр Евгеньевич — 760.
Принцен, ван — 735.
Прокопий — 574, 576, 594.
Прокофьев, Евгений Александрович — 773.
Прокофьев, Иван Васильевич — 206, 211—12, 216, 229—30, 232, 234, 254, 255.
Прокофьев, Николай Иванович — 14.
Прокофьев, Павел, рядовой — 680.
Проперций — 133.
Проскура, Станислав Осипович — 667.
Прохоров, Григорий Васильевич — 709, 770—71.
Птоломей — 323.
Пугачев, Емельян Иванович — 37, 246.
Пузин, студент — 112.
Путята, Николай Васильевич — 170, 195—96.
Пухмейер — 548.
Пушкин, Александр Сергеевич — VI — VIII, 4—6, 8, 14, 19, 20, 26, 31, 34, 37, 40—42, 50, 54, 56, 57, 66, 67, 69, 75, 76, 80, 82, 84, 87, 106, 113, 119, 138, 140 146—48, 150—51, 154, 164, 172, 216, 225—26, 253, 259, 267 — 69, 310, 326, 335, 347, 351—54, 363—64, 381—84, 388, 390, 393, 396, 400, 409—10, 416, 419—20, 433, 446, 448, 479—80, 484, 486, 490, 492, 500—04, 507—08, 510—12, 516, 527—32, 534, 538—39, 547, 557, 560—61, 564, 569, 573, 579, 581, 595, 629, 635, 683—85, 692, 696, 702, 720, 723—24, 726—27, 729, 731, 747—48, 753, 759, 761—62, 764, 766—68, 771—72, 775, 777, 779.
Пушкин, Лев Сергеевич — 5, 148, 501, 504—06, 510.
Пушкин, Сергей Львович — 510.
Пущин, Иван Иванович —V, 81, 87, 100, 102, 111—12, 148, 177—80, 182—83, 193, 196, 198, 202, 204, 206, 215, 220, 222, 224—26, 234—36, 327, 395, 398, 400, 464—66, 479, 484, 497—99, 507, 510—11, 602, 609, 637—38, 643, 675—77, 700—01, 706, 738, 741, 744, 746, 748—49, 753—55, 762, 766, 774—75, 777, 779.
Пущин, Михаил Иванович — 172, 196, 226, 609, 752.
Пущин, Николай Иванович — 48, 56, 464—66, 749.
Пущина (рожд. Рылеева), Анастасия Кондратьевна — 56, 214, 216, 224, 254, 316, 318, 321, 338—42.
Пыпин, Александр Николаевич —514—15, 776.
Пыпин, Николай Александрович — 776.

Р. — 277, 284.
Р. Д. С. — 308.
Радищев, Александр Николаевич — 4, 37, 113, 360, 364, 418, 420, 526, 562, 573, 696, 728.
Раевский, Владимир Федосеевич—V, VII, VIII, 24, 26, 36—37, 54—55, 193, 259, 306. 313, 350, 612, 687, 692, 716, 727—28, 754, 759, 768, 772, 777—78.
Раевский, Николай Николаевич — 188, 566.
Разгильдеев, Александр Иванович — 467, 488.
Разгильдеева, Анна Александровна — 467.
Разгильдеевы — 466.
Разин, Степан Тимофеевич — 37.
Разумовский, Петр Кириллович — 289, 298—99.
Раич, Семен Егорович — 200, 201, 279.
Райдоровский, Ю. И. — 302, 305, 308.
Расин, Жан-Батист — 307, 317, 320, 457.
Расин, Луи — 456—57.
Ратблер— 309.
Раупах, Эрнст-Вениамин-Соломон — 712.
Рафаэль, Санти — 392, 394.
Рачинский, В. И. — 609.
Рачинский, Сергей Александрович — 165.
Рейналь, аббат — 316.
Рейнеке, Михаил Францевич — VII, 734.
Рейсер, Соломон Абрамович — 342.
Рейф, Филипп Иванович — 548.
Рек, П. И. — 55.
Ренненкампф, Карл Павлович — 656, 679.
Репин, Николай Петрович — 170, 178, 188, 229, 489, 715, 727, 739.
Репнин, Николай Григорьевич — 685, 760.
Ржевский, Григорий Никитич — 421.
Ржевский, помещик — 688.
Риего-и-Нульянц-Рафаил — 173.
Рижский, Иван Степанович — 304—05.
Ризенер, Анри (Генрих) — 559.
Рикорд, Петр Иванович — 309.
Римский-Корсаков, Григорий Александрович — 200, 753, 777.
Риттмейстер, Вильгельм Иванович — 424—25.
Рихтер, Н. П. — 478, 494—95.
Ричард II — 404, 726.
Ричард III — 414.
Ришелье, Арман-Эмманюэль-Дюплесси — 351.
Роберти, де, Адольф Адольфович — 339.
Робеспьер, Максимилиан — 386.
Рогов, студент — 112—14.
Родзянко, Аркадий Гаврилович — 312.
Родивановский, жандармский офицер — 753.
Родофиникин, Константин Константинович — 12.
Рожалин, Николай Матвеевич — 279.
Рождественский, Всеволод Александрович — 767, 774.
Рождественский, Сергей Васильевич — 506.
Рожков, Николай Александрович — 760.
Розанов, Иван Никанорович — 322.
Розен, Андрей Евгеньевич — 170, 172, 188, 196, 220, 228, 289, 298, 700, 705—06, 726, 729—30, 736—38, 741, 752, 760, 767, 769, 772—74, 779.
Розен, офицер — 157.
Розенблюм, Николай Германович — 501, 507—11.
Романов, Владимир Павлович — 12, 156, 161—63, 170, 196, 198, 229—30, 232.
Романовский, И. — 140.
Романовы — 562.
Ромул — 559.
Ронов, Александр Никитич — 198.
Роскина, Наталья Александровна — 759.
Росковшенко, Иван Васильевич — 335.
Ростовцев, Яков Иванович — 59, 169, 172—74, 192—93, 219, 225, 234, 236, 255—56.
Ростопчина (рожд. Сушкова), Евдокия Петровна — 81, 767.
Ротру, Жан — 772.
Ротчев, Александр Гаврилович — 112—13.
Рукевич, Ксаверия Ивановна — 604.
Рукевич, Михаил Иванович — 604.
Румянцев-Задунайский, Петр Александрович — 73, 747.
Рунич, Дмитрий Павлович — 306, 511.
Руссо, Жан-Батист — 402, 404.
Руссо, Жан-Жак — 274, 307, 414, 428, 482, 609.
Рылеев, Александр Михайлович — 340.
Рылеев, Кондратий Федорович — фронтиспис, V, VI, 3—342, 473, 502, 504, 513, 515—16, 526, 535—36, 538, 575, 602—03, 630, 637—38, 643—44, 654, 664, 675—77, 682, 685, 690, 692—93, 697, 700, 710, 722—23, 734, 744, 748, 756, 761—62, 764, 766—68, 777, 779.
Рылеев, Михаил Николаевич — 166.
Рылеев, Федор Андреевич — 137, 139, 163, 240, 315.
Рылеева, Анастасия Кондратьевна — см. Пущина А. К.
Рылеева (рожд. Эссен), Анастасия Матвеевна — 137—38, 154, 157, 163, 205, 238, 242—43, 264, 328.
Рылеева, Анна Федоровна — 164.
Рылеева (рожд. Тевяшова), Наталья Михайловна — 153 — 54, 156 — 59, 164, 205, 214, 216, 220, 224, 244, 248—49, 254, 316, 318—19, 327—30.
Рыпинский, Александр — VII, 481, 513—16, 767.
Рюрик — 569, 562—65, 567, 574, 576. 772.
Рязанцев, Г. А. — 13, 323—26, 331—44.

С., рецензент «Северной пчелы» — 146.
Сабанеев, Иван Васильевич — 692.
Сабатей-Севи (Саббатай Цеви) — 14.
Сабинский, Юлиан — 513.
Сабуров, Александр Иванович — 225.
Саввич, В. В. — 47.
Савичевский, Константин Осипович — 490—91.
Савойский, герцог — 585.
Савостьянов, Николай М.— 302, 305, 308.
Сагадайшный, Петр Кононович (Конашевич) — 18, 28, 58, 63.

Садиков, Петр Алексеевич — 775.
Садовников, Василий Семенович— 329.
Саитов, Владимир Иванович — 779.
Сакен — см. Остен-Сакен Ф. В.
Сакулин, Павел Никитич — 277—79, 284, 322, 769.
Саллюстий (Саллюстий) — 585, 595, 597, 717, 738.
Салтыков, Иван Михайлович — 448.
Салтыков, Иван Никитич — 448.
Салтыков, Михаил Глебович — 448.
Салтыков, Сергей Николаевич — 189.
Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович— 287.
Самборский, Андрей Афанасьевич— 441—42.
Сандунова, Елизавета Семеновна — 84.
Сарницкий, Станислав — 18.
Сатин, Николай Михайлович — 705.
Сафо—309, 312, 314.
Свиньин, Павел Петрович —269, 272, 278.
Свистунов, Петр Николаевич — V, 187, 395, 474—76, 499, 675—76.
Святополк Ярополкович (Окаянный) — 129, 702.
Святослав Игоревич — 19, 521, 573.
Севастьянов, П., студент — 112.
Северин, А. И. — 254, 256.
Северин, Дмитрий Петрович — 633.
Севринов, А. — 539.
Селезнев, Иван Яковлевич — 482.
Селивановский, Семен Иоаникиевич —12, 144, 235, 327, 772.
Семевский, Василий Иванович — 81, 119—21, 177, 350, 354, 601, 609, 620, 628, 666, 676, 692, 765—66, 768, 779.
Семевский, Михаил Иванович — 55, 251—53, 255—56, 287, 313, 683—84, 701, 708—09, 713, 730, 741, 749, 756, 759—62, 766, 768, 770—71.
Семенов, Алексей Васильевич — 198, 609.
Семенов, Иван — 222.
Семенов, Н. П. — 75, 84.
Семенов, Степан Михайлович — 474, 477, 484, 606, 675—77, 761 <?>
Сен-Жюст, Людовик-Антуан — 386.
Сенковский, Осип Иванович — 252, 381—83, 385—92, 449.
Сен-Симон, Клод-Анри — 250.
Сент-Бев, Шарль-Огюст — 476.
Сенявин, Николай Дмитриевич — 195, 198.
Сенявин — 254.
Септим, Северий— 441.
Серафим (Степан Васильевич Глаголевский), митрополит — 221.
Сербинович, Константин Степанович — 686, 767.
Середонин, Сергей Михайлович — 299.
Сиверс, Александр Александрович — 756, 773—74, 778.
Сигова, Эрика Павловна — 607.
Синеус (Синав) — 562—63, 567.
Сипягин, Николай Мартьянович <?> — 215.
Сиротинин, Андрей Николаевич — 3, 14.
Сисмонди, Жан-Шарль-Леонард — 740.
Ситников, шт.-кап.— 106.
Скалон, Александр Антонович —199, 200.
Скино, А. Т. — 615.
Склабовский, Александр Васильевич — 302, 305—06, 308, 313—14.
Сковорода, Григорий Саввич — 309—10, 312.
Скотт, Вальтер — 411—12, 459, 726.
Скржидлевский, Фаддей (Тадеуш) Э.— 481, 490, 500, 513, 515—16.
Слёнин, Иван Васильевич — 148, 150—51, 251, 255, 327, 418, 420, 532.
Сливицкий, Валентин Валентинович — 159, 164.
Смирдин, Александр Филиппович — 316, 382, 420, 540.
Смирнов, Андрей Иванович — 336—37.
Смирнов, А.— 756.
Смирнов-Сокольский, Николай Павлович — 450.
Смирнова (рожд. Россет), Александра Осиповна — 4, 70, 75, 80—84.
Смит, Адам — 740.
Снытко, Трифон Галактионович —13, 14, 169—236, 564, 580, 595, 630, 758, 770, 776.
Соболев, В. — 284.
Соболевский, Сергей Александрович — 451—52, 458, 501—02, 506, 767.
Соболевский — 495.
Соколов, Петр Федорович — 635, 655.
Соколовский, Н.— 287—88.
Сокольский, Лев Александрович — 775.
Солдатенков, Козьма Терентьевич — VIII.
Соловьев, Вениамин Николаевич — 679.
Сологуб, Федор (псевдоним Ф. К. Тетерникова) — 767.
Сомов, Орест Михайлович — 66, 148, 164, 168, 170, 197, 199, 216, 225, 232, 255—56, 313, 316.
Сомов, студент — 112.
Сопиков, Василий Степанович — 301.
Сорокин, Григорий Эммануилович — 286.
Сосновский — 257.
София Алексеевна, царевна — 36, 136, 312.
Софокл — 511, 586.
Софронов, Аким — 680.
Спегальский, псковский квартальный надзиратель — 542, 544—45.
Сперанский, Михаил Михайлович — 119, 167, 172, 179, 182—83, 204, 215, 221, 234, 236, 619, 630, 750—51.
Спиноза, Барух — 450, 726.
Спиридов, Михаил Матвеевич — 471—72, 607, 639, 642, 663, 670—71, 674, 681, 717—18, 720, 731, 737—38, 744, 777.
Срезневский, Иван Евстигнеевич — 302, 304—05, 308.
Сталь, де, Гольштейн, Анна-Луиза-Жермена— 445.
Станкевич, Н., поручик — 304.
Станкевичи — 304.
Станкович, заседатель — 165.
Степанов, Николай Леонидович — 284.
Степанов, писарь — 120.
Степанов, фактор — 339.
Стерн, Лоренс — 720.
Стойкович, Афанасий Иванович — 313.

Столыпин, Аркадий Алексеевич — 234, 236, 262.
Столыпина (рожд. Мордвинова), Вера Николаевна — 8, 262.
Страбон — 576, 598.
Строев, Павел Михайлович — 144, 557, 564, 580.
Струговщиков, Александр Николаевич — 506.
Струсы, братья — 19.
Стурдза, Александр Скарлатович — 504.
Суворов, Александр Васильевич — 73, 137, 570, 572, 731.
Сукин, Александр Яковлевич — 169, 328—29, 537, 545, 605, 631, 659.
Сулла — 588.
Сумароков, Александр Петрович — 311, 418.
Сумцов, Николай Федорович — 313.
Сунгуров, Николай Петрович — 112.
Сурнин, кап. — 200—01.
Сусанин, Иван Осипович — 37, 142, 262.
Сутгоф, Александр Николаевич — 190, 203—04, 214—16, 474—75, 493—94.
Сухинов, Иван Иванович — 647, 679.
Сухозанет, Иван Онуфриевич — 228, 241.
Сухозанет, Николай («Николенька») — 159.
Сухозанет, Петр Онуфриевич — 158—59, 164, 166, 172, 241, 244, 246, 249—50.
Сухонин, Сергей Сергеевич — 48, 56, 340, 342.
Сухоруков, Василий Дмитриевич — 199, 731.
Сципион — 323.
Сыроечковский, Борис Евгеньевич — 764—65, 768, 778.
Сэй, Жан-Батист — 740—41, 774.

Тамерлан — 352, 372, 380, 721.
Таптыков (Таптиков), Дмитрий Петрович — 218.
Тарасов, Ефим Иванович — 762, 778.
Тарасов, издатель — 341.
Тарновские — 506.
Тассо, Торквато — 430.
Татищев, Александр Иванович — 180, 191, 212, 328—29.
Татищев, Василий Никитич — 582, 589, 595.
Татьяна, няня Кюхельбекера — 482.
Тацит, Публий-Корнелий —318, 323, 326, 558, 573, 581 — 82, 586, 596, 735, 738.
Тевяшов, Михаил Андреевич — 158—59, 243.
Тевяшова, Анастасия Михайловна — см. Коренева А. М.
Тевяшовы — 136, 142, 156, 238, 243.
Теобальд — 440.
Теппер, де Фергюсон, Филипп Петрович— 345, 354.
Терновский — 667.
Тиверий, Гракх — 577.
Тиверий, имп. — 585, 588, 594.
Тидге, Христофор-Август — 724.
Тизенгаузен, Василий Карлович — 498, 654.
Тик, Лудвиг — 418, 420—21, 724.
Тимашев, Александр Егорович — 339.
Тимолеон — 352—53, 373, 380.
Тиртей — 313, 348.
Тиссо, Пьер-Франсуа — 351.
Тит Ливий — 559, 564, 567, 576, 585, 588, 592—93, 595, 598, 735, 738.
Тит Флавий Веспасиан —588.
Титов, Андрей Александрович — 756.
Титов, Петр Павлович — 186, 643—44.
Тиханова, Мария Александровна — 595.
Токарев, Александр Андреевич — 186, 626—27, 683, 777.
Токвиль, де, Алексис — 738.
Толстая, Софья Дмитриевна — 706.
Толстой, Александр Петрович — 221.
Толстой, Владимир Сергеевич — 757, 766.
Толстой, Лев Николаевич — 54, 775.
Толстой, Федор Иванович («Американец») 565—66.
Толстой, Федор Петрович — 277, 506, 753, 777.
Толстой, Яков Николаевич — 626, 762.
Толь, Карл Федорович — 169, 174, 604, 768, 774.
Томанский, Петр — 105.
Томашевский, Борис Викторович — 151, 346, 355—64, 519, 529, 539, 775.
Томсон, Джемс — 459, 726.
Торсон, Константин Петрович —152, 176, 178, 204, 232—33, 602, 607, 630—31, 642, 741, 762, 770, 774, 777.
Траян (Троян), имп.— 323, 588, 594.
Тредиаковский, Василий Кириллович — 312, 365, 444.
Тронский, Исаак Моисеевич — 595.
Трубецкая (рожд. Лаваль), Екатерина Ивановна — 473—74.
Трубецкая — 409.
Трубецкой, Александр Петрович — 602, 621.
Трубецкой, Никита Романович — 421.
Трубецкой, Петр Петрович — 199.
Трубецкой, Сергей Петрович—V, 54—55, 170, 173—74, 176, 178, 180, 182, 186—87, 189—90, 192, 198—200, 203—04, 211, 213—15, 224, 226, 228, 235, 353—54, 395, 472—74, 494, 499, 518, 602, 605—06, 613—14, 616—21, 628, 638, 642, 645, 648, 652—54, 656—57, 664, 666, 668, 674—78, 685, 692, 729, 750, 757, 759, 764—65, 776—77, 779.
Трувор — 562—63, 567.
Тулубьев, полковник — 229.
Туманский, Василий Иванович — 346, 479, 500.
Турба, Василий Петрович — 338.
Тургенев, Александр Иванович — 83, 100, 346—47, 350, 353—54, 561, 568, 581, 634—35, 688, 725, 761—62, 775.
Тургенев, Андрей Иванович—VIII.
Тургенев, Николай Иванович — 194, 226, 347, 508, 511—12, 564, 573—74, 578—79, 582, 623—25, 628, 630—31, 633—36, 642—44, 653—54, 664, 683, 690, 692, 716, 728, 731—32, 740—41, 746, 757, 759—62, 765, 768, 774, 777, 779.
Тургенев, Сергей Иванович — 634—36, 779.
Тургенев, статский советник — 116, 118·

Тургеневы—V, 581, 628, 634, 759, 761—62, 768, 774, 778.
Тучков, Алексей Алексеевич — 177, 193, 198, 236.
Тынянов, Юрий Николаевич — 258, 267, 274, 350, 354, 390, 431, 462, 482, 488, 498, 529—30, 532, 534, 537—40, 725, 771—72, 778.
Тьери, Жак-Этьен — 645.
Тюльпин, А. М. — 302, 307—08, 313.
Тюрин, Даниил, канцелярист — 105—06, 108—09, 122.
Тютчев, Алексей Иванович — 218, 226, 671—72, 678, 681, 770, 777.

Уваров, Сергей Семенович—632—33, 692.
Уварова (рожд. Лунина), Екатерина Сергеевна — 738.
Улыбышев, Александр Дмитриевич — 581, 714, 716, 753, 771, 776—77.
Ульянов, Александр Ильич — 14, 288.
Ульянов, Илья Николаевич — 8, 287.
Ульянова-Елизарова, Анна Ильинишна — 14, 287—88.
Ульяновы — 8, 287.
Унгерн-Штернберг, Арист Романович — 157.
Унгерн-Штернберг, Густав Романович — 156—59.
Унгерн-Штернберг, Федор Романович — 156—159, 240, 249.
Унгерн-Штернберг, Эдуард Романович — 157.
Унгерн-Штернберги — 157.
Усовский, Алексей Васильевич — 647.
Устимович, Петр Максимович —195, 202.
Устрялов, Николай Герасимович — 579.
Уткин, А. В. — 112.
Уткин, Николай Иванович — 254, 615.
Ушаков, Василий Аполлонович — 449.

Фабриций, Кай Луспин — 585.
Фадеев, Иван Михайлович — 55.
Файерштейн, Самуил Моисеевич — 774.
Фальконет, Этьен — 392, 394.
Фатер, Иоганн-Северин — 548.
Федоров, Алексей, рядовой — 680.
Федоров, Андрей Венедиктович—286, 288.
Федоров, Борис Михайлович — 538.
Федорович, Вл., худ. — 701.
Федосеева, Елизавета Петровна — 401, 517.
Федосов, И. А. — 761.
Фелькнер, А. И. — 766.
Феодосий I — 323.
Феофан Прокопович — 300.
Фетерли — 336.
Фидий — 586.
Филимонов, ген. — 254 — 55.
Филипп Македонский — 323.
Фильд, Джон — 501.
Фирсовы — 304.
Флетчер, Джон — 418, 420.
Флиге, Н. К. — 336, 338.
Фома Кемпийский — 415.
Фомин, А. А. — 581, 757, 762.
Фомин, И. И. — 766.
Фонвизин, Денис Иванович — VIII, 309, 311—12.
Фонвизин, Иван Александрович — 764.
Фонвизин, Михаил Александрович — V, 179, 215, 398, 473—77, 479, 494—95, 616, 619—23, 629, 636, 654, 677, 716, 745, 747, 750, 777.
Фонвизина (рожд. Апухтина, во 2-м браке Пущина), Наталья Дмитриевна—473, 476—77, 495—96.
Фон-Фок, Максим Яковлевич — 332.
Фотий — 597.
Франклин, Вениамин — 230, 232, 483—84, 744.
Френц, Рудольф Рудольфович — 673.
Фридрих II — 323, 326.
Фридрих, Е. — 758.
Фролов, знакомый Рылеева — 136.
Фурье, Шарль — 250.

Харитонов, Иван, рядовой— 680.
Хвостов, Дмитрий Иванович — 221, 309, 312, 314, 316, 317, 320, 446, 685.
Хлопицкий, Иосиф — 667.
Хмельницкий, Богдан — VI, 6, 8, 11, 27—28, 57—68, 142, 153—54, 216, 218, 234, 244, 309, 314.
Хмельницкий, Сергей Исаакович — 778.
Ховен, Роман Иванович — 500.
Ходаковский—см. Доленга Ходаковский.
Хомяков, Алексей Степанович — 751.
Храповицкий 1-й — 113—14, 116, 118.
Хромченков — 168.

Цветаев, Лев Алексеевич — 142.
Цебриков, Николай Романович— 177—78, 768.
Цезарь, Гай Юлий — 323, 475, 588, 590, 738, 774.
Цейдлер, Иван Богданович — 764.
Цейтлин, Александр Григорьевич — 3—14, 57—68, 80, 164, 257—67, 285, 315—32, 327—30, 535—36, 768, 779.
Цинна, Корнелий — 588.
Цицерон, Марк-Тулий — 323, 326, 718, 738.
Цявловский, Мстислав Александрович — 54, 770.

Чаадаев, Петр Яковлевич — 170, 200—01, 486, 510, 742, 775.
Чарковский, Антоний — 670.
Ченцов, Николай Михайлович — 273, 532, 534, 537, 547, 734, 736, 770, 772.
Черепанов, Семен Иванович —VII.
Черкасов, Александр Иванович — 730, 773, 777.
Чернов, Константин Пахомович — 4, 8, 13, 73, 257—67, 331, 340, 526, 535—36, 717, 722, 777.
Чернов, Сергей Николаевич — 177, 620, 622, 626, 663, 750—51, 757, 760—61, 763—64, 766, 770, 776.
Чернова (рожд. Эссен) — 264.
Чернова, сестра К. П. Чернова — 254.
Чернова, сестра К. П. Чернова — 254, 536.
Чернышев, Александр Иванович — 158 <?>, 191, 199, 241, 292, 603.

Чернышев, Захар Григорьевич — 222, 690, 697, 699, 757, 768, 777.
Чернышевы— 146, 768.
Черняк, Яков Захарович — 776.
Чешихин-Ветринский, Василий Евграфович — 286, 288.
Чижов, Николай Алексеевич — 697, 708—10, 714, 722, 726, 730, 768, 770, 777.
Чингисхан — 352, 372, 380.
Чириков, Г. С. — 313.
Чистяков — 230.
Чуковская, Лидия Корнеевна — 773.
Чуковский, Корней Иванович — 770.
Чулков, Николай Петрович — 772, 779.
Чумпалов, офицер — 200—01.

Шад, Иван Георгиевич — 306, 313.
Шадури, Вано — 84.
Шапочкин (Шапочка), Даниил — 136.
Шапочкины — 136.
Шатобриан, Франсуа-Огюст — 392, 394, 492.
Шахматов, Алексей Александрович — 9.
Шаховская (рожд. Муханова), Елизавета Александровна — 770.
Шаховские — 736.
Шаховской, А. А.—274, 283, 414, 518.
Шаховской, Дмитрий Иванович — 775.
Шаховской, Федор Петрович — 613—14, 630, 636, 730, 777.
Шаховской, родственник И. И. Пущина— 206.
Шебунин, Александр Николаевич — 622—23, 759—60.
Шевченко, Тарас Григорьевич — 35, 501—02, 506.
Шевырев, Степан Петрович — 383—84, 727.
Шекспир, Вильям — 391, 404, 408, 414, 418, 433 — 34, 436, 439—41, 459, 462, 491, 726.
Шеллинг, Фридрих-Вильгельм-Иосиф— 222, 454, 726.
Шенье, Андрей — 529.
Шервуд, Иван Васильевич — 174, 648, 758.
Шереметев, Дмитрий Николаевич — 762.
Шереметев, Дмитрий Петрович — 467, 562.
Шереметев, Николай Васильевич — 170, 187, 192—93.
Шереметева (рожд. Тютчева), Надежда Николаевна — 605.
Шидловские — 304.
Шидловский, Михаил Романович— 335.
Шиллер, Фридрих — 324, 326, 389, 428—29, 456, 459, 490, 502, 709, 726, 768.
Шильдер, Николай Карлович — 100, 120.
Шимков, Иван Федорович — 639, 692, 696, 722, 777.
Шимшев, поручик — 334.
Шипов, Сергей Павлович — 609, 621, 740, 759, 777.
Ширманн, баргузинский чиновник — 469—70.
Шишков, Александр Ардалионович — 84, 396.
Шишков, Александр Семенович — 221, 363, 537, 565—66.
Шишков, В. А., студент — 723.
Шкляревский, исправник — 334.
Шляпкин, Илья Александрович — 121, 776.
Шляхтинский, Андрей Иванович — 479—80, 485—86.
Шмидт, воспитанник Благородного пансиона — 507.
Шнеерсон, Мария Анатольевна — 480—81.
Шнейдер, Фердинанд — 55.
Шолье, Гильом-Амфри — 138.
Шредер, Н. И. — 758.
Штамбок, Анатолий Аронович — 756.
Штейн, Генрих-Фридрих-Карл — 632.
Штейнгель, Владимир Иванович — 47—48, 56, 59, 144, 164, 170, 172, 178, 202, 234—36, 382, 390, 469, 499, 628—30, 637, 672, 675—77, 709, 714, 716, 720, 730—31, 738, 741, 744, 770, 776—77.
Штейнгель (рожд. Вонифатьева), Пелагея Петровна — 709.
Штернберг (Штеренбенко), В. И. — 506.
Шторх, Александр Андреевич —203.
Штрайх, Соломон Яковлевич — 82, 282—86, 580, 771, 773, 779.
Штрик, знакомый Рылеева — 157.
Шуберт, Франц — 767.
Шувалов, Иван Иванович — 300, 736.
Шуйский, Василий Иванович — 421, 448.
Шуйский, Михаил — 689.
Шульгин, 1-й, Александр Сергеевич — 543.
Шульгин, Л., ген.-майор — 116, 118.

Щебальский, Петр Карлович — 570, 580, 595.
Щеголев, Павел Елисеевич — 80, 664, 704, 735, 754, 756, 759, 762, 766, 769, 773, 778—79.
Щегорин, купец — 761.
Щеколда — 766.
Щепилло (Щипилло), Михаил Алексеевич — 679.
Щепин-Ростовский, Дмитрий Александрович — 121, 178, 204, 474.
Щербатов, Михаил Михайлович — 562, 582, 595, 718.
Щербатов, Федор Александрович — 183, 602.
Щербинин, Михаил Андреевич — VIII.
Щипанов, Иван Яковлевич — 742, 775.
Щукин, Петр Иванович—395, 499—500.

Э., Е. А. — см. Энгельгардт Е. А.
Эйнгорн, Виктор — 128.
Экштейн, Фердинанд — 407, 408.
Элагобал (Эллиагобал), римск. имп.—585.
Энгельгардт, Василий Васильевич — 683.
Энгельгардт, Егор Антонович — 282, 345, 350, 354, 479, 484, 498, 500, 518, 522, 741, 744, 771.
Энгельке, Карл Федорович — 494—95.
Эренберг, Густав— 489—91.
Эристов, Дмитрий Алексеевич — 499.
Эрманрик — 590.
Эртель, В. А. — 518.
Эфрос, Наталья Давыдовна — VIII.

Югурта (Югурфа), нумидийский царь — 588, 597.
Юдин, Никифор — 299.
Юзефович, Д. М. — 304.
Юм, Давид — 586, 595—96.
Юмин, Иван Матвеевич — 200, 201.
Юнге (рожд. Толстая), Екатерина Федоровна — 753, 776.
Юницын, полковник — 105.
Юреневы — см. Юренские.
Юренские — 487—88.
Юренский, Иван А. — 488.
Юрьев, Иван — 200—01.
Юстин (Марк Юстиниан) — 597.
Юстиниан, имп.— 574.
Юферов, Александр Иванович — 338.
Юшневский, Алексей Петрович — 499, 603, 618, 642, 645—47, 649—50, 652, 658, 667—69, 752, 777.

Ядринцев, Николай Михайлович — 771.
Языков, Николай Михайлович — 212, 259, 501.
Яковлев, Михаил Лукьянович — 258—59, 266—67, 531.
Яковлев, Павел Лукьянович — 349, 354, 531—32, 534—36, 538—40, 725.
Яковлев, купец — 752.
Якубович, Александр Иванович—V, VIII, 172, 178, 183, 189, 192, 196, 204—05, 213, 215, 220, 224, 253, 274, 283, 499, 605, 650, 658, 678, 719, 750—51, 757, 777.
Якушкин, Вячеслав Евгеньевич—VI, 9—10, 14, 28, 177.
Якушкин, Евгений Евгеньевич — 9, 48, 56, 133, 769.
Якушкин, Евгений Иванович — 110, 675, 706, 741, 748, 750—51, 754, 757, 768.
Якушкин, Иван Дмитриевич — 398, 496, 605, 613, 616, 622—23, 628—29, 631, 687, 738—39, 747—49, 759—61, 764, 775—77.
Якушкины — V, VI, 14, 44, 48, 54, 706, 775—76.
Яник, М. — 515.
Ярослав Тверской — 412, 414.
Ярошевич, офицер — 681.
Яуцхи (Яухци), портной — 328—30.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ V

ИЗ НЕИЗДАННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ К. Ф. РЫЛЕЕВА

Предисловие 3

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

I. ДУМЫ, ПОЭМЫ, ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ ПРЕДИСЛОВИЯ К «ДУМАМ» 15
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРОФЫ ДУМЫ «ОЛЬГА ПРИ МОГИЛЕ ИГОРЯ» . . 19
ЧЕРНОВОЙ ОТРЫВОК ДУМЫ «РОГНЕДА» 20
ПРОГРАММА И ЧЕРНОВОЙ ОТРЫВОК ДУМЫ «ВЛАДИМИР СВЯТОЙ» 22
ОТРЫВКИ ДУМЫ «МАРФА ПОСАДНИЦА» 23
ИЗ ЧЕРНОВЫХ ВАРИАНТОВ ПОЭМЫ «НАЛИВАЙКО» 26
ДРАМАТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ 29
НОВЫЕ ТЕКСТЫ ПОЭМЫ «ВОЙНАРОВСКИЙ»
Статья Ю. Г. Оксмана 31
НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ ТРАГЕДИИ «ХМЕЛЬНИЦКИЙ»
Статья А. Г. Цейтлина 57

II. АГИТАЦИОННЫЕ ПЕСНИ

АГИТАЦИОННАЯ ПЕСНЯ «ЦАРЬ НАШ—НЕМЕЦ РУССКИЙ»
Статья Ю. Г. Оксмана 69
АГИТАЦИОННАЯ ПЕСНЯ «АХ, ТОШНО МНЕ И В РОДНОЙ СТОРОНЕ»
Статья Ю. Г. Оксмана 85
АГИТАЦИОННАЯ ПЕСНЯ «ВДОЛЬ ФОНТАНКИ РЕКИ» И УЧАСТИЕ А. И. ПОЛЕЖАЕВА В ЕЕ РАСПРОСТРАНЕНИИ
Статья Л. А. Мандрыкиной 101

III. СТИХОТВОРЕНИЯ И НАБРОСКИ

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ СТРОФА СТИХОТВОРЕНИЯ «СТАНСЫ» . . 123
КНЯЗЮ СМОЛЕНСКОМУ. ОДА 124
НЕИЗВЕСТНЫЙ ОТРЫВОК САТИРЫ «ПУТЬ К СЧАСТИЮ» 129
«ВОТЩЕ В РАЗЛИЧНЫЕ РЯДИМ ЕГО ОДЕЖДЫ» 131
ПЕРЕВОД БАЛЛАДЫ А. МИЦКЕВИЧА «СВИТЕЗЯНКА» 132
НАБРОСКИ РАЗНЫХ ЛЕТ 134

ИЗ НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКИ

ПИСЬМА РЫЛЕЕВА

ПИСЬМА К Ф. В. БУЛГАРИНУ, А. Ф. ВОЕЙКОВУ, П. А. ВЯЗЕМСКОМУ, Д. И. ЗАВАЛИШИНУ, Н. А. МАРКЕВИЧУ, В МОСКОВСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ, Ф. А. РЫЛЕЕВУ 137

ПИСЬМА К РЫЛЕЕВУ

ПИСЬМА ГАРДОВСКОГО, П. МИХАЙЛОВСКОГО, В. П. РОМАНОВА, Г. Р. и Ф. Р. УНГЕРН-ШТЕРНБЕРГОВ 156

Приложение: Библиография писем к Рылееву
Составила Л. Н. Назарова 163

БУМАГИ И ДОКУМЕНТЫ*

РАПОРТ КОМАНДИРУ 11-й КОННО-АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ РОТЫ 165

ЗАПИСКА О НЕДОПУЩЕНИИ ИНОСТРАННЫХ КУПЦОВ К ЗАНЯТИЮ ПРОМЫСЛАМИ НА ТЕРРИТОРИИ, УПРАВЛЯВШЕЙСЯ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИЕЙ 166

РЫЛЕЕВ НА СЛЕДСТВИИ

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ О ДЕКАБРИСТАХ

Публикация, вступительная статья и комментарии Т. Г. Снытко 169

ПОКАЗАНИЯ РЫЛЕЕВА 179
СВИДЕТЕЛЬСТВА ДЕКАБРИСТОВ О РЫЛЕЕВЕ 206

ВОСПОМИНАНИЯ О РЫЛЕЕВЕ

ВОСПОМИНАНИЯ О РЫЛЕЕВЕ ЕГО СОСЛУЖИВЦА ПО ПОЛКУ А. И. КОСОВСКОГО (1814—1818)

Публикация А. Г. Цейтлина 237

РАССКАЗЫ О РЫЛЕЕВЕ РАССЫЛЬНОГО «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ»

Публикация Ю. Г. Оксмана 251

СООБЩЕНИЯ

ОБ АВТОРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «НА СМЕРТЬ К. П. ЧЕРНОВА»

Сообщение А. Г. Цейтлина . . . . . .

ОБ АВТОРЕ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ПЕСНИ «ПОДГУЛЯЛА Я»

Сообщение А. А. Осокина . . . . . .

О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ РЫЛЕЕВУ РЕЦЕНЗИИ НА «МНЕМОЗИНУ»

Сообщение М. К. Константинова 273

МНИМОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ РЫЛЕЕВА

Сообщение Е. Г. Бушканца 285

---

* В публикации автографов Рылеева и писем к нему принимали участие Ю. Г. Оксман, Н. И. Прокофьев, Т. Г. Снытко и А. Г. Цейтлин.

РЫЛЕЕВ В «ДЕЛЕ» О ВОЛНЕНИИ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН ГРАФА РАЗУМОВСКОГО

Сообщение И. И. Игнатович 289

НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ РЫЛЕЕВА «ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»

Сообщение Л. Н. Назаровой 300

О БИБЛИОТЕКЕ РЫЛЕЕВА

Сообщение А. Г. Цейтлина 315

ВЫПИСКИ РЫЛЕЕВА ИЗ КНИГ АНТИЧНЫХ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Сообщение Г. А. Рязанцева 323

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЛА РЫЛЕЕВА ВО ВРЕМЯ ЕГО ПРЕБЫВАНИЯ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Сообщение А. Г. Цейтлина 327

МАТЕРИАЛЫ К ЦЕНЗУРНОЙ ИСТОРИИ СОЧИНЕНИЙ РЫЛЕЕВА

Сообщение Г. А. Рязанцева 331

ИЗ НЕИЗДАННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

ЛЕКЦИЯ КЮХЕЛЬБЕКЕРА О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЯЗЫКЕ, ПРОЧИТАННАЯ В ПАРИЖЕ В 1821 г.

Публикация и предисловие П. С. Бейсова 345

Статья Б. В. Томашевского 355

СТАТЬЯ КЮХЕЛЬБЕКЕРА «ПОЭЗИЯ И ПРОЗА» (1835—1836)

Вступительная статья В. Н. Орлова 381

ИЗ НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКИ

ПИСЬМА КЮХЕЛЬБЕКЕРА ИЗ КРЕПОСТЕЙ И ССЫЛКИ (1829—1846)

ПИСЬМА К Э. Ф. БРЕЙТКОПФ, М. Н. ВОЛКОНСКОЙ, А. Г., Б. Г., НАТ. Г., НИК. Г., Ю. Г. и Ю. К. ГЛИНКАМ, Н. И. ГРЕЧУ, В. А. КАЗАДАЕВУ, Ю. К. и Ю. Я. КЮХЕЛЬБЕКЕР, Н. А. ПОЛЕВОМУ, И. И. ПУЩИНУ, П. Н. СВИСТУНОВУ, С. П. ТРУБЕЦКОМУ

Предисловие и комментарии В. Н. Орлова 395

ПИСЬМА К КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

ПИСЬМА В. Д. ВОЛЬХОВСКОГО, Г. А. ГЛИНКИ, А. КРАЕВСКОГО, А. А. МОРДВИНОВА, А. В. ПОДЖИО, И.И.ПУЩИНА, М. А. ФОНВИЗИНА, А. И. ШЛЯХТИНСКОГО

Публикация и комментарии М. Ю. Барановской, Д. Б. Кацнельсон, Е. Д. Петряева и М. А. Шнеерсон 479

Приложение: Библиография писем к Кюхельбекеру

Составила Л. Я. Вильде. 499

ВОСПОМИНАНИЯ О КЮХЕЛЬБЕКЕРЕ

ВОСПОМИНАНИЯ Н. А. МАРКЕВИЧА О ВСТРЕЧАХ С КЮХЕЛЬБЕКЕРОМ В 1817—1820 гг.
Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма
Предисловие А. А. Орловой 501

ВОСПОМИНАНИЯ А. РЫПИНСКОГО О ВСТРЕЧАХ С КЮХЕЛЬБЕКЕРОМ В ДИНАБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ
Публикация Д. Б. Кацнельсон 513

СООБЩЕНИЯ

НОВОЕ О ТРАГЕДИИ КЮХЕЛЬБЕКЕРА «АРГИВЯНЕ»
Сообщение Э. Э. Найдича 517

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КЮХЕЛЬБЕКЕРА НАКАНУНЕ 14 ДЕКАБРЯ
(ПО НЕИЗДАННЫМ ПИСЬМАМ А. Е. ИЗМАЙЛОВА)
Сообщение М. К. Константинова 531

РОЗЫСКИ КЮХЕЛЬБЕКЕРА В ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ДЕКАБРЕ 1825 г.
Сообщение Г. М. Дейча 541

ПОСЛЕДНЯЯ СТАТЬЯ КЮХЕЛЬБЕКЕРА
Сообщение М. К. Азадовского 547

ДЕКАБРИСТЫ — КРИТИКИ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» Н. М. КАРАМЗИНА

ДЕКАБРИСТ МИХАИЛ ОРЛОВ — КРИТИК «ИСТОРИИ» Н. М. КАРАМЗИНА
Публикация и комментарии Л. Я. Вильде
Вступительная статья М. В. Нечкиной 557

ЗАПИСКА НИКИТЫ МУРАВЬЕВА «МЫСЛИ ОБ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО Н. М. КАРАМЗИНА»
Публикация, вступительная статья и комментарии И. Н. Медведевой 569

ОБЗОРЫ

ЗАТЕРЯННЫЕ И УТРАЧЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ
Историко-библиографический обзор М. К. Азадовского . . . 601

I. ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ РАННЕЙ ПОРЫ ДЕКАБРИЗМА 608
II. УСТАВНО-ПРОГРАММНЫЕ ПАМЯТНИКИ СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВИЯ И ЕГО ФИЛИАЛОВ 617
III. ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ПОПЫТКАМ ЛЕГАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ 628
IV. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ ДЕКАБРИСТОВ 636
V. УСТАВЫ И ПРАВИЛА СЕВЕРНОГО И ЮЖНОГО ОБЩЕСТВ 643
VI. ПРОГРАММНО-ТАКТИЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА 648

VII. ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ОБЩЕСТВА СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН 660
VIII. АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ. ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. П. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА 664
IX. ЛИТЕРАТУРА ДНЕЙ ВОССТАНИЙ В ПЕТЕРБУРГЕ И НА ЮГЕ . . . 674
X. ПОЭТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ 682
XI. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА ДЕКАБРИСТОВ 710
XII. ДЕКАБРИСТСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА 716
XIII. КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ 724
XIV. ИСТОРИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ 731
XV. ДНЕВНИКИ И МЕМУАРЫ ДЕКАБРИСТОВ 744

Список условных сокращений 778

Именной указатель
Составила Э. Г. Кондорская 780

В ТОМЕ 263 ИЛЛЮСТРАЦИИ И ДВЕ ФОТОТИПНЫЕ ВКЛЕЙКИ

Утверждено к печати
Отделением литературы и языка
Академии Наук СССР

*

Редакторы издательства *Н. И. Игнатова* и *А. Т. Лифшиц*
Технический редактор *Г. Н. Шевченко*
Корректор *В. Г. Богословский*

*

РИСО АН СССР № 2-65 Р.
Т-08198. Издат. № 85. Тип. заказ № 1574.
Подп. к печ. 9/XII 1953 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆.
Бум. л. 25,5+2 вклейки. Печ. л. 69,87+2 вклейки.
Уч.-издат. л. 74,8+2 вкл. (0,2 уч.-издат. л.)
Тираж 10 000.

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 18.
Телефон Г 5-29-66.

Цена по прейскуранту 1952 г. 47 руб.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР,
Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Надо читать
VI	29 св.	Этот раздел	Эта подборка
VIII	33 св.	П. П. Кавериным» и М. А. Щербининым	П. П. Кавериным и М А. Щербининым»
172	18 св.	по Первому пажескому корпусу	по Первому кадетскому корпусу
276	сн.	Булгартин	Булгарин
278	10 сн.	напыщенным»	напыщенным
286	17 и 7 сн.	А. А. Федоров	А. В. Федоров
569	Заголовок	«Мысли об истории государства российского» Н. М. Карамзина	«Мысли об истории государства российского Н. М. Карамзина»
587	сн.	Мысли о истории государства российского	Мысли о истории российского государства
698	23 сн.	В. Ю. Ланской	В. И. Ланской
733	2 сн.	конец 1830-х — начало 1840-х гг.	1837 г.
756	24 сн.	А. А. Штамбок	М. А. Штамбок
759	4 сн.	М. В. Нечкина. Союз Спасения	М. В. Нечкина. Грибоедов.